

VADEMECUM

К 65-летию
Лазаря Флейшмана

VADEMECUM

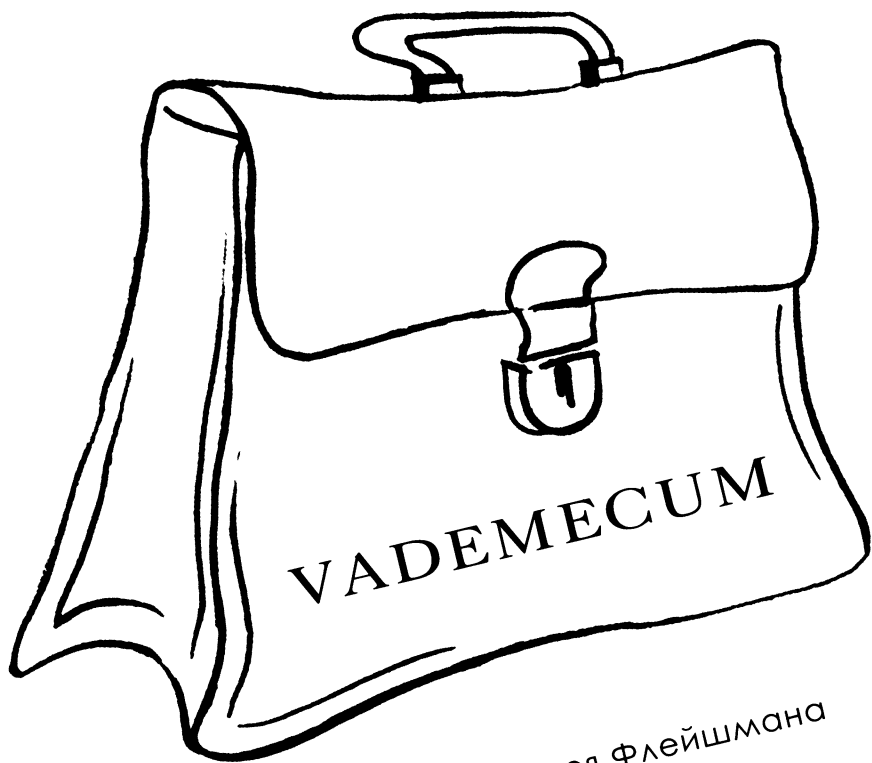
К 65-летию Лазаря Флейшмана

Nicht Nixen, Nymphen, Sylphen, Elfen,
Musen oder Feen
Für dich will ich die Motten versteh'n
die können nicht widersteh'n
Für dich bin ich ein Phönix nur,
Geschichte ist bekannt
Nur immer wieder, nimmer, nimmer nichts
dazugelernt

Blixa Bargeld

К 65-летию Лазаря Флейшмана

Издатель Евгений Кольчужкин
Продюсер Андрей Устинов

Обложка и рисунок Инна Разумова
Фотография Михаил Лемхин

Составление и редакция Андрея Устинова

VADEMECUM: In Honor of Lazar Fleishman
Edited by Andrey Ustinov

Составитель и издательство благодарят К.М. Поливанова
за помощь в подготовке книги

ISBN 978-5-91763-003-8

© Авторы, 2010

© Издательство «Водолей», оформление 2010

© А. Устинов, составление, 2010

© Blixa Bargeld, lyrics for «Salamandrina», 2010

© М. Лемхин, фотография, 2010

© И. Разумова, рисунок, 2010

LAZAR FLEISHMAN
SUB SPECIE SLAVISTICAE

This volume, consisting mostly of hitherto unpublished literary documents, is offered as a tribute to Lazar Fleishman on his 65th birthday, celebrating his signal scholarly achievements. His productive apprentice years in the Baltic states have been followed by teaching posts in Jerusalem, Berkeley, Cambridge, New Haven and finally, Palo Alto. From his distant outpost at Stanford Fleishman has for many years now managed to play a significant part in Russian cultural life, especially since the collapse of the Soviet Union made access so much easier. However, he is at the same time a significant figure on the international scene and in American Slavic studies and a teacher who has inspired many students and colleagues to emulate his own high standards of scholarship.

If there is an overarching theme in Fleishman's career, besides the rigorous pursuit of truth that has always been his unswerving commitment, it is the effort to see Russian literature of the twentieth century as an integral whole. The literature produced by émigrés and that written at home have been perceived not as separate entities isolated from one another, but as component parts of a single body, in a continuous process of interrelation and interaction with one another despite the artificial barriers erected between them of censorship and persecution on one side and hostility and prejudice on the other. Ultimately all Russian literature remains one literature produced by one people. Over the years Fleishman has pulled together a huge quantity of material from both sides of the artificial divide and interpreted it with unflinching clarity and depth.

No doubt a particular reason for this inclusive perspective may be Fleishman's long concentration on the life and work of Boris Pasternak, for as he has vividly shown, perhaps more than any other "Soviet" writer, Pasternak always saw his own work in a global framework, addressed to, drawing on, and part of all Russian—and indeed world—literature, past and present. Fleishman's books on Pasternak are now classics, indispensable keys to understanding and appreciating the poet's life and works. The books, two earlier ones on the 1920s and 1930s were extensively revised, brought up to date and reissued in St. Petersburg in 2003 and 2005. Earlier, in 1990 Fleishman had published a succinct English-language version, *Boris Pasternak: The Poet and His Politics*. These comprehensive studies have been supplemented by additional Pasternak research included in the recent

volume of Fleishman's miscellaneous articles, *Ot Pushkina k Pasternaku: Literaturnye raboty po poetike i istorii russkoi literatury* (2006). All this work is meticulously researched and cogently and sensibly argued, and it leads one to share even more closely Fleishman's deep admiration for the amazing courage and artistic integrity of this great poet.

Fleishman, however, is in no sense a *homo unius poetae*, nor is he confined to one analytic or scholarly method. He is perhaps most famous for his historico-biographical studies of Pasternak's career and of the émigré periodical press (of which he has unparalleled knowledge), but his range of both topics and skills is by no means so limited. The articles included in the 2006 collection show him, in his study of the elegy in the Pushkin era, thoroughly adept at genre theory. The article on Pushkin's "Tsygany" likewise reveals a real master of what was once known as "slow reading," an analysis of such semantic clusters in the poem as "life," "day," "night," and "morning" and their structural effects; and a recent study of "Poltava" demonstrates Fleishman's total mastery of up-to-date narratological techniques.

Articles in the same collection show Fleishman's wide-ranging explorations and elucidations of Russian literature both of the emigration and of the homeland. He offers studies of Remizov, of the "terrorist-poet" Elena Ferrari, and of Boris Bozhnev, a poet whom he virtually re-discovered. Among Soviet Russian writers we find studies of Daniil Kharms and Mandelstam, and an article on Isaak Babel's last years revealingly (and tragically) explores his relations with such émigrés as Boris Nikolaevskii. His recent investigation of an infamous Soviet conspiracy, *V tiskakh provokatsii. Operatsiia "Trest" i russkaia zarubezhnaia pechat'* (Moscow, 2003) is a prime example of Fleishman's remarkable research skills and of his intuition, a quality that allows him to trace intricate connections, recall telling minutiae and solve seemingly inexplicable puzzles.

Lazar Fleishman possesses rare intellectual energy and perseverance—and a gift for friendship and cooperation with other scholars. For all his independence, Fleishman has an exceptional talent for collaboration. Whatever the project or the size of an editorial board, his has been the guiding intelligence and expertise behind such enterprises as *Slavica Hierosolymitana*, *Modern Russian Literature and Culture* (Berkeley) and *Stanford Slavic Studies*.

That this volume focuses on publications seems especially appropriate, since unearthing buried texts has been a prominent feature of Fleishman's extraordinary output. The scope and energy of his investigations are remarkable. He seems to have found and explored archives and libraries and files of old newspapers everywhere, including most émigré centers, not only Berlin and Paris, but also Prague, Riga and Tallinn, not to men-

tion libraries nearer at hand, and in his earlier years even in Soviet Russian archives then so frequently off-limits.

Professor Fleishman's energy, dedication, range and talent, on display throughout his career, are in every way outstanding. Several of his colleagues and pupils therefore take pleasure in offering this volume to him in token of our admiration and gratitude.

Robert Hughes

Hugh McLean

Olga Raevsky-Hughes

April 2009

И ЕЩЕ ОДНА МАРГИНАЛИЯ К ПЕРЕПИСКЕ ЧААДАЕВА

Александр Осоват

Продолжая ревизию публикаций эпистолярного наследия Чаадаева (ПЧ)¹, обратимся сейчас к документу, которым открывается сохранившийся корпус его переписки с Александром Тургеневым (АТ). Интересующая нас корреспонденция была напечатана дважды и почти одновременно – в томе неизданных писем и фрагментов ПЧ, вышедшем под грифом Славянской библиотеки в Медоне [Tchaadaev 1990: 16], и в наиболее полном на сегодняшний день собрании сочинений [Чаадаев II: 13-14], причем в обоих случаях источником публикации являлась копия, сделанная Д.И. Шаховским и сохранившаяся в его архиве (РО ИРЛИ). Ниже текст приводится по автографу (ОПИ ГИМ. Ф. 247. Оп. 1. № 3. Л. 135-135 об.)²:

Его превосходительству М.<илостивому> Г.<осударю> Александру Ивановичу Тургеневу <sic!>

Мне случилось,<> почтеннейший Александр Иванович,<> просить Васильчикова об Глинке. Он обещался мне писать Князю Дмитр<ию> Владимировичу Голицыну, и,<> кажется,<> доволен этим предложением. Спросите, прошу вас, Глинку,<> согласен ли он на это; если он согласен, то В.<асильчиков> сей час отпишет. Между тем должен я вам сказать, что,<> видевши вчера Закревского, я ему про это говорил,<> и он думает,<> что Голицыну откажут; но,<> сколько я знаю этого роду дела, он,<> кажется,<> ошибается. Не худо бы было,<> если бы вы мне могли дать какой-нибудь ответ сюда в Красное Село.

Примите,<> почтеннейший Александр Иванович,<> уверения в моем сердечном почтении, и поклонитесь братцу вашему. Много бы еще вещей <?> всякого рода мог бы и вам, и ему насказать, но бумага протекает, лучше оставить это до первого свидания. Между тем в нашей блистательной сфере пустомелей наберется еще кой-каких гадостей.

Ваш П. Чаадаев
Увеселительный лагерь
в Красном Селе.
Четверг

Эта записка несомненно относится к 1820 г., но не к зиме (как следует из редакторской пометы в медонском издании: «avant mars 1820» [Tchaadaev 1990: 234]), а к лету – ее местоположение в московском издании определено по связи с письмом от 7 июня 1820 г., где ПЧ уведомлял брата: «...и теперь мне должно отправляться в Красное село...» ([Чаадаев II: 13]; ср. [Там же: 292]). С учетом того, что в 1820 г.

маневры гвардии в Красном селе³ в действительности начались около 9–10 июля⁴ и продолжались один месяц (см. [Пыляев 1996: 460]), можно предложить уточняющую датировку – один из четырех *четвергов*: 10, 17, 24 июня и 1 июля⁵.

Хотя «[и]з содержания письма не понятно, о чем именно хлопотал Чаадаев за Ф.Н. Глинку» ([Чаадаев II: 292]; сохраняем стилистические особенности комментария к московскому изданию)⁶, представляется возможным очертить хотя бы приблизительные контуры ситуации, стоявшей за этими строками.

К лету 1820 г. карьеры адресанта и адресата достигли своих вершин. ПЧ – ротмистр лейб-гвардии гусарского полка, адъютант (третий по старшинству, но первый по неформальной иерархии) командующего Гвардейского корпуса генерал-лейтенанта князя И.В. Васильчикова; ему уже обещаны флигель-адъютантские аксельбанты. АТ – действительный статский советник и камергер, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства духовных дел и народного просвещения, помощник статс-секретаря Государственного совета по Департаменту законов⁷. Оба они принадлежали влиятельному кругу петербургских «либералистов», активную роль в котором также играли два поименованных в записке члена Союза Благоденствия – Федор Глинка, полковник Главного штаба, с марта 1819 г. состоявший по особым поручениям при петербургском военном генерал-губернаторе генерале от инфантерии графе М.А. Милорадовиче, и младший братец АТ Николай Тургенев (НТ)⁸, статский советник, помощник статс-секретаря Государственного совета по Департаменту экономии, управляющий 3-м отделением канцелярии министерства финансов⁹. Усилиями АТ и НТ, поддержавших инициативу служившего тогда в Варшаве П.А. Вяземского, в первой половине 1820 г. была организована подписка влиятельных лиц из числа состоятельных душевладельцев под обращением к Александру I в пользу освобождения крестьян (сводку фактических и библиографических данных см. [Курилкин 2001: 701-702]; взгляды АТ и НТ на этот счет полностью разделялись ПЧ и Глинкой¹⁰). На высочайшее неодобрение «аболиционистского проекта» (по слову А.Н. Шebuнина), о котором стало известно около 1 июня 1820 г. (см. [АбТ 5: 232]), в публике немедленно отреагировали толками о «якобинстве» братьев Тургеневых (см. дневниковую запись НТ от 7 июня [Там же] и письма АТ и НТ Сергею Тургеневу от 12 июня [Тургенев Н. 1936: 303-304, 434]), – и это может дать ключ к расшифровке заключительной реплики комментируемой записки (...в нашей блистательной сфере пустомелей наберется еще кой-каких гадостей).

Буквально в те же дни получило резонанс еще одно событие. Федор Глинка, успевший завоевать неограниченную доверенность свое-

го патрона (в том числе, по разным сведениям, и в делах секретного политического свойства; см. [Базанов 1964: 135; Бокова 2003: 369-370]), выказал решительное намерение оставить службу при Милорадовиче (см. [Шебунин 1936: 69])¹¹. 6 июня 1820 г. он писал Н.М. Лонгинову (секретарю императрицы Елизаветы Алексеевны) о поисках нового «места» –

...только такого места, где бы мог быть истинно полезным и оправдать в полной мере доброе о себе мнение благодетельствующих мне ([Шебунин 1936: 70]; вторично, без ссылки и с ошибочным чтением предпоследнего слова [Базанов 1964: 14]).

К этому времени Глинка уже подал генерал-майору А.А. Закревскому, дежурному генералу Главного штаба (начальствовавшему в Инспекторском и Аудиторском департаментах)¹², проект, предусматривавший его вступление в должность «главного инспектора всех военно-сиротских отделений для общего управления оными и для сочинения особых книг, необходимых военным кантонистам и читающим солдатам»; препровождая вместе с цитированным письмом его копию, автор взывал к Лонгинову:

Ваше одобрение придаст ему больший вес, а ваше старание склонит Арсения Андреевича <Закревского>, и без того уже готового на всякое добро, дать лучший ход сему предложению; я, со своей стороны, готов писать, ездить и трудиться... [Шебунин 1936: 69-70; Базанов 1964: 14].

Таков контекст, окружающий записку ПЧ. Здесь, по всей вероятности, подразумевается некий альтернативный вариант устройства карьеры Глинки, возникший в дружеской среде и им самим еще не вполне обдуманной. Главная фигура в запланированной комбинации – недавно назначенный (6 января 1820 г.) военный генерал-губернатор Москвы (управлявший также гражданской частью) генерал от кавалерии князь Д.В. Голицын, и, таким образом, можно предположить, что дело шло о переезде Глинки в старую столицу. Роль же ходатая за Глинку хорошо подходила Васильчикову: он вообще охотно исполнял подобные просьбы ПЧ, а в данной ситуации принимались в расчет и отношения между близкими свойственниками (Голицын был женат на сестре Васильчикова). С «московским» вектором согласуется и адресация записки; АТ, пользовавшийся обширными связями во властных сферах обеих столиц, лучше других мог быть информированным о новых порядках в Москве, где весной 1820 г. он провел около трех недель (см. [АБТ 5: 225, 229; ИВ 1881. № 5: 30])¹³.

Данными, которые позволили бы конкретизировать обсуждавшиеся летом 1820 г. виды на московскую карьеру Глинки, мы не располагаем. Впрочем, в свете его педагогических устремлений, отчетливо выраженных в упомянутом проекте на имя Закревского (и закрепленных, в

частности, его участием в обществе для заведения училищ взаимного обучения; см. [Греч 1930: 407]), рискнем соотнести записку ПЧ и письмо НТ Сергею Тургеневу от 30 ноября 1820 г.:

В Москве частные люди хотят завести центральное училище по Ланкастеровой методе; но не имеют еще позволения. <...> Московский генерал-губернатор, человек весьма добрый и не враг просвещения, покровительствует сему рождающемуся заведению [Тургенев Н. 1936: 322]¹⁴.

Ответ на записку ПЧ (если таковой существовал) не сохранился, но известно, что АТ не оставил Глинку своей поддержкой. 8 сентября он сообщал Вяземскому:

Между тем Милорадович грозит ему <Глинке> за то, что он не хотел служить при нем. Скажи об этом князю Меншикову¹⁵, к которому я уже писал о Глинке... [ОА II: 62-63].

Вскоре, однако, Глинка отказался от надежд снискать другую должность, и АТ соучаствовал в его примирении с петербургским генерал-губернатором. Менее чем через месяц, 6 октября 1820 г., АТ уведомил Вяземского, что Глинка

...опять при графе Милорадовиче, который ласками, извинениями, но более всего пользою службы убедил его остаться при нем. Скажи об этом князю Меншикову <...> скажи это <С.С.> Потоцкой: она вспомнит мои прения за ее столом о Глинке с Милорадовичем [Там же: 84].

С более широкой точки зрения записка ПЧ документирует один из эпизодов истории либеральной протекции в Александровскую эпоху. В апреле 1820 г. хлопоты и советы целого ряда лиц – в том числе ПЧ, АТ и Глинки – споспешествовали тому, что полицейский розыск о «навешанных анархической доктриной» стихотворениях Пушкина имел последствием лишь перевод автора на службу в южные края; спустя всего два месяца этот механизм был запущен уже в интересах Глинки.

п р и м е ч а н и я

¹ См., напр. [Мильчина, Осповат 1995/96; 2006; 2008].

² Сверка произведена М.Б. Велижевым.

³ *Красное село* – населенный пункт, располагавшийся в 25 верстах юго-западнее столицы (на Дудергофских горах); летом превращался в военный городок.

⁴ См. в письме от 12 июня 1820 г.: «Князь <А.С.> Меншиков <генерал-адъютант, директор канцелярии начальника Главного штаба> <...> то в лагере, то в Царском Селе» [Тургенев Н. 1936: 304]. Ср. помету в публикуемой записке: *Увеселительный лагерь*.

⁵ Поскольку ПЧ просит адресовать ответ в *Красное село*, следующий четверг (8 июля) надо исключить.

⁶ В медонском издании комментариев сводится к пересказу (резюме?) фрагмента, извлеченного из подготовительных материалов Шаховского: “Chakhovskoi a suggéré que le désir de Glinka d’être transféré de Pétersbourg à Moscou était lié à ses activités dans les sociétés secrètes” [Tchaadaev 1990: 235]. Гипотеза о подразумеваемом переезде Глинки

в Москву имеет под собой все основания, но каких-либо импликаций политического свойства мы здесь не усматриваем (см. ниже).

- ⁷ Знакомство АТ и ПЧ (возможно, через посредство брата; см. примеч. 8) произошло около 1810 г. (см. [Тургенев А. 1939: 248]), но их контакты в первой половине 1820-х гг. носили скорее деловой, нежели приятельский характер (о чем свидетельствуют и дважды введенная в записку ПЧ этикетная формула *почтеннейший*).
- ⁸ На допросе в Брест-Литовске 26 августа 1826 г. ПЧ показал, что он «учился вместе» с НТ в Московском университете [Шаховской 1935: 20]; таким образом, их знакомство могло состояться в 1808 г., когда первый начинал, а второй заканчивал университетский курс. По возвращении НТ из Европы они постепенно сблизились: доверительная беседа, состоявшаяся 8 июня 1821 г., существенно повлияла на решение ПЧ вступить в тайное общество (см. [АБТ 5: 268-269]; ср. [Шаховской 1932: 169-170]); очевидно, около этого времени ПЧ посвятил НТ в подробности своего объяснения с Александром I в Троппау (см. [Тургенев Н. 2001: 558-559]).
- ⁹ Именно в таком составе кружок честолюбивых демагогов, пестующий юного «гения Дамазита» (Пушкина), выведен в не предназначавшейся для печати сатире Аркадия Родзянко «Два века» (1822). Здесь под маской «важного Крита» («Кипя равно подрить и алтари и троны, / В Квириго метит он, а там в Наполеоны») фигурирует НТ (или ПЧ), под маской «Клерака» («Ученый с легкостью и с притиском остряк <...> / К честям широкий путь он видит пред собой») – Глинка, под маской «Корда» («Вчерашний Дидерот, сегодняшний библейщик, / Всех обществ, всех начал Тартюф и переметчик») – АТ. См. [Вацуро 1971: 57-61].
- ¹⁰ См. [Чаадаев II: 413-414; АБТ 5: 234; Тургенев Н. 2001: 253]. Посетuem, кстати, на задержку давно анонсированной (см. [Курилкин 2001: 703]) публикации «Из писем Ф.Н. Глинки Н.И. Тургеневу».
- ¹¹ Причины, характер и хронологические рамки конфликта Глинки и Милорадовича до сих не прояснены. Весьма желательно, в частности, продолжить дебаты по поводу не раз вводившейся в оборот их переписки: в последней по времени републикации она отнесена к 1821 г. и поставлена в связь с последовавшим вскоре уходом Глинки от Милорадовича (см. [Шубин 1986]), однако в научной литературе эта датировка или не подтверждается (см. [Ильин-Томич 1992: 308]), или оспаривается (см. [Бокова 2003: 374-376]). Обратим внимание и на то, что, согласно формулярному списку от 1 января 1822 г., Глинка «состоял по армии» уже с 5 июня 1821 г. [ВД XX: 94-95].
- ¹² В качестве потенциального сочувственника хлопотам за Глинку он упоминается и в записке ПЧ. К заступничеству Закревского, которому братья Чаадаевы были обязаны производством в прапорщики после Бородинского сражения (см. [Свербеев II: 386; Жихарев. 1989: 60. Примеч.*]; ср. позднейшую легенду – возможно, восходящую к самому ПЧ, – где он выступает покровителем молодого офицера Закревского [Оболенский 1893: 354]), ПЧ прибегал и в период своей военной службы (см. [Чаадаев II: 579]), и в пору, когда его старый знакомый был московским военным генерал-губернатором (см. [Свербеев II: 394, 408; Чаадаев II: 522]).
- ¹³ То, что он встречался тогда с генерал-губернатором, кажется очень вероятным. В дальнейшем АТ и Голицына связывали приятельные отношения.
- ¹⁴ См. в письме А.Я. Булгакова П.А. Вяземскому от 4 марта 1820 г.: кн. Д.В. Голицын «очень ласков, учтив и жаелает душевно добра...» [ИВ. 1881 № 5: 28].
- ¹⁵ См. примеч. 4.

И С Т О Ч Н И К И

АБТ 5 – Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Пг., 1921.

Базанов 1964 – Базанов В.Г. Ученая республика. М.; Л., 1964.

- Бокова 2003 – *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.
- Вацуро 1971 – *Вацуро В.Э.* Пушкин и Аркадий Родзянко (Из истории гражданской поэзии 1820-х годов) // *Временник пушкинской комиссии.* 1969. Л., 1971.
- ВД XX – Восстание декабристов: Документы. Т. XX. М., 2001.
- Греч 1930 – *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.
- Жихарев 1989 – *Жихарев М.И.* Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // *Русское общество 30-х годов XIX века: Люди и идеи. Мемуары современников.* М., 1989.
- ИВ – Исторический вестник.
- Ильин-Томич 1992 – *Ильин-Томич А.А.* Комментарий // *Азадовский М.К.* Страницы истории декабризма. Кн. 2. [Иркутск], 1992.
- Курилкин 2001 – *Курилкин А.Р.* Комментарий // *Тургенев Н.* 2001.
- Мильчина, Осповат 1995/96 – *Мильчина В.А., Осповат А.Л.* К изданию писем Чаадаева (критические заметки) // *Седьмые Тыняновские Чтения: Материалы для обсуждения.* Рига; М., 1995–96.
- Мильчина, Осповат 2006 – *Мильчина В.А., Осповат А.Л.* Неопубликованное письмо Чаадаева // *Собрание сочинений: К 60-летию Льва Иосифовича Соболева.* М., 2006.
- Мильчина, Осповат 2008 – *Мильчина В.А., Осповат А.Л.* Из маргиналий к переписке Чаадаева // *Габриэлиада: к 65-летию Г.Г. Суперфина* (<http://www.ruthenia.ru/document/545413.html>) <2008>.
- ОА II – Остафьевский архив князей Вяземских. Т. II. СПб., 1899.
- Оболенский 1893 – *Оболенский Д.Д.* Наброски из прошлого // *ИВ.* 1893. № 11.
- ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- Пыляев 1996 – *Пыляев М.И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга / Изд. с дополнениями М.И. Пыляева, научным комментарием <...>. СПб., 1996.
- РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы.
- Свербеев II – Записки Дмитрия Николаевича Свербеева. Т. II. М., 1899.
- Тургенев А. 1939 – Письма Александра Тургенева братьям Булгаковым. М., 1939.
- Тургенев Н. 1936 – Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.; Л., 1936.
- Тургенев Н. 2001 – *Тургенев Н.* Россия и русские / Пер. с франц. С.В. Житомирской. М., 2001.
- Чаадаев II – *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма / Новые переводы Д.И. Шаховского, Л.З. Каменской, М.П. Лепехина, В.В. Сапова / Сост. и коммент. С.Г. Блинова, Л.З. Каменской, З.А. Каменского, М.П. Лепехина, В.В. Сапова, М.И. Чермерисской. Т. II. М., 1991.
- Шаховской 1932 – *Шаховской Дм.* Якушкин и Чаадаев (По новым материалам) // *Декабристы и их время.* Т. II. М., 1932.
- Шаховской 1935 – *Шаховской Д.* Чаадаев на пути в Россию в 1826 году // *Литературное наследство.* Т. 19/21. М., 1935.
- Шебунин 1936 – *Шебунин А.Н.* Пушкин и «Общество Елизаветы» // *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии.* Т. 1. М.; Л., 1936.
- Шубин 1986 – Письмо Ф.Н. Глинки М.А. Милорадовичу / Публикация В.Ф. Шубина // *Русская литература.* 1986. № 2.
- Tchaadaev 1990 – *Tchaadaev Pierre.* Œuvres inédites ou rares / Editées par R. McNally, F. Rouleau et R. Tempest. Meudon, 1990.

ИЗ ГАЗЕТ

(К генезису замысла «Моцарта и Сальери»)

Александр Долинин

Как мы знаем из дневника М.П. Погодина, 10 сентября 1826 г., то есть через два дня после возвращения из ссылки в Москву, Пушкин, рассказывая Веневитинову о своих новых произведениях и замыслах, назвал среди них и «Моцарта и Сальери». Вопрос о том, откуда Пушкину к осени 1826 г. стала известна легенда об отравлении Моцарта его завистливым соперником, давно занимает любознательные умы. Ясно, что немецкие и итальянские журналы 1824–1826 гг. (главным образом, музыкальные), в которых, как установили исследователи, изредка упоминались слухи о самооговорах повредившегося умом Сальери, якобы признавшегося в убийстве¹, в круг чтения Пушкина не входили, а среди его собеседников в Михайловском не было знатоков, способных ему об этих слухах рассказать. Поэтому можно с полной уверенностью предположить, что какие-то сообщения о признаниях Сальери дошли до Пушкина еще до высылки в Михайловское, весной или в начале лета 1824 г. в Одессе.

Восемьдесят лет назад В.А. Францев вскользь заметил, что легче всего Пушкин мог узнать легенду из французских газет². Однако до сих пор была найдена лишь одна французская публикация, имеющая отношение к делу: письмо в защиту Сальери немецкого композитора Сигизмунда Нейкома (Sigismond Neukomm), напечатанное в парижской газете “*Journal des Débats*” 17 апреля 1824 г.³ В это время Нейком жил в Париже, что подтверждается и пометой в письме: «Париж. 15 апреля 1824 г.». Указанная дата имеет большое значение, ибо именно 15 апреля в той же “*Journal des Débats*” появилась следующая заметка, оставшаяся незамеченной как биографами Сальери, так и комментаторами «маленьких трагедий»:⁴

Un journal parle aujourd’hui de l’empoisonnement de Mozart par Salieri, comme d’un fait avéré. Voici ce qu’écrivait de Vienne un artiste qui voit fréquemment l’illustre compositeur, dont on veut faire un Desrues ou un Castaing: “Nous avons été fort étonnés de lire dans plusieurs journaux de France, et même d’Allemagne, que Salieri s’étoit coupé la gorge dans un hôpital de Vienne où il avoit loué une chambre tout exprès. Ce vieillard vit toujours au milieu de sa famille dont il est aussi soigné que chéri. Mais il est vrai que l’âge a un peu altéré sa raison. Et voici une preuve bien singulière: Une de ses manies est de tirer à l’écart toutes les personnes de sa connoissance, et de leur dire avec une physio-

nomie toute riante: "J'ai une petite confidence à vous faire; c'est moi, mon cher, qui empoisonné Mozart, parce que j'en étois excessivement jaloux; mais je vous avoue que je n'en ai pas le moindre remords, puisque cela ne m'empêche pas de faire de tres jolis canons." Tous ceux à qui il a fait cet étrange aveu, n'y ont vu qu'un acte de démente. Qu'y a-t-il dans la vie entière de Salieri qui puisse se concilier avec l'horreur d'un pareil forfait? Qu'il ait été jaloux du sublime auteur de *Don Juan*, c'est ce qu'il n'est que trop facile de croire; mais, entre la jalousie et l'assassinat, il y a encore, grâce au ciel, un grand intervalle à franchir. Salieri a toujours passé pour avoir des sentimens honnêtes et des moeurs douces.

[Сегодня в одной газете говорится об отравлении Моцарта, совершённом Сальери, как об установленном факте⁵. Вот что пишет из Вены музыкант, часто встречающийся с прославленным композитором, из которого хотят сделать какого-то Дерю или Кастена⁶: «Мы были сильно удивлены, прочитав в нескольких французских и даже немецких газетах, что Сальери перерезал себе горло в венской больнице, где он срочно нанял отдельную палату⁷. Сей старец постоянно живет в кругу семьи, окруженный заботой и любовью⁸. Однако верно, что старость несколько помутила его разум. Вот весьма необычное подтверждение этому. Одна из его причуд состоит в том, что он отводит в сторону всех своих знакомых и говорит им с веселой миной на лице: "Я должен раскрыть вам маленькую тайну: именно я, мой дорогой, отравил Моцарта, потому что чрезмерно ему завидовал; но, признаюсь вам, я не испытываю ни малейших угрызений совести, потому что это не мешает мне сочинять прелестные каноны". Все те, кому он сделал свое странное признание, расценивают его как проявление безумия⁹. Есть ли во всей жизни Сальери такое, что можно было бы совместить с ужасом подобного злодейства? В то, что он завидовал возвышенному автору "*Дон Жуана*", очень легко поверить; но между завистью и убийством нужно еще, слава Богу, преодолеть огромное расстояние. Сальери же всегда слыл за человека достойных чувств и доброго нрава».]

По всей вероятности, письмо Нейкома, в котором утверждалось, что «никто никогда не подозревал Сальери в чувстве зависти по отношению к Моцарту» ("*Jamais personne n'avoit soupçonné Salieri d'un sentiment de jalousie envers Mozart*"), было прямым ответом на инсинуации венского анонима. Однако как раз то обстоятельство, что мотив зависти к «возвышенному» творцу выведен анонимом на первый план, заставляет обратить особое внимание на заметку в "*Journal des Débats*" как на возможный источник замысла «Моцарта и Сальери» (напомним, что первоначально Пушкин дал «маленькой трагедии» название «Зависть»). Если знакомство Пушкина с письмом Нейкома всегда считалось весьма вероятным¹⁰, это суждение следует отнести и к заметке, опубликованной на страницах той же газеты двумя днями ранее.

Венский аноним не сомневается в том, что Сальери завидовал Моцарту, и по сути дела оставляет открытым вопрос, могла ли зависть к гению оказаться достаточным мотивом для убийства. У Пушкина не

было причин не доверять свидетельствам человека, который выдал себя за хорошего знакомого Сальери. В признаниях завистника, который весело рассказывает о совершённом преступлении и нисколько не раскаивается в содеянном, ибо после смерти соперника ничто не мешает ему сочинять «прелестные каноны», Пушкин, вероятно, увидел не сенильную фантазию, а страшное свидетельство о силе зависти, когда ее предметом становится не богатство, положение или успех, а данный от Бога творческий дар. Один из собеседников Бетховена, обсуждая с ним признания Сальери, сказал, что верит им, потому что «дети и безумцы говорят правду»¹¹. По-видимому, примерно так же воспринял самооговоры безумного композитора и Пушкин.

С 1826 по осень 1830 г., когда Пушкин в Болдино написал «Моцарта и Сальери», в европейской печати не появилось никаких новых сообщений, которые связывали бы Сальери со смертью Моцарта. Более того, если Пушкин интересовался историей вопроса и собирал музыкально-литературный материал для будущей «маленькой трагедии», он должен был узнать, что все авторитетные журналы писали о признаниях Сальери как о «бреду, в который мог поверить только сам немощный и повредившийся умом старик»¹², и что легенда об отравлении Моцарта не нашла документального подтверждения, была многократно опровергнута всеми музыкальными авторитетами и к концу 1820-х гг. сошла на нет.

Почему же в таком случае Пушкин не отказался от своего старого замысла и, наперекор фактам и утвердившемуся мнению, представил Сальери отравителем?

Определенную роль здесь, вероятно, сыграла вышедшая в 1828 г. немецкая биография Моцарта, написанная при участии вдовы композитора Констанцы ее вторым мужем Георгом Николаусом фон Ниссеном. Из рецензий на эту книгу во французских и английских журналах (и/или из рассказов русских меломанов) Пушкин мог узнать две важные подробности, имеющие отношение к замыслу «Моцарта и Сальери». Во-первых, в биографии отмечалось, что Сальери был злейшим врагом Моцарта и, в частности, всеми силами старался воспрепятствовать успеху «Женитьбы Фигаро» в Вене, так что Моцарт во время спектакля даже жаловался на него императору. Во-вторых, в ней подтверждался рассказ Ф. Нимечека, первого биографа Моцарта, сообщившего, что последний сказал жене незадолго до смерти: «Меня отравили». Комментируя эти сведения, рецензент английского журнала “The Foreign Quarterly Review” заметил: «Какое-то время в этом преступлении подозревали Сальери из-за пылких чувств некоторых друзей Моцарта, которые знали, что Сальери – неумолимый враг композитора, и полагали, что, следовательно, он способен на по-

добное злодеяние [*“therefore supposed him capable of the atrocity”*]. Более рассудительные отнесли к словам Моцарта как к чистому плоду его воображения»¹³.

По мнению британского критика, мыслящего в категориях юридической логики, ни театральные козни Сальери, ни страхи тяжелобольного Моцарта не дают ни малейших оснований для подозрений в убийстве. Пушкин же, поверивший в морально-психологическую достоверность признаний Сальери, должен был увидеть в новых для него биографических фактах сильный аргумент в пользу легенды об отравлении. В черновой заметке-мистификации, известной под редакторским названием «<О Сальери>» (не ранее 1832 г.), он писал:

В первое представление Дон Жуана, в то время когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта – раздался свист – все обратились с негодованием, и знаменитый Салиери вышел из залы – в бешенстве, снедаемый завистию.

Салиери умер лет 8 тому назад. Некоторые нем.<ецкие> журн.<алы> говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении – в отравлении великого Моцарта.

Завистник, который мог освистать Д.<он> Ж.<уана>, мог отравить его творца (XI, 218).

Если неведомые Пушкину немецкие журналы заменить на “Journal des Débats”, а придуманный им свист¹⁴ – на скандал вокруг премьеры «Женитьбы Фигаро», упомянутый в биографии фон Ниссена, то ход его мысли при сопоставлении реальных источников становится вполне понятным: кажется, Пушкин действительно считал, что завистник, отравляющий жизнь гению, может и должен быть заклеимлен как отравитель.

п р и м е ч а н и я

¹ Большая часть этих публикаций воспроизведена в огромном своде материалов к биографии Сальери, составленном Рудольфом Ангермюллером: Antonio Salieri. Dokumente seines Lebens unter Berücksichtigung von Musik, Literatur, Bildender Kunst, Architektur, Religion, Philosophie, Erziehung, Geschichte, Wissenschaft, Technik, Wirtschaft und täglichem Leben seiner Zeit. Gesammelt und erläutert von Rudolph Angermüller. Bd. III: 1808–2000. Bad Honnef: K.H. Bock, 2000. S. 265-317.

² В.А. Францев. «К творческой истории “Моцарта и Сальери”». Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Ročník X. Praha, 1931. Str. 322-323.

³ Фрагменты письма в русском переводе приведены в комментариях М.П. Алексеева к «Моцарту и Сальери»: А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 7: Драматические произведения. Л., 1935. С. 528-529. Письмо Нейкома было перепечатано в нескольких европейских изданиях, включая указанную Алексеевым «Берлинскую всеобщую музыкальную газету» (Berliner Allgemeine Musikalische Zeitung. No. 19 (12 Mai 1824). S. 172). Особо отметим перепечатку в брюссельском журнале “Annales Beligiques des sciences, arts et littérature” (Vol. XIII (1824, premier semestre). P. 169) под заголовком «Моцарт и Сальери» и с преамбулой, где в частности говорилось: “Les journaux français ont annoncé que Salieri, au lit de mort, s’était accusé d’avoir empoisonné Mozart. Le motif de ce

crime aurait été la jalousie que les beaux ouvrages et les brillans succès de Mozart auraient inspirée à son rival de gloire et de talens” (букв. пер.: «Французские газеты сообщили, что Сальери на смертном одре обвинил себя в том, что он отравил Моцарта. Мотивом сего преступления была зависть, которую прекрасные сочинения и блестящие успехи Моцарта вызвали у его соперника по славе и талантам»). Под тем же заголовком перевод письма позднее был напечатан и в английском музыкальном журнале “The Quarterly Musical Magazine and Review” (Vol. VIII. No. 31 (1826). P. 336-337). Как ни странно, письмо Нейкома в капитальном труде Ангермюллера не упоминается.

⁴ Четыре дня спустя перевод заметки без ссылки на источник был помещен в разделе “The Mirror of Fashion” лондонской газеты “The Morning Chronicle” (No. 17161. 1824. April 19) под заголовком «Отравление Моцарта» (“Mozart Poisoned”). Обе публикации не отражены в современной литературе о Сальери.

⁵ К сожалению, мне пока не удалось установить, о какой газете здесь идет речь.

⁶ Имеются в виду самые известные французские отравители. Антуан-Франсуа Дерю (1744–1777) был сожжен на костре за то, что убил двух человек, подмешав яду в шоколад. В ноябре 1823 г. вся европейская печать широко освещала процесс доктора Эдме Кастена (1796–1823), обвинявшегося в том, что он убил своего близкого друга, напоив его за ужином отравленным вином, а затем отравил брата своей жертвы. Кастена признали виновным и 6 декабря гильотинировали. Чрезвычайно громкое дело Кастена создало тот фон, на котором возникли как слухи о преступлении Сальери, так и пушкинская версия убийства Моцарта. Пушкин упомянул казнь «лекаря Кастена» в заметке о записках парижского палача Сансона, напечатанной анонимно в «Литературной газете» 21 января 1830 г. (XI, 95).

⁷ Слух о том, что Сальери вскоре после помещения в больницу перерезал себе горло, зафиксирован в так называемых «Разговорных тетрадах» Бетховена во второй половине ноября 1823 г. (Ludwig van Beethoven. Konversationhefte. Bd. 4. Herausgegeben im Auftrag der Deutschen Staatsbibliothek Berlin von Karl-Heinz Köhler und Grita Herre unter Mitwirkung von Ignaz Weinmann. Leipzig, 1968. S. 259; Antonio Salieri. Dokumente seines Lebens. S. 260). 18 ноября 1823 г. лондонская газета “The Morning Chronicle” со ссылкой на неназванную венскую газету сообщила, что Сальери покончил жизнь самоубийством. Ложное известие о смерти Сальери получило тогда столь широкое распространение, что английский музыкальный журнал “The Harmonicon” даже успел поместить его некролог (Vol. I. No. 11 (November 1823). P. 158). Сальери умер более года спустя, 7 мая 1825 г.

⁸ Эти сведения не соответствуют действительности. На самом деле в октябре 1823 г. состояние здоровья Сальери резко ухудшилось – у него отнялись ноги и развился сильнейший старческий психоз, из-за чего его пришлось поместить в больницу, где он оставался до самой смерти (см.: Volkmar Braunbehrens. Maligned Master: The Real Story of Antonio Salieri. Trans. from the German by Eveline L. Kanen. N.Y.: Fromm Int. Pub. Corp., 1992. P. 228). В ноябре того же года лейпцигская музыкальная газета сообщала: «Главный капельмейстер Сальери тяжело болен и едва ли поправится. Старость произвела самое разрушительное действие как на его тело, так и на его разум. Такова общая судьба человека. Senectus ipsa est morbus! [Старость сама по себе болезнь!]» (Allgemeine musikalische Zeitung, No. 47 (19 November 1823). Sp. 766; цит. по: Antonio Salieri. Dokumente seines Lebens. S. 260).

⁹ Рассказ анонима о признаниях Сальери явно вымышлен. Состояние здоровья Сальери в больнице было настолько тяжелым, что посетители к нему допускались только с особым разрешения городских властей. Об этом вспоминал ботемский пианист и композитор Игнац Мошелес, посетивший Сальери, своего учителя, примерно через месяц после помещения его в больницу. Во время визита Мошелеса сознание Сальери было довольно ясным, и он категорически опроверг слухи о причастности к отравлению Моцарта (Aus Moscheles Leben. Nach Briefen und Tagebüchern herausgegeben von

- seiner Frau [Charlotte]. Bd. I. Leipzig: Duncker & Humbolt, 1872. S. 84-85; Antonio Salieri. Dokumente seines Lebens. S. 262).
- ¹⁰ См. в комментариях М.П. Алексеева: «Интерес его к 'Journal des Débats' еще в эпоху его одесской жизни делает вероятным знакомство Пушкина с письмом Нейкома» (А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 7. С. 529). Алексеев предполагает также, что в Одессе до Пушкина могли дойти сведения и о пространном, хорошо аргументированном письме в защиту Сальери итальянского музыкального критика Джузеппе Карпани, что неверно, ибо это письмо было опубликовано лишь в сентябре 1824 г. (см.: *Biblioteca Italiana o sia Giornale di Letteratura, Scienze ed Arti*. Tomo XXXV. No. 9 (Agosto e Settembre 1824). P. 262-276).
- ¹¹ Ludwig van Beethoven. Konversationhefte. Bd. 5. Leipzig, 1970. S. 136.
- ¹² *Allgemeine musikalische Zeitung*. No. 21 (25 Mai 1825). Sp. 349-350; цит. по: Antonio Salieri. Dokumente seines Lebens. S. 304.
- ¹³ *The Foreign Quarterly Review*. Vol. VIII (August 1829). P. 433 (курсив автора).
- ¹⁴ Подоплека пушкинской мистификации раскрыта в заметке Б.А. Каца «Кто и где свистел?»: Б.А. Кац. Одиннадцать вопросов к Пушкину. Маленькие гипотезы с эпиграфом на месте послесловия. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 81-89.

ИЗ ДНЕВНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ЧИНОВНИКА 1820-Х ГОДОВ

Екатерина Лямина

Интерес исследователей к российскому чиновничеству имперского периода как социальному феномену, т.е., среди прочего, к механизмам и путям попадания в этот пласт, к структуре его повседневной жизни и быта, запросам, приоритетам и идеалам едва ли нуждается в обосновании, в том числе и взятый под историко-литературным углом зрения. При этом для первой трети XIX в. источников личного происхождения, которые открывали бы доступ к перечисленным компонентам и, что особенно важно, удерживали бы язык описания, синхронный происходящим событиям, в печати известно довольно мало¹. Так, знаменитый «Дневник чиновника» С.П. Жихарева основан на подлинных поденных записях 1806-07 гг., однако автор, не чуждый словесности, впоследствии подверг их обработке. В мемуарах, оставленных чиновниками этой эпохи, вообще немногочисленных², коэффициент ретроспекции, естественным образом, еще выше.

В данном отношении ценность документа под названием «Мои ежедневные записки, заключающие в себе 32й год жизни моей. Также некоторые дни и месяцы 33-го, 34-го, 35-го и 36-го года протекшей жизни», трудно оспорить: максимальный разрыв между событиями, охватываемыми период с апреля 1824 по декабрь 1828 г., и их фиксацией не превышает нескольких дней. Примечателен и диапазон интенций, впрочем, не отграниченных резко друг от друга – «протоколирующая» (хронометраж и наполнение дня, маршруты деловых передвижений по столице или прогулок в ее окрестностях, фенологические замечания) свободно сменяется «описательной» или «аналитической». Благодаря такой полифокусности перед нами не только тезаурус петербургской чиновнической субкультуры названного периода (отразивший такие важные ее слагаемые как награды, карьерные передвижения, иерархия поздравительных и благодарственных визитов, сватовство и брак, зрелища, круг чтения, покупки, расчет старой и наем новой прислуги и мн. др.), но и рефлексивное повествование с дискретным сюжетом, прихотливо сочетающее формулы духовной, моралистической, сентиментальной и нравоописательной словесности с канцелярскими оборотами и зарисовками бытовых сцен.

Чтобы дать первое представление об этом дневнике, несомненно заслуживающем публикации в полном объеме и тщательного реаль-

ного и стилистического комментария, мы отобрали записи, по большей части относящиеся к истории сватовства автора, которое благополучно увенчалось женитьбой (12 ноября 1824 г. – на пятый день после катастрофического наводнения в Петербурге), и его семейной жизни.

«Мои ежедневные записки...» принадлежат перу Федора Симоновича Политковского (20 апреля 1793 – 30 июня 1831). Он происходил из древнего шляхетского рода Полетик – но социальная траектория его ближайших предков не вполне тривиальна: дед, женившись на дочери казака, имевшего офицерский чин, сделался священником и, несколько изменив фамилию, превратился в Политковского. Малороссия в XVIII в. во многом сохраняла польскую специфику вертикальной социальной миграции, так что дворянство он при этом не потерял, хотя крестьянами уже практически не владел. За Симоном (Семеном) Герасимовичем, отцом автора «Записок...», также священником, числилось четыре души – детей же у него было не менее восьми. Его братья, Федор и Гавриил, окончили курс в Московском университете. Первый стал известным московским врачом и филантропом, профессором натуральной истории и медицины, деканом врачебного факультета. Вторым, не раз упомянутый в дневнике, – крупным чиновником³. Он жил в Петербурге, и здесь же (как можно думать, не без его покровительства) получили неплохие места его племянники, в их числе Федор Симонович.

Он в 1812 г. с золотой медалью окончил Горный кадетский корпус и несколько лет прослужил по профессии: на разных уральских заводах – горных, чугунно- и железоплавильных, но уже в 1815 г. возвратился в столицу, а в 1816-м определился в совет училища ордена св. Екатерины (Екатерининского института) – привилегированного учебного заведения для дочерей потомственных дворян, формально уволившись из «своего» департамента (горных и соляных дел) лишь в 1823 г. К дневнику он приступает чиновником девятого класса, за время его ведения получает следующий чин (т.е. из титулярного советника становится коллежским асессором), ордена Владимира 4-й и Анны 2-й степени, а также (в декабре 1828 г.) знак отличия за XV лет беспорочной службы. Не слишком обременительная должность в Институте (основной обязанностью Политковского было составление финансовых отчетов) давала ему, помимо жалованья, казенную квартиру, извозчицы и столовые деньги, а также ценную возможность находиться в поле зрения членов императорской фамилии и лиц, к ним приближенных. Тем не менее, женившись, он стал искать дополнительного заработка и в итоге устроился примерно на ту же бухгалтерскую должность в частную Российско-Американскую компанию, причем сделал это втайне от своего институтского начальства и прилагал все усилия к тому, чтобы сведения о «совместительстве» до него не дошли. Скончался Полит-

ковский в чине 7 класса и был похоронен на Георгиевском кладбище Большой Охты.

Текст «Моих записок...» в печати не появлялся⁴. Ряд выдержек из них прозвучал в подготовленной нами передаче «Разница во времени» на радио «Свобода» (29 октября 2005 г.), доступной в электронном архиве радиостанции.

Дневник Политковского поступил в древлехранилище Ленинской библиотеки в 1953 году и хранится там в т.н. Собрании Отдела рукописей (Ф. 218) под № 367. Это тетрадь в 150 листов, в картонном переплете с крышками, оклеенными тонкой кожей и «мраморной» бумагой; на переднем форзаце – авторское заглавие. Публикуемые отрывки находятся на лл. 4 об., 5 об., 7 об.-8 об., 10-10 об., 13 об., 14 об., 15, 17 об., 19, 20 об., 21, 34-34 об., 35 об.-36, 48-48 об., 68 об., 78, 91 об.

Апреля 24 [1824]. <...> я явился, украшенный сим же знаком отличия [орденом св. Владимира 4-й степени] к Дядюшке Гавриле Герасимовичу, которым был принят весьма ласково; по сей причине и равно потому, что здоровье сего последнего, после тяжелой 4х месячной болезни, начало приметно поправляться.

6 [мая]. Проводил Дядюшку Гаврилу Герасимовича до Царского Села отъезжавшего на полгода из Столицы, для поправления здоровья в разные места России. В Царском Селе, вместе с двоюродным братом Александром Гавриловичем⁵ и другими провожавшими дядю, провел целый день, прогуливаясь по дворцовому саду и городу.

17 [мая], Получил из Малороссии весьма печальное письмо о смерти старшей сестры моей Евдокии Симоновны, скончавшейся 26 числа минувшего Апреля месяца на 35м году отроду <...> по возвращении с гулянья пошел на стговор к Аграфене Ивановне Голубевой⁶, отдающей дочь свою Софью в замужство за чиновника Монетного двора г. Лямина. – Здесь я неожиданно встретил то, чего долго искал и не мог найти – прелестную душу, разумом и наружностью девицу, весьма похожую чертами лица и прочим на Левитскую⁷, но несравненно ее скромнее. – Когда я узнал, что она дочь покойного г. Директора Д[епартамен]та Г[орных] и С[оляных] Дел Дерябина⁸, следовательно девушка небогатая и сиротка, то положил твердое намерение, если Богу угодно будет, жениться на ней.

19, Встал в 11ть часов. – День сей провел весьма скучно в распре со служанкою Афимьею, которой для некоторых моих сватовских видов и из угождения к Начальнице Училища⁹ я приказал приискивать новое место.

[Запись, предвещающая июнь 1824 г.] После долговременной беспутной жизни, происходящей от праздности, пресыщения в яствах и питии, сладострастия и неумеренного курения табаку, я приметно начал ослабевать в силах – одна надежда оставалась на будущее <...> решился для достижения нужного порядка в жизни непременно жениться <...> в том уверении, что сие есть первое и последнее для меня средство сделаться порядочным человеком; на сей конец ожидал с нетерпением приезда в Петербург из Шлиссельбурга родственницы моей Натальи Ивановны, которую хотел упросить принять на себя сватовство за меня упоминаемой девицы.

13 [июля] <...> После такого лестного изъяснения молодой, прекрасной и добродетельной девушки, избранному ее жениху конечно нужно бы было обратить внимание на невоздержность своей жизни, дабы порядочную жизнь хотя сколько-нибудь сделаться ее достойным; но за всем тем, он до 26 числа сего месяца провел время самым скверным образом, как то: в бессоннице, праздности, пьянстве, прелюбодеянии и в табачном окурировании своей квартиры.

Впрочем, он чувствовал степень своих слабостей, каждый день сбился с силами сделаться лучшим и к сожалению каждый день начинал так же беспутно, как проведен им был минувший.

22 [июля] <...> взбрела мне глупейшая мысль сердиться ни за что на невесту; ибо и в самом деле я не находил впоследствии достаточного к тому поводу. Вечером, хотя был несколько хмелен, однакож не преминул с величайшею искренностию раскаться Надежде Андреевне в неблагоприятном моем противу ея поступке.

23 [июля], Виделся с братом бывшей невесты моей г-жи Левитской, от которого узнал, что девица сия без позволения матери вступила 20 числа июня в брак с Суботиним, от чего не малый возник в семействе их раздор. Весть сия несколько меня не опечалила, ибо В. Ефимов. давно перестала для меня жить, но я чрезмерно был устыжен, что хвастливое мое предчувствие иметь ее своею супругою сделалось во все несбыточным, равно как и выигрыш в Головинской латарее, о которой я так много пред своими знакомыми в хмелю прежде розыгрыша оной хвастывал. – Сии два случая дают мне явно чувствовать, что не всегда то сбывается, что мы себе дерзко обещаем!!

27 [июля], Встал в 7мь часов утра – после сна чувствовал укрепление в силах и веселость душевную; сия последняя однакож вскоре миновалась; ибо после купанья в ванне я постарался выжить ее курением табачных корешков, за каковым полезным занятием не счел за нужное идти и к обедне, хотя день был праздничный. – Итак предполагаемое с 26 числа сего месяца исправление начал с точностию!

С 27 на 28 число снилось мне, что будто дядя Гаврило Герасимов[ич] приехавши обратно в Петербург весьма поправился в здоровье, и что высекши старшего своего сына хотел и меня также телесно наказать, но я от такого страху проснулся¹⁰.

4 Сентября узнал о смерти дяди моего Гаврилы Герасимовича Политковского, Тайного Советника, Сенатора и Кавалера, родившегося в 1770-м году в июле месяце и скончавшегося на 55-м году в 31 число августа 1824 года.

7 ноября было сильное наводнение в Столице, большая часть города была покрыта водою, многие тысячи людей были жертвою волн, дома их и скот и прочее имущество было подвержено той же участи и государство понесло на несколько миллионов убытку; ибо потоп был не только в Петербурге, но и в окрестных оного местах, как то: в Петергофе, Екатерингофе, Кронштате и в прочих близ лежащих к Столице предместиях.

8 [августа 1825] Вставши довольно поздно спешил в Контрольное Отделение и возвратясь из оного домой услышал о пожаре в церкви Спаса Преображения. Любопытство завлекло меня на пожар. – Здесь представилась мне ужасная картина, окруженный многолюдною толпою разного звания людей храм был объят ужасным пламенем, дым вился окрест высоких его куполов, кресты, колокола и прочее с вершины храма падали вниз с ужасным треском и гулом – все сожалели, что так внезапно разрушается благолепная и старинная церковь столицы; впрочем, к удовольствию народа, большая часть церковного имущества была спасена Преображенского полка солдатами, из числа коих некоторые в сем достохвальном подвиге лишились жизни, равно как и виновный в пожаре неосторожный Паяльщик, от которого загорелся большой церковный купол, произведя столь сильный пожар. – В 7мь часов пошел я обедать, но пожар еще продолжался во всей силе, и как мне говорили, то поздно вечером не мог быть совершенно погашен.

9 [августа] <...> выпивши рюмки две хмельного, сидя спокойно в шляпке, любовался окрестными видами, а между тем милая жена моя потчивала меня вкусным чаем, а добрый приятель мой подавал средство к приятному многоглаголению, которое я тогда только прерывал, когда к довершению своих удовольствий закуривал табачок и предавался счастливым мечтам, думая: «Ах, если б более в жизни таких безмятежных дней!»

14 [декабря]. Бывши поутру у архитектора Квадри¹¹, узнал о восшествии на престол Его Велич[ест]ва Николая Павловича и о несчастной революции, произошедшей в войсках, которая к вечеру укрощена была вооруженной рукою, причем погибло более 1500 разного сословия. –

Во всю ночь дворец охраняем был войсками, остальная же часть бунтовщических войск содержались в стане до утра. – Разложенные костры на Дворцовой площади, для согретия войск и толпа люб[опытного] народа представляли картину великолепную и страшную.

15, После вечерней моей прогулки близь места, ознаменованного ужасною революциею, я не осмелился поутру повторить оную; ибо смерть графа Милорадовича, получившего во вчерашнем бунте смертельную рану – ослабила во мне любопытство. Наконец однакож часу в 12м по приглашению г. Александровича¹² пошел я к Дворцовой площади, где вскоре последовала присяга в верности новому государю отложившихся вчера войск. После благодарственного молебствия отправленного на площади, ходил в дом графа Милорадовича поклониться бранным останкам его.

21, 22 и 23 число [мая 1827] провел весьма приятно в поездке в город Шлиссельбург. Брат Патр[икий] Симонович не только меня с женою, но и сопутников моих трактовал весьма усердно и изобильно. Поездка обошлась на мою долю не более 15 р., а удовольствия принесла (если ценить на деньги) по крайней мере на 100 р.

24 [сентября] <...> Вечер провел с приехавшим из Шлиссельбурга братом П[атриkiem] Симонов[ичем]; от которого узнавши, что он отказался от предлагаемого ему места Начальника Отделения в Мануфактурном Департаменте, крайне сожалел.

4 [ноября]. В бытность мою в сем магазине [у портного] я случайно остановился между 2х зеркал, противоположно висевших, и как удивлен был, увидевши огромную у себя лысину, которая слишком далеко превосходила ту скудость волос, которую я в 1820 году у себя заметил. Обстоятельство сие несколько меня смутило; ибо я старелся, не сделавшись ни для себя ни для других полезным.

п р и м е ч а н и я

¹ Комплекс документов, использованный в монографии В.Э. Вацура «С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры» (М.: Книга, 1988), стоит несколько особняком в силу отчетливой принадлежности их авторов, многие из которых были средними и крупными чиновниками, к словесности.

² Попытки сведения их в сколько-нибудь репрезентативный компендиум не предпринимались. Среди потенциальных составляющих такого свода упомянем записки П.И. Голубева (*Русский архив*. 1896. № 3-5), многие событийные и смысловые точки которых выразительно корреспондируют с источником, фрагменты которого мы публикуем.

³ Г.Г. Политковский посвящал досуги литературным занятиям – по этой причине наиболее выверенные данные о нем собраны в: *Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь*. Т. 5. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 50-51 (статья Н.Ю. Морозовой).

- ⁴ Краткие фрагменты записей от 5 и 30 апреля 1828 г. приведены в статье: А.Л. Топорков. «Неизданные стихотворения М.В. Милонова». *Памятники культуры. Новые открытия*. 1983. Л.: Наука, 1985. С. 41. Ученого интересовало неформальное сообщество петербургских литераторов-гражданских чиновников, которое в 1810-х гг. существовало вокруг Милонова, их своеобразное жизнестроительство и новаторские поэтические опыты, составившие т.н. «Зеленую книгу». Участником этой группы одно время был старший брат Ф.С. Политковского – Патрикий (1783–1830; подробно о нем см. в нашей статье: *Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь*. Т. 5. С. 51-52).
- ⁵ Выпускником Московского университетского благородного пансиона (1804-1853); в описываемый момент – чиновником Петербургского цензурного комитета. Впоследствии заведовал т.н. инвалидным капиталом и прославился его растратой (составила 1,100,000 рублей), вскрывшейся в 1853 г.
- ⁶ Ее родственница, Наталья Ивановна (ум. 1877), упоминаемая в одной из следующих записей, была замужем за П.С. Политковским.
- ⁷ О ней см. запись от 23 июля 1824 г.
- ⁸ Андрей Федорович *Дерябин* (ум. 1820) – известный горный инженер и администратор, в 1811-17 гг. директор Департамента горных и соляных дел и Горного кадетского корпуса; действ. статский советник.
- ⁹ В описываемое время ею была Амалия Яковлевна Кремпин.
- ¹⁰ Абзац приписан на полях.
- ¹¹ Дементий Иванович *Квадри* (Доменико Джованни; 1772–1833) – в описываемый момент главный архитектор Санктпетербургского Опекунского совета и Воспитательного дома. В 1823-25 гг. по его проекту перестраивались флигели Екатерининского института.
- ¹² Иван Федосеевич *Александрович* – сослуживец автора, секретарь канцелярии Совета училища.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ КОНЦА 1830-Х ГОДОВ

Неопубликованная статья С.П. Шевырева
и Н.А. Мельгунова против «Северной пчелы»

Klaus Harer

Публикуемая ниже статья С.П. Шевырева и Н.А. Мельгунова может быть понятна только в контексте полемики вокруг книги “*Literarische Bilder aus Rußland. Herausgegeben von Heinrich Koenig*” («Литературные очерки из России, изданные Генрихом Кёнигом»), вышедшей летом 1837 года в штуттгартском издательстве Котты. В 1977 г. В. Кулешов заметил, что «книгу Кёнига никогда у нас тщательно не анализировали. А это важно сделать» (Кулешов 1977: 250). Можно сразу сказать, что и за прошедшие 30 лет ни в России, ни в Германии попыток такого анализа тоже не предпринималось, хотя в 1979 г. в Германии было начато научное переиздание, не доведенное, правда, до комментария (Koenig 1979).

О книге Кёнига писалось немало, но почти исключительно в свете «восприятия русской литературы в Германии XIX в.» (Кирпичников 1898; Ботникова 1967; Данилевский 1969; Reissner 1970; Кулешов 1977; Ziegengeist 1989; Корн 1992; Кузовкина 2005 и др.). Дело в том, что «Литературные очерки» Мельгунова-Кёнига – это не только «первый полный обзор русской литературы на немецком языке, в котором вместе с историческим очерком было помещено и подробное описание ее современного состояния» (Кузовкина 2005: 105; курсив мой), но и первый опыт такого рода вообще. Ведь после книги Н.И. Греча «Краткий опыт русской литературы», вышедшей в 1822 г., на протяжении многих лет все попытки написать историю русской литературы, способную заменить греческую, ни к чему не привели, хотя пытались и А.А. Бестужев (статьи 1823–25 гг.), и Н.А. Полевой (статьи 1831–1832 гг., которые были собраны в издании 1839 г. «Очерки русской литературы»), и Шевырев (цикл лекций 1836 г.), и В.Г. Белинский (неосуществленный проект «Критической истории русской литературы» начала 1840-х гг.).

Почему-то никто не задавался вопросом по существу: как немецкому писателю, не знавшему русского языка, вдруг вздумалось написать книгу о русской литературе. Известно, что в ее создании решающую роль сыграл Мельгунов, и вопрос авторства, сам по себе непростой, усложняется еще и тем, что книга эта – результат сотрудничества рус-

ского патриота-славянофила (по крайней мере в тот период) и немецкого либерала, скептически настроенного в отношении русской политической и общественной действительности (см. об этом: Harer 1999). Представляется, что своим проектом обзора русской литературы Мельгунов хотел заменить «Краткий опыт» Греча хотя бы в Германии и тем самым заполнить остро ощущавшуюся нехватку такого издания. В этой связи стоит отметить, что в начале 1837 г. вышла книга Ф. Отто “Lehrbuch der Russischen Literatur” («Учебник русской литературы»), которая была собственно переводом на немецкий язык «Краткого курса» Греча. Именно это обстоятельство и подвигнуло Мельгунова взяться вместе с Кёнигом за работу над «Литературными очерками» (подробнее см.: Харер 1999). Особенность этого сотрудничества заключалась в том, что в результате книга оказалась сложным и противоречивым сочетанием двух разных идеологических подходов и разных литературных жанров.

Цель Мельгунова создать историю русской национальной литературы в духе «любомудров» идеологически не согласовывалась с кёниговским скепсисом относительно культурности «северного колосса». Что касается жанровых особенностей книги, то тут позитивное изложение истории русской литературы вступило в конфликт с острой полемикой, направленной против «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения». Мельгунов явно недооценивал сложности процесса написания книги «в четыре руки» с немецким соавтором. Будучи германофилом, он, возможно, предполагал, что Кёниг готов вникнуть в вопросы литературного процесса в России в большей степени, чем как это имело место на самом деле. Правда, Кёнигу могла быть симпатична германофильская основа того кружка «любомудров», представителем которого Мельгунов выступал в Германии. Кроме того, ему как опытному либеральному полемисту были идеологически близки споры с литераторами, сотрудничавшими с российским Третьим отделением и с прусским официозом. По-видимому, Кёниг вообще ставил себе задачу написать книгу, полемизирующую с российским официозом. Не подлежит сомнению, что Кёниг получил вознаграждение за свой труд.

Однако, ограничившись устным наставлением на французском языке, Мельгунов явно недооценил самостоятельности Кёнига и не следил за развитием книги. Полемическая часть, направленная против Петербургского «триумвирата» (глава «Journalisten», Koenig 1979: 87-100), написана уж очень зло. И в тех частях книги, где по проекту Мельгунова предполагалось серьезное изложение истории русской литературы, Кёниг не мог воздержаться от иронического тона. В целом книга, которая писалась Кёнигом уже в отсутствие Мельгунова

Генрих Кениг.
Анон. портрет. 1840-е годы.
С факсимилированной подписью:
«Einfach und wahr! H. Koenig» –
«Просто и правдиво! Г. Кениг».

Н.А. Мельгунов.
Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова.
1840-е гг.

(тот путешествовал по Германии и затем вернулся в Россию), получилась не совсем такая, как она была задумана Мельгуновым.

Книга «Литературные очерки из России» вовсе не является свидетельством повышенного внимания немецкой интеллигенции того времени к русской литературе. Главным образом этот проект был попыткой Мельгунова перенести литературно-политический конфликт 1830-х гг. на «нейтральную» (немецкую) почву, чтобы за спиной российских властей ударить по петербургскому «триумvirату». К тому же он мог рассчитывать и на то, что если немецкая литературная критика встанет на его сторону, то это напрямую повлияет на российскую прессу и общественность. Именно в таком ключе он пишет П.В. Киреевскому в письме из Ганау 8/20 декабря 1839 г.: «Напишите-ка статью, хоть небольшую, о характере русского народа, особенно каким он был до Петра, словом, о том, что лежит ближе к сердцу и к делу: Я-бы перевел с Кёнигом эту статью <...>. Вразумить Немцев хоть сколько-нибудь на счет нашего характера, да и вообще на счет характера и значения славянского мира, было-бы не последней заслугой. Эти мысли через Немцев перешли-бы и к нам» (цит. по: Харер 1999: 71). Мельгунов очень рассчитывал на большой успех в Германии и с нетерпением ждал реакции своих врагов в Петербурге. Однако успех в Германии был всё же не таким, как он рассчитывал.

Хотя Мельгунов уже в 1839 г. сообщил, что первое издание распродано и что «г. Кёнигу поручено приготовить второе» (Мельгунов 1839: 7-8), тираж в 1000 экз. в самом деле не разошелся и до лета 1840 г. (см. письмо Мельгунова к Кёнигу от 19 июня (н. ст.) 1840 г., опубл. в : Нарер 1998: 134), так что сборы материалов для второго издания, предпринятые Мельгуновым еще осенью 1837 г., были напрасны. Между тем он распространял слухи, что книга Кёнига пользуется огромным успехом, что она горячо обсуждается в литературных кругах и что издаются ее переводы на другие европейские языки. Легенда эта прочно укрепилась среди российских литературоведов, охотно поверивших в усиленное участие европейской интеллигенции той эпохи в русском литературном процессе. Однако сообщения Мельгунова об успехе книги, на которые наивно купились исследователи, не подтверждаются фактами. Например, Р. Данилевский пишет, что в «Западной Европе книга приобрела широкую известность и была переведена на многие языки» (Данилевский 1969: 142-143; см. также Кирпичников 1898: 324, Ботникова 1967: 116, Алексеев 1987: 287-290), хотя на самом деле существует всего один-единственный перевод – на голландский язык (1838 г.). А когда речь идет о том, что на книгу появились «многочисленные отклики русской и немецкой прессы» (Данилевский 1969: 139; см. также: Алексеев 1987: 288 и др.), то это тоже сильное преувеличение. Правда,

Кёниг и Мельгунов старательно позаботились о рекламе: в Германии еще до выхода книги в свет сразу две статьи о ней в "Zeitung für die elegante Welt" (№ 111, 10.6.1837 и № 123, 27.6.1837) написал друг Кёнига Густав Кюне, а в августе и сентябре в журнале "Blätter zur Kunde der Literatur des Auslands", публиковавшемся издателем «Литературных очерков», в качестве препринта была напечатана первая половина книги. Появившиеся в первые месяцы по выходе «Литературных очерков» рецензии были написаны по личной просьбе Кёнига его близкими коллегами по перу – Эдуардом Дуллером ("Phönix", Nr. 245, 17.10.1837), Кюне ("Zeitung für die elegante Welt", №№ 214 и 215, 2. и 3.11.1837) и Карлом Гуцковым ("Telegraph für Deutschland", № 17, январь 1838). В России объявления о готовящейся книге появились в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (№ 42, 16.10.1837) и в «Современнике» (т. VIII, 1837).

Находясь в своей деревне в России, Мельгунов нетерпеливо ждал не только отзывов немецкой прессы, но и реакции тех петербургских литераторов, которых он в «Литературных очерках» постарался больно задеть, но «триумvirат» молчал. Опытные журналисты предпочитали не обращать внимания русской читающей публики на немецкую книгу. Для того, чтобы противники прекратили его игнорировать, Мельгунову понадобилась дополнительная провокация, которая и последовала в начале 1838 г. В декабре 1837 г. Кёниг получил письмо от своего старого знакомого Карла Людвиг Блюма, дерптского профессора. Тот благодарил за присланные ему «Литературные очерки» и хвалил Кёнига именно за полемику с Ф. Булгариным, которого дерптские немцы не терпели за русско-имперские убеждения. Не без злораства Блюм рассказал об инциденте, который приключился с Булгариным, когда тот возвращался из своего имения Карлова близ Дерпта в Петербург. По пути, около Нарвы, Булгарин заметил, что какой-то русский плотник подсел на повозку сзади. Булгарин хотел его прогнать, но плотник избил его так, что Булгарин несколько дней лежал больной, чему дерптские немцы очень радовались (см. публикацию письма: Harder 1973: 212-214; об этом же инциденте см. также: Мордовцев 1881).

Кёнигу это письмо настолько пришлось по вкусу, что он тут же сочинил статью по сообщениям Блюма под названием "Russische Feinschaften" («Русские перебранки») и опубликовал ее в январе 1838 г. в газете Гуцкова "Telegraph für Deutschland", в том же номере, где была напечатана рецензия того же Гуцкова на «Литературные очерки». Кроме того, своей полемикой Кёниг задел также берлинскую газету "Magazin für die Literatur des Auslandes", где в то время регулярно печатались Булгаринские фельетоны и рассказы. Понятно, что редакция

газеты встала на защиту Булгарина и ответила заметкой под заглавием “Russisch-Deutsche Polemik” («Русско-немецкая полемика»). Редактор «Магазина» критиковал Кёнига за то, что тот, не зная русского языка, в своей полемике с русскими писателями слишком доверяется своему «суфлеру» Мельгунову. Конец же заметки был направлен непосредственно против Мельгунова: «Мы отнюдь не желаем встать на сторону одной из партий в споре между г. Мельгуновым и его противниками; но уже одно то обстоятельство, что г. Мельгунов *за границей и на чужом языке* так горячо вступил в борьбу со своими врагами, склоняет нас к мысли, что истина на стороне гг. Греча, Булгарина и Сенковского, которых справедливая немецкая публика без *Audiatur et altera pars* наверняка не осудит» (“Magazin für die Literatur des Auslandes”, № 13, 29.1.1838. С. 52; перевод мой, курсив в немецком оригинале).

«Северная пчела» тоже выступила по следам этой заметки, напечатав 14 февраля в рубрике «Смесь» выпад, с которого «триумvirат» начал свою контратаку на Кёнига и Мельгунова. Блестящий образец полемической журналистики, эта заметка вроде бы спокойно излагает содержание немецкой статьи, автор которой вступился за Булгарина, «обнесенного каким-то г-м Кёнигом, издателем литературного пасквиля под названием: “Литературные очерки России” (“Literarische Bilder aus Rußland”), где обруганы и оклеветаны многие литераторы наши, а об русской литературе выданы известия, похожие на мнимые Гершелевы открытия в луне» («Северная пчела», № 35, 14 февраля 1838). Характеристика книги Кёнига как «пасквиля» и сравнение ее с нашумевшей тогда мистификацией, которая в 1835–36 гг. занимала весь просвещенный мир (ср. заметку А.И. Тургенева в «Современнике»; Тургенев 1964: 87), перевели критику, начатую немецкой газетой, в сферу серьезных обвинений.

Дальше последовало уже откровенное наступление на Мельгунова: «Если правда, что устами клеветника немецкого точно говорил какой-то наш русский литератор, то мы находим поступок его, чтобы не сказать более – *неприличным*. Нас удивляет еще и то: какой это сердитый г. Мельгунов, и за что он сердится особенно на Булгарина?» Автор заметки продемонстрировал виртуозное умение в использовании особенностей русской цензуры: строгий запрет «личности», т.е. запрет словесного оскорбления конкретного лица. «Клеветником» он обозвал немецкого издателя, а поведение Мельгунова нашел «чтобы не сказать более – *неприличным*». Мотив «личности» в юридическом смысле здесь обыгрывался этимологически, ведь, по правилам русской цензуры, за книгу, в которой были «обруганы и оклеветаны многие литераторы наши», автора могли привлечь к судебной ответственности. Вдобавок автор заметки нанес еще удары по дворянскому достоинству и лите-

раторскому честолюбию Мельгунова: «Право, в числе русских литераторов имени г-на Мельгунова (Melgunoff) мы что-то не слышали и в этом ссылаемся на русскую читающую публику. Не псевдоним ли это какой-нибудь, из-за угла бросающий камнем?»

Мельгунов воспринял заметку «Северной пчелы» как донос и переживал ее как личную обиду. Разумеется, он живо интересовался, кто же на самом деле скрылся за инициалами «А.А.». Однако он не мог подозревать, что автором этой статьи был Н.А. Полевой, поскольку Мельгунову не было известно, что в декабре 1837 г. Полевой покинул «Библиотеку для чтения» и перешел в «Северную пчелу». Об этом он узнал только в 1840 г., когда это факт раскрыл Греч (см. Gretsch 1840: 3).

Публикуемую ниже статью Мельгунов послал 14 марта 1838 г. из Москвы в письме к А.А. Краевскому с просьбой поместить ее в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», которые Краевский тогда редактировал. О самой статье Мельгунов сообщал в письме, что «она написана не мною и не в Москве. Посылаю с нее копию, списанную в две руки, прося вас исправить, что нужно, и потом, как можно скорее, поместить ее в вашем журнале» (Отчет ИПБ 1895: 70-71). Рукопись, озаглавленная «Объяснение от г-на Б.Б. г-ну А.А.», хранится в архиве Краевского (ОР РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 103. Л. 1-4). Начало текста (л. 1-2) написано предположительно рукой Шевырева, продолжение (л. 2 об.-4 об.) – рукой Мельгунова. Фиктивное место написания статьи «Радзивиллов», приписанное в конце текста, объясняется тем, что Мельгунов тогда подозревал, что ввоз «Литературных очерков» в Россию был запрещен цензурой. Радзивиллов был пограничным пунктом на русской стороне, недалеко от которого на австрийской стороне находился город Броды. Мотив этой границы развивается и в продолжении письма к Краевскому от 14 марта: «До сих пор еще нет книги Кёнига в Москве, и я не видал ее даже в глаза; не знаю тоже, можно ли ее читать и в Радзивиллове, или только в Бродах? Даже на этот счет сюда, в московскую глушь, доходят самые противоречащие слухи» (Отчет ИПБ: 70-71).

Книга, однако, запрещена не была. Известно, что Греч и Булгарин в «Записке» от 10 марта 1838 г. в Третье отделение в один голос жаловались на «Литературные очерки из России» (см. публикацию: Рейтблат 1998: 437-444), а после в мае того же года Булгарин обратился в то же ведомство с просьбой вообще запретить ввоз книги в Россию, однако безуспешно (там же: 444). Тем не менее даже месяц спустя книга всё еще не попала к Мельгунову. 14 апреля он снова написал Краевскому: «Книги Кёнига я до сих пор еще не видал. Заговор немец<ких> книгопродавцев распространяется и на Москву. Эггерс, книгопродавец Шевырева, не отвечает ему на все его поручения, кроме этого, и не думает присылать книги, заказанной еще в начале года. Эльснер, здесь, рас-

пускает слух, будто она запрещена; а другой, вновь открывший лавку, Северин, не выписал мне ее из Дерпта под предлогом, что забыл» (Отчет ИПБ 1895: 71). Ответ Шевырева и Мельгунова на заметку Полевого напечатан так и не был.

Текст печатается по указанной рукописи, хранящейся в личном фонде Краевского. В рукописи имеется много редакторских корректур карандашом. В основном тексте публикации воспроизводится отредактированный вариант. Формулировки, измененные или зачеркнутые редактором, даются в примечаниях. Подчеркнутые в рукописи слова выделены курсивом.

Объяснение от г-на Б.Б. г-ну А.А.

Поздно долетает сюда «Северная пчела», несмотря на то, что в этом году еще более выросли ее крылья. Медленность сообщений нашего обширного отечества извинит запоздалость этого объяснения, вызванного бескорыстною любовью к истине. – В 35 № «Сев. пчелы» напечатана сильная и невоздержная выходка против книги, недавно вышедшей в Германии и возбудившей всеобщее участие: *Literarische Bilder aus Russland* (Литературные очерки России). Тонем, который есть исключительная собственность «Сев. пчелы», объявляют без всяких доказательств, что эта книга – литературный пасквиль, что в ней обруганы и оклеветаны литераторы наши, и о русской словесности выданы известия, похожие на мнимые Гершелевы открытия в луне. Г. Кёнигу, издавшему книгу, и г. Мельгунову, сообщившему для нее часть материалов, объявлено грозное: *стыдно!* Г. Булгарин признан обиженным, невинною жертвою клеветы, литератором беззащитным, который не имеет средств оправдаться перед немецкою публикою. Ко всему этому хоть бы одно маленькое доказательство, хоть бы какая-нибудь выписка из книги, хоть бы какое-нибудь место из тех *наветов и обвинений*, которыми г. Кёниг будто бы отягчил г-на Булгарина. Должно заметить, что в подобных случаях «Сев. пчела» прежде поступала иначе: несколько раз случалась ей обличать книги, в которых иностранцы обносили наше отечество, и она всегда выставляла подробно нелепости таких сочинений. За чем же в этом случае отказалась она от своей методы и не привела решительно ничего в подтверждение своему обвинению? Уж это одно довольно заставляет думать, что оно было внушено чувством не истины, а другого чего-нибудь.¹

Обвинение, выраженное словами резкими² и не подкрепленное никакими доводами, должно возбудить негодование во всяком благомыслящем. Негодование это бывает еще сильнее, когда вы, зная все

обстоятельства дела, видите ясно всю несправедливость обвинения, и за нею личную причину – маленькое самолюбьище.³ Чувство этого-то негодования вызвало меня отвечать г-ну А.А.

Я не знаю ни г. Кёнига, ни г. Мельгунова; но знаю книгу, которую случилось мне читать в Бродах, куда я часто езжу по делам из Радзивиллова. Любя русскую литературу и принимая в ней искреннее участие, я с особенным удовольствием прочел *Очерки* г. Кёнига, искусно начертанные им, отчасти по указаниям г. Мельгунова, отчасти по сведениям, которые собрал он из других источников. (Так говорит он в своем Предисловии.) Это удовольствие проистекало во мне из того, что я люблю свое отечество, дорожу его славой и потому благодарен за всякое сочинение, которое может распространить ее в Европе. Книга г. Кёнига не есть литературный пасквиль на Россию, но изображение развития русской словесности в кратких, но сколько возможно, точных и верных эскизах. Читая книгу, вы видите, по тону ее и направлению, что немецкий писатель был внушен русским, который любит свое отечество, знает его литературу, и сообщая о ней сведения для Германии, не имеет никакой другой мысли, кроме той, чтобы в просвещенных германцах, а через них и во всей Европе, возбудить уважение к его соотечественникам, к просвещению России, и заставить иностранцев прилежнее вникать в замечательные явления нашей свежей литературы. О всех писателях русских, составляющих славу нашего народа, говорено с тем чувством почтения и приличия, которое обличает человека просвещенного и русского, преданного своему отечеству. Если и указаны некоторые частные недостатки, то с благородною искренностью, которая приносит честь русскому беспристрастию и придает сочинению характер истины, внушающий доверие читателям. К тому же должно заметить, что эти недостатки более относятся к особенностям некоторых писателей, и слава нашего отечества и нашей литературы нисколько не затмевается ими. К чести русского прибавим еще, что он ведь выставлял правительство наше путеводителем народного образования и нигде не пропускал случая указать на примеры той блистательной щедрости, какою украсило оно, к своей славе, биографии лучших писателей наших.⁴

Нельзя не признать, что книга г. Кёнига принесла много пользы в отношении к верным понятиям, какие Германия получила теперь о литературе русской. Не только не стыдно «вне пределов своего отечества», как выражается «Сев. пчела», говорить русскому о словесности своего народа; но человеку, равнодушному к славе своего отечества, даже необходимо было принять на себя обязанность исправить превратные понятия, какие существовали на счет нас в литературном отношении у западных наших соседей, чему «Сев. пчела» очень часто

сама представляет самые резкие примеры. – Книга г. Кёнига, сколько мне известно, произвела на Германию впечатление самое выгодное для нашей литературы. Многие журналы, не смотря на запоздалость немецких критик, уже отозвались о ней с большою похвалою. Германские славяне, наши добрые друзья и ревнители нашей славы, прочли ее с живым удовольствием. Соучастие трудолюбивых немцев в произведениях русской словесности до того было пробуждено книгою г. Кёнига, что некоторые из них, немедленно по ее появлении, принялись за изучение нашего языка. Я могу назвать одного известного германского литератора, который со времени издания книги уже выучился читать Пушкина по-русски. Отзыв одного из лучших наших журналов, «Современника», отличающегося беспристрастием своих мнений, свидетельствует также в пользу книги. Журнал, в котором участвуют лучшие наши писатели, образующие старшее поколение в нашей словесности, конечно не отозвался бы с такою лестною похвалою о книге, которая клеветала бы на нашу словесность и походила бы сколько-нибудь на литературный пасквиль, как выражается о ней «Сев. пчела».

За что же гонения «Сев. пчелы»? Где причина ее гнева? От чего г-н А.А. мечет такие молнии против г. Кёнига и Мельгунова? Неужели⁵ тайная причина всего этого –⁶ характеристика г. Булгарина и его сочинений, помещенная в этой книге.⁷ Впрочем, рассердиться можно – и есть за что! Портретист Кёниг⁸ не полстил г. Булгарину – и я признаюсь откровенно: я на его месте рассердился бы точно так же, если бы такой портрет поднесли мне, и если б голос внутренней совести сказал мне при том: сходно! Может быть, я поступил бы осторожнее, и для своей же выгоды, чтоб не дать места пустым толкам, притворился бы спокойным и смолчал. И так, г. Булгарин сердиться в праве, равно как и г-н А.А., его⁹ защитник. Сердится Орест – надобно сердиться и Пилладу: все это очень естественно и извинительно.

Но если в книге г. Кёнига сочинения г. Булгарина отнесены к числу *недостатков* русской словесности, недостатков неизбежных везде (ибо литература, как все земное, имеет также свои тени и изнанку), – то отсюда еще нисколько не следует, чтобы недостатки г. Булгарина относились к бесславию нашей словесности, и чтобы книга г. Кёнига, неблагоприятная ему¹⁰, была пасквилем на всю литературу русскую. Разве г. Булгарин с своими друзьями и товарищами и русская словесность одно и то же? Софизм слишком неблагоприятный¹¹ для всех писателей русских и прощительный только самолюбию, раненому острою стрелою истины!¹²

Что касается до мнения, выраженного одним немецким журналом («Magazin für die Literatur des Auslandes») против книги г. Кёнига, мнения, за которое с какою-то радостью схватился г-н А.А.; то оно

служит достаточным опровержением слов самого г-на А.А., будто бы литераторы русские не могут найти в Германии никаких средств защитить себя против наветов и обвинений. Нашел же себе г. Булгарин ревностного защитника в «Магазине иностранной литературы!» – Что же касается до важности мнений этого «Магазина», то она оценена самим г-м А.А. По его собственным словам, в том же «Магазине» говорят о сочинениях гг. Пуговошникова, Попова, Никитина, Петрова, и пр., как явлениях замечательных в нашей литературе. Читая защиту г-на А.А.¹³, невольно припоминаешь басню о Медведе. Вот в какую компанию русских литераторов попал г. Булгарин по мнению «Магазина». Мы видим по этим именам, способен-ли берлинский «Магазин» иметь какое либо мнение, заслуживающее внимание, в деле нашей словесности. Едва-ли эта ревность «Магазина» к защите г. Булгарина не произошла от того, что он имеет с ним *cause commune*, что у них грех по полам. Известно, что в «Магазине» сообщали в переводах романы и повести г. Булгарина (хорошее средство ознакомить немцев с Россией!). Когда же книга г. Кёнига поставила просвещенным немцам в настоящем свете достоинства сочинений г. Булгарина, то естественно, что «Магазин» вступился за эти сочинения, вместе с их автором, как за свою собственность, переданную им с русского на немецкий язык для увеселения Германии на счет России.

И так, г-н А.А., заключим же: вы имели полное право рассердиться за вашего клиента¹⁴, оскорбившегося мнением, ему неблагоприятным, вы имели право выразить свое негодование, оправдать вашего клиента¹⁵, впрочем, под условием указать на наветы и обвинения, привести в свое подкрепление места из книги; но вы не имели никакого права ни стыдить гг. Кёнига и Мельгунова перед лицом публики, ни называть книгу, написанную с полным чувством уважения к словесности русской, литератрным пасквилом; ни принимать имя г. Мельгунова за псевдоним, потому что это имя известно в литературе русской, да сверх того оно принадлежит одной из старинных русских фамилий. К тому же поступок г. Мельгунова, позволившего г. Кёнигу объявить его имя в предисловии, приносит ему честь и ручается за искренность его мнений. Если же вы, г-н А.А., уже решились присвоить себе право на такие грозные обвинения, то должны были привести им точные и подробные доказательства; обвинения же без доказательств обращаются в укор¹⁶ только тому, кто их произносит. Впрочем, поступок ваш может быть извинен разве чувством¹⁷ дружбы, которую, как видно, вы питаете к своему клиенту¹⁸, и с которой я вас поздравляю.

Б.Б.

Радзивиллов, февраля 28-го, 1838.

п р и м е ч а н и я

- ¹ Вместо «другого чего-нибудь» было «оскорбленного самолюбия».
- ² Вместо «резкими» было «оскорбительными».
- ³ Далее зачеркнуто карандашом: «писателя, узнавшего о себе горькую правду».
- ⁴ Далее написано рукой Мельгунова.
- ⁵ «Неужели» зачеркнуто.
- ⁶ Далее зачеркнуто карандашом: «увы!»
- ⁷ Зачеркнуто карандашом: «Sine irae!..»; далее зачеркнуто красным карандашом: «Что делать! Есть такие люди, которые не любят зеркала, не терпят живописцев, слишком точных на сходство в портрете».
- ⁸ Фамилия «Кёниг» вписана карандашом.
- ⁹ Далее зачеркнуто карандашом: «друг и».
- ¹⁰ Далее зачеркнуто карандашом: «и ему подобным».
- ¹¹ Вместо «неблагоприятный» было «оскорбительный».
- ¹² Далее зачеркнуто карандашом: «К тому же литературные недостатки, указанные в немецкой книге, объяснены и оправданы его продолжением: след. честь нашего отечества также оправдана в этом случае, и кроме того, гостеприимство, каким Россия удостоила г. Булгарина, приносит славу нашему великодушию».
- ¹³ Вместо «г-на А.А.» было «адвоката г. Булгарина».
- ¹⁴ Вместо «клиента» было «друга».
- ¹⁵ Вместо «клиента» было «друга».
- ¹⁶ Вместо «укор» было «стыд».
- ¹⁷ Далее зачеркнуто карандашом: «благородной».
- ¹⁸ Вместо «своему клиенту» было: «г. Булгарину».

л и т е р а т у р а

- Алексеев 1987 – М.П. Алексеев. *Пушкин и мировая литература. Л., 1987.*
- Ботникова 1967 – А.В. Ботникова. «Книга Г. Кёнига “Литературные картины России” (из истории русско-немецких литературных связей)». *Сборник материалов 2-й научной сессии вузов центрально-черноземной зоны: Литературоведение. Воронеж, 1969. С. 115-136.*
- Gretsch 1840 – H. Königs *Literarische Bilder aus Rußland in ihrem wahren Lichte dargestellt, von N. Gretsch. Aus dem Russischen übersetzt von W. v. Örtel.* Berlin, 1840.
- Данилевский 1969 – Р.Ю. Данилевский. «*Молодая Германия*» и русская литература. Л., 1969.
- Кирпичников 1898 – А.И. Кирпичников. «Между славянофилами и западниками. Н.А. Мельгунов». *Русская старина. Т. 96 (1898). С. 297-330 и 551-585.*
- Koenig 1979 – *Literarische Bilder aus Rußland.* Herausgegeben von Heinrich Koenig. 1. Teil: Text der Ausgabe von 1837. Hrsg. von Hans-Bernd Harder. Giessen, 1979. [Запланированная вторая часть издания, с комментарием и материалами о полемике, не была осуществлена.]
- Корн 1992 – Karl-Heinz Korn: *Vermittler der Musen. Russische Literatur in Deutschland. West-östliche Spiegelungen. Reihe A, Bd. 3: Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871).* München, 1992. S. 247-286.
- Кузовкина 2005 – Т. Кузовкина. «Роль книги Г. Кёнига в развенчании Булгаринского мифа». *Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. V (Новая серия).* Тарту, 2005. С. 105-126.

- Кулешов 1977 – В.И. Кулешов. *Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина)*. Изд. 2-е, исправл. и доп. М., 1977.
- Мельгунов 1839 – Н. Мельгунов. *История одной книги*. М., 1839.
- Мордовцев 1881 – «Неприятное, только не литературное приключение с Ф.В. Булгариным. Сообщено Д.Л. Мордовцевым». *Исторический вестник*. Т. 6. 1881. С. 446-447.
- Отчет ИПБ 1895 – *Отчет Императорской публичной библиотеки за 1895 год*. Спб., 1898.
- Рейтблат 1998 – Видок Физлярин. *Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение*. Изд. подг. А.И. Рейтблат. М., 1998.
- Reissner 1970 – Eberhard Reissner. *Deutschland und die russische Literatur. 1800–1848*. Berlin, 1970.
- Тургенев 1964 – А.И. Тургенев. *Хроника Русского. Дневники (1825–1826 гг.)*. Изд. подгот. М.И. Гиллельсон. М.–Л., 1964.
- Harder 1973 – Hans-Bernd Harder. “Aus dem Briefwechsel Heinrich Joseph Koenigs mit Korrespondenten in Rußland”. *Hanauer Geschichtsblätter*. Bd. 24 (1973). S. 203-220.
- Harer 1998 – К. Харер. “Nikolaus Lenau und der ‘Brief eines russischen Literaten an H. Koenig’ (1840)”. *Lenau-Jahrbuch*. Jg. 24. Wien-Stockerau, 1998. S. 115-147.
- Харер 1999 – К. Харер. «Н.А. Мельгунов и его проект книги о русской литературе». *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. № 4 (1999). С. 60-76.
- Ziegengeist 1989 – G. Ziegengeist. “Aus Heinrich Koenigs ungedruckter Korrespondenz mit Cotta und Brockhaus über die ‘Literarischen Bilder aus Rußland’ (1837–1839)”. *Zeitschrift für Slawistik*. 34 (1989). S. 3-28.

К ИСТОРИИ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ОТНОШЕНИЙ Ф.Ф. ВИГЕЛЯ

Часть 2

А.А. Ильин-Томич

Обмен письмами, представленными в предыдущей части данной публикации¹, оставил обе корреспондирующие стороны – и чету Глинок, и Вигеля – в весьма бодром и приподнятом настроении, и новый тур переписки начинался в атмосфере благодушной беспечности.

Ф.Ф. Вигель – Ф.Н. Глинке²

Милостивый Государь Феодор Николаевич, я все дождался возвращения Вашего в Москву и даже уведомления Вашего об том, чтобы с дозволения вашего иметь честь возобновить переписку мою с вами. И хотя только от г. Коссовича³ (и то не утвердительно) узнал я, будто Вы возвратились в дом свой, решился писать, но еще не письмо, а рекомендательную записку бывшему сослуживцу моему, статскому советнику Феодору Ивановичу Соловьевичу, некогда прокурору Греко-Унитской Коллегии, ныне служащему в Синоде⁴. Он Православный родившийся в Минской Губернии, следственно, самый усердный и никогда не бывает в Москве, которую посещает по делам службы. Мне бы желательно, чтобы на первом шагу встретил он в ней ум, добродетель и знание в соединении, и вот почему позволяю я себе направить его к чете много мною чтимой. Целую ручки Милостивой Государыни Авдотьи Павловны, с совершенным почтением и вечною преданностию честь имею быть

Вашего Превосходительства

покорнейший слуга

Ф. Вигель

С. П. бург

15 Ноября

1849

Если б Вам вздумалось писать ко мне то я живу III Адмиралт. части, на Фонтанке между <Ан>ичковым⁵ и Семионовским мостом, в доме кн. Урусова.

Надо полагать, что рекомендация Вигеля имела успех: место службы приезжего посетителя должно было дополнительно усилить природное радушие Ф.Н. Глинки, озабоченного в данный момент продвижением в печать двух эпических сочинений, которые встретились в духовной цензу-

ре с большими затруднениями («Иов. Свободное подражание Священной книге Иова», «Таинственная капля. Народное предание»).

Меж тем, проверив с помощью легкой ноябрьской записочки канал связи, Вигель готовился дать ему полную нагрузку.

Ф.Ф. Вигель – Ф.Н. Глинке

Милостивый государь
Феодор Николаевич.

К Вам писать не то что к другому, особливо после долгого молчания. Лишь только возьмешься за перо, голова преисполнится мыслей, сердце – чувств, не знаешь с чего начать и отложишь, С чего же, однако, мы начнем? С Петербурга, а после примемся за Москву. Он совсем для меня не забавен, но все-таки лучше ее. Кажется, теперь в нем попокойнее, чем при Вас, но не знаю, лучше ли это? ведь заграничная нравственная зараза совсем не прекратилась, а об ней как будто забыли, высшие сословия заняты одним Двором, средние – производством и получением мест, низшие – посещением трактиров и питейных домов, но вне их, чтоб мне не говорили, злодейство, мне кажется, не дремлет: или уже монархическое воображение мое так напугано. Если взять, так, право, мы не лучше Москвы, у которой, как Вы заметили, не прибавилось и не убавилось ни одной морщины. Обо многих из ее жителей известили Вы меня, но, кажется, забыли о Чаадаеве: а ведь это преинтересное лицо. Он всем говорил, а может быть, и думал, что в Петербурге им чрезвычайно занимаются, тогда как здесь почти никто о нем и не слышал. Ныне этого сказать нельзя: во время последнего посещения Двора⁶ многим из прекрасного пола он сделался известен. Но только – о безрассудство, о безвкусию, – здешним дамам показался он нестерпимо скучен. Это доказывает только легкомыслие их. То ли дело было лет двадцать тому назад, когда великие московские мыслительницы с подобострастием и восторгом внимали глубокомысленным его изречениям, записывали их, вытверживали их, повторяли. А кажется, он все тот же; я нахожу в нем даже некоторую окаменелость. Он бессмертен, он не умрет, а превратится когда-нибудь в статую и сам себе будет служить памятником. Кстати об нем, знаете ли, что со мною случилось? в день именин моих, 14 ноября, чей-то слуга отдал свернутую бумагу, не сказав от кого. На обертке было только сказано “дорогому имениннику” и находилось четверостишие:

“Как дар любви, прими сие изображение

Конечно, ты его оценишь и поймешь.

Припомни лишь простое изречение:

Не по хорошу мил, а по милу хорош”⁷.

Мистификация совершенно удалась; я подумал, что Чаадаев самым нежным образом задирает меня, пожаловав мне свой портрет. Я не хотел остаться у него в долгу и отвечал ему посланием, в котором не поспешил на лесть⁸. Он, бедняжка, говорят, ныне крайне нуждается в ней, а я на целый месяц ею насытил его, только он мне не отвечает⁹. Когда я рассказывал о том, все смеялись, только над кем, над ним или надо мною? может быть, над обеими. Теперь новое обстоятельство: здесь есть одна гр. Толстая, которая весною с Марьей Николаевной первый раз была в Москве¹⁰. Она пользуется совершенным здравием, но нервы у нее чрезвычайно расстроены, так что стоит при ней назвать Чаадаева, чтобы заставить ее жестоким образом зевать¹¹. Я многих уверил, что она в него влюблена и борется с этою страстию, сама почитая ее преглупою. Мы придумали (впрочем, вместе с ее приятельницами), чтобы послать ей портрет мнимого обожаемого предмета¹². Я составил проект послания в прозе, а Коссович послал его к г. Берху, прося о предложении в стихи. Если увидите последнего, сделайте милость, изъявите ему мое усерднейшее почтение и чувствительную благодарность за его славный подарок: я не раз вполне им наслаждался¹³. От него не нужно скрывать содержания сего письма, а напротив убедительно просить о скорейшем составлении лекарства для бедной гр. Толстой: медики утверждают, будто от одного хохота может пройти сия нервическая зевота. Пусть г. Берх будто не знает от кого и к кому послание, все пусть ляжет на мне. Вас удивляет, что в мои лета, во время бури, не совсем еще утихшей, меня занимают такие пустяки. Как быть! у людей одна глупость сменяет другую, прежде чувствовал я негодование при одном имени Чаадаева, теперь, подобно другим знакомым его, не могу слышать его без смеха; мне грустно, а оно только располагает меня к необычайному гиларитету¹⁴; вспоминая гр. Ефимовскую¹⁵, я даже не улыбнусь. – Что это у Вас делается в Москве? Здесь насмешники сравнивают ее жителей с лягушками, просившими Царя¹⁶. Это досадно: я слишком обожаю Россию, чтобы искренно, пламенно не любить Москву, ее перл, зародыш ее могущества, ее великую, красивую представительницу, но именно оттого без сокрушенного сердца не мог я видеть бесчисленных прегрешений, в которые она впадала. Каково нежному и почтительному сыну смотреть на распутство матери? конечно, ему следует потупить взоры и молчать; я этого не сделал и провинился в глазах у Маминьки. – Я порадовался, когда графа Арсения Андреевича назначили Начальником в Москву; я знал твердый его характер и надеялся, что этот друг порядка водворит его там, где уже едва следы его оставались. Первые известия были весьма утешительны; во всех действиях своих являл он строгую справедливость. Если законные формы не совсем были соблюдаемы, что делать, это

неизбежно, когда надобно приступить к истреблению бесчисленных беспорядков. По времени неудовольствия, жалобы беспрестанно возрастали: так тому и следует быть, подумал я. Но с начала осени все это стало превращаться в отчаянные вопли, и как Петербург наполнился Московскими эмигрантами, то бедственное состояние ее (так называют его) преимущественно занимает внимание и участие здешних жителей. Пробудилась уснувшая нежность к Москве, как в 1812 году; благомыслящие и злонамеренные, добросовестно или притворно, равно оплакивают судьбу ее и негодование на Чурбан-Пашу (так называют Закревского враги его) напоминает несколько чувства, возбужденные некогда между нами Наполеоном. Я уверен, что все это чрезвычайно преувеличено, но во всяком случае пора бы, кажется, являть более умеренности и менее самоуправия. – Вы, может быть, пожелаете узнать, что без Вас я, горемычной, здесь делаю? Да то же, что и при Вас. Меня никто не читает, а я все пишу да пишу, и если бы состоялся благонамеренный Журнал, о коем не Вы одне, но и здесь многие мечтают, то одного моего маранья, кажется, достаточно бы было номера на два. Как говорится, надобно же как-нибудь отвести душу свою, и если люди не хотят понимать тебя, то, по крайней мере, бумаге поверить заповедные думы свои. – Не знаю за что до смерти полюбил я Лудовика Бонапарте; я думаю оттого, что я в нем вижу камень, на котором прочно может в Европе вновь воздвигнуться общественное здание. Оно потрясено до основания и не сегодня только клонится к разрушению: надобно составить совсем новый чертеж, отличающийся правильностию и стройностию в противоположность бессмысленным проектам коммунистов и социалистов. При возведении этого здания, как цемент, необходимо употребить прежний несокрушимый материал, религию. Вообще же кажется, что все опечаленные настоящими происшествиями усиливаются возвратиться к прежнему порядку: толкуют о легитимизме Бурбонов, о священных правах Австрии, даже Турции. Это дело невозможное; пожалуй подпирай, подштукаривай, подмазывай то, что валится или повалилось; оно не устоит. Тому, кому предопределено совершить великий подвиг возобновления, не нужен даже гений; он должен быть слепым орудием Того, кто из хаоса извлек мир сей. Таинственность же, мрак, которые покрывали судьбу племянника Наполеона, и из которого он так ярко воспрянул, а теперь внезапность его действий заставляют меня надеяться, что он сей избранник. – С этим не соглашается Тютчев, которого я нередко вижу, однако же не столь часто, как бы желал¹⁷. В большом свете он отлично принят: надобно много ума и любезности, чтобы в Петербургских гостиных не казаться скучным с головой, наполненной одним серьезным предметом. Все слушают его с удовольствием, все находят, что

он говорит красно и славно, а никто не умеет заметить, что он видит ясно и судит правильно. Он часто бывает рассеян: вопрошая века прошедшие, пристально наблюдая за настоящим и стараясь взорами проникнуть в будущее, позволено не замечать вокруг себя вздорное. Он и жена его с благодарностию приняли привет, который от имени Авдотьи Павловны я передал им¹⁸. – Не так давно воротился Войцехович¹⁹: вы знаете как он умен, но не можете себе представить, до какой степени занимателен разговор его после посещения им Цареграда, Афин, Смирны, Сирии, Иерусалима, Египта и Славянских земель. – Я было и забыл поздравить Вас с наступающим новым годом; пожелать ли Вам счастья? мне кажется, что истинные Христиане, как Вы, мои почтеннейшие, превозлюбленные супруги, во ожидании вечного блаженства, и здесь, и без желаний друзей своих, должны пользоваться величайшим благом, душевным спокойствием. – Если изволите увидеть Московских доброжелателей моих Степана Димитриевича Нечаева²⁰, Николая Феодоровича Смирного²¹, Михаила Николаевича Загоскина, скажите мое усерднейшее почтение; с чувствительною благодарностию получаю знаки памяти первого; последний, меня забывший, никогда у меня из памяти не выходит. – Я вижу границу, конец листа, предел письма этого: нужно ли мне уверять Вас, что душевной моей преданности к Вам, почтительной любви нет пределов.

На веки Ваш

Вигель.

С.П.бург.

26 декабря 1849 г.

Вряд ли Вигель мог предвидеть, какую реакцию вызовет его невинное послание к предполагаемому единомышленнику. Приведем несколько строк, набросанных супругой адресата в начале января 1850 года.

А.П. Глинка – Ф.Ф. Вигелю

Фрагменты черновика²²

Начинаю с того, с чего должно начать и по приличию и по чувству к вам, многоуважаемый Филипп Филиппович, т.е. поздравляю Вас с новым, наступившим пятидесятым годом.

<...> Муж мой будет особенно Вам отвечать: Он теперь занят делами и счетами хозяйственными, а я, укравши несколько минут всяких мелочей, хочу себе доставить удовольствие побеседовать с Вами. Я не буду отвечать Вам на все Ваше письмо; в нем есть вещи, выходящие из ряда моих суждений и понятий. Я никогда не бралась за то, чего я не понимаю. <...>

Итак, я начинаю с главного предмета, которым занята почти половина вашего письма. Это П.Я. Чаадаев... Приехав сюда, порасспросив во многих домах о Его положении, мы услышали везде почти один и тот же отзыв. Что Он все еще, как говорит один наш знакомый, *se suit dans sa propre sauce*²³; барахтается в своем мелком самолюбии и, поэтому, он уже давно прочитанная книга и никакого влияния не может иметь и не имеет в здешнем обществе. Когда же я его увидела, то нашла Его в лучшем положении против прежнего со стороны нравственной, т.е. что Он очень спокоен. говорит просто, светло

Черновик обрывается, так и не дав сколько-нибудь полного представления о силе гнева А.П. Глинки. Очевидно, что в Петербург был отправлен гораздо более обширный и гораздо более агрессивный текст. В этом нас убеждает ответ получателя.

Ф.Ф. Вигель – А.П. Глинке

Милостивая государыня
Авдотья Павловна,

Письмо Ваше, если не наполненное явно выраженными несправедливыми упреками, то по крайней мере сильно отзывающееся ими, имело честь и неудовольствие получить. Трудно отвечать на него: трудно возражать с жаром на обвинения против целого света, сохраняя строго и смирение Христианина, и вежливость благовоспитанного человека, и почтение, кое обязаны мы оказывать прекрасному полу. – Более всего мне жаль, что Вы невнимательно изволили прочитать послание мое к супругу Вашему: если оно не изорвано и не брошено, то готов на него сослаться. Вы не найдете в нем, чтобы *Московские* наводили скуку на *Петербургских* приезжих прошедшей весной; правда я сказал, что *одна* только не могла воздержаться от зевоты при виде *одного* только Москвича: это совсем другое. Напротив, все воротились с восторгами, кои сперва меня удивили, но я вспомнил себя в 1838 году, когда поверхностный взгляд на московское общество показал мне его столь привлекательным. Вечер, проведенный у госпожи Павловой²⁴, сделал приятное впечатление на графиню Блудову. Ей, приезжей, невозможно и даже смешно бы было справляться, с кем из Петербургских друзей ее, ее новые знакомцы находятся в добром согласии или в ссоре. Вы хорошо знаете Петербург и ея чрезмерную роскошь; великолепие пригляделось его жителям; следственно, одно убранство комнат и яркое освещение не может ни привлечь их, ни удивить. Но я и сам помню, что пока я не был сердит на г-жу Павлову²⁵, по зову ее, с радостью посетил бы ее и в хижине. Занимательность ее остроумного разговора разве немно-

го только ниже ее огромного поэтического таланта, и я очень рад, что личности не могут затмить во мне беспристрастных суждений. Впрочем, если Антонина Димитриевна (чего я, однако же, не слышал) дала обещание прочесть стихи высшим лицам, то, вероятно, увлеченная удовольствием слышать их, она сделала сие необдуманно. Ей должно быть известно, что и до сих пор Русские стихи неохотно слушают ни при Дворе, ни в высшем обществе, к которому она принадлежит, но из которого в этом случае она почти одна прекрасное исключение. Надобно еще заметить, что род, избранный г-жею Павловой, более других доступен понятиям света, ибо она *его* описывает, касаясь до общественных нравов и политических мнений настоящего времени²⁶. Но видно протекция гр. Блудовой для нее не совсем полезна: прекрасное ее творение *Разговор в Трианоне*, исполненное религиозно-монархического духа, которое смело назову я чудом из чудес, безжалостно, бессмысленно и упорно отвергается ценсурой и, подобно моим ничтожным произведениям, в списках кой-где ходит по рукам²⁷. – Мне жаль, что из двух сестер Вы знаете только одну²⁸; я не берусь решить, которая из них более любви достойна, только старшая при первом знакомстве более привлекательна: знакомства таких особ не худо и искать. В Москве, кажется, так и сделали; она приехала в нее больная²⁹, и все ее нашли. Всех, кои там отличаются в разных родах особенным умом и дарованиями, Филарета, Ермолова, Павлову, Хомякова, Загоскина она очаровала, обо всех сохранила она наиприятнейшее воспоминание, и некоторые из них с нею переписываются. – Вы так строго изволите взыскивать на мне за шутку, которую позволил я себе поместить в письме к Феодору Николаевичу насчет лица, доселе, казалось, Вам вовсе чуждого³⁰; отсюда как будто гляжу я на холодный, неумолимый взор, с коим пишете Вы мне приговор: в теперешней жизни моей так мало бывает веселых минут, что право бесчеловечно осуждать меня за них. По опыту я знаю, что в Москве всякая шутка, лишь бы была не совсем глупа, почитается преступлением: я помню, как острое, забавное слово Павловой насчет г. Сушкова³¹ подняло страшную тревогу и меня поссорило с ней. Зная это, я в одно время выезжал из Москвы и выступал в ней под именем гр. Ефимовской; мне нужна была старуха напрокат, а образованной женщины я старее ее там не нашел³². Мне приписали дурной умысл против нее, тогда как все, что заставлял я говорить ее, скорее могло поправить ее репутацию, чем испортить. Здесь назвался я потом Курдюковой³³, а после надел маску молодого моряка³⁴; но здесь и тени недовольствия не видел я. Например, кому-то вздувалось подурочить меня присылкою в именины портрета Чаадаева, и я был так прост, что письменно благодарил его; после догадался я, что это мистификация, – что же? рассердился ли я? – нет, от души хохотал.

Я готов согласиться с Вами, что прежнее негодование мое при одном имени этого человека было столь же безрассудно, как и неутолимый смех, который одолевает меня при этом же самом имени. Но это было в Москве, где, по словам покойного Шаховского, Трехгорная, Мытищинская и Яузская воды имеют свойство густить кровь и наполнять ее какою-то горечью³⁵. Никакой ум не избегнет этого пагубного влияния, и оттого-то Павловой померещилось, будто я в мои лета, посредством сплетни хотел освободить ее от знакомства одного человека³⁶; нет, приязнь моя к ней до того не простиралась. – Вы изволите находить, что я один поддерживаю теперь знаменитость Чаадаева; вы изволите ошибаться, я об нем не думаю; но здесь есть кто-то, который сильно им занимается и имеет великий запас его изображений, ибо не меня одного благословили его иконой, но мне сказывали, что двум довольно важным лицам пожалованы еще его портреты при милостивых рескриптах в стихах без подписи³⁷. Подозрения падают на А.Н. Попова³⁸; говоря Вашими словами, к чему это поведет? на минуту оживит память об этом человеке или, лучше сказать, даст о нем некоторое понятие. Вы сами изволили заметить, что после двадцатипятилетнего отсутствия здесь его решительно никто не знает, и действительно в прозаическом Петербурге гораздо более известны имена других Московских знаменитостей Шевалдышева, Варгина, Бубнова³⁹. Что касается до г. Берха, то он должен быть очень скромн, потому что не отвечал даже на предложение Коссовича. Вообще сплетни, кои, по словам Вашим, могут оттого произойти, меня не пугают: я здесь в безопасном от них месте. – Я гоню Вас со свету, изволите Вы говорить, желая Вам одного только вечного блаженства; правда, я всем желаю Царствия небесного, даже врагам моим, но только не заживо, а когда узнаю о их кончине. Опять сошлюсь на то же письмо, которое Вы невнимательно прочитали. Сколько припомню, вот что сказал я в нем: “мне нечего желать истинным Христианам, как Вы; во *ожидании* вечно-го блаженства, Вы и здесь пользуетесь величайшим благом в мире, душевным спокойствием”. Увы, я не вполне наслаждаюсь этим благом и с сожалением вижу, что Вы еще гораздо менее меня. Все письмо Ваше служит доказательством, до какой степени я в этом ошибался. Неудовлетворенное желание видеть в печати сочинение Феодора Ник<олаевича> сильно, непрерывно тревожит душу Вашу и вооружает Вас не только против тех, кои препятствуют изданию в свет этого прекрасного творения, но и против всех, кои употребляли всевозможные средства, чтобы в сем деле быть Вам угодными, и не были столь счастливы, чтобы успеть в том. Неужели и бессилие такая вина в глазах Ваших? Я упомянул в письме о Войцеховиче, как о человеке, возвратившемся из многотрудного и любопытного странствования, отнюдь не подозре-

вая, что его именем могу раздражить раны сердца Вашего. Более чем кто усердствовал он в сказанном деле, это я видел и знаю; более всех сделался он предметом негодования Вашего. Вам угодно насмешливо видеть в нем какого-то раздушенного гостиного Селадона, который поспешит занять прекрасней пол поэтическими рассказами о Востоке. Воля Ваша, это слишком на него не похоже; не изысканность форм, а могущество ума основательного вместе и приятного отперло ему двери во все салоны и открыло блестящее поприще на службе, на котором, я надеюсь, он далеко еще пойдет. Я подозреваю, что путешествие его имело политическую цель, но он в этом никак не сознается; он воротился с богатым запасом точных сведений и глубокомысленных наблюдений и не думает сообщать их каждому; я надеюсь, что Правительство захочет воспользоваться ими. Как быть, и меня, много грешного, под влиянием времени, политика в сто раз более занимает чем словесность; вот от чего и возвращение его показалось так интересным. Бедный Войцехович! Вы грозите ему небесным гневом, там (ваши слова), где люди явятся без мишурной, земной оболочки. Он так много сделал для настоящей пользы Церкви, что авось ли отпустятся ему прегре~~ше~~ния его. Он имеет великий вес между Духовенством, и если, несмотря на желание его, на все усилия, он не имел успеха, то верно препятствия были неодолимы, Нет худо без добра, и эта неудача, по крайней мере, доказывает, что духовная власть у нас еще сильна и совсем не так подчинена мирской, как иные говорят или думают. – Познакомившись недавно с протоиереем Казанского Собора, Рейковским, профессором здешнего Университета, рассуждал я с ним и даже бранился, обвиняя в упрямстве Духовную Цензуру⁴⁰. Он отвечал мне, что поэма писана в духе Мистицизма, а не Православия. Пойдите же после того, толкуйте с этими людьми. – Они заблуждаются, но как приневолить их поступить против совести и убеждения. – Говорить правду, потерять дружбу, есть пословица; но как я, не думав, не гадав, попал к Вам в немилость, то мне и терять нечего, и потому осмелюсь доложить Вам всю истину. Если б с одобрения Цензуры, творение Феод.<ора> Ник<олаевича> и вышло бы из печати, я уверен, что оно не имело бы успеха, то есть того громогласного успеха, которое оно заслуживает и которое ему желал бы я. Не то время, не те люди. В 1848 году разразилась гроза, она гремела во весь 49^й, и ныне очень внятно слышен гул ее, и нет ни малейшего сомнения, что готовятся новые бури. Слух и зрение с напряжением обращены здесь на Запад. При таком бунте стихий нельзя требовать от людей, чтобы они были внимательны даже к пению райской птицы. Век не поэтической; о том скорбели рано угаснувшие поэты наши, Пушкин и Лермонтов, хотя и приобрели в нем славу. Я уверен, что если бы ныне только появились

Освобожденный Иерусалим и Потерянный Рай, они не произвели бы никаких восторгов даже в месте рождения своего. От весьма многих слышал я о совершенстве поэмы Мироздание Соколовского⁴¹, ни одного человека не встретил, кто бы читал ее. Из уст гр. Киселева⁴² слышали, что он предпочитает всякой роман Алекса<андра> Дюма переводу Жуковского Одиссеи; никто, кроме его, этого не скажет, но две трети, если не более, из читающей публики, к сожалению, это подумают: если б Одиссея не вошла в состав нового издания полного собрания стихов Жуковского, она бы не разошлась. Да точно век романов, водевилей и богомерзких памфлетов. Тех, в коих любовь к изящному соединяется с усердием к вере, конечно, обрадует издание в свет Таинственной Капли, но много ли их? друзьям нынешней литературы подавай все житейское, а истинно набожные довольствуются чтением Бесед Святых отцов и проповедей. Надобно только знать, чего хочется. Ныне почти всем одного – известности и денег; сочинители и сочинения скороспелки, что им до будущего? слово вечная память их даже пугает как Дим⁴³. Очень хорошо; но в таком случае надобно непременно сообразоваться с общим вкусом, стараться угождать развратному миру, поддерживать господствующи<е> мнения или сильно и умно оспаривать их, в стихах или в прозе, все равно в какой бы форме ни было, лишь было бы занимательно для публики. К счастью, есть, однако же, люди, которые подобно Феод<ору> Ник<олаевичу> трудятся еще для общей пользы и для славы и которые могут надеяться жить в веках. Что такое все эти эфемерные произведения в сравнении с прочным памятником, им воздвигнутым, пусть остается он пока под спудом; рука времени непременно сорвет с него покров и покажет его потомству, более нас, может быть, способному постигать великое, благородное, святое. Сколько мне известны чувства супруга Вашего, коли не Вам, то ему мысль сия может показаться утешительною. Пусть неудачная спекуляция доводит до неистовства автора какой-нибудь уродливо длинной драмы, и он всем жалуется на похищение мыслей, того, чего у него никогда не было⁴⁴, Вас было бы это недостойно. – Вы изволили заметить, что меня по крайней мере читают; да как же читать того, кого не печатают? Пять, шесть списков, за переписку коих заплачу я целковых двадцать, пройдя чрез несколько рук являются запачканными, в лоскутах, вот вся моя знаменитость и вся моя прибыль⁴⁵. И кто же позабывает суме нищего? Писанное мною одобряется немногими, прогневляет большинство и скоро забывается, слова мои как к стене горох. А я не унываю, и все как-то пишется, хотя стараюсь других и самого себя уверить, что я совсем не писатель, а так что-то такое. И из чего я бьюсь? ей-Богу, сам не знаю; и что мне до света, с которым я совсем почти расстался и даже до этой земли, с лица которой я скоро должен

исчезнуть? непонятная сила влечет меня и, может быть, на пагубу мою. Есть великой двигатель Вселенной, который создает червяка и разрушает Царства; он для исполнения воли своей употребляет иногда самые ничтожные, презренные орудия; чтобы я был в числе их, и этого даже не смею я предполагать. Хотя я не даю клятвы более не писать (это была бы клятва пьяницы не пить вина), однако же и людей делать судьями мною писанного более не хочу; все зароется в моем портфеле, который и сделается кладбищем моих заповедных дум. – Недавно осенью случилось мне написать нечто под названием Послание к Южным Славянам⁴⁶; не знаю хорошо ли оно было, только гораздо лучше, выше, гораздо богаче мыслями и чувствами, чем все то, что я писал прежде; рассмотрев его, я нашел, что оно может быть напечатано, Никому не показывая его, дал прочесть Тютчеву, и вот как отвечает мне в своей записке: “C’est que pas un journal dans cette immense Russie n’oserait publier cette lettre aussi éminemment nationale et venant d’un homme tel que vous. Voilà le monstrueux contresens de la position donnée et qui, par une fatalité toute naturelle, doit comporter d’autres contresens tout aussi monstrueux”⁴⁷. Досадовать мне нечего; это общая участь: со всех сторон слышу я жалобы на бестолковую несправедливость напуганной Цензуры; отчаянных воплей, признаюсь, доселе еще не слышал. – Я стар, Авдотья Павловна, я слепну и я ленив; и оттого-то всякая деятельная переписка ужасает меня; в год не более двух раз пишу я к самым близким родным. Я берегу зрение для чтения, которое осталось мне последней отрадой. Всякое письмо мое, со стороны моей, есть великое пожертвование; для написания его надобно, чтобы я возбуждаем самыми нежными, признанными чувствами или, признаюсь, сильной досадой. Я писал к Феодору Николаевичу так просто, так нараспашку, что скорее мог ожидать спасибо, чем укоризны. И в голову мне не приходило, чтобы я мог быть в числе ответчиков за упрямство Архиепископа Евсевия⁴⁸, с коим не имею даже чести быть лично знаком. – Я не смею требовать нового ответа, не смею даже желать его. Надобно же положить конец этим недоразумениям, пререканиям, которые нарушают спокойствие человека, для которого оно совершенно необходимо. Итак дозволейте пожелать Вам всех благ земных, просить о принятии уверения в глубочайшем почтении, с коим имею честь быть

Милостивая государыня
Ваш всепокорнейший слуга
Филип Вигель

С.П.бург
15 генваря 1850.

Сделав это пространное разъяснение, Вигель долго не решался обращаться к Глинкам напрямую и в августе, имея нужду организовать в Москве концерты протезируемых им петербургских певцов, прибегнул к посредничеству К.А. Коссовича, которому номинальный глава семейства отвечал следующее: «Филипп Филиппович давно к нам не писал! – Желание его мы постараемся исполнить. Приехав в Город (теперь Москва пуста и в разброде), мы пригласим на вечерок знакомых и позовем *братьев Мальчугиных*. С своей стороны, мы поблагодарим им материально и, сказав, что и в Москве стоит над ними имя Филиппа Филипповича, отрекомендуем их кому сможем»⁴⁹.

После этого Вигель подверг решительной ревизии тезис Глинок о том, что они составляют «одну книгу в двух томах»⁵⁰, и стал пытаться воздействовать лишь на одну – более благодушную – половину. 28 декабря 1850 г. он писал М.Н. Загоскину: «Видишься ли ты с Феодором Николаевичем и Авдотьей Павловной Глинками; последняя на меня гневается, с этими дамами без вины будешь виноват. И за что же? За цензуру нашу, которую я ненавижу». Следовал длинный перечень нелепостей, понаделанных цензорами-перестраховщиками (какое мрачное у нас семилетие на дворе), после чего шла просьба: «Сделай милость, покажи это письмо Феод. Николаев. и скажи, в это время таким ли петь соловьям как он?»⁵¹

Еще через два года Вигель восторгался в самиздатовском очерке: «О диво! И ныне в Москве есть еще ученые и писатели с умом, которые осмеливаются оставаться Русскими: Федор Глинка, Вельтман, Сушков, Михаил Дмитриев, Снегирев, Бодянский и другие. Дерзновенные!»⁵²

Конфликт явно близился к исчерпанию. Как, впрочем, и имеющиеся в нашем распоряжении письма⁵³.

п р и м е ч а н и я

- ¹ *Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman*. Ed. by Konstantin Polivanov, Irina Shevelenko, Andrey Ustinov. (Stanford Slavic Studies. Vol. 8.) Stanford, 1994. P. 223-234.
- ² Три письма Вигеля, помещаемые в основном тексте настоящих заметок, находятся в тетради с разными рукописными материалами А.П. и Ф.Н. Глинок (Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 224). Давно приготовленные нами тексты в 2008 г. любезно сверил с автографами П.А. Трибунский, которому приносим душевную благодарность.
- ³ Санскритолог Каэтан Андреевич Коссович (1814–1883) переехал из древней столицы в новую осень (не позже начала октября) 1849 г. (Н.П. Барсуков. *Жизнь и труды М.П. Погодина*. Кн. 10. СПб., 1896. С. 348), а 22 июня 1850 г. (*Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры*. Т. 1. СПб., 1995. С. 283) получил должность, «созданную для него благодаря графу Блудову, который его узнал, приезжая в Москву на освящение Кремлевского дворца» («Воспоминания П.И. Бартенева». Публ. А.Д. Зайцева. *Российский архив*. Т. 1. М., 1991. С. 65). По этому поводу графиня А.Д. Блудова рапортовала 16 июня 1850 г. приятелю Коссовича А.С. Хомякову: «Ура! Коссович помещен! <...> Коссович назначен "Редактором ученых работ При Императорской Публичной библиотеке" по новому штату, с содержанием Библиотекаря (место и содержание которое просил), и мне кажется, что я заслужила от Вас по-

хвальный лист за столь счастливый конец моей Кампании, хотя я, подобно южным Славянам, не могла ее кончить без помощи Русской – т.е. без помощи Папиныки, по ходатайству которого барон Корф назначил Коссовича» (Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 178. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 31; ответное благодарственное письмо см.: А.С. Хомяков. *Полн. собр. соч.* Т. 8. М., 1900. С. 398).

Коссович, поначалу трудно привыкавший к петербургской жизни, находился в постоянном письменном сношении с покинутыми приятелями и знакомыми (особенно часто обращаясь к С.П. Шевыреву) и являлся для Вигеля (бывшего у Блудовых домашним человеком) ценным источником московских литературных новостей. Вопрос о Глинках был тем более остер, что Коссович нередко посещал их литературный салон. По словам современницы, «у Глинки всегда что-нибудь читалось, или произведения хозяев, или какие-нибудь классические стихи Дмитриева, или переводы, или что-нибудь из индейской поэмы Коссовича» («Воспоминания Е.А. Драшусовой (1842–1847)»). Публ. С.А. Бойко. *Российский архив.* Т. 13. М., 2004. С. 194).

⁴ Вигель в 1829–49 гг. находился в должности директора Департамента духовных Дел иностранных вероисповеданий МВД; Греко-Унитская Духовная Коллегия (ее историю см.: *Сборник Императорского Русского Исторического общества.* Т. 113, кн. 1. СПб., 1902. С. 176–212), в которой с 1834 по 1843 г. служил Ф.И. Серна-Соловьевич, была подразделением Святейшего правительствующего Синода, где его служба продолжилась и после упразднения Коллегии (в 1844–54 гг. был членом Общего присутствия Духовно-учебного управления). Назвать рекомендуемого Глинкам чиновника «бывшим сослуживцем» Вигелю позволило активное сотрудничество обоих ведомств в деле «воссоединения» униатов, где роль выразителя государственной точки зрения принадлежала другу и начальнику Вигеля Д.Н. Блудову (оценку трудового вклада Вигеля см.: *Записки Иосифа, митрополита Литовского.* Т. 1. СПб., 1883. С. 71, 82).

⁵ Письмо повреждено при вскрытии.

⁶ Имеется в виду пребывание императорского двора в Москве в марте-апреле 1849 г., о котором графиня А.Д. Блудова вспоминала так: «В это время мы приехали в Москву; я – в первый раз. Батюшка был в числе приглашенных покойным Государем на освящение нового дворца в Кремле. <...> ... и я прямо очутилась в среде для меня новой, но душевно близкой, среде тогдашнего блистательного круга Московских умственных знаменитостей из разных литературных партий, сходящихся мирно и дружелюбно у нас» (*Русский архив* (далее: *РА*). № 3 (1879). С. 383).

⁷ Это четверостишие впервые было напечатано К.В. Пигаревым (Ф.И. Тютчев. *Полное собрание стихотворений.* Л., 1957. С. 263) по тексту, находящемуся во французском письме Э.Ф. Тютчевой (супруги автора) к кн. П.А. Вяземскому от 29 ноября 1849 г.: «Хранить эти 10 картин было скучно. С другой стороны, кому их предложить? К счастью, я не знаю, кто из нас двоих вспомнил, что завтра день св. Филиппа. Знакомый нам Филипп жаждал поздравления. Тотчас же мы свернули одну из литографий, сделали из нее красивый пакет и на внешней стороне мой муж написал: Почтеннейшему имениннику Филиппу Филипповичу Вигелю:

Прими как дар любви мое изображение,
Конечно, ты его оценишь и поймешь, –
Припомни лишь при сем простое изреченье
Не по хорошу мил, а по-милу хорош»

(цитируется по переводу Б.Н. Тарасова в кн.: П.Я. Чаадаев. *Статьи и письма.* М., 1987. С. 355; дата письма указана в кн.: <Т.Г. Динесман, И.А. Королева, Б.Н. Щедринский.> *Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева.* Кн. 2. Мураново, 2003. С. 96). Предыстория сюжета рассказана в мемуарах кн. П.А. Вяземского (*Полн. собр. соч.* Т. 8. СПб., 1883. С. 288): «Чаадаев очень дорожил своим литографированным портретом и прислал Тютчеву десятка два экземпляров для раздачи в Петербурге и рассылки по Европе. Нашел же он человека для исполнения подобного поручения. Эти экземпляры,

кажется, так и остаются не розданными и нетронутыми у беспечного посредника и комиссионера».

Легко заметить, что вариант стихотворения, сообщенный женой Тютчева, более гладок по сравнению с публикуемым. Возможно, четверостишие отполировалось при автовоспроизведениях для увеселения приятелей за две недели, отделяющие письмо Э.Ф. Тютчевой от события (в этом случае в комментируемом письме Вигеля содержится первая редакция экспромта). Возможно также, что Вигель цитирует надпись на пакете по памяти (в этом случае авторитетным источником текста продолжает оставаться письмо Тютчевой).

Тютчевская мистификация основана на многолетних неприязненных отношениях Ф.Ф. Вигеля и П.Я. Чаадаева. Последний имел большие основания рассматривать написанный несомненно *сop amice*, но отчасти и *ex officio* вигелевский донос («Письмо Ф.Ф. Вигеля к митрополиту Серафиму о статье Чаадаева и журнале “Телескоп” 21-го октября 1836 года». Сообщ. из бумаг А.А. Павлова о. М.Я. Морозкин: *Русская старина*. № 2 (1870). С. 162-165) в ряду важнейших пружин, приведших в действие механизм госрепрессии. Что, в свою очередь, заставляло Вигеля не усердствовать в поисках встречи с Чаадаевым. Когда же, спустя два года, встреча все же произошла, доноситель с изумлением обнаружил в жертве не только полное отсутствие какой бы то ни было агрессии, но и желание сблизиться с погубителем. «Мало по малу я примирился с ним, тем более, что его личность совсем не похожа на его произведение, – докладывал Ф.Ф. Вигель А.Д. Блудовой в 1838 г. – Мы говорим о Западе и о католицизме, редко спорим: он как-то осторожно высказывается, скорее старается узнать ваши взгляды и нередко соглашается с вами. С своей стороны я тоже стараюсь быть сдержанным и терпимым» (*Сегодня. Альманах первый*. М., 1926. С. 137; французский оригинал: РГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 2-2 об.). Известно, что внешняя незлобивость в отношении Вигеля давалась Чаадаеву с огромным трудом (см., например, письмо к Ф.Я. Эвансу и позднейшее письмо к самому Ф.Ф. Вигелю – П. Я. Чаадаев. *Полное собрание сочинений и избранные письма*. Т. 2. М., 1991. С. 228, 267) и понадобилась, вероятно, в видах (как можно заключить по цитируемому письму Вигеля к дочери Д.Н. Блудова, вполне резонных) неформального информирования правительства о своей политической благонадежности. Менее очевидным мотивом сближения, возможно, являлось интеллектуальное одиночество Чаадаева и потребность в квалифицированном оппоненте («...никто ему раньше не противоречил: его слушали или совсем ничего не слышали, или молчали, или же аплодировали», – *Сегодня. Альманах первый*. С. 137). Последующее развитие этой странной смеси взаимной нелюбви и взаимной зависимости было весьма ярко запечатлено пронципальным мемуаристом: «Вигель чувствовал к нему зависть, видя в нем единственную помеху к своему первенству в московском обществе. Одним словом, признавая в Москве только две патентованные умственные силы, себя и Чаадаева, он никак не мог победить в себе этого чувства соперничества; они двое в Москве делили между собою область ума и никак не могли согласиться в этом разделе! Оба хотели первенства. Но Чаадаев не показывал явно своего притязания на первенство, а Вигель дулся и томился, боясь беспрестанно второго места в мнении общества: он страдал и не мог скрыть своего страдания. <...> Впрочем, они и разговаривали друг с другом, только все как-то с некоторою осторожностью и как будто с принуждением» (М. Дмитриев. *Главы из воспоминаний моей жизни*. Подг. текста и комм. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой, Т.Ф. Нешумовой. М., 1998. С. 445).

⁸ Текст письма Ф.Ф. Вигеля от 30 ноября 1849 г. см., например, в кн.: П.Я. Чаадаев. *Полное собрание сочинений и избранные письма*. Т. 2. М., 1991. С. 506-507.

⁹ Тем временем ответ готовился. 5 января 1850 г. Чаадаев обратился к кн. В.Ф. Одоевскому с просьбой приказать переслать свой ответ Ф.Ф. Вигелю, адреса которого в Москве никто не знает, а в Петербурге о нем можно справиться у Блудовых (П.Я. Чаадаев. *Сочинения и письма*. Под ред. М. Гершензона. Т. 1. М., 1913. С. 290-291); Новейший издатель Чаадаева В.В. Сапов, обнаружив, что в подготовительных материалах одного из

его предшественников письмо к Одоевскому переадресовано, усомнился следом: «Не известно, на чем основано это предположение Д.И. Шаховского, но во всяком случае справедливость его весьма вероятна. С.В.Ф. Одоевским Чаадаев никогда не был в столь близких и доверительных отношениях, чтобы обращаться к нему с подобной просьбой. С.П.А. Вяземский его, напротив, связывала довольно тесная дружба <...>. Однако этих чисто “психологических” соображений, конечно, недостаточно для окончательного решения вопроса об адресате этого письма» (П.Я. Чаадаев. *Полное собрание сочинений и избранные письма*. Т. 2. С. 380). Даже если бы письмо не сохранилось в архиве кн. Одоевского (Аннотированный указатель рукописных фондов ГПБ. Вып. 3. Л., 1983. С. 130), даже если бы в январе 1850 г. кн. П.А. Вяземский не путешествовал по Востоку, а находился бы в Петербурге и хотя бы теоретически мог исполнить просьбу, «психологических» причин было бы все равно вполне достаточно, чтобы воздержаться от переадресации. Служивший одно время под началом Ф.Ф. Вигеля кн. В.Ф. Одоевский занимал второе (за Чаадаевым) место в списке ненавидимых Вигелем лиц (см., например, отсылки в письмах к А.Д. Блудовой как тридцатых, так и пятидесятых годов: РГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1 об., 59 об.-60; ср. памфлет с редакторским названием «Москва и Петербург»: РА. № 8 (1893). С. 580-581). Чаадаеву был необходим представитель, который останется на его стороне при любой реакции Вигеля на его письмо, содержащее множество намеков, некоторые из которых и сегодня не выглядят слишком политкорректными (текст см., например: П.Я. Чаадаев. *Сочинения*. Сост., подг. текста и примеч. В.Ю. Проскуриной. М., 1989. С. 481-482). Для полного вооружения своего посланника Чаадаев присовокупил к запечатанному пакету для Вигеля копию содержащегося там ответа и копию вигелевского письма с благодарностью за портрет.

¹⁰ Фрейлиной великой княгини Марии Николаевны с 1846 года была графиня Александра Андреевна Толстая (1817–1904), двоюродная тетка и близкий друг гр. Л.Н. Толстого, несомненно, в Москве бывавшая. В частности, осенью 1826 г. в девятилетнем возрасте ей довелось танцевать с А.С. Пушкиным, посетившим московский дом ее родителей (И.Н. Захарьин (Якунин). «Графиня Александра Андреевна Толстая. Личные впечатления и воспоминания». *Вестник Европы*. № 6 (1904). С. 443), – факт, не зафиксированный известным биографическим справочником Л.А. Черейского. По-видимому, под «первым разом в Москве» Вигель имеет в виду «первый раз за последние годы».

¹¹ «Я уверен, что ему бы более льстило возмущение некоторых петербуржцев, чем полное безразличие, которым его здесь угощают» (*Сегодня. Альманах первый*. С. 137). Сделав этот вывод после личных контактов с Чаадаевым в 1838 г., Вигель прекратил нападения на личность и воззрения недруга и полностью сосредоточился на борьбе с чаадаевской известностью. «Но никто не подозревает тлеющего во тьме, в углу Старой Басманной, Сен-Симонизма; когда случится назвать Московского Ланфантеня, все спрашивают: “Кто бишь это такой?”» – так Вигель описывал петербургскую умственную жизнь в письме 1842 г. к А.С. Хомякову (РА. № 5 (1884). С. 228). По тому же лекалу Вигелем скроены еще несколько удостоверений чаадаевской безвестности, но именно в послании к Хомякову случайно обнажилась тайная цель всех этих высказываний: «Нельзя ли письмом моим подразнить Чаадаева, пропуская разумеется при чтении все то, что как будто может относиться к нему?»

¹² Благодаря Чаадаева за «присланный» портрет, Вигель просил доставить ему еще один экземпляр: «Сие делаю я вследствие желания, изъявленного одной Придворной Дамой, которая прошедшей весной имела удовольствие познакомиться с Вами» (П.Я. Чаадаев. *Сочинения и письма*. Под ред. М. Гершензона. Т. 1. С. 417). Исследователь В.В. Сапов заключил, что «Придворной Дамой» является гр. А.Д. Блудова (П.Я. Чаадаев. *Полное собрание сочинений и избранные письма*. Т. 2. С. 507). В реальности же, как мы видим, никакой дамы не было, а было лишь намерение Вигеля разыграть гр. А.А. Толстую так же, как Тютчев разыграл его.

¹³ Очевидно, поэт Николай Васильевич Берг доставил Вигелю книгу своих переводов – вероятно всего, «Сербские народные песни» (М., 1847).

- ¹⁴ Веселью (от франц. hilarité).
- ¹⁵ Псевдоним, использовавшийся Ф.Ф. Вигелем в 1845 г. (ср. прим. 25 к 1-й части настоящей публикации).
- ¹⁶ Ситуация с общественным восприятием графа Арсения Андреевича Закревского, назначенного в мае 1848 г. московским военным генерал-губернатором и начавшего управлять городом несколько самовластно, напомнила «насмешникам» басню И.А. Крылова «Лягушки, просящие царя» (<1809>). Заметим, кстати, что среди лиц, руководивших басенными лягушками, был и чурбан («Не суетлив, не вертопрашен, / Степенен, молчалив и важен; / Дородством, ростом великан, / Ну, посмотреть, так это чудо! / Одно в Царе лишь было худо: / Царь этот был осиновый чурбан»). Возможно, реактуализированная сходством ситуаций басня подсажала читающей московской публике известное прозвище для гр. А.А. Закревского.
- ¹⁷ Начало дружеского сближения Ф.И. Тютчева с Блудовыми относится, по всей видимости, к сентябрю-октябрю 1849 г. (<Т.Г. Динесман, И.А. Королева, Б.Н. Щедринский.> *Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева*. Кн. 2. С. 92-93).
- ¹⁸ Не исключено, что, встречаясь в свете с одним и переписываясь с другим, Ф.Ф. Вигель до некоторой степени способствовал тому оживлению отношений Ф.Н. Глинки и Ф.И. Тютчева в конце 1849—начале 1850 г., о котором можно судить по письму последнего от 16 февраля 1850 г. (Ф.И. Тютчев. *Полное собрание сочинений и писем в шести томах*. Т. 5. М., 2005. С. 12).
- ¹⁹ Алексей Иванович Войцехович (1805–1881) – старший чиновник за Обер-Прокурорским столом в Синоде и управляющий Синодальной канцелярией (подробнее: *Сборник Императорского Русского Исторического общества*. Т. 113, кн. 1. СПб., 1902. С. 222-225; Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. *Члены Государственного совета Российской империи*. СПб., 2007. С. 140-141), давний знакомый Вигеля, знавшего его родителей (Ф.Ф. Вигель. *Записки*. Ч. 1. М., 1891. С. 210-211), а в 1836-37 гг. начальствовавшего над его братом.
- Принимал деятельное участие в попытках напечатать в России поэму Ф.Н. Глинки «Таинственная капля» и 8 сентября 1848 г. сообщал А.П. Глинке: «Завтра начнут переписывать; и каждая тетрадь будет посылаема к Вам на просмотр. Само собою разумеется, что во всем дальнейшем я поступлю согласно с Вашими мыслями, с которыми совершенно согласен. А если Бог благословит успехом окончательным; то в силе и пространстве радости я – не уступлю ни кому» (РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 542. Л. 1 об.). Вряд ли можно сомневаться, что на следующий день начать переписывать эпическое творение Ф.Н. Глинки предстояло не кому-нибудь а писцам Синодальной канцелярии. Через месяц автор уведомлял кн. П.А. Вяземского: «Теперь сочинение мое, чрез посредство А.И. Войцеховича, поступает или даже поступило в *духовную цензуру*» (В.П. Зверев. *Федор Глинка русский духовный писатель*. М., 2002. С. 478), а 30 мая 1849 г., так и не дождавшись разрешения, обращался к К.С. Сербиновичу (директору канцелярии Обер-Прокурора Святейшего Синода): «Из газет же узнал я, что Алексей Иванович едет или уже уехал за границу. По этому случаю, еще раз, прошу вас взять к себе под сохранение копию с моей бедной капли до благоприятнейшего случая <...>» (*Русская старина*. № 4 (1900). С. 169).
- ²⁰ С.Д. Нечаев (1792–1860), в описываемый момент первоприсутствующий в 1-м отделении 6-го департамента Сената (Москва), поэт, археолог; в 1833-36 гг. обер-прокурор Святейшего Синода (см. статью В.Э. Вацура в кн.: *Русские писатели. Биографический словарь. 1800–1917*. Т. 4. М., 1999. С. 292-293 и подробные справки в кн.: Д.Н. Шилов. *Государственные деятели Российской империи*. СПб., 2001. С. 458-461; А.И. Серков. *Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь*. М., 2001. С. 587-588); давний знакомый Ф.Н. Глинки (см. их переписку: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 342; РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 105, 131) и Ф.Ф. Вигеля (см.: *Старина и новизна*. Кн. 9. СПб., 1905. С. 237).
- ²¹ См. прим. 22 к 1-й части настоящей публикации.
- ²² Государственный архив Тверской области. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 958. Л. 9-9 об.

- ²³ Варится в собственном соку (франц.).
- ²⁴ У Каролины Карловны Павловой.
- ²⁵ Ср. прим. 17 к 1-й части настоящей публикации.
- ²⁶ Последние несколько фраз Вигеля легко позволяют реконструировать суть упрека, сделанного ему А.П. Глинкой: почему близкая ему графиня А.Д. Блудова намеревается читать при дворе стихи К.К. Павловой, а не «Таинственную каплю» Ф.Н. Глинки?
- ²⁷ Цензурная история стихотворения «Разговор в Трианоне» (1848), опубликованного лишь в 1861 г. (к тому же анонимно и за границей), обстоятельно изложена в комментариях Н.М. Гайденкова в кн.: Каролина Павлова. *Полное собрание стихотворений*. М.-Л., 1964. С. 560-561.
- ²⁸ Речь идет о двух дочерях гр. Д.Н. Блудова – гр. Антонине Блудовой (1813–1891) и овдовевшей в 1849 г. Лидии Шевич (1815–1882). В первой половине 1840-х гг., в Москве, Глинки познакомились с младшей из них. Об этом известно из написанного не позднее начала 1846 г. вигелевского очерка «Светопись», посвященного Л. Д. Ш. (т.е. Лидии Дмитриевне Шевич). В нем каталогизируются обретенные адресатом в ходе поездки в Москву знакомства, среди которых есть и такое: «Вы встретили потом одну, почтения достойную жену, знатного рода и племени, что, как будто, старается она заставить всех забыть, не унижением, а отменною ко всем приветливостию. Рано познала она горести, понятные только душам возвышенным и сердцам чувствительным. Несправедливости людей взволновали ее неопытное прямодушие, нечто похожее на ненависть к ним готово было родиться в ее сердце, как послышался ей голос, который сказал ей, что, по большей части, люди того не стоят. Тогда вражда превратилась в равнодушие, а презрение в сострадание к ним, и благотворениями начала она мстить человечеству. Иногда и поныне вскипит в ней негодование, но она подымет глаза к небу – и буря в груди ее утихает» (*Раут*. Кн. 3. М., 1854. С. 40; это раннее воззрение на душевное устройство А.П. Глинки, конечно, хорошо подготовило Ф.Ф. Вигеля к эпистолярному конфликту, рассматриваемому в нашей публикации).
- С гр. А.Д. Блудовой Ф.Н. Глинка познакомился лишь в начале 1850-х гг. и был включен в качестве поэта и переводчика к одному из ее бесчисленных прославянских литературных начинаний (см. его письма 1854 г.: РГБ. Ф. 359. М. 8228. Ед. хр. 20; РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1931).
- ²⁹ Т.е. по-прежнему обсуждается прошлогодняя поездка – ср. в письме М.Н. Загоскина к гр. А.Д. Блудовой 16 апреля 1849 г.: «...Ну можно ли приехать в Москву для того, чтоб быть беспрестанно больной?» (*Вестник Всемирной истории*. № 6 (1900). С. 88).
- ³⁰ Природная наблюдательность в данном случае изменила Вигелю: фактов, свидетельствующих о многолетней взаимной приязни четы Глинок и Чаадаева, великое множество. См., например, новейшую их подборку в кн.: *Пётр Яковлевич Чаадаев*. Издание подготовил Б.Н. Тарасов. М., 2008. С. 718-723 (собранный здесь обширный материал мог бы стать значительно полезней, если бы не присутсвие составителю странное обыкновение дезориентировать читателя указаниями на архивные источники давно известного в печати и умалчиванием об источниках печатных).
- ³¹ Этот грамматически двусмысленный оборот, вероятно, следует истолковать так: «завбавное слово» принадлежало Ф.Ф. Вигелю, метило в Н.В. Сушкова, а сказано было в беседе с К.К. Павловой.
- ³² Возможно, имеется в виду графиня Аграфена Федоровна Ефимовская, урожд. Скарятинна (1775–1850), но наличных сведений (Князь Петр Долгоруков. *Российская родословная книга*. Ч. 2. СПб., 1855. С. 144) недостаточно для однозначной идентификации.
- ³³ Тексты Вигеля, распрстранявшиеся под этим именем, пока не выявлены. В его письме 1848 (?) г. к гр. А.Д. Блудовой говорится: «Il paraît que Mad. Korducof a raison de m'arpeler le Sancho Pança Russe, car je suis tenté de citer le proverbe, царь хочет, да псарь не хочет» (РГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 52).

- ³⁴ Об этой литературной личине Вигеля нет никаких сведений. Может быть, к ней имеет какое-то отношение следующее место из его письма к гр. Блудовой от 21 сентября 1849 г.: «Здесь есть один приезжий молодой Москвитянин, который также как я славынствует по Французски. Из множества его разбросанных заметок, я взял одно место, списал его и у сего к Вам препровождаю вместе с журналами от Вас полученными» (Там же. Л. 34 об.).
- ³⁵ Нам не удалось установить, где именно кн. А.А. Шаховской дал оценку источникам московского водоснабжения.
- ³⁶ Т.е. Н.В. Сушкова – ср. выше.
- ³⁷ О том, что Ф.И. Тютчев мистифицировал чаадаевскими портретами кого-нибудь, кроме Ф.Ф. Вигеля, до сих пор не было известно. Возможно, впрочем, что к последнему вернулись искаженные слухи, основанные на его собственном случае.
- ³⁸ Медленно и с трудом ассимилировавшийся в Петербурге (по службе – сотрудник гр. Д.Н. Блудова) экс-москвич, близкий друг А.С. Хомякова и хороший знакомый П.Я. Чаадаева Александр Николаевич Попов (ок. 1820–1877).
- ³⁹ Перечисляются известные московские купцы.
- ⁴⁰ Священник Андрей Иванович Райковский (ок. 1802–1860) в 1841–45 гг. находился в должности цензора Духовно-цензурного комитета при Санкт-Петербургской духовной академии (о его деятельности там см.: Ал. Котович. *Духовная цензура в России. (1799–1855 гг.)*. СПб., 1909, по указ.; биографию см. в кн.: Е.А. Бобров. *Философия в России*. Вып. 5. Казань, 1901. С. 46–56).
- ⁴¹ В.И. Соколовский. *Мироздание. Опыт духовного стихотворения*. М., 1832; В.И. Соколовский. *Мироздание. Стихотворение Владимира Соколовского*. Изд. 2-е. СПб., 1837.
- ⁴² Министр государственных имуществ граф Павел Дмитриевич Киселев (1788–1872), о весьма серьезных читательских интересах которого см.: Н.М. Дружинин. *Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева*. Т. 1. М.-Л., 1946. С. 262–263.
- ⁴³ Загадочное сравнение. Может быть, имеется в виду какое-то высказывание М.А. Дмитриева и читать это место следует: «как Дим.<итриева>»?
- ⁴⁴ Намек на конфликт двухлетней давности между Ф.Н. Глинкой и Н.В. Сушковым – см. 1-ю часть настоящей публикации (с. 225) и прим. 11 к ней.
- ⁴⁵ Тиражирование за собственный счет однажды даже побудило старого арзамасца Вигеля сравнить себя с гр. Д.И. Хвостовым (письмо к гр. А.Д. Блудовой 29 апреля 1852 г.: РГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 41 об.).
- ⁴⁶ Без сомнения, речь идет о чрезвычайно любопытном тексте, помеченном «С.-Петербург, 8/20 октября 1849 г.», но опубликованном лишь спустя полтора десятилетия под явно редакционным заглавием «Из письма Ф.Ф. Вигеля к кроатскому писателю и патриоту Гаю» (*Современная летопись. Воскресное прибавление к «Московским ведомостям»*. № 46 (1863). С. 4–6).
- ⁴⁷ «Дело в том, что ни одно издание во всей огромной России не решится опубликовать это письмо, до такой степени проникнутое национальным духом, к тому же написанное таким человеком как Вы. Вот ужасающая нелепость нынешнего положения, которая роковым образом чревата другими нелепостями, не менее ужасающими» (*франц.*). Цитируемая Вигелем записка к нему Ф.И. Тютчева не сохранилась. Вигелевское послание к Людевиту Гаю, писавшееся на фоне личных встреч с Тютчевым, работавшим, в свою очередь, над статьей “La Russie et l’Occident”, не должно упускаться при анализе идейного контекста последней.
- ⁴⁸ Епископ Винницкий Евсевий (в миру Евфимий Поликарпович Орлинский, 1808–1883), в 1847–50 гг. был ректором Санкт-Петербургской духовной Академии, при которой действовал Комитет для цензурования духовных книг, где рассматривалась поэма Ф.Н. Глинки «Таинственная капля».

⁴⁹ РГБ. Ф. 18. Карт. 5. Ед. хр. 39. Л. 2.

⁵⁰ Первая часть настоящей публикации, с. 227.

⁵¹ Русская старина. № 7 (1902). С. 105-106.

⁵² РА. № 8 (1893). С. 580.

⁵³ За пределами публикации осталось три письма Ф.Ф. Вигеля к А.П. Глинке – одно (от 19 декабря 1845 г. из Одессы) в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 224. Л. 55, 56 об.) и два (короткие записки без даты) в РГАЛИ (Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 540).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ П.А. ВЯЗЕМСКОГО И П.И. БАРТЕНЕВА

3. Сюжет о Баратынском

Лев Соболев

Переписка П.А. Вяземского с издателем «Русского Архива» (далее *РА*) П.И. Бартеневым (см.: [Мироненко]) в значительной части не публиковалась¹ (письма Вяземского появлялись в *РА* разных лет; см. также: [Гулин]). Мы печатаем несколько писем Вяземского (Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 153) и Бартенева (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1407) из РГАЛИ (далее указываются лишь номера листов архивных единиц), в которых обсуждается обнародование письма Е.А. Баратынского к В.А. Жуковскому в *РА*. В этом письме (написанном в конце 1823 года по просьбе Жуковского, собиравшегося показать его императору) Баратынский рассказывает корреспонденту о своем проступке в Пажеском корпусе².

Письма печатаются полностью, по современной орфографии и пунктуации (в частности, публикатором везде поставлены кавычки в заглавиях журналов или отдельных произведений) с сохранением некоторых особенностей индивидуальной манеры письма. Письма Вяземского, по-видимому, написаны рукой В.Ф. Вяземской³; везде отмечен текст, написанный рукой Вяземского.

Благодарю сотрудников РГАЛИ за помощь в подготовке этой публикации. Особая благодарность – А.Л. Соболеву, принимавшему большое участие в комментировании писем.

п р и м е ч а н и я

- ¹ См. наши публикации: *Соболев Л.* Из переписки П.А. Вяземского и П.И. Бартенева // *И время и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата*. М., 2008; *Соболев Л.* Под именем Пушкина // *Восток-Запад: пространство русской литературы и фольклора*. Волгоград, 2009.
- ² Текст письма и комментарий см. в [Баратынский 1987]. 19 февраля 1816 г., в день шестнадцатилетия Баратынского, он вместе с Д. Ханьковым «отправляется с визитом к отцу их общего друга пажу Л. Приклонского – камергеру П.Н. Приклонскому, имея с собой ключ от его бюро. <...> Вероятно, в то время, пока Баратынский отвлекает Приклонского-отца светской беседой, Ханьков незаметно идет в кабинет и похищает из бюро 500 рублей и черепаховую табакерку в золотой оправе <...>» [Летопись: 72-73]. Камергер обнаруживает пропажу, виновные найдены и признались в содеянном. 25 февраля Александр I повелел исключить Баратынского и Ханькова из Пажеского корпуса и запретил им вступать в какую-либо иную военную или статскую службу, кроме солдатской [Там же: 74].
- ³ Указание на то, что письма Вяземского писаны под диктовку его женой, см.: Из собрания автографов императорской Публичной библиотеки. СПб., 1898. С. 115.

1. ВЯЗЕМСКИЙ – БАРТЕНЕВУ

<почерком Вяземского:>

[Л. 70]

Ливадия 26 сент<ября 1867>

Сию минуту прочел я в «Вестнике Европы», разумеется, Стасюлевича, том III, сентябрь, воспоминания Панаева. На странице 266 Баратынский (тогда еще унтер-офицером, после разжалования из пажей в солдаты за воровство <?)¹.

Нельзя оставить без возражения или объяснения подобное сырое, голое и дикое обвинение. Панаев был добрый человек, что и видно из записок его². Вероятно, действовала тут и ревность к Софии Дмитриевне Пономаревой, и он внес в свой рассказ городской слух без дальнейшего исследования³. Но стыдно Стасюлевичу печатать это без оговорки. Передайте [70 об.] это Путятю⁴.

На днях отправил я к Вам большое письмо⁵. Вероятно, остаемся здесь до конца октября.

Неизменно Вам преданный Вяземский

¹ Фрагмент «Воспоминаний» В.И. Панаева перепечатан в [Баратынский 1987: 359-360].

² Владимир Иванович Панаев (1792–1859) – поэт-идиллик, участник литературных полемик «лицеистов» против «измайловцев» (к которым принадлежал Панаев). «В конце 1850-х годов он отвечал своим литературным и личным противникам и не мог удержаться от соблазна выиграть посмертно эту литературную битву» [Вацууро 2004: 332]. Ср.: «В нем <отзыве о “лицеистах”». – Л.С.> высказываются надменность и завистливое самолюбие писателя в соединении, как увидим далее, с соперничеством в волокитстве» [Путята: стб. 143].

³ Об отношениях Панаева и Баратынского к С.Д. Пономаревой см.: [Вацууро 1989].

⁴ Николай Васильевич Путята (1802–1877) – литератор, друг Баратынского и муж его свояченицы, Софии Львовны Энгельгардт. Письма Баратынского к Путятю были напечатаны с примечаниями последнего в [РА 1867: стб. 263-290].

⁵ Имеется в виду письмо от 22 сентября (из Ливадии), в котором Вяземский отзывается на последние публикации в РА и, в частности, пишет: «Я не последовательно читаю русские и особенно московские газеты, [40] а урывками, когда попадут под глаза. Меня всегда поражает нелогичность их, не упоминая о прочих недостатках. Они описывают Россию такими красками, что и русский отохоchet быть русским. А между тем навязывают они Россию на других <?> и требуют, чтобы все охотно лезли, хоть в омут, да лезли. Это напоминает людей, которые предлагая что-нибудь съесть или выпить, говорят: отдайте, какая гадость – да, покорнейше благодарим, оставьте эту гадость при себе, а мы вовсе не желаем ее испробовать. Вот что могли бы отвечать и нашим [40 об.] журналистам.

Описывая они Россию в выгодном свете – дело другое. Тогда говори: к нам! Вообще все это так называемое патриотическое настроение для меня гадко и возмутительно. Нет, это не патриотизм екатерининского века, 12-го года, патриотизм Карамзина, Жуковского, Пушкина, а пошлый, горластый, лакейский патриотизм. И что за ложь! Все знают, что мы не можем, не должны желать войны, что всякая наша война будет окончательным дополнением Крымской войны, а между тем подстрекают к войне, вният правительство, что оно не затягивает песни:

Мальбруг в поход поехал,
И конь под ним играет.
Неужели все это не бессовестно и не бесчестно?» (л. 39-40 об.).

2. БАРТЕНЕВ – ВЯЗЕМСКОМУ

[Л. 58]

Москва 14 октября 1867.

Я получил оба сентябрьские письма Вашего Сиятельства, и думаю, что мой ответ еще поспеет в Ливадию, где у Вас благодать небесная, тогда как здесь с августа двойные рамы и снова наступило царство простуды и насморков. О Баратынском давным-давно готов я напечатать несколько разъяснительных и опровергающих слов¹; меня удерживает Соболевский: он говорит, что лучше отделаться молчком. Подожду приезда Путяты и других родных Баратынского. Некто Кичеев² пишет мне, как сам Баратынский рассказывал ему о шалостях в Пажеском корпусе. Лет пятнадцать назад мне случилось читать в копии у И.В. Киреевского письмо об этом Баратынского к Жуковскому.

[58 об.] Письма Василья Андреевича отпечатаны и отдельные оттиски готовы, на лучшей бумаге³. Эта тетрадь «Р<усского> Архива» должна выйти 1 ноября; но, кажется, следует мне предварительно поблагодарить Великого Князя за честь, коей удостоено мое издание. Научите, как мне это сделать, т.е. прямо ли писать на Его имя или адресоваться к кому. Если же Вы скоро пожалуете в наши края, то мое недоумение разрешилось бы, и я бы просил Вас передать мое благодарительное письмо. Или не позволите ли прислать к Вам те[59]перь же самое письмо с экземпляром оттиска.

О принадлежности «Душеньки» графу С.П. Потемкину я ничего не знаю⁴. Вы называете меня всеведущим архивистом и библиофилом, я же на каждом шагу чувствую скудость моего чтения и запаса знаний. За библиотекой и корректурами не остается времени для чтения, какого бы хотел.

То, что Вы изволите писать о передовых статьях в наших газетах, будет сохранено. Наши газетчики слишком много пишут, след<овательно>, мало читают и не имеют времени быть благоразумными. Эта ежедневная газетная трескотня [59 об.] в стране, где 90 % населения не знает грамоте и где почта во многих местах приходит лишь еженедельно – есть уже сама по себе политическая аномалия. Многие сельские школы даже Николаевского времени закрыты, а газеты выходят ежедневно, а потому и наполняются вздором.

На днях была у нас Праск<овья> Алексеевна Пушкина и поручила передать Вам поклон свой⁵.

10-ю тетрадь «Р<усского> Архива» я послал в Ливадию.

Сердечно признательный и преданный Вашему Сиятельству П. Бар- тенева

- ¹ Заметка Бартенева с возражениями на воспоминания Панаева была напечатана одновременно с письмом Баратынского, письмами Жуковского к Голицыну и заметками Путьяты: П.Б. О воспоминаниях Панаева [РА 1868: стб. 146-147]. В 1867 г. в РА помимо писем Баратынского к Путьяте была напечатана статья М. Лонгинова «Баратынский и его сочинения» [РА 1867: стб. 248-264].
- ² По всей вероятности, речь идет о Петре Григорьевиче Кичееве (1804 – не ранее 1875), адвокате и мемуаристе, постоянном авторе РА (см.: Сводный указатель к «Русскому Архиву» П.И. Бартенева. Сост. А.Б. Каменский, А.Ю. Каменская. М. 2001; в указателе имен принадлежащие его перу заметки разбиты на две части: одна справедливо атрибутирована П.Г. Кичееву, а другая – никогда не существовавшему П. Кичеву). Его воспоминания «Еще несколько слов о Баратынском» [РА 1868: стб. 866-872] перепечатаны в кн.: Из недавней старины. Рассказы и воспоминания Петра Григорьевича Кичеева. М. 1870. С. 174-182; см. также: [Баратынский 1987: 378-383]. Странно, что Бартенев аттестует его в комментируемом письме «неким», тогда как двумя годами ранее он характеризовал его: «известный московский адвокат» [РА 1865: стб. 642]. В архиве Бартенева сохранились три письма Кичеева (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 559. Л. 355, 373, 428): в двух первых (октябрь 1865) он просит содействия адресата в переводе сына в 5-ю московскую гимназию, а в третьем (20 ноября 1865) посылает поправки к своей статье.
- ³ Имеется в виду особый оттиск из РА, вышедший по заглавию: *Жуковский В.А. Письма к Вел. Кн. Константину Николаевичу. 1840–1851.* (Из «Русск. Арх.» 1867 г.). М., 1867; в книготорговом каталоге П.П. Шибанова (Кат. 163. № 140) экземпляр этого издания охарактеризован как «Оттиск на веленовой бумаге с большими полями». В РА письма напечатаны с предисловием Вяземского, где он сообщал, что «подлинники тщательно и с любовью хранятся у Великого Князя» (стб. 1385); великий князь Константин Николаевич (1827–1892) – корреспондент и собеседник Вяземского; с 1865 г. – председатель Государственного совета.
- ⁴ В письме от 22 сентября 1867 г. Вяземский писал: «Вы, всеведущий архивист и библиофил, знаете ли Вы книгу „Душенька, опера в пяти действиях и вольных стихах“? (Скорее уж невольных). Напечатана она в СПб в 1808 году, в типографии Фридриха Дрехслера, издание с картинками и очень красивое. Стихи ужасны, шишковские, жесткие и истинно варяго-росские и вообще глупые. Не написана ли опера графом Сергеем Павловичем Потемкиным, известным богачом, промотавшимся в Москве? Мне что-то помнится, что он писал какую-то оперу, вообще писал для театра вместе с Катениным, Жихаревым и другими тогдашними борзописцами» (л. 39 об.); см. об этом в статье Е.Н. Пенской о Потемкине [РП: 122]. В современной библиографии это издание атрибутируется А.В. Кочубею и С.П. Потемкину: [Каталог: 269].
- ⁵ П.А. Пушкина (1803–1875); в письме от 22 июля 1867 г. из Спасского («близ Воскресенской ст<анции> по Ряз<анской> ж<елезной> дор<оге>») Бартенев пишет: «Знаете ли, с кем вспоминаю Вас и кто поручил передать Вам поклон? – Прасковья Алексеевна Пушкина, старая девица, дочь Алексея Михайловича, над могилою которого вчера стоял я» (л. 54).

3. БАРТЕНЕВ – ВЯЗЕМСКОМУ

[Л. 63]

Москва 16 ноября 1867.

Я просто в отчаянии и не спал всю ночь от досады и огорчения¹. Казалось мне, что я приложил все старание, чтобы оттиски вышли хоро-

ши. Но кому же придет в голову пересматривать каждый экземпляр, тем более что лежащий передо мною совершенно исправен. Высылаю завтра же один экз. поставив на ноги всю типографию. Ради Бога, утешьте меня! Жду остальных экз. для исправления. И перед всяким было бы мне совестно, а тут и Вы, и Великий Князь!

[63об.] Посылаю перечень произведений Жуковского, напечатанных после издания 1857 года². Дополню еще этот перечень, впрочем не многим. Факт тот, что в «Р<усском> Вестнике» 1862 г. профессор Буслаев напечатал почти ругательную статью на Жуковского, и немец Зейдлиц оборонял его в газете «День»³! Из этого можно заключить, как велико внимание русского общества к лучшим сынам России. В Германии такого профессора уволили бы от кафедры!

Скажите, дошло ли до Вас самопризнание Баратынского и письмо [64] о Баратынском Жуковского к кн. А.Н. Голицыну 1824 года. Мне прислали их для напечатания? <так!> Путята устраняется, говоря, что в качестве родственника он не может решить беспристрастно. Если у Вас еще не было этих писем, позвольте прислать для прочтения.

Читали ли статью о Батюшкове?⁴ Я пришлю к Вам прекрасный портрет его, коего подлинник подарен мне П.А. Пушкиной, а ее матери⁵ дан самим Батюшковым.

Как я буду доволен, если работу князя Павла можно будет сей час же [64 об.] печатать. Если бы она дошла до меня скоро, то я не стал бы ее откладывать: в печатаемых мною Летописях именно этот месяц Записки Фридриха были бы кстати⁶.

Душевно Вашему Сиятельству преданный П. Бартенева

¹ Ответ на письмо Вяземского от 13 ноября: «Позвольте поставить Вам на вид, что Вы большой ветреник. В оттисках, присланных В<еликому> К<нязю>, недостает страниц от 8-й до 17-ой, о том было у меня сегодня совещание в Госуд<арственном> Сов<ете> с Великим Князем, который привез тому в доказательство и самую книжку. Поправьте поскорее ошибку и пришлите новые оттиски, а старые будут Вам возвращены. Сейчас возвращаюсь в Ц<арское> Село. Весь ваш Вяземский

Павел [69 об.] поручает сказать Вам, что работа его переписывается. В<еликий> К<нязь> сказал мне, что во всех экземплярах тот же недочет страниц (л. 69-69 об.). Аналогичный экземпляр (до исправления ошибки) хранится в книжном фонде РНБ (шифр 18.126.2.279). Павел – Павел Петрович Вяземский (1820–1888) – историк литературы, археограф, сын П.А. Вяземского.

² В письме от 8 ноября 1867 г. Вяземский, сообщая о приезде сына Жуковского и намерении его заняться новым изданием сочинений отца, писал: «Потрудитесь составить ведомость всему, что было после кончины его разбросано в журналах и не вошло еще в полное собрание сочинений его» (л. 38). Имеется в виду издание: Стихотворения. Т. I–XIII. Изд. 5-е. СПб. <Карлсруэ>, 1849; 1857.

³ Федор Иванович Буслаев (1818–1897), с 1861 г. – профессор Московского университета, напечатал в РВ (№ 3, 9, 10) статью «Русский богатырский эпос», в которой, рассуждая

о том, что любое западное влияние оказывалось в России «лишь временною модою», спрашивал: «вошло ли в русскую цивилизацию классическое образование?» [РВ. № 3 (март): 10]. Отрицательно отвечая на этот вопрос, он, в частности, писал: «“Одиссея” Жуковского ни на волос не прибавит уважения к нашему классическому образованию, даже скорее представит нам печальный результат понапрасну возникавших в нашем отечестве хлопот о классическом ученье. Задумав дать русской публике в переводе одно из самых благоуханных произведений греческой народной поэзии, Жуковский с таким презрением отнесся к классическому обучению на Руси, что не вменил себе в обязанность выучиться по-гречески и не признал необходимым из самого подлинника почерпнуть свое вдохновение. Некоторый ученый немец перевел ему греческий подлинник слово в слово на немецкий язык, и из этого надстрочного перевода, самого безобразного и чудовищного, Жуковский извлекал красоты первобытной, наивной поэзии гомерической. Понятно, следовательно, почему его “Одиссея” оказалась чужда античной жизни и вылилась в изношенном слоге “Северной Пчелы” времен Булгарина и Греча» (с. 11). В газете «День» (1862. № 41) Карл Карлович Зейдлиц (1798–1885) – друг Жуковского, автор нескольких работ о поэте, например, «Жизнь и поэзия Жуковского, по неизданным источникам и личным воспоминаниям» (СПб., 1883), напечатал заметку «Г. Буслаев и “Одиссея” Жуковского» (с подзаголовком «Письмо русского немца»), в которой, в частности, сказано: «Меня не столько оскорбила неправда этого судии относительно Жуковского, сколько опрометчивость и легкомыслие, с каким нынешний литературный критик говорит о создании, которым русская литература поистине может гордиться <...> Я знаю, что теперь в большом ходу унижать по мере сил заслуги старых передовых людей, подготовителей и основателей нынешней русской письменности» (с. 16). Заметив, что Буслаев «Гомера не понимает», Зейдлиц пишет далее: «Величайшая заслуга Жуковского при пересадке создания древнего грека на русскую почву состоит именно в том, что он сумел понять, усвоить себе и передать эту величественную детскую простоту подлинника <...>» (с. 17). В примечании редактора И.С. Аксаков тоже возражал Буслаеву и привел отзыв К.С. Аксакова о Жуковском как о переводчике Гомера. К заметке Зейдлица (подписанной литерой З.) приложены выдержки из писем Жуковского к нему.

- ⁴ К.Н. Батюшков. Его письма и очерки его жизни. С литографированным портретом [РА 1867: стб. 1342-1360, 1440-1536; без подписи].
- ⁵ Жена Алексея Михайловича Пушкина Елена Григорьевна, урожденная Воейкова (1778–1833).
- ⁶ Имеется в виду книга: Оснадцатый век. Исторический сборник, изд. Петром Бартевым. Кн. 1. М. 1868. Труд Вяземского «О политике Фридриха Великого с 1763 по 1775 год» был помещен на с. 163-256; известен отдельный оттиск: О политике Фридриха Великого с 1763 по 1775 год. Переведено и составлено князем Павлом Вяземским. М.: Типография т. Рис, у Мясницких ворот, д. Воейкова, 1868. Напечатано 50 экземпляров.

4. БАРТЕНЕВ – ВЯЗЕМСКОМУ

[Л. 61]

16 ноября 1867. Москва.

Сегодня отправлены к Вашему Сиятельству пять исправленных оттисков. Беда произошла оттого, что в том же формате и на такой же бумаге отпечатываются письма Батюшкова, и переплетчик положил туда 2-й лист писем Жуковского. Потрудитесь в посылаемых книжках отложить для Вас портрет Батюшкова: их [61 об.] сделано было три: для Вас, для Помпея Николаевича¹ и для меня.

Жду Вашего отзыва о Баратынском. Путьята тоже написал статью². Я думаю к ней присоединить оправдательное письмо Жуковского³. Письмо же Баратынского рука не подымается отдавать в типографию: так резко это самообличение.

[62] Скажите мне Ваш петербургский адрес.

Душевно преданный и повинный Петр Бартенев

¹ Помпей Николаевич Батюшков (1810–1892) – младший брат поэта.

² См. [Путьята]; подпись: «Н. Путьята. 25-го октября 1867 г. Село Мураново».

³ Два письма Жуковского к князю А.Н. Голицыну напечатаны в [РА 1868. Вып. 1: стб. 156–160].

5. ВЯЗЕМСКИЙ – БАРТЕНЕВУ

<почерком Вяземского:>

[Л. 68]

18 нояб<ря 1867>

Приемлю ваше раскаяние и возвращаю Вам обвинительные и уличительные акты. Бумаг Баратынского и о нем не знаю. Пришлите. Статьи Буслаева также не знаю. Письма Жуковского имеют большой успех и читаются на вершинах и на лощинах общественных. Императрица читает их с сыновьями. Заехал я было в город на несколько часов и засел по нездоровью. Вероятно, пробуду [68 об.] здесь до вторника или среды. Что же Вы не отвечали мне на вопрос о Соболевском?¹ А что Анна Федоровна Аксакова?²

Совершенно Вам преданный Вяземский

¹ В письме от 8 ноября Вяземский спрашивал: «Что здоровье Соболевского?» (л. 38).

² А.Ф. Аксакова (1829–1889), дочь Ф.И. Тютчева; с января 1866 г. замужем за И.С. Аксаковым.

6. БАРТЕНЕВ – ВЯЗЕМСКОМУ

[Л. 65]

Москва 21 ноября 1867

При сем посылаются к Вашему Сиятельству письма Баратынского и Жуковского с просьбою по прочтении прислать обратно. Они присланы в «Архив» для напечатания А.М. Княжевичем¹ и найдены в бумагах Греча.

Соболевскому гораздо легче, и кривизна рта прошла. Он уже выезжает, но только еще не в клуб.

[65 об.] Анна Федоровна² после чудовищных родов и гомеопатического лечения оправляется. Говорили, что она подымала Иверскую³ и простудилась, но теперь ей лучше. Один мой знакомый доктор уверя-

ет, что если бы вместо гомеопатии она действительно подняла Иверскую, то, может быть, родила бы удачнее. Обоим им, мужу и жене, как-то неловко, [66] и со всеми у них какие-то напряженные отношения. (Это конечно между нами).

Москва вся на митрополичьем подворьи. Я было попытался вчера, но и до крыльца добраться не мог. Уверяют, что на руках понесут до Троицкой Лавры⁴. Он умер ударом, по словам некоторых, Екатерининскую смертью⁵.

[66об.] Еще не был у Сушковых, но душевно жалею Николая Васильевича, у которого теперь нет больше улады его жизни⁶. Многие толкуют, будто Государь приедет на похороны Митрополита⁷. Надо ожидать, что при гробе будут чудеса!

С сердечною преданностью Петр Бартенев

Так как эти письма и без того ходят в списках, то Путята думает, что лучше их напечатать, чтоб положить конец толкам.

¹ Александр Максимович Княжевич (1792–1872) с 1858 по 1862 г. – министр финансов; в 1867 г. – член Государственного совета; в 1822–23 гг. издавал с братом Дмитрием литературные прибавления к журналу «Сын Отечества»; отсюда, по-видимому, его знакомство с бумагами Н.И. Греча, основателя и редактора этого журнала.

² 22 ноября 1867 г. И.С. Аксаков писал М.Ф. Раевскому: «На днях будет шесть недель после родов жены. Роды были самые мучительные. Муки продолжались 80 часов и завершились помощью инструментов. Наконец родился мальчик, совсем сформированный, 15-ти вершков, – но мертвый, – умерший от продолжительности мук. <...> Жена выказала необыкновенное мужество духа, но оправляется довольно медленно, хотя и поправляется» [Аксаков: 93]. Сохранилась телеграмма Аксакова к В.Ф. Вяземской от 28 октября 1867 г.: «Анна благодарит Вас от души, ей с настоящего дня положительно лучше» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3206).

³ Т.е. к больной приносили чудотворную икону Иверской Божией матери (копия с афонской иконы того же названия, привезенная в Москву в 1648 г.) из часовни, находившейся у Иверских ворот. Ср.: «<...> как Аграфена Тихоновна подымала Иверскую Божию мать по случаю тяжелой болезни своего мужа» [Загоскин: 77]; «Отец сам стал лечить дочку лекарствами, которые не продаются ни в каких аптеках: спокойствием, нежными попечениями, рассказами <...>, опрыскивал ее боговяленскою водою, служил молебны, подымал на дом Иверскую...» [Кокорев: 155].

⁴ 19 ноября умер митрополит Филарет (Дроздов; род. 26 декабря 1782 г.). В [МВ. 21 ноября: 2] сообщался порядок шествия за гробом из Троицкого подворья в Чудов монастырь в Кремле, где совершалась панихида. Из церкви Чудова монастыря траурное шествие направилось к «вокзалу Троицкой железной дороги» (26 ноября. С. 2), откуда «экстренный поезд» через 3 часа 20 минут прибыл в Лавру (28 ноября. С. 2).

⁵ Ср. запись в дневнике Пушкина: «Генерал Болховской хотел писать свои записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишиневе, он их мне читал). Киселев сказал ему: “Помилуй! да о чем ты будешь писать? что ты видел?” – “Что я видел? – возразил Болховской. – Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет. Начиная с того, что я видел голую <...> государыни” (Екатерины II, в день ее смерти)» [Пушкин: 53]; ср. также стихотворение Пушкина «Мне жаль великая жены...» (1824). Как писали [МВ. 21 ноября: 2], «неутомимо деятельный во все время долговечной жизни своей, преосвященный скончался на месте своего обычного труда, у своего рабочего стола».

- ⁶ В «Записках о жизни и времени святителя Филарета» Николая Васильевича Сушкова (1796–1871) рассказывается, что в 1828 г. после дуэли, закончившейся гибелью противника, он приехал из Бессарабии в Москву и явился к митрополиту Филарету. После разговоров с Филаретом и епитимьи, наложенной на Сушкова, раскаявшийся убийца переродился. «Благословен день и час, когда рука Божия привела меня впервые к предустановленному мне врачу и наставнику» [Сушков: 1]. В статье П.К. Щебальского «Литератор старого времени», посвященной Сушкову, говорится: «<...> дело кончилось тем, что в мировоззрении Сушкова совершился, не вдруг, конечно, но мало-помалу, полнейший переворот, отразившийся и на его жизни, и <...> на литературной его деятельности» [РВ 1871. № 11: 308]. «Филарет сделался для него как будто центром всего существующего, по отношению к которому он оценивал людей, события, учреждения. Естественно, <...> он почел бы преступлением забыть хоть одно слово, сказанное московским архипастырем, а потому каждый раз, возвращаясь от него, он тщательно записывал все содержание происходившей между ними беседы, и эти-то отметки составили тот материал, который он издал под заглавием “Воспоминания о жизни и времени святителя Филарета” (1868) и за пополнением которых для второго издания его застала смерть» [Там же: 320].
- ⁷ К отпеванию и погребению «в Бозе почившего архипастыря» в Москву прибыл в. кн. Владимир Александрович [МВ. 23, 25, 26 и 28 ноября: 2].

7. ВЯЗЕМСКИЙ – БАРТЕНЕВУ

<почерком Вяземского:>

[Л. 66]

Царское Село. 22 нояб<ря 1867>

Я получил запоздалое письмо ваше, посланное в Ливадию. Повинные и исправленные книжки ваши, вероятно, ожидают меня в городе, куда переезжаем завтра. Адрес мой: Большая Морская, дом 49. Алек<сандр> Макс<имович> Княжевич сказал мне, что он сообщил вам какие-то бумаги о Баратынском. Покажите мне. Я и дело или проказу Баратынского худо знаю, а о всем, что по этому поводу написано и сделано, никакого понятия [66 об.] не имею. Разумеется, без согласия сыновей его обо всем этом ничего печатать нельзя¹. Часть бумаг, т.е. работы Павла, находится у меня на прочтении, а другая у Титова². Скоро все к Вам явится³. Здесь очень живо и скорбно отозвалась кончина Филарета⁴. Не предастся ли Сушков сожжению как индианская вдова? Вы, кажется, не отвечали мне на мой ливадийский вопрос: были ли посланы в Симб<ирскую> Карамзинскую [67] библиотеку часть экземпляров «В дороге и дома» и сколько? Я теперь откладываю из библиотеки малую толику в дар Симбирску⁵.

Совершенно Вам преданный Вяземский

Если «Москва», т.е. Аксаков, пожелает напечатать стихи мои, то я совершенно на то согласен⁶.

¹ В 1867 г. были живы три сына поэта: Лев Евгеньевич (1829–1906), подготовивший «Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского» (М., 1869), Дмитрий Евгеньевич (1832–1869) и Николай Евгеньевич (1835–1898), подготовивший «Сочинения» (Казань, 1884).

- ² По-видимому, имеется в виду Владимир Павлович Титов (1807–1891), собеседник и корреспондент Вяземского, неоднократно упомянутый в «Записных книжках»; поэт посвятил ему стихотворение «Сознание» (1854).
- ³ В конце книги, составленной П.П. Вяземским (см. прим. 6 к п. 3), стоит: «13-го декабря 1867 г. С.-Петербург».
- ⁴ 5 августа 1867 г. Вяземский послал «за общими подписями, начиная от Великой Княжны Марии Александровны и Сергея Александровича» «поздравительную телеграмму Филарету в день юбилея его <50-летия служения в епископском сане. – Л.С.>» [СЗК: 259].
- ⁵ Симбирская Карамзинская общественная библиотека была открыта в 1848 г. Большой пожар, бушевавший в городе в августе 1864 г., уничтожил ее. В 1866 г., в связи со столетием со дня рождения Н.М. Карамзина, по всей России была открыта подписка на составление капитала библиотеки. В 1867 г. Вяземский пожертвовал туда 78 томов (см. [Котовщиков], [Трофимов]). В «Систематическом каталоге книг, находящихся в Симбирской Карамзинской общественной библиотеке» (Т. I. Симбирск, 1885) указаны следующие издания Вяземского: В дороге и дома. М., 1862; Осьмое января. СПб., 1853; Вилла Бермон. СПб.; На развалинах Севастополя и другие мелкие стихотворения; ПСС. 1878. 6 т.; Фон-Визин. 1846; Слово о полку Игореве. СПб., 1847; Граф Бобринский. М., 1868.
- ⁶ Вяземский печатал стихи в газете И.С. Аксакова «День», например, в № 40 за 1862 г. напечатано стихотворение «Заметки» (1. «Попробуй с рьяным неопитом...»; 2. «Глядишь – вдруг умники повздорят...»; 3. «С тех пор, как упраздняют будку...»). В газете «Москва», издававшейся Аксаковым в 1867-68 гг. никаких художественных произведений, в том числе стихотворений Вяземского, по-видимому, не печаталось.

8. ВЯЗЕМСКИЙ – БАРТЕНЕВУ

<почерком Вяземского:>

[Л. 65]

С. Петербург 25 нояб<ря 1867>

Нахожу и я, что письма Баратынского печатать не следует. Предание еще слишком свежо. К тому же, признаюсь, и самое письмо мне не очень нравится. Баратынский чересчур литературно и философически смотрит на свой проступок. Это адвокатская, Уруссовская – разумеется, вашего Уруссова – защита¹. Желал бы в ней более раскаяния и теплого соболезнования. Позднее созревший нравственно Баратынский написал бы иначе. Жуковского письмо прелесть. Можно с маленьким объяснительным [65 об.] вступлением напечатать². Грубые и сырые обвинения Панаева требуют если не опровержения, – потому что совершенному опровержению, к сожалению, тут места нет, – но по крайней мере изложения *causa efficiens*³ <?>, слегка и ловко выводимых. Вот мое мнение, которое передайте Путятю⁴.

5 книжек получены и переданы по принадлежности. В<яземский> Большая Морская дом 49

¹ Имеется в виду князь Александр Иванович Урусов (1843–1900) – знаменитый адвокат.

² Два письма Жуковского к А.Н. Голицыну (от 2 января и 10 февраля 1824 г.) напечатаны в [РА 1868: стб. 156-160] с примечанием Бартенева: «Ходатайство было успешно. Баратынский был произведен в офицеры еще при императоре Александре Павловиче. П.Б.». В первом письме, рассчитанном на знакомство с ним Александра I, Жуковский, в частности, писал: «Государь в судьбе Баратынского был явным орудием Промысла: своею спасительною строгостию он пробудил чувство доброе в душе, созданной для добра» (стлб. 159). Жуковский призывал Голицына (а через него и Александра I) простить поэта и удовлетворить просьбу его командира о производстве унтер-офицера Баратынского в офицеры.

³ побудительных причин (лат.).

⁴ Ср.: «Во мне нет духа повторить слов г. Панаева об исключении Баратынского из Пажеского корпуса»; «Грубое и жестокое о нем выражение В.И. Панаева отзывается злобою и мстью раздраженного любовника и чванного стихотворца» [Путята: 145, 146].

9. БАРТЕНЕВ – ВЯЗЕМСКОМУ

[Л. 67]

Москва 15 дек<абря> 1867

Сейчас дочитал тетрадь писем к И.И. Дмитриеву. Вы отзываетесь о них чересчур скромно: это такая живая картина времени, что с дозволения Вашего Сиятельства я отодвину другие статьи и помещу эти письма во 2-м выпуске вместе с письмами к Ивану же Ивановичу Д.В. Дашкова. – О Победоносцеве (отце наставника) и о гр. Уварове¹ я должен был выкинуть. Без лести скажу Вам, что эти письма прелестны, и низко кланяюсь за них Вашему Сиятельству. –

Исправленные оттиски писем Жуковского должны быть теперь уже у Вас. Меня коробит при одном воспоминании!

[67 об.] После долгих колебаний, частых совещаний с Путятою и после того, что напечатано в последней книге «Вестника Европы»², я решился наконец печатать письма Баратынского и Жуковского, тем более что сыновья Баратынского дали мне знать через Путятю, что, по их мнению, лучше пусть дело обнаружится как оно было, чем умолчанием давать повод к толкам по поводу отзыва Панаевского.

Письмо Аракчеева будет помещено вместе с имеющимся у меня рассказом очевидца об его кончине³. К несчастью, нежность и деспотизм чаще уживаются в одном лице.

[68] Как Вам показалась работа князя Павла Петровича? Первую тетрадь я уже отдал в типографию. – При случае потрудитесь напомнить обо мне Жуковскому⁴ и дать мне его адрес, чтобы я мог доставить ему «Р<усский> Архив» за все годы. Я некогда давал ему уроки. Выучился ли он говорить по-русски?

Сейчас был у меня Соболевский. Он почти совсем здоров, но как-то опустил и отпустил себе седую бороду. Его статья будет в первом выпуске «Архива»⁵.

Сушков не только не предался самосожжению, но только и думает, как бы кому прочитать биографию Фила[68 об.]рета. – Аксакова разъезжает в эти морозы, и я никогда не видал ее здоровее: даже расцвела как маков цвет!

Вступительное примечание при письмах к И.И. Дмитриеву будет сделано⁶. Одолжите присылкою того, что обещаете.

От А.М. Языкова имеется у меня расписка в приеме 100 экз. для Карамзинской библиотеки⁷.

Простите мне бессвязность письма: печатаю в трех типографиях. Душевно бы желал съездить в Питер на святки, но вряд ли выберусь.

Душевно преданный

П. Бартнев

¹ В письме от 17 июня 1830 г. [РА 1868: стб. 609] фамилия Петра Васильевича Победоносцева (1771–1843), отца К.П. Победоносцева, с 1861 г. преподававшего законоведение наследнику вел. кн. Николаю Александровичу, обозначена «П-ва», а после слов «мои члены умнее его членов» в тексте письма следует фраза: «но все же поприще не победоносное, а победоносцевское, в чем также есть огромная разница» (РГАЛИ. Ф. 1060. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 36 об.). Далее по тексту: «Надеюсь, со временем выкарабкаться из тины <...>». В письме от 13 апреля 1832 г. [РА 1868: стб. 617] после слов «радоваться ли тому» в письме Вяземского сказано: «В Уварове, конечно, есть голова довольно образованная, но вовсе нет характера, а если и есть, то характер ни на что не годный». Далее по тексту: «Чего бы лучше Блудова на это министерство?» (л. 44 об.). Вообще, письма (не все) напечатаны с множеством пропусков и неточностей.

² В четвертой (декабрьской) книжке «Вестника Европы» за 1867 г. напечатаны последние главы «Воспоминаний» В.И. Панаева с редакционным послесловием, в котором, в частности, говорится: «Дело об исключении Баратынского из Пажеского корпуса автор передает без малейшего замечания с своей стороны, без всякой оговорки, на которую имела бы полное право память всеми уважаемого поэта, его безупречная жизнь, благородный и честный характер. <...> Нельзя не упрекнуть автора “Воспоминаний” в том, что он привел голый и уединенный факт из отрочества Баратынского и как бы тем хотел, чтобы поэта судили именно по этому одному факту. <...> Мы слышали от людей, заслуживающих полного доверия, что недавно найдено весьма любопытное письмо Е.А. Баратынского к В.А. Жуковскому, и в нем поэт рассказывает с самою благородною и трогательною откровенностью всю свою печальную историю четырнадцатилетнего юноши <...> Ждем с нетерпением появления этого письма в печати» (с. 180–181). В ноябрьском номере журнала за 1868 г. М. Стасюлевич напечатает рецензию на «Сочинения Е.А. Баратынского» (М., 1869), в которой упрекает издателей в том, что они не поместили «обстоятельную биографию поэта» и заметит: «<...> издатели не упомянули совсем о той юношеской шалости в Пажеском корпусе, которая имела такое влияние на дальнейшую судьбу Баратынского и между прочим вызвала теплое заступничество Жуковского. Неужели издатели думают, что ребяческая шалость может набросить какую-нибудь тень на личность Баратынского?» (с. 494).

³ В РА за 1868 г. напечатаны письмо графа Аракчеева к графине Канкриной (стб. 281–282) с пояснением: «Подлинник сохранился в бумагах князя П.А. Вяземского и получен был князем от графини Е.З. Канкриной. П.Б.»; примечания Вяземского (стб. 282–283); «Предсмертные дни и кончина графа Аракчеева (Из рассказа отставного

штабс-капитана Евгения Михайловича Романовича)» (стлб. 283-289) с примечанием: «Сообщено П.А. Мусатовским».

- ⁴ Сын поэта – художник Павел Васильевич Жуковский (1845–1912).
- ⁵ Статья С.А. Соболевского (1893–1870) «О влиянии Смоленского бульвара (в Москве) на португальский парламент (в Лиссабоне)» [РА 1868: стб. 330-334] подписана ЭС.
- ⁶ Письмам Д.В. Дашкова Бартенева предпослал следующее замечание: «Печатаются с подлинников, обязательно сообщенных профессором Московского университета Ф.М. Дмитриевым»; перед письмами Вяземского он сообщал: «Мы испросили у князя П.А. Вяземского обязательного дозволения напечатать нижеследующие письма, которые содержат в себе драгоценнейшие автобиографические черты и в то же время представляют материал первой важности для истории русского просвещения».
- ⁷ Александр Михайлович Языков (1799–1874) – симбирский помещик, член Комитета Симбирской Карамзинской библиотеки, корреспондент Бартенева.

10. ВЯЗЕМСКИЙ – БАРТЕНЕВУ

[Л. 56]

20-го декабря. <1867>

По моему мнению, если и печатать письмо Баратынского к Жуковскому, то не иначе, как с оговоркою, что письмо это печатается вследствие неприязненных отзывов, появившихся недавно в печати о Баратынском – и тут сослаться на статью Панаева и при этом заметить о неприличии подобных отзывов о личностях почти нам современных и еще не перешедших [56 об.] за пределы законной давности¹ – (что, между прочим, позвольте сказать, следовало иметь в виду и «Архиву» при составлении 12-й книжки, которую нахожу, и не я один, довольно неприличною²). Я еще не читал новой книжки «Вестника Европы», но и прежней достаточно, чтобы сделать упомянутую мною оговорку. Мятлевых не вижу, но постараюсь разведать о бумагах. Благодарю за присланный подарок, т.е. роман Толстого. Помню, что [57] 1-ю часть его читали мы в Ницце у графини Блудовой и находили, что описание общества и личностей весьма неверно. Уж не он ли и Ваш Севастополец?³

<почерком Вяземского:> О 12-ой книжке поговорим в другой раз на досуге и на свободе. Неизменно Вам преданный Вяземский

¹ Ср. примечание Бартенева к заметкам Путяты: «<...> и мы приведены были в негодование неприличною, вполне эгоистическою выходкою Панаева. Впрочем, дело лучше всего разъясняется нижеследующим, доставленным нам письмом, которое мы решились напечатать для отстранения всяких дальнейших толков» [РА 1868: стб. 147]; письмо Баратынского к Жуковскому напечатано далее (стб. 147-156).

² В 12-м выпуске РА за 1867 г. были напечатаны: 1. Жизнь и деяния князя Г.А. Потемкина-Таврического. Сочинение гр. А.Н. Самойлова. Сообщ. гр. А.А. Бобринским (гл. VIII-IX, часть IV). 2. Из записок севастопольца. 3. Ф. Тютчев. На новый 1855 год. 4. Кончина генерала Корнилова (Сообщ. П.П. Петровым). 5. Об осмотре учебных заведений (инструкция, написанная Магницким). 6. Памятные записки вологжанина (Вологда в 1812 г., Сперанский, Магницкий, Троцинский, Макшеев, Монаков, Каразин, Словцов и др.) (Подп. Ф. Фортунатов). 7. Дело о дьячке Василии Ефимове <...> 1721 г. (Сообщ.

Н.И. Костомаровым). В приложениях напечатаны «Юрнaлы и камер-фурьерские журналы 1695–1774 годов» и «Записки Дмитрия Борисовича Мертваго».

³ В письме от 18 декабря Бартенев писал Вяземскому: «Вчера я послал Вашему сиятельству три части романа Толстого <имеется в виду «Война и мир» – Л.С.> – первый экземпляр, который прошу принять от меня как святочное приношение. Мое участие тут только печатание (отнюдь не денежная часть), так как сочинителя нет в Москве, и надзор, чтобы не было слишком явных исторических неверностей. Это опять больше психологический роман. Сумасшедшая цена, которую автор назначил, вероятно поме[70 об.]шает распространению.

Печатаю письма Екатерины к кн. М.Н. Волконскому, по прилагаемой вырезке предполагаю, не у Мятлевых ли сохранились упоминаемые письма <? – часть письма повреждена. – Л.С.>. Не будет ли Вашей милости – справиться и если можно открыть доступ к этим письмам» (л. 70-70 об.). Анонимный мемуар «Из записок севастопольца» был напечатан в РА (стб. 1579-1637) с примечанием издателя: «Мы думаем, что всякое свидетельство очевидца о славной осаде Севастопольской, при всей неизбежной односторонности личного наблюдения и исключительности личного мнения, будет иметь цену на весах последующей, беспристрастной истории, и потому считаем полезным закрепить печатью и эти попавшие к нам в руки отрывки, тем более что взгляд автора их на некоторые предметы вполне своеобразен и независим. П.Б.». Автором очерка был Николай Васильевич Берг. Бартеневу Толстой писал: «“Записок севастопольца” не успел прочесть и скучно было. Я не люблю этот игривый тон – и оттого неправдивый» (письмо от 16-18 августа 1867 г.).

11. ВЯЗЕМСКИЙ – БАРТЕНЕВУ

[Л. 36]

Петербург. 2-го января 1868 г.

Но жизни перешед волнуемое поле

Стал мене пылок я и жалостлив стал боле.¹

Вот почему и прошу Вас выкинуть из писем моих к Дмитриеву все, что сказано об Устрялове². И вообще можете исключить или смягчить и другие подобные резкие отзывы. Все убеждает меня, что следует обходиться осторожно с современностями или свежими преданьями, у которых не засохло еще молоко на губах, а чернила на перьях. Наши современные отзывы более или менее сплетни и пристрастные впечатления[36 об.]ления. Дел и людей нелицеприятный судия – одно потомство, но и потомство не должно быть выскочкой и недоноском. Ему должно выдержать законную беременность. Мысль об освобождении Устрялова укрепилась во мне на днях, на академическом празднестве. После был у нас академический обед не в славянской харчевне, а во французском ресторане. После обеда зажгли жженку, и Майков приветствовал ее следующим экспромтом: [37]

Академия кутит,

В буйстве силы не жалеет,

И тем ясно говорит,

Что она уже русеет³.

Новосильцева я еще не видал, но слышал, что он привез мне книги⁴. Все будет сделано по Вашему желанью. Сын Баратынского сказал мне,

что решено не печатать письма отца его. Так ли? Желаю Вам на новый год то, что Вы сами себе желаете. <почерком Вяземского:> Следовательно, всего лучшего. Неизменно Вам преданный Вяземский

- ¹ Парафраз реплики Агамемнона из трагедии В. Озерова «Поликсена» (1809): «И жизни переходя волнуемое поле, / Стал мене пылок я и жалостлив стал боле» (д. I, явл. 2).
- ² В письме XXVI от 21 января 1837 г. [РА 1868: стб. 653] после слов «в литературном мире нашем» в рукописи письма следует: «Устрялов, который в ученой диссертации своей на степень доктора провозгласил с университетской кафедры, что все в один год решили, что у нас нет истории (забывая между прочим голос Государя, сказавшего противное тому в рескрипте своем Карамзину) поспешил заметить сей недостаток и выдал первый том своей русской истории. Уваров, сказывают, от нее без ума и превозносит ее за обеденными и карточными столами, так что весь блестящий свет толкует об Устрялове, разумеется, не читавши его, и говорит, что он показал в истинном свете многое выпущенное из виду Карамзиным. А этот Устрялов на диспуте открытом, по поводу диссертации его, стал в пень и не умел отвечать ни на одно возражение, ни на один вопрос, представленные ему Плетневым и другими профессорами. Любопытно прочесть эту диссертацию, [90] смесь противоречий, лукавых или нелепых похвал Карамзину и вместе с тем решительных осуждений труда его, выдержек из Полевова, ученических аксиомов и вообще бессвязных и бездоказательных речей. В следующем «Современнике» будет разбор этой диссертации, но между тем книга Устрялова, которой диссертация служит программю, введена будет, как слышно, в число учебных книг по приказанию Министра просвещения. Следовательно, «История российского государства» отложится в сторону. Грустно и смешно смотреть на это новшество. Но русский народ гибок, сказал Ломоносов: выдержим и это. Авось когда-нибудь распрямся. Русский народ долговечнее Уварова. Мало ли глупостей видали мы на своем веку? Бог не выдаст: Уваров не съест Просвещения. Этой половицей можно и утешить себя». Далее по тексту: «Екатерина Андреевна <...>» (РГАЛИ. Ф. 1060. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 89-90). Николай Герасимович Устрялов (1805–1870) – профессор Петербургского университета, академик; в 1837-41 гг. в виде пособия к своим лекциям издал в 5 томах «Русскую историю». Выражение М.В. Ломоносова «Российский народ гибок» встречается в его работе «О сохранении и размножении российского народа» (1761) [Ломоносов: 396].
- ³ 29 декабря 1867 г. А.В. Никитенко записал: «Акт в Академии наук. <...> После акта все академики собрались обедать у Донона. Пир был довольно шумный. Не обошлось без некоторых прений о руссизме и немчизне. <...> А.Н. Майков экспромтом прочел следующее стихотворение за женой: «Академия кутит, / В буйстве силы не жалеет; / Это ясно говорит, / Что она уже русеет!» ([Никитенко: 208-209]; несколько иной текст см.: [Майков: 669]).
- ⁴ Это мог быть Петр Петрович Новосильцев (1797–1869), приятель и корреспондент Вяземского, упоминавшийся в [РА 1868: стб. 1040] как адъютант московского генерал-губернатора в 1825 г., или его сын Иван Петрович (1827–1890), корреспондент Бартенева.

12. ВЯЗЕМСКИЙ – БАРТЕНЕВУ

[Л. 29]

16-го марта, 1868

Что сделалось с Вашим «Архивом»? Он был всегда так аккуратен, а вот теперь месяц перешел уже за половину, но его все нет как нет. Благодарю за присылку 4-го тома «Войны и мира». Но я и первых еще не

успел порядочно прочесть, а все только урывками. Барыни нарасхват берут их у меня и иногда долго зачитывают. Читаю теперь Сушкова. В книге его много интересного, но жаль, что нет порядка. Меня позабавило, что тотчас вслед за славянами и за съездом их он начинает говорить о юродивых и юродствующим¹. В экземпляре, ко мне присланном, есть путаница в страницах, а кажется, и пропуски страниц. Валуев, при расстроенном здоровьи своем, не мог оставаться в министерстве². Ему нужен отдых. Его семилетнее министерство было та же Семилетняя война. Хотел бы я видеть недоброже[29 об.]длателей его и журнальных критиков на его месте. Если министру нужны ум, разнородные сведения, образованность, неутомимая деятельность, желание примирять, а не раздражать противоречия, то, разумеется, он был министром, о котором могут жалеть честные и благоразумные люди. Всех действий его не берусь оправдывать во что бы то ни стало. Я не человек крайностей. Я и себя не признаю безошибочным, ни других безошибочными не почитаю.

Статью о Баратынском просмотрел я, сделал некоторые замечания и отдал сыну его, который здесь. Надобно Путяте оживить ее своими воспоминаниями и заметками.

<почерком Вяземского:> Будьте здоровы со всеми домашними и с «Архивом»

Вяземский

¹ В книге Сушкова о Филарете упоминается об этнографической выставке, «привлекшей в Москву несколько десятков славянской братии, к сожалению, не от всех колен» [Сушков: 253]. Далее автор говорит о разнице славянских народов, о разнице человеческих темпераментов и о «некотором расположении» («будто бы, как говорили») митрополита к юродивым: «Могло случиться, что, по доступности митрополита, юродивые и юродствующие достигали до него, заводили с ним речь и получали от него благословение» (с. 257).

² Петр Александрович Валуев (1815–1890), с 1861 по 9 марта 1867 г. – министр внутренних дел, первым браком был женат на дочери Вяземского Марии (1813–1849).

Л и т е р а т у р а

Аксаков – И.С. Аксаков в его письмах. Часть вторая. Т. IV. М., 1896.

Баратынский 1987 – *Баратынский Е.А.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Сост. С.Г. Бочарова, вст. ст. Л.В. Дерюгиной, прим. Л.В. Дерюгиной и С.Г. Бочарова. М., 1987.

Вацуро 1989 – *Вацуро В.Э.* С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989.

Вацуро 2004 – *Вацуро В.Э.* Избранные труды / Сост. А.М. Песков; вст. ст. С.А. Фомичев, А.С. Немзер, А.Л. Зорин. М., 2004

Гулин – *Гулин А.В.* «Я все еще ратоборствую на Бородинском поле...» (П.А. Вяземский – прототип и критик «Войны и мира») // Толстой и о Толстом. Вып. 2. М., 2002.

- Загоскин – *Загоскин М.Н.* Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского, издаваемые М.Н. Загоскиным. Сост., вступ. ст. и прим. Н.Г. Охотина. М., 1988.
- Каталог – Сводный каталог русской книги. 1801–1825. Т. 2. Е–Л. М., 2007.
- Кокорев – *Кокорев И.Т.* Москва сороковых годов. М., 1959.
- Котовщиков – *<Котовщиков Е.С.>* Пятидесятилетие существования Симбирской Карамзинской Общественной Библиотеки. 1848–1898. Краткий исторический очерк. Симбирск, 1898 (автор указан в [Трофимов]).
- Летопись – Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского / Сост. А.М. Песков. М., 1998.
- Ломоносов – *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.-Л., 1952.
- МВ – газета «Московские Ведомости».
- Майков – *Майков А.Н.* Избранные произведения. Л., 1977.
- Мироненко – *Мироненко М.П.* Из истории русской исторической журналистики (переписка П.А. Вяземского и П.И. Бартенева) // Памятники культуры: Новые открытия. 1985. М., 1987.
- Никитенко – *Никитенко А.В.* Дневник. Т. III. Л., 1956.
- Путята – *Путята Н.В.* Заметки на воспоминания В.И. Панаева // РА. 1868. Стлб. 141-146.
- Пушкин – *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. VIII. М.-Л., 1949.
- РА – журнал «Русский Архив»; при ссылке указываются год и номера столбцов.
- РВ – журнал «Русский Вестник».
- РП – Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007.
- СЗК – Старая записная книжка // *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. X. СПб., 1886.
- Сушков – *Сушков Н.В.* Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868.
- Трофимов – *Трофимов Ж.* Симбирская Карамзинская общественная библиотека. Исторический очерк. М., 1992.

<НАБРОСОК К ЮБИЛЕЙНОЙ ЗАМЕТКЕ О ЕВГЕНИИ БАРАТЫНСКОМ> ИВАНА КОНЕВСКОГО

Олег Лекманов

Творческое наследие «гениального юноши» Ивана Коневского (настоящее имя Иван Иванович Ореус; 1877–1901) только еще начинает возвращаться к современному читателю. Важным шагом на этом пути стало превосходно подготовленное издание стихотворений и поэм Коневского в серии «Новая библиотека поэта»¹. Усилиям, в первую очередь, А.В. Лаврова, мы обязаны и публикацией нескольких образцов критической прозы Коневского².

В будущем томе критических статей Коневского центральное место, вероятно, займет его тридцатидвухстраничное зачетное университетское сочинение «Судьба Баратынского в истории русской поэзии», писавшееся с октября по декабрь 1899 г. и получившее в итоге оценку «Весьма удовлетворительно»³. Здесь мы публикуем своеобразный постскрипtum к этому сочинению – небольшой набросок Коневского к юбилейной статье о Евгении Абрамовиче Баратынском (1800–1844), датированный, соответственно, 1900 годом. Такая предварительная публикация оправдана, на наш взгляд, тем, что этот фрагмент ярко демонстрирует основные особенности сложного, угловатого, но одновременно богатого, выразительного языка Коневского-филолога, а также в полной мере отражает основной пафос его университетского сочинения: пафос восстановления справедливости в отношении великого и остро современного по тематике и приемам Баратынского.

Напомним, что старшие символисты отбывали автора «Сумерек» если не у полного забвения, то уж точно у твердо устоявшихся еще со времен В.Г. Белинского представлений о Баратынском как о второстепенном, неактуальном поэте. «[М]ожно решительно свидетельствовать, – писал Коневской в своем университетском сочинении, – что почти вплоть до последнего десятилетия, среди умов, судивших о значении русских писателей, не нашлось никого, кто бы обнаружил полное понимание личности и мыслей Баратынского. И вообще-то, охоту обсуждать его творчество проявляли очень немногие»⁴. Сложившаяся ситуация была отрефлектирована в одной из первых русских символистских повестей, «Златоцвете» З.Н. Гиппиус, где на предложение просвещенного героя Заворского устроить вечер в «память Баратынского» следует симптоматичная реакция: «– Но никто его не

знает! – возмущалась дама-патронесса. – Почему? Откуда?»⁵. Этому пренебрежительному высказыванию далее противопоставлена авторская оценка: «[О]на, позабыв всех патронесс и всех идиотов, сидела над книгой Баратынского, вполголоса повторяя его важные, торжественные и глубоко прекрасные стихи, которые текут не как Пушкинские ручьи любви, а как спокойная и величавая река»⁶.

Сходным образом, в противовес общераспространенному мнению, почти все первые отечественные модернисты оценивали творческий вклад Баратынского в русскую словесность очень высоко. Так, Д.С. Мережковский в программной книжке назвал его «самым благородным и возвышенным из русских лириков-философов»⁷; К.Д. Бальмонт писал о Баратынском, как о «поэте рефлексий и северной природы, стоящем ближе всех из поэтов Пушкинской эпохи к современности, нервным, но созерцательным поэтом»⁸; а Владимир Гиппиус посвятил автору «Пироскафа» две строки своего сонета «Слава»⁹ о русских поэтах XIX в.: «Уж Боратынский мне твердил давно, // Что музой увлекаться нам не должно» – здесь подразумевается стихотворение «Муза».

Особая заслуга в деле усвоения русской читающей публикой 1890-х – начала 1900-х гг. творческого наследия Баратынского принадлежит близкому другу Коневского В.Я. Брюсову, о чем подробно рассказано в ценной монографии Е.П. Тиханчевой¹⁰. По-видимому, как раз Брюсов заинтересовал фигурой и творчеством Баратынского своего товарища. Во всяком случае, именно Брюсову Коневской часто писал о том, как у него продвигается работа над университетским сочинением об этом поэте. «В последнее время я занят был написанием очерка: “Судьба Баратынского в истории русской поэзии”, в виде полугодичного реферата для отделения славяно-русских языков, – 24 октября 1899 г. сообщал Коневской Брюсову. – Самостоятельная характеристика Баратынского составляет в нем наиболее отвечающую моим задачам часть. Кроме нее значительную часть очерка занимает рассмотрение различных “критических отзывов” о поэте и вызвана условиями университетских требований по “эрудиции”»¹¹. В сжатом виде эта «самостоятельная характеристика» вошла в наш набросок.

Однако единственным опубликованным развернутым рассуждением Коневского о Баратынском до сих пор остался небольшой отрывок из его посмертно появившейся в печати статьи «Мистическое чувство в русской лирике». Сравнивая Баратынского с Пушкиным и Тютчевым, Коневской писал, что автор «Недоноска» «представляет в ходе русской лирической мысли многозначительный образец такого миропонимания, которое под гнетом рассуждений не находит ничего кроме ничтожества и непроницаемости в природной жизни человека и мира, так что в усилении мысли и воли оно устремляется с одной сто-

роны к величию пустоты, с другой – <к> неизведанным и необычным способам проникновения в тайны, к опытам сомнительных ведений и чудодейств, ядовитых опьянений и восхищений»¹².

Набросок Коневского печатается по: РГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 33-34. Зачеркнутые слова помещены в основном тексте в квадратных скобках.

* * *

19 февраля нынешнего года исполнилось сто лет со дня рождения одного из величайших русских поэтов Е.А. Баратынского. В русской поэзии это – первый по времени поэт, который сознал в своем творчестве безысходное состояние человеческой природы. Он пережил всю скорбь этого сознания и вместе с тем нашел некоторый исход не из самого сознания, но из скорби, которое им внушается.

Живее и прежде всего он ощущал ограниченность человека во всех его ощущениях, как в деятельности познания, так и в деятельности инстинктов. Первоначальным источником душевной боли была для него зависимость всех предметов восприятия и желания от не им установленных порядков. Тоска Баратынского <-> это жажда бесконечного бытия, бесконечного счастья и свободы и осознание ограниченности и конечности всех предметов ощущения – воли и разума. Столько же через опыт борьбы с внешними волями, сколько и через опыт борьбы с понятиями и представлениями сообщилось ему это непререкаемое сознание.

Недостаточность и неверность всех удовольствий, доставляемых внешними волями он ощутил [сознал] не иначе, как после того, что с особенной страстью устремился к этим удовлетворениям. В юности его жажда борьбы с чужими волями и насыщения органических инстинктов была неутомима:

1) В дни безграничных увлечений...¹³

Ключ всех этих страстей и наслаждений бился, конечно, в любви к женщине. И никто, как он – в ужасной пустоте, в которой гибнет кратковременный взрыв этого главного счастья человеческого [личного] и животного – никто не ощутил с такой силой невозможность такого счастья. В непрочности и неустанной неудовлетворенности любви сообщилось ему одно из главных проявлений ничтожества – влечений к чужим волям. Вот слова этих роковых скорбей<:>

2) Расстались мы...¹⁴ Сей поцелуй, дарованный тобой...¹⁵

Та же мысль еще властнее обобщается: вечная разлука неизбежна и отравляет жизнь.

3) Мы пьем в любви отраву сладкую...¹⁶

В виду этого предвидения он даже радостью краткой упиваться не умел. Исполнением желания губилось желание.

Он близок, близок день свиданья!¹⁷

п р и м е ч а н и я

- ¹ Иван Коневской. *Стихотворения и поэмы*. Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания А.В. Лаврова. СПб.-М., 2008.
- ² «Из архива Ивана Коневского». Предисл., публ. и комм. А.В. Лаврова. *Писатели символистского круга: Новые материалы*. СПб., 2003. С. 81-189; «Иван Коневской — полемист». Предисл. и публ. А.В. Лаврова. *Русская литература*. № 1 (2008). С. 211 – 221. См. также: «И.И. Коневской. Баллады Алексея Толстого». Публ. и примеч. Н.В. Розман. *Русская литература конца XIX – начала XX века в зеркале современной науки. В честь В.А. Келдыша*. М., 2008. С. 394 – 399. Нельзя не упомянуть и важную статью: В.Я. Мордерер. «Блок и Иван Коневской». *Александр Блок. Новые материалы и исследования. (Литературное наследство. Т. 92)*. Кн. 4. М., 1987. С. 151-178.
- ³ РГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 1.
- ⁴ Там же. Л. 2.
- ⁵ З. Гиппиус. *Зеркала. Вторая книга рассказов*. СПб., 1898. С. 380.
- ⁶ Там же. С. 381.
- ⁷ Д. Мережковский. *О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы*. СПб., 1893. С. 91.
- ⁸ К. Бальмонт. *Горные вершины. Сборник статей*. Кн. I. М., 1904. С. 73-74.
- ⁹ Под № LVII этот сонет помещен в кн.: *Томление духа. Вольные сонеты Вл. Нелединского [Вл. Гиппиуса]*. Пг., 1916.
- ¹⁰ Е.П. Тиханчева. *Брюсов о русских поэтах XIX века*. Ереван: Айастан, 1973.
- ¹¹ Цит. по: «Переписка с Ив. Коневским». Вступ. ст. А.В. Лаврова. Публ. и коммент. А.В. Лаврова, В.Я. Мордерер и А.Е. Парниса. *Валерий Брюсов и его корреспонденты. (Литературное наследство. Т. 98)*. Кн. 1. М., 1991. С. 473.
- ¹² И. Коневской. *Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений*. М., 1904. С. 210.
- ¹³ Далее, по-видимому, должен был следовать анализ стихотворения Баратынского «В дни безграничных увлечений...» (1831).
- ¹⁴ Из стихотворения Баратынского «Расстались мы; на миг очарованьем...» (1820, 1826).
- ¹⁵ Из стихотворения Баратынского «Поцелуй» (1822).
- ¹⁶ Из стихотворения Баратынского «Мы пьем любви отраву сладкую...» (1824), которое было одним из самых популярных в среде старших символистов. Брюсов ссылаясь на него в статье «Мировоззрение Баратынского» (1898) (В. Брюсов. *Ремесло поэта. Статьи о русской поэзии*. М., 1981. С. 221), З. Гиппиус – в уже цитировавшейся повести «Златоцвет» (см.: *Зеркала. Вторая книга рассказов*. С. 388-389).
- ¹⁷ Из стихотворения Баратынского «Ропот» (1820). На этом текст обрывается.

**ТРИ УРОВНЯ КОММУНИКАЦИИ
В СТИХОТВОРЕНИИ М. КУЗМИНА
«ГДЕ СЛОГ НАЙДУ, ЧТОБ ОПИСАТЬ ПРОГУЛКУ...»**

Klaus Harer

Где слог найду, чтоб описать прогулку,
Шабли во льду, поджаренную булку
И вишен спелых сладостный агат?
Далек закат, и в море слышен гулко
Плеск тел, чей жар прохладе влаги рад.

Твой нежный взор, лукавый и манящий, –
Как милый вздор комедии звенящей
Иль Мариво капризное перо.
Твой нос Пьеро и губ разрез пьянящий
Мне кружит ум, как «Свадьба Фигаро».

Дух мелочей, прелестных и воздушных,
Любви ночей, то нежащих, то душных,
Веселой легкости бездумного жителя!
Ах, верен я, далек чудес послушных,
Твоим цветам, веселая земля!

(Кузмин 1996: 59)¹

1. В большом эссе о поэзии Кузмина Владимир Марков справедливо отметил, что данное стихотворение, «которое для современников “прозвучало откровением”», в свое время представлялось критикам (а литературоведам представляется и поныне) «некоей квинт-эссенцией кузминской поэзии» (Марков 1977: 328). «Где слог найду, чтоб описать прогулку...», к тому же, следует считать «первым» стихотворением поэта², не столько даже в хронологическом, сколько в программном смысле. Не случайно этим стихотворением-манифестом начинается первый собственно поэтический цикл Кузмина «Любовь этого лета» (лето 1906 г.), опубликованный в «Весях» в 1907 г. Год спустя Кузмин поставил именно этот цикл в начало своего первого крупного сборника стихов «Сети», вышедшего в апреле 1908 г. в издательстве «Скорпион».

Марков называет главные черты стихотворения: перечислительную описательность, легкую аллюзивность культурных сравнений и жизне-радостную концовку, подчеркивая при этом, что мнимая ясность сти-

хов несколько нарушается эллиптическим синтаксисом, загадочными эпитетами и проч. Здесь же Марков высказывает принципиальную мысль, очень метко характеризую общее свойство творчества Кузмина в целом: «Но Кузмин редко бывает до конца ясен даже в, казалось бы, самых ясных стихах» (Марков 1977: 328-29). «Прекрасная ясность» искусства – это идеал Кузмина, которого он достиг, главным образом, во «внешней стороне» своих произведений. В прозе это сюжетность, (сравнительная) краткость, избегание непосредственного психологизирования от лица повествователя. В стихах же это предметная наглядность, подчеркнутое метрическое и звуковое мастерство.

Осложнено творчество Кузмина именно на уровне семантики. Частично секреты семантики Кузмина скрыты в автобиографизме многих его произведений. Это свойство в творчестве раннего Кузмина было подробно описано Н. Богомоловым в работе «Автобиографическое начало в раннем творчестве Кузмина» (Богомолов 1995: 117-50). В разборах отдельных произведений главным предметом внимания многих кузминистов стало именно вскрытие автобиографических смыслов. Этому способствовал и знаменитый дневник Кузмина. Правда, с его публикацией становится понятно, что даже дневник не даст окончательного ключа к разрешению трудностей понимания поэзии ее автора (ср. Harer 1998).

Определенная Марковым «мнимая ясность» именно раннего Кузмина заслуживает, на наш взгляд, особого внимания исследователей. «Где слог найду, чтоб описать прогулку...» – несомненно, одно из самых известных стихотворений Кузмина, при ближайшем рассмотрении представляется отнюдь не простым. При всей блестящей звуковой и ритмической фактуре этого текста смысл его остается достаточно непонятным. В предлагаемом разборе делается попытка разбора этого стихотворения посредством *close reading*, учитывая коммуникативную сторону читателя, как реально-исторического, так и “ideal reader”.

Реально-историческое восприятие «Где слог найду, чтоб описать прогулку...» проходило на трех уровнях. Первые читатели, близкие друзья поэта, легко прочитывали в стихах все (или почти все) намеки на биографические и культурные контексты. На втором уровне стихи воспринимались в достаточно узких артистических кругах Петербурга и Москвы в рамках формального или отдаленного знакомства с контекстами стихотворения. Третий уровень – это восприятие стихотворения читателем, лично с автором не знакомым и воспринимающим стихи в контексте литературной коммуникации времени прочтения.

2. Первая строфа рисует прогулку около моря. Строки *Шабли во льду, поджаренная булка, И вишен спелых сладостный агат* указывают на

подчеркнуто изысканную обстановку этой прогулки. В последнем стихе передается звуковое и осязательное восприятие купания: *плеск тел, чей жар прохладе влаги рад*. Кузмин очень немногими словами выражает всю палитру чувственного восприятия: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Кроме того, читатель получает информацию о времени (лето, после полудня) и месте (у моря). За счет риторического вопроса, с которого начинается стихотворение, поэтическое «я» в определенной мере отстраняется от описываемой картины, и таким образом сообщаемым чувственным мотивам придается некая объективность, якобы не пропущенная сквозь сознание лирического героя. Этот эффект объективизации усилен в пятом стихе тем, что восприятие переведено на пространственную дистанцию: купальщики не видны, а только слышны. Контраст холода и тепла, введенный во втором – «кулинарном» – стихе (холодное вино *vs.* горячий хлеб), повторяется в пятом – «купальном» (жаркие тела *vs.* прохладная вода).

Вторая строфа вводит лирическое «ты», представленное перечислением глаз, носа, губ, т.е. теми частями тела, которые в первой строфе косвенно присутствовали как органы соответствующих чувств. Здесь они, однако, выступают уже не как рецепторы этих чувств, а как черты лица, указывающие на определенный культурный контекст: *Взгляд, лукавый и манящий представляется Как милый вздор комедии звенящей / Иль Мариво капризное перо*. Этот взгляд, а также нос *Пьеро* и губ *разрез пьянящий* <...> *круж[ат] ум, как "Свадьба Фигаро"* лирическому герою. Оба сравнения довольно неожиданны и нетривиальны.

Первое мотивировано нагромождением эпитетов и поддерживается оригинальной рифмой с цезурой «взор / вздор». Проза и комедии Мариво, которые Кузмин имеет в виду, не были представлены на русском литературном рынке того времени и вряд ли были знакомы широкому читателю в России. Они только начинали привлекать внимание круга «Мира искусства», в котором Кузмин вращался в период своего литературного дебюта.³ Второе: соотношение «носа Пьеро» с оперой «Свадьба Фигаро» более осложнено, ведь Пьеро, персонаж меланхолического шута в *commedia dell'arte*, не обладает характерным носом, в отличие от Арлекина, длинный нос которого характеризует своего обладателя как дерзкого и сексуально активного шута. Контаминация Пьеро с неким носом придает этому пассивному меланхолику качества Арлекина. Соотношение же Пьеро со «Свадьбой Фигаро» Моцарта (ср. рифму «Пьеро / Фигаро») намекает, скорее всего, на персонаж Керубино, того меланхолического пажа, роль которого на оперной сцене исполняется женским сопрано. Именно Керубино в опере Моцарта воспринимается как андрогинный Пьеро, который обладает высокой степенью мужской энергии, присущей Арлекину.

Очевидно, именно эту присущую Керубино андрогинность, его амбивалентную позицию между активностью и пассивностью и имеет в виду Кузмин, соотнося «Свадьбу Фигаро» с «носом Пьеро», с одной стороны, и с «разрезом губ» – с другой. Однако необходимо отметить, что эта усложненная ссылка на Керубино вряд ли была понятна рядовому читателю в России начала XX в. «Свадьба Фигаро» Моцарта тогда вообще отсутствовала в репертуаре российских театров⁴. Но в узком кругу друзей Кузмина эта опера, а еще больше – персонаж Керубино пользовались особым вниманием. Об этом, в частности, свидетельствует запись в дневнике Кузмина от 3 июня 1906 г.: «У Ивановых пели арию Керубино из “Фигаро”, какое опьянение, какая любовь» (Кузмин 2000: 163)⁵.

Таким образом, можно сказать, что в первой строфе поэтическое «я» предлагает дистанцированное описание летней прогулки, а во второй дается анализ внешности лирического «ты», переводящий черты лица возлюбленного в эротико-эстетизированный код⁶. Третья строфа завершает стихотворение мировоззренческим кредо лирического героя, продолжая при этом восклицательную интонацию предыдущих строф. Легкость атмосферы в первой строфе и восторженное описание возлюбленного во второй завершаются восхвалением *Веселой легкости бездумного житья* в третьей строфе. Синтаксическая структура этой строфы, однако, отнюдь не ясна: первая фраза – это восклицательное обращение, распространяющееся на целых три стиха. Причем объект обращения – «дух» – определяется тремя характеристиками, в которых нанизаны путанные атрибуты в родительном падеже. Это дух подчеркнуто «недуховный», он принадлежит «мелочам» и связан с телесными удовольствиями.

Заключительная фраза синтаксически ясна, она продолжает сказанное в предыдущих стихах: *верен я <...> Твоим цветам, веселая земля*, но смысл предложения сильно усложнен не очень понятной вставкой *далек чудес послушных*. Ясно, что «чудеса» лирическому герою не близки, но в каком смысле надо понимать «послушных» – не ясно. Или это «чудеса», которые переживают только «послушные», к которым лирический герой не относится, или же сами «чудеса» характеризуются как «послушные», т.е. неподлинные, инсценированные фокусником. В любом случае, заключительная строфа выявляет некоторое полемическое отстранение от «чудес послушных» и тех, которые не верны *твоим цветам, веселая земля*.

3. Комментаторы поэзии Кузмина указывают на непосредственный автобиографизм стихотворного цикла «Любовь этого лета» и, в частности, вступительного «Где слог найду...» (Кузмин 1996: 689-90; Богомо-

лов и Мальмстад 1996: 110-11; Ротиков 1998: 518-20). Автобиографический контекст легко прослеживается по дневникам и переписке Кузмина. Цикл из 12-ти стихотворений рассказывает любовную историю между лирическим героем и молодым человеком. После насыщенных эротизмом встреч следует расставание, лирический герой – в разлуке с возлюбленным – описывает свои переживания. Заключительное стихотворение намекает на возможное воссоединение и на скорую встречу с возлюбленным.

В «тексте жизни» этому сюжету соответствуют отношения Кузмина с адресатом цикла Павлом Масловым. Стихотворение отражает прогулку в Сестрорецк, которую Кузмин предпринял 3 июля 1906 г. вместе с Масловым и со своими друзьями В. Нувелем и К. Сомовым. В соответствующих дневниковых записях встречаются формулировки, предвосхищающие последующие стихи: «Ели, пили и Шабли, и глинтвейн <...>. Сомов даже сам целовал Павлика, говорил, что им нужно ближе познакомиться и он будет давать ему косметические советы. Нашел, что его *fort* – это нос, очень Пьерро *et bien taillé* <...>» (Кузмин 2000: 189).

Свой цикл Кузмин писал большей частью на даче в Васильурске и посылал отдельные стихотворения в письмах к Нувелю и Сомову в июле-августе 1906 г. В ответных посланиях его друзья, рассказывая о Маслове, цитировали только что полученные стихи. В письме от 1 августа 1906 г. Нувель, например, использует целый ряд сигнальных слов из «Где слог найду...»: «Наконец, третьего дня, видел его <П. Маслова. – К.Н.> в Тавриде <Таврическом саду. – К.Н.>. К сожалению, я не мог долго беседовать с ним, т.к. я был не один, но могу сказать, что он такой же, как и прежде. И нос Пьеро, и лукавые глаза, и сочный рот – всё на месте (остального я не рассматривал). <...> Где же та легкость жизни, которую Вы постоянно отстаивали? Неужели она может привести к таким роковым последствиям? Тогда всё рухнет, и Вы изменили “цветам веселой земли”. И нос Пьеро, и Мариво, и “Свадьба Фигаро” – всё это только временно отнято у Вас <...> Чувствую, что мои слабые утешения не разгонят Вашей грусти, но ради тех же любимых мелочей, умоляю Вас, не падайте духом, тем более, что конец пытки близок» (Богомоллов 1995: 236-237).

Выяснение таких автобиографических переключек может служить реконструкции литературных условий, в которой стихи Кузмина функционировали до их публикации. Именно его первые произведения (помимо стихов, это особенно касается романа «Крылья») создавались в контексте частного литературного общения. Они читались вслух в кружках петербургской богемы или передавались в списках. Самыми первыми их читателями и слушателями были ближайшие

друзья поэта Нувель и Сомов, с которыми Кузмина связывали любовь к культуре XVIII в. и сексуальные предпочтения. В то же время, начиная с весны 1906 г., Кузмин обрел благодарную аудиторию в доме Вяч. Иванова, на многолюдных «средах» в его «Башне» и в гораздо более интимном «кружке Гафиза»⁷. Характерно, что в этой аудитории читались не только стихи и художественная проза, но и дневники, так что переключки «текста жизни» с его литературными трансформациями были иногда заметны воочию.

Мы не знаем, насколько биографический субстрат разбираемого стихотворения был известен кругу знакомых Кузмина по «Ивановским средам», т.е. на втором коммуникативном уровне восприятия, описанном выше. Однако в подробности любовного романа Кузмина с Масловым были посвящены лишь самые близкие друзья поэта, т.е. читатели на первом уровне восприятия. Что же касается культурных контекстов, упомянутых в стихах, то они были более или менее учтены на втором уровне (ср. упомянутое исполнение Кузминым арии Керубино на «башне» Иванова). На третьем уровне, для потребителей печатной продукции издательства «Скорпион», они были скорее загадочны. Замеченный «автобиографизм» стихотворения, однако, не мог помешать восприятию этого текста читателем, не посвященным в интимные подробности жизни автора.

Оказывается, что выявленные контексты не дают подходящего ключа к пониманию этих стихов. Биографические источники могут говорить нам о том, что побудило поэта написать данные стихи, а также о том, что сюжет описанного в стихах основан на реальных переживаниях поэта. Эти наблюдения могут быть релевантны для биографии поэта и как дополнительная информация для читателя, но для понимания неясного смысла стихотворения они бесполезны. Общий смысл герметичной третьей строфы понятен или непонятен в равной мере на всех предполагаемых коммуникативных уровнях. Поэтому «автобиографизм» в этом стихотворении, как, впрочем, и в большинстве других произведений Кузмина, не представляется релевантным семантическим фактором.

4. Возвращаясь к разбору текста, заметим, что намеченная нами сложная смысловая структура стихотворения вряд ли была причиной его популярности. Хрестоматийность «Где слог найду, чтоб описать прогулку...» объясняется чисто техническим совершенством этого шедевра стихового искусства. Здесь ощутима густая звуковая структура; рифмовка ААБАБ дополнена внутренними рифмами: зарифмованы цезуры первого и второго стихов, а цезура четвертого рифмуется с клаузулой третьего. Таким образом, каждая строфа имеет две трой-

ные и одну парную рифму. Для наглядности приведем восемь рифмующихся слов первой строфы: «найду – прогулку / во льду – булку / агат / закат – гулко / рад». Кроме рифм, использованы дополнительные звуковые фигуры внутри стихов. Пятистрочные строфы из пятистопных ямбов построены по строгому синтаксическому плану. Каждая строфа состоит из двух контрастирующих фраз, охватывающих соответственно 1–3 и 4–5 стихи. Двухчастная структура строф подчеркнута отсутствием цезуры в третьем стихе, заключающем полустрофу. Во второй строфе, однако, цезура следует после «Мариво», которое к тому же образует нечистую рифму с тройной «перо – Пьеро – Фигаро». Связность строф обеспечена рифмой цезуры четвертого с клаузулой третьего стиха и рифмовкой третьего и пятого стихов. Такое строгое и насыщенное звуковыми повторами построение слегка ослаблено только в третьей строфе. Здесь, в стихе «Веселой легкости бездумного житья!» Кузмин позволяет себе свободу лишней стопы и пропуска цезуры, и эта небрежность явно не случайная, а намеренная, ведь речь идет о «бездумном житье»!

Формальная виртуозность и ритмико-звуковая строгость стихотворения, нарушенная «бездумной» небрежностью в третьей строфе, наглядно подчеркивает смысловую кульминацию в конце стихотворения. Верность «духу мелочей» и отрицание «чудес послушных» основаны именно на той, названной в «неправильном» шестистопном стихе, «веселой легкости бездумного житья». Здесь нарушаются и стиховая, и идеологическая норма, а эстетическая провокация отражает бытовую, которая, скорее всего, была замечена на втором уровне восприятия, т.е. в кругах, вовлеченных в дискуссии о символизме. Кроме того, стихотворение содержит отсылку к «Незнакомке» Александра Блока, прочитанной автором впервые, вероятно, на «башне» в последнюю «среду» сезона 1906 г. (26 апреля) и произведшей сильнейшее впечатление в Ивановском кружке (ср. Лавров 1991: 191-92).⁸ Очевидны общие мотивы, например, прогулка в дачной местности около Петербурга, кулинарные и алкогольные детали, любовное переживание. Но еще более очевиден контраст Кузминского эротического оптимизма с мистической тоской блоковской «Незнакомки».

5. Стихотворение «Где слог найду, чтоб описать прогулку...» было воспринято современниками как манифестация нового типа литературной эстетики, а также как провокация и в эстетическом, и в моральном плане. Биографические контексты и намеки на культурные коды, отраженные в стихотворении, были в более или менее полном объеме понятны лишь немногим близким знакомым поэта. На этом уровне Кузмин мог рассчитывать на полное согласие читателя с программной

декларативностью стихотворения. На втором уровне коммуникации близкие к символизму литературные круги оценили стихотворное мастерство и связанную с ним провокацию, которая присутствовала и в пародийном намеке на «Незнакомку» Блока. Ориентация же на легкую эстетику XVIII века и на исключительно мужскую телесность, выраженная в стихотворении, стала «фирменным знаком» творчества Кузмина.

Что в этом стихотворении понимал широкий читатель, если он вообще читал публикации издательства «Скорпион», трудно сказать. Во всяком случае, провокация здесь срабатывала на уровне тематики. Ведь слишком уж явно, что «Любовь этого лета» – однополая, а скандал, вызванный прозаическим дебютом Кузмина, романом «Крылья» 1906 г. («порнография», кощунственная кисть» и т.п.; см. Харер 1992: 46), показал, насколько чувствительно литературная общественность в России воспринимала тему гомосексуальности.

п р и м е ч а н и я

- ¹ В основе статьи лежит разбор стихотворения Кузмина, опубликованный на немецком языке в сб. «Die russische Lyrik» (Harer 2002). Для настоящего варианта статья переработана и расширена. Автор признателен М. Безродному и П. Дмитриеву за содействие.
- ² Все ранее написанные и опубликованные поэтические произведения Кузмина (в частности «XIII сонетов», «История рыцаря д'Алесслио» и «Александрийские песни») были написаны как тексты для музыки (ср. Богомолов 1995: 182-183; Дмитриев 1993).
- ³ Судя по дневниковой записи, Кузмин купил в сентябре 1905 г. у букиниста французское издание комедий Мариво (Кузмин 2000: 45).
- ⁴ Т. Ливанова упоминает в качестве единственной студенческую постановку «Свадьбы Фигаро» под руководством Танеева в Московской консерватории в 1888 г. (1956: 92-93). По случаю юбилея Моцарта в 1906 г. петербургский Марининский театр исполнял только «Волшебную флейту» (см. репертуар в изд.: *Ежегодник Императорских театров*. 1905/1906).
- ⁵ Поиски интертекстуальных переключек, связанных с Мариво и Моцартом или Бомарше, предпринятые Н. Богомоловым и Дж. Малмстадом в разных вариантах их совместной биографии Кузмина, не объясняют содержания этого стихотворения. Ассоциация со стихами Пушкина в «Моцарте и Сальери» («Откупори шампанского бутылку / Иль перечти "Женитьбу Фигаро"»), их озадачивавшая (Богомолов и Малмстад 1996: 110-111; Malmstad and Bogomolov 1999: 108-110; Богомолов и Малмстад 2007: 176-177), вполне допустима, но она не вносит никакого дополнительного смысла в понимание «Где слог найду...».
- ⁶ Аналогичную семантическую операцию Кузмин предпринял в стихотворении 1913 года «Вы думаете, я влюбленный поэт?..» (Кузмин 1996: 254-255). См. разбор этого стихотворения в работе Harer 1993: 87-89.
- ⁷ О «кружке Гафиза» см. работу Богомолова «Петербургские гафизиты» (Богомолов 1995: 67-98). Об отношениях между Кузминым и Вяч. Ивановым см. воспоминания Кузмина, включенные в его дневник 1934 года (Кузмин 2007).
- ⁸ К. Чуковский описывает первое чтение «Незнакомки» в одну из «сред» Иванова весной 1906 г., без указания точной даты, ранним утром на крыше (Чуковский 1959: 371-372).

Ср. запись 26-го апреля 1906 г. в дневнике Кузмина: «Пошли на крышу, рассветало, чудный вид, будто Вавилон. Городецкий читал стихи “Монастырская весна” – очаровательно, другие мне несколько меньше понравились» (Кузмин 2000: 137).

Л и т е р а т у р а

- Богомолов 1995 – Н.А. Богомолов. *Михаил Кузмин. Статьи и материалы*. М.: НЛО, 1995.
- Богомолов и Малмстад 1996 – Н.А. Богомолов и Дж. Малмстад. *Михаил Кузмин. Искусство, жизнь, эпоха*. М.: НЛО, 1996.
- Богомолов и Малмстад 2007 – Н.А. Богомолов и Дж. Малмстад. *Михаил Кузмин. Искусство, жизнь, эпоха*. [СПб.]: Вита Нова, 2007.
- Дмитриев 1993 – П.В. Дмитриев. «К вопросу о первой публикации М. Кузмина». *Новое литературное обозрение*. № 3 (1993). С. 155-158.
- Кузмин 1996 – М. Кузмин. *Стихотворения*. Вст. ст., сост., подг. текста и примеч. Н.А. Богомолова. СПб.: Академический проект, 1996.
- Кузмин 2000 – М. Кузмин. *Дневник 1905–1907*. Предисл., подг. текста и комм. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2000.
- Кузмин 2007 – М. Кузмин. *Дневник 1934 года*. Под ред., со вст. ст. и примеч. Глеба Морева. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2007.
- Лавров 1991 – А.В. Лавров. «Маргиналии к Блоковским текстам». *Александр Блок. Исследования и материалы*. Л.: Наука, 1991. С. 165-88.
- Ливанова 1956 – Т.Н. Ливанова. *Моцарт и русская музыкальная культура*. М.: ГМИ, 1956.
- Malmstad and Bogomolov 1999 – John E. Malmstad and Nikolay Bogomolov. *Mikhail Kuzmin. A Life in Art*. Cambridge–London: Harvard Univ. Press, 1999.
- Марков 1977 – Вл. Марков. «Поэзия Михаила Кузмина». *М.А. Кузмин. Собрание стихов*. Bd. 3. Мюнхен: Wilhelm Fink Verlag, 1977. С. 321-426.
- Ротиков 1998 – К.К. Ротиков. *Другой Петербург*. [СПб.]: Лига Плюс, 1998.
- Харер 1992 – К. Харер. «“Крылья” М.А. Кузмина как пример “прекрасной легкости”». *Любовь и эротика в русской литературе XX века*. Под ред. А. Геллера. Bern: Peter Lang Verlag, 1992. С. 45-56.
- Harer 1993 – K. Harer. *Michail Kuzmin. Studien zur Poetik der frühen und mittleren Schaffensperiode*. München: Otto Sagner, 1993.
- Harer 1998 – K. Harer. «Die Reputation des Dichters als Resultat der Umwertung der Werte in der sowjetischen Gesellschaft. Am Beispiel der Rezeption Michail Kuzmins». *Welt hinter dem Spiegel. Zum Status des Autors in der russischen Literatur der 1920er bis 1950er Jahre*. Hrsg. von Klaus Städtke. Berlin: Akademie Verlag, 1998. S. 205-217.
- Harer 2002 – K. Harer. «Michail Kuzmin: Gde slog najdu, čtob opisat' progulku... – Wo soll ich die rechten Worte finden...». *Die russische Lyrik*. Hrsg. von Bodo Zelinsky unter Mitarbeit von Jens Herlth. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2002. S. 170-175, 439-441.
- Чуковский 1959 – Корней Чуковский. *Из воспоминаний*. М.: Сов. писатель, 1959.

К ПРОЧТЕНИЮ «SILENTIUM'А»

Е.А. Годдес

Это дебютное (1910) стихотворение Мандельштама очевидным образом построено на двух опорах – тютчевской и мифологической. С введением заглавия в книжном издании («Камень» 1912 года) тютчевское начало было столь же очевидно усилено. А само заглавие могло бы претендовать на автоинтерпретирующую, метаописывающую роль. Согласно известной (несколько более поздней) характеристике Гумилева стихотворение представляет собой «смелое договаривание верленовского “L’art poétique”». Но, по сути дела, демонстративное усиление тютчевского начала дает основание видеть именно здесь интенцию «договаривания» – и, более того, «радикализации» – романтических императивов Тютчева. Однако такое понимание осложняется тем, что Мандельштам тяготел не к неоромантической, но к экзистенциальной трактовке личности – коллизия, которая не могла быть ясна современникам отчетливо: она выявилась, только когда его ранняя поэзия стала известна в полном объеме.

Для доакмеистического Мандельштама лирическая суть не столько в защите я от *другого* («Молчи, скрывайся и таи...»), сколько в невозможности подлинного контакта с ним из-за некоммуникабельности я: «Не говори со мной – что я тебе отвечу?» («В морозном воздухе растаял легкий дым...»). Узус в этой лирике таков: «Я участвую в сумрачной жизни / И невинен, что я одинок!» (вариант: «Где один к одному одинок!» – «Воздух пасмурный влажен и гулок...»). В противоположность богатству внутреннего мира, о котором говорит (оберегая его) Тютчев, мандельштамовское я, рафинированно рефлектирующее и перманентно в себе сомневающееся, склонно к самоумалению вплоть до: «я ничего не значу» («Качает ветер тоненькие прутья...»).

В этом контексте переложение программного тютчевского стихотворения было или могло стать актом самоидентификации¹. Но оказалось, что поэтическая концепция прошлого столетия может быть варьирована в современном тексте лишь при условии бескомпромиссной трансформации, ведущей ни более ни менее как за пределы языка, искусства² и существующих форм духовного общения. Экстатический порыв к преобразению мира объясним в конце символистской эпохи из опыта «нового искусства» и жизнетворчества³.

Переделка старого образца производится с использованием тютчевского же материала, взятого уже не из «Silentium!» (что делает от-

сылку заглавия если не ложной, то достаточно неопределенной), а из «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...». Мандельштам нашел здесь связку *море – музыка (пение) и слово (говор)* – она окольцовывала текст, – и эпитет (дважды употребленный) *лазоревый / лазурный*, что вызвало младшего поэта на игру цветообозначениями⁴. Но, конечно, наиболее важна в плане предлагаемых сопоставлений вторая строфа с ее мифологическим эпизодом: «И песнь их <Средиземных волн>, как во время оно <курсив Тютчева>, / Полна гармонии была, / Когда из их родного лона / Киприда светлая всплыла...». Это «описание», по-видимому, легло в основу мандельштамовского (во второй же строфе) и определило *светлый и дневной колорит*⁵ в противоположность ночному колориту сокровенного душевного мира в “*Silentium!*” Тютчева. Замысел Мандельштама состоял, таким образом, в том, чтобы сфокусировать момент, предшествующий мифологическому событию, на которое ссылается Тютчев в «Давно ль...».

Из сказанного достаточно (хотя бы гипотетически) ясно следует, что, комментируя “*Silentium!*”, следует иметь в виду не одно, а два стихотворения Тютчева.

Экстатический максимализм “*Silentium'a*” позволяет, кажется, затронуть и вопрос о жанре текста, предвосхищающего порыв «уйти из нашей речи» (уже из русско-советской) или создать стиль русского Петрарки. Вчерне можно наметить такие обозначения – *видение* или даже *лирическая утопия*.

п р и м е ч а н и я

¹ Заметим здесь, что эмфазы 3–4-й строф выделяются (хотя и не являются синтаксическим исключением) на интонационном фоне его стихов этих лет, где более обычно я констатирующее или вопрошающее. Диапазон вопросов – от условного «Что может быть слабее лилий / И сластнее тишины?» («Невыразимая печаль...») до философического и даже цитатного «Не воплощает ли природа / Гармонию высоких числ?» («В смиренномудрых высотах...»). Более специфична конструкция с перемещением вопросительного слова в середину фразы: «Ты прикасаешься сердце каких – / Какого достигаешь слуха?» («Дыханье вещее в стихах моих...»). Или: «К высям просвета какого / Уходит твой лиственный шум – / Темное дерево слова, / Слепшее дерево дум?» («Листьев сочувственный шорох...»). Иногда риторический вопрос готовит эмфазу, как, например: «Что весь соблазн и все богатства Креза / Пред лезвием твоей тоски, Господь! / <...>Я не хочу души своей излучин, / И разума, и Музы не хочу...» («Змей»). Обратная конфигурация – вопросительная конструкция следует за императивно-эмфатической, образуя с ней сложное составное высказывание (два последних катрена в уже цитированном «Листьев сочувственный шорох...»).

² К теме обретения адекватного художественного языка и поисков отклика (3-й катрен) ср. заключительные строфы стихотворения Анненского «Он и я»: «А я лучей иной звезды / Ищу» и т.д., в частности: «И безответна, и чиста / За нотой умирает нота». Это стихотворение определенно привлекало внимание Мандельштама и более явно отразилось у него в «Концерте на вокзале» («рокет фортепьянный» во второй строфе).

³ Символисты, как известно, канонизировали Тютчева. Особенно активную роль сыграл в этом Вяч. Иванов – его поэзия и эстетическое теоретизирование, в частности, статьи, вошедшие в книгу «По звездам», которую Мандельштам внимательно читал, о чем писал автору 13(26) августа 1909 г. Ивановский слой реминисценций из Тютчева, значимых для Мандельштама, был рассмотрен в содержательной и важной по постановке вопроса работе Джона Мальмстада (John E. Malmstad. "Mandelstam's 'Silentium': A Poet's Response to Ivanov". *Vjacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher*. New Haven, 1986). Можно сказать, что "Silentium" возникло на пересечении тютчевской канонизируемой и ивановской канонизирующей линий.

Соотношение с материалом каждого из источников, по сути дела, сходное: Мандельштам обходит, огибает программную проблематику старшего современника, как и тютчевскую (достаточно напомнить, что живой, богатой, сложной, наполненной природе противопоставлена мертвенная, бедная, простая и пустая), хотя результат изучения его искусства и теории налицо.

Мандельштам уклоняется от той прямой преемственности с Тютчевым, которую стремится установить для современной поэзии Иванов; и так же он уклоняется от мифотворчества в духе самого Иванова. "Silentium" скорее уж ближе к тому, о чем Иванов писал: «Индивидуальный же и не общеобязательный миф – невозможность, *contradictio in adjecto*» (II, 90). "Silentium" существует в сфере чистой лирики и, несмотря на максимализм, ничего кроме нее не предполагает. Можно даже сказать, что «сердце, сердца устыдись» – это вызов эстетической программе Иванова, устремленной к сверхиндивидуальному символу, из которого должен развиться миф как «постулат коллективного самоопределения», к хору, к «большому всенародному искусству», имеющему прийти после «кризиса индивидуализма», в «новую органическую эпоху».

⁴ К первоначальному варианту 8-го стиха со снижающим определением: «В *мутно-лазоровом сосуде...*» ср. в переводе Тютчева из Гейне «Кораблекрушение»: «Они <тучи> в *туманные сосуды* / Морскую черпают волну / <...> И снова выливают в море!..». Замену на «в *черно-лазоровом сосуде*», сделанную, по словам Н.И. Харджиева, в 1935 г., естественно связать с недавними к тому моменту решениями в «Ариосте» («Сольем твою *лазурь* и наше *Черноморье*») и стихах на смерть Андрея Белого («*лазурь* *черна...*»).

⁵ Может казаться, что в 6-м стихе использован коллоквиализм, но, по-видимому, разговорный оборот со словом *безумный* (*безумно*) как усилительным определением уже был ассимилирован поэтическим языком. Ср. у Брюсова: «Запад гаснет, пышно светел, / Над *безумно светлым* морем» («На гранитах» во «Всех напевах»).

ВЕНЕЦИАНСКИЙ РОМАН ВЛАДИСЛАВА ХОДАСЕВИЧА*

Андрей Устинов

Остальные дачники были также из артистического мира[†].

[†] Среди них – Е.В. Муратова.

Борис Пастернак

О работе Владислава Ходасевича в Трудовой артели «Книжная Лавка Писателей» известно из его автобиографии 1922 г. «О себе»¹, написанной по просьбе Александра Яценко (и ныне хранящейся в коллекции Николая Зарецкого²). Этот очерк выделяется среди биографических справок и автобиографических заметок, печатавшихся в «Новой русской книге». Ко времени своего переезда в Берлин Ходасевич воспринимается современниками как признанный и значительный поэт. В ценной статье «1921 год в творческой биографии В. Ходасевича» М. Ратгауз определяет этот период как рубеж в его литературной судьбе: «Именно в это время в некой имплицитной иерархии современной русской поэзии Ходасевич неожиданно занимает одно из первых мест. Вышедший во второй половине 1922 года сборник “Тяжелая лира” лишь подтверждает эту уже сложившуюся новую литературную репутацию Ходасевича»³. К 1922 г. его литературный статус таков, что Ходасевич может позволить себе написать пространный текст, начинённый биографическими подробностями:

В 1918 году в конце лета затеял вместе с П.П. Муратовым Книжную лавку писателей. Добыли книг на комиссию от знакомых издателей. Добыли откуда-то денег на обзаведение, поселились в Леонтьевском пер., 16. Стали за прилавок. Е.Д. Кускова была первой покупательницей: когда шкафы были еще пусты, купила какую-то газету за 30 коп. Кажется, это и составило запасной капитал. Торговали в Лавке: Б.А. Грифцов, М.В. Линд, П.П. Муратов, Е.Л. Янтарев, А.С. Яковлев, М.А. Осоргин, я. Работали в очередь. Моя жена сидела за кассой, зимой, изнывая в нетопленном магазине, – по целым дням. Кое-как были сыты. Зимой 1919-1920 года провели ужасно. В полуподвальном этаже нетопленного дома, в одной комнате, нагреваемой при помощи окна, пробитого – в кухню, а не в Европу. Трое в одной маленькой комнате, градусов 5 тепла (роскошь по тем временам). За стеной в кухне на плите спит прислуга. С Рождества, однако, пришлось с ней расстаться: не по карману. Колол дрова, таскал воду, пек лепешки, топил пли-

* Пользуемся случаем выразить свою признательность Роберту Хьюзу за щедрую и всегда своевременную помощь в подготовке этой публикации.

ту мокрыми поленьями. Питались щами, нелегально купленной пшенной кашей (иногда с маслом), махоркой, чаем с сахарином. Мы с женой в это время служили в Книжной Палате Московского Совета: я – заведующим, жена – секретарем⁴.

О своей роли кассирши писала в поздних воспоминаниях А.И. Ходасевич:

В то время книжных магазинов почти не было, и писатели открыли Книжную Лавку писателей. <...> Я там служила в качестве кассирши <...> Наша лавка не отапливалась, и я утром находила чернила замерзшими. Все работали в шубах.

Через год мы с Владей ушли из лавки. Я вскоре перешла работать по приглашению Александра Брюсова в Книжную Палату»⁵.

Они проработали в Лавке до сентября 1919 г., о чем Ходасевич сообщал 27 апреля 1920 г. Борису Садовскому: «Никаких книг я Вам не достал. Книжную Лавку Писателей (из кот<орой> я, впрочем, вышел еще в сентябре), кажется, на днях прихлопнут. Там паника, безумные цены и отсутствие нужных книг. “Логоса” нет, изд. Сабашникова рублей по 600 за том и т.д.»⁶. А. Ходасевич за кассой сменила Е.А. Дилевская, запомнившаяся Борису Зайцеву: «Елена Александровна, напоминая Палладу, стояла за кассой, куда шли сначала сотни, потом миллионы»⁷.

Обстоятельства работы в Лавке были довольно рутинными, как следует из письма А. Ходасевич к Борису Садовскому от 4 апреля 1919 г.:

В Москве жить очень плохо: холодно и голодно. Единственная моя отрада – это моя “лавочка”. Работаю в ней с большим удовольствием, а по праздникам без нее скучаю. Все мое мировоззрение на людей зависит от их отношения к “лавочке”. Так, например, ненавижу Кожебаткина – он предпочитает советские магазины, которые у него в издательстве покупают на тысячи, а мы только на сотни, а потому он нам не дает новых книг – такое хамство!

Вообще наша “лавочка” – почти “Литер<атурно>-худ<ожественный> кружок”. Все московские писатели постоянно здесь бывают. Правда, их немного – уехали многие на Украину, есть сахар – не люблю таких⁸.

В поздних воспоминаниях, Ходасевич был более саркастичен, когда вспоминал свою работу на ниве книготорговли:

Четверть века спустя, в 1918 году, довелось мне вновь стать за прилавком – в московской Книжной Лавке Писателей. Подробно о ней рассказывать не буду, потому что на сей счет существует уже целая литература, страдающая, на мой взгляд, сильными преувеличениями в сторону “идейности”. Судя по тому, что писалось о Книжной Лавке, можно подумать, будто это было какое-то необыкновенно возвышенное предприятие, ставившее себе единственно культурные цели, – чуть ли не луч света в темном царстве военного коммунизма. Не отрицаю, что кое-какую культурную роль Лавка сыграла, но, разумеется, ее сознание определялось бытием, а не наоборот,

то есть, попросту говоря, возникла она потому, что писателям нужно было жить, а писать стало негде⁹.

Однако в 1922 г. в Берлине он подробно описал этот эпизод своей биографии.

Труды и дни Книжной Лавки писателей описаны в содержательной работе Н. Богомолова и С. Шумихина¹⁰, где они обращают внимание на важную составляющую деятельности писателей-пайщиков этого книготоргового кооператива: «создание и продажу рукописных книжечек стихотворений или небольших рассказов. Эти книжечки, очень небольшого объема, обычно не более двух десятков страниц, каждый автор собственноручно писал и разукрашивал (в редких случаях текст был машинописным, но обязательно с подписью-автографом)»¹¹. В очерке, написанном в 1928 г., «“Веселые дни”. 1921 г.» Б. Зайцев вспоминал:

Осоргин вечно что-то клеил, мастерил. Собирал (и собрал) замечательную коллекцию: за отменю книгопечатания (для нас, по крайней мере), мы писали от руки небольшие “творения”, сами устраивали обложки, иногда даже с рисунками и продавали. За свою “Италию” я получил 15 тысяч (фунт масла). Продавались у нас так изготовленные книжечки чуть не всех московских писателей. Но по одному экземпляру покупала непременно сама лавка, отсюда и коллекция Осоргина. Помещалась она у нас же, под стеклом. А потом поступила, как ценнейший документ “средневековья” в Румянцевский музей.¹²

Один из пайщиков Михаил Осоргин в составленном им списке «автографических изданий Книжной Лавки писателей»¹³ называет три рукописных сборника Ходасевича: «Дриада. Идиллия во вкусе Феокрита. Сочинение Альфреда де Виньи. Перевод В. Ходасевича», «Встреча. Венецианское воспоминание», и «Разлуки. Пять стихотворений». Два последних сборника вышли в цветной обложке, но не указано, чьей. Из дневников художницы Юлии Оболенской известно, что летом 1920 г. она работала над иллюстрациями к книгам Ходасевича: «Утром звонил Владислав, предлагал сделать иллюстрации к рукописным сборникам его стихов»¹⁴.

Н. Богомолов и С. Шумихин дополняют перечень рукописных книг Ходасевича в своем расширенном варианте списка Осоргина ещё четырьмя сборничками: «Вечерние стихи. Хореи», «Дома», «Психея. 9 стихотворений Владислава Ходасевича» и «Стихи для детей»¹⁵, и, в качестве примера, описывают один из сборников:

Элегантная книжечка В.Ф. Ходасевича “Вечерние стихи. Хореи” включает 4 стихотворения (“Голос Джинни”, “Воспоминание”, “Вечер”, “Рай”). Они не имеют разночтений с печатными текстами, однако объединение этих стихотворений в единый цикл с авторским заглавием “Вечерние стихи” в изданных книгах Ходасевича не встречается.¹⁶

Кроме того, в перечне автографических изданий фигурируют также две совместные книжки Ходасевичей под псевдонимами «София Бекетова» (А. Ходасевич) и «Елисавета Макшеева» (В. Ходасевич): «Стихотворения [3 стих. Бекетовой и 2 стих. Макшеевой] и «Семь стихотворений»¹⁷.

В приложении к недавнему изданию фундаментального труда Л. Турчинского «Русские поэты XX века. Материалы для библиографии» напечатан составленный Н. Богомоловым указатель автографических стихотворных книг 1919-22 гг., где, в том числе, дано описание новонайденного в двух вариантах сборника «Предсмертье»:

Рукописная книга, целиком исполненная рукой Владислава Ходасевича. Текст передней обложки: «Предсмертье // Восемь стихотворений // Владислава Ходасевича // 1920» (красные и черные чернила). Спинка обложки украшена надписью выполненной предположительно М. Осоргиным: «Автографические Издания Книжной Лавки Писателей»¹⁸.

Общим для этих книг является то, что все они были изготовлены Ходасевичем на протяжении 1920 года, уже после того, как он оставил Книжную лавку и перешел работать в Книжную Палату. Мы хотели бы внести одно дополнение в этот замечательный каталог.

В отделе редких книг и автографов Библиотеки Сесил Х. Грин в Стэнфорде хранится ещё одна автографическая книжка Ходасевича 1920 г. «Стихи о царевне» (9 стр., в обложке; размер 11,5 × 16 см, цена не указана). Этот сборник поступил в отдел редких книг из собрания Андрея Донатовича Синявского (1925–1997) и был впервые описан Л. Флейшманом в каталоге выставки книг и рукописей «Поэзия и Революция в России 1905-1930», проходившей в Библиотеке Грин (16 октября 1988 – 6 января 1989):

During the early period of the Civil War Khodasevich lived in Moscow and, like some of his colleagues, made his living by working at the bookshop operated by the Writers' Union. Besides printed books, this shop also sold at special prices, a large number of manuscript booklets written and decorated by the authors. During the publishing freeze, these handwritten pamphlets became a symbol of the continuing vitality of literature. It was then that a manuscript booklet of Khodasevich's 'Poems on a Tsar's Daughter' was produced. [132] The cycle contains five poems originally written in 1911 in Moscow and Genoa and included in his second poetry collection, *The Happy Little House* (1914).¹⁹

Книжка «Стихи о царевне» включает пять переписанных чернилами стихотворений: «Портрет», «Прогулка», «Досада», «Успокоение» и «Завет», вошедших в «Счастливый домик» (1-е изд.: М.: «Альциона», 1914)²⁰.

Как замечают Джон Мальмстад и Роберт Хьюз в комментариях к «Собранию сочинений» Ходасевича, «[х]отя сборник **Счастливый домик** во всех трех изданиях имеет посвящение второй жене Хода-

севича, бóльшая часть любовных стихотворений обращена к Евгении Муратовой»²¹. Биографические обстоятельства романа Ходасевича и Муратовой²² хорошо известны, но до сих пор не подвергались связанному изложению. Объяснение этому достаточно тривиально: крайне сложно удержаться от эмоциональных интерпретаций, к которым располагает сама эпоха 1910-х годов и чрезвычайное переплетение личных и литературных взаимоотношений людей круга Муратовой и Ходасевича. Как замечает изучившая этот круг во всех возможных подробностях исследовательница: «История дружб, любовей, разлук, случайно соединившая этих людей в 1910-1911 гг. в один сюжетный узел, открывается нам одновременно в письмах, воспоминаниях и – в стихах, новеллах, статьях»²³.

Отчасти это действительно так: собственно образ «царевны», объединяющий стихи Ходасевича в «Счастливом домике», обращенные к Муратовой, восходит к стихотворению Муни «Я царевна пленная. / В башне я одна», напечатанном в журнале «Перевал» (№ 8-9 (1907). С. 29-30)²⁴. Однако поскольку очень легко принять беллетристический троп за биографическую деталь, а фигуру речи за авторское откровение, попробуем восстановить хронологию этих отношений, опираясь на доступные факты.

Согласно записи Ходасевича в «коричневой тетради»: «1910, февр. – Маскарад. Женя Муратова. – Пушкино. “Москов. Подворье”. Антик. Стражев»²⁵ их роман возник как следствие маскарада, организованного Н. Ульяновым и П. Муратовым в ночь с 13 на 14 февраля 1910 г. в доме Баженовых на Новинском бульваре²⁶. Как вспоминала Муратова:

Мы с ним сразу подружились. У нас обоих наша прежняя “любовь” разладилась. Он только недавно разошелся со своей женой – высокой, красивой, “шикарной” блондинкой – Мариной. У меня же по молодости лет и из-за увлечений маскарадами получился полный сумбур в жизни, чувствах и мыслях.²⁷

Ходасевич расстался с М.Э. Рындиной в декабре 1907 г., а Муратова разъехалась со своим мужем в июне 1910 г., очевидно, по обоюдному согласию²⁸. В письме из Франции, полученном Ходасевичем 16 июня 1910 г., Муратова звала навестить ее в местечке Каролль в Нижней Нормандии. В августе писала Ходасевичу из Териок. В сентябре 1910 г. Муратова начала занятия в Школе живописи и рисования Е.Н. Званцевой в Петербурге, поселилась на 6-ой линии Васильевского Острова и снова приглашала его приехать. Однако их встреча все откладывалась, и она в меру сил старалась поддерживать приунывшего Ходасевича:

Что ты нагородил такое длинное и скучное. Ты страшно серьезен и знаешь абсолютное и истинное. Развлекись и не думай, и делай, что хочется. Пиши стихи, если пишется – выйдет очень хорошо, а мне эта живопись

вот где сидит, к черту ее. Очень трудно ездить по трамам. А мне только жаль молодости. Целую. Скоро увидимся. Не хандри и не плачь понапрасну. Прости за скверный рисунок, но я хочу тебя хоть чем-нибудь развлечь. Женя.²⁹

По всей видимости, Муратова оставила Школу Званцевой из-за нехватки денег или из-за разочарования в собственных художественных способностях.

Весной 1911 г. она отправилась в Лондон выступать с антрепризой труппы выпускниц Студии Рабенок «8 прекрасных красивых русских эстетических танцовщиц», откуда намеревалась уехать в Париж и продолжить уроки живописи в одной из многочисленных художественных мастерских. Об этом она сообщала Ходасевичу 12 мая 1911 г., пересылая с письмом открытку для А. Ходасевич, ещё Чулковой, состоявшей тогда в гражданском браке с А.Я. Брюсовым:

Если я поссорюсь <с Рабенок>, то уеду на месяц в Париж, там поступлю (еще идут занятия) в La Palette³⁰. Но пока мне через час опять ехать на лифтах и подземных дорогах в театр. Ну а как ты?

Передай *poste carte* Нюре. Не знаю дома ее. Когда уезжаешь? Скорей. Милый Владислав, пиши чаще и больше.³¹

В конце письма речь идет о долго готовившемся и основательно планировавшемся визите Ходасевича в Италию, куда он отправился 1 или 2 июня. Муратова приехала в Италию по истечении контракта труппы в Лондоне, и они, наконец, встретились не позднее 6 или 7 июня, между Ка' да Мосто и Ка' д'Оро «в Венеции на лестнице отеля Leone bianco»³², где в то время жили знакомые им обоим Б.А. Грифцов и Е.С. Урениус (тогда жена Грифцова)³³. Из Венеции Муратова и Ходасевич уехали в Нерви, откуда совершали поездки в Геную и Флоренцию и, возможно, в Пизу. 9 (22) июня 1911 г. Ходасевич писал Муни:

Муничка!

Я не в Кави³⁴, а в Нерви. Это от Генуи сорок минут езды. Здесь очень жарко и очень хорошо. Окно мое выходит на море. С сегодняшнего вечера я сажусь работать. Кажется, это удастся, ибо на душе спокойно ровно настолько, насколько это для меня доступно. Возможно, что я даже стану изредка купаться. Если можешь, напиши мне, что и как.<...>

Женя просила тебе кланяться.

Твой Владислав.

Italia, Genova, Nervi, pension Printemps,
signor Wladislaw Khodassewitch.³⁵

Пик их романа пришелся на лето 1911 г.:

Я “танцовщица”, Владислав лечится от туберкулеза в Нерви. Опять прогулки, кабачки, но уже итальянские, в тесных улочках Генуи. Бесконечные выдумки, развлечения, стихи, чудесное вечное море. Мы почти весь день около него. Я купаюсь, Владислав – нет. Я ем сырых креветок и всякую не-

чисть – frutti di mare. Владислав возмущается и не может понять, как можно по 2 часа сидеть в воде, заплывать в такую даль и есть такую гадость. Владя чувствует себя не плохо, весел, много шутит, *часто говорит*: “я жиденок, хоть мать у меня – католичка, а отец – поляк”, – и много, много пишет стихов – “Звезда над пальмой”.

Наконец я уезжаю. Расставанье.³⁶

Вопреки планам совместного путешествия в Венецию, о которых Ходасевич сообщал Муни 18 июня (1 июля) из Нерви: «Завтра поеду в Геную, в порт, ночью, на матросов глядеть. А через неделю – через Пизу и Флоренцию – в Венецию»³⁷, – Ходасевич и Муратова расстались во Флоренции. В начале июля она вернулась в Москву и писала в своем первом после расставания письме:

Я так перед тобой страшно виновата. Я до сих пор не уверена, получишь ли ты деньги. Дело в том, что мама в деревне, у нее нет, и в Москву, несмотря на мои попреки, ехать не желает. Все же думаю, что это улажу. Но если нет, как ты устроишь? Тогда возьми у Грифцовых, а я им отдам, когда будут. Патя <Муратов> говорит, что так можно сделать. Мне это так неприятно, что я тебя подвела, что больше не хочется писать ни о чем³⁸, –

а в конце письма прибавляла: «Сейчас же, как приедешь, ты приезжай в Звенигород». Роман еще не был окончен, но если Муратова надеялась на возобновление отношений, то Ходасевич, как кажется, уже подводил итог. В письме к Муни 28 июня (11 июля) звучит явная досада:

Завтра еду в Венецию, где буду жить долго. Это неизбежно по деловым причинам. Я жив, здоров, весел. Вот тебе Джоттова кампанилла, которая, как вся Италия до Леонардо, Рафаэля и Микеланджело – ничуть не красива. В ней нет никакого “искусства”, пусто бы ему было³⁹.

С той же иронической горечью 29 июня (12 июля) он пишет А. Брюсову и А. Чулковой:

Дети! Я во Флоренции, один как перст. Женя вам кланяется. Она уехала в Россию, танцевать. Завтра утром буду в Венеции, где проживу целых 3 недели, не меньше. <...> А то приезжайте оба: возле Риальто есть чудесные кабачки, где можно играть в преферанс. Кроме того – я вас люблю, вы меня: почему же нам не быть счастливыми?»⁴⁰

Позднее, это расставание с Муратовой во Флоренции на улице Красивых женщин наискосок от церкви Санта Мария Новелла и железнодорожного вокзала отзовется эхом в черновом наброске стихотворения 1920 г.:

Я вас пою, дары богов
Сок вишен, аромат плодов,
И стан, шнурком стесненный,
И ночь, и клятвы, и вино,
А утром я открыл окно
Na via delle Belle Donne.⁴¹

30 июля, вернувшись в Венецию и найдя приют у Грифцова, Ходасевич пишет Муратовой прощальное письмо, выдержанное в совершенно нейтральном тоне, за исключением одного всплеска откровений: «Слишком уж я много раздавал себя людям, а в ответ не получал ничего. Теперь – *basta cosi!* Да здравствуют книги! Надо быть более гордым, стыдно вывертываться наизнанку даже перед всем миром», – и после вновь нейтрально: «Здесь написал я несколько стихотворений, которых не посылаю, – они тебе не понравятся: написано умно и спокойно»⁴², – то есть не так, как сочиненные в присутствии Муратовой «Стихи о царевне».

Для Ходасевича встреча с Муратовой была спасением от одиночества, его влюбленность была совершенно искренней. Их любовная история закончилась так же скоропалительно, как и началась, вполне в духе венецианских романов, как описал это свидетель переживаний Ходасевича Грифцов в написанном по свежим впечатлениям и посвященном ему рассказе «Дни в Венеции»: «...Боже мой, – почему так бесконечно грустны эти романы, что за странное смешение легкости, светлого веселья – и мимолетности – во всем венецианском»⁴³. Впрочем, Ходасевичу, похоже, нужна была другая женщина. Уже 3 августа он пишет куртуазное письмо А. Чулковой, пока наполовину шутовское, но в ноябре 1911 г. они съедутся и начнется его вторая женитьба.

Со слов Ходасевича Нина Берберова указывала, что Муратова и есть «царевна» стихотворений «Счастливого домика»⁴⁴, а в устных рассказах неизменно упоминала женщину «с черным бантом в волосах». Этот повторяющийся и вряд ли существовавший в реальной жизни аксессуар Муратовой – «черный бант», – дал повод биографу Ходасевича Дэвиду Бетеа описать Муратову как “*flashily erotic*”⁴⁵ и подобрать эквивалент «царевне» стихов сборника в образе, подобном Кармен Проспера Меримэ:

She appears in several poems of *The Happy Little House* as a Carmen-like enchantress. Judging by the poems, she liked to place a large black bow in her red hair in order to accentuate her gaudy desirability. Muratova cultivated the role of ‘infernal’ woman and seemed to take sadistic pleasure in tormenting her poet-slave.⁴⁶

Однако ни ее переписка с Ходасевичем, ни позднейшие воспоминания самой Муратовой, ни немногочисленные свидетельства современников не дают повода к тому чтобы описывать их отношения в саркастическом ключе.

Позволим себе предположить, что именно устные рассказы Берберовой сыграли значительную роль в создании такого восприятия: на образ хрупкой и трогательной Муратовой наложился гротескный

портрет первой жены Ходасевича Марины Рындиной, о невероятной красоте которой, равно как и о ее страсти к постоянному эпатажу и фраппированию ходили легенды⁴⁷. Именно Рындина культивировала образ *femme fatale*, не случайно оказавшись в воспоминаниях В. Милашевского в одном ряду с П. Скуратовой (Богдановой-Бельской) и О. Глебовой Судейкиной:

А вот это – что за женщина с такими “грешными” глазами? Есть лица, облики, необыкновенно воплощающие самую душу эпохи. Вся поза, немного надломленная, руки, ноги, улыбка... Не стихи, не скульптура, не живопись, не музыка – сам человек, женщина в ее естестве часто становится символом того невесомого, неуловимого, что зовется “духом эпохи”.⁴⁸

Выстроив подобный образ Муратовой, Бетеа закономерно переносит выставленные им эмоциональные акценты и на первое по времени написания стихотворение, где встречается образ «царевны»⁴⁹:

Clearly the affair was a source of humiliation and anguish, inspiring ‘Materi’ (To Mother) (1910), the most baldly emotional – and probably the worst – poem Khodasevich ever wrote:

<...> Хочешь одна узнать обо мне всю правду?
Хочешь – признаюсь? Мне нужно совсем не много:
Только бы снова изведать ее поцелуи
(Тонкие губы с полосками рыжих румян!),
Только бы снова воскликнуть: Царевна! Царевна! –
И услышать в ответ: Навсегда.⁵⁰

Современники, впрочем, были иного мнения об этих стихах. Так, поэт Николай Бернер причислил «Матери» вместе с «Досадой» из «Стихов о царевне» к числу «особенно значительных пьес» «Счастливого домика»⁵¹. Стихотворение «Матери» Ходасевич не включил в рукописную книжку скорее всего по причинам чисто хронологическим, поясняя в конце сборника:

Стихи эти сочинены
в 1911 году,
в Москве и Генуе.

Из стихотворений, включенных в «Стихи о царевне» четко указано время и место написания только «Успокоения»: «Генуя, 1911». Если предположить, что все стихи этого цикла Ходасевич сочинил в 1911 г. и ошибся (что делал неоднократно), составляя список своих стихотворений 1904-37 гг, сохранившийся в архиве М.М. Карповича⁵², то под двумя стихотворениями «Счастливого домика» можно проставить альтернативные даты их создания: стихотворение «Прогулка» было написано весной 1911, а не как указано в списке: «1910, весна»⁵³; и, соответственно, стихотворение «Завет» – осенью 1911, а не 1912 г.⁵⁴.

В «Стихи о царевне» не вошло также явно примыкающее к циклу стихотворение «Розы», которое обращено к «царевне» и где встречаются те же знакомые образы «бант крылатый» (и «черные» розы), «сколько тайн простых и нежных», «чудеса», вероятно, потому, что Ходасевич не посчитал его годным к публикации⁵⁵. Незаконченным осталось и стихотворение «Зазвени, затруби карусель, / Закружись по широкому кругу», где речь идет о разрыве с «царевной», вероятно, набросанное по следам расставания Ходасевича с Муратовой:

И с улыбкой царевна в ответ:
“Не хочу, не люблю, не надейся...”
– “Не полюбишь меня?” – “Никогда”
Ну – кружись в карусели и смейся.
В колеснице на спинке звезда
Намалевана красным и синим.
Мне не страшен, царевна, о нет,
Твой жестокий, веселый ответ:
Всё равно мы друг друга не минем.⁵⁶

Тексты в автографической книге не имеют разночтений с первым изданием сборника «Счастливый домик», где они в том же порядке входят в раздел «Звезда над пальмой», за исключением одного: в стихотворении «Завет» Ходасевич делает замену в последнем двустишии. В книге оно читалось:

И лишь в моей заветной лире
Свой краткий срок переживешь.

Мальмстад и Хьюз отмечают здесь прямую отсылку к пушкинскому «Памятнику»⁵⁷. В «Стихах о царевне» появляется тот вариант, который Ходасевич использует во втором издании «Счастливого домика», вышедшем в свет в самом конце 1922 г.⁵⁸:

И лишь в моей, быть может, лире
Свой краткий срок переживешь.

Н. Богомоллов замечает, что этот «[с]тих был изменен, видимо чтобы избежать слишком прямой аллюзии на знаменитые стихи»⁵⁹ Пушкина («...душа в заветной лире Мой прах переживет...»).

Н. Бернер одним из первых в своей рецензии на «Счастливый домик» отметил как особенность этой книги Ходасевича его намеренный «пушкинизм», то есть постоянные обращения к поэзии пушкинской плеяды и, по аналогии с ней, к поэтике неоклассицизма:

В книге “Счастливый домик” поэт как бы являет собою цельный образ чистого и глубокого лирика. <...>

Поэт обнаруживает незаурядную меру вкуса. Он умело следует лучшим заветам Пушкинской школы. И в мастерстве стиха, в его выразительной простоте достигает большого совершенства. Неоправданных стихов в “Счастливом домике” нет.⁶⁰

Тогда же Борис Садовской писал, что в сборнике «некоторые стихотворения <...> напоминают антологическую манеру Батюшкова и молодого Пушкина <...> и показывают, какую благородную школу прошел поэт»⁶¹. Этот уклон в «антологическую манеру» Ходасевич и сам декларировал устами Муни в позднем комментарии к стихотворению «Ручей»:

30 янв. – вторая строфа. Первая – летом 1908, в Гирееве. С этих стихов началась моя дружба с Гершензоном. <...> Это – последние стихи, прочитанные мной Муни, дня за два до его последнего отъезда из Москвы. Он зло улыбнулся и сказал: “Ну, валяй, валяй в антологическом духе. А мне уж не до того”.⁶²

То, что Ходасевич, несмотря на свое «пушкинианство», делает цитату из «Памятника» менее явной (хотя оставленное слово «переживешь» все равно четко указывает на источник) – вполне соответствует изменению его отношения к «наследию предшествующих литературных эпох» от сборника к сборнику. Эту эволюцию описывает Н. Богомолов: «[Ходасевич] в “Счастливом домике” заимствовал целые фразеологические и стиховые блоки у поэтов пушкинского времени. В “Путем зерна” и во всех последующих книгах ориентация на Пушкина и поэтов его времени остается, но она приобретает другой характер, уходит вглубь и становится не так легко вычлняемой из структуры стиха»⁶³. Но если «пушкинианство» Ходасевича между сборниками «Счастливый домик» и «Путем зерна» отмечалось неоднократно как один из основополагающих принципов его поэзии, то в данном случае оно имело и явно биографический выход. Как декларировал позднее в своей рецензии на книгу М.Л. Гофмана «Пушкин – Дон-Жуан» Ходасевич:

История литературы слишком хорошо знает, что лирические признания поэтов иногда вполне совпадают с действительностью, когда – лишь отчасти, иногда же не совпадают вовсе. Wahrheit не равна Dichtung, правда – вымыслу. Поэтому было бы очень удобно для биографов вовсе отказаться от поэзии как материала для биографии, отмечая лишь отдельные, случайные совпадения между фактами и лирическими признаниями. Так нередко и поступают. Но беда в том, что этот простой удобный способ оказывается неприложим к Пушкину. Не будем касаться “чутья”, которое может и обмануть. Помимо чутья, бесчисленные случаи установленного совпадения между правдой и вымыслом у Пушкина показали, что игнорировать его поэзию как материал для биографии было бы игнорированием в высшей степени обильного и точного материала.

<...> Что касается пушкинской лирики, то не будет преувеличением сказать, что в подавляющем большинстве стихотворений легко прощупывается вполне конкретный биографический материал и, наоборот, труднее отыскать такое стихотворение, в котором этого материала не было бы вовсе. Поэтому его игнорировать пушкинисты не только психологически не в силах, но и принципиально не должны.⁶⁴

По замечанию Ф. Гёблера, у Ходасевича «[д]юбовные стихи в классическом смысле мы найдем только в двух ранних сборниках, а именно стихи к “Кузине” в *Молодости* и стихи к “Царевне” в *Счастливом домике*, потом любовная тематика развивается в личном, но более широком, общечеловеческом или этическом контексте»⁶⁵. Если учесть, что Ходасевич неоднократно писал о том, что для понимания биографии и психологии поэта необходимо учитывать его «лирические признания в стихах», то можно предположить, что Ходасевич выстраивал «Стихи о царевне» именно как законченный цикл любовной лирики с точным обозначением времени и места действия своей любовной истории, рассчитанный на дальнейшее использование этих текстов для интерпретации биографии самого Ходасевича. Единственно, что он скрыл объект своего внимания за маской «царевны»⁶⁶.

Анализируя обращенные к Муратовой стихотворения из раздела «Звезда над пальмой», Р. Хьюз обращает внимание на то, как стихи 1911 г., написанные в Италии, откликаются в творчестве Ходасевича в 1918 г., когда он работает в «Книжной Лавке писателей»:

One of the poems, “Uspokoenie,” which was written in Genoa at the beginning of the trip is a celebration of the священное сиянье / Лигурийских звездных вечеров. It is also a depiction of Zhenia Muratova, Khodasevich’s “tsarevna,” with whom he had been infatuated for the past several months and who is metaphorized in terms of the Genoese landscape. The weeks in Genoa and Venice, however, seem to have marked the end of the affair, and later recollections of this time imbued with sadness and a sense of loss. The feeling is recollected in sober daylight in a later Venetian poem, “Brenta” (1921-1923), which is placed in the third edition of *Putem zerna* <...> in a crucial position, as an introduction to later reminiscences in 1918 of Venice in the summer of 1911. In it Khodasevich juxtaposes the romantic and the poetic – with reference back to the Pushkin text from Chapter One of *Evgenii Onegin*, which serves as epigraph.⁶⁷

Ходасевич возвращается к своим венецианским воспоминаниям в 1918-19 гг., когда составляет план ненаписанного стихотворения, тема которого «Венеция. Моя тогдашняя. Мои муки, надежды, (песок)»⁶⁸. Стихотворение так и не было написано, но сохранились поэтические наброски на венецианские темы:

Полно рыдать об умершей Елене,
Радость опять посетила меня.
Снова я с вами, нестрашные тени
Венецианского дня!⁶⁹

Или:

Как лапа льва на медной книге Марка,
Твоя рука на сердце у меня
Харонова медлительная барка⁷⁰

В плане венецианского замысла Ходасевич записал «тени, рынки, Харон»⁷¹. С этим фрагментом также, скорее всего, связано стихотворение «Сойдя в Харонову ладью, / Ты улыбнулась и забыла», заканчивавшееся катреном:

Пребудем так, еще храня,
Слова истлевшего обета.
Я для тебя – отставший где-то,
Ты – горький призрак для меня.⁷²

Все эти наброски возвращают к переживаниям Ходасевича 1911 г., а метафоры «нестрашные тени» и «горький призрак»; рынки, находящиеся на противоположном от гостиницы Locanda Leon Bianco, где они стояли с Муратовой, берегу Большого Канала; связывающая эти два берега у подножия соседнего с гостиницей палаццо Ка' д'Оро лодочная (гондола=барка / ладья Харона-перевозчика) переправа (traghetto) – служат напоминанием о его расставании с ней и возвращении в Венецию в полном одиночестве («один как перст»).

Именно такое воплощение получают воспоминания Ходасевича о завершении его венецианской любовной истории в незаконченном черновике стихотворения, скорее всего, 1924-25 гг.: «Нет ничего прекрасней и привольней, / Чем навсегда с возлюбленной расстаться / И выйти из вокзала одному»⁷³, где место метафор отдано конкретной топографии. Реконструировавшие текст этого стихотворения Мальмстад и Хьюз остроумно восстанавливают маршрут движения автора по Венеции от вокзала на площадь Сан-Марко:

Итинерарий автора в этом стихотворении таков: он выходит из здания железнодорожного вокзала, садится в гондолу и едет по Большому каналу до моста Риальто, возле которого находятся рыбный и овощной рынки (Pescheria, Erberia); гуляет по главной улице города (Merceria), ведущей на Пьяццу Сан Марко; вечером сидит в кафе на площади и слушает один из оркестриков, развлекающих туристов; он думает о возлюбленной (Женя Муратова), едущей из Венеции в Вену, через Mestre и Pontebba (первая и последняя остановки в Италии по дороге на север).⁷⁴

Ещё одна строчка венецианского плана «Сердце там с тобой на-век. (Туф<ельки> Урсулы...)»⁷⁵ воплотятся в стихотворении «Интриги бирж, потуги наций», когда оказавшись в Венеции весной 1924 г. Ходасевич будет заново переживать свое открытие Италии 13-летней давности. В первое утро своего пребывания в Венеции, 15 марта, они с Берберовой отправятся в Академию изящных искусств. Здесь образ «босоножки» Муратовой⁷⁶ возникнет в его памяти сквозь призму «Сна Урсулы» Витторе Карпаччо:

И беззаботно так уснула,
Поставив туфельки рядом,

Неомрачимая Урсула
У Алинари за стеклом.

Помимо экфрасиса этой картины в стихотворении Ходасевича⁷⁷, отметим также интерес именно к циклу Карпаччо «Легенда о Св. Урсуле» Муратова, проводником Ходасевича по Венеции: «неисчерпаемым источником наслаждения сделается комната местной галереи, где очень искусно размещен цикл больших полотен Карпаччо, изображающих легенду св. Урсулы»⁷⁸, – а также близкого друга Муратова, художника Ульянова, который приводит следующий разговор с В.А. Серовым в своих воспоминаниях:

– Дальше – Венеция. Какой удивительный город!

Серов иронически прерывает:

– Прежде всего, конечно, памятник Виктору Эммануилу, удивительный по своему безобразию и пошлости, как и все его памятники. В Венеции испортил всю набережную. Карпаччо: “Георгий”, “Сон Урсулы” – говорите вы. А чем, собственно, вам нравится эта Урсула?

– Своей простодушной композицией. Большая комната и в ней маленькая фигурка. Пустота, как будто ничего нет, а картина все-таки есть.

– Гм, пожалуй, картина есть, но так ли она совершенна? Можно ли так восхищаться Карпаччо после Беллини?⁷⁹

Подводя итог своему тонкому анализу отражения полотен художников Возрождения в поэзии Ходасевича, Р. Хьюз замечает:

...during a period of his life, from the Italian journey in 1911 up through the revolutions and civil war (that is, the period of *Putem zerna*), Khodasevich's worldview and his aesthetic were profoundly informed by his perception of Venetian Renaissance art. His “joyous eye” (Goethe's “Frohblick”) was developed by the Italian experience, and it made existence bearable in parlous times and places.⁸⁰

Для Ходасевича именно Венеция, в отличие от посещенных им Флоренции или Генуи, во всех своих проявлениях предстает как воплощение всей Италии и оказывается навсегда связана с Муратовой.

В 1924 г. воспоминания о венецианском романе захватывают Ходасевича и смущают Берберову:

Я только частично участвую в его переживаниях, я знаю, что он сейчас смешивается меня с кем-то прежним, и позже такие строчки, как:

Пугливо голуби неслись

От ног возлюбленной моей, –

мне будет естественно делить с его возлюбленной (Женей Муратовой) 1911 года. У меня, тем не менее, отчетливое сознание, что “мое” и что “не мое”. Его молодость – не моя.⁸¹

В начале 1920-х, так и не осуществив свой венецианский замысел, Ходасевич пытается изгнать память о той любовной истории. 18 мая 1921 г. он делится своими сомнениями с А. Ходасевич: «Получил письмо от

Жени Муратовой. Просит зайти. Что-то не идетя, хоть надо: в прошлый приезд я у нее не был»⁸². Еще годом раньше, 13 июня 1920 г. он пишет с расчетом на будущих читателей (и биографов) своеобразный римейк «Успокоения», где отказывает Муратовой в маске «царевны»:

В беседе холодной, повседневной
Сойтись нам нынче суждено.
Как было б горько и смешно
Теперь назвать тебя царевной!

Увы! Стареем, добрый друг,
Уж мир не тот, и мы другие,
И невозможно вспомнить вслух
Про ночи звездной Лигурии...

А между тем в каморке тесной,
Быть может, в этот час ночной
[Раскрыв “–Счастливый домик” мой]
Читает юноша безвестный
Стихи, внушенные тобой.⁸³

И все-таки что-то сбоят: в сентябре того же года Ходасевич составляет «Стихи о царевне», в которой дотошно проставляет даты – и когда стихи были сочинены, и когда собраны под одной обложкой:

Переписаны
в Москве, 20 сентября
1920 года.

Ни одна другая рукописная книжка Ходасевича – насколько можно судить по детальным описаниям Н. Богомолова – не указывает дату издания до дня. Скорее всего, 20 сентября здесь действительно просто день, когда книжка была составлена, но *habent sua fata libelli*, в том числе и рукописные.

Как сообщила нам М.В. Розанова, «Стихи о царевне» попали к А.Д. Синявскому в составе библиотеки, завещанной ему Зоей Аполлоновной (Проскураковой?; ? – ум. 1961 или 1962, Москва), одним из библиотекарей Института мировой литературы. К Зое Аполлоновне эта книжка попала едва ли не от самой Муратовой. То есть можно предположить, что Ходасевич приготовил «Стихи о царевне» не для продажи в «Книжной лавке писателей», а в качестве подношения своей бывшей возлюбленной.

Если предположить, что книга была приурочена к какому-то определенному дню, то возможно, что 20 сентября был днем рождения (но не днем ангела) Евгении Муратовой⁸⁴.

Гуси о западут.

Гуси жу едлаене
те 1911 едг,
те Муелту Југт.
Теперуане
те Муелту, 20 кон. едг
1920 едг.

Топипето.

Уа са блу садуге те спамелт едарт,
Тенуанге едге едге и садуге,
У едге блука на надуге едге мурт
Недуге едге едге едге едге.

Уа са блу едуге едуге едуге едуге,
У едуге едуге, и едуге едуге
— Те едге едге едуге, едге едуге едуге
Те едуге едуге и едуге.

Топокрение

Сяди днѣ въ лѣсу, у рѣки, вѣсело,
За уютъ нахлѣбъ, и вѣсели, и пѣньи.
Мы хлѣбъ нѣмъ надѣ божиюю дѣло,
Мы — нѣдѣя презрѣнныи изумляе.

Дѣлъ многого, во мнѣхъ, дѣлаю гнѣвомъ
Суровымъ, и стрѣлою рѣзку, —
Стѣнныи бѣдѣ, и мнѣ и стѣнныи
Свѣтѣ въ морѣ синии убога.

Стѣнныи, вѣсело, и дѣлаю дѣло въ нѣмъ,
Стѣнныи, вѣсело, и дѣлаю дѣло въ нѣмъ.
Отъ морѣ хлѣбъ презрѣнныи и стѣнныи
Свѣтѣ хлѣбъ презрѣнныи и стѣнныи...

И дѣлѣ не стѣнныи ра и стѣнныи —
Мнѣхъ дѣлѣ гартъ и стѣнныи дѣлѣ...
Мнѣхъ дѣлѣ, и стѣнныи дѣлѣ
Мнѣхъ дѣлѣ, и стѣнныи дѣлѣ...

Забѣте.

Вѣсело, вѣсело, вѣсело,
За свѣтѣ нѣмъ, за свѣтѣ нѣмъ,
За то, что свѣтѣ нѣмъ,
Свѣтѣ нѣмъ, свѣтѣ нѣмъ;

За то, что свѣтѣ нѣмъ,
Свѣтѣ нѣмъ, свѣтѣ нѣмъ,
За то, что свѣтѣ нѣмъ,
Свѣтѣ нѣмъ, свѣтѣ нѣмъ;

За то, что свѣтѣ нѣмъ,
Свѣтѣ нѣмъ, свѣтѣ нѣмъ,
И свѣтѣ нѣмъ, свѣтѣ нѣмъ,
Свѣтѣ нѣмъ, свѣтѣ нѣмъ.

Вѣсело, вѣсело, вѣсело.

п р и м е ч а н и я

- ¹ *Новая русская книга*. № 7 (1922). С. 36-37.
- ² Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. *Русский Берлин 1921-1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гугеровском Институте*. Paris: YMCA-Press, 1983. С. 6.
- ³ М.Г. Ратгауз. «1921 год в творческой биографии В. Ходасевича». А. Блок и русский символизм: Проблемы текста и жанра. – *Блоковский сборник X* (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 881). Тарту, 1990. С. 117.
- ⁴ *Новая русская книга*. № 7 (1922). С. 37.
- ⁵ А.И. Ходасевич. «Воспоминания о В.Ф. Ходасевиче». Вст. ст. и подг. текста Л.В. Горнунга. *Ново-Басманная*, 19: 1990. Вст. ст. Г. Анджапаридзе. Сост. Н. Богомолова. М.: «Худож. лит», 1990. С. 400.
- ⁶ Владислав Ходасевич. *Собрание сочинений в 4 т.* Т. 4. С. 417.
- ⁷ Борис Зайцев. *Москва*. Мюнхен: Изд. ЦОПЭ, 1960. С. 130.
- ⁸ РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 227. Цит. по: Н.А. Богомолов, С.В. Шумихин. «Книжная лавка писателей и автографические издания 1919-1922 годов». *Ново-Басманная*, 19: 1990. Вст. ст. Г. Анджапаридзе. Сост. Н. Богомолова. М.: «Худож. лит», 1990. С. 86. Письмо написано на бланке Книжной Лавки Писателей и подписано «София Бекетова-Ходасевич».
- ⁹ Владислав Ходасевич. «Торговля». *Возрождение*. № 4067 (27 февраля 1937 г.). С. 9.
- ¹⁰ Н.А. Богомолов, С.В. Шумихин. «Книжная лавка писателей и автографические издания 1919-1922 годов». *Ново-Басманная*, 19: 1990. Вст. ст. Г. Анджапаридзе. Сост. Н. Богомолова. М.: «Худож. лит», 1990. С. 84-104.; «Библиографический список автографических изданий». *Там же*. С. 105-130.
- ¹¹ *Там же*. С. 86.
- ¹² Борис Зайцев. *Москва*. С. 130.
- ¹³ М.А. Осоргин. «Библиографический список автографических изданий». *Временник Общества друзей русской книги*. Кн. III (1932). С. 53-60.
- ¹⁴ ОР ГТГ. Ф. 5. См. также: ГЛМ. Ф. 348. Оп. 1. Ед. хр. 4. Известные шаржи Ю.Л. Оболенской (1889–1945) на Ходасевича хранятся в РГАЛИ (Ф. 769; Ф. 2080) и в ГТГ (Ф. 5). Один из них (РГАЛИ. Ф. 2080. Оп. 1. Ед. хр. 7), вероятно, законченный совместно с К.В. Кандауровым (1865–1930), был впервые воспроизведен в работе: Вадим Перельмутер. «Москва, Петроград, далее Берлин... Портреты Владислава Ходасевича. 1921-1922». *Литературная учеба*. № 6 (1989). С. 149 (ср.: «Письма В.Ф. Ходасевича к Г.И. Чулкову». <Сост. С.Г. Бочарова. Публ. Инны Андреевой>. *Опыты. Журнал Эссеистики, Публикаций, Хроники*. № 1 (1994). С. 94).
- ¹⁵ *Ново-Басманная*, 19: 1990. С. 126-127.
- ¹⁶ *Ново-Басманная*, 19: 1990. С. 97.
- ¹⁷ *Там же*. С. 108.
- ¹⁸ Н.А. Богомолов. «Рукописные книги 1919-1922 гг.». *Русские поэты XX века. Материалы для библиографии*. Сост. Л.М. Турчинский. (Studia poetica). М.: «Знак», 2007. С. 632. Н. Богомолов предоставил нам также более полное описание этого сборника, которое мы приводим с разрешения автора:
<Ходасевич В.Ф.> Предсмертье. Восемь стихотворений Владислава Ходасевича. [М.], 1920. – 6 листов (12 н.с.). Рукописная книга, целиком исполненная рукой Владислава Ходасевича. Текст передней обложки: «Предсмертье // Восемь стихотворений // Владислава Ходасевича // 1920» (красные и черные чернила). Титульный лист (л. 1): «Предсмертье» (красные чернила). Лл. 2-6. Автографы стихотворений: «Милые девушки, верьте или не верьте», «О, если б в этот час желанного покоя», «Утро» («Нет, больше не могу смотреть я»), «А мне и волн

морских прибой», «На ходу» («Метель, метель / В перчатке, как чудная <так!>»), «Швея» («Ночью и днем надо мною упорно»), «Золото» («В рот – золото, а в руки мак и мед»), «Ищи меня» («Ищи меня в сквозном весеннем свете») – заголовки и подписи к эпиграфам – красные чернила; основной текст – черные чернила. Л. 6 об: «Содержание» (заголовок – красные чернила; перечисление стихотворений – черные). Спинка обложки украшена надписью, выполненной, предположительно, М. Осоргиным: «Автографические Издания // Книжной Лавки Писателей».

¹⁹ *Poetry and Revolution in Russia 1905-1930: An Exhibition of Books and Manuscripts*. Prepared by Lazar Fleishman. Stanford: Stanford University Press, 1989. P. 58. На С. 57 воспроизведен автограф стихотворения «Портрет».

²⁰ Как указывают Д. Мальмстад и Р. Хьюз, несмотря на то, что на обложке указан 1914 г., вторая книга стихотворений Ходасевича вышла в свет в конце 1913 г. (Владислав Ходасевич. *Собрание сочинений*. Под ред. Джона Мальмстада и Роберта Хьюза. Т. 1: *Стихотворения*. Ann Arbor: "Ardis", 1983. С. 287 [далее везде СС-1]; Т. 2: *Статьи и рецензии 1905-1926*. Ann Arbor: "Ardis", 1990 [далее везде СС-2]).

²¹ СС-1. С. 288.

²² Евгения Владимировна Муратова, урожденная Пагануцци – первая жена близкого друга Ходасевича искусствоведа и писателя П.П. Муратова, ученица художника Н.П. Ульянова и танцовщица в школе-студии Е.И. Рабенек (Ellen Tells). Подробнее о ней см. в беллетризованной биографии: Инна Андреева. *Неуловимое создание: Встречи. Воспоминания. Письма*. М.: «Совпадение», 2000. В книгу вошли также поздние (1961-1967 гг.) воспоминания Муратовой, одна глава в которых посвящена Ходасевичу, два его письма к Муратовой и её письма (не все) к Ходасевичу.

²³ *Неуловимое создание*. С. 45.

²⁴ Эмоциональные интерпретации историко-литературных фактов, которые отталкиваются от неуловимых переключек, неизбежно ведут к авторской безответственности и некорректному вчитыванию собственных химер в чужую частную жизнь. Возьмем на себя легкое бремя предостеречь исследователей от одного биографического фантома, вызванного к жизни слишком прочувствованным прочтением отношений Ходасевича и Муратовой. В своем очерке «Муни» Ходасевич вспоминал: «После одной тяжелой любовной истории, в начале 1908 года, Муни сам вздумал довыплотиться в особого человека, Александра Александровича Беклемишева...». Действительно, Муни писал и стихи, и рассказы, подписываясь «Александр Беклемишев», как верно указывает Н. Богомолов («Муни»). *Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь*. Т. 4: М – П. М., 1999. С. 149) и как прежде отмечали Д. Северюхин (*Митин журнал*. 1986. № 9-10) и Д. Волчек (*Митин журнал*. 1987. № 16). Действительно, Муни пережил неразделенную любовь во второй половине 1907 г., и эта история нашла поэтическое воплощение в стихотворении «Я царевна пленная. / В башне я одна», открывавшимся прозрачным указанием на адресата «Посвящается М.С.М.». Другое стихотворение – из ненапечатанного целиком цикла «Любовь» – «Не скажу тебе, зачем я в час, когда приходишь ты...» было опубликовано в журнале «Русская мысль» (Кн. IX (1908). С. 86) за подписью «Александр Беклемишев» и тоже с указанием на адресата «Посвящается Грэси». Имя лирической героини Муни, когда он писал под маской Беклемишева, – «Грэс», которое встречается в нескольких его произведениях, в равной мере никакого отношения ни к имени Муратовой, ни к её прозвищу («Женюрка») иметь не может, как не имеют никакого отношения к ее инициалам литеры посвящения «М.С.М.». В архиве Муни (Частное собрание) сохранился листок с набросками для рассказа «Летом 191х года», как раз подписанного «Ал. Беклемишев», где имя обладательницы инициалов «М.С.М.» – Маргарита – претерпевает изменения, как в игре со словами: «Маргарита – Margareta – Margareth – Margreth – Greta – Грэта – Грэт», пока не получает достойного завершения в вариации «Грэс», которая и используется в рассказе. То, что Грэс и ца-

ревна пленная» имеют своим прототипом одно и то же лицо подсказывает и кличка собачки героини: «P.S. Квин (мой новый песик) Вам кланяется» («Из литературного наследия Самуила Киссина»). Публ. Лии Киссиной и Дмитрия Волчека. *Митин журнал*. 1987. № 16). Для Муни Муратова была не близким человеком, именно поэтому она ни разу не упоминает его в своих воспоминаниях, а он называет ее в письмах к Ходасевичу (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 66) исключительно по имени и отчеству: «Благодарю Евгению Владимировну за снимок с Боттичелли, но картина эта (оригинал) в Москве», «Кланяйся Евгении Владимировне», «Привет Евгении Владимировне». А также потому, что никакой влюбленности Муни «в Евгению Муратову отчаянно, безоглядно и безответно» или «отчаянно, безнадежно» и т.п., – никогда не было.

²⁵ *BAR MsColl Karповich. Box. 2.*

²⁶ Современный адрес: Новинский бульвар д. 25. В мае 1910 г. особняк был приобретен Ф.И. Шалапиным, а после его отъезда за границу национализирован. В 1978 г. дом Баженовых был передан в аварийном состоянии Музею музыкальной культуры им. М.И. Глинки. 23 сентября 1988 г. после долгих реставрационных работ состоялось открытие Дома-музея Ф.И. Шалапина.

²⁷ ОР РГБ. Ф. 218, Карт. 158. Д. 6; *Неуловимое создание*. С. 121.

²⁸ Муратовы остались в дружеских отношениях, несмотря на расставание. В июле 1910 г. Муратов увлекся Е.С. Урениус, которая стала его второй женой. В письме Ходасевичу от 13 августа 1910 г. Муратова писала: «Вот вчера приехал Пятя <прозвище Муратова> и привез мне читать Мельникова<Печерского> “В лесах и горах”. Что-то мое бессердечное сердце вчера разжалобилось. Право, какой-он такой безвозвратно-домашний и преданный. Ну зачем? Авось Катя <Урениус> его хоть немного увлечет! А то как-то неприятно за него» (*Неуловимое создание*. С. 160).

²⁹ РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 5 об.

³⁰ Художественная студия “La Palette” в 1910-е гг. была популярна среди российских учеников; именно в этой студии обучались С. Шаршун и П. Кремень.

³¹ *Неуловимое создание*. С. 163.

³² ОР ГБЛ. Ф. 218. Карт. 1353. Д. 6. Л. 27; цит. по: Н.А. Богомолов. «История одного замысла». *Русская речь*. № 5 (1989). С. 41.

³³ Имеется в виду *Locanda Leon Bianco* (современный адрес: Cannaregio 5629 (Corte Leon Bianco) 30131 Venezia), которую посоветовал Ходасевичу Муратов в письме от 16 мая 1911 г.: «Бор. Ал. и Кат. Серг. <Грифцовых> Вы разыщите, спросите в отеле “Leone Bianco” (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 73).

³⁴ Вероятно, первоначально Ходасевич собирался отправиться в Кави, 16 мая Муратов писал ему: «Относительно Cavi – Екат<ерина> Ал<ександровна> Ильина предупреждена и Вас ждет. А найти ее – надо приехать в Cavi и спросить, ее там все знают» (*Неуловимое создание*. С. 163).

³⁵ ИРЛИ. Р. I, Оп. 33. Ед. хр. 90, [л. не указан]. Письма Ходасевича к Муни были разысканы по нашей просьбе среди некаталогизированных бумаг А. Ходасевич, проданных ею в Пушкинский Дом в 1959 г., и описаны Ларисой Николаевной Ивановой (1948–2006) весной 1990 г.

³⁶ ОР ГБЛ. Ф. 218. Карт. 1353. Д. 6. Л. 27; цит. по: Н.А. Богомолов. «История одного замысла». С. 41 (редакционная купюра восстановлена по машинописи воспоминаний и отмечена курсивом).

³⁷ Владислав Ходасевич, *Собрание сочинений в четырех томах*. Т. 4. *Некрополь-Воспоминания-Письма*. М.: «Согласие», 1997. С. 385.

³⁸ *Неуловимое создание*. С. 170.

³⁹ РГБ. Ф. 708, Карт. 7. Д. 55; эта открытка указана нам Н. Богомоловым.

- ⁴⁰ *Неуловимое создание*. С. 171.
- ⁴¹ СС-2. С. 464.
- ⁴² *Неуловимое создание*. С. 172.
- ⁴³ Дата под рассказом: «30 авг. – 1 сент. <1>911» (РГАЛИ. Ф. 2172. Оп. 1. Ед. хр. 13).
- ⁴⁴ Н. Берберова. *Курсив мой*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. S. 669.
- ⁴⁵ David M. Bethea. *Khodasevich: His Life and Art*. Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 90.
- ⁴⁶ *Ibid.* P. 87.
- ⁴⁷ См., например, воспоминания А. Ходасевич (Ново-Басманная, 19: 1990. С. 393-394). О значении Рындиной в биографии Ходасевича, см.: СС-1. С. 212; Владислав Ходасевич. *Собрание стихов: в двух томах*. I. Ред. и прим. Юрия Колкера. Paris: La Presse Libre, 1982. С. 226; Там же. II. Ред. и прим. Юрия Колкера. Paris: La Presse Libre, 1983. С. 290 (здесь используются сведения из не слишком достоверного источника: письма З.А. Шаховской к Колкеру от 20 марта 1981 г., – которые, тем не менее, прекрасно отражают восприятие Рындиной (Маковской) современниками). Описывая мастерство А.Я. Головина, написавшего известный портрет Маковской (1912), Э.Ф. Голлербах замечал: «...неоспоримо свойственное Головину стремление выразить прежде всего тип, характер, конституцию <...> Его Шалапин именно – оперный певец, Маковская – светская женщина, М. Кузмин – поэт...» (Э. Голлербах. *А.Я. Головин: Жизнь и творчество*. Л.: Издание Академии художеств, 1928. С. 66.
- Заметим также, что сочетание рыжих волос и банта – это синецоха стихотворного автопортрета (например, «Я маленькая поэтесса с огромным бантом») и позже мемуарного изображения Ирины Одоевцевой, что также могло послужить добавочной интерференцией в воссоздании фигуры Муратовой в устных рассказах Берберовой. Достаточно взглянуть на известные портреты Одоевцевой работы Владимира Милашевского (см. репродукции: Валерий Шубинский. *Николай Гумилев: Жизнь поэта*. СПб.: Вита-Нова, 2004. С. 539 и цв. вклейка XIII между С. 384-385).
- ⁴⁸ В. Милашевский. *Вчера, позавчера: Воспоминания художника*. Посл. К. Федина и А.Н. Савинова. Л.: «Художник РСФСР», 1972. С. 87; В. Милашевский. *Вчера, позавчера: Воспоминания художника*. 2-е изд., испр. и доп. Предисл. Д.А. Шмаринова. М.: «Книга», 1989. С. 95. В своих воспоминаниях о 1920-х гг. Милашевский также описывает и «ирокезо-фараона» Ходасевича (Там же. С. 185, 213, 221-222).
- ⁴⁹ Ср. замечание Мальмстада и Хьюза: «Образ царевны и черного банта – впервые в стихотворении *Прогулка* (раздел *Звезда над пальмой*), написанном весной 1910 г.» (СС-1. С. 290).
- ⁵⁰ David M. Bethea. *Khodasevich: His Life and Art*. P. 87-88. Стихотворение «Матери» цитируется по: СС-1. С. 42.
- ⁵¹ *Жатва*. Литературные альманахи. Кн. V. М.: «Жатва», 1914. С. 296 (обратим внимание также на описку Бернера в перечислении «пьес»: «Ситцевая царевна» вместо «Ситцевого царства»).
- ⁵² СС-1. С. 275.
- ⁵³ СС-1. С. 294. В пользу датировки стихотворения 1911 г. свидетельствуют и обстоятельства его публикации в начавшей выходить в 1912 г. газете «Русская молва». «Прогулка» была напечатана в № 8 от 16 (29) декабря, а в № 17 от 25 декабря (7 января 1913) было напечатано следующее стихотворение цикла «Досада», в списке стихотворений датированное 1911 г.
- ⁵⁴ СС-1. С. 295.
- ⁵⁵ СС-1. С. 226; здесь стихотворение датировано 1916 г. на основании того, что автограф стихотворения сохранился в архиве Ходасевича вместе со стихотворениями «Роман»

(тоже отвергнутым и тоже не включенным в список написанных стихотворений) и «Ручей» (С. 300-301). Дата написания скорректирована Н. Богомоловым: «Видимо, связано с Е.В. Муратовой («царевна»; см. примеч. 41) и потому должно быть отнесено к 1910-1911 гг.» (Владислав Ходасевич. *Стихотворения*. Вст. ст. Н.А. Богомолова, сост., подг. текста и примеч. Н.А. Богомолова и Д.Б. Волчека. (Библиотека поэта. Большая серия). Л.: «Советский писатель», 1989. С. 409).

⁵⁶ Владислав Ходасевич. *Стихотворения*. С. 270-271.

⁵⁷ СС-1. С. 295.

⁵⁸ Несмотря на то, что Ходасевич подписал с З.И. Гржебиным договор о переиздании сборника 17 января 1920 г., «Счастливый домик» вышел вторым изданием в декабре 1921 г. Отметим также, что во втором изд. книги Ходасевич поменял слово «изысканно» на «изнеженно» в пятой строке стихотворения «Портрет»: «Царевна душитесь изысканно и прямо».

⁵⁹ Владислав Ходасевич. *Стихотворения*. С. 372.

⁶⁰ *Жатва*. Литературные альманахи. Кн. V. М.: «Жатва», 1914. С. 295-296; см. обобщающую работу: Н.А. Богомолов. «Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике В.Ф. Ходасевича». *Пушкинские чтения: Сборник статей*. Сост. и отв. ред. С.Г. Исаков. Таллин: «Ээсти Раамат», 1990).

⁶¹ *Северные записки*. № 3 (1914). С. 191.

⁶² СС-1. С. 300-301.

⁶³ Владислав Ходасевич. *Стихотворения*. С. 27.

⁶⁴ *Возрождение*. № 3613 (25 апреля 1935). С. 3-4.

⁶⁵ Frank Göbler. «Основные темы поэзии Владислава Ходасевича». *Slavia Orientalis*. Nr. 3 (1992; T. XLI). S. 42; ср. также: Г. Васюточкин. «“Любовь” у зрелого Ходасевича. Опыт анализа». *Вестник РХД*. № 151 (1987). С. 127-136.

⁶⁶ Впрочем, и здесь, оглядываясь на Пушкина, см., например, его статью 1925 г. «Тайные любви Пушкина» (Владислав Ходасевич. *Пушкин и поэты его времени: в трех томах*. Под ред. Роберта Хьюза. Том второй (Статьи, рецензии, заметки 1925-1934 гг.). Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 2001. С. 7-14).

⁶⁷ Robert P. Hughes. “Khodasevich in Venice.” *For SK: In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky*. Ed. by Michael S. Flier and Robert P. Hughes. (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 33). Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1994. P. 147-148.

⁶⁸ Н.А. Богомолов. «История одного замысла». С. 41; реконструкции замысла стихотворения Ходасевича и посвящена эта статья.

⁶⁹ Владислав Ходасевич. *Стихотворения*. С. 275.

⁷⁰ Н.А. Богомолов. «История одного замысла». С. 44.

⁷¹ Н.А. Богомолов. «История одного замысла». С. 42.

⁷² Владислав Ходасевич. *Стихотворения*. С. 240.

⁷³ СС-1. С. 244-245.

⁷⁴ Там же. С. 414.

⁷⁵ Н.А. Богомолов. «История одного замысла». С. 44.

⁷⁶ Образ босоножки, вероятно, восходит к рассказам Ходасевича о Муратовой Муни по возвращении из Италии. К 1914-15 гг. относится стихотворение Муни «В древнем роде» (черновик в архиве Муни), написанное как подражание «Стихам о царевне» Ходасевича в сборнике «Счастливый домик». Стихотворение было подарено Муни Ходасевичу, в архиве которого сохранился беловой автограф под более полным заглавием «В древнем роде (В альбом босоножке)»:

Как не пойти к босоножке? – ведь сердце не камень!
Можно ли дрожь беспокойную сердцу унять?
Может быть, снова позволит губы сжигающий пламень
Белым ногам передать!

Может быть даже протянет румяные губы,
Скажет: люблю! и оно прозвучит как: живи!
Станут сегодня, кто знает, настойчивы, дерзки и грубы
Легкие ласки любви.

Знаю, ты любишь внимать безнадежные пени.
Что ж, эту легкую радость я радостно дам.
Только бы в комнате темной твои обнимая колени,
К белым прижаться ногам.

(РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 122; стихотворение было найдено в архиве Ходасевича среди «неустановленных лиц» Н. Богомоловым, который любезно сообщил нам текст автографа). Заметим также, что образ «босоножки» будет использоваться Ходасевичем в полемическом ключе в его докладе «Надсон» (1911): «Красота, стилизация, пластика, вся эта дешевая экзотика наших дней – привела к худшему, чем безобидное выплясывание бедных девочек босиком – к духовному, а не пластическому босячеству» (СС-2. С. 109). Как замечают комментаторы, в своих поздних воспоминаниях о московском Литературно-художественном кружке (*Возрождение*. № 4073 (10 апреля 1937). С. 3-4), где Ходасевич читал доклад 17 января 1912 г., он допускает ошибку и указывает годом прочтения 1911 г. (СС-2. С. 496-497).

⁷⁷ Robert P. Hughes. "Khodasevich in Venice." P. 151-152.

⁷⁸ П.П. Муратов. *Образы Италии*. Том I. Ред. комм. и посл. В.Н. Гращенкова. М.: «Галарт», 1993. С. 36; репродукция картины Карпаччо «Сон Св. Урсулы» дана Муратовым под № 13 (с. 39).

⁷⁹ Николай Ульянов. *Люди эпохи сумерек*. Сост., подг. текста, предисл. и примеч. Л.Л. Правовой. М.: «Аграф», 2004. С. 188. Е.В. и П.П. Муратовы были знакомы с А.С. Глаголевой и Н.П. Ульяновым с середины 1900-х гг. и в 1907 г. вместе путешествовали по Италии (Венеция-Кьюджа-Падуя-Феррара-Равенна-Болонья-Прато-Флоренция). Во Флоренции Ульяновым из-за недостатка средств пришлось вернуться в Россию. См. рассказ об этом путешествии в воспоминаниях Ульянова «Как меня принимали за Ленина» (Николай Ульянов. *Люди эпохи сумерек*. С. 61-62). Во время второй поездки Ульяновых в Рим, Неаполь и Помпеи их сопровождал один Муратов, который писал Е.В. Муратовой в июне 1912 г.: «...в Риме стало невыносимо жарко. Ульяновы уезжают в Олевано – отличное место в горах. Я один съезжу их туда проводить, устроить» (РГАЛИ. Ф. 587. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 15; цит. по: *Люди эпохи сумерек*. С. 475). Лето 1908 г. Муратовы и Ульяновы провели вместе в имении Обнинских Белкино, об этом Ульянов сообщал в письме к В.Э. Мейерхольду от 4 июня: «Живу с Муратовыми в одной компании. Жаль, что не видишь нашей местности и неожиданностей ее. Может, еще приедешь» (*Там же*. С. 434). Муратова описала это лето в своих воспоминаниях «Равенна. Мои воспоминания о Николае Павловиче Ульянове» (*Там же*. С. 471). Её портрет работы Ульянова 1906 г. хранился в собрании В.К. Толстого, второго мужа Муратовой, и воспроизведен в монографии: П. Муратов и Б. Грифцов. *Николай Павлович Ульянов*. М.-Л.: ГИЗ, 1925. С. 19. Там же авторы пишут: «Очень рано и очень охотно перешел Ульянов от тяжелого, большого масляного портрета к портретному рисунку карандашом или углем. В этом роде портрета он как раз более всего популярен. При взгляде на его рисунки чувствуется убеждение художника, что в современном человеке нет ничего, что не могло быть передано "малыми средствами". Он понял в этом дух времени. Ряд его портретных рисунков содержит поэтому гораздо меньше внутренних противоречий, чем галерея масляных портретов, оставленная Серовым. Ряд этот значителен,

начинаясь в 1906 году нежными и несколько осторожными рисунками Е.В. Муратовой, В.Э. Мейерхольда, Л.Н. Алексеевой» (с. 16-17; курсив наш).

⁸⁰ Robert P. Hughes. "Khodasevich in Venice." P. 160.

⁸¹ Н. Берберова. *Курсив мой: Автобиография*. М.: «Согласие», 1996. С. 249.

⁸² *Неуловимое создание*. С. 85.

⁸³ Владислав Ходасевич. *Стихотворения*. С. 288-289.

⁸⁴ Год рождения Муратовой до сих пор точно не установлен, 1884 или 1885 («Из истории сотрудничества П.П. Муратова с издательством К.Ф. Некрасова». Вступ. ст., публ. и комм. И.В. Вагановой. *Лица: Биографический альманах*. 3. Ред.-сост. А.В. Лавров. М.-СПб.: Феникс • Atheneum, 1993. С. 181). Умерла Муратова – по справке, полученной И.В. Вагановой – в 1982 г. в Доме престарелых Всесоюзного театрального общества в Подмоскowie. Генеалог А.И. Ушаков указывает другую дату, 16 декабря 1981 г., на основании сведений некрополя Введенского кладбища (см.: *Неуловимое создание*. С. 11). Дата рождения Муратовой в записях кладбища не отражена.

«ПРОБЛЕМА МЕДНОГО ВСАДНИКА»

Доклад Михаила Лопатто

Стефано Гардзонио

Поэт Михаил Лопатто (1892–1981), автор поэтических книг *Избыток* (Петроград, 1916), *Круглый стол* (Петроград-Одесса, 1919) и *Стихи* (Париж, 1959), член литературного кружка «Омфалос», был участником венгеровского «Пушкинского семинария» вместе с Ю.Г. Оксманом, Ю.Н. Тыняновым, С.М. Бонди, Г.В. Масловым и др.¹ В некрологе, посвященном С.А. Венгеру и напечатанном в парижских «Последних новостях» (№ 512, пятница 16 декабря 1921, С. 2), он с любовью вспоминает о своем учителе. Там он рассказывает о последних встречах с Венгером и называет его «неутомимая пчела русского Гимета». Плодом занятий Лопатто в «Венгеровском семинарии» в 1912-14 гг. стал его *Опыт введения в теорию прозы (Повести Белкина)* (1918)². Новая методология для точного формального описания пушкинской прозы, предложенная автором в этом «опыте», была использована М.П. Алексеевым в его ранней работе о Достоевском. После эмиграции Лопатто в Италию о его книге написали Б.В. Томашевский и Д.П. Якубович, а некоторые суждения из нее прозвучали в научном обиходе даже в 1970-е гг.³ В письме к американскому слависту В. Эджертону уже пожилой литератор объяснял, что ему «хотелось применить свою старую теорию о художественной прозе»⁴ в создании романа *Чертов сын*, который был издан в переводе на итальянский в 1977 г. Кроме того, очевидное влияние этой теории можно проследить в его неизданной повести *Тангейзер* (1921).

Что касается собственно литературоведческого наследия Лопатто, то, кроме книги о пушкинской прозе, в архиве сохранились рукописный конспект его работы о Тургеневе и машинописи двух пушкинистских штудий: о *Повестях Белкина* и о *Медном всаднике*. Студенческий реферат Лопатто отложился в архиве С.А. Венгерова среди материалов «Пушкинского семинария»⁵.

Лопатто прочел доклад «Проблема Медного Всадника» 27 февраля 1914 г. В нем приводятся и обсуждаются все основные интерпретации Петербургской повести Пушкина – от восприятия Белинского до прочтений представителями русского модернизма. В частности, Лопатто выявляет на основе *Медного всадника* неразрешимую моральную проблему, которая вызвана раздвоенностью мировоззрения поэта, его со-

мнениями («Для моего уха в *Медном всаднике*, – пишет он, – главным мотивом будет мотив сомнения»). Он узнает в *Медном Всаднике* как бы первый значительный признак органического разлада в мирозерцании русского интеллигента. И дальше, ссылаясь на знаменитые слова Достоевского, что Пушкин «бесспорно унес с собой в гроб некоторую великую тайну», Лопатто уточняет, что это именно то раздвоение, «которое прошло потом через фантастику Гоголя, пессимизм Тургенева, непримиримость Писарева, – через истерику Достоевского, нытье Чехова и упорство Успенского, через трагедию пошлости Л. Толстого и эротику Ф. Сологуба». Учитывая также краткий, но существенный анализ некоторых поздних пушкинских стихотворений, перед нами безусловно последовательная и оригинальная интерпретация пушкинской поэмы и всего позднего творчества поэта, проблемы декабризма и отношений поэта с властью.

В протоколе обсуждения доклада можно прочесть:

Возражения. Среди оппонентов выяснилось 2 основных взгляда. Одни утверждали, что в «*Медном всаднике*» проведена проблема личности и государства, причем Пушкин определенно встал на сторону государства, хотя это ему не мешало чисто по-человечески сочувствовать и личности, неизбежно раздавленной государственностью.

Другие указывали, что Пушкин эту проблему только поставил, не давши никакого определенного решения, в чем, однако, нельзя видеть никакой раздвоенности. Пушкин отразил лишь самую жизнь, которая дает в данном случае истинную трагедию, так как тут нет ни правых, ни виноватых.

Общий характер реферата носит, по мнению проф. Венгерова, эстетический характер и мало обоснован с историко-литературной стороны.⁶

Оценка Венгерова точно определяет характер анализа, предложенный в докладе, и сегодня *a posteriori* не надо воспринимать ее как совсем отрицательный отзыв. Предпринятое Лопатто прочтение пушкинской поэмы можно истолковать *sub specie* того эстетического идеала, которым для Лопатто служила идея Возрождения и о котором он сам писал спустя много лет, вспоминая свое поэтическое содружество с Н.М.Бахтиным⁷. В то же время понятия «сомнения» и «раздвоенности» довольно четко определяют ироническую поэтику участников группы «Омфалос», психологическую установку их творчества. Принимая во внимание эти авторские установки, нельзя не согласиться с тем, что Лопатто, убежденный поклонник пушкинской краткости и ясности, сумел уловить некоторые тайные и трагические черты в душе великого поэта.

Текст доклада *Проблема Медного всадника* печатается здесь целиком по машинописи, хранящейся в РО ИРЛИ (Ф. 377. Оп. 3, Ед. хр. 789). Текст доклада печатается с соблюдением современных правил ор-

- ⁵ Выдержки из доклада Лопатко впервые напечатаны: А.Л. Осповат, Р.Д. Тименчик. «Печальную повесть сохранить...» Об авторе и читателях *Медного всадника*. М., 1985. С. 125-127.
- ⁶ А.Л.Осповат, Р.Д.Тименчик. Указ. соч. С. 127.
- ⁷ В.Эджергон. Указ. соч. С. 225.

* * *

В чем заключается проблема *Медного Всадника* и как следует понимать тему моего реферата выяснится из дальнейшего; пока довольно упоминания, что с этой поэмой связано много идей, что ей приписывается смысл и значение, большие, чем просто удачному произведению искусства, и связанные с проблемами мирозерцания. *Медному Всаднику* выпала особенная участь, и до наших дней этот, уже фиксированный, символ Фальконетова скакуна волнует воображение поэтов. Как же понимали самую поэму писавшие о ней?

В.Брюсов намечает три типа толкования ее 'идеи'¹. Я насчитал их больше: семь, – и думаю, не исчерпал все возможные.

Белинский видел в *Медном Всаднике* торжество исторической необходимости и взаимоотношение личности и общества. К этому же мнению примыкает и Иванов-Разумник.

«В этой поэме видим мы, говорит Белинский, горестную участь личности, страдающей как бы вследствие избрания места для новой столицы, где подверглось гибели столько людей»². Почти повторяет эти слова Иванов-Разумник, сближая поэму с *Галубом*: «Вопрос о взаимоотношении личности и общества дважды поднимался Пушкиным, после 25-го года. Сначала он пишет поэму *Галуб*, а затем, не окончив ее, пишет на ту же самую тему *Медного Всадника*»³.

Проф. Третьяк в кииге о Пушкине и Мицкевиче, научно исследуя влияния друг на друга и обмен идей обоих поэтов, пытается объяснить *Медный Всадник* как ответ Пушкина на сатиры Мицкевича и на упрек в измене вольнолюбивым мечтам юности⁴. Поэме, уже получившей в наших глазах налет мистицизма, он приписывает трезвый и позитивный смысл противопоставления самодержца и гражданина. Из параллельных цитат, и достаточно убедительно, проф. Третьяк выводит, что сатиры Мицкевича оказали большое влияние на создание поэмы и что некоторые мысли – отклик на слова Мицкевича; ошибка проф. Третьяка в том, что он эти некоторые мысли считает за главные. Но ведь и правительство запретило печатание поэмы, придавая ей тот же, враждебный себе, смысл.

В. Брюсов предлагает свое понимание поэмы, расширенное, по сравнению с другими. В самом деле, не следует забывать, что *Медный*

Всадник прежде всего является «поэмой о наводнении», как назвал ее в письме А.И. Тургенев⁵, как смотрел на нее, вероятно, и сам Пушкин. Тогда символом поэмы становятся стихия и люди.

Борьба героического Петра с природой влечет за собой неумышленную гибель одного из малых; но этот малый, по мнению В. Брюсова, поднимает бунт против героя и ненужного для малых героизма. Таким образом, в *Медном всаднике* повторена любимая мысль П<ушки>на о Петре, являвшем «победу человеческой воли над сопротивлением стихии» (*Арап Петра В.<еликого>*). В одном из вариантов поэмы есть эти же слова:

«Дух Петров,
Сопротивление природы».⁶

И в самом деле, в поэме как будто продолжает жить «роковая воля» основателя города, – и сама стихия – ‘побежденная’, только тщетно пытается тревожить сон Петра. Стихия подымает бунт, все ее черты одушевленные, она словно шайка воров:

«Но вот, насытись разрушеньем
И наглым буйством утомясь;
Нева обратно повлеклась»...

.....
«И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь»...

Д. Мережковский придает поэме свое, всегда одно и то же, понимание – борьбы двух начал, – христианского и языческого:

«Добро, строитель чудотворный!
Ужо тебе!

<...> мы слабые, малые, равные, идем на тебя, Великий, мы еще будем бороться с тобой, и как знать, – кто победит?»⁷ От такого толкования уже вполне понятен переход к оценке всей литературы после Пушкина. Она, говорит Мережковский, была «демократическим и галилейским восстанием на того гиганта, который “над бездной России вздернул на дыбы”»⁸.

Но этими толкованиями поэмы не исчерпаны идеи, связанные с нею и нередко приписываемые Пушкину. Князь П.П. Вяземский рассказывал о не появившемся в печати монологе Евгения перед М.<едным> В.<садником>, в котором «слишком энергически звучала ненависть к европейской цивилизации»⁹. Рассказ этот оказался выдуманным, но конечно, курс славянофильских идей не мог не захватить поэму о Петре. Одни могли приписывать ей «сочувствие реформе», как выразился А.Григорьев¹⁰, другие – осуждение ее, как князь Вяземский. Я не решаюсь поставить в тесную связь с М.<едным> В.<садником>

стихотворения К. Аксакова *Петру*, но несомненно, что Аксаков подходит к той же теме, и то, что было неопределенно выражено у Пушкина, он подчеркивает:

«Стоишь ты в блеске страшной славы
С окровавленным топором.

Он выражает надежду, что:

Создания зла, дела насилья
Падут, рассыплются во прах!
И вновь оправданный судьбою
Вернется к жизни твой народ
С своею древнею Москвою –
И жизнь свободный примет ход»¹¹.

Конечно, в этом же смысле проблемы национальности понимал К.Аксаков и поэму Пушкина.

Современность, литература наших дней, получившая такую определенную петербургскую окраску, подошла, к М.<едному> В.<саднику>, как к проблеме Петербурга – «самого умышленного из городов». Нет почти поэта теперь, не посвятившего ему стихов. Для В. Брюсова Петр на оснеженной глыбе – некая символическая окаменелость.

«И люди проходят в дневном полумраке
Как будто пред ним выступая на смотр.

Ты также стоял здесь обрызган и в пене
Над темной равниной взмутившихся волн;
И тщетно грозил тебе бедный Евгений,
Охвачен безумьем и яростью полн <...>
Но северный город – как призрак туманный;
Мы, люди, проходим, как тени во сне,
Лишь ты сквозь века, неизменный, венчанный
С рукою простертой летишь на коне».

Мотив змеи, извивающейся у ног, затронут у Брюсова, конечно, не без иносказанья.

«Твой конь попирал с беспощадностью звеня
Бессильно под ним изогнутой змей».¹²

Но иносказанье вышло невпопад у москвича. Петербуржец Блок, внимательно изучивший монумент, нашел, что не попран, а только вьется у ног коня.

«И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи».

Но мысль все возвращается к Петру. Статуя одухотворена поэмой Пушкина. Поэту невольно кажется, что

«И предок царственно-чугунный
Все также бродит на змее».¹³

В этом же роде мысли высказывает А. Белый в недавно напечатанных второй и третьей части романа *Петербург*¹⁴. Конечно, проблема Петербурга намечена самим Пушкиным во вступлении, которое посвящено скорее «творению Петра», чем Петру самому.

Едва ли можно предугадать те новые темы, которые возникнут в связи с поэмой Пушкина, я не думаю, что мне удалось перечислить все уже существующие. Но еще на одной мысли мне хочется остановиться, потому что ее придерживался Анненков. Вот (в словах П. Морозова) это понимание. Поэма «первоначально была задумана гораздо шире, как одно целое, *Родосл.<овной> моего героя*: по мысли Пушкина, Езерский, подобно ему самому «родов униженный обломок противуставляется здесь гению государственности, воплощенной в Петре В.<еликом>»¹⁵. Значит, – дворянство – и Петр, попиравший, унижавший древние роды. Морозов полагает, что Пушкин устранил личные черты и родословную Евгения только по цензурным соображениям; Анненков видит в таком сокращении глубокое понимание эстетических законов. Ни то, ни другое объяснение недостаточны. Устраняя родословную и характеристику героя, Пушкин этим самым лишил поэму ее узкого смысла; правда, кто знает, какие мысли могли промелькнуть в Евгения уме, когда он бросал непримиримое: ‘ужо тебе’. Быть может в нем и загорелась кровная дворянская спесь; но ведь в поэме об этом не сказано. И при том, это выкрик безумного. До безумия же Евгений

«Дичится знатных и не тужит
Ни о почившей родне,
Ни о забытой старине».

Таким образом последнее толкование можно отбросить, как противоречащее намерению автора.

Но как же быть с другими «идеями» поэмы? Все эти проблемы *М.<едного> В.<садника>* более или менее имеют оправдание в словах поэмы. Но ни об одной из них нельзя сказать, что она была поставлена Пушкиным. Все, писавшие о *М.<едном> В.<саднике>*, сделали одну общую ошибку: то, что они думали по поводу поэмы, они приписывали автору ее. Всякое художественное произведение тем совершеннее, чем формы его общее и прозрачнее, и всякая частная мысль является в произведении посторонним телом. Особенно это можно сказать о *М.<едном> В.<садни>ке*. Он весь как бы состоит из формул, которым можно придать любое значение. Поэтому, если понимать проблему *М.<едного> В.<садни>ка* в ее определенной, частной форме одного из изложенных пониманий, то окажется, что от Белинского до Брюсова

и А. Белого все ставили проблему, и один, кто ее не ставил, был сам Пушкин. Критики и после смерти поэта играли ту же роль, что и при жизни его.

«Глупец кричит: куда, куда?
Дорога здесь! Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные».¹⁶

Тайные мечтанья, создавшие поэму, не могут быть проблемой, они слишком неясны, – это мимолетные намеки, прозрачные образы. Из «тумана творческой печали» выступают контуры, цветы, – и кристаллы творчества, оседая, открываются непосвященным. Нельзя их изменять, дополнять, разрысовывать: они неповторяемы, цельны и едины.

Теперь остановимся подробнее на ошибках критики – прежде чем определять значение поэмы в русской литературы и мысли, и ту плоскость, в которой можно найти ее значение. Ведь должен быть какой-нибудь один смысл ее, как явления, как факта: недаром она связана какими-то нитями с современностью, живет в душе современного поэта.

Все мнения о поэме можно разделить на два рода: одни видят в ней апофеоз Петра, другие ставят Пушкина на сторону угнетенного Евгения, а с ним и угнетенной свободы.

«Не так ли ты над самой бездной
Россию поднял на дыбы?»

В. Брюсов понимает этот стих, как если б Петр «вовремя над самой бездной, поднял Россию на дыбы, и тем спас». Но у Пушкина нигде не высказывается мысль, что до Петра Россия неслась в бездну, да едва ли он мог иметь такую мысль. Аналогия России, взнузданной Петром, и Всадника над обрывом скалы так сильно захватила воображение поэта, что он не мог отказаться от нее, однако, не приписывая ей такого тесного смысла. Ошибка комментатора не в неправильном понимании этой формулы, этого прозрачного образа, но вообще в желании как-нибудь понять его.

По мнению Брюсова, Пушкин, унизив, обезличив Евгения, тем не менее стал на его сторону. Самой же поэме Брюсов приписывает такой смысл:

«Да, – как бы говорит Пушкин, – я не верю больше в борьбу с деспотизмом силами стихийного мятежа: я вижу всю его бесплодность. Но я не изменил высоким идеалам свободы. Я по-прежнему уверен, что не вечен “кумир с медною главой”, как ни вознесен он в “неколебимой вышине”. Свобода возникнет в глубинах человеческого духа, и “огражденная скала” должна будет опустеть»¹⁷. Но ничего подобного

Пушкин не хотел сказать. Никогда не говорил он о свободе, возникающей в глубинах духа, а если б и хотел это сказать, то не имел прятать свои мысли. Брюсов невольно низводит поэму до аллегии.

Но еще с более предвзятой точки зрения оценивает поэму Мережковский, навязывая Пушкину свои любимые идеи.

«Если бы поэму поняли, как следует, то чего доброго, и в наши дни не последовало разрешения <печатать, М.Л.>»¹⁸.

Оказывается, что поэму «следует» понимать следующим образом:

«Дыбой называлось орудие пытки, на котором били кнутом. Сын Петра, царевич Алексей, за два дня до смерти вздернут был в застенке на дыбу <...>

Достоевский понял, что в Петербурге Россия дошла до какой-то «окончательной точки» и теперь «вся колеблется над бездной»,

над бездной

Россию вздернул на дыбы»¹⁹.

С пониманием Мережковского произошел курьез: оно все построено на игре слов «вздернул» и «дыбы». Оказывается, что ни в одной рукописи у Пушкина нет слова «вздернул».

Мережковский думает, что Пушкин сочувствовал Евгению настолько, что его ужас считал за свой, его вызов Всаднику «есть первая точка нашего безумия, нашего бреда: Петербургу быть пусту»²⁰.

Гораздо чаще критики находят в поэме преклонение перед Петром. Белинский видел в ней полное торжество общего над частным, личным. «Смирненным сердцем признаем мы торжество общего над частным, не отказываясь от нашего сочувствия к страданию этого частного. Эта поэма – апофеоза <sic!> Петра В.<еликого>, самая смелая, которая могла только прийти в голову поэту».

В этом же смысле говорит и Иванов-Разумник: «Пушкин как бы предлагает личности смириться перед поглощающим его Левиафаном, олицетворенным в образе Медного Всадника». Раз поэме приписывается такой смысл, то естественно ее сближение с *Галубом*. Но кроме этой предполагаемой идеи, общего между *Галубом* и *М.<едным> В.<садником>* нет ничего, и надо быть просто нечутким к творчеству поэта, чтобы сближать их так условно и натянуто. Проф. Третьяк приписывает поэме не менее категорический вывод. Пушкин, отвечая Мицкевичу на упреки в измене юношеским идеалам, будто бы оправдывается таким образом: «правда, я был и остаюсь провозвестником свободы, врагов тирании, но не явился ли бы я сумасшедшим, выступая на открытую борьбу с последней? Желая жить в России, необходимо подчиниться всемогучей идеи государства, иначе она будет меня преследовать, как безумного Евгения»²¹.

Все эти собранные толкования *Медного Всадника* заключают в себе одну общую методологическую ошибку, приписывая поэме разрешение исторических, социологических и нравственных проблем. Но и те критики, которые находили в ней торжество самодержавия, и те, которые находили вызов кумиру, имеют равное количество доводов, выходящих из толкования поэмы. Уже это одно наводит на предположение, что сам Пушкин не становится ни на сторону Петра, ни на сторону Евгения. Я не хочу сказать, что поэма эта аморальна. Нет, я думаю, что напротив, в ней есть несомненный элемент морали, и даже потребность стать на ту или другую сторону, что она открывает моральную проблему. Однако, проблемы этой Пушкин не решает в *М.<едном> В.<саднике>*. И не решил до конца жизни. Эта проблема заключается в глубоком раздвоении – не психологическом, какого не могло быть у Пушкина, но в противуречиях в его мирозерцании. Поэтому и значение, положение *Медного Всадника* в русской литературе – как первого значительного признака органического разлада в мирозерцании русского интеллигента.

В этом нас подтверждает: 1) изучение всех событий и произведений влиявших на создание поэмы, и 2) ближайшее рассмотрение Пушкинского разочарования и сомнения во всем, отразившееся на его произведениях. Мы слишком привыкли видеть в Пушкине гармоническую натуру.

Можно установить, что следующее повлияло на описания *Медного Всадника*:

печатные известия о наводнении 24-го года, как например, Берха²², быть может и какие-нибудь письма от друзей;

статьи Батюшкова *Прогулка в Академии Худ.<ожеств>*, откуда Пушкин взял описание Петербурга во вступлении и антитезу гранитной набережной и «царства мхов»;

стихи Мицкевича и воспоминание о беседах «под одним плащом» перед памятником с польским поэтом в <18>28-м г.

Наконец, различные анекдоты, как известный рассказ Виельгорского о сне, в котором Всадник скакал по улицам Петербурга, или аналогия с наводнением <17>77-го года (год рождения Императора Александра).

Занятия русской историей, увлечение стариной, желание сравнить ее с современностью, увлечение личностью Петра и любовь к Петербургу – все это, конечно, и на замысле поэмы и на ее образах; но это все не может решить интересующего нас вопроса.

Однако, касаясь мировоззрений Пушкина, нельзя избежать некоторые затруднения. Ведь мне грозит впасть в то же условное понимание, в каком я уличал критиков. Да, но условное понимание всей русской

мысли за XIX-ый век, а не одного художественного произведения. *Медного Всадника* я рассматриваю только как признак общего явления. И, если в художественном произведении надо различать сплетение многих тем, то для моего уха в *Медном Всаднике* главным мотивом будет мотив сомнения. В этом сомнении виноват, однако, не автор; оно не отразилось на цельности произведения: поэма закончена вполне, а проблема и не могла быть разрешена, так как сама жизнь, те волны жизни, которые всегда дрожат в чуткой душе автора, были противоречивы, непримиримы. «Пушкин умер в полном расцвете своих сил, – говорит Достоевский в конце известной своей речи, – и бесспорно унес с собой в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем»²³. Этим своим заключением Достоевский устанавливает связь между смертью Пушкина и всей мучительной, одной в сущности, проблемой русской интеллигенции второй половины XIX-го века. Смерть поэта не дала времени выразиться определеннее этой проблеме непримиримости, если только сама смерть не была самым ярким выражением ее. Мы знаем Пушкина, как полную, радостную натуру, щедрую до расточительности сил и вдохновений.

Но силы духа никогда не убывают, наоборот, чем шире они разбрасываются, тем богаче всходы, тем полнее душа сеятеля. Что же привело Пушкина ко внутреннему беспокойству последних лет, чего нельзя было покрыть щедротами природы, если это не раздвоение? То раздвоение, которое прошло потом через фантастику Гоголя, пессимизм Тургенева, непримиримость Писарева, – через истерику Достоевского, нытье Чехова и упорство Успенского, через трагедию пошлости Л. Толстого и эротику Ф. Сологуба. Немногие цельные и чуждые болезни интеллигента писатели как бы не наши. Мы никогда не поставим Гончарова рядом с Толстым, и нам бесконечно ближе Тургенев, чем Лесков.

Я думаю, что это раздвоение началось тогда же, когда началась и новая русская интеллигенция, как ее принято определять, – т<о> е<сть> с декабристов. Молодой Пушкин, сближаясь с декабристами не мог не чувствовать какого-то глубокого несоответствия их идей с возможностью и необходимостью осуществления этих идей. Я думаю, что потребность цельности была самой сильной причиной, отдалившей Пушкина от восставших. Этой цельности и осуществимого идеала искал Пушкин при дворе. Он, конечно, не был льстецом, когда слагал «хвалы царю», но и недолго верил он в них: «хвалы» сменились разочарованием, гораздо более сильным и подлинным, чем прежнее байроновское. Теперь уже «без элегических затей» Пушкину захотелось уйти от света, замкнуться в себе.

Но это было еще мучительнее. Тут-то пришлось взглянуть на прошлое и осудить его. Пришлось сознаться, что в жизни поэт был рабом,

ничтожным как и все другие, а на Парнасе... вспомним итальянского нищего-импровизатора и русского барина-поэта. Ведь в последнем он казнил самого себя: и как поэт, который всегда – на особом положении, он был опутан тиной жизни, паутинными липкими нитями 'черни'. Пушкин не мог не сознаться, что он всю жизнь старался стать подобным другим, тем людям светской черни, которых презирал и клеймил.

«Зависимость, которую, налагаем на себя из честолюбия, – пишет он жене летом 1834 г., – или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня, как на холопа, с которым можно им поступать, как им угодно»²⁴. О том же проклятом круге отношений и зависимости пишет он в 1833 г. Нащокину: «кружусь в свете; жена моя в большой моде; все это требует денег, деньги даются мне через мои труды, а труды требуют уединения»²⁵.

У Пушкина, как у поэта, не было выраженного систематически мировоззрения, и о многом приходится догадываться, схватывая разбросанные мысли, уловляя «тайные мечтания».

Во второй половине жизни Пушкина, в его взглядах на народ, на историю, на отношение лица к обществу начинается раздвоение (которое было только сознанием себя и своего времени) и уклон к моральной оценке явлений. В записке *О народном воспитании* он стоит на стороне правительства, и не только потому, что записку он подавал Государю. О декабристах он говорит, как о людях «ничтожных средств и замыслов», в правительстве находит силу, «основанную на силе вещей». Это не подлость: это всего лишь двусмыслица; ведь Пушкин не говорит какое правительство основано на силе вещей, и констатируя неудачу декабристов, еще не говорит, что восстание было ничтожно по духу: «замысел» можно понять и как средства к его осуществлению. Но и в «записке» он пытается контрабандою провести гуманные идеи о необходимости «внушать воспитанникам правила чести и человеколюбия», и дальше указывает определенно, на чем должно воспитывать эти правила.

В статьях о Радищеве и его книге (*Мысли на дороге*) Пушкин, хотя и отрицательно отнесся к дутому пафосу и банально-либеральным идеям Радищева, хотя и оправдывает власть помещиков, «необходимую для рекрутского набора», однако, предупреждает обвинение, которое может произойти от смещения моральной оценки с экономическими выкладками: «Избави меня, Боже, быть поборником и проповедником рабства; я говорю только, что благосостояние крестьян тесно связано с пользою помещиков, – и это очевидно для всякого... Конечно, должны еще произойти великие перемены, но не должно торопить времени»²⁶. Таким образом, в социальной проблеме Пушкин пришел

к постепенству, о котором нельзя сказать, чтобы в нем не было противоречий.

То же раздвоение мысли и в отношениях Пушкина к любимым героям истории. Каждое время имеет своих героев, вернее, свои формы культа героев. Увлечение историей в прошлом столетии дало почву для такого, совсем элементарного «мифического творчества». Элементарного для нас, потому что мы отошли от восторгов перед грубой силой, от культа славы, военных подвигов, и т.п. атрибутов прежних кумиров. Мы и у истории отняли ее милитарную окраску, придав ей глубокий психологический фон. Перелом этот в сознании нового человека произошел несомненно на моральной основе (вспомним исторические идеи Достоевского, их жгучесть, распространение и влияние). На Пушкине мы можем проследить первые признаки этого перелома в русской общественной мысли.

Наполеон сперва, потом Петр овладевали воображением Пушкина. К современникам Пушкин относится иронически. Чернь находит себе героев среди современников; «им нет перевода»:

«...они
Совсем не чудо в наши дни, –
Куда! Нам нет от них прохода,
И разве меж моих друзей
Двух-трех великих нет людей?»

(Родословная моего героя)²⁷

– иронизирует Пушкин над героями, созданными толпою и днем. Известные стихи *Героя*:

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман, –

явная защита 'мифотворчества'. Но увлечение Наполеоном не могло быть таким глубоким, как более отдаленным Петром, – и вскоре, под влиянием света низких истин и того шума толпы, который окружал имя Наполеона, внимание Пушкина переходит на другую фигуру. И вот, возникает с одной стороны представление о Петре-державце полумира, чудотворце-исполине, бессмертном Медном Всаднике.

С другой, мы имеем целый ряд заметок о Петре, в которых подчеркивается его жестокость и порочность. «Тиранский указ», «жестокый указ», «издан указ, превосходящий варварством все прежние». «Начались казни, Лефорт старался укротить рассвирепевшего царя» – вот, что особенно поражало Пушкина при подробном знакомстве с материалами Петровской истории. Он особенно внимательно выписывал скандальные факты, оборотную сторону Петрова самовластия. Указ издается «с похмелья, видно». «Царевич умер отравленным». «Сей закон справедлив и милостив, но факт, из коего он проистекает – несправед-

ливость и жестокость. От гнилого корня отпрыск живой». Страдания Петра, такие животные, также занимают Пушкина: «не имел сил кричать, а только стонал». То, что заметки эти написаны позднее разбираемой поэмы не меняет дела по существу: перелом, или хотя бы сомнение проникает в сознание очень медленно. Я выписываю признаки того же явления. Обсуждение в приведенных примерах слишком явно и непримиримо; от этого осуждения – естественен переход к сомнению – насколько героичны все вообще вершители судеб человечества? Однако, полного отказа от прежнего обожания гения государственности мы не найдем у Пушкина. Он не отдался весь подобно Гоголю и морали (на почве религии). Поэтому, если б и не был покушением на объективность и замкнутость художественного произведения сам вопрос, хотел ли Пушкин возвеличить «Властилина судьбы» или осудить его, – то все-таки мы ничего не нашли в душе Пушкина кроме колебаний и сомнений. Вопрос этот – праздный, но, увы, слишком частый. Поэтому я и посвятил ему мой реферат. Но попутно я старался вскрыть сложность одного явления, которое я считаю, справедливо или нет – судить не мне, – характерным и важным в нашем прошлом.

Неуверенность и колебания отразились еще больше, чем в *Медном Всаднике* в лирических стихах того же и последующих годов. В 1833 г. он пишет: «Не дай мне бог сойти с ума» – выражение тоски по свободе от пут быта, и набрасывает *Напрасно я бегу к Сионским высотам*. Черновые стихи *Родрига* сближают драму испанского короля с настроениями самого Пушкина:

«Сердце жадное не смеет
И поверить, и не верить:
Ах ужели в самом деле
Близок я к моей кончине?»

В следующем году написан *Странник*. Одно из самых сильных созданий Пушкина. Стихи *Странника* странно выделяются из числа других своей суровостью, почти грубостью. Как много слов, и одно всего прилагательное в этих пяти стихах:

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена! –
Сказал я, – ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом, мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен!»

Как удивительно рассказ странника напоминает нам трагедию разыгравшуюся на наших глазах, недавно:

«...И я бежать пустился в тот же миг.
Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,

Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге...»

И побег и шум вызванный им, – буквально то же сопровождало уход Л. Толстого накануне его смерти. Кто знает, если б не примирила Пушкина смерть прежде времени с жизнью и с делами его, не разрушила сразу опутавших и томивших его уз, – кто знает, каким путем пошел он, бежал от сомнений и пророческой тоски.

Но сердце его слишком настойчиво просило покоя.

М. Лопатто

Февраль 1914 г. СПб.

- ¹ В. Брюсов. «Медный всадник. I. Идея повести». *Собрание сочинений*. Т. 7. М., 1975. С. 30-34. Впервые работа Брюсова появилась «Сочинениях» Пушкина под редакцией С.А. Венгерова (Т. III. СПб., 1909. С. 456-472).
- ² В.Г. Белинский. «Сочинения Александра Пушкина. Статья одиннадцатая и последняя» (1846). *Собрание сочинений*. Т. 6. М., 1981. С. 464.
- ³ Из статьи Иванова-Разумника «Поэмы Пушкина» (1911), см.: Иванов-Разумник. *Сочинения*. Т. V. Пушкин и Белинский. *Статьи историко-литературные*. Пг., 1916. С. 43 (выражаю свою благодарность акад. А.В. Лаврову за ценную библиографическую справку).
- ⁴ Józef Tretiak. *Mickiewicz i Puszkini*. Warszawa, 1906; статья была известна в России и по изложению С. Браиловского в сб. «Пушкин и его современники» (Вып. 7. СПб., 1908. С. 79-109).
- ⁵ Имеется в виду письмо А.И. Тургенева П.А. Вяземскому от 24 октября 1834 г. (*Остафьевский архив*. Т. III. СПб., 1899. С. 262), где говорится: «Поэма его о наводнении превосходна, но исчерчена и потому не печатается».
- ⁶ Лопатто приводит пример из статьи Брюсова (*Указ. соч.* С. 37).
- ⁷ Д.С. Мережковский. «Пушкин» (1902); цит. по: *Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в.* М., 1990. С. 144.
- ⁸ Там же. С. 145.
- ⁹ Ср.: В.В. Вересаев. *Пушкин в жизни*. М., 1984. С. 467.
- ¹⁰ Аполлон Григорьев пишет о «сочувствии к реформе» у Пушкина в статье «Граф Лев Толстой и его сочинения. Статья вторая. Литературная деятельность графа Л. Толстого». (впервые: *Время*. № 9 (1862). Отд. II. С. 1-27).
- ¹¹ Из стихотворения Аксакова «К Петру» (1845). Лопатто цитирует стихи неточно: *ла* вместо *лжи* и *вернется* вместо *восстанет*.
- ¹² Из стихотворения Брюсова «К Медному всаднику» (1906).
- ¹³ Из стихотворения Блока «Вися над городом всемирным...» (1905).
- ¹⁴ Имеется в виду текст первой печатной редакции романа, изданный в СПб в изд. «Сирин» в 1913-14 гг.
- ¹⁵ Имеется в виду комментарий П.О. Морозова к изданию «Сочинений и писем А.С. Пушкина» (Т. VI. СПб., 1909).
- ¹⁶ Из пушкинской поэмы «Езерский»; последний стих читается «Мечты златые; тайный труд».

- ¹⁷ В. Брюсов. *Указ. соч.* С. 49.
- ¹⁸ Из статьи Д.М.Мережковского «Петербургу быть пусто» (*Речь*. 21 декабря 1908).
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Цит. по ст. С. Браиловского. «К истории русско-польских литературных отношений. Мицкевич и Пушкин (По поводу книги Jozef'a Tretiak'a Mickiewicz i Puszkina. *Studia i skice*, Warszawa, 1906)». *Пушкин и его современники*. Вып. VII. СПб., 1908. С. 101.
- ²² Имеется в виду брошюра В.Н. Берха «Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санкт-Петербурге» (СПб., 1826).
- ²³ Ф.М. Достоевский. «Пушкин (Очерк)». *Полное собрание сочинений*. Т. 26. Л., 1984. С. 149.
- ²⁴ Письмо от 8 июня 1834 г., Петербург (№ 54): А.С. Пушкин. *Письма к жене*. Л., 1986. С. 60.
- ²⁵ А.С.Пушкин П.В.Нащокину <вторая половина февраля (не позднее 25-го) 1833 г., Петербург>: А.С. Пушкин. *Письма*. Т. III, 1831-1833. Л., 1935. С. 87.
- ²⁶ А.С. Пушкин. *Полное собрание сочинений*. Т. 11. М.-Л., 1949. С. 467.
- ²⁷ Второй стих в окончательной редакции *Езерского*: «Иль я не этого прихода?»

ПОМЕТКИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА НА РУКОПИСЯХ АЛЕКСАНДРА ШТИХА

Анна Сергеева-Клятис и Сергей Смолицкий

I

Имя Александра Штиха (26 (13) октября 1890 г. – 30 сентября 1962 г.) сегодня хорошо известно всем, кто интересуется историей жизни и творчества Бориса Пастернака. Шура Штих – друг детства и юности Пастернака, поверенный всех его душевных тайн, понимавший с полуслова собеседник и единомышленник, адресат пылких юношеских писем, человек, которому – первому – сообщил из Марбурга двадцатидвухлетний Пастернак о принятии самого важного в его дальнейшей жизни решения: «... я бросаю все; – искусство, и больше ничего»¹.

Он был вторым ребенком в семье известного московского отоларинголога, Льва Семеновича Штиха². Глава семейства – интеллигент в первом поколении, добившийся прочного положения в жизни исключительным упорством и трудолюбием, – придерживался обычных в его кругу взглядов: далекий от какой бы то ни было религиозной традиции, твердый в понимании категорий добра и зла, он верил в науку и искусство. Когда и как началось знакомство доктора Штиха с Л.О. Пастернаком неизвестно, но можно предположить, что это произошло в университете, в бытность обоих студентами медицинского факультета. Впоследствии их семьи жили неподалеку: Пастернаки при Училище живописи, ваяния и зодчества (Мясницкая, 21), Штихи – в Банковском переулке (Мясницкая, 22/2). Кроме врачебных визитов, когда доктор Штих лечил детей Пастернаков, обычными были и просто дружеские встречи. На новогодних фотографиях – юные Штихи с мамой на ёлке у Пастернаков. Сохранилась картина Л. Пастернака, на которой он запечатлел доктора Штиха вместе со своим кузеном Карлом Евгеньевичем.

Сочинять стихи молодые люди начали в одно время, и вначале Борису очень нравились поэтические опыты друга: «Мне было так хорошо от твоих стихов. Какое-то болезненное наслаждение отдался их потоку»³. Они обменивались посвящениями: Пастернак посвятил Штиху два стихотворения⁴, Штих Пастернаку – три⁵. Однако по мере собственного поэтического роста Пастернак отзывается о стихах Штиха все более критически, и уже в 1914 г. в письме к родителям он определяет дарование друга как «дилетантическое»⁶. Вообще же в со-

хранившихся у Штиха письмах Пастернака упомянуто 12 его произведений.

Биография Штиха обычно интересовала исследователей лишь в той, юношеской части, в период особенной близости с Пастернаком, и здесь действительно для биографов найдется богатый материал. Благодаря этой дружбе Пастернак узнал кузину Штиха, Елену Виноград, любовь к которой вдохновила его на создание книги «Сестра моя, жизнь». А на дне рождения Штиха он познакомился с Евгенией Лурье, которую привел туда влюбленный в нее младший брат Александра, Михаил. Впоследствии она стала женой Пастернака.

Как часто случается с друзьями, они были непохожи: педантичный аккуратист Штих хранил каждую бумажку, а заявление Пастернака «не надо заводить архива, над рукописями трястись» не было для него пустой декларацией. Однако поскольку архив для литератора вещь необходимая, Пастернак нередко передавал Штиху на хранение свои книги или черновики, зная, что у того они будут в сохранности. Когда в 1928 г. Пастернак готовил для нового сборника старые стихи, а своего экземпляра «Близнеца в тучах» у него не оказалось, он одолжил штиховский и правил свои тексты прямо в книге, а после вернул томик с правкой на полях. Последнее письменное свидетельство их дружбы датировано февралем 1935 г.: автограф на книге переводов Важи Пшавелы «Змеед». Их жизненные пути сложились по-разному, они общались всё реже, но отношений не прерывали.

Жизнь самого Штиха, за исключением короткого этапа 1917-18 гг., не изобиловала событиями⁷. Окончив в июле 1914 г. юридический факультет Московского университета, Штих всю жизнь проработал экономистом и юрисконсультom в легкой промышленности. Свою единственную книгу стихов⁸ он издал в 1916 г. В 1917 г., будучи служащим Романово-Борисоглебской⁹ льняной мануфактуры, Штих оказался вовлечен в бурные политические перипетии того времени. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что осенью того года в качестве секретаря профсоюза торгово-промышленных служащих он работает в комиссии по организации уездного Совета рабочих депутатов, а в январе 1918 г. уже состоит членом этого Совета. Его командировают в Петроград «для выяснения вопроса о плане снабжения Ярославской губернии продовольствием». В советах Ярославля и окрестных городов преобладали эсеры, и, по некоторым поздним туманным высказываниям можно предполагать, что в ту пору Штих сочувствовал именно этой партии. Как затронули Штиха события лета 1918 г., именовавшиеся в советское время Ярославским эсеровским мятежом, неизвестно.

Согласно сохранившимся документам, зимой 1918-19 гг. он уже был в Москве, жил в родительской квартире и работал в табачной секции

А. Штих – ученик
старших классов гимназии.

А. Штих – сотрудник Романово-
Борисоглебской мануфактуры.

Главсельпрома. Впоследствии вел тихую жизнь, оставаясь беспартийным. Его отношение к революционным событиям выразилось лишь в трех стихотворениях, в том числе вот в этом:

Это время не то. Эти годы – другие.
В них подстрочником дня – темнота синевы.
Но не понял никто. И в безмолвье – Мессии
Не узнали среди тьмы. И назвали на Вы.

Эти годы не те. Их вскормило ненастье.
Никогда не смотрели века так остро.
Хоть туман обомшелый Вселенную застил
Когда небо, как девку, тащили в острог.

Эти годы не те. В них столетьями запил
Ошалевший в тоске человеческий род.
Эти годы, как пьяная песнь о Приапе,
Как в харчевню осклизлый зияющий вход.

Август 1917 г.¹⁰

Впоследствии Штих никогда не позволял себе подобных высказываний, не выходя в своем творчестве за рамки любовной, философской и пейзажной лирики.

Работая в Главсельпроме, Штих продолжал писать стихи в свободное время и даже входил во Всероссийский Союз поэтов с членским билетом за № 73. В 1939 г. Штих послал три стихотворения в «Литературную газету», однако редакция их отклонила. Во время Великой Отечественной войны в эвакуации в Барнауле Штих написал три стихотворения, явившиеся откликом на происходящие события: «Ко дню Парижской Коммуны 18 марта 1942 года», «Мы отомстим» и «Памяти комсомольца Сосновского»¹¹. Он писал стихи практически всю жизнь: последнее сохранившееся стихотворение датировано 1959 г.

Осенью 1954 г., когда в воздухе почувствовалась оттепель, Штих послал в редакцию «Литературки» свое эссе «О лирической поэзии». Поводом к ее написанию были разгромные статьи В. Ермилова и В. Назаренко¹², направленные против напечатанных в «Знамени» стихов Пастернака¹³. Отвесив все положенные в то время реверансы в сторону «мечты о коммунистическом будущем», а также «искусства социалистического реализма, постигающего этот мир», Штих сделал выпад против главной директивы этих статей, встав на защиту пейзажной и любовной лирики. Судя по обзору в эссе современной ему поэзии и критики, автор пристально следил за текущим литературным процессом. Однако как и посланные в 1939 г. стихи статью Штиха «Литературная газета» не напечатала.

В том, что творчество и биография Бориса Пастернака известны лучше многих других писателей XX века, огромная заслуга его сына, Е.Б. Пастернака. Тем важнее его признание: «Александр Львович пришел к нам вскоре после смерти Пастернака и стал нам рассказывать о нем. Стал рассказывать об оставшихся у него письмах, рукописях, надписях. Мы через него узнали героиню «Сестры моей жизни», Елену Александровну Виноград, его кузину. Всё это было замечательно, и это было началом той работы, которая нас привела к нескольким изданиям биографии Пастернака, к тому, что сделано в комментариях к собраниям его сочинений, во всем том, что мы сделали. Вот такая пусковая стартовая кнопка была нажата Александром Львовичем, который стал нам говорить о том, что мы должны были бы знать. И постепенно мы учились все дальше и дальше»¹⁴. Сам Штих плодов этой работы не увидел. Он умер осенью 1962 г.

* * *

Работая в архиве над текстами моего деда Александра Штиха¹⁵ для подготовки издания его стихов, я обнаружил там отдельную пачку из 23 листов с общей нумерацией и пометками синим и красным карандашом в старой орфографии. Сразу вспомнилось письмо Пастернака

по поводу присланных ему на отзыв стихов Штиха: «Заметки красным карандашом, которые ты найдешь на стихах – Бобровские <...> Я орудовал синим карандашом...»¹⁶, – это были те самые стихи и те самые пометки¹⁷.

Сергей Смолицкий

II

В конце июня – начале июля 1914 г. Борис Пастернак, по просьбе своего друга, начинающего поэта Александра Штиха, внимательно просматривал его стихи, которые он предполагал опубликовать осенью. Штих просил Пастернака как более опытного (к этому времени уже вышел первый сборник стихов Пастернака «Близнец в тучах») помочь ему с выбором текстов для публикации, а также хотел получить советы редакторского плана – этим и объясняются критические пометки Пастернака, рассыпанные по всему несостоявшемуся сборнику. О других задачах, поставленных перед ним Штихом, Пастернак с тоской сообщал родителям: «...он просит предисловие ему написать, прислал целый тук стихов, просит заглавие и псевдоним ему придумать»¹⁸. Связанный со Штихом длительными и глубокими дружескими отношениями, совместным взрослением и творческим самоопределением, Пастернак не мог отнестись к творчеству друга без должного внимания.

Помимо многочисленных пометок, оставленных синим карандашом на рукописях Штиха, в письме к нему Пастернак дал снисходительную, развернутую и филологически точную оценку его поэтики:

Вот что я вынес в общем, несколько раз прочитав эту стопку, пожалуй изучив ее даже. В тебе очень много Тютчевского начала, но оно у тебя психологичнее и как-то празднословней, чем у самого родоначальника. Кроме того – у тебя, помимо лиризма творческого есть избыток лиризма лирических положений и состояний. Они формулированы подчас чрезвычайно сжато и выразительно; эти места заставляют сожалеть о том, что ты не пробовал писать большой повести на тонко психологических и в своей образцово-эмблематической структуре – символических дрожжах. Ты меня, конечно, понимаешь. Такой символизм только и был бы настоящим; это был бы сугубо реалистический импрессионизм, далекий от всякой аллегории. Есть у тебя часто благородный, по роду своему напоминающий Блока-Верлена – колеблющийся между формой и свободным стихом – напев. Но лапидарность – это не твоя стихия и, кажется, пока нелепость как начало остается прерогативой моею и некоторых футуристов и еще, пожалуй, символистов западных. У тебя же несколько этих глыб лежат, как будто занесены они сюда землетрясением по соседству. Вообще книжка твоя прежде всего будет оригинальна уже тем, что в том лагере, – куда следует отнести твой герб, девиз и происхождение (художественное) – ориги-

нальность доселе была свойством внешних элементов, у тебя же при малой оригинальности периферии – оригинален самый подход, замысел, *лирический мотив выражения* и т.д.¹⁹.

Несмотря на подчеркнутую доброжелательность отзыва, в целом стихи Штиха, до тех пор вызывавшие у Пастернака искренний интерес и сочувствие («ты настоящий лирик»²⁰, «мне было так хорошо от твоих стихов»²¹, «при всей углубленности мысли – это музыка»²²), теперь ему не понравились:

Есть какая-то глубоко вырытая канава между вечно верным себе дилетантическим дарованием и себя не щадящим, вечно себе изменяющим дарованием художественным. О как неисправимо всегда и везде священнодействует дилетант. Какое отсутствие иронии над собой, смешка, легкости, простоты и какого-то будничного недоумения перед тем, как празднуют свои будни окружающие²³.

К своему вынужденному участию в составлении книги и ее публикации Пастернак отнесся весьма настороженно и вскоре постарался уйти в сторону²⁴. Поэтическая книга Штиха, состоявшая из 36 текстов, вышла в 1916 г., без предисловия, под настоящим именем автора и с лаконичным названием «Стихи»²⁵. Однако просьбу Штиха, связанную с отбором и правкой стихотворений, Пастернак все же выполнил.

Чтением и редактированием «тюка стихов», присланного Штихом летом 1914 г., он занимался на даче Юргиса Балтрушайтиса в Петровском. Там проездом в Калугу остановился на несколько дней друг и соратник Пастернака по литературному кружку «Центрифуга» и знакомый Штиха поэт и критик С.П. Бобров, который «овладел всей пачкою, лишь только увидал ее на столе»²⁶ и сделал несколько собственных критических замечаний красным карандашом. Отсылая Штиху подвергшиеся двойной редакции тексты, Пастернак дал следующие пояснения: «Я орудовал синим карандашом, отмечал то, что нравится – заметки отрицательного характера снабжены объяснениями, – если ты исключишь их, синему цвету возвращен будет от века ему присущий смысл»²⁷.

Как правило, эти указания соответствуют действительности, исключение составляет лишь нумерация рифм и повторяющихся словоформ, которую вели параллельно Бобров и Пастернак, фиксируя обильные и немотивированные повторы в разных стихотворениях Штиха. Для будущего сборника Пастернак отбирает без всяких оговорок восемь стихотворений, помечая их синими крестами по верху страницы. Еще одно – «В пустынном поле – одинокий...» – отмечено значком *Nota Bene*, что, вероятно, свидетельствует об одобрении редактора.

1. «В печальной яви все те же дали...»: синим карандашом пронумерованы рифмы: «дали» – «ждали» (соответственно 41 и 42); красным карандашом поставлены номера 24 и 25 над словами «печальной» и «печали» в первой строфе; вертикальной линией справа отмечена третья строфа.
2. «Весеннее»: синим карандашом проставлены цифры 17, 18, 19, 20 над рифмами: «февраль» – «жаль» – «вдаль» – «февраль».
3. «Весенний вечер был пылен и тих...»: 9-й и 10-й стихи отмечены слева волнистой вертикальной линией, сделанной синим карандашом. Красным поставлены два вопросительных знака на полях слева против строки: «Опаленный зноем зданий» – в первой строфе.
4. «Затихали поля, одеваясь туманом...»: слева над стихотворением синим карандашом косая подчеркнутая надпись: «Недурно!». Красными цифрами 8, 9, 10 пронумерованы слова «печальным», «опечаленный», «опечаленной». Двойной красной линией снизу выделено слово «рыданья».
5. «И будут сны мои как степи...»: слева синим карандашом двумя волнистыми линиями отчеркнуты две первые строфы.
6. «И я снова сегодня у ног твоих...»: в левом верхнем углу листа две косые синие полосы.
7. «Она молиться запретила...»: слева синим вертикальной линией отчеркнуты 3-я и 4-я строки. Красным подчеркнуты двойной чертой слова «хладный» и «печальный».
8. «Рождение Афродиты»: слева над стихотворением синим карандашом косая подчеркнутая надпись: «Хорошо!»; слева вертикальной линией отчеркнут весь текст.
9. «В пустынном поле — одинокий»: слева весь текст отчеркнут синей волнистой линией.

Заранее зная установку Пастернака на положительные комментарии, можно со значительной степенью уверенности предположить, что отмечены синим были именно те строки и строфы, которые ему особенно понравились. Отрицательный характер имеют только цифры, помечающие рифмы (в основном, это разнообразные варианты рифмовки слов «даль», «жаль», «печаль», «скрижаль», «февраль»). Возможно, что нумерация Пастернаком «избитых» рифм, как и нумерация Бобровым повторяющихся форм слова «печаль» происходят из одного источника: либо они проделывали этот стиховедческий опыт вместе, либо такого рода «критическая нумерация» вообще была принята в кругу Центрифуги. Гораздо более противоречивый материал представляют тексты, отвергнутые Пастернаком.

1. «В разгар весны благоуханной...»: слева синей волнистой вертикальной чертой выделена первая строфа.
2. «Гудит, крутит метелица...»: справа синей волнистой вертикальной чертой выделена вторая строфа.
3. «Девичье»: справа вертикальной линией отмечены 7-я и 8-я строки; там же надпись синим – «Это хорошо, что Вы шепот угадали» (обращение Пастернака к Штиху на «Вы» здесь кажется не совсем обычным). Красным поставлен вопросительный знак перед словом «замерло» (строка 9) и номер 4 над словом «печально» (ст. 10).
4. «Земля усталым перегнем...»: слева синим карандашом волнистой вертикальной линией выделены первая, третья и четвертая строфы; вторая строфа перечеркнута, справа от нее косо написано слово: «прозаично».
5. «И вновь из пепла тяжких мук...»: синим пронумерованы рифмы первой строфы «далей» – «скрижалей» (строки 51 и 52); справа вертикальной чертой выделена первая строфа; справа от второй строфы красным прописные буквы «Б.П.»; зачеркнуты синим карандашом.
6. «К небывалым городам...»: справа синим карандашом волнистой вертикальной линией выделены первые три строфы.
7. «Когда закат свой пепел сложит...»: справа синей волнистой вертикальной линией выделены строки 1-10. Справа от строк 11 и 12 красным поставлены прописные буквы «Б.П.», которые перечеркнуты синим крестом; над словом «печальными» (ст. 15) проставлен красным номер 32.
8. «На плахе поля выдан на правож...»: справа от первой строфы синяя волнистая вертикальная линия; строка «Твой сорван панцирь и разбит шелом» подчеркнута волнистой линией, справа от нее надпись «Форма хорошая». От слов «Ты помнишь?..» проведена длинная горизонтальная линия на правое поле, которая заканчивается вопросом «Что? Помнишь, что льнет непогода?»; рядом обведенная кружком звездочка. На нижнем поле такая же звездочка и слова «Понял. Прости». Ст. 8 подчеркнута волнистой линией, справа от нее надпись: «Точнее». В 10-й строке зачеркнуты два тире. Ст. 12 подчеркнута волнистой линией, справа от нее надпись: «Непонятно и слабо». На верхнем поле надпись красным: «Синтаксически и логически – трудно разбираемая путаница».
9. «Печальной осени виолончель...»: синей волнистой линией подчеркнута 2-я строка («В прозрачном хрустале больного дня...»), она же выделена на правом поле короткой вертикальной чер-

той. Пронумерованы рифмы «хрустальной» – «печальной» (ст. 45 и 46). Строки 16, 17 и 18 отчеркнуты справа вертикальной линией. На нижнем поле надпись: «Не знаю, не нравится мне “виолончель”». Она вставлена – не поддержана обстановкой стиха. По фр. лучше: *Oh les sanglots longs des violons de l'automne*»²⁸. Красным – слова «печальной», «печальный», «печальной» пронумерованы – 29, 30 и 31.

10. «Тишина одинокого ложа...» – синим справа волнистой линией помечена первая строфа, прямыми линиями выделены следующие 6 строк текста. Напротив 10 и 11 ст. на правом поле написано: «Свóих? Твóей?»; в тексте на соответствующих словах синим карандашом поставлено то же ударение. Справа от последней строфы красным буквы: Б.П., которые зачеркнуты синим карандашом «решеткой».
11. «Трещит вентилятор, словно сверчок...»: синим карандашом проведена вертикальная волнистая линия, выделяющая первую строфу; во второй строфе пронумерованы рифмы «печаль» – «жаль» (ст. 53 и 54). Под текстом справа косая подпись: «Это хорошо, первое мое впечатление не изменилось. Что-то неточно – Верленовское». Над словом «печаль» красным карандашом проставлен номер 33.
12. «Усталый день так тих и прост...»: синей волнистой вертикальной чертой справа от текста выделены последние две строки («И только небо строит мост / От далей – к дряхлой были»). Во второй строфе пронумерованы рифма «дали»-«печали» (25 и 26). Над словом «печали» красным карандашом поставлен номер 17.
13. «Чуть выпал снег... И снова стаял»: синим карандашом волнистой вертикальной линией справа выделена первая строфа; справа от последней строки «Что в этой ночи я с тобой» написано «в нóчú» в скобках.
14. «Это надо мною...»: слева синим карандашом волнистыми вертикальными линиями выделены первая и вторая строфы; во второй строфе слово «дрогнувший» подчеркнуто красным.

С очевидностью можно установить, что волнистые и прямые линии, которыми Пастернак отмечал на полях стихотворные строки и строфы, – знаки его одобрения. Опираясь на приведенную выше пастернаковскую оценку творческой манеры Штиха, рискнем предположить, что его особенный интерес вызывали те фрагменты стихотворений, в которых сжато и выразительно прорисованы «лирические положения и состояния»:

Пришла, пришла забытая,
И стала у ворот,
Как оспою изрытая
Суровостью забот.
(«Гудит, гудит метелица...»)

В разгар весны благоуханной
Осенний заблудился день.
Такой чужой, немного странный,
Когда уж зацвела сирень.
(«В разгар весны благоуханной...»)

В более редких случаях Пастернак отметил удачные строки, богатые звукописью и внутренними рифмами, что было чрезвычайно близко ему самому и что придавало известную музыкальность лирическим композициям Штиха. Не случайно Пастернак в своем резюме говорит об особом «напеве» его стихов. Так происходит в стихотворении «В печальной яви все те же дали...»:

Всё тот же город, ночной и черный,
И я всё тот же... Тогда о чем?..
Осенний дождь, как плевел – сорный
Стекланным город сечет мечем.
И дали колки. Дождя осколки
Легли на землю, как зеркала...
Ты слышишь, Боже! Как в поле волки,
Гудят ночные колокола.

Пастернак видит в стихах своего друга блоковско-верленовское начало, которое проявляется прежде всего на ритмическом уровне организации текста. Стихотворения, находящиеся на границе между «формой и свободным стихом», тоже неизменно привлекают его внимание:

В пустынном поле – одинокий
Мерцает огонек.
О, как мой путь далек.
Вся жизнь, как ночь, уходит в мир широкий...
(«В пустынном поле одинокий...»)

Особый случай здесь – стихотворение «Рождение Афродиты», снабженное самой благосклонной ремаркой Пастернака: «Хорошо!». Слегка приглушенная символистская образность соединяется в нем с удачной ритмикой повторов и тавтологий, богатой аллитерацией на л и н, а также с небольшим метрическим экспериментом. Штих здесь не просто употребляет дольник (1/2), при котором, по выражению М.Л. Гаспарова, «ритмическое ожидание не исчезает, но становится расплывчатее»²⁹, он чередует строки с разным количеством ударных слогов (4 и 3), что придает стихотворению напевный ритм звучащей на свирели мелодии.

Пастернак фиксирует и более частные случаи, например, удачное словоупотребление. Так, в стихотворении «Девичье» по поводу двух строк: «Кто в саду *угасил* / Листьев тихий *шепот*» – он замечает: «Это хорошо, что Вы *шепот угасили*» <курсив мой – А.С.-К.>. Чаще отмечается удачное построение поэтической фразы: «Твой сорван панцирь и разбит шелом...» («На плахе поля, выдан на правеж...»), «В прозрачном хрустале большого дня...» («Печальной осени виолончель...»), «Заглохшее небо над пыльной весной / Пустую лазурью грустило...» («Весенний вечер был пылен и тих...»).

Отрицательные впечатления Пастернака описать гораздо проще, поскольку в каждом таком случае он оставил подробные и внятные ремарки. Говоря в целом, его не устраивает растянутость многих текстов Штиха («лапидарность – это не твоя стихия»), нечеткость выражения мысли, размытость образов, банальность слово- и рифмоупотребления. А также, несомненно, подражательность, о которой, правда, ни в письме к Штиху, ни в пометках на рукописи нет ни единого слова. Однако в письме к родителям Пастернак более откровенен: «...Я невольно готов его спросить, к чему мне самому издаваться вторично в расширенном, дополненном и разъясненном издании»³⁰. Он отчетливо видит в стихах Штиха подражание своей собственной поэтической манере, но сказать об этом другу считает невозможным. Этой повышенной деликатностью объясняется упорство, с которым Пастернак зачеркивает написанные Бобровым инициалы «Б.П.» напротив некоторых строф Штиха. Нужно заметить, что Бобров, без сомнения, обладавший редакторским мастерством и метким глазом, довольно точно определил подражательность отдельных фрагментов. Сравним, например, следующие строфы соответственно со стихотворениями Пастернака «Эдем» и «Венеция»:

И не всегда ль один удел,
– Закон и благодать: возрожденье
Тому, кто над вселенной бдел
В глухом блаженстве отреченья.
(«И вновь из пепла тяжких мук...»)

Или:

Один... один в тоске созвучий,
Вплетенных в почерневший свод.
О, как пустого сердца – круче
И непостижнее восход!..
(«Когда закат свой пепел сложит...»)

Этот список можно дополнить не замеченными Бобровым цитатами, в которых явно воспроизводятся пастернаковские образы – из стихотворения «Февраль»: «Так о зимнем ли зароке / Нам рыдать с тобой, фев-

раль?..» («Весеннее») или «Вокзал»: «И только хрипло в даль пролаял / Глухой вокзал, разлук свирель («Чуть выпал снег... И снова стоял»).

В защиту Штиха следует сказать, что было бы неправильно связывать генезис его поэзии только с творчеством Пастернака. В своих стихотворениях он нередко воспроизводит мотивы и образы поэтов как XIX, так и начала XX века. Пастернак совершенно справедливо отметил тютчевскую линию в его поэзии. Помимо Тютчева, можно назвать Лермонтова, Надсона, Блока и Гумилева. Элементы «чужого» стиля, иногда, впрочем, весьма искусно, Штих то и дело вплетает в ткань своих стихов. Адвокатом Штиха выступил и первый исследователь его поэзии Л.Н. Чертков, который рассуждал совершенно иначе: «... бурный рост дарования Пастернака заслонил более скромный, хотя и достаточно яркий и самобытный дар Штиха, и многое из того, что было совместно открыто и внесено ими в русскую поэзию, история литературы естественным образом связала с именем Пастернака»³¹.

Несмотря на явное нежелание оценивать стихи Штиха и высказывать критические замечания в его адрес, Пастернак добросовестно исполнил просьбу друга. Дошедший до нас материал включает всего 23 листа – без сомнения, это далеко не все, что составляло «тюк стихов» Штиха, прочитанный Пастернаком. И все же благодаря счастливо найденным рукописям с его пометками, исследователям предоставляется ценный материал, связанный не только с изучением фона поэзии начала XX века. Прежде всего пометки Пастернака дают возможность проследить эволюцию его собственных взглядов на творчество и определить критерии, которыми он мерил не только чужие, но, главным образом, собственные стихи. Это особенно важно, учитывая, что пометки на стихах Штиха Пастернак делал летом 1914 г., в один из переломных этапов своего творческого пути, после знаменитой встречи с Маяковским, когда вопрос поэтического генезиса и традиции, как и проблема оригинальности и истинности художественного дарования, встали перед Пастернаком со всей очевидностью.

Анна Сергеева-Клятис

п р и м е ч а н и я

- ¹ Письмо от 20 июня (11 июля) 1912 г. (Борис Пастернак. *Полное собрание сочинений в 11 томах*. Т. 7. М., 2005. № 59).
- ² В семье Штихов было трое детей: Анна, Александр и Михаил.
- ³ Письмо августа 1913 г. (Борис Пастернак *Указ. соч.* № 78).
- ⁴ «Венеция» и «Вчера, как бога статуэтка» (оба 1914). В поздних редакциях стихи подверглись существенной авторской правке и печатались без посвящения.
- ⁵ «В сумраке ночи зловещей» (1911), «Есть слова, которых не забудешь» (1912), «Осень (Тихо и печально в роще опустелой...)» (1913).

- ⁶ Письмо начала июля 1914 г. (Борис Пастернак *Указ. соч.* № 91).
- ⁷ Подробнее см.: С.В. Смолицкий. *На Банковском.* М., 2004.
- ⁸ Александр Штих. *Стихи.* М., 1916. В 2008 г. в серии «Малый серебряный век» издательства «Водолей» была издана книга стихов Штиха «Истлевших лет живые сны». Также его стихи можно найти на сайте «Поэзия Московского Университета» (<http://www.poesis.ru/>).
- ⁹ В 1918 г. город Романов-Борисоглебск был переименован в Тутаев.
- ¹⁰ Два других: «Весна (И день. Ликующие сходи...)» и «Петербург 1917 г.».
- ¹¹ Одно из них было опубликовано в газете «Барнаульская правда».
- ¹² В. Ермилов. «За социалистический реализм» (*Правда.* 3 июня 1954 г.) и В. Назаренко. «Идейность поэтического образа» (*Литературная газета.* 27 июля 1954 г.).
- ¹³ В 4 номере журнала «Знамя» за 1954 г. были напечатаны: «Март», «Белая ночь», «Весенняя распутица», «Объяснение», «Лето в городе», «Хмель», «Разлука» и «Свидание».
- ¹⁴ Запись выступления Е.Б. Пастернака на вечере в Доме-музее Марины Цветаевой (16 декабря 2005 г.).
- ¹⁵ РГАЛИ. Ф. 3123.
- ¹⁶ Письмо от 10 июля 1914 г. (Борис Пастернак *Указ. соч.* № 93).
- ¹⁷ Из всех текстов этой пачки Штих включил в свою книгу только два стихотворения: Одиночество («Трещит вентилятор, словно сверчок») и «Тишина одинокого ложа».
- ¹⁸ Борис Пастернак. *Полное собрание сочинений в 11 томах.* Т. 7. С. 179; здесь и далее ссылки на письма Пастернака даются по этому изданию.
- ¹⁹ Письмо А.Л. Штиху от 10 июля 1914 г. (С. 182-183).
- ²⁰ Письмо А.Л. Штиху от 28 мая 1911 г. (С. 82).
- ²¹ Письмо А.Л. Штиху от августа 1913 г. (С. 152).
- ²² Письмо А.Л. Штиху начала сентября 1913 г. (С. 154).
- ²³ Письмо родителям начала июля 1914 г. (С. 179).
- ²⁴ См. письмо к А.Л.Штиху от 1 июля 1914 г. (С. 175-177).
- ²⁵ «Если бы я написал тебе предисловие, то мог бы это только дружески искренно и художественно недобросовестно сделать. А это предисловие к стихотворениям – и вот я отказываюсь писать его». – Письмо А.Л. Штиху от 1 июля 1914 г. (С. 175).
- ²⁶ Письмо А.Л.Штиху от 10 июля 1914 г. (С. 182).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Цитата из первой строки стихотворения Поля Верлена “Chanson d’automne” («Осенняя песнь») из книги “Paysages Tristes”: «Издалека / Льетя тоска / Скрипки осенней» (перевод А. Гелескула).
- ²⁹ М.Л. Гаспаров. *Русский стих 1890-х-1925-го гг. в комментариях.* М., 1993. С. 134.
- ³⁰ Письмо родителям начала июля 1914 г. (С. 180).
- ³¹ Л.Н. Чертков. «Стихи Александра Штиха». С.В. Смолицкий. *На Банковском.* М., 2004. С. 96.

Стихи А.Л. Штиха¹

(Стихи публикуются в порядке, предложенном автором)

№ в наст. публикации	Название	№ по авторской нумерации	№ листов в Ф. 3123
1	Весенний вечер был пылен и тих	3	13
2	Затихли поля, одеваясь туманом	4	2
3	Она молиться запретила	5	14
4	И я снова сегодня у ног Твоих	9	1
5	Девичье	13	12
6	Гудит, крутит метелица	17	15
7	Весеннее	20	16
8	Рождение Афродиты	21	17
9	К небывалым городам	23	18
10	Усталый день так тих и прост	25	19
11	Это надо мною / Плачет, плачет осень	31	3
12	В пустынном поле – одинокий	34	20
13	Земля усталым перегноем	35	21
14	В печальной яви все те же дали	37	4
15	Печальной осени виолончель	40	5
16	Чуть выпал снег... и снова стаял	41	6
17	Когда закат свой пепел сложит (Д.А.Ц.)	42	7
18	Тишина одинокого ложа	43	8
19	И вновь из пепла тяжких мук	47	9
20	Трещит вентилятор, словно сверчок	48	10
21	На плахе поля, выдан на правез	51	11
22	В разгар весны благоуханной	-	22
23	И будут сны мои, как степи	-	23

* * *

Весенний вечер был пылен и тих,
 Опаленный зноем зданий.
 И улица – как неоконченный стих, –
 Ждала неизбежных свиданий.

Свивались встречи с змеей мостовых.
 Но близкие – были чужие.
 И каждый – обманутый скорбный жених,
 И каждая – грусть о Мессии.

Заглохшее небо над пыльной весной
Пустою лазурью грустило...
И в каменном городе каменный зной
По улицам влекся уныло.

Март 1913²

* * *

Затихали поля, одеваясь туманом,
И под небом ночным холодели.
Издалёка – дрожащим печальным обманом
Доплывали рыдания свирели.
Одинокий, затерянный – там, в бесконечности,
Кто-то плакал в тоске безысходной.
Опечаленный сын опечаленной вечности
Со своею мечтою безродной.

1912

* * *

Она молиться запретила,
И вот, теперь, стоит одна.
Над ней безумное светило
– Порабощенная луна.

– И ветер холодный и угрюмый,
И дождь... и горе в небесах.
А я с своей печальной думой
Стою у ночи на часах.

Январь 1913

* * *

И я снова сегодня у ног Твоих,
Осененный безмолвием ночи,
Сам глухой и безмолвный, как мерный стих,
Что тоску над Тобой упрочит.

Я сегодня всю землю, как сон, исчерпал
В тишине позабытого сердца.
И родную тоску, как виденье, узнал
С изумленьем глухим иноверца.

Я сегодня всю землю, как сон, исчерпал
В веренице мятущихся былей.
И – как жемчуг искатель – в ладони собрал...
На ладони – сверканье пыли.

Я забыл...

И я снова у ног Твоих,
Осененный безмолвием ночи,
Сам глухой и безмолвный, как мерный стих,
Что тоску над Тобою упрочит.

ДЕВИЧЬЕ³

Далеко за горой
Топот конский мерный...
Жду тебя, милый мой,
Я душою верной.

Не дышу... нету сил...
Ближе, ближе топот...
Кто в саду угасил
Листьев тихий шепот?..

Замерло всё вокруг...
Так печально стало.
Не сомкнуть нежных рук,
Не прильнуть устало.

Не сомкнуть, не сомкнуть...
Где же ты, любимый?..
За горой гаснет путь,
Тишиной томимый.

Март 1913

* * *

Гудит, крутит метелица,
Светясь в вечерней мгле,
И белой тьмью стелется
По стынущей земле.

Пришла, пришла забытая,
И стала у ворот,
Как оспою изрытая
Суровостью забот.

Пришла, пришла желанная,
И кличет: выходи...
Неверная, неожиданная
Тоска скребет в груди.

Эх, бросил бы все прежнее...
Гуди, метель, крутись...
И встали сны безбрежные,
И с белой тьмой слились.

Февраль 1913

ВЕСЕННЕЕ

Влагой теплой и нешумной
Веет горестный февраль.
И чего-то так безумно
И непостижимо жаль.

В недосказанном намеке
Дни к весне уходят вдаль.
– Так о зимнем ли зароке
Нам рыдать с тобой, февраль?..

Февраль 1913

РОЖДЕНИЕ АФРОДИТЫ

Из пены морской, из пены морской
Богиня лилейная вышла.
С какую тоской, с какой тоской
Я связал золоченые дышла.

Погнали коней, погнали коней...
Печальные дали зардели...
Всю ночь – о ней, всю ночь – о ней
Рыдали мы на свирели.

Январь 1913

* * *

К небывалым городам
Путь мой лег отныне.
Я иду – опять Адам –
По пескам пустыни.

Опыт горестных веков
Словно пепел, свеян.
Я забыл своих отцов...
Богом я взлелеян.

Шепчет небо: «Позабудь!
Тайны нет в ответе...»

– Разве был когда-нибудь
Я иным на свете?...

Знаю... знаю... то был сон
Не моей гордыни...
И стихает дальний звон
Средь песков пустыни.

Февраль 1913

* * *

Усталый день так тих и прост
Под небом неизменным...
Молчит тоскующий погост
В кольце полей нетленном...

И правда дряхлая могила
Кивает робко дали...
Но мир давно ее забыл...
– И вот, в немой печали

Поля сошлись и погост
В простор свой заключили.
И только небо строит мост
От далей к дряхлой были.

Март 1913

* * *

Это надо мною
Плачет, плачет осень,
Нежною сestroю
В память прошлых весен.

Это надо мною,
В слезы облаченный,
Дрогнувший с землею
Ангел полусонный.

– Будь такой сestroю
В знак забытых весен...
.....
Это надо мною
Горько плачет осень.

Октябрь 1913

* * *

В пустынном поле – одинокий
Мерцает огонек.
О, как мой путь далек.
Вся жизнь, как ночь, уходит в мир широкий...

И мир – как я. И негде отдохнуть...
Ты звал меня, Господь, и указал мне путь...
– И потому ль он труден и далек,
Что, как и я, Господь, Ты – одинок.

Июнь 1913

* * *

Земля усталым перегноем
Взывает к пахарю: гряди...
Как тяжело идти изгоем,
Покинув родину в пути.

И в одиночестве бесплодном
Всегда лишь находить – себя,
И знать, что в сумраке холодном
Ты чью-то жизнь сгубил, любя.

Бросай зиждительное семя,
А всходов нет – пропал посев...
Пусть над тобой – как ангел – время:
Оно – судьбы безвестной гнев.

И ждет земля того, кто муки
Рожденья даст ей, взяв покой...
Иди... твои бесплодны руки,
И ты один. И ты изгой.

Август 1913

* * *

В печальной яви всё те же дали,
Всё тот же город в тоске ночей.
И стынет камень... но сестры ждали
В глухой печали забытых дней.
Всё тот же город, ночной и черный,
И я всё тот же... Тогда о чем?..
Осенний дождь, как плевел – сорный
Стеклянным город сечет мечем.
И дали колки. Дождя осколки
Легли на землю, как зеркала...

Ты слышишь, Боже! Как в поле волки,
Гудят ночные колокола.
И в мгле туманной, глухой и влажной,
Колеблясь, тонет – опять она...
Ты знаешь, Боже, чей вздох протяжный
Хранит покорная тишина.⁴

Сентябрь 1913

* * *

Печальной осени виолончель
В прозрачном хрустале больного дня...
Высокий лес – как звонкая купель
Багряно-желтого огня.
Приди и сядь... И слушай тишину.
– Не тишину, а стоны струн невнятных,
Глухой душе таинственно-понятных.
Приди и сядь... И слушай тишину.
Печальный лес в пустую вышину
Гудит торжественно тоской виолончели.
(– Земля и сердце – легкие качели!)
Хрустальный день – как пламенный бокал
– С вином тоски, с тоской виолончели...
И, кажется, он так всегда стоял...
И, кажется, что в час последний бытия,
Все тот же день, в прозрачности хрустальной,
С улыбкой матери печальной
Прощальный вздох земли замкнет в свои края.

Ноябрь 1913

* * *

Чуть выпал снег... И снова стоял.
– И только синяя капель,
– И только хрипло в даль пролаял
Глухой вокзал, разлук свирель.

– И только на черте бессонной,
Где город с небом тускло слит, –
Твой призрак, медленно склоненный
На старый стынувший гранит.

И слез Твоих капель больная
Над миром смутной пеленой
Грустит задумчиво, не зная,
Что этой ночью я с тобой.

Ноябрь 1913

* * *

Д.А.Ц.

Когда закат свой пепел сложит
У ног замолкшего в пути,
Он знает: сердце не поможет
Непостижимое найти.

Он знает: день сторел напрасно,
Уйдя, как прах, в ночную муть.
И серый город спит бесстрастно,
Смежив очей гранитных жуть.

Один... один в тоске созвучий,
Вплетенных в почерневший свод.
О, как пустого сердца – круче
И непостижнее восход!..

И с высоты, пронзен лучами,
Распятый звездною тоской,
– Один, – печальными очами
Не дремлет ночью над землей⁵.

Декабрь 1913

* * *

– Тишина одинокого ложа
И комода безмолвный зигзаг...
За окном одинокий прохожий
Вносит к звонкому небу свой шаг.

И в плену холодеющих стекол,
В предрассветной синеющей мгле,
Узнаю я свой очерк поблеклый
– За окном, – на холодной земле.

Но лишь утро тревогу творенья
Бросит в горн своих снов золотой,
Твоей ночи туманные звенья⁶
Цепенеют в лазури мечтой.

И – шагов своих сам не узнавший,
Что ты скажешь, прохожий ночной,
Когда в небе в тоске отзвучавшей
Ты узнаешь свой очерк земной!⁷

Январь 1914

* * *

И вновь из пепла тяжких мук,
– Забытых снов, сожженных далей,
Встает душа, как вещей звук
О землю брошенных скрижалей.

И не всегда ль один удел,
– Закон и благодать: возрождение
Тому, кто над вселенной бдел
В глухом блаженстве отречения.

Февраль 1914

* * *

Трещит вентилятор, словно сверчок
Городской, – унылый.
Небо твердит старый урок
Над моей могилой,

– Над серым домом, где печаль.
Тихо... пусто...
И никому, никому не жаль,
Что мне грустно.⁸

Январь 1914

* * *

На плахе поля, выдан на правож
Ветрам и ливням осени убогой,
О, стой, мой рыцарь! Знаю, не уйдешь
От муки сладостной и ненависти строгой.

Твой сорван панцирь и разбит шолом...
(Ты помнишь?..)

К телу, что лишь я ласкала,
Льнет непогода колющим крылом
Мертвящей лаской уст беззубого оскала.

Но в ветхом рубище спадающих дождей
Ты мне еще – отверженный – дороже.
И ненависть моя... О, что сказать о ней,
Когда и ненависть – лишь мукам ложе.

А ты стоишь... стоишь, и не уйдешь,
В бреду разгула, в пасмури столетий,

На плахе поля, выдан на правеж,
На смерть...

И – о тебе жалеть ли!

Апрель 1914

* * *

В разгар весны благоуханной
Осенний заблудился день.
Такой чужой, немного странный,
Когда уж зацвела сирень.

И был он грустен... Ветр холодный
Листвою юной шелестел.
Осенний день... Пришел безродный...
О чем он в тишине скорбел?..

Такой чужой, немного странный –
Когда уж зацвела сирень –
В разгар весны благоуханной
Осенний заблудился день.

Май 1913

* * *

И будут сны мои как степи,
Безбрежны и неистребимы...
А дни – как тягостные цепи...
Но всё, придя, проходит мимо.

И будут дни мои, как степи,
Так безграничны и широки...
А сны, как тягостные цепи...
И будут ночи одиноки.

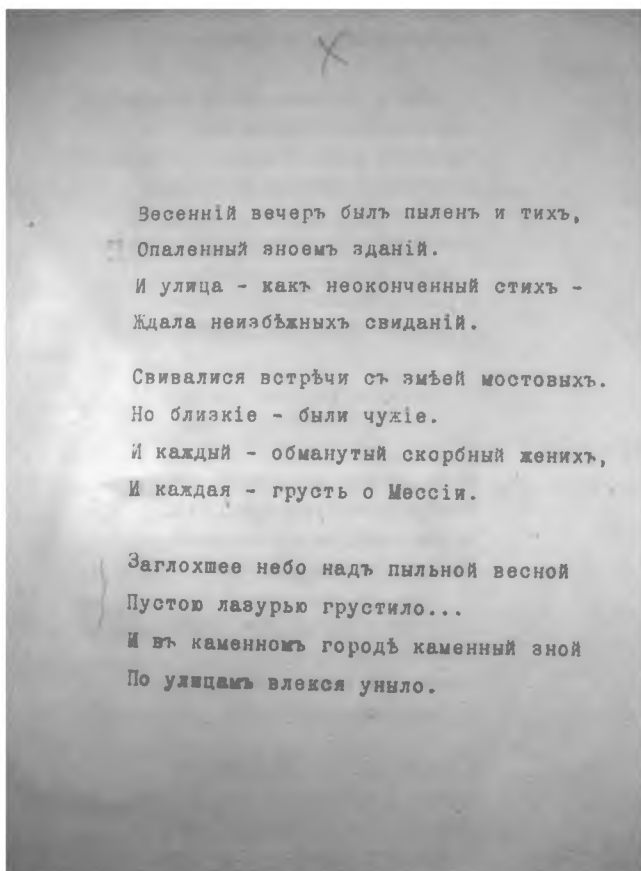
В бездумьи бытия двойного
Я буду жить двойной судьбою,
Желая – и страшась – иного,
Терзаясь странною борьбою.

Январь 1913

п р и м е ч а н и я

- ¹ РГАЛИ. Ф. 3123. Оп. 1, Ед. хр. 13, Л. 1-23.
- ² Датировка стихотворений произведена по другим источникам.
- ³ В других источниках без названия.
- ⁴ Опубликовано в книге «Стихи».

- ⁵ Опубликовано в книге «Стихи» под названием «Пепел» с посвящением Д.Л.
⁶ В публикации: «Уж ночей твоих смутные звенья».
⁷ Опубликовано в книге «Стихи».
⁸ Опубликовано в книге «Стихи» под названием «Одиночество».

Она молиться запретяла,

И вотъ, теперь, стонитъ одна.

Надъ ней безумное свѣтло

- Порабощенная луна.

- И вѣтеръ хладный и угрюмый,

И дождь... и горе въ небесахъ.

А я съ своей печальной думой

Стою у ночи на часахъ.

Зариски твоя, оубавилъ Дуламанъ,
И подъ небомъ ночные холмы
и долина - зрелищныя пейзажные облака
Всплывали родною свирями.

Вспомни, зариски? - Тамъ, въ Бисмаркскомъ
Кто-то плачетъ въ тѣни Бисмаркской.
- Вспомни, кто она? - Кто-то
в своемъ мѣстѣ восточномъ.

И я слова сонды у лова Гибела
Вспомнил? Вспомнил? Вспомнил?
Сам сонды? и Бемальвин? как сонды?
Гибел,
Ур треску над Гибелю уртреску.

В сонды вон сонды, как сонды, сонды
По Гибелю сонды сонды
И сонды треску, как сонды, сонды
С сонды сонды сонды сонды сонды

В сонды вон сонды, как сонды, сонды
По сонды сонды сонды сонды?
И сонды сонды сонды — в сонды сонды...
На сонды сонды сонды сонды

В сонды...
И сонды у лова Гибела,
Вспомнил? Вспомнил? Вспомнил?
Сам сонды? и Бемальвин? как сонды?
Гибел,
Ур треску над Гибелю уртреску.

сонды

Далеко за горой
Топотъ конскій марный...
Эду тебя, милый мой,
Я душой вѣрной.

Не дышу... нѣту силъ...
Ближе, ближе топотъ...
Кто въ саду угасилъ
Листьевъ тихій шепотъ?..

Замерло все вокругъ..
Такъ печально стало..
Не сомкнуть нѣжныхъ рукъ,
Не прильнуть устало.

Не сомкнуть, не сомкнуть...
Гдѣ же ты, любимый?..
За горой гаснетъ путь,
Тихиной томными.

Ур треску над Гибелю
Уртреску

Гудят, крутить метелица,
Свѣтлосъ въ вечерней мглѣ,
И бѣлой темью стелется
По стнущей землѣ.

Пришла, пришла забытая,
И стала у воротъ,
Какъ оспов изрытая
Суровостые заботъ.

Пришла, пришла желанная,
И кличетъ: выходи...
Невѣрная, нежданная
Тоска скребеть въ груди.

Эхъ, бросилъ бы все прежнее...
Гуди, метель, крутись...
И встали сны безбрежныя,
И съ бѣлой тьмой слились.

- Весеннее -

Влагой теплой и немумной
Збѣетъ горестный февраль.
И чего-то такъ безумно
И ~~идеологически~~
И ~~идеологически~~ жалъ.

Въ недосказанномъ намскѣ
Дни къ веснѣ уходятъ вдаль.
- Такъ о зимнемъ ли зарокѣ
Намъ рыдать съ тобой, февраль?..

25.08

В небывалых городах
Дуль мой легь огниль.
Я зду - спель адант -
По пескам пустыни.

Опнть горестныхъ вѣковъ
Словно лепель, свѣанъ.
Я забвль мнхъ отцовъ...
Вогомъ я взелъанъ.

Шепчетъ небо: "повасудъ.
Тайны нѣтъ въ отвѣтъ..."
- Развѣ былъ когда-нибудь
Я иннть на свѣтъ?...

Знав... знав... то былъ сонъ
Не моей гордини...
И стихаетъ дальнѣе звантъ
Средь песковъ пустыни.

X 21.08

/ Рожденіе Афродиты /

Изъ пѣны морской, изъ пѣны морской
Богиня лилейная вышла.
Съ какою тоской, съ какою тоской
Я связавъ золоченна дншла.

Погнали коней, погнали коней...
Печальна дали зарѣбли...
Всю ночь о ней, всю ночь о ней
Рядили мн на свирѣбли.

Усталый день так тихъ и простъ
Подъ небомъ неизмѣннымъ...
Молчитъ тоскуещій погостъ
Въ кольцо полей нетлѣнномъ...

И правда дряхлая могиль,
Кивастъ робко дали...

Но мѣръ давно ее забылъ...
-И вотъ, въ нѣмой печали

Поля сошлись и погостъ
Въ просторъ свой закличили.
И только небо строить мостъ
Отъ далей къ дряхлой были.

Эго надо много
Сказать, плачь о семъ,
Детство сестры
Изъ памяти прочтется восты.

Эго надо много
Изъ слезъ обличения,
Другушій се килемъ
Лично поучениемъ.

-Будь радъ сестры
Во снахъ зобориса восты.

Эго надо много
Сказать плачь о семъ.

Земля усталамъ переносимъ
Знаваешь къ пахарю: гради...
Какъ тяжело итти изгоемъ,
Покинувъ родину въ пути.

И въ одиночествѣ безплодномъ
Всегда лишь находить - себя,
И знать, что въ сумракѣ холодномъ
Ты чьв-то жизнь сгубилъ, любя.

Бросей захдительное сѣмя,
А всходовъ нѣтъ - пропасть посѣвъ...
Пусть надъ тобой - какъ ангелъ - зрели:
Оно - судьбѣ безвѣстной гнѣвъ.

И ждесть земля того, кто муки
Рожденья дастъ ей, взявъ покой...
Иди... твои безплодны руки,
И ты одинъ. И ты изгой.

Въ пустынномъ полѣ - одинокій
Мерцаешь огонекъ.

О, какъ мой путь далекъ.

Вся жизнь, какъ ночь, уходитъ въ мѣръ широкій

И мѣръ - какъ я. И негдѣ отдохнуть...

Ты звалъ меня, Господь, и указалъ мнѣ путь...

- И потому ль онъ труденъ и далекъ,

Что, какъ и я, - Господь, Ты одинокъ.

— Пыльца одинокого леща
И кажда белаявний змачка...
За окрас динчий прасоний
Взносит ка злочину небу свой шов,

И до пачу калиточна Фекань,
Во проразвороний синевачий миль,
Знаю я свой округ поближний
— За окрас, — на хитрой змачка.

Ка миме утто праску Фборина
Впроче на цорне абвас смель тачон?
Мелька нем прачинае збавит
Вотинтор А мурга мурга?

И — тачавь своия сам ка умалвий,
То ти камина, прасоний миль,
Хоча А неба в прас отбурчавий
Силе умалвий свой округ тачон?

И внае им пача Рачий мурга,
— Забавно миль, соросиний динь,
Встае дум, как вачий збавит
О семо прачинае окрасавий.

И не ввае ле динь умал,
— Зован и Бавасур: Вобордесе,
Миль, ко под вачиний Фбав
И мурга Бачиний Фбавиний.

Миль

Судьба человека и его место в мире
— история культуры и философия

Но мы не...
Культура и философия
С. 121. — "культура" — это не только
образы, символы и ритуалы.

Но культура — это не только
(или не только?)

Но культура — это не только
культура — это не только
культура — это не только

Но культура — это не только
культура — это не только
культура — это не только

Но культура — это не только
культура — это не только
культура — это не только

Но культура — это не только

Но культура — это не только

Но культура — это не только

Но культура — это не только

Но культура — это не только

Но культура — это не только

Но культура — это не только

Но культура — это не только

Но культура — это не только

Въ разгаръ весни благоуханной
Осенній заблудился день.
Такой чужой, немного странный,
Когда ужъ зацвѣла сирень.

И былъ онъ грустенъ... Вѣтръ холодный
Листвомъ вной шелестѣлъ.
Осенній день... Пришлецъ безродный...
О чемъ онъ въ тишинѣ скоробѣлъ...

Такой чужой, немного странный -
Когда ужъ зацвѣла сирень -
Въ разгаръ весни благоуханной
Осенній заблудился день.

И будутъ сны мои, какъ степи,
Безбрежны и неотрешимы...

А дни - какъ тлостныя цѣли...
Но все, правда, проходитъ мило.

И будутъ дни мои, какъ степи,
Такъ безграницны и широки...

А сны, какъ тлостныя цѣли...
И будутъ ночи одиноки.

Въ безумья битіи двойного
Я буду жить чужой судьбой,
Желал - и страшась - много,
Терзался странныхъ борбой.

ОКОЛО АКМЕИЗМА

Роман Тименчик

1. НОВОБРАНЕЦ «ЛЕВОГО АКМЕИЗМА»

Пишущие студенты, собравшиеся в Кружок поэтов при Петроградском университете в 1915 г.¹ и опоздавшие к недолгому цветению первого Цеха поэтов, стояли перед развилками выбора, которые были означены при переходе от духа символизма к акмеистскому вкусу, например, между Средневековьем и возрожденческой реабилитацией земного. Последняя нашла в Кружке своего (еще не очень умелого) прославителя Владимира Злобина, автора стихового реферата «Ренессанс»:

Как мог он стать так снова беспределен
И все-таки опять необъясним –
Тот гордый дух, который древний Эллин
Когда-то бросил в победивший Рим.

Быть может, он под грубым искажением,
Под теснотой готических оков,
Уже пылал неуголимым мщеньем
И, не найдя необходимых слов,

Из тех страниц, которые желтели
В пыли времен, шептал нам, трепеща,
И каждый знал, зачем Макиавелли
Носил кинжал под складками плаща.

А после в нишах умерли святые,
И надоел средневековый пост,
Тогда Христос с Антихристом впервые
Друг против друга встали во весь рост.

Но женщины не верили заране,
Чтоб Сатана безропотно поник,
И кружевной, из тысячи стараний,
За их плечом смеялся воротник.

И во дворце, не знавшем о восторге,
На старых креслах выткали цветы,
И папы, утомленные от оргий,
Скучали в них, безгрешны и чисты.

А между тем, никем еще не встречен,
Трудом кистей, – под ищущим резцом,
Далекий Бог стал нежно-человечен,
И человек очнулся божеством.²

Возврат простых и грубых времен восславил не вослед ли мандельштамовским дворникам в тяжелых шубах в своем «Извозчике» Алексей Михайлов:

Рыжебородый, неуклюжий,
Глаза – видал ли голубей –
Ядрен, укушен зимней стужей,
Извозчик вышел из саней.

Морозной щелкнул рукавицей,
И вперевалку, длиннопол,
Медлительный и краснолицый,
В трактир облупленный вошел.

Там пред зазубренным прибором
Неторопливый вывел крест,
Взмахнул растрепанным пробормом,
Засел – и тяжек был присест.

Допив положенную пару,
Без шапки, кумача красней,
Вдруг вылез, облако угара
Пустив из визгнувших дверей.³

Стихотворения эти появились в журнале «Рудин», издававшемся семьей Рейснеров.

Далее Михайлова в восхищении неаппетитной красотой уличного персонажа пошел в том же журнале Виктор Тривус со своим «Стариком», тоже, быть может, навеянными отчасти мандельштамовским «разочарованным рабочим иль огорченным мотом» (еще один неуместный старик, тривусовский народник, подсказан народовольцем, «привратником на бойне городской» из зенкевичевского «Цветника»):

Ты сквозь черно-лиловый дым,
Всегда загадочный и строгий,
Бредешь по улицам пустым,
Едва переставляя ноги,

Бредешь настойчиво вперед,
Назойливой томимый астмой,
И на трясущийся живот
Глядят прохожие бесстрастно.

И только вечный дождь один
Тебя ласкает грузной лапой,
И космы тяжкие седин
Грязнеют под намокшей шляпой.

И спутанная борода
Пронизывается туманом...

.....

Как я люблю тебя тогда,
Охвачен восхищеньем странным!⁴

Два других стихотворения были посланы автором Ларисе Рейснер⁵ для невышедшего номера «Рудина». Одно (с указанием возможных вариантов на выбор редактора) обозначало подключение к карнаваль-ной традиции шутовского коронования:

Королю (Гротеск)

Жеманство брось! Нет, что там, просим, просим!
Один лишь ты из нас достоин трона...
Уже не в первый раз тебя возносим,
Фальстафа, Санчо иль Тримальхиона.

Пусть рот твой чавкающий неопрятен,
И в шляпе дыр семнадцать или боле,
И столько укусных и винных пятен
Сияют на ободранном камзоле!⁶

Но верноподданно любовниц пылких
Всех отдаем тебе, чтоб пальцем рыжим
Им щекотал подмышки и затылки,
Подчас спускаясь гораздо ниже,

И к лысине, сверкающей янтарно,⁷
Влюбленно розовые пальцы льнули,
А ты, глаза зажмурив благодарно,
Раскачиваешься на шатком стуле.

Смесь, потряхиваешь дряблым пузом,
И по усам сползают капли водки,
И кажутся коленям легким грузом
Четыре полновесные красотки.⁸

Когда ж лучи, скользнувши по откосам,
Проникнут сквозь истрепанные шторы,

Скользишь под стол, уткнувшись красным носом
В сапог тяжелый с оловянной шпорой.⁹

Восторженно мы крикнем: “Vivat! Vivat! ”,
Бутылки ввысь швыряя иступленно,
А ты с усмешкой царственно-ленивой
Нам свысока кивнешь, но благосклонно.

А второе стихотворение входит в ряд русской поэтической гогенианы первой трети XX века, начиная с Михаила Кузмина и вплоть до В. Луговского и И. Сельвинского¹⁰:

Таитянке

Ее бедра могли бы выдержать вес мира
П. Гогэн

Усмешку первобытных статуй
Хранят углы широких губ,
И ты стоишь, лицом к закату,
На озаренном берегу.

И грудь, пленявшая Гогэна,
Грузнее перевозанных глыб,
А бедра ношу всей вселенной
Свободно выдержать могли б.

Из камня высечены эти
Тугие плечи и живот,
Но ждет влюбленного Росетти
Ленивый и манящий рот.

И выкрашены в жирной саже
Смягчают, слившись в восемь кос,
Твою пленительную тяжесть
Струи тягучие волос.

Очарований много скрыто
Под солнцем неба твоего...
Но ты прекраснее всего,
Коричневая Афродита!

До «Рудина» одно стихотворение Тривуса (под псевдонимом “Victus”) было напечатано в «Новом журнале для всех»¹¹. Здесь выведен еще один старик, еще один осмеянный карнавальный король – непризнанный король современной поэзии:

К портрету Верлена,
что в Люксембургском музее,
работы Е. Каррье

Ты в дымной глубине утонул
И засыпаешь в темном плече
Под взгляды равнодушных людей
И голосов негромкий гул.

Но только ночью крылом усталым
Нагонит бархатный туман, –
Мятешься – пьяный Калибан –
По лунным и пустынным залам.

Портрет Верлена
работы Эжена Каррье
(ныне – Музей Орсе).

Наконец, шесть новейших стихотворений Тривуса появились в альманахе «Арион», составленном, вероятно, Всеволодом Рождественским в 1918 г. На них отозвался в газетной рецензии Гумилев, тоже один из источников вдохновения, тени и отблеск от стихов которого встречаются в опытах начинающего поэта (скажем, строка «уж разливающие чай»¹², отражающая «и этот голос, нежный и зловещий, уже читающий стихи»):

Стихи Виктора Тривуса напомнили мне несколько лет уже не печатавшегося Петра Потемкина. Может быть, больше серьезного чувства и меньше мастерства. Но то же стремление жить не в мгновениях и не в веках, а только в днях, та же дразнящая автобиографичность и наблюдательность, скорее беллетриста, чем поэта <...> ских рисунков, которые вовсе не имеют надобности быть грубыми, чтобы производить впечатление. Секрет их обаяния – отсутствие каких бы то ни было стилистических украшений и условно-поэтических образов. Как видите, все условия, которые не могут не порадовать читателя, так же как его радуют нескромные мемуары. Можно не интересоваться душой иного поэта, но жизнь всякая нам интересна, потому что в каждом из нас скрыт ненасытный зритель.

Кэт умерла в начале мая.
Ей было восемнадцать лет.
Как жаль! Прелестная такая,
Беспечная такая Кэт.

. . . . .
Кэт милая! В какие выси
Унесена твоя душа?
Должно быть, многие в Тифлисе
Твердили: “Жаль. Как хороша!”
Должно быть, многие вздыхали
В сухие ночи над Курой
И томик Лермонтова брали
В прогулки долгие с собой.¹³

Это была последняя прижизненная публикация Тривуса. Память о нем, поневоле скудную, донес до советского читателя Рождественский. Без сомнения, он составил справку о покойном приятеле для словаря современных писателей во второй половине 1920-х годов:

Тривус, Виктор Михайлович, поэт, род. в 1895 г. в СПб. в семье врача. С 1914 г. обучался на классическом отделении историко-филологического факультета СПб. университета. В 1917 г. призван на военную службу; окончив Петергофскую школу прапорщиков, был на фронте. В 1918 г. поступил в Красную армию, где достиг звания командира дивизии. В 1920 г. во время войны с Польшей пропал без вести. Впервые выступил в печати в журн. "Рудин" (Пг., 1916. Стихи). Участвовал в сборн. "Арион" (Пг., 1918. Цикл стихов) и др.¹⁴

И спустя тридцать лет писал о нем в мемуарах:

Широкоплечий, неладно скроенный, но крепко сшитый толстяк с мясистым потным лицом, с насмешливо и дерзко сверкающими глазами, балагур, весельчак, он нес в своем неуклюжем теле яростную, воинствующую страсть к поэзии. Карманы его засаленной тужурки всегда были набиты клочками бумаги, на которых он записывал "удачные строки". В поэзии Тривус провозглашал себя убежденным сторонником "прозаизма", беспрестанно цитируя любимых им французских поэтов Жюль Лафорга¹⁵ и Артюра Рэмбо в собственных грубоватых, но точных переводах. Из соотечественников он увлекался В. Нарбутом и М. Зенкевичем. Пафосом его жизни была "поэзия будней", все самое обычное, примелькавшееся, но очищенное "на огне поэтической речи". Наступил 1916 год. К этому времени большинство из нас уже носило серую шинель, а Тривус, окончивший школу прапорщиков, изнывал от скуки в каком-то захолустном гарнизоне, ожидая отправки на фронт. В сражениях он вел себя геройски и после Октябрьской революции остался в Красной Армии, всей душой полюбив военное дело. По слухам, он погиб на войне с белополяками, ведя свой эскадрон в атаку. Знавшие его любили в нем неистощимого весельчака, широкого и доброго человека. Но мало кому было понятно, что в нем жил темперамент подлинного поэта. Листки его многочисленных стихов рассеяны по дорогам и перепутьям гражданской войны.¹⁶

В последний раз критика писала о Тривусе, когда Глеб Струве, еще помнивший поэта в студенческой тужурке на заседаниях университетского кружка¹⁷, переиздал сборник «Арион» со своими пояснениями:

Острый, дерзкий, иронический Виктор Тривус, по слухам дослужившись в Красной армии до начдива, погиб во время советско-польский войны, – а в "Арионе" он шутил в "Дневнике Бухарского похода" 1918 года:

...Будет завтра чудный вид
На сады Святой Бухары,
Буду завтра я убит
Пулей из берданки старой.

Он непривычно прямо, без многозначительности описывает "злое имя Антонины / всех обольстительней имен", "любовь в солдатском вкусе", взвод-

ного, у которого “Разин, твой веселый прадед”, и даже “Заседание Совета солдатских и рабочих депутатов”, на котором “неистовствует пензенский Марат”. И прямым отзвуком эпохи звучит его “объяснение” факта лозунгов интернациональной революции в России:

Истории причудлива канва,
Побеждена необходимость злая...
И что все иностранные слова
Пред ощущеньем завтрашнего рая.¹⁸

Ныне хотелось бы несколько расширить представление о поэтическом лице Тривуса. В 1920-е гг. Рождественский одновременно с заметкой о покойном поэте переслал тексты нескольких неопубликованных его стихотворений сотруднику словаря современных писателей Д.С. Усову, а у того в свою очередь снял с них копии московский поэт и ревнитель петербургской стиховой культуры Лев Владимирович Горнунг, который и сообщил эти тексты нынешнему публикатору. Приведем эту подборку:

Бонн

Зеленый Рейн небыстро катит волны,
И камни набережной миром полны.

На гладких улицах людей немного,
И вьется в горы белая дорога!

Как хорошо при ветерке ленивом
Слегка скучать за золотистым пивом.

А после в диссертации умелой
Цитировать небрежно Кампанеллу –

Ведь все-таки милы, как ни суровы,
Юриспруденция, твои оковы.

Здесь, в полумраке утренних трактиров
Взмываются веселые рапиры,

И бьется медленно и неуклонно
Гуманистическое сердце Бонна.

Весна 1916 г.¹⁹

Павлу

Сухим лицом дегенерата
Владеет черная гроза,

И неподвижной, чем у статуи
Его стеклянные глаза.

Нетерпеливыми руками
Он оправляет свой парик.
Вертлявый, мстительный старик
Окаменел в тяжелой раме.

И взглядом душу не коверкай –
Ведь все равно потом холоп
Твой тяжкий и надменный лоб
Продавит твердой табакеркой!

Бахус

От исполненного страха
И пустой заботы дня
Позовет великий Бахус
Утомленного меня.
Он придет с большой бутылкой,
С вечно грузным животом,
И опять в беседе пылкой
Мы забудем обо всем.
Добрый Бог! Янтарной чаши
Сладки влажные края.
Раскраснелись лица наши,
Радость жаркую струя.
Я, презрев пространство, мирно
Под столом сижу, а он
Лик обмахивает жирный,
Влагой нежной упоен.

*Sed tu, Catulle, destinatus obdura...*²⁰

Cat.

Монах влюбленный, вечер черный
К коленям города приник,
И в лифте грузном неprovорном
Уплыл твой белый воротник.
Уже слабеет, замирая,
Многоголосых улиц гул,
А я бессильно повторяю:
“Катулл, будь тверд! Будь тверд, Катулл”.

Жиль-Блаз

Ты стал фортуны неустанным
И верным спутником, Жиль-Блаз,
Приняв ее лицом румяным
И блеском плутоватых глаз.
Ты нищим был еще давно ли,
А ныне, с грустью незнаком,
Трясешь веселые пистолы
В узорном кошельке своем.
Забыты подземелье, крысы
И ран запекшая кровь,
И знаменитейшей актрисы
Доступна пылкая любовь.
Пусть спутницы язык нескромный
Встревожит подозрений сон,
Ты канцелярий пылью темной
От правосудья огражден.
А если часом несчастливым
Изменит вдруг удача – что, ж! –
Опять циркульником болтливым
По свету странствовать пойдешь

И, поборов остатки страха,
Под факелов неровный свет
Ограбишь жирного монаха,
К груди приставив пистолет.

Зачем грустить? Бывает хуже.
Так смейся и люби, пока
Тебя не вывела наружу
Жандарма цепкая рука.

1915.

Утро

Под резкими лучами скатерть
Так ослепительно бела,
И ты вошла, оправив платье,
И молча села у стола.

И вот привычною рукою,
Слегка откинув кисею,
Ты мажешь масло золотое
На булку рыхлую свою.

На сыре, влажном и янтарном,
Прозрачна редкая слеза,
А тихие твои глаза
Расширены и лучезарны.

Какая странная утеха –
Забыв о ночи и тоске,
Узнать, что вечно тот же Чехов,
Излюбленный, в твоей руке.

И сквозь душистый пар от кофе
Смотреть с покорностью простой
На твой, слегка склоненный, профиль
И рот – неизъяснимо твой!

И солнечные ярче нити,
И в окнах больше синевы,
Когда ты мирно скажешь: “Витя,
Когда сегодня встали Вы?”

Весна 1916 г.²¹

Народник

Одет изысканно и просто,
Седые кудри вплоть до плеч,
Вчера у Троицкого моста
Он показал степенно “Речь”.

Стоял с достоинством угрюмым,
Народный созерцая Дом,
В жестокую поникнув думу
Увы – о Земстве Волостном.

Пред жизнью жесткой не ответчик,
А властный и сухой истец,
Он важно говорил: “Газетчик,
Шестой державы ловкий жрец,

Ублюдок пролетариата,
Продукт культуры городской,
Насвистывая ‘Травиату’,
Ты веселишься день-деньской,

А там ‘во глубине России’
В ночь мерзлую и в пыльный день
Ждут вековечного Мессию
Стада убогих деревень.

Глас вопиющего в пустыне,
Увы – бессилен голос мой!
Так плачет мать о милом сыне
В бессмысленности роковой”.

Молчало все в унылом зное,
Лишь старческого сердца стук
Корректный заглушал сюртук
Провинциального покроя.

Февраль 1917 г.

Как нетрудно заметить, в стихах университетского поэта отразились волны тематических мод 1910-х гг. Задержимся, например, на дважды появившемся в нем «лифте». Эта примета урбанистического комфорта, входившая в «новые городские элементы, которых не знали поэты прошлого»²², поминалась часто футуристами, и в сознании И. Бунина слилась с поэзией северянинского уклона, в «Старухе» у него «притворялся поэтом лакей, певший свои стихи о лифтах, графинях, автомобилях и ананасах». Семейный контакт с мировой вертикалью приглянулся В. Шершеневичу, охочему «взлифтиться» и взявшему для одной поэмы сюжет об оборвавшемся подъемнике²³, в «Закатных лебедях» Г. Шенгели несся на двенадцатый этаж в мягко вздрагивающем лифте с зеркалами отшлифованными²⁴, и другие футуристующие пели хвалы растянутому мгновению:

Ни одно животное в зверинце
Не имеет такой странной клетки,
Какую имею я,
Поднимаясь в лифте.

Блестящие прутья,
Полированное дерево, зеркала, –
А, главное, через минуту
Я буду свободен.²⁵

Подводя итоги десятилетию лифтолюбия, О. Мандельштам писал в 1922 г.: «Любой швейцар старого московского дома с лифтом и центральным отоплением культурнее имажиниста, который никак не может привыкнуть к лифту и пропеллеру»²⁶.

Другой пример моды 1910-х гг.: пересказанный на манер мандельштамовских стихотворений «Аббат» и «В таверне воровская шайка...» Ален Рене Лесаж²⁷, одним из насадителей культа которого был Кузмин – и стихами в «Глиняных голубках»:

Какая рампа, что за рама
Нам расцветет на этот раз:

Испанская ли мелодрама
Иль воровской роман Жиль-Блаз? –

перекликающимися с предчувствиями Всеволода Князева:

А мне в зеленом доломане, –
Что делать мне? Лишь смерти ждать,
И на “Жильблаз де Сантилане” –
Романе, как сейчас, гадать?

и вступлением к «Шведским перчаткам»: «...дальних родственников Юркуна можно искать в Лесаже, Стерне и Диккенсе»²⁸. На этом пока остановимся, не теряя надежд на обнаружение листков, рассеянных по перепутьям смутных лет, о которых говорил Рождественский.

¹ О «Кружке поэтов» см. аккуратную справку Манфреда Шрубы: Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 83. См. также цитату из неопубликованных воспоминаний Вс. Рождественского: «Университетский кружок наш разросся. Никаких поэтических студий” в то время еще не существовало, обезличивающей прививки общего для всех “хорошего эстетического тона” мы так и не знали, а потому рост был органически-неровный, живой. Стали собираться каждую неделю, кочевать с Волховского переулка на Моховую, с Моховой на Загородный, с Загородного на 1-ую линию. Ядро составляли мы с Георгием Масловым, Виктор Тривус, Анна Регатт, Ник. Оцуп. В самом непродолжительном времени к нам, никому не ведомым, примкнули такие же никому не ведомые: Кальма, Квятковский, Ал. Толмачев, Сергей Есенин, Лариса Рейснер, Дм. Майзельс, Алексей Михайлов, Вл. Злобин, М. Лопатто, Ал. Тамамшев, Ник. Адуев, Чролли, Пимен Карпов и др. Полтора или два года мы жили в непрерывном общении друг с другом, и это время, знаю твердо, не миновало бесследно для всех, кто вышел сейчас на самостоятельную литературную тропинку» (Богомоллов Н. Проект «Акмеизм» // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 176). Ср. в автобиографическом эпосе Николая Оцуца:

Петербург... Студенческий кружок.
Злобин, и прекрасная Ларисса,
И Винавер, юный, а знаток
Стилей, и классическая крыса
N, и Маслов (горько, что убит
На заре своей певец Авроры),
И Рождественский – земляк, пиит
Царскосельский (вместе коридоры
Гимназические, вместе «Цех»),
Даровитый, а скромнее всех,
Нежный и мечтательный попович...

(Оцуп Н. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания о писателях. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 285-286; N – видимо, сам Н.Оцуп).

² Злобин В. Ренессанс // Рудин. 1916. № 4. С. 2.

³ Михайлов А. Извозчик // Рудин. 1916. № 5. С. 4. Сведения об этом авторе после 1917 г. теряются. Его стихи см.: Ежемесячный журнал. 1916. № 9-10. Его письма имеются в архиве Л.М. Рейснер (ОР РГБ). Предположительно он – Алексей Семенович Михайлов, который в 1914 г. присылал стихи в редакцию журнала «Гиперборей» (Архив М.Л. Лозинского).

⁴ Рудин. 1916. № 4. С. 8.

- ⁵ РГБ. Ф. 245 (Л.Рейснер). Карт. 10. Д. 41. Л. 2.
- ⁶ Вариант: *на коричневом*
- ⁷ Вариант: *Чтоб к лысине*
- ⁸ Вариант: *полнотелые*
- ⁹ Вариант: *с деревянной*
- ¹⁰ См., например: Шехтман И. Корабли: Лирика. [Ханская ставка], 1919. С. 11; Лопатто М. Круглый стол: Стихи. Пг.; Одесса, 1919. С. 73-74 (стихотворение «Завтра» с эпиграфом «Ию орана Хина. Гоген»); Пивоваров Л. Полотно Гогена // Звенья: Лит.-худ. сб. Ставрополь, 1921. С. 5; Орлов Вл. Дым от костра. Л., 1988. С. 18 (стихотворение 1926 г.); Иващенко М. Этюды 1921-23. Л., 1926. С. 9; Софронова А.Ф. Записки независимой. Дневники. Письма. Воспоминания / Сост. И. Евстафьева, А. Лейкин. М., 2001. С. 245. Ср.: «Когда пылают вечерние зори / В небе чешуйчатом, как хвосты сирен, / Ствол березы чернеет, как цикорий. / И я вспоминаю об островах Маори, / Тех самых, где жил Гоген» (Инбер В. Путешествие на тропики // Вечера (Париж). 1914. № 1.С. 18). Ср. также: «...от скуки, как Гоген, иль как Рембо от злости, / уехать в Бухару иль в золотой Аннам / за солнцем, опием или слоновой костью» (Шишов И. «Забыть твой чистый взор...» // Вторники. № 1. М., 1923. С. 19). См. к этой теме: Бобилевич Г. Поль Гоген в русской культуре рубежа XIX-XX вв. // *Sine arte, nihil*. Сборник научных трудов в дар профессору Миливое Йовановичу. Белград; М., 2002. Пародию В. Рождественского на «Таитянку» см. в альманахе «Кружка поэтов» (РГБ. Ф. 245. К. 11. Ед. хр. 50).
- ¹¹ Новый журнал для всех. 1915. № 9. С. 3. Потом Тривус дал это стихотворение в машинописный альманах Кружка поэтов – в № 3, единственный известный нам (сохранился в бумагах Л. Рейснер).
- ¹² См. стихотворение В.Тривуса, посмертно опубликованное Вс. Рождественским (Литературные вечера. Вечер первый. Пг., 1923. С. 25):
- В передней, горничною встречен
И сняв тяжелое пальто,
Вступаешь в буржуазный вечер,
В объятья флирта и лото.
- И хвалишь все: варенье, сайки,
И комнат чистоплотный рай,
И руки белые хозяйки,
Уж разливающие чай.
- Тебе заметно, как со стула,
В накуренную канув даль,
Как дуновенье соскользнула
Ее кашмировая шаль.
- Как шахматных хитросплетений
Неистошимый Талейран
В пылу игрушечных сражений
Преследует тончайший план;
- Как лед классических идиллий,
Увы – политикой согрет.
Пора. И в старосветском стиле
На завтра просят на обед.
- ¹³ Гумилев Н. «Орион» <sic!> // Жизнь искусства. 1918. 1 ноября; Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 209-210; купюра означает ошибку в газетном наборе (впрочем, и в названии альманаха допущена опечатка); но стихи имеют свою судьбу, и

- в недавней книге (Коваленко С. Анна Ахматова. М., 2009. С. 104) авторство цитируемых строк Тривуса (приведенных с опиской) по ошибке приписано Гумилеву.
- ¹⁴ Писатели современной эпохи: Библиографический словарь. Т. 2. Книга подг. к печати Н.А. Богомоловым. М., 1995. С. 196-197.
- ¹⁵ О русском лафorgiaнстве см., например: Тименчик Р. Из Именного указателя к записным книжкам Ахматовой // На меже меж Голосом и Эхом: Сб. статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 331-346; Иванов Вяч. Вс. К истории поэтики Пастернака футуристического периода // Там же. С. 20-22.
- ¹⁶ Рождественский В.А. Страницы жизни // Звезда. 1958. № 12. С. 121.
- ¹⁷ Струве Г. К истории русской поэзии 1910-х-начала 1920-х годов. (= Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 1 / Berkeley Slavic Specialties). Berkeley, 1979. P. 21.
- ¹⁸ Андреев Н. Поверх барьеров // Русская мысль (Париж).1980. 11 сентября.
- ¹⁹ Чтобы предотвратить безрезультатные поиски, должны сообщить, что по справке архивариуса Боннского университета д-ра Томаса Бекера, Виктор Тривус там в студентах не числился. Первоначальный вариант стих. «Бонн» был поднесен автором Ю.Г. Оксману 1 мая 1916 г. (РГАЛИ. Ф. 2667. Оп. 1. Ед. хр. 1333).
- ²⁰ В оригинале, в финале восьмого стихотворения Катюлла: "At tu, Catulle, destinatus obdura" (в переводе С. Шервинского: «А ты, Катюлла, терпи! Пребудь, Катюлла, твердым!»). Вс. Рождественский в письмах к Д.С.Усову вспоминал, что этот «Фальстаф с толстыми пальцами и нежной душой <...> чтит Овидия и Катюлла» (Частное собрание).
- ²¹ Стихотворение было напечатано Рождественским в альманахе «Литературные вечера» (с. 24).
- ²² Маяковский В. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Т. 1: 1912–1917. М., 1955. С. 453. Лифт возникает среди прочих удобств в сопровождении разорванной рифмы у Маяковского в «Из улицы в улицу»: «Мы завоеваны! Ванны. Души. Лифт. Лиф души расстегнули».
- ²³ Шершеневич В. Автомобилья поступь: Лирика (1913–1915). М., 1916. С. 13.
- ²⁴ Стихотворение Шенгели «Закатные лебеди» см. в нескольких изданиях книги М.Л. Гаспарова «Русский стих начала XX века в комментариях».
- ²⁵ Погодин П. Стихи. СПб., 1913. С. 44.
- ²⁶ Мандельштам О. Письмо о русской поэзии // Советский Юг (Ростов на Дону). 1922. 21 января.
- ²⁷ Ср.: «Я ваш, томов тисненные названья – / Шамполион, Флоренский и Лесаж...» (Голлербах Э. Памяти В.В.Розанова // Спалохи (Берлин).1922. № 7. С. 1).
- ²⁸ Кузмин М. Проза и эссеистика: в 3 тт. Т. 3 / Сост. Е.Г. Домогацкой, Е.А. Певак. М., 2000. С. 486. Про веяние Лесажа Петр Потемкин повторил в своей рецензии на роман (Бюллетени литературы и жизни. 1915. № 11. Стб. 287).

2. АКМЕИСТ И НЕОКЛАССИК

Проблема соотношения двух обозначенных в заглавии феноменов восточнославянской поэзии, надо полагать, станет еще предметом подробного обследования. В критике она была зафиксирована уже в 1920-е гг.¹ Здесь мы бы хотели напомнить эпизод из предыстории этого межкультурного диалога – отзыв сначала русского, а потом

украинского поэта Павла Петровича Филипповича (лит. псевдоним *Зорев*; 1891–1937) о мандельштамовском «Камне», напечатанный в Саратове, где Филиппович находился в эвакуации с Киевским университетом:

О. Мандельштам начал с напевов тихих, нежных и простых – “за радость тихую – дышать и жить, кого, скажите, мне благодарить...”, “нежнее нежного лицо твое...”, “я так же беден, как природа, и так же прост, как небеса...”. Поэт жалеет, “отчего душа так певуча и так мало милых имен”, думает: “может, мне всего дороже тонкий крест и тайный путь”. В этот период написано О. Мандельштамом одно из лучших его стихотворений:

Смутно дышащими листьями
Черный ветер шелестит,
И трепещущая ласточка
В темном небе крут чертит.

Тихо спорят в сердце ласковом
Умирающем моем
Наступающие сумерки
С догорающим лучом.

И над лесом вечереющим
Стала медная луна.
Отчего так мало музыки
И такая тишина?

Но постепенно искренность и нежность покидают О. Мандельштама, решившего: “из тяжести недоброй и я когда-нибудь прекрасное создам». Наряду с удачными, меткими по наблюдательности жанровыми мотивами (“Петербургские строфы”, “Лютеранин” и др.) начинают встречаться у поэта стихи торжественно-риторические, полные высокопарного пафоса:

Неправильно возложена опала
На автора возвышенных стихов,

– заявляет Мандельштам, вспоминая, как после “жалкого Сумарокова”, пролепетавшего “заученную роль” – “у нас цвела торжественная боль», и так заканчивает стихотворение:

...для меня явленье Озерова
Последний луч трагической зари

В последнем стихотворении сборника поэт сожалеет:

Я не увижу знаменитой “Федры”
В старинном многоярусном театре...
Я опоздал на празднество Расина!

В другом месте он следующими строками заканчивает стихотворение “Ахматова” –

Так негодующая Федра –
Стояла некогда Рашель.

Попытка оживить образы, пленявшие когда-то нео-классиков (или ложно-классиков, как обычно говорят) сопровождается у О.Мандельштама исканием стилистических прозаизмов. Он все чаще употребляет церковнославянизмы. – “Поговорим о Риме – дивный град!“. “Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный...“. И если иногда досадны и неприятны рассудочность и риторизм позднейших стихов О.Мандельштама, то несомненное достоинство их – строгая “классическая” правильность построения, архитектурность. Это особенно заметно после того, как закончился период нашего нео-романтизма, чуждого отчетливости, ясности, правильности линий.²

¹ Ср., например: «Не минов «неокласиків» і російський акмеїзм: “Камень” О. Мандельштама, “Вечер” і “Четки” Ахматової, маніфест Городецького, як і Гумільовські огляди російської поезії в “Аполлоні” безперечно сприймалися їми. Стаття В. Жирмунського про поетів, “преодолевших символизм” (“Русская” Мысль”, 1916) спалася з їх власним вибором межі обома течіями» (Зеров М. Українське письменство. Київ, 2003. С. 540). Ср. также замечание о том, что Филиппович тянет свою нить от Мандельштама и Анненского (Савченко Я. Українська неокласика // Більшовик (Київ). 1923. 13 вересня; со-общено П.Е. Поберезкиной). О принадлежности П. Зорева-Филипповича к киевскому кружку адептов И. Анненского см.: Тименчик Р. Поэзия И. Анненского в читательской среде 1910-х годов // Блоковский сборник. VI. Тарту, 1985. С. 106.

² Зеров П. Новинки русской поэзии // Саратовский вестник. 1916. 10 марта. Сообщение о совместном визите Филипповича и Мандельштама к М. Драй-Хмаре нуждается в дополнительной проверке, поскольку в том же источнике содержится еще более настаораживающее сообщение о визитах М. Драй-Хмары к Блоку «на чай» (Ашер О. Передмова // Драй-Хмара Михайло. Літературно-наукова спадщина. Київ, 2002. С. 24).

3. ИЗ КЛАССА ГУМИЛЕВА

К молодым стихотворцам второго из трех призывов поэтических воспитанников Гумилева относилась Маргарита Тумповская, член Второго Цеха поэтов¹. Их познакомила поэтесса Мария Лёвберг в ноябре 1915 г. на вечере стихов в Петроградском университете², вскоре они стали близки³, и мы не можем отвести Гумилева как возможного адресата ее неопубликованного и недатированного стихотворения, где узнается открывшееся в апреле 1916 г. кабаре «Привал комедиантов», посетительницей которого бывала Тумповская⁴, как и Гумилев⁵:

Вдоль черных стен, оплыв, мигают свечи,
Свинцовый чад в подвале расписном.
Внезапных рифм пронзительные встречи,
Кристаллы строф над пролитым вином,
И ты... ты здесь. Но тут пестро и людно...
Спокойный друг, неправда ли, как трудно
Друг к другу, веки слабые поднять,
Одно из всех, облаканное имя

Произнести устами ледяными,
 Соединить ладони... и разнять...
 Я узнаю его, твой холод жгучий,
 Томительней и сладостней огня,
 Которым ты беспечную, меня,
 Негаданный, негаданно измучил
 И упоил, тоски не утоля...
 На краткий миг скрестились наши взоры...
 Темней вино и глуше разговоры,
 Но ты умолк. А где-то там, поля
 Смертельные студеностью покровя
 Тебя зовут, и завтра в этот час
 Из рук своих, заласканную, снова
 Ты выпустишь меня, как столько раз...
 И ты уйдешь, бесстрашный и свободный
 Опять туда, где, сквозь туман холодный,
 Трещат во мгле ружейные огни,
 Где ночи хитры и безумны дни,
 Искать иной, воительной оправы
 Для творчества своей любви и славы.⁶

Мага Тумповская.

Ее стихотворения просматривались Гумилевым, – в единственном сохранившемся письме Гумилева к Тумповской из действующей армии от 5 мая 1916 г. говорится:

Мага моя,

я вам не писал так долго, потому что все думал эвакуироваться и увидеться; но теперь я чувствую себя лучше и, кажется, остаюсь в полку на все лето.

Мы не сражаемся и скучаем, я в особенности. Читаю “Исповедь” блаженного Августина и думаю о моем главном искушении, которого не побороть, о Вас. Помните у Нитше – “в уединении растет то, что каждый в него вносит”. Так и мое чувство. Вы действительно удивительная, и я это с каждым днем узнаю все больше и больше. Напишите мне. Присылайте новые стихи. Я ничего не пишу, и мне кажется странным, как это пишут.⁷

Гумилев был не первым литературным знакомым Тумповской. 25 апреля 1916 г. Блок пометил в своей записной книжке: «Обедал у нас Ал. Ив. Тиняков – он стоит пятидесяти Левберг и Тумповских, которых зовет к себе З.Н. Гиппиус»⁸. Ранее Блок получил от нее письмо, на которое решил не отвечать, пренебрегши забавной импровизацией вундеркинда, неудивительным образом напоминающей стилистику будущих береутов:

14 февраля 1914

Многоуважаемый Александр Александрович,

Может быть, Вам будет интересно прочесть стихи моего восьмилетнего племянника, написанные под непосредственным впечатленье<м> Ваших стихов. Мой племянник считает Вас своим любимым поэтом. Мне случилось находить у него утром под подушкой сборник «Нечаянной Радости».

Посылаю Вам эти стихи, сохраняя их первоначальную орфографию.
Остаюсь с уважением

М. Тумповская

Вот настал вечерок
Ходит кругом меня мой спутник
Александр Блок
Мы собрались сюда
Чтоб сочинять стихи
Вдруг раздался крик
Хи-хи-хи-хи!
Тут товарищ мой присел
И сказал
Я разумел
Это совушка кричит
Из-под зелени раки
Вдруг раздался голос
Вы здесь!
Кто тут!
Мы испугались.
Побежали
И вдруг мы видим
Идет воинов рать
Я оглянулся и услышал
Голос няни
Пора вставать – пора вставать
Даня Арманд.⁹

Впоследствии, в 1919 г., Блок отверг ее стихи для одного из петроградских альманахов¹⁰.

Дружба с Гумилевым привела к знакомству с М.Л. Лозинским¹¹, в ту пору – секретарем журнала «Аполлон», который писал редактору журнала С.К. Маковскому 8 февраля 1916 г.: «Предлагаю Вашему благосклонному вниманию стихи М. Тумповской, которая в будущем, можно надеяться, будет писать вполне хорошие стихи»¹². Лозинскому было посвящен напечатанный в «Аполлоне» (без посвящения) стихотворный триптих «Три царя», и поправки в журнале, вероятно, демонстрируют нам редакторские предпочтения Лозинского (вместо «И его гордынею земной» – «И его – развратом и мечом», вместо «Но в эти заветные клады» – «Но в эти горящие клады»):

1

Еще донныне краски не угасти
В творениях великих мастеров.
Я узнаю сияющие ясли,
Седой Иосиф, как младенец, счастлив,
А Иисус задумчив и суров.

К нему леса свои простерли недра,
Над ним бесменно зарево денниц,
И внятен зов полуденного ветра,
И шелест пинии, и ропот кедра,
И голоса новорожденных птиц.

И, как во дни творения, невинен
И ясен мир. Еще не спят стада;
Еще Мария не скорбит о сыне...
Но близок час: во рдяные пустыни
Уже вошла горящая звезда.

2

Было в старом мире три земли,
Было в темном мире три царя,
И цвели, как лилии в реке,
В непроглядном мире их венцы.

А вокруг сияющих венцов
Распускались храмы и дворцы,
Но превыше храмов и дворцов
Возносился семиглавый Грех.

И ему в угоду по ночам
Стали люди не гасить огней,
И бесстыдной песнью по ночам
Подымать из логова пантер.

И его гордынею земной
Прославляло в мире три царя.
Но пришла багряная звезда
И в пустыни увела царей.

3

Как мантия павшего бога
Пустыня легла на пути.
Над миром глухая тревога,
Неведомый бог впереди.

Тот бог, – он людьми неразгадан,
О нем повествует звезда,
Но в эти заветные клады
Излили свой мед города.

И эти заветные клады
Для бога цари сберегли.
Пахучую смирну и ладан,
И золото из дебрей земли.

И бог те дары не отринет,
Он юн, величав и могуч,
К нему, через лоно пустыни,
Звезда простирает свой луч.

А где-то предел уготован,
Священный и страшный порог
Великого царства земного,
Где спит неразгаданный бог.

Влияние его поэтики¹³ на стихи Тумповской, начиная с 1916 г., – очевидно, достаточно указать на форсированную архаизацию. Поворот ее к религиозным темам вторил эволюции интересов Гумилева (Тумповская была одним из информантов записи П.Н. Лукницкого: «Осенью и зимой 1915–1916 гг. читает “Столп и утверждение истины” Флоренского, “Добротолюбие” и ряд книг религиозного содержания»¹⁴).

Под сдвоенным воздействием обоих мэтров находятся неопубликованные стихи М. Тумповской 1916–22 гг., которые приводятся ниже. Тексты хранились у ее дочери Марьяны Львовны Гордон-Козыревой (1928–2004) и были переданы ею первому публикатору литературного наследия Тумповской – Ирине Геннадиевне Кравцовой, которую благодарим за предоставление их для публикации.

Благословеньем бед и славы
Одна из всех осенена,
Когда-то лилией кровавой
Цвела великая страна.

И в ту страну, скорбя и веря,
Сошел властительный поэт,
Чтоб имя Данте Алигьери
Цвело, как творческий завет.

Благословен источник дивный,
Где все миры отражены,
И трубит страсть в свой рог призывный
И плещут крылья тишины.

Марии Левберг

О торжестве души властолюбивой,
О тайне сил, о праздниках земли,
О были царств, пленительной и лживой
Мы разговор под сумерки веди.
В октябрьской мгле, блестя, синели стекла,
На темном бархате цепочка блекла,

И папиросы тлеющий огонь
Бросал лучи на тонкую ладонь.

Одно, одно... и слаще нет на свете,
Чем эту боль разгадывать вдвоем,
И в глубину утраченных столетий
Впивать глаза, как в темный водоем.
Ты так бледна... Над этой шеей тонкой
Еще щека кругла, как у ребенка,
А я, а я и смуглого узла
Из длинных кос своих не заплела.

Сегодня день был пасмурен и долог.
Теперь темно. Задернем желтый полог.

* * *

И снова ищет взор студеной синевы
Над порванной парчой кленового навеса,
А грудь еще дрожит от вздыханий леса,
Где клены старые, дряхлеющие львы,
Шевелят гривую проржавленную листву.

* * *

Уже с высот закат качнул крылом багровым,
Смуглеет белизна лоснящихся торцов,
Стихает скучный гул звучаний и цветов,
И вновь отвесы стен спокойны и суровы,
И в глубине зыбей свинцовых
Темнеют тени трех мостов.

Еще вдали гудит глухая поступь мира...
Еще бессветен мрак, еще беззвучна лира.

Песнь о Иерусалиме

Пылает в сотах червонный мед,
Сияет град Иерусалим.
Блаженны соты, чей сладок мед,
Священно лоно моей земли.

Уже ничто не прельстит очей
Того, кто зрел Иерусалим.

Навеки пламень его очей
Пребудет в мире неутолим.

Тесьмой узорной зубчатых врат
Перепоясан священный град.

Звезда Давида его хранит,
Сжимает чресла его гранит.

И до сандалий от львиных плеч
Рекою белой стекает меч.

И бурый камень его рамен
Тенистой мантией удручен,

На ней узором сплелись сады,
Сияя взорам, зажглись плоды,

И меж столыстых, широких звезд,
Раскинул диски павлиний хвост.

Моря индейские посети,
Власы смолистые расплети,

Изведай жемчуг на дне морей,
Исчисли кольца тугих кудрей,

И, если жемчуг необозрим,
И, если кудри неисчислимы,
Неисчислим и необозрим
И сонм чудес Иерусалима...

2

И Иудея прияла весть:
Могучий алчет свой град вознесть,

Тиару ему готовит в дар,
Прекраснейшую из всех тиар.

И глас велений был нами внят,
И заалелось руно ягнят,

И с горных пастбищ, на дно долин,
На дальний зов Иерусалима,
Золотозмейным кольцом долин
Стада послушные привели мы.

И из сладчайших сладчайший час
В нетленной славе сошел на нас.

И был то полдень: и свет, и зной,
И рденье праха, и зов земной.

И медоносный хмельной простор
В глубокой розе багряных гор,

И он, венчаный, и жрец, и царь,
Чей меч вонзился в сухую ярь,

Чья из Везефы на Силоам
Влачится мантия по холмам,

И пояс-диво, и щит-звезда,
И плотью силен, и плоть – чиста.

Лети, о, песня, через моря,
Во благовестье воспой царя,

Прославь на Запад и на Восток
Его тиары литой чертог,

Греми пустыне, вещай горам:
Царя отныне венчает храм.

О яром полдне сладчайший час
В нетленной ризе сошел на нас,

Огнивом в сердце сошел восторг,
И пламя высек, и стон исторг,

А в небе горы сомкнули грань,
Венчаясь чашей неопалимой,
И миг единый парила длань
Над головой Иерусалима...

3

Вскипают соты по белый край,
Ликует царь Иерусалим:
Четыре ветра из края в край
О нем хваления разнесли.

К нему граниты подъяли зов,
Томясь томленьем неисцелимым.
Плывет по водам великий зов,
И дышет твердь Иерусалимом,

И тоскованьем опалена,
Клубясь, по миру идет волна,

Благословенные до времен
Стада Господних идут племен,

И плеск, и пенье, и звон, и вздох,
И слава в землях, и славен Бог.

Не пена ль, Боже, Кедронских вод
Во многоречьях Твоих плывет?

Сион ли, Боже, грядой чудес
Зацвел во славе Твоих небес,

И, стройный, к солнцу направил ствол
И розой солнца, багрясь, зацвел...

Уйдем. Ничто не прельстит очей
Того, кто зрел Иерусалим.
Навеки пламень твоих очей
Теперь пребудет неутолим.

Уж не приклоним нигде главы,
И твердь алканием прокалим...
Да славит имя Иеговы
Грядущий в мир Иерусалим...

Петербург. 1918.

Каменная звезда (Обитель "Новый Иерусалим")

Плывут, плывут, торжественные шумы,
Всплывает зов разбуженных времен,
И в той груди, где глухо бились думы,
Теперь, гудя, колышется трезвон.

На языке чужом, но с детства внятном
Он мне про звон иной благовестит,
Что оживает в вихре благодатном,
Когда душа смолкает и горит.

2

Чей знак возликовал над белою державой:
Не твой ли кроткий меч, тишайший из царей,
Или твой буйный крест, о, пастырь величавый,
Венчанный иерей.

3

И так светлы речные недра,
И так глубоки небеса...
Скажи мне: сосны или кедры
Сливают в благовесте щедром
Свои лесные голоса.

И чьи людские – распевают
Во храме царские псалмы.
Чьи внуки праотцам внимают,
Пока денницы уплывают
За Элеонские холмы.

4

Не лебединое крыло
На зыби темной и дремучей,
Животворящее легло.

То не над бездною палочей
Архистратига белый щит
Плененный сумрак сторожит,

То над расплавленной тучей
Зажглись святые пелены
Иерусалимския стены.

5

Зеленый, зеленый дым
Клубящихся противоречий
Березы, белые свечи
Проникли строем святым.

Не всем, не всем дано узнать об этом, –
Но, знающий, в сознание заключи,
Что в самом деле страшно быть поэтом,
Принять во власть беззвучные ключи.

Скучает стих, – судьба заждалась знака,
Вскипает стих, разливен и зыбуч,
Подумала, – а там замок прозвякал,
Промолвила, – и повернулся ключ.

О, если б нам неведомые дали
Раскрылись вдруг среди разъятых стен,
Не мало б мы хореем увидали
И дактилем рожденных перемен...

Ведь оттого, что образ безымянный
Я много раз звала из темноты,
Быстрее твой конь летит во тьме тумана
И зорче вдаль впиваешь взоры ты.

Закаты

*Ю.Ф. Львовой*¹⁵

I

Уже золотой иконостас
Зажжен на небе осиянном.
Благословен вечерний час,
Зовущий солнце к океанам.

Перед молитвенной толпой
Благочестивого народа
Не царь ли медленной стопой
Вступает в медленные воды.

II

Закатным заревом зари
Порозовели опахала,
Извергло море янтари,
И пена розы разметала.

Должно быть, в славе небывалой
Над миром шествуют цари.

1920

Во глуби чащ

По омраченной просини небес,
Вдоль бурых туч метнулись дико клены.
Смугляют мхи. Широко дышит лес

И плещет тьмой, и ждет, неутоленный,
Грозы живой. А там, во глуби чащ,
Аж дрогнул лист, и бьется хвощ зеленый

О мшистый пень. И темнозвездный плащ,
Игрою сил взмываемый до тучи,
Колышется, обширен и блестящ.

Гроза растет. Густеет строй созвучий,
Кренятся вкось упругие стволы,
И с их ветвей, медлительный, зыбучий,

Стекает лист на травы и узлы
Глухих корней. И вижу: раздвигая
Листву дерев, из обожженной мглы

Выходит отрок. Влажная, нагая
Трепещет грудь. Спокойный верен шаг.
В руке пила. Трепещет сталь тугая.

И я гляжу в бездумный, теплый мрак
Его очей. Но дрогнули ресницы...
Кому и кем неявный подан знак?

В дупле сосны блеснули очи птицы,
И в глубине недвижных облаков
Раскрылся свет, студеный свет зарницы.

О, гул листвы, многоголосый зов
Глуши лесной, во звук преображенной,
Тоскующей о тайне звучных слов...

Ты слышишь все. В тоске настороженной
Ты голову, как одичалый лось,
Закинул вверх, к пустыне омраченной,

Куда звучанье ветра излилось?..
Твой сомкнут рот. Молчание сурово
Томит твой дух. Ты бледен. Началось...

Свершается. В тебе трепещет Слово.

1921

Где мне искать Тебя? Бесчисленностью риз,
Движений, форм, цветов, имен и начертаний
Ты окружил себя... Как из глухих скитаний
По высям светлых гор стада влекутся вниз,

Во мглу долинную, – так от видений славы
Мой утомленный взор склоняется к земле.
Смутлеют небеса. В благословенной мгле
Стада утихшие смиренно лижут травы.

.....
Где мне искать Тебя? Когда далекой встречи
Займется первый свет? Ни звука. Тишина.
И в тишине ответ: Когда себе на плечи
Мои возьмешь ты бремена.

1922

- ¹ О Втором Цехе поэтов см.: Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов: Словарь. С. 258-259. О М.М. Тумповской (1891–1942) см.: Кравцова И. Маргарита Тумповская // Сумерки (Ленинград). 1990. № 10. С. 120-122 (там же публикация ее мистери «Дон Хуан» 1934 г.); Козырева М. Маргарита Марьяновна Тумповская. Лев Семенович Гордон // Сумерки. 1990-91. № 11. С. 151-155; Козырева М. Из цикла «Портреты» // Звезда. 1997. № 6. С. 52-66; Сто одна поэтесса серебряного века. Сост. и биогр. статьи М.Л. Гаспаров, О.Б. Кушлина, Т.Л. Никольская. СПб., 2000. С. 199-200; Рубинчик О.Е. Das Ewig-Weibliche в советском аду // Toronto Slavic Quarterly. 2005. № 27; Наше наследие. 2004. № 71. С. 107-129.
- ² Лукницкая В. Любовник. Рыцарь. Летописец: (Три сенсации из Серебряного века). СПб., 2005. С. 254; ср.: «1916. Начало года – весна. Близкое знакомство с М.М. Тумповской. Бывает у нее. [Источники информации:] М.М. Тумповская, М.Л. Лозинский, А.А. Ахматова и др.» (Там же. С. 258). О Марии Евгеньевне Левберг (1894–1934) см. статью О. Кушлиной: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 302.
- ³ Ср. ее рассказ: «Когда, наконец, добиваться уж больше было нечего, он облегченно вздохнул и сказал: “Надоело ухаживать”» (Мочалова О. Голоса Серебряного века. Поэт о поэтах. М., 2004. С. 91).
- ⁴ См. воспоминания Елены Тагер о встрече Нового 1917 года в «Привале комедиантов»: «Поблизости от нас, между стриженной белокурой головкой Марии Левберг и темной высокой прической Маргариты Тумповской, обозначился острый профиль Мандельштама...» (Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. М., 1988. С. 133).
- ⁵ О выступлении Гумилева в военной форме на вечере стихов в «Привале комедиантов» весной 1916 г. см.: Оцуп Н. Океан времени. С. 512, 547; ср. эпиграмму на Гумилева 1916 г.: «Когда с георгиевским крестом свершаю подвиги в “Привале”» (Богатырева С. Памяти «Картонного домика» // A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes Ed. by Lazar Fleishman, Hugh McLean. (Stanford Slavic Studies, Volume 32). Stanford, 2006. P. 89).
- ⁶ Не исключено, что Ахматова была знакома с этим стихотворением, а также не исключено, что и оно послужило материалом для ее отзыва о Тумповской: «Очень культурная, очень умная, тонкая, но в «блуде» она ничего не понимает» (Лукницкий П.Н. Асумиана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924-25 гг. Париж, 1991. С. 180). Ср. воспоминание младшей знакомой о ней: «У нее был изящный, удлинненный овал лица, обрамленный гладкими, низко спадающими по сторонам прямого пробора темными волосами. Большие, печальные карие глаза, классически правильный, римский нос, тонкие губы и идеальной формы подбородок дополняли прекрасные черты ее лица. При этом она обладала высокой, стройной фигурой. Однако при всем том она была почти лишена женского обаяния. В ней соединялась приподнятая романтичность с какой-то нелепостью. И эта-то нелепость в значительной степени разрушала очарование ее незаурядной внешности.
- Мага всегда витала в облаках. Неприспособленная к жизни до крайности, она, вероятно, не сумела бы даже сварить себе картошки. В то же время жизнь совсем не баловала ее. <...> Жизнь Маги сложилась очень несчастливо. В ранней молодости у нее был роман с поэтом Гумилевым (кажется, даже связь с ним). Когда в начале 20-х годов Гумилев был расстрелян, она, узнав об этом, прибежала к моей маме и в порыве отчаяния безумно рыдала у нее на груди. Ряд лет Мага зарабатывала переводами, кое-как перебиваясь с хлеба на воду» (Гершензон-Чегодаева Н.М. Первые шаги жизненного пути: Воспоминания дочери Михаила Гершензона. М., 2000. С. 138-139).
- ⁷ Шубинский В. Николай Гумилев. Жизнь поэта. СПб., 2004. С. 452; Гумилев Н. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 8. Письма. М., 2007. С. 192-193. Вероятно, именно Гумилев

в пору отсутствия Тумповской в Петрограде поместил в альманахе «Дракон» одно ее стихотворение, не совсем удовлетворившее другого гумилевского ученика: «“Закат” М. Тумповской – недурное рукоделье, впрочем, от такого мы вправе требовать больше искусства и затейливости» (Иванов Г. О новых стихах // Дом искусств. 1921. № 2. С. 98).

⁸ Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 296.

⁹ РГАЛИ.Ф. 55, оп.1, ед. хр. 432; Давид Львович Арманд (1905–1976) – физикогеограф, специалист по геофизике ландшафтов, а также по языку эсперанто, теософ. См. его мемуары: Арманд Д.Л. Путь теософа в стране Советов: Воспоминания. М., 2009.

¹⁰ Блок А. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 338.

¹¹ Ср. позднейшую записку Лозинского – от 20 ноября 1921 г., когда Тумповская впервые после казни Гумилева приехала в Петроград из Москвы: «Дорогая Маргарита Мариановна, два чувства завладели мной: огорчение, что Вы меня не застали, и радость, что Вы здесь и что я Вас хоть несколько минут увижу. Только бы Вы не уехали так скоро! На мою беду я не могу быть сегодня у Магды Евгеньевны, а завтра вечером тоже не хозяин своего времени. От половины седьмого до девяти я читаю в Доме Искусств, а оттуда спешно направляюсь на Надеждинскую. Но по дороге, конечно, зайду в “Звучащую раковину”, чтобы поговорить с Вами хоть четверть часа. Вот если бы Вы во вторник зашли ко мне в Публичную Библиотеку. <...> Мне очень дорого, что Вы меня вспомнили» (ИРЛИ. Ф. 521 (М.Л. Слонимский). Ед. хр. 61).

¹² Отдел рукописей Государственного Русского Музея. Ф. 97, № 149. В «Аполлоне» были помещены ее стихи (1916. № 3. С. 45-46; № 6-7. С. 68-70.) и статьи о сборнике Гумилева «Колчан» (1917. № 6-7. С. 38-43; перепеч. в кн.: Н.С. Гумилев: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 1995. С. 435-447) и о сборнике Брюсова «Семь цветов радуги» (1917. № 1. С. 38-43).

¹³ См., например: Сегал Д.М. Поэзия Михаила Лозинского: символизм и акмеизм // Russian Literature. 1983. № XIII-XIV. P. 333-414; Сегал Д.М. Литература как охранная грамота. М., 2006. С. 518-599.

¹⁴ Лукницкая В. Цит. соч. С. 255. Возможно, в стихах Тумповской о православии есть момент диалога («На языке чужом, но с детства внятном»). Ср. рассказ Тумповской о Гумилеве: «Он полюбил меня, думая, что я полька, но, узнав, что я еврейка, не имел [ничего] против» (Мочалова О. Цит. соч. С. 91). Путь от инфантильного оккультизма к православию составляет тему ее сонета, опубликованного в 1916 году в «Аполлоне»:

Я, девочкой, дрожа и холодея,
Заклятые слагала имена,
И, сквозь нечитанные письма,
Мне виделась далекая Халдея.
И, опытом желаний не владея,
В сомнениях душа была темна...
О, где узнать, во все ли времена
Неотвратима воля чародея!
Но годы шли. И разум мой проник
В реченья магии, в законы книг
И раскаленных добела желаний –
Не для того ль, чтоб, истомясь в слезах,
Забыв обряд ненужных заклинаний,
Молиться Господу о чудесах?..

¹⁵ Юлия Федоровна Львова (1873–1950) – композитор, известная теософская деятельница. Тумповская побывала и теософкой, и антропософкой. О последнем см. в письме Софьи Парнок к Е.К. Герцкык 1926 г. (De Visu. 1994. № 5/6. С. 22, 46).

«УРОКИ АНГЛИЙСКОГО»

Гаухар Дюсембаева

В «Уроках английского» Пастернака, как и во втором стихотворении фетовского цикла «К Офелии», названы две шекспировские героини, Офелия и Дездемона. Как и у Фета, у Пастернака, кроме трагической гибели, их сближает образ ивы и предсмертное пение¹. Последнее, анафорически подчеркнутое, становится в «Уроках английского» знаком общей участи этих героинь; в заключительной строфе обе судьбы сливаются в страдательном женском образе:

Дав страсти с плеч отлечь, как рубищу,
Входили, с сердца замираньем,
В бассейн вселенной, стан свой любящий
Обдать и оглушить мирами².

При этом объединяющая метафора смерти – вхождения в воду, в «бассейн вселенной», фактически соотносится лишь с обстоятельствами гибели Офелии, но, благодаря детали описания, напоминает еще об одном последнем шаге.

В собирательный женский образ последней строфы вписана, как кажется, и неназванная героиня русского романа. Уподобление предсмертного замиранья сердца чувству, охватывающему перед вхождением в воду, возможно, отсылает к описанию последних минут Анны Карениной: «Она хотела упасть под поравнявшийся с ней серединою первый вагон. Но красный мешочек, который она стала снимать с руки, задержал ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать следующего вагона. Чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти в воду, охватило ее, и она перекрестилась. Привычный жест крестного знамения вызвал в душе ее целый ряд девичьих и детских воспоминаний, и вдруг мрак, покрывавший для нее всё, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновение со всеми ее светлыми прошедшими радостями»³.

Если это предположение верно⁴, то мнение Пастернака о преемственности Толстого по отношению к шекспировским пьесам – плодам «изучения неприкрашенной повседневности», составляющего «высшую страсть всякого изобразителя»⁵, впервые выражено в «Уроках английского».

п р и м е ч а н и я

- ¹ Отмечено И.П. Смирновым, см.: И.П. Смирнов. *Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака.* (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 17.) Wien, 1985. С. 125.
- ² Борис Пастернак. *Полное собрание сочинений с приложениями. В 11-ти томах.* Т. I. М., 2003. С. 130-131.
- ³ Л. Н. Толстой. *Собрание сочинений в двадцати двух томах.* Т. 9. М., 1982. С. 363-364.
- ⁴ Возможно, оно находит подкрепление в реминисценции из «Записок сумасшедшего» Толстого, обнаруженной в первой редакции «Марбурга» («Поверх барьеров», 1917). См.: Вадим С. Баевский. «Из наблюдений над поэтикой Пастернака». *Forschungen zur Linguistik und Poetik: Zum Andenken an Grigorij O. Vinokur (1896—1947).* Bd. 1. Frankfurt/M.; Berlin; Bern; New York; Paris, 1997. Сошлемся также на наблюдение А. Попофф, считающей, что описание самоубийства отца Юрия Живаго, бросившегося «на всем ходу со скорого вниз головой на насыпь, как бросаются с мостков купальни под воду, когда ныряют», восходит к сцене самоубийства Анны Карениной. См.: Александра Попофф. «О “толстовском аршине” в романе Пастернака “Доктор Живаго”». *Вопросы литературы.* № 2 (2001). С. 322.
- ⁵ Борис Пастернак. «Замечания к переводам из Шекспира». *Указ. соч.* Т. V. М., 2003. С. 80.

ХАСИДСКИЙ СЛЕД В «СТЕПИ»

Евгений Сошкин

Когда своей «Степью» Борис Пастернак в зашифрованной форме иллюстрирует признание, сделанное в варианте стихотворения «Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе...»¹:

...в мае, когда поездов расписание
Камышинской веткой читаешь в пути,
Оно грандиозней святого писанья,
Хотя его сызнова всё перечти<, →

он словно бы воспроизводит старинную хасидскую практику. О ней рассказывает фрагмент «Станции» в 17-й главе «Хасидских историй» Мартина Бубера, посвященной рабби Шломо из Карлина:

Когда рабби Шломо путешествовал по России, он считал все станции, встречавшиеся ему на пути, приговаривая: «Это переходы сынов Израиля, по которым выходили они из земли Египетской». Когда спросили его о значении этих слов, рабби сказал: «Книга *Зогар* так толкует слова Бога "сотворим человека": из каждого мира, от высшего до низшего, Бог взял частицу, и из этих частиц сотворил человека. Именно этим мирам Он говорит: "Сотворим"². Таков смысл "станций", мимо которых проезжает человек в своей жизни: он должен восходить от одного уровня к другому, пока не объединит собой все уровни мироздания. Вот почему сказано: "...и вот их походы по местам выхода"³. "Походы" каждого человека ведут его туда, откуда он пришел"⁴.

Учитывая близость Бубера к Марбургской школе, можно предположить, что некоторые сведения о хасидском фольклоре Пастернак приобрел в университетской среде⁵. Обращение же к соответствующему материалу в период работы над книгой «Сестра моя – жизнь» могло быть реакцией на резонансную журнальную полемику о сионизме между Германом Когеном и Мартином Бубером, разгоревшуюся в 1916 году⁶.

п р и м е ч а н и я

¹ См.: Роман Тименчик. «Расписание и Писанье». *Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman*. Ed. K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. (Stanford Slavic Studies. Vol. 8.) Stanford, 1994. P. 70.

² См.: Раби Шимон. *Фрагменты из книги Зогар*. Пер. с арамейского, комм. и прил. к текстам М.А. Кравцова. М.: Гнозис, 1994. С. 43.

³ См.: Числ. 33:2.

- ⁴ М. Бубер. *Хасидские истории: Первые учителя*. Пер. М. Хорькова и Е. Балагушкина. Ред., сост. и прим. М. Яглома при уч. Н.-Э. Заболотной. М.–Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2006. С. 315.
- ⁵ Интерес Бубера к хасидской традиции проявился уже в начале 1900-х годов, на вторую половину которых пришлось его ранние публикации по теме.
- ⁶ В английском переводе тексты обоих философов, составившие эту полемику, см. в изданиях: *The Jew in the Modern World*. Ed. P. Mendes-Flohr and J. Reinharz. New York: Oxford University Press, 1980. P. 448-453; *The Martin Buber Reader: Essential Writings*. Ed. A.D. Biemann. New York; Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. P. 263-267.

Б.М.ЭЙХЕНБАУМ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ «ИРИДА»

А. В. Лавров

3 июня (21 мая по старому стилю) 1918 г. в Петрограде вышел в свет 1-й номер еженедельной литературной газеты «Ирида»; редактором ее был известный библиограф и книговед А.Г. Фомин¹. В редакторском предисловии, открывающем 1-й номер, Фомин подчеркивал, что «вопросы культуры, заглушенные политическим вихрем, начинают снова выступать на первый план» и что в служении делу культурного строительства и творческого созидания он видит миссию своей литературной газеты: «Ее основная, главная задача – прийти на помощь обществу в его интересе к науке, литературе и искусству, облегчить работу культурно-просветительных организаций, знакомя их со всеми выдающимися явлениями в этих областях, осведомляя с книжными новостями, с тем, что печатается в журналах. <...> На страницах “Ириды” будут помещаться: список новых книг, заметки и рецензии о них, библиографическое описание содержания главных журналов, общие обзоры их и заметки о них, сведения о готовящихся к выходу книгах и журналах и т.п.». В газете предполагалось публиковать статьи по общим вопросам культуры, искусства, литературы, психологии творчества, историко-литературные работы, неизданные произведения и письма русских писателей, неопубликованные материалы по истории русской литературы и общественного движения, а также стихи и беллетристику. В списке авторов, участвовавших в газете, было перечислено 83 имени; среди них – и Б.М. Эйхенбаум.

Новое издательское начинание было встречено в печати вполне сочувственно: «Газета “Ирида” составлена очень интересно, а с внешней стороны красиво, начиная с рисунка заглавия, напоминающего Пушкинскую Литературную Газету. Отдельные №№ продаются у всех газетчиков и в книжных магазинах»². Однако, подобно многим другим масштабным замыслам тех лет, литературная газета прекратила свое существование на дебютном номере. Безусловно, наладить издание не удалось исключительно по недостатку средств; Фомин собрал для газеты множество материалов – статей, рецензий, библиографических заметок, – которых хватило бы на несколько номеров. В 1922 г. он предпринял новую попытку возобновить «Ириду», но на этот раз не вышел даже пробный номер газеты.

В архиве Фомина сохранился объемистый редакционный портфель «Ириды» за 1918³ и 1922 г.⁴ Подборка за 1918 г. содержит, среди прочих,

две рецензии Б.М. Эйхенбаума – на книги А.М. Ремизова и М. Горького; рецензия на Ремизова предполагалась к опубликованию во 2-м номере «Ириды», часть материалов которого была набрана. В подборке за 1922 г. – рукописи еще двух рецензий Эйхенбаума (на «Тургеневский сборник» под редакцией А.Ф. Кони и «Мечту и мысль И.С. Тургенева» М.О. Гершензона), а также его информационная заметка об Опоязе.

В письме к г. О. Винокуру от 30 июня 1924 г. Эйхенбаум утверждал: мысль «о том, что я прирожденный критик, мне кажется неверной»⁵. Тем не менее в амплуа критика и рецензента он выступал постоянно; статьями и рецензиями в петербургских журналах и газетах 1910-х гг. – «Запросах Жизни», «Русской Мысли», «Северных записках», «Заветах» – начиналась его литературная и исследовательская деятельность. Многие концептуальные идеи, нашедшие свое развернутое истолкование в больших работах Эйхенбаума, предварительно фиксировались в беглой или тезисной форме на страницах его журнальных и газетных отзывов о литературных новинках (показательно, что некоторые из этих рецензий вошли в сборник избранных работ Эйхенбаума «О литературе», составленный О.Б. Эйхенбаум и Е.А. Тоддесом). Не являются исключением в этом отношении и рецензии Эйхенбаума, написанные для «Ириды». В отзыве о книге Ремизова отразился интерес исследователя к сказовой манере письма, который через несколько лет найдет свое законченное воплощение в его классических опоязовских работах о сказовой прозе; в рецензиях на книги о Тургеневе со всей отчетливостью проявились полемические установки Эйхенбаума, утверждавшего свое «морфологическое» направление, в частности, и путем переоценки традиционных литературоведческих методов и приемов (в этом отношении философско-психологические и субъективно-импрессионистические установки М.О. Гершензона были для него столь же неприемлемы, сколь и чисто биографический подход или навыки культурно-исторической школы).

Ниже приводятся четыре рецензии Б.М. Эйхенбаума, представленные в «Ириду», а также его информационная заметка об Опоязе. В приложении публикуется развернутая рецензия Б.В. Томашевского на книгу Эйхенбаума «Мелодика русского лирического стиха», также предполагавшаяся к напечатанию в «Ириде» и сохранившаяся среди других материалов газеты за 1922 г.

п р и м е ч а н и я

¹ См.: Библиография А.Г. Фомина. 1904–1931. Составил П.Н. Берков. Л., 1931; Берков П.Н. А.Г. Фомин (1887–1939). Очерк жизни и научной деятельности. М., 1949; Фомин А.Г. Избранное. Составление, вступ. статья и примечания М.Д. Эльзона. М., 1975.

- ² Новое предприятие (Еженедельник «Ирида») // Вечерние новости. 1918. № 10, 5 июня (23 мая).
- ³ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 124.
- ⁴ Там же. Ед. хр. 125. Из портфеля за 1922 г. М.Д. Эльзоном опубликована рецензия Г.В. Никольской (Г.Н.) на книгу стихов Федора Сологуба «Свирель» (см.: Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 431-432).
- ⁵ Цит. по: Чудакова М.О., Тодлес Е.А. Наследие и путь Б. Эйхенбаума // Эйхенбаум Б. О литературе: Работы разных лет. М., 1987. С. 16.

Общество изучения поэтического языка¹

«Общество изучения поэтического языка» возникло в 1916 г. в виде небольшого кружка лиц, во главе которого стояли О.М. Брик и Виктор Шкловский. Идеиная позиция кружка определялась органической связью с футуристами. Научная задача состояла в изучении художественной формы. В конце 1916 г. вышел первый «Сборник по теории поэтического языка» со статьями Викт. Шкловского, Л. Якубинского, Е. Поливанова и Б. Кушнера. В 1917 г. вышел второй сборник. Оба эти сборника посвящены вопросам стихотворной речи. Состав кружка несколько увеличился, и область изучения расширилась. Рядом с изучением стиха началось и изучение прозы (теория сюжета). В 1919 г. вышел сборник под общим названием «Поэтика», в котором были повторены некоторые статьи из первых двух (Виктор Шкловский – «О поэзии и заумном языке», «Искусство как прием», Л. Якубинский – «О звуках стихотворного языка», О. Брик – «Звуковые повторы»), а сверх того – новые статьи Викт. Шкловского – «Потебня», «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля», Л. Якубинского – «О поэтическом глоссемосочетании» и Б. Эйхенбаума – «Как сделана “Шинель” Гоголя». Несмотря на тяжелые условия жизни и работы в 1919–20 г., кружок не прерывал своей работы. Главным его деятелем и вдохновителем продолжал быть Виктор Шкловский. Кружок превратился в «Общество изучения поэтического языка», активным членом которого, кроме председателя Викт. Шкловского, состояли молодые историки литературы и лингвисты: Л. Якубинский, Ю. Тынянов, Е. Поливанов, Б. Эйхенбаум и др. Многие из докладов, прочитанных в Обществе, печатались в это время в газете «Жизнь искусства». Намечено было издание двух новых сборников – по теории сюжета и по теории ритма, которые и начали выходить с начала 1921 г. отдельными книжками. Пока изданы следующие работы: Виктор Шкловский «Развертывание сюжета», его же – «“Тристам Шенди” Стерна и теория романа», его же – «Розанов», В.М. Жирмунский – «Композиция лирических стихотворений», Ю. Тынянов – «Гоголь и Достоевский (к

теории пародии)», Б. Эйхенбаум – «Мелодика стиха»². Намечены к печати работы Б.В. Томашевского, О. Брика, Владимира Б. Шкловского, Ю. Тынянова и др. Общество по-прежнему носит замкнутый характер и в этом смысле отличается от обществ академического типа. Это – содружество единомышленников, которые общими усилиями разрабатывают вопросы поэтической формы.

¹ Автограф – ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 180. Без подписи; над текстом – помета рукой А.Г. Фомина: «Б. М. Эйхенбаум».

² На 4-й странице обложки книги Б. Эйхенбаума «Мелодика русского лирического стиха» (Пб.: Опояз, 1922; общая рубрика: «Сборники по теории поэтического языка») в библиографическом перечне «Сборники по теории поэтического языка» перечисленные выше отдельные издания описаны следующим образом: «**Выпуск четвертый. Сюжет. I. Виктор Шкловский.** Развертывание сюжета. Дон Кихот. – II. Виктор Шкловский. «Тристам Шенди» Стерна и теория романа. – III. Виктор Шкловский. Розанов. – IV. В.М. Жирмунский. Композиция лирических стихотворений. – Юрий Тынянов. Гоголь и Достоевский (к теории пародии). По техническим обстоятельствам сборник выходит отдельными книжками. 1921 г.».

Рецензии

*Алексей Ремизов. Страница. Повесть. Изд. «Революц. Мысль». Птгр., 1918. Ц. 2 руб.*¹

Напечатанная сначала в сборнике «Мысль»², эта повесть вышла теперь отдельным выпуском. Она делится на две части – странствования на этом свете и мытарства на том свете. Жизнь взята как будто и современная, но, как всегда у Ремизова, сквозь нее просвечивает древняя Русь. Во второй части, особенно ремизовской, есть нечто от древнерусских житий и апокрифов.

Прелесть прозы Ремизова в том, что она всегда звучит. Он никогда не пишет – всегда рассказывает. Это достигается разными приемами – в этой повести, например, частыми «ну»: «Ну, они и напоили меня», «Ну, а как я могла вернуться!», «Ну, как родную мать я встретила ее». Другой прием – вставные восклицания: «Сижу я раз под деревом и плачу неутешно, – в первые-то дни как было трудно? – и вдруг шум и треск по лесу», «Я сообразила – еще бы! – но уж было поздно». К этому прибавляется особый порядок слов, сообщающий всей речи характер сказывания. Фразы короткие – придаточные предложения очень редки.

Ремизова может любить и понимать тот, кто любит и чувствует слово. По богатству и своеобразию языка, окрепшего на изучении народных сказок и древнерусской письменности, Ремизов совершенно исключительный писатель.

Б. Эйхенбаум

¹ Автограф – ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 104. Здесь же (л. 105) – неправильная корректура того же текста.

² Имеется в виду сб. «Мысль» № 1 (Пг., 1918).

М. Горький. *Ералаш и др. рассказы*. Изд. «Парус». Птгр. 1918. Ц. 5 руб.¹

Горький, с добродушной и немного сентиментальной улыбкой вспоминающий сценки из прошлого и неторопливо их рассказывающий, – вот характер этой книги. Она кажется старинной, в ней есть местами даже что-то чеховское. Неизменное «я», проходящее через все рассказы, служит рамкой: оно наблюдает и рассказывает, стремясь передать впечатление минуты (поэтому почти всё – в форме настоящего времени). Почти каждый рассказ начинается с заставки – большей частью пейзаж, на фоне которого постепенно выступают отдельные фигуры. Потом – концовка, уводящая воображение от промелькнувшей сценки к степным далям: «Стонут лягушки. Душный воздух неподвижен, как вода лесного озера. Цветисто догорает день. На полях, за отравленной рекой Тешей, сердитый гул, – дальний: гром рычит медведем».² Есть очень сентиментальные вещи: «Светло-серое с голубым», где проститутка рассказывает о своем прошлом (ах, как надоели эти однообразные проститутки-жертвы!), «Зрители» – где рассказчик принужден сделать себя больным, чтобы возмущаться равнодушием и жестокостью людей, не обращающих внимания на бедного мальчика, «Гривенник» – где тринадцатилетний мальчик влюблен в тридцатилетнюю женщину. Есть какое-то удивительное противоречие между настроениями современной души и этими грустно-добродушными рассказами. Неприятен местами и язык: «груди ее, точно две маленькие чаши из серебра, полные стуженного света луны и опрокинутые в сердце ее»³ – это хорошо только у молодого Гоголя. В том же рассказе: «из хрустальной чаши неба, опрокинутой над землю, изливалась хмельная влага лунного света» («Счастье»)⁴ – красиво, но чересчур. Лучше других – «Ералаш» и «Страсти-мордасти», где Горький – прежний, начальный.

На всей книге есть налет неприятной литературной манеры – точно эти вещи должны были бы рассказываться, а не писаться. В законченном виде они стали слишком литературны и скучны, а «хрустальные чаши» и сентиментальные улыбки мешают и раздражают.

Б. Эйхенбаум

¹ Автограф – ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 338.

² Заключительные строки рассказа «Как сложили песню» (С. 82). Ср.: Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. Т. 14. М., 1972. С. 441.

³ Цитата из рассказа «Счастье» (С. 98). Ср.: Там же. С. 455.

⁴ С. 97. Ср.: Там же. С. 454.

Тургеневский сборник. Под ред. А.Ф. Кони.

Тургеневское Общество. Петербург. Кооперативное Изд-во Литераторов и Ученых. 1921. Стр. 208.¹

В сборнике помещены статьи: А.С. Утевского – «Смерть Тургенева», А.Ф. Кони – «Похороны Тургенева», Вл. Каренина – «Тургенев и Жорж Санд», М. Клемана – «Отец Тургенева в письмах к сыновьям». Кроме того – письма Тургенева к Г.О. Гинцбургу (комм. С.А. Переселенкова), воспоминания Е.М. Феоктистова (комм. Б.Л. Модзалевского) и письма к разным лицам (комм. его же). Сборнику предпослана осведомительная заметка об основании Тургеневского Общества (в мае 1919 г.) и его деятельности.

Обычное свойство такого рода сборников – преувеличенный интерес к трактовке биографических деталей. Это – удел всех обществ, занимающихся творчеством отдельных писателей. В кругу таких обществ неизбежно создается атмосфера не столько изучения, сколько поклонения. Биографический интерес преобладает, потому что в центре стоят вопросы не историко-литературного, а персонального характера. В этом отношении типична статья Утевского, в которой собрано всё, что известно о болезни и смерти Тургенева. Сделана попытка проследить перелом, происшедший на смертном одре в душе Тургенева: «он, всю жизнь смерти боявшийся, встретил ее не с усугубленным страхом от ее близости, как этого можно было ожидать, а спокойно и мужественно, без всякого страха»². Приводятся доказательства против распространенного мнения о том, что Тургенев умирал одиноким, брошенным. Всё вместе производит впечатление запоздавшего некролога, чему содействует и взволнованный тон автора, ощущаемый как анахронизм: «Скончался последний могикан. Образовалась пустота. Заполнить ее нельзя – роль автора “Записок Охотника” не повторится»³. Это – канонический стиль некролога (со слезой в голосе), неуместный и странный в статье, написанной через 37 лет после смерти Тургенева. Статья Кони – «воспоминания». Тем самым мотивирована взволнованность, с которой автор рассказывает подробности, связанные с устройством похорон Тургенева. Но странно, что попутно автор обрушивается на Достоевского и особенно на Фета за их недостаточно благоговейное отношение к личности Тургенева. Нельзя же требовать, чтобы и современники писали в некрологическом стиле.

Статья Вл. Каренина не удовлетворяет ожиданиям, которые естественно возбуждаются ее названием. Вместо историко-литературного исследования мы имеем беглые указания на то, что тот или другой

герой Тургенева «смахивает» (sic!) на того или другого героя Жорж Санд. «Бежин луг» сопоставляется с «Ночными видениями» (которые, как указывает сам автор, появились одновременно или даже месяцем позже): «трудно передать, в чем именно сходство обоих произведений, но если прочесть их одно за другим, впечатление *схожести*, одинаковости настроения и манеры передачи бросаются в глаза». Рудин и Орас – «одного поля ягода» (sic!)⁴. Начав с попыток такого рода сопоставлений, автор, в конце концов, обращается к биографии и уделяет гораздо больше внимания Жорж Санд, детально им изученной, чем Тургеневу. Странен язык статьи: «Одним из интереснейших вопросов в истории литературы является взаимодействие литератур ... восприятие одними писателями идей других, проникновение этими идеями и более или менее непосредственная передача их в *сыром виде* или, наоборот, в *виде переваренном*... Всё, что сказал в приведенных мною разрозненных, но, быть может, слишком все-таки длинных цитатах Достоевский»⁵ и т.д. В статье Клемана биографические изыскания мотивируются особенностями тургеневского творчества. Но тут же обнаруживается, что образ отца в «Первой любви» совершенно не совпадает с действительной личностью Тургенева-отца, насколько ее можно себе представить по его письмам к сыну Николаю. Письма эти интересны сами по себе – вне связи с творчеством Тургенева. Интересны и воспоминания Феоктистова – именно благодаря отсутствию в них некрологического стиля и преувеличенного поклонения «памяти великого писателя». Попутно очень выпукло, хотя и карикатурно, изображена личность В.П. Боткина.

Итак, ценность сборника – в некоторых новых материалах, а не в статьях. Надежда, которую высказывает в конце своей статьи Кони, – что Тургеневское Общество «своими работам углубит и расширит понимание и изучение *творений* Тургенева», – пока не осуществляется. Да и вряд ли может она осуществиться. Самое большее, что может делать такое общество – накапливать и систематизировать материалы. Для изучения необходима определенная теоретическая позиция, которой Тургеневское Общество, как и все подобные, не имеет и иметь не может.

Б. Эйхенбаум

¹ Автограф – ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 109-110. Другие рецензии на то же издание: Гудзий Н.К. // Свиток. № 2. М.: Никитинские субботники, 1922. С. 119-121; Н.А. <Лернер Н.О. > // Книга и революция. 1922. № 5. С. 52-53.

² С. 34.

³ С. 56.

⁴ С. 93, 94 (в оригинале: «одного поля ягоды»).

⁵ Контаминация фрагментов из начала статьи (С. 87-89).

М. Гершензон. *Мечта и мысль И.С. Тургенева*. Книгоиздательство писателей в Москве. 1919. Стр. 170. (Вышла в 1922 г.)¹

Для интересующихся «мечтой и мыслью» М. Гершензона в этой книге, как и во всех его работах, много материала, но к истории литературы и, в частности, к изучению Тургенева она имеет очень отдаленное отношение. Это и не может быть иначе при тех воззрениях, которых держится автор на задачи истории литературы. История литературы, по его мнению, рассматривает художественное произведение «как отражение внутреннего мира художника, как акт раскрытия и самопознания его личности». Первая и главнейшая задача историка литературы – «найти личный ключ» к произведению. Каким же образом на основе такого анализа может быть построена *история* литературы, если под нею разуместь не простое сопоставление этих «неповторимых» личных ключей, а демонстрацию *процесса*? Переход от «личного ключа» Тургенева к «личному ключу» Толстого или их сравнение не может дать никаких историко-литературных обобщений.

Их, действительно, и нет в книге Гершензона. Каждое произведение берется им как психологический документ, из которого он извлекает мысли и настроения автора. Всюду он видит непосредственное «отражение» душевной жизни художника. В трагедии Стено – «трагедия самого Тургенева»²; разбор поэм приводит к выводу, что «основным фактом душевной жизни Тургенева в первой половине 40-х годов было болезненное чувство своей внутренней разорванности»³; Оленин – прямое изображение Толстым самого себя и т.д. О методе говорить не приходится – основные принципы работы исключают всякую возможность методологии. Автор не задается вопросом об отношении между творчеством и душевной жизнью как таковой; не останавливается на вопросе о праве пользоваться художественным произведением как записью душевной жизни. Его не смущает, что эту душевную жизнь он извлекает из тех же материалов, которые подлежат изучению. Естественно, что, при всем своем старании, он не может избежать самых банальных и безвкусных обобщений. Оказывается, например, что в «Параше» Тургенев «хотел показать, как бесплодно гибнут на *русской почве в современную ему эпоху* богатые возможности, заключенные в душе Параша»⁴. Чем это лучше или хуже тех «идей», которые подносятся учебниками Сиповского, Саводника⁵ и т.д.? Методологическая беспринципность приводит автора к этому безнадежному тупику.

И в самом деле – если снять с книги Гершензона блестящий лак его философского красноречия, то перед нами предстанет во всей

своей примитивной наготе традиционная, школьная трактовка художественных произведений. Когда ему кажется необходимым сказать хоть что-нибудь о произведении по существу, то это выражается в капризно-субъективных формах и обнаруживает полную беспомощность: «Я ничего не сказал о высших художественных достоинствах этой поэмы, – да и что сказать? Характеристика не передаст всей прелести ее колорита и деталей. Для меня “Параша” полна поэзии»⁶. В конце своей работы о Тургеневе автор дает своего рода оправдание такому способу изучения и пытается обосновать свою позицию: «О художественном произведении, как и о всяком другом продукте творчества – не повторения, можно сказать, что оно живет только в своем творце, хотя существует вне его. Повесть Тургенева, конечно, имеет свою структуру и форму, свою окраску, фабулу, стиль, – словом, всевозможные объективные качества, так же, как и всякая вещь в мире. Эти качества можно определить и описать. Но как бы подробно ни описать их, человек, не читавший той повести, не узнает главного о ней, – не узнает именно ни ее самой, как живого целого, ни действия, которое она произведет на него; потому что сущность художественного произведения – в одушевляющей его идее-страсти, а не в его качественных признаках, которые все соподчинены той идее ... И потому произведение искусства может быть правильно понято только в целостной живой личности своего творца, и совершенно не может быть понято вне ее, как объективно-существующее»⁷. Если Гершензон полагает, что человек, не читавший Тургенева, может узнать «главное» по написанной им о Тургеневе книге, то он ошибается. Это – не довод. А что касается остального, то мы поняли бы автора, если бы он сделал последний и неизбежный для него вывод – что никакая *история литературы* невозможна, потому что перед нами – неразложимые «живые организмы», которые можно только созерцать, а не изучать. Тогда он был бы, по крайней мере, последователен (как последователен, например, Ю. Айхенвальд), и у нас не было бы повода касаться его работ. А без этого вывода его работы носят претенциозный характер и не помогают делу изучения литературы, а только вводят в заблуждение и возвращают нас к тупику школьных учебников.

Б. Эйхенбаум

¹ Автограф – ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 313-314. Другие рецензии на ту же книгу: Алапин Е. Тургенев и мы // Книга и революция. 1922. № 6. С. 30-32; Кубиков И. // Печать и революция. 1921. Кн. 3. С. 263-265.

² С. 19.

³ С. 47.

⁴ С. 28.

⁵ Подразумеваются книги историков русской литературы Василия Васильевича Сиповского (1872–1930) – «История русской словесности» (8-е изд. – 1917), «Историческая хрестоматия по истории русской словесности» (12-е изд. – 1918), Владимира Федоровича Саводника (1874–1940) – «Очерки по истории русской литературы XIX в.» (1906), «Краткий курс русской словесности с древнейших времен до конца XVIII в.» (1913), бывшие основными пособиями при изучении русской литературы в средней школе до конца 1920-х гг.

⁶ С. 33.

⁷ С. 127 (сокращенная цитата).

п р и л о ж е н и е

Б. Эйхенбаум. Мелодика стиха. Изд. «Опояз». Пб., 1922. Стр. 199.¹

Книгу Эйхенбаума не приходится рекомендовать вниманию читателя. Сейчас она у всех на руках: служит предметом горячих повсеместных обсуждений. Поэтому не буду говорить о ее достоинствах, и формулирую лишь возражения, возникающие при ее чтении.

Задачей автора является доказательство того положения, что так называемая «напевность» стиха создается особыми формами расположения интонаций в стихе, определяющих композиционную структуру стихотворения. Поэтому-то «систему интонирования», т.е. упорядоченное расположение интонационных ходов автор именует музыкальным термином «мелодика» и вводит музыкальные же термины («реприза», «каданс») в анализ «напевных» стихотворений. Автор противопоставляет «мелодику» (интонацию) «гармонии» (эвфонике и инструментовке, т.е. системе фонетического благозвучия) и находит, что «музыкальность» стиха создается не гармонией, а мелодикой.

Основываясь на интонации, автор, однако, разграничивает область ведения лингвистики и поэтики и, предоставляя науке о языке выяснять сущность интонации, сам никакого анализа этого явления не производит и не особенно уточняет его. Понимая под интонацией повышение и понижение тона как в пределах слова и речевого такта, так и в пределах периода (средней высоты тона), он включает сюда же и паузы (стр. 51), и темп произношения (стр. 71), и динамическое ударение (даже иногда отчасти и лексику: см. стр. 40 и 47), т.е. всё, что обнимается более широким термином «фразировка». Но избегая конкретизации термина, несколько расплывчатого, автор подменяет понятие «интонация» теми эмоционально-смысловыми заданиями произношения, какие осуществляются в голосе фразировкой. Вместо анализа интонации, безусловно сопутствующей всякой речи, а в стихотворной всегда организованной, он анализирует смену «вопросов», «восклицаний», «эмфаз».

Заменяя вопрос об «интонации вообще» вопросом об эмоционально-смысловых интонациях, автор поневоле принуждает читателя делать вывод, что «мелодика» только тогда существует, когда есть эстетическая организация эмоционально-смысловых моментов речи, что именно эмоционально-смысловое начало и играет композиционную роль, а интонация следует за ней произвольно, является вторичным актом и сама по себе не организует композиции стихов.

Автор делит лирику на три стиля: «песенный», «говорной» и «декламационный». При этом он отчасти основывается на показаниях современников, но в большей степени на субъективном впечатлении. Между тем есть более объективное средство судить о песенности поэтов: это – усвоение поэта музыкой, количество музыкальных произведений на текст поэта. Недавно изданная книжка («Русская поэзия в русской музыке»)² может дать объективный материал для суждений по этому вопросу. Библиографические данные этой книги показывают, что, например, Тютчев значительно чаще усваивался музыкантами, чем Жуковский, несмотря на то, что по приговору Эйхенбаума «развитых приемов мелодизации у Тютчева нет. Его ритмические и эвфонические приемы гораздо разнообразнее и интереснее»³. Из современных поэтов наибольшей популярностью среди музыкантов пользуется Бальмонт с его богатством ритма и эвфонии и отсутствием «мелодики», в смысле Эйхенбаума. И вообще можно догадываться, что в «напевности» стиха большую роль играет эвфония, явление, правда, совершенно не изученное, как это отмечает и Эйхенбаум, но заслуживающее серьезного изучения, не в стиле распространенных в наши дни любительских цитат. Точно так же Пушкин, для которого, по Эйхенбауму, «характерно отсутствие мелодических приемов», сам очевидно иначе смотрел на свои стихи. По свидетельству современников, «Пушкин стихи свои читал как бы нараспев, как бы желая передать своему слушателю всю музыкальность их», и современники даже осуждали это: «его декламация впадала в искусственность». И может быть не только популярность имени Пушкина, но именно музыкальность его стихов привлекала к нему музыкантов (на слова Пушкина писалось музыкальных произведений более чем вдвое чаще, чем на слова Фета, втрое чаще Тютчева и впятеро чаще Жуковского).

Но надо сказать, что автор, увлекшись гипотезой о напевной роли интонации, сознательно игнорирует, вернее интерпретирует как не музыкальные те же приемы интонации, которые наблюдаются им и у «напевных поэтов», если эти приемы встречаются у поэтов другого стиля (в одах, в говорной лирике и т.д.). Меж тем всем стилям лирики свойственна систематизация интонационных ходов, и, вероятно, более мелочное и детальное исследование показало бы, что в основе всякой

стихотворной речи как организационный момент лежит интонация (а не только акцентное чередование слогов).

Сознательная скудость общих положений заставляет автора перенести центр тяжести своей работы на комментарий к отдельным образцам русской лирики (главным образом Жуковского и Фета). В этих комментариях он возвращается к решению общих проблем. Но так как анализ образцов выдвигает эти проблемы *ad hoc*, и общих критериев оценки автором не дано, то поневоле возникает сомнение, не являются ли утверждения автора нарочитым «интерпретированием» явлений с предвзятой точки зрения (а не простой «защитой гипотезы», как об этом пишет сам автор).

Наиболее сомнительным приемом является произвольное оперирование с «математическими соотношениями», которые вызывают у автора оценку музыкальной закономерности. Но ведь «трехчастность» большинства лирических произведений объясняется общекомпозиционной задачей всякого сочинения – необходимостью выделить из произведения приступ и концовку. Так же трехчастны «хрии»⁴, при полной невозможности перевести их на музыкальную терминологию (хотя, понятно, можно по аналогии говорить о сонатном построении научного трактата). Вообще мнимая правильность объясняется тем, что автор оперирует малыми числами, редко превышающими четыре. Числа эти могут быть произвольно поставлены в любые простые отношения. Это схоластическое связывание их не говорит ничего об объективной их закономерности. Особенно это ярко в рассуждении о композиции стихотворения «Таинственный посетитель» (стр. 62 и 63). В стихотворении 6 строф. Из них первая распадается на две части, причем в первой части 3 вопроса, во второй – пять. Отсюда вывод: следующие за этой первой строфой 5 строф делятся на две группы – три и две строфы. Первые три строфы равны трем вопросам первой полустрофы. Последние две равняются разности между пятью вопросами второй полустрофы и тремя вопросами первой. Пять минус три – два. Понятно, с числами 2, 3, 5 и 6 можно проделать много выкладок вроде приведенных, но они не внушают уверенности в объективном значении этих уравнений и больше выражают желание автора интерпретировать *quand même*⁵. Кстати, приведенные уравнения у автора не повторяются, и в других случаях он пользуется выкладками иного функционального порядка (ср. стр. 117).

Не совсем ясны и некоторые общие соображения автора, не развитые им, а только затронутые (например, противопоставление синтаксиса – интонации, см. стр. 23, и анализ некоторых образцов), вызывает сомнение в объективности перевод метафорических высказываний Полевого и Сенковского на терминологию автора⁶.

Попутно при анализе стиха Эйхенбаум касается и весьма важных вопросов стихотворной речи, не покрываемых мелодикой, – вопросов метра, строфики, эвфонии, словочередования и т.д. Некоторые замечания ценны и остры, но в общем трудно уловить принципиальные воззрения на стих. Желательно, чтобы этот материал своих наблюдений автор упорядочил в своих дальнейших работах над русским стихом.

В книге этой остро поставлен вопрос о границе между лингвистикой и поэтикой. Эта проблема считается очередной и затрагивается буквально во всех работах по поэтике. В работе Эйхенбаума отмежевание от лингвистики и лингвистических методов привело к нежелательной односторонности исследования. Работа не полна и не точна именно вследствие неясности понятий лингвистического порядка, которыми оперирует автор. Но вообще весь спор о взаимоотношениях между лингвистикой и поэтикой мне представляется в значительной степени праздным, и объясняется нашей склонностью к теоретизированию неразработанных вопросов. Для исследователя решение этого вопроса почти ничего не даст, так как не прибавит и не убавит ничего в методах исследования. Для теоретизирующих писателей без исследований (а таких сейчас почти нет) в области поэтического языка – спор беспредметен. Поэтому вообще следовало бы пока снять этот вопрос с очереди, и заняться конкретным исследованием реальных явлений поэтического языка, пользуясь во всей широте методами, получившими право гражданства в современной науке вследствие плодотворности их применения.

Б. Томашевский

¹ Автограф – ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 99-101. Другие рецензии на ту же книгу: Т.Б. // Книга и революция. 1922. № 6(18). С. 54-55; Бобров С. // Печать и революция. 1923. Кн. 2. С. 214-217.

² Имеется в виду книга Игоря Глебова (Б. В. Асафьева) «Русская поэзия в русской музыке» (Пб., 1921).

³ Эйхенбаум Б. Мелодика русского лирического стиха. Пб., 1922. С. 89.

⁴ Хрия – термин риторики: рассуждение на заданную тему, составленное по определенным правилам; приемы составления таких рассуждений.

⁵ Несмотря ни на что, вопреки всему (*франц.*).

⁶ См.: Эйхенбаум Б. Мелодика русского лирического стиха. С. 29-35.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ МЕЖВОЕННОЙ ФРАНЦИИ: Документы из архива Владимира Бурцева

Леонид Ливак

Постепенно уходит в прошлое то время, когда исследователи русского рассеяния принимали на слово мифологемы самоописания изгнанников, почерпнутые из мемуарной литературы. Однако некоторые общие места эмигрантского само моделирования отмирают с большим трудом. Сюда относится, в частности, вопрос о месте эмигрантской интеллигенции в литературной, интеллектуальной и политической жизни Франции – культурного центра русской диаспоры. И если излюбленный мемуаристами тезис о герметической изоляции эмиграции в странах рассеяния всерьез уже почти не воспринимается, а исследование французского литературного и интеллектуального влияния на изгнанников стало, наконец, неотъемлемой частью эмигрантских штудий¹, то вопрос о влиянии в обратном направлении до сих пор почти не затрагивался. Тем не менее, на сегодняшний день мы располагаем данными, свидетельствующими о том, что непосредственное участие во французской политической, общественной и культурной жизни находилось в центре интересов эмигрантской интеллигенции². Настоящая статья ставит целью ввести в научный оборот новые материалы, свидетельствующие о том большом значении, которое российские изгнанники придавали диалогу с французской аудиторией в надежде склонить, как общественное мнение страны, так и ее политическую элиту к неприятию советского режима и, таким образом, к осознанию культурного и политического значения Зарубежной России.

Автором публикуемых ниже документов является Владимир Львович Бурцев (1862–1942) – народоволец, теоретик и пропагандист терроризма, публицист, редактор, историк российского революционного движения. Арестованный большевиками уже 25 октября 1917 г., Бурцев бежал в Финляндию, откуда перебрался в Париж, где издавал на двух языках газету *Общее дело* и заведовал им же основанным информационным агентством и издательским домом “Union”. Отдавая должное деятельности Бурцева, исследователи обычно указывают, что, до появления *Последних новостей*, *Общее дело* было ведущей газетой эмиграции, но обходят молчанием тот факт, что издание той же газе-

ты по-французски (*La Cause Commune*), а также налаживание прочных связей "Union" с французской прессой, было не менее важной задачей для Бурцева, чем борьба за объединение антибольшевистских сил, ведшаяся на страницах *Общего дела*. Параллельно этой борьбе, "Union" и *La Cause commune* отстаивали интересы России и белого движения на Парижской мирной конференции, и, ратуя за необходимость интервенции союзников против правительства Ленина, вели антибольшевистскую пропаганду не только во французских политических кругах, но и среди широких слоев населения, надеясь, в частности, повлиять на исход парламентских выборов 1919 г.

Публикуемые ниже документы представляют собой отчеты о деятельности агентства "Union" и бурцевских газет, составленные редактором в целях получения субсидий от русских политических и общественных организаций в Париже. Однако все попытки заручиться существенной финансовой поддержкой эмигрантских кругов остались тщетными. Бурцев был вынужден сократить свою издательскую деятельность, свернув франкоязычную редакцию газеты, а также "Union", во второй половине 1920-го г. в контексте разгрома белого движения на юге России – одного из основных спонсоров бурцевских публикаций. Франкоязычная журналистика, конечно, не утратила важности для Бурцева. Продолжая активно сотрудничать во французской прессе, он до конца 1930-х гг. питал надежды на возрождение своей франкоязычной газеты, «чтобы наш негодующий протест слышали не только русские, но и французы, и весь мир»³.

Все документы хранятся в Boris Nikolaevsky Collection, Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Мы признательны сотрудникам архива за помощь при работе над этими материалами. В публикации сохраняются особенности написания Бурцева.

п р и м е ч а н и я

- ¹ См. сборник статей: *Русские писатели в Париже: взгляд на французскую литературу, 1920-1940*. Под ред. Ж.-Ф. Жаккара, А. Морар, Ж. Тассис. (Москва: «Русский путь», 2007).
- ² См. в наших работах: «Ранний период русской эмиграции. По материалам собрания Софии и Эжена Пети». *A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes*. Ed. by Lazar Fleishman, Hugh McLean. (Stanford Slavic Studies. Vol. 32.) Stanford, 2006. P. 416-451; «К изучению участия русской эмиграции в интеллектуальной и культурной жизни межвоенной Франции». *Русские писатели в Париже*. С. 200-214. "L'Émigration russe et les élites culturelles françaises, 1920-1925: les débuts d'une collaboration". *Cahiers du monde russe*. 48 (No. 1. 2007). P. 23-43.
- ³ Письмо В.Л. Бурцева к А.И. Деникину от 25 февраля 1938 г. цит. по: Олег Будницкий. «Владимир Бурцев и его корреспонденты». *Отечественная история*. № 6 (1992). С. 120.

«Унион»¹

Телеграфное Агентство «Унион» существовало последние 6 месяцев. Оно получало телеграммы из Сибири (очень много), из Америки, Гельсингфорса, Стокгольма (в последних двух городах имелись постоянные платные корреспонденты), из Праги, Германии и т.д.

Все получаемые телеграммы сообщались прежде всего в агентство «Гаваса»² и тотчас печатались в его ежедневных бюллетенях, которые, как известно, рассылаются всем политическим и литературным деятелям, французским и иностранным, всем телеграфным агентствам, политическим обществам и т.д.

Таким образом, все получаемые «Унионом» телеграммы попадали в руки всех политических деятелей.

В то же самое время важнейшие телеграммы «Униона» особыми листками посылались во все главные парижские редакции.

Те же телеграммы печатались на французском языке в специальных бюллетенях «Униона» в количестве от 500 до 1000 экземпляров и рассылались ежедневно во Франции, Италии, Англии по редакциям и тем общественным деятелям, которые занимаются русскими вопросами или пишут о них в прессе. Таких листов в настоящее время «Унионом» выпущено около 120.

Телеграммы «Униона», таким образом, почти ежедневно помещались в тех или иных больших французских газетах, парижских и провинциальных, иногда по очень сенсационным вопросам.

Телеграфное Агентство «Унион» получало и распространяло этим путем передаваемые ему заявления Посольства, Политического Совета, различных обществ и т.д.³

Оно же давало интервью с приезжающими политическими и общественными деятелями, русскими и иностранными (с Чайковским⁴, с Спалайковичем⁵, и друг<ими>).

Все существенное из получаемых телеграмм затем печаталось порусски и по-французски в газете «Общее дело» и этим обслуживались как русские так и иностранные крути, следящие за русскими вопросами.

С своей стороны «Унион», насколько позволяли ему средства, посылал свои телеграммы в Сибирь (на весьма значительные суммы), в Америку, в Гельсингфорс и др. места, по вопросам, которые затрагивали русские интересы.

Телеграфным Агентством «Унион» заведывал В. Бурцев, при нем был его помощник, один заведывающий английской прессой, один французский журналист, два переводчика, два администратора, пять дактилографок, два циклиста.

Расходы на жалованье, расходы по канцелярии и т.д. обходились до 15.000 фр<анков> в месяц.

Корреспондент в Стокгольме получал около 4.000 фр<анков> в месяц, с расходами на телеграммы.

То же корреспондент в Гельсингфорсе.

Лица, связанные с «Унионом» в Праге получали пособия и издавали на эти средства газету «Русское дело».

При специальных условиях было выдано корреспонденту в Германии 2.500 фр<анков>, русскому корреспонденту – 3.000 фр<анков> и еще некоторым другим.

Как Телеграфное Агентство «Унион», так и «Общее дело» принимали постоянное и систематическое участие в создании за границей атмосферы благоприятной для политики государственного строительства, предпринятого в России Колчаком и Деникиным.

Каковы результаты этой политики могут видеть все.

* * *

Газета «Общее дело» издавалась на русском и французском языках на автономных началах В. Бурцевым. Она стала выходить еще до начала «Унион» и в настоящее время вышел 51-ый ее номер. Последние четыре месяца «Общее дело» получало от «Униона» 2.500 фр<анков> в месяц и кроме того пользуется бесплатной квартирой.

Газета издается по мере средств 4-5 раз в месяц в количестве 10-25 тысяч экземпляров. Но часто «Унион» или Военная Русская Миссия для пропаганды, главным образом среди русских солдат, заказывали от 10 до 15 тысяч экземпляров дополнительных и уплачивали при этом расходы по печатанию⁶.

Редакцией «Общего дела», на ее средства, было издано несколько брошюр на русском и французском языках, как например, брошюры Бурцева и обращение Андреева «Спасите!» (в нескольких десятках тысяч экземпляров)⁷.

Как отдельные сообщения, так и целые статьи и даже брошюры (брошюра Андреева «Спасите!») перепечатывались целиком во французской и др. прессе – например, в “Victoire” перепечатана была целиком брошюра Андреева, в “Matin” – статьи Бурцева о Колчаке и Ленине, то же в Американских газетах по-русски и по-английски, в Голландии, Англии и т.д.

С большим трудом удалось устроить доставку «Общего дела» и других изданий «Униона» в Россию, но они там имеются в настоящее время и их знают.

Об издании «Общего дела» и “La Cause Commune”⁸

“La Cause Commune” издается – почти уже год – регулярно раз в неделю. Обычный его тираж 25.000 экз<емпляров>, иногда он доходил

до 40.000, а во время выборов во Французский Парламент и до 60.000⁹. Тогда же для агитации издавались листки в 100-150 тыс<яч> экземпляров («Социалисты о большевиках», письмо кандидата на выборы и др.).

Некоторые статьи “La Cause Commune”, касающиеся выборов, как например статьи о Гильбо, Поля Дюкс¹⁰, были воспроизведены, как во всей французской, так и в общеевропейской печати: в Швейцарии, Англии, Швеции, Германии, Финляндии и т.д. Вообще наша агитация во время выборов имела очень значительный успех.

За недостатком средств тираж «Общего дела» приходилось иной раз сокращать, но оно никогда не печаталось менее 15-ти тысяч экземпляров.

По мере возможности, издавались отдельные брошюры. Например, брошюра Бурцева «Проклятие вам, большевики!» была издана по-русски (6 изд<аний>), по-французски (одно издание общества французской пропаганды в 1.500.000 экз<емпляров>), по-английски, а недавно – по-турецки, болгарски, сербски его же “Alliés, entendez-vous”. Л. Андреева “S.O.S.” и т.д.

«Общее дело» на русском языке сначала издавалось почти так же правильно, как и на французском языке, но в последнее время за недостатком средств оно издается только 2-3 раза в месяц. Издавалось оно раньше в большом количестве экземпляров – до 30 тыс<яч> экз<емпляров>, в настоящее время – в меньшем количестве (но никогда не меньше 15 тыс<яч>), – опять таки по недостатку средств.

Распространение «Общего дела», как русского издания, так и французского организовано в настоящее время широко во всех странах, – издание имеет большой круг читателей.

Два-три месяца тому назад, когда «Юнион» получал даровые телеграммы из Сибири и, в то же самое время, сам имел возможность затрачивать на передачу своих телеграмм и на содержание своих корреспондентов, 10-15 тысяч франков, он ежедневно давал от своего имени агентству «Гавас» телеграммы для их бюллетеней, где они ежедневно печатались и передавались таким образом в редакции всех европейских газет и, таким образом, были в распоряжении всей европейской прессы.

В месяц в иностранной прессе нами помещалось несколько сот телеграмм. Кроме того мы сами издавали ежедневно телеграфные бюллетени (всего издано №№ <пробел в тексте – Л.Л.>) и большую часть своих телеграмм мы помещали в “Cause Commune” и в «Общем деле».

За последние 3-4 месяца мы не получали более телеграмм из Сибири и у нас не имелось средств для содержания корреспондентов, а также для оплаты своих телеграмм. Мы могли затрачивать в день из

редакционных сумм «Общего дела» на телеграфную агентуру только от 100-150 франков не более, что, конечно, было недостаточно. Но и в настоящее время наши телеграммы еженедельно по несколько раз появляются в гельсингфорских, пражских, константинопольских и варшавских и т.д. газетах. Получаемые нами, правда редко, из России телеграммы помещаются нами в парижских изданиях по большей части анонимно.

Сочувственное отношение к изданию «Общего дела» я встретил с разных сторон, как за границей, так и в России, когда ездил туда, от лиц, мнение которых должно нас всех интересовать. Признание необходимости издания «Общего дела» по-французски и русски я слышал, как со стороны общественных деятелей, так и со стороны литераторов и представителей правительства, между прочим, лично от Деникина, Бернацкого, Врангеля¹¹, представителей русской делегации в Париже¹².

Мы имеем точные сведения, что нашим изданием серьезно заинтересованы, как у наших союзников, так и у наших врагов, – наши издания внимательно встречены читателями в прессе и среди правительства во Франции, Англии, Америке, Германии, в славянских землях и Швейцарии.

Выразителем такого отношения к «Общему делу» является, между прочим, прилагаемое письмо одного из видных французских общественных деятелей и другие документы¹³.

«Общее дело» является знаменем определенного направления. Оно имеет и открытых друзей и открытых врагов.

Оно поставило ряд определенных задач.

В последнее время, «Общее дело», между прочим, поставило вопрос о необходимости съезда. На эту тему мы имеем в настоящее время ряд отзывов в различных русских изданиях и отзывы различных общественных деятелей.

После больших сокращений издание «Общего дела» и “La Cause Commune” и пропаганда, которая велась при нем, требовали в последнее время около 30.000 франков ежемесячно, хотя нормальное издание его должно было иметь до 40 тысяч франков.

Телеграфное агентство должно иметь бюджет свой специальный до 10-15 тысяч франков.

Но нельзя останавливаться на издании еженедельного органа. Нужно издание ежедневной газеты на французском языке в Париже. Бюджет ежедневного издания газеты требует первое время – месяца три – до 120 тысяч франков, а потом может быть уменьшен до 80 и даже меньше; через 5-6 месяцев газета в значительной степени будет окупаться.

Также нельзя ограничиваться непериодическим изданием редко выходящего русского «Общего дела». Необходимо его сделать изданием, правильно выходящим не менее двух раз в неделю или даже ежедневно. Русское издание «Общего дела» при французском будет требовать значительно меньших расходов.

**Отчет о деятельности Bureau de Presse Russe "Union"
140-bis, rue de Rennes, Paris
с февраля 1919 г. по 1-е мая 1920 года¹⁴**

I.

Участие во французской прессе.

Сотрудниками «Униона» помещен целый ряд статей, интервью и заметок во французских газетах и журналах как за подписью, так и без подписи.

1) Парижская пресса

За 15 месяцев работы сотрудники «Униона» напечатали по минимальному подсчету 120 больших статей в 18 повременных парижских изданиях за своими подписями. Общий тираж этих повременных изданий доходит до 2.443.000 экземпляров. 120 статей помещенных «Унионом» разошлись в количестве 19.653.000 экземпляров, – в среднем по 1.310.000 экземпляров в месяц.

Список изданий, в которых появились статьи сотрудников «Униона»
с февраля 1919 г. по 1-е мая 1920 г.

Название изданий	Тираж издания	Авторы	Количество статей	Статьи разошлись в количестве экземпляров
1. L'Entente	30.000	7	26	780.000
2. L'Eclair	30.000	8	21	630.000
3. La France Libre	10.000	4	20	200.000
4. Le Matin	1.000.000	3	16	16.000.000
5. Le Radical	30.000	3	6	180.000
6. La Victoire	50.000	1	5	250.000
7. Le Journal des Débats	30.000	2	4	120.000
8. La Démocratie d'Ile-et-Vilaine	?	1	4	?
9. L'Action Nationale	3.000	2	3	9.000
10. Les Pages Modernes	2.000	3	3	6.000
11. L'Information	100.000	2	3	300.000

12. La Libre Parole	20.000	1	2	40.000
13. L' Avenir	20.000	1	1	20.000
14. La Démocratie Nouvelle	50.000	1	1	50.000
15. Le Journal	800.000	1	1	800.000
16. L'Echo de Paris	250.000	1	1	250.000
17. Correspondance Universelle	5.000	1	1	5.000
18. La Grande Revue	3.000	1	1	3.000
19. La Lanterne	10.000	1	1	10.000
19	2.443.000		120	19.653.000

Примечание. Если из списка исключить парижские газеты, постоянное сотрудничество в которых требовало достаточных материальных средств, которыми «Унион» не располагал, – остается 7 газет, в которых статьи сотрудников «Униона» появлялись регулярно. Газеты эти следующие: L'Entente, L'Eclair, La France Libre, Le Matin, Le Radical, La Victoire, Le Journal des Débats с общим ежедневным тиражом в 1.180.000 экземпляров, в которых напечатано 102 больших статьи за подписями, разошедшиеся в количестве 18.160.000 экземпляров, или по 1.210.000 в месяц <Сноска:> Если исключить Le Matin с тиражом в 1.000.000 – остается 6 газет, 86 статей, общий тираж газет 180.000. Статьи разошлись в количестве 2.160.000 экземпляров, или в месяц 142.000 экземпляров.

Авторами указанных статей были следующие лица: Гг. Алексинский, Бурцев, La Chesnais, Дикгоф-Деренталь, Charles Dumas, Драбович, Кессель, Одинцов, Савинков, Викторов-Топоров, Тафт, Волков-выский, Ключников, Гальперин-Каминский, Нестеров, Вендзигольский¹⁵.

Подробный список статей, с указанием автора, времени появления см. Приложение № 4.

Участие «Униона» в парижской прессе не ограничивается приведенной таблицей. Целый ряд органов печати, как: Le Temps, Le Figaro, Le Journal des Débats, La Presse, L'Homme Libre, Le Petit Parisien, Le Journal, La France Nouvelle, Mercure de France, Revue de Paris, etc. поместили ряд статей и заметок, инспирированных «Унионом» и получают от него необходимые материалы по русскому вопросу.

Помещено во французской прессе статей и заметок членов и сотрудников «Униона» – 200.

Помещено во французской прессе статей и заметок инспирированных «Унионом» – 1.060.

2) *Провинциальная французская пресса.*

Сотрудниками «Униона» помещен ряд статей в провинциальной французской прессе. Газеты эти следующие: *La Démocratie d'Ille-et-Vilaine*, *L'Information* (провинциальное издание), *Le Phare de la Loire*, *Le Réveil du Nord*, *Le Petit Saumurois*, *Le Démocrate de l'Yonne*, *Les Dernières Nouvelles de Tours*.

Кроме того провинциальной печатью перепечатывались статьи и заметки сотрудников «Униона», появившиеся в парижских изданиях. Произвести точный учет перепечатанных статей нет возможности. Отметим лишь тот факт, что провинциальные газеты постоянно цитировали или авторов-сотрудников «Униона», или газеты, в которых «Унион» имел прочные связи.

Наконец, находящаяся с «Унионом» в договорных отношениях *Agence Universelle*, являющаяся главным источником политической информации для всей французской провинциальной печати, все сведения, касающиеся России или получает от «Униона» непосредственно, или же подвергает их на предварительное рассмотрение его.

II.

Участие в союзнической печати.

С английской прессой «Унионом» поддерживается связь через существующее в Париже Бюро Английской Печати и путем постоянных личных сношений с редакциями и корреспондентами английских газет. Многие из редакционных статей и разных заметок, появившихся в: *Times*, *Daily Mail*, *Morning Post* и др. инспирированы «Унионом» или написаны по материалам, переданным в их распоряжение «Унионом».

С американской прессой связь «Униона» поддерживалась через Американское Бюро Печати и путем личных сношений с американскими журналистами.

Через "*United Press of America*" «Унионом» переданы по телеграфу и посланы несколько статей и заметок, появившихся в: *Chicago Daily News*, *New York Times* и др.

С итальянской прессой «Унион» поддерживает связь путем личных сношений с представителями больших итальянских газет, поместивших несколько статей и заметок сотрудников «Униона», а также своих, инспирированных «Унионом», появившихся в: *Corriere della Sera*, *L'Italia Antibolchevica*, в изданиях "*Voce*".

В бельгийской и швейцарской прессе был напечатан целый ряд статей и заметок сотрудников «Униона». Связь в большинстве случаев

использована в такие газеты как: Nation Belge, Étoile Belge, Gazette de Lausanne, Tribune de Genève.

Кроме того, при содействии существующих в Париже Бюро Печати: Японского, Юго-Славянского, Чехо-Словацкого, Польского, Финского «Унионом» были посланы информации и инспирированы статьи, появившиеся газетах: Японских, Чешских, Польских, Финских и др.

III.

Воздействие «Униона» на французские общества и союзы.

Учитывая громадное значение общественных организаций, опирающихся на широкие круги населения Франции, вплоть до крестьянства, «Унион» вступил в постоянные сношения с Центральными Комитетами этих организаций и регулярно снабжает их сведениями и материалами, которыми организации эти пользуются для борьбы с большевизмом.

Результаты этих сношений дали существенные результаты <sic> в ноябре 1919 года, во время предвыборной кампании. Большинство этих организаций, агитируя против большевистского режима <нрзб.>, прибегало к аргументам, которые они черпали из полученных от «Униона» документов.

Список обществ и союзов, с которыми «Унион» находится в регулярных сношениях.

- 1) Comité Parlementaire de l'Action à l'Étranger
- 2) Conférence du Village
- 3) Union Française
- 4) Alliance Républicaine Démocratique
- 5) France, Association Nationale pour l'organisation de la Démocratie
- 6) Студенческие организации "Le Soc" и "Framée"
- 7) Центральный Комитет Французских Кооперативов
- 8) L'Alliance Universitaire Française

Последняя организация расклеивала по Франции афиши: "Sans la Russie pas de Salut" и издала брошюру: "Sans la Russie pas de France". Оба издания составлены по материалам «Общего дела» и разошлись в громадном количестве экземпляров.

IV.

Воздействие на парламентские круги Франции и союзных стран.

«Унион» поддерживает постоянные и регулярные отношения с представителями разных парламентских групп, как во Франции, так

и в других Союзных странах. Отношения эти выражаются <как> в личных беседах членов «Униона» с депутатами, так равно и в снабжении этих последних материалами и документами по русскому вопросу. Несколько депутатов французских, английских и др. выступали с запросами по русским делам на основании документов, полученных ими от «Униона».

«Унионом» составлено и издано в ограниченном количестве экземпляров докладных записок для политических деятелей Франции.

V.

Участие «Униона» в пропаганде среди французских социалистов.

Участие это выражалось:

1) В непосредственном сотрудничестве «Униона» в издании специального Бюллетеня, распространявшегося среди французских социалистов в 15.000 экземпляров. Издание продолжалось несколько месяцев.

2) В содействии французской пропаганде в разгар предвыборной кампании и выпуске составленной «Унионом» агитационной афиши против большевиков.

3) В издании нескольких брошюр для распространения в рабочей среде (брошюры Б. Соколова, Дюма и др.)¹⁶.

VI.

Участие «Униона» в устройстве публичных выступлений.

Несмотря на то, что устройство публичных выступлений пропагандистского характера требует затраты крупных средств, которыми «Унион» не располагал, он все же имел возможность принять участие в выступлениях и субсидировать устройство нескольких манифестаций.

Отметим:

1) Манифестации, устроенные при содействии «Униона» французскими студенческими организациями: "Soc", "Framée";

2) Участие в нескольких благотворительных концертах;

3) Организацию рефератов гг. Минского и Дюфура¹⁷;

4) Устройство банкетов для французской и славянской прессы.

VII.

Постановка кинематографических фильмов.

Пользуясь одним из наиболее мощных средств пропаганды – кинематографом, «Унион» предпринял организацию постановки и эксплуатации кинематографических лент. С этой целью «Унион» пришел на помощь нескольким составителям сценариев из современной

русской жизни. Кроме того, «Унион» вошел в соглашение с одной из французских кинематографических фирм, взявшей на себя постановку представленного ему «Унионом» сценария и не остановившейся перед крупными расходами на постановку (свыше 200.000 фр.). Фирма ФТА предложила «Униону» принять участие в эксплуатации фильма при условии содействия распространению 9 лент этой фирмы в Польше и Чехо-Славии, т.е. в тех государствах, где «Унион» располагает прочными связями и где рынок нуждается в анти-большевистских фильмах. До настоящего времени таких фильм никем не выпускалось и предприятие с коммерческой стороны не несет никакого риска.

VIII.

Издательская деятельность «Униона».

<Сноска:> Подробный список изданий, выпущенных и распространенных «Унионом», см. приложение № 5.

1) Два раза в месяц Иностраный Отдел «Униона» выпускает на французском языке собственные печатные Бюллетени в 10-20 страниц, в которых в систематизированном виде даются сведения о положении дел в России. Бюллетени пользуются популярностью далеко за пределами Франции.

Всего французских Бюллетеней выпущено 27 №№ в количестве 40.800 экз<емпляров>.

2) Два раза в месяц Русский Отдел выпускает Бюллетени на русском языке в 12-18 страниц в целях регулярного осведомления общественного мнения в анти-большевистской России о течениях западно-европейской общественной мысли. Первоначально русские Бюллетени издавались для рассылки в русские лагеря во Франции. В последнее время издание этих Бюллетеней временно прекращено отчасти ввиду отправки значительного числа солдат в Россию, отчасти в виду недостатка в средствах.

Всего русских Бюллетеней выпущено 17 №№ в количестве 17.100 экз<емпляров>.

3) Финансово-экономический Отдел «Униона» участвовал в издании "Supplement russe", публикуемое финансовым информационным агентством "Agence Économique et Financière", основанном г. Yves Guyot.

"Supplement russe" широко распространяются и способствуют установлению среди французского общественного мнения правильных взглядов на финансово-экономические перспективы России.

Всего "Supplement russe" издано 64 №№ в количестве 320.000 экз<емпляров>.

4) Поскольку позволяли средства, «Унион» выпускал брошюры по отдельным вопросам на французском и русском языках.

Большинство изданных брошюр разошлось без остатка и «Унион» получает постоянные требования о высылке своих изданий, но вынужден часто оставлять их без удовлетворения, т.к. на повторение тиража не хватает средств.

Всего «Унионом» издано и распространено книг и брошюр: французских 29 в количестве 210.500 экз<емпляров>, русских 8 – // – <в том же количестве – Л.Л.> .

5) «Унионом» отправлено в освобожденные от большевиков местности России посылки с разного рода информационной литературой <нрзб.>

IX.

Деятельность «Униона» вне Франции.

В Бельгии.

В конце ноября 1919 г. «Унионом» завязаны регулярные сношения с бельгийской прессой. В виду сочувствия широких общественных кругов в Бельгии к анти-большевистской пропаганде «Униона» и при содействии крупной общественной организации "Association des Belges <de> retour de Russie", в Брюсселе, «Унионом» предпринята организация своего отдела в Бельгии.

Временно, до открытия отдела, установлено регулярное сношение с лицом, взявшим на себя представительство от «Униона» на распространение в Бельгии изданий «Униона» и согласившимся быть посредником между «Унионом» и бельгийской печатью.

Четыре наиболее видных бельгийских газеты: La Nation Belge, L'Indépendance Belge, L'Étoile Belge, Le Soir пользуются сведениями «Униона» при освещении положения дел в России и помещают статьи и заметки, присылаемые «Унионом».

В Бельгии распространяется около 250 экзempl<яров> французского Бюллетеня «Униона» и бельгийская пресса регулярно снабжается сведениями, доставляемыми ей «Унионом».

В Швейцарии.

Постоянным швейцарским корреспондентом «Униона» состоит известный журналист С. Перский¹⁸.

Пользуясь материалом, доставляемым ему «Унионом», он ведет пропаганду на столбцах: Gazette de Lausanne, Tribune de Genève. В последнее время в Швейцарии Лига Возрождения России, издающая свои бюллетени¹⁹, образовала Бюро Печати, которое обратилось к «Униону» с просьбой посылать ему все имеющиеся в его распоряжении материалы и сведения. Просьба эта удовлетворяется «Унионом» регулярно.

В Праге.

«Унион» субсидировал издающуюся в Праге газету «Русское дело», в 4 стр<аницы>. Тираж газеты – 3.000 экз<емпляров>. По 1-е мая 1920 г. «Русское дело» выпустило 140 №№.

При этой газете организовано небольшое Бюро Печати, снабжающее Чехо-Словацкую и Юго-Словацкую печать сведениями о России и распространяющее издания «Униона».

В Варшаве.

Постоянным варшавским корреспондентом «Униона» состоит г. Завельский²⁰.

Х.

Из приведенного отчета видно, что за 15 месяцев своей деятельности «Униону» удалось создать прочные кадры организации русской пропаганды во Франции и завязать сношения почти во всех странах.

За истекшие 15 месяцев «Унион» располагал ничтожными средствами, по сравнению с материальными средствами противников. Кроме того, средства эти поступали крайне нерегулярно, что лишало «Унион» возможности расширить свою деятельность.

С февраля 1919 г. по май 1920 г. «Унион», 140-bis, rue de Rennes, израсходовал 586.773 фр<анка> 75 с<ан>т<имов> или по 39.118 фр<анков> 25 с<ан>т<имов> в месяц.

* * *

Обращаясь с ходатайством к Русской Политической Делегации в Париже²¹ о выдаче субсидии на продолжение русской пропаганды во Франции, «Унион», 140-bis, rue de Rennes, просит субсидии в 40.000 фр<анков> ежемесячно в течение 4-х месяцев, т.е. 160.000 фр<анков>, на каковой срок Политическая Делегация нашла возможным оказать поддержку другой организации русской пропаганды – The Russian Liberation Committee в Лондоне²².

В случае, если Политическая Делегация не найдет возможным ассигновать «Униону» субсидию в указанном выше размере, «Унион»

ходатайствует о выдаче ему субсидии на ликвидацию дела в размере 90.000 фр<анков>, каковая сумма складывается из следующих ликвидационных расходов:

1) 3-х месячное жалование 16-ти служащим	56.850
2) Недоданное за апрель и май жалование	15.585
3) Долги «Униона»	17.565
Всего	90.000

Приложения.

- 1) Таблица расходов по изданию и распространению литературы.
- 2) Таблица организационных расходов по пропаганде.
- 3) Таблица расходов по содержанию Бюро «Униона».
- 4) Список статей, помещенных во французских повременных изданиях сотрудниками «Униона»²³.
- 5) Список изданий выпущенных или распространенных Бюро «Унион»²⁴.
- 6) Список служащих «Униона» с суммой получаемого содержания.
- 7) Список изданий Russian Liberation Committee, London, доставленных Бюро «Униону» по 1-е мая 1920 года.

¹ Вох 148, f. 13. Машинописный текст; датируется по содержанию: конец июля-август 1919 г.

² Navas – ведущая международная служба новостей, основанная во Франции в 1832 г.; была пионером телеграфного распространения газетной информации.

³ Имеются в виду Российское посольство в Париже, возглавляемое Василием Алексеевичем Маклаковым (1869–1957), и Русское политическое совещание (декабрь 1918–июль 1919), работавшее под председательством кн. Георгия Евгеньевича Львова (1861–1925) в целях отстаивания интересов антибольшевистской России на Парижской мирной конференции.

⁴ Николай Васильевич Чайковский (1850–1926) – эсер, председатель отдела иностранных дел правительства Северной области (Архангельск, август 1918–февраль 1920), член Южнорусского правительства (февраль–март 1920). Член Русского политического совещания.

⁵ Мирослав Спалайкович (1869–1951) – сербский дипломат и посол в России (1913-17), покинувший страну в 1918 г. и приехавший в Париж представлять интересы Сербии на мирной конференции.

⁶ Имеется в виду деятельность Русской Военной Миссии, сохранившей свои полномочия во Франции после большевистского переворота, среди солдат русского экспедиционного корпуса, сражавшегося на Западном фронте с 1916 г.

⁷ Брошюры Бурцева: *Lettre ouverte d'un socialiste russe aux bolcheviks* (Paris: Union, 1919); *Soyez maudits, bolcheviks!* (Paris: Union, 1919); и брошюра Леонида Андреева: *Au Secours!* (S.O.S.) (Paris: Union, 1919).

- ⁸ Box 151, folder 41. Машинописный текст на формуляре: *La Cause Commune. Directeur politique: V. Bourtzeff. 49, Boulevard Saint-Michel, Paris*. Судя по незаполненным пробелам, это копия с оригинала. Датируется по содержанию: декабрь 1919 г.
- ⁹ Имеются в виду выборы ноября 1919 г., на которых большинство голосов, впервые в истории Третьей Республики, получили делегаты правых партий под эгидой «Национального блока». Эмигранты с надеждой отнеслись к результатам выборов, справедливо рассматривая победу правых залогом антибольшевистской политики Франции.
- ¹⁰ Анри Гильбо (Henri Guilbeaux, 1885–1938) – французский социалист и пацифист, впоследствии коммунист, сотрудник Коминтерна и поклонник Троцкого. Поль Дюкс (Paul Dukes, 1889–1967) – английский музыкант и разведчик, координатор британской материальной помощи антибольшевистскому движению в России; организатор побегов деятелей Белого движения из советской России, откуда сам был вынужден бежать в 1919 г.
- ¹¹ Антон Иванович Деникин (1872–1947) – генерал-лейтенант, один из основателей Белого движения, командующий Добровольческой армией с апреля 1918 г., затем Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (декабрь 1918–март 1920). Петр Николаевич Врангель (1887–1928) – генерал-лейтенант, командующий Добровольческой армией при Деникине, которого сменил в 1920 г. в качестве Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Михаил Владимирович Бернацкий (1876–1943) – член партии кадетов, экономист, публицист, министр финансов Временного правительства (сентябрь–октябрь 1917), министр финансов в правительствах Деникина и Врангеля.
- ¹² Русская политическая делегация за границей – руководящий орган Русского политического совещания. Делегация была уполномочена А.В. Колчаком и А.И. Деникиным представлять интересы России на Парижской мирной конференции. Продолжая свою деятельность после роспуска Русского политического совещания, Делегация состояла из пяти человек: кн. Львова, Маклакова, Чайковского, С.Д. Сазонова и Б.В. Савинкова.
- ¹³ Копия письма не сохранилась.
- ¹⁴ Box 148, f. 13. Машинописный текст; датируется по содержанию: май–июнь 1920 г.
- ¹⁵ Григорий Алексеевич Алексинский (1879–1967) – социал-демократ, журналист и публицист. Pierre Georget La Chesnais (1865–1948) – французский журналист и публицист, историк и критик литературы, переводчик Генриха Ибсена и Ганса-Христиана Андерсена. Александр Аркадьевич Дикгоф-Деренталь (1885–1939) – эсер, террорист, ближайший сотрудник Савинкова по Русскому политическому комитету в Польше; впоследствии агент ГПУ, причастный к аресту Савинкова. Charles Dumas (1883–1955) – деятель французской социалистической партии, юрист, публицист, автор книги “*La Vérité sur les Bolcheviki*” (Paris: Éditions franco-slaves, 1919). Владимир Владимирович Дравович (1886–1943) – психолог (ученик и ассистент И.П. Павлова), политический журналист, поселившийся во Франции еще в 1914 г. Жозеф Кессель (Joseph Kessel, 1898–1979) – французский писатель и журналист, сблизившийся и сотрудничавший с культурными и политическими деятелями русской эмиграции благодаря своему интересу к России, где он провел несколько лет ребенком. Борис Николаевич Одинцов (1882–1967) – профессор агрономии, проректор Петроградского университета по хозяйственной части, общественный деятель, выслан за границу в 1922 г.; его сотрудничество ограничилось одной статьей (“*Le Commerce avec la Russie soviétiste*”. *L'Entente*. 4. II. 1920), видимо, пересланной из советской России. Борис Викторович Савинков (1879–1925) – эсер, один из лидеров Боевой организации партии социалистов-революционеров, активный участник антибольшевистской вооруженной борьбы, руководитель Русского политического комитета в Польше. Владимир Викторович Викторов-Топоров (?–1936) – политический журналист, библиограф. Bernard Taft (настоящее имя

Raphaël Baury, 1889–1949) – французский журналист, критик, поэт, романист, переводчик «Воспоминаний террориста» Савинкова. Николай Моисеевич Волковский (1881–1941?) – журналист и редактор; судя по всему, он переслал свою статью (“La Reprise de relations économiques avec la Russie”. *La Lanterne*. 2.П.1920) из Советской России, т.к. в эмиграции с 1922 г. Юрий Вениаминович Ключников (1886–1938) – видный общественный деятель, кадет, юрист, специалист в области международного права, управляющий Министерством иностранных дел в правительстве Колчака; эмигрировал в 1919 г., войдя в Парижский комитет партии кадетов, впоследствии сменовеховец. Илья Данилович Гальперин-Каминский (1858–1936) – русско-французский журналист, педагог, писатель, с конца XIX в. один из ведущих переводчиков и популяризаторов русской литературы во Франции. Петр П. Нестеров – юрист, политический журналист. Кароль (Михайлович) Вендзягольский (Wędziągolsky) – польский дворянин, член партии эсеров, комиссар 8-й армии при Временном правительстве; участник Белого движения, соратник Савинкова.

¹⁶ Борис Федорович Соколов (1889–?) – врач, ученый-бактериолог, преподаватель, публицист, министр внутренних дел Северного правительства (1919). Имеется в виду его брошюра, переведенная Лидией Крестовской “Les Bolcheviks jugés par eux-mêmes” (Paris: Éditions franco-slaves, 1919).

¹⁷ Николай Максимович Минский (Виленкин, 1855–1937) – поэт, писатель, критик, публицист, один из основателей петербургского Религиозно-философского общества. Léon Dufour – французский журналист и литературный критик, сотрудник католического журнала “Études”.

¹⁸ Сергей Маркович Перский (1870–1938) – франко-русский журналист, публицист, литературный критик, переводчик.

¹⁹ Имеется в виду двухнедельный “Bulletin russe”, издававшийся в Лозанне, в 1919-1920 гг., организацией Ligue pour la régénération de la Russie.

²⁰ Личность не установлена.

²¹ См. примечание 11. Член Делегации, глава Российского посольства в Париже Маклаков, так описывал попытки Бурцева получить субсидию в письме к Б.А. Бахметеву (2 мая 1921): «И сам Бурцев, и его сотрудники не раз приходили ко мне зондировать почву относительно возможности получить субсидию или на “Общее дело”, или на “Виктуар”, или хотя бы на телеграфное агентство. Все эти разговоры не приводили ни к чему, так как мы неизменно указывали на недостаток средств, на невозможность обращать их не по прямому назначению на беженцев и т.п. <...> Но отказывая им в деньгах, я из тактических соображений не лишал их надежды на будущее, старался найти какую-нибудь промежуточную форму, где можно было бы не обрывать резко всяких отношений с ними, не лишать их мотивов не занимать относительно нас враждебной позиции. Так, лично я считал возможным в течение нескольких месяцев поддерживать их агентство, так как это исключительно информационное дело» («Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка 1919-1951: В 3-х тт. Ред., вст. ст., комм. О.В. Будницкого. Т. 1. Москва-Стэнфорд: Росспэн-Гуверовский институт, 2001. С. 372-373).

²² The Russian Liberation Committee – антибольшевистское эмигрантское информационное агентство и издательство, основанное Михаилом Ивановичем Ростовцевым (1870–1952) в Лондоне в 1919 г. Англоязычная пропагандистская деятельность Комитета преследовала те же цели и пользовалась теми же средствами, что и франкоязычная работа газеты и агентства Бурцева; подробнее см.: Charlotte Alston. “The Work of the Russian Liberation Committee in London, 1919-1924.” *Slavonica* 14 (No. 1, 2008). P. 6-17. Как следует из Приложения № 7, Комитет регулярно предоставлял свои публикации в распоряжение бурцевского агентства.

²³ Приложение № 4 содержит список франкоязычных публикаций в газетах и журналах, авторами которых были: Алексинский, Бурцев, La Chesnais, Дикгоф-Деренталь, Dumas,

Драбович, Kessel, Савинков, Чайковский, Виктор-Топоров, Taft. Наше исследование французской прессы выявило многочисленные неточности в датировке и названиях статей в Приложении № 4. Более полная и проверенная библиографическая информация о франкоязычной публицистике вышеуказанных сотрудников «Униона» приводится в книге: Leonid Livak. *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2010.

- ²⁴ Приложение № 5 содержит неполные данные о франкоязычной публицистике тех же авторов в виде отдельных изданий, а также о франкоязычных групповых сборниках. См.: Leonid Livak. *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2010.

АЛЕКСАНДР ТУФАНОВ, ПОЭТ-СТАНОВЛЯНИН: ТРАДИЦИИ ХЛЕБНИКОВА В ЗАУМНОЙ ПОЭЗИИ 1920-х гг.*

Jean-Philippe Jaccard

Среди терминов, появившихся в эпоху авангарда и подхваченных последующими исследователями, есть один, связанный с заумью, не очень известный, но стоящий того, чтобы в нем разобраться. К тому же он является причиной одного ошибочного толкования, в котором я, к сожалению, отчасти повинен. Речь идет о неологизме *становлянтво* и его производных *становление*, *становлянин*.

Этот термин принадлежит Александру Туфанову¹ (1877–1942?) – поэту, который представляет интерес по меньшей мере по трем причинам. Прежде всего, завершив свои скитания во время гражданской войны по Архангельской области, где он занимался изучением ритмических особенностей частушек, и вернувшись в 1921 г. в Петроград, Туфанов становится главным пропагандистом крайней *зауми*, идеи, которая нашла свое конкретное воплощение в двух книгах: «К зауми» (1924) и «Ушкуйники» (1927)², объединивших поэтическую практику («фоническая музыка») с широко аргументированной теоретической основой. Во-вторых, в середине 1920-х гг. Туфанов сыграл роль организатора, создателя поэтических объединений *Орден заумников* и *Левый фланг*, где делали свои первые шаги будущие обэриуты Даниил Хармс и Александр Введенский³, одновременно сближая свою поэзию с творчеством Михаила Матюшина и с его группой *Зорвед* при петроградском ГИНХУКе, возглавлявшемся в то время Казимиром Малевичем. Наконец, что особенно важно, Туфанов видел себя преемником Хлебникова в качестве «Председателя Земного Шара Зауми» и «Государства Времени» под именем Велемира II.

Недавно опубликованные Т.М. Двинятиной тексты Туфанова, посвященные Хлебникову⁴, проливают новый свет на связи между двумя писателями. Эти статьи были написаны после смерти Хлебникова, которую Туфанов воспринял как «жестокую потерю для нашего литературного футуризма»⁵ и которая побудила его предложить создание «Кружка памяти поэта Хлебникова»⁶. Некоторые из них предназначались для чтения в Вольной философской ассоциации, где 10 сентября

* Здесь представлен переработанный вариант статьи, впервые напечатанной в: Velimir Xlebnikov, poète futurien. (Modernités russes 8). Lyon: Centre d'Études Slaves André Lirondelle, 2009. P. 439-450.

1922 г. Николай Пунин прочитал доклад «Хлебников и “Государство Времени”», 18 сентября был организован вечер «Памяти Велимира Хлебникова», в том числе с участием Малевича и Матюшина, и 10 октября Лев Арэнс говорил о «Хлебникове и будетлянах». В мае-июне 1923 г. Туфанов пишет статью «Поэзия Становлян (К годовщине смерти Велемира Хлебникова)», название которой вписывает слово *становлянин* в длинный список неологизмов русского авангарда. Тогда же (11 и 23 мая 1923 г.) в студии Владимира Татлина состоялась постановка сверхповести «Зангези», которую Туфанов подверг серьезному разбору⁷. Все эти тексты сопровождают подготовительный процесс, ведущий к появлению книги «К зауми». Они укрепляют нас в мнении, что Туфанов ставит Хлебникова особняком среди других *будетлян*, одновременно свидетельствуя, что литературная деятельность Туфанова идет в русле исканий Председателя Земного Шара, сумевшего открыть дорогу истинной *зауми*, единственно способной выразить поэтически-ми средствами непостижимый умом мир в его вечном *становлении*.

В это время Туфанов работает над теорией семантизации согласных фонем, унаследованной им от Хлебникова (хотя первого в слове интересовали предударные фонемы, а второго – начальные). Двинятина убедительно показывает, что Туфанов знал «Перечень. Азбуку ума» (1917), но не был знаком ни с «Художниками мира!» (1919), ни с «Нашей основой» (1919-20). При этом в отношении некоторых фонем он приходит к тем же результатам, что и Хлебников. Тем более не кажется лишним внести некоторые уточнения в толкование термина *становлянин*, который постоянно встречается в это время у Туфанова, но прежде необходимо исправить ошибку, допущенную мной в толковании этого термина.

В книге «К зауми» Туфанов писал: «Наши предшественники – Елена Гуро, Крученных и Хлебников через “воскрешение слова” шли к заумию, поэтому они не столько будетляне, сколько с т а н о в л я н е»⁸. В 1991 г., в предисловии к переизданию «Ушкуйников», я истолковал эту фразу так, будто в оппозиции терминов *будетлянин* / *становлянин*, Туфанов отдавал предпочтение первому. На самом же деле, все обстоит как раз наоборот. Из его статей начала 1920-х гг. мы узнаем, что самого себя Туфанов считает *становлянином* и отбрасывает термин *будетлянин*, как чересчур узкий. Видимо потому, что исключительная устремленность поэзии в будущее оборачивается отказом принять целостное представление о течении времени, и следовательно, отрицанием идеи преодоления смерти.

Победа над смертью является частью поэтической программы Туфанова, а достичь ее возможно, лишь отбросив представление о времени как о протяженности, то есть отбросив собственно понятия про-

шлого и будущего: «Я не приемлю будущего, а вот от прошлого иду к безобразной, звуковой поэзии», – пишет Туфанов в своей автобиографии 1922 г.⁹ При этом условии достигается полная свобода в вечности, то есть то, что Туфанов называет в статье «Освобождение жизни и искусства от литературы» (1923) «прекрасной мгновенностью, умирающей и воскресающей бесконечно»¹⁰. В статье «Государство Времени», написанной в том же году, Туфанов пишет:

Мы разрушим ее <вселенную. – Ж.-Ф. Ж.> и упраздним даже смерть, а новой вселенной, взамен смерти, дадим самих себя, самих себя, как солнцелейную пляску в лазурной мгновенности под вихревые аккорды звукошумов и жестов.

Для Туфанова, как и для его современников, идея мгновенности связана с философией Анри Бергсона и соприкасается с ключевым понятием *текучести* – поэтического принципа, постоянно присутствующего в его статьях: только *текучесть* позволяет воспринять жизнь в ее бесконечном потоке и вечном возрождении, в образе реки, которая в истоках и в устье обладает равно «прекрасной мгновенностью»¹¹. Статья «Поэзия Становлян» открывается фразой, которую Туфанов неустанно повторяет в текстах этого времени и которая навеяна чтением «Творческой эволюции» Бергсона:

Жизнь есть нечто эволюирующее, становящееся, движущее, ускользящее, неустойчивое, скользкое, крылатое, непрерывное, тягучее, непредвидимое, вырывающееся и торчащее вечно новое. Такова жизнь, таково и искусство, таков и поэт, художник.

А между тем, человеческий ум, привыкший к пространственному восприятию времени, к сравнованию, сопоставлению, выделению общих признаков, все распределяет по ящикам с надписями: символисты, акмеисты, имажинисты, будетляне, космисты и пр. и пр.

Но поэт, как сама жизнь, есть то, что *становится*, делается; он всегда – *становлянин*. Таков был Велемир Хлебников, такою была Елена Гуро и таковы мы – все Велемиры в Государстве Времени.

Как видно, *будетляне* относятся к тем, кто привык к «пространственному восприятию времени», в то время как истинный поэт – тот, кто *становится*¹². Для Туфанова *становлянин*, как и *Велемир* <sic!>, – это синоним Поэта с большой буквы (даже «больше, чем поэт»¹³) по сравнению с теми мелкими ремесленниками слова, которым чужда «прекрасная мгновенность».

Именно в этом контексте надо понимать неоднократно встречающееся в статьях поэта различие двух видов лиризма: *непосредственного* и *прикладного*. Первый, называемый также *заумным*, открывает доступ к жизни в цельности ее *становления*, в то время как второй представляет собой лишь ремесленничество, способное остановить реальность в застывших формах, на которые уже нетрудно прикле-

ить «слова-ярлыки»¹⁴. По мнению Туфанова, этот второй тип лиризма подпадает под известное определение Александра Потетни, назвавшего поэзию *образным мышлением*¹⁵. Напротив, «непосредственный лиризм» подразумевает освобождение от *образности*, иными словами является *заумью*, способной воплотиться лишь в «фонической музыке». Именно в таком ключе написаны стихи Туфанова этого времени, а тип этого лиризма он поясняет в статье «Поэзия Становлян»:

Но есть другого рода лиризм, иногда бурный, иногда тихий, но исходящий всегда от жизненного порыва, непосредственный, не прикладной; к нему определение Потетни “поэзия – образное мышление” не приложимо. Этот лиризм – *заумный*.¹⁶

Прикладная образность неплодотворна в той мере, в какой она результат пространственного, то есть количественного восприятия времени с его неизбежностью смерти. Туфанов же полагает, что время – это «качественное множество» или «качественная длительность»:

Эту качественную длительность [мы] люди привыкли развешивать в пространстве, привыкли разделять моменты и лишать все живое одушевленности и окраски, привыкли изолировать переживания из комплекса явлений и обозначать их словами, придавая им характер вещей («Велемир I Государства Времени»).

Гений Хлебникова сумел освободиться от этой образности:

Искусство было поэзией мыслей, образное мышление (по определению Потетни). Поэт был не свободен, он жил вдали от самого себя, от своего Я, и давал в поэзии только обесцвеченный словами-понятиями призрак, тень, которую чистая длительность бросала в однородное пространство. Поэт жил больше в пространстве, нежели во времени, для внешнего мира больше, чем для самого себя, больше говорил и думал, чем ощущал, он не проникал вовнутрь предмета и не сливался с тем, что есть в нем единственное и, следовательно, невыразимое.

И Хлебников был велик тем, что он первый почувствовал ненужность [слова образа] поэтических образов в поэзии. Он писал:

Бобэоби пелись губы <...>

Он ушел к словотворчеству, выдвинув на первый план фонему с ее психически живыми кинемами и акусами. Для него слово [вставка: точнее комплекс звуков] стало самовитым, в смысле освобождения от образности; он выдвинул вопросы о значении первых согласных в слове, о перемене согласных в корне, о чем здесь уже докладывал г. Аф<а>н<а>с<ъев-Соловьев> («Велемир I Государства Времени»).

Как видно, главный вопрос – это вопрос восприятия времени, того, что, по словам Туфанова, «для нас – *последовательное и качественное множество*». И только *заумь* способна перевернуть представления о времени:

Наше заумие ведет, конечно, не к возврату в первобытное состояние, а к разрушению вселенной в пространственном восприятии ее человеком

и к созданию новой вселенной в Государстве Времени («Государство Времени»).

В этой статье, как и во многих других работах, Туфанов повторяет мысль о том, что понятия прошлого и будущего бесполезны. Есть только настоящее, то есть вечное *становление*:

Для нас “прошедшее” всегда втекает в настоящее, и “будущее” – тоже настоящее и тоже с погруженным в него прошлым. Мы не приемлем ни прошедшего, ни будущего в пространственном восприятии. Есть только одна прекрасная мгновенность, умирающая и воскресающая бесконечно.

В этом, собственно, и заключается проблема, непреодолимая для тех, кто привержен прикладному лиризму и обладает *пространственным* представлением о времени. *Будетляне* же, как вытекает из семантики корня, на котором построен неологизм, не в состоянии понять «прекрасной мгновенности», их связь со временем остается пространственной. Я говорю, разумеется, лишь о том значении термина *будетляне*, в каком употребляет его Туфанов, понимая под этим *футуристов*. Хлебникова он относит к этой категории лишь в историческом плане, но отнюдь не в эстетическом.

Соединив все эти элементы, мы убеждаемся, что система, в которую они складываются, вполне последовательна. В самом деле, эта система состоит из ряда синонимов и представляет собой парадигму авангарда как в литературе, так и в искусстве¹⁷. *Заумь*, таким образом, является синонимом *становлянтства*, и оба термина входят в тот же смысловой ряд, что и *безобразность*, *беспредметность*¹⁸, *непосредственный лиризм*, *фоническая музыка* и т.п., к чему можно было бы добавить *вортицизм*¹⁹, *дунканизм*²⁰, и др. Все это – способы разрушить вселенную, постигаемую пространственно, и после воссоздать ее в беспредельности «Государства Времени», которое достижимо как раз благодаря *зауми*.

Именно разрушение «пространственного восприятия времени» позволяет человеку освободиться от Смерти. Этого удалось достичь Хлебникову. В наброске речи для вечера памяти Хлебникова Туфанов пишет: «В заключении я напомним об одном замечательном произведении Хлебникова “Ошибка барышни Смерти” как попытке, общей всем нам, путем волшебства звуковой композиции разрушить смерть в пространственном восприятии ее человеком». Отголоски этих размышлений мы находим и в рецензии на постановку «Зангези», когда он акцентирует внимание на финале спектакля, когда на сцене появляется доска с объявлением: «Зангези умер... / Зарезался бритвой / Оставив записку», после чего «появляется на сцене Зангези, и известие о его смерти опровергается. Над сценой разворачивается полотно с надписью: “28 IV 1922” – дата смерти Велимира Хлебникова»²¹. Как известно, Зангези сам объявляет в конце свержновения: «Зангези жив / Это была

неумная шутка»²². Бритва не в состоянии перерезать «воды его жизни», то есть остановить *текучесть* жизни²³. Хлебников, таким образом, действительно, «король времени» – он бессмертен, как и его творения.

По мнению Туфанова, Хлебников проделал путь, ведущий к *зауми*, к поэзии без слов, без *образности*. Есть, конечно, и другие поэты, которые шли и идут тем же путем, «но их переход к нашему лиризму тормозится прикладными задачами: вызывать “любственное томление молитвами из слов”, “познанием” и т.п.» («Простое о поэте Хлебникове»), а сам Хлебников от этого освободился. Туфанов пишет о «простоте» Хлебникова, поясняя, что поэт сложен только для тех, у кого доминирует пространственное восприятие его произведений, а на самом деле он был совсем прост, даже если порой и «возвращался к *придуманной* жизни <т.е. к образам. – Ж.-Ф. Ж.>, становился сложнее и писал, как Пушкин». Туфанов заключает свою статью следующими словами:

Чем ближе мы становимся к природе, тем непонятнее кажемся человеческому уму. И когда, подобно библейскому Духу Святому, происходит сошествие [его] природы на нас, апостолов, мы начинаем говорить на всех языках. Эти все языки и есть *заумный* язык, которым овладевал в своем становлении Хлебников и которым никогда не овладеет человеческий ум, создающий из поэзии всегда образное мышление.

Подписав эту статью «[Велемир II в Государстве Времени]», Туфанов отвел Хлебникову место первого Поэта. Отныне все подлинные поэты, и он, Туфанов, в первую очередь, будут «Велемирами». Это написание – с двумя «е» в отличие от хлебниковского «Велимир», – для Туфанова обозначает не имя, а звание, которого будут удостоены истинные поэты:

Звание Велемира, повторяю, обязывает: отказ от пространственного восприятия вселенной, уход к недумывающей Природе и неизбежно связанное с ним *заумие* в поэзии, отказ от “образного мышления” и передача самоощущений жизни в движении фоническими аккордами. Мы должны установить имманентный телеологизм для всех фонем и связь и порядок в организации материала нашего искусства. В этом Государстве Времени я чувствую уже себя Велемиром II, но чтобы быть Велемиром III, могу уступить корону Велемира II («Велемир I Государства Времени»).

Все эти частности свидетельствуют, что Туфанов хотел прочно и надолго внедрить *заумь* (или, иными словами, становлянство хлебниковского типа) и видел в ней конечную и единственно возможную для своего времени поэтическую форму. В декларации *Заумного Ордена* он заявлял: «Орден объединяет всех становлян, т.е. тех, кто становится, а не тех, кто был и будет», – и пояснял: «не Пушкиновых и не будетлян»²⁴. Туфанов ясно представлял себе, что в отличие от такого «старого футуриста», каким был, к примеру, Крученых, Хлебников не вошел бы в категорию «будетлян», и что *Орден заумников* является прямым детищем ушедшего поэта. Тем самым нельзя недооценивать влияние Хлебни-

кова на начинающих поэтов, объединенных Туфановым в 1925 г. в *Левый фланг*. Хлебников, поэт-становлянин, никогда не умирал для них. Его смерть воспринималась «неумной шуткой», и Даниил Хармс был вправе в своем известном двустишии 1926 г. «Виктору Владимировичу Хлебникову», написать:

Ногу на ногу заложив
Велимир сидит. Он жив.

п р и м е ч а н и я

- ¹ О Туфанове, см.: Жаккар Ж.-Ф. Александр Туфанов, от эолоарфизма к зауми // *Туфанов А. Ушкуйники* / Сост. Ж.-Ф. Жаккар и Т. Никольская. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1991 (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts. Vol. 27). С. 9-40. См. также: Разгром ОБЭРИУ: Материалы следственного дела / Вст. ст., публ. и комм. И. Мальского // Октябрь. 1992. № 11. С. 166-191; Сборник контрреволюционных стихотворений / Публ. И.С. Мальского. Подг. текстов, прим. и вст. зам. А.Г. Герасимовой и И.С. Мальского // *De Visu*. 1992. № 0. С. 24-34; Из писем А.В. Туфанова 1920-х годов / Вст. зам., публ. и комм. А.Т. Никитаева // Терентьевский сборник. М., 1996. С. 273-288; Богомолов Н.А. Новые материалы о жизни и творчестве А. Туфанова // *Русский авангард в кругу европейской культуры: Международная конференция. Тезисы и материалы*. М., 1993. С. 89-93; *Его же*. Заумная заумь // *Вопросы литературы*. 1993. № 1. С. 307-311; Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995. С. 34-49 (перевод с франц.: Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe. Bern: Peter Lang. 1991. С. 40-57); *Крусанов А. А.В. Туфанов: Архангельский период (1918-1919)* // НЛО. 1998. № 2. С. 92-119; *Морев Г.А.* К истории русского авангарда: Статья Туфанова «Новый эго-футуризм» // *Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н.И. Харджиева*. М., 2000. С. 557-564; <Никольская Т.> «Орден Заумников» // *Russian Literature*. 1987. Vol. XXII, № 1. P. 85-95; *Ее же*. Заместитель Председателя земного шара // *Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911-1998)*. М., 2000. С. 448-455; *Ее же*. Новатор-архаист («Ушкуйники» Александра Туфанова) // *Авангард и окрестности*. СПб., 2002. С. 237-245.
- ² В одноименном издании 1991 г. (далее везде – *Ушкуйники*), помимо сборника 1927 г., воспроизведен ряд работ Туфанова начала 1920-х гг., перекликающихся со статьями, о которых речь пойдет ниже.
- ³ Об этом см.: *Jaccard J.-Ph., Устинов А.* Заумник Даниил Хармс: начало пути // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1991. Bd 27. С. 159-228.
- ⁴ Велимир Хлебников в творческом сознании А.В. Туфанова. Публ. Т.М. Двинятиной // *Дело Авангарда; The Case of the Avant-Garde* / Ed. by Willem G. Weststeijn. Amsterdam: Uit. Pegasus, 2008. В дальнейшем цитаты без ссылок взяты из этой публикации, которая содержит следующие статьи: «Простое о поэте Хлебникове»; «Речь для вечера памяти Хлебникова»; «Велемир I Государства Времени» (все три работы: <осень 1922-1923>); «Поэзия Становлян (К годовщине смерти Велемира Хлебникова)» (июнь 1923) с двумя приложениями: «Конституция Государства Времени» и «Государство Времени» (2 мая 1923 г.); «Обзор художественной жизни» («I. Выставка памяти Велемира Хлебникова») (июль 1923); «Ну, тащися, Сивка» (включает: «Манифест Председателя Земного Шара Зауми») (1924-1925). Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность Т.М. Двинятиной за любезно предоставленные материалы и ценные советы.
- ⁵ <Туфанов>в А. Памяти Велимира Хлебников // *Новости (Пг.)*. 17 июня 1922. № 8. С. 3 (Цит по: *Ушкуйники*. С. 20).
- ⁶ «Кружок памяти поэта Хлебникова» // *Новости (Пг.)*. 24 июня 1922. С. 3 (*Ушкуйники*. С. 35-36).

- ⁷ Туфанов А. Обзор художественной жизни // Красный студент. 1923. № 7-8. С. 28-33.
- ⁸ Туфанов А. К зауми. Стихи и исследование согласных фонем. Пб.: Изд. автора, 1924. С. 8.
- ⁹ Русский авангард в кругу европейской культуры. С. 93.
- ¹⁰ Ушкуйники. С. 152; ср. там же: «Не будем часы человечества делить на 3 корзины – прошлое, настоящее и будущее. При новом восприятии мира прошлое всегда вливается в настоящее, которое всегда становится вливающимся прошлым по отношению к новой мгновности, которую называли будущим».
- ¹¹ Об этом см.: Jaccard J.-Ph. La crise de la “fluidité” à la fin de l’Age d’Argent (quelques mots sur Leonid Lipavskij et sa génération) // L’Age d’Argent dans la culture russe. (Modernités russes. № 7). Lyon, 2007. P. 375-396.
- ¹² В статье «Простое о поэте Хлебникове» Туфанов вновь пишет о том же: «Поэт, как сама жизнь есть то, что становится, делается, он всегда – становящийся», и добавляет: «Таков был Хлебников»; а также в статье «Велемир I Государства Времени»: «Велемир был сама жизнь, а жизнь есть нечто движущееся, эволюирующее, становящееся».
- ¹³ «И Хлебников был больше, чем поэт, он был Велемир. В нем было нечто собранное, а не рассеянное, круговое движение, переходящее в линейное направление, заторможенное и хаотическое, вечно становящееся линейным при каждом новом ослаблении преград. Он был Велемир» («Велемир I Государства Времени»).
- ¹⁴ «Слово – застывший ярлык на отношениях между вещами, и ни один художественный прием не вернет ему силы движения» («Поэзия Становлян»).
- ¹⁵ Понятие, известное Туфанову, в частности, по статье В. Шкловского «Искусство как прием», которую Туфанов тщательно изучал (см.: Велемир Хлебников в творческом сознании А.В. Туфанова).
- ¹⁶ Ср. также: «Но есть и другого типа лиризм, иногда бурный, иногда спокойный, всегда непосредственный, исходящий всегда от жизненного порыва; он не прикладной, а своего рода лиризм для лиризма. Сюда следует отнести бешеную пляску дикарей вокруг костров (корробоги), “радения” русских хлыстов, пение частушек под “тальянку”, исполнение “Ой, гуляй, гуляй, казак”, в опере Римского-Корсакова “Майская ночь” и, наконец, “Заумие”, “Расширенное Смотрение” у поэтов и художников» (Туфанов А. К зауми. С. 7).
- ¹⁷ Хотя в нашем контексте они скорее составляют единое целое, что показывает сотрудничество Туфанова с Матюшиным и его учеником Борисом Эндером, который «иллюстрировал» сборник «К зауми». См. подробнее: Ушкуйники. С. 178; Эндер З. Эксперименты Бориса Эндера в области заумного стихосложения // Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре / Под ред. Л. Магаротто, М. Марцадури, Д. Рицци. Берг: Peter Lang, 1991. P. 264-265.
- ¹⁸ Туфанов описывает заумь как «беспредметность в поэзии», например, в письме к В. Полонскому от 13 октября 1928 г. (Из писем А.В. Туфанова 1920-х годов. С. 279).
- ¹⁹ «Я – вихрь (Vortex), пронизывающий пространство и время (как качественную множественность), тормозящий восприимательные процессы человека и ведущий человечество к видению и деланию вещей в восприятии» (Русский авангард в кругу европейской культуры. С. 93).
- ²⁰ См.: Туфанов А. Дунканизм – как непосредственный лиризм нового человека // Красный студент. 1923. № 7-8 (Ушкуйники. С. 148-150).
- ²¹ Ушкуйники. С. 147.
- ²² Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 504.
- ²³ «Широкая железная осока / Перерезала воды его жизни, его уже нет...» (Там же).
- ²⁴ Ушкуйники. С. 178.

АЛЕКСАНДР ТУФАНОВ И МОСКОВСКИЕ ФУТУРИСТЫ

Публикация Ж.-Ф. Жаккара и А. Устинова

Сохранившиеся в архиве Алексея Крученых два письма Туфанова, являются дополнительной иллюстрацией систематически предпринимавшихся им попыток по объединению «левых сил» в искусстве. В данном случае объектом его внимания становятся московские футуристы.

Первое письмо, написанное вскоре после вечера «Памяти Велимира Хлебникова», состоявшегося 18 сентября 1922 г., показывает, что в тот момент Туфанов еще не отделяет Хлебникова от будетлян в свете своей теории *становлянства*, которой он посвятит несколько последующих лет. Поэтому неслучайно, что он обращается в издательство левого искусства «МАФ» («Московская – в будущем международная – Ассоциация Футуристов»), учрежденное в ноябре 1921 г. В. Маяковским и О. Бриком¹, которых он считает соратниками Хлебникова. Себя он четко осознает преемником умершего поэта и завершителем его работы над заумным языком и предлагает к публикации «Азбуку» для понимания *звуковой поэзии* и материалы своих исследований о частушке.

Как отмечают Т. Двинятина и А. Крусанов, «собственно частушка была для Туфанова образцом той поэзии, в которой звучание стиха превалировало над его смыслом и звук становился главным содержанием»². В октябре 1921 г. Туфанов пишет критическое исследование «Звуковая поэзия и основы новой эстетики», которое подает на конкурс петроградского Дома литераторов, где приводит результаты своих наблюдений над «фонической музыкой» частушек, но тут же обращается «к подлинно-звуковой поэзии, так называемой *заумной*, образцов которой нет еще в частушках, но [образцы которой] имеются в [русской литературе] лирике»³, – и далее приводит примеры из стихотворений Е. Гуро, Крученых и Хлебникова. В этом контексте письмо Туфанова воспринимается, как проявление его стремления объединить усилия с московскими футуристами по определению дальнейшего направления развития *звуковой поэзии*, то есть *зауми*, – после смерти Председателя земного шара.

Недолго просуществовавшее при поддержке ВХУТЕМАСа книгоиздательство «МАФ» печатало книги по серийному принципу. На протяжении 1922 г. в «Серии поэтов» были выпущены два сборни-

ка Маяковского «Люблю» (№ 1) и «Маяковский издевается» (№ 3) и «Стальной соловей» Н. Асеева (№ 2). В том же 1922 г. в «Серии теории», несмотря на предполагавшиеся Маяковским издания «Поэтика (сборник статей по теории поэтического языка)» и «Искусство в производстве. Сборник статей»⁴, были выпущены только книги Крученых: «Фактура слова. Декларация. (Книга 120-ая)» (№ 1), «Сдвигология русского стиха. Трактат обижальный (Трактат обижальный и поучальный). Книга 121-ая» (№ 2), «Апокалипсис в русской литературе. Книга 122-ая» (№ 3)⁵. По наблюдению А. Никитаева, «книги “Серии теории” издавались самим Крученых и не значились в первоначальном плане издательской деятельности Ассоциации»⁶. Все эти книги объединяло пристальное внимание к *зауми*, которая, по словам биографа Крученых, в 1920-е годы становится для него «предметом изучения, осмысления, теоретизирования и даже утилитарного применения в сфере других искусств»⁷. Позволим себе предположить, что посланные Туфановым рукописи не были приняты издательством, поскольку уже одним своим появлением могли нарушить монополию, выстроенную Крученых в «Серии теории» издательства «МАФ».

Работы Туфанова позже составят основу «К зауми» (Л., 1924): «Фоническая музыка в Государстве Времени» – вариант заглавия этого сборника⁸. После нескольких неудачных попыток пристроить его в издательство, Туфанов в конце концов издаст «К зауми» за свой счет в декабре 1923 г.⁹ А из многочисленных исследований о поэтике частушек, начатых Туфановым еще в Архангельске¹⁰, ему удастся напечатать лишь статью «Ритмика и метрика частушек при напевном строе (Архангельская и Костромская губернии)», написанную по материалам доклада, прочитанного им 20 апреля 1923 г. «в заседании этнографического отд. Академии Наук»¹¹.

Планы сотрудничества с москвичами не осуществились. Если перефразировать замечание О. Мандельштама о «литературной Москве», Крученых и московские футуристы решили избежать участия «петербургских гастролеров»¹². В 1925 г. в декларации «Ордена заумников DSO» Туфанов писал: «Связи с Крученых и другими московскими заумниками пока не установились. На Крученых наша Студия смотрит как на зачинателя. Иных отношений, возможно, и не будет, потому что я веду научно-лингвистическим путем, Крученых, как старый футурист»¹³.

Тем не менее, в конце 1928 г. Туфанов вновь обращается к Крученых. В этом письме отражена новая попытка привлечь московских футуристов к совместным действиям – теперь на базе кабинета современной литературы Государственного института истории искусств (ГИИИ)¹⁴. Туфанов и прежде пытался «легализовать свою деятельность под выве-

ской научного учреждения»¹⁵: 5 ноября 1923 г. он был принят научным сотрудником фонологического отдела при ГИНХУКе, организацией которого занимался И. Терентьев, а 26 апреля 1926 г. обратился в Правление института с просьбой о зачислении его в ГИНХУК «с целью организации при институте фонической лаборатории (секции)»¹⁶. Как известно, после публикации в «Ленинградской правде» пасквиля «Монастырь на госнабжении» институт подвергся сначала критике, а потом проверкам. 15 ноября К. Малевич ушел с поста директора, и в декабре 1926 г. ГИНХУК был официально закрыт. При этом избранные отделы института были присоединены к ГИИИ, но 27 января 1927 г. директор ГИИИ Ф. Шмит писал о «катастрофе» слияния двух институтов¹⁷.

К заявлению Туфанова о создании фонической лаборатории была приложена декларация, известная по книге «Ушкуйники»¹⁸. Туфанов издаст этот сборник в самом начале 1927 г.¹⁹ и вновь за свой счет, после чего не сможет опубликовать ни одного текста в советской печати²⁰. 19 января 1928 г. Туфанов выступит в Кабинете художественной речи ГИИИ с докладом «Заумь, как седьмое и единственное искусство», и это станет его последним выступлением на тему *звуковой поэзии*²¹. На этом фоне приглашение Крученых к участию в выставке к 20-летию футуризма звучит особенно печально.

Примерно через месяц после этого письма (7 декабря) Туфанов запишет в дневнике: «Ездил к М<алевичу>. Отвел душу. Всего больше нас беспокоит новый гос<ударственный> курс насчет “правой опасности”. Приближается день, когда мы будем совсем за флагом. Чем больше в нас верности лозунгу “быть самим собой”, тем дальше мы от современной внешней жизни. Ненавидя *наше*, они отрицают и нас. Материальное положение наше ухудшается. У Мал<евича>, кажется, отойдет комната. У меня теряется заработок <...>. Полотна М<алевича> вернули меня к мыслям об особенностях нашей психической организации. Мир воспринимаем не как “прочие”, а индивидуально. “Советская общественность” нам этого не простит. Мы ей не нужны, но и она нам не нужна»²².

При этом Туфанов оставался верен своей роли преемника и продолжателя идей Хлебникова. В письме к Крученых он просит сообщить ему адреса Т.Д. Лермана, его близкого знакомого по Архангельску и коллеге по литературно-художественному кружку «Северный Парнас»²³, и Альвэка (И.С. Израилевича, 1895–1943?), который запомнился современникам как яростный противник Маяковского и ЛЕФа²⁴, и в то же время, – как последовательный почитатель Хлебникова. Его «Альвэк чтит больше других поэтов (он организовывал вечера памяти Хлебникова и публикации его наследия и даже одного из своих сыновей назвал Велимиром)»²⁵. Заявленное им противопоставление

Хлебникова остальным футуристам было совершенно сродни позиции Туфанова, отграничивавшего *становлянина* Хлебникова от других *будетлян*. Наверняка мимо внимания Туфанова не прошла книга «В. Хлебников. Всем. Ночной бал» (М., 1927), включавшая также «Открытое письмо Маяковскому» автора обложки П. Митурича и стихи и памфлет Альвэка «Нахлебники Хлебникова: Маяковский–Асеев». Как замечает Галушкин, «скандальные “разоблачения” П. Митурича и Альвэка не имели под собой оснований. Но результат был достигнут – хотя и не тот, к которому стремились “разоблачители”. Не без влияния их выступлений началась подготовка наиболее полного на сегодня Собрания сочинений Хлебникова (под редакцией Юрия Тынянова и Николая Степанова)»²⁶.

1.

Т. Заведывающему Книгоиздательством
Московской Ассоциации Футуристов.

В течение последних 3 лет я пришел к установлению имманентно-го телеологизма фонем, придав некоторую стройность и завершение теоретическим началам заумия в трудах В. Хлебникова.

Читателям открывается возможность научиться по моей “Азбуке” восприятию стихов Гуро, Крученых, Хлебникова и др.

В прилагаемой рукописи вкратце изложены мои методы определения функций фонем, в том числе некоторые данные по исследованию частушек. Основные положения работы о частушках прилагаю при рукописи.

Прошу редакцию Издательства рассмотреть рукопись “Фоническая музыка в Государстве Времени” и сообщить, при каких условиях я мог бы ее напечатать.

Прошу рассмотреть тезисы доклада “Поэтика частушек при напевном строе” и сообщить, возможно ли его напечатать в Вашем издательстве.

При докладе приложения: 1) Палитра морфем, 2) Таблицы частушек, 3) Азбука фонем и 4) Чертежи.

Не имея службы и денег, сам приехать в Москву с рукописями не могу, поэтому желал бы путем переписки выяснить отношение Ассоциации к моим работам.

А. Туфанов.

Адрес: Петроград, 8ая Рождественская ул., д. 21, кв. 7.

Александр Васильевичу Туфанову.

11 ноября 1922 г.²⁷

Многоуважаемый
Алексей Елисеевич,

извещаю Вас, что в Институте Истории Искусств в Ленинграде в начале 29 года проектируется устройство “Выставки футуризма за 20 лет”.

Предлагаю Вам, а также всей московской группе представить материалы в Ленинград, пл. Воровского, Инст. Ист. Искусств, в Кабинет Современной Литературы К.А. Шимкевичу.

Прошу Вас – не откажите мне сообщить адреса: Альвэка и художника > Т.Д. Лермана.

С совершенным > уважением >
А. Туфанов.

Мой адрес: Ленинград, Нижегородская ул., д. 12, кв. 12
А.В. Туфанову.

4/XI 28 г.²⁸

¹ См. их докладную записку А. Луначарскому: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: *Переписка 1915-1930*. Сост., подг. текста, введение и комм.: Бенгт Янгфельдт. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Russian Literature. 13). Stockholm, 1982. С. 217. О «МАФ» см. также: В.А. Катанян. *Маяковский: Хроника жизни и деятельности*. 5-е изд., доп. М., 1985. С. 226; Е.А. Динерштейн. *Маяковский и книга*. М., 1987. С. 76-81; а также примечания А.Т. Никитаева в изд.: Алексей Крученых. *Кукиш прошлякам*. Сост. С.В. Кудрявцева. Вст. ст. Г.Н. Айги. Прим. А.Т. Никитаева. М.-Таллинн: «Гилея», 1992. С. 129-130.

² «Эстетика “становления” А.В. Туфанова: статьи и выступления конца 1910-х – начала 1920-х гг.». Вст. ст., публ. и комм. Т.М. Двинятиной и А.В. Крусанова. *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2003–2004*. СПб, 2007. С. 621.

³ Там же. С. 656.

⁴ В «списке книг, предполагаемых к изданию» Ассоциацией, который Маяковский посылает в письме Л. Брик от 28 ноября 1921 г. (В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: *Переписка 1915-1930*. С. 77).

⁵ На обложках первой и третьей книги указан 1923 г. Сам Крученых в библиографии «Книги бюджетяна» относит все три книги к 1922 г. с указанием «на книге 1923»: *Память теперь многое разворачивает: Из литературного наследия Крученых*. Сост., посл., публ. текстов и комм. к ним Н. Гурьяновой. (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 41). Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1999. С. 169. То, что «Фактура слова» вышла в 1922 г., подтверждают рецензия в газете «Московский понедельник» (14 августа) и информационная заметка в августовском выпуске журнала «Россия» (1922. № 1. С. 32).

⁶ Алексей Крученых. *Кукиш прошлякам*. С. 129.

⁷ Сергей М. Сухопаров. Алексей Крученых: Судьба бюджетянина. (Arbeiten und Texte zur Slavistik. Bd. 54). München: Otto Sagner, 1992. S. 109.

⁸ Велимир Хлебников в творческом сознании А.В. Туфанова. Публ. Т.М. Двинятиной // Дело Авангарда; The Case of the Avant-Garde / Ed. by Willem G. Weststeijn. Amsterdam: Uit. Pegasus, 2008 (цит. по рукописи, любезно предоставленной нам Т.М. Двинятиной).

- ⁹ Книга вышла в декабре 1923 г., как свидетельствует инскрипт Туфанова жене Марии Валентиновне (1888–1975): «Марусе от Велемира II-го Короля в Стране Зауми. А.Туфанов. 15 дек. 1923 г.» (Bibliothèque de l'Unité de russe, Université de Genève); см. также: Зоя Эндер. «Эксперименты Бориса Эндера в области заумного стихосложения». *Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре*. Под ред. Л. Магаротто, М. Марцадури, Д. Рицци. Bern: Peter Lang, 1991. P. 264, 277; Т.Л. Никольская. Авангард и окрестности. СПб., 2002. С. 179.
- ¹⁰ См.: Андрей Крусанов. «А.В. Туфанов: архангельский период (1918–1919 гг.)». *Новое литературное обозрение*. 1998. № 30. С. 108–118.
- ¹¹ *Красный журнал для всех*. 1923 № 7-8. С. 76–81.
- ¹² «Как от Таганки до Плющихи, раскинулась необъятно литературная Москва от “Мафа” до “Лирического круга”. На одном конце как будто изобретенье, на другом – воспоминанье: Маяковский, Крученых, Асеев – с одной, с другой – при полном отсутствии домашних средств – должны были прибегнуть к петербургским гастролерам, чтобы наметить свою линию» (О. Мандельштам. *Слово и культура*. Сост. и прим. П. Нерлера. М., 1987. С. 196).
- ¹³ Александр Туфанов. *Ушкуйники*. Сост. Ж.-Ф. Жаккар и Т. Никольская. (*Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts*. Vol. 27). Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1991. С. 178
- ¹⁴ С декабря 1927 г. кабинетом современной литературы ГИИИ заведовал К.А. Шимкевич (1887–1953).
- ¹⁵ «Эстетика “становления” А.В. Туфанова». С. 623.
- ¹⁶ «Из материалов Фонологического отдела ГИНХУКа». Вст. ст. и публ. Г. Демосфеновой. *Терентьевский сборник*. Под общ. ред. С. Кудрявцева. М., 1996. С. 113.
- ¹⁷ Irina Karassik. “Das Institut für Künstlerische Kultur (GINCHUK)”. *Matjuschin und die Leningrader Avantgarde*. Hrsgb. Heinrich Klotz. Stuttgart-München: Oktogon Verlag. P. 48.
- ¹⁸ «Из материалов Фонологического отдела ГИНХУКа». С. 113.
- ¹⁹ Ср. дарственную надпись на экземпляре «Ушкуйников»: «Дорогому Василию Викторовичу Улитину от песнопевца Великого Града и ротника книга в помянок. А.Туфанов. 16/1 27 г.» («Дневниковые записи Даниила Хармса»). Публ. А. Устинова и А. Кобринского. *Минувшее: Исторический альманах*. 11. Paris: Atheneum, 1991. С. 520). В. Улитин мог быть организатором клаки на вечере ОБЭРИУ «Три левых часа» (Даниил Хармс. ЗК № 11, запись от 21 января 1928 г.; см.: М. Мейлах, <В. Эрль>. «О “Елизавете Бам” Даниила Хармса». *Stanford Slavic Studies*. Vol. 1. Stanford, 1987. P. 189.
- ²⁰ Именно советской, поскольку последней по времени публикацией Туфанова можно считать его публикацию в журнале Андрэ фон Куна “Der Sturm”: Alexander Toufanoff (Leningrad). “Opus 27”. *Der Sturm* (Berlin). Bd. 20. No. 4-5 (Dezember 1929–Januar 1930). S. 66; в том же выпуске была воспроизведена картина Нико Пиросманашвили (S. 61) и напечатан перевод диалога В. Покровского “Zweigespräch zwischen Jessenin und Majakowsky” (S. 73-76).
- ²¹ Т. Двигяткина и А. Крусанов обращают внимание, что «судя по тексту доклада, за 4 года, прошедших со времени выхода его книги “К зауми”, в развитии этого направления он практически не продвинулся» («Эстетика “становления” А.В. Туфанова». С. 623).
- ²² «Эстетика “становления” А.В. Туфанова». С. 624.
- ²³ Андрей Крусанов. «А.В. Туфанов: архангельский период (1918–1919 гг.)». С. 110–111. Лерману принадлежит портрет Туфанова, который был показан на выставке кружка «Северный Парнас» (1919) и описание которого сохранилось в газетном свидетельстве, найденном А. Крусановым: «Мутно-серая тьма, ничего не окутывающая, над ней безглазое, ничего не видящее лицо стоит каким-то смутным призраком среди омертвевой природы, которая тесно сжалась внизу около тьмы. Цветы превратились в мертвый

орнамент, и вся картина без движения, без жизни, без видения – олицетворение поэта, который мечтал о вечно движущейся форме и содержании живой жизни! У подножия бесплотного, безглазого серо-зеленого “ничего” “великий Кант”. <...> Вся картина до того томит своим отсутствием жизни, что хочется подалее уйти от нее. <...> Во всяком случае, это самая интересная картина на выставке» (Л. «О выставке». *Возрождение Севера*. № 202 (14 сентября 1919). С. 4).

²⁴ См., например: Варлам Шаламов. «Двадцатые годы». *Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела*. М., 2004. С. 52-53; Александр Гладков. «Попутные записи». Публ., пред. и прим. С.В. Шумихина. *Новый мир*. 2006. № 11. С. 216; и др.

²⁵ Александр Галушкин. «“Мне по пути с добычей...”: Поэт-“оригиналист” Альвэк». *Русская мысль*. № 4216 (2-8 апреля 1998 г.). С. 13

²⁶ Там же.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1. Ед. хр. 285.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1. Ед. хр. 233. Л. 3.

МНИМЫЙ ХАРМС*

Алексей Дмитренко

Самым ранним по времени написания художественным текстом Даниила Хармса до настоящего времени считается стихотворение «В июле как-то в лето наше...», датируемое, согласно автографу, 1922 годом. Это стихотворение открывает вышедшие в последние годы собрания сочинений писателя¹. С легкой руки одного из первых исследователей архива обэриутов А.А. Александрова этот текст в 1992 г. был опубликован по единственному известному в то время источнику – автографу Хармса, хранившемуся в архиве Я.С. Друскина². У публикатора не было оснований усомниться в авторстве текста: автограф (на тетрадном листке в линейку) датирован и снабжен подписью *DCh*, образованной, возможно, путем сокращения от «Daniel Charms»³. Трудно предложить другую интерпретацию монограммы *DCh*: очевидно, в 1922 г. существовал «латинизированный вариант» псевдонима «Даниил Хармс», под которым писателю суждено было войти в историю литературы.

Однако в отношении авторства этого текста монограммист *DCh* ввел в заблуждение своих будущих читателей. Оказалось, что вторая строфа стихотворения с некоторыми разночтениями приведена Валентином Катаевым в автобиографической книге «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона»⁴. Эта книга, написанная в 1969–72 гг., увидела свет задолго до публикации стихотворения под именем Хармса. Катаев описывает, как отец привел его, мальчика, в Одесское юнкерское училище на демонстрацию изобретения братьев Люмьер – так называемой «живой фотографии». Они оказываются в коридоре, «служившем одновременно и церковью, и столовой, и гимнастическим залом, и театром», здесь юнкера разыгрывали водевили, а иногда устраивались дивертисменты, «где те же юнкера декламировали популярные стихи и монологи из “Чтеца-декламатора”». Среди образчиков стихов, звучавших со сцены, приводится следующий: «“Смотри, свинья какая с поля идёт, – заметил Коля Саша, – она, пожалуй, будет, Коля, ещё жирней, чем наш папаша”. – Но Коля молвил: “Саша, Саша! К чему болтнул ты эту фразу? Таких свиней, как наш папаша, я не видал ещё

* Доклад на эту тему был прочитан 25 июня 2005 г. в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена на Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Даниила Хармса.

ни разу!"»⁵. По сравнению с текстом Хармса у Катаева отсутствуют первая и третья строфы, есть грамматические и семантические различия (например, Саша вместо Яши).

По-видимому, уже в самом начале XX в. это стихотворение воспринималось как образец школьного фольклора и изначально бытовало в военно-учебных заведениях. Так, например, в 1907 г. его полный текст был напечатан без подписи под названием «Из детских разговоров» в журнале «Кадетский досуг» (№ 12. С. 208)⁶.

Этот журнал издавался в Первом кадетском корпусе и составлен был сплошь из произведений его учеников. Стихотворение помещено в разделе «Заметки и смесь», где печатались загадки, шарады, анекдоты, шутки.

Наконец, как и следовало ожидать, подтвердилось указание Катаева на публикацию этого стихотворения в популярных сборниках «Чтец-декламатор», выходявших в начале XX в. Первое издание «Чтеца-декламатора» вышло в 1902 г. в Киеве в издательстве И.И. Самоненко. Книга, очевидно, пользовалась огромной популярностью, потому что впоследствии новые дополненные издания выходили у Самоненко почти ежегодно. Так, в 1916 г. появилось уже 12-е издание. После того, как инициативу киевского предпринимателя подхватили другие, словосочетание «Чтец-декламатор» превратилось в наименование определенного жанра книжной продукции.

Стихотворение «Из детских разговоров» («В июле как-то, в лето наше...») попало в состав 3-го издания (1903) «Чтеца-декламатора» Самоненко⁷ и перепечатывалось в каждом последующем вплоть до последнего, 12-го. В журнал «Кадетский досуг» оно, вероятно, перекочевало именно из этих сборников, поскольку текстовых отличий между публикациями нет. Между ними есть другое отличие, очень существенное: во всех выпусках «Чтеца-декламатора» стихотворение подписано. Его автором является популярный в свое время поэт, прозаик и переводчик Алексей Федорович Иванов (1841–1894), сочинитель

*В июле как-то в лето наше
Моя братишка в жару бредущую
Меня два брата: Каша с Яшей
И Сергеевич сын моего батюшки.*

*"Смогши свихнуть Каша в мае
Пухом" Зашел Каша с Яшей
"Аша погуляюто будет Каша
На вид дурочек ты как Каша"*

*Но Каша молвил: "Молно Яша,
Кашу свихнул ты эту жару?"
Мамих стилих каша вырвала
И сит не видела ни разу.*

А.И. 1922.

многочисленных сатирических и юмористических стихотворений, разбросанных в периодике второй половины XIX в. и частично вошедших в его поэтические сборники 1870–1890-х гг.⁸

Для сравнения привожу текст публикации и текст автографа Хармса⁹:

Чтец-декламатор. Киев, 1903. С. 505:

Автограф Д. Хармса:

Из детских разговоров

В июле по деревне нашей,
Спеша домой в жару дневную
Брели два брата: Коля с Яшей,
И встретили свинью большую.

В июле как-то в лето наше
Идя бредя в жару дневную
Шли два брата: Коля с Яшей
И встретили свинью большую.

– Смотри, свинья какая с поля
Идет!.. заметил Коле Яша:
Она, пожалуй, будет, Коля,
Толстей на вид, чем наш папаша!

«Смотри свинья какая в поле
Идет» заметил Коля Яше
«Она пожалуй будет Коля
На вид толстей чем наш папаша».

Но Коля молвил: полно, Яша,
К чему сболтнул ты эту фразу,
Таких свиней, как наш папаша,
Я не видал еще ни разу!

Но Коля молвил: «Полно Яша,
К чему сболтнул ты эту фразу?
Таких свиней как наш папаша
Я еще не видывал ни разу».

А. Ф. Иванов

1922

DCh

Как видим, между двумя текстами разница невелика: хармсовский вариант отличается грамматическими и пунктуационными ошибками, а также мелкими разночтениями. В частности, изменено распределение реплик в диалоге Коли и Яши: во второй строфе разговор о свинье начинает не Яша (как в тексте «Чтеца-декламатора»), а Коля, и уже затем Яша замечает, что свинья «на вид толстей, чем наш папаша».

Даниил Ювачев в 1922 г. был переведен из 14-й единой советской трудовой школы (бывшей Петришуле) в 3 класс II ступени 2-й Детскосельской единой советской трудовой школы¹⁰. По воспоминаниям соучеников, он ярко проявлял свой творческий темперамент: сочинял и декламировал стихи, участвовал в школьных вечерах, в коллективной игре «в чепуху»¹¹. Вряд ли возможно восстановить конкретную ситуацию, в которой он записал где-то услышанное стихотворение, простодушно подписав его своей монограммой и проставив под ним дату.

п р и м е ч а н и я

- ¹ Хармс Д. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб.: Академический проект, 1997. Т. 1. С. 21; Хармс Д. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1.: Авиация превращений. СПб.: Азбука, 2000. С. 21.
- ² Александров А.А. О первых литературных опытах Даниила Хармса // Русская литература. 1992. № 3. С. 155. На существование этого текста Александров впервые указал в составленной им «Краткой хронике жизни и творчества Даниила Хармса» (Хармс Д. Полет в небеса. Л., 1988. С. 538).
- ³ Монограммой *DCh* подписан автопортрет Хармса 1923 г. (РНБ. Ф. 1232. Ед. хр. 111. Л. 5; воспроизведен с неправильной датой «1925» в кн.: Хармс Д. Полет в небеса. С. 73). Псевдоним «Daniel Charms» встречается на рисунках Хармса 1924 г. (см.: Там же. С. 89, 206); он открывает его записную книжку 1924 г. (см.: Хармс Д. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. СПб., 2002 (Полн. собр. соч.). Кн. 1. С. 13). Автограф наиболее раннего из известных нам стихотворений Хармса «Медная...» (12 июня 1924 г.) подписан псевдонимом «Daniel». Подробнее о псевдонимах Хармса см.: Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995. С. 265-266; Остроухова Е., Кувшинов Ф. Псевдонимы Д.И. Хармса // «Странная» поэзия и «странная» проза: Филологический сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Н.А. Заболоцкого. М., 2005. С. 230-245; Мейлах М. Хармс/Чармс: источники и значения псевдонима // Русский авангард и идеология. Белград, 2009. С. 399-412.
- ⁴ Впервые на это указал воронежский журналист и прозаик Виталий Черников в Живом журнале 13 ноября 2004 года (<http://kulturuk.livejournal.com/32274.html>).
- ⁵ Катаев В. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона. М., 1983. С. 189.
- ⁶ На существование этой публикации мое внимание обратил петербургский историк А.А. Михайлов, в конце 1990-х гг. изучавший историю кадетского обучения в России.
- ⁷ Чтец-декламатор: Художественный сборник стихотворений, сцен, рассказов и монологов для чтения в дивертисментах, на драматических курсах, литературных вечерах и т.п. 3-е изд. Киев, 1903. Т. 1. С. 505.
- ⁸ См.: Войналович Е.В., Кармазинская М.А. Алексей Федорович Иванов // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 360-371.
- ⁹ Текст автографа приводится по ксерокопии, любезно предоставленной В.Н. Сажиним. В настоящее время рукопись передана в Отдел рукописей РНБ (ф. 1232).
- ¹⁰ В единых советских трудовых школах было пять классов I ступени, которые обозначались литерой «А–Д» и четыре класса II ступени.
- ¹¹ Один из образцов такого коллективного стихотворчества с участием Хармса опубликован: Александров А.А. О первых литературных опытах Даниила Хармса. С. 157-158.

«...Я ПОЧТИ ЕДИНСТВЕННЫЙ РЫЦАРЬ»

Письма Л.А. Зандера к А.М. Ремизову

Ольга Раевская-Хьюз

В отличие от старых друзей и современников Льва Шестова и Николая Бердяева, знакомство с которыми восходит к рубежу столетий, с кем Ремизов переписывался, даже живя в одном городе, и чьи имена неоднократно встречаются в его автобиографической прозе, имя младшего современника, философа Льва Александровича Зандера (1893–1964), в ремизовских текстах не появляется. Три письма Зандера, хранящиеся в Центре Русской Культуры в Амхерст Колледже и публикуемые ниже, хронологически принадлежат периоду «большого исхода» в конце Гражданской войны и установления связей между литераторами и учеными, оказавшимися за границей. И автор писем, и их адресат были в это время на перепутье.

Ремизовы прибыли в Берлин из Ревеля осенью 1921 г., и два берлинских года оказались очень плодотворными для писателя. С редактором «Русской книги» А.С. Яценко¹ Ремизов связался еще будучи в Ревеле, а попав в кратковременную столицу русского зарубежья, сразу включился в берлинскую литературную жизнь. Он принимал участие в создании Дома искусств² в ноябре 1921 г. и много публиковался. В это время в Берлине и Ревеле выходят его новые книги, в том числе «В поле блакитном», «Шумы города» (Ревель), «Крашенные рыла», «Огненная Россия» (Ревель), «Ахру», «Россия в письменах» и «Кукха», а также переиздаются многие из вышедших ранее, в новой «шарлоттенбургской» редакции. К автобиографической статье, датированной 12 мая 1923 года³, приложен список этих книг, в том числе их немецкие и чешские переводы. Кроме того, Ремизов активно поддерживает переписку с писателями, издателями, переводчиками и друзьями и за границей, и в России.

Но, может быть, самый бурный расцвет в берлинский период достался Обезьяньей Палате – «Обезвелволпалу»⁴ – и связанной с ней деятельностью Ремизова. Он широко раздает титулы, издает манифест, игра и мистификация переливаются в газетную хронику⁵. Однако в 1923 году эмигрантская деятельность в Берлине, в том числе литературная и издательская, испытывает резкий спад. «Новая русская книга» кончается на шестом номере 1923 г., закрывается Дом искусств. После долгих колебаний и при активном участии и помощи их старо-

го друга Льва Шестова Ремизовы принимают решение включиться в «берлинскую волну» и 8 ноября приезжают в Париж⁶.

В начале 1920-х гг. Л.А. Зандер находился во Владивостоке и в качестве приват-доцента преподавал философию в Дальневосточном университете. Выпускник Императорского Александровского Лицея, он занимался философией в Гейдельберге, в 1914 г. с началом войны вернулся в Петроград, работал в Русском Красном Кресте, а в 1915 г. отправился на фронт. После революции Зандер снова в Петрограде, в 1918 г. уезжает в Пермь, где преподает философию и работает в бюро печати. Следующий этап – Владивосток. Осенью 1922 г. он строит планы на поездку в Германию на год, но знает, что возврата на Дальний Восток не будет. В 1923-24 Зандер живет в Праге, а в 1925 г., в связи с открытием Свято-Сергиевского Богословского института, переезжает в Париж. Первые два письма – от февраля и сентября 1922 г., – посланы из Владивостока в Берлин, а последнее – от июня 1924 г., – из Праги в Париж, где автор писем и его адресат остаются до конца своих дней.

Адрес Ремизова в Берлине и сведения о его жизни в годы Гражданской войны Зандер нашел в «Русской книге». В сдвоенном 7/8 номере журнала за 1921 г. было напечатано сообщение: «А.М. Ремизов выехал из Петербурга за границу и находится сейчас с женою в Ревеле (Poskastr. 15). Хлопочет о визе в Берлин» (с. 26). В № 9, последнем за 1921 г., в конце отдела хроники было напечатано письмо в редакцию Ремизова, адресованное Редактору «Русской Книги» Проф. А.С. Яценко, доктору международного права и кавалеру Обезьяньего Знака I степени с зашипынными шариками Обезьяньей Великой и Вольной Палаты. Начинается оно с благодарности Яценко «от книжников» в России за издание «Русской книги», здесь же упоминается сама Обезьянья Палата: «Ученики мои красноармейцы не раз приходили ко мне в Обезьянью Великую и Вольную Палату – древлехранилище мое, книжки смотрели и игрушки трогали». Под письмом подпись – Алексей Ремизов, Б. канцелярист, забеглый политком Обезвелволпала (с. 22).

В том же номере в отделе «Писатели» напечатан детальный (больше двух колонок текста) отчет Ремизова о себе за 1917-21 гг. в Петрограде с множеством имен и названий учреждений, пайков, собственных изданий и т.п., где, среди прочего, упоминается и Обезьянья Палата: «Обезвелволпал (Обезьянья великая и вольная палата) издала “Царя Додона” с 3 рисунками Л.С. Бакста. В том же обезьяньем издательстве вышли две сказки рукописные в 2-х экземплярах каждая <...> и альбом рисунков в единственном экземпляре “Прощальный вечер Андрея Белого в Волфиле”» (с. 30). Начинается этот отчет с берлинского адреса Ремизова.

Зандер не был знаком с Ремизовым, и первое письмо начинается с извинения, что пишет он, не будучи лично представлен писателю. Блестяще написанное письмо, эта «само-рекомендация» автора упоминает знакомство отца Зандера с Ремизовым через семью М.И. Терещенко⁷, книгу, подаренную его отцу Ремизовым, собственный интерес Зандера к писателю и, главное, зачарованность Обезьяньей Палатой и просьба быть принятым в ее члены. Хотя письмо Зандера – это отклик на ремизовские публикации в «Русской книге», знать о существовании Обезьяньего царя Асыки он мог еще по Петербургу, поскольку «Трагедия о Иуде» с обезьянами и Царем Асыкой вошла в 8-ой том «Собрания сочинений» Ремизова, печатавшегося в издательстве Терещенко «Сирий»⁸. В перечислении «заслуг», делающих его достойным членства в Палате, Зандер выписывает имена и прозвища, которыми его называли соученики, сослуживцы и студенты и, таким образом, используя игровой тон, фактически представляет свой «послужной список».

Упоминание обсуждения в студенческом кружке книги С. Булгакова «На пиру богов»⁹ и «Пятой язвы» Ремизова служит как бы вступлением ко второму письму, в основном посвященному темам этих двух книг. Письмо Зандера, не оставляя установленный первым февральским письмом игровой тон, и – можно предположить, – поддержанный Ремизовым, формулирует поставленную, но не разрешенную в повести проблему, как антиномию между абстрактным и конкретным, и обращается к теме «переоценки ценностей» – революции как суду над русским народом и Россией. Развивает эту тему Зандер главным образом на материале «Пятой язвы»¹⁰, но необходимо принять во внимание, что свои собственные публикации этого времени Зандер связывает с установками сборника «Вехи», таким образом, упоминаемая им книга Булгакова выступает как подтекст его письма. В своем капитальном труде о миросозерцании Булгакова Зандер писал: «<Булгаков> воспринял революцию, главным образом, с точки зрения ее проблематики – как жизненную переоценку всех русских установок – как страшный суд над всеми сторонами русской жизни»¹¹.

К этому времени доцент Зандер – вполне сформировавшийся лектор и педагог. Невзирая на Гражданскую войну и вызванные ею переезды, он не оставляет свою академическую работу и продолжает подготовку к магистерским экзаменам, начатую еще в Перми под руководством Н.В. Устрялова¹².

Педагогическая деятельность Зандера не ограничилась преподаванием курсов в Пермском и Дальневосточном университетах, а с 1925 года – в Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже. Показательно, что уже в Перми и Владивостоке, помимо формальных лекционных курсов, он занимается со студентами в «кружках». Эта фор-

ма работы стала основой только зарождавшегося в то время Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД). Зандер был блестящим лектором¹³, и его дальнейшая экуменическая деятельность была также, в определенном смысле, работой педагогической. Его многочисленные лекционные выступления о Православии были не столько миссионерскими – он выступал перед инославными христианами, – сколько именно «педагогическими», потому что ставили своей целью открытие Православия западному христианскому миру. Мы остановимся здесь лишь на одном примере.

В 1932 г. в добавление к своим профессорским обязанностям Зандер был назначен финансовым секретарем Богословского института. В связи с мировым финансовым кризисом положение института пошатнулось, и Зандеру было поручено найти новые источники финансирования. С целью сбора средств для продолжения деятельности института он решил организовать выступления небольшого, но высоко профессионального институтского хора перед протестантскими аудиториями. Выступления хора с церковными песнопениями предшествовали лекции Зандера о значении пения в православном богослужении. Благодаря энергии и связям Зандера это начинание оказалось очень удачным, и выступления хора вынужденно прекратились только в 1939 г.¹⁴

Последнее письмо Зандера к Ремизову из Праги в Париж резко отличается от первых двух. Оно состоит почти целиком из многочисленных взаимных просьб и ответов на них. В нем Зандер также передает привет Серафиме Павловне, что заставляет предположить, что до приезда в Прагу Зандер побывал в Берлине и встретился там с Ремизовыми лично.

Приношу благодарность Центру русской культуры в Амхерст Колледже и его директору проф. Стэнли Рабиновицу за разрешение публикации писем и воспроизведения рисунков¹⁵.

п р и м е ч а н и я

- ¹ «Русская книга» (1921), «Новая русская книга» в 1922-23 гг., см.: *Русский Берлин. 1921-1923*. Ред.: Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. Paris: YMCA-Press, 1983; 2-ое изд.: Париж-М.: ИМКА-Пресс; *Русский путь*, 2003 (далее везде – *Русский Берлин*).
- ² Ремизов входил в совет «Дома искусств в Берлине» (1921-23 гг.) как товарищ председателя. Членом была также Серафима Павловна Ремизова-Довгелло. Вышло два номера (первый – двоянный) «Бюллетеней Дома искусств в Берлине». См.: Thomas R. Beyer, Jr. «Бюллетени Дома искусств. Берлин». *Rossica* (Prague). II (1997). С. 1; здесь же воспроизведены тексты Бюллетеней.
- ³ См. приложение к письмам Ремизова (*Русский Берлин*, с. 175-187).
- ⁴ См. капитальное исследование Елены Обатниной, включающее наиболее полную информацию об Обезьяньей Палате, ее истории и членах: *Царь Асыка и его подданные*.

- Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001 (далее везде – Асыка).
- ⁵ См. об этом: Лазарь Флейшман. «В кругу ремизовских мистификаций: “Конклав” Саркофагского». *От Пушкина к Пастернаку*. М.: НЛО, 2006. С. 182-209; а также: «Из комментариев к “Кукхе”. Конкретор Обезвелоупала». Там же. С. 171-181.
- ⁶ См.: Алексей Ремизов. «Кишмиш». *Мышкина дудочка*. Париж, 1953.
- ⁷ Михаил Иванович Терещенко (1886–1956) – крупный землевладелец и финансист, общественный и политический деятель. В период знакомства с Ремизовым Терещенко был чиновником особых поручений при Дирекции императорских театров. По его инициативе Ремизов работал над «русальным действием» для постановки балета. В 1912-15 гг. Терещенко, вместе с сестрами Елизаветой и Пелагеей, основал издательство «Сириин». Это годы тесного общения семьи Терещенко с Ремизовым: «13-й год – канун войны. Тут еще память о революции 1905 г. Петушок. И “Пророчества”. Пятая язва. Изд. Терещенки, “Период Терещенко”» (Наталья Кудрянская. *Алексей Ремизов*. Париж, <1959>. С. 166). С началом войны издательство закрылось. Историю создания издательства см.: «“Сириин” – дневниковая тетрадь А. Ремизова». Предисловие, публикация и примечания А.В. Лаврова. *Europa Orientalis*. Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб.-Салерно, 2003. С. 229-248.
- ⁸ Асыка, гл. «Явление обезьяньего царя и его свиты». Здесь дается ссылка на первое «Собрание сочинений» Ремизова 1910-12 гг., в 8 тт., печатавшееся в изд. «Шиповник», два последних тома были изданы издательством «Сириин». Все последующие ссылки даются по второму «Собранию сочинений» в 10 тт. (М.: «Русская книга», 2001-03; далее везде – *Собр. соч.* с указ. тома и страницы).
- ⁹ С. Булгаков. *На пиру богов. Pro и Contra. Современные диалоги*. София, 1921.
- ¹⁰ Зандер скорее всего был знаком с этой повестью еще по первым публикациям 1912 и 1913 гг. См. статью «Апокалипсисы Алексея Ремизова (“Пятая язва” и “Плачущая канавка”)» и комментарии А. Грачевой в *Собр. соч.*, т. 4. К теме суда над старой Россией Зандер возвращается в своей статье «Философские темы в романе Б. Пастернака “Доктор Живаго”» (*Вестник Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД)*. 1959. № 52, 53).
- ¹¹ Л.А. Зандер. *Бог и мир. Мирозерцание о. С. Булгакова*. 2 тт. Париж: YMCA-Press, 1948. Т. 1. С. 45.
- ¹² Николай Васильевич Устрялов (1890–1937) – правовед, политический деятель, идеолог сменовеховства, национал-большевик. В 1918 г. приват-доцент на кафедре государственного права в Пермском университете, юрисконсульт в правительстве Колчака и директор пресс-бюро отдела печати. С начала 1920 г. жил в Харбине, где преподавал на Юридическом факультете, в 1926-35 гг. – советник на КВЖД. В 1935 г. вернулся в СССР, преподавал в МГУ; расстрелян в 1937. Перед отъездом в СССР отправил свой архив в Гуверовский институт при Стэнфордском университете. См. публикацию подборки писем из его архива: О.А. Воробьев. «Фашизм и коммунизм движутся единой интуицией (Из переписки Н.В. Устрялова с разными людьми)». *Грани*. № 201 (2002). Эта публикация включает шесть писем Зандера Устрялову за 1920-21 гг. (далее везде – *Фашизм и коммунизм*). Об Устрялове см. также: М. Агурский. *Идеология национал-большевизма*. Париж: YMCA-Press. 1980.
- ¹³ Вот оценка молодого Зандера профессором прот. В. Зеньковским (1881–1962), первым председателем РСХД, оставшимся им до смерти: «За осень <1923 г.> в Праге очень выдвинулся Л.А. Зандер, приехавший к концу лета из Владивостока. Его блестящий дар изложения, профессорский опыт, глубокая церковность делали его очень нужным для всех кружков человеком» («Зарождение РСХД в эмиграции (Из истории русских религиозных течений в эмиграции)». *Вестник РХД*. № 168 (1993). С. 37.
- ¹⁴ Статьи Зандера об этих поездках, включавших Швейцарию, Голландию, Англию, Шотландию и Скандинавские страны, собраны в книгу, изданную посмертно: Л. Зандер.

Песнь Господня. Париж, 1981. Укажем здесь посмертные публикации статей Зандера в «Вестнике РХД»: «Русская религиозная философия и Православная Церковь» (75-76, 1964-1965; эта статья заключает раздел «Памяти проф. Л.А. Зандера»); «Экуменические размышления об общении в таинствах и молитве» (165, 1992); «Молитва о единстве (слово Л.А. Зандера, произнесенное после молебна о единстве христиан 21 января 1945 г. в румынской церкви Парижа)» (165, 1992); «Проект меморандума о РСХД» (1947, из архива УМСА-Press; 187, 2004 – это краткий, но исключительно содержательный отчет о целях и работе РСХД, в котором Зандер, наряду с В.В. Зеньковским, был одним из наиболее активных руководителей с самого основания в 1923 г. См. также: L. Zander. *Vision and Action*. London, 1952). Помимо русской периодики Зандер много публиковался на немецком, французском и английском языках. В 1960 г. Зандер был удостоен почетной степени доктора Свято-Сергиевского Богословского института и степени доктора богословия Марбургского университета. Личная библиотека Зандера была передана Богословским институтом в Париже в Библиотеку Академии наук в Санкт-Петербурге. На открытии коллекции книг (февраль 1994 г.), в связи с празднованием столетия Зандера, были прочитаны доклады проф. прот. Борисом Бобринским «Л.А. Зандер в жизни Свято-Сергиевского Богословского института и в экуменическом движении» и Е.Ю. Бобринской «Биография Л.А.Зандера».

¹⁵ Основные источники информации по Дальнему Востоку, использованные в этой публикации:

– Коллекция «Русского харбинца». Каталог собрания В.А. Слободчикова. М., 2006 (далее везде – Слободчиков).

– Патриция Полански. *Русская печать в Китае, Японии и Корее*. М., 2002 (далее везде – Полански).

– А.А.Хисамутдинов. *Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии*. Владивосток, 2002 (далее везде – Хисамутдинов).

– *По странам рассеяния*. Ч. 1. *Русские в Китае*. Владивосток, 2000.

– *Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке*. Библиографический словарь. Владивосток, 2000.

– Н.Н. Яновский. *Русские писатели Сибири XX века*. Материалы к словарю. Новосибирск, 1997.

Письма Л.А. Зандера к А.М. Ремизову

1¹

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

Знаю, что нельзя писать так, как я пишу: так сел просто и начал выводить – без предисловия. Одна надежда: у нас вечер – у Вас утро: может быть Вы и не вмените мое писание в неприличие – дальностью расстояния извините...

Каюсь Вам: Снедаем честолюбием: по обезьяньему знаку. Много лет уже! С тех самых пор, как узнал о нем от моего отца, доктора Александра Львовича Зандера², который с Вами познакомился у Елизаветы Михайловны Терещенко³, да, кажется, и у Вас был. Вы ему еще книгу с надписью подарили (кажется «Весеннее порошье»⁴), а он ее мне дал. Обещал меня с Вами познакомить и я этому весьма радовался, да не вышло – не то на фронт пришлось уехать, не то что-то другое помешало⁵. Да мешало-то многое и всегда. Теперь вот кажется всего, в пределах возможного, достиг: на любимом деле сижу, и работа идет

успешно, и люди хорошие есть, и от своих известия хорошие получаю. И даже самолюбие может быть удовлетворено: успех все время. Но нет – мечта об обезьяньем знаке так и грызет...

Как прочитал в «Русской Книге» письмо Ваше⁶ – так сон потерял. Вот когда чеховского голову понял, который без Льва и Солнца жить не мог!⁷ Заслуги же мои следующие:

I. Напечатал этюды: «Сверхъестественное у Тургенева», «Нравственная ценность войны», «Обоснование социального воспитания», «Данность и заданность (вступительная лекция)», «Лекции по этике», «Учение К. Леонтьева о прогрессе»⁸ и мелочи – что у меня имеется, посылаю.

II. Читал в университете курсы этики, логики, философии культуры, философии религии, о Влад<имире> Соловьеве и о Фаусте.

III. Докладов читал много: и о Киркегоре (о коем работу сдал в печать) и о А. Блоке и о С.Н. Булгакове, о Бергсоне – много по религиозным и церковным вопросам.

IV. Сотрудничал в «Свободной Перми»⁹, «Новом Пути»¹⁰, «Русском Крае»¹¹. Пишу в харбинском «Русском Голосе»¹² – все статьи в иде<о>логии «Вех»¹³ – подписываюсь Виктор Эремита¹⁴.

V. Имею следующие почетные прозвища от детей в Германии (в годы студенчества в Гейдельберге¹⁵): Das japanische Froschgerippe, der Orang-Utang, das Zanderlein.

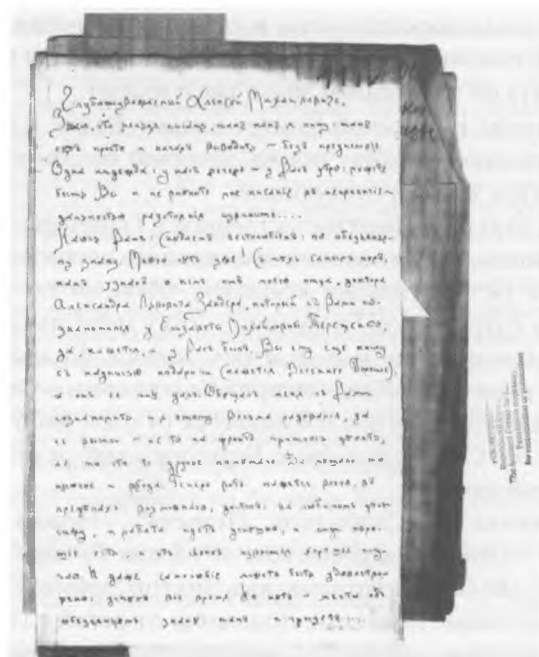
От товарищей по Александровскому Лицею¹⁶ – Der kleine Wundt (я его тогда переводил)¹⁷.

От «Зеленого кольца» (студенческий кружок, мною устроенный в Перми и здесь: Maestro; а здесь – Симпосиарх, ибо собираются в моей конуре, а угощать я за бедностью не могу (жалованья-то ведь нам не платят), так имеется на каждый раз «дежурный колбасник и фруктощик», а я только «предстоятель». Состою рыцарем ордена Липы (всего два рыцаря и гроссмейстер), членом и секретарем разных ученых и неученых общ<еств>.

Имею еще прозвище Лубузьяна I (и так обезьяну исковеркали) – сослуживцы из разных учреждений (служил в Публичной Библиотеке, в Штабе Верховного, в бюро печати, в двух университетах¹⁸) почему-то зовут просто Левушкой.

VI. Обладаю весьма обезьяноподобной наружностью, что неоднократно и многими засвидетельствовано, на какую-то заслугу более всего и уповаю. Sic! (а фотогр<афию> прислать не могу – нет!)¹⁹

Недавно в «Зеленом кольце» было следующее: два месяца толковали о России и Culture, об интеллигенции и ее задачах, об идеалах и современности. Толковали, читая «На пиру богов» Булгакова²⁰. Комментировали и критиковали: публика серьезная. А потом я предложил прочесть «Пятую язву» (случайно «Подорожие»²¹ здесь на-

Первый лист письма (февраль 1922 г.) Л.А. Зандера к А.М. Ремизову
(Центр русской культуры в Амхерст Колледже. Архив Ремизова).

шел). Отнесли к ней как к символу. Бобров – культура – настоящая, европейская, с Кантом в крови. Спорили. Но положение в общем вышло таково. Очень хорош Бобров как следователь и подражать ему следует (*вопрос жизни*, впрочем и у Вас «вождь Жизни»). Но только надо помнить логику (*pars pro toto!*) и нельзя быть только следователем! В деле будь Бобровым, но не живи только делом. Вот экстракт приговора, а за ним целое философское обоснование стоит, а я так даже схему с буквами имею.

Если Вы сообщите мне, где Е.И. Терещенко²², буду очень признателен: давно потерял из виду, а это – друзья. Если пришлете что из Ваших новых книг – радость будет. Хоть мы университет и устроили, а все же на голой скале сидим.

Дай Вам Бог всего доброго.

Искренний почитатель Ваш Л. Зандер.

февраль 1922

Адрес: Владивосток.

Государственный Дальневосточный Университет.

Доценту Льву Александровичу Зандеру.

- ¹ Вох 1, f. 5, 10. Автограф чернилами. Над текстом рукой Ремизова помечена дата получения: 11 IV. Начало письма (просьба о принятии в Обезьянью Палату) напечатано в: Асыка, с. 284.
- ² Александр Львович Зандер, врач в семье вел. кн. Михаила Николаевича.
- ³ Елизавета Михайловна Терещенко – мать М.И. Терещенко. См. прим. 7 к вступительной заметке, а также: В.В. Ковалинский. *Семья Терещенко*. Киев, 2003.
- ⁴ *Весеннее порошье*. СПб.: Сирин, 1915.
- ⁵ В начале Первой мировой войны Зандер продолжал службу в Министерстве народного просвещения и принимал участие в организации помощи русским военнопленным при Русском Красном Кресте, в 1915 г. уехал на фронт. Наиболее полная биография Зандера: «Памяти Льва Александровича Зандера. Биографические данные». *Вестник РСХД*. № 75-76 (1964-65). С. 26-33 (далее везде – *Биогр. данные*). Добавочная биографическая информация: В.А. Зандер. «Путь моей жизни». *Вестник РХД*. № 142, 143, 144 (1984-85).
- ⁶ *письмо Ваше...* – см. вступительную заметку.
- ⁷ Рассказ А.П. Чехова «Лев и Солнце» (1887).
- ⁸ *Константин Леонтьев о прогрессе*. Пекин, 1921.
- ⁹ «Свободная Пермь» – газета, выходившая в Перми в первой половине 1919 г., в редакционную коллегию входил Н.В. Устрялов.
- ¹⁰ «Новый путь» – газета, выходившая в 1919 г. во Владивостоке, редактор приват-доцент Томского университета. А.М. Гнеушев.
- ¹¹ «Русский край» – газета, Владивосток, 1921-22; ред.-изд. П.П. Васильев.
- ¹² «Русский голос» – газета Управления по делам русской эмиграции в Харбине (1920-26); ред.-изд. С.В. Востротин.
- ¹³ *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции*. М., 1909.
- ¹⁴ Виктор Эремита – Victor Eremita – псевдоним Сёрена Кьеркегора, «редактора» *Или-или*.
- ¹⁵ в Гейдельберге – осенью 1913 г. Зандер сдал экзамены на юридическом факультете Петербургского университета и уехал в Гейдельберг, где занимался философией у В. Виндельбанда (Wilhelm Windelband). Эти занятия прервала война. В статье о Федоре Степуне, который тогда же был в Гейдельберге, Зандер писал: «...в Гейдельберг мы ехали с психологией паломников: <...> мы искали не просто знания (или, упаси Боже, дипломов), а мудрости» («О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах. *Мосты* (Мюнхен). Вып. 10 (1963). С. 319).
- ¹⁶ *Императорский Александровский Лицей* Зандер окончил в 1913 г. с золотой медалью за диссертацию о Спинозе.
- ¹⁷ *Wilhelm Wundt* (1832–1920) – врач-психолог, один из основоположников современной психологии.
- ¹⁸ в Публичной Библиотеке, в Штабе Верховного, в бюро печати, в двух университетах – «В 1915 году <Зандер> был прикомандирован к штабу Артиллерийского Управления и уехал на фронт в ставку Верховного Главнокомандующего. Служил он и переводчиком и работал по расшифровке военных телеграмм, исполнял ответственные задания, ездил на позиции и был награжден орденами св. Анны и св. Станислава» (*Биогр. данные*, с. 29). В 1917 г. Зандер служил в Публичной библиотеке в Петрограде, затем получил место доцента на философском факультете недавно основанного университета в Перми; там же работал в бюро печати, во главе которого был Устрялов. После эвакуации Пермского университета преподавал философию в Дальневосточном университете во Владивостоке.

¹⁹ Вот как описывает облик Зандера В. Вейдле, знавший его еще со времени совместного преподавания в Пермском университете: «Робости он не внушал. Величественности в нем не было <...> Менялся он мало. В молодости не казался так уж молод; в старости оставался душой не стар. Иконописного лика не приобрел <...> <В>ерность делу и людям, друзьям далеким и близким была врожденной его чертой, неотделимой от верности самому себе» («В печали об ушедшем». *Вестник РСХД*. № 75-76 (1964-65). С. 39-40).

Добавлю от себя несколько слов о Л.А. Зандере, приехавшем из Парижа в Мюнхен в 1948 г. на первый послевоенный съезд РСХД в Германии. Лев Александрович был небольшого роста, совершенно лысый, в очках, очень подвижной, с веселым огоньком в глазах. Неожиданным было соединение этой легкости, чувства юмора и открытости с глубоко серьезным содержанием его доклада.

²⁰ См. вступительную заметку.

²¹ «Пятая язва» была впервые опубликована в «Литературно-художественном альманахе изд. "Шиповник"» (Кн. 18. СПб., 1912); вошла в сб. «Подорожие» (изд. Сирин, 1913); отдельное изд.: Берлин, 1922; *Собр. соч.*, т. 4. Возможно Зандер был знаком с повестью Ремизова по изданию 1913 г.

²² *Елизавета Ивановна Терещенко* – сестра М.И. Терещенко. Как видно, Зандеру удалось наладить связь с сестрами Терещенко. В архиве Ремизова сохранился конверт с надписью: «Алексею Михайловичу Ремизову/ Chambre des Signes au Bois de Boulogne. Раньше помещалась Rue> Chardon Lagache 51, а где теперь – неизвестно. Впрочем всегда можно справиться 1. у Пелагеи Ив<ановны> Чайковской – Rue> Poussin 41 (все в тех же краях – Auteuil). 2. у всякого книжника» (Вох 3, ф. 10, 19). В другой записке с последним адресом указано имя *П.И. Чайковской-Терещенко* (Вох 3, ф. 3, 31).

Продолжение письма февраля 1922 г. ¹

Два сонета – серьезный и пародия:

Дьявол.

Il y a un moment, où la curiosité devient un péché,
et le Diable s'est toujours mis à côté du savant (A. France)².

Я видел дьявола: безрогим, нехвостатым
Artifex maximus – он строил на песке
Развертывал миры – на грифельной доске
Не зная удержу ученым цитатам.
В поношенном пальто – с воротником поднятым
С почтенной сединой на ссохшемся виске
По мокрой мостовой шагая налегке
В тумане осени – он мне казался – братом.
“Чтоб легче было жить – в бессмертие поверь,
Чтоб не заботиться – забудь о нем теперь,
Вступи навек в союз с наукой площадною” –

А город под дождем ворочался как спрут
В час изумительный, когда огни зажгут
И мутные горят подземною тоскою.

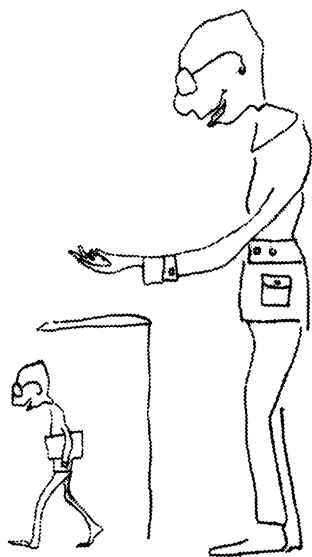
поэт Всеволод Никанор<ович> Иванов³.

Пародия. Сонет «Зандер»...

Я видел Зандера безрогим, нехвостатым
Законы логики чертил он на доске
Развертывал миры в протянутой руке
Не зная удержу платоновским цитатам.
Затянутый в пальто, с воротником поднятым
Еще таинственней, чем был зимой в дохе
С обритутой головой шагая налегке
В своих больших очках казался он Сократом.
“Чтоб надоесть другим – в Леонтьева поверь!
Чтоб не сойти с ума – забудь о нем теперь!
Усердно Канта славь с немецкою слезою!”
Владивосток меж тем ворочался как спрут,
Когда огни зажег Восточный Институт⁴,
Оставленный давно студенческой толпою...

поэт Мих<аил> Вас<ильевич> Щербаков⁵.

P. S. к письму. За неимением портрета (см. пункт VI) прилагаю копии с двух рисунков художника Урванцова⁶. Кроме того сообщу, что над всей философией, т.е. на вершине книжного шкапа, сидит у меня облизьяна, из Пекина мною вывезенная. Вся из черной тряпки и с двумя дитенышами; один на плече, другой у ног, сама рукой машет; глаза – пуговицы – добрые. Получил же я ее от нашего драгомана Н.Ф. Колесова⁷, у кот<орого> сами китайцы китайскому языку учатся – потому что сызмальства ко

Автопортрет Л.А. Зандера, февраль 1922 г.
(Центр русской культуры в Амхерст Колледже.
Архив Ремизова).

всему обезьянскому я превеликую склонность имею (исключая «гогота»⁸ разумеется). Крутом же разные чертяки развешаны – работы того же Урванца и прочих; на столе петух стоит – с хвостом. ...если сам я окажусь недостойным, то очнь прошу Вас регламент и статут обезьяньего знака сообщить, чтобы я хоть мечтать мог. А то знаю, что есть Асыка I, а какой не знаю.

- ¹ Вох 1, f. 5, 14. Автограф чернилами. На обороте рисунки, которые мы воспроизводим в публикации.
- ² Не совсем точная цитата из сборника афоризмов Анатоля Франса (Anatole France. *Le Jardin d'Epicure*. Paris, 1895).
- ³ Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971) – прозаик и поэт, в 1917-22 гг. – журналист в Омске и Владивостоке; в 1922-45 гг. жил в Харбине, Тяньцзине и Шанхае, вернулся в СССР, жил в Хабаровске. См.: Слободчиков, с. 41-43; Полански (по указ.). Это стихотворение Зандер приводит в примечании в своей поздней статье в описании прозаичности и пошлости чёрта Ивана Карамазова («Зло и отрицание». *Грани*. № 47, 48 (1960); стихотворение напечатано в № 47 на с. 205).
- ⁴ Восточный институт был основан во Владивостоке в 1899г. В 1921 г. на основе института был открыт Государственный Дальневосточный университет.
- ⁵ Михаил Васильевич Щербаков (1890–1956) – поэт, прозаик; в Первую мировую войну – фотоаэросъёмщик во Франции; после войны во Владивостоке, с 1922 г. в Шанхае; после Второй мировой войны поселился в Сайгоне. Заболел душевным расстройством и как французский подданный уехал во Францию, где покончил жизнь самоубийством. См. Слободчиков, с. 99-101, а также Полански (по указ.). В коллекции Слободчикова сохранилась часть книжного собрания Щербакова, которое он передал ему, уезжая из Китая (см. статью А.А. Хисамудинова «Одиссея книг» в: Слободчиков, с. 9-13). В архиве Ремизова сохранилось письмо Щербакова из Шанхая от 1 июля 1923 г. с просьбой о принятии в Обезвельволпал. Опубликовано в Асыка, с. 292.
- ⁶ Михаил Львович Урванцов (1897 – не ранее 1976) – художник-иллюстратор, театральный художник; см.: Слободчиков, с. 100.
- ⁷ Николай Федорович Колесов (1867–?) – выпускник Восточного факультета Санкт-Петербургского университета; драгоман и генеральный консул (1887–1917) в Российском посольстве в Пекине; преподавал в китайских учебных заведениях, переводчик; см. Хисамудинов.
- ⁸ с гоготом обезьянским – встречается в описании нравов и поведения жителей Студенца в «Пятой язве» (*Собр. соч.*, т. 4, с. 219, 239).

2¹

2.9.22

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

Я только недавно вернулся во Вл<a>д<ивосток> из путешествия по Китаю и с большой радостью нашел Ваши новые книги и письмо², извещающее меня о высокой чести – получении обезьяньего знака 1 ст<епени> с птичьими перьями. За книги шлю Вам свою искреннюю и глубокоую благодарность, что же касается ордена, то он сверх меры

удовлетворил мое честолюбие (ибо я никак не ожидал 1 степени!) и доставил оч^{чень} большое удовольствие. Буду с гордостью носить пожалованное мне Обезвөлвалпал'ом звание и закажу себе соответствующие визитные карточки. С нетерпением ожидаю значковой грамоты, а также некоторых подробностей о самом знаке: в каких случаях его следует возлагать на себя, какой внешний вид он имеет, должен ли я его изготовить сам или же он препровождается Вөлвалпал'ом?.. Все это очень важно для меня, ибо не только сам я пребываю в неизвестности, но и осаждаем постоянными вопросами всех окружающих: что же такое обез^{ьяний} знак, кто его получает и каков его внешний вид... Теперь два слова о прошлом и будущем. Счастливым случаем я весной попал в Китай: был приглашен на Конференцию Всемирного Христианского Студенческого Союза в Пекин³. Приглашая к себе, Союз давал своим гостям средства передвижения, и это позволило мне пуститься в некоторые летние эскапады. Сама конференция была интересна: главным образом тем, что на нее действительно съехались представители всего мира. Так что впечатлений, и при том разнообразных, было много. В Пекине я уже бывал раньше, так что с этой стороны для меня было мало нового. Впечатления об этом исключительном городе уже набросаны мною в нескольких газетных статьях. Потом – в перспективе некоторого отдаления – и пространственного и временного – можно будет собрать все это в статью или книжечку. Но это надо будет сделать в Европе, когда все виденное предстанет в воспоминании сказкой. После Пекина я проехал во всепошлейший Шанхай, главным образом для того, чтобы повидать своих друзей, а потом провел два месяца в горах Лаошина около Циндао – в санатории моего знакомого – д-ра Бергмана. В этом удивительном уголке, любимом месте экскурсий сынов неба, в неприступных горах, вдали не только от культурных, но даже почтово-телеграфных центров – в гостях у милых, дорогих русских людей я: 1. изучал Гегеля; 2. написал книжку об А. Блоке; 3. неумеренно лазил по скалам. Первое имеет специальный интерес; второе только с точки зрения полученного удовольствия и вывиха ноги. А книга о Блоке вышла в след^{ующем} духе. «Памяти Блока» (разрозненные мысли) – не литературное исследование (отнюдь), а отдельные главы к его пониманию и изучению, с подчеркиванием некоторых сторон поэзии Блока, меньше других известных, с комментированием некоторых его мистических прозрений и философских символов. После предисловия две главы, посвященные поэтической метафизике: «Тайна творчества» (о том, что искусство есть ясновидение, а именно обнаружение смыслов) и «Причастный тайнам» (о том, что эти смыслы суть присущая, но скрытая в вещах красота). Затем две главы – о религиозных мотивах в поэзии Блока («Русский Христос» и «В темном

храме»), затем проблема вечной женственности («Богоматерь» и «Мэри») – от Незнакомки я стараюсь поэта спасти как от «сонного марева» и «пьяного чудовища». Две главы посвящены проблеме России («Россия», «большевизм», «Возвращение») и – конец. Книга изобилует цитатами (здесь Блока достать не так-то легко), что превращает ее отчасти в блоковскую антологию по некоторым вопросам. Всего стр<аниц> на 150. Написал-то я ее написал, а печатать и нельзя. Пока рукопись лежит; даст Бог приеду в Европу и там удастся напечатать. А приехать в Европу я собираюсь. Необходимо и встряхнуться и набраться новых впечатлений и поучиться. А то в здешнем огуречном рассоле можно совсем застыть⁴. Мои коллеги согласились с этим и университет дал мне годовую командировку в Германию. К сожалению у нас в университете такое засилье метафизики, что даже командировку приходится понимать духовно; попросту – денег не дали, что впрочем само собой разумеется, ибо через три месяца мы будем справлять годовой юбилей неполучения жалованья. Оказывается, что государство прекрасно может жить без финансов; – совсем по системе пресловутого цыгана... Тем не менее я надеюсь в январе выбраться. Для этого после Лаошина я некоторое время предавался в Харбине страшным излишествам в отношении чтения публичных лекций и кое-как обеспечил себе часть путешествия. Хочу повторить подобный опыт на Рождестве и тогда с Божьей помощью двинусь в путь. Так что весной ждите меня к себе. Конечно, обратного пути из Европы во Вл<a>д<ивосток> нет: из Берлина надо в Петербург – и самому очень хочется, и Папа мой о том же пишет. Боюсь только, что с моим направлением и мыслями работать в России еще нельзя. Хотя я и чужд политике совершенно, но не религии и не Церкви, а ведь это сейчас тоже в политику превращено. Для Европы у меня и нескольких моих друзей (и здешних и тамошних) есть большие планы большой работы: не без цели еду⁵. Но все это еще очень смутно... Теперь же пока я еще никуда не уехал, обдуваем тайфунами и живу в ожидании красных, которые ведут с нами войну в 100 в<ерстах> от Вл<a>д<ивостока> (а если придут, то плохо будет) – и в этом ожидании порой даже сомневаюсь, удастся ли выбраться так планомерно, как хотелось бы⁶.

Обращаюсь к вопросу существеннейшему, исходя из Ваших мыслей. Основное сомнение, основная антитеза – это борьба конкретного и абстрактного. И насколько всякому начинающему мыслить ясно, что конкретная будничная жизнь должна быть оформлена, преобразована, просвещена абстрактной, неизменяемой нормой добра, настолько же ясно всякому хоть немного искусившемуся в философии и непогрязшему в формулах, но живому, – что абстракция есть пустыня и мороз. Вторая стадия также должна быть преодолена. Как и чем? Я

чую, что здесь синтез дан в религии, но весь вопрос для меня неясен, ибо и в религии есть та же дурная конкретность («пузатый иерей» Блока⁷) и та же дурная абстрактность – догматика как формула. Два зла: чистота мысли, в которой задохнешься и замерзнешь; и теплота быта, кот<оторая> плохо пахнет. Где же путь?..

Почему я пишу об этом Вам? А вот почему. По-моему художник так часто философ! М<ожет> б<ыть> он сам этого не сознает в полной мере: но потянуть за какой-либо из его образов и выйдут из земли те корни философские, на которых он держится. Проблема абстр<актно>конкр<етного> у Вас постоянно ставится и как будто есть признаки разрешения ее; о нем то я и хочу поговорить. В «Пятой язве» Вы жестоко разделяетесь с обеими категориями: и быт и закон одинаково отталкивают от себя. Проблема поставлена режуще ясно: я не могу жить в этом обществе (в Студенце), но я не хочу быть и Бобровым... «Между Богом и людьми ниточки есть»⁸ – это теодицея *post factum*, но никак не норма, не принцип жизни. А он необходим, чтобы жить. Культура, кантианство, право, норма, убеждение *quand même et malgré tout* – все это прекрасно, но это опять Бобров – холод, чистота, разреженность воздуха, протестантство, ригоризм, голая стена, мертвая форма. Для Вас это, конечно, яснее, чем для кого бы то ни было: от каждой строчки Вашей веет любовью. Но вот тут-то и сидит вопрос. Когда Вы описываете быт Ильменевки⁹ и милую, добрую, славную Олечку, которая не поехала домой *um ihre Mama nicht zu blamieren*¹⁰, то нельзя этого читать без улыбки умиления. Я так читал, и все время улыбался – не внутренне, а взаправду. Это шедевр – не в литературном смысле, а в воспитательном, в философском, в этическом. Но... когда Вы подходите к приданому, к теткам, к бешенке¹¹ – ко всему недетскому, то Вы, то есть не Вы, а я, читатель – чувствую некоторый обман. Великий обман искусства. Вашей любовью Вы просветляете весь этот быт, но становится ли он от этого добром? Русь избяная, кондовая...<над строкой: (Блок)> И больше того: если Вы видите поэзию во всех мелочах, в долговых записках, в расписках подъячего («Россия в письменах»¹²), то имеете ли Вы право осудить тот же быт в аспекте настоящего? Чем хуже наше время того старого, овейного поэзией прошедшего... На это Вы скажете: да оно и не хуже; у него есть своя поэзия – и тот же Блок нам это доказал... Но тогда, где критерий добра? Откуда слово о гибели земли Русской? Почему плач, почему горе?¹³ Только потому, что погибает тот быт, к которому Вы привыкли; но это еще не резон... Не подумайте, что я ищу примирения с современностью. Иванова-Разумника¹⁴ надо повесить на первой осине: не за политику, а потому что он – ломовой извозчик лапищами своими и в калошах самое

тонкое, самое интимное, самое глубокое охватить хочет (он по-моему органически противен искусству). Нет, меня пугает любовь к быту прошлому, потому что она может повести к любви к быту вообще, а потом и к мерзости настоящего. Страшная огромная проблема. Мой любимый писатель Чехов – но ведь он деморализует. Ибо если с одной стороны он учит человечности, то с другой он не дает нормы, не указывает куда идти, не воспитывает. И, конечно, ребенок, воспитанный на Чехове, будет неврастеником. Нет, тут что-то не так. Недаром Платон хотел изгнать всех музыкантов не бравурных, всех поэтов не героических... и вот, всюду, всюду: я вижу зло и ложь быта и одновременно зло и ложь мысли, сиречь абстракции. С одной стороны хочешь традиции, старины, уклада, а с другой до смерти их боишься. Особенно остро это в религии. Где без традиции совсем нельзя, но где высшая подлинность не укладывается в рамки поповства, а втиснутая в нее – кастрируется...Одного моего знакомого философа М.О. Гершензон спросил: а вы не фальшивомонетчик? Как мне понять этот вопрос? Ибо и о. Ландышев – моровой батюшка и Бобров¹⁵ – оба фальшивомонетчики. Первый тем, что пакостный быт выдает за веру Христа, а второй тем, что его добро корней не имеет и потому из бумаги сделано, а не из золота... Философы слишком часто бывают фальшивомонетчиками, а я не хочу. Хорошо Вам с такой любовью. Но ведь искусство не обязывает к тому, что требуется от философа. Вы изображаете красоту видимую и красоту невидимую, и в этом смысл и цель Вашей работы. А об антиномии, о проблеме Вы уже можете не заботиться. А нам каково! Еще можете сказать, да в чем дело, из-за чего Вы скандалите, все равно ничего не измените. Но вот Эренбург бросает прямо вызов: нет ни добра, ни Бога, ни смысла. Вертится и все тут¹⁶. А молодежь развращается, а молодежь спрашивает; а учить ее нечему. Т.е. видите ли, конечно, и книг и учебников много, но, ведь для того чтобы учить, философски надо быть не фальшивомонетчиком. Надо найти, если не идеал, то хоть путь к нему. Старый быт конечно разрушен и мы ненавидим большевиков как людей беспочвенности и абстракции, кот^{орые} разрушили тот быт, который мы слишком мало ценили. «Что имеем не храним». Что же – нам дали новый быт: ужасный, кошмарный и всякая прочая штука, но все же *быт* и довольно прочный, так что он даже идею коммунизма съел. Со временем вероятно и он искусством будет проработан. Даст удивительные образы. Но тогда, почему же теперь его не приемлем – не в смысле голода и неудобства – а из глубины – морально. Неприемлема европейская культура, ибо она в отношении России есть абстракция, но неприемлем и быт: ни старый, ни новый. Старый уже предмет археологии: ни в Помазанника теперь никто не верит, ни скромное есть за грех не считает. И ре-

ставрация старого быта (у нас здесь сейчас опыт делают) не только тухлятинкой, но и кощунством отдает. А новый – еще того хуже. Вы понимаете мою мысль: я страдаю от раздвоенности; читая Ваши описания быта постоянно думаю: ах как хорошо! как было уютно, гнездовито, мило, тепло...И сейчас же: «но как хорошо, что этого больше нет»...И сейчас же: «Ты думаешь так потому, что духовно без роду и племени – изгой несчастный»...и ведь даже общество тайное Ваше есть попытка создать быт (в мелочах формы), но просветленный, от человеческого отличный, без лжи и лицемерия... Вот проблема – во всей жизненной серьезности, во всей неизбежности и всеобщности. – Простите мне всю эту предикку. Мне казалось, что к этому вопросу Вы подошли в Вашем творчестве вполне. Подошли к вопросу, а ясности нет. Ибо рядом с фантастикой, любовью ко всему старому у Вас вдруг такие европейские нотки, такая проповедь культуры самой кантианской, что просто диву даешься... Я только ставлю проблему, делюсь с Вами мыслями и сомнениями. Пока вы мне помогли эту проблему осознать, м<ожет> б<ыть> можете и разрешить... Я чувствую, где есть правда (подлинная) и где ее нет; так же как нюхом узнаю от Бога или от черта тот или иной философ. (Гегель, Спиноза – от Бога, Шопенгауэр – от черта; Кант – на с<е>редине – как Достоевский – Иван Карамазов). Но чутья мало. Как черту ивановскому хочется формулы и геометрии... Конечно проблема очень далекая и в борьбу логицизма с психологизмом она уходит и в юридизм и социологизм и далеко, далеко. Но если все эти проблемы важны и существенны то только потому, что они выражают собой основную антиномию жизни. Я чувствую даже, что разрешение проблемы может быть только религиозным, но для этого необходимо как-то преодолеть и ассимилировать религию быта и религию философии. Проблемски же разрешения я вижу только в некоторых живых людях – христианах по существу – живых, но не бытовых, мыслящих, но не абстрактных. Это Алеши, но живее, чем у Достоевского... А ни наука ни искусство пока мне в решении проблемы не помогают...

Книги для Вас, вышедшие здесь, я собираю и на днях пошлю. Очень мало, но кое-что есть. Я посылаю литературное, не выбирая качественно – так что не удивляйтесь, что много ерунды. Впрочем поэма о Серой Даме¹⁷ во многом очень интересна: особенно про греков...

Недавно один знакомый нашел мне «Бюлетень дома искусств»¹⁸. Восхитившись манифестом переписываю его на веленовой бумаге, дабы повесить над письменным столом (впрочем стол не письменный, а скорее вроде кухонного). Висят же над столом еще каррикатуры, картина: животные меня вдохновляющие: гигантские пауки исподлобья смотрящие, сухолапль-птица и ящер со злобным взглядом – все в лесу из цветных трав – и известная Вам обезьяна...

Этим летом иной орден образовался, где шутка смешана с серьезным, память глубокая и намерения искренние с балагурством. Происхождение, устав и смыслы-значения являют собой некую Творимую легенду. А я почти единственный рыцарь (есть еще один) и канцлер его – в знак чего и ношу на себе знак: гвоздь, протыкающий шарик слоновой кости – всё на золотых цепях висит. Гвоздь обладает магической силой: охраняет от злых духов и злых мыслей; как только нечисть в ум ползет или воля от правого пути склонится, гвоздь в сердце втыкается. А иногда на хороших людей показывает, на цепях вращаясь. Называется же <орден?> Паркамлы или абрикосовой рощи Тибета и Лаошина. И обет всегда на себе носить, что и выполняю, ибо обет дал. Только пристают ужасно: что за гвоздь. А я говорю – не гвоздь, а Паркамлы... Гвоздь мне дорог как память о друзьях, пожаловавших мне орден в знак благорасположения и дружбы и во свидетельство моей верности и службы. А т.к. получая какие-либо ордена надо испрашивать согласия Высочайшей власти, то, получив Ваше послание, я сейчас же снял (перерисовал) с него копию и послал гроссмейстеру своему с всеподданнейшим ходатайством разрешить мне принятие оногo. На этом кончу...

Во Вл<a>д<ивостоке> я предполагаю (насколько можно предполагать) пробыть еще два месяца – в работе. Должен читать логику (5 ч.), Проблемы национального и социального воспитания (2 ч.), Историю древней этики (2 ч.); вольные лекции – и утверждение Истины – православная феодицея о. П. Флоренского¹⁹; кроме того у меня студ<енческий> кружок – спец<иально> по бр<атьям> Карамазовым²⁰. Как видите, работа есть и даже весьма. Декабрь думаю читать в Харбине, а потом...

Если черкнете мне словечко, буду очень Вам признателен.

Еще раз благодарю за честь.

Его Величеству великому Асыке Виахтантарарх тараххх повергните к стопам (буде их местонахождение Вам известно) мои чувства верно-преданности.

Глубоко Вас уважающий

Л. Зандер

Канцлер и рыцарь Паркамлы

Кавалер обез<ьяньего> зн<ака> 1
ст<епени> с пт<ичьими> перьями
в звании китайск<ого> обез<ьяньего>
полп<реда>.

¹ Вох 1, f. 8, 29. Автограф чернилами. На первой странице поверх текста помечена дата рукой Ремизова: 29 XI.

- ² Ваши новые книги и письмо – к сожалению, писем Ремизова к Зандеру обнаружить не удалось. В письме Зандер ссылается на несколько книг, полученных им от Ремизова из Берлина.
- ³ Конференция Всемирной Студенческой Христианской Федерации состоялась в апреле 1922 г. в Пекине. World Student Christian Federation (WSCF) была основана в 1895 г. в США. Одним из ее основателей был Dr. John R. Mott (1865–1955), во время Первой мировой войны генеральный секретарь американского National War Work Council, оказывавшего помощь военнопленным в разных странах, в 1917 г. участник американской дипломатической миссии в Россию (Special Diplomatic Mission to Russia); в 1946 г. лауреат Нобелевской премии мира; имел почетные докторские степени от нескольких университетов, в том числе и от Свято-Сергиевского Богословского института в Париже. Доктор Мотт был председателем на конференции 1922 г.
- Конференция в Пекине оказалась поворотным моментом в личной судьбе Зандера и первым шагом в создании Свято-Сергиевского Богословского института в Париже. Трое русских участников конференции, Л.Н. Липеровский, А.И. Никитин и Л.А. Зандер составили проект создания богословского института в эмиграции. Подал этот проект Мотту Зандер, которому принадлежала идея создания высшей богословской школы и который в совершенстве владел английским. Добавим, что «богословским институтом», а не «духовной академией» он был назван в честь и память закрытого в Петрограде «Богословского института».
- ⁴ В письме Устрялову от 14 апреля 1921 г. Зандер писал: «Все-таки у нас море и благодаря этому вентилируется... Хотя плохо. Провинция ужаснейшая, и чувствуется “засол” <...> Надо встряхнуться и проехаться. Первым этапом будет, конечно, Харбин» (*Фашизм и коммунизм*, с. 171).
- ⁵ Имеются в виду планы организации Свято-Сергиевского Богословского института в Париже.
- ⁶ Конец Дальневосточной республики наступил 25 октября 1922 г. с уходом из Владивостока кораблей Сибирской флотилии под командованием контр-адмирала Г.К. Старка.
- ⁷ «пузатый иерей» – «Помнишь, как бывало / Брюхом шел вперед, / И крестом сияло / Брюхо на народ?» («Двенадцать»).
- ⁸ Цитата из «Пятой язвы». *Собр. соч.*, т. 4, с. 267.
- ⁹ Здесь и далее ссылки на «В поле блакитном» (Берлин: «Огоньки», 1922), по-видимому, одну из книг, присланных Ремизовым из Берлина.
- ¹⁰ Зандер имеет в виду следующий эпизод: Оля отказывается от поездки домой на Рождество, чтобы не компрометировать мать, и не показывает начальнице пансиона письмо от нее, в котором сделаны две ошибки (с. 40–41).
- ¹¹ Ссылка на длинное перечисление предметов бабушкиного приданого (с. 25–27), пререкания тетушек о вещах, полученных в наследство (с. 105), и на эпизод с бешеной собакой и упрямством Оли, переходящим в истерику (с. 35–38).
- ¹² *Россия в письменах*. Т. 1 Москва-Берлин: «Геликон», 1922. Не знаем, что ответил Ремизов, но детали старого быта, в том числе и разные перечисления, были частью его работы над словом.
- ¹³ Имеется в виду «Слово о погибели русской земли», впервые напечатанное в «Россия в слове. Литературное приложение № 1» к газете «Воля народа» (28 ноября 1917), вторая публикация: «Скифы». Сб. 2 (Петроград, 1918). «Слово» открывает книгу «Огненная Россия» (Ревель, 1921) и включено в «Взвихренную Русь». См. комментарии к «Слову» А.В. Лаврова («Взвихренная Русь». *Собр. соч.*, т. 5, с. 609–613). Зандер употребляет первое заглавие текста «Слово о погибели земли русской», в дальнейшем замененное на *...русской земли*. Можно предположить, что он видел первую публикацию еще до отъезда из Петрограда.

- ¹⁴ Возможно, что Зандер называет имя Иванова-Разумника в связи с его рецензией на первое издание «Пятой язвы». В комментариях к изданию повести А.М. Грачева упоминает, что в своей рецензии Иванов-Разумник «особо остановился на проблеме трагической отделенности героя от своего народа» (*Собр. соч.*, т. 4, с. 514).
- ¹⁵ *Моровой батюшка Ландышев* – антагонист Боброва в «Пятой язве».
- ¹⁶ Ссылка на книгу Ильи Эренбурга «А все-таки она вертится» (Берлин: «Геликон», 1922).
- ¹⁷ «*Поэма о Даме в сером*» В.Н. Иванова (см. прим. 3 к Продолжению п. 1), напечатана в альманахе «Парнас между сопок» (Владивосток, 1922), см.: Н.Н. Яновский. *Русские писатели Сибири XX века. Материалы к словарю*. Новосибирск, 1997; со ссылкой на автобиографию автора 1970 г.
- ¹⁸ *Бюллетени Дома Искусств* – в № 1-2 (17 февраля 1922) напечатан “Albern” Ремизова, включающий манифест Обезвельволпала: «Мы <...> асыка первый верховный властитель всех обезьян и тех, кто к ним добровольно присоединился <...> приверженцам нашим, что здесь в лесах и пустынях нет места пусному человеческому лицемерию, что здесь вес и мера настоящие и их нельзя подделать и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием, чем бы они ни прикрывались, а потому <...> надлежит помнить, что никакие ухищрения пузатых отравителей <...> как-будто откликающихся на вольный клич, но не допускающих борьбу за этот клич, не могут быть допустимы в ясно-откровенном и смелом обезьяньем царстве <...>» (с. 31-32). Вошел в книгу «Ахру. Повесть Петербургская» (Берлин, 1922).
- ¹⁹ П. Флоренский. *Столп и утверждение Истины*. Москва, 1914.
- ²⁰ Работы этих лет намечают дальнейшее развитие творчества Зандера: он занимался Достоевским всю жизнь, укажем здесь некоторые из его работ: L.A. Zander. *Dostoevsky. Le Problème du Bien*. Paris, 1946; *Тайна добра. (Проблема добра в творчестве Достоевского)*. Франкфурт: «Посев», 1960; «Зло и отрицание». *Грани*. № 47, 48 (1960).

3¹

Дорогой Алексей Михайлович!

Пункт I: Точные сведения о Ваших книгах проф. Макарову² написал и ответ его прилагаю. Дальнейшее уже не в моей власти.

Пункт II: мне обещано в скором времени знакомство с хозяином Ладженикова (кот<орый> теперь купил и Геликон³ и еще что-то). С ним о том же предмете буду иметь конверсацию.

Пункт III: бью челом за представляемых мною дальневосточных обезьян. От Варвары Михайловны Перевощиковой⁴ получил на днях письмо, кот<орое> прилагаю, п<отому> ч<то> 1. говорится о ее отношении к Асыке; 2. уж больно хорошо написано – вероятно Вам просто прочесть будет приятно, а то без рукописания и орден дать трудно. А ей он очень нужен. Поэт она небольшой, но с душой... А про меня писала оду, которая начиналась словами: (Арарат) На спине своей многодумной – он библейский возрастил.

От Михаила Васильевича Щербакова⁵ ничего не имею, но знаю, что работает. Грамоты и письмо Варвары Мих<айловны> прошу вру-

чить подателю сего⁶; он их приложит к моим препроводительным письмам и отправит по указанным адресам. Больше просьб не имею. Моя же грамота под стеклом.

Пункт IV: у Мельниковой-Папоушковой⁷ еще не был, зане: 1. оч<ень> занят; 2. не знаю адреса; 3. не знаю, какую книгу она у Вас взяла. Все будет однако исправлено.

Пункт V: прошу Вас передать письмо С.Ю. Кулаковскому⁸.

Пункт VI: живу так же. Много богословской работы; запись лекций и обработка их; служба в библиотеке⁹; кружки¹⁰; духовно – оч<ень> интенсивно, иногда даже чрезмерно; осенью жду Папу; писать ничего не могу, да и читать, впрочем тоже. Парижской поездкой остался чрезвычайно доволен¹¹.

Пункт VII: глубокий поклон Серафиме Павловне.

Пункт VIII: Вам бью челом многажды и жду милостивой весточки.

Сердечно преданный Вам – как Алексею Михайловичу и – верный раб Асыки и член Обезвельволпала *кавалер обезьяньего знака 1 степени с птичьими перьями и китайский обезьяний посол*¹², а также Канцлер и кавалер Тибетского ордена абрикосовой рощи

– Л. Зандер.

Narodni tř. 14. У.М.С.А

Praha.

¹ Вох 3, f. 10, 21. Автограф чернилами. Рукой Ремизова помечена дата получения: 4.6. <1924>. Год дается по альбому.

² Н.П. Макаров – в начале 1920х гг. был одним из редакторов издательства УМСА-Press в Берлине, позднее переехавшего в Париж. В архиве Ремизова сохранилось письмо Макарова к Зандеру из Берлина от 10 марта 1924 г. на бланке УМСА-Press (Вох 3, f. 10, 23), в котором он выражает интерес к книгам Ремизова, но сомневается в их соответствии целям издательства, упоминает о предстоящем приезде Б.П. Вышеславцева в Париж и возможности личных переговоров с ним, и просит сообщить об этом Ремизову. В это время радикально менялось направление русского отдела издательства ИМКА, раньше занимавшегося изданием технических учебников и пособий для русских военнопленных (Макаров, специалист по сельскому хозяйству в США, был специально вызван в Берлин для этой цели), но после прибытия в Берлин высланных на «философском пароходе» главным интересом издательства становится религиозная философия, а новыми редакторами – Бердяев и Вышеславцев. См. об этом: Paul V. Anderson. *No East or West*. Paris, 1985; П.Ф. Андерсон. «Бердяевские годы 1922-1939 (Из книги воспоминаний)». *Вестник РХД*. № 144 (1985). С. 244-291; Е.В. Иванова. «Деятельность издательства УМСА-Press в Берлине». *Вестник РХД*. № 188 (2004). С. 334-363. См. также: Лазарь Флейшман. «Об одном забытом эпизоде литературной жизни русского Берлина». *От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы*. М., «НЛО», 2006. С. 147-170.

³ *Геликон* – издательство существовало в Москве в 1917-18 гг., затем в 1920-27 гг. в Берлине и до середины 1930 гг. в Париже; редактор-издатель – Абрам Григорьевич Вишняк. В

этом издательстве в 1922 г. вышла «Россия в письменах» Ремизова. И.П. Ладыжников – владелец издательства (1905-17), с 1918 г. владелец – Б.Н. Рубинштейн; издательство сохранило прежнее название.

- ⁴ *Варвара Михайловна Перевощикова* – это имя не встречается в просмотренных нами библиографических справочниках. В *Асыке* обозначена как *Переводчикова* со ссылкой на письмо Зандера (с. 354). В альбоме 1924 г., где находится это июньское письмо Зандера, сохранился листок, на котором рукой Ремизова, кроме пражского адреса Зандера из письма (с добавлением домашнего), выписано несколько имен, в том числе Михаил Васильевич Щербаков и *Варвара Михайловна Статъева*. Представляется вероятным, что Перевощикова печаталась под этим именем (девичья фамилия?). Под именем В.М. Статъевой опубликована книга «Стихи» (Шанхай, Восточное книгоизд. «Даль», 1920). Печаталась в журнале «Лель» (Владивосток. 1919. № 6) и «Творчество» (1920. № 1). См.: *Хисамутдинов*. В «Коллекции “русского харбинца”» воспроизведена обложка книги стихов Статъевой (*Словодчиков*, с. 87).
- ⁵ См. прим. 5 к Продолжению п.1. Выдержки из пункта III в этом письме опубликованы в *Асыке*, с. 295.
- ⁶ В архиве Ремизова сохранилось письмо В.А. Калашниковой, в то время невесты Зандера (см. ниже прим. 11), с просьбой назначить время, когда ей прийти за грамотами, которые ей поручил отправить на Дальний Восток Зандер. (Вох 3, ф. 8, 27а).
- ⁷ *Надежда Филаретовна Мельникова-Папоушкова* (1891–1978) – литературный критик, публицист, переводчик; с 1919 г. в Праге, член Союза русских писателей и журналистов в Праге (*Асыка*). Переписывалась с Ремизовым в 1920-е гг.
- ⁸ *Сергей Юлианович Кулаковский* (1892–1949) – филолог, в 1923-24 гг. учился в Париже. С 1925 г. жил в Польше. См. реконструкцию биографии в: Андрей Устинов «“Надежды символ”: Антология “Якорь” как итог поэзии русской эмиграции» в переиздании (СПб.: Алетейя, 2005. С. 371, прим. 116) книги *Якорь. Антология зарубежной поэзии*. Составили Г.В. Адамович и М.Л. Кантор. Париж: «Петрополис», 1936. Хотя Кулаковский в это время жил в Париже, Ремизов просьбу Зандера не исполнил. Его письмо к Кулаковскому от 12 марта 1924 г. (благодарность за присланный перевод, о собственной занятости, о невозможности судить о работе по существу) с подписью с обезьяньим титулом хранится в архиве Ремизова в Амхерсте (Вох 3, ф. 10, 22).
- ⁹ В Праге Зандер заведовал личной библиотекой Президента Масарика.
- ¹⁰ *кружки* – работа в РСХД, помимо местных и общих съездов, обычно проходила в небольших тематических группах, «кружках».
- ¹¹ Зандер провел январь 1924 г. в Париже, где, кроме активного участия в начинавшейся работе РСХД, встретился со своей будущей женой, Валентиной Александровной Калашниковой (1894–1989), сестрой его лицейского товарища, с которой был знаком с 1913 г. Зандеры венчались в августе 1924 г. и жили в Праге до переезда в Париж в связи с открытием Свято-Сергиевского Богословского института в 1925 г. См.: В.А. Зандер. «Путь моей жизни». *Вестник РХД*. № 142 (1984). С. 271-287.
- ¹² Выделенная часть титула – в стиле «ремизовской вязи».

БОРИС БОЖНЕВ ДО «БОРЬБЫ ЗА НЕСУЩЕСТВОВАНИЕ»

Андрей Устинов

Божнев – поэт hermetique, умный, с непомерным самолюбием.

Из воспоминаний¹

На тех, доисторических вечерах гремели звезды раннего периода: Евангулов, Божнев, Гингер.

Из других воспоминаний²

В 1934 г. Георгий Адамович вспоминал «героические времена молодой зарубежной поэзии»³ как фантазмагорию:

В первое время эмиграции была смесь парижских эксцентрических утонченностей с увлечением дубоватым отечественным футуризмом, уже кончавшимся в Москве. Париж и Москва были восприняты как бы из вторых рук и слиты механически, с расчетом кого-то удивлять, кого-то раздражать и “эпатировать”, хотя никто уже в эти годы ничему не удивлялся, и эпоха желтых кофт прошла... Факт эмиграции еще не ощущался, как тяжесть, как долг, как ответственность. История казалась результатом досадных случайностей, и избранники искусства не желали обращать на нее внимания. Господствовало легкомыслие.⁴

Для русских участников парижских «Палаты поэтов» (1921-22), «Гатарапака» (1921-22) и последнего экспериментального творческого объединения поэтов, живописцев, музыкантов и перформансистов, группы «Через»⁵ (1923-24), эмиграция была явлением совершенно естественным. Большинство из них оказались в Париже начала 1920-х годов совсем молодыми людьми и никакой определенной «миссии» это перемещение из России во Францию в их восприятии нести не могло. Именно этим и объясняются «три характерные особенности» молодой зарубежной поэзии, Л. Ливаком:

1) отсутствие антисоветских настроений в среде организаторов и участников артистических группировок, 2) ярко выраженная в этой же среде популярность советского авангарда в литературе (футуризм) и изобразительном искусстве (конструктивизм) и 3) близкие связи с французским дадаистическим движением. Последнее было обусловлено участием в нем Шаршуна, Парнаха и Ромова, чьи попытки приобщить молодых изгнанников к эстетике дадаизма были поддержаны ветераном русского футуризма Ильей Михайловичем Зданевичем.⁶

Вместе со Зданевичем «ветераны русской артистической колонии в Париже» Сергей Шаршун, Сергей Ромов, Валентин Парнах и Марк Талов направляли молодых зарубежных литераторов в сторону «левого искусства», чему способствовали непрерывающиеся контакты не только с литературной, но и с художественной средой, как русской, так и французской. Именно «по горячим следам группового успеха русских художников на “Выставке 47-ми”, организованной Сергеем Ромовым в кафе “Парнас” <...> и открывшейся 8 апреля 1921 г.»⁷ создается и начинает регулярные собрания общество «левого» искусства «Гатарапак»⁸. С приездом в Париж Зданевича в ноябре 1921 г. эти связи становятся еще более прочными: в январе 1922 г. он становится секретарем Союза русских художников в Париже⁹.

С другой стороны, «к августу 1921 количество молодых поэтов, до того численно уступавших художникам, уже оправдывало создание чисто литературной ассоциации»¹⁰, и 7 августа в кафе «Хамелеон», штаб-квартире «Гатарапака», состоялся первый вечер новосозданной «Палаты поэтов», председателем которой стал Парнах, а в инициативную группу вошли Шаршун, Талов, Александр Гингер и Георгий Евангулов. В отличие от «Гатарапака» «Палата поэтов» представляла собой герметическое сообщество и, несмотря на заявленную председателем Парнахом программу устройства литературных чтений «на началах общения с публикой», четко отделяла ядро группы от «остальных». Об «избранности» группы свидетельствует прежде всего список изданий, предпринятых «Франко-русской печатью»: под грифом «Палаты поэтов» были изданы книжки исключительно пяти поэтов-основателей¹¹. Самым знаменитым из них бесспорно является сборник стихотворений Парнаха «Карабкается акробат» (конец декабря 1921 или начало января 1922), который был буквально порезан владельцем «Франко-русской печати»¹² и который вспоминал как неприятную ассоциацию с теми «героическими временами» Адамович:

Как символ этой полосы в жизни русско-парижской литературы, у меня осталось в памяти название какого-то сборника стихов, долго и упорно мелькавшее в наших, здешних газетных объявлениях: “Карабкается акробат”.

Да еще комическое-тщеславная прибавка: “с портретом автора работы Пабло Пикассо”.¹³

Как замечает Л. Ливак, это было сделано по примеру группы дадаистов, объединившихся под эгидой журнала “Littérature” под предводительством Тристана Тцара¹⁴:

Хотя собрания группы были открыты для всех желающих, “Палата”, по примеру группы Цара делила присутствующих на “своих” и “приходящих”. Поплавский, часто выступавший в “Гатарапаке” и друживший с Гингером, записывает <28 сентября 1921 г.> в дневнике: «Обедал, пошел к

Барту, говорил о “Гатарапаке” и что я хочу попасть в “Палату поэтов” (в которую так и не попал). Барт недоволен».¹⁵

Помимо Поплавского, в «Палату поэтов» также не попали Владимир Познер, Анатолий Юлиус, Довид Кнут и Борис Божнев¹⁶.

Такова была расстановка литературных сил «парижской молодой литературы» когда, «перебиваясь перепиской нот и устроившись на службу в нотный магазин, Божнев сходится в начале 20-х годов с рядом парижских молодых поэтов и художников (особенно близок он был тогда с Константином Терешковичем и Хаймом Сутином) и становится своим человеком в кругах артистической богемы»¹⁷. Легкость, с которой Божнев входит в художественную среду объяснялась его интересом к изобразительному искусству, который он сохранял даже в самые тяжелые годы своей жизни. Помимо многолетней дружбы с Терешковичем, написавшим его портрет, он был также близко знаком с Ромовым, Зданевичем и Виктором Бартом, вместе с которыми он основал группу «Через»¹⁸, о создании которой было заявлено 24 ноября 1922 г. на банкете, устроенном в ресторане “La Patte d’oie” в честь приезда в Париж Владимира Маяковского¹⁹.

В этот период (1921-23 гг.) Божнев занимает лидирующее место на «Русском Монпарнасе». Он активно участвует в многочисленных литературных и художественных вечерах и даже становится ментором для молодых поэтов, прежде всего, Владимира Познера²⁰ и Бориса Поплавского. Его близкие отношения с Поплавским подтверждаются обменом поэтическими текстами. Божнев дарит Поплавскому свои стихи «Хорошо, что на свете есть мамы» (1922 или 1923 г.) и «ночь – женщина, мужчина – день, / но есть часы гермафродиты», последнее – с инскриптом: «18. III. 1924 париж Борис Божнев поэту Борису Поплавскому»²¹. Поплавский посвящает Божневу стихотворение «Молитво Слов», с прозрачным посвящением «Дорогому Б.», где Поплавский вступает в словесную игру с анафорой имени своего друга: БОрис БОжнев и тем непроизносимым всуе словом, которое тоже начинается с БО, и от которого Поплавский «спасался апострофа знаком»²².

Вероятно, их сближению с Божневым способствовало и то, что в начале 1920-х гг. Поплавский все время балансирует между собственными литературными и художественными устремлениями. Как вспоминал А. Юлиус, в те годы «Борис Поплавский считал себя еще художником и как-то нехотя читал свои стихи»²³. Для Божнева это уже пройденный этап: несмотря на откровенное увлечение искусством, он видит себя именно поэтом. Это четкое самоопределение и, одновременно, независимость поэтических воззрений, заставят едкого Адамовича написать в 1925 г.: «Стихи Божнева написаны человеком много читавшим и довольно опытным»²⁴.

Ко времени появления на парижской литературной сцене у Божнева уже были определенные поэтические достижения и несомненные организационные навыки. В 1920 г. совместно с куратором русской библиотеки в Софии Константином Парчевским (1891–1945) он сумел издать коллекцию стихотворений под громким заглавием «Русская Лирика»²⁵, где напечатал свои тексты рядом со стихами Ахматовой, Бальмонта, Брюсова, Блока, Белого, Бунина, Гиппиус, Мережковского и Сологуба. Его стихи, конечно, были плохи, но смысл этой публикации заключался в другом. Божнев с легкостью и даже радостью осваивал литературное пространство, предуготовленное всем «серебряным веком». Однако, в отличие от старших эмигрантских поэтов и критиков, в том числе и взявшего на себя роль охранителя «петербургской поэтической культуры» Адамовича, никакого пиетета он к этому наследию не испытывал.

Как замечает Л. Флейшман, «само по себе присутствие среди этих знаменитостей единственного дебютанта – Бориса Божнева, имени, совершенно неведомого, – придавало книжке оттенок эпатажа и заставляет предположить, что главной, едва ли не единственной, целью ее как раз и была попытка ввести в литературу начинающего поэта, окружив его первые опыты почетным антуражем»²⁶. Как и пристало подлинному экспериментатору, для Божнева важен не столько факт его поэтического выступления, сколько восприятие его литературного жеста, прагматика его – пока ещё скромного – выпада. По наблюдению М. Шапира, «в авангардном искусстве прагматика выходит на первый план. Главным становится действенность искусства – оно призвано поразить, растормошить, взбудоражить, вызвать активную реакцию у человека со стороны»²⁷. И несмотря на то, что эпатажный выпад Божнева не имел должной силы, изданием «Русской лирики» был четко намечен вектор его литературного движения.

В соответствии с такой установкой, работа Божнева с наследием «серебряного века» предстает как способ совершенствования поэтической техники. Если для его современников стандартное посвящение стихом и, соответственно, подражание начинается прямо с символистов, то стихи Божнева «обнаруживают чрезвычайно сильное влияние “поэтов пушкинской плеяды” (в первую очередь Баратынского), воспринятых сквозь призму символизма»²⁸. В каком-то смысле он повторяет литературный путь столь нелюбимого им Владислава Ходасевича: от вторичного символизма «Молодости» к открытому пушкинизму «Счастливого домика» и к совмещению этих двух литературных традиций в «Путем зерна». Впрочем, как известно, Ходасевич «Божнева не признавал»²⁹, и, скорее всего, именно за ту легкость, с какой Божнев распоряжался этим наследием, в то же время, предъявляя высокие

ночь - женщина, мужчина - день,
но сонь как секундаритив....
вот этот час, - ни свет, ни тень,
в нем атмосфера и суровость летних.

вот этот час - бурный он, -
ни тьма и ни светом воздух, -
не стиски, - но излучаешь сон,
лежишь, - но усталости отсюда....

Борис Бюфнев

поэту

18. III 1924
на/ч

Бю. к Бю. Поплавскому

Виктор Барт
и Константин Терешкович,
1924 г. (Частное собрание).

Автограф стихотворения
«ночь – женщина, мужчина – день»
(18 марта 1924 г.),
подаренный Б.Ю. Поплавскому
(Частное собр., фотография
предоставлена редакцией альманаха
"From the Other Shore").

Виктор Барт, Сергей Ромов, Константин Терешкович, 1922-23 гг.
(Частное собр., фотография предоставлена редакцией
альманаха «Минувшее»).

требования к собственной поэтической продукции. Именно таким жестким отбором можно объяснить тот факт, что самостоятельные, вне антуража, публикации Божнева до издания им сборника стихов «Борьба за несуществование», единичны³⁰.

В начале 1920-х гг. Божнев активно выступает с чтением стихов, но очень немногие предают печати или дарит. Сохранившиеся автографы – большая редкость, и встречаются эти один-два текста только в архивах его близких друзей таких, как Зданевич, Александр Гингер и Анна Присманова или Габриэль Спат. Тем неожиданнее, что в фонде А.А. Яблоновского (1870–1934) в РГАЛИ, сохранился цикл стихотворений Божнева «Любовь уездная»³¹. Возникает естественный вопрос: что может быть общего у резко консервативного журналиста, газетного фельетониста³², корреспондента «Общего дела», сотрудника «Руля» и «Возрождения», представителя «правых кругов»³³ эмиграции, с одной стороны, и поэта-экспериментатора, автора неконвенциональных стихов – с другой. Позволим себе предположить, что текст «Любви уездной» отложился в архиве Яблоновского по довольно простой причине.

15 мая 1922 г. «Союз русских писателей и журналистов» в Париже, активным деятелем которого был Яблоновский³⁴ проводил свой очередной «понедельник» в старейшем парижском ресторане «Прокоп». Столь нехарактерное для эмигрантского быта совершенно шикарное место было выбрано для проведения регулярных собраний по той причине, что незадолго до этого Союз получил значительную ссуду в банке. Первый понедельник прошел 8 мая. На втором понедельнике к выступлению были заявлены молодые парижские поэты, что было отмечено в анонсе в «Последних новостях», отраженном в «Хронике» Мишель Бейссак:

15 мая. – Очередной “понедельник” СОЮЗА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ. Выступают молодые поэты.
Restaurant Procope, 13, rue de l’Ancienne-Comédie.³⁵

Это объявление было иронически прокомментировано в свете противопоставления «литературных генералов» из Союза писателей и журналистов и тех, кого поэтически описал Довид Кнут – «весьма скромно одетых, но с мрачной гордостью глядевших молодых людей»³⁶:

Нам неизвестно, кто именно ходил читать перед Буниным и Мережковским, но вполне возможно, что хронически полуголодных авангардистов там накормили.³⁷

Мы предполагаем, что цикл «Любовь уездная» оказался у Яблоновского для оценки текстов приглашенного на «понедельник» поэта Божнева или, если воспользоваться терминологией рок-движения 1980-х гг., был затребован им на «литовку». Как представитель Союза

он счёл своим долгом проверить, чтобы предполагаемые к прочтению стихи соответствовали идеологическим запросам и политическим устремлениям высокопоставленных членов организации.

Цикл «Любовь уездная» занимает промежуточное положение в поэтической эволюции Божнева. С одной стороны, он работает с наследием русской поэзии начала века на стиховом уровне: основным размером цикла является дольник, явно позаимствованный из всей традиции этого метра: от Блока до Ахматовой. Как замечает М.Л. Гаспаров: «Если Блок был зачинателем оформления русского дольника, то Ахматова по праву считается его завершительницей»³⁸. Божнев использует дольник, вероятно, для стилизации, для максимального приближения к народному тоническому стиху, но даже так его метр имеет происхождением не народную, а литературную традицию.

Из Блока, а точнее – из блоковской традиции ритма – позаимствован и четырехстопный ямб, которым написана кода. Впоследствии Божнев в своих стихах пользуется исключительно силлаботоническими размерами, и эта «нарочитая шаблонность метрической организации»³⁹ его поэзии только подчеркивает способность Божнева добиваться ожидаемого эффекта ограниченными поэтическими средствами.

Однако у цикла есть и другой аспект: в начале 1920-х гг. Божнев увлекается наивным искусством или искусством примитива (*l'art primitif*). В своей поздней автобиографии он писал:

Les premiers tableaux de ma Collection ont été achetés chez un brocanteur du quartier des Gobelins en 1921.

*Depuis cette révélation en peintures naïves et primitives de cette partie du Paradis qui est restée pure et innocente, même après la Chute.*⁴⁰

Как замечает Л. Флейшман, «отношение Божнева к литературной “традиции” соответствует его увлечению картинами примитивов (он жадно коллекционировал их с 1921 года), предпочтению “непрофессионального” искусства, преклонению перед “неумелостью”, внезапно обнаруживающей глубокий поэтический смысл»⁴¹. Возможно, именно из-за этой своей увлеченности Божнев создает цикл, который отвечает стилистике и тематике *l'art primitif*, а именно – жанру «жестокоего романа». Этим, скорее всего объясняется не только соблюдение, но и откровенная экспликация всех характерных и наиболее частотных мотивов этого жанра: измена, падение девушки, ревность, убийство («удушение»), страсть и любовная тоска⁴².

Написанный как «жестокоего романа», с посвящением «Покойнице Анне», с элементами народного богохульства, – цикл «Любовь уездная» вряд ли мог снискать расположение консервативного Союза писателей и журналистов. Памятуя о том, что именно Яблоновский, ис-

пытавший трепет при прочтении двух «фаллических» стихотворений Парнаха, способствовал превращению сборника «Карабкается акробат» в «уникум» (определение А. Савина), можно представить, что Божнева вряд ли накормили в «Прокопе».

Возможно, что выступление молодых поэтов и вовсе не состоялось, по крайней мере, никакие отчеты о «понедельнике» в парижских газетах обнаружены не были. На этот раз им не удалось осуществить ту задачу, о которой ретроспективно писал Кнут:

Эти люди собирали силы для трудного дела: им предстояло пробить толстую стену человеческой косности, равнодушия и, в лучшем случае, недоверия, чтобы выбиться из кислой духоты и дыма кабацкого небытия на свежий, говоря метафорами, воздух печатной литературы.⁴³

Однако эта возможная неудача никак не остановила ни Божнева, ни его знакомых поэтов и художников. Хроники русской культурной жизни в Париже отмечают этапы, которые были неотъемлемой частью литературного становления этого поколения эмиграции:

И только после многих этапов сложной “подпольной” борьбы, чьих-то “побед”, чьих-то “поражений”, после больших потрясений и перемен, начало постепенно выкристаллизовываться то, что называется парижской молодой литературой⁴⁴.

12 июля на открытии Выставки «Тринадцати» в кафе «Хамелеон», организованной Кнутом и Божневым, К.В. Мочульский «сказал слово о парижской группе русских поэтов» (а Ромов – «слово о парижской группе русских художников»), с чтением стихов выступили Божнев, Гингер, Евангулов, Познер, Кнут (как Давид Фиксман) и Юлиус⁴⁵. 17 февраля 1923 г. по случаю чтения Евангуловым своей комедии-буфф «Человек без галстука или дважды повешенный» в «Хамелеоне» также выступили с чтением стихов Гингер, Познер, Божнев и Юлиус⁴⁶.

Наконец, после официального образования в марте 1923 г. «Череза», в исполнительный комитет которого вошли Зданевич, Барт и Ромов, именно Божнев довольно уверенно формирует литературную политику группы, привлекая к участию, в том числе отринутых «Палатой» Познера, Поплавского, Владимира Свешникова (Кемецкого) и других поэтов. Он же выводит на авансцену в качестве первого (и единственного) присяжного критика молодой парижской литературы К.В. Мочульского. Очевидно, что выступление последнего в «Хамелеоне» имело определенный успех. Именно ему Божнев доверяет выступить на собственном бенефисе – первом и чрезвычайно успешном⁴⁷ вечере «Череза», который состоялся 29 апреля 1923 г. в Галерее «Единорог» (Galerie “La Licorne”, 110, rue La Voétie). Именно здесь Ромов прочитал формирующий доклад «О группе “Через”». Однако смысл вечера состоял в том, что он был целиком и полностью посвящен

гть социаль-
традции золо-
послы вь Ве-
нтанского —

и серьезных
стремлений ор-
ганизационную
ищут. Стоящую
тальной коро-
оничательно
на смысл. а
на 11 час

ПАРИОНЪ

ВНО

Лондон

в про-
1-го

Бовалима вадриин «Литного времени».

Продолжение редакционной части номера
на 4-ой странице

Прим. Поэтъ **И.В.ДУССАНА**
новый адр. съ: 68, Rue St-George
Tél.: Trudaine 16-65
Принятъ ежедневно отъ 3 — 6

ЧЕРЕЗЪ «*LA LICORNE*»
(110, Rue de la Harpe, VII)

Въ воскресенье, 29 апреля 1923 г. въ 9 час. вечера
БОРИСА БОЖНЕВА

Программа: I. Проф. К. В. Мочульский — Слово о Борисѣ Божневѣ, II. Француз-
ские поэты — С. Ален, П. Делон, П. Жанвер, В. Токмандо, П. Ривардан, Ж. Ри-
беллош-Дассанс, П. Суро, Т. Тавар, III. Борисъ Божневъ: IV. Квартетъ общества
У. С. М. Ромошъ — О группѣ «Черезъ», VI. Русские поэты — А. Гинтерг, Г. Елин-
гузовъ, В. Кювешъ, В. Померъ, В. Подлацкий, И. Рискинъ, М. Струе, А. Скри-
бинъ, А. Юнгусъ: картины, декорации, костюмы художниковъ — В. Берга, Л. Во-
лжанко, Н. Гривовскаго, И. Добринскаго, С. Давон-Теръ, С. Керскаго, А. Каша-
балла, А. Лавсона, К. Терешковича, В. Роландовъ, Л. Мандель, А. Френстайн,
О. Паддингъ, Н. Яковлевской и Давон, Фера Паскина, Сордана: VII. «Осень» метро-
поль, вернувши въ одного дѣйстви Иманъ Зламанча.
Вступитъ и Писательница Борнгейна мадди и три актѣ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
«ЮСИФЪ МАРШАКЪ»
МАГАЗИНЪ ЮВЕЛИРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
Судремуль отъ 1878 г.

Объявление «Вечера поэта Бориса Божнева» 29 апреля 1923 г.

Цикл Божнева публикуется по автографу (РГАЛИ. Ф. 1697. Оп. 1. Ед. хр. 373) с сохранением особенностей авторской графики и пунктуации. Публикатор не мог отказать себе в удовольствии напечатать стихотворения поэта, заново открытого юбиляром для современных читателей, согласно требованиям, которые обычно предъявляются к публикациям литературных классиков.

<л. 1>

Борис Божнев.

Любовь Уездная.
Стихи.

<л. 2>

Покойнице Анне

<л. 3>

Перед разсветом

<л. 4>

Синий дымок над лампадкой —
На фитиле — нагар...
Во рту привкус сладкий...
Звенит и звенит комар...

Огонек двумя язычками
Задрожал и, чадя, погас...
Он медленными глотками
Пьет из кувшина квас...

Ты еще не уснула
И слышишь его шаги...
В темноте, около стула,
Падают сапоги,

И, подвинув тебя, покорную,
Он лег, дыша горячо,
И бороною черною
Колет твое плечо...

Тишина... Тишина бездушная...
Скоро начнет светать...
Сбилась перина душная
И поскрипывает кровать...

<л. 5>

У ворот.

<л. 6>

Ты придешь ко мне огородами...
Я жду на скамье у ворот...
Ты носишь платок с разводами
И, зевая, крестишь рот...
Багровое солнце низко
И сильнее гуденье пчел...
Я снова твою записку
Коротенькую прочел:
"Он в город перед разсветом
Уехал до четверга..."
Блеснет матовым светом
Серебряная серьга,
Когда ты снимешь устало
Темносиний платок...
Кровь медленно стала
Приливать и давить на висок...
Не забуду пожар пылающих
И розовых облаков...

Прикрикнув на псов лающих,
Посмотрел на стрелку часов...

<л. 7>

Ночь со среды на четверг.

<л. 8>

Я знал, что ты мне приснилась
И томила меня неспроста.
Я слышу, как сердце забилось
Под плотную тканью холста.

Ты пахнешь сушеною мятою,
Но не этим дурманишь меня...
Упала и грудюю смятою
На полу лежит простыня...

...И целуешь меня укусами,
И касаешься языком...
На шее под синими бусами
Есть родинка с волоском...

Кто привез для тебя, лукавая,
Эти нити цветного стекла?
Под тобою рука правая
Онемела и затекла.

Пред глазами искра неяркая,
И я и нежен, и груб,
И твоё дыханье жаркое
У моих пересохших губ...

<л. 9>

В Церкви.

<л. 10>

Я вошел и встал за нищими...
Ты прошла в голубом платке...
Твой муж блестит голенищами
И держит картуз в руке.
Мне свечка рукав закапала
И хор нестройно запел...
Я знаю – ты ночью плакала,
А он зубами скрипел.

... И вижу лицо безкровное
И небольшой синяк...
Он сегодня на блюдо церковное
Положит потный пятак.
Но о чем молитвой притворною
И смиренною попросить?
Он будет бороду черную,
И грудь, и плечи крестить.
Я выйду из церкви с нищими,
Будет весело мне в кабаке...
Твой муж блеснит голенищами
И держит картуз в руке.

<л. 11>

Удушение<>

<л. 12>

Ондохнул на тебя водкою
И горечью табака.
И шею твою короткую
Сдавила его рука...

Ты ударила в грудь на-отмашку,
Но забила под ним, хрипя,
Когда, разорвав рубашку,
Тебя повалил, сопя,

И стал тисками неспешными
Все плотнее и туже сжимать...
Ты напрасно губами немевшими
Хотела воздух поймать,

И зрачки тупо уставились
На седину бороды...
Пальцы на шее оставили
Синеющие следы

<л. 13>

Отъезд<>

<л. 14>

Всю эту ночь стучал по жести
Холодный дождь, и выли псы...

Мне грудь покалывает крестик
На узкой ленте из косы.

И сквозь закапанные стекла
Опущенного кожуха
Я смутно вижу грядки свеклы
Средь мокнущего лопуха...

Ворона села, или галка,
На покривившемся шесте...
Мне ничего уже не жалко,
Я снова в черной пустоте,

И пьяному отдаться бреду
Уже пора, уже пора...
Но только к сумеркам доеду
До постоянного двора,

Где пол, заплыванный до слизи,
Клопы и грязная кровать...
Как страшно мне к губам приблизить
Твой крестик и поцеловать...

Не он ли неразрывной связью
Еще соединяет нас...
Копыта липнущую грязью
Забрызгивают тарантас,

И близят, близят повороты
Неутоляющий покой,
И снова судоргу зевоты
Скрываю зябнущей рукой...

Борис Божнев

п р и м е ч а н и я

- ¹ Приношу свою искреннюю благодарность Ричарду Дэвису за знакомство с набросками воспоминаний Н.В. Резниковой, хранящимися в Русском архиве в Лидсе (Leeds Russian Archive, Brotherton Library, University of Leeds).
- ² В.С. Яновский. *Поля Елисейские: книга памяти*. Пред. С. Довлатова. СПб.: Пушкинский фонд., 1993. С. 218.
- ³ Мы используем это выражение Довида Кнута вслед замечательной энциклопедической работе Л. Ливака, посвященной раннему периоду русской «парижской молодой

- литературы»: Леонид Ливак. «Героические времена молодой зарубежной поэзии»: Литературный авангард русского Парижа (1920–1926)». *Диаспора. Новые материалы*. VII. Париж-СПб.: Athenaeum-Феникс, 2005. С. 131-242.
- ⁴ Георгий Адамович. «Парижские впечатления». *Последние новости*. № 4767. (12 апреля 1934 г.). С. 2.
- ⁵ Сами участники группы с легкостью склоняли ее название, последуем их примеру и мы.
- ⁶ Леонид Ливак. *Цит. соч.* С. 135.
- ⁷ Там же. С. 145.
- ⁸ Как уже неоднократно указывалось, название общества происходит от имен ее создателей, однако, до сих пор исследователи (как и мемуаристы) не пришли к единому мнению, чьих именно. Позволим себе высказать предположение, что название группы было составлено из первых букв фамилий Гингер–Талов–Ромов–Парнах–Кнут (ГаТаРаПаК), а буква «а» была использована не только в качестве разделителя между согласными, но и по аналогии с названием направления, на которое ориентировалась обществу: *dada*.
- ⁹ Режис Гейро. «Группировки и журналы русского авангарда в Париже (1920–1940)». *Русский Париж: 1910–1960*. СПб.: Palace Editions, 2003. С. 67.
- ¹⁰ Леонид Ливак. *Цит. соч.* С. 150-151.
- ¹¹ Список изданий «Палаты поэтов» приведен в: Леонид Ливак. *Цит. соч.* С. 153.
- ¹² В автобиографии для журнала «Новая русская книга» Парнах писал: «По распоряжению издателя О.Г. Зелюка, из книги была вырезана стр. 25-26, ввиду того, что один из сотрудников “Общего Дела” выразил свое возмущение, обвиняя автора в “порнографии”. 2 уничтоженных фаллических стихотворения посвящены вопросам ритма фаллического начала и фаллической фантастике в индийском роде. В принадлежащих автору экземплярах страница эта была восстановлена» (Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. *Русский Берлин 1921-1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гугеровском Институте*. Paris: YMCA-Press, 1983. С. 313). Один из таких экземпляров сохранился в коллекции известного парижского библиофила Андрея Савина (André Savine, 1946–1999) с автографом Парнаха: «Гансу Яновичу Аллику с пожеланиями всяческого успеха автор 14 – 1 – 22 Paris». Воспользуемся описанием Савина, сообщаящем дополнительные подробности этого казуса: «Далее на этом же авантитуле поэт поясняет: “Стр. 25-26 вырезаны издателем, испугавшимся газеты “Общее дело”. Сотрудник газеты г. Яблоновский обвинил 2 стихотворения (стр. 25-26) в “порнографии”. По распоряжению автора, эти страницы вклеены в принадлежащие ему экземпляры. Акробат спасен». В контексте данной работы важно названное имя сотрудника газеты, пожаловавшегося на «порнографию» – А.А. Яблоновский.
- ¹³ Георгий Адамович. *Цит. соч.* С. 2. Отметим, что помимо портрета работы Пикассо в книге были воспроизведены также рисунок-иероглиф самого автора (с. 23) и рисунок работы Di Lado (Ладо Гудиашвили; с. 53), оформлявшего подвал кафе «Хамелеон».
- ¹⁴ Там же. С. 136-137 (Шаршун писал по-русски имя Tzara как «Тзара»; мы воспользуемся традиционной транскрипцией, известной по переводам А. Эфрон и М. Кудинова).
- ¹⁵ Там же. С. 150.
- ¹⁶ Помимо А. Бахраха, ошибочно считавшего Божнева одним из основателей «Палаты поэтов» (Александр Бахрах. *По памяти, по записям: литературные портреты*. Paris: La Presse Libre, 1980. С. 156), его называет одним из создателей группы и М. Талов в письме к Г. Евангулову от 16 ноября 1964 г.: «...Ваш адрес сообщил мне наш общий друг Сергей Шаршун. Спился я и с Гингером. Нечего и говорить, что к двум “сопалатникам”, я теперь могу прибавить и третьего – Вас. Четвертый – я, Талов “воскрес из мертвых” <...>. В Тбилиси я увиделся с Ладо Гудиашвили. Мы с ним смеялись сквозь слезы, вспо-

миная Париж и глубоко сожалея, что были настолько неразумны, что не догадались сняться всем содружеством “Палаты поэтов”! <...> Жив ещё и пятый сопалатник – Борис Борисович Божнев <...> Остальные два, Парнах и <М.> Струве умерли» (Марк Талов. *Воспоминания. Стихи. Переводы*. Пред. Ренэ Герра. Сост. и комм. М.А. Таловой, Т.М. Таловой, А.Д. Чулковой. М.-Париж: МИК-Альбатрос, 2005. С. 219-220).

- ¹⁷ Лазарь Флейшман. «О Борисе Божневе». – Борис Божнев. *Собрание стихотворений в двух томах*. Т. 1. Под ред. Лазаря Флейшмана (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts. Vol. 23). Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1987. С. 9.
- ¹⁸ Там же. С. 9.
- ¹⁹ Iliazd. “En approchant Éluard”. *Carnets de l’Iliazd Club*. No. 1 (1990). P. 41-42; Леонид Ливак. *Цит. соч.* С. 168-169, 232.
- ²⁰ Типологическому сравнению поэзии Божнева и Познера посвящена статья: Régis Gayraud. «К типологии поэзии первой русской эмиграции». *Revue des études slaves*. Vol. 70 (No. 1, 1998). P. 187-199.
- ²¹ Елена Менегальдо. «Борис Поплавский в “раю друзей”». *From the Other Shore*. Vol. 4 (2004). P. 58-59; факсимильно стихи воспроизведены на с. 67-68.
- ²² Борис Поплавский. *Неизданные стихи*. Сост. и вступ. ст. Е. Менегальдо. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. С. 92. Стихотворение сохранилось только в машинописи, поэтому неизвестно, насколько Н. Татищеву удалось разобрать иногда совершенно неодолимый почерк Поплавского. Заметим также, что предположение Менегальдо о возможном прочтении инициала в посвящении как принадлежащем Б. Заковичу, наверное, всё же не оправдано (Там же. С. 166). Во-первых, Поплавский относился к Заковичу довольно иронически и называл его исключительно прозвищем Пуся, что передалось и некоторым его знакомым (например, А. Штейгеру). Во-вторых, «Молитво слов» явно восходит к тому же или близкому по времени стиховому потоку Поплавского, которому принадлежит и «Словопрение» (О часослов о час ослов о слов / Бесплатен ты бесплоден и бесплотен), посвященное Сергею Шаршуноу и датированное 1925 г. (Там же. С. 89), когда Поплавский еще не был знаком с Заковичем. Заметим также, что «Молитво слов» и «Словопрение», представляющие собой если не стихи-«двойчатку», то, по меньшей мере, во многом параллельные тексты, написаны на пике интереса Поплавского к семантическим и грамматическим экспериментам со стихами, скорее всего, стимулированным именно поэзией Божнева и его книгой «Борьба за несуществование», вышедшей в свет в самом начале 1925 г.
- ²³ Анатолий Юлиус. «Русский литературный Париж 20-х годов». *Современник* (Торонто). № 13 (июнь 1966). С. 89.
- ²⁴ *Звено*. № 108 (23 февраля 1925). С. 2; перепечатано: Георгий Адамович. *Литературные беседы. Кн. первая (“Звено”: 1923–1926)*. Вст. ст., сост. и прим. О.А. Коростелева. СПб.: «Алетейя», 1998. С. 166.
- ²⁵ *Русская лирика*. Вып. 1: *Современные Поэты*. Составили Б. Божнев и К. Парчевский. София: Типография Балкан, 1920. Другая софийская публикация парижанина Божнева появилась в журнале «Русская Мысль» (окт.-дек. 1921. С. 115). Никакие другие публикации Божнева в периодике до появления совершенно другого по стилистике стихотворения «Душа моя не отлетай от тела, / Хотя болеет и гниет оно...» в литературной газете «Звено» (№ 5 (5 марта 1923). С. 5) не найдены.
- ²⁶ Борис Божнев. *Собрание стихотворений в двух томах*. Т. 2. Под ред. Лазаря Флейшмана (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts. Vol. 24). Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1989. С. 288.
- ²⁷ Максим Шапир. «Что такое авангард?» *Русская альтернативная поэтика*. М.: Филологический факультет МГУ, 1990. С. 4.
- ²⁸ Борис Божнев. *Собрание стихотворений в двух томах*. Т. 2. С. 288.

- ²⁹ Александр Бахрах. *Цит. соч.* С. 159.
- ³⁰ Эти стихотворения представлены в разделе «Несобранное и неопубликованное «Собрания стихотворений», библиографическое описание дается в комментариях Л. Флейшмана: Борис Божнев. *Собрание стихотворений в двух томах.* Т. 2. С. 288-289.
- ³¹ Цикл условно датирован в архиве 1918 г., но эта дата не представляется нам верной.
- ³² Фельетонные практики Яблоновского вспоминал Ходасевич: «В 1927-1928 годах я несколько раз указывал покойному А.А. Яблоновскому, что не надо писать о волшебной вилле на Капри, хотя бы потому, что Горький живет в Сорренто, что уже пятнадцать лет нога его не ступала на каприйскую почву, что даже виза в Италию дана ему под условием не жить на Капри. Яблоновский слушал, кивал головой и вскоре опять принимался за старое, потому что не любил разрушать обывательские иллюзии. <...> Приехав в Париж, я узнал, что Горький живет на Капри и проводит время чуть ли не в оргиях» (Владислав Ходасевич. *Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому.* Предисл. и комм. Н. Богомолов. М.: «СС», 1996. С. 156, 159).
- ³³ Из письма Н.А. Ухтомского к Н.В. Устрялову от 8 марта 1923 г. (Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. *Русский Берлин 1921-1923.* С. 45).
- ³⁴ Уже с начала своей эмиграции в Париже, куда Яблоновский попал из Египта, он принимал активное участие во всевозможных общественных организациях. Так, 8 марта 1921 г. Яблоновский, И. Бунин и А. Куприн присутствовали в качестве «членов союза литераторов и ученых» на расширенном собрании Бюро Временного русского комитета национального объединения в Париже (М.А. Колеров. «Русские писатели и “Русская Мысль” (1921-1923). Новые материалы». *Минувшее: Исторический альманах.* 19. М.-СПб.: Atheneum-Феникс, 1996. С. 244-245).
- ³⁵ *La vie culturelle de l'Émigration russe en France: Chronique (1920-1930).* Établie par Michèle Beyssac. (Travaux du Centre de Recherche sur les relations entre le monde slave et l'Occident. No. 3). Paris: Presses universitaires de France, 1971. P. 28. В ресторане «Прокоп» прошло ещё, по меньшей мере, два «понедельника: 22 мая и 29 мая 1922 г. (Beyssac. P. 29-30). Места проведения встреч Союза 12, 19 и «последнего в сезоне понедельника» 26 июня не были указаны. В новом сезоне Клуб Союза русских писателей и журналистов выбирал для встреч и вечеров более скромные помещения: зал по адресу 18, rue Jacob, и часто использовавшийся русскими организациями зал Société d'Encouragement (44, rue de Rennes). Также эти события отмечены в издании: *Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920-1940 Франция.* Т. 1: 1920-1929. Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Paris-М.: YMCA-Press-ЭКМО, 1995. С. 71 et passim.
- ³⁶ Довид Кнут. «Русский Монпарнас <sic!>». *Последние новости.* № 2444 (1 декабря 1927). С. 3.
- ³⁷ Леонид Ливак. *Цит. соч.* С. 164.
- ³⁸ М.Л. Гаспаров. «Стих Ахматовой: четыре его этапа». *Литературное обозрение.* № 5 (1989). С. 27. Подробному анализу дольников Ахматовой и их семантической осмысленности посвящена новейшая работа: Роман Тименчик. «Поэтика ранней Ахматовой: “повышенная суггестивность”» (в печати).
- ³⁹ Лазарь Флейшман. «О Борисе Божневе». С. 15.
- ⁴⁰ “Autobiographie de Boris Voinev”. *Pierre Chave présente Boris Voinev.* Vence: Galerie Alphonse Chave, 1980.
- ⁴¹ Лазарь Флейшман. «О Борисе Божневе». С. 15.
- ⁴² Анализ этих мотивно-тематических блоков в «жестоком романсе» представлен в работе: С. Адоньева, Н. Герасимова. «“Никто меня не пожалеет...”». Баллада и романс как феномен фольклорной культуры нового времени». *Современная баллада и жестокий романс.* Сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 352-354.

- ⁴³ Довид Кнут. «Русский Монпарнас». С. 3.
- ⁴⁴ Там же. С. 3
- ⁴⁵ *Beyssac*. P. 31; *Русское зарубежье*. С. 76; Леонид Ливак. *Цит. соч.* С. 232.
- ⁴⁶ *Beyssac*. P. 38.
- ⁴⁷ Анатолий Юлиус. *Цит. соч.* С. 89.
- ⁴⁸ *Beyssac*. *Op. cit.* P. 41-42; Леонид Ливак. *Цит. соч.* С. 233-234.
- ⁴⁹ В марте 1923 г. Зданевич читал доклад «О заумном театре» в рамках «Недели камерного театра» (Леонид Ливак. *Цит. соч.* С. 233).
- ⁵⁰ Ошибочно, но, в то же время, совершенно показательно невключение имени Божнева в перечислении молодых парижских поэтов в недавней работе: Анник Морар. «Сергей Шаршун и французские дадаисты». *Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу 1920–1940*. Международная научная конференция. Сост., науч. ред. Ж.-Ф. Жаккара, А. Морар, Ж. Тассис. М.: «Русский путь», 2007. С. 231-249.
- ⁵¹ Перевод Л. Ливака из обращения Шаршуна (30 мая 1920 г.) к Франсису Пикабия “Je littérature proverbe aussi” (Леонид Ливак. *Цит. соч.* С. 138).

РУССКИЙ БЕРЛИН В АРХИВЕ РЕЙНГОЛЬДА ФОН ВАЛЬТЕРА*

Фёдор Поляков

В переписке Бориса Пастернака с Готфридом Берманом Фишером, франкфуртским издателем «Доктора Живаго», проскальзывает имя переводчика основного текста романа – Рейнгольда фон Вальтера (1882–1965). По словам Пастернака, «прекрасные переводы господина Р. фон Вальтера из Блока и Пушкина я видел, конечно, в двадцатые годы и рад, горд и уверен в его несомненно успешном участии в моей работе» (“Herrn R. v. Walters schöne Übersetzungen von Block und Puschkin sah ich natürlich in den Zwanzigern und bin froh, stolz und sicher über seinen gewiß sieghaften Anteil an meiner Arbeit”)¹. Это позднее и по характеру переписки лишь очень краткое упоминание содержит красноречивую для русского контекста отсылку к переводам Вальтера, выходявшим в издательстве левых эсеров «Скифы» в Берлине. Как вспоминает вдова Р. фон Вальтера (устное сообщение, март 2009 г.), издательство “S. Fischer” обратилось к нему с предложением перевести роман Пастернака по рекомендации Вернера Бергенгруна (Werner Bergengruen, 1892–1964), рижского уроженца, известного писателя и переводчика русской классической литературы (I. Schäfer, s.v., in: Slawistik 1993, S. 45), близкого друга Вальтера. Несмотря на предсказуемый успех немецкого издания «Доктора Живаго» Вальтер к этой работе относился со смешанным чувством, поскольку издательские сроки лишали его возможности обработать перевод в соответствии со своими представлениями. Он также неоднократно подчеркивал, что имя Пастернака ему было известно давно, по Берлину, и что он тогда же переводил его, но лично встречаться им не приходилось. Однако и в последние годы Вальтер занимался переводами лирики Пастернака (этот материал готовится нами к печати), так что его многолетний и разносторонний переводческий труд в своей завершающей фазе был отмечен именами, отсылающими к берлинскому периоду его деятельности.

В Берлине Вальтер находился с 1918 по 1925 г. и участвовал в деятельности нескольких русских объединений, в том числе Вольфилы,

---

* Большую помощь в комментировании представленного здесь материала мне оказал Лазарь Флейшман; за отдельные сведения приношу благодарность Н.А. Богомолу, о. Борису Даниленко, Вяч. Вс. Иванову, Dagmar Kassek, М.В. Рождественской, Ute Schneider, А.Б. Устинову и Владимиру Хазану.

издательства «Скифы» и кружка литераторов, сотрудничавших с газетой «Накануне»². Кроме того, в феврале 1923 г. Вальтер упомянут среди инициаторов создания Союза русских переводчиков (Chronik 1999, S. 161, Nr. 2389; S. 163, Nr. 2422). В те же годы постепенно складывался и новый, профессиональный круг общения с немецкоязычными переводчиками, зачастую по происхождению связанными с Российской империей. Именно в таком контексте называет его Владимир Лидин в обзоре 1925 г.:

В Берлине организуется журнал "Die Russische Rundschau" (Русское обозрение). Идейные руководители: профессор Бёме, один из лучших переводчиков с русского – фон Вальтер, С. Либерман и др. За плечами, например, Вальтера переводы Достоевского, Толстого, Пушкина, всего Ключевского, Блока, Мережковского; музыку нашего ритма пытается он с большим вдохновением и трудолюбием переложить на немецкий язык.³

Один из результатов переводческой деятельности Вальтера берлинского периода был реализован после его переезда в Кельн благодаря интересу католических кругов к литературному развитию новой России. В антологической серии приложений к ежемесячному журналу "Orplid" (см. подробнее: Viehoff-Kamper 1993), издаваемому Мартином Рокенбахом (Martin Rockenbach, 1898–1948), Вальтер выпустил сборник "Junges Rußland" («Молодая Россия»), в котором помещена подборка нескольких авторов в переводе Вальтера и с его послесловием (Reinhold von Walter, "Junges Russland". Ein Nachwort // Junges Rußland [1927], S. 59-71). Отметим, что выход в свет этого выпуска серии "Wege nach Orplid" в библиографических справочниках и библиотечных каталогах приурочен ко времени между 1926 и 1928 г., однако существует экземпляр с дарственной надписью Р. фон Вальтера поэту и переводчику Генри фон Гейзелеру (Henry von Heiseler, 1875–1928), датированный мартом 1927 г. (Poljakov / Sippl 1999, S. 83; сборник передан нам Gertrud von Heiseler, невесткой поэта). Переводы распределяются в сборнике в следующем порядке: Василий Розанов, духовный стих «о милосердной жене Аллилуевой», Евгений Лундберг, Федор Сологуб, Борис Пильняк, Борис Пастернак, Владимир Маяковский, Исаак Бабель, Всеволод Иванов, Евгений Замятин.

Как мы видим, в антологию, посвященную новым, пореволюционным явлениям, включены также фрагменты предшествующей литературной культуры и даже народной (старобрядческой) песенной традиции. Последняя представлена духовным стихом о жене милосердной, названной по припеву Аллилуевой ("Das Lied vom Hallelujahweibe" // Junges Rußland [1927], S. 6-8), которая бросает своего младенца в печь, спасая Христа от преследований. Этот сюжет отсылает к безбрежному миру сектантства и теме самосожжения (Ва-

ренцов 1860, С. 171-174, вариант сообщен известным специалистом по древнерусскому каноническому праву А.С. Павловым, с указанием на происхождение стиха из «секты глухой нетовщины», в которой это предание воспринималось как «догмат самосожигательства, будто бы в его историческом значении»; ср. Федотов 1935, С. 36; Федотов 1991, С. 40). Аналогии такого рода поддерживают историософскую интерпретацию революционных катаклизмов, подчеркивая участие вневременной народной стихии в событиях современности. В тех же параметрах описания подспудных слоев русской жизни, проникающих в историю, оценивается Вальтером и творчество Розанова. Сборник открывается вводной частью книги Розанова «Темный лик» («Трепетное дерево» [1901], Розанов 1911, С. 1-4; W.W. Rosanow, "Der zitternde Baum", S. 3-6). Включение текстов Сологуба дореволюционного периода говорит о стремлении связать современность с предшествующей литературной эпохой, и для этого выбраны две «сказочки» – «Та самая» (Сологуб 1913, С. 54; "Da fuhr ein Eisenbahnzug...") и «Две свечи, одна свечка, три свечи» (Сологуб 1913, С. 45; "Es brannten zwei weiße Kerzen..." – Fedor Sologub, "Zwei Märchen", S. 12-13). Показательно, далее, что и рассказы Пильняка «Смерти» (Boris Pilnjak, "Tode", S. 13-22, вероятно, на основе публикации: Пильняк 1922) и Замятина «Кряжи» (Jewgenij Samiatin, "Starke Menschen", S. 51-59) относятся к 1915-16 гг.

Пореволюционный период представлен в сборнике «Письмами из Тулы» Бориса Пастернака (Boris Pasternak, "Briefe aus Tula", S. 22-31; впрочем, сам сюжет связан с событиями 1915 г., Пастернак 2004, С. 540), фрагментом из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (ст. 77-222 от «Вся Москва...» до «...прошедших по земле людей», Маяковский 1957, С. 235-238; Wladimir Majkowskij, "Lenin", S. 31-35), рассказами Исаака Бабеля «Король» [1921] (I. Babel, "Der König", S. 35-42) и Всеволода Иванова «Как создаются курганы» (Иванов 1924; Wsewolod Iwanow, "Wie Hünengräber entstehen", S. 42-51). Особое место в концепции Вальтера отведено Лундбергу, которого он сближает по взгляду на русские проблемы с Розановым; в сборник вошла статья «Несовершенство формы» из его берлинской книги (Лундберг 1923, С. 30-33; Jewgenij Lundberg, "Die Unvollkommenheit der Form", S. 8-12).

Итак, сборник «Молодая Россия» открывает немецкоязычному читателю новый, семантически усложненный образ русской культуры. Книга также демонстрирует осведомленность ее составителя, тяготевшего к русской духовной культуре и покинувшего Петроград в 1918 г., и о заметных литературных явлениях Советской России. Доступность такой информации в Берлине первой половины 1920-х гг. не удивляет.

Однако выбор текстов отражает сферу берлинских контактов самого Вальтера, по-видимому, в незначительной степени. Так, прямые связи между Вальтером и представленными в переводах авторами сборника могут быть установлены лишь по отношению к Лундбергу (см. ниже) и Пильняку⁴.

Более полную картину общения Вальтера, бывшего петербургского поэта, переводчика литературных, философских и историографических произведений, не вмещавшегося в политическую жизнь эмиграции, но проявлявшего интерес к творчеству современников поверх столь четко обозначенных преград, – дает его альбом и несколько инскриптов на случайно сохранившихся книгах его библиотеки, которая погибла во время Второй мировой войны. Ниже публикуются эти материалы, предоставленные нам семьей Рейнгольда фон Вальтера, которую мы искренне благодарим за поддержку нашей работы. Альбом не содержит пагинации, поэтому приводимые нами записи расположены в хронологическом порядке. Некоторые тексты известны по другим, в том числе и прижизненным авторским публикациям, однако в целом значение данной группы свидетельств альбома Вальтера как источника состоит в том, что мозаика зафиксированных здесь имен отражает коммуникативную ситуацию одного из крупнейших посредников восприятия русской культуры в Германии в XX веке на фоне многообразия литературной жизни в русском Берлине.

п р и м е ч а н и я

- ¹ Письмо от 26 сентября 1958 г.: Bermann Fischer 1971, S. 303ff.; Bermann Fischer / Fischer 1990, S. 588, Nr. 465; ср. также: Fischer 1987, S. 297; Пастернак 2005, С. 390, № 1544.
- ² Поляков 2009; ср. также: Белоус 2005, С. 256, 258, 260.
- ³ Фрезинский 2007, С. 186. О деятельности упомянутого Лидиним литературоведа Эриха Беме (Erich Boehme, 1879–1945) см. R. Triesch, s.v., in: Slawistik 1993, S. 55-57.
- ⁴ Р. фон Вальтер (Роман Романович) является адресатом письма Пильняка от 22 января 1925 г. и упомянут в письме Пильняка к А.К. Коростовцу от 10 июня 1925 г., в обоих случаях речь идет о публикации переводов, по-видимому, до конца не осуществленной; письма помещены в корпусе переписки Пильняка, подготовленной к печати Кирой Андроникашвили и Дагмар Кассек. Статус Пильняка в раннесоветской литературе и отношение к нему в Берлине подробно освещается в превосходном комментарии в книге: Флейшман / Хьюз / Раевская-Хьюз 1983, С. 187-190; в Берлин он приехал из Эстонии (см. подробно: Шор 2005) и находился там с 11 февраля по конец марта 1922 г., ср. Пильняк 2002, С. 144-147; см. также: Горская 1990, С. 179-195.

I. Берлинские материалы в альбоме Рейнгольда фон Вальтера

1. Лев Шестов – 2. Димитрий Кузьмин-Караваев – 3. Лев Гордон –
4. Владимир Пиотровский – 5. Соломон Абрамов –
6. Владимир Лидин – 7. Николай Оцуп – 8. Георгий Петников

1. Лев Шестов (1922)

Есть область человеческого духа, которая не видела еще добровольцев: туда люди идут лишь поневоле. Это и есть область трагедии.
Берлин 2/Х 1922 г. Л. Шестов

Автограф, дореформенная орфография. Запись представляет собой точную цитату из книги Льва Шестова «Достоевский и Нитше» (Шестов 1971, С. 16), третье издание которой вышло в свет в берлинском издательстве «Скифы» в том же 1922 г. Подготовленный Вальтером перевод этой книги был опубликован в издательстве F.J. Marcan-Verlag (Schestow 1924). Известно, что Вальтер также состоял с Шестовым в переписке (Баранова 1983, т. I, С. 319, 336).

2. Димитрий Кузьмин-Караваев (1923)

С малого да простого все великие дела на земле начинаются. Господь наш Иисус Христос своим примером тот закон освятил: в вертепе родился, в ясли возлег. По тому же закону придет на русскую землю спасение: от малой да застенчивой детской молитвы.
Д. Кузьмин-Караваев

Берлин 21/III 23 г.

Автограф, дореформенная орфография. Парафраза церковнославянского текста отпуста праздника Рождества Христова. Этот отпуст произносится священником в конце праздничной утрени (части всенощного бдения) и литургии:

Иже в вертепе родивыйся и в(о) яслех возлегий, нашего ради спасения, Христос Истинный Бог наш, молитвами Пречистыя Своея Матери, святых и праведных Богоотец Иоакима и Анны и всех святых помилует и спасет нас, яко Благ и Человеколюбец.

О Дмитриии Владимировиче Кузьмине-Караваеве (1886–1959), литераторе и публицисте, впоследствии католическом священнике византийского обряда, см. Мнухин 2008, С. 775.

3. Лев Гордон (1924)

Рейнгольду – чистому золоту – Walter'у в знак глубочайшего уважения

Бейся над темным словом
Ночью, в бреду папирос...
Каменщиком суровым
Бросай в грядущее мост.

Сначала броди в тумане,
Не видя домов и людей.
Выведи циркулем планы,
От тайных знаков хмелей.

Каменное и злое
Скрывай ото всех лицо,
И цифры тебе откроют
Точных расчетов кольцо.

Цепи, рычаг, пирамида
– Кровь иль цемент в углы? –
Целуя, любви не выдай
Законы бетонных глыб.

Найдешь – и будь спокоен,
Сотри с улыбкою пот –
Другими будет достроен
Его последний пролет,

И знай, что награды не будет,
Что ты уйдешь в темноту,
И с песней чужою люди
За солнцем пройдут по мосту!

26/III-1924 Берлин, один из самых радостных моих вечеров
Leo Gordon

Автограф, новая орфография. Стихотворение вошло в сборник: Лев Гордон. *Оттепель. Первая книга стихов*. Берлин: Изд-во «Меркур», 1924. С. 41-42. Текст издается по автографу, версии практически совпадают, кроме последнего стиха (опубликованный вариант: «За солнцем пойдут по мосту»). О Гордоне см. подробнее ниже, II № 3.

4. Владимир Пиотровский (1924)

Вновь в мою неубранную келью
Ты вошел, суровый серафим,—
Из гранита высечена челюсть,
Меж бровей клубится серый дым.

Веет ветер от неподвижных крылий,
Меч времен в опущенной руке,
Мертвый нимб из раскаленной пыли
И печать пространств на языке.

Погоди. В развернутый свой свиток
В скорбный час меня не заноси,—
Дай допить отравленный напиток,
Дай мне ржавой горечи вкусить.

Пусть заката пламенные змеи
Мне изложут сердце до конца,—
В этот час коснуться я не смею
Твоего гранитного лица.

В. Пиотровский

16/IV-24 г.

Автограф, новая орфография. Стихотворение вошло в сборник: Вл. Пиотровский. *Полынь и звезды. Стихи*. Берлин: Кн-во писателей в Берлине, 1923. С. 15. (в печ. тексте ст. 1 «Вновь в мою *неприбранную* келью»). Сборник напечатан по дореформенной орфографии; такие случаи орфографической альтерации заслуживают особого внимания, поскольку они отмечают разграничение идеологических позиций (ср. I, № 8). Инскрипты Пиотровского см. ниже, II № 4-5. Подробно его берлинские связи рассмотрены в обстоятельной статье: Венцова 2008.

5. Соломон Абрамов (1924)

Эверест

Посвящаю Reinhold von Walter'у

Пух облаков и вата снежной ели,
А в вышине – пирамидальный Храм.
Я подвожу итог текущим дням
И превращаю в месяцы – недели...

Бегут года!.. Томительны мятели,
Но в солнце вновь подходим к Воротам...

И снова мрак, – чтоб вечно ведать нам,
Что цель – близка, и все мы – не у цели!

Само уже искусство – высота, –
Но и над ней еще – царят вершины.
Их чьи, дрожа, произнесут уста?..

В горах – орлы. В пустынях – бедуины.
И млечный путь – в горящем небе крест,
А ниже звезд – лишь гордый Эверест.

28. VIII. 24. Берлин

С. Абрамов

Вкладной лист в альбоме (машинопись), посвящение и подпись – автограф, новая орфография. Соломон Абрамович Абрамов (1884–1957) – поэт, искусствовед, владелец издательства «Творчество»; ср.: *Российская Еврейская Энциклопедия*. Т. 1: *Биографии А–К*. Изд. 2-е. М., 1994. С. 9-10; Богомолов 1995, С. 13-14; Волошин 2008, С. 427.

6. Владимир Лидин (1925)

Связь двух культур – связь разорванного *духа* человечества. Не рвать в эту связь значит не участвовать в созидании жизни.

Вл. Лидин

Berlin
Mai, 25

Автограф, новая орфография, выделенное курсивом подчеркнуто в записи. Известно, что Владимир Германович Лидин (Гомберг, 1894–1979) находился в Берлине в 1922 г. (ср. упоминание о встрече с А.Н. Толстым: Лидин 1961, С. 31) и в мае 1925 г., а впоследствии использовал берлинский колорит для создания образа города, уводящего в цепи бесконечных развлечений от восприятия трагической реальности (Тиме 2009, С. 704-705).

7. Николай Оцуп (1925)

За то, что он чужого не желает
И в жизни тише чем иной во сне,–
Господь ему чахотку посылает
И сына убивает на войне.

Не омрачается душа простая,
Недаром ей для счастья дана
Собора каменная тишина.
В оклад тяжелый сумрачно вращая,

Пусть Иисус не внемлет ничему,
Пусть не шелóхнутся лампы,
И благодати нет, как не было пощады.
Но жутко человеку одному,
Он Утешителя молитвой донимает
И губы к полу прижимает,
И хорошо ему.

За то, что выше третьего завета
Я верен Музе, – мне она дала
Тяжелый взор надменного поэта
И горб невыгодного ремесла.

Но если в вышину таинственный мотив
Меня ведет, – я окрыляю горе,
Как тот, кто молится, колени преклонив,
Кто видит Бога в пустом соборе.

Николай Оцуп
8 мая 25 г.
Берлин

Автограф, новая орфография; публиковался ли этот текст автором, установить не удалось, в его посмертное собрание стихотворений он не вошел (нашим поискам также содействовал Владимир Хазан, которому мы признательны за помощь). Вальтер был переводчиком очерка Оцупа о новейшей русской поэзии (см. в приложении письмо С. Горного).

8. Георгий Петников (1925)

Я принимаю синеглазых
Окраин вешних простоту
И странную дышаю ясьень
В засеребрившемся листу.

Что это будет – только <очерк>,
Дивеева скита лазурь,
Иль буйный рост, как живопись, как роща,
Поющая и пьющая грозу.

Какой густой овладевает ветер
По заводям зацеловав траву,
И чутется, как цепенеет
От марта смерть в падучем покрову.

Москва
(Berlin)

Г. Петников

Автограф, новая орфография, имеется также вкладной лист (машинопись), в ст. 5 «Что это будет – только очерк» последнее слово в рукописном варианте случайно пропущено. Само стихотворение неоднократно публиковалось, иногда с заглавием «Рубеж весны», иногда без него (Петников 1928, С. 67); ср. также: *Русские писатели. Поэты. Библиографический указатель*. Т. 19. СПб., 1996. С. 32. В Берлине оно было помещено в сборнике под редакцией Андрея Белого «Эпопея», выходявшем в издательстве А.Г. Вишняка «Геликон» (Петников 1923), причем новая орфография жившего в Москве автора была переправлена на дореформенную.

В 1925 г. Григорий Николаевич Петников (1894–1971) находился по командировке Главполитпросвета в Берлине и путешествовал по Германии; одно из стихотворений, «Морской разговор», помечено: «Гамбург 25 г.» (Петников 1928, С. 17-19). По-видимому, тогда же он познакомился с Вальтером, который в вышеприведенной публикации так охарактеризовал его творчество: «Лирик. Переводчик Новалиса, “Люцинды” Шлегеля, Малларме. Многочисленные сборники стихов с трудно переводимыми (увы!) заглавиями и стихами с будоражающими кипящими ритмами огромной музыкальной силы» (“Lyriker. Übersetzer von Novalis, Schlegels Lucinde, Mallarmé. Zahlreiche Gedichtbände mit schwer übersetzbaren (leider!) Titeln und Versen in aufrüttelnd brausenden Rhythmen von gewaltiger Musikalität”; *Junges Rußland* [1927], S. 72). Разнообразная информация о раннем творчестве Петникова имеется в статьях о нем Юрия Терапиано: *Новое русское слово*, 28 октября 1951 г., вырезка в архиве Г.П. Струве (Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers. Box 139, f. 18); *Русская мысль*, 10 июня 1961 г. (указано Лазарем Флейшманом).

II. Инскрипты берлинского периода в архиве Рейнгольда фон Вальтера

1. Евгений Лундберг – 2. Михаил Гершензон – 3. Лев Гордон – 4-5.
Владимир Пиотровский

1. Евгений Лундберг (1923)

Милому Роману Романовичу Ф. Вальтеру, лучшему из спутников в литературных скитаниях по Германии, с теплым приветом автор
Берлин 14/II 1923.

Автограф (новая орфография), инскрипт на книге: Евгений Лундберг. *От вечного к преходящему*. Берлин: Изд-во «Скифы», 1923 (на титульном листе также: Eugen Lundberg. *Vom Ewigen zum Vergänglichem*. Berlin: Verlag “Skythen” G.m.b.H., 1923). Подробнее о берлинском периоде жизни Лундберга см.: Обатнина 2006; Флейшман 2006, С. 165, 199-201; Поляков 1998.

2. Михаил Гершензон (1923)

Роману Романовичу фон Вальтеру дружески М. Гершензон
Берлин, 22 Мая 1923 г.

Автограф (дореформенная орфография), инскрипт на книге: М. Гершензон. *Мудрость Пушкина*. [Москва]: Т-во «Кн-во писателей в Москве», 1919 (дореф. орф.). О пребывании Гершензона в Германии с осени 1922 г. по август 1923 г. см.: Гершензон-Чегодаева 2000, С. 192-229; Проскурина 1998, С. 440-441.

3. Лев Гордон (1924)

Reinhold'y Walter – легкая память о Льве Гордоне
Берлин, 18 : V : 24

Автограф (новая орфография), инскрипт на книге: Лев Гордон. *Оттепель. Первая книга стихов*. Берлин: «Меркур», 1924 (нов. орф.). Издательство не включено в наиболее полный перечень русских издательств в Берлине Готфрида Кратца (Gottfried Kratz, in: Chronik 1999, S. 501-569). Ошибочно отождествление автора в библиографических справочниках Л. Фостер и А.Д. Алексеева (1993, С. 57 № 687; здесь же отмечена рецензия Веры Лурье) как Б<ориса> А<брамовича> Гордона. Биографические сведения о Гордоне впервые собраны в заметке его дочери Марьяны Львовны Козыревой (1928–2004) в журнале «Сумерки» (1990–1991. № 11. С. 154-155, 159).

Лев Семенович Гордон родился в Париже в 1901 г. в семье политических эмигрантов, вернувшихся в 1907 г. в Россию. Печататься начал рано: одно его стихотворение попало в одесский сборник «Юные думы» (1916 г.). В 1918 г. из последнего класса гимназии Лентовской ушел добровольцем в Красную армию, был политруком, принимал участие в боях, попал в 1920 г. в польский плен, вернулся в 1921 г. в Петроград. Весной 1923 г. переехал в Берлин, где его отец, которому посвящен сборник «Оттепель», работал представителем Госбанка. По датам отдельных стихотворений сборника выясняется, что Гордон тогда же бывал и в Советской России – два стихотворения датированы «Балаклава 1923» (с. 11, 17), одно – «Москва 1923» (с. 14), причем в первом из них (с. 11) речь идет о лете:

Прозрачные, задумчивые дали
Пересекает ласточкою лето,
А виноград как будто выпил света,
Как будто солнцем золотистым налит.

Гордон был также знаком с Всеволодом Рождественским; ему посвящено стихотворение 1922 г. «Увидеть вас, сады Декамерона» (с. 10). По сообщению дочери поэта Милены, ей и ее сестре Наталье имя Гордона неизвестно, оно не упоминается в воспоминаниях Рождественского «Страницы жизни» и не отразилось в их семейном архиве. За эту информацию (апрель 2008 г.) искренне благодарим М.В. Рождественскую.

В Берлине Гордон общался, в частности, с кругом литераторов и художников, близких к газете «Накануне»: 9 мая 1923 г. в известном ателье А. Гумича и Н. Зарецкого он читал свои переводы с французского (Chronik 1999, S. 182, Nr. 2735), 15 марта 1924 г. произносил речь на открытии «Школы живописи» и читал стихи, вместе с Г. Венусом, В. Андреевым, А. Присмановой, С. Либерманом и В. Пиотровским (Chronik 1999, S. 218, Nr. 3405), а 3 мая 1924 г. принял участие в литературно-музыкальном вечере, посвященном символизму, с докладом «Символисты и мы». На этом вечере выступали Нина Петровская и Вальтер (с которым, как выясняется по записи в альбоме I № 3, Гордон был уже знаком в марте 1924 г.), а также Андреев и Зарецкий (Chronik 1999, S. 224, Nr. 3504). Другие аспекты его деятельности в Берлине (сотрудничество с газетой «Руль») нуждаются в дополнительном исследовании.

Дальнейшая биография Гордона, полная драматических эпизодов, представлена в очерке Л. Вольфцун (Сотрудники РНБ 2003, С. 159-164; указано нам Л. Флейшманом) и включена в ее книгу (Вольфцун 2008). Наметим здесь лишь основную канву: из Берлина (по-видимому, еще в том же 1924 г.) Гордон переехал в Данию, затем был в Лондоне; с весны 1925 г., устроившись в советское торгпредство, он в Швеции, откуда в сентябре 1925 г. командирован в СССР, где был арестован по обвинению в шпионаже и в январе 1926 г. приговорен к трехлетней ссылке в г. Ирбит, где познакомился со своей будущей женой, поэтессой и переводчицей Маргаритой Марьяновной Тумповской (1891–1942; см. о ней в работе Р.Д. Тименчика в наст. изд.). После ссылки работал переводчиком и механиком в гражданской авиации в пос. Удельная под Москвой, снова арестован 15 февраля 1933 г. и освобожден 29 июня 1935 г. Повторно арестован 16 ноября 1949 г. осужден на 10 лет и отправлен в Тайшет, освобожден 23 сентября 1955 г. Невзирая на такие жизненные обстоятельства, приведшие его до войны в Беломоро-Балтийский, а после войны – в Озерный лагерь, и благодаря своей огромной интеллектуальной энергии Гордон смог закончить филологическое образование и стать специалистом по французскому Просвещению, защитить две диссертации, преподавать в Пермском Педагогическом институте. В 1972 г. в ГДР был переведен на немецкий и издан сборник его научных статей о плебейско-демократической традиции во французском Просвещении. Гордон умер, пережив многих своих современников, знавших его по Берлину, 6 июля 1973 г. в Саранске.

4. Владимир Пиотровский (1924)

Душе близкой, Роману Романовичу Ф. Вальтер.

В. Пиотровский.

16/IV-24 г.

Берлин.

Автограф (новая орфография), инскрипт на книге: Вл. Пиотровский. *Полюнь и звезды. Стихи*. [Берлин]: Кн-тво писателей в Берлине, 1923 (дореф. орф.); на экземпляре сохранились карандашные пометы Вальтера, свидетельствующие о его намерении перевести отдельные стихотворения сборника на немецкий язык.

5. Владимир Пиотровский (1924)

Роману Романовичу с любовью и уважением

В. Пиотровский

30/XII-24

Берлин

Автограф (новая орфография), инскрипт на книге: В. Пиотровский. *Каменная любовь. Стихи*. Берлин: «Волга», 1925 (нов. орф.).

п р и л о ж е н и е

Письмо Сергея Горного Рейнгольду фон Вальтеру

Captain Gorny
Russian Interpreter
Сергей Горный

Goslar/Harz
Zwingerwallstr.
Britisches Haus

20 Авг<уста> 1946

Профессору Reinhold von Walter

Köln

Многоуважаемый профессор!

Я обязан Вашим адресом связанному со мною дружественными отношениями проф. А.Ф. Лютеру¹.

Насколько я помню, Вы в свое время перевели на немецкий язык работу "Die neueste russische Dichtung", принадлежавшую перу моего брата Николая Авдеевича². Еще за год до начала войны я потерял его из виду. Мне пришло в голову, что может быть Вы, многоуважаемый профессор, находитесь случайно в контакте с ним или, по крайней мере, могли бы дать намек, где его искать. В первый (и – увы! – последний...) раз за эти годы я слышал о нем при следующих обстоятельствах. Осенью 1943 года я внезапно получил от незнакомого мне итальянского адвоката из Милана письмо, в котором он сообщал мне, что брат Николай находится в конц-лагере, арестованный фашистскими властями. Адвокат срочно просил меня прислать ему доказательство арийского происхождения нашей *матери*. Такие доказательства, даже принятые Гестапо, *были у меня на руках* и я послал адвокату их фотокопию. С тех пор я ни от адвоката ни от брата не имел *никаких* известий³. Может быть Вы слышали что-нибудь о нем? Я был бы Вам очень-очень признателен за отклик. <...>

Пользуюсь случаем, чтобы послать Вам сердечный привет. Я написал за эти годы скитаний три книги (по-русски) в дополнение к уже

появившимся в свет моим десяти книгам и они ВОТЩЕ ждут издателя.

Искренне Ваш Сергей Горный

Автограф (дореформенная орфография) Сергея Горного (Александр-Марк Авдеевич Оцуп, 1882–1949), на обороте – машинопись письма (по-немецки) знакомой Горного E. Diederich с упоминанием о посещении ею лекции Вальтера «Иисус Христос в облике русского народа» (“Jesus Christus im Antlitz des russischen Volkes”) в St. Elisabethkirche (Hanover); этот текст, как и относящийся к нему пассаж в письме Горного, мы опускаем. Курсивом отмечены слова, подчеркнутые Горным. Автобиографическая заметка Горного помещена в кн.: Шевеленко 1995, С. 86-87.

- ¹ Артур Федорович Лютер (Arthur Luther, 1876–1955), уроженец Орла, историк литературы, выдающийся переводчик и критик (см. библиографич. сведения о нем в статье: Поляков 2008), в указанное время переводил Горного на немецкий (Gornyj 1947, Gorny 1948).
- ² Имеется ввиду обзор русской поэзии: Otsoup 1930.
- ³ Николай Авдеевич Оцуп (1894–1958) в 1939 г. после объявления войны вступил добровольцем во французскую армию, во время отпуска в Италии арестован, находился в тюрьме, через полтора года совершил неудачный побег, был заключен в лагерь, откуда смог бежать в 1942 г., скрывался в бенедиктинском монастыре Farfa (тайно приезжая в Рим, посещал Вяч. Иванова, ср. Шишкин 1997, С. 542-543), с 1943 г. до конца войны участвовал в партизанском движении (Оцуп 1961, т. I, С. V-VI; Аллен 1994, С. 21; Хазан 1995, С. 108). По-видимому, запрос миланского адвоката относится не к 1943, а к 1942 г.

Л и т е р а т у р а

- Алексеев 1993: А.Д. Алексеев. *Литература русского Зарубежья. Книги 1917–1940. Материалы к библиографии.* СПб.
- Аллен 1994: Л. Аллен. «С душой и талантом...». Штрихи к портрету Николая Оцупа», Николай Оцуп. *Океан времени. Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания о писателях.* 2-е изд. СПб., С. 3-24.
- Багно / Малмстад / Маликова 2009: *На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова.* Сост. Всеволод Багно, Джон Малмстад, Мария Маликова. М.-СПб.
- Баранова 1983: Н. Баранова-Шестова. *Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников.* Т. I-II. Paris.
- Белоус 2005: Владимир Белоус. *Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924.* Кн. вторая: *Хроника, портреты.* М. (Иссл. по истории русской мысли, т. 11, кн. 2).
- Богомолов 1995: *Писатели современной эпохи. Биобиблиографический словарь.* Т. 2. Книга подг. к изд. Н.А. Богомоловым. Москва (Academia Rossica. Studia biographica, 2).
- Варенцов 1860: *Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым.* СПб.
- Венцлова 2008: Томас Венцлова. «К биографии Владимира Корвина-Пиотровского», *Russian Literature and the West. A Tribute for David M. Bethea.* Ed. by Alexander Dolinin, Lazar Fleishman, Leonid Livak. Pt. II. (Stanford Slavic Studies, vol. 36.) Stanford, p. 162-185.
- Волошин 2008: Максимилиан Волошин. *Собрание сочинений.* Т. 7, кн. 2. М.

- Гершензон-Чегодаева 2000: Н.М. Гершензон-Чегодаева. *Первые шаги жизненного пути (воспоминания дочери Михаила Гершензона)*. М.
- Вольфцун 2008: Л.Б. Вольфцун. *От Корбийского скриптория до века Просвещения. Из истории изучения западноевропейской культуры в России*. СПб.
- Горская 1990: «Заграница (Воспоминания Г.В. Алексеева и очерк Б.А. Пильняка)». Публ. Е.И. Горской, *Встречи с прошлым*. Вып. 7. М., С. 157-195.
- Иванов 1924: Всеволод Иванов. «Как создаются курганы. Рассказ», *Красная новь* № 4, С. 3-8.
- Лидин 1961: Вл. Лидин. *Люди и встречи*. М.
- Маяковский 1957: В.В. Маяковский. *Полное собрание сочинений*. Т. 6. М.
- Мнухин 2008: *Российское Зарубежье во Франции 1919-2000. Биографический словарь*. Под общей ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 1. М.
- Обатнина 2006: Е.Р. Обатнина. «История одной сожженной книги», *Русский Берлин 1920–1945*. М., С. 158-168.
- Оцуп 1961: Николай Оцуп. *Жизнь и смерть. Стихи*. Т. I-II. Париж.
- Пастернак 2004: Борис Пастернак. *Полное собрание сочинений с приложениями*. Т. III. *Проза*. Сост. и комм. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.
- Пастернак 2005: Борис Пастернак. *Полное собрание сочинений с приложениями*. Т. X. *Письма 1954–1960*. Сост. и комм. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. М.
- Петников 1923: Григ. Петников. «Рубеж весны», *Эпопея. Литературный сборник*. № 4. Берлин, С. 29.
- Петников 1928: Григ. Петников. *Ночные молнии. 4-ая книга стихов*. Л.
- Пильняк 1922: Борис Пильняк. «Смерти», *Жар-Птица* № 7, С. 9-14.
- Пильняк 2002: Борис Пильняк. *Мне выпала горькая слава ... Письма 1915-1937*. Сост. Б.Б. Андроникашвили-Пильняк. М.
- Поляков 1998: Ф. Поляков. «Алексей Ремизов и Евгений Лундберг: прощание с “русским Берлином”», *Wiener Slawistischer Almanach*. 42, С. 123-127.
- Поляков 2008: Федор Поляков. «Историко-литературные исследования Альфреда Бема в переписке с Артуром Лютером», *А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья*. М., С. 160-173.
- Поляков 2009: Ф. Поляков. «Автографы символистского круга в архиве Рейнгольда фон Вальтера (I)» // Багно / Малмстад / Маликова 2009, С. 574-582.
- Проскурина 1998: Вера Проскурина. *Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф*. (Иссл. по истории русской мысли, т. 2). СПб.
- Розанов 1911: Василий Розанов. *Темный лик. Метафизика христианства*. СПб.
- Сологуб 1913: Федор Сологуб. *Заклятие стен. Сказочки и статьи*. СПб. (Федор Сологуб. *Собрание сочинений*. Т. 10).
- Сотрудники РНБ: *Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Биографический словарь*. Т. 3. Государственная Публичная библиотека в Ленинграде – Государственная Публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина 1931–1945. СПб.
- Тиме 2009: Галина Тиме. «“Другой” в “танцующем” Берлине 1920-х годов» // Багно / Малмстад / Маликова 2009, С. 703-709.
- Федотов 1935: Г.П. Федотов. *Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам)*. Paris.
- Федотов 1991: Г.П. Федотов. *Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам)* / Вступ. ст. Н.И. Толстого, посл. С.Е. Никитиной, подг. текста и комм. А.Л. Топоркова. М.

- Флейшман / Хьюз / Раевская-Хьюз 1983: Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. *Русский Берлин 1921–1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте.* Paris.
- Флейшман 2006: Лазарь Флейшман. *От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы.* М.
- Фрезинский 2007: Борис Фрезинский. «Берлинская жизнь Семена Либермана – поэта, редактора, человека книги и театра», *Диаспора: Новые материалы.* VIII. Париж-СПб., С. 173-210.
- Хазан 1995 Владимир Хазан. «Право на исповедь (Николай Откуп)», *Евреи в культуре Русского Зарубежья.* Сост. и издатель М. Пархомовский. Том IV. Иерусалим, С. 101-116.
- Шевеленко 1995: Ирина Шевеленко. *Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х годов в собрании баронессы М.Д. Врангель.* (Stanford Slavic Studies, vol. 9.) Stanford.
- Шестов 1971: Лев Шестов. *Достоевский и Нитше. Философия трагедии.* 4-е изд. Paris.
- Шишкин 1997: Андрей Шишкин. «Вячеслав Иванов и Италия», *Archivio italo-russo, a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin.* Trento, С. 503-562.
- Шор 2005: Татьяна Шор. «Борис Пильняк и Эстония», *Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике.* Т. IX. Вильнюс, С. 38-56.
- Bermann Fischer 1971: Gottfried Bermann Fischer. *Bedroht – Bewahrt. Der Weg eines Verlegers.* Frankfurt am Main.
- Bermann Fischer / Fischer 1990: Gottfried Bermann Fischer, Brigitte Bermann Fischer. *Briefwechsel mit Autoren.* Hrsg. von Reiner Stach unter red. Mitarbeit von Karin Schlapp. Mit einer Einführung von Bernhard Zeller. Frankfurt am Main.
- Chronik 1999: Karl Schlögel [u.a.] (Hrsg.). *Chronik des russischen Lebens in Deutschland 1918–1941.* Berlin.
- Fischer 1987: Brigitte B. Fischer. *Sie schrieben mir oder was aus meinem Poesiealbum wurde.* 10. Aufl. München.
- Gorny 1948: Sergej Gorny. *Süße Gewohnheit des Daseins.* Mit Illustrationen von Jo von Kalckreuth / Autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von Arthur Luther. Flensburg-Hamburg.
- Gornyj 1947: Sergej Gornyj. *Der Schattentraum. Gedichte.* Mit einem Nachwort von Arthur Luther. Baden-Baden.
- Junges Rußland [1927]: *Junges Rußland.* Mönchengladbach und Köln. (Wege nach Orplid. Hrsg. von Dr. Martin Rockenbach. 25. Bändchen).
- Otzoup 1930: N.A. Otzoup. *Die neueste russische Dichtung.* Übersetzt von R. von Walter. Breslau (Das heutige Rußland, 7).
- Poljakov / Sippl 1999: Fedor B. Poljakov / Carmen Sippl. *A.S. Puškin im Übersetzungswerk Henry von Heislers (1875–1928). Ein europäischer Wirkungsraum der Petersburger Kultur.* München (Slavistische Beiträge, Bd. 388).
- Schestow 1924: Leo Schestow. *Dostojewski und Nietzsche: Philosophie der Tragödie / Die deutsche Übertragung aus dem Russischen besorgte Reinhold von Walter.* Köln.
- Slawistik 1993: Ernst Eichler [u.a.] (Hrsg.). *Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945. Ein biographisches Lexikon.* Bautzen.
- Viehoff-Kamper 1993: Evelyn Viehoff-Kamper. *Orplid. Analyse und Diskussion des literarischen Kommunikationsraumes der "katholischen" Zeitschrift Orplid.* Frankfurt am Main [u.a.] (Forschungen zur Literatur- und Kulturgeschichte, Bd. 36).

ГЕОРГИЙ МАТВЕЕВ О ДАНИИЛЕ ХАРМСЕ

Алексей Дмитренко, Александр Кобринский

Георгий Николаевич Матвеев (10 (23).4.1901, Владивосток – 10.8.1999, Подрезково Московской обл.) принадлежит к числу наиболее ранних литературных знакомых Даниила Хармса.

Это тот самый «приехавший из Сибири бухгалтер Матвеев», участник созданного А.В. Туфановым «Ордена заумников DSO», упоминаемый в мемуарах И.В. Бахтеревым¹.

«Люби поэзию!» — записал Георгий Матвеев в альбом Хармса 26 марта 1925 г.² На следующий год Хармс отмечает в записной книжке адрес Матвеева: «Владивосток. Мальцевский базар. Мальцевская пл. 17. кв. 8. Г.Н. Матвееву»³.

В декабре 1926 г. Хармс включил «Г.Н. Матвеева из Владивостока» в список предполагаемых членов будущего «Фланга левых»⁴. Однако, как явствует из воспоминаний самого Матвеева, в период между 1925-м и 1927 гг. он уехал в Москву, затем перебрался во Владивосток и общение с Хармсом больше никогда не было возобновлено.

Их знакомство произошло благодаря брату последнего – поэту Венедикту Марту⁵, который был крестным сыном отца Хармса Ивана Павловича Ювачева (1860–1940). Ювачев познакомился с семьей Матвеевых, будучи в ссылке на Дальнем Востоке. Отец Венедикта и Георгия – поэт, журналист и издатель – Николай Петрович Матвеев (1865–1941), более известный по своему псевдониму *Николай Амурский*, автор книги «Краткий исторический очерк г. Владивостока» (1910) – считается первым историком и краеведом Приморья. Матвеев-Амурский был основателем разветвленной династии литераторов: пятеро из его пятнадцати детей посвятили себя литературе: так, кроме упомянутых Венедикта и Георгия, эту стезю избрали Николай (псевдоним *Матвеев-Бодрый*, 1890–1977), Гавриил (псевдоним *Эльф*, 1898–1930-е), Зотик (1889–1939); сын Венедикта – известный и переводчик русской эмиграции «второй волны» Иван Елагин (1918–1987)⁶, дочь Николая – поэтесса Новелла Матвеева (р. 1934)⁷.

Маргинальный характер литературной деятельности Георгия Матвеева обусловил трудности установления биографических сведений о нем. Новелла Николаевна Матвеева в разговоре с нами смогла сообщить только, что ее дядя прошел Великую Отечественную войну, еще в 1990-е годы жил в Подмоскowie, и что с его семьей по разным

причинам она почти не общалась. Однако заметки о Хармсе она очень давно слышала от него изустно⁸. Единственной ниточкой, которая вывела нас на его родственников и друзей, была публикация отдельным изданием в 1993 г. мемуара Матвеева о встречах с Сергеем Есениным⁹. Кроме его воспоминаний и стихов, в эту книгу вошли также произведения участницы литературного объединения «Химки», поэтессы Елены Борисовны Камшилиной, которая и помогла в общих чертах восстановить биографическую канву нашего героя.

Оказалось, что с раннего детства Матвеев мечтал стать моряком, как его старший брат Ганя (об этом позднее он написал рассказ «Неудачный рейс»), и пять лет служил во флоте сигнальщиком, а в годы Гражданской войны партизанил в уссурийской тайге. В первой половине 1920-х он жил в Петрограде-Ленинграде, был рабочим. Именно тогда он и успел пообщаться с Хармсом и Туфановым. С Есениным же он виделся единственный раз в Москве: брат Венедикт познакомил их во время случайной встречи на Маросейке. Побеседовав с «матрогоном» (Георгий был в морской форме) и похвалив его стихи «за динамизм», Есенин вспомнил, что ему еще выступить, и втроем они отправились в Дом печати. А потом, раздобыв самогон, провели ночь на скамейке и даже мерились с Есениным силой.

По словам дочери, Матвеев в 1930-е гг. перебрался в Подмосковье, был работником Культпросвета в избах-читальнях, заведовал деревенскими клубами, «поднимал культуру в селах». Воевал в батальоне ополчения в составе 4-й Куйбышевской дивизии, о чем оставил воспоминания¹⁰. В 1980–90-е гг. Матвеев жил в подмосковном пос. Новоподрезково, публиковался в районных газетах, участвовал в работе литературного объединения «Химки», издал несколько сборников стихов и воспоминаний¹¹. Е.Б. Камшилина вспоминает:

Маленький ростом, хрупкий, с неизменной палкой в руке, зимой – в унтах, он появлялся на улицах Химок, приехав на электричке из Подрезкова, чтобы пообщаться с местной интеллигенцией в стенах ЦНИИМЭ¹² или редакции районной газеты. А если в эти дни бывали концерты, то принимал в них участие, пускаясь в пляс даже в “компании” цыган. Сдавал машинисткам свои рукописи (в основном стихотворные) и исчезал до следующего приезда. С годами самочувствие ухудшилось (сказалось и ранение в руку – в годы Великой Отечественной войны он был ополченцем, добровольно уйдя на фронт из сходненского военкомата), зрение снизилось до минимального, и в последнее время он уже не выходил из дома. Однако живо интересовался происходящими в стране событиями, литературной жизнью, в том числе и собратьев по перу из литобъединения “Химки”, занятия которого много лет регулярно посещал¹³.

По словам близких, Матвеев до конца своих дней сохранял ясный ум и твердую память и умер, не перенеся простуды, на 99-м году жизни.

В архиве литературоведа А.А. Александрова (1934–1994) сохранилась неавторизованная машинопись воспоминаний Матвеева. Частично процитированные Александровым в «Краткой хронике жизни и творчества Даниила Хармса»¹⁴, мемуары Матвеева впервые публикуются здесь в полном объеме по этому источнику (ЦГАЛИ г. Санкт-Петербурга. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 100). Происхождение машинописи неясно: в тексте имеется несколько ремарок-примечаний, подписанных инициалами А.В. Очевидно, некто А.В. и составил машинописный текст, присовокупив к рассказу Матвеева также несколько коротких свидетельств, записанных со слов Н.Н. Матвеевой (которые мы не воспроизводим как не имеющие отношение к Хармсу) и Н.Н. Матвеева-Бодрого (частично приводим в примечании 8 к воспоминаниям).

В последний момент, благодаря любезности Камшилиной мы получили текст гораздо более поздней версии воспоминаний Матвеева о Хармсе под названием «Вы слышали, конечно, слышали» (датирован 5 февраля 1998 г.), который готовился к отдельной публикации, но так и не был издан. В отличие от публикуемого нами, этот текст несет следы более тщательной литературной обработки. По фактографической насыщенности эти два текста взаимно дополняют друг друга. Наиболее важные фрагменты из поздней версии мы приводим в примечаниях. Из этой версии мы, в частности, узнали, что Матвеев готовил воспоминания о Хармсе к печати: «И когда я, еще в семидесятые наши годы, обратился с письмом в журнал “Нева”, к ее редактору Холопову – на предмет напечатания воспоминаний о Данииле Хармсе, Холопов ответил молчанием. Ответа не было, поскольку дело шло о подлинности жизни, подлинности не очень глубоко уважаемой». Возможно, именно эта ранняя версия воспоминаний и попала в архив Александрова.

п р и м е ч а н и я

- ¹ *Бахтерев И.* Когда мы были молодыми... // Воспоминания о Николае Заболоцком. 2-е изд. М., 1984. С. 66.
- ² *Хармс Д.* Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Подг. текста Ж.-Ф. Жаккара и В.Н. Сажина, вст. ст., примеч. В.Н. Сажина. СПб., 2002 (Полн. собр. соч.: [Т. 5-6]). Т. 2. С. 365.
- ³ Там же. Т. 1. С. 71.
- ⁴ Там же. Т. 1. С. 116.
- ⁵ Венедикт Николаевич Март (наст. фам. Матвеев, 1896–1937) до 1917 г. жил в Санкт-Петербурге. Во время Первой мировой войны недолгое время был в военном лагере Вильманstrand в Финляндии. В 1917 г. уехал на Дальний Восток – в Читу, потом во Владивосток, где в типографии отца выпустил под маркой издательства «Хайшинвей» книги стихотворений «Черный дом» и «Песенцы», В 1919-м вышла третья книга «Файн» (совм. с Гавриилом Эльфом, см. о нем ниже). В 1921 г. Давид Бурлюк в «заметках и характеристиках очевидца» «Литература и искусство в Сибири и на Дальнем Востоке (1919-22 гг.)» писал: «Особое положение занимает “дикий” поэт Венедикт

Март – его творчество соединяет в себе черты грубого “протеста во имя протеста”, следы патологичности, но, должно быть, отмечено неустанностью борения против провинциального покоя» (Новая русская книга. 1922. № 2. С. 47). Арестован в 1937 г.; расстрелян. Несколько стихотворений Марта вошли в список «наизустных» стихотворений Хармса, которые он читал с эстрады. Март послужил прототипом поэта Сентября в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» (1927). См. подробнее: Дневниковые записи Даниила Хармса / Публикация А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее: Исторический альманах. XI. Paris, 1991. С. 523-525.

- ⁶ Иван Елагин о своем знакомстве с Хармсом написал в автобиографической поэме «Память» (1979). См.: *Елагин И.* В зале вселенной. Ann Arbor, 1982. С. 202 и др.
- ⁷ О династии см. например: *Евтушенко В.* Дерево плодоносящее: Биография уникальной литературной династии Матвеевых. Владивосток, 2004. Там же, на с. 84-87, подробная справка о Г.Н. Матвееве.
- ⁸ Запись беседы А.Л. Дмитренко с Н.Н. Матвеевой весной 2009 г.
- ⁹ *Матвеев Г., Камшилина Е.* Незабываемая встреча с Сергеем Есениным. М.: Мортехинформреклама, 1993. [1000 экз.]. 35 С. Имеется второе издание: *Матвеев Г.* Незабываемая встреча с Сергеем Есениным. М.: Испо-Сервис, 1996. [500 экз.]. 12 с.
- ¹⁰ *Матвеев Г.* Война: Из записок селькора // Знамя Октября (Солнечногорск Московской обл.). 1991. 25 июня.
- ¹¹ *Матвеев Г.* Боевые ушли времена... Стихи из фронтового блокнота ополченца 110-й Московской дивизии под командованием [Г.] Б. Петерса. М.: Испо-Сервис, 1998. [500 экз.]. 20 С. В альманахе «Свидания по четвергам» (М.: Шаг, 1995. [700 экз.]. 104 с.) опубликованы рассказы Матвеева «Ветренные дни» (о Павле Васильеве), «Неудачный рейс», «Третий наследник престола» (о детстве на Дальнем Востоке); в альманахе «Предчувствие любви» (М.: Испо-Сервис, 1997. [500 экз.]. 198 с.) — рассказы «Капельмейстер», «Башковитый Тайфун». Несколько стихотворений Матвеева опубликовано в юбилейном сборнике к 50-летию литобъединения «Химки» «Полвека с Химками» (М.: Мультипринт, 2005. [500 экз.]. 310 с.). Е.Б. Камшилина сообщила названия еще двух книг Матвеева, вышедших в 1990-е гг., так же, как и вышеперечисленные, подготовленных литературным объединением «Химки», однако уточнить выходные данные, а тем более познакомиться с ними *de visu* у нас не было возможности: «Было время» (стихи?), «Неудачный рейс: Морские рассказы для детей».
- ¹² ЦНИИМЭ (Центральный научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт механизации и энергетики лесной промышленности) находится в городском округе Химки Московской обл.
- ¹³ *Камшилина Е.* Ровесник минувшего века // Химкинские новости. 2001. 4 сентября. № 91 (744). Здесь же воспроизведены фотографии Матвеева в пору обучения в гимназии и в партизанском отряде.
- ¹⁴ *Хармс Д.* Полет в небеса. Л., 1988. С. 539.

* * *

С Хармсом я познакомился в 1924 году, в то время я работал каталём¹ на фабрике «Свобода», Выборгская сторона². Адрес его мне дал мой брат Венедикт Март.

Когда я первый раз пришел к Даниилу, он, взглянув на мой костюм, сказал: «Плохой»; вынул из комода лучший, сказал: «Носи на здоровье»³, и предложил сходить в Филармонию на выступление известно-

го пианиста (фамилии не помню, но, кажется, это был последний его концерт – пианист был болен).

Мы с Даниилом сидели в партере, рядом оказался пьяный, который, заинтересовавшись почему-то мной, спрашивал у Хармса: «Кто такой?» и пытался заговорить со мной. Даниил сунул незаметно мне свою трубку и сказал пьяному: «Это англичанин».

Пьяный не отставал, спросил меня: «Как же живет пролетариат в Англии?». Хармс пояснил пьяному, что англичанин глуховат, а мне на ухо шепнул: «Верн бэд». Я сказал: «Верн бэд», а Даниил тут же перевел: «Пролетариат живет худо». Начался концерт, Хармс сказал: «Пересядем».

Однажды я пришел к Даниилу и застал его в задумчивости сидящим у стола. «Пойдем в турне по Невскому, – предложил Хармс. – Подожди, зайду только в сарай, возьму ножку от стола». Он принес большую, двумя руками не обхватить, ножку, перевернул ее и взял в одну руку: в верхней части ножка была достаточно узкой. Даниил поддал мне краски, кисточку и сказал: «Займись художеством – разукрась мне физиономию!»⁴. Я нарисовал на лбу его кружок, на щеках крестик и кружок, наделал морщин и мы тронулись. Хармс сунул мне в руки блокнот и сказал: «записывай, что прохожие говорить будут». Мы вышли на Невский, слышались реплики: «Безумец... Футурист... Сбежал из сумасшедшего дома...»⁵. Некоторые улыбались: «Каких только чудаков на свете нет», другие смотрели с неудовольствием.

Как-то раз зашел я к Хармсу и спросил, дома ли Даня. Мать ответила: «Ушел и уже час как нету». Я пошел разыскивать его на дворе. Но ни во дворе, ни на улице его не было видно. Случайно взглянул я вверх и увидел Даниила на верхушке одного из деревьев. Сидя там, он размахивал красным флажком. Опять хоть записывай! Слышались реплики, как на Невском. Пожилая женщина, волнуясь и заикаясь, говорила: «Чего он туда залез?» Я сказал: «Даня, слезай». Он махнул рукой: «Некогда». К дереву подходило всё больше и больше прохожих. Даниил невозмутимо сидел на верхушке. Собралось несколько десятков человек. Хармсу, видимо, всё это порядком надоело: времени прошло с час. Он слез с дерева и сказал: «Сколько же вас зевак собралось!»⁶

Тогда у него бывал Заболоцкий, Тихонов⁷, прочих не помню, хотя народу у него собиралось много. Ходили мы с ним на литературные

выступления, на одном из них, помню, выступал Тихонов. Даниил заходил к Ключеву, нравились ему чудачества Ключева: чуть не средневековая обстановка, голос и язык ангельский, вид – воды не замутит, но сильно любил посквернословить⁸.

Встретил я однажды у Хармса его приятеля заумника Туфанова – ростом малый, горбатый, волосатый и во фраке. В тот раз Туфанов привез книжку о заумниках⁹, только что вышедшую. Он говорил на заумном языке. «Если взять четырех младенцев, поселить на островах разных, то каждый из них даст названия солнцу, ветру, луне и т.д. свои. Предлагаю вам писать в той же манере». Мы заумничали, сидели ночами. Вырезали из газет слова, фразы, смешивали их, а потом пытались найти смысл в получившемся.

Бывал я у него часто, ночевал. Учился я в то время на рабфаке и у меня хромала математика, Даниил помогал.

Читали мы Надсона, Тютчева, прочих не помню.

В 25 году я уехал в Москву, больше с Хармсом не встречался.

¹ *Каталь* – чернорабочий на заводе, подвозящий грузы на тачке.

² В более поздней версии воспоминаний автор указывает, что он работал в кочегарке на текстильной фабрике «Свобода», однако текстильных предприятий с таким названием на Выборгской стороне в 1920-е гг., обнаружить не удалось (благодарим за консультацию историка-краеведа Т.Н. Гусенцову). Возможно, автор воспоминаний имеет в виду б. Охтинскую бумагопрядильную мануфактуру, в 1925 г. переименованную в фабрику «Возрождение» треста «Ленинградтекстиль» (Пискаревский проспект, 3). На Выборгской стороне в указанное время функционировали также Октябрьская бумагопрядильная и ткацкая фабрика и прядильно-ткацкая фабрика «Красный маяк».

³ Этому мемуару неожиданно корреспондирует значительно более поздний фрагмент из шуточного прозаического цикла Хармса первой половины 1930-х гг. «Однажды я пришел в Госиздат...», обращенный к А. Введенскому: «Днями и ночами дежурит он передо мной и только и ждет с моей стороны намека на какое-нибудь приказание. Стоит мне только подать этот намек, и Александр Иванович летит как ветер исполнять мою волю. За это я купил ему туфли и сказал: "На, носи!" Вот он их и носит».

⁴ О раскрашивании лица в стиле футуристов и прогулках по Невскому в 1920-е гг. вспоминают и другие мемуаристы, в том числе Н.А. Зегжда: «Его тетя (Нат. Колюбакина, тетка Хармса. – А.Д., А.К.) <...> рассказывала, что он с приятелями ходит ночью по Невскому, вырядившись под футуристов, в цилиндре, с диванными валиками под мышкой, лазают на фонари и т.п.» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 16). Ср. свидетельства А.И. Вагиновой: «Хармс ходил в цилиндре по Невскому и ассоциировался с гробовщиком»; П.Н. Лукницкого: «Хармса и Введенского знал году в 24. Тогда они ходили по Невскому с накрашенными губами, напудренные и с мушками» (цит. по записям Т.Л. Никольской 1960-х гг., ныне хранящимся в архиве Института изучения Восточной Европы Бременского университета; сообщено Г.Г. Суперфином).

Традиция раскрашивания лиц была создана в рамках русского футуризма в 1913 г. Н.С. Гончаровой, М.Ф. Ларионовым и И.М. Зданевичем. В том же году в журнале «Аргус» (№ 12) вышел подписанный ими манифест «Почему мы раскрашиваемся». «Мы раскрашиваемся, – писали они, – ибо чистое лицо противно, ибо хотим глашатайствовать о неведомом, перестраиваем жизнь и несем на верховья бытия умноженную душу человека». Позже раскрашивать лица стали и кубофутуристы (прежде всего,

- Д. Бурлюк). К. Бальмонт, встретившись с раскрашенным Ларионовым на выступлении, бурно приветствовал его: «Все, что вы делаете, – все прекрасно. Все, что вы сделали, – все прекрасно! Прекрасна и эта раскраска ваших лиц: так древние маори раскрашивали свои лица. Да здравствует Ларионов!» (см.: *Крусанов А. Русский авангард: 1907–1932 (исторический обзор)*: В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. СПб., 1996. С. 132). См. также: *Бобринская Е. Футуристический «грим» // Вестник истории, литературы, искусства / Отделение историко-философских наук РАН. М., 2005. С. 88–99.*
- ⁵ Восприятие футуристов как безумцев было общим местом в 1910-е гг. См., например, широко распространенную в то время книгу: *Радин Е.П. Футуризм и безумие. Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов*. СПб., 1914.
- ⁶ В поздней версии воспоминаний Матвеев описывает этот эпизод более кратко, но с любопытными подробностями:
 «Однажды пришел к Ювачевым, но Даню не застал, мать сказала, что он ушел в лес... Роща была поблизости, углубившись в нее, я увидел толпу людей, взоры которых были устремлены на дерево, где сидел человек, размахивая красным флажком.
 – Наверное, тронулся, – слышались реплики.
 Я узнал Даню; увидев меня, он стал спускаться с дерева.
 – Как легко собрать толпу зевак! – воскликнул он».
 Упоминание рощи и леса рядом с домом указывает на то, что Матвеев посещал Хармса еще на Миргородской улице, то есть до переезда Ювачевых на Надеждинскую в декабре 1925 г.
- ⁷ С Тихоновым и Заболоцким Хармс познакомился только в 1925 г. в Ленинградском отделении Союза поэтов. Об обстоятельствах вступления Хармса в эту организацию см.: *Жаккар Ж.-Ф., Устинов А. Заумник Даниила Хармс: Начало пути // Wiener Slawistischer Almanach*. 1991. Bd. 27. S. 166–184; *Кукушкина Т. Всероссийский союз поэтов, ленинградское отделение (1924–1929). Обзор деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы*. СПб., 2007. С. 99. Учитывая, что далее мемуарист описывает встречу у Хармса с Туфановым, привезшим свою только что вышедшую книгу «К Зауми» (1924), следует сделать вывод о том, что хронология в приводимых воспоминаниях несколько нарушена. См. прим. 9.
- ⁸ Публикуемая машинопись также включает небольшой текст, записанный со слов Н.Н. Матвеева-Бодрого, где о Клюеве говорится следующее: «Очень часто бывал у них (в семье Ювачевых. – А.Д., А.К.) Клюев. Жена Ивана Павловича любила поговорить с ним. Клюев вел себя с ней скромником, говорил на божественные темы, держался благочестиво, но тут же, зайдя в комнату Дани, мог запустить таким матерком!...» Клюев устраивал у себя (ул. Герцена 45, кв. 7) литературные вечера, куда приглашал молодых поэтов, возможно, что на одном из таких вечеров и произошло его знакомство с Хармсом и Введенским, предположительно при посредничестве П. Мансурова. См.: *Дневниковые записи Даниила Хармса*. С. 541–542. Об отношении Хармса с Клюевым см. также: *Кобринский А. Даниил Хармс*. М., 2008. («ЖЗЛ»). С. 104–107.
- ⁹ Речь идет о книге: *Туфанов А. К Зауми: Фоническая музыка и функции согласных фонем*. Пг., 1924; (на обложке, работы Б.В. Эндера: «К Зауми: Стихи и исследование согласных фонем»). Известны дарственные надписи на этой книге, датированные декабрем 1923 г.; они адресованы М.М. Шапской (собрание И.Е. Прудникова) и А.С. Долинину (см.: *Никольская Т.Л. Авангард и окрестности*. СПб., 2002. С. 179). 15 февраля 1924 г. Туфанов уже делал доклад по своей только что вышедшей книге в ГИНХУКе (см.: *Эстетика «становления» А.В. Туфанова: статьи и выступления конца 1910-х – начала 1920-х гг. / Вст. ст., публ. и комм. Т.М. Двинягиной и А.В. Крусанова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы*. С. 622). Если доверять словам мемуариста о том, что книжка Туфанова «только что вышла», дату знакомства Матвеева с Хармсом следует отнести к 1924-му или даже к концу 1923 г.

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ»: ВОКРУГ БОЛЕЗНИ И КОНЧИНЫ А.И. ГУКОВСКОГО

Manfred Schruba

Сюжет «писатель и самоубийство» в России не раз привлекал внимание исследователей¹. Тема «писатель и душевная болезнь» в русской культуре тоже изобилует разноплановыми работами², поскольку она, безусловно, интересна не только исследователям, но, пожалуй, и самим писателям. Вспомним начало стихотворения А.С. Пушкина, навеянного, вероятно, встречей в 1830 г. с душевнобольным К.Н. Батюшковым.: «Не дай мне Бог сойти с ума. / Нет, легче посох и сума»³.

Оба сюжета – душевная болезнь и самоубийство – скрещиваются в судьбе Александра Исаевича Гуковского (1865–1925), публициста, редактора и сотрудника ряда периодических изданий, политического и общественного деятеля.

Из пяти эсеров, редакторов журнала «Современные записки» (Париж, 1920–1940. № 1–70): Н.Д. Авксентьева, М.В. Вишняка, А.И. Гуковского, В.В. Руднева и И.И. Фондаминского, – первым ушел из жизни Гуковский, застрелившись 17 января 1925 г. в Париже. Известно, что в последние месяцы перед самоубийством он страдал душевным недугом, о чем написал в своих воспоминаниях Вишняк, переживший всех своих коллег по редакции «Современных записок»⁴. Материалы, обнаруженные в сохранившихся частях редакционного архива «Современных записок»⁵, позволяют более подробно осветить этот эпизод из истории журнала и из жизни его редакторов.

Как явствует из внутриредакционной переписки, душевная болезнь Гуковского разразилась в июне 1924 г., хотя наметилась уже месяцем раньше. В мае Гуковский еще без проблем справлялся с текущими редакционными делами, вполне трезво судя о присланных в редакцию произведениях. Так, например, в письме к Вишняку от 19 мая 1924 г. он сообщал:

Получил “Переслегина”⁶ – гора с плеч! Прочел. Конец хорош, остальное хорошо местами, но скучновато: тянется – тянется. Талантливо, иногда очень остроумно, но как-то всё резонерски, с книжным уклоном⁷.

В письме к Вишняку от 21 мая 1924 г. – в основном, тоже вполне дельном – Гуковский писал:

Свою статью в крайнем случае (работаю изо всех сил: за один вчерашний день “переписал” начисто – (хоть и не всё кончил в середине) – целых

½ печ^атного> листа) – сдам прямо в набор: делал же я так в Берлине, с согласия редакции, которая возражать не будет иметь повода – никаких ересей у меня нет. Зато уж тогда наверное (в Вас я не сомневаюсь ни минуты) выйдем в субботу 14-го. С типографией буду неумолим: хочу наконец установить прецедент американской (под влиянием Зензинова⁸, хотя его и не видав) точности. Это пригодится нам на будущее время...⁹

О статье, над которой Гуковский работал «изо всех сил», речь пойдет ниже. «Неумолимость» же редактора по отношению к типографии выразилась в его письме к ее директору (?) Д.Г. Снегарову от 29 мая 1924 г., стиль и тон которого явно выходит за пределы норм деловой переписки, обнаруживая первые следы душевного расстройства; письмо, сохранившееся в архиве Вишняка, не было отправлено:

Многоуважаемый Дмитрий Григорьевич!

У Вас давно го^товы> к печати первые 9 №№ статей, кончая стр. 223 (Бер^берова>). А отпечатанных листов я до сих пор не получил. Вы о^беща^ли выпустить книжку не позже 14 июня, и я считаю необходимым> предупредить, что опоздание не будет допущено ни на один д^ень>. А если бы оно все-таки случилось, хотя бы на один только <де>нь, – это будет последняя отпечатанная в типографии “Union” книжка “Современных> записок” – в этом порукой Вам мое слово. Даю это слово от себя лично, и по собственному почину. Но если бы редакция со мной потом не согласилась, даю т^ут же другое, такое же крепкое и верное слово: я выйду тотчас <же> из состава редакции – и навсегда.

Почему я так де^слаю? Потому что, сколько ни бился, я до сих пор никогда <часть текста оторвана> еще не мог добиться того, чтобы типография св^ое с^лово сдержала. Так продолжаться не может, и твердость> сроков должна быть наконец установлена. Д^сумаю, ч^то из двух указанных мною последствий опоздания <вероятнее> первое: что редакция предпочтет переменить типо^графию,> хотя и прекрасную во всех остальных отношениях, <чем> потерять своего сочлена. Слово дано – его не ворот^ишь.>

А теперь, много^уважаемы^й Дмитрий Григорьевич, обращаюсь к Вам еще с^о следую^щими покорными просьбами: пришлите Вы мне, ра^ди Бога,> корректуру Ходасевича (“О чтении Пушкина”) – ведь он <идет 2>0-м №-ром, – и иначе нельзя: статья юбилейная; при^сшлите> корректуру Скитальца (№ 12) – ведь он лежит у <Вас 1>2 дней! Пришлите корректуру Шлецера о музыке: <он лежит> у Вас 16 дней! Помилосердствуйте! А Вишняка н^е пере^сылайте: его – только автору: M^onsieur> M. Vichniac, 11, rue Claude Lorrain (16-e).

Перечитайте внимательно мое предыдущее письмо и исполните в точности и немедленно все изложенные в нем указания. Прошу Вас! Жму руку.

Истинно преданный

А. Гуковский¹⁰

Душевная болезнь Гуковского, по-видимому, окончательно разразилась в начале июня 1924 г. Об этом сообщал в письме к И.А. Бунину от 5 июня Фондаминский:

Помимо Парижа, свалилось на нас еще несчастье: заболел психически член нашей редакции Гуковский. Написал “гениальную” статью, которая свергнет большевиков и спасет Россию. А покамест мне приходится его спасать. Родные растерялись, средств нет – беда¹¹!

Еще два дня спустя (7 июня 1924 г.) он писал Бунину:

Я всё еще поглощен заботами о Гуковском. Беда: он достаточно ненормален, чтобы сделать жизнь невозможной окружающим, и недостаточно ненормален, чтобы насильственно заключить его в “лечебницу”; и не поддается убеждениям переехать в санаторий¹².

Статья Гуковского, о которой идет речь в первом из приведенных выше писем к Бунину, носила «пушкинское» название «Русский бунт»; скорее всего, этой статьи не существовало в природе, по крайней мере, не существовало в сколько-нибудь завершенной форме. Гуковский, между тем, задумал издать свое мнимое произведение отдельной брошюрой, которая должна была составить бесплатное приложение к журналу. Этим планам издания несуществующей книги целиком посвящено письмо Гуковского в редакцию «Современных записок», отправленное в первых числах июня 1924 г.:

Прошу редакцию:

1) XX книжку “Современных записок” выдавать *сотрудникам вместе с “Русским бунтом”*.

2) Так же, *непреренно и всегда вместе, и продавать*.

3) Продавать по цене 15 фр. за обе (т. е. цену “Русского бунта” не добавляя к цене журнала).

4) Принять от меня для раздачи сотрудникам и для продажи вместе с XX книжкой – 1800 экземпляров “Русского бунта”.

5) Причитающийся мне за “Русский бунт” *гонорар* – по двести (200) франков за печатный лист в 40.000 знаков – *вычислить с обычною точностью; и, за вычетом как взятого мною аванса, так и излишка забранного мною вперед редакторского содержания, за остающиеся 17 дней (14–30 июня, из расчета по 500 фр. в месяц), – остальную сумму принять от меня как пожертвование в кассу журнала и как таковое пожертвование занести на приход в кассовую книгу*.

6) Пожертвованную мною в кассу журнала сумму обратить на бесплатную выдачу *всем членам парижской группы «партии социалистов-революционеров»* XX книжки журнала вместе с “Русским бунтом”, а остаток употребить на бесплатную же рассылку XX книжки вместе с “Русским бунтом” *всем остальным группам и организациям партии за границей*. В интересах *полного осуществления* этого дела прошу употребить для той же цели – равным образом жертвуемую мною в кассу журнала стоимость набора, печати, бумаги и брошюровки “Русского бунта” (производимых мною за собственный мой счет); однако без занесения на приход в кассовую книгу, за невозможностью исчислить эту сумму, т.к. означенный расход распределяется на неопределенное количество печатаемых мною экземпляров “Русского бунта”, отливаемого в стереотипы.

Вручаю И.И. Бунакову.

А. Гуковский

Р.С. Для сведения И.Н. Коварского: А) XX кн. "Современных записок" вместе и нераздельно с "Русским бунтом" по 15 фр. за обе, – поступают в продажу в Париже утром в субботу 14 июня.

Одновременно должно быть приступлено к отправке экспрессами (за экспресс приплачиваю разницу я) трехсот (300) экз. в Берлин, – с обязательством такой же и там нераздельной продажи. Если в течение месяца посланные в Берлин экземпляры не разойдутся, – я немедленно покупаю весь остаток за наличный расчет.

Б) Рассылка бесплатных, за счет внесенных мною сумм, экземпляров XX книги с приложением "Русского бунта" (предыдущая страница, пункт б) начинается немедленно, т.к. для нее экземпляров должно хватить – пусть лучше не хватит для продажи!

и В) Впредь до исчерпания всех 1800 экз. XX книжки "Русский бунт" доставляется на склад только одновременно с нею и в равном с нею количестве экземпляров – ни на единицу более.

Лишь по исчерпании наличного тиража (1800 экз.) XX книжки "Русский бунт" поступает в свободную продажу.

А.Г.

Илью Исидоровича <Фондаминского> усердно прошу: 10 июня – не ранее и не позже – дать переписать это мое письмо (за невозможностью сейчас самому мне это сделать), а 13-го вручить мне копию.

В двух газетах: "Последних новостей" и "Днях" печатаются объявления такого содержания: "XX кн. 'Современных записок' и 'Русский бунт' продаются нераздельно. Цена за обе вместе 15 фр."¹³.

Вверху данного письма имеется помета рукой Вишняка: «Письмо уже больного А.И. МВ. 1924». Письмо с подробнейшими указаниями о тираже, распределении и цене несуществующего издания – свидетельство полностью проявившейся душевной болезни Гуковского.

Кроме того, он написал также текст для объявлений, упомянутых им в конце письма. В архиве Вишняка сохранилось два почти одинаковых письма от 11 июня 1924 г. в конторы газет «Последние новости» и «Дни», подписанные «Член редакции», с рукописными пометами Вишняка: «Не вышла! Это письмо уже больного А.И. МВ.»:

Просим поместить в ближайшем, воскресном 15 июня номере следующее объявление и повторить 22 июня. Член редакции:

«Вышли в свет и поступили в продажу: журнал "Современные записки" и книга А.И. Гуковского "Русский бунт". Порознь не продаются. Цена за обе вместе 15 фр. Склад издания при конторе журнала: 9 bis, rue Vineuse (16-e). Телефон: Passy 89-61»¹⁴.

В «Последних новостях» от 15 июня, впрочем, подобного анонса «Современных записок» не появилось.

Отпечаток психического расстройства носит также следующее письмо Гуковского:

Париж, 10 июня 1924 г.
М. В. Вишняку.

В редакцию

К 8 ч. 30 мин. вечера пятницы 13-го июня, когда состоится у меня расширенное собрание редакции, – будут отпечатаны в 300 первых экземплярах и в нескольких экземплярах доставлены мне типографией на дом –

XX книжка журнала, содержащая мою рецензию и заметку, и моя книжка, предлагаемая мною редакции как бесплатное приложение ко всем 1800 экземплярам XX книжки.

Рецензия и заметка будут отпечатаны и сброшюрованы отдельными четырьмя страницами, т.е. отдельною четвертью листа, которая в случае надобности легко из книги и вынется (мною же), – а упоминание о них в оглавлении будет тогда (тоже мною) заклеено.

О книге же моей ни в оглавлении и нигде в журнале упомянуто не будет и быть не должно.

Вследствие изложенного прошу редакцию *ни о чем не беспокоиться и только быть у меня точно в назначенное время; хотелось бы – вместе с приглашенными обоими гостями: В.М. Зензиновым и М.А. Алдановым.*

Привет!

А. Гуков<ский>

NB. Умоляю: с типографией более никому не сноситься, а направлять ее ко мне, не вступая ни в какие объяснения; все последние распоряжения по завершению и выпуску книжки XX доверить исключительно мне, за полной моей моральной и материальной ответственностью; типографии указать, чтоб обращалась только ко мне и чтоб выполняла только мои указания. Это моя последняя просьба к редакции по выпуску XX книжки.

А.Г.

P.S. О получении и исполнении не оставьте известить меня *немедля пневматичкой.*

А.Г.¹⁵

Ни рецензия, ни заметка, о которых шла речь в этом письме, в 20 книге «Современных записок» напечатаны не были.

Чем кончился этот острый приступ болезни Гуковского, явствует из письма Фондаминского к Бунину от 21 июня 1924 г.:

Главное же мое огорчение – история с Гуковским. Представьте, мне же – поймав на доброе его ко мне отношение! – пришлось обманом отвезить его в психиатрическую лечебницу. Должен сознаться, что стало теперь гораздо легче и спокойней на душе. Но нервы еще не пришли в порядок, и писать еще не могу¹⁶.

После подобной манифестации душевного заболевания Гуковского другие члены редакции журнала постепенно отстранили его от ведения дел. Примером мероприятий, которыми редакторы хотели застраховаться от возможных неприятных сюрпризов в связи с активным участием Гуковского в редакционных делах, может служить письмо Фондаминского к Вишняку и Рудневу от 27 октября 1924 г.:

Получив от Марочки <Вишняка> изложение разговора Вадима <Руднева> и Н.Д. <Авксентьева> с А.И. <Гуковским>, я решил Вам предложить следующее: отложите, под любым предлогом, решение вопроса об А.И. *до моего приезда*. Я хочу сделать попытку убедить А.И. добровольно отказаться на время от фактического участия в редакционной работе. Я не убежден в успехе, но думаю, что такая попытка не безнадежна (разумеется, если А.И. не окончательно болен и если это у него не новая *idée fixe*) – мне иногда удаются такие психологические “трюки”. Если же мне убедить А.И. не удастся, лично я могу согласиться только на “*видимое*” участие А.И. в редакционной работе. В крайних обстоятельствах – если это действительно может спасти А.И. от опасных решений – я готов тратить время и душевные силы, чтобы создать для него видимость участия в редакции (примерно, редакционное собрание с ним после того, как мы предварительно уже решили сами все вопросы; передача ему рукописей для чтения, быть может, корректура, но не выпуск книги). Но я решительно не могу согласиться работать органически с человеком, которого – пусть ошибочно – подозреваю в ненормальности. Не только не могу, но и не имею права. Интимный характер нашей работы скрывает эту сторону дела, но это так. Мы не имели бы права ввести сейчас А.И. ни в какое более или менее ответственное дело – всё равно общественное или частное – ибо мы не можем отвечать за него. По крайней мере, не могу я. Но наше редакционное дело не менее ответственно, чем другие дела. Если бы вопрос шел только о моем самочувствии, несмотря на то, что я думаю, что мне не по силам сейчас работать с А.И., я бы не взял на себя такого решения, которое я предлагаю – я бы сделал попытку с риском надорваться. Но дело идет не о моем самочувствии, а о деле, за которое мы несем ответственность, и потому те, кто сомневается в А.И. <Гуковском>, как сомневаюсь я, не имеют права допускать его до *органической работы*.

У меня есть соображения, как организовать «видимость» участия А.И. в редакции, не подвергая риску Марка <Вишняка> окончательно расстроить его нервы, но я изложу их при свидании.

<...>

Очень прошу вас не приходить в отчаяние от истории с А.И. Это трагедия не наша, а его – и с этим ему придется еще долго считаться¹⁷.

Гуковский всё же продолжал, по-видимому, в ограниченной степени, свою работу в редакции, как явствует из письма Фондаминского к Вишняку от 14–15 ноября 1924 г.:

Я категорически стою за то, чтобы ты и в октябре получил 700. Иначе преступно, с точки зрения журнала. Ведь кончится дело тем, что ты уйдешь на какую-нибудь службу, и журнал лишится главного работника. А.И. <Гуковскому> давать 700 нельзя. Его работа больше 500 фр. в месяц не стоит, и если он найдет службу, для журнала не страшно. Благотворительствовать же журнал не в состоянии¹⁸.

Кроме того, в декабре предполагалось также участие Гуковского в журнале в качестве автора, хотя редакция на его статьи особенно не рассчитывала; так, Фондаминский замечал в недатированном (до 12

декабря 1924 г.) письме к Вишняку и Рудневу: «Хорошо было бы, если бы написал и Алекс. Исаевич, но я на это мало надеюсь»¹⁹.

17 января 1925 г. Гуковский покончил с собой. Газеты вскоре отметили это событие. На первой странице «Последних новостей» от 20 января (в день его похорон) появилось три объявления о его смерти – от имени Парижского комитета партии социалистов-революционеров, от Российской лиги защиты прав человека и гражданина и от редакции «Современных записок». Неделю спустя в «Последних новостях» появилась также некрологическая статья Н.В. Чайковского²⁰. На известие о смерти Гуковского также откликнулся ряд сотрудников журнала. Одним из первых был юрист и публицист Оскар Осипович Грузенберг (1866–1940), до революции видный адвокат, участник нашумевших политических процессов (в частности, защищал М. Горького). 21 января 1925 г. он писал Вишняку:

Многоуважаемый Марк Вениаминович,
примите мое искреннее соболезнование по поводу смерти Александра Исаевича: одновременно пришли и газета, и письмо Ваше.

Всегда, когда я встречался с Александром Исаевичем, меня томило тревожное чувство: обреченный! Плохо сросшееся пулевое отверстие у глаза словно напоминало, что смерть уже там и только задержалась, на ходу, на короткое время²¹.

23 января откликнулся философ, литературовед и публицист Сергей Иосифович Гессен (1887–1950), писавший Вишняку:

Многоуважаемый Марк Вениаминович,

Известие Ваше о неожиданной и печальной кончине Александра Исаевича меня глубоко потрясло. Как тяжело, что он не выдержал и поддался отчаянию! Я впервые познакомился с ним лично только в Берлине. Но эти немногие встречи и беседы с ним оставили во мне неизгладимое впечатление редкой душевной чистоты, мягкости, вдумчивости, тонкости душевного склада. Когда я впервые услышал про его болезнь, то хотелось верить, что он оправится и вернет себе силы, победит уныние. Искренне скорблю об этой утрате и прошу Вас передать как вдове его, так и товарищам по редакции мое глубокое соболезнование²².

Вишняк выделил в свое время письма Грузенберга и Гессена, а также ряд других документов, связанных с самоубийством Гуковского, из основного корпуса редакционной корреспонденции журнала (данные материалы образовали впоследствии часть фонда Вишняка в коллекции Николаевского). Среди них имеется составленный Вишняком список лиц и учреждений, откликнувшихся на смерть Гуковского. Судя по всему, предполагалась его публикация в «Современных записках»:

По случаю кончины А.И. Гуковского редакцией «Современных записок» получены телеграммы и письма с выражением сочувствия от: берлинско-

го Комитета помощи русским литераторам и ученым; берлинского Комитета помощи политическим заключенным; Делегации и Областного комитета партии социалистов революционеров; правления Союза журналистов в Берлине; Центрального бюро заграничных групп “Крестьянской России”; редакции сборников “Крестьянская Россия” и редакции “Вестника Крестьянской России”; редакции журнала “Заря”; Е.Д. Кусковой; К.Р. Качоровского; Б.И. Элькина; С.И. Гессена; М.И. Погосяна; О.О. Грузенберга; Ст. Ивановича; А.Н. Мандельштама; Н.А. Оцупа; Е.В. Постниковой; М.Г. Гриневича-Коган; С.Р. Минцлова; Ив. Якушева; В.П. Никитина, А.Л. Бема и других.

Всем названным учреждениям и лицам редакция [(и семья? покойного)] выражает свою искреннюю признательность²³.

Составленный Вишняком список показался Рудневу, как явствует из его недатированной записки, недостаточно впечатляющим для публикации:

Вновь посмотрев список “лиц и учреждений”, – вижу, что жидко, как ни редактируй.

Поэтому, не ограничиться ли одной фразой, вроде:

«Редакция “Современных записок” [выражает] свидетельствует свою искреннюю признательность всем литераторам и общественным организациям, [отозвавшимся] равно как и отдельным лицам, выразившим свое сочувствие по случаю кончины А.И. Гуковского».

Вадим²⁴.

На том же листке бумаги Вишняк приписал вариант сообщения: «[Родные покойного А.И. Гуковского] и Редакция “Современных записок” выражают искреннюю свою признательность от себя и по поручению родных покойного А.И. Гуковского».

Замысел статьи с откликами на кончину Гуковского так и не был осуществлен. Редакторы, однако, не ограничились и одной лишь служебной фразой, поместив в журнале некрологическую статью от имени редакции, написанную Н.Д. Авксентьевым²⁵. Несомненный интерес представляет также, ввиду относительной скудости опубликованных в печати справочных материалов о Гуковском²⁶, сохранившаяся у Вишняка анонимная библиографическая справка:

Гуковский Алекс<андр> Ис<аевич>

Род<ился> в 1865 г. в г. Одессе в семье врача, оконч<ил> Ришельевскую гимназию и Московский унив<ерситет> по юрид<ическому> фак<ультету>. С 1906 г. прис<яжный> пов<еренный> Округа Петрогр<адской> суд<ебной> палаты. Участв<овал> в освободительном движении. С 1887 г. [был ранен в голову] провел год в царск<их> тюрьмах и ссылках. Соц<иалист> рев<олюционер> – сторонник правого народовласт<ия> и противник возведения классовой борьбы в руководящий принцип социализма. Участник редак<ционных> коллегий “Жизни юга” (Одесса, 1896, с П.Ф. Николаевым и Я.Л. Сакером), “Одесск<ого> листка” (1899), “Нар<одного> вестника” и “Нар<одной> жизни” (Петерб<ург>, 1905–<0>6 г.), “Дела народа” (1906 и

апрель 1917), "Воли народа" (1917), газеты "Дни" (1922), <журналов> «Современные записки» (с 1920), «Русское богатство» (1901–1903), <печатался в> «Сыне отечества» С.И. Юрицына (1905 г.), «Журнале для всех» В.С. Мирянова (1906–1908 г.) и некоторых других изданий. Был избран в члены Учредительного Собрания от Новгородской губернии, председателем Череповецкого земского собрания (1917), гласным Новгородского и Архангельского (1919) губернских земских собраний, был управляющим отделом юстиции верховного управления Северной области (1918 г.) и гор. Архангельска (1918–19). С октября 1919 г. в эмиграции.

в 1887 г. был ранен

<в> 1889 г. в тюрьме заболел

<в> 1919 г. ранен в грудь в Архангельске

2 раза в ссылке. 1-ый раз в Архангельске

2-ой <-> за границу²⁷.

Составителем этой справки являлся, скорее всего, сын покойного, Михаил Александрович Гуковский. В письме к Вишняку от 4 февраля 1925 г. Фондаминский сообщал:

Пересылаю письмо <М. А. ?> Гуковского. Я мог ему послать только 200 фр. Думаю, что редакция может дать ему еще 100 – мне кажется, это наш долг перед покойным Ал. Ис. Если решите так, пошлите прямо²⁸.

Не исключено, что частью этого письма и являлась приведенная выше библиографическая справка.

Пожалуй, наиболее поразительным документом из попавших в собрание Николаевского бумаж Вишняка является предсмертное письмо Гуковского. Отрывок из этого письма был им процитирован в воспоминаниях²⁹. Приводим его полный текст:

17/1 25

Детям моим

Мои дорогие и родные,

пишу Вам в самую последнюю минуту и потому с большим уже трудом. Перенесенная душевная болезнь окончательно подорвала мои силы. Я в здравом уме, но недавнее возбуждение сменилось тяжелой подавленностью духа. Жизнь я прожил честную, но бесконечно незадачливую, и мне не за что ухватиться, чтобы длить ее. Не стало упругости, пала вера в себя, осталось одно уважение к себе, одна гордость, но нет охоты бороться, но нет силы жить. – Прошу вас, не теряйте из виду друг друга, не охладейте друг к другу. При нынешнем всеобщем развале так легко затеряться в мире и оказаться одиноким.

Уж очень я разбрасывался и потому был еще менее производителен, чем мог бы быть. Правда, и сама жизнь немало кидала меня из стороны в сторону. У каждого из Вас есть свое любимое дело единственное – искусство, наука. Мое утешение в мысли, что вы будете счастливее меня.

Ухожу с последней мыслью о Вас и о брате моем Евгении, которого несмотря на 14 лет разлуки крепко помню и крепко люблю.

Обнимаю и целую Вас и Ваших.

Ваш папа

P.S. Ты, милый Миша, переши это письмо Жене или перепиши, как захочешь. И вот еще к тебе большая просьба. Узнай, нельзя ли переслать ему мою синюю лампу с рефлектором, ведь это не предмет роскоши, а лечебное средство, – и если только малейшая есть возможность, переши. Там этого нет – он писал – а его совсем калечит ишиас, а это прекрасное средство для излечения³⁰.

Весьма неразборчивый почерк письма (при сравнении с обычным четким почерком Гуковского), равно как множество сокращений, свидетельствуют о крайнем душевном смятении человека, стоящего на пороге смерти.

«Материалистическое» окончание письма напоминает последние фразы известных прощальных записок Кондратия Рылеева («У меня осталось здесь 530 р. Может быть, отдадут тебе»³¹) и Владимира Маяковского («В столе у меня 2000 руб. – внесите в налог. Остальное получите с Гиза»³²). Чем объясняется подобное совпадение? Скорее всего, спецификой психического состояния человека, готовящегося умереть. Однако, возможно, тут сказывается и требование жанра «последнего письма»: структурный элемент приписки практического характера, введенный именно письмом Рылеева, создал традицию, в которую – скорее всего, бессознательно – вписался и Гуковский при написании своих предсмертных строк.

п р и м е ч а н и я

- ¹ См.: Irina Paperno. *Suicide as a Cultural Institution in Dostoevsky's Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 1997; И. Паперно. *Самоубийство как культурный институт*. М., 1999; Г. Чхатишвили. *Писатель и самоубийство*. М., 1999.
- ² См., например: I. Pospíšil. *Fenoméni šilenskí v ruské literatuře 19. a 20. století*. Brno, 1995; *Madness and the Mad in Russian Culture*. Ed. by A. Brintlinger. Toronto, 2007; *Безумие и его бог*. Сост. Е. Головин. М., 2007. Ср. также подборку исследований материалов на тему «Болезнь писателя: творческая саморефлексия и клиническая картина»: *Новое литературное обозрение*. № 69 (2004).
- ³ А. С. Пушкин. *Полное собрание сочинений: в 16 т.* Т. 3. Кн. 1. М.–Л., 1948. С. 322; ср.: Я.Л. Левкович. «Стихотворение Пушкина “Не дай мне бог сойти с ума”» // *Пушкин: Исследования и материалы*. Т. 10. Л., 1982. С. 176-192.
- ⁴ М. В. Вишняк. «Современные записки»: *Воспоминания редактора*. (Indiana University Publications: Graduate School. Slavic and East European Series. Vol. 7). Bloomington, 1957. P. 117-118.; То же. Предисл. и подг. текста Л. Аллена. СПб.–Дюссельдорф: “Logos” – «Голубой всадник», 1993. С. 86-87.
- ⁵ Архив Фондаминского, по-видимому, погиб. Редакционный архив Руднева, умершего в конце 1940 г. (объемом в девять больших скоросшивателей, содержащих несколько тысяч документов), вошел в состав архива парижского Земгора и вместе с ним попал на хранение в Russian Archive Leeds (РАЛ). Другие материалы Руднева (объемом примерно в одну десятую всего корпуса) оказалась в архиве Иллинойского университета в Урбане-Шампейн (Sophie Pregel and Vadim Rudnev Collection. University of Illinois at

Urbana-Champaign Archives. Вох 4). Принадлежащая Вишняку часть редакционного архива «Современных записок» (объемом в 161 папку) хранится в собрании Библиотеки Лилли Индианского университета в Блумингтоне (Lilly Library. Vishniak papers). Как сообщал Вишняк в письме к Темире Пахмусс от 7 октября 1967 г. (Hoover Institution. Vishniak papers. Вох 8, f. 50), он оставил в Блумингтоне часть своего архива, относящуюся к «Современным запискам», чтобы расплатиться таким образом за публикацию воспоминаний о журнале в университетском издательстве. Вторая часть его личного архива хранится в Стэнфорде, в архиве Hoover Institution on War, Revolution and Peace; довоенные письма этой части архива Вишняка относятся преимущественно к его работе в редакции «Русских записок», хотя встречаются и отдельные материалы, относящиеся к «Современным запискам». В составе другого фонда Гуверовского архива хранится еще одна группа материалов Вишняка 1919–25 гг., в большинстве своем связанная с его деятельностью в «Современных записках»; эти материалы образуют особое подразделение (Series No. 206) в рамках огромной коллекции Б.И. Николаевского (Hoover Institution. Nicolaevsky collection. Вох 267).

⁶ Имеется в виду очередная часть романа Ф.А. Степуна «Николай Переслегин».

⁷ Lilly Library. Vishniak papers. F. 47.

⁸ Намек на возвращение Зензинова из путешествия в Америку, о котором Гуковский, вероятно, узнал из заметки в «Хронике» «Последних новостей» об анонсировавшемся на 24 мая 1924 г. докладе «только что вернувшегося из Америки В.М. Зензинова на тему: “Америка для русских”» (*Последние новости*. 1924, № 1250, 21 мая. С. 3).

⁹ Lilly Library. Vishniak papers. F. 47.

¹⁰ *Ibidem*.

¹¹ РАЛ. MS. 1066/2437.

¹² РАЛ. MS. 1066/2438.

¹³ Lilly Library. Vishniak papers. F. 47.

¹⁴ *Ibidem*.

¹⁵ *Ibidem*.

¹⁶ РАЛ. MS. 1066/2439.

¹⁷ Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

¹⁸ *Ibidem*.

¹⁹ Hoover Institution. Nicolaevsky Collection. Вох 267, f. 4.

²⁰ Н. В. Чайковский. «А. И. Гуковский: [Некролог]» // *Последние новости*. 1925. № 1459, 27 янв. С. 2.

²¹ Hoover Institution. Nicolaevsky Collection. Вох 267, f. 3.

²² *Ibidem*.

²³ Hoover Institution. Nicolaevsky Collection. Вох 267, f. 3.

²⁴ *Ibidem*.

²⁵ Редакция. «Александр Исаевич Гуковский (24.I.1865 – 17.I.1925)» // *Современные записки*. 1925. № 23. С. 5–12. Об авторстве данной статьи см.: М.В. Вишняк. «“Современные записки” (отчет-воспоминания)» // *Новый журнал*. 1948. № 20. С. 238.

²⁶ См.: Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. «Краткий биографический словарь русского зарубежья» // Глеб Струве. *Русская литература в изгнании*. Изд. 3-е, испр. и доп. Париж–М., 1996. С. 304; *Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: В 6 т.* Сост. В.Н. Чуваков. Т. 2. М.: «Дом Пашкова», 1999. С. 265; *Литературное зарубежье России: Энциклопедический справочник*. Под общ. ред. Е.П. Чельшева и А.Я. Дегтярева. М., 2006. С. 223–224; *Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биографический словарь: В 3 т.* Под общ. ред. Л. Мнухина. Т. 1. М., 2008. С. 442. Ср. также:

Деятели революционного движения в России: Биобиблиогр. словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. М., 1927–1934 (<http://slovari.yandex.ru/dict/revoluc/article/re8/re8-0817.htm>).

²⁷ Hoover Institution. Nicolaevsky Collection. Box 267, f. 3.

²⁸ Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

²⁹ М. В. Вишняк. «Современные записки». С. 86.

³⁰ Hoover Institution. Nicolaevsky Collection. Box 267, f. 3.

³¹ К. Ф. Рылеев. *Полное собрание сочинений*. Ред., вступ. ст. и комм. А.Г. Цейтлина. М.–Л.: Academia, 1934. С. 519.

³² Владимир Маяковский. *Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 13: Письма и другие материалы*. М., 1961. С. 168.

АЛЕКСАНДР РОММ СТИХИ 1926-1929 гг.

М.Л. Гаспаров

Александр Ильич Ромм (1898-1943) был поэтом – автором стихотворных книг «Ночной смотр» (М., 1927) и «Дорога в Бикзян» (Уфа, 1939). Был переводчиком – «Госпожи Бовари», романов Золя, стихов А. Гидаша и пр. Был филологом – активным сотрудником Московского лингвистического кружка. Вспоминают его только как филолога. О его переводе «Курса» Соссюра была статья: Е.А. Тоддеса и М.О. Чудаковой «Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка» («Федоровские чтения 1978», М., 1981). Публикацию другой работы сделали А.Л. Беглов и Н.Л. Васильева: «Ненаписанная рецензия А.И. Ромма на книгу М.М. Бахтина и В.Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» (“Philologica”, v. 1, No 1-2). Публикацией третьей была наша статья «“Письмо о судьбе” А.И. Ромма» («Понятие судьбы в контексте разных культур», М., 1994). Во всех статьях – нужные биографические сведения; все три работы Ромма – незавершенные: грустная примета судьбы.

Последнее напоминание о нем – мемуары Б.В. Горнунга («Поход времени: статьи и эссе», М., 2001): здесь он не поэт, не переводчик и не филолог, а представитель поколения и группы – тех, кто издавали машинописные журналы «Гермес», «Гиперборей», «Мнемозина» и были для Горнунга средоточием русской культуры 1920-х гг. С какой настойчивостью выделял мемуарист это «мы» и отделял его от старших, младших и смежных, помнит всякий, читавший эту книгу. Это «мы» тоже было не таким уж единым: отношение к революции у Ромма, ребенком жившего с ссыльным отцом в Сибири, и у Горнунга, который в 1917 г. защищал Кремль, а в 1920 г. воевал против Врангеля, было не совсем одинаковое: понятие «старая московская интеллигенция» слишком расплывчато как общий знаменатель.

Юношеские камерные стихи А. Ромма были собраны в машинописную книжку *Januaria* (“обложка худ. М. Ромм», младшего брата, будущего режиссера): слова “O Jane bifrons... benedic initia mea, initians, et ancipiti me, bifrons, proelio pugnare juva” (1917, июнь) кажутся сейчас более многозначительными, чем когда они писались. Двадцать четыре стихотворения 1923-1925 гг. составили «Ночной смотр», книжка

вышла в издательстве «Узел» под памятной маркой В. Фаворского, но Ромм ее стеснялся и старался не пускать в продажу: из 700 экземпляров не меньше 50 я еще видел в оставшейся после него библиотеке. Стихотворения следующих лет публикуются здесь впервые по архиву А.И. Ромма (РГАЛИ. Ф. 1495. Оп. 1. Ед. хр. 34). Они разбросаны по разрозненным листам, но пронумерованы, как для сборника, и печатаются в порядке этой нумерации. Она обдуманная.

Первое стихотворение – оглядка на прошлое: «затем что как никто я изучил искусство дышать без воздуха и без земли стоять». Второе – оглядка на будущее: «кто найдет – прочтет, а я не прошу, чтоб жизнь моя песней была». (Всякий представит, каково, сидя в архиве, открыть папку и увидеть в ней слова, обращенные к тебе: «Кто найдет – прочтет»). Третье – о настоящем, даже о сегодняшнем: простой день, который так исключителен, что его можно отмечать годовщинами (и в нем страшная смерть мальчика в бою из «Генриха VI»). Четвертое – о рубеже между «ложью молодой» и неpritворством, «мне скоро тридцать лет». Пятое, едва ли не главное, – отчаянное прощание с прошлым: «уж я золото хороню». Затем стихи о времени, о поколении с быстрым концом, обращения к сверстникам: С. Гадзяцкому (историк, соавтор Ромма по повести о древнем Пскове), Б. Горнунгу, брату Михаилу. Затем, постепенно, все более случайные стихотворения; нумерация становится сбивчивой, и как должен был кончатся сборник, мы не знаем.

«Тридцать лет» исполнялось А.И. Ромму в 1928 году, он назначил себе на этот срок переломить свою судьбу, схоронить золото и войти в железный век. В «Письме о судьбе» накануне 1928 г. он пишет: «Интеллигент вспоминает о судьбе только когда большое горе пригибает его к земле... Земля, из которой мы растем, есть народ... Если в системе есть тяжелое и злое, оно неизбежно выпадет на чью-то долю: почему же не на твою? От сумы и тюрьмы не отказывайся». Он оставляет филологию, перестает писать такие стихи, как здесь публикуемые, пишет о Ленине и Сталине, о стройках, об армии и флоте, газетные агитки и большие поэмы, пишет не за страх, а за совесть, в дневнике корит себя за интеллигентскую мягкотелость, но в печать пробивается нечасто: у системы было чуткое ухо, и она слышала, что голос его недостаточно чист. Сума и тюрьма его миновали, он умер иначе: в октябре 1943 г. застрелился на фронте. Для 1943 года это – не совсем обычная смерть. А.И. Ромм много переводил революционных поэтов, но здесь хочется привести другой его перевод: из Блока, на французский язык:

De mon hier aujourd'hui, m'échappe la mémoire,
Tant que dure le jour, j'oublie la nuit noire,

Et j'oublie les feux quand surgit le matin,
Et j'oublie les jours lorsque la nuit revient.
Mais les nuits et les jours nous inondent en foule,
A cette heure mystique où la vie s'écoule
Et alors, en angoisse, en pleine obscurité,
C'est trop dur de rêver
De l'ancienne beauté,
Et dans nos pouvoirs...
Et l'on veut se lever,
Mais il fait noir...

Александр Ромм
Стихотворения 1926-1929 гг.

1.

Уходят в прошлое ночные разговоры,
Большую тишину наращивает город,
На мягких площадях лучится крупный снег.
Я все перезабыл, чему учился в школе,
Меня по улицам ведет чужая воля,
И шага ходкого приятен мне разбег.

В притихшем городе и весело и пусто,
И мягко под ногой, и хорошо ступать;
Затем что как никто, я изучил искусство
Дышать без воздуха и без земли стоять.

Дома столпились застывшею отарой,
Сияют фонари вдоль длинных тротуаров,
И мутно-радужный стоит над каждым нимб.
Пустая улица — как сонная природа,
Святые фонари, февральская погода,
И снега легкий лет равняется по ним.

15 декабря 1927

2.

Судьба неумна, и жизнь долга,
Упорства во мне — ни крохи.
Научили меня одному — не лгать
И писать тугие стихи.

Я это умею, но я не горжусь:
Умею — но что с того?
Не лгать, а резать — нужно ножу,
А тугие стихи — баловство.

Я выйти в дорогу еще не успел,
Я прошел половину судьбы.
Тугую песню я туго пел,
И голос мой хрипом был.

Я эту песню напрасно пишу
Ходом былых баллад.
Кто найдет – прочтет, а я не прошу,
Чтоб жизнь моя песней была.

8 июля 1928

3.

Я этот день хочу прожить спокойно.
С утра пойду по улицам гулять,
Глядеть на воробьев и на трамваи,
Разбрызгивающие далеко
Из-под колес натаявшую воду.
Еще стоит река. Великий пост.
На улицах булыжники сверкают,
Омытые зимой, а переулки
Еще полны густой, шуршащей каши
Из снега и воды.
Потом вернусь
Домой, к обеду сильно опоздаю,
Поем один, за книжкой. И лягу
С Шекспиром на залежанный диван.
Мой старый друг! Меня ты знаешь с детства,
Мы вместе тысячи томов прочли.
Я на тебе, еще совсем мальчишкой,
В затрепанной библиотечной книге
Узнал навек, как Рютлэнд застонал
Под взмахом сабли смуглого Клиффорда.
Я на всю жизнь запомнил эти строки,
И нынче в сотый раз до них дойду,
Не торопясь, спокойно.
[Это странно.
Я во всю зиму дня не отдыхал,
Чего-то ждал, куда-то торопился,
Замучивал покорных машинисток,
Диктуя в день по тридцати страниц,
Сидел по вечерам на заседаниях,
Сердито спорил и любил кого-то,
А больше, кажется, терпеть не мог.
На этот день я объявляю стачку.
А вечером пойду в кино. Под стрекот,
Ползущий пыльным конусом к экрану,
Под жаркое дыхание многих ртов

Глядеть я буду на живые тени
В Лос Анжелосе бегавших людей.
Они живут в своем особом такте –
Ни спешки в них, ни оторопи. Все
По череду, и кадры набегают
На выпрямляющееся сознание,
Как волны резвые на берег.

Вот

И все. Домой приду веселый, добрый,
Каким меня почти совсем не знают
Домашние. В столовой поболтаю
О Мейерхольде, Троцком и кино,
Поспору, перекладывать ли даму
Или девятку в затяжном пасьянсе –
И спать пойду, как ванну принимать.

В календаре отмечу этот день
Большим крестом и ровно через год
Отпраздную святую годовщину.]

9 марта 1927

4.

Я камень с мостовой за пазухой согрел
И с женской нежностью прильнул он к верной коже.
Лежи, любимая, лежи, пока я цел,
Пока тебе тепло, я согреваюсь тоже.

Я ложью молодой напитан и согрет,
Но ясно в воздухе, как в миг перед падучей.
Мне что-то холодно, мне скоро тридцать лет,
А камень стынувший притворству не научит.

14-15 апреля 1927

5.

На тротуарах дворники застыли;
Мороз без снега, каменная ночь...
Дыханье перехватывает пылью
И легкие расхлестывает прочь.
Какая ночь? Осенний день, и ветер
Гоняет пыль по мерзлым пустырям.
Заходят в город верткие, как плети,
Смерчи, и робко жмутся к фонарям.

На осеннем пустыре
Мертвая капуста,

На промерзлом пустыре
До жуткого пусто.
Ветер гонит злую пыль,
Черт хоронит злую быль,
Заступом, не лирою
Ямку, ямку вырою:
Уж я зо-ло-то хороню.

Не надо мне ни слез, ни разговоров,
Возвышенных пиров не надо мне,
Пусть черный ветер гонит по просторам
Свою тоску по золотом вине.
Когда-то он ложился тиховейно
К зеленым рощам, к резвому ключу...
Нет, не хочу я теплого глинтвейна
И ваших утешений не хочу!

Я с лопатой под полой
Вышел черным ходом:
Ни огней, ни мостовой –
Пыль по огородам!
Оступается ступня,
Полы разлетаются,
Руки зябнут, нет огня,
Голос засекается...
– Нет, закат еще в огне,
Ямку, ямку надо мне!
Уж я зо-ло-то хороню.

Еще, еще! кусты худые шепчут,
Залягье завивается смерчом,
Бесснежная земля железа крепче,
Я нажимаю ноющим плечом –
Нет, я ни в чем не клялся на мече!
В последний раз!.. Мой ржавый засапожник
Торчит в остановившемся смерче.

Хлещут розгами кусты,
Перепуганный пустырь,
Я худому пустырю
В ямку, в ямку говорю:
Уж я зо-ло-то хороню!

2-4 февраля 1928

6.
ЛЮБИТЕЛЬНОМУ ДРУГУ

С.С. Гадзяцкому

Я не с тобой одним на свете связан:
Со многими бродил я до зари,
Заветными мечтами засеваю
Ночные тротуары.
Но никто
Не знал, как ты, о чем живу я тайно.
Не зная – нас связует общий образ.
Мы понесем его не над собой,
А на себе, как носят крест нательный,
Своей рубашки ближе к телу.
Друг мой,
Прими мой труд: я жду твоих трудов.

10 марта 1927

7.

Кто современника, кто сверстника поймет?
Увы, безгласен ты, мой бедный современник!
В моих глухих стихах твой тяжкий дух поет,
О, времени родного пленник!

Я пленник времени – как сверстника понять? –
Я только певчий дух немого поколенья.
Как звонкой немотой расправить и связать
Твои растерянные звенья?

Но мускул напряжен: недаром смел хребет
Немого сверстника принять и взвесить бремя –
И кажется: вот-вот, прорвавшись сквозь запрет,
Войду в исправленное время.

И зреет медленный упругий поворот –
Но не в душе, а в том, что за душою...
На тонком волоске действительность растет,
Но этот волосок порвать не нам с тобою.

1 декабря 1926

8.

Борису Горнунгу

Rien n'est mort que ce qui n'existe pas encore
Guillaume Apollinaire

Растет и крепнет дуб – но первой кривизны
Не изменяют в нем ни годы, ни природа.
Мы крепнем и растем – но все искривлены
Исконной памятью тринадцатого года.

На будущее тень откинуть ищем мы,
Торопим мы стихом ленивую Аврору –
То тень былых утех, то тень былой тюрьмы –
Près du passé luisant demain est incolore.

А годы катятся, и видит зоркий глаз
В сегодняшней тоске былых столетий бремя.
В московских мостовых невидимо для нас
Растет предание и назревает время.

Прими же из моих сухих и чистых рук
Подземный урожай совместного посева.
Над грустью общею помедли, дальний друг,
Без сожаления и гнева.

10 марта 1927

9.

Падучая звезда прошла наш предел
Широкомедленным размахом.
Свое всегдашнее задумать я успел,
И озираюсь с тайным страхом.

Да, звезды прочные все так же держат ночь,
И нет ни ветра, ни порыва.
Ужели страсть моя умчалась с нею прочь,
С нечаянной, с неторопливой?

Теперь связался я с падучею звездой,
С серебряной струей небесной,
А вот она ушла – и унесла с собой
Мой мир привязчивый и тесный.

декабрь 1926

10.

Еще я не вышел в дорогу мою
И места не знаю на свете,
Еще хоть куда я могу повернуть
Мою неразменную силу —

А память уже настигает меня
И топит в отложенной воле,
Уже молодые встают из-за нас
И нашу кончину торопят.

И, лист несозревший на ветке тугой,
На ветке тугой и скрипучей,
Я слышу, как дерево сок бережет
Для нераспустившихся почек.

О, клейкая радость грядущей листвы,
Тебе ль позавидую в соке!
О, только бы во-время мне отлететь,
Достойным плодом набухая.

3-4 мая 1927

11.

Седеют ивы желтым,
Седеют клены красным,
А человек седеет
Пустым и очень нервным.

Есть временная старость —
Не хуже настоящей —
Когда надоедают
И отдых и работа.

И есть такие краски —
Их продают в аптеке —
Которые годятся
Для падающих листьев.

Да, временная юность
Из баночки стеклянной
Настраиивает нервы,
Как золотые струны.

Но как пойдешь в аптеку,
Как скажешь фармацевту,
Презрительному снобу
За красною конторкой?

1926

12.

Я стою в лесу и расту сосной,
И ветер лесной
играет со мной.
Я шишки роняю наземь свои,
И глухо в хвою ложаться они,
Пока смерть далека, пока лень ей.

Я семенем тонким в шишке лежал,
Я всех соседей по имени знал,
Мы жили в своем колене.

Та шишка сгнила сто лет назад,
Кругом соседи мои стоят,
И кто мне чужой? И кто мне брат?
Рассыпалось поколенье.

Но звон мой в небе гудит сосной,
И шишек много лежит подо мной,
Под черной хвоей имя поет,
Над семенем новая шишка гниет,
Черная шишка, прелая мать,
Больно и любо ей умирать.

Новое семя, певучий плод,
В старых сучьях ветер поет –
Ветер поет, ветер звенит,
Стволами гудит,
в ветвях шелестит,
В красных соснах песни и звон,
Звон родин, звон похорон,
Со всех сторон
Песенное
исступленье!

5 декабря 1928

13.

Иногда я кажусь себе ошибкой вкуса.
Взгляните в мой паспорт: столько-то лет,
Рост – средний, волосы – русые,
Особые приметы – поэт.

И приметой этой постоянно гонимый,
Я тащусь мимо счастья и спокойного труда,
Мимо собственной любви и судьбы своей мимо,
Спотыкаясь, оступаясь, неизвестно куда.

И завидую встречным, усатым и безусым,
С безупречным паспортом: столько-то лет,
Рост – средний, волосы – русые,
Особых примет – нет.

1926-1929

14.

Остался дома я. Закончен день.
Ушли знакомые. Ложится тень.
Перо покорное лежит в руке –
Дорогая торная моей тоске.

Как тихо в комнате. Спокойный свет.
Все думы прожиты. Спасенья нет.

Ушли знакомые. Ушли года.
Остался дома я. А то куда?
И тихо в комнате. И нет друзей.
Вы, стены, помните: вам много дней.

Перо послушное рождает стих –
Остатки скушные страстей моих.

1928?

15.

Все те же площади, все те же мостовые,
Все тот же первый снег. Довольно. Мы – живые.

Я знаю дрожь стиха, и слово для меня
Заменой времени выращивает годы.
Так вырывается, под пальцами звеня,
Бессмысленный тростник из омута природы.

И неестественный плывет кругами звук
Над мертвым озером, над млеющим болотом,
Из чутких позвонков, навстречу диким нотам
Мурашками бежит взлеянный испуг.

Да, это дрожь стиха – чужого духа роды.
То принялась любовь над телом ворожить,
То рифма просится: пусти меня в природу,
В стране возможного мне невозможно жить.

14 декабря 1928

16.

Эти строки, статья может,
Никого не потревожат.
Ночь январская нема,
На ключ заперты дома.

Этим строкам, может статья,
Вовсе не к кому стучаться.
День у всякого забит,
Ночью всякий крепко спит.

Нежный вечер, влажный вечер,
Фонари видны далече,
Снег играет голубой,
Ходят тени над Москвой.
Бог с тобой.

1927

17.

Брату

«В нас течет одна кровь, и в тебе и во мне»
«Джунгли»

Как трепетный свет догоревшей свечи
Перед самым концом во весь рост встает
И желтые топит во мрак лучи –
Так вспыхнул в нас умирающий род.

О, прочная завязь предков моих!
О, крепкие люди в двенадцать сынов!
Гущиной вашей крови гудит мой стих,
И звенит в ушах от ваших снов.

Мы с тобой не знаем, как въедлив труд,
Как сладок пот на упорном лбу,
В нас древние мышцы сами поют,
Мимо нас с тобой решают борьбу.

Мы книг не хотели много читать,
Мы с тобой не учились слово ковать –
В наших жилах древняя кровь течет,
Все знает, все помнит, сама поет.

Что делать мне от себя самого?
Во что мне влить драгоценную кровь?

Мы здесь не хотим и не ждем ничего –
Поверх человека наша любовь.

12 марта 1927

* * *

От гулких площадей все шире и все выше
Протягивалась ночь, охватывала крыши.

Конторы и склады закрыты на засов.
В автобусах простор. Все дома. Шесть часов.
Еще в театрах пыль и дремлющие стулья.
Всем ехать некуда. Квартиры – словно улы.

Усталый тротуар разлегся отдыхать
И ждет семи часов. С семи пойдут опять.
Мутнела улица в предчувствии огней,
Густели сумерки вдоль длинных фонарей,
Сухого вечера неслышное контральто
Вздымалось к небесам от жесткого асфальта.

Сейчас... еще сейчас... О, этот городской,
О, этот мощный миг, когда над мостовой,
Над злыми верстами бестрепетных панелей,
Над нумерацией изъезженных ущелий,
Над шелестящею рекой копыт и шин,
Над мягким стрекотом мистических машин,
Между обрывами – серьезными домами,
Текущей улицы немymi берегами,
Над чувственной волной желаний и людей
Зажжется звучный свет высоких фонарей:
И вспыхнул голубой! И грянули витрины!

.....

И в этот звонкий миг, бесшумна и чужда,
Над городом зажглась вечерняя звезда.
Я не видал ее. Трамваи, пары, шины,
Сияющий асфальт прозрачен и остер.

Что небо? Знаю, там космический монтер
Ждал наших фонарей, как огневой печати,
Как знака повернуть небесный выключатель.

14 декабря 1928

В своих письмах 1996 г. к одному из редакторов настоящего сборника М.Л. Гаспаров непременно включал одно-два стихотворения Александра Ромма, а после прислал весь сборник «Стихотворения 1926-1929 гг.» с припиской: «Посылаю Вам стихотворения Александра Ромма. Когда у Вас появится возможность, обязательно их напечатайте». А в другом месте, на форзаце книги «Понятие судьбы в контексте разных культур» (М.: «Наука», 1994), где им было опубликовано «Письмо о судьбе Александра Ромма», надписал:

привет со стр. 215:
Вы хотели знать эту
публикацию de visu.

А.И. Ромм для меня – вроде родственника, погибшего на войне.

М.Г.

Х • 95

К счастью, М.Л. успел сам напечатать сборник А. Ромма в филологическом интернет-журнале “Toronto Slavic Quarterly”. Здесь исправлены изъяны (немногочисленные) машинописи, которую переслал М.Л. Мы благодарны редактору Захару Давыдову (Торонто) за разрешение воспользоваться текстом публикации из редактируемого им TSQ.

Наша отдельная признательность – Алевтине Михайловне Зотовой за разрешение на публикацию работы М.Л. Гаспарова.

«... ИЗ ЭТОГО НИЧЕГО, КРОМЕ РЫБЬЕГО ХВОСТА, И НЕ МОГЛО ПОЛУЧИТЬСЯ»

Разговор З.Н. Гиппиус и П.П. Сувчинского

Роберт Хьюз

В 1926 г. и начале 1927 г. обсуждение идеологии евразийства и увлечения им не только группы интеллектуалов, которые по мнению многих продолжали жить в «башне из слоновой кости», но и молодого поколения эмигрантов, достигло точки кипения. Споры вокруг движения бурлили в эмигрантском обществе в 1920-е гг., и евразийство получило некоторое признание в связи с публикацией ряда сборников статей в Берлине и выхода там в 1925 г. книги кн. Н.С. Трубецкого «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», а в 1927 г. в Париже его же сборника «К проблеме русского самосознания», который составили четыре самых острых его статьи. К середине 1920-х гг. центр деятельности движения переместился в Париж. Определенным знаком этого был переезд туда из Берлина П.П. Сувчинского, хотя интеллектуальные «тяжеловесы» евразийства, Трубецкой и П.Н. Савицкий оставались, соответственно, в Вене и Праге¹.

Несмотря на то, что они сами находились в эмиграции, евразийцы фактически не принимали идею эмигрантского «исхода на Запад» и считали, что можно найти «светлое будущее» только на Востоке (ср. их манифест 1921, «Исход к Востоку»), т.е., если выбора нет, то и в советской России. Отсюда происходило их яростное антизападничество, полное отрицание всего того, что в России восходило к западным традициям – уже в 1920 г. Трубецкой написал, что европеизация есть «кошмар». Для них Россия была особым миром, в смысле историческом и религиозном, в географии и культуре, отсюда – Евразия. Они колебались между отвержением большевизма и признанием его как явления политически полезного, фактически как необходимого шага для дальнейшего процветания России.

Особенно интересна была полемика по вопросам религии на страницах парижского журнала «Путь». Его главный редактор Н.А. Бердяев покинул Берлин и поселился в Париже в 1924 г. В первом номере журнала он предупреждал о задатках фашизма в евразийстве и об отсутствии в этой идеологии «духовной свободы». В том же номере Г.Н. Трубецкой (дядя Н.С. Трубецкого) ставил под вопрос утвержде-

ние евразийством аналогий между католичеством и большевизмом. Ответ на это обвинение – аналогия была исключительно исторической, а не религиозной – появился в следующем номере «Пути» и был подписан Сувчинским, Савицким, Н.С. Трубецким, Л.П. Карсавиным, Г.В.Флоровским, В.И. Ильиным (все были «ближайшими сорудниками» журнала). В отдельной статье Карсавин отвергал обвинения Бердяева, утверждая, что евразийская точка зрения на Православие была в действительности универсальной и что его оппонент понимал понятие универсализма с позиции «европоцентризма».

В ноябре 1926 г. в Париже начал работу Евразийский семинар, который привлек большую аудиторию политически мыслящих парижан, в особенности молодых и разочарованных в политическом дроблении эмигрантского общества². Семинар считался школой для выучки «нового поколения» из людей разных возрастов и разных направлений. Карсавин (которого несимпатизирующие движению величали «верховный зодчий» евразийства) специально приехал из Берлина произнести вступительное слово и прочесть ряд лекций: «Историософская концепция евразийства», «Историософская концепция евразийства и понимание революции», «Проблема православной догматики». В декабре были также прочитаны лекции В.П. Никитина на тему «Культура Ирана»; в январе 1927 г. – доклады проф. Н.Н. Алексева под общим названием «На путях к будущей России» («Советский строй и его политические возможности», «Политический идеал русского народа»)³. Во второй половине января проф. Б.П. Вышеславцевым был прочитан цикл лекций «Культура, политика и право» (первая – со вступительным словом Карсавина). 7 февраля состоялась лекция проф. Г.П. Федотова «К вопросу о культуре Древней Руси».

Несмотря на интеллектуальный уровень таких докладчиков, привлекательность евразийства беспокоила более консервативный круг П.Б. Струве, эсеров (редакция журнала «Современные записки»), и умеренных либералов (круг П.Н. Милюкова). Для некоторых из них идеология евразийства представлялась русской версией итальянского фашизма. Даже крайне правые монархисты, в том числе «марковцы», т.е. наиболее склонные к фашизму и, казалось бы, близкие к евразийству, находились в резкой оппозиции. Понятно, что идеи евразийцев и предполагаемая ими поддержка большевистского режима в Советской России были абсолютно неприемлемы для всех этих направлений.

Споры достигли своего апогея с выходом нового журнала «Версты» под редакцией кн. Д.П. Святополка-Мирского, Сувчинского и С.Я Эфрона. Хотя это издание и не появилось под маркой евразийцев, многие из авторов «Верст» разделяли их социо-политические и историософ-

ские взгляды. Первый выпуск журнала, вышедший в Париже в июле 1926 г., сразу вызвал бурю негодования в эмигрантской печати из-за своей якобы просоветской ориентации. Примерно две трети отдела поэзии и прозы занимала перепечатка произведений советских писателей, а эмиграция была представлена только почетными редакторами: М.И. Цветаевой, А.М. Ремизовым и Л. Шестовым. Эмигрантская критика и публицистика – с весьма «евразийским» уклоном – были представлены статьями А.С. Лурье о Стравинском, кн. Трубецкого об Афанасии Никитине, и эссе Федотова «Три столицы» (под псевдонимом Е. Богданов). Особенно одиозны для большинства эмигрантов были критические работы Мирского (статья «Поэты и Россия», а также беспощадный разбор журнала «Современные записки») и Сувчинского («Два ренессанса. 1890–1900-е и 1920-е годы»). За этим следовали рецензии, написанные Мирским и «евразийской молодежью», и перепечатка нашумевших «Откликов русских писателей на резолюцию XIII съезда РКП». Том завершался так называемым парижским списком «Жития протопопа Аввакума», подготовленным к печати Ремизовым и вдохновленным Сувчинским.

Первые враждебные отзывы появились мгновенно⁴. Сначала высказался И.А. Бунин, комментарии которого звучали авторитетно для консервативного большинства. Одним из первых он поднял вопрос закулисных влияний, а возможно и финансирования «Верст»: издание – «это смесь сменовеховства и евразийства, это превознесение до небес “новой” русской литературы... рядом с охаиванием всей “старой”, просто уже осточертело»⁵. Следом вступила в битву Гиппиус и тоже отвергла редакторские стремления к перепечаткам советских писателей и очернению эмигрантов. Самая яростная ее атака была направлена против «Откликов русских писателей на резолюцию»: «... документ надо читать, твердо помня, что такое искусство и художественное творчество. Тогда мы освеженно поймем, что подчинение искусства внешней, партийно-государственной власти – есть абсурд, но что абсурд этот, в современной советской России, – реальность». В конце рецензии она утверждала, что журнал «серьезного значения не имеет»⁶. Отзыв В.Ф. Ходасевича, смягченный редакторами и с купюрами, появился на страницах последнего номера «Современных записок» за 1926 г.⁷ Он подчеркивал евразийские корни участников «Верст», выделяя позицию Мирского и Сувчинского как крайне левую, с их неизбежным принятием большевистской революции и ее дальнейшей эволюции. Глубочайшее презрение вызвали у него отклики на резолюцию, «насиленно вырванные у забитых писателей». Группа «Верст» и ее руководитель, «наш рабоче-крестьянский князь», замечал Ходасевич, «стоят не “лицом к России”, а лицом к ее мучите-

лям. Когда кн. Святополк-Мирский по какому-то жуткому закону наследственности уверяет, что в Советской России настала “весна”, – он заманивает в застенки».

Эта формулировка была подхвачена Гиппиус в ее рецензии на номер «Современных записок», в котором была напечатана статья Ходасевича: «... отмечу, прежде всего, убийственную отповедь “Верстам” – В. Ходасевича. О “Верстах” писали много, – слишком, кажется, много. После заключительного слова Ходасевича говорить о них больше нечего»⁸. Однако в состоянии крайнего раздражения Гиппиус не могла остановиться. Вполне вероятно, что она была вдохновителем еще одной статьи о «Верстах», подписанной Вл. Злобиным, и это был самый резкий документ во всей полемике. Статья появилась в первом номере парижского «Нового дома», журнала новой литературной группы, и выдвинула целый ряд обвинений, в том числе, приспособление к Советам и разложение эмиграции. Ремизов обвинялся в советской лексике и некрофилии (за его обращение к Розанову), Цветаева – в имморализме, Мирский – в патологических дефектах, а декларации Сувчинского о новом ренессансе в Советском Союзе противопоставлялись примеры чрезвычайного разврата и хулиганства. Все предприятие было названо «постыдным делом»⁹. Два следующих номера «Верст» (1927 г. и 1928 г.) эмигрантская пресса обошла почти полным молчанием.

Растущая популярность евразийства волновала оппонентов движения в разных эмигрантских кругах. В этом контексте, два выступления П.Н. Милюкова, главы Республиканско-демократического объединения и редактора парижской газеты «Последние новости», были особенно знаменательны (и они вызвали моментальный отклик Гиппиус). 10 и 14 января 1927 г. Милюков выступил в Праге с обстоятельными докладами о евразийстве, вызвавшими оживленную и продолжительную дискуссию, в которой главным его оппонентом был Савицкий. Однако, там же евразийцы объявили, что далее участвовать в прениях они не собираются и, большей частью, просто молчали.

5 февраля в Париже – перед переполненной аудиторией – Милюков объединил и значительно развил оба доклада, читанные им в Праге. Он верно указал на психологические источники теорий евразийства и на связь с разными течениями эмиграции: «Каждый может найти у евразийцев, чего хочет: кто хочет, – православие; кто хочет, – национализм; кто хочет, – критику белого движения; кто хочет, – соглашательство и оправдание большевизма; кто хочет, – реализм в понимании настоящего; кто хочет, – националистические утопии в построениях будущего». Далее, он обвинил евразийцев в том, что хотя они приняли многое из установок его политической партии (РДО), но все же

«перегибают палку в другую сторону», переходя от «понимания» к «оправданию деятельности большевиков»¹⁰.

Милюков оспаривал географические теории Савицкого о своеобразии климатических полос и степной культуры Евразии, не принимал идей евразийцев о самобытности русской культуры и об отделении русского Православия от остального христианства и сближении его с религиями Востока. Он также настаивал на том, что история России развивается в общеевропейских направлениях, хотя и имеет некоторое своеобразие. И, наконец, последнее его положение: евразийцам свойственна реабилитация большевизма как системы.

12 февраля состоялись оживленные прения по докладу Милюкова, тезисы которого повторялись перед выступлениями Вышеславцева, Карсавина, и К.Б. Родзевича (как будто представляющего молодежь). Выступления Г.Д. Гурвича и М.В. Вишняка поддерживали тезисы Милюкова; а национал-большевик кн. Ю.А. Ширинский-Шихматов заявил, что его течение сходится с евразийством и его лозунг – «национальное углубление революции». Прения окончились заключительным словом Милюкова – и выпуском вонючего снаряда «марковскими молодцами»¹¹.

Гиппиус присутствовала, по крайней мере, на прениях и вскоре опубликовала страстную статью в поддержку Милюкова¹², сожалела только, что он «не подверг исследованию *иррациональную* сторону евразийства», и вот именно об этой стороне она и писала, развивая далее его тезисы. Гиппиус утверждала, что в евразийстве отсутствует центральная идея, вместо которой эта идеология представляет набор соблазнительных отдельных «положений», – которые просто отвечают современным «настроениям» – и рассматривают себя как более совершенную систему, чем «сегодняшняя власть в России» (с которой эта идеология перекликается во многих отношениях), и более подходящую для специфически русских условий. Гиппиус сожалела о ненависти евразийцев к Европе и опасалась «разукрашенной церкви» и установления «православного интернационала». В заключение она писала «Пусть побольше болтают <евразийцы> о своем “утопо-реализме” и действительности. Чем громче они кричат – тем вернее надежда, что наша родина проснется от коммунистического кошмара *свободной Россией*, а не *рабской Евразией*».

Горячая полемика вокруг евразийства (правда, главным образом в «перегретом» мире эмигрантов-интеллектуалов), с повторением тех же самых утверждений, продолжилась и весной 1927 г., до встречи и разговора Гиппиус с Сувчинским, запись которого публикуется ниже. Нельзя забывать, что это был период исключительно напряженных дипломатических отношений между Советской Россией и некоторы-

ми европейскими странами, особенно Англией. Такое положение дел глубоко волновало Сувчинского, для кого «революция» была священна, и он серьезно опасался падения нового порядка, установленного в 1917 г.

Между февралем и августом 1924 г. лейбористскому правительству Великобритании, только что пришедшему к власти, удалось добиться признания молодой советской республики главными европейскими государствами. Однако это правительство пало после появления в печати пресловутого письма Зиновьева (как известно, оказавшегося фальшивкой). Считается, что именно из-за этой публикации на выборах одержали победу консерваторы, и, как результат, подписанные 8 августа общий и торговый договоры между СССР и новым правительством Великобритании не были ратифицированы. При этом консерваторы не решились отказаться от дипломатического признания Советской России. В течение 1925-1926 гг. выдвигались также обвинения в советском влиянии на рабочее движение и вмешательстве в развитие профсоюзов в Англии. В феврале 1927 г. английское правительство обвинило Советский Союз в нарушении англо-советского торгового соглашения 1921 г., а 26 мая 1927 г. английское правительство объявило о разрыве дипломатических и торговых сношений с СССР.

Такова политическая подоплека – в крайне упрощенном виде – побликуемого здесь диалога Гиппиус с Сувчинским.

* * *

В действительности, граф Петр Петрович Сувчинский (Шеллига-Сувчинский, 1892–1985) мог бы считаться родившимся с «серебряной ложкой» во рту. Сын потомственного польского дворянина, председателя правления русского товарищества «Нефть», Сувчинский учился в Тенишевском училище и Петербургском университете. Он рано стал искусным и деятельным музыкантом, организатором и меценатом разных музыкальных предприятий в столице, а в 1918-1919 гг. жил под Киевом (где у его семьи были большие земельные владения), часто наезжая в Петроград для участия в культурной жизни. Мережковские и Сувчинский вращались в одних и тех же артистических кругах Петербурга еще до войны и революционных лет. Осенью 1919 г. Сувчинский эмигрировал. С 1920 г. он жил сперва в Софии (где впервые познакомился с идеями евразийцев), потом кратковременно в Берлине, а с середины 1925 г. поселился в Париже. Мережковские покинули Петроград в конце 1919 г., а с октября 1920 г. жили в Париже, где у них была собственная квартира, которая в скором времени превратилась в один из основных интеллектуальных центров эмиграции.

В 1920-е годы Сувчинский был одним из наиболее активных участников евразийского движения. Несмотря на то, что он не был профессионалом в тех областях где его сподвижники были экспертами – в культурологии, литературоведении и исторической лингвистике (Трубецкой), географии (Савицкий), истории религии и Православия (Карсавин, Флоровский, Карташев), истории (Г.В. Вернадский) и «россиеведении», – он был их преданным спутником и пропагандистом и, хотя бы частично, субсидировал несколько изданий евразийцев. Сувчинский основал в Софии Болгарско-Российское книгоиздательство, которое издало в 1920 г. основополагающий документ евразийства, книгу Трубецкого «Европа и человечество», а в 1921-м первый сборник евразийских статей «Исход к Востоку». Он также был одним из основателей серии евразийских публикаций и участником сборников, вышедших в Берлине в 1922-25 гг. («На путях. Утверждение Евразийцев», «Россия и латинство», трех берлинских номеров «Евразийского временника» и четвертого выпуска, изданного в Париже в 1925)¹³. Ко времени встречи с Гиппиус его приверженность к евразийству не ослабела, хотя в самом движении уже начался разлад.

Его авторитетные и влиятельные соратники, или просто симпатизирующие, как Бердяев и Карташев отошли от движения после того, как евразийцы стали заявлять о поддержке революции как народной и национальной. В начале 1928 г. в 34 книге «Современных записок» Флоровский опубликовал статью «Евразийский соблазн», в которой отказался от своих прежних убеждений.

Следует заметить, что на протяжении 1920-х гг. Сувчинский не раз выражал желание вернуться в Советский Союз, что он подтверждает и в разговоре с Гиппиус. Вернуться он хотел в надежде, что сможет работать при новом строе и – главное – распространять там евразийские идеи. Так, в 1922 г. он советовался с Ремизовым по поводу приглашения, полученного от его друга Б.Л. Яворского (Председателя музыкальной секции и члена ученого совета Наркомпроса РСФСР), на работу в Москве: «В такие смутные <революционные> годы – культура делается сама, без помощи человеческой, а все, что стараются насадить и развить люди, – носит характер временный, дон-кихотский и просто ненужный. Но с другой – Россия влечет к себе помимо всего»¹⁴. Обсуждал он это приглашение и в своей переписке с С.С. Прокофьевым¹⁵. О том, что Сувчинский не переставал думать о жизни и работе в России свидетельствует и его в некотором смысле секретная поездка вместе с Мирским к Максиму Горькому в Сорренто в январе 1928 г., которую он рассматривал, вероятно, как шаг к получению советского гражданства и к возвращению в СССР¹⁶. В конце концов, ему отказали, и – в отличие от других редакторов «Верст», Мирского и С.Я. Эфрона, – он не вернулся – и не погиб.

Создается впечатление, что Сувчинский искренне сожалеет, что Гиппиус и ее современники, процветавшие на рубеже двух веков в Серебряном веке, теперь в 1920-х гг., совершенно отстраняются от идей евразийства: «... ведь мы, если не сыновья ваши, то в некотором роде племянники...». Примерно то же самое он высказал довольно уверенно, хотя и несколько путанно в эссе «Два Ренессанса», написанном для первого номера «Верст». Эта статья, среди прочего, дала повод к часто повторяемому обвинению евразийства в антисемитизме, что было вызвано упоминанием «инородческого засилия, которое в нашу пору так всех удивляет»¹⁷ (защиту от этого обвинения в разговоре с Гиппиус можно предположить в призыве Сувчинского к «сверх-национализму»). Это его высказывание было поднято на щит в полемике, разгоревшейся в эмигрантской прессе после слов Ходасевича (едва ли заслуженных) в его рецензии на первый номер «Верст»: «Сувчинский <...> ожидает, что “тяга к национальному делу” выльется у нее <революции> в славный еврейский погром»¹⁸. Обвинение в антисемитизме было подхвачено в прениях по выступлениям Милюкова и вызвало целую серию «писем в редакцию»¹⁹.

Текст печатается по беловому автографу записи разговора, обозначенной Гиппиус как «отрывки», «приблизительно, для памяти», между ней и Сувчинским, имевшего место 3 июня 1927 г. Их встреча, скорее всего, состоялась в Париже, но могла быть записана, как «припоминаемая в состоянии покоя», спустя несколько дней после состоявшегося разговора и традиционного ежегодного отъезда Мережковских на юг Франции. В тот год они уехали из Парижа в середине июня и обосновались на все лето в Villa Tranquille, Le Cannet, A.M.

Маленькая тетрадь с рукописью Гиппиус входит в состав ее архива, находящегося в Amherst Center for Russian Culture, Zinaida Gippius and Dmitrij Merezhkovsky Papers, Box 3, Folder № 99.

Что говорил Сувчинский

Молодой, грузный, розовый. Тяжеловато-быстрые жесты. Монологист (стиль Бердяева). Я сразу сказала, что не хочу спорить, а только буду слушать. «Возможно, что я чего-нибудь не понимаю, недостаточно знаю, и поэтому ошибаюсь». Хотя он, как будто, и выразил сначала недовольство «монологом», но тотчас охотно на него пошел.

Я сказала еще, что хотела бы услышать то, от чего ни один евразийец не откажется (ибо разные часто говорят разное) то, в чем они наверно все согласны и за что одинаково отвечают.

Вот отрывки монолога, иногда прерываемого моими краткими вопросами. (Беру суть. Не отвечаю за дословность.)

«Нам очень жаль, что вы против нас. Ведь мы, если не сыновья ваши, то в некотором роде племянники....

... мы идем за фактами. В России происходит неудержимый рост. Оттуда мы получаем указания и требования поддержки именно в таком направлении. Я, например, никогда раньше и не думал о политике. Мы вынуждены к этому самой жизнью...».

Я. Вы, кажется, хотите оставить весь аппарат данной власти в неприкосновенности?

«Но разве возможно что-нибудь другое? Кого можно смещать, что разрушать? Неужели вы думаете, что там только пустыня или кучка насильников и что нужно все выдвинувшиеся слои...».

Я (прерывая). Мне кажется, что так – теперь уже никто не ставит вопроса, никто не думает о каких-то коренных разгромах и выгонах. Мой вопрос касался самого государственного аппарата. Но продолжайте.

«Революция совершилась, совершается, и это надо принять. Сколько бы ни кричал Бунин, он факта не изменит. Но для нас и вы, как Бунин. Надо видеть приезжающих оттуда, надо понять, чем они теперь живут. Вы думаете, я ничего не потерял от революции? Я очень много потерял... И сам когда-то кричал против большевиков...».

Я (замечаю) – Но ведь мы сейчас не ведем разговора о «серебряных ложках». Будем лучше говорить принципиально.

«... Перемены громадные. Новые люди, которые, может быть, и не знают, какие мерзости у нас до революции делались, воспитаны в партийной дисциплине. Они уже дошли до понятия России, до чего раньше и не могли дойти...».

Я – Мне не совсем понятно, каким образом воспитание «интернациональное» может привести к вашим национальным идеям...

«Но у нас вовсе не национализм! У нас, если хотите, сверх-национализм! Россия не понимается, как государство, а как *край*. В этом смысле она будет когда-нибудь очагом, источником оздоровления Европы. Именно как край она потенциально может включать и

Сербию и Болгарию, и вообще трудно указать ее границы. Так понимаемая Россия и живет теперь в новых русских людях. Вы знаете, в советском университете есть даже кафедра евразийства, и многие коммунисты называют себя евразийцами».

Я – Судя по этому, у вас отношения с большевиками более или менее дружественные?

«Дружественные! Да они нас считают своими самыми главными врагами! Сколько наших людей там погибает! Конечно, если бы *эти* большевики могли измениться, пустить, например, меня в Россию, я бы поехал туда работать. Или если бы они добровольно взяли да ушли. Но ведь они этого не сделают».

Я – Вы говорите, конечно, о «головке», которую хотите сменить, и, естественно, надеетесь сменить.

«Да! если б только не срывали нашу революцию – то эта монархическая сволочь, то умирающая Европа! Если б революцию не срывали, то через десять, двадцать лет – какая бы была Россия! А ведь, посмотрите, вот этот разрыв с Англией! *Какой кошмар!* Ведь если из этого будут какие-нибудь последствия – Россия умрет, а не сдастся. Красные командиры на Урал уйдут... Ведь мы тогда будем с ними, за Россию, – и с большевиками, конечно. А Струве ржет от удовольствия, глядя на Англию!».

Я – Но вы не можете-же отнять ни у какой страны права защищать себя...

«Я думаю о России. И какая эта защита! Коммунизм поставил проблемы; в нем все проблемы: власти, труда, капитала... Другое дело, как он их разрешает...».

Я – Но ведь эти проблемы стоят перед всем миром. И если вы говорите, что коммунизм не разрешает их удовлетворительно...

«Нет, только в коммунизме они поставлены действительно... Как плохо он их ни разрешил, мы видим факт роста новой России; поднимаются новые слои с совершенно новым отношением к жизни. И не европейским. Скажите, ведь не думаете же вы серьезно, что в России возможно ну вот какая-нибудь “демократия” по европейскому образцу? Ведь ясно-же, что она невозможна...».

... Вы сказали “понятие свободы”. Но неограниченная ничем свобода...».

Я – Это слишком ясно. Не будем на неограниченной останавливаться.

«А раз ограниченная – значит, все дело в том “во имя чего” она ограничивается. Это дело государства – поставить такое “во имя”».

Я – Но ведь также думают и коммунисты. Они ставят свое «во имя» – и оно не всем нравится. И другое, ваше (какое?) тоже могут принять не все.

«Мы идем за фактами. “Во имя”, принимаемое *большинством* – есть фактически настоящее “во имя”. Парламентаризм? Нет, это другой принцип... А кроме того, свободы, как отвлеченного понятия, не существует. Его люди просто выдумали. Мне понятна конкретная свобода или не свобода. Я хочу перейти парижскую улицу. Я не могу этого сделать. Я несвободен.

Монархисты, которые сплошь кричат против большевиков и все время срывают революцию, эта эмигрантская сволочь...».

Я – Монархистов, пожалуй, можно бы скинуть со счета...

«А кто-же тогда останется? Уж не Милюков-ли? Он не существует. Не существуют, уже давно, и эс-эры. С этим вы должны согласиться. В России все это давно скинуто со всех счетов. Мы имеем очень тесные связи с Россией, постоянный контакт. Если бы вы видели хоть тех, которые оттуда постоянно приезжают, вы бы убедились, что это действительно *новые* люди. Правда, в некоторых отношениях они еще невежды, или додумываются своим умом. Эмиграция, со своими криками, что большевики не дали ничего хорошего, просто не видит реальность. Или Европа, кошмарно срывающая революцию, доказывающая отраву большевизма».

Я (осторожно) – Тут, однако, есть правда. Эмиграция не совсем напрасно считает большевиков отравителями России. Они отравители не только тела, но и духа ее. Что еще гораздо важнее.

«Так что-же, так что-же, допустим, вот лежит отравленный человек, что-же я должен делать?»

Я – Удалить отравителя, прежде всего...

«Не уйду-же я (не слушая) от отравленного, я лучше умру с ним...».

(Тут мне надоело, и, хотя я уж поняла, что православие, церковь и т.д. для *этого* евразийца не его специальность, мне все-таки хотелось еще допросить его и с этой стороны.)

Я – А какое-же, скажите, у новых людей России, отношение к религии?

«Разное. Один мне говорил: мы можем дойти до понятия Бога вообще. И только. Для других уже самое понятие России – есть религиозное понятие».

Я – мне казалось, что для вас, в общей схеме, Пр<авославная> Церковь играет очень важную роль, как фактор...

(Кажется, он согласился, но как-то без достаточной ясности. И все тут потеряло ясность, по крайней мере я не помню, каким образом мы подошли к моей фразе: для христианина в иерархии ценностей Россия не может стоять на первом месте. Для него, кроме того, б<ольшевки>, прежде всего, анти-христиане, и никакого примирения с ними, даже ради России, быть не может. При выборе Христос или Россия – конечно, пусть погибает Россия...

Ненависть, общая и частная, у С<увчинского> к эмиграции, очень ярка. Более презрительная, чем ненавистническая. Мельгунов только «потрясает манжетами» и вообще «поврежденный», о Милюкове и говорить нечего, Карташев – «свихнувшийся», монархисты – кошмар, а когда я заметила, что, вот, Е.Д. Кускова со многими из высказанных положений должна быть согласна, – ответ был такой: да, мы с Е.Д. часто дружески рассуждали. Но она так увлечена Чехо-Словацкой республикой; и наивно мечтает как бы нечто подобное устроилось в России...

Выходило, впрочем, что с Бердяевым С<увчинский> дружит. Я заинтересовалась, есть-ли у них, и какие, все-таки разногласия. Оказалось – только в вопросе о государственности; тут их главные споры. Бердяев, как будто, менее «государственен», более «анархичен», нежели евразийцы. В остальном они сходятся.)

Разговор кончился *en queue de poisson*, и не без моего к этому намерения. По дороге к дому я уже определенно говорила о пустяках. Да и он, кажется, увидел, что из этого ничего, кроме рыбьего хвоста, и не могло получиться.

Я написала все слишком честно, т.е. слишком сухо. Без «атмосферы» и без «впечатления».

И выводов моих записывать здесь не буду.

Не скрою, впрочем, что эти два часа я провела не без пользы для себя.

п р и м е ч а н и я

- ¹ О евразийстве и его главных тезисах и деятелях см. обстоятельную статью: С.М. Половинкин. «Евразийство и русская эмиграция». Н.С. Трубецкой. *История. Культура. Язык*. М., 1995. С. 731-762.
- ² Всего несколько месяцев до этого, другое политическое событие в Париже выявило острые разногласия среди эмигрантов. 16 марта известная публицистка и общественно-политический деятель Е.Д. Кускова, приехавшая из Праги, выступила перед переполненной аудиторией с докладом «Сдвиги в России и в эмиграции (Психология и действительность)», в котором она призывала эмиграцию «легализовать Четвертый фронт» в «Последних новостях» от 18 марта (№ 1821), а сам доклад и начало прений опубликованы там же на с. 2-3. Продолжение прений по докладу см. в «Последних новостях» от 31 марта (№ 1824). Весной 1925 г. был основан «Союз возвращения на родину», который часто обсуждался на страницах эмигрантской периодики. В письме к М.М. Карповичу от 7 апреля 1926 В.Ф. Ходасевич, считавший Кускову «жертвой большевицкой интриги», писал по поводу ее выступления: «Возвращенчество задумано в ГПУ, и я знал о нем раньше, чем началась обработка Пешехонова, Кусковой и других. Знал даже, что именно их будут обрабатывать. Я здесь говорил об этом с эсерами, называл имя главной провокаторши — не верят. Я плюнул, ибо не хотая верить, боялся, что придется «разочаровываться в людях». А я знаю все от нее самой, слышал еще в конце 1924 года» (Владислав Ходасевич. *Собрание сочинений: В четырех томах*. Т. 4. М., 1999. С. 497-500). «Провокаторша», по мнению Ходасевича — Е.П. Пешкова.
- ³ Алексеев, профессор-правовед, участник Добровольческой армии, к середине 20-х годов примкнул к евразийству; см., в частности: Н.Н. Алексеев. *На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)*. Берлин, 1927; рец. см: Г.Д. Гурвич. «Желтый маскарад (политическая доктрина евразийства)». *Последние новости*. № 2197 (27 марта 1927). С. 3-4.
- ⁴ Обзор этих отзывов и реакции на них от редакторов «Верст» см. в нашей публикации: «... с Вами беда — не перевести». Письма Д.П. Святополка-Мирского к А.М. Ремизову. 1922–1929. *Диаспора V. Новые материалы*. Париж; Санкт-Петербург, 2003. С. 335-401.
- ⁵ И.А. Бунин. «Версты». *Возрождение*. № 429 (5 августа 1926). С. 3; перепеч.: И.А. Бунин. *Публицистика 1918–1953 гг.* М., 2000. С. 218-221. О связи евразийского движения с советским «Трестом» см., в частности, письмо Трубецкого от 9 октября 1925 г.: Н.С. Трубецкой. *Письма к П.П. Сувчинскому: 1921-1928*. М., 2008. С. 128-129. О деятельности этой конспиративной организации см.: Лазарь Флейшман. *В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать*. М., 2003.
- ⁶ Антон Крайний. «О “Верстах” и о прочем». *Последние новости*. № 1970 (14 августа 1926). С. 2-3; перепеч.: З.Н. Гиппиус. *Чего не было и что было. Незвестная проза 1926–1930 годов*. СПб., 2002. С. 161-172. Гиппиус не дождалась приглашения опубликовать эту статью в «Звене», так как редакторы опасались ее чрезвычайной резкости, и журнал напечатал более мягкую в политических вопросах рецензию: Г. Адамович. «Литературные беседы». *Звено*. № 186 (22 августа 1926). С. 1-2; перепеч.: Георгий Адамович. *Литературные беседы*. Т. 2. СПб., 1998. С. 54-60.

- ⁷ Вл. Ходасевич. «О "Верстах"». *Современные записки*. Кн. 29 (1926). С. 433-441; перепеч.: Владислав Ходасевич. *Собрание сочинений*. Т. 2. Ann Arbor, 1990. С. 408-417, 544-549. Протест и опровержения со стороны редакции «Верст» и их автора А. Лурье см. в письмах в редакцию в следующем номере журнала: *Современные записки*. Кн. 30 (1927). С. 599-600.
- ⁸ Антон Крайний. "Современные записки". Кн. XXIX». *Последние новости*. № 2059 (11 ноября 1926). С. 3; перепеч.: З.Н. Гиппиус. *Чего не было и что было*. С. 226-233.
- ⁹ Вл. Злобин. «Версты». *Новый дом*. № 1 (1926). С. 35-37.
- ¹⁰ *Последние новости*. № 2148 (8 февраля 1927). С. 3.
- ¹¹ *Последние новости*. № 2154 (14 февраля 1927). С. 2-3. Ср.: «Выступление П.Н. Милюкова против евразийцев (изложение). Его обсуждение». *Евразийская хроника*. Вып. 7. Париж, 1927. С. 23.
- ¹² З.Н. Гиппиус. «Второй кошмар». *Последние новости*. № 2170 (2 марта 1927). С. 2; перепеч.: З.Н. Гиппиус. *Чего не было и что было*. С. 285-291.
- ¹³ Наиболее полный список публикаций евразийского движения см. работу: О.В. Манихин. «Евразийство. Предчувствия и свершения». *Советская библиография*. № 1 (1991). С. 78-86.
- ¹⁴ См. нашу публикацию: «Из писем П.П. Сувчинского к А.М. Ремизову 1920-х годов». *На рубеже двух столетий. Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова*. М., 2009. С. 763.
- ¹⁵ *Петр Сувчинский и его время*. М., 1999. С. 74-75.
- ¹⁶ Н.Н. Примочкина. «М. Горький и "левые евразийцы"». *Известия АН. Серия литературы и языка*. Т. 60 (№ 2. 2001). С. 17-32; Н.Н. Примочкина. *Горький и писатели русского зарубежья*. М., 2003. С. 247 и след.
- ¹⁷ *Версты*. № 1 (1926). С. 136-142; *Петр Сувчинский и его время*. С. 214-219.
- ¹⁸ См. прим. 7.
- ¹⁹ См., в частности: М.В. Вишняк. «Евразийство и антисемитизм (Письмо в редакцию)». *Последние новости*. № 2159 (19 февраля 1927). С. 3. См. ответ на него евразийцев и отклик оппонента: А.П. Карсавин, П.П. Сувчинский, М.В. Вишняк. «Евразийство и антисемитизм (Письма в редакцию)». *Последние новости*. № 2177 (9 марта 1927). С. 2-3.

СТИХОВЕДЕНИЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО МЕЖДУ АНТРОПОСОФИЕЙ И СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ*

М.Л. Спивак, М.П. Одесский

По свидетельству В.Ф. Ходасевича, Андрей Белый уподобил свое стиховедческое открытие открытиям Архимеда:

Летом 1908 года, когда я жил под Москвой, он позвонил мне по телефону, крича со смехом:

– Если свободны, скорей приезжайте в город. Я сам приехал сегодня утром. Я сделал открытие! Ей-Богу, настоящее открытие, вроде Архимеда!¹

На рубеже двух первых десятилетий XX в. Белый обозначил новый период своей деятельности, что в поэтическом аспекте эмблематизировалось сборником «Урна» (1909), а в теории – монументальной трилогией символизма, т.е. книгами «Символизм», «Луг зеленый» и «Арабески» (1910-11). В «Символизм» были включены статьи «Лирика и эксперимент», «Очерк характеристики русского четырехстопного ямба», «Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре», «“Не пой, красавица, при мне...” А.С. Пушкина: (опыт описания)», которые содержали новаторское учение Белого о стихе.

Оценивая это учение, М.Л. Гаспаров практически повторил горделивую самооценку Белого: «Появление “Символизма” в 1910 г. было событием, с которого ведет начало все современное русское стиховедение»². Поэт-стиховед совершил важное открытие, различив метр (схему, которая диктует регулярное чередование ударных и безударных слогов, – ямб и т.п.) и ритм, который реализуется в конкретном стихотворении как индивидуальная модификация метра. Ритм возникает за счет внесхематических ударений или отсутствия ударения, за счет специфики межсловесных пауз, соотношения нарушений метра в следующих друг за другом строчках и т.д.

История стиховедческих исканий Белого концептуально изложена в давней статье С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова³. В апреле 1910 г. он возглавил «Ритмический кружок» – студию стиховедения, которая работала при книгоиздательстве «Мусaget». Белый поставил задачу кружка – в развитие идей «Символизма» – всеобъемлющее и всестороннее описание ритма пятистопного ямба: итогом работы кружка

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ-DFG 09-04-00558 а/д «Неизвестный Андрей Белый 1920–1930-х гг.: тексты, отклики, биография».

стал «Учебник ритма»⁴. Стихovedческие штудии возобновились по возвращении его из Швейцарии осенью 1916 г. и после революции 1917 г., когда Белый активно включился в просветительскую работу. Затем снова последовал перерыв, вызванный вначале эмиграцией (1921-23), а потом трудностями с публикациями. Однако и в этот период происходили спорадические обращения к исследованию «ритмического жеста»⁵.

Наконец, в 1929 г. Белый опубликовал монографию «Ритм как диалектика и “Медный всадник”», представившую последний этап развития идей поэта-стиховеда⁶. Сравнивая поздние сочинения Белого с работами, включенными в «Символизм», М.Л. Гаспаров выделил несколько принципиальных различий: во-первых, в центре внимания позднего Белого «не статический, а динамический ритм, ритм отношений, переходов между строками; не то, что внутри строк, а то, что между ними», «ритм не пространственный, а временной, картина не симметрии, а нагнетения»; во-вторых, если для «Символизма» философская база – «неокантианство (преимущественно в риккертском варианте): мир сущностей и мир явлений разбединены, мир сущностей адекватно непознаваем и доступен только целостному переживанию <...>, предметом же научного познания может быть только мир явлений, т.е. форма, а не смысл», то для позднего Белого – антропософия (которой он увлекся после расставания с Ритмическим кружком); в-третьих, «в основе двух его концепций ритма лежал и практический, стихотворческий опыт»⁷.

Статья «Принцип ритма в диалектическом методе», предлагаемая здесь читателям, была написана в 1928 г. для журнала «Красная новь» и содержала автореферат идей, которые Белый рассчитывал параллельно придать гласности в монографии «Ритм как диалектика и “Медный всадник”». Редакция советского журнала не приняла статью – в противном случае она стала бы манифестом позднего Белого-стиховеда, причем, изложенным в популярной (относительно) форме. Этим определяется ее *научное* (филологическое, стихovedческое) значение.

Вместе с тем, Андрей Белый не был и не желал быть просто академическим ученым. Его научные выступления – при всей оригинальности и продуктивности – были результатом мировоззренческого «жеста», своего рода надводной частью айсберга.

Мировоззренческое значение статьи «Принцип ритма в диалектическом методе» заключается в том, что Белый – в советской стране, в официальном советском журнале – отважился формулировать мысли, весьма далекие от марксизма. Как справедливо констатировал М.Л. Гаспаров, это было связано с его приверженностью антропософии – мистической системе, созданной Р. Штайнером в отталкивании

от теософии: «мир един, насквозь духовен, познается интуитивным переживанием, движение духа проявляется в мировой материи до мельчайших мелочей, и, следя за этими мелочами, мы можем взойти к самым глубоким духовным смыслам; исследователь не противопоставлен объекту исследования, а сливается с ним в единстве вселенной, через него познающей самое себя; основа же этого единства – всепроникающий мировой ритм»⁸.

С точки зрения эволюции авторского мировоззрения, статья «Принцип ритма в диалектическом методе» – адаптация к советским условиям «послания», которое содержалось в пространном трактате «История становления самосознающей души» (1925-26)⁹. Этот трактат представляет собой грандиозную попытку приложения антропософских идей к мировой истории. Согласно Белому, «самосознающая душа» – атрибут и человека, и человечества: ее развитие – зарождение, становление, доминирование, выполнение поставленной задачи – определяет специфику соответствующего исторического периода.

Базовые понятия, функционирующие в стиховедческой статье 1928 г. как самоочевидные, восходят к этому трактату и там осмысляются. Так, для Белого эпоха «самосознающей души» характеризуется общим признаком, который он назвал (1) «композиция в пространстве», что применительно к сфере математики выражается в (2) учении о комплексных числах. Например: «...тенденция новой математики выявила не только возможность, но и необходимость класть в основу числовых рядов не вообще “число”, а данное число, как в себе самом замкнутую, законченную *фигурально-индивидуальную вселенную; числа суть фигуры; <...> числовой комплекс, как фигурный индивидуум, есть первое всякого математического хода мысли <...> в основу учения о числовых производных кладется идея математической композиции <...> в теории прерывных функций вскрылось математическое обоснование идеи об индивидуальной свободе, а в теории комплексов вскрылась идея о числовых индивидуумах, как о фигурах»¹⁰. Применительно к науке об обществе «композиция в пространстве» выражается в (3) широком спектре современных идей «социальности» – от «буржуазного учения о государстве как свободном договоре многих сторон» до «железобетонного, четырех-этажного, четырех-классового здания Марксом выявленного новейшего социального задания»¹¹. «Композиция» – свойство пространство, она – статична, его же временным, динамическим развертыванием становится (4) «тема в вариациях»: «вариация есть композиция во времени»¹². «Тема в вариациях» как общий признак «самосознающей души», в свою очередь, выражается в (5) идее «ритма»: «...фигура, как символ иного, – культура фигуры числа – и есть *тема* в вариациях разных *разглядов*; умение связывать каждую из*

вариаций с их *темой* меняет вариацию в целостности всего ряда; так мы упираемся в необходимость построить понятие ритма; <...> душа самосознающая целое, тему в вариациях, данную в призме души рассуждающей, видит как дух математики: в аритмологических проекциях этой души; и она же сквозь призмы души ощущающей видит то целое ритмом, или – *духом музыки*»¹³.

Стихотворный ритм есть частный случай «всепроникающего мирового ритма», поэтому, с одной стороны, трактат «История становления самосознающей души» свободно превращается в стиховедческую статью, а с другой, и в статье «Принцип ритма в диалектическом методе», и в антропософском трактате понятие ритма формулируется одновременно в терминах филологии, историософии и естественно-математических наук. Согласно суммирующему изложению Белого, «водород – индивидуум в физико-химических свойствах своих; и такой индивидуум есть наш метр; его внутреннее значение, что он в ритмах – ритм; обусловленность метра ритмическим индивидуализмом, и обусловленность непрерывности – прерывностью, личности – целым, коллегией личностей, понятой как индивидуум, и приложение этой идеи ко времени, есть выявление, может быть, сокровеннейшей сущности самосознающей души, выявление ее символизма; и этот-то вот символизм есть рождение в нас музыкального духа, взрыв музыки, Ницше подслушанный и выявляемый ритмом»¹⁴.

Наконец, поскольку Белый хотел использовать в качестве публицистической трибуны официальный журнал, включенный в могущественную пропагандистскую машину советского общества, постольку его статья «Принцип ритма в диалектическом методе» имеет и *социально-политическое* значение. При тоталитаризме искусство – подобно другим областям социального бытия – находится под неусыпным контролем власти; контроль, осуществляемый на разных уровнях и при посредстве разных государственных, общественных институтов, в то же время превращается в эстетическое качество – «игра» с такого рода механизмами становится обязательной для участников литературного процесса и принимается ими в расчет на всех этапах создания художественного произведения.

Сложившаяся в 1927-28 гг. общественная ситуация определялась победоносной кампанией руководства Политбюро в лице Сталина и Бухарина против так называемой «левой оппозиции», ее действительных или мнимых сторонников. Притом в 1928 г. наметились разрыв Сталина с Бухариным и будущая атака на «правых», однако это было ясно «посвященным» (кто успел освоить советские правила игры). Белый – человек «начала века» – не принадлежал к их числу: напротив, ему было очевидно, что низвергнут Троцкий¹⁵. В книге «Ритм как диа-

лектика» он прямо называет имя гонителя: «...с легкой руки Троцкого утверждалось склонение при звуке слова “Белый” слова “мистика” во всех падежах»¹⁶.

Согласно законам тоталитарного искусства, наступление на «левых» политиков сопровождалось наступлением на «левых» литераторов. В частности, «формалисты» числились «левыми», что негативно сказалось в эти годы на их деятельности. В 1932 г. В.Б. Шкловский многозначительно напоминал заведующему Отделом агитации и пропаганды ЦК (в письме от 3 июля): «Приблизительно в 27-28 году работы наши, которые хорошо известны на Западе, прекратились»¹⁷. В таком литературно-политическом контексте Белому могла показаться своевременной идея опубликовать в неспециальном «толстом» журнале статью, где он отграничивал собственную стиховедческую позицию от сторонников «формального метода».

Уважительно отзываясь о его основополагающих стиховедческих идеях, формалисты (эмблемой которых в сознании Белого был В.М. Жирмунский) тем не менее вели исследование в ином направлении. В терминах пресловутой оппозиции Белого «ритм/метр» можно сформулировать (несколько в упрощенном виде) принципиальный вопрос: «что же важнее в стихе, метр или ритм? <...> по А. Белому: конечно, ритм»¹⁸. Это предпочтение, угадываемое в статьях «Символизма», приобрело еще более агрессивный характер в его поздних работах. Жирмунский, наоборот, стремился «реабилитировать» метр:

Основная проблема теории стиха, из которой зародилась вся книга, – противопоставление ритма и метра, как оно впервые было отчетливо выражено для классического русского стиха в известных работах А. Белого о четырехстопном ямбе (“Символизм”, 1910). Мои взгляды по этому вопросу сложились уже давно в результате длительной устной полемики, направленной к защите понятия “метр”...¹⁹

В статье «Принцип ритма в диалектическом методе» (и в книге «Ритм как диалектика») Белый, однако, придал разногласиям с «формалистами» не узко-стиховедческий, а общеметодологический характер:

...в стиховедении оживает старый спор формалистов с физиологами, ко времени Геккеля в биологии решенный судьбою; ритмисты, оспаривающие формалистов, – физиологи, взятые в ранней стадии; формалисты – сторонники Кювье; физиология строки победит номенклатурные костяки, не оплетенные соединительной, ритмической тканью.

Получается, что формалисты политически совпадали с линией Троцкого, а методологически воспроизвели позицию французского естествоиспытателя Кювье – сторонника «реакционной» теории постоянства видов. Напротив того, автор статьи «Принцип ритма в

диалектическом методе» (замалчиваемый по воле Троцкого и формалистов) продолжает «прогрессивную» линию естественников-эволюционистов – от Ж. Сент-Илера до Ч. Дарвина и Э. Геккеля.

Социально-политический аспект выступления Белого не ускользнул от внимания оппонентов, так же умевших строить коммуникацию по правилам официального дискурса. Жирмунский, отвечая на книгу «Ритм как диалектика» (ведь статья «Принцип ритма в диалектическом методе» с аналогичными заявлениями осталась неопубликованной), не пожелал признать ни факт профессионального «замалчивания» идей Белого, ни связь этого «замалчивания» с фигурой Троцкого:

Среди упреков, обращенных А. Белым к филологам вообще и ко мне в частности, наиболее странное впечатление производит обвинение в том, что мы намеренно замалчивали (“утаили” – “видели”, но “молчали”, с. 84) его теорию “ритмического жеста”, ныне изложенную полностью в книге “Ритм как диалектика”.²⁰

Жирмунский спорит с тем, что написано на С. 84, но осторожно игнорирует упоминание Троцкого (оно приводилось выше) на С. 85 (в конце обсуждаемого абзаца), что превращает жалобы Белого в «странное» свидетельство маниакального состояния:

Позволю себе думать, что имя А. Белого и успех “Символизма” гарантировали автору возможность в любое время напечатать любую книгу по стиховедению, если бы она была действительно написана; в этом отношении он был, несомненно, в гораздо лучшем положении, чем его молодые ученики или противники (Шенгели, Томашевский).²¹

Равным образом, Жирмунский подвергает сомнению методологические конструкции оппонента, низводя их до «полемических приемов»:

Я думаю, что взгляды его ничего не выигрывают в убедительности от того, что он сравнивает себя с Дарвином, Карлом Марксом, Фр. Энгельсом, – великими учеными, как я думал до сих пор, достаточно далекими от А. Белого по своей идеологии (с. 16 и др.), или от того, что он называет, без достаточных оснований, свои взгляды на ритм “диалектическими”.²²

По справедливому замечанию А.В. Лаврова, «упорные и достаточно неуклюжие попытки Андрея Белого овладеть советской фразеологией и звучать в унисон с господствующей идеологической мелодией своей цели не достигали...»²³.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что Белый – при помощи «подложных псевдо-марксистских аналогий, которыми изобилуют его работы поздних лет»²⁴ – не только сводил счеты и совершал сомнительные политические маневры. В статье, написанной в 1928 г., он отважился коснуться «ряда общих, принципиальных вопросов о творчестве, заказе и отношении коллектива к поэту», т.е. проблемы

независимости художника от современности и от власти. Знаменательно солидаризируясь со статьей А.А. Блока «О назначении поэта» (1921), которую принято считать его духовным завещанием, Белый в 1928 г. эмоционально провозглашал: актуальность произведения – это «транзитная виза поколения», а истинное содержание поэт передает будущим «поколениям в полную собственность: продолжать, видоизменять, развивать и обогащать содержание переданных образов в новых раскрытиях в них заложенного смысла; художественное произведение, начинаясь в коллективе-заказчике, оканчивается не в поэте, а в коллективах же, продолжающих выполнение заказа».

Статья Андрея Белого «Принцип ритма в диалектическом методе» была написана в апреле 1928 г.²⁵ Как отмечено в работе Лаврова и Гречишкина, «вновь к интенсивной стиховедческой деятельности А. Белый приступил в июне 1927 года, когда, находясь на отдыхе в Грузии, занялся “ритмическим жестом” Пушкина; были вычислены “кривые” “жеста” “Полтавы”, а также “Медного Всадника”, разбор которого оказался самым благодарным материалом для демонстрации свойств ритмической “кривой”. 2-го июля 1927 года А. Белый прочитал в тбилисском “Дворце Искусств” лекцию “Ритмический жест «Медного Всадника»”; этот же доклад был предложен вниманию редакционного собрания издательства “Никитинские субботники” (29 октября)»²⁶.

Очевидно, что и до октябрьского выступления, и непосредственно после него Белый вел с Е.Ф. Никитиной переговоры о возможности публикации своих стиховедческих исследований в ее издательстве в серии педагогической литературы. Заручившись поддержкой Никитиной, Белый засел за работу и завершил ее в рекордно короткий срок – к концу декабря 1927 г. В письме к Иванову-Разумнику от 25 декабря 1927 г. Белый подробно анонсировал стоявшие перед ним грандиозные задачи и методику проведенного исследования:

...спешно должен был окончить мою работу “*Ритмический жест и «Медный Всадник»*”. Сжимал где мог, а все-таки получилась рукопись в 150 страниц; и не это главное, а то, что я должен был заново критически анализировать весь мой метод, прежде чем подать его публике; и в том, как подать, и что выбрать, что опустить, все это были для меня *вопросищи*, взывали к перечтению всяких метрик, “жирмунских” и “Томашевских”; ведь я от “жеста кривой” уходил годами; и лишь случай свел с кривой “*Всадника*”; когда меня попросили записать реферат, я думал, что это работа недели; а вышла работа 2<-х> месяцев; да и наконец самая кривая “*Всадника*”, я ее считал, пересчитал, пере-пере-пере-считал; все в ней требует величайшей точности: 1) в самих действиях с числами (иногда несколько дней вылавливал по малюсенькой ошибке), 2) в установлении принципа разбиения на отрывки (окончательная установка текстовых групп), 3) в проверке *слуховой*

записи (чрезвычайно трудной в поэме); вещи, о которых и не подозревают “профессора”, пригвождали меня к цифрам и проблемам на недели; например: ужасные спондейные формы; или вопросы о “мимикрии” полуспондеических форм, поправочные коэффициенты на разрывы строк (о “enjambement”); номенклатуры-то нет; приходилось самому, одному, и ставить, и разрешать проблемы слуха; и разрешать “скрупулезно”: словом – не спал, не ел, похудел, отощал, ослабел; и наконец впал в ту сонную одурь, при которой силы хватало лишь на текст работы, отваливаясь от которой, впадал в *прострацию*.²⁷

Однако выход столь быстро написанной книги задерживался. Эту задержку Белый воспринимал крайне эмоционально и раздраженно, как провокацию и – с личной обидой. «Это мука, что делают издательства, – жаловался он ученику и другу П.Н. Зайцеву в письме от 20 июня 1928 г. – Никитина мне обещала издать ритм; если не издадут, я – *взору* на весь “СССР”: человек 12 лет не может ничего сказать ничего [так!] о ритме!! Ведь это же – издевательство!!! Почему Жирмунский может, а я – нет!!!! Книга была мне заказана; и *должна выйти*: я 3 месяца убил на нее. А теперь этот подвох»²⁸. «Подвох» заключался в том, что издание книги было отложено на осень 1928 г., а в сентябре рукопись исследования «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» пришлось забрать из «Никитинских субботников» и передать в издательство «Федерация», где книга благополучно увидела свет в мае 1929 г.

В начале 1928 г. Белый еще не подозревал о грядущих перипетиях, нервничал и мечтал любым путем поскорее донести до читателя свои открытия. В этот момент и поступило предложение о сотрудничестве с журналом «Красная новь». Летом 1927 г. в журнале произошла смена руководства: вместо близкого к Троцкому А.К. Воронского главным редактором был назначен Ф.Ф. Раскольников, а место прежнего секретаря редакции В.В. Казина занял ученик и близкий друг Белого поэт Г.А. Санников. Обновленная редакция озаботилась поиском новых авторов, среди которых наметился Андрей Белый. Переговоры проводились в начале декабря 1927 г., и уже тогда, не завершив работу для «Никитинских субботников», Белый, вероятно, соблазнился идеей предварить публикацию книги теоретической статьей в журнале. Так, по крайней мере, следует из дневниковой записи Зайцева от 5 декабря 1927 г.:

Третьего дня у меня были Борис Николаевич, Б.Л. Пастернак и Г.А. Санников. По поручению новой редакции “Красной нови” (Ф.Ф. Раскольников) Санников приглашает Бориса Николаевича в “Красную новь”. А. Белый дал согласие и хочет предложить журналу главу из своей переработанной книги “Ритмический жест” (в будущем “Ритм как диалектика”).²⁹

В мемуарах «Последние десять лет жизни Андрея Белого» Зайцев пишет об этом подробнее:

Андрею Белому, который в “Красной нови” при Воронском не печатался, не было оснований отказываться от сотрудничества, если это предложит ему Раскольников. Он рассматривал свои отношения с тем и другим как чисто деловую связь писателя с редактором. <...>. Он был занят рядом работ. Впрочем, на всякий случай он наметил для “Красной нови” главу из своей будущей книги “Ритм как диалектика” <...> в переговорах с “Красной новью” наступила довольно длительная пауза... Раскольников взвешивал. Обстановка тех лет звала его к осторожности.³⁰

Выжидательную позицию первоначально занимал и Белый. «Борис Николаевич опять заколебался относительно сотрудничества в “Красной нови”, – отмечал Зайцев в январе 1928 г. – Он опасается, что его статью сопроводят каким-нибудь “примечанием” от редакции или вступлением, сноской. Ведь гарантий нет. <...>

– Что же, – говорит он, – <...> появится моя статья в “Красной нови” и кто-нибудь тиснет в “Вечёрке” фельетон: – Вот, мол, Белый пописывает в “Красной нови”, а редакция печатает его пописыванья... Или что-нибудь в том же роде...»³¹.

Однако по мере того, как становилось ясно, что выход сданной в «Никитинские субботники» книги откладывается, желание Белого высказаться на страницах журнала росло. В «Ракурсе к дневнику» в записи за 18 апреля 1928 г. Белый отметил: «Пишу статью “Ритмический жест в диалектическом методе”», – а в итоговой записи за апрель сообщает: «Написал статью о ритме»³². Между началом работы над статьей и ее завершением произошло еще одно важное событие, датированное в «Ракурсе к дневнику» 26 апреля: «Был в Москве, в “Красной нови”. Разговор с Раскольниковым»³³. Очевидно, была достигнута договоренность о передаче законченной статьи в редакцию журнала для скорейшей публикации. 3 мая 1928 г. Белый сообщил Иванову-Разумнику, что «на днях сдал “Красной Нови” статью под заглавием “Принцип ритма в диалектическом методе”». В том же письме он изложил свою публикаторскую тактику:

Это попытка сказать о жесте ритма вне стиховедческой лаборатории: сказать в принципе. Я это делаю, потому что моя книга о ритме в “Субботниках” отложена в долгий ящик; сомневаюсь, чтоб вышла, ибо в невыхождении этой линии моей мысли в свет – судьба моя. Я, заранее озлившись на судьбу, перепираю ее тем, что хоть в принципиальной статье хочу сказать о том, чего не могу сказать с 16-го года.³⁴

И там же подробно пояснил стоявшие перед ним научные задачи:

В ней пытаюсь сформулировать тезис такого рода: в научном принципе пересекается логическое *a priori* с предельной индукцией *a posteriori*; *a priori* ритма – математика, аритмология; в теории чисел ритм давно вскрыт в формулах, ибо теория комплексных чисел и есть *теория ритма*; а кривая моя, будучи последним предельным выводом *a posteriori*, в этом опытно найденном законе совпадает с математическим велением ритму быть тем

именно, чем он становится в кривой. В моей кривой все признаки *научного принципа*, ибо она – и *a priori* в теории чисел, и *a posteriori* в способе ее извлечения из опытного материала строк.³⁵

Несмотря на твердые договоренности с Раскольниковым, Белый не мог избавиться от тяжелых предчувствий: «В стиле судьбы, чтобы “Красная Новь” и этой статьи не напечатала»³⁶. Как показало время, предчувствия его не обманули. 4 мая Белый уехал отдыхать на Кавказ, откуда регулярно писал Зайцеву, интересуясь, в частности, судьбой отданной в «Красную новь» статьи. «<...> хотел бы знать, – напечатают ли мою статью о ритме»³⁷, – вопрошал он 12 июня, еще с некоторой надеждой. Вскоре надежда сменилась отчаянием³⁸, а потом унынием: «Видите, Петр Никанорович, – я был прав, что “Кр<асная> новь” не поместит статьи о ритме; трудна и отвлеченна для нее. И – главное: судьба моего ритма та, что печатный станок его извергает; так и умру, проглотив в себя свое “открытие”»³⁹.

Окончательное решение о судьбе статьи было получено Белым, видимо, после возвращения с Кавказа в Москву. Его суть изложила К.Н. Бугаева в пояснительной записке, приложенной к машинописи статьи «Принцип ритма в диалектическом методе»: «Редакцией журнала статья была отклонена (Ф.Ф. Раскольников и Канатчиков⁴⁰). За ее напечатание стоял только Г.А. С<анников>». О том, какие дискуссии по этому поводу велись в «Красной нови» (и о том, велись ли они вообще), какие аргументы за или против выдвигались, остается пока только догадываться.

Здесь статья публикуется по машинописи из собрания Государственного музея А.С. Пушкина (отдел «Мемориальная квартира Андрея Белого»; КП-17099), поступившей в музей от наследников К.Н. Бугаевой. Идентичные машинописи находятся в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1, Ед. хр. 73), а также в двух частных собраниях: у Д.Г. Санникова, сына Санникова и у наследников Зайцева. При подготовке текста к печати было проведено их сопоставление.

Машинопись, хранящаяся в РГАЛИ, содержит небольшую правку Белого (скорее всего – 1928 г.), учтенную нами при публикации. Также на первом листе рукой Белого помечено: «Первая формулировка книги “Диалектика ритма”», однако, статья была написана уже после сдачи в печать книги «Ритм как диалектика и “Медный всадник”», что неоднократно констатируется в тексте. По-видимому, помета сделана в 1932 г. – при сдаче машинописи в архив.

К машинописи Бугаевой приложен лист, в котором содержится краткая информация по истории несостоявшейся публикации статьи в журнале «Красная новь» (приведена выше). Там же ошибочно указан в качестве даты создания статьи «1929 год» (вместо 1928 г.).

Эта хронологическая ошибка повторяется в экземпляре Зайцева. Очевидно, пометы в обоих экземплярах были внесены спустя некоторое время после написания Белым статьи. В машинописи Зайцева над заглавием «Принцип ритма в диалектическом методе» его рукой добавлено: «Ритмический жест». Эта помета актуализирует, с одной стороны, первоначальное, «рабочее» заглавие публикуемой статьи (ср.: «Пишу статью “Ритмический жест в диалектическом методе”»), а с другой, указывает на генетическую связь статьи «Принцип ритма...» с предшествующими стиховедческими работами Белого (ср. работу 1917 г. «О ритмическом жесте»).

Для публикации предложена последняя (девятая) главка статьи, которая интересна как тем, что в ней практически нет сходных мест с книгой «Ритм как диалектика...», так и пафосным формулированием назначения поэта.

При публикации максимально сохранены авторские пунктуация и орфография.

п р и м е ч а н и я

- ¹ Ходасевич В.Ф. Андрей Белый // Ходасевич В.Ф. Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому / Пред., комм. Н. Богомолова. М., 1996. С. 60.
- ² Гаспаров М.Л. Брюсов-стихoved и Брюсов-стихотворец (1910–1920-е годы) // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М., 1995. С. 103–104.
- ³ Гречишкин С.С., Лавров А.В. О стиховедческом наследии Андрея Белого // Труды по знаковым системам. Вып.12. Тарту, 1981. С. 97–146.
- ⁴ Предполагалось, что «Учебник ритма» («К будущему учебнику ритма») будет напечатан в 1912 г. в журнале «Труды и дни». Впервые опубликован после смерти автора: Гречишкин С.С., Лавров А.В. О стиховедческом наследии Андрея Белого. С. 119–131.
- ⁵ Там же. С. 109.
- ⁶ Обновленная концепция развивалась и в других текстах: ср., например, рецензию Белого на «Поэму о хлопке» Г.А. Санникова в журнале «Новый мир» (1932. № 11).
- ⁷ Гаспаров М.Л. Белый-стихoved и Белый-стихотворец. С. 126–128. Следует также различать историософские модели, которым соответствуют раннее и позднее стиховедение Белого: Кацис Л.Ф., Одесский М.П. Стиховедение–историософия–барокко // A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes / Ed. by Lazar Fleishman and Hugh McLean. Stanford, 2006. P. 172–181.
- ⁸ Гаспаров М.Л. Белый-стихoved и Белый-стихотворец. С. 127; ср. также: Elsworth J. The Concept of Rhythm in Bely's Aesthetic Thought // Andrey Bely Centenary Papers / Ed. by V. Christa. Amsterdam, 1980.
- ⁹ См. неполное и, мягко говоря, несовершенно издание 2 тома трактата: Андрей Белый. История становления самосознающей души // Андрей Белый. Душа самосознающая / Сост. и ст. Э.И. Чистяковой. М., 1999; а также комментированную публикацию небольшого фрагмента: Андрей Белый. Эпоха схоластики: 12 и 13 век / Публикация Дж. Коппера // Литературное обозрение. 1998. № 2. С. 15–20.
- ¹⁰ Андрей Белый. История становления самосознающей души. С. 381–383.
- ¹¹ Там же. С. 387.

- ¹² Там же. С. 392.
- ¹³ Там же. С. 409.
- ¹⁴ Там же. С. 411-412.
- ¹⁵ В 1928 г. Белый вспоминал, имея в виду «установочные» статьи Троцкого, вошедшие в книгу «Литература и революция» (1923): «Я вернулся в свою „могилу“, в которую меня уложил Троцкий, за ним последователи Троцкого, за ними все критики и все „истинно живые“ писатели...» (Андрей Белый. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Андрей Белый. Символизм как миропонимание / Сост., вст. ст. Л.А. Сугай. М., 1994. С. 483).
- ¹⁶ Андрей Белый. Ритм как диалектика и «Медный всадник». С. 85.
- ¹⁷ Цит. по: Галушкин А.Ю. Неудавшийся диалог: (Из истории взаимоотношений формальной школы и власти) // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 213.
- ¹⁸ Гаспаров М.Л. *Ритм и метр* Н.В. Недоброво в историческом контексте // Там же. С. 144-145.
- ¹⁹ Монография Жирмунского «Введение в метрику. Теория стиха» (Л., 1925) цит. по: Жирмунский В.М. Теория стиха. Л., 1975. С. 6.
- ²⁰ Статья Жирмунского «По поводу книги “Ритм как диалектика”. Ответ Андрею Белому» (Звезда. 1929. № 8) цит. по: Андрей Белый: pro et contra / Сост., вст. ст., комм. А.В. Лаврова. СПб., 2004. С. 800.
- ²¹ Там же. С. 801.
- ²² Там же. С. 801.
- ²³ Лавров А.В. Андрей Белый в критических отражениях // Там же. С. 25.
- ²⁴ Elsworth J. Op. cit. P. 75.
- ²⁵ Андрей Белый. Ракурс к дневнику (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1 Ед. хр. 100. Л. 134).
- ²⁶ Гречишкин С.С., Лавров А.В. О стиховедческом наследии Андрея Белого. С. 109; о докладе Белого см. в «Послесловии» Д.М. Фельдмана к публикации фрагмента мемуаров П.Н. Зайцева «А.Белый и “Никитинские субботники”» (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 131-132).
- ²⁷ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вст. ст. и комм. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 556.
- ²⁸ Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка / Подг. текста и прим. Дж. Малмстада // Зайцев П.Н. Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак, вст. ст. Дж. Малмстада, М.Л. Спивак. М., 2008. С. 412.
- ²⁹ Зайцев П.Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого / Подг. текста и прим. М.Л. Спивак // Зайцев П.Н. Воспоминания. С. 87.
- ³⁰ Там же. С. 87.
- ³¹ Там же. С. 95.
- ³² РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 134.
- ³³ Там же. Л. 134.
- ³⁴ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 596.
- ³⁵ Там же. С. 596.
- ³⁶ Там же. С. 596.
- ³⁷ Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 409.
- ³⁸ См., например, письмо Белого Зайцеву от 25 июня 1928 г. Там же. С. 416.

³⁹ Там же. С. 419; письмо от 9 июля 1928 г.

⁴⁰ Крупный партийный функционер С.И. Канатчиков (1879–1940) с 1928 г. был редактором «Красной нови».

**Из неопубликованного
стихovedческого наследия Андрея Белого:
фрагмент статьи «Принцип ритма в диалектическом методе»**

9.

Предполагается, что смысл сюжета – в абстрактной тенденции, которая сознательно сложена в образы.

Это не так.

Объяснение сюжета дается критикой, производящей перевод его в язык понятий. Поэт не всегда отчетливо сознает заказ; Пушкин учится понять мысль ритмов: *«Я понять тебя хочу, темный твой язык учу»*¹. Баратынский – тоже: *«Он в полноте понятия своего, а между тем, как волны на него»*² бегут образы. Блок – тоже: *«На бездонных глубинах... идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы»* – говорит он; поэт их учится понять (см. статью «О назначении поэта»)³. Сперва – ловля звуков, распространенных особым радио от коллектива, комплекс которого не всегда ясен; потом – попытка к пониманию чрез опыт воспроизведения: в ритме, в образах, надстройках над ритмом. В воссоздании протекает процесс понимания; он связан с вдохновением: *«Вдохновение... есть расположение души к живейшему принятию впечатлений... и объяснению оных»*⁴. Так говорит Пушкин; *восприятие* и *объяснение* восприятия пересечены не в тенденции, а в *образе*, построенном на ритме. О столкновении восприятия с пониманием говорит Баратынский, как о таком бытии, которое «ни сон... ни бденье»; «и в человеке им с безумием граничит разумень»⁵. Безумием и является восприятие, превышающее в смысле личное разумение Баратынского, как собственника сознания; процесс выражения содержания в образах и ритмах – попытка личным сознанием включиться в сознание коллектива; расширение сознания поэта есть бытие его в коллективе; бытие – особое: ни *«Иван Иванович»* в поэте, ни *«Иван Никифорович»* в критике не объяснят в точном понятии этого содержания; оно объясняемо лишь в коллективе; жизнь – историческая судьба художественного произведения, иногда через столетия становящегося понятным.

Имеет место все тот же факт: *«Иван Никифорович»*, критик – часто промаргивает смысл произведения и в этом промаргивании доказывает, что он оперировал фиктивным мандатом от так называемых масс; но и *«Иван Иваныч»* в поэте не понимает до конца тенденции

своих образов, о чем Гауптман открыто заявил, когда его спросили, что значит *то-то* и *то-то* в «*Потонувшем Колоколе*»⁶. Он честно сказал: «Не знаю». Поэты не всегда открыто сознаются в этом и стараются подыскать объяснение к своему ритму, или «темному языку» в них; но эти объяснения – позднейшие ярлычки; так например: первоначальное название моего романа «*Петербург*» иное: «*Лакированная карета*» – по первому увиденному образу, раскрывшемуся, как почка, из ритмической интонации целого; уже потом со стороны объяснили мне, что суть не в «*карете*», а в гибнущем царском Петербурге; социальная тенденция романа лишь потом мною вынута из образов, которые я скомпановал на ритмах⁷. Звук ритма – первое всякого художественного произведения; в этом согласны: Гете, Пушкин, Блок и Маяковский, открыто заявивший о первенстве ритма и о необходимости для поэта его отбормывать и оттопывать⁸, им отбирая слова, от которых ведь и зависит тенденция; она – не дедукция из сознания поэта, а – индукция из сырья, поданного заказчиком.

Так и Пушкин мог для себя объяснить «*Медный Всадник*»; но это объяснение могло иметь немного большее значение, чем объяснение критиков его времени; ему могли объяснить поэму, а он – принять объяснение: объяснение могло быть ложно.

Кто подлинный объяснитель?

Читательская масса – в линии времени, или – градация растущих и сменяющихся коллективов, к которым и поступает произведение, отработанное в форме и недоработанное в содержании; если бы содержание было бы доработано и тенденция ясна, как день, то творческому сотруднику, читательской массе, нечего было бы с таким произведением делать; тенденция не вытаскиваема из образов ритма, как костяк разварного судака; она вываривается в читателях – в «*судачьем мясе*», в образах, усвоенных и, так сказать, поступивших в организмы масс, ставших биением сердца этих масс и пульсацией творческой жизни в них. Так поступивший материал, вылитый, как вино, из сосуда-формы в другие сосуды, в своем истинном, никогда не заканчиваемом содержании, ширится в массах; читательской массой надо брать не статическое, инертное, физикою отброшенное понимание пространственной массы, прикрепленной к моменту времени, – моменту, будто бы совпадающему с выходом произведения в свет; надо брать «*массу*» в новом оформлении физики: не в пространстве, а во «*время-пространстве*» Минковского и Эйнштейна⁹.

В нас же понятие «*массы*» консервативно; а это – наш стыд: в революционное время ратовать за «*массу*» и брать «*массу*» в контрреволюционном смысле; в таком смысле взятая «масса» читателей – «масса» мещан, или масса людей, неисживших в себе внутреннего мещанина.

От такой «*массы*» и выступает критик; и к ней апеллирует. Понятие о «*массе*», взятой во время-пространстве, т.е. массе двигающейся, меняющей очертания, массе, не обращенной к художнику с «*вынь да положь*», а обращенной с лозунгом самого художника (Я понять тебя хочу, темный твой язык учу), массе творческой, – понятие о такой «*массе*» изменяет и взгляд на задание произведений искусства.

Оштампованный смыслом своего времени, критик, или художник, в тенденции налагают на произведение лишь транзитную визу поколения, передавая его *поколениям* в полную собственность: продолжать, видоизменять, развивать и обогащать содержание переданных образов в новых раскрытиях в них заложенного смысла; художественное произведение, начинаясь в коллективе-заказчике, оканчивается не в поэте, а в коллективах же, продолжающих выполнение заказа; художник лишь, так сказать, труба, по которой вода источника протекает во временный бассейн, чтобы из бассейна течь дальше, источником, которого судьбы не запечатаны; в этой неисчерпаемости – власть образа: источник неисчерпаемости – в неисчерпаемости сознанием художника содержания, ибо это содержание во *власти* коллектива, бегущего в образах сквозь художника: к коллективам же, внутри которых оно по-новому прядает; вот почему Пушкин ХХ века в нас – не Пушкин начала XIX века; «*Александр Сергеевич*» мог не подозревать того, что лежало запечатленным в звуках, им переданных; но счисленный ритмический жест и прочтение жеста поэмы в его интонации изменили весь рельеф понимания «*Медного Всадника*», открывая в «*темной*» для поэта глубине его – новый, революционный смысл, возносящий в недостижимую вышину бунт Евгения и обрушивая в ужасную мглу вознесенного «*Державца Полумира*», который – не статуя, а – Николай Первый.

Так в ритмическом жесте по-новому раскрыт смысл; но ритм по Пушкину, Гете, Маяковскому, Блоку и другим подлинным поэтам – первое, ибо он сама энергия, строящая материю словесного материала; он-то и есть то *темное* для «*Александра Сергеевича*», о чем он вздыхал: «Я понять тебя хочу». В том то и дело: понимание лишь чудится: поэтом в поэте; а раскрывается – в диалектике времени: в читательских коллективах. Если бы поэт до-понял и тенденция была бы напечатана черным по белому, он отрезал бы личной, собственной рефлексией себя от источника жизни; из рупора чрез который проходит *звук* (вне рупора расширится) он стал бы запечатанной бутылкой; вылитое содержание, выпито, – бутылка пуста, художественная форма исчерпана; поэт выброшен, как пустая бутылка.

Такова судьба поэтов-собственников, для которых все было ясно в том, что они создали: все ясно, потому что все только им принадле-

жит; они выдумали тенденцию, сюжет, оформили и продали за свое; мы – купили, отведали, исчерпали, бросили. Такова судьба слишком ясных: Бенедиктова, Кукольника, Надсона, П.Я. (Мельшина)¹⁰; их судьба – волновать «*массы*» на минуту, чтобы потом уже не волновать: никогда.

Последний вопрос: есть ли коллектив-заказчик и коллектив-приемщик тот же коллектив? Если брать понятие «*массы*» динамически, не в момент времени, а в линии его, во время-пространстве, то – да; но тогда придется углубить и реорганизовать в понятиях самое представление о коллективе; если же брать понятие «*массы*» в физикой отброшенном смысле, то придется ответить: коллектив-приемщик не есть коллектив-заказчик.

Поясню примером: Село Холмогоры выслали ходоком в мир Ломоносова; Ломоносов, побывав в чужих краях и всему обучившись, не вернул селу Холмогоры ничего: уселся в Академии, учредил никому непонятную первую студию стиховедения и в ней пререкался с Сумароковым и Третьяковским о какой-то никому непонятной стопе «*Пиррихий*»¹¹; *при* не были понятны не только в Холмогорах, но и среди тогдашних эстетов; речь шла о бытии русского стиха. Дело Ломоносова, переданное *ячейке* поэтов, ширилось сквозь Державина и Батюшкова, в Пушкине заказ, данный Ломоносову, впервые получил обще-понятную, обще-народную форму. В русском стихе, под формой «*стишков*», над которыми смеялись, перековывался язык; русские поэты выковывали русскую прозу; в ней – сложился впервые орган социального общения: обще-народный, язык, а не только «пиитический», не только «*костромской*», в нем и стихи (от сонетов до частушек), и проза (от ритмической до митинговой).

Ломоносов отдал заказ, но не селу Холмогорам, а всему народу; если бы он из заморских краев пришел в село обучать грамоте, то всех бы сельчан он не выучил грамоте и много, чему вообще научился, не передал бы никому; итак: или социальный коллектив, давший Ломоносову заказ, не исчерпывался Холмогорами (им был весь народ), либо коллектив-приемщик заказа не совпадал с коллективом-заказчиком.

То же можно сказать и о Пушкине: или коллектив-заказчик исчерпывался дворянским кругом, в котором «*Александр Сергеевич*» жил, либо подлинным заказчиком был весь народ, ибо в *народе* лишь раскрывался Пушкин, а не в дворянстве.

Анализ ритмического жеста «*Всадника*», видоизменяя обычную интонацию поэмы, изменяет и смысл ее: смысл ее в нас – революционный; не история ли революционного движения подала тему заказа в «*звук*», не ясном «Александру Сергеевичу»?

Как будто – *да*.

Анализ ряда кривых ритма, выясняющий их, как жест смысла, превышающего сознание поэта, как собственника, и открывающего в текстах стихов смыслы неисчерпаемой глубины, о которой критики-резонеры и господа стиховеды и не подозревают, помимо чисто научного интереса поднимает ряд общих, принципиальных вопросов о творчестве, заказе и отношении коллектива к поэту.

В настоящей статье я сформулировал в общем виде лишь принцип подхода к проблеме ритма; в своей книге я демонстрирую лишь конкретные приемы счисления. Но эта и та демонстрация имеет целью лишь возбудить интерес и привлечь работников в эту новую область исследований, которая станет лишь в будущем точной, воистину точной наукой.

- ¹ Пушкинские «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (1830) цитируются в редакции В.А. Жуковского, впоследствии отвергнутой официальной пушкинистикой.
- ² Белый цитирует стихотворение Е.А. Баратынского «Последняя смерть» (1827), которое он неоднократно анализировал с разных методологических позиций.
- ³ Белый имеет в виду речь А.А. Блока «О назначении поэта», произнесенную 10 февраля 1921 г. «в Доме литераторов на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина». Ср.: «Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки, потому что он – сын гармонии, поэт. <...>. На бездонных глубинах духа, где человек перестает быть человеком, на глубинах, недоступных для государства и общества, созданных цивилизацией, – катятся звуковые волны, подобные волнам эфира, объемлющим вселенную; там идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы, ветры, морские течения, растительный и животный мир» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 162-164).
- ⁴ Эту цитату из наброска А.С. Пушкина «<О статьях Кюхельбекера в альманахе "Мнемозина">» (1825-26) приводит Блок в речи «О назначении поэта».
- ⁵ Цитаты из стихотворения «Последняя смерть».
- ⁶ Г. Гауптман (1862–1946) – немецкий писатель; его пьеса «Потонувший колокол» (1896) оказала важное влияние на Белого-гимназиста.
- ⁷ Прежде чем (по совету В.И. Иванова) Белый выбрал для своего второго романа заглавие «Петербург», он перебрал несколько вариантов: «Тени», «Злые тени», «Адмиралтейская игла», «Лакированная карета». См.: Долгополов Л.К. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Андрей Белый. Петербург. Л., 1981. С. 554-557.
- ⁸ В.В. Маяковский писал в статье «Как делать стихи?» (1926): «Я хожу, размахивая руками и мыча еще почти без слов, то укорачивая шаг, чтоб не мешать помычиванию, то помычиваю быстрее в такт шагам».
- ⁹ Г. Минковский (1864–1909) – немецкий физик, учитель А. Эйнштейна; автор книги «Пространство и время» (1909), которую называет его научным завещанием. См. в письме Иванову-Разумнику от 6 апреля 1927 г.: «Пристально проследив историю эволюции эфирной гипотезы и связанной с ней механики, проследив историю противоречий, которые вскрылись в ней *внутри атома*, пристально разобрав теорию Бора, закон всемирного тяготения в связи с Эйнштейном, мне *in spe*, для себя, кое-что открылось, как примирение противоречий; для этого надо <...> 2) ввести в понятие

«тела» 4 измерения, т.е. время-пространство *in concreto*, где время качественно, т.е. не какое-нибудь вообще измерение (одно из четырех), а *такое-то*» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 514).

- ¹⁰ В.Г. Бенедиктов (1807–1873), Н.В. Кукольник (1809–1868), С.Я. Надсон (1862–1887), П.Ф. Якубович (псевд.– П.Я., Л. Мельшин; 1860–1911) – поэты, которые остались в истории русской литературы с репутацией неадекватно высоко оцененных современниками. В частности, Белый, вспоминая об идейных расхождениях с отцом, писал, что тот «вместо Бальмонта, о котором не желает ничего знать, патетически читает риторику поэта П.Я.» (Андрей Белый. На рубеже веков. М., 1990. С. 20).
- ¹¹ Выражение «учредил никому непонятную первую студию стиховедения» не следует понимать буквально: Белый имеет в виду стиховедческие споры М.В. Ломоносова (1711–1765), А.П. Сумарокова (1717/1718–1777), В.К. Третьяковского (1703–1769), в результате которых в русскую традицию была введена силлабо-тоническая система стихосложения. В наброске середины 1920-х к библиографии по стиховедению «Литература по ритму и метру» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 82) Белый упоминает сочинения Третьяковского «Способ к сложению российских стихов», «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» и Ломоносова «Письмо о правилах российского стихотворства».

ЕЩЁ РАЗ ОБ ИСТОЧНИКАХ РОМАНА К. ВАГИНОВА «ТРУДЫ И ДНИ СВИСТОНОВА»

Александр Кобринский

О вставных элементах в романе К. Вагинова «Труды и дни Свистонова» написано достаточно немало, включая комментаторские заметки в изданиях. В некоторых случаях Вагинов облегчал работу комментаторов и сам указывал источник вдохновения своего главного героя:

Весело смотреть на маленьких старушек, –

Переиначивал Свистонов страницы из детской книжки «Звездочка» за 1842 г., –

*Когда они бегают в саду, не думая ни о чем, как только о цветочках и деревьях, о птичках и голубых небесах; весело смотреть на старушек, когда они, завязав, как должно, свои шляпки и пелеринки, прыгают и наслаждаются свежим воздухом и зеленою травкою, как птички Божию.*¹

Комментаторы издания прозы Вагинова – Т. Никольская и В. Эрль – указывают, что он действительно почти дословно (с незначительной «редактурой») приводит отрывки из журнала А.О. Ишимовой (1804–1881) «Звездочка» (СПб., 1842): «Так, фрагмент *Весело смотреть на маленьких старушек... ~ ...как птички Божию* взят из рассказа «Лидинька» («Звездочка», ч. 2, С. 34 второй пагинации); фрагмент *Была на свете маленькая старушка... ~ ...Старушка краснела при самой маленькой похвале* – из рассказов «Саша» и «Смирение и гордость» (ч. 1, С. 6-7, 12-13 и 74-75 второй пагинации).

Когда в романе персонажи читают художественные тексты (прежде всего стихи), то Вагинов чаще всего оставляет их без атрибуции. Они, как правило, либо принадлежат самому Вагинову, либо достаточно известны и их атрибуция не составляет проблемы: так, к примеру, легко определить стихотворение, которое читает Свистонов перед тем, как приступить к «Звездочке» («На ветвях птички воспевают...») – это «Весенняя песнь меланхолика» Н.М. Карамзина (1788)².

Не вызывают сомнений в своем происхождении и шесть газетных вырезок, которые читает Свистонову жена в самом начале романа вслед за книгой о Грузии – они ничем не отличаются от стандартных газетных публикаций 1913-14 гг. рекламного, пропагандистского и просто информационного характера. Зато совершенно неопределенным представляется статус газетных вырезок, которые Свистонов называет «новеллами»: в отличие от художественных и историко-культурных текстов, чья реальная природа не вызывает сомнений (независимо от того,

даются ли автором их выходные данные или нет), эти тексты настолько анекдотичны, что воспринимаются читателем как авторская фикция.

В этой связи представляется важным попытаться определить возможные источники этих вырезок. К примеру, первая из них – новелла тридцать третья «Романист-экспериментатор» является, по сути, пародийным метаописанием творческого метода Свистонова: герой новеллы портной Дмитрий Щелин считает, что «прежде чем написать что-либо, нужно самому пережить описываемое явление». Далее подробно рассказывается о том, как портной, которому потребовалось описание персонажа, покушавшегося на самоубийство путем отравления ядом, сам принимает его и около двух месяцев проводит в больнице. Затем – уже с целью понять ощущения самоубийцы-утопленника – он бросается с Тучкова моста в Малую Неву, откуда его вытаскивают речной городской и сторожа моста. В финале сообщается, что «положение романиста-портного – тяжелое», так как теперь ему необходимо испытать, как бросаются под поезд³.

«Метод» портного действительно схож с принципами, которые Свистонов исповедует в своем творчестве: он так же, как и портной, моделирует ситуации, создает их и провоцирует поведенческие реакции. Принцип Свистонова – ничего не *выдумывать*, то есть он лишь «транслирует» жизнь в литературу, переводя с языка бытовой реальности на язык художественного произведения. Не случайно «новелла о портном уколола его как неотчетливое оскорбление»⁴ – она действительно представляется пародией не только на свистоновские приемы, но и на самого Свистонова, и на весь лежащий в центре повествования процесс создания романа. Анекдотичность «новеллы» усиливается кумулятивной структурой композиции, выраженной в троичности сюжетных ходов.

Не менее анекдотична «новелла» о татуированном, на теле которого насчитывается около 20 татуировок, причем каждая с отдельным сюжетом, а новелла «тридцать четвертая», о том, как дело об «изнасиловании коровы» было прекращено «ввиду отсутствия заявления от потерпевшей», – представляет собой прямой извод анекдотического сюжета, несмотря на то, что в новелле дается ссылка на реально издававшийся в Ленинграде в 1920-е гг. журнал «Суд идет». С другой стороны, нетрудно заметить тематическую переключку этой «новеллы» как с предыдущей, так и с методом Свистонова: если Свистонов, как и портной Щелин, переводят жизнь в искусство (каждый на своем уровне), то тело крестьянина Ивана Бодрова само – физически – превращается в материал для искусства (изобразительного).

Вопрос об источниках «новелл» имеет значение как для установления уровневой структуры текста, так и для степени автобиографич-

ПРЕДИСЛОВИЕ

написанное реальным автором из берегов Невы

Художественное произведение раскрывается как шатер — куда входят творец и зритель. Все в этом шатре связано створцом и зрителем.

Невозможно понять ничего без знания обок: если знаешь зрителя, то понимаешь только часть шатра, если знаешь только творца, то наверное ничего не поймешь. А кроме того читатель, помни, что люди, изображенные в этой книге, представлены не сами в себе, т.е. во всем своей полноте, что и невозможно, а с точки зрения современника.

Автор в следующих предисловиях и книге является таким же действующим лицом, как и остальные, и поэтому если можешь не соотнеси его с реально существующим автором, ограничи тем, что дано в книге, и не выходи за ее пределы.

Если же ум твой так устроен, что какое литературное произведение ты соотносишь с жизнью, как большинство людей, а не с литературными произведениями, то соотнеси с эпохой, с классом, с чем угодно, только не с реальным автором — будь человеком воспитанным.

Автограф предисловия к роману «Козлиная песнь», вклеенный Вагиновым в один из экземпляров отдельного издания (Л., 1928).
Собрание А. Дмитренко (Санкт-Петербург).

ности романа. С этой целью был предпринят поиск по петербургско-петроградским газетам 1913-14 гг., в результате которого в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» от 21 июня 1913 г. на С. 3 была обнаружена тридцать третья «новелла». Статья озаглавлена «“Романист”-экспериментатор» (единственное отличие от заглавия, приведенного в романе Вагинова: слово «романист» взято в кавычки), и ее текст полностью идентичен тексту «новеллы», включенной в «Труды и дни Свистонова».

Эта находка позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, как становится ясно, Вагинов сознательно оставляет вне поля зрения читателя еще один уровень текста, который может быть реконструирован лишь из комментария, и, таким образом, метаописание оказывается автометаописанием: роман о Свистонове и роман

Свистонова создаются синхронно, с использованием одних и тех же внелитературных источников и одних и тех же приемов построения текста. Знаковой является и профессия «романиста-экспериментатора», привлекающая внимание Вагинова: для портного Щелина основным инструментом являются ножницы – и, подобно выкраиванию одежды из материи, Свистонов (а вместе с ним и сам автор) «выкраивает» из жизненного текста текст литературный.

Во-вторых, из этого следует, что уровень автобиографизма романа ещё выше, чем предполагалось ранее.

В-третьих, представляется, что и остальные газетные тексты, используемые в романе, очевидно, тоже являются реальными, несмотря на их анекдотичность и некоторые фактические неточности⁵. Есть надежда разыскать статью об «изнасиловавшем» корову в журнале «Суд идет», а также источники двух остальных «новелл».

В-четвертых, усложняется наше представление о нарративной структуре романа. Выведение газетной «новеллистики» из художественной сферы, с одной стороны, подчеркивает степень «коллажности» романа, а с другой – увеличивает объем присутствия в тексте нехудожественного нарратива.

Представляется, что исследователей ждет еще не одно открытие неожиданных источников вагиновского творчества.

п р и м е ч а н и я

¹ Вагинов К. Козлиная песнь: Романы. М., 1991. С. 255.

² Там же. С. 568.

³ Там же. С. 172.

⁴ Там же. С. 174.

⁵ Так, например, в «новелле» о татуированном говорится, что он разыскивается на основании ст. 846, 847, 848 и 851-й Устава уголовного судопроизводства, тогда как эти статьи говорят о выдаче обвиняемых по требованию иностранных государств; в перечне же инкриминирующихся ему статей «Уложения о наказаниях...», дважды повторяется ст. 1.

«ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ» ВЛ. ХОДАСЕВИЧА*

Н.А. Богомолов

Перед нами эпиграмматический цикл, который остался в рукописи (Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive, MsColl Karpovich. Miscellaneous notes and drafts, f. 1-26), записанный на одном листе бумаги, в основном карандашом, большинство стихотворений зачеркнуто. Частично (и в разрозненном виде) он был напечатан Дж. Малмстадом и Р. Хьюзом в первом томе «ардисовского» собрания сочинений Ходасевича (Vol. 1. Ann Arbor, 1983. С. 265). Эти эпиграммы смешны и сами по себе, но события, которые имеются в виду, уже основательно забыты, поэтому развернутый комментарий к ним представляется необходимым.

Само название «Подражания древним» заимствовано Ходасевичем у Пушкина, однако, у того были эпиграммы антологические, действительно подражающие античным. Для современного поэта «древностью» оказывается русская поэзия XVIII-XIX вв. (Ломоносов, Батюшков, Пушкин, Тютчев), а также Гёте, но сами эпиграммы понимаются так, как понимались всегда, – как острая и резко современная шутка, «окогченная летунья», по слову Баратынского. При этом Ходасевич использует дозволенную традицией вольность «ради красного словца не жалеть и родного отца»: в нескольких эпиграммах каламбурные ходы находятся на грани пристойности. Напомним, что именно поэтому эпиграммы и невозможно было зачастую напечатать. Классический пример – две эпиграммы Пушкина на перевод гомеровской «Илиады», выполненный Н.И. Гнедичем.

Одна из них антологическая, в духе античной:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой.

А рядом с ней появилась другая, обидная и несправедливая:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера.
Боком одним с образцом схож и его перевод.

Пушкин густо замарал ее и никогда, естественно, не печатал, словно стараясь вычеркнуть из памяти недостойный поступок. Но ведь все

---

* Здесь представлен вариант (с некоторыми коррективами) части более ранней публикации: Юмор Владислава Ходасевича / Публикация Н.А. Богомолова // Знамя. 2008. № 2. С. 150-159. По убеждению одного из редакторов сборника, этот цикл Ходасевича заслуживает публикации в соответствующем контексте и должен доставить удовольствие читателю, что и подвигло нас на перепечатку.

же он ее написал. Что же его вело? – Логика жанра (эволюция эпиграммы от краткого, часто возвышенного сжатого изречения к столь же краткому комическому стихотворению, основанному на остроте), логика широкого поэтического взгляда, позволяющая увидеть разные стороны явления, логика «литературной шутки». Самые разные поэты создают такие тексты, где разностороннее явление повернуто только одной стороной, временами незаслуженно обидной. Однако через десяток-другой лет, когда персонажи уходят из жизни, остроты эти утрачивают личную направленность, сохраняя всю прелесть каламбура, шутки, иронии.

Как кажется, именно таков случай Ходасевича, шедшего по стопам поэтов пушкинской поры не только в серьезных своих стихотворениях, но и в шуточных.

1

В Академии Наук
Заседает князь Дундук –
А у нас их <тридцать> штук

Отчего же их в Европе
Стало столько заседать?
Оттого, что каждой ж - - е
Нужно было место дать.

2

Ты помнишь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
«Не довелось дожить, – промолвил он сурово, –
До новой свадьбы Милюкова».

3

Все изменилось под нашим зодиаком:
Уж Глебом стал Борис, а Вера стала раком.

4

С тех пор, к<а>к стал Антоний в моде,
Евлогий сумрачно глядел –

И никого во всем приходе
Благословить он не хотел.

5

Песчинка как в морских волнах –
Так он в Раисиных грудях.

<6>

Дарует небо человеку
Замену зол и частых бед.
Абрам Гукасов Казем-Беку
Дал <восемь> франков на обед.

<7>

Ива́нов! Если ты с Ириной
Был счастлив хоть бы миг единый, –
Скажи судьбе: «Не помню зла!»
За все благодарю я небо –
Она, как ветреная Геба,
[Кормя Зевесова орла,]
И мне немножечко дала.

<8>

Милюков: *Gieb meine Jugend mir zurück!*
Могилевский: Верни мне деньги, о Зелюк!

<1930-е гг.>

1.

Парафраз эпиграммы Пушкина, начинающейся теми же строками (1835). Князь Дундук – кн. Михаил Александрович Дондуков-Корсаков (1794–1869), вице-президент Российской Академии наук. В письме к А.Л. Бему от 6 ноября 1935 г., рассказывая о деятельности парижского Пушкинского Комитета, Ходасевич писал: «...на заседаниях Комитета мне все хочется предложить, чтобы почтили вставанием память кн. М.А. Дондукова-Корсакова. Боюсь только, что не поймут, в чем дело, да и согласятся» (Янгиров Рашит. Пушкин и пушкинисты: По материалам из чешских архивов // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 195; Ливак Леонид. Критическое хозяйство Владислава Ходасевича // Диаспора: Новые материалы. IV. Париж; СПб., 2002. С. 439). В примечании к своей публикации Р.М. Янгиров ссылается также на воспоминания подруги поэтессы А.С. Головиной И.Б. Соколовой: «Теперь о Ходасевиче. Он пестовал молодых поэтов, считался непре-

рекаемым авторитетом. В беседе был весел, остроумен, любил посмеяться. “Возьми карандаш, пиши, а то забуду, и это нигде не напечатано”, – как-то сказала мне Алла во время разговора о Ходасевиче:

Все куплю! – сказала злато,
Все возьму! – сказал булат.
Уходи! – сказала злато,
И уйду! – сказал булат.

А то вдруг:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Почему такая честь?
Потому что ж... есть!
А в Париже тридцать шесть! –

Последняя строчка, приделанная Ходасевичем к эпиграмме Пушкина, требует пояснений. В Париже в 1937 году, к столетию гибели Пушкина был образован комитет по организации “Пушкинских дней”, в него входил и Ходасевич. Потом он с ними разругался и ушел, их было 37, а осталось 36!

Или еще: была в Париже такая весьма наивно-сентиментальная поэтесса с громким псевдонимом Любовь Столица:

Знать, Столица та была
Недалеко от села»

(Головина Алла. Вилла «Надежда»: Стихи. Рассказы. М., 1992. С. 357-358). Нетрудно заметить, что младшая подруга Головиной (или она сама) делает ошибки: и деятельность Пушкинского Комитета относилась к более раннему времени (см. об этом в нашей публикации «Два пушкинских замысла В.Ф. Ходасевича»), и Любовь Столица к Парижу не имела ровно никакого отношения, а жила в Софии (Ходасевич же знал ее еще с предреволюционной Москвы). Однако совершенно очевидно, что именно деятельность Комитета и стала объектом издевки поэта.

2.

Ты помнишь, что изрек, Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек? – неточная цитата первых двух строк из стихотворения К.Н. Батюшкова «Ты знаешь, что изрек...» (1821), последнего стихотворения, написанного им до начала душевной болезни. Однако «метафизический намек» относится к тому, что в 1935 году один из наиболее известных политических деятелей эмиграции Павел Николаевич Милюков (1859–1943) овдовел и вскоре вновь женился.

3.

В автографе к слову «Вера» сделано примечание: «Вера Зайцева», впоследствии густо зачеркнутое. Парафраз двустихия, приписывавшегося Пушкину: «Все изменяется под нашим зодиаком: / Лев Козерогом стал, а Дева стала Раком». Ходасевич относит стихотворение к Борису Константиновичу (1881–1972) и Вере Алексеевне (1879–1965) Зайцевым, которых он знал еще с московских времен. Отметим, что в одном из «дон-жуанских списков» Ходасевича фигурирует «Вера (З.)» (Бахметевский архив. № 18), которую, видимо, можно отождествить с В.А. Зайцевой. *Уж Глебом стал Борис* – намек на повесть Зайцева «Путешествие Глеба. 1. Заря» (Берлин, 1937).

4.

Антоний (Храповицкий, 1864–1934) – митрополит, глава Синода русской зарубежной церкви. Евлогий (Георгиевский, 1868–1946) – митрополит, глава западноевропейского экзархата, назначенный патриархом Тихоном. *И никого во всем приходе / Благословить он не хотел* – парафраз строк А.С. Пушкина: «И ничего во всей природе / Благословить он не

хотел» («Демон», 1823). События, лежащие в основе стихотворения, связаны с кризисом в зарубежной русской православной церкви и борьбой за влияние двух ее предстоятелей на паству.

5.

Песчинка как в морских волнах – из стихотворения М.В. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» (1743). *Он в Раисиных грудиах* – речь идет о поэтах (и историках) Михаиле Генриховиче Горлине (1909–1943) и Раисе Ноевне Блох (1899–1943), друзьях Ходасевича, к которым обращены многие его шуточные стихи.

<6>.

Ст. 3-4 первоначально читались:

Раз в Монте-Карло Казем Беку

Гукасов предложил обед.

Дарует небо человеку / Замену зол и частых бед – из «Бахчисарайского фонтана» А.С. Пушкина. *Абрам Осипович Гукасов* (1872–1969) – предприниматель, финансист, владелец нефтяных приисков, издатель газеты «Возрождение» (1925–40), в которой Ходасевич сотрудничал. *Александр Львович Казем-Бек* (1902–1977) – лидер правой партии «Союз младороссов»; в 1956 г. вернулся в СССР.

<7>.

Первоначальный вариант эпиграммы:

Сказал Иванов, глядя в небо:

Ирина, право же, мила:

Она, к<a>ж ветреная Геба,

Кормя Зев<с>ова> орла,

Разок-другой и мне дала.

Во втором варианте ст. 1-3 читались:

Под шум грозы в начале мая

Иванов, <небо?> созерцая,

Сказал: Ирина так мила!

Иванов – поэт, прозаик, мемуарист *Георгий Владимирович Иванов* (1894–1958), отношения с которым для Ходасевича были весьма важны (подробнее см.: Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С. 376–391; Арьев А.Ю. Ничья: Письмо и открытка Георгия Иванова Владиславу Ходасевичу // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: Сб. статей. Кн. 2. СПб., 2002. С. 277–280). *Ирина* – его жена, поэтесса *Ирина Владимировна Одоевцева* (1895–1990). Ходасевич использует образы стихотворения Ф.И. Тютчева «Весенняя гроза» (1828, нач. 1850-х). Ср. также: Богомолов Николай. Из околоакмеистических рассыпей // Toronto Slavic Quarterly. 2005. № 14 (<http://www.utoronto.ca/tsq/14/bogomolov14.shtml>).

<8>.

Первоначально планировались названия: «Ночь в редакции П<оследних> Н<овостей>», «Голоса в ночи». У ст. 2 существует равноправный вариант: «Где наши денежки, Зелюк?» (Ходасевич не зачеркнул ни тот, ни другой, объединил их фигурной скобкой и поставил вопросительный знак). П.Н. Миллюков был главным редактором парижской газеты «Последние новости». *Владимир Андреевич Могилевский* (1879–1974) – заведующий конторой и бухгалтер «Последних новостей». *Орест Григорьевич Зелюк* (1888–1950) – журналист и издатель, владелец типографии «Франко-русская печать», печатавшей «Последние новости». *Gieb meine Jugend mir zurück!* (Верни мне мою молодость! – нем.) – слова из «Фауста» Гёте, использованные Пушкиным как эпиграф к стихотворению «Таврида» (1822).

В стихотворении идет речь о событиях, описанных Андреем Седых в письме декабря 1935 г.: «Слухи о Зелюке в общем правильны. Он обанкротился. Пассив достигает 2 миллионов. Не имея денег, он слишком развернул дело, купил на 800 тысяч машин, дал большой кредит заказчикам и попал в руки ростовщиков. Подвел он не «П<оследние> Н<овости>», а нашего администратора В.А. Могилевского, который наивно выдавал ему дружеские векселя, не проставляя на них суммы. Проставлял Зелюк. Проставлял так хорошо, что Могилевскому представили к оплате на 140.000 франков опротестованных векселей. Бедняге пришлось заложить свою дачу, занимать направо и налево. <...> Словом, Могилевский вывернулся. А что будет с Зелюком – не могу сказать. Он очень запутан» (Письмо М.С. Мильруду, около 15 декабря 1935 г. // Абызов Юрий, Флейшман Лазарь, Равдин Борис. Русская печать в Риге: Из истории газеты *Сегодня* 1930-х годов. Кн. IV: Между Гитлером и Сталиным. Stanford, 1997. С. 188).

НА СМЕРТЬ АНДРЕЯ БЕЛОГО: ПИСЬМО ГРИГОЛА РОБАКИДЗЕ ВЛАДИСЛАВУ ХОДАСЕВИЧУ

Татьяна Никольская

Грузинский писатель, драматург, поэт, критик и переводчик Григол Робакидзе (1880¹–1962) родился в селе Свири Кутаисского уезда в семье пономаря и крестьянки. Закончил в Кутаиси духовное училище и духовную семинарию. В 1901 г. поступил на юридический факультет Юрьевского – ныне Тартуского университета, откуда вскоре был отчислен за неоплату обучения. В 1902 г. Робакидзе впервые поехал в Германию, четыре года проучился на философском факультете Лейпцигского университета, но диплома не получил, так как потерял свое диссертационное сочинение «Проблема истории по Гегелю» во время путешествия во Францию. Некоторое время он жил в Париже, где посещал лекции в Сорбонне и домашний кружок Мережковских².

В 1908 г. Робакидзе вернулся в Грузию и начал выступать с публичными лекциями, в которых знакомил местную публику с работами Ф. Ницше, О. Вейнгенера, О. Шпенглера и других властителей дум того времени. В духе символистских концепций переосмысливал творчество Шота Руставели, Николоза Бараташвили, Важа Пшавела. Культуртрегерская деятельность, начатая Робакидзе в конце 1900-х гг., продолжалась в течение почти четырех десятилетий и стала одной из важных составляющих его творчества.

В 1910 г. Робакидзе вновь поступил на юридический факультет Юрьевского Университета, где проучился до 1914 г. В 1914–15 гг. в выходивших в Тбилиси газетах «Сакартвело» и «Кавказ» он регулярно печатал, как по-грузински, так и по-русски статьи и рецензии, большинство из которых было объединено темой «Война и культура». Робакидзе занимался и преподавательской деятельностью, читал лекции о новейших течениях в русской философии и поэзии. На Высших женских курсах грузинской столицы – в альманахе курсов «Зарницы», вышедшем в 1916 г., поместил свои стихи и прозу³. После открытия в 1918 г. Тбилисского Государственного Университета был избран доцентом по кафедре грузинской литературы.

В 1915 г. в Кутаиси сформировалась группа молодых поэтов «Голубые Роги», стремящихся к обновлению грузинского стиха и освоению на грузинской почве достижений западноевропейского и русского символизма. В состав этого объединения, просуществовавшего, не-

смотря на все катаклизмы, до 1931 г. не только как литературная группировка, но и как дружеский союз, своего рода мистический орден, вошли Т. Табидзе, П. Яшвили, В. Гаприндашвили, К. Надирадзе и др. Своим вождем они избрали более опытного в литературном отношении Робакидзе, который, в свою очередь, посвятил новому направлению статью «Грузинский модернизм», опубликованную в 1918 г. в журнале "Ags"⁴.

В период независимости Грузии 1918-21 гг., когда в Тбилиси приехали, спасаясь от последствий октябрьского переворота, русские художники, поэты и артисты, Робакидзе лелеял мечту о превращении грузинской столицы в маленький Париж, принимал живое участие в дискуссиях, собраниях и вечерах, которые устраивала русская интеллигенция. В 1920-е гг. он также получил в Грузии широкую известность как драматург: его пьесы «Лонда», «Мальштрем», «Ламара» с успехом шли на тбилисской сцене в постановках К. Марджанишвили и С. Ахметели. Пьеса «Ламара» была представлена летом 1930 г. на первой Олимпиаде национальных театров в Москве и произвела фурор.

В середине 1920-х гг. Робакидзе дебютировал в печати как романист. Его роман «Змеиная кожа» (1926) – многоплановое произведение, в котором нашли отражение сюжетные мотивы мифа об Эдипе, «Витязя в тигровой шкуре» Руставели, «Петербурга» Андрея Белого. Действие романа переносится из Персии и Месопотамии в Европу, с острова интеллектуалов, созданного воображением автора, в Россию периода Гражданской войны и в Грузию. Герой романа Арчибальд Мекеш ищет и находит тайну своего рода, обретает почву. Робакидзе создал новый для грузинской литературы тип героя – сильной личности, стремящейся к восстановлению прерванной родовой связи. Роман был переведен на немецкий язык. Для подготовки этого издания Робакидзе как внештатный корреспондент газеты «Заря Востока» в 1927 г. отправился в Германию, где пробыл более семи месяцев. Роман вышел в 1928 г. в издательстве Дидерихса с предисловием Стефана Цвейга.

В начале 1931 г. после двухлетних хлопот Робакидзе с большим трудом удалось получить разрешение на выезд и уехать в Германию для подготовки зарубежных гастролей театра им. Шота Руставели. В 1932 г. он стал получать из Тбилиси письма с настоятельными советами срочно вернуться в Грузию, показавшимися ему подозрительными⁵. Решение не возвращаться Робакидзе принял в 1933 г., когда после долгих раздумий отдал в печать свой новый роман «Убиенная душа». В этой книге писатель стремился раскрыть механизм публичных покаяний на советских показательных процессах. На примере своего героя Тамаза Робакидзе показал, как государственная карательная машина убивает волю и калечит душу человека. Сталина он изобразил демоническим

диктатором, присвоившим себе огромную власть⁶. После того, как о содержании книги стало известно в Грузии, друзья были вынуждены публично от него отречься. В 1935 г. Робакидзе был лишен советского гражданства.

Выходившие в немецком переводе его романы о Грузии, такие как «Зов богини» (1934), «Хранители Грааля» (1937) пользовались в Германии успехом, также как и его статьи о грузинской истории, этнографии и мифологии. Мифопоэтическое восприятие, неспособность отделить миф от истории вкупе с ненавистью к цинизму сталинской диктатуры привели Робакидзе к увлечению другими демоническими личностями – Гитлером и Муссолини. В немецком фюрере он, подобно Д.С. Мережковскому и ряду других эмигрантов, видел орудие борьбы с большевизмом, навязанным Грузии извне. Робакидзе написал книги, восхваляющие Гитлера и Муссолини, которые использовались министерством пропаганды. Однако сам писатель не считал свои книги фашистскими⁷.

В апреле 1945 г. Робакидзе с семьей перебрался из Берлина в Швейцарию, где обосновался в Женеве, получив статус «интеллектуального эмигранта». Он продолжал тосковать о Грузии, о чем свидетельствуют его статьи в парижском грузинском журнале «Беди картлиса», следил за крупными явлениями в русской литературе. Писатель умер в возрасте 82 лет. Он был похоронен на женевском кладбище, откуда его прах был перенесен на грузинское кладбище под Парижем.

Андрей Белый, и Г.Робакидзе впервые увидели друг друга 5 марта 1907 г. в Париже на лекции Д.С. Мережковского⁸. Импозантный незнакомец запомнился Белому:

Раз слушал я лекцию Мережковского в русской колонии, твердого вида мужчина, сложив свои руки крестом на груди, прислонясь плечами к стене, вздернув профиль, замраморел, стоя как статуя древняя. <...>. Он не пошел возражать, грянув с места отчетливым голосом, тщательнейше вылепляя, как профиль, слова; и, умолкнув, сложил свои руки крестом, прислоняясь к стене и не двигаясь с места. <...> С этим виднейшим писателем, классиком от символизма и руководителем группы грузинских поэтов, которого книга поздней прогремела в Германии, встретился я – через двадцать три года: в Тифлисе.⁹

21 марта 1907 г. Белый получил от З.Н. Гиппиус письмо, в котором она положительно охарактеризовала нового знакомого – после лекции Робакидзе представился докладчику и был приглашен в домашний кружок Мережковских: «А этот Рыбакидзе <sic! – Т.Н.> или Кабакидзе <sic! – Т.Н.> оказался очень ничего, дельно говорил; называл себя индивидуалистом, идеалистом и учеником Риккерта»¹⁰.

Прошли годы. В 1918 г. в тбилисском журнале “Ars” была опубликована статья Робакидзе «Андрей Белый»¹¹, в которой прослеживается путь писателя от «Симфоний» и «Серебряного голубя» к «Петербургу». Главное внимание критик уделял последнему роману и, в особенности, его астральному плану. Боязнь пространства, свойственную героям произведения, равно как и присущее им обостренное чувство времени Робакидзе объяснял астральным мироощущением создателя книги. Главным героем романа он посчитал Петербург – фантастический город, символ призрачной земли и провозвестник мирового нигилизма¹². К теме Петербурга Робакидзе возвращается в романе «Кожа змеи» (1926), где в главе «Норд-ост» варьирует пассажи о городе-призраке из статьи «Андрей Белый» и эссе «Фантастический город», опубликованного в 1917 г. на грузинском языке в газете «Сакартвело»¹³.

В статье «Андрей Белый» Робакидзе высказывал также свои соображения по поводу ритма прозы Белого, посредством которого писатель организует хаос:

Пишет ли Белый, говорит ли Белый, – ощущаешь всегда то благодать “священного безумия” <...> то проклятие “неправого безумия” <...>. Апокалипсический эпилептик он потому так страстно отдается безумным глаголам темно-ликого хаоса. Эти глаголы слышатся в его симфониях – где он силится при помощи напряженного словесного контрапункта обуздать их яростное безумие.¹⁴

Ритмическая организация текста играла важную роль и в произведениях самого Робакидзе – стихах, драмах-мистериях, романе «Кожа змеи». Как отмечал Тициан Табидзе в рецензии на драму «Лонда»:

Пронизанная непрерывающимся головокружительным ритмом “Лонда” представляет собой произведение, в котором каждое слово обретает первобытную энергию, напоминающую симфонические творения Белого.¹⁵

Личное знакомство Белого и Робакидзе состоялось в Тбилиси 8 мая 1928 г., когда Андрей Белый и К.Н. Васильева (Бугаева) приехали в Грузию во второй раз. Еще до этого в первый приезд летом 1927 г. Робакидзе был «заочно» представлен Белому – сам грузинский писатель был в отъезде:

Между прочим: по грузинскому обычаю, на дружеских обедах поминают отсутствующих “друзей”, мне был заочно представлен и “рассказан” Робакидзе <sic! – Т.Н.> отсутствующий; и мне было предложено выпить за его здоровье...¹⁶

Весной–летом 1928 г. Робакидзе неоднократно встречался и беседовал с Белым. «Заходил Р<обакидзе>, – записала Клавдия Николаевна в дневнике 12 мая 1928 г., – опять поднялся ряд острых вопросов. Одна из тем – Ницше <...>. Говорили о прямотушии и даже наивности немцев, о странной невзыскательности нас перед ними; о ритме и Маяков-

ском, о лирике и “эпопее”, и о чем еще»¹⁷. Бугаева выделяла Робакидзе среди других поэтов-голуборожцев как самого близкого Белому и ей по духу, обладающему склонностью к самопознанию:

Очень сближает с грузинами их детская открытость и непосредственность. Чувствуешь себя как-то проще. Но, Боже мой! до чего их сознание не наше. И скажу: только в одном Робакидзе слышишь знакомые ноты. И это след Германии в нем. Странно: через Германию мы узнаем друг друга...¹⁸

В середине августа 1928 г. Андрей Белый и К.Н. Бугаева вернулись в Кучино. Вскоре Белый получил письмо от Робакидзе, отдохавшего в Геленджике, датированное 24 августа. Грузинский корреспондент сетовал, что ему «не хватает духовной атмосферы, которая создалась между нами», приводил аннотацию на немецком языке на его роман «Кожа змеи», печатавшийся в Германии, и сообщал, что возможно приедет в Москву на «Толстовские торжества»¹⁹. На торжества в честь 100-летия со дня рождения Льва Толстого, проходившие в Москве с 10 по 17 сентября 1928 г., Робакидзе приехал и 16 сентября вместе с Тицианом Табидзе и его женой Ниной нанес Белому визит в Кучино. Белый читал гостям начало второго тома «Москвы»²⁰. А 17 декабря 1928 г. Робакидзе благодарил Белого и К.Н. Бугаеву за интерес к его роману «Кожа змеи», вышедшему в немецком переводе во второй половине сентября 1928 г.:

Я очень рад творчески, что Вас и Клавдию Николаевну мой роман серьезно взволновал и вы о нем много и долго говорили. Это значит для меня очень и очень много...²¹

Личное общение Белого и Робакидзе продолжилось летом 1929 г. во время третьей и последней поездки Белого в Грузию²². В дальнейшем писатели не встречались, но переписка между ними не прекращалась, во всяком случае, до отъезда Робакидзе в Германию весной 1931 г. В известных нам письмах Робакидзе выражал восхищение книгой Белого «На рубеже двух столетий»: «<...> портретное искусство там кажется мне совершенно исключительным по новизне письма и выразительности. В главке “Поливанов” к этому добавляется еще и необычайная любовь». Он беспокоился о здоровье писателя: «Вы написали за этот год 60 печатных листов <...>. Ведь это – простите: выражаясь строго: саморазрушение»²³.

Мы не знаем, продолжал ли Робакидзе писать Белому из Германии. Известно лишь, что смерть Белого стала глубоким потрясением для грузинского писателя. Об этом он писал 15 января 1934 г. Стефану Цвейгу:

Дорогой друг <...>.

На меня обрушились за это время разные бытовые неприятности, и мне никак не удавалось ответить на Ваше сердечное лондонское письмо.

Сегодня сел было писать Вам подробно, но прочитал в одной из русских газет: мой друг²⁴; великий русский писатель Андрей Белый – Вы, конечно, знаете его замечательное произведение “Серебряный голубь”²⁵ – умер в Москве. Я совсем без сил.

Сердечно Вам преданный Григол Робакидзе.²⁶

Письмо Цвейгу впервые было опубликовано и переведено К. Азадовским в подборке других писем Робакидзе, там же в примечаниях был процитирован фрагмент письма Робакидзе к Владиславу Ходасевичу от 13 мая 1934 г., которое публикуется ниже по автографу, сохранившемуся в бумагах Н.Н. Берберовой (нынешнее местонахождение: Yale University. Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Nina Berberova Collection. Gen Mss 573).

Выражаем благодарность А.Б. Устинову за возможность ознакомиться с текстом письма. К сожалению, нам неизвестно сохранились ли ответные письма А.Белого к Робакидзе. Часть архива грузинского писателя погибла при бомбежке Берлина, другая часть бесследно исчезла. Некоторые материалы хранятся в государственных и в частных архивах как в Грузии, так и за ее пределами, но даже слухи о местонахождении писем русских писателей до нас не доходили.

п р и м е ч а н и я

- ¹ Дата дана по метрическому свидетельству; см. о нем: Никольская Т. Триумф и трагедия Григола Робакидзе // Звезда. 2004. № 9. С. 123-137; Бакрадзе А. Карду, или Жизнь и подвиг Григола Робакидзе. Тбилиси, 1999 (на грузинском языке).
- ² Подробнее см.: Соболев А. Мережковские в Париже. 1906–1908 // Лица. Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 355-356.
- ³ См.: Никольская Т. Альманах «Зарницы» (в печати).
- ⁴ Робакидзе Г. Грузинский модернизм // Ars. Ежемесячник искусства и литературы. 1918. № 1. С. 46-52.
- ⁵ Своими подозрениями Робакидзе делился с Цвейгом. См.: Письмо Робакидзе Ст. Цвейгу от 9 сентября 1932 г. (Григол Робакидзе. «Я всегда буду помнить Зальцбург...»). Из писем к Стефану Цвейгу / Публ. и перевод К. Азадовского. Прим. К. Азадовского и Т. Никольской // Звезда. 2004. № 9. С. 156).
- ⁶ Подробнее об этом романе см.: Курганов Е. Возвращение мифа // Дружба народов. 1990. № 4. С. 156-161; в этом же номере журнала роман опубликован в переводе с немецкого С. Окропиридзе (С. 80-156).
- ⁷ Подробнее см.: Никольская Т. Триумф и трагедия Григола Робакидзе // Звезда. 2004. № 9. С. 134, 135, 137.
- ⁸ Робакидзе упоминает в эссе «Андрей Белый»: «Я слышал его <А.Белого> только раз в Париже на лекции Мережковского // Робакидзе Г. Портреты. Тифлис, 1919. С. 53.
- ⁹ Андрей Белый. Между двух революций. М., 1990. С. 171.
- ¹⁰ Цит. по: Соболев А. Мережковские в Париже 1906-1908. С. 355.
- ¹¹ Ars. 1918, № 2/3, С. 49-61; см. также: Робакидзе Гр. Портреты. Тифлис, 1919; Литературная Грузия. 1988, № 2, С. 133-146.; статья «Андрей Белый» была написана не позднее конца 1916–начала 1917 г.

- ¹² Робакидзе во многом повторяет основные положения статьи Н. Бердяева «Астральный роман». См.: Бердяев Н. Кризис искусства. М., 1918. С. 36-43.
- ¹³ Так, например, в романе «Кожа змеи» он пишет: «Финские болота фосфоресцируют в ночи. Фосфорический свет раздваивает очертания предметов. На петербургский гранит обрушиваются призраки», – цит. по русскому переводу Камиллы Коринтэли (Литературная Грузия. 1991. № 3. С. 24).
- ¹⁴ Робакидзе Гр. Портреты. Тифлис, 1919, С. 52.
- ¹⁵ Табидзе Т. Лонда // Рубикони. 1923. 18 февраля (на груз. яз.). Эпилептический ритм, характерный для поэзии Робакидзе, отмечен также в другой статье: Ингороква П. Григол Робакидзе // Рубикони. 1923. 18 февраля (на груз. яз.).
- ¹⁶ Письмо Белого Иванову-Разумнику от 19-21 августа 1927 г. // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 530.
- ¹⁷ Бугаева (Васильева) К.Н.. Дневник. 1927–1928 // Лица 7. С. 251.
- ¹⁸ Бугаева К.Н.(Васильева). Указ. соч. С. 301.
- ¹⁹ Письмо Г. Робакидзе Андрею Белому от 24 августа 1928 г. // РО ГБЛ. Ф. 25. Андрей Белый. К. 22. Ед. хр. 6.
- ²⁰ Робакидзе Г. Дни Толстого // Мнатоби 1928. № 10. С. 188.
- ²¹ Там же.
- ²² См. запись Белого в «Ракурсе к дневнику» за 2 июля 1929 г. «<...> Вечер с поэтами: Тициан, Паоло, Григорий Робакидзе» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 646).
- ²³ Письмо Робакидзе Белому от 16 января 1931 г. См.: Нерлер П. Андрей Белый и поэты группы «Голубые Роги» // Вопросы литературы 1988. № 4. С. 282.
- ²⁴ В письме к А. Белому от 16 янв. 1931 г. Робакидзе писал: «Дорогой Борис Николаевич. Большое спасибо за Ваше сердечное письмо. Я очень рад, что наконец решились назвать меня другом. Я Вас не просто ценю, но и люблю» (Нерлер П. Андрей Белый и поэты группы «Голубые Роги» // «Вопросы литературы» 1988. № 4. С. 282).
- ²⁵ Разбирая роман «Серебряный голубь» в эссе «Андрей Белый», Робакидзе писал, что в этом произведении Андрей Белый подлинно подошел к России, в лоне которой увидел «темную стихию варварского дионисизма», оставшуюся «неодоленной и неосветленной» (Робакидзе Гр. Портреты. Тифлис, 1919. С. 55).
- ²⁶ Григол Робакидзе. «Я всегда буду помнить Зальцбург...». Из писем к Стефану Цвейгу / Публ. и перевод К. Азадовского. Прим. К. Азадовского и Т. Никольской // Звезда. 2004. № 9. С. 158.

13.8.1934

Многуважаемый
Владислав Ходасевич,

Вернувшись после долгой поездки в Берлин¹ застал у себя целую кучу номеров “Возрождения”, и среди них те, в которых помещены Ваши воспоминания об Андрее Белом². С громадным душевным напряжением прочёл я эти незабываемые слова. Я знаю всю литературу об Андрее Белом, и смею заявить: ничего более верного о нём я не читал. Я считаю

Многообразие мысли

Владимир Ходасевич,

Взрывается после долгой паузы в Восточном фронте, в 1918 году

Али номере "Возрождения", и брати мои, та, Александрович Владимир

Ваши воспоминания об Андрее Белом, о времени творческой жизни

многого пробы и эти называемые слова, в том же духе, что и у

Андрея Белого, и смело забыть! Иные же, Андрей Белого, и другие

взвешивая своим литературным талантом, чтобы достигнуть до

того в Ваших воспоминаниях я увидел предельное проникновение в

метафизическую суть Андрея Белого, творца и человека. Только

времён ЛЮБОВЬ и покойному способна была родить такую Истину

о нём. И это — в наше время, когда Любовь на ущербе, и Истину

заменяет "Интерес". Единим будет, преобладающим, если я скажу,

это такая память о нём, осветлённая надземным горением

горением, примет Покойному в "восточном фронте"

А Покойному... А познанию... в "восточном фронте" в Тифлисе, лето

1928-го года. В последние годы его многообразие мысли в "восточном

фронте", потому, что "восточный фронт" — не был другим фронтом, как

рань слова "восточный фронт" (находящийся) и не был "восточным фронтом"

большевиком, а это — "восточному" отсылка к "находящемуся"

Он знает, почему нас, "восточный фронт" и "восточный фронт". У него

в нём сразу выразилось "восточный фронт", характер "восточного фронт"

своим литературным долгом засвидетельствовать Вам, что в Ваших воспоминаниях я увидел предельное проникновение в метафизическую суть Андрея Белого, творца и человека. Только огромная ЛЮБОВЬ к покойному способна была родить такую Истину о нём. И это — в наше время, когда Любовь на ущербе, а Истину заменяет "Интерес". Едва ли будет преувеличением, если я скажу, что такая память о нём, осветлённая каким-то надземным горением, поможет Покойному в его мучи-

Встреча с ним была оживленной «событием»: Помню: раз у меня (Татьяна) он и провозился полчаса, многоканное Евангелие - Рудольфа Штайнскара: в таком виде я его никогда не видела: он говорил в нем тепло, густой - шал катилось возматалась тут же обаянием его языка: Он стал Штайнскара страшно влюблен: Блажен Николаевич постоенно сотрудничал его, составляя ему авторству таланты и любви: Я думаю, что от «русского надвига» неслыхно его око, М. Д. и выживала, но в конце концов так же омученые через него: необычайная открытость при талос-та необычайной безблаготворности: «Вар» без «Благотворности» так определял и воспринимал: Рабучаеся, очень приближительно, очень гаваралась... Явно и послыл его в Кузнецко, А реалел в Европу, Он - лещ: Помню его, слова: «У нас революция была аполитическая, в Европе она будет аполитическим ударом»: Много, много говорили мы о сути русской революции: Один раз он, вне себя, крикнул: «Если я махну от стран. (М. Д. Боярский)» - это будет не Мерастиковский! Парламентской в Европу - Судьба была мне изумительная Случайность, как Подарок: Эти войны были встретиться в Москве: Не утонул... С. Гегель в вердизе отпустил: Он так и покинул земной план, но прожил долгую жизнь: «Die Zeitgeist der Seele» (роман о метафизической души Вальтера) - как раз его мне и подарил: Мне интересно выслушать...

3) Павел Павлович от 3-х лет
 4) Павел Павлович от 3-х лет

Van Klaren
 Siegel Rabinowitz

Погода... Вильямс № 50; Насло...
 Вильямс - Жел. Гасталла 34, вл. Вильямс

тельных восхождениях к Вечному... Я познакомился с Андреем Белым в Тифлисе, летом 1928-го года³. В последние годы его необычайно тянуло в Грузию, м.б. потому, что первозданная свежесть моей родной Земли, которая смогла выдержать (навсегда ли?) напор всеуничтожающей стихии большевизма, как-то по "природному" оживляла его, Надломленного. Он часто посещал нас, грузинских поэтов и писателей⁴. У меня с ним сразу завязалась дружба, характера духовного, не "личного"⁵.

<об.> Встреча с ним всегда оказывалась “событием”. Помню: раз у меня – мы были вдвоём⁶ – зажётся он и пророчески передал “ненаписанное Евангелие” Рудольфа Штейнера⁷. В таком экстазе я его никогда не видал: он говорил всем “телом”. Глубочайшая нежность сочеталась тут со священной строгостью. Он ставил Штейнера страшно высоко...⁹ Клавдия Николаевна постоянно сопровождала его, создавая ему атмосферу теплоты и любви. Я думаю, что от “берлинского надрыва”¹⁰ исцелила его она¹¹. М.б. я ошибался, но я всегда имел такое ощущение перед ним: необычайная одарённость при такой же необычайной безблагодатности. “Дар” без “благодати” так определял я его суть. Разумеется, очень “приблизительно” очень гадательно^х)... Осенью я посетил его в Кучино¹². Я рвался в Европу¹³. Он – нет. Помню его слова: “У нас революция была аппендиксом, в Европе она будет апоплексическим ударом”... Много, много говорили мы о сути русской революции. Один раз он, вне себя, крикнул: “Если я напишу об этом (т.е. о большевизме) – Это будет не Мережжжкоовский!” Перед отъездом в Европу – Судьба дала мне изумительную Случайность, как Подарок, – мы должны были встретиться в Москве. Не удалось...¹⁵ С болью в сердце отмечаю: он так и покинул земной план, не прочитав моей последней книги “Die gemordete Seele” (роман о метафизической сути большевизма)¹⁶ –, как раз его мнение было бы мне интересно выслушать.

Von Herzen¹⁷

Grigol Robakidze

Постоянный адрес: Berlin W. 50. Nachodstr. 7

Временный – Jena, Faestrasse 34, bei Bergmann¹⁸

х) После Ваших слов я уже знаю суть Андрея Белого...¹⁹

- ¹ Со времени приезда в Германию весной 1981г. до переезда в Швейцарию в апреле 1945г. Робакидзе жил в Берлине.
- ² Робакидзе имеет в виду воспоминания В. Ходасевича, опубликованные в газете «Возрождение»: «Андрей Белый» (13 января 1934 г.) и «Андрей Белый: Черты из жизни» (8, 13, 15 февраля 1934 г.).
- ³ Знакомство Робакидзе с Белым состоялось в компании уже знакомого им грузинского поэта Паоло Яшвили на улице Тбилиси. К.Н. Бугаева отметила в своем дневнике «Умное и волевое» лицо Робакидзе (Бугаева (Васильева) К.Н. Дневник. 1927–1928. С. 246; запись от 9/V.1928).
- ⁴ Белый побывал в Грузии в 1927, 1928 и 1929 гг. В первую поездку он познакомился и сблизился с поэтами из группы «Голубые Роги». В 1928 и 1929 гг. Белый несколько раз гостил в доме Тициана Табидзе, причем хозяин дома был вынужден уходить ночевать в Дом Писателей. Подробнее см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 529-530; Табидзе Н. Андрей Белый / Табидзе Н. Память. Главы из книги «Дом подчинами». Тбилиси, 1976. С. 60-55.

- ⁵ С этим высказыванием сопоставимы слова Робакидзе о дальности/близости к нему Андрея Белого, произнесенные во время застолья у Табидзе 9 мая 1928 г. (см.: Бугаева (Васильева) К.Н. Дневник. 1927–1928. С. 248; запись от 9/V.1928).
- ⁶ Возможно эту беседу имеет в виду Бугаева в записи от 26 мая 1928 г.: «В семь заехал за Б.Н. Робакидзе для разговора вдвоем» (Бугаева (Васильева) К.Н. Дневник. 1927–1928. С. 279).
- ⁷ Имеется в виду т.н. «Пятое Евангелие» – цикл из пяти лекций Штейнера, прослушанный Белым в Христиании (Осло) в начале октября 1913 г.
- ⁸ Свое состояние после прослушивания лекций этого цикла Белый описывал в «Воспоминаниях о Штейнере»: «Для меня встреча с доктором с первой лекции этого курса – первая встреча <...> И я понял впервые себя; и я понял впервые Иисуса; и я понял впервые доктора с темой второго пришествия: оно нам – имманентно!» (Белый А. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере. М., 2000. С. 508, 511).
- ⁹ Об отношении Белого к Штейнеру см.: Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 203-218; Спивак М. Андрей Белый–Рудольф Штейнер–Мария Сиверс // Литературное обозрение. 1998. № 4/5. С. 44-68.
- ¹⁰ В Берлине, где он был с 18 ноября 1921 по 21 октября 1923 г., Белый пережил глубокий кризис, описанный, в частности, в эссе М. Цветаевой «Пленинный дух».
- ¹¹ Клавдия Николаевна Бугаева, по первому мужу Васильева, урожденная Алексеева (1886–1970) – многолетний друг и помощник Белого. О ее роли в преодолении берлинского кризиса см.: Малинин Н. Предисловие // Бугаева (Васильева) К.Н. Дневник. 1927–1928. С. 191-197; Малмстад Джон. Предисловие // Бугаева К.Н. Воспоминания об Андрее Белом. СПб., 2001, С. 5-33.
- ¹² Робакидзе вместе с Т. Табидзе и Н. Табидзе посетил Белого в Кучино 16 сентября 1928 г. См.: Робакидзе Г. «Дни Толстого» // Мнатоби. 1928. № 10. С. 188 (на грузинском яз.); Никольская Т. К истории одного визита // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова. М.; СПб., 2009. С. 448-449.
- ¹³ С 1928 по 1930 гг. Робакидзе безуспешно пытался получить заграничный паспорт для новой поездки в Германию. Только после встречи с А.Енукидзе в конце 1930 г. вопрос о его временном выезде за границу был решен положительно.
- ¹⁴ Д.С.Мережковский занимал радикальную антибольшевистскую позицию, заявленную сразу после Октябрьского переворота и не изменившуюся в эмиграции. В большевизме он видел воплощение абсолютного зла и поддерживал иностранную интервенцию как средство борьбы с этим злом.
- ¹⁵ Надежду на встречу перед отъездом в Германию Робакидзе выражает в письме к Белому от 16 января 1931 г. из Тбилиси; см.: Нерлер П. Андрей Белый и поэты группы «Голубые Роги» // Вопросы литературы. 1988. № 4. С. 382.
- ¹⁶ Книга «Убиенная душа» вышла в издательстве «Дидерихс» в Йене осенью 1933 г. В этом романе Робакидзе хотел «совершенно объективно передать демоническую сущность большевизма» – из письма Робакидзе к Ст. Цвейгу от 28 окт. 1933г. (Григол Робакидзе. «Я всегда буду помнить Зальцбург...». С. 157).
- ¹⁷ Сердечно (нем.).
- ¹⁸ Корнелиус Бергман – многолетний сотрудник издательства «Дидерихс» в Йене.
- ¹⁹ Ходасевич видит истоки парадоксализма в характере и творчестве Белого в конфликте между отцом и матерью писателя, оказавшем неизгладимое влияние на детскую психику и неоднократно изображенном, начиная с «Петербурга», в его романах.

«В первые же дни он <Л. Флейшман> мне добросовестно сказал: „вы, наверное, захотите посмотреть Сан-Франциско?“ Я ответил: „Знаете, я близорук, природу не воспринимаю“ итд. Но когда приехал <Сергей> Дорцвайлер, он-таки захотел посмотреть Сан-Франциско. Показывать город взяли Андрея Устинова, потому что Флейшман города не знал, водить автомобиль в такую даль не привык и бывал там редко. На вопрос „зачем же Вы нас повезли?“ Флейшман ответил: „А я люблю

делать то, чего не люблю“. Города Сан-Франциско я так и не видел, потому что смотрел только за тем, чтобы не потерять спутников» (Из письма М.Л. Гаспарова к И.Ю. Подгаецкой декабря 1992 г.).

ВЫЧЕРКНУТЫЙ БАЛДА, ВИНЕГРЕТ «ПО-СЕЛЬВИНСКИ», ИЛИ ВОЛШЕБНЫЕ ПРЕОБРАЖЕНИЯ САШКИ ЖАРОВА

(О купюрах в письмах А.П. Гайдара)

Мария Котова

Кажется очевидным тот факт, что одной из важнейших задач, стоящих перед публикатором литературного наследия, является кропотливое воссоздание облика писателя. Парадоксальным образом, советские публикаторы бестрепетной рукой нещадно вычеркивали, никак этого не оговаривая, из текстов «правоверных» советских писателей все, что «принижало» их и размывало «хрестоматийный глянец». С изумлением можно удостовериться в том, что советские эдизционные традиции живы и поныне.

В новейшем сборнике воспоминаний и писем А.П. Гайдара¹, земляки писателя перепечатали его письмо к Р.И. Фраерману², опустив три четверти текста, ранее целиком опубликованного в 1987 г. Александром Добкиным в альманахе «Минувшее». Для примера процитируем один из удаленных фрагментов письма: «Я живу в лечебнице Сокольники. Здоровье мое – хорошее. Ни о чем плохом не думаю. Одна беда – тревожит меня мысль – зачем я очень изоврался. Я не преступник, не искатель материального счастья, я не ношу тайной и злорадной мысли сделать людям зло и казалось нет никаких причин оправдывающих и объясняющих это постоянное и мучительное вранье, с которым я разговариваю с людьми»³. Не допуская мысли, что арзамасские исследователи перепечатали письмо прямо из давнишнего собрания сочинений, даже не сверившись с архивными источниками, мы вынуждены констатировать тот факт, что и в наши дни публикаторы оберегают читателя от «сомнительной» информации.

Забеспокоившись и заглянув ради проверки в другие письма Гайдара к друзьям, приходится убедиться, что и там беспокойство о нравственном облике читателя («как бы чего не вышло») не покидает публикаторов. Об этом свидетельствуют ниже выделенные жирным шрифтом восстановленные купюры. Мы же только хотим разъяснить себе и читателям, какие резоны, иногда очевидные, иногда – на редкость причудливые, – толкали публикаторов советской выучки на подчас существенные изъятия.

Судя по купюрам, истинно советскому писателю не полагалось, во-первых, выражать недовольство распоряжениями властей. Сетования

Гайдара, практически привязанного к работе в Клину в 1940 г., были нещадно вычеркнуты из текста письма при публикации.

Во-вторых, образ настоящего советского писателя принижали колебания и сомнения в собственном творчестве и потому строки, свидетельствующие о подавленном состоянии писателя, были выброшены из всей переписки с Фраерманом.

В-третьих, безупречный портрет Гайдара размывали мелкие хозяйственные и денежные просьбы, неурядицы в личной жизни, а также расспросы о друзьях, например, о свадьбе Александра Роскина или о ссоре Фраермана с Софьей (Тусей) Разумовской. И, конечно же, советскому писателю приличествовало серьезно относиться к братьям по перу и не позволять себе легкомысленных аттестаций, хотя бы и в письмах к друзьям. Вычеркнувшие несколько слов из досужей осторожности, публикаторы таким образом практически поменяли смысл письма на противоположный, превратив Александра Жарова в скучного советского классика – «поэта революционной молодежи» и «ветерана комсомола».

Некоторые купюры трудно оправдать даже самыми ревнивыми заботами о сохранении образцовой физиономии писателя. Отчего-то из нетерпеливого письма Гайдара было удалено совершенно безобидное, хотя и зашифрованное, слово, призванное «устрашить» медлящего с покупкой литфондовой путевки Бениамина Ивантера. А из письма к Разумовской от 16 февраля 1935 г. были изъяты шуточные рассуждения Гайдара о «винегрете по-сельвински» и силе поэтической славы, которые, видимо, по мысли публикаторов, порочили не только Илью Сельвинского, но и несерьезного Гайдара.

Друзья Гайдара вспоминали о нем как о неутомимом выдумщике, чудеке, любящем шутки. Иван Халтурин, близкий друг писателя, замечал: «Я часто думаю, что без чувства юмора Аркадий Гайдар просто не мог бы существовать.<...> Он не был присяжным блестящим остроумцем, которых много в литературной среде, но каждый разговор, всякое его письмо друзьям или близким согреты своеобразной гайдаровской шуткой»⁴.

Предоставим читателю возможность самому оценить юмор Гайдара – без купюр⁵.

п р и м е ч а н и я

¹ Обыкновенная биография в необыкновенное время: А.П. Гайдар в воспоминаниях современников. Арзамас, 2008.

² Там же. С. 331.

³ А. Гайдар. «Письмо Р. Фраерману». Публ. Н. Стахова [А.И. Добкина]. *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 3. Paris: Atheneum, 1987. С. 348-352. См. отклик: Б. Закс.

«Заметки очевидца: П. Еще раз о письме Аркадия Гайдара». *Минувшее. Исторический альманах*. 5. Paris: Atheneum, 1988. С. 382-390.

⁴ И.Халтурин. «Воспоминания». *Жизнь и творчество А.П. Гайдара*. М., 1951. С. 243.

⁵ При публикации письма № 1 сохранены особенности стиля оригинала. Зачеркнутые фрагменты заключены в квадратные скобки. Написание некоторых слов приведено в соответствие с нормами орфографии.

1.

Гайдар – Фраерману

27 января 1935 г. Арзамас¹.

Дорогой Рувим!²

Все на месте. Кончаем устраиваться. У нас две небольших комнаты, рядом старик со старухой. Крылечко, дворик с кустами малины, заваленной сугробами. В пяти минутах базар, в трех минутах широкое поле, на столе керосиновая лампа, а на душе спокойно.

Очень я хорошо сделал что уехал. Арзамас с тех пор как я его оставил³, изменился не очень сильно, – поубавилось церквей, поразбежались монахи да и то часть встретились: там на базаре инокиня торгует по-тихонечку иконами, смоляным ладаном, венчальными свечами, тряпичными куклами; там, глядишь, престарелый Пимен тянет за рога упирающуюся козу – и славословит ее матом, или кротко поет хвалу богу и добирает в кружку до поллитра.

– Арзамас район крестьянский, – нет здесь ни днепростроев через Тешу, ни магнитстроев – на месте старых кирпичных сараев. Зато много кругом – хороших колхозных сел и деревенок.

– Веселые здесь дважды в неделю бывают базары – свиней повезут на возах целыми тушами. – Там целые горы березовых веников.

Возы с золотым арзамасским луком, овчина валенки, – пшено крупа мука овес. – В общем все не дорого и всего вдоволь. Светке⁴ я купил санки, и выстроил ей во дворе большую снежную крепость с бойницами. Вчера там был впервые поднят военный флаг, – и Эрка⁵ со Светкой героически отражали мои бешеные атаки, – причем я получил контузию прямо в рот, а Светка от радости до того хохотала, что к великому конфузу Эрки, – тут же в крепости опрудилась.

В общем кажется будем жить весело. Послезавтра оклею обоями комнаты, [и] тогда буду совсем свободен. И можно будет подумывать и о работе. Что-то близко вертится, вероятно скоро угадаю⁶.

Как же поживаете вы? Как наш цека?

– Верно ли что Роскин женится⁷. Мне что-то не очень верится – может быть Ванька⁸ и врет. А впрочем все под богом ходим. Если да, то передай ему от меня крепкий привет и скажи, что бу-

кет цветов за мной не пропадет. А на ком? Если я знаю того человека, то напиши.

Мне очень жаль, что ты поссорился с Соней⁹, хотя она и порядочная язва, но я уже как-то привык ее любить, и иначе не представляю. Не думаю я, чтобы она всерьез считала тебя иезуитом – а вероятно так ляпнула сгоряча, – а потом от тоски дальше больше, да и пошло. Бывает и так, да и не редко.

Зачем ты едешь на Кавказ. Если это по своей воле тогда еще так-сяк. Но боюсь, что просто пользуясь твоим добродушием и мягкостью, тебя втравили в поездку, против твоего желания.

На перевале в Тубах я был в 1919¹⁰ – дорога туда зимой очень легкая, – хотя и красоты неопишуемой. Когда лошадьми, будешь проезжать станицу Ширванскую (а ты ее никак не минуешь), ты увидишь одинокую, острую, как меч, скалу – под этой скалой, как раз на том повороте, где твои сани чуть уже не опрокинутся, у меня в девятнадцатом убили лошадь. Крепкий привет Вале и всем моим любимым друзьям. Если выберешь время то черкни еще до отъезда или с дороги. Обязательно напиши твой адрес – я ведь не знаю № дома¹¹. И еще обязательно оставь доверенность Вале¹², потому что вероятно очень скоро я получу деньги, и тогда пришлю тебе остаток долга.

Крепко тебя целую твой Гайдар.

2.

Гайдар – Разумовской

16 февраля 1935 г. Михайловское¹³.

Дорогая Соня!

Спутешествуйте в Конотоп¹⁴ и испросите у тамошних подвижников благословенья мне на новый трудный путь.

А также укажите мне имя современного гения, глядя на чьи недостижимые образцы, я мог бы трудиться и совершенствоваться.

Вчера на завтрак нам давали «винегрет по-сельвински». Не знаете, был ли в прошлом какой-нибудь такой деятель искусства, государственный муж или полководец. Есть ли это какая-нибудь географическая точка на земном шаре. Или же, действительно, слава об этом современном поэте так велика, что проникла даже в чрево пищевой индустрии¹⁵.

К концу месяца я на день-два приеду в Москву. Если вы решите, я переночую в кабинете Игнатия¹⁶, ибо вам, вероятно, известно, что я теперь одинок и бесприютен¹⁷.

Вы были очень милы, когда в последний раз мы редактировали с вами «Военную тайну». Я был восхищен вашим вкусом и тактом, с ко-

торыми вы делали относящиеся к книге замечания. Правда, было бы еще лучше, если бы это было сделано годом раньше. Уходить из Детгиза я вам не советую ни в коем случае. Не говоря уже о том, что лично я был бы огорчен глубоко и искренно. – Я просто считаю, что в другом месте вы были бы не на своем месте. После того, как вы приобрели уже и опыт и вес (как бы вы не возражали против последнего) – начинать все сначала где-либо в ГИХЛе или М.Т.П.¹⁸ – было бы просто глупо.

Затем пока до-свиданья. Прошу меня не забывать, ибо во время работы я становлюсь мнителен и недоверчив. **Получил ли вчера Жан**¹⁹ **мое письмо?** Покупают ли Рувим и Роскин велосипеды? Уже пора думать.

Дружеский привет Игнатию.

Неизменно ваш Аркадий Гайдар.

3.

Гайдар – Фраерману

25 февраля 1937 г., <Ялта>²⁰.

Дорогой Рувим! Не можешь ли ты передать Бобу Ивантеру²¹, что он мизантроп, и от его мизантропства – мне приходится совсем невесело. Если это слово его не устроит, то возьми первую, вторую, одиннадцатую, четвертую и первую – буквы алфавита, составь из них слово и отдай ему²². – Я написал ему три письма, послал две телеграммы, а он – ни слова. – А я сижу и не знаю, ехать ли мне в Москву или нет. Если же к тому времени, как ты получишь это письмо, он уже сделает то, о чем я его просил²³ (узнаешь у Вали), то тогда **никакого слова из вышеупомянутых букв алфавита не составляй, а передай** ему, что он гений.

Жму руку!

Гайдар.

4

Гайдар – Фраерману.

9 января 1938 г. <Головково>²⁴.

Дорогой Рувим!

Живу тихо, глухо, одиноко. Взялся за работу. Выйдет ли чего – не знаю. Вернусь, закончив повесть к первому – из пяти листов²⁵. Оставляю кажется ½ ч., остальное чушь, белиберда. Все плаваю по верху, а нырнуть поглубже нет ни сил, ни умения. Огромная к тебе просьба.

Возьми вложенный здесь пакет, 3-го декабря к двум часам съезди в Лаврушинский, в управление по охране авторских прав. Зайди к директору т. Хесину²⁶, передай ему лично этот пакет и подожди ответа. Не забудь захватить с собой паспорт, потому что в пакете лежит заявление и доверенность на твое имя.

Как только получишь деньги (я уже договорился) 500 руб., то четыреста отдай Нюре²⁷ (позвони, и она пришлет), а сто рублей плотно заверни в бумагу, положи в конверт и отправь мне заказным письмом по адресу: ст. Решетниково Окт. ж. дор. деревня Головково дом Татьяны Широковой – мне. А переводом не отправляй, потому что Эрка, будь она не ладна, не положила мне паспорт.

Милый Рувец, я ведь на самом деле сирота, и друзей у меня очень мало. Сделай, как я прошу, иначе мне придется сорваться с места и мчаться в Москву.

Если что нужно, то сообщи домой мой адрес. Но лучше бы без особой важности мне не писали.

Передай Нюре, что если ей нужна справка с места работы для домоуправления, то пусть зайдет в группком и за меня получит. Ей богу, все жены делают это сами, и ей эта справка нужна не меньше, чем мне, да и времени у нее больше.

Целую неделю читаю Карла Маркса – кое что понял. Других книг, чтобы не забивать себе голову, – не взял.

Передай привет Косте²⁸. Бог знает, чем я его обидел. Но если и обидел, то нечаянно.

Крепко жму твою руку.

5.

Гайдар – Фраерману

<Конец июля 1940 г., Клин>

Дорогой Рувчик!²⁹

У меня большая беда: указом Верховного Совета от 25 июня запрещено менять место работы³⁰. Я же только что собирался переехать в Солотчу³¹, но теперь должен оставаться в Клину.

Такова судьба.

Рувчик, мне остался десяток дней, и я окончу повесть³². Но хорошего из этого ничего не будет, ибо по слабости характера и любви к жизни, а также ко всему ее оснащающему, я набрал авансов и вот: приходит час расплаты. Короче говоря: гони, накручивай дальше... **А что я пишу? Если по совести сказать, то все ложь и ничего этого не было...**

Дорогой Рувчик – мне исполнилось 36 лет³³. Из чего они складываются?

1. Рождение.
2. Воспитанье.
3. Воевание.
4. Писание.

Раздели 36 на 4 и жизнь моя будет перед тобой как на ладони, за исключением того темного времени, когда я задолжал тебе 250 рублей денег³⁴.

Дорогой Рувчик, крепко тебя целую. Привет Вале.

Арк. Гайдар.

6.

Гайдар – Фраерману

8 апреля 1941 г. <Ялта>³⁵.

Рувчик, здравствуй!

Сидели с Генькой³⁶ на солнышке, вспомнили и обругали тебя. Зачем сюда не едешь? Здесь жарко, все в цвету, лежим на камнях, загораем. **Я в трусах, а Геня раздет только по чресло. Он оказался хорошим вдумчивым человеком.**

Здесь Твардовский³⁷ – это писатель стоящий. Еще здесь поэт революционной молодежи, ветеран комсомола, **друг девушек и враг всяких мыслей**, – Саша Жаров³⁸. Он очень хорошо играет в бильярд – и в этом деле соперников тут ему нету.

Рувчик, скоро вскроются реки и стаи вольных рыб воздадут хвалу творцу Вселенной, ты же, старый хищник, вероятно, уже замышляешь против сих тварей – зло.

Увы! и я замышляю тоже.

Рувчик, – на земле война. Огонь слепит глаза, дым лезет в горло и холодный червь точит на людей зубы.

Жму руку. Привет Вале.

Твой Гайдар.

¹ РО ГИМ. Оф 5885/1,2. Л. 1-1об. Печ. по автографу.

² Рувим Исаевич Фраерман (1891–1972) познакомился с Гайдаром в 1932 г. после возвращения последнего с Дальнего Востока: «Мы встретились с Гайдаром в самом начале 1930-х годов.<...> Жили мы дружной семьей, близко друг около друга». (Р. Фраерман. *Любимый писатель детей*. М., 1964. С. 4). 28 октября 1932 года Гайдар оставил в своем дневнике запись о первых неделях пребывания в Москве после Хабаровска: «Месяц в Москве прошел как в чаду. Встречи, разговоры, знакомства... Ночевки – где придется. Деньги, безденежье, опять деньги» (А.П. Гайдар. *Собрание сочинений в 4 томах*. Т. 4. М., 1982. С. 292).

³ Последний раз Гайдар приезжал в Арзамас весной 1925 г. (Б. Осыков. *Аркадий Гайдар: Литературная хроника*. Воронеж, 1975. С. 59).

- ⁴ Светлана Трофимова – дочь Анны Яковлевны Трофимовой (1898–1980), близкой подруги Гайдара.
- ⁵ Ирина Трофимова – сестра Светланы.
- ⁶ Летом 1935 г. Гайдар начал писать «Голубую чашку». Осенью рассказ был переработан и опубликован в № 1 журнала «Пионер» за 1936 г.
- ⁷ Александр Иосифович Роскин (1898–1941) – литературный критик, друг Гайдара, автор статей о книгах писателя. О свадьбе Роскина Гайдар расспрашивал Разумовскую в письме от 11 февраля 1935 г.: «Дорогая Соня, были ли вы на свадьбе у Роскина, чего ели, пили, и как держал себя Ванька, – ведь она, кажется, его давнишняя и горячая любовь» (РГАЛИ.Ф. 2847. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 1).
- ⁸ Иван Игнатьевич Халтурин (1902–1969) – создатель ленинградской детской газеты «Ленинские искры», журнала «Новый Робинзон»; работал редактором в «Пионере», «Мурзилке» и др. Многолетний друг Гайдара.
- ⁹ Софья Дмитриевна Разумовская (1904–1981) – редактор в детском секторе издательства «Молодая гвардия», в 1933–37 гг. работала в Детиздате, редактировала и книги Гайдара. Об этой ссоре Гайдар писал ей в письме от 11 февраля 1935 г.: «Очень жалею о вашей размолвке с Рувимом – тут мне думается вы неправы» (РГАЛИ. Ф. 2847. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 1).
- ¹⁰ В это время Гайдар находился в Красной армии. В письме к отцу, написанном в начале 1920 г., он перечислял все свои звания и военные должности (А.П. Гайдар. *Указ. соч.* Т. 4. С. 330–331).
- ¹¹ Фраерманы жили на Большой Дмитровке, д. 20, кв. 52.
- ¹² Валентина Сергеевна Скрыльникова (1896–1981) – жена Фраермана, работник Детиздата.
- ¹³ РГАЛИ. Ф. 2847. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 4. Печ. по маш. копии.
- ¹⁴ «Конотоп» – ежевечерние дружеские литературные собрания, проходившие на квартире Фраерманов, в которых принимали участие Гайдар, С. Гехт, М. Лоскутов, К. Паустовский, А. Платонов, Разумовская, Роскин, Е. Тарле, Халтурин и др. (См. об этом: К.Г. Паустовский. «Книга скитаний». К.Г. Паустовский. *Собрание сочинений в 9 т.* Т. 5. М., 1982. С. 483–498; И. Халтурин. *Указ. соч.* С. 245; В.С. Фраерман. «Душа художника» // *Жизнь и творчество Р. Фраермана.* М., 1981. С. 87).
- ¹⁵ К 1935 г. знаменитая поэма Ильи Львовича Сельвинского (1899–1968) «Улялаевщина» (1927) выдержала 3 издания.
- ¹⁶ Игнатий Петрович Магидович (1901– 942) – переводчик, печатался под псевдонимом «Игнатий Петров», муж Разумовской. Работал заместителем заведующего редакционно-сектором Детиздата.
- ¹⁷ В письме Разумовской от 27 февраля 1935 г. Гайдар жаловался на размолвку с Анной Трофимовой: «И вообще я знаю, что дело это кончится для Нюры плохо, и я даю вам честное слово, что если я в одну прекрасную минуту уеду от нее – то это не ради кого-то другого. Такого другого нет ни в Москве, ни в Арзамасе, нигде еще. А просто уеду, потому что жить так дальше нельзя» (РГАЛИ. Ф. 2847. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 2–2об.).
- ¹⁸ Издательство «Московское товарищество писателей» открылось в 1924 г. по инициативе группы «Кузница». В 1934 г. было объединено с «Издательством писателей в Ленинграде» и преобразовано в издательство «Советский писатель».
- ¹⁹ Прозвище Ивана Халтурина.
- ²⁰ РО ГИМ. Н-в. 3853. КЦ 12412/2. Ф. 200. Л. 1. Печ. по маш. копии.
- ²¹ Бениамин Абрамович Ивантер (1904–1942) – журналист, писатель, друг Гайдара. В 1933–38 гг. был главным редактором журнала «Пионер», в котором Гайдар напечатал «Голубую чашку», «Дым в лесу», «Синие звезды» и др. произведения.

- ²² Гайдар просил вручить Ивантеру слово «балда».
- ²³ 17 февраля 1937 г. Гайдар из Сухуми просил Ивантера: «Дорогой Боба! – будь христианином, заплати за мою путевку в Литфонд. Валя тебе, вероятно, уже рассказала, сколь много бедствий я претерпел. <...> А против судьбы Боба, не иди – как друг советую – темно, тревожно, опасно и бесполезно. Лучше уже покорись и, склоня мудрую голову, заплати» (А.П. Гайдар. *Указ. соч.* Т. 4. С. 393-394).
- ²⁴ РО ГЛМ. Н-в. 3853. КЦ 12412/2. Ф. 200. Л. 2. Печ. по маш. копии.
- ²⁵ Гайдар заканчивал повесть «Судьба барабанщика», которая была напечатана отдельным изданием в 1939 г.
- ²⁶ Григорий Борисович Хесин (1899–1983) – директор Всесоюзного управления по охране авторских прав.
- ²⁷ Анне Яковлевне Трофимовой.
- ²⁸ То есть писателю Константину Георгиевичу Паустовскому (1892–1968), другу А.Гайдара.
- ²⁹ РО ГЛМ. Н-в. 3853. КЦ 12412/2. Ф. 200. Л. 3. Печ. по маш. копии.
- ³⁰ 27 июня 1940 г. в «Правде» был опубликован указ Президиума Верховного Совета «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», согласно которому предписывалось: «Запретить самовольный уход рабочих и служащих из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия на другое или из одного учреждения в другое.
- Уход с предприятия и учреждения, или переход с одного предприятия на другое и из одного учреждения в другое может разрешить только директор предприятия или начальник учреждения. <...> Установить, что рабочие и служащие, самовольно ушедшие из государственных, кооперативных и общественных предприятий или учреждений, предаются суду и по приговору народного суда подвергаются тюремному заключению сроком от 2-х месяцев до 4-х месяцев. <...> Председатель Совнаркома Союза СССР В. Молотов. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин». (*Правда*. 1940. № 177 (27июня). С. 1).
- ³¹ Село Солотча Рязанской обл. было постоянным местом отдыха Паустовского и Фраермана. Несколько раз к друзьям приезжал и Гайдар. Так, например, тремя годами ранее, 17 сентября 1937 г. Паустовский сообщал из Солотчи В.В. Навашиной: «Здесь установился твердый порядок, – с 8 до часу я и Аркадий работаем, потом обедаем и идем ловить рыбу.<...> Аркадий уезжать не хочет, похоже, что он готов здесь остаться до зимы. Рувца ругаем за дезертирство» (К.Г. Паустовский. *Указ. соч.* Т. 9. С. 145-146).
- ³² Имеется в виду повесть «Тимур и его команда». См. дневниковую запись Гайдара от 29 июля 1940 г.: «Пишу “Тимур и его команда”, работа идет неровно, рывками» (А.П. Гайдар. *Указ. соч.* Т. 4. С. 316), а также запись от 27 августа: «Сегодня закончил повесть о Тимуре – больше половины работы сделал в Москве, за последние две недели» (Там же. С. 316).
- ³³ Гайдар родился 9 (22) января 1904 г.
- ³⁴ См. в письме № 1.
- ³⁵ РО ГЛМ. Н-в. 3853. КЦ 12412/2. Ф. 200. Л. 4. Печ. по маш. копии.
- ³⁶ Вероятно, речь идет о писателе, посетителе «Конотопа» Семене Григорьевиче Гехте (1903–1963) или о Генрихе Леопольдовиче Эйхлере (1901–1953) – редакторе Детгиза. Об отношениях Гайдара и Эйхлера см.: Г. Эйхлер. «Записки». *Чистые пруды*. М.: «Московский рабочий», 1989. С. 655-657, 663-664.
- ³⁷ Поэт Александр Трифонович Твардовский (1910–1971).
- ³⁸ Поэт Александр Алексеевич Жаров (1904–1984).

ДВА ПУШКИНСКИХ ЗАМЫСЛА В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

Николай Богомолов

О том, какую роль играли исследования жизни и творчества Пушкина в жизни В.Ф. Ходасевича, известно давно и хорошо. Существует специальная небольшая книга об этом¹, существует отличное издание этих работ (хотя последний том из трех предполагавшихся еще не вышел в свет)², опубликован ряд писем, связанных с подобными занятиями поэта³. И вместе с тем находки в данной сфере еще вполне возможны. Две из них мы предлагаем вниманию юбиляра и читателей. Оба черновых наброска хранятся в Columbia University Libraries, Bakhtmeteff Archive, MsColl Karpovich, f. 2-27 и занимают в этой папке первые два листа. Довольно простые хронологические соображения заставляют нас отнести замыслы к 1937 г. *Terminus ante quem* первого замысла – гибель С.Я. Гессена 25 января 1937 г., однако вне юбилейного контекста начала этого года статья не имела бы смысла⁴; второй же и вовсе связан с разбором газет начала февраля.

1

На первый взгляд, одна из статей должна была называться довольно эзотерически: «Тутанкамон». Но для читателя тридцатых годов ассоциация была совсем ясной. Одним из самых громких археологических открытий XX века стало обнаружение захоронения фараона Тутанхамона в 1922-23 гг. Экспедиция под руководством английского археолога Говарда Картера (1873–1939) после долгих поисков и раскопок нашла гробницу, не подвергшуюся ограблению и потому сохранившую все громадные богатства, полагавшиеся покойному императору, а также массу материалов, связанных с культурой древнего Египта. Однако в 1923 г. после смерти лорда Джорджа Карнавона, финансировавшего экспедицию, стала возникать легенда о «проклятии гробницы» фараона. Она не подтверждена фактами (хотя бы сравнительно долгой жизнью самого Картера), но получила широкое распространение, в том числе и в прессе.

Совершенно очевидно, что Ходасевич хотел уподобить прикосновение к наследию Пушкина этому самому «проклятию гробницы». Начинает он со списка не доведенных до конца изданий, и нужно признаться, что список этот выглядит достаточно внушительно. Но следует ли напоминать, что обращение к творчеству Пушкина вообще не располагало к торопливости, а тем более – когда речь шла

о капитальных изданиях, претендовавших на то, чтобы иметь долгий срок. Самый недавний и самый наглядный пример – новейшее академическое издание, готовящееся Пушкинским Домом. Единственное фундаментальное издание, которое было доведено до относительного окончания – это т.н. «большое академическое» собрание сочинений. Об обстоятельствах его создания и о коренных недостатках, вызванных абсолютно неправомочными требованиями, а также фактическим приказом о прекращении работы, известно слишком хорошо, чтобы тут имело смысл повторяться⁵.

Нам нелегко сказать, знал ли Ходасевич какие-либо интимные причины прекращения выхода примечаний В.И. Саитова к «Остафьевскому архиву», его же примечаний к «Переписке Пушкина», невыхода третьего издания «Трудов и дней» Н.О. Лернера, или вполне ограничивался общеизвестным. Так, в краткой предуведомительной заметке издателей и в предисловии «От редактора», т.е. П.Н. Шеффера, к пятому тому «Остафьевского архива» было дано следующее объяснение:

Переписку эту В.И. Саитов обставляет примечаниями, для которых им использован огромный материал и которые нередко разрастаются в самостоятельные биографии и целые разыскания по отдельным вопросам. Практика показала, однако, что даже для В.И. Саитова, с его знаниями и его опытом, нужно было *девять* лет, чтобы издать *такие* примечания ко II-му и III-му томам «Переписки кн. П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым»⁶. Ввиду этого пред издателями «Остафьевского Архива» неизбежно должен был возникнуть вопрос, следует ли примириться с тем, что обнародование Остафьевских материалов затягивается на очень продолжительное время, или же нужно несколько упростить комментарий к материалам, приблизив «Остафьевский Архив» к типу периодических изданий. Издатели считали более правильным принять последнее решение; редактор мог только всецело присоединиться к нему».⁷

Судя по тому, что автор примечаний выражает благодарность Саитову, он особенно не кривил душой. Впрочем, мы не можем исключить у Ходасевича и знаний более глубоких.

Немного внимательнее следует отнестись к списку людей, которые, занимаясь Пушкиным, слишком рано уходили из жизни. В какой-то степени это перечисление может быть признано параллельным известному списку, который Ходасевич положил в основу статьи «Кровавая пицца». Но если там у него была масса материала (и советская эпоха готовилась подбросить еще больше нового), то здесь список был достаточно ограничен. Смерти членов редакции старого академического собрания сочинений вряд ли можно назвать неожиданными, хотя некоторые из них и пришлось на голодные первые советские годы. Но и то Д.Ф. Кобеко умер в 71 год, И.А. Шляпкин – в 60, С.А. Венгеров – в 65, П.О. Морозов – в 66, разве что смерть А.А. Шахматова в 56

лет можно признать явно преждевременной⁸. Отмеченная Ходасевичем «не старость» В.Я. Брюсова в момент смерти (скончался в 51 год) была обусловлена не только болезнями, но и (о чем Ходасевич прекрасно знал) тяжелой наркоманией.

Почти так же обстоит дело с теми, кто был упомянут среди безвременно умерших в более позднее время. П.Е. Щеголев, человек далеко не здоровый, все-таки дожил до 54 лет (то есть прожил на год больше, чем сам Ходасевич), Б.Л. Модзалевский – тоже до 54, Н.О. Лернер – до 57, Горький – до 68. Лишь смерти кн. Олега Константиновича, А.С. Полякова да С.Я. Гессена в полной степени являются безвременными. Не случайно поэтому Ходасевич вносит в свой список Н.А. Синаевского (о котором биографических данных не было ни у него, ни у позднейших исследователей) и даже А.С. Долинина, который спокойно здравствовал, а в 1938 г. даже издал книгу «Русские писатели XIX века о Пушкине». Мало того, практически все литературоведы, входившие в состав редакционной коллегии большого академического собрания сочинений и готовившие отдельные его тома, прожили довольно долгую жизнь: С.М. Бонди умер в 92 года, Д.Д. Благой – в 91, Л.Л. Домгер – в 90, М.П. Алексеев – в 85, Т.Г. Цявловская – в 81, Н.К. Гудзий и Н.В. Измайлов – в 78, Ю.Г. Оксман – в 75, Б.В. Томашевский – в 66, М.А. Цявловский – в 64. Вас.В. Гиппиус (52 года) и В.Л. Комарович (48 лет) погибли в блокаду, и только скончавшиеся в 51 год Г.О. Винокур, в 46 лет Л.Б. Модзалевский и в 43 года Д.П. Якубович – по праву могли бы войти в список Ходасевича.

Другое дело, что он мог бы помянуть их в ином контексте, также зафиксированным «Кровавой пищей»: в 1924 г. арестовывался Модзалевский, к 10 годам лагерей был приговорен Оксман (и отсидел немногим меньше); 5 лет в тюрьме и лагере провел Измайлов, был арестован и затем выслан Комарович. Из других знакомых Ходасевичу пушкинистов к 10 годам концлагеря был приговорен М.Д. Беляев, высылались так или иначе сотрудничавшие с Пушкинским Домом (где Ходасевич занимался) П.Е. Рейнбот, В.А. Рышков, Б.И. Коплан, П.М. Устимович, Г.П. Блок. Лернер в 1920-е и начале 1930-х годов оказался в «материально и морально ужасном положении асоциального маргинала»⁹. И хотя, по словам очевидца, «...расправы не коснулись, после искупительной жертвы Оксмана, пушкинистской семьи»¹⁰, на деле это относилось скорее к периоду после 1936 г. Более ранние и более «вегетарианские» времена были к ним не столь снисходительны.

Хотя в плане напрямую об этом не говорится, вероятно предположить, что Ходасевич мог бы осторожно затронуть еще одну деликатную тему, которой особенно интересовался. Личные взаимоотношения пушкинистов представлялись ему весьма важными, в особенно-

сти потому, что тогдашний характер состояния источников требовал хорошего знания частных коллекций и не формализованных знаний, остававшихся достоянием ученых и собирателей. Картотеки Модзалевского и Саитова, собрания Бухгейма и Рейнбота, возможность получить справки у Цявловского или Щеголева необходимо было учитывать любому сколько-нибудь серьезному ученому. В письмах и воспоминаниях Ходасевича мы находим не только добрые слова о Гершензоне или Беляеве, но и такие характеристики:

С Пушкинском Домом не ладится у меня. Уважаю, понимаю – но мертвечинкой пахнет. <...> Кроме того – Гофман уж очень пушкинист-налетчик, да Котляревский – ужасно видный мужчина, и все для него несомненно. А Модзалевский хворает. Лернер, простите, глуп. Самый тонкий человек здесь Щеголев (по этой части), да и в нем 7 пудов весу.¹¹

Или в другом месте:

Передайте Мстиславчику <М.А. Цявловскому>, что Модест Гофман наделал по отношению к Онегину, *покойному*, таких же штук, за какие Бортнынского исключили из учебного заведения. И еще бегаёт по городу и всем хвастается! Мне кажется, впрочем, что он не совсем нормален и все это кончится лечебницей.¹²

Эти примеры безо всякого труда могут быть преумножены, и кажется несомненным, что Ходасевич в общем своем отношении к современной пушкинистике исходил из положения, позднее высказанного Л. Домгером:

Здесь не мешает упомянуть о своеобразной традиции пушкинизма, завещанной дореволюционным пушкиноведением советскому. Традиция эта – взаимная вражда, начало которой положили ее первые “пушкинисты” – П.И. Бартенев и П.В. Анненков, люто ненавидевшие друг друга. П.А. Ефремов враждовал с П.О. Морозовым, П.О. Морозов – с В.Е. Якушкиным, П.Е. Щеголев – со всеми “писателями по пушкинским вопросам”. <...> Заметный антагонизм наблюдался между московскими и петроградскими пушкинистами, а последние, в свою очередь, враждовали между собой.¹³

Об этом свидетельствует, в частности, то, что Ходасевич должен был быть одним из третейских судей в деле об инциденте между Лернером и Модзалевским¹⁴.

Понятно, что объективного материала для задуманной и отчасти продуманной статьи у Ходасевича не хватило, вот почему она так и не была написана.

Тутанкамон

Академическое изд<ание> – <Т.> I, II, III, XI – до революции. Умирали ред<акто>ры и члены ред<акционной> коллегии: Л.Н. Майков,

И.Н. Жданов, В.Е. Якушкин¹⁵, Ф.Е. Корш, А.Н. Веселовский, А.Н. Пыпин, П.Я. Дашков, Д.Ф. Кобеко, И.А. Шляпкин, А.А. Шахматов – до революции¹⁶.

Переписка акад<емическая> под ред. В.И. Сaitова осталась без комментария. Отказ от работы до революции¹⁷.

Остафьевский архив – отстранение Сaitова, изм<енен> план, обрвана работа¹⁸.

Изд<ание> Венгерова. 6 томов, спешный 6-й – без ист<ории> текста, к<ото>рая вовсе не вышла – смерть Венгерова¹⁹.

«Пушкинист» – 2 вып. – смерть Венгерова²⁰.

Брюсов – сов<етское> изд<ание> 1-й вып. 1-го тома²¹ – смерть²² («Мой Пуш<кин>» – посм<ертно>, приблизит<ельно>)²³.

<Скобка, написано: Молодые>

Кн<язь> Олег Конст<антинович>²⁴.

А.С. Поляков²⁵.

Долинин (Искоз)²⁶.

С.Я. Гессен – за [неделю] 2 недели до юбилея (26 Янв<аря>)²⁷.

Достоевский – посл<еднее> общ<ение> с публ<икой>²⁸.

Блок – то же (Его стихи – П<ушкинско>му Дому²⁹).

Б.Л. Модзалевский – во вр<емя> раб<оты> над 3<-м> т<омом> писем (из 4-х)³⁰.

П.Е. Щеголев – [на 2 томе] выпустив 2-й т<ом> «Иссл<едований>, статей и матер<иалов>» (Осталось много не конч<енного>)³¹.

Н.О. Лернер – на новом изд<ании> «Трудов и дней»³².

Горький – пред<седатель> комитета – за 8 мес<яцев> до юбилея³³.

Синявский – где 2 ч<асть> «П<ушкина> в печати»?³⁴

2

Мало какое событие в жизни русской эмиграции удостоилось такого внимания, как Пушкинский юбилей 1937 г. Существует даже специальный двухтомник, посвященный деятельности его центрального органа – Пушкинского Комитета³⁵. Правда, основан он исключительно на печатных материалах, тогда как по крайней мере часть бумаг Комитета отложилась в составе фонда его секретаря – Г.Л. Лозинского³⁶, к тому же, составитель был убежден в том, что деятельность Комитета была исключительно зловредной. Об этом вполне явственно свидетельствует предварительная статья, основные тезисы которой или вовсе не вошли в предисловие к двухтомнику, или были представлены в неявном виде³⁷. Позицию откровенную вполне адекватно сформулировал А.В. Василевский: «...подоплека, по мнению М. Филина, такая: либерально-масонский Центральный Пушкинский комитет в Париже под председательством кадета В.А. Маклакова намеревался “про-

демонстрировать городу и миру мощь российского либерализма и масонства через всемирное прославление *своего* Пушкина – Пушкина-либерала и Пушкина-масона“» (Новый мир. 1999. № 5. С. 236).

В упомянутом двухтомнике Ходасевич представлен обычным членом Комитета, ничем не выделяющимся из ряда прочих. Это и понятно: в обыденном представлении Ходасевич, один из крупнейших пушкинистов и поэтов русской эмиграции, всячески декларировавший свою приверженность пушкинским идеалам, должен был активнейшим образом участвовать в деятельности Комитета. На первых порах так и было. 21 февраля 1935 г. он писал М.Л. Гофману: «...нам бы, по-моему, нужно повидаться до вторника. <...> Если хотите, я, например, могу заехать к Вам во вторник часам к 7, чтобы вместе затем отправиться в это самое заседание»³⁸. Публикатор письма справедливо предположил, что речь шла о первом заседании Пушкинского Комитета. Действительно, в «Камер-фурьерском журнале» Ходасевича под 26 февраля читаем: «К Гофману. С ним в Пушк.<инский> Комитет»³⁹. 5 апреля он был на втором заседании Комитета⁴⁰, 18 апреля – на заседании редакционной комиссии Комитета у Лозинского (КФЖ, 254), 22 апреля – на таком же заседании у Н.К. Кульмана (*Там же*), 12 мая – снова у Лозинского (КФЖ, 255), 17 июня – на заседании всего Комитета (КФЖ, 257), 5 июля – редакционная комиссия у Лозинского (КФЖ, 258). Следующая запись, вероятно, имеющая отношение к деятельности редакционной комиссии, сделана 17 октября: «К Лозинскому (Гофман)» (КФЖ, 263). Кстати сказать, с этим заседанием связано письмо Ходасевича к Лозинскому и небольшой экспромт (впрочем, впоследствии дорабатывавшийся)⁴¹. В январе-феврале 1936 г. Ходасевич еще несколько раз видится с Гофманом, но после опубликования 2 апреля 1936 г. его рецензии на книгу Гофмана «Письма Пушкина к Н.Н. Гончаровой» и между ними отношения оказались прерваны. Ничего больше с деятельностью Пушкинского Комитета Ходасевич не имел, и даже в дни торжеств 1937 г. был лишь на панихиде в Сергиевском Подворье (КФЖ, 292).

Причины такой позиции Ходасевича вполне описаны и даже документированы. Первая известная нам размолвка с Пушкинским Комитетом была осмыслена вполне юмористически. 10 августа Ходасевич писал Гофману: «Лозинский мне писал, что надо нашему Комитету в память А.П. Ганнибала “взять позицию” в абиссинском вопросе. Мысль блестящая. Пишу стихотворение “Клеветникам Абиссинии”»⁴². Самому же Лозинскому Ходасевич отвечал 22 августа очень смешным письмом, стилизованным под XVIII век:

...мудрые мысли, кои набросать было Вам благоугодно в предыдущем Письме Вашем, проникли в самое мое сердце. Покойный генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал родом был из той части Абиссинии, где ефио-

пы в глубокой древности смешались с иудеями. Многие родичи славного сего мужа и по сей день исповедуют веру иудейскую. Наивозможнейшим почитают, что и сам генерал-аншеф оную исповедовал прежде крещения своего, в 1707 году в гор. Вильне воспоследовавшего. Опять же, нынешнее государство Абиссинское официально исповедает веру христианскую, близкую обрядам к православию. Следственно, Милостивый Государь! редакция почтенных "Последних Новостей" ничто другое собой не являет, как сию Абиссинию в приятном миниатюре. Сие-то нас и обязывает прямо взять позицию *ефиополобивую*! Ради снабжения сих храбрых воинов всем потребным для ведения войны оружием полагаю желательным устроить и вторый концерт, с участием славной чернокожей курвы, Жозефины Беккер и какого-либо из доблестных наших хоров баладаечных. Признаюсь, для сего концерта я и сам разбудил дремлющую свою Музу и заказал ей Оду, коей первые стихи уже и готовы:

О чем шумите вы, фашисты, по Европам?
Зачем анафемой грозите ефиопам?⁴³

6 ноября в письме к А.Л. Бему он рассказывал:

Дело в том, что в комитете сидит человек сорок, из которых читали Пушкина четверо: Гофман, Лозинский, Кульман и Ваш покорный слуга. Читали его, впрочем, еще двое: Бурцев и Тыркова, – но от этого у них в головах произошел только совершенный кавардак. <...> В общем, на заседаниях Комитета мне все хочется предложить, чтобы почтили вставанием память кн. М.А. Дондукова-Корсакова. Боюсь только, что не поймут в чем дело, да и согласятся.⁴⁴

И за несколько дней до юбилея ему же:

Из Пушкинского Комитета, пропитанного пошлостью, невежеством и мошеничеством я давно уже вышел. Никакого участия в коллективных затеях не принимаю. <...> Ни в каких заседаниях, собраниях, концертах, ни в каких "пушкинских" номерах газет и журналов не участвую, ибо нет моих сил преодолеть отвращение к эмигрантской пошлятине, разведенной вокруг Пушкина.⁴⁵

Тем не менее, конечно, этот протест остался никем не замеченным, все катилось по накатанным рельсам⁴⁶. Юбилейные номера газет вышли и, естественно, содержали изрядное число недосмотров и прямых ошибок, что не могло не задевать Ходасевича. Именно на материале юбилейных и предъюбилейных номеров двух крупнейших газет русской эмиграции – «Последних новостей» и «Возрождения» – он составил заметки, оставшиеся в архиве. Мы не можем с полной уверенностью утверждать, что они должны были послужить основой для планировавшейся статьи. Да и где такую статью можно было напечатать? Отнюдь не исключено, что Ходасевич просто-напросто сделал выписки, чтобы использовать что-либо в будущем, вне контекста специального обсуждения. Но, кажется, его положение профессионального журналиста вряд ли оставляло место для таких запасов впрок.

День смерти. «Последние Новости» – специальный № 10-го⁴⁷ (Панихиды – 11-го)⁴⁸.

9 числа в «Последних Новостях» в 2-х заметках – разное: 10 и 11⁴⁹.

Панихиды лицеистов: «7-го, сегодня» (См. «Возрождение» № от 6-го)⁵⁰.

Мережковский – ссылки на Смирнову⁵¹.

«Возрождение»: Северные цветы 1832 – издание Дельвига⁵².
«Последние Новости»: Пушкин читает стихи Державина⁵³.

Зайцев и Тхоржевский NB. / Шмелев – декламация⁵⁴.

Осоргин: все важно (в начале статьи) – неважные любовные истории (в конце)⁵⁵.

Адамович. Презрительно о пушкинистах. Но весь набит [работами] пересказами работ пушкинистов. Сам А. пользуется (проверить) ими же, не замечая того. Свинья под дубом⁵⁶.

Алданов!⁵⁷

п р и м е ч а н и я

¹ Сурат Ирина. Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994.

² Ходасевич Владислав. Пушкин и поэты его времени: В 3 т. / Под ред. Роберта Хьюза. Berkeley Slavic Specialties, [Т. 1-2: 1999-2001].

³ Из переписки В.Ф. Ходасевича / Публ. Е.Ю. Литвин // Памир. 1988. № 8. С. 173-176 (письма к П.Е. Щеголеву); Шур Л. Письма В.Ф. Ходасевича к М.Л. Гофману // Russian Literature and History: In Honour of Professor Ilya Serman. Jerusalem, 1989. P. 154-163; Переписка В.Ф. Ходасевича и М.О. Гершензона / Публ., подг. текста, пред. и прим. Инны Андреевой // De visu. 1993. № 5. С. 12-51 (см. также: De visu. 1993. № 9. С. 97-98); Ходасевич В.Ф. Письма к М.А. Цвяловскому / Публ. Роберта Хьюза // Русская литература. 1999. № 2. С. 214-230; Янгиров Рашит. Пушкин и пушкинисты: По материалам из чешских архивов [включены письма к А.Л. Бему] // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 181-228; Толстой Иван. Ненужный Пушкин: История одного письма Владислава Ходасевича [включено письмо к Г.Л. Лозинскому] // Русская жизнь, 2007. № 17. 21 декабря. С. 15-19.

⁴ Сам же замысел относится к более раннему времени. 8 декабря 1934 г. Ходасевич писал В.В. Рудневу: «Вообще, я, кажется, вновь и окончательно сяду за биографию Пушкина. Тут уж будет для Вас очевидная нажива. Однако – терпение, терпение, как говорил Куропаткин, которого я вообще сам себе напоминаю, как только доходит

дело до пушкинской биографии. И все-таки – надеюсь кончить ее, если не умру прежде – ибо Пушкин есть не кто иной, как русский Тутанкамон» (University of Illinois Archives, Sophie Pregel and Vadim Rudnev Collection, Box 4; приносим сердечную благодарность А.Б. Устинову, сообщившему нам этот текст). Вероятным толчком для появления (или развития) этой идеи, по всей видимости, была смерть упоминаемого в плане Н.О. Лернера, скончавшегося ровно за два месяца до того – 8 октября. Ходасевич откликнулся на его смерть газетной статьей «Памяти Н.О. Лернера» (Возрождение. 1934, 18 октября, № 3424).

- 5 См.: Домгер Л.Л. Советское академическое издание Пушкина. N.Y., 1953 (со значительными сокращениями: Новый журнал. 1987. Кн. 167. С. 228-252; подготовительные материалы см.: Домгер <sup>sic!> Л.Л. Из истории советского академического издания полного собрания сочинений Пушкина 1937-1949 гг. (Материалы и комментарии) // Записки Русской Академической группы в США (Нью-Йорк). 1987. Т. 20. С. 295-348; Бонди С.М. Об академическом собрании сочинений Пушкина // Вопросы литературы. 1963. № 2. С. 123-134; Из истории советского академического издания сочинений Пушкина / Публ. А.Л. Гришунина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XIV. Л., 1991. С. 258-277. Ср. также ценную публикацию, напрямую касающуюся этой темы: Устинов А.Б. Материалы по истории русской науки о литературе: Письма Ю.Г. Оксмана к Л.Л. Домгеру // Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman / Темы и вариации: Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана / Ed. by Konstantin Polivanov, Irina Shevelenko, Andrey Ustinov. (Stanford Slavic Studies. Vol. 8.) Stanford, 1994. С. 471-544.
- 6 «Первый том этого издания вышел в свет с примечаниями в 1899 году; примечания ко II-му тому появились отдельной книгой в 1901 году, к III-му в 1908 году; примечания к IV-му тому В.И. Саитов надеется выпустить года через три» (Примечание автора).
- 7 Остафьевский Архив князей Вяземских / Изд. графа С.Д. Шереметева; под редакцией и с примечаниями П.Н. Шеффера. СПб., 1909. Т. V, вып. 1. С. VII.
- 8 О смертях пушкинистов и вообще о положении дел в Пушкинском Доме в первые годы советской власти см.: Модзалевский Б.Л. Из записных книжек 1920-1928 гг. / Публ. Т.И. Краснобородько и Л.К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории 1905-2005. СПб., 2005. С. 7-191.
- 9 Цявловский Мстислав, Цявловская Татьяна. Вокруг Пушкина. М., [2000]. С. 212 (комм. С.И. Панова и К.П. Богаевской).
- 10 Домгер Л.Л. Цит. соч. С. 62.
- 11 Ходасевич Владислав. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 430 (Письмо к М.О. Гершензону от 24 июля 1921).
- 12 Богомолов Н.А. Вл. Ходасевич: начало эмиграции // Russische Emigration im 20. Jahrhundert: Literatur–Sprache–Kultur. München, 2005. S. 169-187 (письмо к А.И. Ходасевич от 10 апреля 1926).
- 13 Домгер Л.Л. Цит. соч. С. 20.
- 14 См. фрагмент воспоминаний М.Д. Беляева, опубликованный в комментариях Н.А. Прозоровой (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998-1999 год. СПб., 2003. С. 338).
- 15 Сверху карандашом вписано: П П.О. Морозов (III). – Имеется в виду, что член-корреспондент Академии Наук Петр Осипович Морозов (1854–1920), один из наиболее известных русских пушкинистов своего времени, театровед, был редактором третьего (и четвертого) томов академического собрания.
- 16 Первое академическое издание сочинений Пушкина начало выходить в 1899 г. и завершено не было (вышли т. 1–4, 9, 11, из них т. 9 – уже в 1928 г., через 14 лет после 11-го). Его история подробно и корректно изложена в цитированной книге Л.Л. Домгера

(С. 1-10). Рецензируя ее, М.Л. Гофман дополнительно вспомнил: «...хочу сделать добавление о деятельности Комиссии по изданию сочинений Пушкина; в 1922 году, по моему докладу <...>, Комиссия решила превратить академическое издание Пушкина, зашедшее в тупик благодаря разношерстности и текстовой неудовлетворительности вышедших томов, и приступить снова к изданию только после того, как будет проделана громадная предварительная работа – изучение всего рукописного фонда Пушкина» (Гофман М.Л. По поводу истории академического издания сочинений Пушкина // Новый журнал. 1954. № 39. С. 280; перепеч.: Гофман Модест. Драма Пушкина: Из наследия пушкиниста-эмигранта. М., 2007. С. 116-117). Приведем сведения о некоторых ученых, названных Ходасевичем. Академик Леонид Николаевич Майков (1839–1900) был редактором первого тома (подробнее о нем см.: Памяти Леонида Николаевича Майкова. СПб., 1902); академик Иван Николаевич Жданов (1846–1901) возглавлял кафедру русской литературы в Петербургском университете, более всего был известен своими лекциями по истории русской литературы; член-корреспондент Академии Наук Вячеслав Евгеньевич Якушкин (1856–1912) – историк, автор известной книги «О Пушкине» (М., 1899), был редактором второго тома и после смерти Л.Н. Майкова курировал все издание; академик Федор Евгеньевич Корш (1843–1915) – филолог, прославившийся казусным признанием подлинности окончания «Русалки», подделанного Д.П. Зуевым (подробнее о нем см.: Дмитриев Н.К. Федор Евгеньевич Корш. М., 1962; Баскаков Н.А., Баскаков Ник.А. Академик Ф.Е. Корш в письмах современников. М., 1989); академик Александр Николаевич Веселовский умер в 1906; академик Александр Николаевич Пыпин – в 1904; Павел Яковлевич Дашков (1849–1910) – действительный член Академии художеств, выдающийся коллекционер; член-корреспондент Академии Наук Дмитрий Фомич Кобеко (1837–1918) был директором Публичной библиотеки, автор знаменитой книги «Императорский Царскосельский Лицей: Наставники и питомцы» (СПб., 1911); член-корреспондент Академии Наук Илья Александрович Шляпкин (1858–1918) был также профессором Петербургского университета, преподавал и во многих других учебных заведениях, крупный коллекционер, известна его книга «Из неизданных бумаг А.С. Пушкина» (СПб., 1903); академик Алексей Александрович Шахматов умер в 1920 г. (см.: Робинсон М.А. Академик А.А. Шахматов: последние годы жизни (К биографии ученого) // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 189-203).

- ¹⁷ Академическое издание переписки Пушкина в трех томах вышло в свет под редакцией В.И. Сaitова при участии Б.Л. Модзалевского в 1906-12 гг. О его замысле редактор писал Н.О. Лернеру 21 декабря 1902 г.: «По смерти Л.Н. Майкова редакция академического издания сочинений Пушкина разделилась между мною и В.Е. Якушкиным. Я взял себе переписку, Якушкин – все остальное» (РГАЛИ. Ф. 300. Оп. 1. Ед. хр. 302. Л. 1), – и несколько позже, 26 января 1903 г., уточнял: «Вы спрашиваете о программе моей работы. Прежде всего я должен сказать, что из Майковского наследия взял себе только переписку Пушкина; остальное же находится в руках В.Е. Якушкина. Я задался целью собрать все, по возможности, письма как самого Пушкина, так и его корреспондентов, проверить их по подлинникам и напечатать в хронологическом порядке, снабдив историческими, литературными и библиографическими примечаниями, с указанием местонахождения подлинников. <...> Будут приложены: подробный указатель, портреты и фотографические снимки. Все биографические примечания сосредоточатся в моих томах, и Якушкин, при встрече с лицами, упоминаемыми и в письмах, будет ссылаться на меня» (Там же. Л. Зоб.-4). Однако этот величественный план остался реализованным не до конца. Характеризуя трехтомник, Модзалевский писал: «Академическое <...> издание Переписки Пушкина осталось вовсе без обещанного комментария, который предполагалось выпустить дополнительными, отдельными томами» (Пушкин. Письма / Под ред. и с прим. Б.Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. С. XLVI). Там же он упоминает, что Сaitов начал комментировать переписку и впоследствии передал ему рукопись начатой работы. Причины прекращения работы Сaitова над комментированием нам достоверно неизвестны. Возможно, это было связано с началом Первой мировой войны. Т.Г. Цвяловская записала его рассказ: «У

меня была библиотека своя – библиотека довольно хорошая – до 10.000 томов. Подбор всех русских мемуаров, и отдельных изданий, и из журналов. Все было переплетено. Пришлося расстаться с ней – все прахом пошло. Бросил заниматься. Была у меня перепишка Пушкина – успел текст ее довести до конца (напечатанное). Тут разыгралась эта трагедия – бросил» (РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 1813. Л. 2об.-3).

¹⁸ «Остафьевский архив князей Вяземских» (СПб., 1899-1912, т. 1-5) – одно из наиболее информативных изданий конца XIX и начала XX в., сохранивших свою ценность до наших дней. Первые 4 тома выходили под редакцией В.И. Саитова, однако примечания к т. 4 были составлены П.Н. Шеффером, он же был редактором обоих выпусков тома 5. Причины устранения Саитова в точности нам неизвестны (см. также выше в основном тексте преамбулы). Единственные два положительных сведения обнаруживаются в переписке Модзалевского. 20 апреля 1902 он сообщал: «...с Шереметевым <Саитов> никаких отношений личных не имеет» (Переписка Б.Л. Модзалевского с А.В. Смирновым / Публ. М.Д. Эльзона // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. Борис Львович Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб., 2001. С. 88), а 28 февраля 1906: «“Остафьевский Архив” – зачер на конце 3-го тома: у Владимира Ивановича сын был всю осень тяжело болен (менингит), и бедный отец не мог ни о чем думать; теперь мальчик поправляется, и есть надежда, что к лету Владимир Иванович окончит комментировку 3-го тома...» (Там же. С. 123).

¹⁹ Речь идет об известном издании Пушкина в серии «Библиотека великих писателей», выходившем в 1907-15 гг. в издательстве «Брокгауз-Ефрон». Роскошно изданные книги сопровождался не только примечаниями, но и многочисленными статьями, в написании которых принимали участие писатели, в том числе символисты и близкие к нам авторы (А.А. Блок, В.Я. Брюсов, В.И. Иванов, Н.М. Минский, С.А. Ауслендер). В т. 6 были напечатаны письма 1825-37 гг. Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920) – историк литературы и общественной мысли, библиограф, широко известен как пушкинист.

²⁰ При жизни Венгерова вышло не два, а три историко-литературных сборника «Пушкинист» (Пг., 1914-1918), в которых часто печатались труды молодых пушкинистов – участников семинария Венгерова. Возможно, Ходасевич не учитывает третий выпуск издания, так как он был практически полностью (за исключением предисловия Венгерова) занят двумя работами М.О. Лопатто. Четвертый сборник носил также специальное название: «Пушкинский сборник памяти профессора С.А. Венгерова» и был издан в 1922 г. Отметим, что незавершенность многих начинаний Венгерова была притчей во языцех.

²¹ Снизу карандашом приписано к «1-й вып. 1-го тома»: «Мир». – Возможно, Ходасевич предполагал, что Брюсов собирался издать это собрание сочинений Пушкина в дореволюционном издательстве «Мир». Однако никаких упоминаний об этом в научной литературе нам найти не удалось.

²² Справа приписано чернилами: «Не стар». – Имеется в виду чрезвычайно спорное издание: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений со сводом вариантов / Ред., вст. ст. и прим. Валерия Брюсова. Т. I, ч. 1. М.: ГИЗ, 1920. Вторая часть, видимо, предполагалась к печати в середине 1920-х гг. Так, осенью 1925 г. В.В. Русллов спрашивал М.А. Цявловского: «Как с изданием Пушкина в Гизе, и бывшего Брюсовского, и однотомного под редакцией Верховского?» (РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 5), – но осталась в гранках (ИРЛИ. Ф. 444, № 25). Ходасевич рецензировал его с симпатией (Творчество. 1920. № 3-4. С. 36-37; перепеч.: Пушкин и поэты его времени. Т. I. С. 82-87). Профессиональные пушкинисты были несравненно строже, см., например, рецензию Б.В. Томашевского (Книга и революция. 1921. № 1. С. 57-60), отзыв М.Л. Гофмана (Гофман М.Л. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Пг., 1922. С. 50-61), а также окончательный вердикт Н.В. Измайлова: «...неудача, постигшая широко задуманный опыт В.Я. Брюсова...» (Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 577). Ср. также: Тиханчева Е.П. Брюсов – издатель Пушкина // Тиханчева Е.П. Брюсов о русских поэтах XIX века. Ереван, 1973. С. 89-126.

- ²³ «Мой Пушкин» (М.; Л., 1929) – посмертно изданный сборник пушкиноведческих статей Брюсова. Видимо, Ходасевич имел в виду, что в него вошли лишь сравнительно немногие статьи. О Брюсове как пушкинисте см.: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. С. 101-103 (с основной библиографией).
- ²⁴ Князь крови императорской Олег Константинович (1892–1914), сын великого князя Константина Константиновича (поэта К.Р.), погиб на фронте. Инициатор и издатель важного для истории пушкиноведения факсимильного альбома «Рукописи Пушкина. Выпуск первый. Автографы Пушкинского Музея Императорского Царскосельского Лицея» (СПб., 1911); задуманные дальнейшие выпуски не появились. Его памяти были посвящены многочисленные некрологи, в том числе и известных пушкинистов (см., напр.: Щеголев П.Е. Князь Олег Константинович // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1914. Вып. 19/20. С. I-VI). См. также новейшую работу: Краснобородко Т.И. Князь Олег Константинович – издатель рукописей Пушкина // Русское подвижничество. М., 1996. С. 233-244. Ср. в рассказе Саитова, записанном Цявловской: «Олег – замечательнейший юноша, трудолюбие необыкновенное и чувство долга. Когда он был лицеистом, он необыкновенно старательно занимался, чтобы не подумали, что он пользуется своим высоким положением. (Я подарил ему автограф Пушкина “Труд”, подарок был символический, он сам так трудолюбив был. Автограф Пушкина мне вдова Майкова подарила. Предложила выбрать из его собрания. Я отнекивался, считая, что нельзя, чтобы в частных руках такие вещи были; чтобы не обидеть, я взял один – маленький клочок). Он в таком восторге был. Приехал ко мне в квартиру <...>: “Позвольте вас поцеловать”. – “Вы это меня целуете за Пушкина, а я за Вас, в таком привилегированном положении, и так работали, как и обыкновенные люди редко работают”» (РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 1813. Л. 2об.-3).
- ²⁵ Александр Сергеевич Поляков (1883–1923) – историк литературы, библиограф, автор книги «О смерти Пушкина: По новым данным» (Пб., 1922).
- ²⁶ Довольно странно, что Ходасевич записал в умершие вполне здравствовавшего человека. Аркадий Семенович Долинин (наст. фамилия Искоз; 1883–1968) оставил несколько пушкиноведческих работ, однако прославился как исследователь Достоевского. См. посмертный сборник его работ: Долинин А.С. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Л., 1989.
- ²⁷ Сверху карандашом поставлен вопросительный знак. Сергей Яковлевич Гессен (1903–1937) – один из наиболее активных пушкинистов середины 1930-х гг., секретарь редакции нового академического собрания сочинений Пушкина (1937-49), секретарь редакции издания «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии». 25 января 1937 г. был насмерть сбит автомобилем. См. его некрологи: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 3. М.; Л., 1937. С. 555-556 (Д.П. Якубович); Литературный современник. 1937. № 2. С. 254-255 (коллективный).
- ²⁸ Речь идет о знаменитой «пушкинской речи» Ф.М. Достоевского, прочитанной в Москве 8 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности, а также о публичном чтении им стихов Пушкина вечером того же дня. См. комментарий в изд.: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 441-510.
- ²⁹ Имеется в виду произнесенная февраля 1921 г. речь «О назначении поэта» и незадолго до того написанное стихотворение «Пушкинскому Дому». Ходасевич подробно вспоминал об этом выступлении Блока (Собрание сочинений. Т. 4. С. 83-85).
- ³⁰ Борис Львович Модзалевский скончался 3 апреля 1928 г. во время работы над третьим томом цитированных выше «Писем» Пушкина. «После него остались: черновой материал к тексту писем в виде сборника текстов из академического издания с дополнениями и указаниями о местонахождении автографов, и почти законченный комментарий к первым 44 письмам 1831 года. <...> Вскоре после смерти Б.Л. Модзалевского Пушкинский Дом принял решение продолжить и закончить комментированное издание писем

- Пушкина коллективно. Был образован редакционный комитет под председательством П.Е. Щеголева. <...> В конце 1929 года П.Е. Щеголев предложил Л.Б. Модзалевскому, пользуясь материалами его отца и начатым им комментарием, продолжить работу единолично» (Пушкин. Письма / Под ред. и с прим. Л.Б. Модзалевского. Т. III. М.; Л., 1933. С. X-XI). Однако Л.Б. Модзалевский приготовил к печати только данный том. Том «Пушкин. Письма последних лет», подготовленный коллективом авторов, вышел лишь в 1969 г.
- ³¹ Карандашом приписано: (Деш«евое?» ак<академическое> изд<ание>). – Двухтомник П.Е. Щеголева «Пушкин. Исследования, статьи, материалы» вышел в 1928 и 1931 гг. Первый том составило третье издание знаменитой книги «Дуэль и смерть Пушкина», второй – книга «Из жизни и творчества Пушкина» (вариант более ранней книги «Пушкин. Очерки»). О планах, оставшихся нереализованными (в том числе пушкинистских), см.: Емельянов Ю.Н. П.Е. Щеголев – историк русского революционного движения. М., 1990. С. 63-69. Отметим, однако, что по большей части к реализации этих планов исследователь даже не сумел приступить.
- ³² Книга Николая Осиповича Лернера (1877–1934) «Труды и дни Пушкина» вышла двумя изданиями: М., 1910; СПб., 1910 (характерно, что первое появилось в символистском издательстве «Скорпион», а второе – в уважаемом издательстве Академии Наук). Третье издание предполагалось к печати с 1926 г. вплоть до смерти автора. Подробнее см. в комментарии К.П. Богаевской и С.И. Панова: Цявловский М., Цявловская Т. Цит. соч. С. 212-213.
- ³³ М. Горький был назначен председателем Всесоюзного пушкинского комитета на заседании Президиума ЦИК 16 декабря 1935 г. Он скончался 18 августа 1936 г., т.е. даже не за 8 месяцев, а за полгода до пушкинского юбилея.
- ³⁴ Вписано карандашом. – Речь идет о книге: Синявский Н., Цявловский М. Пушкин в печати 1914-1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. М., 1914. Позднее Цявловский рассказывал: «Как-то пришел ко мне товарищ мой по государственным экзаменам Николай Александрович Синявский, жалуюсь, что он не знает, чем бы заняться “для души”, так как по окончании Университета он принужден был для заработка поступить в Государственный контроль. В ответ на это я предложил ему заняться библиографией и, например, взять на себя часть работы задуманной мною книги “Пушкин в печати”. Он охотно согласился и с увлечением по данным мною материалам просматривал и библиографически описывал отдельные издания Пушкина, журналы и альманахи, в которых появлялись произведения Пушкина при его жизни» (Цявловский М., Цявловская Т. Цит. соч. С. 34-35). Биографические сведения о Синявском собрать не удалось. Второе издание книги появилось в 1938 г. Ее продолжение – книга: Богаевская К.П. Пушкин в печати за сто лет (1837–1937). М., 1938.
- ³⁵ См.: Центральный Пушкинский Комитет в Париже: История. Люди. Тексты / Сост. М.Д. Филин. М., 2000. Т. 1-2.
- ³⁶ Исторический архив Forschungstelle Osteuropa an der Universität Bremen: HA. FSO Bremen, Ф. 45; бумаги Пушкинского Комитета.
- ³⁷ См.: Филин М. Русский Париж в 1937 году. Подоплека пушкинского юбилея // Москва. 1998. № 12. С. 161-173.
- ³⁸ Шур А. Письма В.Ф. Ходасевича М.А. Гофману. С. 161.
- ³⁹ Ходасевич Владислав. Камер-фурьерский журнал. М., 2002. С. 251. Далее – КФЖ, с указанием страниц.
- ⁴⁰ КФЖ. С. 253. Протокол опубликован в приложении к публикации Р. Янгирова: Указ. соч. С. 224-226.
- ⁴¹ Имеется в виду стихотворение «Г.Л! Среду и субботу...» (Ходасевич Владислав. Собрание сочинений. Т. 1. Ann Arbor, 1983. С. 267, где напечатано по машинописи с правкой

из Бахметевского архива). Письмо же с окончательным вариантом стихотворения (машинопись) хранится: НА. FSO Bremen, Ф. 45; бумаги Пушкинского Комитета.

⁴² Шур Л. Цит. соч. С. 162.

⁴³ Толстой Иван. Ненужный Пушкин. С. 18. Несколько слов исправлено по воспроизведению рукописи, размещенному на С. 18-19.

⁴⁴ Янгиров Рашит. Цит. соч. С. 194-195.

⁴⁵ Там же. С. 207; письмо от 4 февраля 1937.

⁴⁶ Помимо названного выше двухтомника, см.: Мнухин Л.А., Невзорова И.М. Пушкинский год во Франции // Пушкин и культура русского зарубежья. М., 2000. С. 306-323. Список основных мероприятий, устроенных в пушкинские дни, см. также: Янгиров Рашит. Цит. соч. С. 200-201.

⁴⁷ Последние новости. 1937. 10 февраля. № 5801.

⁴⁸ Речь идет о различных традициях соотнесения старого и нового стиля: в XIX в. разница между ними составляла 12 дней, потому верная дата смерти Пушкина – 29 января (10 февраля). Однако панихида по Пушкину была отслужена 11 февраля (см. след. прим.).

⁴⁹ В указанный день на С. 2 газеты была помещена хроникальная заметка «Панихида по Пушкине», где говорилось о том, что она будет отслужена 11 февраля. Помета о панихиде 10 февраля, судя по всему, явилась ошибкой Ходасевича: единственная подобная заметка, которую нам удалось обнаружить в газете, – хроникальное известие под заглавием «Церковь Знамения Божией Матери», где говорилось: «10 февраля, в полугодовой день кончины митрополита Антония <...> будет отслужена литургия и после нее панихида по усопшем».

⁵⁰ Ходасевич не вполне точен. Объявление на первой странице названного номера газеты гласило: «Объединение бывших воспитанников Императорского Александровского Лицея объявляет, что в воскресенье, 7-го февраля с.г. в храме Св. Александра Невского, 12, рю Дарю, после литургии, будет отслужена торжественная панихида по лицеисте 1-го курса АЛЕКСАНДРЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ПУШКИНЕ по случаю исполнившегося 29-го января (7-го февраля) с.г. столетия со дня кончины величайшего русского поэта. Лицейсты призывают все зарубежные русские общества, организации и союзы и всех русских людей почтить вечную память гения Земли Русской». Помимо неверного перевода старого стиля на новый, в объявлении есть несогласованность времен: 6 февраля оно сообщает: «...исполнившегося... 7 февраля...».

⁵¹ Речь идет о статье: Мережковский Д. Мысли о Пушкине // Возрождение. 1937. 6 февраля. № 4064, приложение: «Пушкин 1837–1937». В ней автор ссылается на «Записки» А.О. Смирновой, которые к тому времени уже давно были признаны фальшивкой.

⁵² Имеется в виду иллюстрация на С. 8 указанного в предыдущей сноске приложения: обложка альманаха «Северные цветы» на 1832 год с пометой: «изд<анные> бар<оном> А.А. Дельвигом». Дельвиг скончался в 1831 г. и альманах был издан Пушкиным в пользу его семьи.

⁵³ На С. 3 номера «Последних новостей» от 10 февраля была помещена репродукция с подписью: «Пушкин декламирует стихи Державина. С картины Репина». Картина И.Е. Репина (1911) на деле называется: «Пушкин на лицейском экзамене в Царском Селе 8 января 1815 года».

⁵⁴ Имеются в виду статьи пушкинского приложения «Возрождения»: «Памятник Пушкину» Б.К. Зайцева, «Через сто лет» И.И. Тхоржевского и «Тайна Пушкина» И.С. Шмелева.

⁵⁵ В пушкинском номере «Последних новостей» в начале статьи «Пушкин – вольный каменщик» М.А. Осоргин писал: «Но так как малейшая подробность о жизни Пушкина имеет интерес, то стоит остановиться и на масонском эпизоде его жизни», – а в

последнем абзаце: «...эпизод с масонством Пушкина много значительнее и интереснее десятков любовных эпизодов, на изучение которых во всех нескромных деталях пушкинисты тратят столько сил».

⁵⁶ Имеется в виду статья Г.В. Адамовича «Пушкин» в номере «Последних новостей», где в начале работы автор писал: «Пробираясь к Пушкину сквозь <...> кропотливые труды и нескончаемые распри пушкинистов...». «Свинья под дубом» – басня И.А. Крылова.

⁵⁷ Статья М.А. Адданова в пушкинском номере «Последних новостей» называлась «Французская карьера Дантеса».

«НЕ БУДЬТЕ НА МЕНЯ В ПРЕТЕНЗИИ...»

Письма Г.В. Адамовича М.В. Вишняку 1938–1968 гг.

Олег Коростелёв

Предлагаемая публикация – завершающая часть корпуса писем Г.В. Адамовича к редакторам «Современных записок», своего рода эпилог. Его письма к М.В. Вишняку и В.В. Рудневу уже попадали в поле зрения исследователей, некоторые из них публиковались¹, но в полном виде подготовлены нами к печати лишь недавно, для четырехтомника материалов из архива «Современных записок».

Переписка Адамовича с редакторами ведущего журнала эмиграции сохранилась фрагментарно и насчитывает в общей сложности 39 посланий плюс 2 ответа (22 письма к Рудневу и 17 писем к Вишняку, из которых лишь четыре относятся ко времени «Современных записок»). Большинство исследователей, публикуя небольшие фрагменты переписки, были убеждены, что печатают весь сохранившийся корпус. Путаница эта была вызвана тем, что эмигрантские архивы как Вишняка, так и Руднева, оказались разделены на несколько частей, отложившихся в разных местах хранения.

Часть архива, относящуюся к периоду работы в «Современных записках», Вишняк во второй половине 1950-х передал в Библиотеку Лилли Индианского университета. В папке писем Вишняка к неидентифицированным корреспондентам сохранилось письмо к преподавателю Сиракузского университета Константину Ивановичу² от 21 мая 1957 г., в котором дается объяснение такому решению: «Архив, связанный с “Соврем<енными> записками”, я обязался передать не позднее октября тому учреждению, которое фактически издает книгу о “Совр<еменных> записках”, т.е. Университету Индиана. Во главе тамошнего Отдела славяноведения стоит уроженец Петербурга проф. Михаил Саулович Гинзбург. В соглашении с университетом предусмотрено, что, когда откроется свободная Россия, архив будет передан в одно из книгохранилищ Москвы»³. Передача архива университету была частью соглашения, предусматривавшего выпуск книги⁴.

Свои бумаги более позднего периода Вишняк в конце жизни передал в архив Гуверского института (Hoover Institution Archives). В этих бумагах и отложились публикуемые ниже 13 писем Адамовича Вишняку 1938–1968 гг. и два ответных письма (вторые копии машинописи с правкой рукой Вишняка) 1959 и 1967 г.⁵ Письма публикуются цели-

ком, по копиям с оригиналов (сохранившиеся во второй машинописной копии письма Вишняка приводятся в примечаниях) с разрешения архивной дирекции Гуверовского института.

п р и м е ч а н и я

Г.В. Адамович. 1948 г.
(Фотография из альбома
А.С. Гингера)

- ¹ Были опубликованы 4 письма Адамовича к Вишняку 1930-1937 гг.: «Из архивов М.В. Вишняка: Современные записки». Публ. Темиры Пахмус. *Russian Language Journal*. Vol. XLI, № 140 (1987). Р. 231-233 (Адамович в этой публикации был назван Георгием Николаевичем). 4 письма к Рудневу (из 22) ранее публиковались трижды. Первоначально (с несколькими неверными прочтениями и неточностями в крайне лаконичных примечаниях) в составе большой подборки писем Адамовича из архива University of Illinois, Urbana-Champaign (к В.В. Рудневу, А.С. Присмановой, А.С. Гингеру, М.С. Цетлиной и С.Ю. Прегель): «Письма Георгия Адамовича». Публ. и прим. В. Крейда. *Новый журнал*. № 194 (1994). С. 257-319; двумя годами позже то же было переиздано в кн.: Г. Адамович. *Одиночество и свобода*. Сост., пред. и прим. В. Крейда. М.: «Республика», 1996. С. 392-415. В третий раз (с указанием на то, что письма публикуются впервые и служат «единственным эпистолярным подтверждением» отношений двух адресатов, а также с неверной датировкой и ошибками в примечаниях): «Четыре письма Г.В. Адамовича к В.В. Рудневу (1933-1934)». Публ. И.А. Ренфро и В.В. Перхина. *Русская литература*. № 2 (2008). С. 185-188.
- ² Пользуясь случаем, уточняю адресата: Константин Иванович Солнцев (17.03.1893, Спасск Рязанской губ. – 20.07.1961, Нью-Йорк) – журналист, преподаватель литературы, участник Первой мировой войны; после революции в эмиграции в США, затем в Берлине, а с середины 1920-х в Париже; с 1948 г. вновь в США. Печатался в «Руле», «Новом русском слове», «Голосе минувшего на чужой стороне», позже в «Новом журнале». Преподаватель русской литературы в Сиракузском университете (1952-59).
- ³ Hoover. Mark Ven'iaminovich Vishniak Papers. Box 1, folder 2.
- ⁴ Подробнее об этом см.: М.В. Вишняк. *Годы эмиграции 1919-1969. Париж-Нью-Йорк (Воспоминания)*. Stanford: Hoover Institution Press, 1970. С. 251-254.
- ⁵ Hoover. Mark Ven'iaminovich Vishniak Papers. Box 1, folder 7.

1

6, av<enue> Gustave Nadaud
Cimiez, Nice
<весна 1938!>

Дорогой Марк Вениаминович
Простите, что отвечаю с опозданием.

У меня нет сейчас интересной книги для интересной рецензии (или есть то, о чем я писал в газете). Как только что-нибудь надумаю – пришлю. Но пока – нет ничего.

Всего доброго. Крепко жму руку.
Искренне Ваш Г. Адамович

¹ Датируется предположительно по содержанию. С апреля 1938 г. «Русские записки» начали выходить под редакцией П.Н. Милюкова, а секретарем редакции (и фактическим редактором) стал Вишняк, который ввел в журнале раздел библиографии (с четвертого, апрельского номера рецензии стали печататься в журнале регулярно). Подробно об этом см.: М.В. Вишняк. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.: «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. С. 225-230. В несохранившемся письме Вишняка Адамовичу, по-видимому, содержалось предложение прислать материал для раздела рецензий. В общей сложности Адамович опубликовал в «Русских записках» за все время их существования три статьи и три обзора «В мире литературы», но так и не напечатал ни одной рецензии.

2

6, avenue Gustave Nadaud
Nice (A. M.)
13 авг<уста> 1939

Дорогой Марк Вениаминович

Простите, что отвечаю с опозданием. Был в коротком отсуствии.

В начале сентября – как Вы предлагаете – пришлю статью «на советско-литературные темы»¹.

Всего доброго. Шлю сердечный привет.

Искренне преданный Вам

Г. Адамович

¹ 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. Вышедший в сентябре 1939 г. номер «Русских записок» (сдвоенный № 20/21) оказался последним и сопровождался примечанием от редакции: «Значительная часть этой книги была отпечатана до катастрофического развития событий, – вследствие чего удалось дать лишь несколько статей, связанных с освещением происшедшего». Публикаций Адамовича в этом номере не было.

3

104, Ladybarn Road
Manchester 14
7/X 1957¹

Дорогой Марк Веньяминович

Благодарю Вас за письмо². Оно помечено 9 сентября, но я только недавно получил его от С.А. Водова³.

По-видимому, я не совсем удачно сказал то, что хотел сказать, о Фондаминском. Многие поняли мои слова как отзыв вполне отрицательный. У меня и в мыслях этого не было. Но зато, правда, не было

Редакторы и друзья «Современных записок» (слева направо):
И.И. Фондаминский, В.М. Зензинов, В.И. Руднева, В.В. Руднев,
М.В. Вишняк, А.Ф. Керенский. 1930-е гг.

и в мыслях представить его как человека не только обаятельного, а и замечательного. Я его знал не очень близко, хотя встречал часто. Должен сознаться, что впечатление у меня осталось как о человеке скорей поверхностном, легковесно-восторженном, без какого-то костяка внутри. Федотов мне всегда представлялся глубже и даровитее, хотя и с крупницей фальши, которой в Илье Исид<оровиче> не было.

Вполне возможно, что я ошибаюсь. Но вопреки тому, что Вы пишете (не в книге, а в письме), Мережковские, например, относились к Илье Исид<оровичу> более чем скептически. Это я помню твердо. Может быть, в отзывах печатных или на собраниях бывало иначе. Но в разговорах частных они – в особенности она – всегда отзывались о нем в тоне «ну что же с него спрашивать!». Алданов действительно его ценил очень, но главным образом моральную его чистоту. Да и что думал Алданов на самом деле, не знает никто! Зато Бунин иначе как с усмешкой о Ф<ондаминском> не говорил, хотя любил его как друга.

Недоразумение, вызванное моей статьей, объясняется, вероятно, тем, что я подошел к Ф<ондаминскому> с точки зрения литературной. Политические его друзья оценивали его гораздо выше, чем литераторы, – и потому-то и были удивлены.

Конечно, то, как человек держится перед смертью, – испытание и экзамен для него, а Ф<ондаминский> тут оказался на высоте. Об этом я, насколько помню, сказал.

Насчет же «вопросительных крючков», которыми я мог бы испещрить Вашу книгу, смысл моей фразы в том, что как свидетель почти всего того, о чем Вы рассказываете, я кое с чем согласен, другое отвергаю, третье хотел бы дополнить и т.д. и т.д. Никаких особых недоумений или вопросов у меня нет.

В заключение позвольте поблагодарить Вас за интереснейшую книгу, которую я прочел «в один присест».

Крепко жму руку.

Г. Адамович

¹ Адамович ошибочно датировал письмо 1956 г., Вишняк зачеркнул неверную цифру и переправил на 1957.

² В несохранившемся письме от 9 сентября 1957 г. Вишняк возражал на отдельные положения отзыва Адамовича на книгу о «Современных записках»: Г. Адамович. «“Современные записки”: Воспоминания М.В. Вишняка». *Русская мысль*. № 1095 (15 августа 1957). С. 4-5.

³ Сергей Акимович Водов (1898 – 1968) – журналист, участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Праге, член редколлегии журнала «Студенческие годы»; с 1925 г. в Париже, секретарь Национального союза русской молодежи, сотрудник «Последних новостей», после войны член редколлегии (с 1947 г.), позже редактор (с 1954 г.) газеты «Русская мысль».

4

3, Scarsdale Road
Victoria Park
Manchester
21/V 1959

Дорогой Марк Веняминович

Спасибо, что прислали мне выдержку¹ из Вашей статьи². Мне действительно было бы крайне неприятно, если бы она появилась без изменений. Я не помню точно того, что писал об И.И. Ф<ондаминском>, но едва ли я отрицательно отзывался о нем как о человеке: в сущности, как человека я его мало знал. Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы «человека» выбросили и заменили бы его словом «деятель».

Затем – с Вашего разрешения – мне хотелось бы предложить другую редакцию двух последних абзацев. Выражение «за спиной» производит впечатление именно «двуличья», как у Вас и сказано. Между тем, двуличья, по-моему, не было. Бунин или Мережковские могли И.И. искренне любить, не считая его при этом замечательным человеком. Если они и не говорили ему этого в лицо, то упрекать их не за что.

Кроме того, мне хотелось бы подчеркнуть, что Алданов всегда говорил об И.И. восторженно – поскольку к восторгу он вообще был склонен.

Свою изменения в двух последних абзацах к минимуму и предлагаю вариант такой:

«На это Г.В. отозвался сообщением, что те, в ком сам Фондаминский и ему близкие видели поклонников его таланта, высказывали в частных разговорах мнения не столь далекие от высказанных Адамовичем в его статье. Писатели и молодые поэты могли оставаться друзьями И.И., но считали его человеком несколько простодушным, а к его дарованиям относились скептически. Одно исключение – М.А. Алданов, всегда отзывавшийся об И.И. с неподдельным восхищением.

Достоверность того, что сообщил Г.В. Адамович, не подлежит, конечно, никаким сомнениям. Двумя тех, кого Фондаминский и другие ошибочно считали преданными и искренними друзьями, он отрицает. Не могу в этом вполне с ним согласиться».

Разумеется, это вариант приблизительный, на Ваше усмотрение. Но надеюсь, Вы найдете его приемлемым. Для ясности возвращаю отрывок, Вами мне присланный.

Крепко жму Вашу руку и шлю сердечный привет.

Преданный Вам Г. Адамович

¹ Письмо послужило ответом на письмо Вишняка от 17 мая 1959 г., которое ниже приводится полностью:

Многоуважаемый Георгий Викторович!

Для очередной книги «Нового журнала» я написал статью – «Заключительное слово» с краткими замечаниями, возражениями или простыми репликами всем отозвавшимся – в печати или в личных письмах – на мою книгу о «Современных» записках». Касаюсь я, конечно, и Вашей статьи в «Русской мысли». Указав на Вашу положительную оценку и согласившись с тем, что Вы говорите о «Числах» и цитате из письма П. Струве С.Л. Франку, я продолжаю:

«Несогласие мое с Г.В. Адамовичем совсем в другом и касается не “С<овременных> з<аписок>” и не пишущего эти строки, а – И.И. Фондаминского. Адамович неверно и, как мне представляется, совершенно несправедливо отозвался о Фондаминском как человеке, политике и даже ораторе, – отозвался, между прочим, без внутренней связи с тем, что критик говорит о “С<овременных> з<аписках>” и книге воспоминаний о журнале.

Не буду воспроизводить жестокую характеристику, данную Адамовичем. Он сам допускает, что, хотя “встречался с Фондаминским довольно часто”, он, может быть, знал его недостаточно близко, чтобы “полностью оценить”. Характеристика, данная Адамовичем, была столь сурова и неожиданна, что вызвала с моей стороны запрос, как создалось столь неблагоприятное у него впечатление, противоречащее общему мнению не только личных и политических друзей Фондаминского, но и писательской среды, ученых и молодых поэтов, с которыми постоянно и долгие годы общался Фондаминский? Фондаминский был не только “душой” “Современных» записок”, но и обаятельным, а во многих отношениях и замечательным человеком.

На это Г.В. отозвался сообщением, что те, в ком сам Фондаминский и ему близкие видели поклонников таланта Фондаминского, за его спиной* высказывали мнения не

столь далекие от высказанных Адамовичем в его статье. Писатели и молодые поэты могли оставаться друзьями И.И., но считали его человеком несколько простодушным, а к его дарованиям относились скептически. Одно исключение – М.А. Адданов, всегда отзывавшийся об И.И. с неподдельным восхищением.

Достоверность того, что сообщил Г.В. Адамович, не подлежит, конечно, никаким сомнениям. Но двуличие тех, кого Фондаминский и другие ошибочно считали преданными и искренними друзьями, характеризует этих последних».

В связи с этим мой новый запрос: не станете ли Вы возражать против последних двух абзацев? И если бы стали возражать, может быть, подсказали бы иную редакцию?

Буду очень признателен за возможно скорый ответ.

С искренним приветом

* <приписка рукой Вишняка на машинописной копии:> Мережковские – особенно она – относились к И.И., по Вашим словам, «более чем скептически», а Бунин «иначе как с усмешкой о Фондаминском» не говорил, хотя любил его как друга».

² В это время Вишняк готовил свой ответ на многочисленные отзывы критиков, вызванные его книгой о «Современных записках». Его большая статья, посвященная обзор критических отзывов, а также ответам или возражениям на некоторые из них, была вскоре опубликована в нескольких подвалах «Русской мысли» (М.В. Вишняк. «Заключительное слово». *Русская мысль*. № 1427 (29 сентября 1959). С. 2-3; № 1428 (1 октября). С. 2-3; № 1429 (3 октября). С. 2-3), одновременно появился и журнальный вариант (*Новый журнал*. № 57 (1959). С. 206-225), где две страницы статьи были посвящены полемике с Адамовичем, чья характеристика «Чисел» и, особенно, И.И. Фондаминского вызвали у Вишняка возражения (С. 214-216).

³ В оригинале письма на этих двух абзацах имеется ряд редакторских поправок рукой Вишняка, складывающихся в результате в следующий вариант:

«На это Г.В. отозвался сообщением, которое разрешил предать гласности, что те, в ком сам Фондаминский и ему близкие видели поклонников его таланта, высказывали в частных разговорах мнения не столь далекие от высказанных Адамовичем в его статье. Писатели и молодые поэты могли оставаться друзьями И.И., но считали его человеком простодушным, а к его дарованиям относились довольно скептически. Одно исключение – М.А. Адданов, всегда восторгавшийся И.И.

Достоверность того, что сообщил Г.В. Адамович, не подлежит, конечно, никаким сомнениям. Двуличие тех, кого Фондаминский и другие ошибочно считали преданными и искренними друзьями, он отрицает. Но это, конечно, уже спорно».

Опубликован был третий вариант, отличавшийся от предыдущих еще несколькими редакторскими поправками стилистического характера (*Новый журнал*. С. 216).

5

30, Denison Road,
Victoria Park
Manchester
2/III 1960

Дорогой Марк Веняминович

Искренне благодарю Вас за письмо и доброжелательный отзыв о моем «Маклакове»¹.

Я прекрасно знаю, что в книге этой много недостатков и пропусков. В частности, на тех страницах, на которые Вы обратили внимание: о периоде непосредственно вслед за войной, т.е. 1944–45 гг. Не все я

знал, да и не обо всем хотел говорить, т.к. это эпизод недавний и до сих пор не вполне ясный². Должен Вам признаться (но «между нами»), что написано у меня было об этом несколько больше, но я сократил написанное по настоятельной просьбе В.В. Вырубова, опасавшегося «mouvements divers»³. Пожалуй, он был прав, даже если опасений его не разделять. Об этом кратком времени и о том, что были за настроения тогда во Франции⁴, надо было бы написать или очень обстоятельно, в сущности даже целую книгу, или не говорить ничего. Нельзя было, например, обойти молчанием письмо Милюкова в полемике с Вами⁵, и то огромное впечатление, которое оно на многих произвело. Вот что мне кажется несомненным: люди, людская масса – везде одинаковы. Я не говорю, конечно, о Вас, об отдельных исключениях, о том же Милюкове и других. Но если именно в массе русские эмигранты оказались во Франции иначе настроены, чем в Америке, то очевидно, на это были причины. Об этом я вскользь и написал в своей книге: мы ежедневно видели немцев, а Вы о них читали «из прекрасного далека», т.е. опять – не Вы лично, а вообще русские американцы. Оттого и образовалась пропасть. Что же касается лично Маклакова, то я думаю, многое сказано и объяснено в его переписке, которая осталась от меня скрыта. Надо надеяться, что когда-нибудь будет написана о нем другая, более полная книга, а моя – только матерьял для нее.

Вы нашли в заключительной главе «иконописность». Я этого не хотел, и этого не чувствую. Но частный, житейский облик М<аклакова> я, по-моему, и не должен был давать, а под «человек» подразумеваю другое. Одна дама, кстати, упрекнула меня даже в том, что ничего не сказано о донжуанстве его. Это тоже, м.б., для будущей книги, уже не моей.

«Еретические мысли»⁶ я, м.б., плохо изложил потому, что они у меня вызывают прежде всего недоумение. Очень жалею, что не знал Вашей статьи о них⁷. Где и когда она была? По-моему, в этих «Ер<етических> м<ыслях>» заметно некоторое оцепенение мозга, когда-то живого и быстрого. Он не может свести концы с концами, – и я хотел выделить только моральный пафос: охрану, защиту человека и его личности от государственного гнета, всякого.

Простите за длинные рассуждения, – но никак не самооправдание. Еще раз скажу, что я ничуть не обольщаюсь насчет этой своей (в сущности, случайной⁸) книги. И еще раз от души благодарю Вас за внимание.

Преданный Вам Г. Адамович

¹ Речь о книге: Г. Адамович. *Василий Алексеевич Маклаков: Политик, юрист, человек.* Париж: Изд. друзей В.А. Маклакова, 1959. Помеченная 1959 г. книга увидела свет в

начале 1960-го и получила хорошую прессу: Андрей Седых. «В.А. Маклаков». *Новое русское слово*. № 17132 (14 февраля 1960). С. 2; Вл. Татаринов. «В.А. Маклаков – политик, юрист, человек». *Русская мысль*. № 1491 (25 февраля 1960). С. 6-7; М. Кантор. «Георгий Адамович о В.А. Маклакове». *Русская мысль*. № 1514 (20 апреля 1960). С. 6-7; А. Гольденвейзер. «Рец.». *Новый журнал*. № 59 (1960). С. 288-291. Е.А. Ефимовский. «Политический сфинкс». *Возрождение*. № 102 (1960). С. 106-117; Н. Арсеньев. «Завещание Маклакова». *Грани*. № 45 (1960). С. 227-230. Вишняк, которого О.В. Будницкий называет «постоянным критиком Маклакова» (*История и историки*. № 1 (2001). С. 288), не мог пройти мимо книги о своем оппоненте. Он откликнулся на книгу в несохранившемся письме Адамовичу, а затем высказался и в печати: М. Вишняк. «Русский либерализм и В.А. Маклаков». *Русская мысль*. № 1516 (23 апреля 1960). С. 2-3.

- ² Речь идет о состоявшемся 12 февраля 1945 г. визите группы известных деятелей эмиграции во главе с В.А. Маклаковым в советское посольство, который вызвал в эмиграции долгие пересуды. Адамович в своей книге посвятил этому эпизоду несколько страниц, стараясь объяснить причины визита: «Маклаков сам признал, что визит к Богомолу был ошибкой, и все, что в советское посольство его сопровождал, – за одним или двумя исключениями, – признали это тоже. Но тем, кто в политическом легкомыслии Маклакова обвиняет, надо бы понять, почему ошибка произошла» (Г. Адамович. *Василий Алексеевич Маклаков*. Париж, 1959. С. 223). Подробнее о визите см.: О.В. Будницкий. «Попытка примирения». *Диаспора: Новые материалы*. I. Париж-СПб: Athenaeum-Феникс, 2001. С. 179-240; «После Парижа: письма в Англию (из архива Б.И. Элькина)». *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. Vol. III, № 4 (2001). С. 184-241. Н.Н. Берберова уверяла, что среди участников визита к Богомолу был и Адамович, однако при первой публикации сообщения о визите (*Новое русское слово*. 7 марта 1945) его имя было снято и больше никогда в этом контексте не упоминалось: «Два человека из пошедших в советское посольство не были названы Кобецким – возможно, что они были вычеркнуты редакцией “Н.Р.С.”. Это были Адамович и Маковский. Может быть, их имена были сняты по той причине, что они были “литераторами”, а не “политиками”» (Нина Берберова. *Люди и ложи: Русские масоны XX столетия*. New York: Russica Publishers, 1986. С. 242).
- ³ различных настроений (*фр.*).
- ⁴ Подробнее о парижской ситуации и настроениях тех лет см.: «Российская эмиграция во Франции в 1940-е. Полицейский отчет 1948 года “La colonie russe de Paris” (“Русская колония в Париже”)». Публикация Д. Гузевича и Е. Макаренко-Феликс, при уч. И. Гузевич. *Диаспора: Новые материалы*. VIII. Париж-СПб: Athenaeum-Феникс, 2007. С. 341-655.
- ⁵ Имеется в виду статья П.Н. Милюкова «Правда большевизма», написанная в ответ на статью Вишняка «Правда антибольшевизма» (*Новый журнал*. № 2 (1942). С. 206-223). Из-за невозможности опубликовать статью Милюкова в печати за отсутствием таковой в условиях военного времени она распространялась в Париже в большом количестве mimeографических оттисков. Свою версию событий Вишняк изложил в мемуарах: М.В. Вишняк. *Годы эмиграции 1919–1969*. С. 192-195.
- ⁶ В.А. Маклаков. «Еретические мысли». *Новый журнал*. № 19 (1948). С. 141-164; № 20 (1948). С. 131-149.
- ⁷ «Еретическим мыслям» Вишняк посвятил целых две статьи: М.В. Вишняк. «В.А. Маклаков о демократии». *Новое русское слово*. 14 ноября 1948; М.В. Вишняк. «Демократия по В.А. Маклакову». *Новое русское слово*. 21 ноября 1948.
- ⁸ Книгу о Маклакове Адамович написал по просьбе Вырубова (исходившей от масонских кругов, поредевших после войны), и в его творчестве она на самом деле выглядит скорее случайной. Политиком и общественным деятелем Адамович не был, и по складу характера вряд ли мог бы быть, а к жанру жизнеописаний склонности у него никогда не наблюдалось.

4, av<enue> Emilia
chez Mme Heyligers
Nice
6/VIII 1960

Дорогой Марк Вениаминович
Очень рад был получить Ваше письмо и узнать, что Вы будете в Ницце.

Если Вы ничего не имеете против, я мог бы встретить Вас на вокзале, а предварительно задержать для Вас комнату. Сейчас – самый «сезон», и может случиться, что без предварительной задержки комнату найти было бы нелегко. Напишите мне приблизительно, какую комнату Вы хотели бы и в каком районе (т.е. у вокзала, у моря, в центре и т.д.).

Буду ждать Вашего ответа и крепко жму руку.

Искренне Ваш Г. Адамович

4, av<enue> Emilia
c/o Heyligers
Nice
12/VIII 1960

Дорогой Марк Веняаминович

Прилагаю карточку отеля, где я задержал для Вас комнату на 16-е вечером. Отель – средний, и даже более чем средний, но выбирать не приходится, т.к. везде complet. Это в 2–3 минутах ходьбы от вокзала.

Я постараюсь Вас встретить, но не уверен, что это мне удастся: дело в том, что накануне Вашего приезда приезжают родственники моей сестры из Варшавы, и я могу оказаться занят с ними. Если не буду на вокзале, то приду в среду 17-го, часов в 10 ½–11 к Вам в отель. В среду же должен быть в Ницце Сабанеев¹, которого Вы хотели видеть.

Пока – всего хорошего.

Крепко жму руку.

Искренне Ваш Адамович

Р. С. Павловского² я, конечно, помню. Когда-то даже обедал с ним в Ницце в компании покойного Роговского³.

¹ Леонид Леонидович Сабанеев (1881 – 1968) – музыковед, композитор. С 1926 г. в эмиграции во Франции, преподаватель Русской консерватории имени С.В. Рахманинова, сотрудник «Современных записок» и «Нового журнала»; в послевоенные годы постоянный собеседник Адамовича в периоды отдыха в Ницце.

- ² Михаил Наумович Павловский – инженер, общественный деятель, предприниматель, с 1919 г. в эмиграции в Шанхае, автор работ о китайско-русских отношениях, издатель журнала «Русские записки». Подробнее см.: М.В. Вишняк. *Годы эмиграции 1919-1969*. С. 113-116.
- ³ Евгений Францевич Роговский (1888 – 1950) – до революции помощник присяжного поверенного, член партии эсеров, в 1917 г. Петроградский градоначальник, депутат Учредительного собрания, осенью 1918 г. товарищ председателя Уфимского Государственного совещания, товарищ министра внутренних дел заведующий милицией в Омске, выслан за границу колчаковцами. В эмиграции «бизнесмен, пользовавшийся репутацией афериста и спекулянта», по характеристике Е.Г. Эткинды (*Евреи в культуре русского зарубежья*. Вып. 1. Иерусалим, 1992. С. 317). Во второй половине 1940-х гг. был директором Русского дома в Жуан-ле-Пэн (Juan le Pins), курортном местечке на Лазурном берегу близ г. Антиба. Подробнее о нем см.: С.П. Звягин. «Эсер Е.Ф. Роговский: попытка реконструкции биографии». *Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: Опыт уходящего столетия: Материалы конференции*. Ч. 1. Омск, 2000. С. 113-120.

8

Paris 8me

7, rue Frédéric Bastiat

22 апреля 1963

Дорогой Марк Вениаминович

Сначала – о книге Альтшулера¹.

Поверьте, я был бы рад исполнить Ваше желание. Но свою критическую деятельность я почти прекратил, – признаюсь, с большим душевным облегчением. Мне не хочется вмешиваться в область присяжного критика «Р<усской> м<ысли>» Терапиано, человека довольно ревнивого в этом смысле. Хотя Водов и говорит, что он это уладил, я знаю, что это не совсем так. А помимо того, о романе Альтшулера мне было бы трудно сказать что-либо такое, что оправдывало бы мою статью. Вы, не сомневаюсь, со мной согласны: роман не плохой, но довольно безличный, вроде гр. Салиаса или Всева Соловьева. Простите, значит, что желания Вашего исполнить я не могу. Если Вам др. Альтшулер человек близкий, могу «за кулисами» – не называя, конечно, Вас – сделать то, что нужно, чтобы отзыв Терапиано был максимально благоприятен. «Литература пройдет, а дружба останется», по кем-то подслушанному замечанию Пушкина (его упрекали, что он слишком хвалит Дельвига). В этом есть доля правды.

Затем – об Ульянове.

Я смутно помнил, что у Вас с ним были раздоры и что Вы его «вывели на чистую воду». Но я предпочел отнестись к его брошюре² так, будто ничего об авторе не знаю, – т.е. не знаю шума, который его прежними писаниями был вызван³. Брошюра мне неприятна и идейно, и литературно: мне очень не по душе тот не совсем добро-

качественный «блеск» ульяновского стиля, которым многие восхищаются. Но, по-моему, отзыв я дал отрицательный⁴. Здесь, в Париже, мне даже говорили: «Ну и пробрали Вы Ульянова!». А Вы упрекаете меня в одобрении его статьи! Единственное, что я сказал о нем положительного, это то, что он «заставляет думать»: это правда, он человек неглупый, с очень заостренными и для меня неприемлемыми мыслями. Но ведь кроме этого замечания ничего одобрительного я о нем не сказал.

Есть в этом Ульянове (которого я лично никогда не встречал и не видел) что-то типично «ново-эмигрантское», советское «рвачество», какая-то напористость, нам незнакомая. Это едва ли не худшая его черта, но общая им всем. А славословия Сталину или прочее в том же духе: это вопрос спорный, и пока я не был в их положении, я не решусь их в этом обвинять⁵. Даже читая призывы к расстрелу «врагов народа», приходилось думать: м.б. и я это подписал бы?

До свидания, дорогой Марк Веньяминович. Не собираетесь ли Вы летом в Европу и в частности на юг Франции? Спрашиваю об этом потому, что с удовольствием вспоминаю нашу встречу, года два тому назад.

Ваш Г. Адамович

¹ В несохранившемся письме Вишняк просил Адамовича написать рецензию на роман Григория Абрамовича Альтшуллера (1895 – после 1963) «Дело Тверитинова» (Вашингтон: В. Камкин, 1963).

² Н. Ульянов. *Исторический опыт России*. Нью-Йорк: Rausen Bros, 1962.

³ Статьи Н.И. Ульянова несколько раз вызвали громкие скандалы в эмиграции. Здесь Адамович, по-видимому, вспоминает один из наиболее шумевших случаев: в 1959-1960 гг. Н.И. Ульянов опубликовал несколько статей, в которых шла речь о русской интеллигенции, в частности «Ignorantia est» (*Воздушные пути*. № 1 (1960). С. 223-247) и «Интеллигенция» (*Новое русское слово*. № 17125 (7 февраля 1960). С. 2). Статьи вызвали бурную полемику, в которой наибольшее недовольство проявили авторы журнала «Социалистический вестник»: М.В. Вишняк. «Суд скорый и неправый над русскою интеллигенцией». *Социалистический вестник*. № 12 (1959). С. 235-238; Р.А. «Р.А. Абрамович» «Неумная выходка». *Социалистический вестник*. № 2/3 (1960). С. 52; Б. Николаевский. «Общее значение частного спора». *Новое русское слово*. № 17139 (21 февраля 1960). С. 2, 5; Н. Осипов. «Чрезмерность обличения». *Новое русское слово*. № 17184 (6 апреля 1960). С. 2; А.П. «Об интеллигенции и “интеллигенции”». *Новое русское слово*. № 17216 (8 мая 1960). С. 2, 8; Б.И. Николаевский. «Об общественном и личном (Вынужденный ответ Н. Ульянову)». *Социалистический вестник*. № 11 (1960). С. 220-224. Отдельные из участников полемики перешли на личности и зашли так далеко, что другие сочли необходимым заступиться за Ульянова: В. Плетнев. «Письмо в редакцию: Об атаках на Н. Ульянова». *Новое русское слово*. № 17154 (7 марта 1960). С. 4; Ф. Степун. «Суд или расправа?». *Русская мысль*. № 1496 (8 марта 1960). С. 3-4. Статья Ульянова обсуждалась на специально созданном собрании, см. газетные отчеты: Г. Раковский. «В защиту интеллигенции». *Новое русское слово*. № 17221 (13 мая 1960). С. 3; Г. Новицкий. «Письмо в редакцию: О собрании 11 мая». *Новое русское слово*. № 17237 (29 мая 1960). С. 7. На выпады Вишняка и Николаевского Ульянов откликнулся статьей «Дискуссия или “проработка”»? (*Новое русское слово*. № 17160 (13 марта 1960). С. 2), а позже завершил

полемику статьей «Дело Ульянова» (*Новое русское слово*. 5 января 1961. С. 2). Позднейшее мнение Вишняка об этом инциденте см.: М.В. Вишняк. *Годы эмиграции 1919–1969*. С. 242-244, 254-255.

- ⁴ Адамович посвятил отдельную статью брошюре Н.И. Ульянова «Исторический путь России»: Г. Адамович. «Литература и жизнь». *Русская мысль*. № 1972 (23 марта 1963). С. 1, 5.
- ⁵ Это явно ответ Адамовича на какие-то реплики Вишняка, восходящие к его спору с Ульяновым. В пылу полемики Вишняк и Николаевский принялись упрекать Ульянова в том, что он, будучи до войны советским историком, опубликовал статью в журнале «Борьба классов», употребляя положенные по тем временам советские обороты и формулы (Н.И. Ульянов. «Основание С.-Петербурга». *Борьба классов*. № 7/8 (1935). С. 13-24). Отвечая на это, Ульянов писал: «Года два назад мне довелось выступать в Литературном кружке в Нью-Йорке с публичным докладом о русских историках, в частности, тех, которым пришлось работать в 30-х гг., в условиях “наступления социализма по всему фронту”. Хорошо помню реакцию собрания на поставленный мною вопрос: должна ли эмиграция осуждать их за покорность власти, за славословия по адресу Сталина и партии, за усвоение коммунистического языка в своих произведениях? Председательствовавший И.Л. Тартак произнес прочувствованную речь, призывая не столько гордиться эмигрантской свободой, независимостью и чистотой риз, сколько благодарить за них судьбу. Они – наше счастье и удача, а вовсе не заслуга. Живи мы не за границей, а в Сов. Союзе, мы были бы такими же безропотными покорными существами и так же гнули хребет перед властью, как миллионы советских граждан» (Н. Ульянов. «Дискуссия или “проработка”»? *Новое русское слово*. № 17160 (13 марта 1960). С. 2).

9

Paris 8e
6 окт<ября> 1966

Дорогой Марк Веняминович

Спасибо за письмо и не будьте на меня в претензии за опоздание с ответом. Моей вины тут нет. Ваше письмо было переслано из «Р<усской> мысли» мне в Ниццу, я в это время там не был, письмо переслали в Париж, – словом, получил я его только на днях! Мне тоже очень жаль, что я Вас в Париже уже не застал. Надеюсь, что в следующий Ваш приезд мы встретимся, – и надеюсь на это с тем большей искренностью, что на свете все меньше остается людей, с которыми встречаться стоит.

Теперь о присланных Вами двух стихотворениях¹.

Не думайте, что я уклоняюсь от «вердикта» (Ваше выражение). Нет, но мне, право, трудно по нескольким строкам сказать что-либо определенное. Молодые авторы большей частью спрашивают: есть ли у меня талант, стоит ли мне писать? Ну как можно ответить, не зная человека и прочитав то небольшое, что он прислал? Я всегда помню, что Некрасов написал Льву Толстому: «Мне кажется, что у вас есть дарование»². Он был осторожен даже тогда, когда дарование заметно было в каждой строчке.

Так вот, в порядке «кажется»:

Мне кажется, что автор этих двух стихотворений – человек еще литературно-неопытный, считающий, что понятия «поэзия» и «поэтический» совпадают, т.е. что это одно и то же. Стихи его именно «поэтичны», чуть-чуть сладковаты. Афоризм, которым кончается первое стихотворение («Пусть! Нет на свете...») не только наивен, но и стилистически неудачен из-за слова «участвуют». Однако в стихах есть мелодия, напев, и – как знать? – может быть, голос, который в них слышен, найдет со временем свои – именно свои – слова.

Ничего большего по совести сказать не могу, и заранее допускаю ошибочность своего мнения, – притом и в хорошую, и в дурную сторону.

Крепко жму Вашу руку, дорогой Марк Веняминович, от души желаю здоровья и благополучья.

Ваш Г. Адамович

¹ Неясно, о каких стихотворениях идет речь.

² Неточная цитата из письма Н.А. Некрасова к Л.Н. Толстому от 29 августа 1852 г. Получив посланную Толстым на адрес редакции «Современника» первую часть романа «История моего детства», подписанную криптонимом Л.Н., Некрасов в течение семи недель ознакомился с рукописью, после чего ответил: «Не зная продолжения, не могу сказать решительно, но мне кажется, что в авторе ее есть талант» (Н.А. Некрасов. *Полное собрание сочинений и писем*. Т. 10. М.: Гослитиздат, 1952. С. 176).

10

Paris 8

7, rue Frédéric Bastiat

25 октября 1966

Дорогой Марк Веняминович

Вы мне писали о стихах, а я хочу спросить Вашего мнения и совета по совсем другому делу.

С год тому назад ко мне обратился из Москвы некий Бабореко¹, член редакционной коллегии «Литературного наследства», с просьбой написать статью о Бунине. К столетию со дня его рождения, в 1970 году, они выпускают целый том, полностью Бунину посвященный².

Я ответил уклончиво, и с тех пор переписка моя с Бабореко длится³. По письмам он человек приятный, исключительно вежливый и даже почтительный. Получил я письмо и от другого, более ответственного сотрудника «Литературного наследства» с той же просьбой⁴.

В конце концов я ответил: «Да, хорошо, напишу, но при одном условии: ни одного слова не изменять, ни слова не добавлять от себя». Они немедленно согласились.

Вот, Марк Веняминович, я и хочу Вас спросить: что Вы об этом деле думаете? Общественного опыта у Вас много больше, чем у меня. Не сомневаюсь, что если бы в «Литературном наследстве» статья моя появилась, кое-кто в эмиграции поднял бы крик и вопль, – например, Ульянов. Но лично я не вижу причин отказываться, да кроме того для меня было бы радостью написать, наконец, что-нибудь для 100000 читателей, а не для 5–10, как здесь. «Литературное наследство» – орган солидный, и хотя, конечно, над ним есть тот же присмотр, как и над другими советскими изданиями, чувствуется это гораздо меньше. Если бы я статью туда послал, то предварительно сделал бы фотокопию и с рукописи, и с сопроводительного письма.

Буду Вам очень благодарен за ответ, но очень прошу Вас никому об этом моем письме к Вам не говорить. Шлю Вам, дорогой Марк Веняминович, лучшие пожелания и крепко жму руку.

Ваш Г. Адамович

- ¹ Александр Кузьмич Бабореко (1913 – 1999) – литературовед, исследователь творчества Бунина, составитель и комментатор нескольких его изданий, в том числе собрания сочинений, автор книги «И.А. Бунин. Материалы для биографии» (М., 1967; 2-е изд.: М., 1983). Адамович положительно отозвался на его книгу: Г. Адамович. «Книга А. Бабореко о Бунине». *Русская мысль*. № 2678 (14 марта 1968). С. 4. Адрес Адамовича Бабореко получил от С.Ю. Прегель, которая также была приглашена участвовать в бунинском томе «Литературного наследства», см. письмо Адамовича к Прегель от 23 мая 1964 г. с разрешением дать адрес (Sophie Pregel and Vadim Rudnev Collection. University of Illinois at Urbana-Champaign Archives. RS15/35/36. Box 4; В. Крейд дважды опубликовал это письмо, но в обоих случаях вместо фамилии Бабореко указал Бабенко: «Письма Георгия Адамовича». Публ. и прим. Вадима Крейда. *Новый журнал*. № 194 (1994). С. 314; Г. Адамович. *Одиночество и свобода*. Сост., пред. и прим. В. Крейд. М.: Республика, 1996. С. 412).
- ² Подготовка бунинского тома «Литнаследства» сильно затянулась, и к столетию он не вышел, а был выпущен тремя годами позже назначенного срока: *Иван Бунин*. Ред. А.Н. Дубовиков и С.А. Макашин. *Литературное наследство*. Т. 84: в 2 кн. М., 1973. После того, как выяснилось, что редакция «Литературного наследства» не может опубликовать заказанные мемуары, Адамович напечатал их в Нью-Йорке: Г.В. Адамович. «Бунин: Воспоминания». *Новый журнал*. № 105 (1971). С. 115-137. В России их впервые опубликовал Бабореко 17 лет спустя (*Знамя*. № 4 (1988). С. 178-191).
- ³ Письма Адамовича сохранились в собрании Бабореко и были им опубликованы: «Письма Георгия Адамовича». Публ. и комм. А. Бабореко. *Русская провинция*. № 4 (1994). С. 83-88.
- ⁴ Об этом Адамович сообщал А.В. Бахраху 19 июня 1966 г.: «Не помню, писал ли я Вам о “Литературном наследстве”. Этот Бабореко уже давно убеждал меня написать туда о Бунине. Я отвечал уклончиво, а главное – просил “уточнить”: кто меня об этом просит, сам ли Бабореко, мелкая сошка, или ихнее начальство? Недели две назад я получил предложение официальное, на бланке, от “члена редколлегии”. Но не без хамства! Смысл такой: мы слышали, что Вы собираетесь писать о Бунине, это могло бы нам подойти, но сообщите нам, какие Вы используете материалы, документы и т.п. Тогда мы известим Вас о своем решении. Подпись без всякой *formule de politesse*. Я ответил в том же духе. Ничего не “собирался”, просил меня об этом Ваш же сотруд-

ник, никаких “матерьялов” я не использую, а могу написать просто воспоминания о встречах и беседах» (BAR. Ms Coll Bacherac).

11

Paris
10 ноября 1966

Дорогой Марк Веньяминович

Искренне благодарю Вас за ответ на мое письмо о «Лит<ературном> наследстве». Вы подтвердили то, что мне лично представляется в данном случае правильным. Это подтверждение для меня очень ценно, – независимо от возможных в будущем упреков и осуждений.

Что же касается Ульянова, то меня все же немножко коробит декларативно-непререкаемый тон его статей. Талантлив он несомненно. Но в нем удержалось то, что теперь он так страстно ненавидит и обличает: что-то родственное Жданову и Ко. Бывает нацизм навыворот, а тут – большевизм навыворот, идейно изменившийся, но психологически и даже физиологически оставшийся тем же. Очевидно, человеку, с большевизмом сжившемуся, нелегко от этого отделаться.

Крепко жму Вашу руку, шлю сердечный привет.

Ваш Г. Адамович

12

Paris
8 ноября 1967

Дорогой Марк Веньяминович

Большое спасибо за письмо¹, за внимание к моей книге и за добрый отзыв о ней².

Я не думал, что в этих «Комментариях» многое неясно. Но, очевидно, Вы правы.

Относительно «ребуса» – как Вы пишете, – касающегося того, что с «Достоевским беседа налаживалась легче, чем с Пушкиным и Толстым», и того, что «Лермонтов загадочнее Достоевского», могу сказать следующее:

Достоевский весь в вопросах, сомнениях, противоречиях, и «нас» это задевало ближе, чем величие Пушкина и Толстого. Достоевский все-таки мельче и того, и другого, и мы как будто не стеснялись его, а П<ушкина> и Т<олстого> именно стеснялись. Толстой всю жизнь думал, в сущности, об одном и том же, о Жизни с большой буквы, а «нас» волновали, смущали, интересовали и те сравнительно вторичные вопросы, которыми полна любая книга Достоевского. Когда-то Алданов

мне сказал, что если бы встретил Толстого, то молчал бы и только поклонился бы ему до земли, а с Дост<оевским> или Гоголем, после всяких литературных комплиментов, стал бы спорить и, вероятно, даже рассорился бы с ними. Вот нечто такое было и у «нас», или, по крайней мере, лично у меня. Достоевскому я бы задал ряд вопросов, а Толстому (и Пушкину) не знал бы, что сказать.

Лермонтов же, по-моему, «загадочнее» Достоевского потому, что о его метафизической сущности приходится только догадываться. Он рано умер, мало успел сказать, а за его стихами – в которых так много риторики – все же чувствуется что-то очень глубокое, м.б. даже более глубокое, чем у Пушкина. Кстати, вспомнив Алданова, теперь вспомню Мережковского. Когда-то он за чайным столом сказал: «Я там прямо пойду к Лермонтову» – там, т.е. на том свете, – на что Зинаида Николаевна немедленно возразила: «А Лермонтов тебе, наверное, скажет: что вам, милостивый государь, от меня нужно? Оставьте меня в покое!».

Простите за сбивчивый ответ на Ваши недоумения. Крепко жму Вашу руку, шлю сердечный привет.

Ваш Г. Адамович

¹ Письмо Адамовича послужило ответом на сохранившееся в копии недатированное письмо Вишняка (написанное, по-видимому, в начале ноября 1967 г.), которое ниже приводится целиком:

Дорогой Георгий Викторович!

Начал читать Ваши «Комментарии» и скоро убедился, что если я что и читал из них раньше, то забыл, и продолжал читать – не скажу, «не отрываясь», повседневная суета брала свое, – всю книгу до самого конца с неослабевающим интересом.

На мой взгляд, это замечательная книга поэта и литературного критика, которые здесь уступают главную роль, если не философу-специалисту, то «мыслящему тростнику», не перестающему задумываться над «последними вещами», учитывая и традиционные ответы, даваемые Церковью.

Я не Вашего «духа» в том смысле, что не разделяю многого, что Вы принимаете не только в религии, но и в Церкви. Тем не менее, и для меня многое было ново, свежо и, с оговорками, может быть, и приемлемо. Заранее оговариваю, что мое суждение в этих вопросах суждение профана и объективно стоит немногого. Все же в личном порядке считаю возможным и для Вас, возможно, небезынтересным осведомить Вас о том.

Я назвал себя профаном и должен прибавить, что кое-что мне осталось даже непонятным. Говоря с себе равными, того же «цеха» – поэтами и литераторами, Вам достаточно намек, чтобы с полуслова понять друг друга. Широкому же читателю, и мне в том числе, следовало бы пояснить и раскрыть «намек», развить до полупредложения «полуслова».

Откровенно скажу, что не понял, почему Вы считаете, что «беседа у нас легче налаживалась при содействии Достоевского и Лермонтова... С Достоевским в особенности, по меньшей его сравнительно с Лермонтовым загадочности», чем с Пушкиным и Толстым. Почему?.. В чем дело?.. И в чем Лермонтов «загадочнее» Достоевского?..

Неясно для меня и другое. Но приведенная антитеза наиболее яркий пример.

Были Вам чрезвычайно признателен за разрешение этого «загадочного» ребуса.

В заключение мне остается лишь вторично поблагодарить за присылку книги, которая доставила мне и удовольствие, и поучение.

Всего, всего Вам доброго!

Крепко жму руку

- ² Адамович послал Вишняку свою итоговую книгу: Г.В. Адамович. Комментарии. Washington: V. Kamkin, 1967. Вишняк отозвался о книге только в частном письме, печатного отзыва не последовало.

13

Paris 8e

7, rue Frédéric Bastiat

24 февр<аля> 1968

Дорогой Марк Веняминович

Только сегодня, вернувшись из Ниццы и получив с большим опозданием январские номера «Н<ового> р<усского> слова», узнал, что Вам исполнилось 85 лет.

Сердечно поздравляю Вас, дорогой Марк Веняминович, от души желаю доброго здоровья и благополучья, крепко жму Вашу руку.

Искренне Ваш Г. Адамович

P.S. Я уже забыл, из-за чего именно Вы ушли из «Н<ового> р<усского> с<лова>»¹, но, по-моему, они хорошо и с большим чувством отметили Вашу юбилейную дату.

- ¹ Вишняк прекратил сотрудничество в «Новом русском слове» в 1958 г., после того как редактор газеты М.Е. Вейнбаум не принял его сторону в полемике с М.М. Коряковым. Подробнее об этом см.: М.В. Вишняк. *Годы эмиграции 1919-1969*. С. 232-234.

БОРИС ПАСТЕРНАК В ПОДПОЛЬЕ

Piotr Mitzner

Летом или ранней осенью 1940 года в оккупированной немцами Варшаве вышел небольшой томик *“Siedem wierszy”* («*Семь стихотворений*») Бориса Пастернака, которые выбрал и перевел Ежи Камилль Вайнтрауб. Это была восьмая книга в «Поэтической библиотеке» «Издательства квартирантов будущего» (*“Wydawnictwo Sublokatorów Przyszłości”*). Надо добавить, что, за исключением «Поэтической библиотеки», никаких других книг это издательство не выпустило (хотя, возможно, и планировало?) и что все четырнадцать ее томиков вышли в формате А5 тиражом 6 или 7 экземпляров, трудолюбиво перепечатанные на машинке инициатором всего предприятия. Иначе говоря, самим Вайнтраубом, а сшивал и переплетал их в нарисованные от руки обложки его товарищ по гимназии имени Рея Ян Косиньский, позднее достаточно известный театральный художник.

На титульном листе каждого сборника располагалась вклеенная ксилографюра-эскибрис со знаком издательства (серп, зонтик и штопор) и с вписанным туда порядковым номером данного томика в серии. Обложка «Семи стихотворений», черная надпись на темно-оливковом фоне, была стилизована под табличку с номером дома, поэтому ее можно прочесть и как адрес: «ул. Стихотворений, 7, владелец дома – Борис Пастернак». На последней страничке читаем: «Отпечатано на правах рукописи в шести экземплярах на бумаге сорта *commercfine*. Издательство оставляет за собой право перепечатки, декламации со сцены и перевода на иностранные языки. Copyright by <The Edition of the Lodgers of the Future> 1939 год».

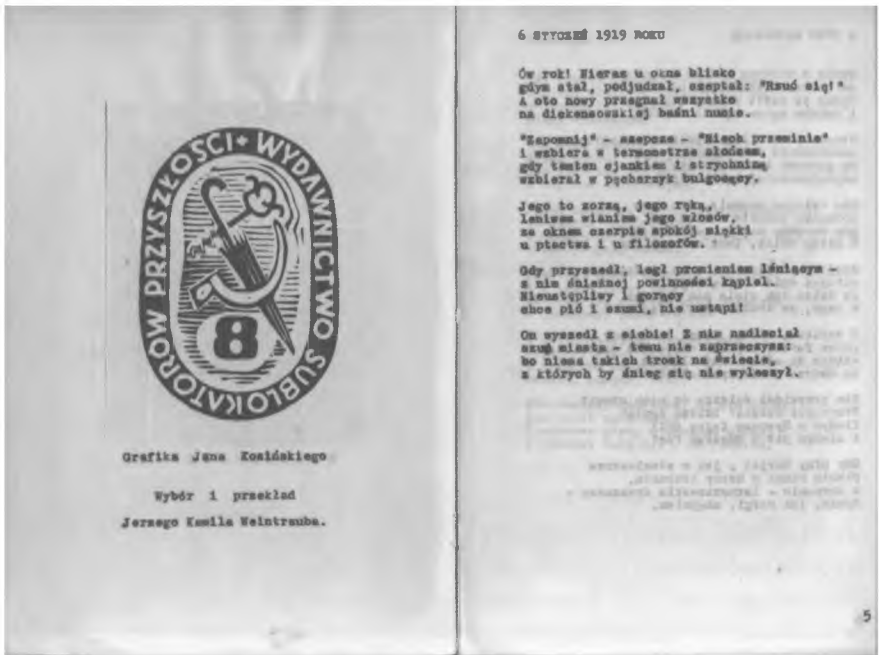
Издательство действовало, вероятно, с весны по осень 1940 г., то есть, скорее всего, до создания в Варшаве еврейского гетто. После Вайнтраубу следовало спрятаться.

Это было первое подпольное издательство и первые публикации поэзии в оккупированной стране. Поскольку и поэты, и художник-график выступали не под псевдонимами, а под настоящими фамилиями, книжечки датировались задним числом: *Варшава, 1939*. Тогда в случае чего можно было бы оправдаться, что это, мол, всего лишь напечатанное перед самой войной продолжение школьной серии «Поэтическая библиотека издательства “Chaos” (“Хаос”)) Вайнтрауба и его друзей, печатавшейся в 1932–34 гг.¹

Ежи Камиль Вайнтрауб (Jerzy Kamil Weintraub, 1916–1943) успел до того, как разразилась война, опубликовать две книги стихов. В 1930-е годы он сотрудничал со многими литературными журналами отчетливо левой и антифашистской направленности. В его поэзии, порой ошеломляюще оригинальной, сочетается визионерство, характерное для лирики тридцатых годов, и попытки творчески развивать поэтику Рильке. Особенно существенным источником вдохновения для Вайнтрауба служила русская поэзия, подбираемая им согласно собственным представлениям: Лермонтов, Анненский, Маяковский, Борис Поплавский, которого он тоже переводил и которому посвятил пронизательные замечания в своем дневнике, – вкуче с белорусской (Максим Танк). Он был также автором сатирических стихов, которым, в свою очередь, споспешествовал Гейне. Впрочем, и в его серьезных текстах раз за разом возникают явно шуточные нотки, позволяющие преодолеть элегичность его лирических сочинений.

Во время оккупации Вайнтрауб вместе с женой Иоанной скрывался в Варшаве и за пределами города. Подвергаясь шантажу, он многократно менял пристанища. Потрясающим свидетельством переживаний Вайнтрауба в эти годы предстает чудом сохранившийся дневник, который обрывается за несколько дней до его кончины. Вайнтрауб умер 10 сентября 1943 г. в Варшаве в результате заражения крови.

На начальном этапе оккупации он старался по мере возможности выходить из принудительного одиночества. Чаще всего Вайнтрауб бывал у поэта Станислава Рышарда Добровольского, который был старше его на несколько лет. В квартире Добровольского, в доме по Новоградской улице² встречались молодые поэты Роман Каминьский, Тадеуш Зеленай, Дымитр Гессен, Александер Мессинг (после войны Межеевский) и Кшиштоф Камиль Бачиньский. Бачиньский – легендарный поэт, 23-летним юношей погибший в бою во время Варшавского восстания 1944 г., был ближайшим другом Вайнтрауба и соавтором нескольких стихотворений. Именно в издательстве “Sublokatorów Przyszłości” вышли в свет две дебютантские поэтические тетради Бачиньского.

Следует оговориться, что круг контактов Вайнтрауба был более широким. Вероятно, при посредничестве Гессена он встречался с русским поэтом Соломоном Бартом, умершим вскоре после того, как его забрали в гетто³. В записи 1943 г. Вайнтрауб вспоминает его так: «Безногий горбун с красивым лицом, на всю жизнь приговоренный к неподвижности, туберкулезник со светло-голубым взглядом, он создает видение – до чего же убогое – из повседневно окружающих его вещей, над которыми тяготеев ужас смерти и какие-то первичные ощущения христианства, а также образ божества, с которым он ведет беседы»⁴. По мнению Вайнтрауба, поэзия Барта – это «погружение с головой в

кошмар и посверкивание обломками огней, которым не дано было разгореться и которые производят впечатление ошметков метеора, описывающих последнюю дугу перед тем, как погаснуть»⁵.

Так уж счастливо сложилось, что из четырнадцати опубликованных в издательстве "Sublokatorów Przyszłości" томиков не уцелел только один – стихотворений Романа Каминьского. Остальные можно найти в одном экземпляре в польских библиотеках, прежде всего, в варшавском Доме литературы.

Вот список этих миниатюрных изданий в соответствии с очередностью их выпуска:

1. Jerzy Kamil Weintraub. *Maski krajobrazu* (Ежи Камиль Вайнтрауб. *Маски пейзажа*)
2. Aleksander Messing. *Siedem elegii* (Александр Мессинг. *Семь элегий*)
3. Stanisław Ryszard Dobrowolski. *Próby bez wartości* (Станислав Рышард Добровольский. *Попытки без значения*)
4. Rainer Maria Rilke. *Sonety do Orfeusza I.* (Райнер Мария Рильке. *Сонеты к Орфею. Ч. I*). Составление и перевод Ежи Камилля Вайнтрауба
5. Roman Kamiński (Роман Каминьский) – название неизвестно
6. Jerzy Kamil Weintraub. *Płomień pachnący* (Ежи Камиль Вайнтрауб. *Душистое пламя*)
7. Tadeusz Zelenay. *Zamieć* (Тадеуш Зеленай. *Вьюга*)
8. Boris Pasternak. *Siedem wierszy* (Борис Пастернак. *Семь стихотворений*). Составление и перевод Ежи Камилля Вайнтрауба
9. Aleksander Messing. *Trzy poematy* (Александр Мессинг. *Три поэмы*)
10. Jerzy Kamil Weintraub. *Pieśń i chmury* (Ежи Камиль Вайнтрауб. *Песнь и тучи*)
11. Krzysztof Kamil Baczyński. *Zamknięty echem* (Кшиштоф Камиль Бачиньский. *Замурованный эхом*)
12. Rainer Maria Rilke *Sonety do Orfeusza II.* (Райнер Мария Рильке. *Сонеты к Орфею. Ч. II*). Составление и перевод Ежи Камилля Вайнтрауба
13. Krzysztof Kamil Baczyński. *Dwie miłości* (Кшиштоф Камиль Бачиньский. *Две любви*)
14. Jerzy Kamil Weintraub. *Nurt listopadowy* (Ежи Камиль Вайнтрауб. *Ноябрьское течение*)

Сборник Бориса Пастернака составляют следующие стихи, в квадратных скобках указывается дата их перевода на польский:

- [24 июня 1940] *Styczeń 1919 roku* (Январь 1919 года)
 [4 августа 1940] *O tych wierszach* (Про эти стихи)
 [27 июня 1940] *Bałaszów* (Балашов)
 [1 июля 1940] "Przez świt, południe z sadu szła..." («Всё утро с девяти до двух...»)
 [21 июня 1940] "Tu przeciągnął zagadki pazur..." («Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...»)
 [15 марта 1940] "Drżący fortepian..." («Рояль дрожащий...»)
 [29 февраля 1940] "W ów dzień, w ów czas..." («На днях, в тот миг...»)

Этот томик «Поэтической библиотеки» сохранился в одном экземпляре⁶. Точная датировка переводов оказалась возможной на основании «Избранных произведений» Вайнтрауба. Стихотворения Пастернака из "Siedem wierszy" вошли в это издание⁷, хотя и в другой очередности. Два переложения Вайнтрауба ("Bałaszów" и "Styczeń 1919 roku") Северин Полляк включил в свое издание Бориса Пастернака "Poezje" (Warszawa, 1962). Пожалуй, можно сказать, что они принадлежат к лучшим переводам стихотворений русского поэта на польский язык.

п р и м е ч а н и я

- ¹ В. Stepniak. "Biblioteka Poetycka 'Chaosu'". *Zeszyty Literackie*. № 103 (2008).
² S. R. Dobrowolski. *Tamte dni i lata*. Warszawa, 1981. S. 71-73. См. также: S.R. Dobrowolski. "Okруchy wspomnień" («Крупичи воспоминаний») и Joanna Weintraub-Krzyżanowska. "Dwaj Kamile" («Два Камилы») в сб.: *Zołnierz, poeta, czasu kurz... Wspomnienia o Krzysztofie Kamile Baczyńskim*. Pod redakcją Z. Wasilewskiego. Wydanie II. Kraków, 1970. S. 132-137; 138-140.
³ Гетто в Варшаве было создано в октябре 1940 г., Барт умер 14 августа 1941 г. См.: Солон Барт. *Стихотворения 1915-1940. Проза. Письма*. Изд. 2-е, доп. Подг. Д.С. Гессен и Л.С. Флейшман. Москва, 2008.
⁴ J. K. Weintraub. "Z pamiętnika" в изд.: J.K. Weintraub. *Utwory wybrane*. Wybór, układ i wstęp R. Matuszewski. Teksty z rękopisów opracowała A. Piorunowa. Warszawa, 1986. S. 292.
⁵ *Ibid.* S. 292
⁶ Библиотека Дома литературы в Варшаве, шифр 1524.
⁷ J. K. Weintraub *Utwory wybrane*. S. 394-399.

РИГА, 17 ИЮНЯ 1940 ГОДА

Aivars Stranga

17 июня 1940 г. СССР оккупировал Латвию. Красная армия вошла в столицу государства Ригу, и по сей день можно услышать утверждения, что советские войска встречали только евреи.

Преддверие оккупации

Летом 1940 г. экономическое положение Латвии серьезно ухудшилось, что почти полностью было обусловлено трудностями, вызванными Мировой войной. В городах росла безработица, и жизнь беднейших слоев общества действительно стала гораздо тяжелее¹. Усилилось недовольство правительством К. Ульманиса, и хотя оно практически не было виновато в серьезном ухудшении экономического положения², всё же следует помнить об этом недовольстве: оно стало причиной того, что появление советских войск в июне было воспринято в пролетарских слоях с особыми надеждами на улучшение общего экономического положения. К примеру, в Риге в конце мая выросли цены на многие продукты и услуги. Цена на водоснабжение для домовладельцев выросла с 12 до 16 сантимов за кубометр (а в связи с этим выросла и арендная плата). Повышение цен на уголь было катастрофическим – с 18 до 92 латов за тонну! – и становилось всё труднее ввозить его в страну. Тарифы на газ выросли на 25 %. Из-за нехватки топлива и электричества выросла плата за проезд в транспорте – с 17 до 20 сантимов за билет, в то время как 20 сантимов для немалого числа людей были тогда значительной суммой. Зарботки многих рабочих были незначительными, например, на крупном хлопчатобумажном АО “Lenta”, на котором работало более 1000 человек, часть мужчин рабочих получала летом только 2,97 лата в день, а работницы – всего 2 лата (!)³. Но при всем этом независимая Латвия обеспечивала, насколько это было возможно, своим гражданам, в том числе и национальным меньшинствам, более-менее цивилизованную жизнь, включая также сферу культуры.

31 мая закрыл сезон Польский театр, который заслужил большой успех постановками пьес популярного латышского автора Ю. Петерсона; 1 июня – популярный Еврейский театр. Вряд ли кто-либо из зрителей, смотревших последний спектакль – веселую комедию Х. Шелкана «День помолвки», мог себе представить, что пятнадцать

успешных лет развития свободного театра подошли к концу⁴. Готовились к выпуску ученики еврейских школ, продолжался прием в университет, и большое число еврейских юношей и девушек мечтало стать студентами, прежде всего механического, химического и медицинского факультетов. В университет были приняты, например, ставшие в будущем известными химик Л. Май и историк М. Духанов.

В Латгалии, в Резекне, евреи собрали средства на то, чтобы 50 детей из бедных семей смогли провести лето в детском лагере в Юпатовке. Там же поблизости маленький городок Карсава отпраздновал в июне 115-ю годовщину со дня основания – права местечка были ему пожалованы в 1825 г., прежде это была деревня, – и действительно, было что отмечать. Казалось бы, глухая окраина зажила активной жизнью и стала походить на маленький городок: количество жителей за пять лет с переписи населения 1935 г. заметно выросло – с 1870 (из них 750 евреев) до 2500. Там были три начальные и две средние школы, современный магазин “Tuģiba” и еще 200 разных магазинов и лавочек (которые в основном принадлежали евреям), четыре синагоги, даже кинотеатр и спортивная площадка. Автобусное сообщение соединяло Карсаву с Лудзой и Абрене. Для Карсавы, как и для всей Латвии, это были последние мгновения мира⁵.

Латгалия смогла ощутить на себе и личную заинтересованность Ульманиса, и его надежды на развитие этого региона. Например, в мае 1940 г. он пожертвовал 17,000 латов (!) на строительство новой лютеранской церкви в Лудзе⁶; 20 000 латов – на награждение участников большого Латгальского Праздника песни, который начался 16 июня, в самый канун гибели Латвии. Еще 10,000 латов были пожертвованы во вновь созданный больничный фонд Латгалии⁷. Кроме того, Ульманис задумал впечатляющий визит в регион, где Даугавпилс был начальным пунктом: предполагалось, что он пробудет в Латгалии до 20 июня и посетит также Калупе, Краславу, Вистру, Малту, Тилжу, Кацены и Лиепну. Однако в Даугавпилс он приехать не успел, потому что именно 16 июня Латвия получила ультиматум СССР.

Нет сомнения в том, что Ульманис непременно бы встретился и с евреями, которые составляли значительную часть населения, особенно в Вараклянах и Малте. В Даугавпилс отправились министр общественных дел А. Берзиньш и директор департамента этого министерства Я. Лабсвирс, который посетил одну из городских синагог: «Сама встреча у синагоги была впечатляющей: от улицы до входа в нее был выставлен караул из даугавпилсских еврейских школьников. На улице меня повторно попросили, учитывая угрожающую политическую ситуацию, передать президенту [Ульманису] заверения в преданности даугавпилсской еврейской общины. Никогда не забуду это торже-

ственное богослужение...»⁸. Еврейская религиозная жизнь в Латвии развивалась совершенно свободно: накануне оккупации в стране было 207 религиозных общин Моисеева закона, 68 раввинов; число членов религиозных общин составляло 16,000, и этой конфессии принадлежала недвижимость стоимостью более 2,7 млн. латов⁹.

В начале июня 1940 г. СССР решил на военную оккупацию стран Прибалтики. 4–7 июня советские войска стали стягиваться к границам. В ночь с 5 на 6 июня и вечером 7 июня планы агрессии обсуждались в Кремле под руководством самого Сталина. В дополнение к советским войскам, которые уже находились на советских базах в Эстонии, Латвии и Литве, к их границам были дислоцированы огромные и неотвратимые силы, в общей сложности в десять раз превосходящие военные силы прибалтийских государств – не менее 541,000 пехотинцев, 3,938 танков, 2,516 самолетов. К 14 июня Советский флот блокировал выход из Балтийского моря. В готовность были приведены десантные подразделения специального назначения, а также войска НКВД для начала незамедлительных массовых депортаций, которым подлежали примерно 70,000 человек¹⁰.

Начальник Главного политического управления Красной армии Л. Мехлис приехал в Минск, находящийся в непосредственной близости от литовской границы, где 13 июня издал приказ армейским политработникам: «...Литва, Эстония и Латвия станут советским форпостом на наших морских и сухопутных границах... Готовящееся наступление следует держать в строжайшей тайне...»¹¹. Выражения, которые использовал Мехлис, полностью повторяли риторику СССР, направленную против Финляндии: осенью 1939 г. Мехлис открыто заявил, что Красная армия «...поможет трудовому народу [Прибалтики] освободиться от господства клики капиталистов и помещиков», – и, несмотря на отсутствие какого-либо опыта и образования, Мехлис, будучи доверенным лицом Сталина в военных вопросах, хорошо понимал, что говорил¹². То, что руководство прибалтийских государств решило не сопротивляться и принять ультиматумы СССР, предъявленные 14 июня Литве и 16 июня – Эстонии и Латвии, уже летом 1940 г. уберегло прибалтов от чудовищных человеческих жертв, разрухи и депортаций.

15 июня была оккупирована Литва, и, когда примерно в 5 часов полудни советские войска вошли в Каунас, их приветствовали небольшие, но очень шумные группы еврейской молодежи¹³, но они вовсе не были одиноки. Главным приветствующим был не кто иной, как командующий литовской армией генерал В. Виткаускас. Незадолго до этого, 15 июня, сразу же после получения советского ультиматума, он во время самого трагического заседания правительства Литвы за всю исто-

рию независимости Литовского государства однозначно высказался против сопротивления Красной армии. Теперь Виткаускас приказал: «Я требую от всех военнослужащих спокойствия, порядка и хороших отношений с военнослужащими Советского Союза». Его примеру последовали не только командующие эстонской и латвийской армиями, но и президенты государств. Правда, Виткаускас был единственным главнокомандующим, который стал очернять годы независимости Литвы, когда якобы имели место «...разные ненормальности. Теперь же они будут решаться совместно с СССР»¹⁴.

События 17 июня 1940 г. в Риге

Ранним утром 17 июня, около 5 часов, подразделения Красной армии во многих местах пересекли латвийскую границу. Танки 121 и 126 стрелковых дивизий 3-й армии продвигались в сторону Риги, над которой уже с 10 часов утра несколько раз пролетали советские военные самолеты, готовые подвергнуть город бомбардировке в случае, если армии будет оказано сопротивление – точно так же, как это происходило зимой 1939–40 гг. во время советско-финской войны. Части 3-й армии заняли остальные территории Латвии, а в захвате Курземе участвовали советские войска, расположенные на военных базах согласно договору от 5 октября 1939 г. (2-й особый стрелковый корпус) и официально предназначенные для «защиты» Латвии. Теперь они получили приказ занять Тукумс и Елгаву, на которую также двигались войска со стороны Литвы¹⁵. За один день советские войска достигли Риги и расположились в стратегически важных местах города. Органы власти Латвии не ожидали жестких массовых беспорядков, разразившихся на Привокзальной площади, где встали советские танки, которые пересекли Земгальский мост и вошли в город со стороны Задвинья. Пока оставим в стороне важный вопрос, были ли эти беспорядки, невиданные за все время латвийской независимости, стихийными или умышленно организованными, и обратимся к описанию того, что творилось на Привокзальной площади.

17 июня правительство Ульманиса не сделало никаких заявлений по радио, что было единственным способом информировать население. Если бы газеты были информированы, соответствующие материалы в них были бы напечатаны, едва советские войска начали вторжение в Латвию. Однако провинциальные латвийские газеты, за исключением основных изданий Даугавпилса и Лиепаи, выходили по четвергам, и ни одна из газет, после 15 мая 1934 г. привыкнув к авторитаризму, не осмелилась информировать о происходящем. Более того, 20 июня некоторые газеты писали так, как будто они сошли с ума. «Мы накануне Лиго» была главная тема газеты “Valmierietis”, а латгальская

газета “Jaunais Vords” была вообще неотразима: 20 июня в ней была опубликована единственная статья под названием «Птичий помет как ценное удобрение». “Ventas Balss” призывала соблюдать «латышскую статью», но эта латышскость в понимании газеты означала «дружбу и сотрудничество с СССР...».

Практически для всех жителей Риги, как и для остальных жителей страны, ввод советских войск был шокирующей неожиданностью. Оставим пока в стороне еще один гипотетический вопрос: могла ли какая-нибудь группа населения, например, связанная с советским посольством или спецслужбами, знать об этом вечером или ночью 16-го июня или на следующее утро. 17 июня был понедельник – рабочий день. Пополудни, когда советские войска стали медленно продвигаться со стороны Задвинья через мост в центр города, в большинстве своем рижане были на работе. Однако следует помнить, что в городе было довольно велико число безработных, а недалеко от Привокзальной площади, в районе со стороны Московского предместья, жило много лиц пролетарского или полупролетарского происхождения, скорее всего, не имевших никаких занятий¹⁶. Наконец, хватало и просто хулиганов и даже бандитов, для которых 17 июня стало днем торжества самых темных инстинктов.

Первыми, кто приветствовал советские танки приблизительно в час дня, были рабочий Т. Борисов (очевидно, старообрядец¹⁷) с женой и еврей-рабочий И. Иоффе. Через час полиция начала задержания: возле Земгальского моста были задержаны рабочий А. Пьянко, который бросал на танки цветы, и рабочий А. Калинин. Оба, как мы видим, были русскими¹⁸. Около половины второго советские войска уже полностью расположились на Привокзальной площади, заняли здание почты, где находились телеграф, центральная телефонная станция и радио. Радиотрансляция была остановлена, и, отвечая на вопрос Берзиньша о дальнейшей судьбе радио, посол СССР в Латвии В. Деревянский сообщил, что в дальнейшем радиовещание будет контролироваться советским посольством и дозволено будет передавать только музыку. В эти самые трагические часы у жителей Латвии не было совершенно никакой информации о происходящем: Ульманису было позволено выступить перед населением только после 10 часов вечера¹⁹.

До 15:30 на Привокзальной площади было сравнительно тихо и мирно, до тех пор, пока, по свидетельству рижского префекта К. Яунарайса, «у вокзала не стало собираться много подвыпивших, по большей части еврейских, юношей и известных смутьянов Латгальского предместья и они не начали задирать стражей порядка...»²⁰. Толпа росла, становилась всё агрессивнее, вспыхнули ожесточенные стычки с полицией, которая не ожидала ничего подобного. На Привокзаль-

ную площадь стали прибывать сотрудники иностранных дипломатических миссий, чтобы наблюдать за происходящим и подготовить донесения своему руководству. Например, военный атташе Швеции в секретном сообщении в Стокгольм от 17 июня указывал, что было несколько сотен приветствовавших советские танки. Среди них «было много евреев, которые карабкались на танки и вручали цветы. Русские солдаты относились к подобного рода приветствиям с недвусмысленной сдержанностью...»²¹.

Следует добавить, что к концу рабочего дня толпа выросла до 1500 человек, и в ней были не только евреи, но и многочисленные русские и латыши²². Встречавшие взбирались на танки, а толпа стала нападать на полицейских, поначалу с камнями (один из встречавших советские танки русский житель Латгальского предместья коммунист М. Яковлев писал в своих воспоминаниях: «Видел, как полицейского ранили в голову булыжником...»). В 16 часов один хулиган, русский рабочий М. Сивоха, был ранен в стычке, которую сам же и спровоцировал, однако первым задержанным был еврей Ш. Каплан.

Сначала на усмирение толпы вышли стражи порядка 6-го участка Рижской префектуры под руководством К. Зелминьша, но их оказалось недостаточно. Уже около 16 часов посольство СССР попросило К. Яунарайса очистить площадь от людей, пристававших к советским танкистам. Как позднее свидетельствовал в прокуратуре СССР бывший надзиратель 2-го участка Рижской префектуры И.П. Калныньш, он получил приказ от префекта совладать с толпой, при этом Яунарайс добавил, что если полиция не совладеет с толпой, то советское посольство возьмет решение этой задачи в свои руки²³. Это очень существенное свидетельство: возможно, существовала уверенность, что силовые структуры не справятся с толпой, и тогда советские войска непосредственно и полностью возьмут власть в свои руки уже 17 июня. Тогда дальнейший ход событий в оккупированной Латвии мог бы приобрести – по форме, но не по содержанию – иные облик и темп. О том, что такое распоряжение посольства СССР действительно было отдано Яунарайсу, свидетельствуют не только показания Калныньша, но и все центральные латвийские газеты, в которых 18 июня было опубликовано следующее: «Отношение народа произвело очень неблагоприятное впечатление на советские войска, командование которых обратилось в наши учреждения с просьбой прекратить препятствовать продвижению войск»²⁴.

Чтобы еще более продемонстрировать замешательство отправленного в отставку правительства Латвии, советское посольство попросило 18 июня опубликовать совершенно противоречивое по содержанию сообщение, которое было напечатано 19 июня: «Во вчерашних газетах

было помещено сообщение под заголовком “Шаги, предпринятые советскими войсками для поддержания порядка при вступлении в Ригу”. В этом сообщении, между прочим, было сказано, что отношение народа произвело крайне неблагоприятное впечатление на советские войска, командование которых якобы обратилось к органам власти Латвии с просьбой не препятствовать войскам. Советское посольство разъясняет, что с подобного рода просьбами к правительству Латвии оно не обращалось и что такого рода сообщение ни в коей мере не соответствует действительности. Население не препятствовало продвижению войск, и командование советских войск полностью удовлетворено проявлениями сердечности и приветствиями при встрече»²⁵. Вместе с советской армией в Латвию пришла и большая ложь, и это сообщение советского посольства было одним из первых ее проявлений. Представляется, что это был не только явный призыв «сердечно приветствовать» войска и после, но в большей степени разочарование тем, что органы власти Латвии все-таки уладили бунт и, возможно, нарушили тактические планы советского командования взять всю власть в свои руки уже 17 июня, прикрывая их утверждениями о том, что органы власти Латвии не способны обеспечить покой и порядок и им приходится это делать самим.

Вернемся к событиям 17 июня пополудни на Привокзальной площади в Риге. После 16 часов толпа стала настолько агрессивной, что перешла к нападению на полицейских уже с ножами, а камни теперь в полицейских бросали с виадука на улице Гоголя. Начальник конного отряда Рижской префектуры А. Мартинсонс, для того чтобы умирить толпу, решил использовать конных полицейских, которым было запрещено применять огнестрельное оружие и рекомендовано пользоваться только резиновыми дубинками. Но даже 13 конных полицейских не смогли справиться с бесчинствующей толпой²⁶. Пьяный русский уголовник Т. Григорьев, неоднократно судимый, в том числе в 1933 г. за очень тяжкие преступления, пырнул ножом стража порядка Б. Запрауска и попытался дотянуться также до конного полицейского Я. Полиса. Легко были ранены А. Кренбергс и К. Круминьш²⁷. Среди хулиганов и бандитов к тому времени появилось несколько коммунистов, особенно выделялись А. Кадикис, рабочий лесопилки в Вецмилгрависе, П. Гаранцис, четырежды судимый за кражи, и «революционерствующий» вечный студент механического факультета Латвийского университета П. Приеде²⁸. В стычках с полицией был смертельно ранен русский подросток-старообрядец И. Тихомиров, а около 17 часов был смертельно ранен другой русский – П. Крыш. В гибели обоих были повинны хулиганы, учинившие кровавый хаос на Привокзальной площади.

Примерно в 18 часов толпа забросала камнями старшего полицейского префектуры Э. Лауриса, который мирно стоял на посту регулировщика движения возле почты. В это время полицейский инспектор Я. Киселис, в которого тоже бросали камнями, принял решение, что охранная рота префектуры и конная полиция не справятся с беснующейся толпой и необходимо вызывать армию. Вероятно, в какой-то момент в Министерстве внутренних дел воцарилось смятение, и Вейдниекс, который находился в это время в префектуре возле Привокзальной площади, высказался, что полицейские, возможно, действовали слишком агрессивно, чем спровоцировали столкновения²⁹. Это был безосновательный вывод, сделанный только потому, что Вейдниексу никогда бы не пришло в голову, что нечто подобное могло случиться в цивилизованной Риге.

Совладать с толпой не удалось еще по крайней мере три часа – с 18 до 21. В 20 часов группа еврейской молодежи во главе с Б. Флором попыталась напасть на полицейского 11-го участка префектуры Ю. Пукитиса. Известный дебошир из Московского предместья, «Москачки», К. Юханов (Костя) сначала забрасывал полицейских камнями, а потом пырнул ножом А. Колковскиса. Другой уголовник с «Москачки», Т. Григорьев также бросился с ножом на полицейских. Громилы вломились в оружейный магазин К. Сиполса (ул. Кришьяна Барона, 14), и теперь у них в руках было огнестрельное оружие, которое, вероятно, было у них и прежде³⁰. Это были типичные «герои» 17 июня, и в конце концов Вейдниексу ничего не оставалось, как вызвать для наведения порядка армию: штабной батальон и военнослужащих 4-го и 5-го полков. Это решение безусловно следовало принять гораздо раньше.

Один из самых отвратительных в истории Латвии дней закончился только в 9 часов вечера, когда с помощью военных и пожарных удалось разогнать бесчинствующую толпу³¹. В стычках с толпой пострадало 57 полицейских, 16 из них были вынуждены лечиться в военной больнице, еще трое были ранены. Спустя несколько дней, когда стала легально выходить коммунистическая пресса, она лживо обвиняла латвийскую полицию в «зверствах». Эти измышления продолжались на протяжении всего советского периода и нашли свой путь в «академические» издания, например, в одном из них, под редакцией А. Дризула, утверждалось, что рота полицейских рижской префектуры и целое подразделение конной полиции специально формировались из «садистских элементов»³². Садизм был действительно присущ, но не полиции Латвии, а советским спецслужбам. Нигде, кроме Риги, беспорядков не возникло, за исключением Чиекуркалнса, где совершенно обезумевшая еврейка-коммунистка Хана Скутельская прибежала на станцию и в сильном волнении кричала железнодорожным рабочим:

«Товарищи, Красная армия перешла границу, правлению Ульманиса пришел конец!»³³, однако в этом пролетарском латышском районе ее поведение не могло вызвать беспорядков. Едва хулиганы были усмирены, в половине десятого вечера было созвано заседание отставленного, но фактически еще существовавшего Кабинета министров Латвии, на котором обсуждались события на Привокзальной площади. Главным вопросом заседания было сообщение Вейдниека «О поддержании порядка и безопасности». Министр просил разрешения в дальнейшем для обеспечения порядка использовать не только айзсаргов, но и армию. Кабинет министров разрешил использовать только айзсаргов, вероятно, под давлением советских властей: 18 июня Деревянский сообщил в Москву, что он попросил вывести из Риги артиллерийские войсковые части и фактически приказал «не допускать демонстраций и беспорядков, если таковые возникнут, при помощи вооруженных сил»³⁴. Это было подтверждением того, что СССР с каждым часом всё больше определял ход событий в Латвии. Тем не менее после заседания Кабинета министров Вейдниека издал распоряжение, которое немедленно вступало в силу и запрещало «частным лицам» в Риге «собираться на улицах и площадях города более чем по четыре человека»; с 22 до 4 часов утра запрещалось покидать квартиры, запрещалась продажа всякого рода алкоголя, были закрыты оружейные магазины.

18 июня в Риге было объявлено осадное положение, а вышеназванные запреты были распространены на всю страну. Так на три дня в Латвии – за исключением Лиепай – установилась тишина в полном смысле слова. Если бы хозяевами положения в Латвии оставались латышские власти, покой и порядок в государстве были бы обеспечены и в дальнейшем³⁵. Смутьяны затаились или скрылись, айзсарги и армия контролировали положение. Самым удивительным было то, что политическая полиция под руководством Я. Фридрихсона (Скрауя) была совершенно пассивной, бездействовала и ограничивалась лишь описанием происходящего. Возможно, что к тому времени Фридрихсон уже сделал свой выбор в пользу сотрудничества с советскими властями, но последним он был нужен только как источник информации, 21 июня он был арестован³⁶. Уже утром 18 июня Яунарайс начал административно наказывать наиболее активных хулиганов, но не успел закончить это до 21 июня, когда советские власти и марионеточное правительство Кирхенштейна прервали его деятельность.

Яунарайс назначил наказание 26 нарушителям (непонятно, были ли они все задержаны или только идентифицированы): А. Кадикису (без постоянного места жительства, не был задержан), Г. Крейнесу (ул. Авоту, 53/55), Д. Гольдбергу (ул. Стабу, 46), И. Гельбарту (ул. Висвалжа, 3а), Х. Кляцкину (ул. Стабу, 51), Т. Минову (ул. Бривибас, 239),

Г. Кантору (ул. Католю, 17, подданному Литвы), С. Масловскому (ул. Акменю, 8), Ш. Каплану (ул. Краста, 39), Ф. Аванесову (ул. Капселю, 14), А. Паудерсу (ул. К. Барона, 90), Э. Скадулису (ул. Базницас, 34), П. Лусису (ул. Стабу, 46/48), П. Приеде (ул. Красотаю, 11), А. Ездовскому (Катлакалнская волость), И. Дротли (ул. Элияс, 17), Я. Берзиньшу (ул. Твайка, 15), Г. Ванушкину (ул. Буру, 9), Я. Томсонсу (ул. Вилку, 3), П. Васильеву (ул. Латгалес, 89), А. Семенову (ул. Лаздонас, 11), Л. Мейеровицу (ул. К. Барона, 2), П. Капкову (ул. Дзирнаву, 169), Я. Смайшсу (ул. Ливес, 18), Д. Калымову (ул. Ливес, 18), Ю. Фридендеру (ул. Шампетера, 1)³⁷.

Отметим, что, во-первых, из 26 только 9 были евреями: Крейнес, Гольдберг, Гельбарт, Каплан, Кляцкин, Дротли, Мейеровиц, Фридендер; это немало, но это и не большинство, поскольку русских тоже было 9: Минов, Масловский, Аванесов, Ездовский, Ванушкин, Васильев, Семенов (хотя его имя было Абрам, но он был из старообрядцев), Калымов, Капков; латышей было 8: Кадикис, Паудерс, Скадулис, Лусис, Приеде, Берзиньш, Томсонс, Смайшс. Итак, национальный состав главных устроителей беспорядков делился на три почти равные части: русские, евреи и латыши. Разумеется, необходимо учитывать, что русские и евреи составляли только 10% жителей города, не все нарушители были задержаны, и число русских и латышских смутьянов определенно бы возросло, если бы деятельность Яунарайса не была прервана 21 июня.

Во-вторых, места жительства задержанных свидетельствуют, что они пришли на Привокзальную площадь не с близлежащих улиц (Т. Минов прибежал аж с ул. Бривибас, другие – из Задвинья и с Красной Двины); в дневное время до Привокзальной площади можно было доехать из любого конца города, но всё равно создается впечатление, что беспорядки были не только стихийными, но и организованными, поскольку – и это в-третьих – самое суровое наказание, трехмесячный арест без права выплаты штрафа, Яунарайс назначил латышскому коммунисту А. Кадикису, которого не удалось задержать. Следующим по суровости наказанием был штраф в 1000 латов, а в случае неуплаты – три месяца тюремного заключения. К этому наказанию были приговорены четверо задержанных, и все четверо были евреями (Крейнес, Гольдберг, Гельбарт, Кляцкин)³⁸.

Были ли беспорядки на Привокзальной площади организованными?

Вряд ли стоит подвергать сомнению тот факт, что столкновения на Привокзальной площади были стихийно спровоцированы хулиганами, но имеется также много информации о том, что вечером 17 июня,

когда стычки приобрели наиболее агрессивный характер, они могли быть организованы местными коммунистами или агентами советских спецслужб. Как уже отмечалось, практически всё руководство Компартии Латвии было арестовано в апреле 1940 г., и оставшиеся на свободе активисты третьего уровня создали временный оргкомитет КПЛ (Я. Густсонс, Я. Салнис, И. Винходде). Примечательно, что в комитет не вошел еврей А. Шперлин, который в феврале 1939 г. был избран в ЦК КПЛ; политическая полиция арестовала его 2 ноября 1939 г., но позднее освободила. Представляется, что он не играл никакой роли в беспорядках 17 июня и в организации большой демонстрации 21 июня. Один из членов оргкомитета Густсонс в 1970 г. в своих воспоминаниях писал, что 17 июня он «находился на Привокзальной площади»³⁹. Ничего более он не пояснил – ни того, попал ли он на Привокзальную площадь случайно либо намеренно, ни того, что он там делал. Единственно правдивым в его воспоминаниях было описание толпы: «мирные жители», как называл их Густсонс, «взламывали уличную брусчатку и бросали камни в полицейских»⁴⁰.

Более понятна встреча коммунистов неподалеку от Привокзальной площади, на квартире Я. Бауги по адресу ул. Авоту, д. 4, кв. 59 (до 15 мая 1934 г. Бауга был левым активистом, и, хотя не был членом КПЛ, он поддерживал тесные контакты с коммунистами). Она состоялась 17 июня и началась с того, что к Бауге явился Кадикис с просьбой по возможности организовать «членов партии, комсомольцев или активистов» и создания «группы в 30–40 человек» для «выполнения партийных заданий». Существенно, что Бауга признал, что у него на квартире собрался «кружок товарищей с оружием»⁴¹, то есть у коммунистов было оружие, но его происхождение остается неясным. Отмечу также, что упомянутый Густсонс явился на квартиру к Бауге. Можно допустить, что организованные «товарищи» были среди тех, кто разжигал толпу на Привокзальной площади. Их организатором совершенно точно был Кадикис, а не стоящий формально выше в партийной иерархии Густсонс (Кадикис работал в рижской организации КПЛ). Ответственность за то, что он смог стать одним из основных организаторов беспорядков 17 июня, должна взять на себя также политическая полиция Латвии, а именно за свое слишком терпимое отношение к коммунистоподпольщикам: Кадикис, который был доверенным лицом Ж. Спуре, был арестован 23 февраля 1940 г., но уже 8 марта был освобожден за «отсутствием улик». Собранный Кадикисом и Баугой группа с 18 июня, скорее всего, называлась оперативной группой временного оргбюро КПЛ (не исключено, что это название было придумано позднее).

Однако вряд ли Кадикис был единственным, кто организовывал беспорядки. Уже упоминавшийся Приеде в написанных в 1970 г. вос-

поминаниях настаивал на том, что он с несколькими другими рабочими электротехнического завода П. Берзиньша отправился на Привокзальную площадь в 10 утра встречать советские танки⁴². Здесь нужно рассмотреть две версии. Первая: Приеде так же, как и другие участники «революции», в своих воспоминаниях соревнуется в том, кто первый встретил советские войска. Мне эта версия кажется более достоверной, поскольку с утра народу на Привокзальной площади не было. Вторая версия: каким-то до сих пор неизвестным нам способом Приеде получил от людей, связанных с советскими спецслужбами, указание явиться на Привокзальную площадь по возможности раньше и быть готовым к развязыванию беспорядков. В любом случае, он выступил одним из провокаторов.

Возможно, что вечером 17 июня на Привокзальную площадь успел явиться кто-то из членов руководимой Х. Скутельской группы 3-го рижского района КПЛ: «...уже 17 июня вечером провели расширенное заседание районного комитета», – вспоминала Скутельская⁴³. Трудно установить, участвовал ли в беспорядках кто-либо из руководимого ей района, но одно имя стоит запомнить – это не кто иной, как А. Новикс, член группы 3-го района и агент советских спецслужб с 1926 г., будущий Министр внутренних дел и госбезопасности Латвийской ССР вплоть до 1953 г.⁴⁴ Вероятнее всего, он поддерживал совершенно самостоятельные контакты с представителями советской разведки в Риге 17–20 июня, хотя неизвестно, играл ли он какую-либо роль в организации столкновений на Привокзальной площади. То же самое можно сказать об Э. Бриедисе (двоюродном брате В. Лациса) – другом советском агенте высокого ранга. Он был настолько значимым агентом, что в конце 1939 – начале 1940 г. неоднократно встречался на квартире Лациса с одним из двух главных советских шпионов в Латвии секретарем посольства СССР М. Ветровым (другим шпионом был И. Чичаев)⁴⁵. Хотя Бриедис называется в воспоминаниях коммунистов как участник встречи, состоявшейся на квартире Бауги, он, скорее всего, работал независимо, руководствуясь указаниями Ветрова или его связных⁴⁶. Как бы то ни было, 17–21 июня, до освобождения руководства КПЛ из заключения, Кадикис и Бриедис были среди главных действующих лиц в партии.

Ясно также то, что свои связи задействовал и самый давний (с 1920 г.) советский агент в Латвии В. Латковский, который не был членом компартии. Описывая события 20–21 июня, Густсонс использовал выражение «люди Латковского»⁴⁷, однако еще до 17 июня в Латвию прибыло значительное число представителей советских спецслужб, включая так называемых российских латышей, которые также могли активно участвовать в организации беспорядков как в Риге, так и в Лиепае⁴⁸.

Кадикис был очень ловок: утром 18 июня он вместе с Ю. Мелналкнисом и А. Паэманом (оба были связаны с нелегальной КПЛ) приехал в Вецмилгравис на лесопилку А/О “Latvijas koks” (ул. Мелдру, 3) агитировать рабочих прекратить работу и отправляться в центр Риги, скорее всего, с намерением повторить беспорядки 17 июня. Втроем они напали на заведующего лесопилкой, и большая часть рабочих действительно прекратила работу, но построиться для шествия в Ригу они не успели – явилась полиция. Кадикис, однако, успел скрыться, и на лесопилке была восстановлена нормальная работа. 18–19 июня полиция задержала по крайней мере 28 евреев, почти все они были либо рабочими, либо школьниками⁴⁹, шестерых латышей и одного русского. Возможно, что не все они имели отношение к событиям 17 июня, а, например, парикмахер Б. Флор, который тоже был задержан, грубо нападал на полицейских⁵⁰.

п р и м е ч а н и я

- ¹ Подробнее см.: *Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945)*. Rīga, 2008. 174–175 lpp.
- ² Это недовольство не приобрело каких-либо заметных организованных форм, так как всё руководство Коммунистической партии Латвии (КПЛ), за исключением некоторых руководителей совсем низкого уровня, находилось в заключении (хотя в Лиепае коммунисты пострадали относительно меньше).
- ³ *Сегодня вечером*. 31 мая 1940; Латвийский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). Ф. 1474. Оп. 2. Д. 119. Л. 187.
- ⁴ Следует отметить, что в первый год советской оккупации театр не был закрыт, но его репертуар радикально изменился в пользу советских пьес на идише.
- ⁵ *Сегодня вечером*. 10 и 26 июня 1940; *Латвия: Синагоги и раввины, 1918–1940*. Рига, 2004. С. 92.
- ⁶ Лудза, где жило много евреев, в 1938 г. ужасно пострадала от пожара, который уничтожил 439 зданий. К весне 1940 г. было отстроено 40 жилых домов и 30 хозяйственных построек.
- ⁷ *Сегодня вечером*. 10 июня 1940; *Latgolas Vords*. 20 jūn. 1940; *Daugavas Vēstnesis*. 20 jūn 1940.
- ⁸ J. Labsvīrs. *Atmiņas un pārdomas*. 2. izd. [S.l.], 1988. L. 40; *Daugavas Vēstnesis*. 14 jūn.1940.
- ⁹ ЛГИА. Ф. 1370. Оп. 1. Д. 2761. Л. 4.
- ¹⁰ У Сталина, возможно, не было такой давней и личной ненависти к Прибалтике, как к Польше: из 12 млн. граждан Польши было депортировано около 400,000, однако и граждане прибалтийских государств незамедлительно подверглись террору.
- ¹¹ М. Мельгухов. *Упущенный шанс Сталина: Схватка за Европу, 1939–1941 гг.* 3-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 145–152; G. Roberts. *Stalin's wars: From World War to Cold War, 1939–1953*. [New Haven], 2008. P. 45.
- ¹² Е. Зубкова. *Прибалтика и Кремль, 1940–1953*. М., 2008. С. 76; I. Kershaw. *Fateful Choices: Ten Decisions that Changed the World, 1940–1941*. London, 2008. P. 264.
- ¹³ Подробнее см. об этом: А. Stranga. *Ebreji Baltijā: No ienākšanas pirmsākumiem līdz holokaustam, 14. gs – 1945. gads*. Rīga, 2008. 134–135 lpp.
- ¹⁴ “Lietuvas jaunās valdības pirmie soļi”. *Brīvā Zeme*. 21 jūn. 1940.

- ¹⁵ М. Мельтухов. *Указ. соч.* С. 151-153; *Latvijas vēsture, 20. gadsimts. 2. papild. izd.* Rīga, 2005. 219-220 lpp.
- ¹⁶ Важным источником информации о внутриполитическом положении Латвии незадолго до введения советских войск являются протоколы заседания руководства Министерства внутренних дел Латвии от 29 мая 1940 г. Министр К. Вейдниец среди прочего отметил во время этого совещания, что в Риге собралось много бездельников, не имеющих никаких занятий. Министр предложил использовать их на общественных работах (ЛГИА. Ф. 1368. Оп. 3. Д. 51. Л. 4). Как их ни назови – бездельниками или как-то еще, в Риге сильно возросло число социально неблагополучных жителей, и, по крайней мере, часть их была готова приветствовать советские войска. Вейдниец сделал очень меткое замечание: «Там, где много русских живет вместе, не секрет, что малообеспеченные русские настроены антигосударственно и ждут перемен...» (Там же. Л. 3). Московское предместье было именно таким.
- ¹⁷ Следует отметить, что многие старообрядцы активно встречали советские войска, хотя некоторые известные старообрядческие руководители в последующие месяцы были репрессированы. Например, 8 октября 1940 г. был арестован и приговорен к 8 годам ГУЛАГа один из известнейших руководителей старообрядцев не только в Латвии, но и во всей Прибалтике резекненец Иван Заволоко.
- ¹⁸ I. Gore, A. Stranga. *Latvija: neatkarības mīkkrēslis: Okupācija, 1939. g. sept. – 1940. g. jūl.* Rīga, 1992. L. 129; *Православие в Латвии: Исторические очерки.* Сб. 6. Под ред. А.В. Гаврилина. Рига, 2007. С. 50.
- ¹⁹ E. Dunsdorfs. *Kārļa Ulmaņa dzīve.* Rīga, 1992. L. 488.
- ²⁰ ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 1/6. Д. 1269. Л. 45.
- ²¹ A. Valodis. *Latvijas un latviešu tautas vēsture.* Rīga, 1991. L. 282. Полномочный представитель СССР в Латвии В. Деревянский 18 июня сообщал в Москву: «Красноармейцев обнимали и целовали, вручали цветы» (*Полпреды сообщают...: Сб. док. об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, авг. 1939 г. – авг. 1940 г.* М., 1990. С. 421). Возникшее позднее народное выражение «целователи танков» соответствовало действительности.
- ²² «На рижской Привокзальной площади собралась толпа приблизительно в 1500–2000 человек, в большинстве своем русские и еврейские подростки из Латгальского предместья. Среди них была и изрядная доля любопытствующих <...> на 17 июня, кроме того, приходилась православная Троица, и часть граждан русской национальности была в подпитии» (A. Bērziņš. *Labie gadi.* Ņujorka, 1963. L. 293).
- ²³ I. Gore, A. Stranga. *Op. cit.* 130-131 lpp.; *Mēs jaunu pasauli sev celsim.* 1. sēj. 1972. L. 58.
- ²⁴ Цит. по: *Latvijas Kareivis.* 18. jūn. 1940.
- ²⁵ *Latvijas Kareivis.* 19. jūn. 1940.
- ²⁶ Именно в это время Ульманис в открытой машине в сопровождении своего адъютанта полковника М. Лукинса и секретаря Я. Рудумса объезжал центр города. Машина двигалась медленно и близко подъехала к Привокзальной площади, что свидетельствовало о личной смелости Ульманиса. Очень лояльная по отношению к Латвии русско-еврейская газета «Сегодня» писала, что во время проезда машины со стороны горожан раздавались выкрики: «Да здравствует президент!» (*Сегодня вечером.* 18 июня 1940). Не исключено, что так оно и было, как нельзя исключать и факт того, что около Привокзальной площади в адрес Ульманиса звучали и враждебные призывы.
- ²⁷ ЛГИА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 35. Л. 11-12.
- ²⁸ ЛГИА. Ф. 15500. Оп. 2. Д. 8940. Л. 7.
- ²⁹ I. Gore, A. Stranga. *Op. cit.* L. 132.
- ³⁰ A. Stranga. *Ebreji un diktatūras Baltijā.* 2. papild. izd. Rīga, 2002. L. 239; I. Gore, A. Stranga. *Op. cit.* L. 138.

- ³¹ Valdības Vēstnesis. 18 jūn. 1940.
- ³² *Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā: Dok. un materiāli*. Rīga, 1963. L. 477 (13. atsaucē).
- ³³ *Mēs jauni pasauli sev celsim*. 1. sēj. L. 159.
- ³⁴ *Полпреды сообщают*. С. 401.
- ³⁵ 18–19 июня последние мгновения спокойной жизни пережили воспитанники еврейских школ, когда в этих школах проходили выпускные мероприятия, в том числе в известной частной гимназии «Эзра» (директор – видный педагог А. Левенштейн). 9 молодых людей окончили Рижскую городскую еврейскую вечернюю школу, еще 9 – Рижскую еврейскую дополнительную школу (*Сегодня вечером*. 19, 26 июня 1940). В сентябре 1940 г. еврейская молодежь начнет учебу в совершенно иной атмосфере, и еврейское национальное образование – гордость и большое достижение независимой Латвии – будет почти уничтожено за неполный год.
- ³⁶ *Latvijas izlūkdienesti, 1919–1940*. Rīga, 2001. L. 99. Утром 21 июня, буквально за пару часов до снятия с должности и немедленного ареста, Фридрихсонс написал министру внутренних дел марионеточного правительства Лацису донесение о деятельности политической полиции 17–20 июня, в котором отметил, что ее чиновники занимались только «наблюдением за ситуацией, а также наблюдали за отношением населения к входящим войскам СССР...». 206 сотрудников политической полиции фактически дезертировали в момент гибели Латвийского государства, и это, разумеется, было обусловлено позицией Фридрихсона, в донесении которого однозначно ощущалось заискивание не столько перед Лацисом, сколько перед советскими властями: «...при вступлении войск Сов. России, встречавшие восприняли их с восхищением» (ЛГИА. Ф. 270. Оп. 1. Д. 340. Л. 1-а). Руководителя пункта политической полиции в Кулдиге П. Заулса продержали на этой должности еще до середины июля, и так же, как раньше он выслеживал коммунистов, теперь он должен был выслеживать противников «Народного правительства», особенно в преддверии выборов Народного сейма, производя обыски у них на квартирах (ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 1/8. Д. 500. Л. 90-93).
- ³⁷ *Сегодня вечером*. 18 июня 1940; *Latvijas Kareivis*. 19. jūn. 1940; *Brīvā Zeme*. 19. jūn. 1940; *Jaunākās Ziņas*. 19. jūn. 1940.
- ³⁸ *Сегодня вечером*. 18 июня 1940; *Latvijas Kareivis*. 19. jūn. 1940.
- ³⁹ *Revolucionārā Rīga pagrīdes cīņā*. Rīga, 1983. L. 248. О Шперлинге см.: ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 1/6. Д. 637. Л. 124.
- ⁴⁰ *Revolucionārā Rīga pagrīdes cīņā*. L. 248.
- ⁴¹ *Mēs jauni pasauli sev celsim*. 1. sēj. 54-55 lpp.
- ⁴² *Ibid.* L. 47.
- ⁴³ *Ibid.* L. 159. Автобиографию А. Кадикиса см.: ЛГИА. Ф. 15500. Оп. 2. Д. 8560. Л. 9-12.
- ⁴⁴ Из группы 3-го района на высоких должностях в службе госбезопасности стали работать также Э. Гаварс и Я. Трукшанс; возможно, что их завербовал Новикс.
- ⁴⁵ О. Niedre, V. Daugmalis. *Slepenais karš pret Latviju: Komunistiskās partijas darbība 1920.-1940. gadā: Arhīvi apšūdz*. Rīga, 1999. L. 127. Как только Ветров был аккредитован в Латвии 16 февраля 1937 г., за ним стала следить разведка нацистской Германии, а 31 мая 1938 г. руководителю гестапо Г. Мюллеру было отправлено донесение, в котором подчеркивалось, что Ветров активно поддерживает личную дружбу со многими латышскими (ЛГИА. Ф. R-1019. Оп. 1. Д. 1. Л. 301). Лацис и Бриедис входили в число его «личных друзей».
- ⁴⁶ В советское время имело место определенное состязание между Кадикисом и Бриедисом за то, кому принадлежат большие «заслуги» в организации беспорядков 17 июня и демонстрации 21 июня.

⁴⁷ O. Niedre, V. Daugmalis. *Op. cit.* L. 130.

⁴⁸ См.: *Latvijas vēsture, 20. gadsimts*. 2. papild. izd. 236-237 lpp.

⁴⁹ Это подтверждается многочисленными свидетельствами очевидцев об активном участии еврейской молодежи в событиях 17 июня. Среди задержанных не было ни одного еврея из солидных, буржуазных кругов.

⁵⁰ ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 1/6. Д. 711. Л. 37; I. Gore, A. Stranga. *Op. cit.* 141-143 lpp.; *Ienaidnieka aizmugurē*. Riga, 1987. 108, 266 lpp.

ПАМЯТКА ЧИТАТЕЛЮ ГАЗЕТЫ «ПАРИЖСКИЙ ВЕСТНИК» 1942–1944

Борис Равдин

Летом 1942 года в оккупированную Францию вернули русскую печать, канувшую двумя годами ранее, при захвате Франции Германией. Исчезли как либеральные «Последние новости», так и консервативно-монархическое «Возрождение». Попытки вернуть в парижский обиход русскую газету успеха не имели. Не имели потому, что печать, представляющая незначительное национальное меньшинство внутри титульной нации, не предполагалась в системе германской оккупации, в таких изданиях не было информативно-пропагандистской нужды. Летом 1942 г., на пике успехов Германии на Восточном фронте, в таком издании, казалось бы, по-прежнему не было необходимости. И тем не менее... 14 июня 1942 г. вышел в свет: *Парижский вестник = Le Courrier de Paris = Pariser Beobachter. № 1. Еженедельная русская газета, выходящая по воскресеньям. Издание Управления Делами Русской Эмиграции во Франции.*

Наиболее частые вопросы к теме: «Парижский вестник»

Поденный указатель

1942 г. № 1, 14 июня; № 2, 21 июня; № 3, 28 июня; № 4, 5 июля; № 5, 12 июля; № 6, 19 июля; № 7, 26 июля; № 8, 2 авг.; № 9, 9 авг.; № 10, 16 авг.; № 11, 23 авг.; № 12, 30 авг.; № 13, 6 сент.; № 14, 13 сент.; № 15, 20 сент.; № 16, 27 сент.; № 17, 4 окт.; № 18, 11 окт.; № 19, 18 окт.; № 20, 25 окт.; № 21, 1 нояб.; № 22, 8 нояб.; № 23, 14 нояб.; № 24, 21 нояб.; № 25, 28 нояб.; № 26, 5 дек.; № 27, 12 дек.; № 28, 19 дек.; № 29, 26 дек.

1943 г. № 30, 9 янв.; № 31, 16 янв.; № 32, 23 янв.; № 33, 30 янв.; № 34, 6 февр.; № 35, 13 февр.; № 36, 20 февр.; № 37, 27 февр.; № 38, 6 марта; № 39, 13 марта; № 40, 20 марта; № 41, 27 марта; № 42, 3 апр.; № 43, 10 апр.; № 44, 17 апр.; № 45, 24 апр.; № 46, 1 мая; № 47, 8 мая; № 48, 15 мая; № 49, 22 мая; № 50, 29 мая; № 51, 5 июня; № 52, 12 июня; № 53, 19 июня; № 54, 26 июня; № 55, 3 июля; № 56, 10 июля; № 57, 17 июля; № 58, 24 июля; № 59, 31 июля; № 60, 7 авг.; № 61, 14 авг.; № 62, 21 авг.; № 63, 28 авг.; № 64, 4 сент.; № 65, 11 сент.; № 66, 18 сент.; № 67, 25 сент.; № 68, 2 окт.; № 69, 9 окт.; № 70, 16 окт.; № 71, 23 окт.; № 72, 29 окт.; № 73, 6 нояб.; № 74, 13 нояб.; № 75, 20 нояб.; № 76, 27 нояб.; № 77, 4 дек.; № 78, 11 дек.; № 79, 18 дек.; № 80, 25 дек.

1944 г. № 81, 8 янв.; № 82, 5 янв.; № 83, 22 янв.; № 84, 29 янв.; № 85, 5 февр.; № 86, 12 февр.; № 87, 19 февр.; № 88, 26 февр.; № 89, 4 марта; № 90, 11 марта; № 91, 18 марта; № 92, 25 марта; № 93, 1 апр.; № 94, 8 апр.; № 95, 15 апр.; № 96, 22 апр.; № 97, 29 апр.; № 98, 6 мая; № 99, 13 мая; № 100, 20 мая; № 101, 27 мая; № 102, 3 июня; № 103, 10 июня; № 104, 17 июня; № 105, 24 июня; № 106, 1 июля; № 107, 8 июля; № 108, 15 июля; № 109, 22 июля; № 110, 29 июля; № 111, 5 авг.; № 112, 12 авг.

Управление Делами Русской Эмиграции во Франции (УДРЭ)

Возникло в конце апреля 1942 г., ему предшествовал Комитет взаимопомощи русских эмигрантов, основанный оккупационной администрацией в 1941 г. взамен Комитета по организации представительства русской национальной эмиграции во Франции, сформированного еще в июле 1940 г. Структура, аналогичная Управлению, рано или поздно была создана во многих оккупированных Германией странах, где так или иначе была представлена русская эмиграция. (Украинцы, белорусы и т.д. шли своими ведомствами.)

Руководство Управления

Начальник Управления – Юрий (Георг, Жорж) Сергеевич Жеребков (1908 – не ранее 1979?), из полковничьей казачьей семьи, одно время – артист балета, в 1930-х гг. жил в Берлине, еще в 1941 возглавил Комитет взаимопомощи. Что послужило основанием для назначения на должность? Версий несколько. Наиболее правдоподобная: в его рекомендации какую-то роль мог сыграть ген. П.Н. Краснов, знакомый с представителями рода Жеребковых – казачьими офицерами, генералами, атаманами. Помимо Ж., в составе Секретариата Управления и Сопровожении при Управлении: ген. Н.Н. Головин, ген. П.Н. Краснов и его племянник С.Н. Краснов, митр. Серафим, атаман М.Н. Граббе и др. В августе 1944 г., когда Германская армия оставляла Париж, Ж. вернулся в Берлин, где с образованием Комитета освобождения народов России (КОНР) под руководством ген. А.А. Власова занял в «правительстве» должность «министра иностранных дел». В 1946 г. Ж. был заочно приговорен во Франции к 5 годам «национального бесчестия» (лишение ряда прав); в 1948 г. – к пожизненным принудительным работам¹. Избегая приговора, Ж. скрывался до конца жизни, предполагается – в Испании и Южной Америке.

О Ж. и Управлении см.: Гузевич Д., Макаренко Е., Гузевич И. Русская эмиграция во Франции в 1940-е. Полицейский отчет 1948 года «Русская колония в Париже» // Диаспора. Новые материалы. Т. 8. СПб.–Париж: Athenaem – Феникс, 2007. С. 462-466.

Ответственные редакторы

Богданович Павел Николаевич (1883–1973, Буэнос-Айрес), полковник Генштаба, участник Первой мировой войны, активный деятель русской военной эмиграции во Франции, основатель молодежной НОРР (Национальная организация русских разведчиков), заместитель Ю.С. Жеребкова в УДРЭ. Б. числился ответственным редактором с № 1 по № 63 (28 авг. 1943 г.); затем еще пять номеров, по № 68 (2 окт.), значился «в отъезде». Ни одной статьи под именем П. Богдановича в газете не обнаружено, его имени нет ни в первом номере, ни в сотом (юбилейном). В августе 1945 г. Б. был арестован французскими властями по обвинению в коллаборационизме. В 1948 г. переселился в Аргентину. Автор книг: Полтавская виктория. Ко дню ее 250-летия, 27 июня 1709 – 27 июня 1959. Буэнос Айрес: Наша страна, 1959; Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 года. Воспоминания офицера генерального штаба Армии генерала Самсонова. Буэнос Айрес, 1964.

Пятницкий Николай Владимирович (1890?–1963, Париж), выпускник юридического ф-та СПб. ун-та, полковник, участник Первой мировой войны; помощник ген. Н.Н. Головина на Зарубежных высших военно-научных курсах в Париже, активный общественный деятель; редактор газет «Сигнал» (Орган Русского национального союза участников войны. Париж, 1937–1940), «За Родину» (Военный орган Комитета Освобождения Народов России. [Германия], 1944–1945), «Воля народа» (Орган Комитета Освобождения Народов России. Берлин, 1944–1945; редактировал газету на последнем ее этапе). П. формально вступил в должность ответственного редактора «Парижского вестника» (далее: ПВ) на № 69 (9 окт. 1943 г.), фактически – месяцем ранее, на № 64 (4 сент.), со времени ухода П. Богдановича «в отъезд». Он довел газету до последнего, 112 номера (12 авг. 1944 г.). В своей публицистической деятельности П. пользовался набором псевдонимов, не все из них выявлены. В 1946 г. П. был приговорен французским судом к 10 годам каторжных работ², освобожден в начале 1950-х, выступал с общественными лекциями, сотрудничал в журнале «Возрождение». Покончил с собой.

Редакторы прочие

Пузино Орест В. – фигура невыявленная³. Из его статьи «Мысли вслух»⁴ следует, что он, эмигрант, Германию покинул в 1923 г., последний раз посетил Германию в 1937 г. Возможно, на нем при П.Н. Богдановиче лежали текущие редакторские обязанности. В паспорте газеты как редактор указан с № 23 (14 нояб. 1942 г.) по № 61 (4 авг. 1943 г.). Время О.В. Пузино можно слегка скорректировать в соответствии с колонкой «От Управления Делами Русской Эмиграции во Франции»

за 4 сент. 1943 г., где отмечено, что «редактор “Парижского Вестника” О.В. Пузино, вследствие серьезной болезни прекративший руководство газетой с 1 июня с. года, освобождается, согласно его просьбе, от обязанностей редактора с 1-го сентября по состоянию здоровья»⁵.

Штат

Судя по материалам газеты, на штатные вакансии в первую очередь могли претендовать В.К. Абданк-Коссовский, Н.Н. Куров, Л.Н. Кутуков, В.И. Унковский (см. ниже).

Авторы

Всего в газете со статьями и заметками участвовало около 200 авторов, из которых регулярных и постоянных – приблизительно десятая часть (см. ниже).

Минус-авторы

В списке «редакторов» ПВ (в этом ряду числятся и авторы), составленном французской полицией,⁶ находим: П.А. Рогович (ок.1894–1957, Германия), ротмистр, секретарь УДРЭ; В. Данич (возможно, речь идет о В.К. Даниче, ротмистре, ум. ок. 1960, Бразилия); А.И. Спиридович (1873–1952), известный жандармский генерал, автор исследований по истории общественного движения в России. Но никто из этих фигурантов, отмеченных французской полицией, в газете «не засветился». Об участии в ПВ философа и публициста В.Н. Ильина писал прот. Вас. Зенковский, пусть и не всё сходится в его «показаниях»⁷. На наш взгляд, в газете мог бы участвовать поэт и публицист Л.И. Львов. Мы бы не удивились, узнав, что среди авторов ПВ числится всё еще таинственный Мелетий Зыков, идеолог власовского движения. Где искать эти имена на страницах ПВ? Скорее всего, в передовицах, которые в «ПВ» всегда шли без подписи или в псевдонимах.

Не представлена в газете З. Гиппиус, своеобразный держатель прогерманской позиции. Но не всех же «сочувствующих» приглашать в газету. Да и давнишнее окружение З. Гиппиус, с позиций ПВ, оставляло желать лучшего. Нуждается в объяснении и посмертная публикация Д. Мережковского в ПВ. Был ли газете прок в имени Мережковского?

Многие б. парижане с «пониманием» встретили бы в списках авторов ПВ Н. Берберову, которая, как утверждает ряд источников, позволяла себе кокетничать с нацизмом. Но имени Берберовой в ПВ нет, хоть читай газету на просвет! Есть только воспоминания Н. Берберовой о том, как ее намеревались пригласить в ПВ и как она избегала приглашения. Но ведь приглашение в ПВ нужно было заслу-

жить? Или рассказ Н. Берберовой о зазывалах не стоит принимать всерьез?

Распространение

В 1947 г. И. Шмелев в письме («Необходимый ответ») в газету «Русская мысль», возражая на обвинения касательно его сотрудничества с «ПВ», писал так: «Да, я печатался в “Парижском Вестнике” <...>. Почему там печатался? А вот почему.

Для сотен тысяч русских людей, пригнанных немцами в Европу, не было русской газеты. <...> Я решил – печататься, для них говорить то, что я говорил всегда, – о России, о ее величии, о ее материальном и душевно-духовном богатстве»⁸.

Знал ли И. Шмелев, что его надежды на общение с широким русским читателем в Европе через ПВ напрасны? Должен был знать. Свободное межгазетное общение между оккупированными странами, районами и областями не допускалось; пропаганда имела целевое назначение, в т.ч. и территориальное.

ПВ распространялся исключительно в пределах Франции и Бельгии. Он не имел доступа ни в Германию, ни тем более на оккупированную территорию СССР. Периодически газета размещала на своих страницах соответствующее объявление: «К сведению подписчиков. Газета “Парижский Вестник” высылается по почте лишь в оккупированную зону Франции и Бельгию»⁹. Ограниченность движения жеребковской газеты следует и из текста ее редакционной статьи конца 1943 г., где отмечено, что «“Парижский вестник” обслуживал до сих пор исключительно только среду эмигрантов». С небольшими погрешностями о том же вспоминал Н. Градобоев (Л. Дудин), по своей журналистской службе хорошо знакомый с проблемами газетного мира: «<...> “Парижский вестник” <...> был разрешен к распространению только в пределах Франции и оставался чисто эмигрантским органом, с очень ограниченным числом читателей <...>»¹⁰. Исключалась даже частная пересылка газеты. 31 дек. 1942 г. И. Шмелев писал свой постоянной корреспондентке в Голландию: «“Парижский вестник” нельзя послать, печатное не принимают на почте»¹¹. Другое дело – имевшая широчайшее распространение газета «Новое слово», в которой с аналогичной мотивировкой выступал И. Шмелев.

Но – в силу ограниченности распространения ПВ обладал рядом преимуществ: ему позволялись сюжеты, которых газеты, издававшиеся в «метрополии», были обычно лишены, например, юбилейные статьи или отклики, посвященные «белым» генералам Алексееву, Корнилову, Врангелю, чьи имена на оккупированной территории не популяризировались; русскому Парижу разрешалась абсолютно не-

гательная оценка Ленина, из пропагандистских соображений недопустимая в поднемецкой печати, предназначенной, скажем, для Пскова или Смоленска; парижской газете разрешалось отмечать годовщину расстрела Николая II и пр.

Перепечатки

Газета не ограничивала себя в перепечатках, а главное – в отличие от многих других газет, не скрывала как факт перепечатки, так и ее источник. Показательно отсутствие в ПВ материалов его основного конкурента – берлинского «Нового слова». Впрочем, и в «Новом слове» не припоминается потока статей и заметок из ПВ. Амбиции? Ограничения?

Орфография

Около полутора лет газета издавалась по старой, дореволюционной орфографии, полностью сохраняя ее особенности. Все издания на оккупированной территории и предназначенные для оной издавались по орфографии «советской». Исключения, далеко не всегда последовательные, касались изданий церковных.

27 ноября 1943 г. ПВ оповестил читателей о ближайшем переходе на новую орфографию. Мера была вынужденной.

В конце 1943 г. во Франции (аналогично – в Италии и Дании) в перспективе открытия «второго фронта» появились так наз. «русские батальоны», укомплектованные недавними военнопленными, б. учениками советских школ, для которых «старый» шрифт не только затруднял процесс складывания букв, но мог вызвать и нежелательные представления о будущем России – не вернется ли вслед за старым шрифтом и старая власть, «власть капиталистов и помещиков». Следовало еще учитывать, что с конца 1943 г. у ПВ появились конкуренты: в ноябре 1943 г. стал издаваться предназначенный для русских соединений во Франции ежедневный «Информационный листок газеты “Доброволец”» (с 1 декабря 1943 г. переименованный в «Информационный листок добровольческих частей»); в ноябре же достигла Франции и возобновила работу переброшенная из Белоруссии газета «Боец РОА¹²».

В надежде выйти на скорый диалог с «новоприбывшими» газета и приняла важное решение о переходе на новую орфографию. Полагаем, что этот переход не был организован в приказном порядке, что перед нами тяжело доставшееся, но всё же самостоятельное решение редакции, о котором впоследствии пришлось не раз пожалеть. В коллекции Б. Николаевского находим некую справку о ПВ, где, в частности, сказано: «<...> По приглашению Пятницкого группа власовцев

вошла в состав редакции и по их настоянию газета перешла на новую орфографию <...>¹³. Полагаем, что здесь роль власовцев в переходе газеты на новую орфографию преувеличена.

11 декабря газета вышла в новом графическом оформлении и, отвечая на обвинения в забвении, «большевизантстве» и т.д., поместила передовую: «ѣ – і – њ».

Приходилось учитывать новый контингент читателей не только в шрифте, но и в материале. Вместе с «новым» шрифтом, с учетом нового читателя, на страницы ПВ стала проникать так наз. «активная пропаганда»: художественные «рассказы и очерки», сконструированные на материале НКВД, коллективизации, воинственного атеизма и т.д. Прежде газета брезговала такого рода агитпропом, точнее, нужды в нем не было, публиковала выдержанные в доброй традиции рассказы Шмелева и Сургучева, фельетоны Ренникова, стихи Туроверова, с конца 1943 г. в газету стали проникать новые имена и новые жанры.

Финансовая часть

«Жеребкову гитлеровцы дали и денег на издание газеты “Парижский вестник” (1942–1944)»,¹⁴ – в этом не было сомнений для Романа Гуля, писателя, журналиста, когда-то парижанина. Полагаем, что это утверждение всё же в значительной степени основано на слухах и убеждениях.

Прочие известные источники (близкие к однотипным) настаивают на том, что газета издавалась без финансовой дотации со стороны оккупационных властей. Об этом гласит передовица ПВ от 25 марта: «<...> Наша газета основана своими русскими средствами, никогда не получала и не получает никаких ни прямых, ни косвенных субсидий из иностранных источников и основана исключительно на самокупаемости»¹⁵. Об этом же говорил И. Шмелев: «Когда нарождалась газета “Пар. Вест.”, ее редактор просил меня о сотрудничестве. Я спросил, на чьи деньги. – На русские, начинаем с нашими 3 т. фр.»¹⁶.

Вот утверждение еще одного сотрудника газеты, анонимного корреспондента Б. Николаевского (автора работ о власовском движении): «Сообщаю Вам, на всякий случай, что «Парижский Вестник» не издавался на немецкие деньги. Он принес несколько сот тысяч франков чистого дохода. Удалось сохранить официальную денежную отчетность, скрепленную подписями членов ревизионной комиссии, регулярно созывавшейся. На средства газеты, например, было организовано в зале Ваграм выступление ген. Малышкина. Сотрудники же газеты, за исключением Шмелева, получали нищенские гонорары, как это у нас, русских, всегда бывает, – 1 франк за строчку и 0,75 за строчку переводов»¹⁷.

Следует ли относиться к заявлениям такого рода с осторожностью? Пожалуй... Как объяснить, что при таких доходах («сотни тысяч франков») сотрудникам платили такие нищенские гонорары? Но даже для видимости комментария хорошо бы располагать сведениями о тираже, типографских расходах, лимитах и ценах на бумагу, гонорарном фонде... Но на сегодня достоверно известен только один параметр: стоимость номера: 2 frs., в последних номерах идет разговор о 3-х frs.

Вообще-то специалисты говорят, что «бизнес-проект» еженедельника на 4–8 страниц, даже при относительно большом тираже, но полустраничке-страничке объявлений, преимущественно частных, – вряд ли получит ссуду в банке.

Охотно верится в то, что оккупационные инстанции газету не поддерживали, им она, как мы уже говорили, вроде была и не к чему, разве что держать под контролем монархическое движение? Но, м.б., у газеты были меценаты, субсидировавшие издание? Если были, в какой среде их искать? Среди выходцев из России?

Направление

Национально-патриотическое? скрытно-монархическое? искренне фашиствующее? активно-антисоветское? воинственно-антисемитское? (В низины антисемитизма ПВ опускался реже, нежели газеты, издававшиеся на оккупированной территории СССР или в Германии; бытовому антисемитизму ПВ, с учетом своих читателей, предпочитал антисемитизм принципиальный, фундаментальный, не чураясь, при необходимости, и площадного, художественно-красочного.) Издатели считали своей задачей дать образец газеты, свободной от либерального, масонского, еврейского влияния, вернуть «покрасневшего» читателя к истинным ценностям, показать читателю, где лежат его национальные интересы.

С середины 1943 г., не отказываясь от «отцовского наследия», ПВ стал активно поддерживать власовское движение, хотя движение это изначально, со времени создания (конец 1942 г.) неоднократно заявляло, что «возврата к старому не будет». С начала лета 1943 г. власовское движение было законсервировано, имя Власова почти на полтора года исчезло с газетных страниц, существовал прямой запрет на упоминание его имени в русской печати. Показательно, что в этот почти мертвый для власовского движения сезон газете разрешали предоставлять свои страницы участникам движения, а в самом Париже, при поддержке ПВ, дали взойти на трибуну ген. Малышкину, видному деятелю власовского движения. Вообще газета стремилась выступать в роли органа военной печати. Так, ПВ держал, в особенности на начальном этапе, несколько военных обозревателей одновременно, что, кстати,

было абсолютно недопустимо для русской печати «метрополии», где военный обзор вообще не доверяли газетному сотруднику, а спускали из отдела или роты пропаганды. Газета явно предпочитала юбилей полководцев юбилеям писателей, поэтов, художников. На знамени ПВ вполне могло бы быть написано: «РОВС». Напомним, что на базе Русского общевойскового союза некогда планировалось развертывание полноценной Российской армии. ПД как «орган РОВСа» не мог пройти мимо власовского движения. Еще один объект ее постоянного внимания – казачество.

В. Штрик-Штрикфельд, один из «отцов» этого движения, вспоминал, что между Жеребковым, «редактором полковником Пятницким и Зыковым в Дабендорфе очень скоро установился тесный контакт. Было достигнуто соглашение об общем направлении политики и об информации для добровольческих частей. Русская печать во Франции не была под контролем ОКВ [Штаб верховного главнокомандования вооруженными силами Германии], а действовавшие во Франции цензурные правила давали гораздо большую свободу высказывания и информации»¹⁸.

В послевоенные годы у ПВ была дурная репутация коллаборационистов, б. участники власовского движения, стремившиеся подать это движение как движение либерально-демократического оттенка, старались от газеты всячески отмежеваться. Так, Л.В. Дудин в письме Б.И. Николаевскому 12 мая 1948 г. писал: «Перехожу к “Парижскому Вестнику”. Строить на материалах этой газеты какие-либо выводы о политической платформе А.А. [Власова] и его движения просто нелепо. До самого конца эта газета находилась полностью в руках Ю.С. Жеребкова и его парижского аппарата. Ни Власов, ни Малышкин, ни Зыков никакого контроля над писаниями этой газеты не имели, а потому и не могут нести моральной ответственности за то, что было в этой газете напечатано хотя бы даже и от их имени»¹⁹. В своем письме Л. Дудин шел навстречу Б. Николаевскому, никак не желавшему видеть власовцев в роли союзников Жеребкова; хотя одно только вхождение Жеребкова во власовский Комитет освобождения народов России как будто должно говорить о наличии общих позиций.

Здесь можно поставить вопрос о единстве в рядах ПВ. Чем вызван уход П.Н. Богдановича и О.В. Пузино из газеты? Причина могла лежать как во внешнем давлении (Богдановича, как полагают иные пишущие, отстранили по его монархической ориентации? Сомнительно. Нет на этот счет никаких данных), так и во внутреннем размежевании Богдановича и Пузино с Ю. Жеребковым, вызванном, скажем, отношением к власовскому движению, которое не пользовалось доверием в определенных кругах казачества, в том числе и среди последовате-

лей П. Краснова, но нашло скорую поддержку в ПВ. М.б., в этой связи следует учесть, что почти одновременно с Богдановичем и Пузино в газете исчезло имя П.В. Карташова, автора непримиримой колонки «День за днем»; тогда же из ПВ ушел на повышение С.Н. Краснов, тогда же в ПВ замерли выступления П. Краснова, позднее генерал двумя выступлениями вернулся в газету, но вернулся скорее по обязанности (напр., поддержать переброску русских батальонов на Атлантическое побережье), нежели по «любви».

Сотрудничество с оккупационными структурами.

Помимо издателей и редакторов, в «списке коллаборационистов» в первую очередь упоминаются – И. Шмелев, И. Сургучев, Н. Головин, П. Краснов, вслед приводятся другие имена: В. Горянский, Н. Евреинов, Ю. Поплавский (отец Б. Поплавского)... «Защитники обвиняемых» обычно обвиняют «обвинителей» в клевете и формальном, прямолинейном, бездушном, рациональном подходе к вопросу. Участие в геббельсовской печати, искреннее приветствие успехов национал-социализма на мировой арене, готовность разделить многие положения фашистской доктрины, ставка на Вермахт в борьбе с узурпаторами в России, готовность участвовать в борьбе в союзе с «хитлеровской Германией», даже готовность принять свободу из национал-социалистических рук, ибо других ближайших путей для возрождения отчего дома не предвидится, – всё это, по мнению «защитников», не дает оснований для обвинений в коллаборационизме, ибо в основе трагического выбора лежит патриотическое чувство.

Тема коллаборационизма держится в литературе в основном за счет внимания к фигурам Шмелева, Сургучева, Берберовой. См. по теме:

Аронсон Г. «Парижский Вестник». Прогитлеровский орган на русском языке (Опыт характеристики) // Новый журнал. 1948. № 18. С. 330-341.

Бонгард-Левин Г.М. Из «Русской мысли». СПб.: Алетейя, 2002. С. 101-110.

Будницкий О.В. «Дело» Нины Берберовой // НЛО. 1999. № 39. С. 141-173.

Будницкий О. Неладно что-то в «Городе Энн» // Звезда. 2002. № 7 (<http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/7/pism11.html>).

Коростелев О.А. «Парижский Вестник» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 558-560.

Крапивин В. Сургучев. По ком плачут осенние скрипки // Кентавр. Исторический бестселлер. 2004. № 4 (<http://www.cm-plus.ru/kentavr/surguchev.shtml>).

Не ждавшая Годо. К столетию со дня рождения Нины Берберовой [Передача «Радио Свобода»]. Ведущий И. Толстой (<http://www.svoboda.org/programs/OTB/2001/OBT.101401.asp>).

«Пусть рассудит меня авторитетная русская общественность...» Переписка И.С. Шмелева и А.Л. Толстой. Публ., вступ. статья и прим. Р. Виттакера и В.И. Сахарова // Диаспора Париж–СПб.: Atheneum–Феникс, 2002. С. 584-613.

Ронен О. Берберова (1901–2001) // Звезда. 2001. № 7 (<http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/7/ronen.html>).

Ронен О. В редакцию «Звезды» // Звезда. 2002. № 7 (<http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/7/pism11.html>).

Сорокина Ольга. Московияна. Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М.: Московский рабочий, 2000. С. 293-300.

Редакторское вмешательство и цензура

Редакторское вмешательство – обычная практика любой поры, как мирной, так и, в особенности, военной, требующей оперативного решения. В какой степени в экстремальных условиях возможно соблюдение авторского права? Конечно, уровень вмешательства существенно зависит от цели, взаимоотношений между редактором и автором, наличием технической связи и т.п. Вот регулярно возникающий в литературе о ПВ сюжет. 24 июля 1943 г. в Париже (зал «Ваграм») перед многочисленным собранием российской эмиграции выступил с большой речью прибывший из Берлина генерал Малышкин.

Речь эта в основном повторяла его недавнее (апрель) выступление в Дабендорфе на «1-ой антибольшевистской конференции бывших военнопленных бойцов и командиров красной[!] армии, ставших в ряды Русского Освободительного Движения» и следовала отведенным пропагандистским рамкам. Ее отдельные положения были эмоционально восприняты аудиторией в патриотическом ключе. Еще со второй половины 1940-х гг. по поводу речи Малышкина возник ряд вопросов, напр.: 1) была ли речь во всех ее положениях (в т.ч. и национально-патриотических) санкционирована «кураторами»? 2) достоверна ли публикация речи в ПВ? По второму пункту сомнения, в частности, касались антисемитских замечаний, прозвучавших в речи Малышкина: действительно ли соответствующие реплики принадлежат докладчику или они были внесены в печатный текст редакцией газеты, Жеребковым. (На наш взгляд, «еврейский дискурс» речи вполне сопоставим с многочисленными натуральными и вынужденными заявлениями, исходившими с трибуны власовского движения.) Все известные нам высказывания, как современников, так и историков, настаивают на вмешательстве Жеребкова в авторский текст. Сам же Жеребков в

позднем интервью говорил, что в речи М. «антисемитские высказывания прозвучали и были им оставлены в публиковавшемся тексте, а что он, Жеребков, выпустил несколько антиказачьих выпадов, ибо думал, что выявлением трещин в русском единстве не поможешь власовскому делу»²⁰. В. Поздняков весьма скептически оценивал качество публикации, считал, в частности, что в печати «был искажен и лозунг Освободительного движения о строительстве Новой России без большевиков и капиталистов»²¹. Проблема достоверности возникает и при обращении к воспоминаниям В. Штрик-Штрикфельда, по мнению которого при адекватной публикации речи Малышкина, оснащенной патриотическими сигналами, возникла опасность искажения речи в докладах «наверх» и использования ситуации противниками власовского движения. Во избежание нежелательных последствий, «Жеребкову, – как пишет Штрик-Штрикфельд, – благодаря его связям в штабе военного главнокомандования во Франции, удалось достать нечто, заменившее стенографическую запись доклада, при помощи чего была “исправлена” общая картина и отбит <...> этот опасный удар»²². Какого качества текст ушел из Парижа в Берлин – достоверных сведений на этот счет пока не обнаружено. Можно ли верить в столь эффективные связи Жеребкова в штабе главнокомандования? Охотнее допустим, что рядовой цензор, готовя речь к печати, взял да и исключил из речи Малышкина те места, которые были способны возбудить в читающей публике «необоснованные мечты и фантазии».

А был ли цензор?

Некто (к нему мы еще вернемся в приложении) утверждал, что немецкая цензура на ПВ не посягала, и приводит тому следующее доказательство. Он-де, работник конторы ПВ, служа для связи между Ю.С. Жеребковым и типографией, шел прямым путем из редакции в типографию, тем самым свидетельствуя, что «немецкой цензуры не было».

Интервью Жеребкова, говорит об обратном: газета прибегала «к антиеврейским замечаниям, чтобы нацистский цензор легче пропустил в печать ту или иную статью»²³.

Не знаем, кому отдать пальму первенства? Жеребкову или анониму? Не исключено, что газета обходилась без предварительной цензуры, но уж никак не могла миновать цензуры по выходе.

Прочее

Начинала газета с четырех полос, относительно скоро дошла до восьми.

В конце ноября 1943 г. (№ 23) газета из воскресной стала субботней. Обычно такой переход связан с требованиями типографии. Печаталась газета в Париже, Imprimerie de Navarre, 11, rue des Cordelières.

Бумага для военных лет приличная, белая, при удовлетворительном хранении не ломается, не сечется, не сыплется, бумажных червей не приманивает.

От составителя

В Указатель вошла абсолютно большая часть всех именных статей, помещенных в газете. Перепечатки из иноязычных изданий (немецкая, французская, итальянская, румынская печать) представлены выборочно. Перепечатки из иностранной печати помечены*, из русских источников (как отмеченные в газете, так и выявленные нами) – помечены**.

Минимально учтены некрологи – «некрополь» «Парижского вестника» полностью изложен в издании «Незабытые могилы». Часть именных статей представлена только ссылками. Выборочно даны письма в редакцию, преимущественно носящие благодарственный характер. Подзаголовки и нумерация главок в росписи, как правило, опущены. Статьи и материалы без подписи представлены в указателе минимально, в качестве жанрово-тематического ориентира.

К более полному обоснованию нашей атрибуции некоторых псевдонимов надеемся вернуться в другой работе.

Значительная часть биографического материала с благодарностью заимствована нами из следующих пособий: Батшев В. Писатели русской эмиграции. Германия 1921–2008. Материалы к биобиблиографическому словарю. Франкфурт-на-Майне: «Литературный европеец», 2008; Гузевич Д., Макаренко Е., Гузевич И. Российская эмиграция во Франции в 1940-е. Полицейский отчет 1948 года «Русская колония в Париже» // Диаспора. Новые материалы. Т. 8. СПб.–Париж: Athenaum–Феникс, 2007; Незабытые могилы. Российское зарубежье. Некрологи 1917–2001. В шести томах. М.: Российская государственная библиотека. Отдел литературы русского зарубежья, 1999–2007; Российское зарубежье во Франции, 1919–2000. Биографический словарь. Т. 1. А–К. Под ред. Л. Мнухина. М.: Дом-Музей Марины Цветаевой, 2008; Россия и Российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг. Тт. 1–4. М.: РОССПЭН, 2003–2006; Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. Франция. Под общей ред. Л.А. Мнухина. Т. 1–4. 1920–1940. Париж; М.: УМСА-Press; ЭКСМО, 1995–1997; Т. 1 (5) – 4 (8). 1940–1975. Париж; М.: УМСА-Press; Русский путь, 2002. Ссылки на эти издания приводятся выборочно.

Наша глубокая признательность за помощь в работе Л.В. Владимирову, Р. Дэвису, А. Пасквинелли, М.В. Розановой, Н. Рубинштейн, Г. Суперфину, Р. Тименчику, И. Толстому, Л. Ф-дзе,

Материалы к указателю

А. Масляница. 1944. № 88. С. 2.

А. Новый год [Календарный вопрос]. 1943. № 80. С. 2.

А. Гибралтар. 1943. № 65. С. 5.

А. – здесь, вероятно, криптоним В.К. Абданк-Коссовского (см.).

А. Письмо из России. От уехавшего со второй группой. 1942. № 3. С. 5.

7 и 17 мая 1942 «первые группы русских офицеров покинули Париж, чтобы принять участие в борьбе с большевизмом».

А.Б. Соловецкий каторжный лагерь [Статья]. 1943. № 43. С. 4.

А.В. Киевские впечатления [Обработка материалов иноязычной печати]. 1942. № 5. С. 5.

А.В. Жизнь в Орле [Беседа с парижанином, служившим в Орле переводчиком]. 1942. № 9. С. 4.

А.В. Русские в «свободной» зоне [Франция]. 1942. № 1. С. 3.

А.В. – ср.: Власов А. (см.).

А.К. Борьба продолжается. 1942. № 4. С. 3.

А.К. – возможно, В.К. Абданк-Коссовский.

А.Н. [Балетный рецензент.] 1943. № 44. С. 5.

А.Р. [Политический обозреватель. См., как правило, первые страницы номера.] 1943. № 43–55, 57.

А.С. [Спортивный обозреватель.] 1944. № 92. С. 7; № 94. С. 6.

А.Я. Генерал барон П.Н. Врангель. 1943. № 45. С. 5.

А.Я. – возможно, Ягубов Александр Григорьевич (1884–1955, Париж), полковник, заместитель Н.Н. Головина по Военно-научным курсам.

Абданк-Коссовский В. Адмирал А.В. Колчак. К годовщине смерти. 1944. № 87. С. 2.

Абданк-Коссовский В. «Американский век». 1943. № 41. С. 6; № 42. С. 6; № 43. С. 6.

Абданк-Коссовский В. Арийцы и неарийцы. 1942. № 24. С. 4; № 25. С. 2; № 28. С. 3; № 29. С. 6; 1943. № 48. С. 6; № 49. С. 7; № 50. С. 5; № 51. С. 4.

Абданк-Коссовский В. Бело-сине-красный [К введению нарукавных повязок для русской молодежи в учебных частях СС]. 1944. № 112. С. 4-5.

- Абданк-Коссовский В. Верденский раздел (1843–1943). 1943. № 39. С. 6.
- Абданк-Коссовский В. Владимир Красное Солнышко. 1944. № 110. С. 4-5.
- Абданк-Коссовский В. Воздушные гангстеры. 1943. № 69. С. 4-5.
- Абданк-Коссовский В. Война Израиля. 1943. № 63. С. 4-5.
- Абданк-Коссовский В. Ворона в павлиньих перьях [И. В. Сталин]. 1944. № 88. С. 4-5.
- Абданк-Коссовский В. Восток в опасности. 1943. № 53. С. 5.
- Абданк-Коссовский В. Готская страничка русской истории. 1942. № 10. С. 2; № 12. С. 5.
- Абданк-Коссовский В. Доисторический календарь. Памяти А.А. Башмакова. 1943. № 66. С. 6.
- Абданк-Коссовский В. Загадка имени Русь. 1942. № 3. С. 2; № 4. С. 5.
- Абданк-Коссовский В. Загадочный знак Владимира Святого. 1943. № 62. С. 5.
- Абданк-Коссовский В. Караимы. 1943. № 74. С. 3, 7.
- Абданк-Коссовский В. Микробы большевизма. 1942. № 17. С. 2, 5.
- Абданк-Коссовский В. На службе у врагов России. 1943. № 37. С. 3.
- Абданк-Коссовский В. О нашем варварстве. 1943. № 64. С. 4.
- Абданк-Коссовский В. Последний шабаш. 1942. № 22. С. 2.
- Абданк-Коссовский В. Похищение ген. Кутепова (26 января 1930 – 26 января 1944 г.). 1944. № 84. С. 2.
- Абданк-Коссовский В. Реванш. 1942. № 14. С. 4.
- Абданк-Коссовский В. Россия в изгнании. 1944. № 89. С. 4-5; № 91. С. 6-7; № 92. С. 4; № 93. С. 6; № 94. С. 4-5; № 96. С. 5; № 97. С. 4; № 98. С. 6; № 99. С. 4-5; № 101. С. 4-5; № 103. С. 4-5; № 104. С. 5; № 105. С. 4-5; № 107. С. 4-5.
- Абданк-Коссовский В. Русская Америка (1743–1867). 1943. № 80. С. 5; 1944. № 82. С. 4.
- Абданк-Коссовский В. Свастика. 1944. № 86. С. 6.
- Абданк-Коссовский В. Святки. 1943. № 30. С. 4; 1944. № 81. С. 3-4.
- Абданк-Коссовский В. Страшная годовщина. 1918 – 17 июня – 1942. 1942. № 6. С. 1.
- Абданк-Коссовский В. 1793 год. 1943. № 33. С. 5; № 34. С. 6.
- Абданк-Коссовский В. Французский корпус в русской истории. 1943. № 67. С. 6-7.
- Абданк-Коссовский В. Шарлотта Корде (1793–1943). 1943. № 54. С. 5.
- Абданк-Коссовский В. Янки. 1944. № 111. С. 4-5.
- Абданк-Коссовский В. [Разное]. 1942. № 13. С. 5; № 18. С. 4; 1943. № 35. С. 6; № 36. С. 5; № 46. С. 7; № 56. С. 5; № 60. С. 6-7; № 70. С. 4-5; № 71. С. 2-3; № 72. С. 6; № 73. С. 6-7; № 77. С. 2; 1944. № 95. С. 3; № 109. С. 4-5.

Абданк-Коссовский Владимир Конкордиевич (1885–1962), инженер-полковник, военный писатель, историк русской эмиграции, журналист, коллекционер. Сотрудник газет еще с дореволюционных времен («Новое время»); в эмиграции – автор «Возрождения», «Нового слова», «Русского воскресенья» и др. В августе 1945 г. был арестован французскими властями по обвинению в коллаборационизме²⁴.

Абданк-Коссовский В.К. – см. еще: А., А.К., В.К. По меньшей мере еще несколько имен из ПВ просятся в псевдонимы к В.К. Абданк-Коссовскому.

Авакимов Ив. Записка П.Н. Дурново. 1942. № 6. С. 5.

Ср.: Авакимов Иван Михайлович (1894 – 5 августа 1985, Париж), поручик, председатель Союза инвалидов.

Ср.: Авакимов Иван Артемьевич (1880–1953), адвокат.

Авель. Возвращается ветер на круги своя... Маленький фельетон. 1942. № 14. С. 4.

Авель. Как это будет. Маленький фельетон. 1942. № 11. С. 5.

Авель – вероятно, псевдоним А.М. Ренникова (см.).

Аз. Инвалиды и зимняя помощь 1942. № 24. С. 8.

Аз. А.Ф. фон Гиллершмидт [Некролог]. 1942. № 29. С. 8.

Акульшин Родион Михайлович – см. Березов Д.

Альбатрос. Русское абри («Пространство было очень узкое...»). 1942. № 1. С. 3.

Анастасий, митрополит. Письмо. 1942. № 16. С. 5.

Анастасий, митрополит. Рождественское окружное послание. 1943. № 31. С. 2.

Анастасий (в миру Александр Алексеевич Грибановский, 1873–1965), митрополит Русской Православной Церкви Заграницей, председатель Архиерейского Собора и Синода.

Анин Н. Ангел. 1944. № 103. С. 3.

Анин Н. Баллада о тюрьме. 1943. № 77. С. 4; № 78. С. 2; № 79. С. 2-3; № 81. С. 6-7; № 82. С. 6.

Анин Н. «Зависть». 1943. № 76. С. 2-3.

Анин Н. Золотое детство. 1944. № 108. С. 3-4.

Анин Н. «Киса». 1944. № 83. С. 2-3.

Анин Н. Ленинградские ночи. 1943. № 62. С. 6-7.

Анин Н. Москва. 1943. № 67. С. 2-3.

- Анин Н. На Кубани. 1944. № 86. С. 6-7.
 Анин Н. Наши сестры. 1944. № 89. С. 6-7.
 Анин Н. Ничья земля. 1944. № 110. С. 6.
 Анин Н. Очарованная душа. Студенческая быль. 1944. № 100. С. 2-3;
 № 101. С. 5.
 Анин Н. Петербург. 1944. № 85. С. 6.
 Анин Н. Письма из Нормандии. 1944. № 105. С. 2-3.
 Анин Н. Похищение юности. 1943. № 59. С. 6-7.
 Анин Н. (РОА). Ровесники. 1944. № 93. С. 2-3; № 94. С. 4-5.
 Анин Н. Сатана смеется. 1943. № 64. С. 6.
 Анин Н. Семнадцать часов. 1944. № 107. С. 3.
 Анин Н. Слава. 1944. № 95. С. 6.
 Анин Н. Старый солдат («Неровен шаг. И обувь тяжела...»). 1944.
 № 111. С. 7.
 Анин Н. Счастье. 1944. № 90. С. 5.
 Анин Н. Эаонтропус. 1944. № 112. С. 6.

Анин Н. – наст. фам. Давиденков Николай Сергеевич (1916–1950) – сын известного профессора-невропатолога С.Н. Давиденкова, студент-биолог Ленинградского ун-та; в 1938 г. был арестован по делу «Ленинградской студенческой террористической организации», осужден вместе с сыном А. Ахматовой Л. Гумилевым и др. лицами, в середине 1939 г. оправдан и освобожден. Призванный в армию в 1940 г., в начале войны оказался под Львовом в плену; с августа 1942 г. – в казачьем полку им. Платова в районе Новая Горловка, позднее – на курсах пропагандистов. В середине 1943 г. его стихи, воспоминания, заметки, корреспонденции появляются в газетах РОА «Доброволец» и «Заря». Летом 1943 г. Д. от имени власовского движения выступил на многотысячных собраниях русской эмиграции в Брюсселе (позднее печатался в брюссельской газ. «Борьба») и Париже. По сведениям К.А. Крылова (см. ниже), ген. Власов к поездке Д. и Белова никакого отношения не имел, «они были посланы полковником Мартиным (шеф военного отдела пропаганды [ОКВ]) <...>, без согласия на то Власова <...>. Вообще же о Давиденкове В.Ф. Малышкин говорил, что “если доживем до лучших времен, то я его повешу”, т. к. за ним числилось немало всяких художеств»²⁵. В конце 1943 или начале 1944 г. Д. был командирован в издававшийся во Франции «Информационный листок газеты “Доброволец”» («Информационный листок Добровольческих частей»); территориальное расположение редакции «Листка» и близость к редакционной программе ПВ позволило Д. принять регулярное участие в работе ПВ, где наряду с рассказами, специфическими воспоминаниями о «деле» студенческой организации²⁶ и стихами обнародовал (№ 62) отрывок из поэмы А. Ахматовой «Реквием». В Париже Д. наладил некоторые литературные связи, был принят у Э. Гиппиус. На последнем этапе войны Д. был связан с журналом «Казачья лава», где, в частности, опубли-

ковал несколько эмоциональных статей об участии казачьих частей в подавлении Варшавского восстания, готовил издававшиеся журналом разного рода брошюры. В 1945 г. был интернирован и передан советской стороне; осужден на 10 лет ИТЛ, позднее переосужден и расстрелян.

Материалы Д. в ук. выше изданиях обычно подписаны: Давиденков Н., поручик; Давиденков Николай, лейтенант; Давиденков Николай (РОА), Давиденков Николай, лейтенант РОА; Д-ов Н., -ов Н., Анин Н., Н.А. (выборочно), Н.Д. (выборочно); Ании (опечатка!); вероятно, ему же принадлежит подпись Николай А. См. о Д.: Берберова Н. Курсив мой. М.: Согласие, 1996. С. 496-497; Калядина С.А. Фрагменты «дела ленинградской студенческой террористической организации» // Репрессированная наука. Вып. 2. СПб.: Наука, 1994. С. 193-199; Легендарный человек (о Николае Давиденкове) // Посев. 1996. № 3. С. 60-62; Польская Е. Это мы, Господи, пред Тобою... Невинномыск, 1998. С. 33-34; Хохульников К. Не вернуться из мертвых // Война и судьбы. Невинномыск, 2002. С. 65-73, 89-106. См. также упоминание о Д. в кн. А. Солженицына «Архипелаг Гулаг», кн. Л. Чуковской об А. Ахматовой. Анин Н. – см. еще: Давиденков Н.

Аносов Иван. Кончина архиепископа Феофана. 1943. № 62. С. 7.

Арбенин В. Англия и вторая мировая война. «Союз волков». 1944. № 87. С. 4.

Арбенин В. Россия и Англия. Восточный вопрос. 1944. № 90. С. 2. № 3. Арбенин В <ас.> (РОА). По эту сторону фронта. 1944. № 91. С. 4-5; № 92. С. 4-5.

Арбенин Вас. – возможно, Гаранин Евгений Иванович (наст. фам. Силицын; 1915–1973, Мюнхен), юрист, в плену с 1942 г., выпускник школы пропагандистов, помощник начальника расквартированного в Польше лагеря инвалидов восточных легионов и русских вспомогательных частей, начальник Военно-юридического отдела КОНР; член Совета НТС (Народно-трудовой союз), редактор журнала «Наши дни» (Франкфурт-на-Майне. 1955–1966). С 1966 г. – зам. директора (по другим сведениям – директор) Русской службы «Радио Свобода», в эфире – Гранов²⁷. «Арбенин» как псевдоним Гаранина отмечался неоднократно²⁸.

Более вероятно, что псевдоним (Арбенин Вас.) принадлежит Вас. Осокину, биографу А.А. Власова²⁹. О принадлежности псевдонима «Арбенин» В. Осокину см. неопубликованное письмо (1949 г.) М. Самыгина (наст. фам. Криницкий), журналиста РОА, в «Новый журнал». Добавим, что, по сведениям М. Самыгина, настоящая фамилия Осокина – Арсеньев³⁰, аналогичная атрибуция встречается и в других источниках; упоминается, что «В. Осокиным» подписывался куратор РОД по пропаганде балтийский немец В. Борман³¹. Отметим еще подписи «Арбенин В.» и «Арбенин Евге-

ний» в газетах РОА и КОНР «Заря» (см., напр.: 1943. № 38. 16 мая.) и «За Родину» (1944. № 10. 17 дек.). Вполне возможно, что за псевдонимом «Е. Арбенин» скрывается Е. Гаранин, за «Вас. Арбениным» – Вас. Осокин (см.). И наконец: «Осокин Вас.» известен как автор рассказов, публиковавшихся в «Новом слове», «Воле народа» и др. изданиях, в т.ч. в ПВ (см. ниже).

Аркадьев. Идеи 20-го века. 1942. № 4. С. 3; № 17. С. 3; № 20. С. 2.

Аркадьев. Легенда о завещании Петра Великого. 1944. № 104. С. 3-4.

Аркадьев – псевдоним? Настоящую фамилию, вероятно, следует искать среди лиц с именем Аркадий или отчеством Аркадьевич, напр.: Крылов Константин Аркадьевич (см.).

Архиерейское Совецание Иерархов Православной Русской Церкви за Границей (Вена). Воззвание ко всем верующим Православной Церкви на Родине и в рассеянии сущим. 1943. № 77. С. 2-3.

Аспид. Археологические древности. 1943. № 54. С. 5.

Аспид. Есаул поневоле** («На казачьем посту»). 1943. № 55. С. 3.

Аспид. Моня казак** [О Х.Р. Карасике, ген.-майоре, командире казачьей дивизии Красной Армии.] («На казачьем посту»). 1944. № 85. С. 6.

Аспид – наст. фам. Капралов Анатолий Евгеньевич (род. ок. 1897, Ставрополь), сын законоучителя Киевского Алексеевского инженерного училища, члена Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 г., профессора, протоиерея Е.З. Капралова (1868–1933, Киев). Участник Гражданской войны в составе Добровольческой армии, в 1921 г. вернулся в Киев, в течение десяти с лишним лет преподаватель русского языка в Военной школе им. С.С. Каменева (Киев) и Сумской артиллерийской школе. В 1931 г. арестован и осужден на 5 лет в рамках операции «Весна» («чистка офицерского состава РККА»). Спустя год с лишним ИТЛ (Свирьлаг) был заменен на ссылку в г. Обоянь Курской обл. С 1936 г. жил в Ставрополе, работал ревизором, бухгалтером. Не чуждый литературы, в годы войны К. – популярный фельетонист южно-российской («Голос Крыма»), северо-кавказской («Утро Кавказа») и казачьей («На казачьем посту», «Казачья лава», «Кубанец») печати; с 1944 (?) в Берлине, с 1949 г. – в США, где преподавал русский язык в ун-те Д. Вашингтона, сотрудничал на радиостанции «Голос Америки»³². Один из возможных псевдонимов А. Капралова – И. Сольский (см.), которым в ПВ подписана построенная на биографической основе статья «Победитель Колчака», посвященная упомянутой выше «чистке»; этим же именем (И. Сольский) подписана известная статья «Писатель под запретом» («Голос Крыма». 1943. 23 мая; многократно перепечатывалась в последние годы), где речь идет судьбе и творчестве М.А. Булгакова, с которым А.К.

мог быть знаком по Киеву, где их отцы принадлежали одному ведомству; возможно, К. учился в той же гимназии, что и М. Булгаков³³.

О К. см.: Польская Е. *Это мы, Господи, пред Тобою... Невинномысск, 1998. С. 19* (здесь, в частности, о принадлежности псевдонима «Аспид» Е. Капралову); Тинченко Я.Ю. *Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 годы / Моск. обществ. науч. фонд. М., 2000* (<http://www.xx13.ru/krasnie/tinchenko/razd2.html>); два письма К. 1950 г. Г.Н. Кузнецовой (киевлянке) см.: *Ист. архив ФСО Бремен. Ф. 141 (Кузнецова Г.Н.)*.

Вероятно, К. также принадлежит анонимная статья «Весна» (см.).
Аспид – см. еще: Сольский И.

Баранов, хорунжий. Первый казачий полк. 1944. № 102. С. 4.

Баян. Именинный пирог. Рассказ. 1942. № 24. С. 6.

Ср.: Баян – наст. фам. Колышко И.И. (1862–1938), писатель, журналист.

[Белов.] Речь капитана Белова [в Брюсселе]. 1943. № 56. С. 2. [С приложением групповой фотографии.]

Белов, капитан – фигура малоизвестная; по одним предположениям – старый эмигрант, по другим (очевидно, ошибочным) – тождественен С. Сигристу (см.: Гротов).

Белоруссец. Генерал Е.К. Миллер. 1942. № 17. С. 5.

Белоруссец – псевдоним (по именованию полка).

Бенуа Александр. Фокин. 1942. № 14. С. 5; № 15. С. 2.

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960, Париж), художник, театральный декоратор, искусствовед.

Березов Димитрий. В народном ополчении** («На переломе», Смоленск). 1943. № 39. С. 4-5.

Березов Дмитрий – наст. фам. Акульшин Родион Михайлович (1896–1988), член СП СССР, поэт, прозаик, публицист, фольклорист, мемуарист. Ополченец, с осени 1941 г. – военнопленный. Активно, под разными псевдонимами, напр., Березов Родион, Корсаков Иван, Новоселов Д., Шихматов(?), Шихматов Н.(?), печатался в коллаборационистской печати (в особенности смоленской), в годы войны вышло несколько сборников его рассказов. С конца 1948 г. жил в США, где продолжал литературную деятельность.

Блюменталь-Тамарин В. «Певец большевизма» [М. Горький]. 1943. № 32. С. 3.

Блюменталь-Тамарин В.А. Тифлис [Воспоминания]. 1943. № 34. С. 4.

Блюменталь-Тамарин Всеволод Александрович (1881–1945) – советский актер, Заслуженный артист РСФСР; застигнутый наступлением немецкой армии под Москвой, принял место активного участника германской пропаганды на СССР (печать, радио, театр). Заочно был приговорен к расстрелу («БЛЮМЕНТАЛЬ-ТАМАРИН Всеволод Александрович, рожд. 1881, бывш. Заслуженный артист РСФСР, руководитель Московского Передвижного театра, беспартийный, ЛОЩИЛИНА Инна Александровна, рожд. 1892 года <...> постановлением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 27 марта 1942 года ЗАОЧНО приговорены к расстрелу по ст. 58-1 п. "а" УК РСФСР»³⁴. Согласно распространенной версии, Б.-Т. погиб в результате спецоперации возмездия весной 1945 г. В 1993 г. реабилитирован «по формальным [? – Б.Р.] обстоятельствам»³⁵. См о нем: Березов Родион. Конец пути. Последние годы жизни Блюменталь-Тамарина // Русская мысль. 1954. 22, 27, 29 окт., 3, 5 нояб.; Арбатов З.Ю. О театре нашем и «ихнем» // Русская мысль. 1956. 3 янв. С. 5; Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 1999. С. 173-174; Баранов В. Личная обида товарища Сталина // Телеграф (Рига). 2001. 14 нояб. С. 17, перепечатка из газеты «Московские новости».

Бобриков Н. [Военный обозреватель. См. первые станицы номера.] 1942. № 7–14, 16, 19–22, 24–25.

Бобриков Н. – Бобриков Николай Николаевич (1882–1956, Париж), полковник, офицер Генштаба, участник Первой мировой и Гражданской войн, российский военный агент во Франции, кавалер ордена Почетного Легиона.

Борис И. Вечер юмора и смеха. 1943. № 31. С. 6.

Борис И. – Ивинский Б.И. (см.).

Бочаров [А. М.], подполковник и др. Обращение офицеров РОА. 1944. № 84. С. 3.

Бочаров Алексей Матвеевич, полковник, пропагандист, командир русского батальона во Франции, представитель ген. Власова при казачьих частях в Северной Италии. См. о нем: Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945. Русско-Балтийский информационный центр «Блиц». СПб., 2001. С. 140; Николаев А. Так это было. Livry-Gardan, 1982. С. 241, 244, 248; Шатов М.В. Библиография освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны (1941–1945). Н.-Й., 1961. С. 200.

Боярский, полк. Программа спасения. 1943. № 60. С. 4-5.

Боярский Б.И.[!], полк. (РОА) Советская система. 1943. № 61. С. 2.

Боярский, полк. Сталинская «эволюция». 1943. № 59. С. 4.

Боярский Б.Л.[!], полковник. Шестой маршал СССР – Сталин. 1943. № 58. С. 2-3.

Боярский Владимир Ильич – наст. фам. Баерский Владимир Гелярович (1901–1945, повешен чешскими партизанами), полковник РККА, с мая 1942 г. в плену, активный участник власовского движения; аттестовал себя как адъютант М.Н. Тухачевского, что не находит документального подтверждения.

В.Д. Казачья жизнь** («Казак»). 1944. № 106. С. 3.

В.К. Четверть века назад [Февральская революция]. 1942. № 6. С. 4.

В.К. Египет. 1942. № 5. С. 2.

В.К. – возможно, В.К. Абданк-Коссовский (см.).

В.О. В 12 часов [Развод у Триумфальной арки]. 1942. № 4. С. 6.

В.О. Урал – последняя ставка советов. 1942. № 6. С. 5.

В.О. Церковь Знамени Б<ожией> М<атери> [Париж]. 1942. № 5. С. 6.

В.О. Что происходит на Кипре. 1942. № 9. С. 3.

В.У. Русский Драматический театр. 1942. № 22. С. 6.

В.У. Вечер И.Д. Сургучева. 1942. № 23. С. 6.

В.У. Самоубийство [журналиста А.Н.] Неваховича. 1943. № 47. С. 6.

В.У. [Заметки, рецензии и т.п. на темы культуры. См. последние страницы номера.] 1942. № 24, 29; 1943. № 33, 50–51, 55, 58–59, 63, 71-72; 1944. № 86, 109, 111.

В.У. – Унковский В.Н. (см.).

В-в. Год войны. 1942. № 2. С. 1-2.

В-в. – Власов А. (см.).

Величковский А. Леонардо да Винчи и Ломоносов. 1942. № 7. С. 4.

Величковский А. О «жидовствующих» [Ересь]. 1942. № 10. С. 5.

Величковский А. От поучения Владимира Мономаха до Домостроя. 1942. № 19. С. 2.

Величковский А. Первая русская газета. 1942. № 9. С. 3.

Величковский Анатолий Евгеньевич (1901–1981, Париж), участник Гражданской войны, поэт, прозаик, журналист.

Вланиский Я. Среди трудовой эмиграции. 1942. № 1. С. 4.

Вланиский Я. – наст. фам. Унковский В.Н. (см.). Псевдоним учтен Словарем И. Масанова.

Власов, Власов А. [Преимущественно статьи военной тематики.] 1942.

№ 3. С. 1, 5; № 4. С. 1; № 5. С. 1, 6; № 7. С. 1, 5; № 13. С. 2; № 14. С. 1;

№ 17. С. 1, 4; 1943. № 34. С. 5; № 76. С. 4-5; № 80. С. 4; 1944. № 101. С. 4-5; № 106. С. 5, 7.

Власов, Власов А. – Власов Андрей Алексеевич (1899–1980, Париж), подпоручик, выпускник Высших военно-научных курсов (Париж), сотрудник военной печати, лектор.

Власов, Власов А. – см. еще: А.В., В-в.

[Власов А.А., ген.-лейт.] Заявление ген. Власова³⁶. 1943. № 42. С. 1. [Перевод с итальянского. См. об этом: Приложение.]

[Власов А.А., ген.-лейт.] Письмо генерала Власова [В связи с передислокацией русских частей на Западный театр военных действий]. 1943. № 76. С. 1.

[Власов А.А., ген.-лейт.] Призыв генерала Власова. 1943. № 40. С. 1
Власов Андрей Андреевич (1901–1946), генерал-лейтенант РККА. Военнопленный, сотрудничал с национал-социалистической Германией в борьбе со «сталинским режимом». Казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Войцеховский Ю.Л. Памяти Поля Колена. 1943. № 45. С. 4.

Войцеховский Ю.Л., управляющий Русским комитетом самопомощи в Бельгии. Русская жизнь в Бельгии. 1942. № 24. С. 7.

[Войцеховский Ю.Л.] Слово Ю.Л. Войцеховского. 1943. № 56. С. 1-2.

Войцеховский Юрий Львович (1905–1944) – террорист, коллаборационист, брат известного общественного деятеля и мемуариста С.Л. Войцеховского. В 1928 г. совершил теракт против советского торгпреда в Варшаве. Позднее жил в Бельгии, где в годы оккупации назначен Управляющим Русским комитетом взаимопомощи. В июне 1943 г. В. организовал в Брюсселе грандиозный митинг, приуроченный к двухлетию начала Германо-Советской войны. На митинге «объединенным фронтом» выступили фламандские коллаборационисты и представители власовского движения – Белов и Давиденков. Несмотря на очевидный пропагандистский успех митинга, он вызвал неодобрение Г. Гиммлера, который предотвратил командование фламандского легиона СС «Валлония» от подобной демонстрации сближения фламандцев с русскими. Митинг был последней крупной акцией В. 1 сент. 1944 он был убит в Брюсселе при невыясненных обстоятельствах.

См. о нем: Миролубов Ю. Судьба русского «фюрера» в Бельгии. Как был убит немецкий наймит Войцеховский. Из дневника сороковых годов // Русская мысль. 1947. 18 июня; Гедройц А. Русские эмигранты в Бельгии между двух войн // Записки Русской академической группы в США. Т. XXVII. New York, 1995. С. 62-63; : Coudenys W. Russian collaboration in Belgium during World War II. The case of Jurij L. Wojcehovskij // Cahiers du monde russe. 2002/2–3. Vol. 43. № 2–3. P. 479-514.

Волжский Н. Сады («Заблудился ветер в пене гривы нежной...»)** («Боец РОА»). 1944. № 92. С. 2.

Волжский Н. Тебе, далекая («Я грустил под смятой бурей рожью...»). 1943. № 79. С. 5.

Волжский Николай (криптоним: Н.В., наст. имя неизвестно; род. ок. 1906 г. на Волге), судя по автоаттестации, лейтенант РККА, воевал на Ленинградском фронте в составе 2-й Ударной армии, в начале 1942 г. взят в плен, принят в отдел пропаганды (группы армий «Норд» или иной пропагандистской инстанции, дислоцировавшейся в Риге), учился в пропагандистской школе в Риге (под Ригой? 1944 г.?). Поэт, преимущественно лирический, публиковался в большинстве русских изданий, выходивших на территории Латвии и Эстонии; стихи пользовались определенной популярностью – перепечатывались другими газетами, в т.ч. послевоенными. В апреле 1944 г. выехал в Таллин; далее, судя по публикации его стихов в газете КОНР «За родину», проследовал в Германию, где его следы теряются. См. его и о нем: Волжский Н. Осень. (Посв. Ал. Перфильеву) // Рижский вестник. 1944. № 112, 26 сент. С. 4; Волжский Н. «Пропал без вести». Рассказ очевидца [Автобиографическое?] // Северное слово. 1943. № 27, 7 марта. С. 4; LVV (Государственный архив Латвии). Ф. 1954. Ед. хр. 41028 (Судебно-следственное дело В.В. Васильева (Гадалина). Л. 24; Вербин В. [А. Каракаченко?] Первая встреча // Голос Народа. Мюнхен. 1952. № 31. Спецвыпуск. 2 авг.; Курский Вл. Наши поэты // Правда [Таллин]. 1944. № 25, 6 июля. С. 4 (с рисованным портретом).

Волкова Мария. О Родине («Без тебя я тобою жила...»). 1942. № 20. С. 3.

Волкова Мария. Родине («Разве слезы есть...»). 1943. № 45. С. 3.

Волкова Мария. У Иверской («Сибирь, Урал – уже за мной...»). 1943. № 48. С. 4.

Волкова Мария. Четверговая свеча («Сердце любит и просто и верно...»). 1942. № 11. С. 3.

Волкова Мария Вячеславовна (1902–1983, Германия), поэтесса, дочь колчаковского генерала; по материнской линии – уральская казачка. В эмиграции жила в Китае, Литве, Германии. Член Парижского «Кружка казаков-литераторов», корреспондент П.Н. Краснова, печаталась преимущественно в казачьих изданиях.

Волошин Владимир. Бдительность. 1944. № 100. С. 3.

Волошин Владимир – постоянный автор берлинской газеты «Новое слово».

Воробьев Н. Богатства Кубанского края. 1942. № 11. С. 1.

Воробьев Н. Русский архив [Об учреждении при УДРЭ хранилища русских культурных ценностей]. 1943. № 56. С. 7.

Воробьев Николай Иванович (1861–1950, Франция), этнограф, деятель культуры, в послевоенные годы – секретарь и заведующий хранилищем Общества охранения русских культурных ценностей (Франция).

Г. Невозвратимое** («Современник», Симферополь). 1943. № 67. С. 2-3; № 68. С. 2-3.

Г. – в оглавлении журнала (1943. № 1) значится как «Я. Гарбузов». Судя по автоаттестации, автор родился не позднее 1890-х гг., возможно, был знаком с историком культуры М. Гершензоном («В Москве Гершензон с гордостью показывал мне в своей столовой сервиз на триста персон, заказанный Екатериной в Севре для торжественного обеда по случаю Чесменской победы»), в 1920-х гг. был связан с Москвой, Николаевом, Ростовом, Тбилиси; арестовывался (задерживался?) ВЧК в городе К.

Г.Г. Путевые заметки. 1942. № 26. С. 4; № 27. С. 4; № 28. С. 4; № 29. С. 4; 1943. № 30. С. 5.

Г.Г. Самообман или ложь? 1943. № 38. С. 3.

Г.Г. – судя по автоаттестации, участник Гражданской войны, эмигрант, в августе 1942 г. через Германию и Польшу въехал переводчиком на оккупированную территорию СССР. Заметки в основном касаются Симферополя

Гардинг Георгий. Голоса из России. 1943. № 42. С. 4.

Гардинг Георгий. Молодежь – равнение на Восток. 1943. № 46. С. 4.

Гардинг Г. Коминтерн. 1943. № 51. С. 2.

Гардинг Г.С. Отец народов! 1943. № 55. С. 2.

Гардинг Георгий Станиславович (1899–1972, Париж), корнет, участник Гражданской войны, деятель молодежного движения, предшественник Н.У. Самсона (см.) в Объединении русской молодежи.

Георгиев В. В отпуск! 1943. № 37. С. 4; № 38. С. 4; № 41. С. 5 (с опечаткой (оговоркой?) в инициале имени: «Г.»).

Георгиев В. Из освобожденных местностей. 1943. № 34. С. 4; № 35. С. 4.

Георгиев В. Письма из Симферополя. 1943. № 53. С. 2

Георгиев В. Русская молодежь в СССР. 1943. № 32. С. 4.

Георгиев В. Симферополь-Ялта. 1943. № 61. С. 4.

Георгиев В.А. – инициал отчества приведен в статье Г. в № 35; журналист, поэт; возможно – Г.З.(А.) Сидамон-Эристов (см.: Инсаров Г.). В целях поиска приводим по № 61 следующие стихотворные строчки Г.: «Удушающий запах глициний, // Кипарис, как солдат на часах, // Вот и шапка раскидистых пиний, // Вот и море при солнца часах!». По любезному сообщению

А. Пасквинелли, специалиста по Г. Эристову, в его поэтических сборниках эти строчки не обнаружены.

Георгиевский С. Трагедия советского ополчения. 1943. № 41. С. 7.

Георгиевский С. – ополченец.

Голицына Ольга. Пудель. Рассказ. 1942. № 23. С. 4.

Головизнин М. Русско-немецкое сотрудничество в 1919 году [Латвия, П. Бермондт-Авалов и Г. фон дер Гольц]. 1942. № 9. С. 4.

Головизнин М.А. – подполковник, военный историк.

Головин Н. «Белый» юбилей. 1942. № 24. С. 2-3.

Головин Н. Генерал М.В. Алексеев (К 25-летию со дня смерти). 1942.

№ 18. С. 2.

Головин Н. Генерал М.В. Алексеев (XXV лет со дня кончины). 1943.

№ 69. С. 3.

Головин Н. Дроздовский поход. К 25-летию. 1943. № 38. С. 2.

Головин Н. Едущим освобождать Россию от большевиков. 1942. № 5.

С. 4; № 7. С. 4.

Головин Н.Н., профессор, генерал. Ключ к победе (Посмертная статья). 1944. № 82. С. 2-3.

Головин Н. «Красный» юбилей. 1942. № 22. С. 3-4.

Головин Н.Н. О неудавшемся и о несостоявшемся десанте. 1942. № 12.

С. 1; № 13. С. 1; № 14. С. 2; № 15. С. 1, 5; № 16. С. 1, 2.

Головин Н. Потери германской армии. 1942. № 5. С. 2.

Головин Н. Путь к уничтожению большевиков в России. 1943. № 45.

С. 4.

Головин Н. Суворов и большевики несовместимы. 1942. № 29. С. 2;

№ 30. С. 2; № 31. С. 3; № 32. С. 2; № 34. С. 2, 5; № 35. С. 2-3.

Головин Н.Н., профессор, генерал. «Тревога» (Листки из воспоминаний). 1944. № 81. С. 4-5.

Головин Н. Усиление комиссародержавия. 1942. № 19. С. 1.

Головин Н. Харьковское сражение. 1942. № 6. С. 2.

Головин Н.Н. Царский смотр. К 25-летию со дня гибели Государя. 1943.

№ 57. С. 4-5.

Головин Н.Н., проф. Черчиллевские квадраты. 1943. № 79. С. 5.

Головин Николай Николаевич (1875–1944, Париж), ген.-лейт., военный историк, председатель Совета УДРЭ. Архив Н.Н. Головина в Hoover Institution Archives почти лишен материалов за военные годы; в частности, отсутствует переписка за 1940-е гг.

Горская А. Мне не дозволено испить... 1942. № 4. С. 3.

Горская Антонина Алексеевна (наст. фам. Гривцова, 1893–1972, Франция), поэтесса, член Союза русских писателей и журналистов в Париже, литературный критик, мемуарист.

Горский Михаил. Мысли о ленинской легенде и о Ленине. 1944. № 85. С. 4; № 86. С. 4-5; № 87. С. 4-5; № 88. С. 6-7.

Горский Михаил. Рабочий вопрос в СССР. 1944. № 97. С. 5; № 98. С. 2; № 99. С. 6; № 100. С. 6; № 101. С. 6-7.

Горский Мих. – позднее находим «М. Горского» (псевдоним?) среди авторов газеты «Воля народа».

Горянский Валентин. Амфибия (Басня) («Лягушка, сидючи на бреге...»). 1943. № 59. С. 4

Горянский Валентин. Весенний смерч («Сталин молвил: “неудачи...”»). 1942. № 5. С. 3.

Горянский Валентин. Карась в сметане (Басня об одной эволюции) («Карась попал на сковородку...»). 1943. № 34. С. 5.

Горянский Валентин. Конь и странник («Преследуемый сельской стражей...»). 1942. № 9. С. 3.

Горянский Валентин. Красный граф («Он рожь молотит на обухе...»). 1942. № 36. С. 4

Горянский Валентин. Неисправимый Черчилль («Что такое оптимист?...»). 1942. № 7. С. 3.

Горянский Валентин. Об утопающем Федоте (Басня) («Через перила, свесясь с мосту...»). 1942. № 22. С. 3.

Горянский Валентин. Райский снег («Веяла вчера метель...»). 1943. № 30. С. 4.

Горянский Валентин Иванович (наст. фам. Иванов; 1888–1949, Париж), поэт-сатирик, помимо ПВ, в годы войны печатался в журнале «Новая жизнь» (Берлин, 1941), газете «Новое слово».

Гранин Н. (Редактор газеты «Заря».) История с гимном. 1944. № 81. С. 6.

Гранин Н. Возвеличение Бердичева. 1944. № 83. С. 3.

Гранин Н. (наст. фам. Ковальчук Н.В.; ?–1945), литературный консультант Киевской киностудии, редактор газет «Заря» (1943–1944) и «Воля народа» (1944–1945; К. редактировал газету с конца янв. 1945 г.); по общепринятой версии, в первые дни после окончания войны выкраден советскими карательными органами из американской зоны и расстрелян в г. Дассау.

Григорьев Н.Н. Страшный спектакль** («На Переломе», Смоленск). 1943. № 62. С. 2-3; № 63. С. 2-3.

- Гротов С.[!], проф. В новой Хорватии. 1944. № 107. С. 5, 7.
- Гротов, проф. Жертвы и герои [Воспоминания]. 1944. № 82. С. 5.
- Гротов, проф. Жиды-дипломаты. 1943. № 74. С. 7.
- Гротов, проф. Исповедники и мученики. 1943. № 76. С. 4-5.
- Гротов А.В.[!], проф. Иудеи – основа большевизма. 1943. № 57. С. 6.
- Гротов, проф. Как мы встречали Новый год [Воспоминания]. 1943. № 80. С. 2, 6.
- Гротов. Кухарка ген. Кутепова [Воспоминания]. 1943. № 75. С. 4-5.
- Гротов, проф. (Брюссель, 18 сент.) Мои впечатления. 1943. № 68. С. 6-7.
- Гротов, проф. Неведомый герой [Лев Любарский, студент, заключенный]. 1944. № 85. С. 3.
- Гротов, проф. Неведомый отрок-поэт (Ф. Ф. Достоевский, 1905–1921) [Отчасти – на материале воспоминаний]. 1943. № 78. С. 6-7.
- [Гротов.] Речь проф. Гротова [Брюссель]. 1943. № 56. С. 2.
- Гротов, проф. Рождество у большевиков. 1944. № 81. С. 4.
- Гротов, проф. Славянский маскарад. 1944. № 83. С. 6.
- Гротов С.[!], проф. Среди казаков. 1944. № 100. С. 5.
- Гротов, проф. Три Пасхи [Воспоминания]. 1943. № 73. С. 4

Гротов – наст. фам. Сергей Викторович Сизгрист (1897–1987, Италия) – выпускник Училища правоведения, приват-доцент, доцент Казанского, Саратовского и (профессор?) Ленинградского университетов. В 1930 г. арестован по «делу Академии Наук», приговорен к пяти годам ИТЛ. (Наиболее раннее воспоминания С. Сизгриста по этому этапу его биографии см.: Историк. Дело академика Платонова // Новое слово. 1944. № 59, 23 июля. С. 4-5; наиболее поздние: Ростов А. Дело четырех академиков // Память. Ист. сборник. Вып. 4. Москва–Париж, 1981. С. 469-495.) По отбытии половины срока в Карелии сослан на Кузнецкстрой. Освобожден в ноябре 1935 г. Сведения о жизни и деятельности С. в предвоенный период отсутствуют. «Военная биография» реконструируется из сведений (иногда противоречивых), содержащихся в статьях С. в поднемецкой печати и некоторых др. источниках: мобилизованный в КА, служил в штрафном батальоне(?), в июле 1942 – перебежчик(?), далее – сотрудник, корреспондент газет «Голос Крыма», «Мелитопольский Край», «Новое Слово», «Парижский Вестник», редактор недолго выходящей газеты «Голос Ростова». В середине 1943 г. командирован из Симферополя в Бельгию и Францию с лекциями. После войны жил в Италии, где преподавал в университете. Сотрудничал в газете «Наша страна» и др., входил в состав руководства Народно-монархического движения. См. о нем: Базанов В. Вторая русская эмиграция и «дипийская» печать в Италии (1945–1951); Маццителли Г. Русская библиотека им. Н.В. Гоголя в Риме // Русские в Италии: Культурное наследие русской эмиграции. Международная конференция 18–19 ноября 2004 г. М.: Русский

путь, 2006. С. 185, 188, 361-369; *Материалы по истории русского освободительного движения. (Статьи, документы, воспоминания.)* Вып. 2. М.: Архив РОА, 1998. С. 451-452); *Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Т. первый. А–К.* С. 435.

Среди псевдонимов С.: Гротов С., Гротов А.В., Гротов С.В., *Историк (см. ниже)?*, Нестеров С., Ростов А., Ростов Алексей, Ростов Г., Ростов Георгий, Г.Р.

Известны следующие отдельные издания работ С.: *У порога великой войны. Балканы как очаг европейских столкновений* (Пг.: Сеятель, 1924); *Внешняя торговая политика СССР в международных договорах* (Л.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1927); Ростов Алексей. *История КПСС.* Буэнос Айрес: Наша страна, 1961.

Гудим-Левкович Н. Иудейство и масонство. 1943. № 35. С. 4.

Гудим-Левкович Н. – ср.: Гудим-Левкович Николай Васильевич (1891–1978), поручик, военный летчик, в эмиграции жил во Франции.

Гуркин Б. (РОА.) Мы еще вернемся. 1944. № 91. С. 2.

Д., поручик (РОА). Путь в Россию. 1944. № 96. С. 3.

Д. Русская Пасха на площади Конкорд. 1944. № 95. С. 6.

Д., поручик (РОА). Русский праздник [Пасха]. 1944. № 95. С. 5.

Д., поручик. – возможно, Н.Н. Давиденков (см.).

Даватц В.Х. В наряде по постам («Мы не спим которые уж сутки...»). 1944. № 106. С. 8.

Даватц Владимир Христианович (1883–1944, Сербия), математик, писатель, общественный деятель.

[Давиденков Н.]. Речь поручика Н. Давиденкова [Брюссель]. 1943.

№ 56. С. 2-3. [С приложением групповой фотографии, где Д. – в РОА-подобном мундире, украшенном «ленточками орденов» за ранения. Ордена на мундире Д. – «к случаю».]

Давиденков, поручик – см. Анин Н.

Даниил, архиепископ Ковенский. Не уклоняйтесь! 1944. № 108. С. 2.

Даниил, епископ Ковенский (в миру Юзьвюк Николай Порфириевич; 1880–1945).

Двингер Эдвин-Эрик. Снова на востоке*. 1942. № 29. С. 7; № 31. С. 4.

Двингер (Dwinger) Эдвин Эрик (1898–1981), популярный немецкий писатель и публицист; автор романов, созданных на основе собственного опыта пребывания в России в годы Первой мировой и Гражданской войн. Под-

держивал отношения с А.А. Власовым и власовцами; автор романа "General Wlasow. Eine Tragödie unsere Zeit" (Frankfurt: Dikreiter, 1951).

Демьян Уха. Новсогвостгимн [Гимн Советского Союза]. 1944. № 88. С. 3.

Дмитриев М. Антисоветская выставка [Париж]. 1942. № 1. С. 4.

Долгоненков К. Евреи и талмуд (По Ф. Бренье)** («На переломе». Смоленск). 1943. № 70. С. 4-5.

Долгоненков Константин Акимович (1895–1980, Мюнхен), смоленский писатель, член Союза писателей. В годы войны редактор ряда смоленских изданий («Колокол», «Новая жизнь», «Новый путь» и др., член редакции журнала «На переломе»); под псевдонимом «К. Акимыч» опубликовал сборник пьес «Деревенская сцена» (Смоленск: Изд-во «Новый Путь», 1943) и пропагандистскую брошюру «Страна в ярме» ([Из-во газеты] «Рулъ», 1944). После войны – в эмиграции (Германия), принял фамилию Доманенко, под псевдонимом «К. Акимыч» сотрудничал в газете «Русская мысль» (Париж). См. о нем: Меньшагин Борис Григорьевич. Воспоминания. Смоленск... Катюнь... Владимирская тюрьма... Подготовка к печати А. Грибанова, Н. Горбаневской, Г. Суперфина; коммент. Г. Суперфина. Paris: YMCA-PRESS, 1988. С. 221.

Дон-Кихот. «Кто кого заполучил...» 1942. № 12. С. 3.

Дон-Кихот. «Сам я родом из Сибири...» 1942. № 13. С. 3.

Доринг Сергей. Братья-враги*. 1943. № 49. С. 4.

Доринг Сергей (Doring Serge; 1906–?) – бельгийский журналист русского происхождения.

Дружакин Г. На последнем этапе. 1942. № 16. С. 2.

Дружакин Г. – ср.: Дружакин Георгий Николаевич (?–1976, Лондон), полковник Всевеликого Войска Донского.

Дуван Сергей. Большевики в Крыму [Воспоминания]. 1943. № 35. С. 7.

Дуван Сергей Семенович – представитель известной караимской семьи, сын С.Э. (С. С.) Дувана – городского головы Евпатории, общественного деятеля.

Дудин Л.В. Советская власть в последнее пятилетие (1936–1941 гг.). Четыре периода советской власти. 1943. № 40. С. 2; № 41. С. 2-3; № 42. С. 2; № 43. С. 2; № 44. С. 2; № 45. С. 5; № 46, С. 2; № 47. С. 2; «№ 48. С. 2; № 49. С. 2; № 50. С. 2; № 51. С. 2; № 52. С. 4.

Дудин Лев Владимирович (1910–1984), доцент Киевского ун-та, переводчик, журналист, редактор газеты «Последние новости» (Киев. 1941–1943),

печатался в газетах «Новое слово» (возможно, здесь ему принадлежит псевдоним «А. Днепров», которым подписывались корреспонденции из Киева), «Воля народа» и др., участник власовского движения (в Управлении пропаганды КОНР занимался радиопропагандой, участвовал в создании Манифеста КОНР). Эмигрировал в США, сотрудничал в газете «Новое русское слово», работал на радиостанции «Свобода»³⁷, под именем Н. Градобоев опубликовал ряд советологических работ, воспоминания.

Дурасов А. Немного о варягах. 1942. № 10. С. 3-4.

Дурасов А. Ниццские настроения. 1942. № 4. С. 5.

Дурасов А. О церкви. 1942. № 9. С. 2.

Дурасов А. – ср.: Дурасов Александр Владимирович (1886–1955, Франция), полковник, в конце жизни – директор русского корпуса-лицея им. имп. Николая II в Версале.

Дурново П.Н. Записка. – См.: Записка П.Н. Дурново.

Дуссан И. Ответный долг. 1942. № 8. С. 3.

Дуссан И. Развенчанный кумир [Золото в экономике Германии]. 1942. № 10. С. 3.

Дуссан И. Французская печать за неделю. 1942. № 11. С. 2; № 12. С. 2; № 13. С. 2; № 15 С. 2; № 16. С. 2; № 17. С. 2; № 18. С. 2; № 19. С. 3.

Дуссан И. – вероятно, Дуссан Иван Викторович (1888–1956), присяжный поверенный, общественный деятель, один из организаторов Союза русских писателей и журналистов в Париже.

Е. М<есснер>. 15:1**. («Русское дело». Белград.) 1943. № 74. С. 2.

Е.М. – Месснер Евгений Эдуардович (1891–1974), полковник, военный теоретик, публицист.

Е. Б. де Б<нрзб>. Александрия. 1942. № 29. С. 4.

Ев-ов Г.К. Д. Бальмонт (К годовщине смерти). 1944. № 83. С. 6.

Ев-ов Г. – Евангулов Г.С. (см.).

Евангулов Георгий. Двойная судьба. Рассказ. 1942. № 18. С. 5.

Евангулов Георгий Сергеевич (1894–1967, Гамбург), писатель.

Евреинов Н.Н. «Своя семья». К открытию «Театра русской драмы». 1943. № 71. С. 7.

Евреинов Николай Николаевич (1879–1953, Париж), драматург, режиссер, теоретик и историк театра.

Ермолаева Надежда. Крестник. 1944. № 104. С. 6.

Ермолаева Надежда. Люся. 1944. № 102. С. 3.

Жерве Евгения, де. Убогая Русь («Идут посреди дороги...»). 1942. № 11. С. 3.

Жерве Евгения, де (наст. фам. Номикосова Е.Н.³⁸), поэтесса, на 1937 г. член «Кружка казаков-литераторов»; ее стихи вошли в «Казачий альманах» (Париж: Издание кружка казаков-литераторов, 1939); ей посвящены стихи Н. Туроверова.

Жеребков Ю. «Из гроба восставши...» 1943. № 45. С. 1.

Жеребков Ю. Искупление [К годовщине расстрела Николая II]. 1942. № 6. С. 1.

Жеребков Ю.С., начальник Управления Делами Русской Эмиграции во Франции. К сотому номеру. 1944. № 100. С. 1.

Жеребков Ю.С., начальник Управления Делами Русской Эмиграции во Франции. Кто не с нами, тот против нас! 1942. № 1. С. 1.

Жеребков Ю.С. начальник Управления Делами Русской Эмиграции во Франции. О молодежи. 1942. № 19. С. 1.

Жеребков Ю.С., начальник Управления делами русской эмиграции во Франции. Памяти генерала Н.Н. Головина. 1944. № 82. С. 1.

Жеребков Ю. Проклятый день. 1942. № 22. С. 1

Жеребков Ю.С. Начальник Управления Делами Русской Эмиграции во Франции. Решающий момент. 1944. № 104. С. 1.

Жеребков Ю., начальник Управления делами русской эмиграции во Франции. [Доклады, речи, заявления и т.п. Смотри первые страницы номера.] 1942. № 1–2, 4, 12–13, 25, 29; 1943. № 55, 59, 66, 68, 71, 80; 1944. № 104.

Жеребков Ю.С. – см. о нем во введении, см. еще: Ю.Ж.

Жиленков Г.Н., генерал-лейтенант. К решающей борьбе. Доклад [Курсы пропагандистов РОА]. 1944. № 91. С. 4.

Жиленков Георгий Николаевич (1910–1946), партийный работник, бригадный комиссар РККА, генерал-лейтенант Вооруженных сил Комитета освобождения народов России. С осени 1941 г. в плену, с лета 1942 г. активный участник всевозможных пропагандистских мероприятий (организатор власовской пропаганды, гл. редактор газет «Доброволец», «Воля народа»). Казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Записка П.Н. Дурново. 1943. № 43. С. 5; № 44. С. 3; № 45. С. 6; № 46. С. 3; № 47. С. 3; № 48. С. 4; № 49. С. 4.

Дурново Петр Николаевич (1945–1915), государственный деятель, сторонник сближения России и Германии, автор «Записки», в которой пред-

сказывались гибельные последствия участия России в перспективе войны с Германией.

Зеленин Стефан. В своей России** («Голос Крыма»). 1943. № 65. С. 3.

Зеленин Стефан – журналист, в годы войны сотрудничал в газетах «Голос Крыма», «Новое слово», «Воля народа» и др.; ред. газеты «Строитель» (1943, [Крым?]). Вариант автобиографии см.: Зеленин Стефан. Моему современнику // Новое слово. 1943. № 84, 20 окт.; Зеленин Стефан. Помощник Николая Ежова // Воля Народа. 1944. № 9, 13 дек. Ср.: Зеленин Стефан Васильевич. Род. 1906, Воронежская обл., Верхнемамонский р-он, село В.-Мамон // Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. М.: Звенья, 2007.

И. Тридцатая великая война. 1942. № 1. С. 2.

И.А. Юго-Восточный край. 1942. № 10. С. 4; № 12. С. 5; № 13. С. 4; № 20. С. 4; № 22. С. 4.

И.С. Вечер кабаре цыганской песни. 1944. № 101. С. 7.

И.С. Концерт гг. Постниковой. 1942. № 22. С. 6.

И.С. Н.И. Брешко-Брешковский. 1943. № 64. С. 8.

И.С. Русские художники у «Независимых». 1943. № 40. С. 6.

И.С. [Театральные рецензии.] 1943. № 47. С. 5; № 57. С. 8.

И.С. – Сургучев И.Д. (см.)?

Иванов Владимир. Лицо врага. 1944. № 104. С. 5-6.

Иванов Владимир. Новое. Об особенностях освободительного движения. 1944. № 103. С. 6-7.

Иванов Владимир (РОА). О воспитании. 1944. № 112. С. 4-5.

Иванов Димитрий. Письмо в редакцию. [Опровержение содержащихся в статье В. Унковского (ПВ. № 2) сведений о присутствии Вяч. Иванова на Международном конгрессе писателей в Париже – 1935 г.] 1942. № 5. С. 6.

Иванов Димитрий Вячеславович (1912–2003), сын Вяч. Иванова, поэта.

Иванов Н.Н. Женам беспокойным и детям кипучим. Статья из России. 1943. № 40. С. 2.

Ивановский Алексей. Будильник. [Рассказ.] 1943. № 71. С. 6.

Ивановский Алексей. Возмущение страстей** («Казачьи ведомости»). 1944. № 88. С. 4-5.

Ивановский Алексей. Тараканьи бега. [Рассказ] 1943. № 61. С. 7.

Ивановский Алексей – поэт, прозаик; по некоторым данным, был знаком с послом США в СССР У. Буллитом, подвергался преследованиям. Осе-

нью 1944 г. выступал в Берлине с чтением своих произведений³⁹. Позднее – дипиец, вероятно, эмигрировал в США.

Иванюков Б., б. ополченец. Трагедия советского ополчения. 1943. № 46. С. 7.

Ивинский Борис. «Бытовое» [Антисемитизм бытовой]. 1942. № 24. С. 5.

Ивинский Борис. Протоколы сионских мудрецов. 1943. № 38. С. 4.

Ивинский Борис. Путь искупления. 1942. № 7. С. 2.

Ивинский Борис. Рука Господня. То, что было. 1943. № 45. С. 3.

Ивинский Борис. Русская женщина. 1943. № 41. С. 3.

Ивинский Борис. Слезы и кровь. К освобождению русского народа. 1943. № 33. С. 6.

Ивинский Борис. «Соломинка» русской революции. [Князь Г.Е. Львов.] 1942. № 3. С. 4. № 5.

Ивинский Борис. «Тьма Египетская». 1943. № 36. С. 2; № 37. С. 2.

Ивинский Борис. «Христианские кончины» 1942. № 2. С. 3.

Ивинский Борис Иванович (1881–1943), писатель, редактор, журналист.

Ивинский Б.И. – см.еще: Борис И.

Изгоев. Англия – наш враг. 1943. № 58. С. 6-7.

Изгоев. Наш путь. 1943. № 53. С. 6.

Изгоев. Понимать и молчать. 1943. № 65. С. 6; № 66. С. 7.

Изгоев. Сицилия. 1943. № 60. С. 6-7.

Илларионов М. По этапам советской жизни. 1944. № 94. С. 2-3; № 95. С. 5; № 96. С. 4; № 97. С. 6; № 100. С. 4; № 102. С. 4-5.

Илларионов М. – по автоаттестации, автор – в недавнем прошлом харьковский режиссер и актер.

Инсаров Георгий. (РОА). Бесы**. («Голос Крыма». [О романе Ф.М. Достоевского.] 1944. № 100. С. 5.

Инсаров Георгий. Огненный столп. Н.С. Гумилев. 1944. № 108. С. 7.

Инсаров Георгий. Русский Фауст. Ф.И. Тютчев («Голос Крыма»). 1944. № 98. С. 3.

Инсаров Георгий – наст. фам. Сидамон-Эристов, кн. Бярятинский Георгий Захарьевич (Арчилович, Александрович) (1902–1977, Милан), поэт, журналист, критик, участник кружка акмеистического направления «Звучащая раковина» (Тифлис, конец 1910-х – нач. 1920-х гг.). (Воспоминания «Огненный столп. Н.С. Гумилев», опубликованные в ПВ за подписью Г. Инсарова, позднее в том или ином виде неоднократно печатались под именем Г. Эристова.)

В годы войны сотрудничал в газете «Голос Крыма», публиковался в «Новом слове», «Офицерском бюллетене РОА», «Заре», входил в редакцию симферопольского журнала «Современник», где печатался под им. «Г. Барятинский», во второй половине 1944 г. редактировал берлинскую газету РОА «Доброволец»; вероятно, он же редактор выходившей в Крыму газеты «Верные соратники. Еженедельный боевой листок для бойцов РОА, легионеров и добровольцев в Германской Армии» (1943–1944 гг.). Сведения о ранней, еще с 1920-х гг., эмиграции Г. Сидамона-Эристова нуждаются в документальном подтверждении⁴⁰. После войны жил в Италии, преподавал в Милане, издал несколько поэтических сборников, печатался в «Гранях», «Современнике» (Канада). См. о нем.: Пасквинелли А. Георгий Эристов, русский поэт в Милане // Русские в Италии: Культурное наследие русской эмиграции. Международная научная конференция 18–19 ноября 2004 г. М.: Русский Путь, 2006. С. 304; Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна). Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания Р. Тименчика и В. Хазана. СПб.: Академический проект, 2006. С. 555–558, 784–785; Словарь поэтов русского зарубежья. Под ред. В. Крейда. СПб.: Русск. гуманитарный ин-т, 1999. С. 277.

Иринин В. Кинематограф. 1944. № 96. С. 2-3; № 97. С. 4; № 98. С. 4-5.

Иринин В. – по автоаттестации, б. одессит, эмигрировал в Болгарию, где учился в Кадетском корпусе; в конце 1943 г. побывал в Одессе.

Искра-Омелянская О. Салон Независимых. 1944. № 88. С. 7.

Искра-Омелянская Ольга. «Ле Салон» 1944. № 101. С. 7.

Искра-Омелянская Ольга. Индия. 1943. № 33. С. 6.

Искра-Омелянская Ольга. Немецкие институты. 1942. № 13. С. 6.

Искра-Омелянская Ольга. Творчество Арно Брекера. 1942. № 10. С. 6.

Искра-Омелянская (Омелянская) Ольга, Искра Ольга – художник, критик. См. о ней: Российское зарубежье во Франции, 1919–2000. Биографический словарь. Т. 2. (В печати.)

Искра-Омелянская О. – см.: О.

Историк. Осиновый кол! [На смерть Е. Ярославского.] 1943. № 79. С. 3.

Историк. Жиды в русской печати. 1943. № 73. С. 4.

Историк – псевдоним С. Сигриста (см.: Гротов); под этим же псевдонимом С. Сигрист печатался в газете «Новое слово».

К. [Спортивный обозреватель.] 1944. № 86. С. 7.

К. – Кедров В.В. (см.).

К. Чествование Черепнина. 1943. № 49. С. 8.

- К. [Театрально-концертная жизнь. См. последние страницы номера.] 1943. № 68, 85, 86, 103.
К. – Н.Н. Куров (см.).
- К. Россия и Европа. [Обработка материалов иноязычной печати.] 1942. № 3. С. 3.
- К. Зимняя помощь. 1942. № 18. С. 3.
- К. Иностранцы рабочие в Германии. Новая книга Д.В. Печорина [Les droits des travailleurs français en Allemagne]. 1944. № 109. С. 7.
- К. Русский дом. 1944. № 112. С. 7.
К. – Л.Н. Кутуков (см.).
- К-в Л. «Союзники». [Обработка материалов иноязычной печати.] 1942. № 2. С. 3.
- К-в Л. В красной Москве. [Обработка материалов иноязычной печати.] 1942. № 5. С. 5.
К-в Л. – Л.Н. Кутуков (см.).
- Казак. Немецкие казаки. 1943. № 56. С. 7.
- Камышин [В.]. Почему? 1944. № 84. С. 4.
Камышин [В.] – по сведениям М.В. Шатова⁴¹, наст. фам. Крылов Константин Аркадьевич (род. ок. 1916, Киев – ?), из военнопленных, ст. лейтенант РККА, инженер, журналист, преподаватель школы пропагандистов в Вульдахайде и Дабендорфе, инструктор Пропагандного управления КОНР; на каком-то этапе войны, скорее всего, со времени переброски частей РОА на Западный фронт, находился во Франции⁴², вероятно, в качестве корреспондента. Под именем В. Камышин печатался в газете КОНР «За Родину». К. – один из основателей послевоенного Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР).⁴³
- Капралов А.Е. – см. Аспид.
- Карташов (Карташев) П. День за днем. 1942. № 25. С. 4; № 26. С. 5; № 27. С. 4; № 28. С. 4; № 29. С. 4; 1943. № 30. С. 5; № 35. С. 7; № 36. С. 5; № 37. С. 3; № 38. С. 5; № 39. С. 7; № 41. С. 7; № 44. С. 6; № 47. С. 5; № 48. С. 6.
Карташов (Карташев) Петр Васильевич (1881–1944, Ницца), полковник, около 1942 г. переселился (вернулся?) из США во Францию. Большая часть статей К. посвящена его американскому опыту, борьбе с либералами, масонами, «плутократами», «оборонцами» и т.п.
- Касаткин-Ростовский [Ф. Н.], кн. Из стихотворений. 1942. № 24. С. 5.

Касаткин-Ростовский Федор Николаевич (1875–1940), поэт, прозаик, драматург.

Кедров В. [Спортивный обозреватель.] 1942. № 2. С. 4; № 6. С. 6.

Кедров В. [В]., спортсмен, начальник спортивной секции при Объединении русской молодежи (Париж).

Кефели. [Военно-историческая тематика.] 1942. № 18. С. 1.

Кефели – вероятно, представитель известной караимской семьи.

Киселев В. С кем они воюют? [Партизаны Островского р-на.] 1944. № 90. С. 6.

Киселев В. – возможно, он же Падунов Дмитрий Демьянович (1910–1993), уроженец Кубани, инженер-химик; военнопленный с мая 1942 г., выпускник курсов пропагандистов, с весны 1943 г. офицер школы пропагандистов в Дабендорфе; автор «Зари», «Добровольца» и др. изданий РОА, подпоручик РОА, капитан ВС КОНР. С конца 1943 г. по середину 1944 г. П. – пропагандист РОА в Италии, по возвращении из Италии – сотрудник «Зари» и «Добровольца», с ноября 1944 г. – в Главном управлении пропаганды КОНР; под именем «Капитан-Галкин» автор брошюры «Идейные основы Освободительного движения Народов России» (1945), позднее – активный участник Союза борьбы за освобождение народов России. См. о нем: Александров К.М. Офицерский корпус... С. 223-224; Фишер Дж. Ю. У. Две страсти // В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. Сборник статей и документов. М.: РГГУ, 1997. С. 204-206.

Кононенко В. Горести маленькой жизни. 1942. № 5. С. 5.

Кононенко В. О пуганой вороне [Примиренцы]. 1942. № 8. С. 5.

Кононенко В. Письмо в редакцию [Приветственный отклик]. 1942. № 2. С. 4.

Кононенко В. Юбилей [Октябрь 1917 г.]. 1942. № 22. С. 5.

Кононенко В. – ср.: Кононенко В.Н. – конференсье на вечере Союза Галлиполийцев (Париж), общественный деятель(?).

Костецкий В. (Вл., Владимир). 25 лет. 1942. № 22. С. 2.

Костецкий В. День войны [Париж 1 сент. 1939]. 1942. № 12. С. 2.

Костецкий В. Исход (Отрывки из воспоминаний). [Гражданская война.] 1942. № 25. С. 4.

Костецкий В. Мы, Европа и Азия. 1942. № 1. С. 2.

Костецкий В. Обрывки воспоминаний. 1943. № 44. С. 4-5.

Костецкий В. [Разное.] 1942. № 3. С. 2; № 8. С. 1-2; № 14. С. 3.

Костецкий Владимир Григорьевич (1900–1962, Нью-Йорк), участник Гражданской войны; в годы Второй мировой войны жил во Франции и Гер-

мании, позднее – в США; автор рассказов, фельетонов, стихов; сотрудничал в «Новом русском слове», «Гранях», «Посеве».

Кох Ганс. Плебесцит катакамб*. 1943. № 60. С. 2. № 3.

Крамаревский В. [Географические очерки.] 1942. № 18. С. 5; 20. С. 3; № 21. С. 3; № 26. С. 1; № 27. С. 3.

Красавина Нина. Забыть не придется... 1944. № 83. С. 5.

Красавина Нина. «Из-за иностранной фамилии». 1944. № 82. С. 6.

Краснов П. Между трех сосен (1943). 1943. № 30. С. 1.

Краснов П. Поэт князь Ф.Н. Касаткин-Ростовский (Памяти почившего друга). 1942. № 16. С. 3.

Краснов П.Н. Воскресение Христово. 1943. № 45. С. 1-2.

Краснов П.Н. Обращение П.Н. Краснова [В связи с передислокацией русских частей на Западный театр военных действий]. 1943. № 75. С. 1.

Краснов П.Н. С немцами или со Сталиным? 1943. № 37. С. 1.

[Краснов П.Н., ген.] Письмо генерала П.Н. Краснова. 1942. № 1. С. 1.

Краснов Петр. Где Россия? 1942. № 7. С. 1.

Краснов Петр. Казачки и казаки. 1942. № 27. С. 1-2.

[Краснов П.Н.] Приказ генерала Краснова [В связи с покушением на Гитлера]. 1944. № 112. С. 3.

Краснов Петр Николаевич (1869–1947, Москва), генерал-лейтенант, атаман Всевеликого Войска Донского, военный и политический деятель, писатель, публицист, сторонник сближения России и Германии, активно поддерживал национал-социалистическую Германию в ее войне с СССР. Казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Крачковский Мих. Стихотворение («Как старый амстердамский ювелир...»). 1944. № 100. С. 6.

Крачковский Мих. – вероятно, Крачковский Дмитрий Иосифович (1893–1976, Германия), поэт, с 1942 жил в Австрии, Германии, в послевоенные годы публиковался под псевдонимом «Дм. Кленовский». При атрибуции учтем, что в 1943 г. Кленовский печатался в Симферополе под криптонимом «К» и псевдонимом «К. Дмитриев»⁴⁴. ПВ был связан с редакцией «Голоса Крыма» и неоднократно пользовался крымскими материалами.

Кривошеев А. Ответная песня («Шлю тебе привет, второй Есенин...» [В ответ на стихи Н. Волжского «Тебе, далекая» (Я грустил под смятой бурей рожью...) // 1943. № 79. С. 5]). 1944. № 83. С. 3.

Кривошеев А. – ср.: Кривошеев Александр Порфирьевич (1894–1975, Франция), штабс-капитан, поэт, автор «Корниловской песни».

Крылов К.А. – см.: Камышин [В.].

Кузнецова М. [Кузнецова-Массне М.Н.?] Голос русской женщины. 1943. № 54. С. 3.

Кузнецова-Массене[!] Мария. Письмо в редакцию [Уточнение к биографии]. 1943. № 51. С. 8.

Кузнецова-Массне Мария Николаевна (1885–1966), оперная певица.

Куров Н. А.К. Глазунов. К годовщине смерти. 1944. № 98. С. 7

Куров Н. Беседы с А.К. Глазуновым. 1942. № 11–12. С. 6.

Куров Н. В.И. Ребиков (К 25-летию со дня смерти). 1943. № 64. С. 8.

Куров Н. В. Калинин (К 45-летию со дня смерти). 1943. № 66. С. 8.

Куров Н. «Евгений Онегин» наизнанку. 1943. № 49. С. 7.

Куров Н. «Женитьба». 1943. № 50. С. 7.

Куров Н. Концерт хора Афонского. 1943. № 35. С. 5.

Куров Н. М.А. Балакирев (К 30-летию со дня смерти). 1943. № 75. С. 6.

Куров Н. Н.А. Римский-Корсаков (К 35-летию со дня смерти). 1943. № 60. С. 3.

Куров Н. Н.Н. Черепнин (К 70-летию со дня рождения). 1943. № 48. С. 7.

Куров Ник. Рихард Штраус (К 80-летию со дня рождения). 1943. № 62. С. 8.

Куров Н. Рихард Штраус (К 80-летнему юбилею со дня рождения). 1944. № 107. С. 7.

Куров Н. Ц.А. Кюи (К 25-летия со дня смерти). 1943. № 63. С. 8.

Куров Н.Н. П.И. Чайковский (К 50-летию со дня смерти). 1943. № 61. С. 3.

Куров Н. [Музыкально-концертная жизнь. См. последние страницы номера.] 1942. № 14; 1943. № 32, 37, 42, 51–53, 56, 58–59, 68–69, 72–73, 76; 1944, № 81–82, 84, 87–89, 91, 95, 97–100, 102–103.

Куров Николай Николаевич (1882 – не ранее 1944) – музыкальный критик.

Куров Н.Н. – см. еще: К., Н.К.

Кусто П.А.[!] Эстонские патриоты*. 1943. № 72. С. 4-5.

Кусто А.П. [Публицистика*.] 1943. № 80. С. 2-3; 1944. № 103. С. 5.

Кутепов Павел. Борьба продолжается** («Русское дело». Белград). 1944. № 94. С. 3.

Кутепов Павел Александрович (1925–1983, Москва), сын генерала А.П. Кутепова, председателя Русского общевойскового союза, выкраденного во Франции советской разведкой. Вскоре после выхода (до окончания курса) из Русского кадетского корпуса (Сербия) и службы в Русском корпусе на Балканах, в 1944 г. К. перешел на советскую сторону, где некоторое время

использовался в качестве переводчика; репрессирован, по освобождении жил в Иваново. С 1960 г. – переводчик, редактор Бюро переводов Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии.

- Кутуков Л. Будет ли Нью-Йорк бомбардирован. 1943. № 50. С. 7.
- Кутуков Л. Вечный город. 1944. № 87. С. 5.
- Кутуков Л. Вольнодумец [Адмирал П.В. Чичагов]. 1943. № 72. С. 2-3.
- Кутуков Л. Движения национал-социалистической молодежи. 1943. № 43. С. 6; № 44. С. 7.
- Кутуков Л. «Настоящий либерализм». 1943. № 64. С. 5.
- Кутуков Л. Национальное государство. 1943. № 51. С. 5.
- Кутуков Л. Нейтралитет Португалии. 1943. № 48. С. 5.
- Кутуков Л. Об итальянском фашизме. 1942. № 25. С. 4; № 28. С. 1.
- Кутуков Л. Петроград – Мадрид – Ленинград. 1942. № 20. С. 2.
- Кутуков Л. Позиция Испании в мировом конфликте. 1943. № 49. С. 2.
- Кутуков Л. Преступление [Рассказ пропагандистский]. 1944. № 93. С. 6-7.
- Кутуков Л. Прогулки по Симферополю [Обработка материалов иноязычной печати]. 1942. № 8. С. 4.
- Кутуков Л. Реформы итальянского фашизма. К двадцатилетию фашистской революции. 1942. № 18. С. 2; № 19. С. 2; № 23. С. 1; 1943. № 41. С. 6.
- Кутуков Л. Рождение современной Италии. 1942. № 17. С. 2.
- Кутуков Л. Русские в Сербии. 1943. № 33. С. 5.
- Кутуков Л. Русские судьбы. 1943. № 45. С. 7.
- Кутуков Л. Силы земли. 1943. № 46. С. 5.
- Кутуков Л. Соловей-разбойник. 1942. № 7. С. 3.
- Кутуков Л. Толки и слухи в древности и теперь. 1943. № 47. С. 4.
- Кутуков Л. Троянский конь. 1942. № 9. С. 5.
- Кутуков Л. Antium. 1944. № 8. С. 5.
- Кутуков Л. «Symphonie en blanc» [Рецензия на одноименный фильм С. Лифаря (1942)]. 1942. № 26. С. 6.
- Кутуков Л. [Обработка материалов иноязычной печати (итальянской, румынской), географические очерки, рецензии и т.д.] 1942. № 5. С. 3; № 6. С. 3; № 11. С. 4; № 15. С. 4; № 28. С. 5; 1943. № 52. С. 2; № 53. С. 6-7; № 54. С. 2; № 57. С. 2; № 73. С. 8; № 74. С. 6; № 75. С. 7; № 76. С. 6; № 77. С. 6; № 78. С. 6; 1944. № 81. С. 7; № 95. С. 5.
- Кутуков Леонид Николаевич (1897–1983, Ницца), поручик; в эмиграции жил в Италии, Франции; журналист, публицист. Печатался в газетах и журналах «Наша страна», «Часовой», «Россия». Псевдоним: Николай Кремнев. См.: Кремнев Н. Царские опричники (По свидетельствам революционеров); Маркиз де Кюстин. Буэнос Айрес: Наша страна, 1953.*

Кутуков Л.Н. – см. еще: К., Л.К., Л.Н.К.

- Л. Чьей победы нужно желать англосаксам? 1942. № 2. С. 2.
- Л.К. В.Д. Поленов К столетию со дня рождения. 1944. № 105. С. 7.
- Л.К. Возрождение Италии. 1943. № 76. С. 2; № 77. С. 5.
- Л.К. Двадцатилетие Русской гимназии [Париж]. 1944. № 103. С. 8.
- Л.К. Из дневника советского лейтенанта [Обработка материалов иноязычной печати]. 1942. № 22. С. 4.
- Л.К. Новая книга [Рец. на кн.: Xydias J. La Croisade antibolchévique du Général Kornilov au Chancelier Hitler. Paris: Jean-Renard, 1942]. 1942. № 14. С. 5.
- Л.К. Обзор итальянской печати. 1942. № 19. С. 2.
- Л.К. Праздник русской молодежи. 1943. № 50. С. 8; № 79. С. 6.
- Л.К. Четыре юморески Чехова. 1944. № 107. С. 8.
- Л.К. Открытие Америки 1492–1942. 1942. № 18. С. 5.
- Л.К. [Обработка материалов иноязычной печати, рецензии и т.д. См., как правило, последние страницы номера.] 1943. № 80; 1944. № 81, 83–85, 87, 89–95, 98–99, 104–105, 108.
- Л.К. – Кутуков Л.Н. (см.).*
- Л.Н.К. [Театрально-концертная жизнь, разнообразная информация. См. последние страницы номера.] 1944. № 79, 80, 82, 83, 86 (с опечаткой – Н.Л.К.), 87, 88.
- Л.Н.К. – Кутуков Л.Н. (см.).*
- Ланская Л.М. (Л.-М.) [Театрально-концертные рецензии.] 1943. № 66. С. 8; № 79. С. 6.
- Ланская – актриса-любительница?*
- Лапин Николай Федорович – см.: Н.Л., поручик.*
- Лаппо-Данилевская Н.А. Бегство из ада [Воспоминания]. 1943. № 41. С. 4.
- Лаппо-Данилевская Н.А. Вчера и сегодня. 1943. № 46. С. 6; № 50. С. 5; № 60. С. 2.
- Лаппо-Данилевская Н.А. Далекие века. 1944. № 90. С. 4.
- Лаппо-Данилевская Н.А. Две силы. 1943. № 69. С. 6.
- Лаппо-Данилевская Н.А. Из писем сына. 1943. № 44. С. 4; № 53. С. 3.
- Лаппо-Данилевская Н.А. Ответ на призыв. 1943. № 64. С. 2.
- Лаппо-Данилевская Надежда Александровна (1874–1951, Франция), оперная актриса, писатель, публицист.*

Ливенс Р., д-р. Независимость Индии [Статья сотрудника «Parizer Zeitung» для ПВ]. 1942. № 15. С. 4.

Ливчак Н. «Вишневы сад» (1903 г.). Литературно-критический очерк. 1943. № 74. С. 4.

Ливчак Н. – ср.: Ливчак Николай Борисович (?–1947).

Лифарь Леонид. 25-летие красной армии. 1943. № 37. С. 6.

Лифарь Леонид Михайлович (1906–1982, Франция), типограф, брат С. Лифаря (см.).

Лифарь Сергей. Вера Трефиловна. 1943. № 57. С. 7.

Лифарь С. Неоклассический балет «Joan von Zarissa» в Парижской опере. 1942. № 11. С. 5.

Лифарь С. О русской эмиграции. 1943. № 31. С. 4.

Лифарь Сергей. Путь русского балета. 1942. № 6. С. 5; № 7. С. 5.

Лифарь С. Реформатор русского балета. 1942. № 20. С. 5.

Лифарь Сергей Михайлович (1905–1986, Швейцария), танцовщик, балетмейстер, коллекционер.

Лукаш Вера. Наши за границей [Военнопленные в Париже]. 1942. № 8. С. 6.

Лукаш Вера Ивановна – художник, скульптор, дочь И.С. Лукаша, писателя и публициста.

М. «Ложь» П.Н. Краснова [Рецензия на роман]. 1942. № 3. С. 4.

Майер Н. Единая Европа. 1942. № 9. С. 2.

Майер Н. Чудеса и легенды русской революции. 1942. № 6. С. 3.

Майер (Мейер) Никита Васильевич (1879–1965, Франция), юрист, публицист, редактор ряда периодических изданий.

[Малышкин В.Ф.] Речь ген. Малышкина. 1943. № 59. С. 2.

Малышкин Василий Федорович (1896–1946), комбриг, ген.-майор РККА, штабной работник, преподаватель военно-учебных заведений. В 1938–1939 гг. находился под арестом, освобожден за отсутствием состава преступления. Военнопленный, с весны 1942 г. – на курсах пропагандистов, с конца 1942 г. – активный участник власовского движения. В 1945 г. М. был насильственно репатриирован в СССР, в 1946 г. осужден, казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Мансырев Л. Дух масонства. 1943. № 62. С. 7-8.

Мансырев Л. Начало возрождения [Псковская обл.]. 1943. № 36. С. 2.

Мансырев Л. Предательства Англии. 1943. № 38. С. 4; № 39. С. 7.

Мансырев Л. Творцы новой Европы. Альфред Розенберг. 1942. № 27. С. 2.

Мансырев Л. Творцы новой Европы. Дуче Бенито Муссолини. 1942. № 24. С. 2.

Мансырев Л. Творцы новой Европы. Каудильо генералиссимус Франко. 1942. № 26. С. 2.

Мансырев Л. Творцы новой Европы. Кондукатор Румынии маршал Антонеско[!]. 1942. № 29. С. 2.

Мансырев Л. Творцы новой Европы. Министр иностр<анных> дел граф Чиано. 1943. № 34. С. 2.

Мансырев Л. Творцы новой Европы. Министр ин<остранных> дел Рейха фон Риббентропп[!]. 1943. № 33. С. 2.

Мансырев Л. Творцы новой Европы. Министр пропаганды доктор Геббельс. 1943. № 32. С. 2.

Мансырев Л. Творцы новой Европы. Оливейра Салазар. 1943. № 30. С. 2.

Мансырев Л. Творцы новой Европы. Регент венгерского королевства адмирал Хорти. 1942. № 28. С. 2.

Мансырев Л. Творцы новой Европы. Рейхсминистр Герман Геринг. 1942. № 25. С. 2.

Мансырев Л. Творцы новой Европы. Фюрер Адольф Гитлер. 1942. № 23. С. 2.

Мансырев. Творцы новой Европы. Царь Борис. 1943. № 31. С. 2.

Мансырев Л. Что происходит в Сев<ерной> Африке? 1943. № 37. С. 7.

Мансырев Л. Японский солдат. 1943. № 42. С. 6.

Мансырев Леонид Всеволодович (1922–1985, ЮАР), публицист, внук члена Государственной Думы кн. С.П. Мансырева (1866–1928, Эстония), сын В.С. Мансырева (род. 1898), издателя консервативных газет в Риге в 1920–1930-х гг.

Марин Т.А. (РОА). Земельный вопрос в России. 1944. № 104. С. 6-7 (без имени автора); № 105. С. 6; № 106. С. 6-7; № 107. С. 6.

Марин Т.А. и Анин Н. Новогодняя история (Морская быль). 1943. № 80. С. 3.

Марин Т.А. – по сведениям М. Шатова⁴⁵ – псевдоним Н.А. Лапина, нам неизвестного. Заподозрим опечатку в инициале отчества и выдвинем в наст. фам. Николая ФЕДОРОВИЧА Лапина, по нашему предположению, выступавшего в ПВ под криптонимом «Н.Л., поручик (РОА)» (см.). См. еще: Марин Т.А., поручик, Камышин В., подпоручик. Основы народного хозяйства новой России // Воля народа. 1944. № 7, 7 дек.

Анин Н. – см. выше.

- Маринин Н. Погребение рабов [Воркута. («Голос Крыма»)]. 1943. № 44. С. 6.
Маринин Н. – сотрудник газеты «Голос Крыма»?
- Мейер Г. «Бунтующие» герои Пушкина. 1942. № 27. С. 4; № 28. С. 5; № 29. С. 6.
- Мейер Георгий. Пропавшие трагедии. [А. Н. Муравьев и А.С. Грибоедов]. 1942. № 13. С. 5.
- Мейер Георгий. Символизм и большевизм [В. Брюсов и др.]. 1942. № 3. С. 3.
- Мейер Георгий. Советское месиво. 1942. № 7. С. 5.
- Мейер Георгий. Страничка из прошлого [О романе М. Горького «Мать»]. 1942. № 5. С. 3.
Мейер Георгий Андреевич (1894–1966, Франция), поэт, литературный критик, историк литературы, философ. Сотрудник «Современных записок», «Возрождения». В годы войны, помимо ПВ, печатался в «Новом слове».
- Мельников Н. Жизнь под пятой большевизма. «Обыкновенный случай с инженером С.». 1944. № 102. С. 3.
- Мельников Н. Жизнь под пятой большевизма. Старый писатель. 1944. № 99.
Мельников Николай Михайлович (1882–1972, Франция), казачий общественно-политический деятель, редактор ряда казачьих изданий.
- Мережковский Д.С. Большевизм и человечество (Посмертная статья). 1944. № 81. С. 5-6.
Републикацию см. в кн.: Мережковский Д.С. Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции. Сост., комментарии О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина; послесл. О.А. Коростелева. СПб.: РХГИ, 2001.
- Михайлов Д. Шестиконечная звезда. 1942. № 1. С. 3.
- Моллер Алексей. Активность или бездействие. 1943. № 69. С. 2.
- Моллер Алексей. Германия и русский национализм. 1942. № 25. С. 3; № 26. С. 3-4.
- Моллер Алексей. Масса и отбор. 1943. № 73. С. 3.
Моллер Алексей – ср.: Моллер Алексей Николаевич (?–1944, Франция), капитан, член Национальной организации русских разведчиков.
- Н.А. Былое и думы. [Эпизоды воспоминаний (Кресты)]. 1944. № 99. С. 6.
- Н.А. [Рецензии, разное.] 1944, № 87. С. 6; № 91, С. 3.

Н.Б. Волга. 1942. № 18. С. 3.

Н.Б. На Восточном фронте. 1942. № 1. С. 3.

Н.Б. – Бобриков Н. (см.)?

Н.В.П. Гаррибальди. 1943. № 64. С. 6.

Н.В.П. Признательность инвалидов. 1944. № 97. С. 2.

Н.В.П. Театральный сезон. Театр русской драмы. 1944. № 102. С. 7.

Н.В.П. – см. Пятницкий Н.В.

Н.Д. Незабываемая могила. Памяти генерал-майора флота П.А. Федорова. 1942. № 27. С. 6.

Н.Д. Русский Гоголь. 1944. № 93. С. 3.

Н.И. Путеводитель по раю [Перу. 1906 г.]. 1942. № 15. С. 6.

Н.И. Спорейн проф. Метальникова. 1942. № 17. С. 5.

Н.К. Илья Ефимович Репин (К столетию со дня рождения 1844–1944). 1944. № 84. С. 4.

Н.К. [Театрально-концертные рецензии.] 1944. № 88. С. 7; № 109. С. 6; № 111. С. 5.

Н.К. – см.: Куров Н.Н.

Н.Л., поручик (РОА). Борьба народа с властью. 1943. № 76. С. 6-7; № 78. С. 3, 6; № 79. С. 4.

Н.Л. – вероятно, Лапин Николай Федорович (1914 – не ранее 1957). По сведениям К. Александрова (см. ниже), еврей, родился на Дальнем Востоке в семье социалистов-революционеров, выпускник Ленинградского ин-та инженеров водного транспорта и факультета восточных языков Дальневосточного ун-та. Военнопленный, в 1941 г. окончил курсы пропагандистов, с конца 1943 г. редактор издания «Информационный листок газеты “Доброволец”» («Информационный листок добровольческих частей», Париж, 1943–1944). Возможно, именно Н.Л. имелся в виду в письме некоего сотрудника ПВ в ж. «Часовой», где отмечалось, что во второй половине 1943 г. «газета была обезврежена, немцы отдали ее под контроль бывшим красноармейским офицерам, которые в свое время с энтузиазмом приняли Октябрь. О монархическом направлении следовало начисто забыть. Газета перешла на новую орфографию и вскоре обратилась в казенный пропагандный листок»⁴⁶. По сведениям К. Александрова, Н.Л. являлся «русским цензором газеты “Парижский вестник”»⁴⁷. Зависимость ПВ от Н.Л. представляется нам преувеличенной; в любом случае, с учетом выхода первого номера «Информационного листка» (1943. 6 нояб.) – эта зависимость вряд ли могла возникнуть ранее середины осени 1943 г. С конца 1944 г. Н.Л. – начальник отделения агентурной разведки штаба ВС КОНР. В 1946 г. при-

нудительно репатрирован, арестован, осужден; по освобождении жил в Новосибирской обл. См. о нем: Судьба капитана Лапина // Александров К. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М. Яуза: Эксмо, 2005. С. 483-493.; Хохульников К. Не вернуться из мертвых // Война и судьбы. Невинномыск, 2002. С. 68-69.

Н.Л. – см. также: Марин Т.А.

Н.П. [Разное.] 1943. № 65. С. 2; № 107. С. 3.

Н.П. – Н.В. Пятницкий?

Н.С. [Спортивный обозреватель.] 1944. № 94. С. 6.

Н.Я. Вечер Г. Мейера. 1942. № 26. С. 6.

Н.Я. – Янчевский Н.Д. (см.).

Наблюдатель. Русский спорт. 1943. № 58. С. 8.

Наумов, лейтенант. Злодеяние («Речь» (Орел?)). 1944. № 112. С. 7.

Недоля М. Прах генерала Корнилова [Воспоминания]. 1943. № 52. С. 3.

Нижерадзе Мария. России (Хоронила тебя, отпевала...). 1942. № 2. С. 3.

Нижерадзе Мария (1898–1980), она же Вега Мария Николаевна, поэтесса; в эмиграции жила во Франции, в середине 1970-х гг. репатрировалась в СССР.

Николаев (РОА). От воли к колхозному рабству. 1944. № 96. С. 6-7.

Николаев (РОА). Религия и большевизм. 1944. № 92. С. 6-7.

Николаев П. Тайна. Рассказ очевидца [Советско-финляндская война («На страже родины» (Дания))]. 1944. № 88. С. 5.

Николаевский Василий, протоиерей. Новгородские мученики [Церковь при советской власти]. 1942. № 5. С. 2.

Николаевский В., прот. – по автоаттестации, благочинный Новгородской епархии. В статье использованы материалы его доклада.

Новиков Вячеслав. Путь спасения [Фашизм]. 1942. № 9. С. 2.

Новиков Вячеслав – ср.: Новиков Вячеслав Николаевич (?–1966), юрист, председатель Омской городской управы, в эмиграции жил во Франции, позднее – в США. Один из некрологов В.Н. был помещен в ж. «Часовой».

- О. Выставка независимых. 1943. № 39. С. 8.
- О. Кончина М.Н. Нестерова. 1943. № 33. С. 6.
- О.З. Стихи Николая Туроверова [Рец. на 4-ю книгу]. 1942. № 4. С. 5.
О. – вероятно, Искра-Омелянская О. (см.).
- О.П. Доклад полк<овника> В.П.[!] Карташова. 1942. № 29. С. 4.
О.П. – вероятно, Пузино О. (см.).
- Обозреватель. Крымская жизнь. 1943. № 46. С. 4.
- Одессит. Исповедь комиссара В.С. Лаврова. 1944. № 108. С. 2.
- Осокин Вас. (Осокин Вас. РОА). Записки военнопленного (Очерки).
[Очерки представлены как обработка чужого материала.] 1944.
№ 101. С. 2-3; № 103. С. 2-3; № 104. С. 4; № 105. С. 4-5; № 106. С. 2-3;
№ 107. С. 2-3.
- Осокин Вас. Последний прыжок [Рассказ]. 1943. № 67. С. 4-5; № 68.
С. 4-5.
- Осокин Вас. Цепь Галля (Очерк). 1944. № 93. С. 4-5.
Осокин Вас. – см.: Арбенин. При первой публикации (№ 67) О. пред-
ставлен как б. «красный командир», ныне офицер РОА.
- [От редакции.] Газета. 1942. № 1. С. 4.
- [От редакции.] Поздравление «Бойцу РОА» [Год со дня выхода. Газеты]. 1944. № 95. С. 2.
- [От редакции.] Юбилейный привет «Добровольцу» [К выходу сотого
номера газеты «Доброволец» (1943–1944)]. 1944. № 95. С. 2.
- П. Конец Сицилии. 1943. № 62. С. 1.
- П. Борьба за Средиземное море. 1943. № 53. С. 7.
- П. Война машин. 1943. № 64. С. 4.
- П. Затишье перед бурей. 1943. № 55. С. 3.
- П. Призыв подсоветской женщины. 1943. № 62. С. 2
- П. Синема. 1943. № 48. С. 8.
- П. Стопроцентная комсомолка. 1943. № 32. С. 4.
- П.Б. [Театрально-концертная жизнь.] 1943. № 49. С. 8; № 52. С. 8.
- П.В. [Театрально-концертная жизнь.] 1944. № 89. С. 7; № 96. С. 7; № 99.
С. 7, 8.
- Павлов С., полковник. Казачье послание [Пасха]. 1944. № 99. С. 6.

Палицын Н.В. Волки в овечьей шкуре. 1943. № 65. С. 2.
Палицын. Сюрпризы. Политический обзор. 1944. № 83. С. 2

Парижанин. О разном. 1942. № 10. С. 5.
Парижанин. Слухи и прочее. 1942. № 8. С. 5.

Персиянов Д., подьесаул Донского войска. Первый казачий полк в Сербии. 1943. № 70. С. 3.

Персиянов Дмитрий Андреевич (1890–1962, Парагвай), есаул, казачий общественный деятель, публицист, мемуарист, в годы войны служил в казачьих частях.

Петрович. Вузовец. [Беседа с б. советским студентом]. 1942. № 3. С. 4.

Печорин Д. Достижения национал-социализма. 1942. № 8, 10 (с опечаткой в имени), 11, 14–16. [Всюду: С. 2.]

Печорин Д. Правовое положение русской эмиграции во Франции. 1943. № 33. С. 7; № 34. С. 5; № 35. С. 6; № 36. С. 6; № 37. С. 8; № 38. С. 6; № 39. С. 8; № 41. С. 8; № 42. С. 8; № 43. С. 8; № 45. С. 6; № 49. С. 7; № 51. С. 3; № 53. С. 8; № 56. С. 7; № 65. С. 7; № 69. С. 6; 1944. № 94. С. 6; № 96. С. 6; № 97. С. 6; № 111. С. 8.

Печорин Д. Русские кредиторы. Важное решение парижского апелляционного суда. 1944. № 84. С. 6.

Печорин Дмитрий Владимирович (?–1957, Франция), юрист, юрисконсульт УДРЭ. В августе 1945 г. был арестован и 12 марта 1946 г. осужден французским судом на 5 лет «национального бесчестия»⁴⁸. С конца 1949 г. возобновил в Париже адвокатскую практику.

Плещеев А. Праздник Сергея Лифаря. 1943. № 32. С. 5.

Плещеев А. Фокин и Лифарь. 1942. № 27. С. 5.

Плещеев Александр Алексеевич (1858–1944, Париж), театральный критик, историк театра.

П-о О. «Галлиполи» на сцене [Пьеса А. Ренникова.] 1942. № 26. С. 5.

П-о О. – см. Пузино О.

Позднышев С. На могиле атамана нет памятника... [М. Н. Граббе]. 1942. № 17. С. 5.

Позднышев С. Памяти поэта [К. Бальмонт]. 1943. № 30. С. 6.

Позднышев С. Ср.: Позднышев Сергей Дмитриевич (1889–1980, Франция), генерал-майор, представитель Донского атамана во Франции; сотрудник и редактор журнала «Русский инвалид».

Полещук Н. Мать. [Рассказ пропагандистский.] 1943. № 66. С. 4-5.

Полякова И. России («Изошла мольбою за тебя...»). 1942. № 6. С. 2.

Полякова Ирина – поэтесса, на 1937 г. участница Парижского «Кружка казаков-литераторов».

Поплавский Ю.И. – см. Юс.

Притисский Н. «Реквизиция». Рождественская быль [Петроград, третий год революции]. 1943. № 30. С. 4.

Притисский Н. – ср.: Притисский Н. – псевдоним драматурга, искусствоведа, литературного критика Николая Исидоровича Мишеева (1878–?), в 1920-е гг. – рижского автора, в 1930-е – парижского.

Приходкин Б.Д. Кадеты и большевизм. 1943. № 79. С. 2.

Приходкин Б. Спекулянты (Из рассказов старого кадета). 1942. № 27. С. 3.

Приходкин Борис Дмитриевич (1877–1950, Париж), полковник, редактор-издатель журнала «Кадеты», в 1943 г. – начальник мужского лагеря летней колонии русской молодежи в районе Блуа.

Пузино О. Зазвонили колокола. 1942. № 1. С. 2.

Пузино О. Мысли вслух. 1942. № 4. С. 2; № 23. С. 2; № 24. С. 6; № 26. С. 3; № 28. С. 4; № 29. С. 4; 1943. № 30. С. 6; № 31. С. 5; № 33. С. 4; № 35. С. 3; № 36. С. 4 [Здесь и далее по № 42 цикл статей, посвященный В. Ленину]; № 37. С. 4-5; № 40. С. 5; № 41. С. 5; № 42. С. 3; № 43. С. 3; № 45. С. 3; № 49. С. 5; № 50. С. 3; № 52. С. 1.

Пузино О. – см. о нем во введении, см. еще: П-о О.

Пятницкий Н.В. Белая годовщина. 1943. № 75. С. 2.

Пятницкий Н.В. Вера и верность. 1944. № 110. С. 2.

Пятницкий Н.В. Вехи новых путей. 1943. № 78. С. 4-5.

Пятницкий Н.В. Врангель. 1944. № 96. С. 2-3.

Пятницкий Н.В. Высадка. 1944. № 103. С. 2-3.

Пятницкий Н.В. Дальний Восток. 1943. № 45. С. 7.

Пятницкий Н.В. XXX лет. 1 августа 1914–1944 г. 1944. № 111. С. 2-3.

Пятницкий Н.В. Дни перелома [Рец. на кн.: Н. Головин. Дни перелома Галицийской битвы. Париж. 1940]. 1944. № 99. С. 3.

Пятницкий Н.В. Железный канцлер. К 129-й годовщине со дня рождения Бисмарка. 1944. № 93. С. 2.

Пятницкий Н.В. Жертвы коммунизма за 25 лет. 1943. № 52. С. 6.

Пятницкий Н.В. К изучению СССР. Гибель культуры. 1943. № 54. С. 4-5; К изучению СССР. Народное образование. 1943. № 55. С. 4.

Пятницкий Н.В. К познанию СССР. Высшая школа. 1943. № 58. С. 4-5; К познанию СССР. Советская интеллигенция. 1943. № 59. С. 4-5.

- Пятницкий Н.В. Калединский выстрел 11 февраля 1918 г. 1944. № 86. С. 2-3.
- Пятницкий Н.В. Карл Клаузевиц. 1943. № 67. С. 4-5.
- Пятницкий Н.В. Коммунистическая диктатура в СССР. 1943. № 60. С. 4-5.
- Пятницкий Н.В. Красная армия. 1942. № 8. С. 3.
- Пятницкий Н.В. Красный спрут. 1942. № 6. С. 2.
- Пятницкий Н.В. Новая Европа. 1942. № 21. С. 2.
- Пятницкий Н.В. «Носящий Барсову Шкуру». [Рец. на кн.: Руставели Ш. Носящий Барсову Шкуру. Грузинская поэма XII века. Перевод К.Д. Бальмонта. Париж. Издание Д. Хеладзе. 1933.] 1943. № 80. С. 7.
- Пятницкий Н.В. «Павлоны» [Рец. на кн.: Краснов П.Н. «Павлоны». 1-е Военное Павловское училище полвека тому назад. Воспоминания. Париж. Гл. правл. зарубежного союза русских военных инвалидов. 1943.]. 1944. № 88. С. 6.
- Пятницкий Н.В. Патриарх. 1943. № 71. С. 1, 4.
- Пятницкий Н.В. 1 марта 1881 года. 1944. № 91. С. 2.
- Пятницкий Н.В. Подоплека еврейства. Мораль талмуда. 1944. № 99. С. 4-5; № 100. С. 4-5.
- Пятницкий Н.В. Профессор генерал Н.Н. Головин. Некролог. 1944. № 82. С. 2-3.
- Пятницкий Н.В. Ростки жизни (Журнал «Современник»). [Рец. на журнал: «Современник». Симферополь. 1943. № 1.] 1943. № 65. С. 7.
- Пятницкий Н.В. С Рождеством Христовым. 1944. № 81. С. 1.
- Пятницкий Н.В. Северное сияние. Чудо Ломоносова 1711–1765. 1944. № 94. С. 2-3.
- Пятницкий Н.В. Слово и мораль. 1943. № 66. С. 4.
- Пятницкий Н.В. Советские правители. 1943. № 61. С. 4-5.
- Пятницкий Н.В. Стратегия на Востоке. Психологический анализ. 1943. № 62. С. 4-5.
- Пятницкий Н.В. Три года войны на Востоке. 1944. № 105. С. 2
- Пятницкий Н.В. У края гибели. 2-ая годовщина германо-советской войны. 1943. № 53. С. 4-5.
- Пятницкий Н.В. Фабрика интеллигенции. Среднее образование в СССР. 1943. № 56. С. 4.
- Пятницкий Н.В. [Военное обозрение.] 1942. № 3. С. 1; 1943. № 37. С. 7; № 40. С. 4; № 41. С. 4; № 42. С. 7; № 43. С. 4; № 44. С. 6; № 48. С. 3; № 49. С. 6; № 51. С. 6; № 57. С. 1-2; № 64. С. 3; № 65. С. 3; № 69. С. 1; № 73. С. 5; № 74. С. 1; № 77. С. 1; 1944. № 83. С. 1; № 85. С. 1; № 87. С. 1; № 90. С. 2; № 95. С. 6; № 101. С. 2; № 102. С. 2; № 104. С. 2; № 106. С. 2; № 108. С. 2.
- Пятницкий Н.В. – см. о нем во введении; см. еще: Н.П., Н.В.П.*

Р.П.Р. Встреча [Беседа с военнопленным]. 1942. № 3. С. 6.

Ренников А. Великим постом [Рассказ]. 1943. № 44. С. 7.

Ренников А. Встречи [Советские военнопленные]. 1944. № 92. С. 6.

Ренников А. Дневник обывателя. 1942. № 27. С. 5.

Ренников А. Загадочное письмо. 1943. № 52. С. 7.

Ренников А. Из дневника Сталина. Маленький фельетон. 1943. № 39. С. 6.

Ренников А. К психологии народов. Маленький фельетон. 1942. № 20. С. 4.

Ренников А. Когда подводят итоги. [Возвращение в Россию.] 1943. № 37. С. 5.

Ренников А. Маленькие рассказы. 1942. № 24. С. 4; № 25. С. 5; № 38. С. 5.

Ренников А. Мысли о русском народе. «Ам слав». 1943. № 64. С. 7; [Далее приводим только подзаголовки.] Мнения иностранцев. № 65. С. 4-5; Интуристы. № 67. С. 6-7; Наш патриотизм. № 69. С. 5; Народная гордость. № 72. С. 4-5.

Ренников А. О недокурении. Маленький фельетон. 1942. № 23. С. 3.

Ренников А. О хвостах. Маленький фельетон. 1942. № 21. С. 5.

Ренников А. Обрывки мыслей. 1942. № 29. С. 7.

Ренников А. Пасхальное. 1943. № 45. С. 3.

Ренников А. Первый день в Петербурге [Возвращение в Россию]. 1943. № 35. С. 4-5.

Ренников А. Письма с юга. Маленький фельетон. 1942. № 19. С. 3.

Ренников А. Правила современного хорошего тона. Маленький фельетон. 1943. № 33. С. 5.

Ренников А. Правила хорошего тона. Маленький фельетон. 1943. № 46. С. 8.

Ренников А. Принципиальный спор. 1943. № 51. С. 4.

Ренников А. Рависсант истуар. Маленький фельетон. 1942. № 22. С. 5.

Ренников А. Сны золотые [Рассказ]. 1943. № 43. С. 7.

Ренников А. Современные афоризмы и поговорки. 1943. № 40. С. 3.

Ренников А. Торжество прогресса. 1943. № 50. С. 6.

Ренников А. – наст. фам. Селитренников Андрей Митрофанович (1882–1957), писатель, журналист. Вероятно, ему же принадлежит псевдоним «Авель» (см.), которым подписаны статьи в колонке «Маленький фельетон». Часть статей Р. опубликована с пометой «Канны».

Рогов С. А.Д. Вяльцева (К 30-летию со дня смерти). 1943. № 35. С. 8.

Родзянко В.П. Письмо в редакцию. 1943. № 30. С. 8 (с опечаткой в инициале отчества).

Родзянко В.П., капитан 2-го ранга. Письмо в редакцию. 1942. № 23. С. 6.

Родзянко В.П., капитан II ранга. Отклики читателей. 1942. № 4. С. 5.

Родзянко Владимир Павлович (1878–1965, Франция), капитан II ранга. Письма Р. в редакцию посвящены «защите чести и достоинства» М.В. Родзянко, российского политического деятеля, с точки зрения Р., облыжно оговариваемого в ПВ.

Рославов. (РОА.) Революция. 1944. № 108. С. 5, 8.

Росс. Залог победы. 1944. № 93. С. 4-5.

Росс. Наше будущее. 1944. № 94. С. 5.

Савицкий Аркадий. О православной русской иконе. 1942. № 17. С. 4.

Самарский Виталий. Освободители [Юзовка]. 1944. № 8. С. 3.

Самсон Н.У., фон., начальник Объединения русской молодежи. Объединение русской молодежи. 1943. № 70. С. 6.

Сахаров И., полковник, Боярский В., полковник. Редактору газеты «Парижский Вестник», полковнику Н.В. Пятницкому [Поздравление с двухлетием ПВ от имени газеты «На Дальнем Посту»⁴⁹ и постоянного состава офицеров Пропагандного Отдела]. 1944. № 106. С. 2.

Сахаров Игорь Константинович (1912–1977, Австралия), эмигрант, участник Гражданской войны в Испании, военный деятель, командир частей РОА. Подробнее см.: Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945. Русско-Балтийский информационный центр «Блиц». СПб., 2001. С. 243-247.

Боярский В.Г. – см. выше.

Священник. «Приди и помоги нам!» 1942. № 29. С. 7.

Сигрист – см.: Готов.

Славянский Мих. Большевизм обречен. 1944. № 101. С. 6.

Славянский Мих. – под этим именем во многих газетах печатались циркулярные статьи.

Соловецкий, проф. М. Горький на Соловках** («Новое время»). 1944. № 112. С. 3.

Соловецкий, проф. – наст. фам. Андриевский (Андреевский) Иван Михайлович (1894–1976), философ, врач-психиатр, педагог, брат писательницы М. Шкапской. В 1928 был осужден по делу религиозно-философских кружков,

после освобождения из заключения поселился в Новгороде, с отступлением Вермахта перемещен во Псков, затем в Ригу и далее. Эмигрировал, преподавал в Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле. Под именем И.М. Андреев издавал книги и статьи по истории религии, русской литературы, психологии. В годы войны анонимно и под псевдонимами сотрудничал в газете «За Родину» (Дно) и одноименной псковско-рижской газете, читал лекции на открытых, учительских и пропагандистских курсах. Статья-воспоминания «М. Горький на Соловках» неоднократно перепечатывалась как в военные годы, так и позднее; построена, как это случается у А., на сочетании реальных деталей и поэтического вымысла. См. об А.: Филиппов Б. Вячеслав Иванов // Грани. 1973. № 89–90. С. 207, 209; Памяти Ивана Михайловича Андреевского // Филиппов Б. Мысли нарасташку. [Кн. 1.] Вашингтон, 1973. С. 46–49; Труфанович З.В. И.М. Андреевский // Русское возрождение. 1978. № 4. С. 211–234; Анциферов Н.П. Три главы из воспоминаний // Память. Исторический сборник. Вып. 4. Москва, 1979 – Париж, 1981. С. 129; Лихачев Д.С. Избранное. СПб.: LOGOS, 1997. С. 171–180.

Сольский И. Победитель Колчака [Ольдерогге В.А.]. 1944. № 102. С. 3.
Сольский И. – см. выше: Аспид.

Ставровский Л. Распятая Кубань** («На казачьем посту»). 1943. № 70. С. 2–3.

Ставровский Л. – вероятнее всего, псевдоним известного ставропольского историка и краеведа Леонида Николаевича Польского (1907–1993), в годы войны сотрудника казачьей печати, где он, в частности, выступал под фамилией Л. Градов; полагаем, что в газетах «Казачий клинок», «Казачья лава» ему же принадлежат подписи: Г-ов, Л. Николаев.

Станюкович Ник. Война и революция в немецкой поэзии. 1942. № 10. С. 3.

Станюкович Николай Владимирович (1898–1977), поэт, переводчик, литературный критик.

Стародубец Алексей. «Белый» и «Красный». 1944. № 109. С. 3.

Стародубец Алексей – автор (псевдоним?) «Информационного листка газеты “Доброволец”».

Степанов Игорь. Из записок красн<ого> лейтенанта** («Голос Крыма»). 1943. № 45. С. 8.

Сургучев И. Акварели Коклена (Рассказ). 1943. № 42. С. 4.

Сургучев И. В метро (Рассказ). 1943. № 73. С. 5.

Сургучев И. Времена царствуют (Этюд). 1944. № 90. С. 3.

- Сургучев И. Картина Короткова (Рассказ приятеля). 1942. № 9. С. 5.
- Сургучев И. Медаль [Рассказ]. 1942. № 15. С. 3; № 17. С. 3.
- Сургучев И. Нищий (Рассказ). 1943. № 69. С. 3.
- Сургучев И. Парижский дневник. 1942. № 4. С. 3; № 7. С. 2; № 10. С. 5; № 11. С. 3; № 12. С. 3; № 21. С. 3; № 24. С. 5; № 26. С. 2; № 29. С. 5; 1943. № 32. С. 4; № 34. С. 3; № 36. С. 3; № 39. С. 3; № 49. С. 3; № 52. С. 5; № 53. С. 3.
- Сургучев И. Пасха в Мессине [Воспоминания]. 1944. № 95. С. 2.
- Сургучев И. Праздник праздников. 1943. № 45. С. 3-4.
- Сургучев И. Рим. 1943. № 59. С. 5; № 61. С. 6; № 63. С. 6.
- Сургучев И. Случай во Флоренции (Рассказ). 1943. № 76. С. 3.
- Сургучев И. Среди людей (Рассказ). 1943. № 71. С. 5.
- Сургучев И. Эллин (Рассказ). 1942. № 20. С. 3.

Сургучев Илья Дмитриевич (1881–1956), прозаик, драматург, литературный критик, мемуарист; председатель писательской и драматической секций Объединения русских деятелей литературы и искусства (так наз. «сургучевского» союза писателей, созданного в 1940 г.); организатор и руководитель парижского «Театра без занавеса» (1942–1944). До выхода ПВ С. печатался в берлинских изданиях – «Новая жизнь» (1941), «Новое слово». Ряд фельетонов из цикла С. «Парижский дневник» в ПВ послужил основанием для его ареста в 1945 г. и привлечения к суду. С. был приговорен к 6 мес. тюрьмы, с зачетом предварительного заключения⁵⁰.

Сургучев И.Д. – см. еще: И.С., Феникс.

- Т.Э.П. К концерту памяти Гоголя [Доклад Г.А. Мейера]. 1944. № 103. С. 7.

- Терновой Ю. Поэзия той стороны (Заметки о советских стихах). 1944. № 89. С. 4-5.

Терновой Ю. – наст. фам. Гаркуша Юрий Тимофеевич (? – не ранее 1971), из военнопленных, с 1943 г. – в РОА, прошел курсы пропагандистов, в конце 1943 – начале 1944 гг. направлен в совместную редакцию газет «Заря» и «Доброволец», позднее перешел в газ. «Казачья лава», представлял РОА в «Казачьем Стане» ген. Доманова в Италии. Избежал выдачи; работал на «Радио Свобода» («Голос Америки»?), автор ряда брошюр. Среди послевоенных псевдонимов: Юрий Терновский. См. о нем: Материалы по истории русского освободительного движения. Статьи, документы, воспоминания. Вып. 2. М.: Архив РОА, 1998. С. 449; Польская Е. Это мы, Господи, пред Тобою... Невинномыск, 1998. С. 27, 29, 35, 502; Польский Л. Эпопея одной казачьей семьи // Война и судьбы. Вторая мировая война без ретуши. Сб. 5. Сост. Н.С. Тимофеев. Невинномыск, 2005. С. 428. См. также: Терновский Ю. В плену // Рождение РОА. Пропагандисты Вульдхайде-Люкенвальде-

Дабендорфа-Риги. Сост. Поздняков В.В., полковник. Сиракузы (США), 1972. С. 7-13; Терновский Ю. и Бездетный Т. Лагерь надежд и раздумий // Там же. С. 28-30; Терновой Ю. и др. Кто Зыков? // Борьба. 1950. С. 18-19.

Титов Ив. Экономика России и Европа. 1942. № 8. С. 2.

Тихменев Б. Из освобожденных местностей [Церковь]. 1942. № 23. С. 4.
Тихменев Б. – ср.: Тихменев Борис. Мировая Катастрофа на заре нашей геологической эры и ее последствия в наши дни. УМСА-Press, 1930.

Томский П. Лошадиное средство [Рассказ]. 1943. № 60. С. 8.

Топорков С. Екатеринодар. 1942. № 10. С. 2.
Топорков С. – ср.: Топорков Сергей Александрович (ок. 1883–1961), полковник, военный историк.

Трубецкой Н., князь. Памяти кн. Г.И. Амилахвари. 1944. № 84. С. 6.

Туроверов Н. Верещагин. 1942. № 20. С. 5.

Туроверов Н. Конец Суворова. 1942. № 12. С. 5; № 14. С. 5; № 16. С. 4; № 19. С. 4; № 21. С. 4; № 23. С. 5.

Туроверов Н. Можно жить еще на свете... 1942. № 8. С. 3.

Туроверов Н. Родина («Она придет – жестокая расплата...»). 1942. № 3. С. 3.

Туроверов Н. Стихотворения. 1942. № 23. С. 4.
Туроверов Николай Николаевич (1899–1972, Париж), есаул, поэт.

Тявин А. Новый порядок. 1943. № 52. С. 5.

У. Б.И. Ивинский [Некролог]. 1943. № 57. С. 3.

У. Вечер Литературно-Артистического отдела. 1942. № 22. С. 6.

У. Панихида по Б.И. Ивинскому. 1944. № 107. С. 8.

У. 1942. № 32. С. 5; 1943. № 39. С. 8; № 43. С. 8; № 65. С. 8.

У. – Унковский В.Н. (см.).

Унковский В. Беседы с военнопленными. 1942. № 4. С. 6.

Унковский В. Бомбардировка Булони. 1943. № 43. С. 3.

Унковский В. Вечер памяти Шевченко. 1944. № 101. С. 7.

Унковский В. Возврат к религии. 1943. № 61. С. 7.

Унковский В. Второй фронт. 1943. № 51. С. 4.

Унковский В. Выставка Дома молодежи. 1943. № 53. С. 5.

Унковский В. Гала С. Лифаря. 1942. № 5. С. 6.

Унковский В. Зарубежная Русь [О коллекции В.К. Абданк-Коссовского]. 1942. № 16. С. 5.

- Унковский В. Илья Эренбург. 1943. № 36. С. 3.
- Унковский В. Катинская трагедия в прошлом [Крым]. 1943. № 48. С. 5.
- Унковский В. Красноречивые параллели. 1943. № 50. С. 7.
- Унковский В. Лермонтовский вечер. 1944. № 91. С. 8.
- Унковский В. Ликвидация осинового гнезда [Советское посольство в Париже]. 1942. № 2. С. 4.
- Унковский В. На немецкой службе. 1942. № 7. С. 6.
- Унковский В. Пушкинская усадьба. 1944. № 107. С. 6.
- Унковский В. Смерть Бальмонта. 1942. № 30. С. 6.
- Унковский В. Советская литература. [«Драматург М. Булгаков, автор пьес “Дни Турбиных” (“Белая гвардия”) и “Белый дом” – был обвинен в контрреволюции и сослан»; «...поэт Гумилев был расстрелян, его “пришили” к делу об убийстве Кирова[!]»; «Ее [А. Ахматовой] имя в проклятое время большевицкой власти ни разу не появлялось в печати».] 1943. № 38. С. 3.
- Унковский В. Сталинский поджигатель [И. Эренбург]. 1943. № 39. С. 3.
- Унковский В. Театр под советской пятой. 1943. № 33. С. 7.
- Унковский В. Хлеб насущный. 1943. № 31. С. 5.
- Унковский В. [Культура. См. последние страницы номера.] 1942. № 25; 1943. № 33–44, 48, 52, 54, 57, 68, 72, 74, 76, 78–80; 1944. № 81, 83, 85–87, 89–90, 92, 96, 100, 102–103, 105–111.
- Унковский Владимир Николаевич. (1888–1964, Франция), врач, журналист.*
- Унковский В. – см. еще: У, В.У., Вланиский Я.*
- Ф. Кн. Ф. Н. Касаткин-Ростовский. 1942. № 7. С. 6.
- Ф. Л.-Д. Из освобожденных областей. 1943. № 36. С. 4.
- Фара. Англо-еврейский обман. 1943. № 75. С. 6.
- Фара. Сыны Израиля. 1943. № 72. С. 2.
- Феличкин, полковник. На ком кровь? [Расстрел императорской семьи Романовых.] 1942. С. 2.
- Феличкин, полковник. «Перлы» талмуда. 1942. № 9. С. 5.
- Феличкин, полковник. Убийство П.А. Столыпина и масонство. 1942. № 14. С. 3; № 15. С. 3; № 16. С. 3; № 17. С. 3.
- Феличкин Михаил Дмитриевич (1871–1943, Франция), полковник, полицмейстер ряда российских городов.*
- Феникс. Вечер Глинки. 1942. № 3. С. 6.
- Феникс. Сергей Лифарь и эмиграция. 1942. № 1. С. 4

Феникс – И.Д. Сургучев (см.).

Феншоу Татьяна. Наш хор. 1943. № 74. С. 6.

Феншоу Татьяна. Русская молодежь. 1943. № 63. С. 2; № 68. С. 5; № 70. С. 6.

Феншоу Татьяна. Русская песня. [Рассказ]. 1943. № 72. С. 6-7.

Феншоу Татьяна. Русский человек. 1944. № 97. С. 3.

Феншоу Татьяна Львовна (20.01.1914, СПб. – 1944, Германия, погибла в результате налета авиации), дочь офицера Российского флота Л.К. Феншоу, поэтесса, автор сборника: *Fanshawe T. Tatiana ou le rêve brisé. Poemes. Paris, [ранее 1984]. См. о ней по материалам семейного архива (Leeds Russian Archive. Ф. MS.949. [Fanshawe Family]).*

Фетисов Сергей. Право или произвол (Из советской следственной и судебной практики). 1944. № 89. С. 2-3.

Филистинский Б. В лагере НКВД. 1944. № 90. С. 5, 7.

Филистинский Борис. Советское строительство. 1944. № 87. С. 6-7.

Филистинский Борис Андреевич (1905–1991), литературовед, критик, поэт, прозаик, публицист, мемуарист. Подвергался преследованиям со стороны советских судебно-следственных органов. В 1941 г., по освобождению из лагеря, поселился в Новгороде, где был застигнут германской оккупацией, вошел в состав Новгородской городской думы. В 1943–1944 гг. под своей фамилией и псевдонимами (напр., А. Борисов, Востоковед, П. Харитонов, Б. Эрдени, Б.Ф., Б.Э.) активно печатался и перепечатывался в большинстве русских изданий Прибалтики и Северо-Запада (напр., в газетах и журналах «За Родину» [Рига–Псков], «Для всех», «Новый путь», «Северное слово»), выступал в Пскове с литературными радиопередачами, в Риге – с открытыми и закрытыми (Рижская школа пропагандистов) лекциями. Судя по датировкам стихов Ф. в коллекции его рукописных сборников⁵¹ и прочим источникам, Ф. находился в Новгороде по начало (март-апрель) 1943 г., затем – Псков (сотрудник германской системы пропаганды?), откуда в конце декабря 1943 – начале 1944 г. эвакуирован в Ригу, в августе перемещен в Эстонию (сотрудник «Северного слова»), не позднее 13 сент. – Берлин, где Ф. был уже известен своими статьями в «Новом слове». С 1950 г. – США, где под именем Борис Филиппов подготовил ряд изданий советских авторов XX в.

Хагондоков. Уральцы. Воспоминания об уральских казаках. 1944. № 110. С. 4-5; № 111. С. 4, 6.

Хагондоков Константин Николаевич (1871–1956, Париж), генерал-майор, военный губернатор Амурской области, наказной атаман Амурского казачьего войска.

Хан Иомудский. Англичане в Туркестане (1918–1919 гг.). 1943. № 65. С. 4-5.

Хан Иомудский. По ту сторону барьера. 1943. № 70. С. 3.

Хан Иомудский, Хан Кият Хан. Туркестанский легион. 1944. № 86. С. 2.

Хан Иомудский – представитель известного туркменского рода, в эмиграции жил во Франции (вероятно, он же: Хан Иомудский Николай Николаевич, член Комитета Национального Единства Туркестана, один из организаторов «Туркестанского легиона»).

Чернов Н., Дубов В. Сутки в стане врага. 1944. № 110. С. 6.

Чернов В. и Дубов В. – очевидно, псевдонимы журналистов РОА; В. Дубов – известен как автор газет «Заря» и «Доброволец».

Ш., гауптман. Вместе с Германией против общего врага** («Доброволец»). 1944. № 92. С. 3-4.

Ш. – по сведениям одного из корреспондентов Б. Николаевского⁵², – криptonим капитана В. Штрик-Штрикфельда (1897–1977, Германия), рижанина из остзейских немцев, офицера пропагандистских служб, сподвижника А.А. Власова.

Шмелев Иван. Голос совести [В перечне автопубликаций в ПВ⁵³ этот призыв о помощи военным инвалидам и одновременно отклик на текущие события опущен]. 1942. № 8. С. 4.

Шмелев Иван. Именины. Преддверие. 1942. № 28. С. 2; № 29. С. 3; 1943. № 30. С. 3, 5; № 33. С. 2-3.

Шмелев Иван. Певец ледяной пустыни. [Рец. на:] Ив. Новгород-Северский. «Арктика», «Аргыш», «Тундра», «Чум», «Айсберги», «Шаманы». 1939–1943. Париж. 1943. № 71. С. 6.

Шмелев Иван. Почему так случилось. 1944. № 95. С. 4-5; № 96. С. 4-5.

Шмелев Иван. Рождество в Москве. Рассказ делового человека. 1944. № 81. С. 2-3⁵⁴.

Шмелев Иван. Чертов балаган. (Париж. 1928–1942.) 1942. № 13. С. 3-4.

Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950, Париж), писатель.

Штрик-Штрикфельд В. – см.: Ш., гауптман.

Щеракин П. О «спящих» братьях [Масонство]. 1942. № 8. С. 3.

Ю.Ж. Офицеры Русской Освободительной Армии в Брюсселе на антибольшевистской манифестации. 1943. № 55. С. 2.

Ю.Ж. Антикommунистическая выставка в Брюсселе. 1943. № 40. С. 4.

Ю.Ж. Памяти Е.А. Стишинской. 1943. № 32. С. 5.

Ю.Ж. Памяти И.М. Красновой. 1943. № 55. С. 3.

Ю.Ж. Памяти полковника В.Т. Томашевича. 1944. № 109. С. 5
Ю.Ж. – Жеребков Ю.С. (см.).

Ю.П. «Театр без занавеса». 1943. № 74. С. 7.
Ю.П. – вероятно, криптоним Ю. Поплавского; см. – Юс.

Юс. Британские щупальцы. 1942. № 26. С. 4.

Юс. Встречи с Толстым. 1943. № 71. С. 4-5.

Юс. «Высота 219» [Беседа с б. советским гражданином]. 1942. № 21.
С. 4.

Юс. «Евгений Онегин» в Париже. К постановке в зале Плейль. 1943.
№ 48. С. 7.

Юс. Домик П.И. Чайковского (К 50-летию со дня смерти). 1943. № 64.
С. 6-7. Ср. Поплавский Ю. Последняя встреча с Чайковским // Литературный современник. Мюнхен. 1954. С. 284.

Юс. Именитые «революционеры» [С. Морозов]. 1942. № 18. С. 3.

Юс. Концерт хора И.П. Афонского. 1943. № 35. С. 5.

Юс. «Кредиторы» России. Рассказ. 1942. № 19. С. 5.

Юс. Мы и они [Журналистика]. 1942. № 12. С. 4.

Юс. Памяти С.В. Рахманинова. 1943. № 42. С. 7.

Юс. Совхоз композиторов [Дом творчества композиторов]. 1942. № 3.
С. 5.

Юс. [Разное.] 1942. № 7. С. 3; № 9. С. 3; № 59. С. 8.

Юс – Поплавский Юлиан Игнатьевич (1871–1958), музыкант, промышленник, журналист, мемуарист, отец Б. Поплавского.

Я.Д. Верденский договор 843 г. 1943. № 62. С. 5.

Ягубов Александр Григорьевич – см. А.Я.

Янчевский Н.Д. Две эпитафии Шаляпина и Коровина. 1942. № 7. С. 3.

Янчевский Н.Д. Рождение русской оперы за рубежом (К годовщине со дня смерти кн. А.А. Церетели). 1943. № 48. С. 7.

Янчевский Н.Д. Ф.И. Шаляпин-художник. 1943. № 43. С. 7.

Янчевский Н.Д. [Театрально-концертные рецензии. См. последние страницы номера.] 1943. № 30–31, 33, 47.

Янчевский Николай Дмитриевич (1896–1959, Франция), актер, журналист, историк театра.

Янчевский Н.Д. – см. также: Н.Д.

Coston Н. Русское масонство*. 1943. № 40. С. 3.

W, оберст-лейтенант. Письмо русским добровольцам** («Доброволец»). 1944. № 102. С. 6.

Анонимные статьи и заметки

- Антибольшевистские партизаны. 1944. № 95. С. 3.
- Антикоммунистическая выставка в Брюсселе. 1942. № 23. С. 5.
- Апоплексический удар у Сталина*. 1944. № 93. С. 1.
- Большевистские зверства в Виннице. 1943. № 59. С. 6.
- Большевицкая мумия* [Мавзолей Ленина]. 1944. № 85. С. 2.
- Большое антикоммунистическое собрание в Брюсселе. 1943. № 56. С. 1.
- «Борьба» [К выходу русской газеты в Брюсселе. Попытка издания русской газеты в оккупированной Бельгии предпринималась и ранее, но не находила поддержки у оккупационной администрации]. 1944. № 112. С. 2.
- Борьба с партизанами. 1943. № 55. С. 6-7.
- Брат [маршала] Тимошенко бежал из СССР* [Обнаружился в Рио де Жанейро]. 1943. № 50. С. 1.
- В Белоруссии. 1944. № 84. С. 5.
- В освобожденной Латвии*. 1943. № 63. С. 7.
- [Капралов А.Е.?] «Весна»** [Об антиармейской операции 1930 г.] («Голос Крыма».) 1943. № 44. С. 3.
- Гражданское устройство освобожденных областей. 1943. № 63. С. 7.
- В русской гимназии [Париж]. 1942. № 7. С. 6.
- Вечер И.С. Шмелева. 1942. № 1. С. 4.
- Воскресение Христово. 1944. № 95. С. 1.
- Все рвемся с тайною тоской... [Стихи.] 1944. № 95. С. 1.
- Встреча с Дзержинским и со смертью. Из воспоминаний русского офицера. 1943. № 75. С. 4-5.
- Генерал Власов неведим [В связи со слухами о его гибели при бомбежке Берлина]. 1944. № 89. С. 1.
- Генерал Власов [О поездке А. Власова на Северо-Запад СССР весной 1943 г.]. 1943. № 48. С. 1.
- Генерал Л.Г. Корнилов (К 25-летию со дня смерти). 1943. № 43. С. 2.
- Генерал Малышкин перед иностранными журналистами. 1944. № 95. С. 2.
- Годовой акт в русской гимназии [Париж]. 1943. № 58. С. 7.
- Годовщина курсов РОА [В т.ч. о внимании ген. А. Власова к курсам]. 1944. № 89. С. 1.
- Голод [СССР]. 1943. № 62. С. 1.
- Девушка-сержант** («Заря»). 1943. № 74. С. 4-5.
- Дипломаты Сталина*. 1943. № 64. С. 2.
- Дневник офицера-переводчика. Пред. Н. Головина. 1942. № 16. С. 4; № 18. С. 4; № 19. С. 4; № 20. С. 4.
- Дом русской молодежи. 1944. № 82. С. 7.

- Евреи в Москве (Рига). 1943. № 52. С. 5.
- Евреи в русской науке. 1944. № 98. С. 6.
- Евреи в СССР** («Голос Крыма»). 1943. № 47. С. 4.
- Еврейский мировой заговор*. 1943. № 37. С. 5.
- Еврейское преступление в Сталинграде. 1942. № 26. С. 5; № 27. С. 2.
- Женщины в красной армии** («Доброволец»). 1944. № 110. С. 5.
- Жертвуйте книги. 1943. № 70. С. 7.
- «За чертополохом». 1943. № 58. С. 6.
- Задачи Русского Освободительного Движения** («Голос Крыма»). 1943. № 54. С. 6.
- Звериный лик** («Речь», Орел). 1943. № 40. С. 5.
- Из освобожденных местностей [Смоленск]. 1943. № 39. С. 4.
- Израильская сказка* [Ветхозаветная история Иосифа]. 1944. № 83. С. 4-5.
- Иностранцы рабочие в Германии [В т.ч. об особом положении «старбайтеров» в оплате труда]. 1942. № 14. С. 2.
- К югу от Ладоги*. 1943. № 77. С. 4-5.
- Казаки на Балканах*. 1943. № 70. С. 2.
- Казаки против Сталина*. 1943. № 40. С. 6.
- Казачьи части*. 1943. № 65. С. 1-2.
- Как сблизятся немцы с русскими. 1943. № 49. С. 1.
- Когда возвращается отряд НКВД** («Голос Крыма»). 1943. № 49. С. 4.
- Красная армия. 1943. № 57. С. 4.
- Кто – кого? 1944. № 102. С. 1.
- Лжепатриоты [«За время до 1937 г. советской властью было казнено 11 000 000 человек, погибло от голода и эпидемий 25 000 000 человек и заключено в концлагеря 6 500 000 человек»]. 1942. № 10. С. 1.
- Между Киевом и Житомиром*. 1944. № 82. С. 4-5.
- Местоблюститель патриарха – предатель. 1944. № 101. С. 1.
- Мировая революция – главная цель Сталина [О приказе (фальсифицированном. – Б.Р.) И. Сталина]. 1943. № 61. С. 1.
- Молебны [О предстоящем молебне по случаю освобождения Крыма «от красного плена»]. 1942. № 5, 12 июля. С. 6.
- Молитва («Господи Боже, склони свои взоры...»). 1943. № 72. С. 3.
- Н.А. Римский-Корсаков (К столетию со дня рождения). 1944. № 91. С. 3.
- На культурном фронте. 1944. № 92. С. 3.
- Портрет краскома* [Фольклор. («Голос Крыма»)]. 1943. № 46. С. 4.
- Наша смена. Некролог [Д.В. Голенищеву-Кутузову]. 1943. № 59. С. 3.
- Не позабудь («Мы все прощаем понемногу...»). 1944. № 98. С. 7.
- Новая Россия без евреев. [Изложение речи ген. Власова в Риге. Апрель–май 1943 г. В рижской печати отчет о выступлении А. Вла-

- сова нам не встречался. Ср. письмо к К.А. Крылову Б. Николаевско-го, сомневающегося в истинности информации ПВ⁵⁵.] 1943. № 51. С. 5.
- Новое положение русских рабочих [Распоряжение Министерского совета обороны Германии от 26 марта 1944 г. о приравнивании по вопросам заработной платы рабочих с Востока ко всем иностранным рабочим в Германии]. 1944. № 96. С. 1.
- Новые знаки различия РОА** («Доброволец»). 1944. № 91. С. 1.
- Носители русской чести [РОА]. 1944. № 106. С. 1.
- О национализме Сталина (Письмо советского профессора). Сообщил Н. Головин. 1942. № 4. С. 2.
- Об одной провокационной попытке** («Доброволец»). 1944. № 86. С. 4-5.
- Ослиный тормоз** («Друг Инвалида», Шанхай). 1944. № 91. С. 6-7.
- Оставление Новороссийска*. 1943. № 69. С. 2.
- Памяти В. Корсака. 1944. № 109. С. 8.
- Партизанщина. 1943. № 52. С. 4.
- Первые походы. Февраль. 1918–1944 г. 1944. № 87. С. 1.
- Письма оттуда. 1942. № 4–15. С. 4.
- Пленные. 1943. № 58. С. 2.
- «Подголоски РОА». 1944. № 92. С. 1.
- Поездка в Одессу*. 1944. № 87. С. 3.
- Пополнение казачества** («Казачий путь»). 1943. № 77. С. 5.
- Походная песнь Русской Освободительной Армии («Мы идем по дорогам знакомым...»). 1943. № 42. С. 2.
- Православная церковь под советским игом. Доклад, присланный митрополиту Серафиму Берлинскому и Германскому из Симферополя. 1943. № 55. С. 4.
- Представители Русской Освободительной Армии [Белов и Н. Давиденков] в Париже. 1943. № 57. С. 1
- Приезд представителей ген. Власова в Париж [9 июля прибыли из Брюсселя кап. Белов и поручик Давиденков]. 1943. № 56. С. 1.
- Прогулки по Харькову*. 1942. № 2. С. 2.
- Прошлое Шапошникова. 1942. № 19. С. 3.
- Радек [Сведения об освобождении К. Радека из заключения, его нахождении в Стокгольме]. 1944. № 101. С. 1.
- Расправа красных. 1943. № 73. С. 3.
- Расправа [НКВД и население ранее оккупированных территорий]. 1944. № 101. С. 1.
- Реальная политика. Вехи русского национализма. 1944. № 86. С. 1.
- Резолюция собора [епископов РПЦ за границей. Вена. 3/16 нояб.]. 1943. № 75. С. 3.

- Русская культура («Русская культура – это наша детская...»). 1944. № 97. С. 7.
- Русская Освободительная Армия** («Голос Крыма»). 1943. № 46. С. 3.
- Русские воспитанники SS. 1944. № 112. С. 2.
- Русские дни в Париже [17 июля в Гомон-Паласе по инициативе Французского отделения Антикоминтерна состоялось собрание: «Русская армия против большевиков»; выступили: Ю. Жеребков, Белов, Н. Давиденков. Гости: В. Боярский и В. Малышкин]. 1943. № 58. С. 1.
- Русские дни в Париже. Собрание в зале Ваграм 24 июля. 1943. № 59. С. 1.
- Русские по всему свету. 1944. № 87. С. 6; № 89. С. 6; № 96. С. 5.
- Русские представители в Прибалтике. 1944. № 90. С. 6.
- Светлой памяти А.И. Щепкиной. 1894–1944. 1944. № 95. С. 6.
- Секретный приказ Сталина [От 28 июля 1942 г. № 227 («Ни шагу назад»)]. 1942. № 11. С. 5. [Образец тенденциозного двойного перевода.]
- Семь миллионов** [Русские вне России. («Добровolec»)]. 1944. № 87. С. 3.
- Советские военнопленные [Рацион питания]. 1943. № 39. С. 5.
- Советские полководцы. 1944. № 83. С. 4.
- Советские собаки** («Голос Крыма»). 1943. № 46. С. 6.
- Советский шпионаж в Финляндии*. 1943. № 34. С. 4.
- Товарищ Вышинский. 1943. № 77. С. 3.
- Трагедия Эстонии*. 1943. № 65. С. 6.
- Транснистрия. 1943. № 77. С. 7.
- Убиение митрополита Алексия. 1943. № 62. С. 7.
- Убийство митрополита Сергия. 1944. № 98. С. 1.
- Убит Стаханов. На восточном фронте убит Стаханов, создатель «потогонной» системы работы на советских предприятиях. 1942. № 13. С. 3.
- Умирающий Петергоф. 1943. № 76. С. 5.
- Уничтожение красных партизан. 1943. № 52. С. 4.
- Февральская революция. 1944. № 91. С. 1.
- Фронтовой театр. 1944. № 95. С. 2.
- Церковный НЭП. 1943. № 75. С. 3.
- Чекисты-«освободители» [Большая часть статьи – о Латвии]. 1943. № 61. С. 6.
- Ъ – і – ъ. 1943. № 78. С. 1.
- Эпопея виленского гарнизона** («За Родину», Рига). 1944. № 111. С. 5.

п р и л о ж е н и е

1

Берлин, 13.7.42. Маргаретштр. 17.

Офицеру связи Рейхсфюрера СС
Главное Управление Государственной Безопасности
В здании: Раухстр. 17.

Касается: Деятельность русской эмиграции во Франции:

В данном случае Управления Делами Русской Эмиграции в Париже.

Учреждение Управления Делами Русской Эмиграции в Париже и возложение на него учета всех проживающих во Франции русских эмигрантов (см. прил. I) дало повод подвергнуть возглавление этого управления и его деятельность ближайшему рассмотрению. При этом было установлено, что и здесь, как и в других Управлениях Делами Русской эмиграции в Европе, возглавление состоит из лиц, принадлежащих к монархическим кругам русской эмиграции и действует соответственно этому.

Во главе управления стоит бывший танцор Жеребков, сын царского полковника Жеребкова, который был близким другом проживающего в Германии генерала Краснова (бывшего гетмана донских казаков).

Заместителем Жеребкова состоит известный монархист и бывший гвардейский полковник Богданович, который, кроме возглавления национального движения молодежи «НОРР», пользовавшегося поддержкой семьи Великого Князя Александра Михайловича, является также председателем основанной в июле 1941 года новой организации «Русское Петровское Движение». Он руководит также и изданием новой эмигрантской газеты «Парижский Вестник», о которой речь будет дальше.

Руководителем военно-хозяйственных курсов и административным секретарем Управления является некий П.А. Рогович, также монархист и бывший гвардейский ротмистр царской армии.

Экспертом по всем военным вопросам состоит весьма к монархическим кругам русской эмиграции известная личность профессор Головин, являющийся одновременно председателем учрежденной под главенством Жеребкова особой комиссии.

К числу ближайших сотрудников Жеребкова принадлежит, наконец, и царский генерал Витковский, который подозревается в том, что он состоял в связи с английским и французским генеральными штабами.

Сам Жеребков связан тесной дружбой с известным своим враждебным отношением к Германии балетмейстером парижской оперы Лифарем, а также, по слухам, с проживающим в Париже князем Кастасканом (или что-то вроде этого), внуком американской еврейки. По слухам, Жеребков часто проводит конец недели в его загородной усадьбе вблизи Парижа. Далее, к кругу его знакомых принадлежит, по некоторым сведениям, некий Аверино, еврей и греческий подданный.

Политическая деятельность Управления Делами Русской Эмиграции в Париже состоит в следующем:

1. В дополнение к приложенному воззванию Жеребкова в «Парижер Цуйтунг», которое, очевидно, имеет значение лишь как призыв к регистрации, Жеребков распространил среди русских эмигрантов в Париже листовки, в которых сказано, что в будущем, кроме офицеров и переводчиков, также и врачи, инженеры, юристы и проч. могут регистрироваться для направления на оккупированную восточную территорию.

2. В связи с этим в мае с.г. состоялось зачисление бывших царских офицеров на службу германских вооруженных сил для их направления на оккупированную территорию. Первая группа из, приблизительно, 25 офицеров, за которой последовали другие, состояла, главным образом, из членов монархической организации, возглавленной бывшим гвардейским ротмистром Гоштовтом. Эти офицеры были направлены Жеребковым в распоряжение германских вооруженных сил и через Берлин, где они получили германское обмундирование, прибыли в Варшаву для получения соответствующих указаний и дальнейшего направления.

До их отъезда из Парижа Жеребков прочитал собравшимся на краткий молебен офицерам приветствие Великого Князя Владимира Кирилловича, «Главы Императорского Дома», и его благословение на «военный подвиг». В ответ Жеребкову было передано подписанное офицерами послание, в котором Великому Князю были выражены верноподданнейшие чувства и пожелания.

Входившие в состав следующих, уже двинувшихся в путь групп офицеры были преимущественно членами русского воинского Союза «РОВС».

3. С недавних пор в Париже выходит на русском языке новая газета, редактируемая уже названным бывшим гвардейским полковником Богдановичем.

В № 1 этой газеты («Парижский Вестник») в передовую статью включено открытое письмо генерала Краснова, ясно определяющее позицию газеты. Заслуживают, между прочим, внимания следующие утверждения Краснова:

«Теперь русским предоставляется возможность принять участие в этой борьбе и вместе с немцами принять участие в борьбе с большевизмом для ликвидации этого мирового зла».

«Для России нет другого спасения, кроме присоединения к могучему движению против большевиков».

«Известие, что русские офицеры допущены к активной борьбе с большевизмом, вызвало необыкновенную радость».

В связи с изданием этой газеты заслуживает внимания, что не употреблявшаяся более с начала русской революции буква «ять» (другой вид буквы «е») опять употребляется и что напечатанная на последней странице газеты статья «Сергей Лифарь и эмиграция» содержит бросающуюся в глаза рекламу балетмейстера парижской оперы.

В дополнение ко всему этому надо указать, что генерал Краснов, полковник Богданович и упомянутый в связи с зачислением офицеров на службу ротмистр Гоштовт принадлежат к так называемому «Николаевскому монархическому течению», которое опиралось на Великого Князя Николая Николаевича. Таким образом они не признавали «Главу Императорского Дома», Великого Князя Кирилла. Только после его смерти они поддержали его сына Владимира Кирилловича, не сливаясь, однако, с объединенными вокруг Великого Князя Кирилла легитимистами.

Это обозрение выявившейся до настоящего времени деятельности Жеребкова и его ближайших сотрудников, отразившейся также и на политической позиции Управления Делами Русской Эмиграции в Париже, обостряет вопрос, не следует ли в какой-либо форме положить предел этим действиям, прежде чем это поведение приведет к каким-либо нежелательным последствиям. Это должно быть сделано тем более, что в Брюсселе, Варшаве, Белграде и в самом Берлине деятельность Управлений Делами Русской Эмиграции возглавляется лицами, монархические взгляды которых слишком хорошо известны.

Помимо того, что эта деятельность, выходящая за пределы основных задач упомянутых русских Управлений, по политическим соображениям принципиально нежелательна, нужно, кроме того, избежать впечатления, что действия этих Управлений отражают официальное германское мнение. Посторонние лица легко могут придти к этому выводу, если принять во внимание, что Управления Делами Русской Эмиграции опираются на поддержку германских учреждений.

Поведение Управления Делами Русской Эмиграции во Франции, как недавно возникшего такого учреждения, дает повод к вмешательству. Если здесь политические начинания будут в соответствующей форме остановлены, это, несомненно, окажет влияние и на деятельность остальных Управлений.

Принимая во внимание чисто регистрационную и, таким образом, исключительно административную задачу Управлений Делами Русской Эмиграции, я предлагаю заменить Жеребкова и его сотрудников абсолютно аполитическими лицами. При этом нужно, конечно, позаботиться о том, чтобы Жеребков и его друзья были заменены лицами, не поддающимися какому-либо внешнему влиянию.

Кроме того, необходимо конфисковать появившиеся до сих пор номера «Парижского Вестника», а самую газету запретить.

Я прошу предпринять соответствующие шаги по отношению к Главному Управлению Государственной Безопасности и сообщить мне результат предпринятого Вами.

По поручению
(Неразборчивые инициалы)

Часовой. 1973. № 6, июнь. С. 13-14.

Этот документ был помещен в разделе «Исторический архив» за подписью С.Л.В., т.е. Сергеем Львовичем Войцеховским, известным общественным деятелем русской эмиграции и мемуаристом. Судя по предисловию, документ публиковался по фотокопии из фондов одного из архивов США.

2

В «Часовом» № 8–9 (июль–август. С. 26-27) в связи с «докладной запиской» было помещено два письма в редакцию, оба без даты.

В одном из них (с. 26) отклик на Владимира Семеновича Аверьино, сына московского присяжного поверенного, участника Гражданской войны. Он утверждает, что упомянутый в Записке «Аверино» – личность мифическая. Что касается его рода, то речь должна идти о греках; что касается его семьи, ни он, ни его отец никакой связи с Комитетом Жеребкова не имели, разве что зарегистрировались в нем как русские эмигранты.

Второе письмо приведем целиком.

Глубокоуважаемый Василий Васильевич.

С большим интересом прочел в «Часовом» 564 от июня 1973 года информацию под заголовком «Исторический архив», касающуюся «Управления Делами Русской Эмиграции в Париже» во время немецкой оккупации Франции.

В приводимом документе имеются немало неточностей, но в целом многое соответствует действительности. Обвинения докладчика в про-

ведении Управлением не только национальной, но даже и монархической акции достоверны, что явно шло в разрез с захватническими целями нац. социалистической партии в России.

Вы знаете, что я сотрудничал в «Парижском Вестнике», издаваемом Управлением. Но я работал также в конторе этой газеты, помещавшейся в одной из комнат Управления, служа для связи между Ю.С. Жеребковым и типографией, что мне позволяло в какой-то степени быть в курсе дел Управления.

Мне удалось сохранить полный комплект «Парижского Вестника», а что самое главное – счетоводство газеты с ежемесячными отчетами ревизионной комиссии с соответствующими подписями. Газета не только себя окупала, но приносила доход.

Делаю мои заметки в порядке текста вышеназванной докладной записки.

Автор докладной записки совершенно прав, повторяю это еще раз, утверждая, что направление руководимого Жеребковым Управления не соответствовало колониальной политике нац. социалистов в России.

Начнем с кабинета Жеребкова. На стене на почетном месте висел портрет императора Александра Второго. В одном углу стоял русский трехцветный национальный флаг, а в другом Андреевский. На письменном столе портрет ген. Краснова. Да, Жеребков был танцором при одной из русских оперных трупп в конце двадцатых годов. Затем он проживал в Германии в окружении ген. Краснова.

Совершенно верно: ген. Штаба полковник П.Н. Богданович был заместителем Жеребкова, а также и ответственным редактором «Парижского вестника», который в последнее время издавался полк. Пятницким Н.В. при просмотре оттисков самим Жеребковым, после чего газета печаталась, чему я был свидетелем, т.е. что немецкой цензуры не было.

Не знаю точно, какую должность занимал ротмистр Рогович Кавалергардского Ее Величества полка. Неизвестна мне и принадлежность ген. Витковского к сотрудникам Жеребкова*.

В те тяжелые времена немецкой оккупации парижане пустились в спекуляцию чудовищных размеров, тогда как в провинции имелось в изобилии необходимое продовольствие. А потому и русских можно было разделить на 3 категории: 1. на недоедающих; 2. с достатком и 3. спекулянтов. Разумеется, что Жеребков проводил концы недели не с недоедающими.

Действительно, группы офицеров-добровольцев были отправлены на фронт в германскую армию в качестве переводчиков. Они были одеты в солдатскую форму, но без погон! Но не пришлось слышать, что Вел. Князь Владимир Кириллович принимал какое-то участие в этой отправке. Мне также неизвестно, что Ротмистр Гоштовт

и РОВС принимали участие в этой отправке. Но ротмистр Гоштовт организовал «Русское Национальное Движение», возглавляемое князем Бековичем-Черкасским (мусульманином), б. командиром Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка. На членских карточках было изображение российского императорского двуглавого орла. Ротмистр Гоштовт читал доклады о положении на «Восточном фронте».

Но, сколько помнится, не прошло и года, как эти офицеры начали возвращаться в Париж – немцы их демобилизовывали. Возвратившиеся молчали как рыбы, но было понятно, что, увидев в России безобразно дикое обращение немцев с русским народом, они заявили свое желание прекратить свою службу в немецкой армии. Можно лишь удивляться, что немцы с ними круто не расправились. Конечно, можно недоумевать, что эти офицеры поехали на Восточный фронт, будучи недостаточно информированы, что их там ожидает. Дело в том, что немцы сначала держали Управление в полном неведении, даже о начале РОА ген. Власова. Так, например, воззвание этого генерала было напечатано в «Парижском Вестнике» в переводе из итальянской газеты!!

Автор этой докладной записки совершенно прав: немецкая политика на Востоке требовала закрытия «Парижского Вестника» – уж слишком национального направления была эта газета. А потому Жеребкову даже приходилось, по дипломатическим соображениям, снижать патриотический пыл сотрудников газеты, зачастую открыто монархического направления.

На средства газеты были наняты два смежных зала для доклада ген. Малышкина, этого ближайшего помощника ген. Власова, 24 июля 1943 года, на котором присутствовало около 4000 русских эмигрантов. Были представители немецкого командования, а также и ГЕСТАПО. Речь ген. Малышкина была столь патриотически национальной, что вызвала беспокойство немцев, а затем и меры воздействия. Арестов не последовало, но газета была обезврежена: немцы отдали ее под контроль бывшим красным офицерам, которые в свое время с энтузиазмом приняли Октябрь. О монархическом направлении следовало начисто забыть. Газета перешла на новую орфографию и вскоре обратилась в казенный пропагандный листок.

Жеребков смещен не был, и состав служащих Управления не был изменен. Была проведена перепись всех русских эмигрантов, а также составлены списки русских евреев. Вследствие присущего русским императорским офицерам чувства чести эти списки не были переданы в ГЕСТАПО. При сдаче немцами Парижа многие служащие Управления эвакуировались в Германию. Немало оставшихся в Париже, а также офицеров, ездивших на Восточный фронт, были арестованы по доносам сов. патриотов и некоторых евреев, судимы и приговорены

французскими судами к различным срокам тюремного заключения**. Некоторым удалось попасть в Испанию или за океан...

С совершенным уважением.

(Автор письма хорошо известен.)

Отставим комментарий к «Записке» и письму в редакцию.

Скажем лишь, что «Записка» плохо «тянет» на внутренний документ, больше смахивает на открытый и поспешный донос. Мотивы доноса? Уж не личные ли?

Что касается «Письма в редакцию», к нему тоже есть вопросы. Но их станет значительно меньше, если всюду по тексту заменить имя «Жеребков» на личное местоимение первого лица единственного числа. Т.е. трудно отказать от предположения, что «Письмо в редакцию» принадлежит самому Ю. Жеребкову или составлено под его прямым надзором. Кто, кроме Жеребкова, осмелился бы, к примеру, демонстративно подтверждать свой актерский стаж, признаваться в том, что проводил он концы военной недели с сытыми, а не с голодными. Даже для того, чтобы упомянуть о портрете «Александра-освободителя» (а почему не Николая I или Александра III?) в кабинете Жеребкова, лучше всего в роли экскурсовода смотритса сам владелец кабинета. Не будь это письмо «исполнено рукой» Жеребкова (или причастных), вряд ли оно могло бы быть опубликовано в «Часовом», поскольку содержит в себе детали, несколько снижающие пестуемый журналом безупречный образ сторонника монархии.

Приведем полностью уже цитировавшееся ранее в отрывках письмо анонимного автора Б. Николаевскому.

Париж, 2 июля 1949.

Не имея понятия, каково будет «направление» вашего исследования о пораженчестве, я всё же позволю себе выразить мое недоумение по поводу момента вашей инициативы, имеющей в своем распоряжении лишь официальный газетный материал, в то время, когда еще многие живые участники событий из «уцелевших», как Вы пишете, пораженцев, или сидят на каторге, или скрываются, опасаясь выдачи большевикам, или просто стараются вообще не привлекать к себе внимания. Иными словами, не имеется ни мемуарной литературы, ни показания «уцелевших».

Сообщаю Вам, на всякий случай, что «Парижский Вестник» не отдавался на немецкие деньги. Он принес несколько сот тысяч франков

чистого дохода. Удалось сохранить официальную денежную отчетность, скрепленную подписями членов ревизионной комиссии, регулярно созывавшейся. На средства газеты, например, было организовано в зале Ваграм выступление ген. Малышкина. Сотрудники же газеты, за исключением Шмелева, получали нищенские гонорары, как это у нас, русских, всегда бывает, – 1 франк за строчку и 0,75 за строчку переводов. Конторский служащий зарабатывал тогда 3000 фр. в месяц, на что можно было прожить полуголодно и полухолодно.

И еще очень-очень многого Вы не узнаете, перелистывая комплект «Парижского Вестника», которого я имел честь состоять постоянным сотрудником⁶⁶.

И этот документ, по нашему мнению, вышел из-под знакомой руки.

* Ген. Витковский находился всё время под «наблюдением» Гестапо, как и всё управление РОВС-а. (Ред.)

** Так, напр., полк. Пятницкий был осужден на 10 лет каторжных работ и срок этот был сокращен благодаря хлопотам французских друзей России. (Ред.)

п р и м е ч а н и я

¹ См. об этом: Русские новости. Париж. 1946. 15 марта; 1948. 21 мая; Русское зарубежье. Цит. соч. Т. 1(5). С. 138, 260.

² См. об этом: Русские новости. 1946. 1 февр.; Русское зарубежье. Цит. соч. Т. 1(5). С. 130.

³ См. по вопросу: Гузевич Д., Макаренкова Е., Гузевич И. Цит. соч. С. 593-594.

⁴ ПВ. 1943. № 33, 30 янв. С. 4.

⁵ ПВ. 1943. № 64. С. 7.

⁶ См.: Гузевич Д., Макаренкова Е., Гузевич И. Цит. соч. С. 435.

⁷ См.: Зенковский Вас., протоиерей. Мои встречи с выдающимися людьми // Записки Русской академической группы в США. New York, 1994. Т. 26. С. 40.

⁸ Шмелев И. Собр. соч. в 5 т. Т. 7 (доп.): Это было. М.: Русская книга, 1999. С. 553.

⁹ ПВ. 1943. № 57. С. 7

¹⁰ Градобоев Н. Берлин 1942 года // Новый журнал. 1971. № 102. С. 183.

¹¹ Шмелев И.С. и Бредиус-Субботина О.А. Роман в письмах. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2003–2005. Т. 2. С. 117.

¹² См. о газете: Николаев А.В. Так это было. Livry-Gardan, 1982.

¹³ Hoover Institution Archives. Коллекция Б. Николаевского. Цитируется по копии в частном архиве.

¹⁴ Гуль Р. Я унес Россию. Т. 3. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. С. 126.

¹⁵ «Подголоски РОА» // ПВ. 1944. № 92. С. 1.

¹⁶ Шмелев И. Цит. соч. С. 553.

¹⁷ Коллекция Б. Николаевского. Вох 259. Folder 4.

¹⁸ Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1975. С. 195.

- ¹⁹ Коллекция Б. Николаевского. Цит. по копии в частном архиве.
- ²⁰ Андреева Е. Генерал Власов и русское освободительное движение. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. С. 187.
- ²¹ Поздняков В. Первая конференция военнопленных Красной армии, вступивших в ряды РОД // Новый журнал. 1972. № 106. С. 200; в статье П. ошибочно совмещены капитан Белов и проф. Грогов.
- ²² Штрик-Штрикфельд В. Цит. соч. С. 276-278.
- ²³ Андреева Е. Цит. соч. С. 187.
- ²⁴ См.: Русские новости. Париж. 1945. 3 авг.; Русское зарубежье. Т. 1(5). С. 97; Materials on Vladimir K. Abdank-Kossovskii's arrest // Register to the Vladimir Konkordovich Abdank-Kossovskii Papers. Online Archive of California (OAC) <<http://content.cdlib.org/view?docId=kt6n39r8h4&chunk.id=dsc-1&brand=oac>>
- ²⁵ Письмо К. Крылова Б. Николаевскому от 6.06.1948. Коллекция Б. Николаевского. Вох 487. Folder 14.
- ²⁶ См. также: Н. Анин. Дом родной. [Берлин? Новое слово? 1943 – не позднее весны 1944.]
- ²⁷ Батшев В. Цит. соч. С. 72; устные сведения.
- ²⁸ См., напр.: Прянишников Б. Новопоколенцы. США: Силвер Спринг, 1986. С. 223; Материалы по истории русского освободительного движения (Статьи, документы, воспоминания). Вып. 2. М.: Архив РОА, 1998. С. 449.
- ²⁹ См.: Осокин В. Андрей Андреевич Власов (Краткая биография). Б.м.: Изд-во Школы пропагандистов Русской Освободительной Армии, 1944.
- ³⁰ Коллекция Б. Николаевского. Обзор по копии в частном архиве.
- ³¹ См.: Окоороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М.: Военный университет, 2000. С. 14.
- ³² Сын А.К. – американский писатель Yuri Kapralov (1933–2005), «легенда Ист-Виллиджа». См. о Ю.К.: Ferguson S. Yuri Kapralov, a 'grandfather' of E.V. counterculture // The Villager. 2005. Volume 75. Number 18. September 21–27, 2005. http://www.thevillager.com/villager_125/yurikapralovagrand.html
- ³³ Ср.: «До революции он [Капралов] был одноклассником и другом М.А. Булгакова по киевской гимназии» (Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М.: Транзиткнига, 2004. С. 346). Конечно, К. и М. Булгаков не могли быть одноклассниками (около шесть лет разницы), но ходить в одну гимназию, иметь общих знакомых могли вполне.
- ³⁴ Материалы комиссии Политбюро. Цит. по копии ВНИЦ «Мемориал».
- ³⁵ См.: Блюменталь-Тамарин Всеволод Александрович // <http://ru.wikipedia> <...>.
- ³⁶ В переписке И. Шмелева с О. Бредиус-Субботиной упоминается некий «дядя В.», о котором Шмелев писал 12 июля 1943 г.: «Из Б-серлина» неопределенные вести о некра-совском дяде В. Говорят, что стойко себя ведет, достойно. Слава Богу!» (Шмелев И.С. и Бредиус-Субботина О.А. Цит. соч. Т. 2. С. 770. Прим. 50). Комментаторы переписки оставили «дядю» нераскрытым. Речь идет о ген. Власове (ср. «дядя Влас» – персонаж стихотворения Н. Некрасова).
- ³⁷ См., в частности: Панфилов А.Ф. За кулисами «Радио Свобода». М.: Международные отношения, 1974. С. 109, 111, 113, 115-118.
- ³⁸ См. об этом: http://www.passion-don.org/museum/spkaz_n.html
- ³⁹ См.: Объявление // Новое слово. 1944. № 72, 6 сент. См. еще: Ивановский Алексей. Тайна подземелья. Пять рассказов / Центральное Управлением по делам народов Востока. Берлин: Новое Слово, [1943?]. (Маленькая библиотека для русских рабочих. [Вып.] 12.).

- Ср.: Ивановский (Ивановский А.А., Ивановский А., граф де; 1905–?), поэт, писатель, автор изданий: Бессмертие. Юмор. Сатира. Чистое искусство. Шонбах: Содружество писателей «Свет», 1947; Исцеление слепого. Нью-Йорк: Издание ЕНИ, 1959; др.
- ⁴⁰ Ср.: «Заведовал редакцией “Добровольца” Георгий Александрович Эрстов. Статный, красавец-мужчина, интеллигентного вида грузин, князь Эрстов. Перешел к немцам в Крыму» (Троицкий Н. Военное лихолетье. <http://www.proza.ru/2008/07/22/432>). Ср. еще заметку в советской стенной печати 1930-х гг.: Георгий Эрстов. Николай Степанович Гумилев (Материалы к биографии) // Северо-кавказский коллекционер. (Отгиск стенгазеты Севкавказотдела ВОК.) Ростов на Дону. 1932. № 10 (<http://www.bonistikaweb.ru/SEVKAVKO/1932-10-12.htm>).
- ⁴¹ Шатов М. Цит. соч. С. 203
- ⁴² См. об этом письмо В.В. Позднякова Б.И. Николаевскому от 15 дек. 1948 г. // Коллекция Б. Николаевского. Вох 497.
- ⁴³ Материалы по истории русского освободительного движения (Статьи, документы, воспоминания). Вып. 2. М.: Архив РОА, 1998. С. 460. Переписку К. с Б. Николаевским см.: Коллекция Б. Николаевского. Вох 487. Folder 14.
- ⁴⁴ См.: Витковский Е. Век перевода (<http://www.vekperevoda.com/1887/krach.htm>); Штейн Э. Поэзия русского рассеяния 1920–1977. USA. Ashford, 1977. С. 175; речь идет о ж. «Современник».
- ⁴⁵ Шатов М. Цит. соч. С. 204.
- ⁴⁶ См. ниже: Приложение.
- ⁴⁷ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945. Русско-Балтийский информационный центр «Блиц». СПб., 2001. С. 193.
- ⁴⁸ См. об этом: Русское зарубежье. Цит. соч. Т. 1(5). С. 138.
- ⁴⁹ О газете «На дальнем посту», издававшейся для частей РОА, расквартированных в Дании, см. воспоминания ее бывшего сотрудника Самутина Л.А. «Я был власовцем...» (СПб.: Белое и черное, 2002. С. 173, 174).
- ⁵⁰ См. о этом материалы в газете «Русские новости» (1945. 3 авг., 19 окт.). См. также письмо И. Шмелева И. Ильину от 21 сент. 1948: «Его [Сургучева], ухищрениями доносцов, держали (да-вно!) мес<яцев> 4–5 в тюрьме Фрэн <...>, французы его судили за какие-то “выпады” против Фр<ан>ции... но даже и они, “резистанты”, поняли, что тут вонь от доносок, и, для “очистки совести” (?) присудили его к 6 мес<яцам> и тут же, на суде, освободили: “иди и впредь не греши”» (Ильин И.А. Переписка двух Иванов (1947–1950). М.: Русская книга, 2000. С. 371).
- ⁵¹ См.: Ист. архив ФСО Бремен. Ф. 33 (И. Н. Бушман).
- ⁵² См.: Коллекция Б. Николаевского. [Справка о газете «Парижский Вестник».] Обзор по копии из частного архива.
- ⁵³ См.: Шмелев И. Цит. соч. С. 554.
- ⁵⁴ Ср.: «Я напечатал “Рождество в Москве” <...>. Пусть же знают, что мои русские друзья в Берлине, поняв глубинный смысл рассказа, хотели напечатать его в тамошней русской газете; но цензор-немец перечеркнул красными чернилами, до прорыва бумаги, сказав: “нам это совсем не нужно!..”» (Там же). Ш. говорил о попытке опубликовать рассказ в берлинской газете «Наше слово». Рассказ, вероятнее всего, без ведома Ш., всё же был опубликован в Германии (См.: Шмелев И. Рождество в Москве. Из рассказа делового человека // За Родину. Военный орган Комитета Освобождения Народов России. Б.М. [Берлин?]. 1945. № 2, 11 янв. С. 3).
- ⁵⁵ Коллекция Б. Николаевского. Вох 487. Folder 14.
- ⁵⁶ Коллекция Б. Николаевского. Вох 259. Folder 4.

ВОКРУГ АЛЕКСАНДРА ГИНГЕРА И ДОВИДА КНУТА*

(Три архивные заметки о русской парижской поэзии)

Владимир Хазан

Г. Адамович, выступая на вечере памяти Анны Присмановой, состоявшемся 16 декабря 1961 г., и задаваясь вопросом, оставит или не оставит след «тот период, тот отрезок эмигрантской поэзии или даже шире – поэзии русской, – который принято называть “парижским”», говорил:

Можно все-таки надеяться, что оставит, т.к. теперь, медленно подводя итоги, убеждаешься, что кое-что в этот период найдено и уловлено было такое, что прежде не было и что никакой другой «нотой», – как повелось у нас теперь выражаться, – заглушено и сведено на нет быть не может¹.

«Найденное» и «уловленное» парижскими поэтами – большая и сложная тема, никак, естественно, не вмещающаяся в рамки одной статьи, в особенности, подобно данной, изначально нацеленной на «накопление материала». В предлагаемых заметках речь пойдет лишь об одном из небезыntenесных, хотя и достаточно частных аспектов – «посвятительных», «диалогических» текстах, которые или своим непосредственным содержанием, или подтекстной стороной раскрывают некоторые новые грани широко понимаемой категории эмигрантского «литературного быта». Той, говоря по необходимости несколько общо и схематично, пограничной области жизни и творчества, когда сквозь поэзию просвечивают не только координаты «звездной вечности», но микрокосм вполне реальной и конкретно-вещественной литературной обстановки.

Некоторые поднимаемые ниже темы не новы – в известной мере они уже рассматривались ранее и ныне им сообщается лишь – за счет новонайденного архивного материала – некоторый, что ли, более контекстный характер. В центре внимания два эмигрантских поэта – Александр Самсонович Гингер (1897–1965) и Довид Кнут (наст. имя и фамилия: Давид Миронович Фиксман; 1900–1955), изучение творческого наследия которых, несмотря на предпринимаемые в последние годы исследовательские усилия², остается и в том, и в другом случае далеким от исчерпывающих итогов³. Несколько публикуемых ниже

---

* За помощь в работе над статьей выражаю искреннюю и глубокую благодарность сыну А.С. Гингера Базилу Гингеру (Basile Ginger) (Париж).

архивных материалов и их обсуждение, разумеется, не претендуют на какое-то принципиальное расширение или углубление существующей картины, но, как представляется, прибавляют новые штрихи как к биографиям этих поэтов самим по себе, так и к истории эмигрантской литературы в целом.

1

«Стихотворительное одержанье»

Ранняя пора творческой жизни молодого поколения русской эмиграции (1920–1926), и прежде всего в связи с исследованием истории и практики художественного авангарда, в последние годы привлекает законное внимание ученых⁴. Та область, которая более всего характеризуется тыняновским понятием «домашней семантики»: «беседность», «посвятительность» литературных форм и связанные с ними антиофициоз, фривольность, «диалогическая риторика» и подобн., в применении к эмигрантской поэзии, исследованы явно недостаточно. Помимо прочего, не весь текстовый корпус, принадлежащий поэтам, творчески сформировавшимся в эмиграции, обнаружен и введен в оборот.

Так, известно, что Довид Кнут запечатлен в поэзии А. Гингера в преподнесенном ему «Акростихе» (1920), первые буквы которого складываются в посвящение ПОЭТУ ФИКСМАНУ:

Прилежный стих разделен и согласен,
Отраднo ладен многогласный хор,
Эпитет строгий выбран, смел и ясен,

Терцинный возглас соразмерно скор.
Укрomный вздох, в улете уловимый,
Фанфарный гром и дрожь огромных гор,

Измены смех, и стон любви гонимой,
Колосьев зыбких шопот золотой –
Слетятся звуки в рой неисчислимый.

Мгновенный зов, невинный и простой;
Аскета псалм, в восторге онемелый...
Найди закон, всем звонам дай устой,

Устрой слова, и ряд сложи умелый.

«Акростих», вошедший в первый сборник поэта «Свора верных» (Париж, 1922), служит, помимо указания на конвенциональные формы литературных отношений в среде молодого беженского поколения в раннюю пору эмиграции⁵, еще и убедительным доказательством того, что подлинная фамилия Кнута была не Фихман, как принято было до

недавнего времени считать⁶, а Фиксман, о чем приходилось уже писать⁷.

Представление о диалоге поэтов этим стихотворением до нынешнего времени и ограничивалось. Однако найденный недавно в израильском архиве Кнута – среди многочисленных неопубликованных материалов – то ли ответ Гингеру, то ли, напротив, текст, предшествовавший его «Акrostиху», в своем роде восстанавливает недостающий элемент их словесной дуэли. Последний термин, впрочем, мало применим для характеристики двух этих текстов, поскольку в плане «внешней» поэтики они мало связаны между собой и почти автономны. Но, с одной стороны, посвящение-акrostих Кнута, как кажется, учитывалось Гингером в дальнейшей поэтической работе, а во-вторых и главных, обнаруженный текст свидетельствует о том, что далеко не все еще факты из истории литературы «младоземigrants», или, как самоопределил свою генерацию писатель В. Варшавский, «незамеченного поколения», известны исследователям.

Основная цель гингеровского «Акrostиха» – передать особенности поэтического «пейзажа» Кнута, его стилиевые доминанты, характерный стиховой почерк, технику слово- и звукосцепленья. Стихотворение воспринимается как проявление игрового дискурса, присущего молодой эмигрантской поэзии, возможно даже, как своего рода демонстрация «состязательных», «турнирных» практик и в любом случае – как свидетельство диалогических коммуникаций между поэтами. При желании этот вербально-интеракционный пласт в поэзии «незамеченных» можно проиллюстрировать некоторыми другими посвящениями, в которых открыто выведена сама фигура корреспондента (его имя, черты внешности, узнаваемые свойства персонально-человеческого и творческого характера и пр.) и предельно заострена именно коммуникативная риторика (прямые обращения, разговорная интонация, использование приватно-фамильярной стилистики и пр.). Ограничимся только одним примером: в стихотворении «Прекрасно сочиняешь, Александр», написанном как своеобразный отклик на упомянутый сборник Гингера «Свора верных», Б. Поплавский, обращаясь к автору, по существу, развивает его конвенциональную поэтику и дополняет «поэтическую свору» некоторыми новыми именами из их с Гингером общего круга «друзей по поколенью»:

Приятно пишет Александр Гингер
Достигши лучших чем теперь времен
И Свешников нежнейший миннезингер
И Божнев божий с неба обронен⁸.

В порядке беглого комментария к этой строфе следует заметить, что об упоминаемых Поплавским Гингере, Божневе и неупоминае-

мом, но близком ему Ильязде (Илье Зданевиче) он рассказывал в начале 20-х гг. в Берлине, куда ненадолго приезжал из Парижа⁹. Научное освоение поэзии Бориса Божнева связано с именем Л. Флейшмана¹⁰. Гораздо меньше известно о другом упоминаемом члене «своры» Владимире Свешникове (псевд. Кемецкий; 1902–1937?)¹¹. Эмигрировав в начале 20-х гг., Свешников первоначально жил в Берлине, затем переехал в Париж. Как кажется, в эмигрантской печати он не публиковался, зато в 1924 г. его стихи были напечатаны в № 3 московского альманаха «Недра» – вместе со стихами Гингера и Божнева, причем одно из стихотворений, «Зеленый стол... Сутулых спин бугры», посвящено Д. Кнуту¹². В 1926 г. Свешников вернулся в СССР и через несколько лет попал в Соловецкий лагерь, где с ним познакомился отбывавший там заключение Д.С. Лихачев, оставивший о нем воспоминания¹³. По имеющимся сведениям, Свешников был расстрелян в годы «большого террора».

Вернемся, однако, к Гингеру и Кнуту и приведем впервые акростих последнего, заглавные буквы которого складываются в посвящение – ПОЭТУ ШУРЕ ГИНГЕРУ:

Порой ночной зерно произрастет,
Остудит ветер тающую мглу,
Электрошок, похожий на иглу,
Тебя всего мучительно прошьет.
Утроенную мощь приобретет
Шумящий вихрь, сдвигающий скалу...
Узнаешь, мот, хулу как похвалу –
Расплаты горькой запоздалый счет.

Ехидный лирик, держишь ты ланцет
Гораздо лучше, чем собака след.

И если ты решил кого пронзить –
Не лучше ли использовать, как встарь,
Греко-гиппократический словарь? –
Евонных клятв вовеки не забыть.

Рассветных ж зорь природные дары
Укрой от поэтической игры.

Как следует думать, стихотворение рождено шутливой попыткой Кнута убедить приятеля противостоять «стихотворительному одержанию»¹⁴ и не отказываться от карьеры врача в угоду трудному и торному пути поэта. По приезде в Париж Гингер избрал для себя медицинскую специальность. Будучи единственным ребенком в семье, он по первоначально намеревался пойти по стопам отца – Самсона Григорьевича Гингера (1863–1932), заведующего отделением в одной из

петербургских (затем ленинградских) больниц. Однако не испытывая большой предрасположенности к профессии врача, он вскоре оставил обучение (см. в публикуемых далее воспоминаниях К. Терешковича о встречах с Гингером в студенческой столовой в конце 1920 г.: «(Он – медик, я – архитектор.) Его мало интересовала медицина, меня так же мало интересовала архитектура, но нас обоих устраивали дешевые обеды в столовой для студентов»). Сам Кнут, который в начале 20-х учился на химическом факультете Канского (Саен) университета, приобрел специальность инженера-химика. Если исходить из иронического пафоса кнотовского посвящения, который сводится к совету не менять медицинского халата на поэтическое стило, то первый сегмент текста (восемь стихов), завершающийся суровым и вещим предупреждением – «Узнаешь, мот, хулу как похвалу – Расплаты горькой запоздалый счет», – представляет собой попытку передать таинство творческого акта. И далее следует собственно «уговаривательная» часть: поскольку начинающий поэт («ехидный лирик») держит ланцет «гораздо лучше, чем собака след», – стоит ли испытывать непредсказуемую судьбу и менять синицу-ланцет в руках на жаворонка-поэзию в небе? Разумеется, пожелания эти высказаны в форме, облеченной в стиховую ткань дружеской шутки, и меньше всего претендуют на буквальное восприятие и руководство к действию.

Между тем образная стихия поэтического слова, желал того автор или нет, придавала его иронии вполне «серьезный», «деятельный» характер. Серьезный и деятельный в том смысле, что создавала возможность вплетать в шутливое посвящение разнообразные литературные контексты. Операционный ланцет – хирургическое орудие, в иной своей ипостаси напоминающее меч «шестикрылого серафима» из пушкинского «Пророка», придавал поэтическому творчеству разительные черты «медицинской» аналогии. Этой аналогией, в частности, время спустя, воспользуется Г. Адамович, который в стихотворении «“О, сердце разрывается на части”» создаст такой образ:

И наклоняясь с усмешкой над поэтом,
Ему хирург неведомый тогда
Разрежет грудь усталую ланцетом
И вместо сердца даст осколок льда¹⁵.

Не исключено, что сам Кнут, говоря о ланцете, намекал на стихи его и Гингера старшего современника Марка-Людовика Талова (1892–1969), жившего в то время в Париже и входившего в Палату поэтов, чье имя среди других упомянуто в гингеровском посвящении «Своры верных»:

Моим товарищам по Палате Поэтов:
Георгию Евангулову
Валентину Парнаху
Марку-Людовику Талову
Сергею Шаршуну¹⁶.

Чудаковато-эпифорическая поэзия Талова вызывала в поздние эмигрантские времена сложные чувства. Так, например, А. Бахрах писал о нем Г. Струве (26 апреля 1979 г.):

...желая «почтить» память Талова, достал две его книги¹⁷ и не нахожу материала для цитирования, хоть бы строчку найти! А тоже был он не без «занятности»¹⁸.

Что касается доэмигрантского Талова (а он в русской эмигрантской колонии Парижа был «старожил», оказавшись здесь еще в 1913 г., и, к слову сказать, одним из первых – наряду с В. Парнахом – в августе 1922 г. вернулся в Россию), то в его первом сборнике, «Чаша вечерняя», вышедшем в Одессе за год до эмиграции, в 1912 г., – явлении для литературы скорее курьезно-экзотическом, нежели отмеченном какой-то серьезной поэтической удачей¹⁹, – имеются «Триолеты» со следующей строфой:

Любовь пронзит меня ланцетом.
Я перед ней паду рабом
И встречу я ее с приветом.
Любовь пронзит меня ланцетом
И стану я ее поэтом,
Кумиром, богом и жрецом.
Любовь пронзит меня ланцетом.
Я перед ней паду рабом.

В несколько и, что называется, по заслугам куражливой рецензии на этот сборник киевский критик Л. Войтоловский, определяя содержание «Чашы вечерней» как «гладкие, бесцветные и абсолютно нейтральные строки» и предупреждая, что «над ними можно проделывать какие угодно акробатические метрические эксперименты», один из таких экспериментов взял да и проделал. Приведя из сборника процитированную строфу, он не без остроумия («но что потеряют эти стихи в обратной перестановке») предложил такой «альтернативный» вариант:

Ланцет пронзит меня любовью.
Я перед ним паду рабом
И истеку я алой кровью.
Ланцет пронзит меня любовью,
И стану я его свекровью,
Кумиром, богом и жрецом.
Ланцет пронзит меня любовью.
Я перед ним паду рабом²⁰.

Вряд ли выросший в Кишиневе Кнут имел какое-либо представление о пародийной реакции, которую в свое время вызвали у киевского критика эти строки, но общее среди своих сверстников и современников – небезнасмешливое – отношение к Талову он, как думается, разделял сполна²¹. Об этом свидетельствуют воспоминания о «русском менестреле», которые Кнут написал в 1927 г. и опубликовал в парижских «Последних новостях», а затем, переселившись в 1949 г. в Израиль, включил с некоторыми изменениями в переведенный на иврит и напечатанный в газете «Haaretz» (1953. 17 августа) очерк «Первые встречи, или три русско-еврейских поэта». Приведем кнотовский портрет Талова по парижской газете:

Одной из наиболее колоритных фигур тогдашнего русского Монпарнаса был поэт Марк-Мария-Людвик Т<алов>.

Это был глубоко-безнадежно провинциального вида человек, помесь такого провинциального «собственного корреспондента» или актер-любителя из Царевококшайска с театрально-аристократическим мэтром, каждый жест которого должен был свидетельствовать о неутраченном прирожденном благородстве – принц, который и в лохмотьях остается принцем!

Роста он был среднего, лицо у него было несколько скуластое, длинное, русые волосы спадали на засаленный, покрытый перхотью, воротник.

В правом глазу этого очень худо одетого человека строго поблескивал золотой монокль.

Держался он с большим апломбом и торжественностью, говорил и читал стихи напыщенным жирным и густым актерским голосом – à la Comédie Française – делал широкие плавные жесты, закидывал голову, наступая и отступая, выставляя попеременно вперед то одну, то другую ногу.

Жил он впроголодь, в нужде невообразимой (порою нуждаясь в спичке!), занимаясь, как и подобает поэту, только стихами и любовными делами...²²

Возможно, в скрытой кнотовской цитате из Талова заключался полусутоливый намек на образ полуголодного поэта, пронзенного ланцетом-любовью или каким-то еще острым неземным чувством. Безусловно, в самом этом образе для Кнута-поэта ничего комического не было, но, как можно полагать, его наряду с Гингером (и со всеми их сверстниками) не столько забавляла, сколько серьезно угнетала фальшивая и деланная риторика. Саркастический настрой, который в особенности ощутимый выход получил у Кнута в сборнике «Сатир» (1929)²³, проявился в посвящении-акrostихе Гингеру с нескрываемой силой. В самом определении адресата как «ехидного лирика», т.е. не воротящего носа с нелепым и неестественным пафосом – «à la Comédie Française» – от сарказма, а напротив, ценящего его как одно из острейших поэтических орудий, Кнут допускает возможность двойного чтения своей иронической проповеди как фактически «текста наобо-

рот» – внутренне отстаивающего именно те ценности, которые он внешне вроде бы отвергает.

По всей видимости, на основе этой конвенциональной поэтики «незамеченных», формировавшейся в ранние годы эмиграции, могут быть прочитаны плоды их более позднего творчества. Задействованный в кнотовском посвящении механизм двойной игры – одновременного ироничного и безыроничного взгляда на вещи, внешней травести и скрытого лиризма – проявляется и в стихах самого Гингера. Нередко примеряемые им на себе самоуничижительные маски есть ничто иное как прием буффонады, шутовского балагана, в связи с которым прощательный К. Мочульский писал о смирении пуще гордости, когда

под брезгливой гримасой пряталась неистовая жажда и чисто романтические страсти²⁴.

Не исключено, что использование самим Гингером образа «ланцета» в анаграмматически насыщенном «Сонете VI» (1924), который вошел в его сборник «Преданность» (1925), находится в тесных взаимокорреспондирующих отношениях со стихами Кнута:

Прочтите. Стол (что толку!) стонет мною.
Стоит (старайсь!) стар, хмур, хитер хирург.
На мне нема ни польт, ни плотных бурк.
Пространно: пот под простыней одною.

Лежу и жулю: еле боль – но ною.
Кобыла как была без сивк и бурк –
Сих слуг сохи и плуга – без каурк,
Так, рана, ты так рано, ба! без гною.

О, Изабелла! Кой облезлый кий
Той койки ўже, что как лыжа (ski)?
Да, стало тихо. Операционный

Мигнул – я мнил – скальпель или ланцет.
Миг вдумчив. Нож мил репарационный.
Зе у французов зед, у немцев цет.

«Хитер хирург» из первого четверостишья едва ли не просится в параллель «ехидному лирику» Кнута, который так величает Гингера, а демонстративно-вызывающая ненормативная форма «мечт» («От ярых мечт – пречистая ограда» из сонета «Просительной не простираю длани», 1921) и модельно сходных с ним «польт», «бурк» «сивк», «каурк», то, что Ю. Терапиано назвал «нарочитым косноязычием»²⁵, похоже, в свою очередь, отозвалась в «мечтах» Кнута, поставленных в «косноязычную» форму родительного падежа (первоначальный вариант поэмы «Ковчег», 1-я и 4-я главки):

И только после того, как И. Бунин резко критически отреагировал на режущее ухо слово «мечт»²⁸, Кнут в обоих случаях от него отказался, заменив в первом на «Людской корысти, снов и дел» и на «Стада надежд и стаи слов» – во втором, явив тем самым наглядный пример того, как авторитет классики превозмог экспериментальный искуc.

Среди других искусов подобного рода нельзя не отметить проникшее в молодую эмигрантскую поэзию влияние В. Маяковского – одного из главарей русского литературного авангарда. В отношении приведенного акростиха Кнута это, безусловно, словечко «мот», восходящее к эпатажному «Нате!» (1913) («...я – бесценных слов транжир и мот») и служащее, по-видимому, устойчиво-конвенциональным эквивалентом понятия «поэт» в среде молодых эмигрантских литераторов. Употребление его Кнутом по отношению к Гингеру еще можно было бы расценить как случайное, не пояись оно также и у Поплавского²⁹, и именно в семантически аналогичном контексте – в обращенном к тому же Гингеру стихотворении «Прекрасно сочиняешь, Александр», упомянутом выше: «Поэзии блистательные моты»³⁰.

Очень похоже, что другой текст Поплавского, посвященный Гингеру, «Поэзия, ты разве развлеченье?» (причем, само название адресата по полной выкладке – *Александру Самсоновичу Гингеру*, придает шутовскому куражу форму внешней серьезности, даже некоторой деланной официозной суровости³¹), подхватывает то ли кнотовский поэтический сарказм, то ли – при более тщательном анализе – проповедь поколенческих «символов веры»:

Поэзия, ты разве развлеченье?
Ты вовлеченье, отвлеченье ты.
Бессмысленное горькое реченье,
Письмо луны средь полной тьмы³².

Бездумная и беспутная «поэтическая игра», которая, по Кнуту, едва ли соединима с миром первозданной природной подлинности и сосредоточенного творческого транса, сильно напоминает «развлеченье» Поплавского, кому также не по душе превращение истинного творчества в беззаботную игру. Вместе с тем – и в этом противоречии всецело выразался авангардный дух «младоземигрантов» – игровое начало было в высшей степени присуще их художественному дискурсу, по крайней мере в ту пору, когда они были молодыми реально, а не по терминологической инерции. Именно экспериментально-игровое поведение зачастую выражает душу и суть их поэтического новаторства. В этом отношении обмен акростихами Кнута и Гингера может быть

воспринят как ироническое подражание известным «образцам» – из precedентов, относительно близких к ним по времени и обладавших весом авторитетности, упомянем хотя бы взаимоотношения акростихов М. Кузмина В. Брюсову и обратно: первый – в виде посвящения повести «Подвиги Великого Александра» (Весы. 1909. № 1. С. 19) и ответ в следующем номере журнала (С. 16).

Не настаивая на прочтении кнута-гингеровского диалога посредством стихотворных посвящений как обязательно построенном на интертекстуально-цитатном фоне мэтров-предшественников, не лишено, однако, смысла обратить внимание на тот, возможно, не случайный факт, что в кнотовском акростихе встречаются некоторые различные элементы, соотносимые с сонетом-акростихом Кузмина, ср.: «Валы стремят свой яростный прибой, А скалы все стоят неколебимо» (Кузмин) – «Утроенную мощь приобретет Шумящий вихрь, сдвигающий скалу...» (Кнут); «Разящий меч готов на грозный бой» (Кузмин) – «И если ты решил кого пронзить» (Кнут); постановка обращения не в пре-, а в постпозицию: «Юродствуй, раб, позоря Букефала!» – «Узнаешь, мот, хулу как похвалу» (Кнут).

2

«Гингер играл в моей жизни роль брата и друга» (К. Терешкович о Гингере)

С «французским художником русского происхождения» Константином Андреевичем Терешковичем (1902–1978)³³ Гингера сближали дружеские отношения. Свидетельством их давнего знакомства, с одной стороны, является портрет Гингера кисти Терешковича³⁴, а с другой – посвященное художнику гингеровское стихотворение «Голубеет небесный свод» (1920), вошедшее в «Свору верных»:

Голубеет небесный свод.
Распускается яблонь цвет.
Еле слышимо всплески вод
Безмятежный поют привет.

Где ты видел такие сны,
Бедный сын городов смешных?
Где ты встретил приход весны,
Вздых приветил плодов земных?

Зеленела под солнцем дня
Петербургская Сторона,
И веселые льды гоня,
Пробуждалась Нева от сна.

Упоются робким сном
Нерастроченная душа.
В небывалом саду моем
Цветик малый дрожит, дыша³⁵.

Характеризуя Терешковича, когда его уже не было в живых, Н. Резникова в письме к вдове Б. Божнева, Э. Каминер-Божневой, писала 6 июня 1980 г.:

Константин Терешкович. Очень талантливый, признанный художник. Продавался. Выставлял. Усвоил технику под влиянием импрессионистов (Renoir). Женился на красивой, молодой и богатой француженке (дочь антиквара). Имел от нее двух дочерей. Очень разбогател. Имел скаковых лошадей. Брал призы³⁶. По этому своему положению удалился от прежних друзей. Был вообще скуп. Не думаю, чтобы поддерживал кого-нибудь. Был несмотря на все – добрым малым. Когда-то прошел тернистый путь художника. Неск<олько> лет тому назад мы опять встретились, стали изредка встречаться, потом он заболел (склероз) и умер (в начале 70-х годов). Б<орис> Б<ожнев> рассказывал, что у него была картина Терешковича – *корова*. Я не видела. Где она? Он был сын доктора мед<ицины> (Москва). Остались дочери – не замужем. Он постоянно их изображал в живописи, надев на них шляпки под Renoir'a, вместе с собачкой пуделем...

Никого из прежних друзей, общих – теперь нету. Все поколение исчезло...³⁷

После смерти Гингера Терешкович написал о нем краткие воспоминания, публикующиеся здесь впервые. Пожалуй, в особенности ценное в них то, что автор сообщает весьма примечательный факт о происхождении названия одного из первых творческих объединений эмигрантов в Париже – «Гатарапак». До сих пор это «темное» название заставляло исследователей выдвигать лишь гипотетические догадки. Так, пишущий эти строки более десяти лет назад, ломая голову над расшифровкой данной криптограммы, предположил, что она сложилась из первых букв фамилий А. Гингера (Г), М. Талова (Т), трех первых букв фамилии В. Парнаха, если их прочитать наоборот (РАП) и Д. Кнута (К)³⁸. Некоторое время назад Л. Ливак, отмечая неясность этимологии этого слова, писал о том, что оно, скорее всего,

было придумано по модели «Дада», т.е. с педагогической целью – поразить аудиторию отсутствием немедленно очевидного смысла, что, в свою очередь, вело к множеству интерпретаций и активному участию аудитории в освоении эстетики движения³⁹.

Ни то, ни другое объяснение, как теперь выясняется, не является, верным. О том, что слово «Гатарапак» представляет собой акроним, образованный в результате сложения первых букв пятерых его основателей, было известно и раньше. Об этом, в частности, писал Кнут в воспоминаниях «Опыт «Гатарапака»», опубликованных после переез-

Портрет А. Гингера работы К. Терешковича (1921).

да в Израиль в местной печати⁴⁰. Однако фамилии этой пятерки Кнут утаил. Талов, который, напротив, имена привел, назвал, однако, только троих из пяти, да и с В. Парнахом, по-видимому, напутал:

В первой половине 1921 года в кафе «Хамелеон» стал собираться кружок молодых русских поэтов. Название его «Гатарапак» составлено было из имен основателей (Гингер А., Талов, Парнах)⁴¹.

Автор публикуемых ниже воспоминаний в отличие от них обоих приводит имена всех пятерых: Гингер, Терешкович, Раскин (меце-

нат)⁴², Поплавский и Карский. Похоже, что в сравнении с версией Талова свидетельство Терешковича является более аутентичным.

Особенную ценность небольшой мемуар Терешковича приобретает в связи с тем, что он придает давно установленным фактам некую дополнительную стройность и авторитет очевидца. В первую очередь это касается журналиста, переводчика и художника Сергея Осиповича Карского (1902–1950), близкого приятеля Поплавского⁴³. Карский был женат на художнице Иде Григорьевне Шрайбман (в замуж. Карской; 1905–1990)⁴⁴. Ее сестра, Дина Григорьевна (1906–1944), ставшая адресатом многих стихотворений Поплавского, вышла замуж за его близкого друга и будущего душеприказчика Н.Д. Татищева (1896–1985). Иде Шрайбман Поплавский посвятил стихотворение «Звездный яд». И раньше было известно, что Карский посещал «Гатарапак», см., например, дневниковые записи Поплавского – от 23 июня 1921 г.:

С Карским в «Гатарапак»⁴⁵.

Или от 19 июля 1921 г.:

Рисовал Фиксмана... Пришел Гингер, показал стихи; раскритиковал... Я немного рассердился. Терешкович и Карский⁴⁶.

Однако из воспоминаний Терешковича мы, сверх того, узнаем, что он был одним из основателей этого литературно-художественного сообщества, завершающей буквой в причудливом названии которого стала начальная буква его фамилии.

<Воспоминания Терешковича о Гингере>⁴⁷

Гингер был моим первым парижским другом. Наша дружба продолжалась до его смерти, без единого пятна. Мы познакомились в конце 20 года в студенческой столовой. (Он – медик, я – архитектор.) Его мало интересовала медицина, меня так же мало интересовала архитектура, но нас обоих устраивали дешевые обеды в столовой для студентов⁴⁸.

Гингер в то время жил с матерью⁴⁹ в сравнительно буржуазных условиях, но предпочитал полуголодную богему и беспокойную, почти истерическую атмосферу Монпарнаса благопристойной атмосфере Пасси.

Мы оба дружили с Поплавским, который в то время занимался живописью (я встречался с ним в одной из свободных академий Монпарнаса) и только начинал писать. Я находил даже самые ранние стихи Поплавского гораздо интереснее его живописи и был, вероятно, виновником того, что <он> живопись бросил и занялся литературой⁵⁰.

В <19>21 году мы создали литературно-художественный кружок, который назвали Гатарапак: первые буквы наших фамилий < – > Гингер, Терешкович, Раскин (наш меценат), Поплавский и Карский (художник, поэт, впоследствии прекрасный журналист, вместе с Альбером Камю участвовавший в подпольной газете «Комба»). Мы собирались раз в неделю в кафе «Ля Болэ» около площади Сен-Мишель. К нам присоединились Свешников, Божнев (которого Гингер очень ценил), Талов, Парнок <sic>, Довид Кнут и другие.

Бесконечные разговоры об искусстве принимали иногда довольно свирепый характер и часто кончались почти драками. Гингер в ссорах и драках участия не принимал, но любил их провоцировать.

В <19>23 году Гатарапак потерял свой интимный характер, появилось много новых поэтов, многие приехали из Берлина, собрания устраивались в больших помещениях. Появилось много публики, объявления в газетах, и так Гатарапак постепенно исчез.

В Гингере меня всегда удивляло, что он никогда не высказывал своего мнения до конца и в самый серьезный момент переводил разговор на мелочи. Разговор о Мандельштаме, о Боратынском или каком-нибудь другом поэте – из тех, которые меня интересовали, – он сводил на восхваление какого-нибудь особенного голландского табака или говорил о том, как удачно он подстриг сегодня свои усики. Забота Гингера о своей внешности озадачивала не меня одного. Вероятно, было в этом что-то похожее на желание замаскировать свою застенчивость.

В первые годы нашего знакомства Шура очень любил Вяч. Иванова, принес мне однажды сборник его стихов, который я одолел с большим трудом, что очень его разочаровало. Я также не разделял его восхищения Гумилевым, экзотизм и театральные героизм которого меня никогда не трогали. Я больше увлекался Пастернаком, Мандельштамом, Ахматовой, и почти все мои друзья-художники – Пуни, Воловик, Пикельный и другие – разделяли мое мнение. Через несколько лет Гингер вдруг нашел какое-то замечательное стихотворение – скорей несколько строчек – у Сирина-Набокова.

Он очень настаивал, чтобы я познакомился с Газдановым и Одарченко. Наши литературные споры почти всегда прекращались за бильярдным столом. Среди нас Шура был единственным обладателем собственного кия, который он носил под мышкой в футляре. Другими видами спорта он интересовался только теоретически. Мои спортивные подвиги внушали ему большое уважение, он советовал избегать лишних усилий и как-то прислал мне открытку, которая начиналась стихами:

Любовь обезволачивает темя
И крайне ослабляет мышцы ног...⁵¹

Гингер обожал покер. Уже за несколько часов до игры он был в трансе. Несмотря на напускное олимпийское спокойствие, каждая сдача карт была для него событием. Лицо его выражало блаженство, как будто он слушал какую-то небесную симфонию. Он аккуратно записывал свои выигрыши и проигрыши в специальную записную книжку, подводя итоги в конце года. Несмотря на его желание казаться благоразумным, в нем и в его стихах сквозил тот мистический пыл, который чувствуется у больших поэтов.

Мы неизбежно мечены, поэты,
Холмом Венеры и холмом Луны...⁵²

Мне ужасно трудно было написать эти несколько слов, приблизительно так же трудно было бы Г.В. Адамовичу написать его портрет. Гингер играл в моей жизни роль брата и друга, и наши первые встречи были основой всех наших будущих усилий в творчестве. Часто я задавал себе вопрос, что в его поведении и в его поэзии было надуманным, что было искренним. Но несмотря ни на что, я очень любил его поэзию и его самого.

К<онстантин> Т<ерешкович>

В том же архиве имеется недатированное письмо Терешковича Гингеру⁵³:

“Prat-al-len”
Port Manech
Finistere

Дорогой Шура,

Спасибо за сведения. Напишу Туровой и Семенчикову <sic>⁵⁴.

Мне как раз сейчас нужно узнать, что это за полупогончики, которые пошил Николай I-ый, получается интересная рифма.

Спросить у Семенчикова
если он знает
какие полупогончики
Николай одевает.

Привет тебе и твоей жене.

Костя

<Внутри письма набросок портрета царя Николая I; на полях приписка:>

Если у тебя есть какие-нибудь русские газеты за последние недели, пришли. Спасибо. К<остя>

Уважительно – в футляре – носимый кий, упоминаемый в воспоминаниях Терешковича, находит соответствие в приведенных в первой заметке стихах самого хозяина («...Кой облезлый кий Той койки уже...»), а также в его по-своему программной «Мании преследования»:

И вот во мне поет моя обуза,
Внутри грохочет мания моя,
И мелкий шар, как сердце, тонет в лузу,
Подстреленное властью кия⁵⁵.

Лукавая строчка об «облезлом кие», задержавшая внимание критика своим не лишенным экстравагантности звуковым эффектом⁵⁶, была предметом и более острых саркастических реакций: ею, например, открывается пародия С. Луцкого, написанная как «сборная цитата» гингеровской поэзии вообще:

Что кии в Токио в загоне,
Грущу об этом также не...
– Дианы рог на небосклоне
Зовет меня к иной войне.

Пусть европейские народы
И азиатские шумят –
Ведь кислым молоком свободы
Не мало вскормлено телят.

А я, как вкусную окрошку,
Люблю многоцветистый мир,
Влюблен в печеную картошку
И уважаю рыбий жир.

А впрочем, все на эту тему
Веков известно испокон.
Кончаю длинную поэму,
Прощай, Гаврила. Я уж сонн⁵⁷.

К этим уже известным науке материалам следует добавить имеющееся в черновиках Кнута неопубликованное четверостишие эпиграмматического характера с отсутствующим адресатом. Без какого-либо категорического нажима, наверное, правомерно будет указать на то, что оно может метить в заядлого бильярдиста Гингера:

Был неразлучен с кием он!..
Но я задам вопрос суровый:
Ты, без сомненья, чемпион, –
Но киевый или киевый?⁵⁸

Имплицитно-обцентная концовка эпиграммы Кнута наверняка актуализировалась тем обстоятельством, что Гингер слыл в их окружении не только мастером бильярда, но и знатоком языка⁵⁹ (он много лет прослужил корректором и среди прочего корректировал в 1949 г. итоговый кнотовский сборник «Избранные стихи»). В связи с упомянутым в первой заметке сонетом Гингера «Просительной не простираю длани» в начале 50-х гг. вспыхнула его полемика с С.К. Маковским: последний в категорической форме потребовал снять не только режущее слух слово «мечт» (вспомним аналогичную бунинскую критику Кнута), но и архаизм «матерное лоно» в значении «материнское». Один из тех, кто арбитровал в этом споре – Г. Адамович, как вспоминают К. Померанцев⁶⁰ или Ю. Терапиано⁶¹, поддержал Гингера⁶², хотя и писал в его некрологе, что в стилистическом смысле протест Маковского был не лишен оснований:

Эпитет, выбранный Гингером, устарел, вышел из употребления, и лично меня он коробил не грубостью, нет, а некоторой манерностью⁶³.

Всего этого, однако, Кнут знать не мог: в то время он жил в Израиле и эмигрантские слухи и вести доходили до него в лучшем случае глухими отголосками, да и приведенная эпиграмма, судя по всему, написана им много раньше. Но если она действительно была нацелена в Гингера, то более поздний спор того с Маковским не прибавлял ничего принципиально нового к уже сложившимся и устоявшимся представлениям о нем в кругу друзей. И ее автор Кнут, как подсказывает сам текст, мог испытывать к бильярдисту и филологу Гингеру, и наверняка испытывал, те же, что и Адамович, эмоции – человеческой близости-преданности и подлинного творческого уважения, которым отнюдь не вредил легкий холодок дружеской иронии и сарказма.

3

«Мы все в каком-то смысле и в какой-то мере обязаны Георгию Иванову»

Крайне продуктивная тема «Георгий Иванов и поэзия русской эмиграции» исследована весьма поверхностно. Между тем влияние старшего поэта-современника, чье творческое формирование началось в «блистательном Санкт-Петербурге» в легендарную эпоху Серебряного века, на младших собратьев по ремеслу трудноопоставимо с

чьим-либо другим. Очень точно выразила эту мысль поэтесса Л. Червинская, которая писала в некрологе Г. Иванова:

Это была эпоха «тридцатых годов» нашего века. Эпоха «между двух войн» – каких-нибудь двадцать лет... Целых двадцать лет жизни каждого из нас, тех, кого тогда называли «молодыми поэтами». Каждая строчка, написанная за те годы, каждое воспоминание, все литературные события, все толстые и другие журналы – все было связано с этим человеком, с этим мэтром в самом интимном значении этого слова. Мы все в каком-то смысле и в какой-то мере обязаны Георгию Иванову. Все мы чему-то у него научились⁶⁴.

Разумеется, значение Г. Иванова как поэта ни в коем случае не замыкается в эмигрантских рамках, о чем, будучи изгнанником, но поднимаясь над «беженским патриотизмом», писал в свое время Ю. Терапиано, подчеркивавший обращенность ивановского литературного наследия «ко всей России»⁶⁵. Однако для эмиграции творчество Г. Иванова обладало особенной ценностью – едва ли не значением литературной «охранной грамоты». При этом, что в особенности любопытно, слушателями ивановской «поэтической школы» стало не только первое эмигрантское поколение, – следом за ним туда потянулись и те, кто оказался на Западе в ходе и результате Второй мировой войны («вторая волна»). Его «портрет без сходства» выявил столь характерные черты эпохи, точнее, разных прожитых и пережитых эпох, что, без сомнения, приобрел в русской изгнаннической литературе некую «порождающую» семантику. Жанровое понятие «портрета» оказалось непосредственным и вполне содержательным образом реализованным, см., к примеру, опыт создания ивановского поэтического портрета в стихах Ю. Иваска («Георгий Иванов», 1968–1969)⁶⁶; сюда же примыкает реквиемный извод «портретной» темы, что в традициях русской литературы закреплено едва ли не особым жанровым образованием «смерть поэта»: скажем, «Памяти Георгия Иванова» Т. Величковской⁶⁷.

Показательна, с другой стороны, связь эмигрантских стихотворцев с поэзией Г. Иванова посредством эпиграфов – чувствительных детонаторов поэтического текста. Лишь несколько примеров из множества подобных: эпиграфом к стихотворению «Никакой не жду я страшной катастрофы» (1951) Н. Евсеев взял двустилишие Г. Иванова «И душа провалится в сиянье Катастрофы или торжества» («Я не стал ни лучше и ни хуже»)⁶⁸; И. Чиннов открывает стихотворение «Я говорил о радостном и грустном» эпиграфом «Перед тем, как замолчать, Надо же поговорить» («Перед тем, как умереть», 1930)⁶⁹; К. Пестрово выносит в эпиграф стихотворения «Лето – осень – зима и весенники», посвященного Э. Бобровой-Цукерт, строчки «Стихи и звезды остаются, А остальное – все равно», которыми завершается ивановское «Туман. Пе-

редо мной дорога» (1957), а к стихотворению «Тени на стене... сквозь решетку сада»⁷⁰ предпосылает эпиграф «Принимаю, как награду, Тень, скользящую по саду» из «Образ полусотворенный»; Н. Моршен использует ивановскую строчку «Бессмертия сон золотой» («История. Время. Пространство», 1954) эпиграфом к «Ты смотришь, как рушатся рощи»⁷¹, а К. Померанцев – его двустишие «Завидую тебе. Перед тобою дверь Распахнута в восторг развоплощенья» (« – Когда-нибудь, когда устанешь ты», 1952) к «Тысячелетья не было ответа»⁷². Тот же К. Померанцев в стихах «На дорогах Италии» придает стихам Г. Иванова материальную плоть или, наоборот, материальной плоти – органическую способность превращаться в ивановские стихи:

Блаженствует вечер каштановый,
над Лидо в полнеба закат, –
совсем, как в стихах у Иванова, –
сгорает и рвется назад⁷³.

Известные ивановские строчки и образы широко разобраны на цитаты, в том числе цитаты поэтические. Строкой «Мы жили тогда на планете другой» начинает свое стихотворение З. Ковалевская⁷⁴, а Ю. Трубецкой стилизует «подражательный» эффект прямым и недвусмысленным на него указанием:

«Бессмысленно»... Который раз пишу я
Георгию Иванову из подражания⁷⁵.

И даже памятник на могиле писателя и литературного критика Н.И. Ульянова на кладбище Йельского университета украшен ивановскими строчками⁷⁶:

...За пределами жизни и мира,
В пропастях ледяного эфира
Все равно не расстанусь с тобой!

И Россия, как белая лира,
Над засыпанной снегом судьбой.

Об отношениях Г. Иванова и Кнута известно не так много. Из того, что можно было бы предъявить в качестве соединяющих их уз, вспоминается использованная Ивановым кнотовская фраза, – вызвавшая в свое время бурные дискуссии и широко разошедшаяся в эмигрантской среде, ставшая почти что общим местом, – о том, что столица русской литературы переместилась из Москвы в Париж⁷⁷. Это не лишнее запальчивой дерзости утверждение родилось в ходе обсуждения доклада З. Гиппиус «Русская литература в изгнании» на одном из заседаний «Зеленой лампы», проходившем 1 марта 1927 г. Г. Иванов, постоянный председатель этих собраний, не называя имен, процитировал энергичный кнотовский тезис – «Столица русской литературы,

несомненно, не Москва, а Париж!» – через много лет в статье «“Конец Адамовича”» (1950), подводя некий итог своей дружбы-вражды с одним из корифеев довоенной эмигрантской эпохи, а вместе с ним – ее напряженным интеллектуальным спорам и оценкам⁷⁸. К этому уместно добавить, что полемический демарш Кнута, носивший отнюдь не шутливый, а скорее риторико-экстремистский характер, был, вопреки очевидности, едва ли не фольклоризован в мемуарах И. Одоевцевой в духе лубковой присказки:

В те довоенные года литературная жизнь кипела и бурлила в Париже. Туда съехались почти все большие русские поэты и писатели, и Париж, а не Москву в шутку стали называть «столицей русской литературы»⁷⁹.

Другой случай цитирования Г. Ивановым Кнута касается столь же, если не еще более распространенного в эмиграции образа «русско-еврейского воздуха» из стихотворения «Кишиневские похороны» (1929). В очерке «По Европе на автомобиле» (1933–1934) Г. Иванов пишет:

Ожидая сосисок из Ковно, я пошел пройтись. Была суббота. Сплошная густая толпа медленно двигалась по правой стороне главной улицы Шавель. Я вспомнил, как за несколько дней до объявления войны <имеется в виду Первая мировая война> я так же гулял в субботний день в таком же еврейско-литовском городке Лиде. Ничего не переменялось с тех пор. И тот же прозрачный серо-синий с розоватым отливом воздух обнимает все это.

«Особенный еврейско-русский воздух»⁸⁰.

Менее явная, но все же вполне вероятная параллель: финальная кнотовская строфа из стихотворения «...Нужны были годы, огромные древние годы» (сборник «Вторая книга стихов», 1928) –

Спокойно платить этой жизнью, отрадной и нищей,
За нежность твоих – утомленных любовью – плеч,
За право тебя приводить на мое пепелище,
За тайное право: с тобою обняться и лечь⁸¹, –

предположительно отозвалась в «Распаде атома» (1938) Г. Иванова:

Может быть, Наполеон воевал и Титаник тонул только для того, чтобы сегодня вечером эти двое рядом легли на кровать⁸².

Возникающие в приведенных примерах интертекстуальные контакты характеризуются, как видим, «односторонним движением», причем вопреки иерархической логике не «младший» цитирует «старшего», а наоборот. Впрочем, в поэтическом диалоге Г. Иванова и Кнута имеются и «нормальные» – встречные – текстовые заимствования: от «старшего» к «младшему». Как об одном из них (хотя Г. Иванов выступает здесь всего лишь одним из возможных источников или даже маркеров мотива) следует говорить об образе *мировой ерунды*, восходящей, скорее всего, к А. Блоку (стих. «Не спят, не помнят, не торгуют», 1909).

Г. Иванов обращается к этому образу в стихотворении «Я люблю эти снежные горы» (1932):

И шумит чепуха мировая,
Ударяясь в гранит мировой⁸³.

Ср. еще у Г. Адамовича: «Вместе с Гоголем в литературу впервые вошла как великая тема – мировая чепуха»⁸⁴.

Кнут использует *мировую чепуху* по крайней мере дважды: в рецензии на роман Н. Берберовой «Без заката» («Автор стремился, по-видимому, создать фон “мировой чепухи” ...»)⁸⁵ и в написанном в декабре 1939 г. стихотворении «Зной» («Бывает, что берег опаснее моря»), обменивая «чепуху» на «ерунду»:

Бывает... ах, многое в жизни бывает.
А счастье, как счастье, и плакаться грех.
Невластна над ним ерунда мировая,
Хотя и немало в нем дыр и прорех⁸⁶.

До сих пор, однако, было неизвестно стихотворение Кнута, адресованное Г. Иванову, несколько расширяющие наши представления о диалогических отношениях между старшим и младшим эмигрантскими поколениями – литературными «отцами» и «детьми».

Под стихотворением имеется сделанная рукой поэта надпись: «Апрель 1930 г., после “Зеленой лампы”». Вот этот текст:

Отчего нам стало скучно?
Отчего вдруг грустно стало?
Это тучи набежала
И накрыла тьмой дремучей,
Словно грубым одеялом.

Плоть единая распалась.
Демон, прячущий усмешку,
Из колючей тьмы кромешной,
Как судья, дарует малость –
Бедность с горем вперемежку.

«Дети страшных лет России»,
Все же нам наградой воля
И минуты сладкой боли,
Что вдыхает в тело силы,
Как краюха хлеба с солью.

В мире лживо все и мнимо,
Смутно, холодно и пусто,
Но спасает нас искусство
В петербургских долгих зимах,
Что дарит «шестое чувство».

Абсолютно прозрачны использованные Кнудом поэтические цитаты. Помимо обиходно-блоковских «детей страшных лет России», стихотворение отсылает к двум докладам, прозвучавшим на заседаниях «Зеленой лампы». Строка, открывающая стихотворение, – к докладу З. Гиппиус «Отчего нам стало скучно?», который был прочитан на заседании, состоявшемся 5 марта 1930 г.⁸⁷ Присутствовал ли на нем Кнут, неизвестно, но с его содержанием он мог быть знаком: хотя и сокращенный, но дающий ясное представление о главных мыслях Гиппиус вариант доклада был напечатан в варшавской газете «За Свободу!» (1930. № 80 (8061). 24 марта. С. 2-3; современная перепечатка в кн.: *Гиппиус З.Н. Чего не было и что было: Неизвестная проза (1926–1930) / Сост., вступ. статья, комм. А.Н. Николюкина. СПб., 2002. С. 503-509*). Последняя строка Кнута резонирует на доклад Г. Иванова «Символизм и шестое чувство», с которым тот выступал в той же «Зеленой лампе» 21 марта 1930 г.; докладчик говорил о роли, сыгранной символизмом в судьбах русской поэзии⁸⁸. Как и в предыдущем случае, нельзя с уверенностью сказать, посетил ли Кнут это заседание. Можно лишь быть уверенным, что в его эмоциональном восприятии оба эти доклада существовали в некоем слитном единстве, которому придана поэтическая форма. Этому в какой-то мере могло способствовать то обстоятельство, что на заседании «Зеленой лампы» 15 апреля, носившем название «Чего они хотят?», Гиппиус вновь вернулась к своему мартовскому докладу, дабы доразъяснить недосказанное. Тогда-то она и связала свои мысли о причинах эмигрантской «скуки» с символизмом в трактовке Г. Иванова. Текст ее выступления также был напечатан в газете «За Свободу!» (1930. № 118 (3099). 3 мая. С. 2; современная перепечатка: *Гиппиус З.Н. Чего не было и что было. С. 509-515*). Судя по всему, именно после этого заседания сложились приведенные кнудовские строчки «по случаю».

В среде эмигрантской творческой молодежи, к которой примыкал Кнут, «Петербургские зимы» были восприняты с восхищением⁸⁹, на что уже указывал современный исследователь⁹⁰. Обнаруженный кнудовский текст служит дополнительным этому свидетельством и добавляет к библиотеке поэтических посвящений Г. Иванову – от имеющего массовую читательскую аудиторию «Царского Села» О. Мандельштама до, скажем, известных лишь знатокам сонета-акrostиха «Гора идти не хочет к Магомету» В. Курдюмова⁹¹ или его же «Городской повести»⁹² – еще один стихотворческий опыт.

п р и м е ч а н и я

¹ *Адамович Георгии. Анна Присманова: (Вступительное слово на собрании 16 декабря) // Русская мысль. 1962. № 1796. 6 февраля. С. 2.*

² О Гингере см.: *Перельмутер Вадим*. Под созвездием Блинецов: (Анна Присманова и Александр Гингер) // Октябрь. 1996. № 11. С. 117-123; *Чагин А.И.* «Насквозь мужественный мир» Александра Гингера // А.И. Чагин. Пути и лица: (О русской литературе XX века). М., 2008. С. 360-373 (впервые: 1995); *Livak Leonid*. Aleksandr Ginger // *Twentieth-Century Russian Émigré Writers* / Ed. By M. Rubins. Deitroit, 2005. P. 128-133; о Кнуте – *Хазан Владимир*. Довид Кнут: Судьба и творчество. Lyon, 2000; *Федоров Ф.П.* Довид Кнут. М., 2005.

³ В статье, написанной в 1996 г. и многих в России впервые познакомившей с именами А. Гингера и его супруги А. Присмановой, В. Перельмутер, представлял их как своего рода эмигрантов-отшельников, умудрившихся замкнуться внутри самого по себе закрытого беженского гетто:

Присманова и Гингер осознанно выбрали образ жизни герметически закрытый, друг подле друга, размыкая семейный круг редко и для немногих, непосторонних людей. Популярности это не способствует – так, беглые мемуарные упоминания, не сведения – впечатления, почти случайный промельк странно-отрешенной пары... (*Перельмутер Вадим*. *Op. cit.* С. 119).

Данная характеристика несколько исказит истинную картину: вряд ли черты реального отшельничества Гингера и Присмановой были столь резкими. Опуская многие другие возражения, ограничусь лишь упоминанием того факта, что после войны их квартира превратилась в один из центров культурной жизни эмиграции, в полном значении слова – литературный салон, свидетельством чему является сохранившийся альбом, в котором оставили свой след практически все жившие в это время в Париже писатели и поэты – от И. Бунина и Г. Иванова до Ю. Терапиано и Ю. Одарченко. Не соглашаясь с автором статьи в том, что «Анна Присманова и Александр Гингер остались незамеченными, прозванными – и критикой, и читателями» (в известной мере эту максиму можно приложить к любому другому эмигрантскому поэту из тех, кто начал свою творческую жизнь в изгнании), следует между тем разделить ее главный пафос: поэзия того и другого заслуживает гораздо большего читательского и исследовательского внимания, чем она получила до нынешнего дня.

⁴ См.: *Менегальдо Елена*. Борис Поплавский – от футуризма к сюрреализму // Борис Поплавский. Автоматические стихи. М., 1999. С. 5-30; *Menegaldo Hélène*. La jeune génération des avant-gardistes russes à Paris (1921–1930) // *Slavica Occitania* (Toulouse). 2000. N 10. P. 249-260; *Menegaldo H.* Boris Poplavski: Rencontres à Montparnasse (1922–1935) // *Pleine Marge* (Paris). 2001. N 33. Juin. P. 122-143; *Менегальдо Елена*. Поэтическая вселенная Бориса Поплавского. СПб., 2007; *Gayraud R.* Promenade autour de «Ledentu le Phare» // *Иизд. Ledentu le Phare*. Paris, 1995. P. 81-156; *Гейро Режис*. «Твоя дружба ко мне – одно из самых ценных явлений моей жизни...» // Борис Поплавский. Покушение с негодными средствами: Неизвестные стихотворения. Письма к И.М. Зданевичу / Сост. и предисл. Р. Гейро. М.; Дюссельдорф, 1997. С. 9-26; *Гейро Р.* К типологии поэзии первой русской эмиграции // *Revue des études slaves*. 1998. Vol. 70. N 1. P. 187-199; *Livak L.* Histoire de la littérature russe en exil: La 'période héroïque' de la jeune poésie russe à Paris // *Revue des études slaves*. 2001. Vol. 73. N 1. P. 133-150; *Livak Leonid*. How It Was Done in Paris: Russian Émigré Literature and French Modernism. The University of Wisconsin Press, 2003; *Ливак Леонид*. «Героические времена молодой зарубежной поэзии»: (Литературный авангард русского Парижа (1920–1926) // *Диаспора: Новые материалы*. VII. Париж; СПб., 2005. С. 131-242; *Ливак Леонид*. Ранний период русской эмиграции: По материалам собрания Софьи и Эжена Пети // *A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes*. Stanford, 2006; и нек. др.

⁵ Некоторые наблюдения на эту тему см. в моей статье: *Khazan Vladimir*. Some Observations on the Early Years of Émigré Poetry // *Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись*. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 153-181.

⁶ См., например: *Bibliography of Russian Émigré Literature 1918–1968* / Comp. Ludmila A. Foster. Vol. 1. Boston, 1970. P. 627; *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский

- Берлин 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983. С. 315; *Струве Глеб*. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. 2-е изд., испр. и доп. Paris, 1984. С. 406; *Gladkova Tatiana, Tatiana Ossorguine*. L'émigration russe. Revues et recueils, 1920–1980: Index général des articles. Paris, 1988. P. 250; Краткая Еврейская Энциклопедия. Т. 4. Иерусалим, 1988. С. 397; *Цигельман Яков*. Здравствуй, Довид Кнут! // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе. Вып. 1. Иерусалим, 1992. С. 72; *Алексеев А.Д.* Литература русского зарубежья: Книги 1917–1940: Материалы к библиографии. СПб., 1993. С. 86, 197; Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: В 2-х томах. Т. 2. М., 1994. С. 662; Вернуться в Россию – стихами...: 200 поэтов эмиграции: Антология / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. сведений В. Крейд. М., 1995. С. 630; *Ходасевич В.Ф.* Собрание сочинений: В 4-х томах. Т. 4. М., 1997. С. 690, 724; и др.
- ⁷ *Хазан В.* Материалы к биографии Д. Кнута // Довид Кнут. Собрание сочинений: В 2-х томах. Т. 1. Иерусалим, 1997. С. 48-49.
- ⁸ *Поплавский Б.Ю.* Сочинения. СПб., 1999. С. 284.
- ⁹ *Андреев Вадим*. История одного путешествия. М., 1974. С. 304.
- ¹⁰ См. первый биографический очерк о нем Л. Флейшмана в: *Божнев Борис*. Собрание стихотворений: В 2-х томах. Т. 1 / Под ред. Л. Флейшмана. Berkeley, 1987. С. 7-19 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts, Vol. 23), а также: *Флейшман Лазарь*. Неизвестный Божнев // Readings in Russian Modernism: To Honor Vladimir Fedorovich Markov / Ed. R. Vroon, J. Malmstad. M., 1993. С. 102-108; см., кроме того: *Гейро Р.* Странная одиссея Бориса Божнева // Русская мысль. 1987. № 3702. 4 декабря. С. 10; *Гейро Р.* К типологии поэзии первой русской эмиграции // Revue des études slaves. 1998. Vol. 70. N 1. P. 187-199; *Устинов Андрей, Константиин Поливанов*. На грани: Борис Божнев в 1930-е годы // From the Other Shore (Toronto). 2002. Vol. 2. С. 21-47.
- ¹¹ Кроме приведенного, см. еще посвященные ему Поплавским стихотворения «Дождь» (1925–1929), впервые опубликованное в журнале «Воля России» (1930. № 3. С. 207), а затем включенное в единственный вышедший при жизни поэта сборник «Флаги» (1931), и «Бардак на весу», а также использование свешниковской строки – «навьлет на бегу» – в качестве эпиграфа к стихотворению «Закончено отмщение: лови!» (1926).
- ¹² *Свешникову*, названному по псевдониму Кемецким, посвящен «Сонет V» (1924) Гингера (*Гингер Александр*. Преданность. Париж, 1925. С. <51>).
- ¹³ *Лихачев Д.С.* Избранное: Воспоминания. Изд. 2-е, перераб., СПб., 2000. С. 317-339; о неточности мемуариста, называющего «Недра» берлинским журналом, см.: *Хазан В.* Несколько заметок на полях исследований русской литературы в эмиграции // Canadian-American Slavic Studies. 37, No 1–2 (Spring–Summer 2003). С. 134.
- ¹⁴ В стихотворении «Мания преследования» (1925), в котором запечатлено необоримое, как болезнь, чувство стихотворства, Гингер писал:
- Стихотворительное одержанье,
Язык богов, гармония комет!
Бессонный клин, сознательное ржанье
Моих разлук, моих плачевных смет.
(Гингер Александр. Жалоба и торжество. Париж, 1939. С. 17).
- ¹⁵ *Современные записки*. 1927. № 32. С. 145.
- ¹⁶ См. в воспоминаниях Г. Издебской, называющей среди посетителей кафе Хамелеон, где проходили заседания одного из самых ранних литературных объединений эмигрантских поэтов «Гатаралак», имя Талова,
- чьи строки мне до сих пор запомнились: «Я, трубадур <в подлиннике: “менестрель”> России, Марк-Мария-Людовик Талов...» и еще: «Как хочется вдрут

крикнуть в пустоту О женщинах, о голоде, о хлебе!» <в подлиннике: «Как мне хотелось бы вдруг крикнуть в пустоту Об одиночестве, о женщинах, о хлебе!...»> (Издбская Галина. «Гатарапак» // Новое русское слово. 1953. № 14863. 5 января. С. 3).

Ей вторит А. Седых: в Хамелеоне выступал

...странный человек с чувственным ртом и безумными глазами, называвший себя Марк Мария Людовик Талов, – к своему имени он скромно прибавлял эпитет: «трубадур России» (Седых А. Далекое, близкие. 2-е изд. N.Y., 1962. С. 260).

Ср. также в мемуарах А. Бахраха, вспоминавшего о

странноватом небольшом человечке с бегающими глазами, с необыкновенно длинной по тем временам гривой волос, пробивающихся из-под широкополой шляпы, казавшейся каким-то подобием сомбреро. Я запомнил этот головной убор, потому что носил его Талов неспроста. В какой-то мере это было подчеркиванием своей необычной индивидуальности, а в то же время напоминанием об «испанизме», которым он всегда любил щегольнуть. Должен сознаться, что в те дни это, действительно, ошарашивало и притягивало к нему (Бахрах Александр. По памяти, по записям... II // Новый журнал. 1993. № 190–191. С. 341–342).

Отметим попутно автограф Талова на подаренном Гингеру сборнике стихов «Двойное бытие» (1922): «Дорогому Шуре <экстравагантный Талов изобразил букву Ш в виде лиры> Гингеру. Марк-Людовик Талов. Париж, Ш 23 1922» (хранится в Тургеневской библиотеке, Париж).

¹⁷ Имеются в виду два сборника таловских стихов, изданных в Париже: «Любовь и голод» (1920; на обложке – 1921) и «Двойное бытие» (1922).

¹⁸ Hoover Institution Archives. Stanford University (USA). G. Struve Coll. Box 75. Folder 13. Через месяц в «Новом русском слове» были напечатаны воспоминания Бахраха о Талове «Поэт-расстрига» (1979. 27 мая).

¹⁹ Впрочем, это не помешало одному из рецензентов (С. Астров) отнести к Талову как поэту, внушающему надежду, который «при серьезной работе над собой <...> сумеет дать нечто значительное» (Современник. 1914. Кн. 4. С. 121).

²⁰ Л. В.<ойтоловский>. Парнасские трофеи // Киевская мысль. 1912. № 224. 14 августа. С. 2.

В своих стихах г. Талов, – не без издевки замечал этот критик, – много печалится о ноктюрнах, о певучих скрипках, о грустных цитрах, – отчего бы ему совсем не посвятить себя музыке? Может быть, он гораздо более композитор, чем поэт? Во всяком случае, в этой области – при его усидчивости – он имеет все шансы сделаться если не творцом, то по крайней мере директором музыкальной школы. А на поэтическом поприще с такими приторными стихами, боюсь, он наживет себе одни неприятности (там же).

²¹ Так, например, ему мог быть известен забавный эпизод знакомства Талова с К. Бальмонтом, о котором повествует И. Эренбург в мемуарной книге «Люди, годы, жизнь»:

Талову очень хотелось прочитать свои стихи Бальмонту; я его взял с собой, но он от смущения сбился и вместо стула сел на горячую железную печку. Все рассмеялись, а Бальмонт принялся хвалить стихи, которых он так и не услышал (Эренбург Илья. Собрание сочинений: В 8-ми томах. Т. 6. М., 1996. С. 437).

Эта сцена приведена и в воспоминаниях самого Талова и в некоторых деталях разнится с эренбургскими:

<Паоло> Яшвили помогал К. Бальмонту переводить «Витязя в тигровой шкуре», а потому часто бывал у него. Он привел меня к Бальмонту в феврале 1914 года.

Меня и бывшего уже там Илью Эренбурга усадили за особый «детский» столик вместе с дочкой Бальмонта – Нинкой, а за длинным, ярко освещенным столом восседали Константин Дмитриевич с Екатериной Алексеевной и их гости. В тот вечер, кроме Яшвили, здесь были переводчик Биншток, скульптор Виттис, поэт Балтрушайтис... Константин Дмитриевич попросил меня прочесть стихи. Я вышел из-за стола, отступил на два шага и сел на печку, с которой мгновенно встал, обжегшись (*Талов Марк. Воспоминания. Стихи. Переводы. М.; Париж, 2005. С. 26*).

Свои воспоминания о Талове (см. далее) Кнут завершает такой фразой:

Впоследствии мне стало известно от Бальмонта, что Марк Мария Людовик Т<ал>ов <...> происходил из одесской еврейской семьи (*Кнут Довид. Собрание сочинений. Т. 1. С. 268*).

Из того же источника он мог узнать о приключившимся с Таловым в доме Бальмонта конфузе во время чтения стихов.

²² Кнут Довид. Русский Монпарнас // Последние новости. 1927. № 2444. 1 декабря. С. 3. Фрагмент из этого очерка (без указания имени автора, замененного абстрактным «современник»), именно тот, где рассказывается о «жившем в невообразимой нужде» Талове, был вложен в статью С.П. Мельгунова «Горе-авторы нашего зарубежья» (С.М. <С. Мельгунов>. Горе-авторы нашего зарубежья // Возрождение. 1953. № 30. Ноябрь-декабрь. С. 175).

²³ См. о нем: Хазан Владимир. «Могучая директива природы». Три этюда об эротических текстах и подтекстах // Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре: Эпоха модернизма. М., 2008. С. 195-201, 214-218.

²⁴ Мочульский К. Молодые поэты // Последние новости. 1929. № 3004. 13 июня. С. 2.

²⁵ Терапиано Ю. Парижские молодые поэты // Своими путями. 1926. № 12/13. С. 45.

²⁶ Дни. 1925. № 818. 4 октября. С. 3.

²⁷ Своими путями. 1926. № 12/13. С. 5.

²⁸ См.: Возрождение. 1926. № 415. 22 июля.

²⁹ Который не только присутствовал на выступлениях Маяковского в Берлине, но и сделал его карандашный набросок, см.: Menegaldo H. Boris Poplavski: Rencontres à Montparnasse (1922–1935) // Pleine Marge (Paris). 2001. N 33. Juin. P. 123–124.

³⁰ Ср. еще в «Вечернем благовесте» Поплавского явный отзвук Маяковского: «Мне хочется простого, как мычання...» (*Поплавский Б.Ю. Сочинения. С. 254*).

³¹ Близкие друзья, включая, естественно, Поплавского, обыкновенно звали Гингера Шура – именно так называет его Кнут в акростихе, ср. в дневниковой записи Поплавского от 2 января 1928 г.:

На Новый год я заметил, один сказал Шуру, что сидел направо: «За твое семейство!», потом он сказал: «Выпьем за некоторую Шапиро!» и пожал мне руку выше кисти (единственная ласка от Гингера за всю жизнь») (*Поплавский Б.Ю. Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма / Сост. и коммент. А. Богословского и Е. Менегальдо. М., 1996. С. 156*).

На фоне по-приятельски звучащего «Шуры» строго-официальный «Александр» в упомянутых стихах Поплавского задает тексту иную интонационную семантику, – разумеется, смехо-игровую. В «Разговоре автора с самим собой» (1924) Гингер, работавший в той же поэтике, что и Поплавский, обыгрывает разные стилистические регистры своего имени, обращаясь сначала к себе «по-поплавски» как к Александру, а затем предлагает покликать Шуру (*Гингер Александр. Преданность. Париж, 1925. С. <60>*).

³² Поплавский Б.Ю. Сочинения. С. 331.

- ³³ К.А. Терешкович был не только живописцем, как обычно принято думать, но и театральным художником: так, например, он оформил вместе с Е. Лурье (декорации, костюмы) балет Л. Мясина «Choreartium» (1933) на музыку 4-й симфонии Брамса.
- ³⁴ В воспоминаниях И. Карской (см. о ней ниже) говорится о том, что Х. Сутин писал портрет Гингера (*Карская Ида. Из бесед с В.П. Чинаевым // Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski / Ed. by L. Fleishman. Stanford, 1999. С. 230*). Такой портрет нам неизвестен. По всей видимости, мемуарист путает его с портретом Терешковича.
- ³⁵ *Гингер Александр*. Свора верных. Париж, 1922. С. 13.
- ³⁶ О «конно-беговых» интересах Терешковича см., например: *Лидарцева Н.* Константин Терешкович: Художник и владелец конюшни // *Русская мысль*. 1962. № 1860. 5 июля. С. 5.
- ³⁷ Цит. по: *Устинов Андрей, Константин Поливанов*. *Op. cit.* С. 31.
- ³⁸ *Кнут Довид*. Собрание сочинений. Т. 1. С. 379.
- ³⁹ *Ливак Леонид*. «Героические времена молодой зарубежной поэзии». С. 145.
- ⁴⁰ «Опыт “Татарпака”» был напечатан в той же газете «Haaretz» (1953. 10 июля), что и упоминавшиеся выше «Первые встречи, или три русско-еврейских поэта».
- ⁴¹ *Талов Марк*. Воспоминания. Стихи. Переводы. С. 60.
- ⁴² Об Исааке Ильиче Раскине известно крайне мало. Хотя бы для первоначального заполнения биографической лакуны упомянем три автографа на подаренных ему книгах. Один принадлежит Талову и сделан на сборнике его стихов «Любовь и голод» (Париж, 1921): «Дорогому Исаку Ильичу Раскину с чувством искренней симпатии. Марк-Людовик Талов. Париж. 1-ое января 1922», два других – поэту А.Я. Браславскому (псевд. А. Булкин) на одинаково названных книгах его «Стихотворений» (Париж, 1926 и 1929): «Исаку Ильичу Раскину в память давнего знакомства. Автор. Париж 29.11.32» и «Исаку Ильичу Раскину от Автора на память о старом знакомстве. Paris, 29.10.32» (все три дарственных экземпляра хранятся в Тургеневской библиотеке, Париж).
- ⁴³ См. его некролог, написанный А. Бахрахом (?), в котором о последних годах жизни Карского говорилось:

С юных лет Карский тяготел к живописи, одновременно грешил стихами, кое-когда писал статьи по художественной критике. Как всякий эмигрант он долгое время переходил от одного поприща к другому – и только после минувшей войны, примкнув в качестве переводчика к газете «Combat», в располагающей редакционной атмосфере, неожиданно обнаружил свое настоящее призвание. В журналистике он окончательно обрел себя. После освобождения, сотрудничая в виднейших парижских и провинциальных газетах, Карский в предельно краткий срок создал себе значительное имя, и с его статьями и репортажами (он успел исколесить почти всю послевоенную Европу), всегда интересными, проницательными и, главное, объективными, нельзя было не считаться. В разншерстной эмигрантской среде он был одним из немногих, кто, не порывая со своими русскими корнями, сумел по-настоящему утвердиться во французском журнальном мире (*А.Б. Сергей Карский // Новоселье*. 1950. № 42–44. С. 228).

- ⁴⁴ См. ее упоминавшиеся выше воспоминания: *Карская Ида*. *Op. cit.* С. 200–233.
- ⁴⁵ *Поплавский Б.Ю.* Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма. С. 132.
- ⁴⁶ *Ibid.*
- ⁴⁷ Воспоминания приводятся по оригиналу, хранящемуся в ОР РГБ. Ф. 754. Карт. 2. Ед. хр. 15. Л. 7–8 (текст несет на себе следы правки, сделанной Г. Адамовичем).
- ⁴⁸ По всей видимости, именно эта столовая была запечатлена на фотографии, которую много лет спустя показывал Терешкович А. Седых:

С фотографии глянули на меня лица двух мальчиков, нам обоим было по 18 лет. Боже, сколько у меня было тогда волос, какая пышная шевелюра! Фотография была снята в русской студенческой столовой на рю де Валанс. Мы с Костей сидели за борщом, а позади стояли повар и подавальщица Анна Марковна, женщина с лицом располневшей Юноны, питавшая женскую слабость к представителям артистической богемы и подкладывавшая нам на тарелку побольше каши... Борщ, котлеты с картофельным пюре и чай стоили 2 франка 10 сентов, но и это временами было для нас недоступно, и тогда мы получали в студенческой организации бесплатные талоны на обед. Костя еще помнил голод, который он пережил в России, и неизменно съедал две тарелки борща (*Седых Андрей*. Терешкович // Новое русское слово. 1972. № 22664. 2 июля. С. 2).

⁴⁹ Имеется в виду Мария-Розалия Михайловна Гингер (урожд. Блюменфельд; 1876–1942, погибла в Освенциме), зубной врач по специальности; ей посвящено стихотворение сына «Свора верных» (1918) из одноименного сборника. До женитьбы в 1926 г. на поэтессе А.С. Присмановой (1892–1960) Гингер жил с матерью, отец остался в советской России.

⁵⁰ Вспоминавший о Терешковиче, Поплавском и о себе в раннюю эпоху эмиграции А. Седых писал:

В это время мы жили в довольно убогом отеле на улице Гоблен. Проточной воды в отеле не было, и у каждого в комнате стояла большая фаянсовая чашка и кувшин с водой; при помощи этого кувшина мы совершали свои поверхностные омовения. Терешкович, Борис Поплавский и я жили в соседних комнатах, жили весело, шумно и временами довольно беспутно (*Седых Андрей*. Ор. cit. С. 2).

⁵¹ Из посвященного Б. Божневу стихотворения Гингера «Amours» (1922); в оригинале:

Разврат обезволащивает темя

И крайне ослабляет мышцы ног (*Гингер Александр*. Преданность. С. <9>).

То же двустишие приводит Кнут в своих воспоминаниях о Гингере (*Кнут Довид*. Собрание сочинений. Т. I. С. 271).

⁵² Из стихотворения Гингера «Хиромантия» (1923), посвященного Поплавскому (*Гингер Александр*. Преданность. С. <43>).

⁵³ ОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1315. Ед. хр. 5.

⁵⁴ Имеются в виду поэт Н.Н. Туроверов (1899–1972) и А.К. Семенченков, которые свою казачью общественную деятельность совмещали с коллекционированием предметов культуры казачьей старины.

⁵⁵ *Гингер Александр*. Жалоба и торжество. С. 18.

⁵⁶ *Зноско-Боровский Евг. А.* Парижские поэты // Воля России. 1926. № 1. С. 158.

⁵⁷ Опубликована в: *Луцкий Семен*. Сочинения / Подг. текста, сост., вступ. статья и коммент. В. Хазана. Stanford, 2002. С. 175, комментарий к ней, с. 405–406 (Stanford Slavic Studies. Vol. 23).

⁵⁸ Некоторые наблюдения над «биллиардно-киевой» образностью в связи с переключкой фрагмента из набоковского «Дара» с эмигрантской поэзией см. в: *Хазан Владимир*. «Превращающая болезнь в стихи»: (Три заметки о мотивах «болезни» и «смерти» в поэзии русской эмиграции) // *Studia litteraria Polono-Svavica*. 6: Morbus, medicamentum et sanus. Warszawa, 2001. С. 296–298.

⁵⁹ Ср. в воспоминаниях А. Бахраха о Гингере:

...едва ли в нашем окружении был кто-либо другой так глубоко и так настоящему влюбленный – другого слова не подыскать – в русский язык, так безошибочно чувствующий вес каждого слова, так хорошо знавший не только русскую поэзию во всех ее проявлениях, но и все тонкости русского стихосло-

Или в воспоминаниях В. Сосинского:

Будучи замечательным знатоком русского языка, особенно древнерусского, т.е. церковнославянского, и из всех писателей наиболее любивший Аввакума, Николая Семеновича Лескова из села Горохова Орловского уезда и Алексея Михайловича Ремизова, – Гингер зачастую писал стихи так небрежно, нарушая все правила грамматики, которую обожал, так чисто по-хулигански вкрапливал нарочитую безграмотность, которую в других презирал, что я, прочтя его новое стихотворение, взрывался: «Каким же надо быть Элиотом, чтоб писать такие стихи! Побойся Бога, Саша!» (*Сосинский Владимир*. Конурка // *Вопросы литературы*. 1991. № 6. С. 192).

- ⁶⁰ *Померанцев Кирилл*. Сквозь смерть. Overseas Publications Interchange Ltd., 1986. С. 58 (ряд утверждений в этих мемуарах, и именно в связи с Гингером, грешат неточностями). См. к этому опубликованное В. Крейдом его письмо Гингеру от 10 августа 1965 г.:

Тебя и Присманову всегда отличала эта оригинальность, точнее, «индивидуальность», т.е. отенгичность. Для профана и простака (в каком-то смысле «простаком» был даже Маковский) Твои «матерные ложи» <sic>, «стоячие дома» и прочие «отцы» скандал и чуть ли не безграмотность, для знатока – это труднейшие из удач, те огненные клейма, что отмечают все настоящее, т.е. самое трудное для понимания (цит. по: *Другие берега: Портреты писателей эмиграции: Мемуары / Сост., автор предисл. и комм. В. Крейд. М., 1994. С. 376*).

- ⁶¹ *Терапиано Юрий*. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 229.

- ⁶² В письме Гингеру от 6 мая 1953 г. Адамович сообщал:

От Маковского я получил третьего дня Ваш сонет <речь идет о «Просительной не стираю длани»> и тут же вернул его ему с резолюцией. Смысл ее был в том, что 1) «матернее» – чисто русское слово, у Даля подтвержденное пословицей о «матернем сердце» 2) «мечт» – по Ушакову не употребительно, но мнение Ушакова произвольно и никаких незыблемых законов на этот счет нет и быть не может. Я указал Маковскому на «мачт» и «почт», но жалею об этом. Он может возразить, что «мачта» и «почта» сохраняют в имени<ельном> падеже многожеств<енного> числа ударение на первом слоге, вследствие чего «мачт» и «почт» меньше режет слух. Но «черта», например, множ<ественное> число «черты, черт»... почему же возражать против «мечт»? Я лично не употребил бы этого слова, но не вижу возражений. Главное же, и это я написал Маковскому: все это вопросы *стиля*, а стиль Вашего сонета требует таких изысков и вольностей. Стиль выдержан, а грамматика тут ни при чем (Письма Георгия Адамовича / Публ. и прим. В. Крейда // *Новый журнал*. 1994. № 194. С. 266).

- ⁶³ *Адамович Георгий*. Об Александре Гингере // *Мосты*. 1966. № 12. С. 267. В письме от 9 октября 1952 г. Адамович поддразнивал Гингера:

Честное слово, собираюсь писать Вам каждый день, чувства к Вам питаю самые матернии, а собраться все не могу (Письма Георгия Адамовича / Публ. и прим. В. Крейда // *Новый журнал*. 1994. № 194. С. 264).

- ⁶⁴ *Червинская Лидия*. После панихиды: (Памяти Георгия Иванова) // *Русская мысль*. 1958. № 1270. 27 сентября. С. 5.

- ⁶⁵ *Терапиано Ю.* Августовские даты // *Русская мысль*. 1962. № 1885. 1 сентября. С. 7.

- ⁶⁶ *Иваск Юрий*. Золушка. Нью-Йорк, 1970. С. 56.

- ⁶⁷ Современник (Торонто). 1961. № 4. С. 9.
- ⁶⁸ *Евсеев Николай*. Крылатый шум. Париж, 1965. С. 85.
- ⁶⁹ *Чиннов Игорь*. Пасторали. Париж, 1976. С. 62.
- ⁷⁰ Современник (Торонто). 1971. № 22–23. С. 76.
- ⁷¹ *Морштен Николай*. Пуще неволи. М., 2000. С. 73.
- ⁷² «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990 (Первая и вторая волна): В 4-х книгах. Т. 3. М., 1996. С. 240.
- ⁷³ Содружество: Из современной поэзии Русского Зарубежья. Вашингтон, 1966. С. 369.
- ⁷⁴ «Мы жили тогда на планете другой...». Т. 4. С. 153.
- ⁷⁵ Русская мысль. 1962. № 1864. 14 июля. С. 7.
- ⁷⁶ *Иванов Георгий*. Девять писем к Роману Гулю / Публ. Г. Поляка; комм. А. Арьева // Звезда. 1999. № 3. С. 140-141.
- ⁷⁷ *Терапиано Юрий*. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). С. 71.
- ⁷⁸ *Иванов Г.В.* Собрание сочинений: В 3-х томах. Т. 3. М., 1994. С. 607. Кстати сказать, развенчиваемый в статье Иванова Г. Адамович, также обращаясь к кнотовской полемической максиме и в целом не соглашаясь с ней, говорил в ходе дебатов на заседании «Зеленой лампы»:
- Мы слышали на прошлом собрании, что столица русской литературы не Москва, а Париж, что Пушкин написал свои лучшие вещи как раз об иностранцах. Это будто бы доказывает, что на русском языке можно писать и не о России, и все будет обстоять благополучно. Здесь проделано такое салгомортале, что просто нельзя опомниться, как оно произошло (*Терапиано Ю.* Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 53).
- ⁷⁹ *Одоевцева Ирина*. На берегах Сены. М., 1989. С. 66.
- ⁸⁰ *Иванов Г.В.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 329.
- ⁸¹ *Кнут Довид*. Собрание сочинений. Т. 1. С. 112.
- ⁸² *Иванов Г.В.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 23.
- ⁸³ *Ibid.* Т. 1. С. 520.
- ⁸⁴ Звено. 1926. № 180. 11 июля. С. 1.
- ⁸⁵ Русские записки. 1938. № 10. С. 199.
- ⁸⁶ *Кнут Довид*. Собрание сочинений. Т. 1. С. 202.
- ⁸⁷ Очень возможно, что сам доклад был импульсирован статьей В. Ходасевича «Скучающие поэты» (Возрождение. 1930. № 1703. 30 января. С. 3), в которой шла речь о томительном однообразии молодой эмигрантской поэзии.
- ⁸⁸ Информацию об этом вечере с ошибочно указанной датой – 15 марта, см.: Числа. 1930. № 2/3. С. 278.
- ⁸⁹ См. сделанный на собрании «Кочевья» 2 мая 1929 г. доклад Б. Поплавского о «Петербургских зимах» (см.: *Поплавский Б.Ю.* Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма. С. 253-255).
- ⁹⁰ *Тименчик Р.Д.* Георгий Иванов как объект и субъект // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 348.
- ⁹¹ *Курдюмов Всеволод*. Ламентации мои. Птг., 1914. С. 39.
- ⁹² *Курдюмов Всеволод*. Свет двух свечей. Птг., 1915. С. 4.

«ОСТАНОВИСЬ, ПРОХОЖИЙ!»

Фрагменты из беллетризованных воспоминаний
Л.Ю. Брик о Маяковском

Бенгт Янгфельдт

«Остановись, прохожий!», беллетризованные автобиографические заметки Лили Юрьевны Брик, где она говорит о себе в третьем лице, были написаны после войны, когда именно, – неизвестно. Копия машинописи была передана мне В.В. Катаняном в начале 1980-х гг. В ней 26 страниц, напечатанных на машинке, а также две страницы со вставками, написанные рукой автора.

Большая часть текста является переработкой воспоминаний Л.Ю. Брик, начатых в 1929 г. и опубликованных в разное время; последнее и наиболее полное (но не полное) издание – сборник «Пристрастные рассказы» (Нижний-Новгород, 2003). Публикуемые здесь фрагменты рассказывают об эпизодах ее жизни, которые не отражены в воспоминаниях или, если отражены, то в несколько другом виде. Первая часть текста относится к 1915 г., вторая – к осени 1925 г.

Название «Остановись, прохожий!» отсылает как к стихотворению М.И. Цветаевой «Прохожий» (1913) («Я тоже была, прохожий! / Прохожий, остановись!»), так и к поэме «Человек», где в главке «Маяковский векам» Маяковский спрашивает: «– Прохожий! / Это улица Жуковского?» (здесь в 1915-18 гг. жила Л.Ю. Брик). Тесная связь названия этих воспоминаний со строками Маяковского подчеркивается и тематической близостью текста Л.Ю. Брик, в котором тема самоубийства служит лейтмотивом, поэме «Человек»:

Слоняюсь.
Мост феерический.
Влез.
И в страшном волнении взираю с него я.
Стоял, вспоминаю.
Был этот блеск.
И это
тогда
называлось Невою.

Эпиграфом для рассказа Л.Ю. Брик выбрала слова из стихотворения Маяковского «Себе, любимому, посвящает эти строки автор» (1916): «Моих желаний разнузданной орде / Не хватит золота всех Калифорний!».

Черточки, многоточия, так же как и правописание, соответствуют подлиннику; мои сокращения обозначены квадратными скобками.

1.

[...] Господи! Неужели папа умрет!..¹

– Да, будет вам! Ведь совсем еще не известно рак ли это. И, по моему, он стал лучше выглядеть, и...

– Не разговаривайте с нами, как с маленькими! Я не видела папу полтора месяца и вид у него страшный!

Лиля оглянулась на дачные окна, а за ней Эля² и Лева³. Окна занавешены и молчат.

– Который час?

– Скоро семь.

– А как темно!

– Это из-за туч.

– Будет дождик. Как Вы потащитесь в город?

Огонек папиросы. Негромкий ласковый бас:

– Элик! Я за вами. Пойдем, погуляем?

– Владимир Владимирович! Здравствуйте! Лиличка, это Маяковский. А это моя сестра. А это Лев Александрович Гринкруг.

– Пойдем, Элик!

Эля высоко подняла брови, посмотрела на сестру:

– Я пойду, Лиличка?

Лиля и Лева остались сидеть на лавочке.

– Как там Ося?⁴ Я ужасно соскучилась. Вчера, когда мама вышла из комнаты, папа сказал: «Обещай мне, Линка, часто приходите ко мне на могилу. А на памятнике напишите просто: ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ Ю.А. КАГАН. РОДИЛСЯ 15 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА. УМЕР ТОГДА-ТО»⁵. И расплакался. Я все, все обещала и сказала, что это его воображение и что он обязательно выздоровеет. Он посмотрел на меня такими грустными глазами... А, может быть, он и правда выздоровеет?

Замолчали. Мимо прошла компания дачников.

– Как Катерина Васильевна?⁶

– А ну ее, она стала такая обидчивая. Если один раз пропустить как она танцует, не оберешься неприятностей.

Начался дождь. Дачный дождик, тихий, шелестящий. Где же Эля? Без нее нельзя идти домой. Где, да с кем, да опять с этим футуристом, да это плохо кончится.

Лиля и Лева сидят, как проклятые, накрывшись левиным пальто. Две сиротки.

Эльза Каган, в будущем Триоле,
в годы увлечения Маяковским
(Архив Бенгта Янгфельдта).

Ю.А. Каган, отец Л.Ю. Брик,
снятый на Кузнецком мосту [б. д.]
(Архив Бенгта Янгфельдта).

Хорошо, что дождь не очень сильный и плохо, что его можно и не заметить в лесу, под деревьями. Можно не заметить и дождь и время. При Элином темпераменте! Жаль, что она такая толстая, а то была бы красавица. И до чего ж кокетка! Сидит, сторбившись, бледная, растрепанная. Стоит войти любому мальчику и волосы причесываются сами собой и румянец, и губы, как подмазанные.

Нудный дождик! И никакого просвета! Жаль, темно было, не разглядела Маяковского. Огромный, кажется. И голос очень приятный.

Огонек папиросы. Белеет рубашка. – Вот они! На Элю накинута пиджак Маяковского.

– Куда же ты пропала? Не понимаешь, что мы не можем без тебя войти в дом? Сидим под дождем, как идиоты!

– Вот видите, Владимир Владимирович, я говорила вам!

Маяковский быстро шел к станции. Он дожевывал папиросу и уже вынимал из коробки следующую. Прикурил одну об другую и, бросив окурок, несколько раз повторил бросающее движение.

– Умница! И как хорошо целуется! Какая у нее сестра? Эля хвастается, что красавица. Жаль, темно было. Глазища, кажется, огромные и голос очень приятный.

– Элик умница! Стихи любит. Хорошо, что ей нравятся мои стихи.

– Эля... Эличка... Элинка... Элик...

– Дождь прошел. Можно было бы еще погулять. Чего она рассердилась? Целовалась бы под пальто с своим Левою! Лиля!

– Лиля... Эля... Лиля... Эля... Элик... Элик... Элик...

Маяковский остановился, закурил новую папиросу о тлеющий окурок, поднял воротник пиджака и пошел медленней.⁷

Брики хворали в своей крохотной петроградской квартире.⁸ Ося лежал на диване, с бронхитом, а Лиля вытянула колено во время балетного экзерциса и удобно устроилась на двух креслах.

Звонко. Знакомый голос из передней:

– Здесь живут Брики? Больны? Чем больны? Не заразительно?

Стук в дверь.

– Это Маяковский. Можно?

Он вошел и занял собой все пространство.

.....

Мне Эличка говорила, что Вам не нравятся мои стихи.

– Я их не читала.

.....

Маяковский не спускал глаз с лилиных ног, в натянутых ярко-белых чулках и в утренних шелковых туфельках без задников. Он напряженно жевал папиросу. Ему хотелось погладить лилины ноги и прочесть ей свои стихи.

– Стихи у меня трудные. Вы их и прочесть-то не сумеете правильно.

– Возможно. А они у вас с собой?

– Конечно. Прочесть?

– Нет, я лучше сама. И Лиля прочла вслух, с листа, несложные стихи о войне. Маяковский удивился, что без запинки.⁹

– Правда, изумительные стихи? Нравятся?

– Нет, не нравятся. Стихи как стихи – ответила Лиля, внутренне раздражаясь. Ося читал газету и старался не слушать. Он не выносил бесцеремонных людей. Ему хотелось, чтобы Маяковский ушел. Он отвернулся к стене и укрылся пледом.

Лиля беспокойно посматривала на Осю. Маяковский курил папиросу за папиросой.

Как противно, что у него плохие зубы. И, вообще, зачем он пришел?!

Лиля получила телеграмму о смерти папы.¹⁰

Это навсегда. НАВСЕГДА!

Опять разлука с Осей. Они не представляли себе, как можно расстаться хотя бы на одну ночь.

Надо купить креп. И вуаль. И туфли. Нет подходящих, черных. Как он умер? Мертвый папа на даче...

Перед дачей катафалк и карета. Ждут Лилю.

Мрачный закрытый еврейский катафалк. Туда вдвинули гроб. Мама, Лиля, Эля и Лева сели в карету и все тронулось из Малаховки в город.

В утренней газете напечатано извещение о выносе тела из московской квартиры.

Катафалк несся вскач по проселочной дороге, а за ним поспевала карета. От заставы началась булыжная мостовая. Катафалк и карета мчались как в ускоренной кино-съемке, как в «Антракте» Рене Клера¹¹, но Лиля об этом не знала.

Когда стали приближаться к городу Лева высунулся в окно и крикнул кучеру, чтобы ехал шагом.

Прохожие останавливались и смотрели вслед жидовским похоронам. Кто-то снял шапку. Кто-то по ошибке перекрестился.

Перед домом, в Спасоглинищевском переулке¹², ждала толпа родственников, друзей, знакомых и клиентов. Гроб подняли на плечи и толпа потянулась вверх по лестнице.

Гроб поставили в гостиной и сняли крышку. Лиля взглянула на папу и напряженно стала следить за мамой, чтобы не кричала, не бросалась к гробу.

– Я прошу тебя, все смотрят.

Она не заметила церемонию и уже шла за катафалком, стараясь не отставать. Она ни за что не сядет в карету! Ни за что! Якобсоны пришли...¹³ Они ведь в ссоре с мамой... «Всепримиряющая смерть». Все заплаканы, а перешептываются... Как там Ося?.. Она сможет уехать только завтра...

Она не видит по каким идет улицам. Не знает, что здесь, под ними, пройдет метро и, когда завоют сирены, люди в него прячутся.

Она идет за гробом, старается не отстать, а за ней родственники, друзья, знакомые и клиенты выступают замедленным ренеклеровским шагом. Они уже не плачут, а сдержанно смеются и вполголоса оживленно болтают.

У ворот еврейского кладбища клянчат нищие. Лева предусмотрительно наменял серебра. Лиля подает каждому и думает: – За папу.

Мужики бесцеремонно роют могилу. Когда опускают гроб, мама успевает закричать и броситься к нему. Лиля шепчет:

– Тише, умоляю тебя. Все смотрят.

Еле доплелись до кареты. Оказывается, мучительно ноют ноги.

Быстро доехали до московской квартиры. Пусто. Тихо. Мебель и лампы в чехах.

Какой вкусный чай! И есть хочется. Когда Лиля раздевалась, она обнаружила, что оба больших пальца на ногах посинели. – Не сошли бы ногти! Это надавили новые черные туфли.

[...] Маяковский заехал в номера «Мон-Репю» на той же улице Жуковского на которой жили Брики – совсем рядом. И завтра собирался назад в Куоккалу.¹⁴ Но все это было шесть часов тому назад. Ни в какую Куоккалу он завтра не поедет. Завтра, с утра, в типографию, узнавать сколько стоит напечатать «Облако». Потом к Брику. Можно сказать ему подороже. Надо платить за номер, катать Элю на острова. Совсем нет денег! А Лиля... Жаль, не актриса, не художница, не своя... Но иметь такие ногти – это лучше, чем писать гениальные стихи!

Маяковский шел от Бриков, по Жуковской, налево, в противоположную номерам сторону. С Литейного он повернул по набережной в направлении Троицкого моста.¹⁵

Как в кино прошло три дня.

У портье ждет открытка: «Дорогой Владимир Владимирович! Бросьте Ваши гешефты литературные и женские и приезжайте!»¹⁶

Маяковский не вернулся в Куоккалу. Оставил там и даму и белье у прачки.

Печаталось «Облако». Обложку надо непременно желтую. Самый красивый цвет – желтый. А что цензура – даже нравится. Загадочно как-то...

«Посвящается Лили Юрьевне Брик». Она уже привыкла, что посвящается, и ей не нравится, что написано об одной, а посвятил другой – ей.¹⁷ А как же Мария? Не хотела бы она оказаться на месте этой Марии.

«Мария» – в Одессе. В Москве – Сонка. «Сонка! Сонка! Сонка! Пусти Сонка! Я не могу на улицах! Не хочешь!»¹⁸ Нет, Мария. «Мария». Так называемая «Женщина с большой буквы». Собирательная Мария. Не все ли равно о ком? Завтра последняя корректура.

[...] Маяковский переехал из номеров в частную квартиру на Надеждинской.¹⁹ По утрам пил в Летнем саду кофе. Оттуда к Брикам. Отлучался только в редакцию Сатирикона²⁰ и в бильярдную ресторана Медведь. Ходили в гости.

Лиля, очень красивая, в новом парижском платье (один паролод на котором были модели для мадам Ольги²¹ потопили немцы, а этот пророскочил), в жемчугах ожерелья, накрашенная, рыжая.

Ты ко мне не вернешься: на тебе бархат;
Он скрывает бескрылье утомленных плечей...²²

Большой холл в мавританском стиле.²³ Коллекции фарфора, купленные вместе с мебелью в мебельном магазине. Маяковский шел, попирая ногами устланную коврами лестницу.

– Эта ваза, молвил Филя, и-о-ни-чес-ко-го стиля...

За ужином, предложив икры Лиле и Осе, он вываливал весь остаток себе на тарелку; упрекал хозяев, что мало закуски, что повар – посредственный, фрукты – бывают лучше; спрашивал, вымыты ли фрукты кипяченой водой и почему нет ананасов...

После ужина играли в покер. На нескольких ломберных столах красного дерева (– Почему без инкрустаций?!) ждали пестрые фишки и печатанные нарядные покерные карты.

Выпили! Выпили!

Жалобно плачем ли

Мы в атласных одеждах колоды карт.²⁴

Маяковский не давал партнерам опомниться. Забивал миллионеров лимитами, блефовал, острил, декламировал. И вставал из-за стола только с выигрышем. (– Нужны очень деньги!) Осип Максимович играл для игры и галантно старался закончить вничью. Лиля равнодушно проигрывалась.

Домой итти недалеко. Маяковский, постепенно мрачней, провожал Бриков до подъезда. С Жуковской он поворачивал на Литейный, с Литейного по набережной, в направлении Троицкого моста.

Он шагал до утра; искаживал версты улиц, мял торцы и асфальт. Он бормотал и плакал, вбивая ритм в тротуары. Ему казалось – Никому ненужный... Никому... Никому...

[...] Я заставлю ее полюбить себя. Пусть поревнуют эти Левы! Боже, как я люблю, когда ревнуют, страдают, мучаются!

Флейта²⁵ писалась медленно, хотя Лиля обещала приходить к Маяковскому домой слушать каждое новое флейтино стихотворение.

Лилины вкусы детально изучены. Мобилизована вся наличность – выигрыш в покер, сатириконский гонорар, утренний выигрыш на билларде. Маяковский у Елисеева.

– Нарезьте мне два фунта этого окровавленного ростбифа и дайте две банки соуса тартар к нему. И сыров, самых вонючих и разных. И вот эту корзину фруктов.

За миндальными пирожными он зашел к Де Гурме.

– Положите десяток, нет, два десятка.

Три фунта пьяных вишен и шоколадная соломка взяты у Крафта. У Эйлерса выбраны цветы.²⁶

Дома производится самая тщательная уборка. Он сам вытер пыль, подмел и проветрил. Фрукты вымыты в двух кипяченых водах. Вычищены башмаки. Повязан самый красный галстук.

Он начал ждать. Он курит папиросу за папиросой.

В соседней комнате часы пробили условленное время. Залаяла хозяйская собака. Маяковский бросился отпирать дверь.

– Я ее боюсь. Я не войду.

Лиля стояла за дверью и ждала когда Маяковский выгонит крошечную черную собаченку. Лиля еще не знала, что Володя умеет так веселиться.

– Такая большая женщина испугалась крохотной собачки! Потом обязательно познакомлю вас. Вы будете обожать друг друга!

Володя суетится вокруг Лили. Пальто, шляпа, перчатки. Сто раз мелкими поцелуями перецеловал руки.

– Я пришла к поэту в гости

Ровно в полдень, в воскресенье.²⁷

Что раньше – чай пить или стихи читать?

Конечно, стихи!

.....

– Нравится? И только? Почему не любишь? Кому же это нужно если тебе не нужно?

– Люблю, Володик. Как так – не нужно! Нужнее всего на свете! Прочти еще раз, я много строчек уже запомнила. И у нас еще столько дел впереди. Подумай, съешь все то, что ты наготовил. Я нарочно не обедала. Голодная, как черт! И Ося ждет. Каково ему знать, что есть новые стихи и стоять за ними в очереди. А каково всему остальному человечеству! Лиля говорила без умолку, боялась замолчать. И думала: – Люблю – Осю.

Маяковский провожал Лилю домой. Он шел, не произнося ни слова. Лиля мучилась – что делать? Это становится невыносимо!

Ося ждал и открыл дверь на звук захлопнувшегося на площадке лифта, не дожидаясь звонка. Он заранее радовался.

– Ну как?

Маяковский вошел, убийственно мрачный, с стиснутыми челюстями. (Ося взглянул на Лилю – случилось что-нибудь?) Маяковский с трудом разжал губы:

– Забуду год, день, число...²⁸

Каждое слово вновь рождалось в муках. Ося слушал неподвижный, не подымая глаз.

– В праздник красьте сегодняшнее число.

Творишь
распятью равная магия.
Видите –
гвоздями слов
прибит к бумаге я.

Маяковский всхлипнул, почти вскрикнул и со всего роста бросился на диван. Его огромное тело лежало на полу, а лицом он зарылся в подушки и обхватил руками голову. Он рыдал. Лиля растерянно нагнулась над ним.

– Володя, брось, не плачь. Ты устал от таких стихов. Писал день и ночь.

Ося побежал на кухню за водой. Он присел на диван и попытался силой приподнять володину голову. Володя поднял лицо, залитое слезами и прижался к осиным коленям. Сквозь всхлипывающий вой выкрикнул: «Лиля меня не любит!» Он вырвался, вскочил и убежал на кухню. Он стонал и плакал там так громко, что Лиля и Ося забились в спальне в самый дальний угол.

Маяковский еще долго рыдал на кухонном подоконнике и внезапно замолк. Вытер лицо носовым платком. Посмотрел в окно. Стиснул челюсти.

Он прошел коридором мимо двери спальной, как по пустой квартире. Слегка хлопнула дверь, щелкнув английским замком. [...]

2.

Маяковский ждал Лилю в Берлине. Он приготовил ей комнату все в том же Курфюрстен-отеле.²⁹ Цветы в корзинах и вазах на столах, на полу. Огромное дерево цветущей камелии, клумбы тюльпанов. На столе разложены мексиканские подарки. Деревянные игрушки: крохотные мексиканские лапки ювелирной работы; широкополая ковбойская шляпа; картинка с птичкой – воистину райской – склеенной из настоящих радужных перышек. Танцующие бобы. Купленная в Гаване сигарная коробка с разноцветными сигаретами – розовые, желтые, голубые, лиловые, черные. Со стола свисают пестрые коврики.

На отдельном столе фрукты и бутылка шампанского. Вторая бутылка в холодильнике со льдом. Сифон и виски.

Вот она! Улыбается из окна вагона. От долгожданной неожиданности Маяковский роняет трость.³⁰ Лиля в незнакомой беличьей курточке с большой искусственной розой в петлице.

– Родной мой!

Большие мягкие щеки. Теплые большие губы.³¹

Она кружится вокруг стола с подарками. Закуривает сигарету – ликовую, к красному платью. Заставляет танцевать бобы, гладит райскую птицу. Целует Володины родные большие белые, чуть шершавые лапы.

– Плохо вытираешь после мытья. Лиля по-хозяйски осматривает его ногти.

– Я для тебя сегодня все утро маникюром занимался.

Знакомыми чистыми, скушными улицами они идут к Хорхеру.³²

– Говорят, в Америке вкусно кормят только в очень дорогих ресторанах?

– Не знаю. Не пришлось проверить.

– Ну а в Италии, там все самое любимое в самых дешевых, в trattoria'х. Фрутти ди-маре. Эта всякая морская живность, изумительно вкусно! Но ты бы в рот не взял. Зато тутти-фрутти ты бы объелся. Огромный поднос – фрукты самые разные, миндаль, изюм, каштаны, финики. А кьянти.

– Herr Ober, дайте нам кьянти, пожалуйста.

– Тогда уж и Уайт хорз.

– Герр обер, хабен зи уайт хорз?

– Абер зельбстферштендlich, герр Маяковский!

– Красивее всего там креолки. В трамвае сидит против тебя такая красавица писанная, что нет сил вылезти на своей остановке. Так и ездил из конца в конец! Юбки? Короче чем даже в Париже. А чулки до колен. Коленки голые. Свобода движений, непринужденность удивительные. Дал я обет один³³... но об этом не могу говорить сегодня...

– Не говори, не нужно. Ты же знаешь – я совсем, совсем не любопытная...

– Знаю, что не интересую тебя абсолютно...

– Ну зачем говорить не то что думаешь? Привычный вывих? Обожаю тебя. Рада тебе. Соскучилась.

– Ты сама знаешь какой обет...

– Пять минут тому назад думала, что знаю. А сейчас опять не знаю... Лучше расскажи еще что-нибудь. Мало рассказываешь. Как там Бурлюк?

– Бурлюк стал старый, а так все тот же. Додя как Додя. Деток своих любит. Занимается живописью. Не очень мне нравится кьянти.

– А мне совсем не нравится виски.

– Чокнемся вермутом за Осю. Он очень любит вермут.

– Дома ждет тебя. Я перед отъездом купила две дюжины.

– Спасибо, солник!

– Вкуснее всего этот мозель.

– Наша Ореанда не хуже.

Пьют, уже не чокаясь. Медленно потягивают старый Бенедиктин. Все есть у Хорхера.

Но даже много выпивший Маяковский помнит свой обет. Он всматривается на сидящую напротив Лилю. Огромные глаза сияют. Еще больше стали. А вокруг глаз и около ярких губ – морщинки. Морщинки у Лили! Лиля стареет! Все равно. Лиля не женщина. Она исключение. И все-таки я не стану доживать до ее старости, ни до ее, ни до своей. Застрелюсь. Красивое платье! Ни у кого не видел, не бывает таких красивых.

От Хорхера едут в центр. Неинтересно на Фридрихштрассе после Бродвея и Канале-Гранде. Зашли в два-три безвкусных бара и ввалились в такси.

Маяковский провожает Лилю до дверей ее комнаты и уходит к себе. Что это? Обет? Чудо какое-то! Как хорошо! [...]

п р и м е ч а н и я

- ¹ Дело происходит летом 1915 г. в Малаховке под Москвой, где родители Л.Ю. Брик снимали дачу и куда она приехала навестить своего больного раком отца.
- ² Эльза Юрьевна Каган (1896–1970) – сестра Л.Ю. Брик, за которой в 1914–15 гг. ухаживал Маяковский.
- ³ Лев Александрович Гринкрук (1889–1987) – близкий друг Л.Ю. Брик. Подробнее о нем см.: Бенгт Янгфельдт. *Любовь это сердце всего. В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930.* Москва, 1991. С. 195.
- ⁴ Осип Максимович Брик.
- ⁵ Юрий (Урий) Александрович Каган (1861–1915) – юрист, присяжный поверенный, член юридической консультации при «Обществе распространения правильных сведений о евреях», один из «видных знатоков т<ак> наз<ываемого> еврейского права» (из некролога в *Еврейской неделе*. 21 июня 1915. С. 5).
- ⁶ Екатерина Васильевна Гельцер (1876–1962) – балерина, близкая подруга Л.Ю. Брик.
- ⁷ О посещении Маяковским Малаховки ср. воспоминания Л.Ю. Брик (*Пристрастные рассказы*. С. 21), а также неопубликованные воспоминания Л.А. Гринкрука: «В один из приездов <из Петрограда> [...] мы с Л.Ю. приехали в Малаховку на дачу к ее родителям, которые жили вместе с сестрой Л.Ю. [...]. Когда мы приехали на дачу, то Маяковского и Эльзы не было дома. Они ушли гулять и мать была в совершеннейшем ужасе и отчаянии, что отпустила свою дочь, молодую девушку, вечером одну с таким человеком. Маяковского она тогда совсем не знала, а слава о нем ходила, как о человеке на все способном, буйном. [...] Каково же было наше удивление, когда некоторое время спустя они вернулись домой и вместо этого чудовища мы увидели тихого, спокойного, нежного и ласкового человека. [...] Лиля Юрьевна осталась ночевать на даче, а мы с Маяковским в тот же вечер вернулись в Москву» (Архив Б. Янгфельдта). Об этом эпизоде вспоминала и Эльза Триоле («Воинствующий поэт». *Vladimir Majakovskij: Memoirs and Essays*. Ed. Bengt Jangfeldt, Nils Åke Nilsson. Stockholm, 1975. P. 29–30).
- ⁸ С января 1915 г. Брики жили в двухкомнатной квартире на ул. Жуковского, д. 7.
- ⁹ Речь идет о стихотворении 1914 г. «Мама и убитый немцами вечер» (см.: *Пристрастные рассказы*. С. 23).
- ¹⁰ Ю.А. Каган умер 13 июня 1915 г.
- ¹¹ Речь идет о фильме «Антракт» (*Entr'acte*) французского режиссера Рене Клэра (1924).

- ¹² Ошибка памяти Л.Ю. Брик. Семья жила в Спасо-Глинищевском переулке до 1905 г., потом в Петроверигском.
- ¹³ Родители Р.О. Якобсона, Осип и Анна Якобсоны.
- ¹⁴ В начале лета 1915 г. Маяковский жил в Куоккале на Карельском перешейке, а после чтения «Облака в штанах» в квартире Бриков в июле 1915 г. поселился в гостинице Пале-Рояль на Пушкинской улице. Позже он снял меблированный номер в «Мон-Репе» – в том же доме, где была квартира Бриков.
- ¹⁵ Тот самый «мост феерический», где в поэме «Человек» Маяковский обдумывает самоубийство.
- ¹⁶ Открытка, скорее всего, от К. Чуковского, с которым Маяковский много общался летом в Куоккале.
- ¹⁷ Окончательное посвящение: *Тебе, Лиля*.
- ¹⁸ Цитата из 4-й части «Облака в штанах», с той разницей, что имя Мария заменено именем Сонка. Речь идет о том, что прообразами «Марии» в поэме служили Мария Денисова и Соня Шамардина. С первой Маяковский виделся всего несколько раз в Одессе зимой 1914 г., а с Шамардиной у него был серьезный роман.
- ¹⁹ В начале ноября 1915 г. Маяковский переехал в квартиру на соседней от улицы Жуковского Надеждинской (д. 52).
- ²⁰ В 1915 г. Маяковский часто печатался в журнале «Новый Сатирик».
- ²¹ Мадам Ольга была одна из самых знаменитых петербургских портних и шляпниц.
- ²² Из стихотворения Игоря-Северянина (1910).
- ²³ Речь идет о квартире «дальних осиных родственников», в воспоминаниях Л.Ю. Брик выведенных под инициалом В. (*Пристрастные рассказы*. С. 35-36). Их настоящая фамилия – Гандельман; а имя жены – не Фанюша, а Мариша (Неопубликованные фрагменты воспоминаний Л.Ю. Брик. Архив Б. Янгфельдта).
- ²⁴ Неточная цитата из стихотворения К.Большакова «Le chemin de fer» (март 1915):
«Выпили! Выпили!», – жалобно плачем ли
Мы, в атласных одеждах фигуры карт?
Chemin de fer – здесь карточная игра, по-русски «железка», в которую часто играли в доме Бриков.
- ²⁵ Имеется в виду поэма «Флейта-позвоночник», написанная осенью 1915 г.
- ²⁶ Де Гурме, Крафт – гастрономические магазины; Эйлерс – самый знаменитый цветочный магазин в Петербурге.
- ²⁷ Из стихотворения А.А. Ахматовой, посвященного А.А. Блоку (1914).
- ²⁸ Эта и следующая цитата – из «Флейты-позвоночника».
- ²⁹ Имеется в виду Курфюрстен-отель (Kurfürsten Hotel) в Берлине, где всегда останавливались Брики и Маяковский. В этом фрагменте рассказывается о первой встрече между Л.Ю. Брик и Маяковским после его почти шестимесячного отсутствия, с конца мая 1925 г. путешествовавшего по разным странам (Франция, Мексика, США).
- ³⁰ Л.Ю. Брик провела месяц в Италии. Маяковский приехал из Парижа в Берлин 14 ноября, на день или два раньше.
- ³¹ За этой фразой следует три предложения, перечеркнутые автором: «Оба счастливы, только страшно, что сейчас вот начнут ревнивые расспросы, старая нудная вольнка. На этот раз она не выдержит. Не те нервы».
- ³² Хорхер (Horch) – знаменитый берлинский ресторан.
- ³³ Речь идет об обещании Маяковского, что после возвращения из Америки он не будет больше настаивать на интимных отношениях с Л.Ю. Брик.

JOSEPHINE PASTERNAK'S «EPILOGUE TO SAFE CONDUCT»

Ilya Gruen

Мне – и как «читателю», и как «литературоведу» – очень хотелось бы, чтобы мемуарная книга была Вами написана. Ведь, кажется, не было в XX В. в русской культуре семьи с такой напряженной духовной жизнью, родством творческих устремлений и органической связью с самыми разными и неожиданными звеньями европейской литературы и искусства. Как бы ни свободны, ни «необязательны» и «факультативны» были бы Ваши воспоминания – любая деталь в них была бы бесценной для (и будущего!) читателя.¹

In 1952, Josephine Pasternak began to read, organize and prepare for publication her father's notes, which appeared in book form in Russian in 1975, and in English in 1982.² Unlike the book edition, the manuscript of the central part of reminiscences, dating from 1940, begins with Leonid Pasternak's attempt to reconstruct the artistic biography of his wife, the pianist Rozaliia Isidorovna, who died a year earlier. In 1984, Josephine Pasternak published the most interesting fragments that were not included in the published text of her father's book, and added her own notes on her mother's final year in England.³

In Josephine Pasternak's archive, however, there is a copy of what seems to be her initial writings about Rozaliia Isidorovna's art, inspired, she states in the text, by the first publication of Boris Pasternak's prose in England.⁴ This remark allows us to date the text to 1943, as supported by a note in her diary from December 14, 1952: «Писала весь день. Вечером к Лидочке. Привезла домой то, что нап<исала> про мамочку в 1943 г.»⁵ The early text is based on the same biographical material, her mother's final year, as the later publication of 1984. Yet, the emphasis of the early text is not biographical, as demonstrated by its unusual structure.

It begins with a quote from Boris Pasternak's letter to his parents about their decisive role in his creative development, and the rest of the text maintains Boris' perspective as if it were his own.⁶ The structure of the text seems to follow that of *Safe Conduct* by overtly condensing biographical details or leaving them out in favor of the "creative biography" of the artist and his aesthetic credo. Like *Safe Conduct*, it is driven by a sense of debt to those who left the greatest imprint on the author, and who have already left this world. Josephine Pasternak admitted elsewhere that when trying to recreate her mother's image she saw her not in her youth, nor in her family role,

but in her final year before the end,⁷ and this concentration on the «final year» ties the text even further to *Safe Conduct*, which originated as an article on Rilke after his death, and concluded with Mayakovsky's suicide.

In her reminiscences, Josephine Pasternak calls her mother one of the three suns of her family, together with her father and Boris.⁸ However, the light of this sun can only be perceived as reflected by others, for she is the only member of her family who did not leave any writings, except letters to her family and friends. Josephine Pasternak's text published here is one of these many reflections.⁹

N O T E S

- ¹ From Lazar Fleishman's letter to Josephine Pasternak from 31.03.1977 (Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 14, f. 44.) In her previous letter to Fleishman, Josephine Pasternak writes about her wish to write a biographical book about her family, and her skepticism about whether she will ever complete this project and even if so, whether it would ever be published. The book of her memoirs appeared posthumously: *Tightrope Walking: A Memoir by Josephine Pasternak*. Ed. by Helen Pasternak Ramsay and Rimgala Salys. Bloomington: Slavica Publishers, 2005.
- ² Л.О. Пастернак. *Записи разных лет*. М., 1975; *The Memoirs of Leonid Pasternak*. Trans. by Jennifer Bradshaw, introduction by Josephine Pasternak. London, New York: Quartett Books, 1982.
- ³ Жозефина Пастернак. «Из воспоминаний». *Часть речи*. № 4-5 (1983-84). С. 197-213.
- ⁴ Boris Pasternak. «Childhood.» Trans. by Robert Payne. *Transformation*. Stefan Schimanski and Henry Treece, eds. London: Victor Gollancz Ltd, 1943. P. 267-317.
- ⁵ Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 20, f. 1.
- ⁶ This is evident from such excerpts as "Music was my first inspiration and the first medium of my creative efforts" or "Her daughters were absent at the time from London."
- ⁷ «Из воспоминаний». С. 199.
- ⁸ Josephine Pasternak. "Three Suns: From 'Talks with Katherine'." *Die Familie Pasternak: Erinnerungen, Berichte*. Geneve: Editions Poesie Vivante, 1975. S. 7.
- ⁹ Other significant publications on Rozaliia Pasternak include: O. Bachmann. *Rosa Koffmann. Eine Biographische Skizze: Nebst Auszug einiger Recensionen*. Odessa, 1885; Serge Levitsky. "Rose Koffmann-Pasternak: La Mere du poete." *Etudes Slaves et Est-Europeennes*. No. 8 (1963). P. 73-80; Josefina Pasternak. "Neunzehnhundert-Zwölf" *Alma mater philippina*. Wintersemester 1971 (27). S. 40-43; Lydia Pasternak Slater. "Boris and the Parents." *Die Familie Pasternak*. S. 107-115; Ж. Пастернак. «Из семейных воспоминаний». *Русская мысль*. 13 января 1977; А. Пастернак. *Воспоминания*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1983.

<The Epilogue of Streatham Hill>¹

Boris Pasternak once said in a letter to his parents: «All I am, I owe to you. In the way of inheritance; in the way of education; in the way of influence».

This is what he would have written, had he been present here now: «To you, Mother, who sacrificed fame and vocation, who regardless of initial

triumphs promising a glorious future, chose the most modest part and oblivion enabling you to devote yourself entirely to those you loved, to you I want to dedicate this work. I want to associate the vision of your life and death in Streatham Hill with the first publication of my prose work in England».

And he would have continued: It has always been a burning desire of all four of us to be with our parents. My longing to visit England and to see them became more and more intense as time passed on. Then suddenly came the news of Mother's death. I could not understand. Nor could the others. They wrote: «We believe in her death as we believe in God and His creation, without understanding it. Without understanding the world, in which we are living on, a world without Mother and music».

For Mother and music had become for us nearly synonymous notions. The atmosphere of our house had been music. Music was my first inspiration and the first medium of my creative efforts. I parted with her in the years of adolescence. I came back, I met her again, – in poetry.

You will understand what I am talking about, and what is so essential to my work too, when I will have told you a few words about Mother's life and art. I do not want to obscure her image by biographical thoroughness. Here are some life marks: Odessa, her childhood, her appearance as a Wunderkind in the musical world of Russia under the clever guidance of her competent mother; transported audiences, testimonies of an enthusiastic press. The brilliancy of her musical successes as young girl and pupil of Leschetizsky. The recognition of her extraordinary talent by musical authorities of Moscow, Vienna and other cities and by the authority of that time: A. Rubinstein.

Her youth, her marriage, her life in Moscow as wife of the painter, whose young fame was rapidly growing. It was an astonishing artistic partnership. Though Mother could not draw, and Father could hardly sing a tune, their insight made them the most conscientious, the most pedantic critics of each other, and their work was greatly enriched by their reciprocal suggestions and inspiration.

Yet as time passed on, Mother gave up, or partly gave up her art for the sake of her family, of her husband and his work. But as so often in life and in art: by fleeing from music she made music follow her. Still more: music succeeded to catch her and to make her a captive till her life's end.

Never, whether she was worrying over a sick child; or working in the house, or talking to friends – never did music forget her though she perhaps sometimes forgot music. Like an ascet, vowing silence, grows spiritually in his inward life, she who less and less frequently allowed herself to revel in music, became more and more musical, and her play more perfect whenever she returned to the piano. Held up by her various duties she only

occasionally took part in concerts, now and then appearing in public. If any she rather preferred smaller, more intimate audiences. Thus she would never refuse to accompany her husband on his visits to Yasnaya Polyana, L.N. Tolstoy's home. L.N. Tolstoy, particularly critical towards music, highly appreciated her play. He showed such a vivid, such a sincere response to her interpretation that Mother, who cherished the reminiscences of those hours, often told us, what a feeling of happiness it was to play him his favorite old masters. The whole family gathered to listen, and, as the countess wrote in one of her letters to Mother, even after their departure from Yasnaya Polyana the house was still filled with a subtle air of high artistry. But what then was the essence of her art?

The common man thinks that art means disorder; that order is dullness, and art its interruption. There is another view. It goes far back. It originates in ancient creeds, taken over by Pythagoreans, congenial to the orphics, who regarded the poet (singer, musician) as a supreme being. But the ascension to him, going through different stages, brought the study of mathematics nearest to the supreme art of music – poetry. And what can be more «orderly» than mathematics? The miracle of numbers and their relations, the transcendental nature of the phenomenal world reaches us best through music. But visually as well as acoustically, in fact with all our senses can we perceive this divine order that is the genius of poetry. That is what made Mother so exceptional: her rare affinity to the universal essence of music. There was another feature. Duty is a burden, if forced upon us. It is a grace, if – chosen. The artist feels a duty towards the most modest detail, because he loves the most modest detail of his work.

It was, said Mother, her great teacher Leschetizsky, who for all her life implanted in her the respect to the object; who by his unique method made her understand and love order and duty towards every single sound. Indeed to every single aspect of the life. But though conscious of the detail she, like Leschetizsky himself, never wasted a sound for the sake of superficial brilliancy, so common of virtuosi. Thus unity was not abased but intensified by the detail. It was that rare and happy fusion of intuition and objectivity, of universalism and individualism which is the very criterion of true art. Shall I dwell on her marvelous play? Enumerate: her renowned touch, her lyricism, the profoundness of her musical conceptions. I do not dare to attempt a further approach to the essence of her play. You cannot «describe» art as you cannot «describe» a melody without destroying its purpose of immediateness.

Nor shall I try to portray herself. The fascination of her personality lay in its likeness with palpitating life itself. You cannot analyze life without committing vivisection.

And as I do not write her biography I shall pass over her life in Moscow, her illness, the years she spent in Berlin. I shall follow her to England, where her youngest daughter married to an Englishman; invited the parents to come. There it is: Streatham Hill.

Mail going and coming, connecting Streatham Hill with the world. Buses going and coming connecting S.H. with London. But somehow, for them S.H. became an island. More insular, more remote from the Continent than England itself. Hours come and go. They are waves round the isle of S.H., disconnecting it from the world.

Hard life presents itself by series of illnesses; by the complete strangeness of the new place; by a seemingly cold and hostile atmosphere common of any new surroundings. In the absence of familiarity and personal connection – persons become epic characters, and names do not matter: the Baker, the Help, the Lady-Next-Door. It is with them that Mother makes friends. They become real friends, whose eyes will reflect the events of daily life more truly than the eyes of anyone else. And Mother's image too.

It is Autumn 1938.

A heavy sky of pending disaster spreads all over England. It lies over Streatham Hill too and makes you suffocate. One takes the paper, and it tells you of brutality there and indifference here.

This couple representing Russia represents hospitality and readiness to help, representing high age, it represents a lifetime of straightness and honor, of labor and patience with its goal of kind and mellow comprehension. Representing art, it represents humanity.

They do not know about it. And very few know. Those few, who know and come, – revive.

Another lifemark follows. Their golden wedding. One is weak and weary after the endless series of pneumonia, bronchitis and flues. And though the coming spring promises some relief one still shivers. And the day of their golden wedding is like all other days.

Had they been at home in Russia this date would have been regarded as an occasion for a most fervent celebration. As it is – there is no line in the press. Nobody arrives. None of the friends past or present, Russian and foreign, has been informed. Nor does the artistic world of London suspect their stay at S.H. The magic girdle by which they isolated S.H. from the outer world, remains unbroken.

But there are friends, whose eyes closely reflect daily events: the Baker, the Help, the Lady-Next-Door. They bring flowers; they notice the golden wedding of the couple, whose biblical attitude fits into the world of humble people better than into the treacherous noise of London.

And spring came. It infiltrated the street, and the garden and even the house. Suddenly all was peace and fragrance and scent. Mother sat at the open window and let the garden come into the house: the birds song, and the lilac, the laburnum and the late red horizon. She was full of the black-birds' recognition of the spring and joined in their admiration. And some day London called at their place. Somehow June, the white acacias in bloom and the heavy dark foliage of Kensington Gardens, kept awake by electric light, penetrated Streatham. London and its outskirts interchanged air and hopes.

It happened that one June Sunday Mother was invited to play the piano part of Schumann's Quintet in a house of a music-loving English family.² Mother was young again, playing every day, preparing her part, which took her nearly 50 years back, when she has played the same part in a concert in Moscow. There was a peculiar feature in her, play: her practicing never became monotonous, like wind agitating leaves is always new and above expectations, though repeating the same movements. The day of her concert came. It was perhaps one of the most tragic days of her life. She went part of the same way, which a few months later was the road of her last journey. This day in June she carried music - life. In August she was carried away by silence - death.

It was a long and tiring journey. Changing busses, taxis, trams. They arrived in time. Were welcomed, one spoke, one joked, one had tea. Then Schumann came. Once again she was left alone to carry the burden of Schuman's vehement beauty. It had always been heartbreaking to listen to her play: her interpretation involved supreme loneliness.

She attained the miracle of identification with the composer, especially Chopin and Schumann, which transported her into an unreachable, spiritual world.

[And at this moment, that she is at the piano, all one with Schumann, I want to recall that in her forties she was assailed by a heart neurosis of a most impetuous character. That at that time one did not yet know anything of the nature of that illness. That therefore her heart attacks were attributed to an organic heart disease, which made her anxiety still worse and deeper. That in her life, periods of complete paralysis were followed by others, when she would work more than anyone else, till exhausted she would break down again in a paroxysm of anguish. This cyclic movement, this intermittence of exultant activity and self-destructive devotion with abysmal despair accumulated anxiety, generated by an expressively passionate character. Her sensitiveness and her affinity to other people's suffering and her metaphysical penetration of music led that accumulated anxiety into

the channels of human compassion on one side and of an exceptional musical achievement on the other.

In real life the watchfulness of her subconscious forced her to dependence incredible in a character of such an artistic independence. She who in her music risked unusual heights and depths would at some moment not risk to move from one room to another without aid as if her pace went over a precipice. The neurotic paradox cast the shadow of suffering on her life, it made a strange mixture of agony and serene happiness, shaped it to a drama, where the actors were the contradicting traits of her character. So overwhelming was her personality that sometimes the members of her family entered into this drama not as real persons, but as accentuations of this or that part of herself.

We felt that Mother with all her spirituality should never be left alone.¹³ Her parting, every time when she was transported by-music, made us feel guilty of letting her go without being able to accompany her. She was 72 now. Weary from life and very sad, transfigured by the youthfulness of her play. This time it was not the impulse to unite in communion, it was the tearing desire to have her back again. She finished. An outburst of admiration followed. She was asked to play more and she played them Bach and Chopin.

They went home from Mothers last musical experience. They made the voyage back from Kensington in inverted order, hurt by sudden corners of crooked streets, hypnotized by vast green spaces of commons. The low rays of the setting sun, coming from beneath the trees conducted them and at last, at last caressingly brought Mother and Father utmost tired to the iron garden gate, back into familiarity, into their Streatham home. It was summer and calmness and temporary harmony.

In August Mother had a stroke and fell unconscious. Her daughters were absent at the time from London. When they arrived, the day after, she was already in a nursing home, and they were struck by entering the room, by an odor of order and orderliness. It was not Mother of passion and music. It was Mother of high ethics and unearthly scent. Without recovering conscience she died on the third night during the watching turn of her eldest son-in-law.

It was a day of perfect calmness. A transparent mist arose from the ground. The sun was a red ball and stood low as if prepared to touch the soil. But it lingered and did not lower. Not a single leaf would move. Nature held its breath. It was as if every noise was banned. The only audible sound was Mother's breathing which became less and less frequent. And the evening could not stay any longer. It had to go. It went leaving her to the night. And the night took her last sigh.

How was this night? And the morning and the following days? They are engraved in memory which is unwilling to give them forth.

The tension and the confusion in those days were such that one hardly had time and means to make Mother's death known.

Apart from the family the first to be shaken by genuine grief was that English woman who came daily to help in the household and who loved Mother sincerely.

Once again the nameless witnesses of daily life were first to bring flowers and compassion. There were very few people at the cremation.

Beethoven and Brahms «Good Night», which she had just started to study with her grandchildren were played. Somebody said a few kind meaningless words about her life, which he did not know. He did not even mention that she was a musician. That an artist had gone like which there are hardly more than a very few of living contemporary pianists. How could he know? and what did it matter at that hour.

A week later the world war broke out, engulfing all personal fates.

Thus ended the epilogue of Streatham Hill.

¹ A typed manuscript is preserved at Pasternak Family Papers (Box 11, f. 9.) The original text does not have a title. The text is published here with the permission of the Hoover Institution Archives. The author's orthography and punctuation have been preserved.

² The family of Arthur Mayger Hind (1880–1957), keeper of the Department of Prints & Drawings at the British Museum (1933–45), expert in early Italian prints, and amateur draughtsman. For the 1930–31 academic year, he was Charles Eliot Norton professor at Harvard, delivering the Norton lectures on landscape design and Rembrandt (published in 1932).

³ This passage has been crossed out by the author.

ПИСЬМА А.А. СМИРНОВА К А.А. АХМАТОВОЙ (1954–1957)

М.Ю. Эдельштейн

Александр Александрович Смирнов родился 27 августа 1883 г. в Москве. Его мать, Наталья Ильинична Мартьянова, дочь офицера, погибшего в Крымскую войну, тогда была замужем за товарищем оберпрокурора Сената Александром Дмитриевичем Смирновым (они развелись в 1893 г.). Но А.А. Смирнов был внебрачным сыном известного финансиста, директора Петербургского учетного и ссудного банка Абрама Исааковича Зака и, соответственно, приходился троюродным братом С.А. Венгерова – мать Венгерова Полина была двоюродной сестрой Зака (и родной сестрой его жены Кати Эпштейн – Зак был женат на кузине). История происхождения Смирнова была известна не только родственникам¹ – по-видимому, впоследствии она получила достаточно широкое распространение в ленинградских филологических кругах (Р.Д. Тименчик упоминает об отцовстве Зака со слов смирновской аспирантки Н.Г. Елиной, которая поясняет, что об этом «все знали»², К.В. Чистов в разговоре с В.С. Баевским ссылается на В.Е. Евгеньева-Максимова³).

Детство и юношеские годы Смирнов провел в Петербурге – «очень уединенно, мало касаясь жизни, отдавая все досуги чтению»⁴. В 1901 г. он окончил 7-ю гимназию и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, но уже в следующем году перевелся на романо-германское отделение историко-филологического. Начав писать стихи, предложил подборку в студенческий «Литературно-художественный сборник» (СПб., 1903), но она была отвергнута редактором Б.В. Никольским. Единственная поэтическая публикация Смирнова – шесть стихотворений, эксплуатирующих общесимволистские темы и мотивы (восточная мифология, эсхатологизм, социальность, преломленная через фантастические образы, мир, населенный живыми мертвецами), – появилась в альманахе книгоиздательства «Гриф» (М., 1905). Немногочисленные прозаические опыты остались в подавляющем большинстве неопубликованными.

Смирнов с юности увлекался Кантом, а после знакомства в 1903 г. с Мережковскими «отдался религиозно-философским и эстетическим философским проблемам»⁵, полагая, что только религия может придать целостность плюралистической картине мира, открывшейся че-

ловеку начала XX века. Его статьи и рецензии, помещавшиеся в эти годы в журналах «Мир искусства», «Новый путь», «Вопросы жизни», свидетельствуют о захваченности идеями Мережковского и неославянофильскими настроениями.

В 1905 г. Смирнов уезжает в Париж, где проводит три года, лишь ненадолго возвращаясь в Россию в 1907-м для сдачи государственных экзаменов. Круг его научных интересов к этому времени определился уже с достаточной полнотой: он занимается французской средневековой литературой у Жозефа Бедье и кельтологией у Анри Д'Арбуа де Жюбенвиля, заинтересовавшись ренессансной испанской драмой, путешествует по Испании, затем едет в Бретонь изучать бретонский язык: «бродил по деревням, ездил на рыбалку с рыбаками»⁶. Хронику его меняющихся пристрастий дают парижские письма к Л.Н. Вилькиной, где, впрочем, не всегда легко отделить реальные взгляды автора от пассажей, написанных единственно в попытке эпатировать старшую и более опытную возлюбленную, отчего этот эпистолярный корпус производит впечатление несколько сумбурное – как и зафиксированные в нем настроения и поступки адресанта. Смирнов помещает несколько корреспонденций в «Новом времени», которое объявляет «единственным литературно-приличным органом русской прессы», а к «литературно-неприличным» причисляет «Весы» и «Золотое руно»⁷, при этом не оставляя попыток напечататься в последнем. Одновременно он пишет книгу (название 1-й части – «О человеческой природе»), которая призвана стать «чем-то необыкновенным, гениальным»: «Она создаст эпоху и в философии и в практическом мирозерцании, но будет доступна немногим, страшно немногим»⁸.

По возвращении в Петербург Смирнов был оставлен при университете. Круг Мережковских сменился кругом М.А. Кузмина, куда Смирнов вошел через В.Ф. Нувеля, религиозно-философские теории – разнообразием эротических практик. Литературно-журнальная деятельность тоже занимает его все меньше, уступая место филологическим студиям. В 1911 г. он вновь едет в Париж, работает в крупнейших академических центрах Франции и Ирландии, служит секретарем редакции журнала «La Revue Celtique» – международного центра кельтологических исследований. По возвращении из Парижа в печати появлялся по преимуществу с литературоведческими работами, но в 1914 г. поместил в «Русской мысли» (№ 4) тонкий отклик на книгу В.В. Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови». Признавая, что «все толкования Розанова, касающиеся еврейской религии, ложны», Смирнов видит решающую заслугу автора в переносе вопроса «из плоскости социальной и исторической в единственно правильную плоскость – религиозную»⁹.

В 1913 г. Смирнов начал преподавать в Петербургском университете, где проработал (с перерывами) 45 лет. В предреволюционные и революционные годы он преподавал в университетах Пензы, Харькова, Симферополя, попутно выступая с рецензиями и статьями в харьковской печати (журнале «Творчество» и околкадетской газете «Новая Россия», где руководил литературным отделом), в крымской периодике.

В 1922 г. вернулся в Петроград и активно включился в дискуссию о формальном методе – опираясь на методологию Г. Риккерта и традицию русской философской критики символистского извода, считал необходимым разграничить *низкую* литературу и *высокую* поэзию: если первая может исследоваться с помощью формального инструментария, то вторая постигается только интуитивно¹⁰. Основным предметом литературоведческого изучения он предлагал считать не произведение как вещь, а авторское сознание, несводимое к порожденным им текстам¹¹. С позицией Смирнова, вызвавшей резкую критику со стороны Ю.Н. Тынянова, Б.М.Эйхенбаума, А.Г. Цейтлина¹², солидаризовался М.М. Бахтин¹³. Стремление Смирнова ограничить зону применения формальных методов в значительной степени разделялось В.М. Жирмунским и К.В. Мочульским, близкими ему и биографически.

Положение Смирнова в советский период внешне представляется вполне благополучным – профессор, доктор наук, кавалер орденов Трудового Красного знамени и Ленина. Его миновали все идеологические кампании, а научные заслуги, кажется, никогда и никем не ставились под сомнение. Объем им сделанного и широта его интересов действительно поражают: основатель отечественной кельтологии, крупнейший медиевист, первый русский переводчик ирландских саг с языка оригинала, автор нескольких монографий, в том числе о Шекспире, он переводил, редактировал и исследовал сочинения едва ли не всех значительных западноевропейских писателей от Средневековья до XX века. Среди его героев – Кретьен де Труа, драматурги английского Возрождения, Сервантес, Лопе де Вега, М. Монтень, Л. Ариосто, Н. Буало, Мольер, Стендаль, Дж. Байрон, П. Мериме, Г. де Мопассан, А. де Ренье, Ромен Роллан, Роже Мартен дю Гар и многие другие.

Но знакомство с анкетами и автобиографиями Смирнова 1920–1950-х гг. показывает, что ему, как и почти всем советским гражданам, приходилось непрестанно ретушировать свое прошлое, исключая из него то один то другой эпизод: происхождение (реальный отец-банкир был ничуть не более безопасен, нежели отец «документальный» – крупный чиновник), близость с декадентами и будущими эмигрантами, сотрудничество в белой прессе, родственников за границей (мать и сестра Смирнова жили в Италии) и т.д. О том же сви-

детельствуют написанные им в конце жизни наброски воспоминаний и два его личных фонда – в РГБ и в ИРЛИ, – где не отложились практически никакие документы, имеющие отношение к дореволюционному периоду.

Л.В. Шапорина, автор удивительного по откровенности дневника, который она начала вести задолго до революции и продолжала все советские годы, сравнивает Смирнова конца 1940-х гг. с тем «Шурочкой», какого она знала по Парижу 1900-х: «Какой был остроумнейший causeur в молодости А.А. Смирнов <...> А теперь перепуганный, заваленный работой, боящийся слово произнести»¹⁴. И в другом месте: «Тогда, тридцать пять лет тому назад, мы ждали, что Ал. Ал. будет вторым Веселовским. Ему, конечно, очень помешала революция»¹⁵.

Смирнов и А.А. Ахматова были знакомы более полувека. Впервые они встретились, видимо, в 1911 г. Сохранился экземпляр «Четок» с ахматовским инскриптом Смирнову: «Когда умрем<, > темней не станет, / А станет<, > может быть<, > светлей»¹⁶ – и пометой «1911. Май. Париж», отсылающей, по всей вероятности, не к дате создания двустихия, а именно к времени и месту знакомства. В декабре 1913 г. Ахматова была приглашена к участию в прениях по докладу Смирнова о симюльтанизме художника Роберта Делоне и его жены Сони Терк-Делоне, давней знакомой Смирнова¹⁷, но присутствовала ли она в тот вечер в «Бродячей собаке» – неизвестно. Незадолго до октябрьского переворота Смирнов (вместе с Мочульским) навещал Ахматову в Петрограде и получил в подарок только что вышедшую «Белую стаю», а через два года, обозревая в харьковском журнале поэзию былых акмеистов, отмечал «полную обособленность» ее «изумительного творчества» («Творчество». 1919. № 3. С. 27). В октябре 1921 г. разнесся слух о смерти Ахматовой, и Смирнов выступал в Симферополе на вечере ее памяти. Еще через несколько лет Смирнов объясняет Волошину потерю интереса к современной литературе тем, что поэты, которые «ценны и дороги» ему (Ахматова, Кузмин, Сологуб), молчат, а «серапионы и другие примыкающие к ним молодые» «бесконечно» неинтересны¹⁸.

Следующее свидетельство о контактах Ахматовой и Смирнова является только через 30 лет. В начале 1950-х гг. Гослитиздат заказывает Ахматовой перевод драмы Виктора Гюго «Марьон Делорм», и она обращается за помощью к М.Л. Лозинскому. Смирнов, редактировавший соответствующий том Собрания сочинений Гюго, несмотря на давнее знакомство воспринимается ей в этот момент не как друг и даже не как союзник: «Стыдно затруднять Вас чтением моих попыток перевода, но предстоит свидание со Смирновым, и я должна быть го-

това ко всему», – пишет она Лозинскому¹⁹. Кроме естественной настроженности опального поэта по отношению к любому представителю любого издательства, возможно, здесь сыграла свою роль и очевидная разница личных и переводческих пристрастий автора и редактора. Смирнов был многолетним завсегдатаем салона Радловых, высоко оценивал шекспировские переводы А.Д. Радловой, переводы же Б.Л. Пастернака находил «не “филологически”, а идейно, принципиально, по существу неверными, искажающими образ и мысль Шекспира, и потому объективно вредными»²⁰. Осенью 1946 г., выступая на собрании секции переводчиков Ленинградского отделения Союза писателей, он «приводил примеры неправильно переведенных Пастернаком текстов Шекспира. В переводе надо не только точно переводить смысл и идею автора, но надо чтобы перевод был идеологически правилен с современной нам точки зрения. Например, у Шекспира в комедии “Два Веронца” есть фраза, в которой встречается слово jew, т.е. жид. Но мы не можем оставить этого выражения. Кто-то предложил заменить “жида” ростовщиком. А.А. предпочел “нехристь”»²¹. Дружба Ахматовой с Пастернаком, ее неприязнь к кругу Кузмина и Радловых – все это могло наложить отпечаток на ахматовское отношение к Смирнову.

Общение с ним, впрочем, опасений не подтвердило: «А.А. крайне любезен и хвалит перевод»²². Совместная работа Смирнова и Ахматовой над переводами Гюго для его Собрания сочинений продолжилась и шла, судя по всему, бесконфликтно. По публикуемым письмам видно, что Смирнов относился к Ахматовой с неизменным пиететом, даже в тех случаях, когда указывал ей на ошибки или не соглашался с ее переводческими решениями. Ахматова же, не любившая поэзию Гюго и видевшая в переводах скорее источник заработка, чем творческую задачу, принимала, как следует из тех же писем, практически все редакторские замечания и предложения²³.

Оригиналы публикуемых писем хранятся в ахматовском фонде Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 1073. Ед. хр. 997). Ответные письма Ахматовой в обследованных архивохранилищах не выявлены. Публикатор выражает искреннюю признательность Н.И. Крайневой, без деятельной помощи которой на всех этапах подготовки писем к печати данная публикация не могла бы состояться; Р.Д. Тименчику, прочитавшему текст в рукописи и сделавшему ряд важных уточнений и дополнений; В.Н. Сажину, сообщившему некоторые «смирновские» и «ахматовские» фрагменты дневника Шапориной; и А. Белогорскому, чьи пояснения относительно генеалогии Заков-Венгеровых учтены в настоящей статье.

п р и м е ч а н и я

- ¹ «Очень огорчен, что приходится ответить в графе о родителях – не то, что хотел бы...» – писал Смирнов в автобиографии 1913 г. для венгеровского собрания (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 3301. Л. 1об.).
- ² Тименчик Р. Повороты темы. – «Лехаим». 2006. № 7. С. 66.
- ³ Баевский В. Вниманье дружбы возлюбя. (Дорогому К.В. Чистову к 85-летию). – «Антропологический форум». 2005. № 2. С. 393.
- ⁴ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 3301. Л. 2.
- ⁵ Там же. Л. 2об.
- ⁶ РГБ. Ф. 572. Карт. 1. Д. 15. Л. 15.
- ⁷ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 926. Л. 60-60об. (письмо от 11 октября 1906 г.).
- ⁸ Там же. Л. 41об. (письмо от 2 мая 1906 г.).
- ⁹ Цит. по: В.В. Розанов: Pro et Contra. Антология. Кн. 2. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. С. 218.
- ¹⁰ См. его статью «Пути и задачи науки о литературе» в альманахе «Литературная мысль». Вып. 2. Пг.: «Мысль», 1923.
- ¹¹ См. его обзор «Новейшие русские работы по поэтике и литературной методологии» в историко-литературном временнике «Атеней». Кн. 1/2. Пг., 1924.
- ¹² См. соответственно: «Книга и революция». 1923. № 3. С. 71-72; «Печать и революция». 1924. № 5. С. 7; «Леф». 1923. № 3. С. 167-169.
- ¹³ См. его статью 1924 г. «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», опубликованную в кн.: Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 10. Подробнее о полемике вокруг идей Смирнова см. комментарий М.О. Чудаковой в кн.: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: «Наука», 1977. С. 454-455.
- ¹⁴ РНБ. Ф. 1086. Ед. хр. 18 (запись от 20 октября 1948 г.).
- ¹⁵ Там же. Ед. хр. 13 (запись от 26 апреля 1946 г.).
- ¹⁶ Двустиишие впервые опубликовано (со ссылкой на С.В. Дедюлина) в статье Р.Д. Тименчика «Анна Ахматова и Пушкинский Дом» в кн.: Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л.: «Наука», 1982. С. 110; фотографическое воспроизведение инскрипта см.: Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 127.
- ¹⁷ См.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1983. Л.: «Наука», 1985. С. 220.
- ¹⁸ Из письма к М.А. Волошину от 9 декабря 1924 г. (опубликовано в статье: Заборов П.Р. М.А. Волошин и А.А. Смирнов – в кн.: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб.: «Наука», 1996. С. 653-654).
- ¹⁹ Ахматова А.А. Собрание сочинений. Т. 7. М.: «Эллис Лак», 2004. С. 57 (письмо от 8 февраля 1953 г.).
- ²⁰ РГБ. Ф. 527. Карт. 18. Д. 31. Л. 3 (письмо к М.В. Юдиной от 20 января 1947 г.).
- ²¹ РНБ. Ф. 1086. Ед. хр. 14. Л. 18 об. (дневник Шапориной, запись от 15 октября 1946 г.). Ср. в письме Пастернака к О.М. Фрейденберг от 24 января 1947 г.: «До меня все чаще доходят слухи, что проф. А.А. Смирнов (а может быть, еще и многие, кроме него) ведут подполье под моих Шекспиров» (Пожизненная привязанность. Переписка [Б.Л. Пастернака] с О.М. Фрейденберг. М., 2000. С. 295; см. также с. 297, 306, 409-410).
- ²² Ахматова А.А. Цит. соч. С. 61 (письмо к М.Л. Лозинскому от 27 марта 1953 г.).
- ²³ Размолвки, впрочем, тоже случались, но по иным поводам. Ученик Лозинского И.М. Ивановский свидетельствует, что после его первого визита к Ахматовой в 1955 г.

та «отправилась к влиятельному лицу, которое тогда распределяло большие издательские заказы, – просить работу для молодого переводчика, не напечатавшего ни единой строки. Влиятельное лицо, впрочем, оказалось не в духе и встретило просьбу ворчливо. Ахматова настаивала. Произошла размолвка, и поездка окончилась неудачей» (Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 621). Согласно устным пояснениям мемуариста, «влиятельное лицо» – это Смирнов, а «большие издательские заказы» связаны с подготовкой Полного собрания сочинений У. Шекспира в 8 томах (М.: «Искусство», 1957-60; под общей редакцией А.А. Смирнова и А.А. Аникста).

1.

3.II.54

С Новым Годом,
дорогая Анна Андреевна!

Во 1-х, я очень соскучился, давно Вас не видя и даже не слыша Вашего голоса. Вы говорили, что поедете ненадолго, а на деле решили чуть не совсем изменить нашему городу. Мы Вас ревнуем к Москве!¹

А во 2-х, есть и небольшое дело. Знаю, что Вам передавали об этом, и Ваши здешние друзья сообщили мне, что Вы были так добры, что сами звонили мне 2 раза и все не заставляли, т<о> е<сть> никто не подходил. Очень досадно! Простите, что так неудачно выходило. А дело такое. Я уже однажды, когда Вы были здесь, по телефону спрашивал Вас, какие стихотворения Гюго редакция Вас просила перевести – и получила Ваше согласие². Суть в том, что в список, мне врученный в изд<ательств>ве, вкрались некоторые неточности или неясности, а проще говоря – путаница, и я Вам говорил, что по-видимому Вас просили (или имели в виду просить) взять что-то такое, от чего в разговоре со мной Вы отрекались. А именно, Вы сказали, что за Вами по договору «только 400 строк», и перечислили названия стихотворений. Повторяю их здесь, с Ваших же слов, ибо я в точности тогда это записал, но прибавляю при каждом число строк, помеченное в пресловутом списке. Все они – из *Légende de siècles*³:

1. Le roi de Perse ⁴ –	18
2. Les deux mendiants ⁵ –	22
3. Le mariage de Roland ⁶ –	175
4. Les paysans au bord de la mer ⁷ –	84

Так Вы сказали! Но это составляет не 400, а 300 (точнее 299) строк. Произведя некоторые раскопки в документации Литиздата, я обнаружил, что за Вами записаны еще два стихотворения:

из *Contemplations*⁸:

Quelques mots à un autre⁹ 164 стр<оки>

и из *L'art d'être grand pere*¹⁰:

Mon âme est faite ainsi¹¹ 18 стр<ок>

М.С. Трескунов¹² уверяет меня, будто бы Вы об этом знаете, а я говорю, что видимо нет. В этом последнем случае он очень просит Вас взять эти стихотворения. Я свой слабый голос к его просьбе с великой силой присоединяю!

Так как стихи из *Contemplations* входят в XII-й том нашего издания (первый из двух¹³), который хотелось бы собрать поскорее (в конце или в середине марта), то мы Вас просим *Quelques mots* заняться в первую очередь.

Можно рассчитывать на Ваше согласие? А можно рассчитывать, что *когда-нибудь* Вы посетите Ленинград?

Вчера имел телефонный разговор с милым Георгием Аркадиевичем, чудесным переводчиком «Возмездия» и великолепным заместителем Гюго (видели его соответствующий портрет?)¹⁴

Я неестественно и много и напряженно работаю – как бы это не кончилось плохо. Сердце, а иногда и голова плохо себя ведут, но я работаю и работаю... На днях выходят в свет оба тома драм Гюго¹⁵. *Сразу* после этого буду просить у Вас 2 сверенных экземпляра на машинке (или, если это для Вас удобнее, 4 печатных для расклейки как два наборных) Вашей «Марьон Делорм» – для однотомника драм Гюго в «Искусство»¹⁶.

Жена¹⁷ шлет искренний привет.

Душевно Ваш А. Смирнов

2.

26.V.54

Дорогая Анна Андреевна,

Вчера получил Ваши стихи – переводы из Гюго (перед этим была телеграмма). Рад был из этой милой посылки (а также из письма Георгия Аркадиевича¹⁸) узнать, что Вы чувствуете себя лучше. А вот у меня все время какие-то неприятные сердечные явления, главным образом, думаю, от отчаянного переутомления. Но вот, наконец, 1-го июня уезжаю на дачу, откуда буду наезжать в город лишь изредка. На всякий случай сообщаю мой адрес с 1.VI по 1.IX:

Ленинград. Курортный район. Комарово.

Большой проспект, 22. Дача Воронова. Мне.

Буду, конечно, и там работать, но уже меньше, а главное – в другой области (учебник по истории западной литературы Средних веков и Возрождения¹⁹), что уже является отдыхом для головы.

Ваши чудесные переводы прочел залпом, с увлечением. Имею самое крошечное количество замечаний, которые пишу для удобства на отдельном листке. Поправки (очень несложные) не представляют спешности, кроме «Несколько слов другому», которое идет в т. XII. Все остальное – для т. XIII, значит еще не скоро.

Если не трудно, черкните хотя бы открыткой (уже на дачу), дошло ли до Вас это послание, ибо я не уверен, где Вы сейчас находитесь.

Еще раз благодарю за стихи и от души желаю здоровья и счастья. Жена шлет привет.

Ваш всегда А. Смирнов

Сегодня же передам М.С. Трескунову²⁰ записку, необходимую для перевода Вам гонорара. Только куда переводить? Это уж Вы сообщите ему сами, пожалуйста.

I. Несколько слов другому (из «Созерцаний»)

Изумительный перевод! Тут только одно замечание: в конце страницы 2 рукописи, строка:

Что нам грозит, друзья! Ришле *глядит мрачней*.

S'obscurcit значит не «глядит²¹ мрачней», а «затмевается», т<о> е<сть> его забывают, уже меньше чтут, сдают в архив. Ведь это говорит ретроград, оплакивающий забвение, в кот<орое> пришел Ришле (умерший давным-давно)²².

Вместо Геронт я ставлю: Жеронт (Гюго говорит о персонаже Мольера)²³.

II. Новые дали²⁴ – никаких замечаний!

III. Двое нищих – тоже

IV. Брак Роланда (кстати, я предложил бы: Женитьба Р<оланда>, по образцу Женитьбы Фигаро или гоголевской Женитьбы, а м<ожет> б<ыть> даже и Сватовство Р<оланда>: см. франц. demander en mariage – свататься; учтите, что брак Р<оланда> с Одой так и не состоялся – они обручились, но он до свадьбы был убит в Ронсевале)²⁵. Тут есть сложности, как из-за средневековой специфики, так и оттого, что Вы местами даете уж слишком приподнятые и архаические обороты, к<оторы>х у Г<юго> собственно нет.

1) 1-я строка. На *береге встретились* и бьются. Немного дальше у Вас есть еще *огнь*. Пожалуй, слишком славянизует. М<ожет> б<ыть> здесь что-ниб<удь> вроде: *На берегу сошлись* (или: Сошлись на берегу)<?>²⁶

2) Строка 3. М<ожет> б<ыть>: На островке? На Роне больших островов нет, и вообще такие поединки бывали на маленьких островках, с ограниченным «полем» битвы²⁷.

3) Строка 21. Затем, что из *детей* – это неверно. Enfant могло значить (и здесь значило): молодой чел<овек>, юноша. Ср.: инфант, серб. юнак, наше молодец. Мы слово «детей» в этом значении не употребляем²⁸.

(Кстати, я всюду пишу: Оливьер – Olivier. Оливер – англизирует без всякой причины.)²⁹

4) Стр. 2, 7 сверху

И гонит бог вина всех, кто *отведал* сидра.

Отведал для *buveurs* – мало! Вар<иант>: ...кто *привержен* сидру или что-н<и>б<удь> в этом роде³⁰.

5) Там же, пониже: Сей надевал *доспех*... и Благословил *доспех*. У Г<юго> разные слова. Во втором случае м<ожет> б<ыть>: Благословил *броню* или как-ниб<удь> иначе³¹.

6) Стр. 3, 7–8 сверху. Отсутствие имени отвечающего делает диалог темным и рваным. Тут важно стройное чередование эпических реплик. Что-ниб<удь> по схеме:

Ответил Оливьер: «Спасибо. Принесут!»

Сказал Роланд: «Спеши» и т.д.

Заодно: С покорностью сыновней... лодочника шлет – немного странно. *Чуточку* лучше: И с *просьбою* сыновней, но м<ожет> б<ыть> Вы найдете лучше³².

7) Стр. 3, внизу. Высокой *Кларой* – не совсем то. *Haute Claire*: Высокая и *светлая* (*ясная*), вроде *Chanteclair* (*clair*) – звонко поющий. Но в общем все это – пустые выдумки Гюго, и если трудно, можно оставить как есть³³.

8) стр. 4, 4 сверху. Строка: С сверканием мечей блеск глаз *мешая* ярый – тяжело!³⁴

9) Немного ниже – м<ожет> б<ыть>: Уж день кончается?³⁵

V. Таким мой создан дух – тут меня смущает только

1) И *вождедение*. Это слово по-русски первым и основным своим значением уводит в сторону. Гюго конечно имеет в виду: жадность, корыстолюбие, жажду благ и т.п. Подберите что-нибудь, если будет Ваша милость...³⁶

2) Не сдвинут *никогда* меня *теперь*, друзья. Слова *теперь* у Г<юго> нет, и оно (да еще в соединении с *никогда*) наводит на мысль, что *раньше* он бывал податлив, неустойчив, а Г<юго> этого совсем не хочет сказать³⁷.

3.

14.VI.54

Дорогая Анна Андреевна,

Спасибо за Ваше милое письмо. Простите, что задержал на него ответ. Но оно уже не застало меня в Л<енин>граде, и я его получил только когда приехал сюда по делам. А потом... я так устал, так устал!..

Ваши поправки привели все в окончательный порядок. Как легко и быстро Вы все это сделали! Я все вписал.

Хочется еще поработать с Вами! Том драм Гюго (с Вашей «Марьон Делорм») вероятно дам в «Искусство» только осенью.

Отдыхать еще не начинал, и чувствую себя неважно. Может быть, в июле немножко передохну.

Поправляйтесь пожалуйста!

С сердечным приветом

Ваш А. Смирнов

Жена шлет душевный привет.

4.

Анне Андреевне Ахматовой³⁸

13.VII.57

Утром

Дорогая Анна Андреевна,

Ужасно жалею, что не застал Вас (по немощи своей, приезжал на машине, привезенный друзьями). Очень хотел повидать Вас! А помимо этого есть одно «издательское дело», о кот<ором> хотел поговорить³⁹. Попробую собраться еще раз. Сердечный привет!

Ваш А.А. Смирнов

Живу там же, где всегда:

Бол<ьшой> Проспект, 15⁴⁰.

Дача Воронова.

Сижу безвыходно дома.

Привет от жены.

5.

2.XII.57

Дорогая Анна Андреевна,

В самый неожиданный момент, когда я уже перестал об этом думать, я получил из Москвы гранки тома драм Гюго. Естественным образом, я направил соответственные части их авторам, т<о> е<сть> переводчикам. Пользуясь оказией, пересылаю Марьон Вам с просьбой по исправлению Вами всего текста подписать «В печать», или «Читала» – и поставить Вашу подпись, затем прямо направить в Москов<ское> изд<ательст>во «Искусство»: Москва И-51. Цветной бульвар, д. 25. Отдел драматургии. Редактору Ивушкиной. (Мне эта часть более не нужна.) Их тел<ефон>: К 494-14. Итак, Гюго ожил, слава Богу!

Я узнал здесь с печалью, что в октябре Вы были снова больны⁴¹, увы! Но в ноябре я отрewanшировался: 6.XI у меня сделался, от крайнего переутомления, спазм мозговых сосудов (извините, вроде Эйзенгауэра⁴²), уложивший меня на 3 нед<ели> в постель. Сейчас понемногу оправляюсь и работаю всюю, но не выходя еще из комнаты. Когда думаете в Л<енин>град<?> Если как-нибудь позвоните по тел<ефону>,

буду от души благодарен. Счастлив был бы встретиться. Жена шлет душевный привет. Ваш

А. Смирнов

п р и м е ч а н и я

- ¹ В Москву Ахматова уехала в конце сентября 1953 г., ненадолго возвращалась в Ленинград в апреле 1954 г., со второй недели мая – вновь в Москве (см.: Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М.: «Индрик», 2008. С. 466-470).
- ² Речь идет о переводах для Собрания сочинений Гюго в 15 тт. (М.: Гослитиздат, 1953-56).
- ³ «Легенда веков», поэтический цикл Гюго (издавался тремя отдельными сериями в 1859, 1877 и 1883 гг.).
- ⁴ «Царь Персии», стихотворение из 2-й серии «Легенды веков». В собрании сочинений Гюго (т. 13) помещено в переводе Г. Шенгели.
- ⁵ «Двое нищих», стихотворение из 2-й серии «Легенды веков». Перевод Ахматовой – т. 13, С. 357.
- ⁶ См. прим. 23.
- ⁷ «Крестьяне на берегу моря», стихотворение из 3-й серии «Легенды веков». В собрании сочинений Гюго (т. 13) помещено в переводе М. Донского.
- ⁸ «Созерцания» (1856), поэтический сборник Гюго в двух томах.
- ⁹ «Несколько слов другому»; перевод Ахматовой – т. 12, С. 310-314.
- ¹⁰ «Искусство быть дедом» (1877), поэтический сборник Гюго.
- ¹¹ «Таким мой создан дух, что не смутил ни разу...»; перевод Ахматовой – т. 13, С. 155.
- ¹² Михаил Соломонович Трескунов (1909–2005) – специалист по французской литературе XIX в., переводчик; в 1948-63 гг. сотрудник Ленинградского отделения Гослитиздата. Автор нескольких популярных книг о жизни и творчестве В. Гюго; один из редакторов и комментаторов его Собрания сочинений в 15 тт. В 1990 г. Трескунов вспоминал о жизни Ахматовой в конце 1940-х – начале 1950-х гг., в частности о ее работе над переводами Гюго: «После известного постановления ЦК КПСС о журнале “Звезда” (1946 год) многие писатели оказались в очень бедственном положении. <...> Анна Ахматова тоже находилась без средств к существованию. <...> Конечно, мы не могли открыто включить ее имя в какой-нибудь издательский договор, ибо случись это, все издательство было бы сразу разгромлено и никто бы не уцелел. Но мы все же нашли выход: дали Ахматовой на перевод несколько писем Радищева, написанные им по-французски. Дело в том, что в это время профессор Ленинградского госуниверситета Юрий <Георгий. – М.Э.> Макогоненко готовил монографию о Радищеве <на самом деле речь идет о кн.: Радищев А.Н. Избранные сочинения. М.-Л.: Гослитиздат, 1949>. Затем, когда мы стали готовить 15-томное собрание сочинений Виктора Гюго, издательство вновь привлекло к работе Анну Андреевну. Мы попросили ее перевести одну очень известную драму Гюго, написанную в стихах. <...> В поэме было около трех тысяч строк, а каждая строка тогда оценивалась в 28 рублей. Тогда это были большие деньги: автомашина “Победа” стоила, по-моему, что-то около 16 тысяч рублей. По нынешнему курсу тысяча шестьсот. Вспоминается разговор с Борисом Пастернаком. Мы связались с ним по просьбе нашего общего знакомого Коли Банникова, и Борис Леонидович поблагодарил меня за помощь, оказанную нашим издательством Анне Ахматовой. “Вы знаете, – сказал Пастернак, – Анна Андреевна очень затруднительна бывает в выражении благодарности, и потому она меня просила поблагодарить вас...”» (Ольбик А. Ностальгические хроники. М.: «Аваллон», 2006. С. 89; ср.: Черных В.А. Указ. соч. С. 463-464).

- ¹³ Стихотворения Гюго составили тт. 12 и 13 Собрания сочинений (оба – 1956).
- ¹⁴ Г.А. Шенгели (1894–1956) принадлежит, в частности, первый полный русский перевод книги политических стихотворений В. Гюго “Les châtiments”, 1853 («Возмездие», М.: Гослитиздат, 1953; экземпляр этого издания переводчик подарил Ахматовой, «первой поэтессе мира – с просьбой: полюбить Гюго» – см.: Черных В.А. Указ. соч. С. 462). Его стилизованную под Гюго фотографию 2-й половины 1940-х гг., о которой идет речь, см.: Шенгели Г.А. Иноходец. Собрание стихов. Византийская повесть «Повар базилевса». Литературные статьи. Воспоминания. М.: «Совпадение», 1997. Между С. 416 и 417.
- ¹⁵ Драммы Гюго составили тт. 3 и 4 Собрания сочинений (оба – 1954; на титульном листе т. 3 – 1953).
- ¹⁶ Перевод «Марьон Делорм» был сделан Ахматовой для 15-томного собрания сочинений Гюго и впервые напечатан в т. 3. Однотомник Гюго «Драммы» (вступ. ст. Трескунова, ред. переводов и комм. Смирнова), куда включен и ахматовский перевод «Марьон Делорм», вышел в издательстве «Искусство» (М.) в 1958 (см. письмо Смирнова от 2 декабря 1957 г.).
- ¹⁷ С 1923 г. Смирнов был женат (вторым браком) на художнице (в основном, по ткани) Ольге Георгиевне Чеховской (1888–1969), по первому мужу Костенко.
- ¹⁸ См. прим. 14.
- ¹⁹ Вероятно, речь идет об учебнике «История зарубежной литературы. Раннее средневековье и Возрождение» (изд. 2-е, переработ., М.: Учпедгиз, 1959; под общей ред. В.М. Жирмунского), несколько глав которого написаны Смирновым.
- ²⁰ См. прим. 12.
- ²¹ В оригинале описка – «грозит».
- ²² В печатном тексте – «Ришле – в стране теней». Сезар Пьер Ришле (1631–1698) – французский лексикограф.
- ²³ Имя персонажей комедий Мольера «Лекарь поневоле» и «Плутни Скапена»; впрочем, Гюго едва ли имел в виду конкретного героя, ср.: «Жеронт – типический персонаж французской комедии XVII–XVIII вв., глуповатый старик» (Гюго В. Собр. соч. Т. 13. С. 631).
- ²⁴ «Changement d’horizon» (64 строки), стихотворение из 2-й серии «Легенды веков». Перевод Ахматовой – т. 13, С. 425-426.
- ²⁵ В печатном тексте (т. 13, С. 371-375) – «Сватовство Роланда»; входит в 1-ю серию «Легенды веков».
- ²⁶ В печатном тексте – «На берегу сошлись». В 16-й строке «огнь» заменен на «огонь».
- ²⁷ В печатном тексте – «на острове».
- ²⁸ В печатном тексте «детей» заменено на «юнцов».
- ²⁹ В печатном тексте – «Оливьер».
- ³⁰ В печатном тексте – «привержен».
- ³¹ В печатном тексте в первом случае – «Сей панцырь надевал», во втором существительное заменено местоимением – «благословил его».
- ³² В печатном тексте обе предложенные Смирновым поправки приняты.
- ³³ В печатном тексте – «яркоблещущий».
- ³⁴ В печатном тексте – «С сверканием мечей сверканье глаз мешая». Очевидно, изменен и конец предыдущей строки: в печатном тексте – «удары учащая», а в первом варианте в рифменной позиции, видимо, стояло слово «удары» («и учащать удары?»).
- ³⁵ В печатном тексте поправка принята.
- ³⁶ В печатном тексте 5-я строка этого стихотворения – «И алчность хищная мою не мучит душу».

- ³⁷ В печатном тексте «теперь» заменено на «клянусь».
- ³⁸ Очевидно, записка, оставленная Смирновым Ахматовой.
- ³⁹ Возможно, это «издательское дело» было связано с Полным собранием сочинений У. Шекспира (см. прим. 23 к вст. статье). Ср.: Ахматова «рассказала, что Смирнов предложил для перевода “Двенадцатую ночь” и она с негодованием отказалась. “– Вы, кажется, забыли, кто я!.. Над свежей могилой друга я не стану... У меня это не в обычае”» («А.А. считала поступком недопустимым, недружественным переводить заново “Двенадцатую ночь, или Что угодно” потому, что эту вещь перевел в свое время М. Лозинский», – поясняет Л.К. Чуковская) (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962. М.: «Согласие», 1997. С. 111; запись от 14 апреля 1955 г.). См. также описание этого эпизода в дневнике Шапориной, с упоминанием о том, что Лозинский называл Смирнова «конъюнктуристом» (РНБ. Ф. 1086. Ед. хр. 28. Л. 8об.; запись от 2 апреля 1955 г.).
- ⁴⁰ Ср. письмо от 26 мая 1954 г.
- ⁴¹ Ахматова «хворает <...> Сильные боли в правом плече. Доктор думает, отложение солей; она – сердце» (Чуковская Л. Указ. соч. С. 267, запись от 2 октября 1957 г.); «Третьего дня вечером была у Анны Андреевны. Неизвестно, то ли микро, то ли не микро, но во всяком случае велено лежать, и она лежит» (Там же. С. 269, запись от 15 октября 1957 г.).
- ⁴² 25 ноября 1957 г. у президента США Дуайта Эйзенхауэра была диагностирована закупорка левой средней мозговой артерии.

ПИСЬМО СЕРГЕЯ БОБРОВА К ЖОЗЕФИНЕ И ЛИДИИ ПАСТЕРНАК

Еще раз к вопросу о Борисе Пастернаке
и христианстве¹

*Е.Б. Пастернак, Е.В. Пастернак,
К.М. Поливанов, М.А. Рашковская*

Известно, что роман «Доктор Живаго» вызвал на родине автора смешанную реакцию не только со стороны идеологической, враждебно воспринятой Союзом писателей и отделом культуры ЦК. И форма и содержание романа оказались слишком выходящими за пределы того, что ожидали от автора даже казалось бы благожелательные современники, знакомые и друзья. Трудно отделаться от мысли, что жизнь в Советской России по-своему исказила читательское восприятие самых разных людей. Быть может, именно глубокая «тайная свобода», вопреки всему, осталась недоступной немалому числу людей из не слишком широкого круга советских читателей «Доктора Живаго». Напомним, что русские эмигранты разных поколений, в большинстве своем как раз приветствовали роман. Назовем лишь нескольких – Федор Степун, Виктор Франк, Дмитрий Оболенский, – кто не только прочитал, но и откликнулся на «Живаго» глубокими и тонкими работами.

Пастернаку было даровано счастье услышать восторженные отклики со всего мира, были дороги и немногочисленные отзывы благодарных читателей в своем отечестве, но при этом непонимание других – не могло не быть болезненным. Ему не дано было узнать, как восприняло роман поколение мальчиков и девочек, прочитавших его во многочисленных перепечатках 1960-х и 1970-х годов и сделавших эту книгу учебником жизни и свободы, верой в приближение которой она дышит. Ходивший в списках роман положил начало самиздату и воспитал диссидентское движение. Многих «Доктор Живаго» привел в церковь.

Споры о достоинствах и содержании романа не прекратились и после смерти Пастернака, и нам кажется, что каждый отдельный случай непонимания, если он возникал среди людей, когда-то близких автору, достоин внимательного рассмотрения. Только так мы сможем хотя бы отчасти понять ту атмосферу духовной изоляции, нарушавшуюся лишь несколькими преданными читателями, в которой оказался написавший роман Пастернак у себя на родине.

Письма Сергея Павловича Боброва (1889–1971) сестрам поэта Жозефине и Лидии, письмо к его сыну – Евгению Борисовичу, также, как и ответное письмо Жозефины Леонидовны, позволяют нам разглядеть некоторые черты этой «глухоты», которая окружала автора и столь ценное им произведение.

Сергей Бобров (из сверстников и литературных «соратников») принадлежал в 1910-х входил в число ближайший и важнейших его собеседников и корреспондентов, хотя из писем Пастернака того времени можно понять, как его раздражали попытки Боброва руководить его литературными шагами. Стремившийся к лидерству Бобров был деятельным участником литературной жизни Москвы в 1910-х, был главным «двигателем» изданий групп «Лирика» и «Центрифуга». Их отношения с Пастернаком подробно рассматривались в работах Лазаря Флейшмана с 1970-х: «История «Центрифуги»», «Фрагменты футуристической биографии Пастернака» и др.² Наиболее подробное представление об отношении двух поэтов дает сохранившаяся переписка с 1910-х до 1950-х.³

Но публикуемые письма интересны, как нам представляется, не только как свидетельство мотивации споров и несогласий вокруг романа. В этих письмах важны слова об отношениях Боброва и Пастернака в 1910-х, о том, как до близкого друга доходила семейная атмосфера пастернаковского дома, об отношении самого Боброва к толстовству, символистам и многому другому. Разумеется, кое-что автору писем вспоминается иначе, чем казалось тогда, – но это черта любого мемуариста, и историк литературы должен уметь делать необходимые поправки.

Особенно ценны в этих письмах не только слова Боброва о молодом Пастернаке, несколько стилизованные ностальгической нотой, но его удивительно точные характеристики поэзии Жозефины Пастернак и вечного стыда русской интеллигенции за свою родину и ее мечты о «невоплотимом». Подобные формулировки объясняют то, за что Пастернак всегда ценил и уважал Боброва не только в молодости, но и гуляя с ним по дорожкам в Переделкине в 1950-е годы.

Письмо Жозефины Леонидовны тоже содержит не только оценку романа («музыкальная композиция»), не только передает замечательные детали из жизни семьи в дореволюционный период, но и дает почувствовать, как сохранялась московская атмосфера семьи Пастернаков много лет спустя в Англии.

Январь 1967, Москва⁴

Дорогие Жоничка и Лидочка!

Я уж вчера послал Вам письмо с благодарностью за Ваши подарки и за письмо Жонечки... Но потом мне показалось, что я написал слишком

с у х о. Боюсь, что и Вам то же самое покажется. Но я был совершенно пришиблен невероятными т р у д н о с т я м и по одной важной для меня работе (переизданию одной из моих математических книг для юношества)⁵. Вчера я дошел до апогея отчаяния, но затем свершился некий перелом и с помощью моей дорогой жены⁶ и старичка-профессора механики я, кажется, наконец, обрел силы и возможности выпростать ноги из того капкана, в который меня усадили не в меру усердные «просветители» из моего издательства.

Поэтому я вчера вечером просмотрел (на большее сейчас неспособен!) стихи Анны Ней и книжечку переводов Лиды⁷.

Но, как мне Вам писать?? Вы знаете, до какой степени мы были дружны с Борей в юности, а потом? а потом нас развела с у д ь б а (а с чужой судьбой никому неохота ссориться...) – а затем как-то и вовсе разошлись. Скажу вам прямо: я не сочувствовал его роману. Может быть, я был неправ, но меня глубоко задевала эта ожесточенная борьба с человеческой строго-научной мыслью, с культурой именно в том смысле, которая ведется в романе с точки зрения религиозной. Повторяю: может быть я неправ, но таково мое было убеждение, когда Боря заставил меня прочесть всю рукопись⁸. И я это ему высказал. Он был обижен ужасно – и с тех пор мы не видались.

Когда я прочел в рукописи его, что «до Христа была природа, а только после него началась история...»⁹ – то я был просто потрясен. Ведь Боря учился у Когена. А Коген экзаменовал их так: на столе у него всегда лежало несколько томов Канта (это мне рассказывал сам Боря), Коген брал наудачу первый попавшийся под руки том, раскрывал его наудачу, тыкал пальцем в страницу и сурово говорил студенту: «Что тут хотел сказать великий старик?»¹⁰ И во время разговора о романе я напомнил ему об этом, сказав: «Что же ты, человек с философским образованием, об Аристотеле ничего не знаешь? Аристотель по твоему это природа?» (Вы сами понимаете, что сунуться к Когену без превосходного знания древне-греческой философии было совершенно невозможно). В дальнейшем он эти слова из романа выкинул...¹¹, но ведь не в словах дело! Т.е. не в этих словах, дух их остался. А затем я говорил, что каков бы ни был наш мир сегодня, бессмысленно бороться с его физико-математическим могуществом... Как хотите, меня судите, но я говорил все это по <л. 2> совести, не кривя душой. Но юность наша была иная – и в ней обе вы участвовали. Сейчас Бори уж нет на свете, мы все жестоко состарились, а все-таки письмо Жонечки меня тронуло, а книжечки заинтересовали. Правда, я до того утомлен и покалечен сейчас, что читать всерьез не могу... уж извините. Однако скажу несколько слов об этих двух книжках – из-за этого-то я и взялся за это письмо.

У нас с Борей когда-то в юности был такой курьезный разговор... не знаю уж как это вышло, но вдруг Боря вскочил из-за стола и закричал: «Нет, Сергей, ты осел!». – Да? – отвечал я, – а в чем дело? – Да ты говоришь о моем остроумии! Что это за убогое остроумие? знаешь, кто у нас (т.е. «у нас в семье») остроумен? это вовсе не я – это Жонечка!..» А затем как-то когда мы с ним шлялись поздним вечером по милой путанице около-пречистенских переулков, он с жаром сказал мне, как бы доверяя мне по дружески нечто, что он не стал бы всякому встречному поперечному докладывать, что Жонечка не раз делала ему очень тонкие замечания о его стихах, которые он потом обдумывал и в связи с которыми он не раз переделывал свои стихи.

Так что кое-что об Анне Ней я уже знал давным давно. Теперь вот кусочки ее сердца в этой книжке. Что сказать о них? Мне кажется, что это какая-то легкая тень Бориной поэзии, «но только с женской душой» (как Тютчев говорил)¹² – с безумной робостью перед грубостью любви, перед жестокостью инстинкта (своего собственного, но вот только что осознанного), с глубочайшей тайной чуть пробудившегося материнства, которое во всей суровой будничности женского страдания вдруг прозревает великую красоту материнского умиления... Не знаю, так ли я все это говорю, но жаль, что все это брошено на полдороге¹³. Тициан в 90 лет говорил: «Вот теперь я кое-что понимаю в искусстве...» труд должен быть в искусстве к о л о с с а л е н, без этого оно подняться до своего естественно-божественного уровня не может. Корней Чуковский очень хорошо об этом в применении к Боре написал в своем предисловии к маленькой книжечке, которую Женья и Зина издали¹⁴.

Переводы Лиды некоторые довольно удачны и все в общем – интересно. Обращают на себя внимание отрывки из писем Бори к родителям. Тут много интересного, но много и такого, что современникам покажется по меньшей мере «очень странным»¹⁵. Не поймите меня вкривь, но тут надо говорить всерьез, т.е. взаправду. А эта правда иной раз бывает с довольно таки горькими миндалинками... Ну, конечно, все артисты – безумные себялюбцы, и Боря в этом отношении не был исключением – и это в общем в природе дела, ибо всю жизнь прислушиваясь к тонкостям своих ощущений и переживаний, человек невольно ощущает самого себя в несколько преувеличенном виде... это не то что эгоизм или эгоцентризм, но взгляд устремленный внутрь себя, который <л. 3> мешает многое замечать рядом. И вот эти письма! – они кажутся на первый взгляд ужасно аффектированными, претенциозными (и это, конечно, должно безумно раздражать нашу суровую современность!) Слово человек все время рисуется, кокетничает сам с собой (хотя сам прекрасно знает цену ч у ж и м «телячьим нежно-

стям»), все время он словно на «пуантах» перед адресатом... Словно он заискивает перед адресатом, словно он думает во что бы то ни стало «уговорить» его и т.п.¹⁶ Это одна сторона, но есть и иное, что в некоторой мере и более серьезно – и проливает свет на некоторые иные странности, которые без этого не имели бы достаточного объяснения. Так как Боря был невероятный выдумщик, т.е. страстный фантазер – и при этом фантазер наимузыкальнейший – обладавший даром обращаться в легкую мечту даже и самую шершавую прозу, не говоря уж о вещах более поэтических и тонких – то он придумал целую Гофманиаду о том, как росла Жонечка с к в о з ь отцовские портреты!¹⁷ И это совершенно очаровательно. Помню, как я еще юношей оставался в Третьяковке перед рисунком Л.О. итальянским карандашом: маленькая Жонечка пьет какао из большой чашки и глазок ее прямо так и впивается с нежным девочкинским любопытством в тебя, зрителя... а потом висевший на Волхонке большой (тоже карандаш итальянский, а может быть, уголь?) ее портрет, где уж она взрослая девушка, прелестная, как подлинный ангел¹⁸. Вот тут то начинаются и все более и более серьезные вещи...

Ведь у Л.О. была масса рисунков из быта семьи – пастель я еще такую вспоминаю: на большой кровати лежит голенький Шура – еще грудной – на спинке, а мать наклонилась над ним и кормит грудью – и многое другое в том же роде. Заметьте, это было такое уж п о в е т р и е в конце прошлого века. Ведь то же самое и в семье Толстых. Мой собственный отец, который был не дурак за бабами поволочиться, страстно любил семью и детей... И вот именно отсюда то и выросло Т о л с т о в с т в о, как видоизменение христианства – из религии перерастающее в величавое и нестигаемое поклонение семейным добродетелям и силе родственной любви¹⁹. Толстой хотел, чтобы человек так любил своего ближнего, как мать любит ребенка, как влюбленный свою милую – и вот это то и должно быть по Толстому истинной религией человечества. Недаром богословы лезли на стену и кричали, что он еретик.

Ведь он даже слово «Логос» в начале евангелия от Иоанна перевел, как «р а з у м е н и е» в смысле «понимания чужой души», что было, выражаясь грубо, «сплошной отсебятиной», с точки зрения любого добросовестного читателя евангельского текста. И вот тут то начинается вся угрюмая трагедия толстовского мученичества. В эту фату подвеченную закутать мир н е л ь з я. Там – деньги, пушки, ордена, чины, уличные девки, пакостные болезни и все прочее. А отсюда – теория «непротивления злу», т.е. нечто абсолютно-абстрактное и в человеческом мире точно н е в о п л о т и м о е.

<л. 4> Но за Толстым стоял еще подлинный мужик, тот самый, о котором Толстой говорил «походит год по миру, обернется, а через год справится и опять мужиковать начнет». За Толстым еще стоял на смерть влюбленный в него сектант, старовер, молоканин, готовый пойти за него на костер. За Толстым стояла, сжавши зубы в молчаливом негодовании, умиравшая от стыда за свою родину интеллигенция, у которой не было слов рассказать о том, что фактически делалось в царской Руси – Победоносцевщина, еврейские погромы и весь тот непроходимый срам, от которого люди с ума сходили в начале нашего века. Так что даже и любая невоплотимость казалась райским сном по сравнению с действительностью. При этом не забудьте, что Толстой презирал всякий орнаментализм, наигранный католицизм Верлэна рассматривал, как жалкий поповский фокус-покус, и только великая сила Руси была ему по плечу.

Конечно, таланты бывают разные, как и самое искусство, ими порождаемое. Вспоминаю, как я был поражен и умилен, когда Боря в первый раз пришел в мою каморку и прочел мне в первый раз свои стихи... это был «Февраль, достать чернил и плакать...» И как мы потом проговорили чуть не до света, как внезапно я почувствовал, что это именно и есть то самое искусство, о котором я грезил, ибо жеманство и кривлянье символистов со всеми их религиями от сатанизма Брюсова до хлыстовщины Белого²⁰ – надоело, обрыдло, осточертело до последней капли терпения²¹. Откройте крохотный томик моего «Мальчика» на стр. 233, 14-ую строку снизу ...²² это парафраз юных Бориных стихов, страстно в юности любимых: «Серебрятся малины кусты – Запрокинувшиеся изнанкой...» – и вот это было истинным его призванием, силой и роскошной прелестью. А вся эта оперная мишура игры в под-толстовство меня разочаровывает бесконечно.

Как то мы с ним ходили по осеннему Переделкину, были в лесу, одни. «Ах! – сказал он, – поверишь ли, я и десятой доли того не сделал, что мог бы сделать ...» – я грустно вздохнул и ответил тихо, что я сам – «и сотой доли не сделал». «Да!, – сказал он, – я понимаю, но ведь ты можешь как-то и переключиться, ты и в статистике что-то всерьез делал ... а у меня этого не было ... но вот, я как-то пошел по лесу, туда к этому поселку Мичуринскому и вдруг вижу, как луч сквозь елки пробивается, тоненький такой, точно раздвигает ветку за веткой – и я подумал, вот это я еще не написал, а потом вспомнил – нет! Написал²³. А что же эта возня с Шекспиром и прочее? Все это только на дрова для дачи идет. Еще с шоферами потом надо водку пить, чорт...»

Ну – я кажется истощился!

Написал все, что мог. Может быть, Ваши книжечки заслуживали бы и большего внимания, но ... сил не хватает. Сейчас получил письмо

из Америки от одного русского стиховеда (сын эмигранта), который благодарит меня <л. 5> нежно за мою крохотную беленькую книжечку – видите, как далеко ее читают²⁴.

Когда-то я ее читал в Гослитиздате. Когда я кончил, Боря попросил слова и сказал: «Мы все, начиная с Блока, писали стихи, и мечтали о прозе – тебе первому это удалось...» Но добрые люди встали на свои добрые дыбы... и так далее.

Ну, спасибо Вам за книжки, за доброе отношение к моей укороченной, подпиленной, под-выхолощенной, просеянной через сито тупоголовой догматики прозе.

И простите за бестолковое письмо!

С. Бобров

Янв. 67

Жозефина Леонидовна в декабре 1967 г. отвечала на это и еще одно, видимо, не сохранившееся письмо Боброва:

<л. 18>²⁵

30/XII – 67

Дорогой Сергей Павлович!

Прежде всего, спасибо от всей души, за чудесный подарок, за Вашу изумительную книгу Волшебный Двурог. Пришла она как раз до праздников, собралась вернуться в нее, но приехали дети и внуки²⁶, и тут уж о чтении или писании думать нечего. Так пролетело время Святков, увы, им пришлось вернуться в Бельгию, где они временно поселились, разлука чувствительная и горькая. И вот снова берусь за прерванные дела, письма и т.д. Вам – первое письмо, дорогой Сергей Павлович, думала о Вас все эти дни. Пстойте про книгу. Ведь это именно то о чем я мечтаю: математика в изложении, доступном «юным читателям», словно для меня написано!²⁷

<л. 18 об.> Правда, по возрасту я, как читатель, прихожу к вам с опозданием на 50 лет, но по разумению это – книга для меня: спасибо, спасибо, спасибо. Я прочла только первую главу, и предвкушаю наслаждение от чтения и впитывания этой волшебной книги. За прелестный эстамп – сердечная благодарность, – очень красивый рисунок.

А письма Ваши, милый Сергей Павлович: хочется ответить на них «по существу». Главное про Борю. В Вашем втором письме (от 20?) Вы пишете: «не сердитесь». – Об этом и речи быть не может, могу ли я сердиться на Вас! Такого преданного и искреннего друга Бори... Вы стараетесь извинить, оправдать Борю естественным на старости <л. 19> обращением, поворотом в сторону религии, чего, как Вы пишете, в

юном Боре, мол не было. Так ли это? Может быть и тогда было, но он не показывал этого?

Должна была прервать письмо, а теперь трудно сконцентрироваться. Мне больно, что Боря – не ведая – сделал Вам больно. Но Вы правы: на этот счет столкнуться трудно. Помню, няня приносила нам просвиры из церкви, помню это, – я еще в постели, она пришла из церкви, дает мне освященный кусочек. И, конечно, много брала нас в церковь – в Юшковом пер., рядом с нашей квартирой на Мясницкой²⁸. Но крестить «тайно»? Вот это и Лидочке и мне кажется странным, невероятным. Неужели <л. 19 об.> ни родители, ни Шурочка, об этом ничего не знали? Между тем Боря пишет об этом в письме Prouart²⁹, не станет же он лгать.

Это мне непонятно. Да и не важно. Я уверена, что в эти последние годы Боря совершенно искренне примкнул к христианству. Сергей Павлович! Ведь чело<веческая> душа сложная штука, Вам ли не знать этого! тут и параллели, и перекрещивания и парадоксы, тут и «нет» и в то же время «да», не исключают друг друга.

Диалоги – некоторые диалоги в Д-ре Ж<иваго> – бледны, неубедительны, – и: говорит одно и то же лицо, а не разные люди. Но есть очень поэтические места, и – ах, но не будем говорить об этом, ведь Вы там на месте, больше знаете, <л. 20> чем мы. Начиная со второй части (даже с тифа в I ч.) – роман (но в общем эта книга не роман – а нечто вроде музыкальной композиции) на иной высоте, чем начало его же, не стану говорить о Ж<иваго>.

А что Вы такой грустный – грустно. Годы? Да, это конечно – пугает, сжимается иногда от этого сердце. Как примириться? Но в это же время это доказывает, что любишь жизнь, что не хочешь расстаться с ней. Значит, не так уж она дурна, неудачна.

Ну простите, и еще раз от всего сердца благодарю Вас за все. Книгу буду <л. 20 об.> читать медленно, постараюсь вникнуть в математические детали и, конечно, буду наслаждаться литературной ее стороной.

Поздравляю еще раз с Новым годом, желаю здоровья Вам и Вашим, успеха, исполнения Ваших желаний. И от Лидочки сердечный привет.

Да хранит Вас Бог.

Ваша Жоня.

Послала Вам – с опозданием – простите! – поздр<авительную> карточку (на днях)».

Бобров, видимо, писал Жозефине под свежим впечатлением от чтения автобиографического очерка «Люди и положения», только что

опубликованного в январском номере «Нового мира», где его задело изображение событий 1910-х гг., времени их общей с Пастернаком молодости, вызвавшей в нем ностальгические чувства. Тогда же Бобров написал и Е.Б. Пастернаку, опубликовавшему очерк, крайне ревниво оспаривая свое понимание и Пастернака, и времени, и их отношений. Е.Ф. Кунина отговорила его посылать это письмо, понимая, что Евгений Борисович ни по каким соображениям не мог бы оставить неизвестной одну из основных работ отца, к тому же уже опубликованной к тому времени за границей. Она же рассказала, как обидели Сергея Павловича слова Пастернака о начальном периоде их литературной жизни. Острая чувствительность Боброва была полной неожиданностью для Евгения Борисовича, объяснений между ними по этому поводу не было, но сознание вины в том, что после этой публикации Бобров оказался в тяжелом душевном состоянии, мучило его и омрачало радость появления в печати запрещенного десять лет тому назад очерка.

Что могло так задеть Боброва? При краткости описания основных жизненных событий Пастернак всего несколько слов посвящает самому Боброву и очень бегло очерчивает период своей футуристической молодости. Не мог же он отрицать того, что «чувство правды, скромность, признательность не были в ходу среди молодежи левых художественных направлений и считались признаками сентиментальности и кислячества». Ведь он до конца дней с гордостью вспоминал свои резкие выступления против литературных врагов, а Маяковский, Шершеневич и др. отвечали ему с неменьшей яростью. «Отчего ты не хочешь стать выше всего этого, – упрекал Боброва Пастернак, – ты, лучше всякого другого способный в своих идеологических экскурсах прямо подходить к сути дела, то, что называется брать быка за рога?»³⁰

Несомненно Боброва могли обидеть слова о том, что он был причиной ссоры с Анисимовыми, когда Пастернак вместе с ним и Асеевым подписал инициированный ими «декрет» об упразднении «Лирики» и образовании «Центрифуги». Теперь нам известно, что он действительно тяготился «келейно-подъяческой» узостью «Анисимовской клики». Но мы знаем также, как его пугал «“Руконогом”³¹ отдающий дух затхлои и узкой партийности» в «Центрифуге»³².

Перебирая болезненные для себя положения, в которые его ставил мятежный характер своего друга, «незаслуженно тепло» относившегося к его «футуристической чистоте», Пастернак, кроме «трогательной надписи» Вячеслава Иванова на подаренной ему книге, которую высмеял Бобров, называет спровоцированное им возмутительное письмо к Горькому по поводу правки перевода «Разбитого кувшина». Корректуры действительно были чудовищными, искажавшими простонародный характер комедии Клейста и стихотворный размер перевода,

но мы знаем также из переписки Пастернака, как его мучило потом это письмо, увы, не сохранившееся в архиве Горького.

Боброву рисуются 1910-е годы, как счастливейший период его жизни, тогда как для Пастернака это была «бедная неплодная эпоха»³³, и «предосудительность» их выступлений он резко осуждал в письмах к нему. Бобров пишет Жозефине, как он мгновенно оценил талант своего друга по первому же стихотворению, но из писем Пастернака 1914 г. мы знаем, что он упрекал себя в «вынужденном, <ему> несвойственном благообразии и умеренности» своей первой книги «Близнец в тучах», называя Боброва «ярим врагом футуризма и противником <его> жанра в прошлом»³⁴.

Из письма к Е.Б. Пастернаку от 4 апреля 1967 г.³⁵:

...Мне кажется, тебе должно быть ясно, что мое отношение к этой авто-лже-биографии Бори может быть только резко отрицательным. Твой пиэтет к памяти отца это твое личное дело, но уже существуют по крайней мере ДВЕ ПУБЛИКАЦИИ, которые представляют собой набор заведомо искаженных фактов (и просто выдумок), к публикации одной из них – т.е. последней – Ты имеешь непосредственное отношение. Если бы это были только фантазии и Гофманиады, то это еще было бы с пол-беды, но к сожалению это совсем не так. Это нарочитая сказка о крупном русском поэте (выдуманная пусть им самим, но кто ее именно выдумал, это вопрос отнюдь не столь важный, не забывая об этом!) – начало ее в Борином письме француженке (Жакелине Де-Пруайяр – см. ее книгу, изданную в Париже в 1964), которая воспроизвела все это факсимиле (ибо иначе даже парижские эмигранты не поверили бы!), а конец вот в этой квази-биографии. Это просто темная клевета на русского поэта, которого кто то (сам он или не сам, никого это не интересует!) обвиняет в том, что он с юности был мистик и антропософ (это был тогда модный псевдоним гг. теософов)³⁶, писал мистические стихи (вот откуда и басня, что «Близнец» – подражание «мистики повседневности» Блока) и кончил за-здравие русской православной церкви. Зачем он это сделал, не знаю, возможно, чтобы этим невероятным скандалом обратить внимание наконец на свои стихи – вот единственная, скольконибудь разумная гипотеза, которую я в состоянии придумать. Но говорить об этом печатно – воля Твоя! – мне б е з у м н о с т ы д н о. Боря был мой самый дорогой друг в детстве литературном нашем – и теперь сознавать, как все это горько и постыдно кончилось – просто свыше сил.

Может быть, мы и виноваты перед нашей суровой эпохой, но лечиться от этой вины, нагромождая на себя бессмысленные обвинения – это уж пахнет самым настоящим сумасшедшим домом.

Утверждаю и готов поклясться, что в юности никаких мистических увлечений у Бори не было. Именно та препротивная канитель, которая змеилась в «Мусагете» (Белый. Вяч. Иванов, Эллис-Кобылинский и др.) т.е. постоянная молитва о том, чтобы искусства больше не было, а была бы беспросветная мистика – именно она, а не что либо иное оттолкнула нас от символизма – и свела скорее с эстетом Брюсовым, а не с хлыстом и антропософом Белым (хотя мы очень хорошо соображали, скольк <sic!> это талантливый человек!).

Кстати – именно Брюсов то и устроил меня на работу в «Русский архив»³⁷, где мы одно время трудились вместе с Асеевым, а Боренька ухитрился и это позабыть.

Ну не стоит все это раскапывать – до свиданья.

С. Бобров

4.IV.67.

Это письмо Бобров не отослал, так как конверт с адресом Е.Б. Пастернака перечеркнут и адресат не получал его. На следующий день Бобров написал еще одно письмо, сохранившееся в его фонде. В нем он попытался сгладить свои формулировки и претензии к автору воспоминаний и их публикатору, объясняя обращение поэта к христианству его несовпадением с современным безбожием и осознанием себя «чем-то вроде религиозного реформатора»³⁸. Это письмо также не дошло до адресата.

Еще в 1964 г. в двух других письмах Е.Б. Пастернаку он подробно и раздраженно высказывался по поводу публикации письма к Жаклин де Пруайяр и ее книги. Здесь он также писал о неприязни к мистическим увлечениям писателей 1910-х от Андрея Белого до Сергея Дурдылина, Веры Станевич и Юлиана Анисимова. Категорически отрицая возможность тайного крещения няней, Бобров пишет: «...Самая махровая дичь – это глупенькая басня о “тайном крещении” Бори!!! Эти сказочки можно рассказывать только тем людям, которые полувеком отделены от обычаев и устоев (и законоположений совершенно официальных!) русского царского православия. Крещение это обряд, вполне точного исполнения, связанный с казенными записями в шнуровых книгах церкви, которые выполняли в царской России роль совершенно официальных теперешних Загсов. Обряд совершает не один поп, но с причтом, с восприемниками (крестными отцами и матерями), которые являются казенными свидетелями крещения и отмечают совершенно по форме (с указанием чина, «титularный советник такой-то» и пр.). Ни один поп в Москве (в столице) ни за какие деньги не стал бы крестить еврейского мальчика, ибо из этого мог бы выйти совершенно грандиозный скандал, донесись хотя бы тень этого слуха

до богатой и влиятельной московской еврейской общины. Рисковать всей карьерой из-за такой пренелепой с тогдашней точки зрения выдумки ни один поп не стал бы»³⁹.

Утверждение Боброва о богатой и влиятельной московской еврейской общине в начале 1890-х некорректно. Как раз на 1891-92 гг. приходятся репрессивные меры, инициированные московским генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем. Из Москвы были высланы более 20 тысяч евреев, закрыта только что построенная Хоральная синагога, были изменены правила проживания для многих категорий еврейского населения, в результате чего тысячи людей остались без крова и средств к существованию, а десятки погибли от холодов.

Собственно, Бобров в этом письме сам и объясняет, почему крещение могло быть только тайным. Пастернак был крещен не в казенном государственном православии, а тайно без всяких записей (что позже, при советской власти стало постоянной практикой), более того совершить крещение может в исключительных обстоятельствах и мирянин – а именно таковыми обстоятельства могли представляться няне Бориса⁴⁰.

Такая форма «тайного крещения» представляется нам очень символической. Пастернак оказался крещеным не официально, а именно так, как крестились позже многие его младшие современники, для которых христианство, как и для него, становилось «тайной свободой».

п р и м е ч а н и я

- ¹ В работе «Борис Пастернак и христианство» Лазарь Флейшман называет вопрос о христианстве Бориса Пастернака, принадлежащим «к числу наиболее болезненных, запутанных и сложных в литературоведении» (Л. Флейшман. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: НЛО, 2006. С. 731).
- ² Включены в книгу Лазаря Флейшмана «От Пушкина к Пастернаку».
- ³ Борис Пастернак и Сергей Бобров. Письма четырех десятилетий. Публ. М.А. Ращковской. (Stanford Slavic Studies. Vol. 10.) Stanford, 1996; публикация с уточнениями в сб.: «Встречи с прошлым». Вып.8, М., 1996. С. 195-309. О Боброве см. также: Неизвестная книга Сергея Боброва. Под ред. М.А. Гаспарова. (Stanford Slavic Studies. Vol. 6.) Stanford, 1993; Безродный М. Между двух антологий (Поэтическая карьера Сергея Боброва) // Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре. Под ред. П. Пессонена, Ю. Хейнонена и Г. Обатнина. (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia V.) Helsinki, 1996. С.189-202. Биография Боброва изложена в статье Ю.М. Гельперина в: Русские писатели. 1800–1917. Биобиблиографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 294.
- ⁴ Письмо написано под свежим впечатлением от чтения автобиографического очерка «Люди и положения», только что опубликованного в январском номере «Нового мира», где Боброва задело изображение событий 1910-х годов, времени общей для них с Пастернаком молодости, которая, в отличие от Пастернака, вызывала в нем ностальгические чувства. (РГАЛИ. Ф. 2554 (С.П. Бобров), оп. 2, ед. хр. 398). Дата Январь 1967 и подпись

- Боброва стоит на втором экземпляре машинописной копии этого письма, которую Бобров подарил М.Л. Гаспарову с надписью «Милому Мише Гаспарову – конечно, доверительно! – но все же на память. 11. I. 67 С. Бобров» (хранится у К.М. Поливанова).
- ⁵ Второе издание книги Боброва «Волшебный двурог» вышло в 1967 г.
- ⁶ Переводчик Мария Павловна Богословская.
- ⁷ Анна Ней. Координаты: Стихи. Берлин, 1938; Boris Pasternak. Fifty Poems. Translated with introduction by Lydia Pasternak Slater. London: George Allen and Unwin Ltd., 1963. В предисловии Л.Л. Пастернак Слейтер цитировала письма брата к родителям (о чем ниже пишет Бобров).
- ⁸ В письмах 1950-х Боброва Пастернаку складывается не совсем такая картина его отношения к роману. В 1950 Бобров, прочтя первую книгу (где как раз находятся реплики Веденяпина о христианстве), хвалит старого друга за писание романа, 11 ноября 1950 без враждебности отзывается о евангельских стихах, в 1956 пишет, что хотел бы прочесть рукопись целиком: «А насчет твоих теологических сочинений – что ж! ведь Толстой, когда решил, что он уж переписал и Гомера (в “Войне и мире”), и Свифта (в “Холстомере”), решил переписать и Библию (в “Круге” своем). Мы как-то болтали – давно уж, года три тому назад, коли не более – с Вильмонтом на цветущем дужку Переделкинском, что Твоя “Звезда Рождественская” напоминает “Вертеп”, поставленный с декорациями Сапунова и музыкой Саца. Так как твое дарование сильней и того и другого, то мутатис мутандис и т.д. Однако ты мог бы найти в этих областях темы и более величественные. Например, скажем, Нагорная Проповедь. Там есть чудные тексты – хотя бы вот этот: “Блаженни миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся!..” (Боюсь наврать, сто лет не читал, а текста под рукой нет, ну уж – не взыщи!). Мне кажется, что если бы ты взялся за эту божественную тему, то, тихо прислушиваясь к ней в творческом одиночестве, Ты бы, Боря, мог соорудить нечто, что напоминало бы Баховы Матфеевы Страсти либо Микелеву Сибиллу Кумскую. Вот где бы твой извечный оптимизм мог вспыхнуть вовсю. Однако прости, Тебе, быть может, совсем неохота, чтобы кто-либо судил о твоём внутреннем». (Борис Пастернак и Сергей Бобров. Письма четырех десятилетий. Публ. М.А.Рашковской. // Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996. С. 307).
- ⁹ «Вы не понимаете, что можно быть атеистом, можно не знать, есть ли Бог и для чего он, и в то же время знать, что человек живет не в природе, а в истории, и что в нынешнем понимании она основана Христом, что Евангелие есть ее обоснование <...> Истории в этом смысле не было у древних <...> Века и поколения только после Христа вздохнули свободно. Только после него началась жизнь в потомстве, и человек умирает не на улице под забором, а у себя в истории, в разгаре работ, посвященных преодолению смерти, умирает сам, посвященный этой теме». (Борис Пастернак. ПСС в 11 тт. Т.IV. М., 2005. С. 12, 13; все остальные сноски на тексты Б. Пастернака даются по этому изданию с указанием тома и страницы).
- ¹⁰ Сравни с описанием семинаров Когена в «Охранной грамоте», которое, вероятно, и было источником рассказа Боброва: «У него в семинариях читали классиков. Он обрывал среди чтения и спрашивал, к чему клонит автор <...> Он дал мне разойтись и забыться, и, когда я меньше всего этого ожидал, огорошил своим обычным: “Was meint der Alte?” (Что разумеет старик?)». (Т. III. С. 188)
- ¹¹ Слова об истории остались неизменными во всех вариантах рукописи романа.
- ¹² Бобров имеет в виду строки «Воздушный житель, может быть, Но с страстной женскою душою» из стихотворения Ф.И. Тютчева «День вечереет, ночь близка...»
- ¹³ Свои поздние стихи Жозефина Пастернак объединила в книге «Памяти Педро» (УМСА-Press, 1984; книга названа в честь недавно скончавшегося спаниеля).
- ¹⁴ Борис Пастернак. Стихи. Сост. и подг. текстов З.Н. Пастернак и Е.Б. Пастернака. Предисловие К. Чуковского. М.: «Художественная литература», 1966.

- ¹⁵ Л.Л. Слейтер приводит отрывки из писем 25 декабря 1934, 19 марта 1936, 18 мая 1936, 12 мая 1937, 6 января 1938.
- ¹⁶ Несомненно, что и самому Боброву представлялась «странным» «аффектированным» откровенность выражения любви и привязанности Пастернака, – разлученного с родителем, – к отцу и восхищение его талантом и работоспособностью, которые пронизывают эти отрывки. Те же интонации характеризуют многие письма Пастернака, в частности и к самому Боброву, но там они ему не казались «претенциозными», поскольку он верил искренности адресата.
- ¹⁷ «В границах суждения, вмещающегося в восклицанье, мне кажется, что лучше всего ты рисовал Толстого и Жюно. А как ты их рисовал! Жюно ты рисовал так, что она постепенно росла согласно рисункам, следовала в жизни за ними, на них воспитывалась больше, чем на чем-нибудь другом» (25 декабря 1934. – Т. VIII. С. 758).
- ¹⁸ «“Жонечка была такая прелесть, что в нее даже влюбиться было невозможно”, – говорил Бобров» Е.Ф. Куниной. – О встречах с Борисом Пастернаком (Т. XI. С. 110)
- ¹⁹ Пастернак считал, что «остатки христианства и толстовства... при известном возрасте, неизбежны у всякого, кто проходит и заходит достаточно далеко, вступив на поприще русской литературы» (12 мая 1947 К.М.Симонову – Т. IX. С. 496. См. также письмо к А.А.Фадееву лета 1947 – Т. IX. С. 500).
- ²⁰ Об истории отношений Боброва к Белому см. публикацию К. Постоутенко «Письма С.П. Боброва к Андрею Белому. 1909-1912» (Лица. Биографический альманах. Вып. 1. СПб., 1992. С. 113-169).
- ²¹ Этот эпизод более подробно описан в воспоминаниях Боброва о Пастернаке (Воспоминания о Борисе Пастернаке. М.: «Слово», 1993. С. 60-61).
- ²² В своей полу автобиографической повести перефразировал строки Пастернака «Засребряются малины листья, Запрокинувшиеся изнанкой...» из стихотворения «Все оденут сегодня пальто...» 1913 г., которые с небольшим искажением цитирует в письме ниже. «Северное солнце наше тонкими, искоса, лучами тихо серебрило эту нежную, тайную и родную изнанку серенького ненастливого бытия». Сергей Бобров. Мальчик. М., 1966. С. 233.
- ²³ См.: «Пронизан солнцем лес насквозь / Лучи стоят столбами пыли...» («Тишина»).
- ²⁴ Имеется в виду повесть «Мальчик».
- ²⁵ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 567.
- ²⁶ Дочь Жозефины Элен (Аленушка) и Билл Рамзи и их дети Ники и Катя.
- ²⁷ В своей автобиографической книге “Tightrope Wallking” (Bloomington, 2005) Ж. Пастернак писала, что всю жизнь обожала математику, но слушая лекции Вольфганга Кёлера в Берлинском университете, которые «были основаны на последних, слишком теоретических, слишком специальных достижениях науки», она «с трудом могла следить за ходом изложения и приходила в уныние. Только позже, – писала она, – уже будучи пожилой женщиной, когда должна была щадить время, я возобновила занятия по математике и физике на элементарном уровне вступительных университетских экзаменов. Я получила большое удовольствие от этих запоздалых занятий и была удивлена тем, что многое из того, что казалось мне раньше непонятным, стало совершенно ясно, как будто рассеялся туман». Вольфганг Кёлер (1887–1967) – известный приверженец гештальт-психологии, с 1921 г. глава Института психологии и профессор философии в Берлинском университете.
- ²⁸ Имеется в виду церковь Флора и Лавра. Няня Акулина Гавриловна Михалина, простая крестьянская женщина, сумела привить всем четверым детям семейства Пастернаков любовь ко Христу и богослужениям. Особенно близко это было воспринято Борисом и Жозефиной, которая тоже крестилась в поздние годы.
- ²⁹ Речь идет о публикации в книге Жаклин де Пруаяр “Pasternak” (Paris, 1964) письма Пастернака к ней от 2 мая 1959: «Я был крещен своей няней в младенчестве, но из-за

ограничений, которым подвергались евреи, и к тому же в семье, художественными заслугами отца избавленной от них и пользовавшейся определенной известностью, – это вызывало некоторые осложнения и оставалось всегда душевной полутайной, предметом редкого и исключительного вдохновения, а не спокойной привычкой. В этом, я думаю, – источник моего своеобразия. Христианский образ мысли сильнее всего владел мною в 1910-1912 годах, когда закладывались основы моего своеобразного взгляда на вещи, мир, жизнь. Но об этом в другой раз, или, вернее, не будем об этом говорить вовсе... Мне и без этого хватает сложностей. Меня почти со всех сторон спрашивают о моих убеждениях и мнениях по поводу чуть ли не всего на свете и не хотят верить, что у меня нет никаких, и они для меня ничего не значат. Ибо “мнение” о Святом духе ничего не стоит по сравнению с его собственным присутствием в произведении искусства, с чего начинается великое и чудесное» (Т. X. С. 472).

³⁰ Письмо 27 ноября 1916. – Т. VIII. С. 286.

³¹ Первый сборник «Центрифуги» (1914), полный полемических выпадов Боброва и содержащий заказанные им «футуристические» стихи Пастернака и статью «Вассерманова реакция», направленную против Шершеневича. После выхода сборника его авторам пришлось объясняться с противниками и печатать публичные объяснения.

³² Письмо 27 ноября 1916. – Т. VIII. С. 286.

³³ Письмо Д.П. Гордееву 16 декабря 1915. – Т. VIII. С. 207.

³⁴ Письмо к родителям 15-18 мая 1914. – Т. VII. С. 166.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 397.

³⁶ Ни в книге де Пруайяр, ни в автобиографическом очерке нет ничего о принадлежности Пастернака к антропософии. Возможно, этот выпад вызван словами о том, что автору «были по душе супруги Анисимовы», которые были антропософами.

³⁷ Слова из очерка Пастернака нисколько не противоречат этому: «Знавший типографское дело по службе в “Русском архиве” Бобров сам печатался с нами и выпускал нас» (Т. III. С. 326).

³⁸ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 397. Л. 3.

³⁹ Архив семьи Б.Л. Пастернака.

⁴⁰ О своей детской любви ко Христу «по рассказам няни» и тайном крещении, «потихоньку» от родителей, Пастернак рассказывал еще в 1941 г. Е.А. Крашенинниковой. «Сразу после крещения я причащался, и моему восторгу не было конца» (Новый мир. 1997. № 1. С. 206). Свои детские впечатления о няниных рассказах о «божественном» и заутренях в «маленькой переулочной церквушке, куда няня его водила» Пастернак передал в своем романе Юрию Живаго (Т. IV. С. 88).

**ПОСЛЕ УТОПИИ.
КАК МЫ ПИСАЛИ И ПУБЛИКОВАЛИ
В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ 1960–80-х ГОДОВ
И КАК ГОВОРИЛИ ОБ ЭТОМ С ВЛАСТЬЮ**

(Материалы к теме «Тоталитаризм в России XX века»)

Мариэтта Чудакова

...Остаток юности губя...

Анна Ахматова

1

Важнейшим историческим событием в судьбе советской России и ее колоний в XX веке стал факт сугубо антропологический – смерть Сталина.

Фразой зощенковского персонажа (нэпмана Горбушкина) – «Высшую меру я действительно с трудом переношу. Остальное как-нибудь с Божьей помощью», – можно описать существенный фактор эпохи «оттепели»: пистолет отвели от виска¹.

Сразу, почти одновременно изменились *функционально* письменные официальные тексты – еще прежде, чем они изменились лексически, *содержательно*. Главная перемена, которую невозможно было не почувствовать в первые же недели после этой смерти, заключалась в том, что было убрано дуло того самого пистолета, целившее между газетных строк. Исчез призрак приговора – себе или другим, который человек каждый день мог вычитать непосредственно на газетном листе – в советизмах, не имеющих никакого отношения к языку юриспруденции².

Гораздо большее значение, чем могут себе представить несовершенники тех лет, имело исчезновение – в результате двух партийных съездов, XX-го и XXII-го, – самого слова *Сталина* из разнообразных текущих текстов. А оно присутствовало там при его жизни с неуклонностью восхода и заката.

«Сейчас, вероятно, трудно понять, – писал историк марксизма Б. Тартаковский в конце 1990-х гг., – какую огромную роль в раскрытии сознания сыграл тот факт, что пресловутый “Краткий курс” перестал быть священной книгой, а слово Сталина – истиной в последней инстанции. Конечно, это все были лишь первые, слабые ростки тех перемен, которые стали осуществляться спустя тридцать лет, но

начало было положено. “Процесс пошёл”, и его не могли остановить никакие зигзаги, никакие очередные постановления, никакие нелепые и бессмысленные преследования диссидентов, процессы и высылки в брежневско-андроповские времена. В общественном сознании происходили необратимые перемены, пусть медленно, пусть непоследовательно»³.

О том, как с трудом происходило не воскрешение, а некоторое оживление публичной устной и письменной речи в годы «оттепели», нам приходилось писать⁴, хотя пока еще недостаточно. Задача данной работы другая – продвинуться в поисках ответов на несколько вопросов:

1. В какой момент жизни советского общества после смерти Сталина выветрилась *утопия* из сознания тех, кто был властью?

2. Как, по каким направлениям осуществлялся в последующие годы контроль за печатью в области гуманитарного знания? К чему сводились (и сводились ли к чему-либо) цензурные (включая все ступени редакторства) требования?

3. Что мы, современники, считали частью печатного противостояния режиму?

Несомненно, что доклад Хрущева на XX съезде для одних похоронил советскую утопию, а для других – оживил⁵.

И если для одних утопия кончилась – в 18-19-летнем возрасте, в течение тех трех часов, когда в университетской аудитории слушали хрущевский доклад (предваренный словами члена партбюро факультета: «Обсуждению не подлежит!»)⁶, – то для многих взрослых людей вера в нее, то есть отсутствие ее оценки как утопии, сохранилась до очень позднего времени (для некоторых – до начала 90-х⁷). Вот добросовестная фиксация умонастроения историков – весьма неглупых, но занятых изданием трудов Маркса-Энгельса (сотрудников Института марксизма-ленинизма – т.е. располагавшихся не в очень большом удалении от «руководства» страной) в первой половине 60-х – начале 70-х гг.:

...Мы возмущались и гонениями на художников, и “делом Пастернака”, и преследованием Бродского <...>, и процессами диссидентов, но не помню, чтобы кому-то в нашей среде приходило в голову делать какие-то серьезные обобщения. Сомнений в возможности – пусть в некое отдаленное время – смены капитализма новым, более передовым социалистическим общественным строем у меня тогда не возникало.<...> И хотя развитие событий усиливало из года в год критическое отношение к советской действительности, это как-то уживалось с сохранением уверенности в прогрессивности исторического развития.

Мне представляется, что никаких мыслей об *утопичности этого взгляда* у меня в то время ещё не возникало. <...> реальные факты повседневной

жизни я (да и не я один) склонен был оценивать как отход, а то и прямой отказ от основных принципов "учения основоположников". Однако в нашей среде это не выходило за рамки дружеских бесед <...>. Чешские события вызвали глухое осуждение, но в тех же рамках; вера в неизбежное, исторически обоснованное установление "настоящего", с "человеческим лицом" социалистического строя, социальной справедливости еще сохранилась. Слишком основательно укоренилось оно в головах нашего поколения (или, скажем, значительной его части). <...> До осознания кризиса самой системы и тем более ее обреченности было еще далеко. <...> Скорее, тогда – в 60-е–70-е годы – я (мы?) склонен был видеть в том, что говорилось в области идеологии, отход (а то и фактически, закамуфлированный циничными словесными штампами, отказ) от сути Марковского учения⁸ как результат господства в соответствующих высших инстанциях догматиков-консерваторов. Вот заменить бы их людьми прогрессивными и все пошло бы иначе. Хотелось бы, тогда, во всяком случае, на это надеяться⁹.

В настроении людей, писавших в 60-е годы, до нашего (я всегда употребляю это местоимение: раз не было многоядных протестов, значит – мы дали совершить это от нашего имени) вступления в Прагу, слились в сложном сплаве разные мотивации и чувства.

Здесь были остатки гордости победителей в кровавой войне, гибшие надежды на послевоенное обновление («А горизонты с перспективами! А новизна народной роли!» – писал Пастернак об этих надеждах в 1943 г. в поэме «Зарево», оставшейся не законченной; «Давайте после драки Помашем кулаками...» – писал девять лет спустя, еще при жизни Сталина Б. Слуцкий о рухнувших надеждах), страхи осени 1946 г. и ужас 1948–52 гг. – от убийства Михоэлса и расстрела еврейских литераторов и общественных деятелей до «дела врачей» и «ленинградского дела». В 1956 г. сюда добавился «свежий» ужас от обнаружения фактов массового террора – и надежда на то, что, раз сказана такая страшная правда о непогрешимом Сталине, обновление, не пришедшее после победы, – неминуемо. Венгерские события осени того же года окатили надеявшихся ушатом холодной воды¹⁰. Спустя два года «нобелевская история» Пастернака с исключением известного и замечательного поэта из Союза писателей многих людей не робкого десятка заставила думать – «Все! Началось!..» – и действовать соответственно (злосчастное выступление поэта-фронтовика Слуцкого против Пастернака на писательском собрании, паника В. Шкловского).

Но мы хотели бы сначала попытаться понять позицию власти – на разных этапах послесталинского времени, и лишь затем – стратегию пишущих людей в разные годы.

Обсуждение доклада Хрущева в феврале 1956 г. показывает смятение членов партийной верхушки (примерно пятнадцати человек, в руках которых была сосредоточена власть над огромной страной) – в том

числе и в отношении того, чем же все они, руководители страны, были заняты при Сталине – во главе с ним:

т. Молотов. Нельзя в докладе не сказать, что Сталин великий продолжатель дела Ленина. <...> *т. Сабуров.* Если верны факты, разве это коммунизм? <...> *т. Булганин.* Партии сказать всю правду надо, что Сталин из себя представляет, линию занять надо такую, чтобы не быть дураками <...> не согласен, что великий продолжатель¹¹. Можно и не говорить – “продолжатель”, и в докладе можно обойтись без этого. Не раздувать личность Сталина (в плакатах). *т. Ворошилов.* Партия должна знать правду, но преподнести, как жизнью диктуется. Период диктовался обстоятельствами. Но страну вели мы по пути Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Доля Сталина была? – Была. <...> *т. Молотов.* <...> Правду восстанавливать. Правда и то, что под руководством Сталина победил социализм. <...> *т. Хрущев.* <...> В основном правильно высказывались. Надо решить в интересах партии. Сталин, преданный делу социализма, но все варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинял¹².

Все это были люди, много лет прожившие в условиях массового террора (с частичным перерывом на войну – только частичным, поскольку не менее двух миллионов находились в лагерях, аресты продолжались, и сразу же после Победы конвейер заработал вновь на полную мощность). Никогда не зная, какая судьба их ждет назавтра, вряд ли они могли испытывать веру в светлое будущее. (Не будучи биографом Сталина, я не хочу и пытаться высказывать гипотезы относительно его собственного мировоззрения в 30-е – начале 50-х).

Сейчас они могли хотя бы рассуждать вслух, не боясь (или не очень боясь) друг друга, на тему: «Если верны факты, какой же это коммунизм?»

Несмотря на эти законные, так сказать, сомнения, утопия оживала – хотя бы в некоторых головах, и в первую очередь – в голове главного руководителя.

Н. Хрущев, видимо, уверился, что, вернувшись благодаря его личному почину к «ленинским нормам», страна придет к светлому будущему. «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», основа которого должна быть построена ровно через 20 лет, в начале 1980-х, – это партийное предсказание было придумано вряд ли для прикола (если позволить себе здесь сегодняшний вульгаризм), для римейка «Чевенгура» и т.п.

Итак, утопия оживала

а) в сознании главного человека власти,

б) но и в сознании многих рядовых сограждан, среди них – и тех, кто на Колыме или в Воркуте дождался «восстановления справедливости».

Вряд ли, однако, смогла оживиться *пропаганда*, давно – во всяком случае, к началу 30-х гг.¹³ – утратившая свой главный смысл: завоевание умов некоей идеологией.

2

Сразу после смерти Сталина литератор В. Померанцев в статье «Об искренности в литературе», опубликованной в декабре 1953 г., поднимает первый в истории советского общества легальный – то есть вынесенный на страницы массового издания – бунт не только против *советской литературы*, но и против *советского языка*. «...Ваш герой дарит своей дочери часики, потому что поднялся его *жизненный уровень*... в семье никогда не поднимается *жизненный уровень*, а *улучшается жизнь*». Он призывал добывать альтернативное слово – из живой речи, не захваченной речью публичной, которая пополнялась *исключительно* за счет новых текстов советского «руководства». Померанцев предлагал черпать литературное слово из повседневного разговора людей (а не «рабочего», «колхозницы» и «советского интеллигента»), а также из резерва забытых, вытесненных или вновь образуемых слов, давал примеры обновления стереотипных синтаксических формул – всё это ради расподобления со стертым языком официоза. Померанцев обвиняет советских писателей, следующих за этим языком, такими словами: «Надо быть или легкомысленным, или нечестным, чтобы <...> когда в нас, читателях, возникает тоска или горечь <...>, – бить нас, беззащитных, пустыми *бессочными* фразами. Это жестокость *бесталантливых* людей»¹⁴.

На Померанцева обрушилась официозная публицистика. Тогда в его защиту выступили (на страницах «Комсомольской правды» – полемизируя, что соответствовало принятой иерархии, со статьями в «Литературной газете» и журнале «Знамя») аспиранты и студенты МГУ. Но нас сейчас интересует не сам этот эпизод борьбы официоза с только начинавшейся «оттепелью», а то, что смысл позиции защитников должен был прочитываться *поверх* или *вне* того набора штампов и советизмов, на которых, в отличие от текста Померанцева, строилась их статья¹⁵, – на другом языке, отличном от официозного, они в 1954 г. не смогли бы его защищать.

Высшей точкой (и началом спада) «оттепели» стал ноябрь 1962 г. с появлением в № 11 «Нового мира» (а затем и в многотиражной «Романгазете») повести «Один день Ивана Денисовича». Журнал молниеносно исчез из газетных киосков – был раскуплен чуть ли не в один день¹⁶. В повести разворачивался целый мир, большинству населения страны – неизвестный, поскольку даже вернувшиеся оттуда живыми в 1954–56 гг., а тем более – в 1946-м (отсидев в лагерях свой «червонец» и не получив

добавки) боялись публично свидетельствовать и рассказывать (тем не менее их появление в советской жизни второй половины 50-х весьма влияло на общественный климат этих лет). И описан он был непривычным для печати, не советским языком – таким, где и тени не могло быть «восстановления ленинских норм» и «социалистической морали»¹⁷.

И в том же самом номере журнала – одна из первых в «Новом мире» статей Лакшина, только что вошедшего в состав редколлегии журнала¹⁸ говорила на языке власти (хотя и с лучшими намерениями):

В те годы восстановление социалистической законности и ленинских норм партийной жизни оздоровляюще подействовало на психологию людей, побудило думать смелее, шире, мужественнее. <...> Кстати, вправе ли мы считать, что доверие не просто отвлеченная моральная истина, а идея социалистическая? Думаю, что вправе. Социалистическая мораль, основанная на общественном равенстве и самоуважении, впитывает в себя все лучшее, человеческое, благородное, что было выработано в общении людей веками. <...> И когда в новой программе мы читаем, что человек человеку – друг, товарищ и брат, – это звучит как торжественное провозглашение идеи доверия между людьми и приговор лживой подозрительности¹⁹.

То есть речь, имевшая целью оппозицию официозу, выстраивалась на базе официозной письменной речи (как мы уже видели это на примере нескольких соавторов статьи в защиту Померанцева в 1954 г.). Конечно, это происходило в определенных пределах. Но *определяться* они могли только по ходу дела: *знать эти пределы заранее не могли ни власть, ни претендовавшие на оппозицию.*

Эта важная черта структуры послесталинского общества остается, по нашим наблюдениям, не осознанной.

Априорно ясно было одно: в государстве, остававшемся тоталитарным, оппозиция – хотя бы и по вопросам «политики в области литературы и искусства» – не могла быть открытой и говорить на своем языке.

3

Можно перечислить некоторые императивы – неотъемлемые признаки советского устройства.

Прежде всего – неупоминание (в печати и публичной речи) имен казненных, осужденных или заочно подвергнутых ostracismу – публичному, подобно Троцкому, или «по умолчанию», как Раскольников (это была своеобразная форма «поражения в правах»). И тем более – невозможность любой демонстрации их изображений. С Троцким это привело к трагикомическим действиям власти: везде искали «руку троцкистов» – тайные изображения характерного профиля их высланного вождя находили даже в очертаниях языков пламени на спичечном коробке²⁰.

Помимо замазывания тушью имен и портретов в книгах был еще заведен невиданный порядок изъятия лиц с групповых фотографий (работы, демонстрирующие этот процесс, известны). После 1956-го и особенно после 1961 г. имя самого Сталина (как и его изображение) исчезло (что вряд ли он мог себе представить) – правда, не из старых текстов (приказа замазывать, кажется, не было), а только из новых. Большие трудности возникали при этом с описанием войны и участия в ней главнокомандующего. Оказался затруднен доступ к его сочинениям даже в крупных библиотеках. Это было *компенсацией* отсутствия официально данного партийным руководством страны ответа на вопрос – по какому же пути они «вели страну» при Сталине? Ответа они дать и не могли, и не хотели (кроме того ритуально-шаблонного, который породил анекдот: «Колебался вместе с генеральной линией партии»).

По образцу исчезновения сначала имен «врагов народа», а затем – и их убийцы – с июня 1957 г. из публичного официального обихода исчезли имена Молотова, Кагановича и Маленкова, ровно столь же, заметим, известные и авторитетные для советских людей, как были авторитетны в середине 30-х имена Бухарина, Рыкова и других расстрелянных. Мы упоминаем об этом для того, чтобы наметить – откуда взялось постепенно охватившее всю Россию и сегодня играющее губительную роль недоверие к *любому* пересмотру прошлого.

По-видимому, для Хрущева была принципиально важна и воспринималась (не без основания) как личная заслуга эта *новая* (или забытая старая), травоядная форма репрессии – резко понижен в должности, неупоминаем, но не расстрелян. Это неэксплицированно противоплагалось сталинскому принципу – не упоминать и не экспонировать тех, кто уже уничтожен или назначен к уничтожению. Главный принцип – манипуляция *печатным словом* – оставался.

Возродился и второй императив – обязательность цитирования по любому случаю (тем более – в сфере гуманитарного дискурса) генерального (первого) секретаря компартии, сменившего Сталина и осудившего его «культ». Станным образом произошедшее в 1956-58 гг. ни в малой степени не воспринималось руководящими слоями как прецедент, как нечто, что может произойти *еще раз*. Происходящие резкие перемены не наводили на естественную, казалось бы, мысль о возможности новых перемен.

Б. Тартаковский вспоминает о подготовке в ИМЛ многотомной «Истории КПСС» – через 8-10 лет после негласной отмены «Краткого курса» это «издание должно было стать как бы антиподом сталинской схемы, но, разумеется, не просто заменой одной “непререкаемой истины” другой». Одним из авторов и редакторов стал М. Гефтер. Осе-

нию 1964 г. том был готов. «Первому тому, как полагалось в те времена, было предпослано предисловие ко всему изданию, его анонимность должна была подчеркивать официальный характер будущего шеститомника. А в предисловии непременно должна была фигурировать по меньшей мере одна “подходящая” цитата из какого-либо выступления главного партийного лидера. Гефтер рассказывал мне, что всячески убеждал тогдашнего директора и формального руководителя издания П.Н. Поспелова обойтись без этой, вроде бы уже ставшей ритуальной, “обязательности”, но безуспешно». Гефтер, как помнилось Тартаковскому, мотивировал это тем, «что изданию предстоит очень долгая жизнь, и не следует связывать его с определенным временем», — то есть, заметим, не какими-то вольнодумными идеями, а скорее, вполне правоверными.

Его предостережениям не вняли (это и была та характерная советская слепота в отношении явления *прецедентности*, о которой мы только что упоминали²¹). Почти весь тираж тома был отпечатан в Ленинградской типографии и лежал на складе, когда в Москве начался октябрьский пленум 1964 г. «Хрущев отправлен на пенсию (“ввиду преклонного возраста и ухудшившегося состояния здоровья”²²) и, конечно, соответствующая цитата в предисловии не просто теряет смысл, но становится “политической ошибкой”. В дирекции паника, Поспелов с целой группой сотрудников отправляется в Питер, злополучную страницу с цитатой выдирают и заменяют новой»²³.

Добавим, что отличительной чертой послесталинского периода была возможность ставить эксперименты на себе с уверенностью в том, что они, по крайней мере, не грозят летальным исходом (напомним вновь слова зощенковского персонажа, нэпмана Горбушкина). Поэтому в том же самом 1964 г., готовя к защите кандидатскую диссертацию о литературном процессе 1930-х гг., я решила ни в коем случае не ссылаться на Хрущева: посчитала постыдным, вступая в сферу науки, опираться в историко-литературном исследовании на высказывания генсека (название его доклада о «культе личности» и сборника выступлений 1963 г. были помещены только в конце короткого первого безусловно обязательного для защиты раздела списка литературы — вслед за *классиками марксизма-ленинизма*). Я ставила всего 5% на то, что защититься удастся (в тексте диссертации был поставлен еще один эксперимент, но о нем позже). Однако 26 июня 1964 г. защита прошла благополучно и даже очень. Когда через несколько месяцев мои сотоварищи по аспирантуре бегали в ВАК и умоляли выдать им ожидающую утверждения диссертацию для того, чтобы выцарапать из нее имя Хрущева, я говорила: «А я знала!» Некоторые верили.

Во второй половине 60-х гг., после насильственной смены руководства страной, в общественной жизни медленно, но неуклонно развивались два процесса.

1. **Со стороны власти** – вытеснение из общественной памяти всего того, о чем было сказано в докладе Хрущева, в первой повести Солженицына, в мемуарах генерала Горбатова и т.п. Одной из целей стало возвращение имени Сталина если не на прежнее, то на «достойное» место.

Власть, сменившая Хрущева, несомненно, потеряла веру в свою утопию. «Идейных» в ее рядах практически уже не было (а за пределами власти, как мы уже говорили, их было еще немало) – исключение составлял, по-видимому, один Суслов, идеологией и ведавший. Вступление танков в Прагу в августе 1968 г. не диктовалось пафосом утопии – «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать!» Это были действия, мотивированные иначе. Трудно было представить, чтобы что-то (кроме запуска космических аппаратов с людьми) могло вдохнуть в политику власти социополитический пафос. Но «темные страницы» недавней истории она тихой сапой неустанно затирала.

Есть основания предполагать, что к моменту октябрьского дворцового переворота 1964 г. в обществе, да и во власти, намечалось продолжение ревизии сталинского периода, начатого в докладе. Те, кто были уверены в своей незапятнанности, хотели этого. Те же, кто помнил свои поступки, – боялись.

Новый генсек нашел способ остановить дальнейшее разрывание безымянных могил. Выскажем здесь свое уверенное предположение, что исключительно с этой целью властью был «оживлен» в 1965 г. День Победы (до этого 9 мая даже не был выходным днем): победителей не судят.

Это был беспроигрышный ход (что хорошо видно и сегодня, когда Победа вновь выдвинута на ту же роль противовеса «мрачным временам в истории нашей страны»²⁴). Благодаря ему²⁵ удалось на долгие годы перенести какой-либо публично выражаемый интерес с действий власти внутри страны – на победу над гитлеризмом.

Вот почему 10 лет спустя, в 1975 г., в процессе тяжелейшего (четырёхлетнего!) прохождения через разные цензурующие инстанции тома статей Ю.Н. Тынянова с очень большим комментарием трех соавторов, встретила возмущение редактора такая лишенная на непросвещенный взгляд какой бы то ни было политической подоплеки фраза из статьи Тынянова 1921-22 гг. «О композиции “Евгения Онегина”»:

С одной стороны, существование *vers libre* и *freie Rhythmen* с неограниченной свободой просодии, с другой – такая ритмически и фонически организованная проза, как проза Гоголя, Андрея Белого, в Германии Гейне и Ницше, – указывают на необычайную шаткость понятия о звуковой организации поэзии и прозы, на отсутствие ясного раздела между ними...

Держу пари на любую сумму, что никто из сегодняшних читателей этого текста не сумеет связать его с празднованием дня Победы. Заведующая редакцией специалист по балету О.К. Корнева, которая лично контролировала работу над сборником Тынянова и прилежно читала его статьи, была неподдельно (подчеркну это) возмущена:

– Как можно вот так, через запятую, помещать Гейне – и Ницше, да еще в год тридцатилетнего юбилея нашей Победы!

Через полгода после утверждения Дня Победы, в начале 1966-го, власть произвела довольно сильный натиск на общество с целью реабилитации генералиссимуса. Но научная и художественная интеллигенция организовала серьезное сопротивление, и только благодаря ему (что хотелось бы подчеркнуть) этого сделать не удалось²⁶.

Ревизия наследия «оттепели» тем не менее продолжалась. В 70-е гг. шла плановая чистка всех *массовых* библиотек от литературы до 1964 года как *устаревшей* (причем содержательное «устаревание» подменялось якобы физическим). Те, кто учились в 70-е гг. в школах и в институтах и по каким-либо причинам не имели доступа к давно развернувшимся Самиздату и Тамиздату, оказались в информационном вакууме относительно всего до-брежневского периода советской истории. Если рядом не было авторитетных и осведомленных о сталинском времени старших, в семье или вне семьи, – получались те самые люди, которых мы видим сегодня в верхних эшелонах российской власти.

2. Со стороны общества – отвоевывание печатных и иных форм обнародования произведений гуманитарных наук, литературы, иных искусств.

Мы ограничиваемся рассмотрением поведения (или, как принято нынче выражаться, – стратегии) людей *пишущих*, но не писателей, а гуманитариев в широком смысле слова: критиков, историков литературы, журналистов (не «международников», которые были частью власти) и т.п. При этом, разумеется, речь идет о тех, кому *действительно* было важно, под каким именно текстом стоит его имя²⁷.

Нужно иметь в виду – никаких иных прав, кроме права *напечатать, выставить, вывести на сцене или спроецировать на полотно кинотеатра*, отвоевать у власти было невозможно. Скажем, правом выезда за рубеж – на конференцию, на концерт или даже в турпоездку (в составе работников какой-либо отрасли – библиотек или продуктовых баз) –

советский подданный либо обладал, либо нет. При этом он зачастую даже не имел представления о мотивации – почему именно оказался *невыездным*.

5

Что же именно мы отвоевывали в эпоху *после утопии* – то есть в конце 60-х и особенно в 70-е гг., – когда сама власть уже явно не верила ни в какие светлые идеалы, и ее действиями двигала только идея самосохранения (как она сама ее понимала)?

а) Право публиковать (и, как минимум, упоминать) тексты тех авторов, которые не нравились власти. Задача власти была уменьшить количество их текстов и упоминаний о них в печати. Наша – увеличить.

б) Публиковать и такие тексты официально поддерживаемых авторов, которые этих авторов «не украшали»²⁸.

Под местоимением «мы» я подразумеваю людей, живших в описываемые годы в России (а также в других союзных республиках), не собиравшихся ее покинуть и печатавшихся в советской подцензурной печати. Мы опирались на презумпцию (как бы странно и, возможно, высокопарно это ни прозвучало), что наша страна не отдана в безраздельное пользование исключительно власти и что у гуманитария есть свои обязанности перед ее огромным населением. Мучительный вопрос о коэффициенте полезного действия, или «стоила ли игра свеч» я оставляю за пределами данной работы.

В эти годы – после скандала с «Доктором Живаго», который, не печатанный в отечестве, так или иначе получил мировую славу, что не могло не влиять на внутреннюю литературную и общественную ситуацию; после публикации «Одного дня Ивана Денисовича» (1962) и «Мастера и Маргариты» (1966-67), полностью выпадавших из советского печатного контекста (и также получивших мировую славу), и многих других произведений, в большей или меньшей степени противоречивших советскому регламенту и узусу, власть, можно сказать, проиграла литературу. И она следила уже главным образом за тем, чтобы альтернативных, как сказали бы сегодня, авторов, по возможности, не издавали и поменьше упоминали.

Не только публиковать – приходилось отстаивать право упоминать и подвергать анализу *ранние* произведения тех авторов, чья репутация оказалась «подмоченной» в связи с их *поздними* произведениями.

Роль *прецедента* по отношению к текстам неудобопоминаемых авторов не уменьшалась, а росла. Все это карикатурно напоминало британскую судебную систему. Так, работая в 1971 г. с редактором издательства «Наука» над книгой «Мастерство Юрия Олеши»²⁹, я вынуждена была, чтобы сохранить в тексте упоминания ранней прозы

Пастернака («Детство Люверс», «Письма из Тулы», «Повесть»), принести заведующему редакцией книги (затребованы были издания исключительно последних лет – не каких-нибудь 20-х), где речь шла (как правило, очень кратко) об этой прозе. Напомню, что эти сочинения Пастернака отстояли от одиозного «Доктора Живаго» на тридцать с лишним лет.

Но зачем заведующему редакцией, очевидным образом занятому исключительно сохранением своего места, нужны были эти книги? Это как раз было свидетельством того, что *остановить* некое движение он уже не мог. Раз рукопись о никому не нужном Олеше оказалась почему-то в его редакции («Вы всё какими-то ущербными писателями занимаетесь», – сказал он шесть-семь лет спустя, когда у них оказалась моя рукопись о Зощенко), надо было хотя бы обезопасить самого себя относительно ее содержания: суметь *в случае чего* подтвердить фактами, что его авторы *не первыми* пишут о ранней прозе непотребного Пастернака³⁰. То, что в других цивилизациях считалось заслугой исследователя, – писать о чем-либо *впервые* или обращаться заново к давно не привлекавшему исследовательского внимания, в советской издательской жизни конца 60-70-х становилось существенным недостатком. Говорилось прямо: «Нельзя, потому что о ранней прозе Пастернака *не пишут*». То есть для того, чтобы беспрепятственно пройти в печать, лучше было писать о том и так, о чем и как уже написано. И абсурдным образом – публиковать только то, что уже опубликовано.

В 1973 г. в 34-м выпуске «Записок» ГБЛ прекрасным знатоком русской поэзии начала XX века А.А. Морозовым были напечатаны 10 писем (1909-11 гг.) юного Мандельштама Вяч. Иванову. Там содержались и 34 неопубликованных ранних стихотворений автора писем (тогда только что наконец вышел – после семнадцати лет «пробивания» его через все барьеры – первый за сорок с лишним лет однотомник Мандельштама³¹). В то время Госкомиздат (т.е. общесоюзное министерство печати) был занят тем, чтобы не допустить в печать (в составе 35-го выпуска упомянутых «Записок») рукопись обширного обзорного обработанного мною архива М.А. Булгакова, и искал компромат на издательство «Книга», где выходили «Записки», а также и на их редактора. Для этого важно было осудить нечто уже напечатанное в «Записках»³².

С.В. Житомирская рассказывает в своих мемуарах, как главный редактор «Книги» и она были вызваны на заседание главной редакции общественно-политической литературы Госкомиздата «и подвергнуты коллективному избиению». Главный редактор главной редакции³³ В.С. Молдаван «возмутился: “Кто вам позволил опубликовать стихотворения, не вошедшие в однотомник? Его состав решался в высоких Инстанциях (слово это даже звучало у него с заглавной буквы) и никто

не вправе выходить за его пределы!” Можно было подумать, что мы перед судом инквизиции и обвиняемся в искажении канонического текста Священного Писания. До сих пор, вспоминая советское время, – пишет С.В. Житомирская, – не устаю удивляться тому, какое значение власть придавала тогда силе печатного слова, до какой степени не жалели времени, усилий и расходов, чтобы изолировать от него общество. Конечно, Молдаван преследовал свои микроскопические карьерные цели, но строил-то он свои действия именно на гипертрофированном значении слова»³⁴.

31 января 1974 года коллегия вынесла решение «О содержании “Записок Отдела рукописей ГБЛ”», то есть на самом высоком из ведавших книгоиздательством этажей рассматривался вопрос об издании, имевшем по тем временам не просто маленький, а микроскопический тираж: 1000 экз. (книги тогда выходили тиражами по 50-100 тыс. экз., редко – 20 или 10 тыс.).

Процитируем это «решение» (так официально обозначен жанр документа):

Ознакомление с материалами, публикуемыми и готовящимися к публикации в “Записках”, в частности, 34 и 35 выпусков, показывает, что редколлегия сборников³⁵ подготовила их без надлежащей идеологической оценки архивных материалов.

Следы очевидной случайности в подборе материалов проявлены при публикации писем О. Мандельштама к В. Иванову. Прежде всего читатель вводится в заблуждение редакционным вступлением, в котором говорится, что письма эти существенны для понимания его отношений со старшим современником и содержат характеристику раннего периода творчества поэта. Обнаружить обещанный материал в названной публикации не удается. Более того, письма эти вызывают досаду именно отсутствием в них чего-либо важного для творчества самого поэта и для истории нашей литературы³⁶. <...> Главная редакция общественно-политической литературы *решила*:

1. Обратить внимание главного редактора издательства “Книга” на недопустимое устранение от своей издательской роли при подготовке данных изданий.

2. Указать главному редактору издательства “Книга” (т. Мильчин) на неправильную позицию при подготовке 34 выпуска “Записок”, когда не было принято во внимание одновременное издание сборника стихов О. Мандельштама в издательстве “Советский писатель”.

3. Признать идейный уровень рукописи М. Чудаковой “Архив М.А. Булгакова” неудовлетворительным и не соответствующим характеру данного издания.

4. Предложить³⁷ издательству “Книга” вернуть рукопись в ГБЛ на доработку³⁸.

В.С. Молдаван³⁹.

Вернемся к Пастернаку.

За девять лет борьбы за упоминание «Детства Люверс» мы ушли так далеко, что издательство «Советский писатель» стало готовить в 1980-81 гг. том прозы Пастернака.

Уже с обложки и титульного листа красиво изданной книги (Воздушные пути: Проза *разных лет*. М., 1982; курсив здесь и до конца раздела наш), с первой ее страницы (оборот титула) начиналась ложь. Издательская аннотация гласила: «В книгу вошли прозаические произведения выдающегося советского поэта Бориса Пастернака <...>, созданные автором в разное время с 1915 по 1957 год». На следующей странице начиналось предисловие академика Д.С. Лихачева «Звездный дождь: Проза Б. Пастернака *разных лет*». Ни в предисловии, ни в книге – ни слова о «Докторе Живаго». И ни слова об этом изъяне, ни даже хорошо завуалированного (этим уменьем мы все к тому времени владели) намек – в рецензии В.А. Каверина на книгу. Когда я заговорила об этом с В.А. – мы поддерживали дружеские отношения, особенно укрепившиеся в процессе четырехлетней битвы за издание тома статей Тынянова (см. ранее), вышедшего наконец в 1977 г., – он уверенно пояснил: «Ну что вы! Ведь Дмитрию Сергеевичу поставили это условие – не упоминать “Доктора Живаго”. – “Ну и не надо было принимать этого условия! Это Д.С. должен был ставить им условия. Кто же еще?..” Не удержавшись, я добавила жестоко: “А как же Борис-то Леонидович?.. Подумал, наверно: Уж если Дмитрий Сергеевич... И Вениамин Александрович...”» В.А. приуныл – он мгновенно чувствовал уколы совести. Но люди этого поколения, давно достигнувшие того статуса, который позволял им ставить власти свои условия (и они наверняка «пробили» бы хотя бы упоминание романа), так и не выучились этого делать. А нам, в свою очередь, не дано было, наверно, до конца понять глубинный страх перед властью тех, кто был в Соловках во время массовых расстрелов 1929 г. или писал, рискуя жизнью, письма Берии об арестованном брате (Л.А. Зильбере) в разгар массового государственного террора.

Тяжело было читать и концовку статьи Д.С., включавшую (пусть косвенно: он, наверно, хотел намекнуть читателю на неудобосказуемое) автора предисловия в гнусную игру власти:

Проза не была для Пастернака попутным явлением, чем-то второстепенным.

В письме к Е.Д. Романовой от 23 декабря 1959 г. Пастернак так писал о прозе: “Дороже всего мне Ваше знание того, на чем Гоголь с ума сошел или чем измучился: того, чем может быть настоящая художественная проза, какое это волшебное искусство, на границе алхимии...”.

Что должен был чувствовать квалифицированный (а другой бы не взял в руки этот том) читатель 1982 г., ясно понимая, о *какой* прозе должен

был писать Пастернак в декабре 1959 г.?.. Читатель узнал о том доподлинно (если дожил) только в 1998 г., когда текст этого письма корреспондентке, приславшей Пастернаку в 1959 г. свою статью о «Докторе Живаго», чтобы «хоть чем-то проявить себя на Вашей стороне», был впервые опубликован полностью; он начинался словами: «Сердечно благодарю Вас, дорогая Елена Дмитриевна, за Ваши чудесные размышления о романе...»⁴⁰.

7

Не мытьем, так катаньем поле исследования литературы XX века и вообще сфера гуманитарного знания расширялась. Прорывом была, скажем, статья С. Аверинцева о Шпенглере в «Вопросах литературы» 1968 г. Именно в том году весьма значимый тогда журнал достиг некоторой едва ли не наивысшей в условиях цензуры планки: ценные публикации были в нескольких номерах. А далее происходило следующее, далеко не всеми в нашей всегда готовой к пессимистическим диагнозам и прогнозам среде замеченное.

Понятно, что после подавления «пражской весны» в отечественном воздухе похолодало. Этот холод стал еще ощутимей после разгона редколлегии «Нового мира» в начале 1970 г. Однако реальные факты, остававшиеся почти незамеченными нашим гуманитарным сообществом, до сего дня сохранившим привычку к априорным суждениям, противоречили почти всеобщей уверенности, что *всё* достигнутое за предшествующие годы потеряно⁴¹. Между тем достигнутое не так легко теряется (что не все видят и в сегодняшней России, но не о том сейчас речь). Так, новоназначенная редколлегия «Нового мира» была смущена (представьте себе!) окружившим ее несомненным общественным презрением и в первые годы отнюдь не спешила потрошить добротный редакционный портфель. Сотрудники редакции – А.С. Берзер, К.Н. Озерова, Инна Борисова – приняли решение остаться на некоторое время на своем посту (несмотря на сильнейшее давление нескольких бывших членов редколлегии, не стеснявшихся прямого шантажа в своем желании непременно гордо оставить на месте журнала выжженное поле). Их целью было – успеть ввести в литературный процесс хотя бы несколько новых имен и произведений. Меня лично они просили не забирать статью, готовившуюся для «старого» «Нового мира». Могу свидетельствовать, что после ожесточенных препирательств с одним из наиболее ретроградных членов новой редколлегии (об этом рассказано в «Постскрипту» к статье в т. I моих «Избранных работ») «Заметки о языке современной прозы» были напечатаны в том виде, в котором вряд ли их удалось бы «протащить» сквозь частокोल уверенной в себе и в своем непогрешимом знании ли-

тературы прежней редколлегии. Таковы были фиоритуры и фортели советской литературно-общественной жизни.

В 1977 г. «Вопросы литературы» собрались отмечать свой юбилей в Литературном музее. Редколлегия заранее попросила меня выступить (это было логично – первые более или менее серьезные работы я напечатала в «Новом мире», совместно с А.П.Чудаковым, и в «Вопросах литературы»). Так как дома у нас был комплект журнала за все годы, я решила просмотреть все номера за последнее десятилетие – чтобы увидеть реальную картину. Она оказалась неожиданной. Был очевиден упадок первого раздела, где речь шла о современном литературном процессе, и очевидна сохранность качества последующих разделов, где освещались разные области гуманитарного знания.

В этом, собственно, и была суть процессов, шедших в послеутопическом советском обществе: отвоеванные островки оставались за нами.

Режим сосредоточился на том, на что его приспешникам хватало квалификации.

В 1972 г. с огромным скрипом проходила в печать публикация писем Ахматовой к Брюсову, подготовленная Г.Г. Суперфином и Р.Д. Тименчиком. Издательский редактор (я была рабочим редактором, готовя текст 33-го выпуска «Записок Отдела рукописей» для сдачи в издательство) был неприятно поражен количеством (именно количеством; смысл ее не волновал) упоминаний имени Гумилева (хотя письма были 1910-12 гг., когда расстрел Гумилева большевиками мог разве что присниться в горячечном бреду). Можно было подумать, что каждое повторение злосчастного имени понижает боеспособность страны. В скрупулезных обсуждениях с авторами мы решали, какими упоминаниями можно пожертвовать; так появилось домашнее «в письме Ахматовой к мужу» и несурзные отточия в цитатах⁴².

Через несколько лет все повторилось при работе с редакторами «Науки» (1973-77гг.) над комментариями в том самом издании Тынянова. Редактор подсчитала, что в моем комментарии (к 18-ти статьям!) «семь раз упоминается Мандельштам». – «А сколько же, по-вашему, надо?» – «Ну, два раза...» До двух, конечно, довести не удалось, но я бойко поставила в одном случае – «автор "Разговора о Данте"» (хотя речь шла о начале 20-х), говоря себе: «Пусть коллеги думают, что я рехнулась и выражаюсь только витиевато...» А заместитель главного редактора издательства, экономист по образованию, Алтухов, довольно скромно державшийся, встречал Е.А. Тоддеса (мы, трое комментаторов, поочередно ходили в издательство за новыми указаниями, как на работу) застенчивым вопросом: «А этого товарища убрали?» – «Какого товарища?...» – «Ну, этого... Ходасевича. Очень нелояльный товарищ...»

Как раз в эти годы по каким-то таинственным причинам были признаны нелояльными и *полностью* не упоминаемыми два «товарища» – В.Ф. Ходасевич и Д.С. Мережковский. Главное – не разрешали давать в ежегодно печатающихся «Новых поступлениях в Отдел рукописей...» даже информацию о принятых в состав фонда *дореволюционных* их рукописях. Потому не могло быть и речи, чтобы давать к тому Тынянова именной указатель: мы, трое комментаторов, рано и дружно поняли, что никак не будем облегчать редакторам задачу – пусть пересчитывают пальчиком. И действительно, это дало нам бесценную возможность снимать неудобное имя на одной странице и вставлять с необходимой информацией на другой: авось не заметят.

Но сколько же коллег – да-да, не физиков, не математиков, а гуманитариев, – упрекали нас в последующие годы: «У вашей книги один существенный недостаток – как же вы при таком обилии имен не снабдили ее именным указателем?...» Первое время мы отвечали. Объясняли, отшучивались. Потом оставили и объяснения, и шутки. Зато стало ясно, какой разный у нас у всех издательский опыт.

Одни имена нельзя было упоминать много раз, другие – ни разу.

Наиболее суровые требования оказались у издательства «Просвещение», издававшего книги для школы. Моя «Рукопись и книга» (с подзаголовком «Книга для учителя») издавалась там лет пять-шесть – с 1980-го по 1986-й г. Всё это время мы с редактором книги А.В. Ведрашко и заведующим редакцией Г.Н. Усковым занимались перетягиванием каната. Они объявили мне (дословно):

– Имена Мандельштама, Пастернака и Булгакова в книгах нашего издательства никогда не упоминались и упоминаться не будут. (Любопытно, что Ахматова к тому времени право на упоминание неизвестным мне образом заработала).

Сначала я пробовала увещевать:

– Геннадий Николаевич, вы – выпускник нашего с вами филфака! В свое время я, московская медалистка, влюбленная в литературу, пришла на филфак, не зная имени Мандельштама. Мы с вами не можем позволить, чтобы это происходило с сегодняшними школьниками.

Не действовало. Тогда я заверила обоих редакторов, что моя книга совершенно точно выйдет в их издательстве как раз со всеми этими именами. Вопрос лишь в том, как долго мы будем трепать друг другу нервы. «Моя нервная система рассчитана ровно на сто лет. Подумайте о своей»⁴³.

Ускова как раз песочили на партсобрании издательства. Выступавшие говорили, что у него в редакции готовятся к печати рукописи, в которых цитируется роман «Мастер и Маргарита», находящийся, как всем известно, в спецхране. Таков был уровень просвещения. По сути-

то дела выступавшие на собрании были правы – говоря словами самого романа, «ему там самое место». О том, собственно, и ведем мы здесь речь, что у режима в эпоху после утопии не было четкой схемы действий – многочисленными личными усилиями многих людей контуры этой схемы были сбиты, и можно было многое просунуть в образовавшиеся разрывы и расщелины.

Ситуацию тех лет я оценивала словами: «Цензура недогружена». Здесь не было ни преувеличения, ни желания шеголять парадоксами.

В 1979 г. в том же издательстве «Наука», та же редактор Е.И. Володина, которая редактировала за семь лет до этого мою книжку об Олеше, категорически потребовала, чтоб уже из верстки я убрала имя Б.К. Зайцева – причем у меня шла речь о ранних текстах Зоценко, относящихся к Зайцеву *дореволюционному!*

«В чем дело?» – «Он очень плохо высказался о Советском Союзе...» – «Он умер в начале 1972 года!» – «Ну и что?.. Высказался... Снимайте – это указание непосредственно из Главлита, они все равно не пропустят...»⁴⁴. Лишь два года спустя, когда я летом 1981 г. получила в подарок от еще не знакомого мне Ренэ Герра только что вышедший в Париже «Русский альманах», мне стало ясно, в чем было дело. Оказывается, Б. Зайцев дал Р. Герра интервью для французского телевидения еще в 1970 г. И к 1979-му, через семь лет после смерти писателя, слух о его плохом поведении дополз до наших властей. А в «Русском альманахе» это интервью теперь, в 1981 г., было напечатано на языке оригинала, и можно было догадываться, что именно так затронуло нашу чувствительную власть. Возможно, эти слова: «Вначале все нам представлялось по-иному. Думали, что приходит свободная демократическая республика, с Парламентом, все как на Западе. Разочарование было полное. Террор, расстрелы, деспотизм... Убийство Императора и всей его семьи, детей и близких, воспринималось ужасно» (с. 466). Так или иначе, его имя стало посмертно изыматься из печати, как имена Бухарина, Рыкова и других «врагов народа» после их расстрела.

Так же абсолютно нельзя было упоминать имена уехавших. В каждой книге редакторы ползали в 70-е гг. по именному указателю, стараясь не пропустить очередного «отъезжанта» – писателя, ученого, артиста т.д. По-видимому, специальная служба «спускала» в издательства эти имена.

В издательстве «Художественная литература» работала редактором наша с А.П. Чудаковым однокурсница Т.Б. Сумарокова, умный, порядочный человек. В 1977 или 1978 г. она пропустила, не заметив, в печать имя кого-то уехавшего. Заведующая редакцией ее затравила. На одном из собраний начальницей было сказано: «Вы до смерти не

смоете с себя этого черного пятна!» У Тани и без того были сложные личные обстоятельства; травля на службе довершила дело; она пришла домой и выбросилась из окна.

Наиболее расторопные издательства принимали превентивные меры. Когда я выпускала в «Науке» свою книгу «Поэтика Михаила Зощенко», я хотела посвятить ее А.П. Чудакову (сотруднику, кстати сказать, академического института) – и совершенно неожиданно для себя столкнулась с тем, что это оказалось невозможным. Я осветила эту ситуацию в «Постскриптуме» к переизданию книги⁴⁵.

Кроме *имен*, власть была внимательна к отдельным *словам*. Это внимание делилось на два «отсека»: одни слова употреблять в печати было нельзя (и для нас иногда было важно их «протащить»), другие необходимо было употреблять обязательно – задача была в том, чтобы как-то этого избежать (помимо официозного императива, в 60-е гг. было принято с лучшими целями полемизировать с ретроgrадами при помощи ленинских цитат; мы с А.П. Чудаковым считали невозможным в каких бы то ни было целях сослаться в печати на Ленина – не желали разлагать сознание читателей).

В «Поэтике Михаила Зощенко» мне удалось, например, «протащить», спрятав в глубь абзаца, слово «новоречь» (так было в самиздатском переводе Орвелла вместо распространившегося позднее «новояз»).

Под конец вернусь еще раз к своей кандидатской диссертации. Кроме имени генсека, я не хотела употреблять в диссертации о советском литературном процессе 30-х гг. слов «социалистический реализм» – поскольку не имела возможности подвергнуть его свободному обсуждению. Председатель Ученого совета, бессменный завкафедрой советской литературы филфака МГУ (с 1952 по 1983 гг. – до дня смерти) А.И. Метченко взял читать рукопись моего автореферата – чтобы подписать в печать. На другой день, с трудом сдерживаясь, он сказал: «У вас там нет слов “социалистический реализм”!..» Я заблелая, что это, мол, подразумевается, весь текст этим пронизан... На что он до словно сказал следующее:

– Сейчас многие любят говорить, что это подразумевается! Так вот – если в вашем реферате не будет этого слова, я его не подпишу, и ваша защита не состоится.

Про текст диссертации (она обсуждалась не на его кафедре, а на кафедре литератур народов СССР – была посвящена весьма интересному русскому писателю, но дагестанцу-лакцу по происхождению: что у Метченко мне не защититься, я поняла еще на 4-м курсе), в котором было 358 страниц про советскую литературу (тогда еще не ввели лимит объема) без этого самого слова, он, к счастью, не упоминал.

Я долго ломала голову, как написать так, чтоб не презирать себя. Наконец сочинила такую фразу (одну): «В 30-е годы советская литература, прочно вставшая на путь социалистического реализма, представляла собой тем не менее довольно сложную картину». Метченко подписал: подтвердилось, что ему было важно только присутствие этих двух слов; оппоненты, читавшие, в отличие от него, диссертацию, промолчали; я защитилась; ВАК утвердил. Удача этого эксперимента очень поддерживала меня в дальнейшем.

* * *

Сразу после конца советской власти рассудительный Фазиль Искандер неторопливо пояснял.

– Предположим, в вашей жизни так получилось, что вы должны все время находиться в одной камере с сумасшедшим. Он вообще-то буйный – и есть только один способ держать его в более или менее безопасном состоянии: это играть с ним в шахматы. И вот вы все время с ним играете. Но тут есть своя тонкость. Если он проигрывает – он впадает в буйство. То есть надо, чтоб он выигрывал. Но в то же время нельзя, чтоб он заметил, что вы ему поддаетесь, – от этого он тоже впадает в буйство. И вы все время должны балансировать на этой тонкой грани. И вот наступает момент вашего освобождения. Вы выходите из камеры... Теперь скажите – нужен кому-нибудь этот ваш опыт игры в шахматы с сумасшедшим?

Ответ на этот вопрос я оставляю на усмотрение читателей данной статьи.

п р и м е ч а н и я

- ¹ Об этом факторе – в нескольких наших историко-публицистических работах последних лет.
- ² «Работники культуры и искусства, которые не перестроятся и не смогут удовлетворить выросших потребностей народа, могут быстро потерять доверие народа» (Жданов А.А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», 1946 (пример к слову «доверие» из Словаря Академии наук, т. 3, 1954) – выделенные советизмы могли означать арест, заключение или расстрел. Такое именно понимание синтагм *выйти из доверия, потерять доверие, не оправдать доверия* продемонстрировали частушки, появившиеся летом 1953 г., когда дальнейшая судьба в свою очередь арестованного Берия была ясна каждому советскому человеку: «Берия, Берия / Вышел из доверия!...» и «Лаврентий Палыч Берия / Не оправдал доверия...».

Я училась тогда в девятом классе, семья была вполне советская (деда расстреляли 15 лет назад, но этого никто не знал, отец продолжал верить, что он – в лагере, по ошибке; мне же, как младшей, об этом вообще не говорили), старшие братья – члены партии, как и отец, – пытались пройти к гробу Сталина (но прорвалась одна я). Однако ошущалось и мною совершенно неопределимое *изменение* в самом, казалось,

воздухе, особенно в радиотекстах – в первые же дни и недели после похорон. Это было ощущение *зияния* на месте недавно без конца склонявшегося с громыхающими эпитетами имени: затихло громыхание.

³ Тартаковский Б. Все это было... Воспоминания об исчезающем поколении. М., 2005. С. 370.

⁴ Язык распавшейся цивилизации: Материалы к теме // Чудакова М. Новые работы: 2003-2006. М., 2007. С. 289-335.

⁵ В ряды правящей коммунистической партии во второй половине 50-х гг. вступали – с целью очищения ее изнутри и помощи обновлению страны – те, кто до этого и не думали о таком поступке: так, в 1956-м вступил в партию В. Непомнящий, впоследствии, ставши «подписантом», из нее исключенный, испытавший разнообразные служебные притеснения, но, кажется, в результате посчитавший это исключение большой удачей.

⁶ См. об этом: Чудакова М.О. 1956 год (к воспоминаниям В. Кузнецова) // Тыняновский сборник. Вып. 10. Шестые–Седьмые–Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 794-821.

⁷ Ср. в нашей статье 1993 г. картинку «с натуры»: «...А.М. Емельянов, академик, с располагающим изможденным лицом русского мастерового начала века, объясняет с телеэкрана, как он только в 1990 году разобрался с Лениным. Улыбаясь, повествует он о том, как мы (кто же все-таки эти “мы”? Ведь это самостоятельный предмет размышления, а не словечко в скороговорке) читали у Ленина о душе собственника и душе труженика – и думали (отять-таки, видимо, все вместе), что это великое учение... (Не ставлю кавычки, не имея точной записи, но воспроизвожу почти дословно). Теперь мы понимаем, что лишить крестьянина собственности – это сделать его люмпеном. Это значит, добавляет академик с чувством, что во втором поколении на землю будет уже наплевать.

Подождите, не уходите с экрана, позвольте вопрос: вы, человек академический, действительно вот так, по-ленински “двоедушно”, смотрели всю свою сознательную жизнь на крестьянина? И как-то занимались научной работой, связанной с сельским хозяйством, будучи действительно убежденным, что надо вынимать душу собственника из крестьян? Это ведь самое важное – действительно или не действительно? В свою жизнь? Нет, не могу поверить. Наверняка были минуты, часы, может быть, даже целые полосы сомнений. Как вы подавляли эти сомнения? Что вас поддерживало в этом борении?» (Чудакова М. Под скрип уключин // Новый мир, 1993, № 4. С. 122).

⁸ В начале 1991 г. я задала вопрос младшему брату мемуариста, известному историку Андрею Тартаковскому (он пришел ко мне с просьбой о рецензии на его книгу о русской мемуаристике XVIII – первой половины XIX в., а я считала резонно, что это – не мое время): «У меня впечатление, что в основе Ваших очень интересных работ все-таки остается марксистская схема. Почему?» Он спокойно ответил: «Укажите мне другую работающую схему – и я буду следовать ей. Пока, кроме марксизма, я такой не вижу».

⁹ Тартаковский Б. Указ. соч. С. 389, 395, 398; курсив наш.

¹⁰ О впечатлении, произведенном этими событиями на студенческую среду, см.: Кузнецов В.П. О 40-х и 50-х: дом, школа, филфак МГУ // Тыняновский сборник. Вып. 10. С. 761-793.

¹¹ Уже цитированный мемуарист вспоминает статью в еще досъездовской «Правде», в которой «первые говорились о Сталине не как о “великом продолжателе”, о “гениальном теоретике” и т.п., а его роль в развитии “марксизма-ленинизма” определялась тем, что он <...> “обогастил марксистско-ленинскую теорию некоторыми новыми положениями”. Сейчас это может казаться нелепым и даже смешным, но тогда даже

такая формулировка рассматривалась как чуть ли не революционная» (*Тартаковский Б. Указ. соч. С. 322*).

¹² Доклад Н.С. Хрущева о культуре личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002. С. 175-176.

¹³ «К началу 30-х годов вопрос о понимании полуграмотным большинством населения страны нового языка, о чем велось так много споров в первой половине 20-х, уже не стоял, – актуальность его угасла, точно так же, как и актуальность ораторского мастерства.

Так, потеряли смысл наставления об “общих условиях спора” в пособии 1923 года: “1. Уважайте личность идейного противника, не переходите на личные счёты и оскорбления. В глазах здравомыслящих от этого потеряете только вы” <...> к середине 30-х годов “идейные противники” вообще исчезли из общественно-политической жизни – все они (без всякого преувеличения) стали “врагами народа”, в обличении которых изощрялись уже в выборе наиболее сильных оскорблений. К середине 30-х не нужно было никого *убеждать*. Достаточно было способности выслушать и принять к сведению голос власти – от директивы до приговора» (*Чудакова М. Язык распавшейся цивилизации: Материалы к теме. С. 268*). Борьба за сохранение уже взятой власти велась теперь не словом, а силой, и, скажем, повторять одну синтагму сколько угодно раз стало нормой, так она становилась частью *аппарата* насилия.

¹⁴ *Померанцев В. Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12; курсив наш. Подробнее о языковой ситуации 50-х гг. см. раздел V «После Сталина» нашей статьи «Язык распавшейся цивилизации: Материалы к теме», указанной в прим. 4.*

¹⁵ «Серьезным пробелом статьи Померанцева является *нечеткость* многих важнейших положений, и прежде всего *партийности литературы* <...> примеры поданы *объективистски*, не отражают глубокой *борьбы между старым и новым* в нашей жизни. <...> Не следует *замалчивать* недостатков статьи Померанцева, тем более что *неверные* положения этой статьи *пытаются использовать* люди, *протаскивающие* в литературу *безидейность*. Но не следует *замалчивать* и тех острых вопросов, о которых говорит Померанцев, *глушить их обсуждение*...» (*С. Бочаров, В. Зайцев, В. Панов – аспиранты МГУ, Ю. Манн – преподаватель, А. Аскольдов – студент МГУ. Замалчивая острые вопросы: Письмо в редакцию // Комсомольская правда, 17 марта 1954 г. С. 3. В цитате курсивом нами выделены советизмы*).

¹⁶ Ср.: «В начале 60-х годов движение диссидентов еще не начиналось. Всеобщее внимание привлекали публикации в журнале “Новый мир”, а не в каких-то американских или французских изданиях» (*Медведев Р. Люди и книги. Что читал Сталин? Писатель и книга в тоталитарном обществе. М., 2005. С. 12*).

¹⁷ Позволим себе процитировать (чтобы не искать заново слов) нашу давнюю, 1990 г., статью «Сквозь звезды к терниям»: «...Оглушенный размахом этого неведомого до сих пор литературе мира, чья давность существования удостоверясся словами “никогда”, “всегда” и апелляцией к старожилам (“...кто знает лагерную жизнь...”), читатель как последний и все объясняющий удар встречал упоминание о лагерном волке, который “сидел к девятьсот сорок третьему году уже двенадцать лет...” и, о пополнении, привезенном с фронта. Перед нами разворачивался мир наоборот, где не на фронт, а с фронта привозят пополнение. <...> Событием был сам язык <...>. Это был тот самый великий и могучий, и притом свободный, язык, с детства внятный, а позже все более и более вытесняемый речезаменителями учебников, газет, докладов...» (*Чудакова М. О. Избранные работы. Т. 1. Литература советского прошлого. М., 2001. С. 340-341*).

¹⁸ Существуют свидетельства (сообщенные и лично мне) двух непосредственно связанных с печатанием повести людей – А.С. Берзер и К.Н. Озеровой – о том, как они ломали голову, стараясь передать рукопись неведомого учителя математики из Рязани непосредственно Твардовскому: они были уверены, что никто из членов редколлегии не сумеет оценить ее, и надеялись только на безошибочное литературное (кроме оценок

стихов!) и нравственное чутье главного редактора. Они не ошиблись; дальнейшие усилия Твардовского, направленные на печатание повести, были во многом основаны на воспоминаниях о семейной трагедии и на том, что он сказал потом в узком редакционном кругу: «Ведь эту повесть я должен был написать!»

На исходе того же самого 1962 г. при сдаче в набор нашей совместной с А.П. Чулаковым первой статьи (о современном рассказе), хорошо принятой редакцией критики, я тогда убедился в журнальном раскладе, столкнувшись с бурным сопротивлением редколлегии нашим словам о «новом литературном герое» в рассказе В. Аксенова «На полпути к луне». Два заместителя главного редактора – А.Г. Дементьев и А.И. Кондратович – «(разговор с ним на самых высоких нотах шел около часа) ни за что не хотели признать, что этот охламон Валерий Кирпиченко – новый литературный герой. Литература приучила за протекшие десятилетия к героическим представлениям о литературных героях» («Сквозь звезды к терниям» // *Чудакова М.О. Избранные работы. Т. 1. Литература советского прошлого. С. 342-343.*)

¹⁹ *Лакшин В. Доверие: О повестях Павла Нилина // Новый мир, 1962, № 11. С. 229, 235-236.*

²⁰ Мои старшие братья до войны собирали спичечные этикетки; в послевоенные годы они тайком показывали мне пресловутый «профиль» в своем детском, очень раздутом из-за довольно плотных этикеток альбоме. При некотором напряжении воображения и правда можно было увидеть в зубчатом контуре языка пламени некий профиль, который мне, конечно, был уже совершенно не знаком.

²¹ Есть молодежная поговорка, прекрасно описывающая это явление: «Никогда так не было, и вот опять так получилось».

²² Могу засвидетельствовать как очевидец и участник событий Августа 1991 г., что именно формулировка ГКЧП об отстранении М. Горбачева от должности в связи с состоянием его здоровья произвела отрезвляющее впечатление на многих – люди услышали слишком знакомое и были задеты этим отношением к ним, как к подневольному быдлу, которое все покорно примет. Это прибавило силы сопротивления.

²³ *Тартаковский Б. Указ. соч. С. 386-387.*

²⁴ Выражение В. Путина (с последующим зачеркивающим пояснением: «такие времена были всегда») в его телевыступлении 5 декабря 2000 г. с призывом к интеллигенции не препятствовать возвращению сталинского гимна. Утром того же дня в «Известиях» было напечатано открытое письмо президенту 34-х деятелей науки и культуры, начинавшееся словами: «Затея вернуть в государственный обиход музыку бывшего советского гимна вызывает у нас отвращение и протест».

²⁵ Продолжением этого стало открытие мемориала (по образцу парижского) – Могилы Неизвестного солдата у Кремлевской стены, в Александровском саду 8 мая 1967 г.; Брежнев лично возжег над ней Вечный огонь. Как всегда в таких актах, можно увидеть здесь и нравственную целесообразность; но она была только подспорьем для сугубо политического действия, которое должно было стать шагом к «реабилитации» Сталина.

²⁶ Это по-своему удалось только через тридцать с небольшим лет г. Путину, очень точно выстроившему всю операцию: ее успех был обусловлен правильным, с точки зрения поставленной задачи, инициальным шагом – уже упоминавшимся возвращением сталинского гимна. «Старое» и «новое» в этой спецоперации – особая большая тема.

²⁷ Примечание сугубо личного порядка: именно после конца советского периода, наблюдая ненависть значительной части пишущей братии к реформаторам, А.П. Чулаков и я открыли для себя, как велико было количество тех, кому советская цензура ничуть не жала в плечах, кто и не думал при советской власти заниматься той изнурительной «борьбой за свое слово», которой, как нам казалось, заняты были все приличные гуманитарии...

²⁸ Именно так выразилась неглупая и, что называется, лично честная, порядочная, но глубоко советская по своим убеждениям редактор издательства «Книга» Е.В. Иванова, прочитав в рукописи моего обзора «Архив Д.А. и А.Н. Фурмановых» записи из дневника писателя осени 1918 г. о том, как ивановские коммунисты приговорили своего товарища к расстрелу: «Первая запись на эту тему названа “Игра со смертью”. “И страшно, и весело играть со смертью. Со смертью, т.е. с чужой жизнью”», – и т.д. Она сказала: «Но это же Фурманова не украшает!», на что я ответила: «Писатель – не новогодняя елка!» Цензура снимала мой обзор целиком. Но он остался в составе юбилейного (посвященного сорокалетию Октября) 29-го выпуска ежегодника «Записки Отдела рукописей» ГБЛ (М., 1967) и был напечатан практически в первоначальном виде – натурально, не из-за моего удачного ответа редактору (она, кстати, явно относилась к тем, кто продолжал верить утопии, и искренне огорчена была моим отношением к Фурманову), а потому, что директор Библиотеки И.П. Кондаков не привык (этим 60-е гг. отличались от 70-х), чтобы тексты, подписанные им к печати, снимала цензура: он сам позвонил цензору и «решил вопрос».

²⁹ Рукопись моей книги «Мастерство Юрия Олеши» получила премию Московского горкома ВЛКСМ на смотре-конкурсе работ молодых ученых по общественным наукам к 100-летию Ленина, и редактор, убедив меня поместить эту информацию на обороте титула, десятки раз в ходе редактуры (она заключалась в потоке конъюнктурных предложений и моем более или менее изощренном уворачивании от них) уверяла меня, что, если бы я не была лауреатом премии московского комсомола, – книга об Олеше, да еще в моем исполнении, ни в коем случае не увидела бы свет в издательстве «Наука». Вторым из всего двух лауреатов этого конкурса в области литературоведения стал А.П. Чудаков за рукопись книги «Поэтика Чехова», вышедшей за год до моей, в 1971 г., в том же самом издательстве (надо ли добавлять, что ни в его, ни в моей книге Ленин не упоминался ни разу). Это не помешало его книге подвергнуться жесткому идеологическому разгрому в печати (автор статьи о книге Г. Бердников был заместителем заведующего отдела культуры ЦК КПСС; возможно, если бы мы додумались поместить в книге указание, что автор – лауреат премии «ленинского» конкурса, это могло бы защитить ее), а двум литературоведческим журналам – «Вопросы литературы» и «Русская литература» получить на долгие годы строгий запрет: они не должны были печатать ни *строки* Чудакова о Чехове и упоминать в положительном контексте его книгу. Редактор же «Поэтики Чехова» В.И. Рымарева сразу полюбила книгу и не сделала автору ни одного конъюнктурного замечания – только старалась улучшить текст, – бывало и такое. Вечная ей память.

³⁰ Пять лет спустя, в 1976 г., все это повторилось в связи с печатанием обзора «Архив М.А. Булгакова» (краткие сведения об этой истории – далее). Кипу книг с упоминаниями – только упоминаниями! – названий все еще оставшихся одиозными повестей «Дьяволиада» и «Роковые яйца» я притащила уже непосредственно в Главлит – в святилище советского строя, где охранялись его «тайны» – главному советскому цензору по художественной литературе и литературоведению В.А. Солодину (тому самому, кто впоследствии возглавил работу по переводу книг из спецхрана ГБЛ на общее хранение и на суде над КПСС выступал свидетелем против правящей партии: его бывшие товарищи по партии в зале суда шипели ему в спину: «Ренегат!») о его просьбе. При следующей встрече он сказал: «Вы мне очень помогли этими книгами!» Что же за структура власти сложилась к тому времени, если человеку, находящемуся на самой вершине цензурной пирамиды, была нужна такого рода «помощь»?..

³¹ Об этом ожидании напомним своему и близким поколениям С. Гандлевский в стихах 1985 г. («Элегия») – в строчках, вряд ли внятных поколениям позднейшим:

...И разом вспомнить, как там дышится,
Какая слышится там гамма.
И синий с предисловьем Дымщица
Выходит толик Мандельштама.

³² Я излагаю гипотезу С.В. Житомирской, знавшей все хитросплетения аппаратных действий; когда в те годы мы с ней размышляли, как эти не очень-то квалифицированные читатели набрели на Мандельштама, нам приходил в голову и такой вариант: Е. Бешенковский (в тот год, незадолго до отъезда в США, еще сотрудник Отдела) передал 34-й выпуск в следственный изолятор своему приятелю (и усердному читателю Отдела рукописей, арестованному летом 1973 г.) Г. Суперфину – таким образом книгу «засекли» и тогда уж рассмотрели под лупой. Эта гипотеза не подтвердилась: Г. Суперфин сообщил мне в апреле 2009 г., что В. Борисов привез ему книгу в Орел уже после суда – после мая 1974 г.

³³ Ожидая в коридоре заведения конца экзекуции, я развлекалась разглядыванием таблички на дверях с этим пышным титулом.

³⁴ *Житомирская С.В.* Просто жизнь. М., 2006. С. 394–395.

³⁵ Я тоже входила в редколлегию, но главная ответственность лежала, конечно, на заведующей Отделом С.В. Житомирской, *ответственном* редакторе сборников, отвечавшем за их содержание, кроме прочего, своим партбилетом.

³⁶ Вот что вызывало у начальства *досаду* – отсутствие важного «для истории нашей литературы»!.. Поневоле вспомнишь Довлатова: «– Мы даем вам шанс исправиться. Идите на завод <...> станьте рабкором. Отражайте в своих корреспонденциях *подлинную* жизнь.

Тут я не выдержал.

– Да за *подлинную* жизнь, – говорю, – вы меня без суда расстреляете!

Участники заседания негодующе переглянулись. Я был уволен “по собственному желанию”» (*Довлатов С. Лишний // Звезда, 1991, № 1. С. 104; курсив наш*).

³⁷ В эту эвфемистическую эпоху уже только «предлагали» – что вполне равносильно было приказу.

³⁸ Четырехлетнюю мучительную историю попыток напечатать эту работу (дело увенчалось полным успехом: опубликовано в выпуске 37 на том же самом неудовлетворительном идейном уровне, с пересказом содержания, а главное – указанием штирлов рукописей абсолютно не упоминаемой в советской печати повести «Собачье сердце», и т.п.), мы оставляем за пределами этой статьи.

³⁹ 14 марта 1974 г. А.Э. Мильчин, уже получивший взыскание за свое «устранение», передал это решение Житомирской с просьбой от издательства «учесть содержащиеся в нем замечания, касающиеся подготовки “Записок Отдела рукописей”»; она показала этот документ мне, я с ее разрешения сняла с него рукописную копию (ксерокопии тогда у нас не водились), по ней и публикую.

⁴⁰ См.: *Пастернак Б.* Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 тт. Т. X. Письма. 1954–1960. [М.,] 2005. С. 558–559.

⁴¹ Помню разговор летом 1976 г. с женой одного известного «шестидесятника»; оба были выпускники нашего филфака, но старшего поколения. (В середине 60-х, сидя в редакции прозы «Нового мира» – это был тогда наш клуб, – он гордо сообщил цену, за которую продается его недавно вышедшая в серии ЖЗЛ книга на черном рынке). На вопрос, что он сейчас пишет, она удивленно ответила:

– Ничего. Что он может писать? Сейчас же ничего нельзя напечатать!

– Не совсем все-таки. Вы «Вопросы литературы» смотрите?

– Да нет...

– В первом номере за этот год они напечатали статью «Творческая история “Мастера и Маргариты”», которую в конце 60-х ни за что бы не напечатали, говорю тебе уверенно.

На этом наш разговор, естественно, иссяк.

⁴² Ср., например, в письме Брюсова 1912 г.: «...Ничего серьезного в проповеди и притязаниях “акмеистов” не вижу. Это не мешает мне, однако, считать ... Городецкого, Анну

Ахматову – поэтами интересными и талантливыми...» (Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 33. М., 1972. С. 276). Расчет был на эрудицию читателей – они должны были сами догадаться, кем должен открываться перечень акмеистов.

⁴³ Книга вышла в 1986 г. со всеми именами; позже я узнала, что оба редактора после этого вынужденно ушли из издательства; не буду скрывать, что сочувствия к их судьбе я не испытывала.

⁴⁴ Текст первой главы – про ранний, еще 1919 г., замысел Зощенко книги литературно-критических статей с цитированием ее плана приобрел с купюрами такой вид: «1. <...> Гиппиус. Поэзия безволья»; дальше сказано, что рукою Зощенко в статье Л. Гуревич в его домашней библиотеке подчеркнуты «следующие определения, относящиеся к одному из беллетристов: “Все более дают себя знать в мягкой и, по-видимому, безвольной душе <...> назойливые литературные влияния современности. Иногда у него промелькнет строка, словно взятая у З. Гиппиус”» (Чудакова М.О. Литература советского прошлого. С. 84-85). Кто этот «он», которого Зощенко сопоставляет с Гиппиус, моему читателю осталось неизвестным.

⁴⁵ Протицирую фрагмент длинной истории: «Наконец кто-то по секрету мне сказал, что полгода или год назад принято постановление Президиума АН СССР, запрещающее посвящения *живым* людям на академических трудах... Я не поверила. Мне так же по секрету показали текст постановления. Пришлось поверить. “Но почему?!” – “Да, говорят, кто-то уехал, а ему посвящена была уже отпечатанная статья или книга, тираж пропал...” (в то древнесоветское время слово “уехал” не предполагало уточнения куда – достаточно было для всех очевидного *откуда*)» (Чудакова М.О. Литература советского прошлого. С. 227-228).

ИСТОРИЯ ОДНОГО АРХИВА

(Штрихи к портрету юбиляра в юности)

Майкл Вахтель

Предлагаемое читателю письмо имеет двоякую ценность. Во-первых, оно является необычным и трогательным человеческим документом; во-вторых, оно касается темы архивов, центральной для читателей настоящего сборника и для самого юбиляра, имеющего, как мы увидим ниже, прямое отношение к интересующему нас документу.

В письме речь идет о жизни и деле Евсея Давидовича Шора (1891–1974), замечательного представителя русской диаспоры. Здесь не место вдаваться в подробности его биографии, но, поскольку имя Евсея Давидовича редко фигурирует в истории русской эмиграции, позволю себе коротко рассказать о нем.

Шор принадлежал к поколению, менявшему страны (по меткому выражению Бертольта Брехта) «чаще, чем обувь». По этой причине ему, как и многим его современникам, не удалось совершить и крошечной части того, к чему он стремился. Но если учесть обстоятельства времени, его самоотверженная преданность русской культуре заслуживает особого уважения.

Сын знаменитого пианиста Давида Соломоновича Шора (1867–1942), Евсей Давидович сам был одаренным музыкантом, но не хотел следовать по стопам отца. В первые годы советской власти и сын и отец оставались в России, где они участвовали в культурной жизни нового государства¹. В двадцатые годы оба уехали: отец – в Палестину, как убежденный сионист; сын – в Германию, чтобы изучать философию. Однако главная деятельность сына касалась не собственной карьеры, а ознакомления немецкой публики с новейшими достижениями русской мысли. В личной беседе со своими профессорами, на семинарских занятиях, в переписке с издателями, и – прежде всего – в своих переводах на немецкий Евсей Давидович не переставал пропагандировать своих великих соотечественников.

Шор никогда не сомневался в важности своего дела, относился к нему серьезно и, в лучшем смысле этого слова, профессионально. В отличие от большинства эмигрантов тех лет, он редко писал от руки, предпочитая печатать на машинке и письма и переводы, причем всегда через копируку, непременно оставляя себе копию. (Как-то раз Дмитрий Вячеславович Иванов рассказал мне, что его сестра Лидия всегда

давала знакомым прозвища: Евсея Давидовича она называла «молодым человеком с пишущей машинкой».) Характерная деталь: помимо груды писем Шора в архиве Вяч. Иванова хранится экземпляр немецкой книги Ф.А. Степуна «Театр и кино», в который вложен отдельный листок (естественно, машинопись) с перечнем всех ссылок на Иванова, и это вполне соответствовало его стилю. Не удивительно, как указано в нижепубликуемом письме, что свой личный архив аккуратнейший Шор хранил до последних лет в идеальном порядке.

Было бы преувеличением сказать, что Шор оставил заметный след в европейской культуре, но некоторых положительных результатов он достиг в сотрудничестве с Н.А. Бердяевым². Благодаря Шору на немецком языке (правда, не всегда с указанием на переводчика) вышло несколько новейших работ Бердяева, которые пользовались успехом и даже помогли ему обрести известность на Западе. Сам Бердяев был бесконечно благодарен своему бескорыстному соотечественнику, доверяя Шору до такой степени, что иногда позволял ему переделывать свои статьи, чтобы они становились доступнее пониманию немецкой публики. Однако замысел издания полного собрания сочинений Бердяева, о котором мечтал максималист Шор, не увенчался успехом.

Его совместная работа с Ивановым оказалась еще менее удачной. Из тщательно планировавшегося Шором собрания сочинений Иванова на немецком языке не вышло практически ничего³. Книга статей Иванова о театре, полностью переведенная Шором, так и не была опубликована. В этом случае вину можно возлагать не столько на сложные исторические обстоятельства, сколько на самого поэта, вечно спорящего со своим переводчиком о тонкостях передачи русского текста на немецком и вечно недовольного своими ранее написанными трудами⁴. Если у Бердяева периодически возникала необходимость в срочных переводах на немецкий докладов для конференций, то Иванов в эти годы почти не выступал. В тех случаях, когда требовался немецкий текст, он мог сам сочинить или перевести его или же обратиться к знакомым редакторам-профессионалам. Читая переписку Иванова с Шором, нельзя не сожалеть об огромной трате сил последнего, ибо ясно, что, при всей своей любви к Шору как к человеку, Иванов не очень-то верил в осуществимость его пороку утопических проектов.

Вопреки всему неутомимый Шор не отступил от своего дела. Он вел обширную переписку, обрабатывал и вновь редактировал переводы, при личных встречах и в корреспонденции добывал договоры с издателями. Если Шор не получал от Иванова ответов на свои письма, он обращался к своей двоюродной сестре Ольге, жившей вместе с семьей Ивановых и во многом отвечавшей за дела поэта.

Когда нацисты пришли к власти, Шор свою работу не прервал. Он не хотел покидать Германию, потому что любил эту страну, но и ему стало очевидно, что оставаться там невозможно. Прихватив свой любимый архив, Шор вместе с женой бежал в Италию, оттуда – в Швейцарию, и лишь когда стало совершенно понятно, что ему нечего делать в Европе, он отправился к отцу в Палестину, где в эти годы никакого интереса к русской философии не было. Шор прекрасно понимал, что его европейский опыт неприменим в новой обстановке. Однако как человек редкой энергии и изобретательности он нашел себе место и в Палестине. Как и отец, Шор посвятил себя музыке, основал консерваторию, стал видным педагогом и автором многочисленных работ о музыкальном воспитании. И пусть о прежней жизни нельзя было и мечтать, но с книгами и бумагами – обширной перепиской с Ивановым, Бердяевым, Кандинским, Степуном и другими корреспондентами – он всё же не расставался.

Речь в нижепубликуемом письме как раз идет о судьбе личного архива Шора. Становится всё более очевидным, что эти документы содержат богатейший материал для культурного понимания и исторической оценки русского зарубежья. Переписка Шора позволяет детально реконструировать атмосферу 1920–30-х годов и по-иному оценить заслуги тех людей, которые вопреки жестким условиям времени жертвовали собой ради их общего культурного наследия.

Письмо хранится в Римском архиве Вяч. Иванова (РАИ). Его автором является Надежда (Надя) Рафаиловна Шор (1908–1999), вдова Е.Д. Шора, а адресатом – его двоюродная сестра Ольга Александровна Шор-Дешарт (1894–1978), многолетняя подруга семьи Ивановых в Риме. Письмо напечатано на машинке и публикуется здесь в соответствии с современными нормами русского правописания и пунктуации.

п р и м е ч а н и я

- ¹ О биографиях отца и сына см.: Нина Сегал (Рудник). «Еврейство, музыка, революция: Д.С. Шор». *Russica Romana*. XIII (2006). С. 87–113; Димитрий Сегал и Нина Сегал. «Начало эмиграции: Переписка Е.Д. Шора с Ф.А. Степуном и Вячеславом Ивановым». *Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума, Вена 1998*. Ред. С. Аверинцев, Р. Циглер. New York, 2003. С. 457–545.
- ² Сведения об отношении Бердяева к Шору почерпнуты из статьи: Н.М. Сегал (Рудник). «О переписке Н.А. Бердяева с Е.Д. Шором (1927–1946)». *Сборник «Вехи» в контексте русской культуры*. Ред. А. Тахо-Годи, Е. Тахо-Годи. М., 2007. С. 410–422.
- ³ Справедливости ради, тут нужна существенная оговорка – без содействия Шора не было бы замечательной книги Иванова о Достоевском. Шор не был ее переводчиком, но энергично действовал «за кулисами»: добыл контракт с издателем, нашел переводчика и т.п. (см. комментарий в: Вячеслав Иванов. *Собрание сочинений*. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 760–770).

⁴ О судьбе книги Иванова о театре см.: Michael Wachtel. "Die Kunst des Redigierens: Das Übersetzungsverfahren bei Vjač. Ivanov". Germano-slavistische Beiträge: Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag. Hrsg. M. Okuka und U. Schweier. München, 2004. S. 539-547.

Холон, 19.8.77

Дорогая Олечка,

С моего прошлого письма, на которое я ответа не получила, прошло 3½ года¹. Года 2 тому назад говорил со мной Дима по телефону и обещал, что ты мне скоро напишешь. Просил прислать вам брошюру, которую я издала в память Ива (Юшеньки, по-твоему), что я и исполнила – но в ответ ничего не получила². Совершенно не знаю, что со всеми вами, с тобой, Лидией и Димой, с тех пор стало³.

Почему же я все-таки решаюсь еще раз тебе написать?

После смерти Ива осталось очень много материалов – статей, набросков; некоторые совершенно готовы к печати, другие – еще не оконченные. Много очень интересных писем от самых разнообразных лиц и копии его ответов. Всё в большом порядке!

Годы идут. Я не делаюсь моложе. Работа в нашей консерватории отнимает у меня очень много времени и сил, и, хоть я уже несколько лет как перешла тот возраст, когда уходят на пенсию, я всё еще работаю полным ходом: большой класс на рояле, классы по теории. Работаю директором. Консерватория очень разрослась. Больше 300 учеников, 22 преподавателя. (И всё еще нет своего здания.) Это всё не легко!

Но не об этом я хочу тебе писать. Писать я хочу об архиве. Долго ломала себе голову – что делать со всеми этими бумагами. Неужели, когда меня не станет, это так просто выбросят?

Думала начать самой издавать, но у меня не оказалось ни достаточных средств, ни времени, ни сил. И вот, когда я уже совсем потеряла всякую надежду, – я получила предложение от архива Иерусалимского университета передать им весь имеющийся у меня материал для того, чтобы постепенно его издавать в университетском издательстве. Как же это случилось?

Я пожертвовала всю нашу библиотеку (кроме книг по искусству и музыке, которые составляют консерваторскую библиотеку) в библиотеку Иерусалимского университета. Когда библиотечные работники приехали ко мне, чтобы посмотреть книги, они обратили внимание на необычайный состав библиотеки: книги по философии и литературе, богословию и теософии на разных языках. Начался разговор. И тут – неожиданно для меня – оказалось, что для этих молодых людей все эти имена: Шестов, Шпет, Бердяев, Флоренский, Кандинский, Пастернак,

Вячеслав Иванов и даже имя Ольги Александровны Шор-Дешарт – не пустой звук. Это было тем более неожиданно, что до сих пор мы всегда сталкивались с совершенно другим отношением молодежи, для которой все эти имена решительно ничего не говорили.

Конечно, они заинтересовались, есть ли у меня письма и бумаги, оставшиеся после моего мужа. Вернувшись в университет, они сейчас же доложили своему начальству о неожиданном открытии. Мне тут же позвонили, чтоб узнать, готова ли я передать им также и весь архив, но не только для хранения, а также и для того, чтобы постепенно его издавать.

Конечно, это для памяти Ива и для меня совершенно неожиданный выход, хотя материально это ничего не даст – но ведь не это главное. Главное, что его мысли, его статьи, которые он не успел при жизни издать, и все те статьи, которые разбросаны по разным журналам и газетам, будут собраны вместе и увидят свет, не пропадут даром.

Я надеюсь, дорогая Олечка, что ты не будешь иметь ничего против, если и переписка Вячеслава Иванова с Ивом войдет в это издание.

Прошу тебя, дорогая Олечка, ответить мне скорее на это письмо. Может, Дима опять попадет в наши края и мне позвонит. На всякий случай мои телефоны: дома – 03 848064, в консерватории – 03 842847. 03 – это район Тель-Авива.

Женичка, окруженная внуками и правнуками, вместе с Ирочкой шлет тебе самые сердечные приветы⁴. Моя Ирочка уже тоже бабушка⁵. Но и она помнит тебя, Лиду и Диму и присоединяется ко мне, чтобы сердечно приветствовать вас всех.

Крепко целую тебя

Твоя Надя

P.S. На этих днях вспоминала тебя с Иоси Калихштейн⁶, который провел здесь неделю, приехав концерттировать на фестиваль.

Nadiva SHOR
5, Rue Arlosorov
Holon 58332 Israel

¹ Это письмо (от 7 января 1974 г.) также хранится в РАИ, в нем речь идет о болезни и последних днях Шора. Выражаем благодарность А.Б. Шишкину за указание на этот документ.

² N. Shor. *Lezekher hamusyqay vehamehanekh hadagul prof. Yhoshu'a Shor z"l*, т.е. Памяти выдающегося музыканта и педагога Е.Д. Шора (Holon, 1974); см. ссылку на эту брошюру: Юлия Матвеева. «Давид Соломонович Шор» в кн. Д.С. Шор. *Воспоминания*. М., 2001. С. 16.

- ³ Речь идет о детях Иванова: Лидия Вячеславовна Иванова (1896–1985) – пианист и композитор, Дмитрий Вячеславович Иванов (1912–2003) – журналист.
- ⁴ Имеются в виду родственники О.А. Шор-Дешарт: Евгения, т.е. Женичка (1899–?), дочь Д.С. Шора, и ее дочь Ира. Вместе с ним они обе уехали из СССР в Палестину в 1927 г.
- ⁵ Когда Е.Д. Шор покинул Германию, он сначала отправился в Рим вместе с женой и свояченицей. См.: Vjačeslav Ivanov: Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlaß. Hrsg. Michael Wachtel. Mainz, 1995. S. 45. Если свояченицу звали Ирина, то ясно, кто такая «моя Ирочка» и почему она могла помнить семью Ивановых.
- ⁶ Иосиф Калихштейн (род. 1946) – знаменитый израильский пианист, ученик Е.Д. Шора. Калихштейн познакомился с О.А. Шор-Дешарт, когда выступал в Риме. В частном сообщении к автору этой заметки Калихштейн рассказал, что Надя Шор была его первой учительницей.

* * *

Письмо, как кажется, не нуждается в подробных комментариях. Хотя ответ на него нам неизвестен, можно полагать, что возражений у О.А. Шор-Дешарт не было. Архив (вместе с письмами Иванова) был передан на хранение в Национальную и Университетскую библиотеку в 1978 г. Постепенно, но в последнее время всё чаще, из него публикуются крайне интересные материалы. Неудивительно и то, что архив Шора вдруг нашел ценителей в 1977 г. Незадолго до этого началась «третья волна» эмиграции из СССР, в результате чего Еврейский университет в Иерусалиме стал одним из центров мировой славистики.

На этом можно, пожалуй, и закончить, но в связи с особым поводом для выхода этого сборника хочется добавить одну любопытную деталь.

Много лет назад я рассказывал Л.С. Флейшману о том, как, работая в Римском архиве Иванова, я столкнулся с письмом Надежды Шор, из которого узнал, что архив ее мужа был спасен от забвения благодаря усилиям каких-то молодых и эрудированных «библиотечных работников». Каково же было мое удивление, когда мой собеседник признался, что одним из этих «молодых людей» был он сам.

Эдвард Станкевич. Портрет Романа Яковсона
(карандаш; копия предоставлена Хью МакЛейном)

ROMAN JAKOBSON, A MEMOIR

Hugh McLean

Proximity to genius is an experience to treasure, yet few of us get the chance: God seems terribly stingy about generating geniuses – people who are not only exceptionally smart, but have that extra something – imagination, inspiration, originality – that separates the Mozarts from the Salieris. I was lucky enough in my life to be close to a Mozart. I was a pupil of Roman Jakobson and sustained a relationship with him for 35 years, from 1947 until his death in 1982. From my earliest encounters with him I knew that I was in contact with a real genius. It was an electrifying experience.

The memories recorded here are in no sense intended to demonstrate Jakobson's greatness nor to catalogue or assess his immense achievements, almost invariably seminal, in the many fields he touched and often transformed: theoretical linguistics, comparative, synchronic and historical linguistic analysis, especially of the Slavic languages, medieval studies, poetics, studies of particular poets and prosaists, Russian and otherwise. My aim here is simply in a series of snapshot recollections to evoke Jakobson's *persona* as it appeared to one of his students during the last decades of his life.

I. Theater

My first encounter with Jakobson took place in 1947, at Columbia University, where I had just enrolled as a graduate student. I was 22 years old, Jakobson was 51. I had learned a good deal of Russian at the Navy Language School in Boulder during the war and afterwards had had some experience as a translator/interpreter in Europe. By the summer of 1946 I had been shipped back to the U.S. and released from the Navy. I then returned to Yale for my final year as an undergraduate. There I had the privilege of attending a wonderfully appreciative and well grounded course in Russian literature taught by René Wellek, later famed especially for his multi-volume history of criticism, but in those days perhaps even more celebrated for his part in the indispensable "Wellek & Warren" (*Theory of Literature*), which for years was the Bible of every graduate student in literature, whatever the language. (I still refer to it, but then I am a fossil.) I told Wellek that

I was contemplating doing graduate work in Slavic and was wondering where to go (Yale then had no such program). There were essentially three American choices in this then still very undeveloped field: Harvard, with Samuel Hazzard Cross; Berkeley, with Waclaw Lednicki and Gleb Struve; and Columbia, with Roman Jakobson and Ernest Simmons. Without a moment's hesitation Wellek said to me, with more authority and urgency than he customarily displayed: "Wherever Jakobson is, you go there! He is the best there is." Wellek had known Jakobson in Czechoslovakia as a fellow member of the celebrated Prague Linguistic Circle, and he too had been inspired by the proximity of genius.

I took Wellek's advice and went to Columbia. One of my first courses there was "Slavic Philology 101: The Prehistory of the Slavs", taught by Jakobson. The prehistory of the Slavs was a topic about which my ignorance was comprehensive and total, but I was eager to inscribe something of it on my *tabula rasa*. It surprised me a bit that the class met in the evening, at 8:30, in a fairly large lecture hall. I found it nearly filled, but not with young Columbia students like me – there were comparatively few of these – but with a multitude of persons of middle to advanced age who, I later learned, were mostly members of the Russian émigré community in New York. One of them (though not from New York) was my former teacher at Yale, George (Георгий Васильевич) Vernadsky, whose fact-laden Russian history courses I had attended the year before with much pleasure. Vernadsky was spending a sabbatical in New York. Partly to practice my Russian, I sat down next to him, and we conversed a little. He was then working on the early parts of the ten-volume History of Russia he had been commissioned to write in partnership with Michael (Михаил Михайлович) Karpovich of Harvard, and he was wise enough to recognize that in a lecture by Jakobson he was likely to hear something really new and interesting about the prehistoric Slavs. Distinguished senior professor that he was, in Jakobson's classroom he was as much a student as I was.

Jakobson's performance as a lecturer in that course, as in every course with him I subsequently either took or audited, was absolutely riveting, really thrilling. You always felt as he talked that you were out there with him on the absolute frontier of knowledge, out where discoveries are constantly being made. His lectures were never filled with rehearsals of familiar facts. If such facts were ever marshaled, they came disguised in startling new clothes. Jakobson also never felt bound to assume a distant, dispassionate, "objective" air. He was almost always a partisan, often an impassioned one. In that course, as I recall, the ax being ground was anti-German, an echo of the war. Vocabulary and etymology show that the ancient Slavs had borrowed some of their material culture from their Germanic neighbors, but for their higher, spiritual life, for some of their deities and the glories that

went with them, they turned instead to the Indo-Iranians. The Germans might be good at tools and weapons, but the Indo-Iranians knew the way to heaven.

With his permission I will include here a splendid illustrative anecdote passed on to me by Donald Fanger. He once asked Jakobson his secret, how did he make his lectures so unfailingly stimulating. Fanger did not expect a real answer – such things are impossible to explain – but he got one. “Looking out at that sea of faces,” Jakobson replied, “I see a girl who is thinking about whether a particular young man will call her when she hopes he will, and I see a young man who is worried about his car and the cost of the repairs it needs, and I see my task: I must talk in such a way that *for that one hour*, for them, the structure of the Russian verb is the most important thing in the world.” And he could do it! I apparently once told my wife, Kitty, that a Jakobson lecture on the Russian verb was the most absorbing I had ever heard.

All through that semester Jakobson’s lectures were unfailingly superb, informative and exhilarating. I enjoyed them as much as an evening at the theater, and one felt like applauding at the end of each class. But as the weeks passed, I began to wonder where was the syllabus, what were the assignments, what were we supposed to be doing besides attending lectures? Only at the very last lecture, as I recall, did Jakobson pass out a bibliography of works on the subject, but we were clearly not expected to read them then. They were for future reference. It would have been impossible for us to read them anyway, since almost all were comparative rarities, of each of which only one copy would be in the Library. Essentially, the lectures were the course.

Perhaps it was in the following course, when we moved much farther down the centuries in the history of the Slavs, that I had a piece of luck, which I credit to Vernadsky. Jakobson hated written exams: he would have to spend hours reading and grading them, and he had better things to do. As a Russian he was used to the idea that most exams are or should be oral. You draw a question from a box and after a few minutes to collect your thoughts deliver your answer, *viva voce*, to the professor or examining board. Finished, done, nothing to read. Jakobson managed to apply such a system of oral exams in some of his Columbia courses, but without the box with questions or the time to prepare. He had a class list with the names of enrolled students in alphabetical order. One by one he would call us to the front of the room and ask a question. If you answered it correctly, you got an “A”. If you missed it, he asked another. If you answered that, you got “A-”, and so on. A major trouble with this system, of course, was that it was all done in public. Questions could not be repeated, and the obvious ones were quickly used up. Jakobson’s gigantic brain had no difficulty in

generating fresh questions, but to avoid repetitions he had to dig deeper and deeper into that brain to extract them, and they got harder and harder. To have a surname beginning with A was a huge advantage, while the Z's were doomed to public humiliation and disgrace.

Well, with my *M* I was in the middle, neither luckiest nor unluckiest. But I proved lucky in another way. I got a boost from Vernadsky. In one of his courses at Yale Vernadsky had gone into considerable depth concerning Serbian politics on the eve of World War I, not a subject every American student picks up at home by osmosis. But it happened (my good angel must have been especially active) that on one of these oral exams Jakobson asked me something precisely in that area. I can't remember exactly what it was—perhaps something about the perpetual feud between the Obrenović and Karadorđević dynasties. But at that time my memory from Vernadsky's class was still fresh enough that I was able to answer correctly, and I got an "A".

The next year I had a similar piece of luck in a Jakobson class, and as it happened, it was again with vicarious help from Vernadsky. It must have been the spring of 1949. Jakobson was recovering from a serious accident. While walking as a pedestrian on a highway he had been struck by a car and knocked down, with severe injury to his legs, injury from which he never fully recovered. Locomotion was painful and difficult, especially at first, and to avoid going out he arranged to conduct classes in his own apartment, fitting out one of the rooms there as a classroom. The topic this time was the Cyrillo-Methodian mission to the Slavs, and on this topic Jakobson was inspired.

He was transformed into a political scientist, a "talking head," a shrewd commentator on political events, but the events were events of the ninth century! He was the shrewd expert on international politics at that time, with the major players being the Byzantine Empire, the papacy, and the powerful Germanic kingdoms of Central Europe, the inheritors of Charlemagne's empire, with the fledgling Slavic polity of Great Moravia, then still pagan, trying to assure its independence by embracing Christianity from the distant Greeks rather than from the much too near Catholic Germans. For Jakobson the conflict was especially poignant because a central issue was *language*, the right of the Slavs to celebrate the divine liturgy in their own vernacular tongue. God, said the Slavic apostles, would willingly hear prayers in languages other than the three "sacred" ones, Hebrew, Greek and Latin. It was, of course, an issue that would reverberate for centuries, all the way down to Vatican II. Once again, of course, the villains were German, and Jakobson told a stirring story in which the good guys, Prince Rastislav and the Greek missionaries Constantine-Cyril and Methodius, won, with the support of a non-German pope (Adrian II), though alas, not for

long. The arch-villain in the drama was a Frankish bishop, Wiching, who prevailed on a subsequent pope, Stephen V, to outlaw the Slavonic liturgy, which Adrian had authorized, and it survived in the Slavic West only in a few Croatian monasteries.

It was in that class that I had my second Vernadsky-inspired success. During one of his lectures Jakobson was quoting from memory a famous passage from the *Vita Constantini*, describing how St. Constantine (Cyril) on a mission to the Khazars had been given a what turned out to be a Biblical text, written in a language identified as "Russian" (*росьскы письмены писаны*). Great linguist that he was, deviser of an alphabet that fits the Slavic languages much better than the Latin one (though it is actually not the one that bears his monastic name, Cyrillic), St. Constantine, with a little supernatural help obtained by prayer, was able to read this text and interpret or translate it. At that moment during his lecture Jakobson could not remember the word for 'interpreter' used in the Slavic vita. It just happened (my good angel again at work) that the night before I had been reading Vernadsky's *Ancient Russia*, the first in the would-be ten-volume series, and there, on p. 347-48, is quoted the very text from the *Vita Constantini* that Jakobson was citing. The word for 'interpreter' was *сказати*. I raised my hand and offered it to Jakobson. He received it with delight: "Да-да. Совершенно верно. Сказать". Of course, I was a sensation among my fellow students because it sounded as if I remembered this esoteric text better than Jakobson did, though in fact it was sheer accident.¹ But the episode did, I think, cause Jakobson to notice and remember me. I was no longer just a face in the crowd.²

II. Conspiracy

In that memorable year, 1948-49, deep and fateful rumblings were heard throughout the Columbia Slavic Department, rumors of an impending cataclysm. The rumors proved true: Jakobson was about to defect. At Harvard Samuel Cross had suddenly died, and Harvard was left without any senior figure in a field which looked, in 1948, as if it were destined to burgeon. The Cold War was already under way, and the country needed Slavists. So Harvard decided to make a major investment in this hitherto distant, out-of-the-way area. They persuaded Jakobson to migrate from New York to Cambridge, and with his help they would construct a department around him. He had wide ambitions. He insisted on a real Slavic, not a Russian department, with regular positions in Czech, Polish, and South Slavic. He also wanted at least one additional appointment in Slavic linguistics and another, senior one, in Russian literature. In Czech Jakobson just happened to have an ideal candidate at hand, his wife Svatava, who was also a folk-

lorist. For Polish Harvard brought from London Wiktor Weintraub, an already distinguished literary scholar. For South Slavic Harvard already had a suitable figure, Albert B. Lord, who before the war had collaborated with the late Milman Parry in the momentous project of recording the Yugoslav oral epics. The second linguist would be Horace G. Lunt, Jakobson's pupil from Columbia. And for Russian literature Jakobson persuaded Harvard to recruit from Europe his old friend and colleague, Dmitry Chizhevsky, who was also an all-round Slavist and medievalist. It was the perfect model of a complete Slavic department, one later used as a model for several others established elsewhere.

In his dealings with Harvard Jakobson did not forget his Columbia pupils. One day after class he called me over and informed me in hushed tones that he was moving to Harvard. Would I like to come too? He had negotiated with Harvard that a certain number of his Columbia students would automatically be admitted, some provided with fellowships. It took no persuasion at all for me to join the Columbia exodus. Besides my undiminished admiration for Jakobson, I had formed a real aversion for Columbia's Mr. Russian literature, Ernest Simmons, whom I found unpleasant as a man and uninspiring as a scholar. So in Fall, 1949, we were off to Cambridge.

III. Harvard

I spent ten years at Harvard, 1949 to 1959, first as a student, later on the faculty. During that period the star of Jakobson shone as bright as ever. For me the first year was one of intense studying for the comprehensive examinations for the doctorate, which are traditionally mainly oral, the first oral exams many Americans ever experience. Mine was held in the spring of 1950, in Jakobson's apartment. Expected to know *everything* about the whole field of Slavic linguistics and Russian literature throughout its history, and with my whole future at stake, I was terrified. I had stuffed my brain as full as I could, but I knew there were still huge gaps. Seeing my precarious emotional state, Jakobson offered me vodka to loosen my tongue and bolster my spirits, but I felt much too scared to add alcohol to my brain's problems.

The examiners were Karpovich, Chizhevsky, Lunt, and Jakobson himself. On the whole it went reasonably well. Karpovich was kind and gentle, as always. Lunt was always the realist and knew better than to expect too much linguistics from a literary scholar. Only Chizhevsky floored me with a series of questions about Baroque sermons, *барочные проповеди*, pronounced by his beloved Ukrainians-in-Moscow, Dimitry Rostovsky and Stepan Iavorsky. I was bursting with all sorts of information about Old

Russian literature, culled partly from a laborious reading (my German was always a struggle) of Chizhevsky's own *Altrussische Literaturgeschichte* (the expanded English version did not yet exist). But there was nothing there about Baroque sermons, the book ended in the fourteenth century. "Но я говорил об этом", – he complained. "Мало ли о чем Вы не говорили", – I thought, but we at last moved on.

The next examiner was Jakobson himself. I had learned from experience that Jakobson was always delighted to hear his own words fed back to him. So on his linguistic questions I was able to respond in appropriate Jakobsonian terms, often quoted almost verbatim from his lectures. He beamed with pleasure: "Правильно! Прекрасно сказано". It was over, and I had passed. Now I did accept the proffered vodka.

Even before this success, I had already benefited from another of Jakobson's peculiarities, his "authority problem," as the psychotherapists would say. It is a syndrome shared by many Russians. For them authority always seems distant, alien, potentially malignant and dangerous, but still the source of wealth and power. One's object in dealing with authority is therefore to manipulate it as adroitly as possible, for one's own benefit or that of one's protégés. Jakobson was a full professor at Harvard and a scholar celebrated all over the world, but he never thought of himself as a responsible wielder of power, a supreme court obliged to be as fair, impartial and judicious as possible. He was always partisan; he would favor and protect his own as best he could.

I was one of the fortunate ones who benefited from Jakobson's protective reach before its exaggerations provoked the inevitable reaction. His letters of recommendation – and I have read several of them – were always written in the most eloquent, hyperbolic prose, bursting at the seams with superlatives. The recommendee was always "brilliant," "unfailingly original," engaged in solving the most "pivotal" (a favorite Jakobsonian word) questions, destined to become an icon for the ages. Eventually American academia learned that Jakobson's recommendations had to be discounted by at least 50%, but in the early years people believed them. Jakobson recommended me to be a Junior Fellow in the Society of Fellows at Harvard, a wonderful, three-year fellowship that at Harvard at least was considered in itself the equivalent of a Ph.D. Many previous Junior Fellows, such as W.V. Quine, Harry Levin, or B.F. Skinner, had gone on to fame, and many of my coevals did so likewise, such as Richard Wilbur, David Landes or Noam Chomsky. Jakobson's overheated letter on my behalf worked. I was clearly not in that stellar league, but I was appointed a Junior Fellow and enjoyed three very fruitful, unencumbered years, doing research on Leskov and also trying to fill in the many gaps in my education, disrupted by the war. I also continued to attend Jakobson's lectures, which remained as stimulat-

ing as ever, for me perhaps even more enjoyable because there was no exam to dread at the end.

At Harvard Jakobson was not allowed to give oral course exams. In one of these courses he asked me to grade the written ones for him, since he just could not be bothered. He was supposed to review my grades, and I guess he did, but I don't recall his making any changes. Jakobson also occasionally asked me to edit the English of his articles. It was a difficult task. His English was very much his own, idiosyncratic and not always idiomatic, but it always said just what he wanted to say. If you modified it to make it more conventional or more literary, he would resist vigorously, defending his own formulations. And at least once he celebrated a triumph over me. I had corrected the word 'humblebee' to 'bumblebee,' which was the way the word sounded in my native-speaker dialect. I had never heard of a humblebee. But Jakobson hauled out the OED and gleefully showed me that 'humblebee' was the original form of the word, the "insect that hums." The alliterative variant 'bumblebee,' dating from a much later period, was probably originally a "nursery word." So there! It was always dangerous to argue with Jakobson.

I will mention one episode from the Harvard period that evokes a Jakobsonian puzzle: his religion. One Orthodox Easter some friends and I went into Boston to an Orthodox cathedral essentially as tourists, to witness the midnight ceremonies and hear the music. We had stood for some time listening to the chanting when I saw Jakobson standing at some distance. He did not see me. And I witnessed it: *he crossed himself!* This amazed me. Jakobson, then, was a believing Orthodox Christian, *православный христианин*. I had always thought of him as Jewish or atheist. He knew, I realized, an immense amount about Christianity: it was a fundamental part of the cultural history not only of the Slavs, but of the whole Western world. But an Orthodox believer? It seemed out of character. Much later I asked my dear friend Morris Halle, who was much closer to Jakobson than I was, what he thought about it. He was equally puzzled. He had no clear idea where religion stood in Jakobson's inner life; they had never talked about it.

Years later, after the USSR was no more, I once heard the distinguished literary scholar M.L. Gasparov draw a revealing cultural distinction, as he saw it, between Jakobson and his great friend and collaborator, Prince Nikolai Trubetzkoy. Trubetzkoy was aristocratic and Orthodox, while Jakobson, in Gasparov's eyes, was plebeian and Jewish. But Jakobson was only ancestrally Jewish; he had crossed himself. One can guess the history. To avoid the expulsion of Jews from Moscow, ordered by the bigoted Alexander III in 1891, Jakobson's parents had converted to Orthodoxy, and at least in Roman's case, the conversion had been, at least to some extent, not opportunistic, but real. Orthodoxy may also have been for him a link to

the land, the language, and the culture he loved. His funeral, which I was unable to attend, was in an Orthodox church in Boston. On his grave he wanted only the inscription: "Русский филолог".

One pleasant experience from my Harvard days was co-editing the first Jakobson Festschrift, the one for his 60th birthday in 1956, a task I shared with Horace Lunt, Morris Halle, and Cornelis van Schooneveld. The huge volume was of course itself a remarkable display of Jakobson's world-wide fame, with 93 contributions, on the most varied subjects (though all somehow in areas where Jakobson had made some mark) from scholars in many countries, not, alas, including Russia. This was 1956, a year of "Thaw," but still, no Soviet scholar could dream of publishing in a medium like this.³ After the presentation of the volume, Jakobson took the three editors then in Cambridge, Lunt, Halle, and me, out to dinner at an Armenian restaurant in Boston. The restaurant did not serve liquor, but importation was allowed. Jakobson imported a plentiful supply of vodka and with a series of toasts throughout the dinner and afterwards managed to inebriate all of us, or at least me, to the *n*-th degree. He was absolutely merciless. No sipping was allowed, "пей до дна" was obligatory, and he watched to make sure you drank it down. He also displayed his own remarkable trick, of which he was very proud. He could pick up a shot glass full of vodka from the table with his mouth, without touching it with his hands, lift it up, and tossing his head back, empty it into his throat without spilling a drop. How that evening ended is for me totally lost in an alcoholic blur.

The mention of Prince Trubetzkoy (who incidentally throughout the published correspondence with Jakobson never fails to sign his name with that title⁴) reminded me of their shared Eurasianism, the belief that Russia's historical connections with Asia, including the "Tatar yoke," were not something to be lamented or ashamed of, but rather embraced as a source of genuine, valid, non-European culture. In one of his lectures Jakobson was describing the high cultural level at the Tatar court, perhaps at Kazan. He suddenly stopped, turned to us full face, and exclaimed dramatically: "Господа! Эти люди пили кофе!" The Tatars' fifteenth-century coffee (coffee was then unknown in Europe) was for him a symbol of cultural refinement, but for us spoiled sybarites drinking a cup of coffee seemed much too mundane an activity to justify that lofty claim. Instead, that classic sentence, "Господа! Эти люди пили кофе!" became for us a humorous evocation of Jakobsonian extravagance – dramatic and vehement, but sometimes teetering on the brink of absurdity.

A word on Chizhevsky (Tschizhevskij, Čyževs'kyi, there are many spellings), a man of immense erudition and scholarly achievement. In Europe Chizhevsky had been a star of magnitude almost equal to Jakobson's. He too had, or was to have, two huge Festschriften dedicated to him, and his

writings also amounted to many volumes. He was as much an all-round Slavist as Jakobson, among other things in several volumes tracing the reception of Hegel throughout the Slavic world. But in Cambridge Slavdom he was clearly No. 2. For one thing, even in his five-year residence in Cambridge, Chizhevsky never managed to learn enough English not only to lecture in it, but even to get around, to fend for himself. He lectured in Russian to small classes. Chizhevsky regularly came to Jakobson's lectures, but Jakobson never came to Chizhevsky's. Jakobson was always traveling somewhere, to invited lectures, symposia, conferences all over America and Europe; Chizhevsky was only invited to strictly Russian or Ukrainian affairs. It was therefore no surprise when Chizhevsky decided to leave Cambridge, which he had never liked, and return to Germany, where he was idolized. For Salieris, the proximity of genius may be not exhilarating, but overwhelmingly frustrating – if you try to compete.⁵

I will simply mention one controversial aspect of Jakobson's life beginning in the 1950s, his visits to the USSR. Along with William Edgerton, he was appointed American representative on the international committee engaged in reviving the international congresses of Slavists, in abeyance since before the war. This made him an official quasi-diplomat, and the Soviet authorities could not very well deny him entry. So he went back, setting foot in Moscow for the first time since 1920, and besides his official meetings had reunions with some of the survivors among his old friends, such as the fellow formalist Viktor Shklovsky and the poet Aleksei Kruchenykh. These visits culminated in the 4th Congress, held in Moscow in 1958. I attended that congress and heard Jakobson spellbind the huge audience in one of the large auditoriums, but I had no direct contact with him there. He moved in much more exalted circles. I knew that Jakobson's "reconciliation" with the USSR had scandalized some of the more hard-line anti-Soviet émigrés, including Vladimir Nabokov and Jakobson's brother Sergei, but generally all this took place beyond my range.

In later years, of course, these contacts were expanded. Jakobson traveled to Russia many times, made friends with Russia's greatest literary scholar, Yury Lotman, and many others, and acquired a young disciple, Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov. Collections of his articles were published, both linguistic and literary (but not the one on Mayakovsky!). All this "late Jakobson," however, I knew about only indirectly.

IV. Chicago

I moved to the University of Chicago in 1959 with the assignment of building there a full-fledged Slavic Department on the Jakobsonian model. Fortunately, the noted comparatist Edward Wasiolek was already there, in

the English Department, and I was also able to make use of a genial Russian, Count George Bobrinskoy, a Sanskritist who had retained an interest in the contemporary literature of his native land. For linguistics I was able to recruit from Indiana my dear friend from Harvard days, Edward Stankiewicz, and later another Harvard friend, Ralph Matlaw. Stankiewicz recruited other linguists, his own pupil Howard Aronson (a Jakobsonian "grandson") and a Pole, Zbigniew Gołab, who came as a visitor but somehow never returned to Poland. For Czech and Polish literature I was able to engage a series of visitors, among them the literary scholar Milada Součková and the novelist Maria Kuncewiczowa. It was quite a strong department, although, as it turned out, a fragile one.

A pleasant aspect of my move to Chicago was the relative ease with which I was able to accomplish these developments. By comparison with Harvard (and later Berkeley!) I found the University of Chicago much less hidebound, less bureaucratic, less enveloped in rules and traditions. High administrative officers were readily accessible and nearly always helpful. Before I had been there very long I managed with little difficulty to engineer a formal expression of my gratitude and admiration for Jakobson by persuading the University to award him an honorary degree. In many universities such degrees are customarily given either to politicians or to rich or prospective donors, but at Chicago academic merit reigned supreme. I submitted to some committee the necessary eulogy of Jakobson's standing and achievements, and it worked! Jakobson was duly awarded the degree of Doctor of Humane Letters at the Convocation of May 4, 1961, the same Convocation at which Nobel prizewinner George W. Beadle, with whom Jakobson later made friends, was inaugurated as Chancellor. At the ceremony I was honored to be chosen to read the citation:

Brilliant and original contributor to the science of language, searching investigator of the structure and evolution of the Slavic languages, distinguished medievalist, editor, and literary theorist, and inspiring teacher.

It was a moment of glory for him, one of a great many similar ones to come, and of reflected glory for me.

On that occasion Jakobson perhaps exaggerated a bit the degree to which the glory would resonate in the outside world. He told me excitedly that he must be ready for "the press," the throng of reporters that he was sure would besiege him after the ceremony; but alas, there were no eager Chicago reporters clustered at the door. It seemed that the philistine world cared little about Slavic linguistics and its glories. Nevertheless, Jakobson appreciated the honor. But his prettiest and most elegant gown and hood came not from Chicago, but from Cambridge (England), which awarded him an honorary doctorate that same year. In that Cambridge garb Jakobson looked absolutely magnificent, a rival to the pope himself.

A memorable occasion during one of Jakobson's visits to Chicago was an evening in our house spent with the distinguished Russian Assyriologist Igor Mikhailovich Diakonov. The University of Chicago is and has long been a major world center for Assyriology. Kitty and I had made friends with some of its outstanding scholars, notably A. Leo Oppenheim and Erica Reiner. They had invited Diakonov to come as a visitor, and to everyone's surprise, he was allowed to come, for an extended period, and without an escort. He taught a regular course and gave several public lectures, in quite good English. It became known that he was accessible, friendly, and perfectly willing to accept private invitations. He was human. All that seems so natural now that it is hard to remember how it used to be, how hampered and constricted Soviet visitors were, how encompassed by taboos, assumed antagonisms and official ideology. Diakonov showed almost none of that, being obliged only to adhere to the official Marxist schema for the progression of societies, from primitive to slaveholding to feudal to capitalist. Otherwise he was just a scholar like any scholar, trying to figure out that ancient civilization and its languages.

After one of his lectures I approached Diakonov and invited him to a dinner party at our house for which Jakobson was already engaged. He readily accepted. It proved a memorable evening. I do not remember who else was there, probably the Stankiewiczzes, but the dominant presences were Jakobson and Diakonov. Of course, the conversation was almost all in Russian, to the disappointment of my poor wife. It turned to poetry, and the two of them, Jakobson and Diakonov, began to play the game I have witnessed in other Russian contexts, a game absolutely unknown to Americans: recitation of poetry learned by heart. They were both very good at it, Jakobson especially; indeed, I think he could literally recite poetry for hours, from memory, especially his beloved Futurists and of them particularly Velimir Khlebnikov, whom he had known personally and considered the very greatest Russian poet of modern times.⁶ Diakonov was able to recite most of Anna Akhmatova's "Requiem," then a decidedly radioactive text in the Soviet context. They hit it off famously, and afterwards Diakonov thanked me profusely for an inspired evening, purely Russian and for him a relief from the tiring necessity of speaking English for hours on end.

П.Г. Богатырев,
Р.О. Якобсон
и Ю.Н. Тынянов.
Прага, 1928 г. (Архив
Бенгта Янгфельдта).

V. Krystyna

By 1961 Jakobson had for some time become involved with a young Polish woman named Krystyna Pomorska. She had emigrated to the U.S. and wanted to pursue an academic career here, on the heels of considerable graduate study in Poland. She enrolled first at Berkeley, but Jakobson decided to transplant her to his "farm" at Chicago, partly because of antagonism toward Berkeley's senior Slavist, Gleb Struve. Struve's crime, committed in his introduction to the English translation of N.K. Gudzy's "History of Old Russian Literature," was to have expressed some doubt in the authenticity of the *Slovo o polku Igoreve*. For Jakobson such doubt, even lack of full conviction, was the sin against the Holy Ghost, never to be forgiven. His other motive, however, was that he expected us, and me in particular, to be more accommodating to Krystyna's special needs.

So we got Krystyna as a student, which also involved frequent visits from the master himself, always *incognito*, as he would announce by phone in his inimitable voice. Krystyna was a good student and advanced rapidly toward the doctorate, with some assistance – no doubt, too much assistance – from Jakobson. Still in awe of him and spineless in his presence, I did not have the strength or courage to resist his pressure to bend the rules in Krystyna's favor. She was exempted from the German language requirement, allowed to substitute Czech instead; and worst of all, Jakobson claimed the right to be present at her oral exam, on the grounds of a supposed medieval tradition that permitted any "doctor" to be present at such ceremonial occasions. At the exam Jakobson did interfere unnecessarily a couple of times, but actually Krystyna was quite able to answer for herself. But it was quite improper of me to have allowed such gross protective intervention.

In September of 1962 Jakobson was granted a divorce from Svatava and a week later, in Cambridge, married Krystyna as his third wife.⁷ Sometime later, in Chicago, Kitty and I made an effort to celebrate the marriage with a dinner party at our house. Among those present were Maria Kuncewiczowa and her delightful husband "Pan Jerzy" Kuncewicz. Despite all the toasts and the effort at gaiety, there seemed to be a cloud over the occasion, a note of sadness. Here was this young woman, still in her 30s, marrying a man nearly 70, still very vigorous, to be sure, but almost sure to leave her a widow all too soon. Her motives seemed suspect – was it simply to gratify her vanity by becoming the great man's spouse, and one as a fellow scholar able to share his intellectual as well as his personal life? To judge by Jakobson's past attachments, it also seemed likely that this one too would eventually lose its charm for him, and he would move on.

But these misgivings in time proved utterly wrong. I saw Jakobson and Krystyna together many times in subsequent years, and I became convinced

Роман Якобсон
и Кристина Поморска.
Сан Паоло, 1968 г.

Роман Якобсон,
Кристина Поморска
и Елена Янгфельдт-Якубович.
Готланд, лето 1977 г.
(Архив Бенгта Янгфельдта).

Р.О. Якобсон читает лекцию в стокгольмском университете в сентябре 1976 г.
Фото Б. Янгфельдта (Архив Бенгта Янгфельдта).

Р.О. Якобсон на Готланде, где он отдыхал вместе с женой, К. Поморской,
летом 1977 г. Фото Б. Янгфельдта (Архив Бенгта Янгфельдта).

that it was a happy marriage. Krystyna really loved him, and she did a great deal to make his last years as comfortable and productive as they were. Both then and after his death she produced first-rate independent scholarly work, inspired by him, no doubt, and energized by the proximity of genius, but still very much her own. The sadness was that despite her relative youth she survived him by only four years.

VI. Finale

After his marriage to Krystyna and my move to Berkeley in 1968 I saw little of Jakobson. My most memorable contact was a glimpse he afforded of a crucial episode in his past. In 1975 the Dutch publisher Mouton issued a reprint of the volume *Smert' Vladimira Maiakovskogo*, which had originally appeared in Berlin in 1931, the last year before the Nazis' rise to power, and the book had become extremely rare, even in libraries. The new edition was sent to me for review by the journal "Slavic Review." It contained only two essays, Jakobson's celebrated "О поколении, растратившем своих поэтов," and a wandering and evasive effort, comparing Mayakovsky to Pushkin, by the once great D.S. Mirsky (i.e., Prince Dmitrii Sviatopolk-Mirsky), then in the process of reshaping himself as a Communist (he returned shortly thereafter to the USSR and eventually perished in the Gulag). I thought it would be absurd for me to try to pass critical judgment on Jakobson's famous article, which was already well known despite the obscurity of its Russian publication. I had already read it, as many had, in the abridged German translation, which had appeared the year before, in 1930⁸. This article, "On a Generation that Squandered its Poets," was a landmark, not only in Mayakovsky studies (it demonstrated the poet's "futurism" as mystical belief in a total reconstitution of human life, with the poet as a Christ-like figure, sacrificed to achieve this utopia), but in Jakobson's own life. With it he burned the last bridges that linked him to the USSR.⁹ In official Soviet eyes he had declared himself an enemy. He was now a *невозвращенец*.

So I simply wrote to Jakobson asking him to recall for me the conditions under which he had written that article, his feelings on learning of Mayakovsky's suicide. He graciously agreed and wrote me a detailed letter, which in my review I included, with his permission, in my translation.¹⁰ Then the letter sat in my files for years. After Jakobson's death, the collapse of the USSR, and his spiritual repatriation, marked by the great centennial congress of 1996 in Moscow, which I attended, I decided that that letter was a document of some significance in Russian literature. In the event of my death it should not be left for my heirs to dispose of; they would have no idea what it was or of its value. It was on the order of a sacred relic and

should also be repatriated, to rest in some literary museum in Russia. So I sent it to my friend Sergei Gindin, giving him the right to decide on its final destination. He also did a fine job of preparing it for publication, with his annotations, and it appeared in its entirety in the great commemorative volume, *Roman Jakobson, Texts, Documents, Studies* (Moscow, 1999)¹¹.

I saw Jakobson for the last time in the year of his death, 1982. I gave a lecture¹² at Harvard which he attended, and afterwards Kitty and I were invited to have lunch with him and Krystyna at their house. Jakobson, then 86, seemed a bit thin and frail, but he was as lively, expansive, and hospitable as ever. The news of his death not long thereafter therefore came as a surprise and a shock.

I miss him still, but am deeply grateful for all he gave me.

Приложение

Письмо Романа Якобсона к Хью Маклейну

October 1, 1976

Дорогой Hugh,

Спасибо за чуткость к моим давнишним страницам, о которых Мандельштам когда-то сказал: «библейские слова», а Лиля Брик: «ты увидел, чего никто не заметил!»

Гибель Маяковского меня до костей потрясла неожиданным осуществлением издавна предвиденного. В последовавших письмах Эльзы Триолэ (с начальными словами «Не досмотрели») и Эренбурга говорилось об иступленной травле и нестерпимом духовном одиночестве Маяковского в последней фазе его жизни. Было долгом сказать о промотавшемся поколении, и я писал, наглухо запершись на несколько дней, писал без отрыва. Окончив, позвал русских друзей, живших или бывших проездом в Праге, прочел им написанное, ошеломил и Бема, и Гессена, и Савицкого, и Чижевского, и первым прервавший общее молчание Богатырев крикнул: «Ты никогда ничего сильнее и глубже не напишешь!» Так же отозвался Илья Эренбург, получив машинописную копию. Сокращенный немецкий перевод, сделанный Гектером (Hekter), украинцем, работавшим в Prager Presse и Slavische Rundschau, был напечатан в этом журнале. Я [решил] задумал сборник статей и воспоминаний русских на Западе о Маяковском и обратился к Эренбургу, Эльзе Триолэ, Пуни, Альтману, Ларионову, кажется – Давиду Бурлюку и Мирскому, но по различным поводам никто, кроме Мирского, в конце концов ничего не прислал, и мне, не

без труда договорившемуся с русским издателем в Берлине Капланом, не оставалось ничего иного, как напечатать двухстатейный сборничек, ставший в дальнейшем при помощи гитлеровской и сталинской цензуры чрезвычайной редкостью. Всем вышесказанным можешь воспользоваться.

Есть о чем потолковать. Жаль, что мы с тобой давненько (кажется с аэропортовской беседы) так и не виделись. Пригласи на лекции – постараюсь прибыть! Я только что вернулся после цикла лекций в Норвегии.

Крепко жму руку.

Твой Роман.

notes

- ¹ This is my distinct memory, and I leave it here as superior *Dichtung*. The *Wahrheit*, however, appears to be different. Checking Vernadsky's volume, I find that the passage is *not* quoted there in the original Church Slavonic, but in Vernadsky's own (mis)translation. (He renders *съказати* as 'speak', its meaning in modern Russian, not 'interpret'.) So I must have seen the Slavonic text somewhere else, perhaps in something given in the Church Slavonic class I was then taking with the redoubtable Karl Heinrich Menges.
- ² The nationalist Vernadsky thought the reading "Russian" was correct. The ancient Russes, he insisted, must have had some sort of runic alphabet before they embraced the Cyrillic one a century later. Jakobson, however, thought it a scribal error for *surskyi*, 'Syriac', a language St. Constantine probably knew. Like Jakobson and Trubetzkoy, Vernadsky was a Eurasianist, but his Russian nationalism was his strongest allegiance.
- ³ Another, much larger, three-volume Festschrift was published for Jakobson's 70th birthday in 1966, but I had no part in that, except to contribute an article.
- ⁴ Morris Halle reminds me that the very last two of Trubetzkoy's letters, sent from Vienna in 1938 after the Anschluss, were signed "Nikolai Sergeevich." These two letters were dictated by Trubetzkoy from his hospital bed, where he lay dying. Jakobson's note explains that they were signed that way as a measure of caution, since the Gestapo had just ransacked the Trubetzkoy's apartment.
- ⁵ It is interesting that Chizhevsky has also been posthumously repatriated, both to Russia and to Ukraine. I recently received a copy of a large volume, D.I. Chizhevskii, *Материалы к биографии (1894-1977)* (M.: Biblioteka-fond "Russkoe Zarubezh'e"–Russkii put', 2007. 877 pp.), as a reward for contributing to it a memoir of *him*. It is to be the first of a three-volume set of Chizhevsky's "Избранное." However, Jakobson still again wins the contest. HIS *Selected Writings* are in *eight* volumes (actually nine, because volume 6 is in two bulky "parts")! The late Stephen Rudy published a complete list: *Roman Jakobson, 1896-1982: a Complete Bibliography of his Writings* (Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1990).
- ⁶ In an article written after Jakobson's death, in a commemorative collection edited by Morris Halle, I tried to capture some of the fruitful interaction between Jakobson and the poets he knew: "A Linguist among the Poets," in *Roman Jakobson: What He Taught Us*, supplement to *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. Vol. 27 (1983). P. 7-19.
- ⁷ The first wife, "Sonya," a Russian doctor, remained in Czechoslovakia through the war. I never saw her, except in photographs.
- ⁸ R. Jakobson. "Von einer Generation, die ihre Dichter vergeudet hat." *Slavische Rundschau*. Bd. 2 (1930). S. 481-495.

«КАКОЙ-ТО ГОРОД, ЯВНЫЙ С ПЕРВЫХ СТРОК...»

(Из «Петербургского архива» В.Н. Топорова)

Т.В. Цивьян

«Петербургская» часть архива В.Н. Топорова состоит из двух больших картонных папок «Петербург 1» и «Петербург 2», надписанных рукой Владимира Николаевича. Они содержат конспекты многочисленных книг и статей по Петербургу, тексты, переписанные им в Публичной библиотеке (среди них, например, повесть В. Попугаева «Аптекарский остров или бедствия любви», обширные материалы из рукописного отдела), вырезки из петербургских газет, библиографические карточки и библиотечные требования (очень редко – листы обычной писчей бумаги) с набросками будущих работ, с записями разговоров на улице, переписанными граффити, бумажные клочки с указанием «к Петербургу», «к туманам», «к закатам», «к Достоевскому» и т.д.; здесь же перечисления знаменитых зданий – памятников архитектуры и примечательных домов, списки адресов известных петербуржцев, подневные записи петербургских поездок, засушенные растения (с указанием даты и места), клочки обоев из квартиры Блока на Пряжке («похищенные» во время ремонта и подготовки музейной экспозиции в 1980 г.). К этому несколько картотечных ящиков с тематизированной библиографией, серый блокнот с записями последних пяти лет, сделанными во время прогулок по Петербургу, и несколько сотен фотографий с изображениями пейзажей и особо – петербургских малых рек, зелени петербургских дворов и некоторых памятников. И к этому же – многочисленные варианты планов будущих книг и отдельных разделов по *петербургскому тексту*.

Вот один из таких планов – карандашная запись на одной стороне библиографической карточки¹:

Петербур<ургские> заметки

1. Три свидетеля (Рембр<андт>)
2. Дост<оевский> у Влад<имирского> собора
3. Кварт<ира> Расколън<икова> как сумма двух квартир
4. Медн<ый> всадн<ик>
5. Разгов<ор> на рынке (с Ник<олаем> Павл<овичем> Павловым)
6. Разговоры в уборных

- 5². О статуях в доме Половц<ова>
6. О разрыве портр<ета> Шаляпина работы Яковлева (в доме Шаляп<ина>) в минуту смерти певца
7. Ксения Блаж<енная>
8. Иоанн Кроншт<адтский>
9. О венец<ианском> стекле

Большая часть из них напечатана – и большая часть относится к разделу, который В.Н. называл «Петербургские тексты и петербургские мифы», в жанре быличек и меморат, записанных им во время случайных петербургских встреч, чаще всего на улицах³.

В этот список В.Н. включил и свои «художественные впечатления»: они также «выхвачены» из его бесконечных городских и музейных путешествий: Рембрандт⁴, фальконетовский памятник Петру⁵, эрмитажная коллекция венецианского стекла⁶. К сожалению, аккуратный и точный В.Н., обладавший абсолютной памятью на даты (вплоть до часа), почти никогда не датировал свои заметки, так что, по большей части, они весьма условно могут быть определены датой прижизненной публикации. Но приблизительное время написания следующей заметки, посвященной панно Мориса Дени «Психея и Эрот», определяется некоторыми внешними обстоятельствами (заметка написана синей ручкой на четвертушке белого листа бумаги А4; почерк четкий, очевидно, что эта запись сделана не «на ходу и на весу», что было очень

свойственно В.Н. и, соответственно, очень затрудняет работу публикаторов). После 1993 г. Эрмитажу было передано восточное крыло здания Главного штаба, где разместилась экспозиция «Французское искусство XX века. Пьер Боннар и Морис Дени». Можно предполагать, что В.Н., ездивший в Петербург не менее двух раз в год, был там одним из первых посетителей.

Морис Дени. Панно «Психея и Эрот»,
 1-3: Ваша связь, но взмывающая из «сты-
 кования» трех первых панно, когда образуется
 единая картина без каких-либо зазоров. Но автор
 выбирает «разъединенный» вариант, провоцирующий
 у зрителя поиска «связанных» элементов и целью
 единства. Иное дело панно 4-6(7), где каждое
 панно имеет один только ему свойственный
 тогда как в панно 1-3 один общий хронотоп,
 хотя существуют «под-топосы» единого
 топоса.
 К «петербургскому» тексту

Морис Дени. Панно «Психея и Эрот»,

1-3: взаимная связь, подтверждаемая при «стыковании» трех первых панно, когда образуется единая картина без каких-либо зазоров. Но автор выбирает «разъединенный» вариант, провоцирующий у зрителя поиска «связанных» элементов и цельное единства. Иное дело панно 4-6 (7), где каждое панно имеет один только ему свойственный хронотоп, тогда как в панно 1-3 один общий хронотоп, хотя существуют «под-топосы» единого топоса.

К «петербургскому» тексту⁸

Эта краткая запись обращает на себя внимание уровнем обобщения. Строго говоря, сам сюжет панно Дени для В.Н. здесь несуществен, его интересует исключительно членение пространства, причем с точки зрения зрителя/наблюдателя, который вовлекается в замысел художника и который, в определенном смысле, становится активным участником «прочтения», «усвоения» картины (но никак не ее участником!). Потому-то, как представляется, и «подверстал» В.Н. эту краткую запись к «петербургскому тексту», что для него Петербург был динамическим пространством, суммой изменяющихся пейзажей, ракурсов, точек зрения; это предполагало постоянное движение зрителя, и только в движении ему открывались «сверх-смыслы» города.

Тема пространства (сопрягаемая с темой времени) была ключевой в самых разных областях научной деятельности В.Н., но можно сказать,

что Петербург для него был пространством *par excellence*, пространством столь же реальным, сколь и метафорическим. Свидетельством этому служит следующая публикация – редкий образец плана-конспекта к некоей работе общего характера, посвященной «петербургскому тексту». Запись сделана черной ручкой на оборотной (нелинованной) стороне библиографической карточки. До половины она перечеркнута вертикальной чертой. Это означает, что отмеченные пункты были «выполнены» и включены в текст «петербургского пространства». Но не все – начиная с *крепости*, черта прерывается, и мы можем только сожалеть о ненаписанном и невозстановимом.

количество осевых точек наблюдения (по горизонтали и вертикали).

Понятие периметра

Понятие сплошной проспект, пересекающий город

Роль кривых рек

Способы прохождение между 2 точками

Роль крепости

Соотношение ясности общего плана и неясности микроплана.

Разъятость частей

Что первично: пространство пустое или застроенное.

Разные функции пространства, улиц итп.

Пастернак в стихотворении, посвященном Ахматовой (или Петербургу Ахматовой), замечательным образом соединил неопределенность (*какой-то город*) с определенностью (узнаваемостью, единственностью – *явный с первых строк*)⁹. Мне кажется, что такой, несомненный и в то же время неуловимый, Петербург, сочетающий «ясность общего плана с неясностью микроплана», *разъятый и цельноединый*, предстает в этих случайно соединившихся здесь заметках ушедшего от нас автора «петербургского текста».

п р и м е ч а н и я

¹ Все материалы публикуются с любезного разрешения Т.В. и А.В. Топоровых, дочерей Владимира Николаевича.

² Так! Авторская ошибка в нумерации.

³ См.: Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003; Он же. Петербургский текст. М.: Наука, 2009. См. также наши публикации: О хрупкости стекла // Габриэлиада. К 65-летию Г.Г. Суперфина. <http://www.ruthenia.ru/document/545574.html>; Из петербургских текстов и мифов (по записям В.Н. Топорова) // Человек как слово. Сборник в честь Вардана Айрапетяна. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 206-213; На солнечную тему // Етнолингвистика

проучавања српског и других словенских језика. У част академика Светлане Толстој. Београд: САНУ, 2008. С. 411-420; Петербургский валторнист. Из архива В.Н. Топорова // Пермяковский сборник. Ч. 2. М.: Новое издательство. С. 674-678.; *Богини изваяње* // В печати.

- ⁴ Фигура-функция «свидетеля» у Рембрандта: (Несколько соображений) // Введение в Храм. М., 1997. С. 344-365.
- ⁵ О динамическом контексте «трехмерных» произведений изобразительного искусства (семиотический взгляд): Фальконетовский памятник Петру I // Лотмановский сборник 1. М., 1995. С. 420-462.
- ⁶ О хрупкости стекла.
- ⁷ Так в записи.
- ⁸ Подчеркнуто красным карандашом.
- ⁹ Эти строки в связи с *узнаваемостью* Петербурга привел С.Г. Бочаров в своей статье «Петербургский пейзаж: камень, вода, человек» (Новый мир, 2003, № 10).

«ДОЧЬ СВОБОДНОГО ЛИТОВСКОГО НАРОДА»:

беседа Якова Клоца с Иной Вапшинскайте
(с участием Рамунаса и Эли Катилюсов) 19 июля 2008 г.

Публикация, подготовка текста и комментарии:

Яков Клоц и Томас Венцлова

В жизни Иосифа Бродского Литва играла роль, сопоставимую с ролью Грузии в жизни Бориса Пастернака. Он впервые посетил Вильнюс после возвращения из ссылки, в конце августа – начале сентября 1966 года, и завязал дружеские отношения с кругом литовцев, в который входили литераторы Томас Венцлова (Tomas Venclova), Пранас Моркус (Pranas Morkus), Юозас Тумялис (Juozas Tumelis), Виргилиус Чепайтис (Virgilijus Čepaitis), физик Рамунас Катилюс (Ramūnas Katilius), архитектор Аудронис Катилюс (Audronis Katilius), критик и литературовед старшего поколения, бывший политзаключенный Пятрас Юодялис (Petras Juodelis) и другие. Все эти люди были известны своими независимыми взглядами и поведением, интересовались западной и неподцензурной русской литературой, поэтому Бродский легко находил с ними общий язык. До своей эмиграции он посетил Вильнюс еще несколько раз, был также в Тракае, Каунасе и Паланге. С этими поездками связаны многие его стихи. Вильнюс для Бродского был не только городом западной традиции, католицизма и барокко, одним из центров сопротивления советскому режиму, но и каналом связи с Польшей: так, весной 1971 г. он встретился здесь со своим польским переводчиком, поэтом Виктором Ворошильским (Wiktor Woroszyński). Память о Литве и литовских друзьях для Бродского была важна и в эмиграции. С некоторыми из них он сохранял отношения до смерти.

В октябре 2000 г. вильнюсский дом на улице Леиклос (Liejyklos), где Бродский гостил у Рамунаса Катилюса, а позднее у Виргилиуса Чепайтиса, был отмечен мемориальной доской. В церемонии приняли участие президент Литвы Валдас Адамкус, три нобелевских лауреата – Гюнтер Грасс, Чеслав Милош и Вислава Шимборска, – а также вильнюсские друзья поэта.

Литовские связи Бродского отчасти уже описывались и исследовались, см., например: Рамунас Катилюс. Иосиф Бродский и Литва // Звезда. 1997. № 1. С. 151-154; Томас Венцлова. Статьи о Бродском. М.: Baltrus – Новое издательство, 2005; Валентина Полухина. Иосиф Бродский: Жизнь, труды, эпоха. СПб.: Звезда, 2008. С. 137-139, 145, 149, 180, 182; Wiktor Woroszyński. Trzy fotografie // O Brodskim: Studia, szk-

ce, refleksje. Katowice: Śląsk, 1993. S. 15-21; Gediminas Zemlickas. Josifas Brodskis: Pirma kelionė į Lietuvą // Mokslo Lietuva. 2006. № 15–22; 2007. № 1–3. Однако эту работу нельзя считать завершенной. Мы публикуем воспоминания, дающие дополнительные сведения о Литве в жизни поэта. Автор воспоминаний Ина Вапшинскайте (Ina Vapšinskaitė), р. 1938 – кандидат химических наук, в 1991–93 заместитель министра материальных ресурсов Литовской республики, ныне пенсионерка; входила в круг литовских друзей Бродского. Подробнее о Бродском в Литве см.: Клоц Я. Бродский в Литве. СПб.: Perlov Design Studio, 2010.

* * *

Яков Клоц: Вы тоже познакомились с Бродским в августе 1966-го?

Ина Вапшинскайте: Да, я была у Катилюсов в первый вечер, то есть в первый же день Бродского в Литве. На второй или третий день стояла хорошая погода, а я по тем временам жила очень далеко от центра. С транспортом было плоховато, и Иосиф, как настоящий джентльмен, отправился меня провожать. Он уже неплохо ориентировался в городе, побывав на знаменитой экскурсии по вильнюсским крышам¹. Мы вышли с Леиклос², сделали круг и зашли во внутренний дворик Доминиканского монастыря. Сейчас туда входа нет, а тогда в этот дворик можно было попасть через второй этаж монастырского корпуса, выходящего на ул. Шв. Игното. (Когда-то вход был прямо из костела, наверное, через ризницу: во дворике гуляли монахи.) Мы спустились во дворик. Там лежали какие-то доски, на которых мы и просидели довольно долго. Удивительное место, с особой аурой: классический квадратный двор, посередине колонна со статуэткой (вероятно, Святого Доминика). И вот на этих досках во дворе костела Иосиф мне читал стихи.

Рамунас Катилюс: Вечером, у нас дома, он читал «Два часа в резервуаре», «Одной поэтессе», лирические стихотворения покороче.

И.В.: Потом, уже ночью (а с Леиклос мы вышли часов в 11), Иосиф проводил меня домой на Антакальнис³. Возвращался он, думаю, на поливалке: был в советское время такой «вид транспорта» – машина, которая ночью ездит по городу и поливает улицы, причем иногда в дождь.

На следующий день мы поехали в Тракай. Я тогда курила. Помню, мы курили с Иосифом в тамбуре. Меня поразило, как он подавал огонь дамам. Он был в джинсах, что тогда было очень стильно. Подтягивал ногу и зажигал спичку об эти джинсы. Весьма элегантно.

В Тракай мы ездили втроем: Адас⁴, я и Иосиф. У меня был с собой фотоаппарат «Смена», но никто почему-то не фотографировал. Гуляем мы по тракайскому парку, и навстречу нам идет мужчина под шафе, с аккордеоном, и поет литовскую песню.

Р.К.: Песню первых лет немецкой оккупации.

И.В.: Да, но уже после войны в ней появились такие слова: «Литовец, прикуси язык, когда управляют чужие». Мы сказали Бродскому: «Вот тебе пример: это свободная литовская зона». Такая вот веселая сценка. В Тракае мы провели весь день и вернулись уже вечером.

Я.К.: Помните ли вы первые слова Бродского о Литве? Что он говорил, гуляя по вильнюсским улицам? О чем говорили в Тракай? Может быть, вспомните какие-нибудь характерные для него топографические метафоры?

И.В.: Ему очень понравилось в Тракай, но мы как-то не разговаривали об этом специально, не спрашивали: «Ну, как тебе?» Говорили всё время обо всем все вместе.

Р.К.: Я помню, например, что, поднявшись на Алексотас⁵ в Каунасе и глядя через Неман на старый город, Бродский сказал: «К чему вся Европа, если здесь такое?»

И.В.: Съездив в Каунас, Иосиф уехал в Палангу. В следующий раз он приехал в Литву, когда Вас, Ромас, здесь уже не было. Если не ошибаюсь – в канун следующего Нового года⁶. Остановился там же, на Лейкрос, но жил в комнате Адаса. В этой комнате был камин, и все коротали время именно в ней.

Потом я приезжала в Ленинград к Катилюсам. Был сырой и туманный мартовский день, и мы с Иосифом поехали в Комарово на могилу к Ахматовой. Там тогда еще стоял деревянный крест.

Р.К.: С голубем?

И.В.: Да. Помню, Иосиф сказал такую фразу: «Тут скоро будет памятник. А вообще, у Льва Николаевича <Гумилева> семь пятниц на неделе и все православные».

По пути из Комарово мы заехали к Жирмунскому. Иосиф представлял меня как «дочь свободного литовского народа». Мы просидели у Жирмунского довольно долго: пили чай, и я слушала, о чем они го-

Ина Вапшинскайте.

Знак зодиака «Близнецы»
(рельеф XVIII в.
на башне обсерватории
Вильнюсского университета).

Купол Доминиканского костела в Вильнюсе – «ушная раковина Бога»
из «Литовского дивертисмента» Иосифа Бродского.

ворят. Единственное, что Жирмунский спросил у меня, было: «Правда ли, что в Вильнюсе есть район моего имени?»⁷ Говорил Иосиф с Жирмунским в основном о Гумилеве: «Я сейчас много читаю Гумилева, и вы знаете, что бы вы мне ни сказали, мне кажется, что поэт он довольно плохой». Речь зашла о предполагаемом антисоветском заговоре, в котором якобы участвовал Гумилев. Жирмунский говорил о нем как об очень смелом человеке. Мне запомнились его слова: «Зима, 1918-й год, горят костры, мы идем с Гумилевым...» Я посмотрела на него и подумала: вот человек, который говорит: «Идем мы с Гумилевым...»

Р.К.: Связь поколений.

И.В.: Мы вернулись к вам на Чайковскую⁸, голодные и промозглые, и Эля нам готовила карри. Кажется, на следующий день я уехала. Но еще полдня мы с Иосифом гуляли по Ленинграду.

Потом Иосиф приезжал и на следующий, 1968-й Новый год, на Рождество, и опять жил у Чепайтисов⁹. Они тогда издавали газетку под названием «Правда-матка», из которой я, увы, помню всего несколько строчек. Например, такие «рекламные объявления», которые писал Иосиф:

В этом маленьком борделе
жил по несколько недель
В. Ульянов. В самом деле,
посетите наш бордель.

Он выдавал и другие экспромты, например: «Межелайтис? Не желайте-с!»

Р.К.: Фамилия Межелайтис¹⁰ произносилась как пример того, что нам не нравилось в официальной литовской литературе того времени.

Был еще такой стишок про Адаса:

Если бы слить воедино
всё, что влито в этого блондина,
была б бутылка величиной с костел¹¹.

И.В.: Да. Моя дружба с Адасом Катилюсом была такова, что он для меня был как бы подруга мужского пола, а я для него – как бы друг женского. Тем самым мы здорово помогали друг другу в «сердечных делах». Мои ситуации он комментировал с позиции мужчины, я его – с позиции женщины.

Иосиф Бродский и Рамунас Катилиус.

В чем-то похожими были и мои отношения с Иосифом, который называл меня «старый солдат Инка». Вот, например, эпиграмма, которую он адресовал мне:

Старый солдат, наш костер потух.
Помнишь, как дрались в одной шеренге?
Кабы не время, пространство, деньги –
я доказал бы, что порох сух.

Есть довольно злое послание Бродского Иде Крейнгольд, нашей общей виленской знакомой¹².

Дорогая пани Ида!
Я люблю Ваш внешний вид
больше внутреннего. И да
пусть Вас Бог благословит¹³.

Ида действительно была красивая и томная. Она не то чтобы обиделась, но, конечно, оторопела.

Еще до приезда в Литву Бродский переводил Галчинского и в первый же свой приезд читал нам его стихи в оригинале по-польски («Заговоренные дрожки»). Еще он к тому времени перевел на русский песенку «Лили Марлен» и рассказывал, что его тетка, работавшая переводчицей у немецких пленных¹⁴, однажды услышала, как он поет «Лили Марлен», и буквально полезла на стенку. В августе 1966 года, в кафе «Неринга», Иосиф пел нам этот текст и записал мне его в блокнот.

В конце лета 1967 года Иосиф приезжал в Вильнюс с Настей Браудо¹⁵. Они вместе ездили в Судярве¹⁶, где она играла на органе. А мы встречались в какой-то компании.

Следующий приезд Иосифа – то ли на новый 1968-й год, то ли в мой день рождения 2-го января. У меня тогда ужасно болел зуб (зубы, как водится, болят или в выходные, или на праздники). Мои родители уехали в Каунас, и вся компания пришла ко мне. Я жила в одноэтажном деревянном домике с мансардой. В тот день Иосиф надписал мне довольно много стихов, которые так и сгинули.

Помню, что как-то раз Иосиф на несколько дней приезжал в апреле. Ему позвонила Марина <Басманова>, и он моментально собрался и улетел. На мой вопрос, что случилось, он ответил: «Меня зовет близкий друг».

В 68-м году я уезжала из Петербурга в экспедицию. Случилось так, что я осталась без работы, и муж моей подруги устроил меня в геологическую партию поварихой. Экспедиция была от ленинградского ботанического института. Из Ленинграда должна была уезжать 28 мая. Когда я приехала, Катилюсы были в Вильнюсе. У меня была неделя, и я много времени проводила с Иосифом: была у него на Литейном, мы подолгу гуляли по городу.

Я.К.: Какие места в Питере он больше всего любил?

И.В.: Новую Голландию.

Р.К.: Настя Браудо как раз жила в квартире с видом на Новую Голландию.

На даче у Ефима Эткинда в Ушкове, 21 мая 1972 г.
Слева направо: Иосиф Бродский, Рамунас Катилиус, Эра Коробова,
Ефим Эткинд, Томас Венцлова.

Рамунас Катилиус, Иосиф Бродский, Томас Венцлова.
Ушково, 21 мая 1972 г.

Эля Катилене: Он любил водить гостей по дворам в районе Пантелеймоновской церкви.

И.В.: Он водил меня и по тому же Литейному, мимо Большого дома, и по Васильевскому острову. Но больше всего Иосиф любил Новую Голландию. Были уже почти белые ночи, и, конечно, мы шлялись по ночам. Через каждые десять шагов к Иосифу подходил какой-нибудь знакомый. Он здоровался, спрашивал: «Как живешь?» и представлял меня как «дочь свободного литовского народа». Так мы и шагали дальше.

Однажды мы с Иосифом зашли к Капе Гинкасу, который жил на Фонтанке, около БДТ, и его жене, Генриетте Яновской¹⁷.

Р.К.: О них Бродский говорил: «Самое замечательное, что неизвестно, кто из них Кама, а кто – Гета». Такие вот имена. Гету Иосиф помнил по тем давним временам, когда она работала продавщицей в одном из антикварных магазинов на Литейном.

И.В.: Так или иначе, тогда несколько дней я провела в Ленинграде, и почти каждый день мы с Иосифом созванивались и гуляли.

Я.К.: Ощущали ли Вы, что он стремится показать Вам город?

И.В.: Нет. Он очень любил Питер, но как-то ненавязчиво. Да и сама идея поехать в Комарово возникла как-то спонтанно – он сам предложил. Хотя показывал он город с удовольствием.

Последний раз я виделась с Иосифом, когда он приезжал в Литву весной 1972 года – попрощаться. Как обычно, он прилетел самолетом (билет стоил столько же, сколько на поезд).

Потом я получила от Иосифа открытку из Анн-Арбора. Я ему написала, но вряд ли он получил мой ответ¹⁸.

Я.К.: Говорили ли Вы с Бродским о ссылке, вообще о всем том, что предшествовало его первому приезду в Литву?

И.В.: Да. Он рассказывал, как в Норенской происходили совхозные собрания, на которых говорилось о том, что все непременно переедут в многоэтажные дома. Мол, будут строить такой дом, и каждый туда переедет. Иосиф рассказывал, что однажды на это заявил, что очень удобно будет доить коров: ставишь корову на лестничной площадке, там садишься на ступеньку ниже... Тут, говорил он, дискуссия и закончилась.

Р.К.: Иосиф не употреблял таких слов как «ссылка». Вместо этого он говорил: «у меня в деревне». Рассказы его были с юмором, без пафоса.

Я.К.: Рассказывал ли Бродский что-нибудь про тюрьму, арест?

И.В.: О таких вещах он не распространялся.

Р.К.: Если о Норенской он говорил «у меня в деревне», то куда хуже ему пришлось на этапе. Он рассказывал, например, такое: всех заключенных выстроили на перроне. Иосиф был не очень высокого роста и стоял в конце шеренги. Охрана проверяла документы. Он подумал, что хорошо было бы помочиться. Полушутя он спросил у вооруженного охранника: «Можно я отойду по собственному делу?» И Иосифа ужаснули глаза этого военного: было ясно, что если бы он рискнул сделать два шага в сторону, тот бы выстрелил. А ведь Иосиф спрашивал его прямо как школьного учителя: «Можно я выйду?», рассчитывая на то, что если пустят – хорошо, а нет – так нет... Но никогда я не слышал от Иосифа жалоб, что, мол, с ним поступили неправильно, что он бедный и несчастный.

И.В.: Вы знаете, у меня был знакомый, который ребенком прошел Освенцим. Так он говорил, что если бы решил писать об Освенциме книгу, то написал бы ее... юмористически. Похожее отношение было и у Иосифа: что произошло, то произошло.

Э.К.: Еще он говорил так: «Ну хорошо, меня туда отправили в порядке наказания. А там живут люди, и живут там – всегда».

Р.К.: С похожими словами он обратился к ксендзу Трусевичу: «У вас здесь Евангелие, костел, люди приходят, вы их учите. А что будет с теми, у кого не было возможности узнать о Боге? Это – Россия, Сибирь, там никогда о Боге не слышали, а если слышали, то отрицательно». То есть такая здравая мысль, что где-то кому-то хуже.

п р и м е ч а н и я

- ¹ Речь идет о прогулке по крышам, устроенной литовскими друзьями.
- ² Братья Рамунас (р. 1935) и Аудронис (р. 1940) Катилюсы жили на улице Леиклос, № 1.
- ³ Антакальнис (Антоколь) – северно-восточный район Вильнюса на левом берегу реки Нерис.
- ⁴ Аудронис Катилюс.

- ⁵ Алексотас – район Каунаса на левом берегу Немана, с высоким холмом напротив старого города.
- ⁶ Видимо, речь идет о Новом 1967 годе.
- ⁷ Жирмунай – один из районов Вильнюса на правом берегу реки Нерис. Фамилия Жирмунский происходит от одноименного городка Жирмунай (ныне Жирмуны в Беларуси).
- ⁸ Рамунас Катилиус, тогда работавший в Ленинграде, жил с женой Элей (Эльмирой) на ул. Чайковского.
- ⁹ К тому времени Катилиусы и Виргилиус Чепайтис обменялись квартирами, так что Бродский жил там же, где ранее, на ул. Леиклос.
- ¹⁰ Эдуардас Межелайтис (1919–1997) – известный в то время литовский поэт, лауреат Ленинской премии.
- ¹¹ Вариант, запомнившийся Т. Венцлове:
 Если слить бы воедино
 всё, что влито в этого блондина,
 то бутылка была бы величиной с костел.
- ¹² Ида Крейнгольд-Жилене (1935–1999?), входившая в круг литовских друзей Бродского, в 1976 г. с мужем, художником Владасом Жилиусом, переселилась в Нью-Йорк. Умерла от рака легких. Ей посвящено стихотворение Т. Венцловы «Эмигрантка».
- ¹³ Вариант, запомнившийся Т. Венцлове:
 Дорогая пани Ида,
 я люблю Ваш внешний вид
 больше внутреннего. И да
 Вас Господь благословит.
- ¹⁴ Скорее всего имеется в виду мать Бродского Мария Моисеевна.
- ¹⁵ Анастасия Браудо – известная органистка, дочь органиста Исаея Александровича Браудо (см. стихотворение Бродского «Памяти профессора Браудо»).
- ¹⁶ Сударве – пригород Вильнюса с классицистским храмом-ротондой. Бродский общался с настоятелем храма, ксендзом Адольфом Трусевичем (Adolf Trusewicz). Воспоминания Трусевича о поэте опубликованы: Jacek Podsiadło. Wilno. Bielsko-Biała: Pascal, 2004. S. 56-57. «[П]одъезжает такси. Из Вильнюса. Остановилось, и вышел пан, и вышла пани. И направляются к моему дому. Он ступеньками вверх, а я вниз. ... [О]н поднимается по ступенькам и меня обнимает! ... И привез девушку, дочку профессора органной музыки в Ленинграде, концертирующую в мире. И вот приехала в наш костел поиграть на органе! А органы тогда в наших приходах были в неважном состоянии. Но та пани больше двух часов Баха играла. А этот пан Бродский еще и ногами надувал меха. Тогда, под руками той пани, мой орган заговорил так, как я никогда не слышал. Заговорил. Это была уже не просто игра – орган говорил» (из неопубликованного перевода с польского, сделанного Рамунасом Катилиусом).
- ¹⁷ Известные режиссеры современного русского театра. Кама Гинкас родом из Литвы, был близко знаком с литовским кругом Бродского.
- ¹⁸ Сохранилось написанное по-английски письмо Ины Вапшинскайте Бродскому от 8 мая 1973 г. (Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University: GEN MSS 613, Box 15, Folder 409).

PIRATE KUCHELBECKER

Eugene Ostashevsky

The pirate sails the Spanish Main
His ship describes a Markov chain

He stands at the bow and downs champagne
feeling the salty air

The parrot squints from a migraine
and would rather be elsewhere

I often think about the relationship of experience to language,
says the Pirate Who Does Not Know The Value of Pi

All these things happen to us and we can't always match them with
words:
How does that make them different?

Am I asking for something that, like, *scire nefas, Leuconoe*,
or can one maintain a position on the divergence between the verbal and
the nonverbal?

With us, for instance, since you are so much more verbal than I,
is your experience of this sea essentially other than mine?—and I mean
“essentially,”—

Furthermore, can I in any way understand an experience that is other than
mine, an experience that is authentically *your* experience, or rather *my*
experience, but with pronoun referring to somebody other than me?
In the same way, if I had a girlfriend, how might I give her subjectivity its
full due,

thereby treating another human being as Kant says she deserves to be
treated
already by the virtue of her humanity, and additionally by the virtue of her
girlfriendness-towards-me?

Would I need to draw attention away from the signs and symptoms of our difference, such as, for instance, the more foregrounded of our sexual characteristics?

Or would it on the contrary be best to say straight out “Here are your sexual characteristics and here are mine. They seem to be quite different. I don’t really know what to do about that. I admit that it frightens me.”

I admit lots of things frighten me. The other day, for example, when we attacked that merchantman bound for wherever it was bound—like for Alba Longa from Cartagena, no?—and boarded it for its cargo of regret

as I advanced against the enemy captain with my lucky falchion, the one whose scabbard has my mother’s beadwork of quotations from Sydney Dobell, he of the Spasmodic school, in my right hand and my blunderbuss #32 in my left—

there was cannon smoke everywhere and splashes of blood and the hoarse shouts of the mortally wounded or the simply overexcited— he fought real well, I must say, with his two scimitars and a hand cannon, at least until I chopped off his right arm—wait, was it his left?—no, it was on my left, so it must have been his right—

I suddenly became frightened—I don’t really know of what—that I wouldn’t be able to represent any of this in language and the experience would vanish from the sensory world but at the same time take root inside me

unformulated; ineffable; and therefore not even truly a thing; certainly not truly mine yet also no one else’s but mine; mine exclusively, inalienably

and so locking me at once inside and outside itself although always in solitary confinement as it were, like Küchelbecker in the Peter and Paul Fortress but without the tapping code

and also the fortress ineffable, and the guards, and Küchelbecker himself and also with Küchelbecker being not just in the role of Küchelbecker but also the guard of Küchelbecker

all the while remaining ineffable and impalpable and incorporeal but at the same time barely kind of uncomfortably restless, just a bit, almost imperceptibly but still uncomfortable

BETWEEN CULTURE AND CIVILIZATION*

Wojciech Zalewski

Culture and *civilization* are two aspects of life that envelop the entire human existence. Consequently, they have attracted the attention of many scholars, as well as being topics of common conversation. In the minds of many they constitute an almost inseparable amalgamate. The importance to distinguish between them, however difficult, is a factor in understanding of human history. A practical question illustrating the problem is whether a so-called "civilized man" is by the same token a "cultured man"? More specifically, if, for example, a highly sophisticated medical doctor or a political leader is using the achievements of civilization to commit or order atrocities – is this a "cultured" person? For those of us who experienced such realities in our own lives these are not trivial questions.

Samuel P. Huntington¹ in his magisterial work *The Clash of Civilizations* recognizes the distinction between culture and civilization as seen by nineteenth-century German thinkers and distances himself from it. Their idea, according to Huntington, was that civilization "involved mechanics, technology, and material factors, and culture involved values, ideals, and the higher intellectual artistic, moral qualities of a society." Huntington on his part believes that "civilization and culture both refer to the overall way of life of a people, and civilization is a culture writ large." They both involve the "values, norms, institutions, and modes of thinking to which successive generations in a given society have attached primary importance." A similar lack of distinction between culture and civilization is present in standard reference works such as dictionaries. For example, *Webster's Third International New Dictionary of the English Language* proposes a few definitions of civilization, among which is "an ideal state of human culture characterized by complete absence of barbarism and non-rational behavior, optimum utilization of physical, cultural, spiritual, and human resources, and perfect adjustment of an individual within the social framework." *Funk & Wagnalls, New Standard Dictionary of the English Language* says that, among other definitions, "civilization is a condition of human communities characterized by political and social organization and order, advancement in knowledge, refinement, and the arts, and progress in general." *The Random House Dictionary* also lumps civilization and culture under one roof by defining civilization as: 1. "An advanced state of human society, in which a higher level of culture, science, industry, and

government has been reached"; and 2. "Any type of culture, society, etc. of a specific place, time or group."

The quoted definitions in my opinion are not satisfactory, and the following is my attempt to distinguish between culture and civilization. Let us first look at culture. Peter Herriot pronounces culture to be the set of "customs, traditions, beliefs, values, social norms, language, symbols, religion, various institutions, arts, sciences, technologies, leisure activities, media, everyday habits and automatic social behavior such as greetings and farewells, the whole created environment including, cities, and so on."² This seemingly comprehensive approach does not, I believe, grasp the essence of culture, but remains only on the surface of these phenomena. I would argue that culture emerges from personal relations among people and is expressed in certain external forms, initially in direct human encounters through mimicry, gestures, words. With the expanding distances among people these encounters are translated into writings, art objects, music, and so on. There is a multitude of forms in which culture can be externally expressed, depending on the environment. But culture is neither an object (book, art object) nor an institution (museum, library); these are only carriers, facilitators and tools of culture. The key component of culture is not the *form* of communication, but rather its *content*. In order to be "cultural" under this definition, however, the content must be constructive: it must promote values such as truth, goodness and beauty; that is, culture enhances life rather than hindering or destroying it. As such, culture is also concomitant with love, understood in the broadest sense as a form of a benevolent unity between people. In my view, the first letter of Paul to Corinthians, chapter 13, describes the characteristic features of love that can be ascribed to culture, citing patience and kindness; the absence of envy, boastfulness, conceit, rudeness, selfishness; not quick to take offense, delighting in truth; and so forth. This leads me to a definition of **culture as an active affirmation of human dignity**. In this definition I stress "active" – that is an external expression of internal values, in whatever form, with a tendency to affirm and recognize the dignity of human life. The term "culture" in this definition could, of course, encompass respect for all life; and therefore the senseless destruction of life can be described as a lack of culture.

Civilization, on the other hand, is a product of socialization. The level of civilization is often congruent with the process of urbanization: the higher the level of urbanization, the more sophisticated is the civilization. Urbanization facilitates communication, concentrates the intellectual power needed to enhance science (which is also closely associated with culture) and its applications, and builds formal social structures such as political, legal, and social institutions. As such **civilization is a complex of scien-**

tific and technological factors as well as political and cultural institutions characteristic for a given stage of human development. Civilization may encompass one country, several countries on the same level of developments or political entity controlling several regional cultures (such as in imperial, colonial states). The diagram below shows the difference between culture and civilization.

<i>Culture</i>	<i>Civilization</i>
Human dignity	Science
Words, gestures: literature, the arts	Technology
Social system - customs	Political system – laws

Culture can be viewed as wisdom, and civilization as knowledge; in other words, the attributes of culture listed above can be ascribed to “wisdom,” or moral living, while the attributes of civilization can be ascribed to “knowledge,” without regard to morality. To give a blunt example, one could possess a great deal of knowledge (that is, possess many attributes of *civilization*), while still failing to live wisely (that is, morally or *culturally*).

The above diagram facilitates reflection about the practical implications and functionality of each sphere. At the basis of culture stands an individual with his or her respect for life. Two key factors constitute culture as defined above: universality and communication. Culture is a universal because it is anchored in the human mind, functioning in a common way, according to general human principles of logic, and capable of recognizing and respecting the inalienable right of others to live. This recognition differentiates the human brain from the animal, and makes humans a uniquely cultural species. Furthermore, sophisticated communication enhances survivability of human species among other species. These characteristics of culture create human bonds, which lead to civilization. Civilization then, in a simplistic way, may be described as behavior within a broader group, while culture functions among individuals. Consequently, culture sets moral standards and civilization formalizes them as coherent standards accepted by a group. As such, culture constitutes the foundation for civilization. In more specific terms, on the one hand, there can be a cultured person within a civilized society; and on the other hand, a civilized person – that is, a person who uses or possesses the achievements of civilization – who is not necessarily a cultured person, since the “culture” depends on his or her attitude toward life. The symbiosis between culture and civilization is what spurs growth and progress in all aspects of human life. The existence of culture is stable and permanent as long as there are humans; civilizations, on the other hand, are dynamic but temporary, as systems change, grow and collapse. Unfortunately, culture – despite being a root of civilization – can only marginally influence the growth, deformation and death of civilization, because it does not have tools to enforce its values.

The benefits of civilization are many. On the one hand, urbanization permits greater inventiveness, leading to economic, scientific, technological and medical progress, and improving the quality of life. At the same time, legal and political achievements can enhance human life and protect it, by introducing social order and pacifying internal tensions – providing cultural principles are at work. This interaction of culture and civilization can be compared to the universality of laws of physics in the universe (e.g., gravitation) as an overall social order, and the chaos of individual atoms' motion as personal freedoms colliding with each other. Civilization, however – unlike culture – is territorial in the broadest senses of this word: intellectual, racial, religious, economic, political, scientific, technological, military, geographic, etc. This has always been a major human problem. The biblical story of the Garden of Eden presents an allegorical cultural caution against territoriality. Humans had a vast territory at their disposal, including immortality. The only restriction was the “forbidden fruit.” And yet, humans pushed against that border. This “expansion” had drastic consequences: suffering, painful birthing, sickness, hard labor and mortality. In human history the “forbidden fruits” have been reached for time and again by civilization, in an everlasting push forward by curiosity and economic gains, without realization of, or regard for, the consequences and cautions called for by culture.

The curiosity that drives science is morally and territorially neutral. However, the applied results of scientific investigations, mainly those of technology and especially including military applications and medicine, may or may not carry ethical implications. Civilization's push for ceaseless growth and immediate gratification is usually unable to foresee the far-reaching consequences of its actions. A case in point is the development of the atomic bomb. Our contemporary belated awakening to the importance of nature, ecology and the interrelations of systems and beings within the universe is an example of cultural and biological caution against the ceaseless growth and territorial expansion, inspired by civilization, that endangers life on Earth and may lead to global catastrophe. (On a regional scale, this was the case on Easter Island).

In the social realm, too, besides the above-mentioned benefits of civilization, territoriality has a negative impact. Cultural tools and institutions in the service of civilization, including moral principles and the customs and legal systems built upon them, can sometimes become idiosyncratic and territorial. In practice this means that universal principles of ethics cease their functionality beyond the borders of a given civilization, where they are violated. The biblical commandment “you shall not kill” apparently did not apply to the bloody and merciless conquest of Canaan, although both were the commandments of Yahweh. Throughout human

history, the phenomenon of head hunters, be they the aborigine Dayaks of Kalimantan (Borneo), or the “civilized” Christians exterminating North and South American Indians or Jews, or the all-too numerous genocides in Africa and aggressive wars all over the world – all these attest to the tragic consequences of the territoriality of civilization and its ethics. Direct or indirect economic and physical slavery and colonization were justified and condoned by civilizations, although these clearly violated the principles of culture. The rigid application of civilization’s standards, even in its less drastic but still dangerous forms, often leading to conflicts and militarism, translates into religious and national fundamentalism (sometimes confused with patriotism), as well as into destructive political philosophies including totalitarianism. Millions of people, in spite of their internal life-affirming cultures, are trapped without escape in civilization’s machinery, including the most obvious group: soldiers who subordinate own personality to the military structure and command. Tragically, conflicts are often “justified” by premises drawn from culture in order to give “civilized people” – the technocrat, the economist, the politician – the appearance of promoters of culture.

The above reflections indicate that culture and civilization must be distinguished from each other. *Culture* defends inalienable human rights, while *civilization* caters to human curiosity, and to social and material development and comfort. Technological (including military) progress cannot be contained by cultural factors (e.g., political decisions usually do not follow cultural principles) because culture has no enforcement tools. Civilization is vindictive, while culture is forgiving. Love, a cultural phenomenon, is possible only on an individual level; societies do not love: in the best case they only exercise justice. In conflict situations, culture calls for reconciliation while civilization for retribution. When civilizations are imposed by force, in violation of cultural principles – that is, without respect for human life, as in the case of any form of enslavement or colonization – sooner or later such civilizations are shrugged off by the cultural forces of the oppressed, among which is a need for individual freedom. Profound conflicts between culture and civilization have eventually led all civilizations to their death, either by means of internal contradictions or through military expansion beyond the possibility of administrative enforcement of its rule over an enslaved territory. This has been the fate of all civilizations with imperial ambitions.³ Historical processes which move humanity from the domination of cultural values toward the domination of civilization are cyclical: after the collapse of civilizations, societies rise like the Phoenix from its ashes, and reinvigorate their respect for cultural values. This is possible because when a civilization’s institutions become obsolete or discredited, cultural values retain their permanent human relevance, which is anchored in hu-

man nature, and which will lay the foundations for a nascent civilization. Unless these cyclical cataclysms are understood in the context of culture and civilization, they cannot be prevented. Culture calls for moderation; it attempts to contain territoriality within its proper borders. Therefore, the oppression of culture by civilization is the saddest phenomenon of humanity, but eventually it is self-destructive, because culture is the very basis for existence and coexistence. It cannot be eradicated, and in the final account is always victorious.

n o t e s

- Author is grateful to Glen Worthey for his substantial editorial contributions.
- ¹ Samuel P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, Simon & Schuster, 1997, p. 41. He also cites definitions of civilization by other authors.
- ² Peter Harriot, *Religious Fundamentalism: Global, Local and Personal*. London, Routledge, 2009.
- ³ The most recent examples of civilizations that have collapsed by violating cultural values are the Soviet, Nazi and British empires. The recent decline of respect for American civilization also flows from the violation of its cultural principles by economic and military abuses.

P. S.

РАННИЙ ФЛЕЙШМАН

(Remix)

Марья Розанова

– Ты знаешь, Маша, я влюбился, – сказал мне как-то Синявский, и я сжалась. Ну вот, начинается, вот и до меня дошел черед, и сделать ничего нельзя, только бы не задрожать подбородком, и сохранить лицо достойное и насмешливое, ибо если все прахом, что, кроме улыбки, может помочь и защитить...

– Бывает, – лениво ответила Марья Васильевна, разбирая привезенные из Риги подарки: и угря, и миноги, и цветы, среди зимы у нас в Москве невиданные. А уезжал Синявский на всего ничего: в феврале 1963 года ему предложили за одну неделю прочесть на филфаке рижского университета семестровый курс по русской поэзии XX века. Какие дамы? Где? Когда? – бьется в тесной печурке огонь, – если читать надо было и утром, и после обеда, и вечером тоже.

– Ты знаешь. Маша, у меня ребенок... – вот и конец, зачем, зачем вы посетили нас в глуши забытого селенья, и про горькое мученье тоже, и что же делать, но откуда? всего неделя?..

– Ты в этом уверен? – усмехнулась Марья Васильевна, озирая окрестности.

– Мой ребенок через неделю приедет в Москву. Ты его, пожалуйста, не обижай...

И вот на пороге хилое еврейское растение – длинное и тощее, сплошное ингеле, и сколько бы мне ни объясняли, что «ингеле» – это всего-навсего «мальчик» на языке идиш, и что не надо нагружать это слово дополнительным тоскливым смыслом, я все равно и совершенно точно знаю, что гонящийся во дворе футбольный мяч – это «мальчик», «пацан», «шпана», но не трепетное, жалкое, задохливое «ингеле», какой там футбол, ну в крайнем случае – скрипочка...

Завтракаем в стояке ресторана «Прага».

– Лазик! Рот надо открывать вот так! Шире! Еще шире. Теперь суйте туда сосиску. И перестаньте стесняться: ничего постыдного в этой акции нет. Это всего-навсего рот. А теперь отправляйте туда же кашу. Быстрее, еще быстрее! Смотрите: Синявский уже все съел Гречневую, гречневую, и без русофобии, пожалуйста, а то завтра на гарнир кислую капусту возь-

После лекции А.Д. Сиявского в Риге в 1962 г.

у здания филологического факультета на ул. Горького.

Слева направо: М. Румянцев, Г. Гайлит, неустановленные публикаторами лица, Л. Сидяков, З. Гильдина, Д. Ивлев, Т. Гринфельд, Н. Савинова, И. Карбанова, А. Иоффе, А. Сиявский, Е. Феодоров, Ю. Суворов, Е. Тоддес.

Фотография из собрания Ю.Л. Сидякова.

Заседание Пушкинского кружка.

Рига, Латвийский государственный университет. 1964 г.

Слева: Л.С. Сидяков. Напротив: Г. Гайлит (у шкафа), Е. Тоддес, Л. Флейшман, Р. Тименчик (Из собрания Ю.Л. Сидякова).

му, хуже будет... Кофием запивайте. Проглотили? Теперь снова сосиску. Лазик! Вы опять забыли открыть рот? Уф, наконец-то... Так вот, в романе «Доктор Живаго»...

– Маша, он уже все-все читал, это чорт знает что, но читал – это не все: он всего Пастернака и Мандельштама переписал и знаешь, каким мелким почерком... Я спросил у Лазика, когда он успел столько сделать, и он мне ответил, что когда проходил XX съезд, ему было почти 12 лет, и очень многие взгляды пришлось тогда пересмотреть...

Утром 8-го сентября 1965 года я сказала Синявскому: «Друг мой! Сегодня за завтраком (тот же стояк, те же сосиски...) мы разменяли последнюю десятку. Хорошо бы к вечеру одолжить что-нибудь до полочки». И это было последнее, что он от меня услышал, потому что через полчаса Андрея Донатовича Синявского арестовали, и я забыла про Лазаря Флейшмана из города Риги, как, впрочем, забыла про многое, не входившее в тревожную орбиту моей жизни: манная каша восьмимесячному Егору, допросы, передачи в тюрьму, адвокаты и прочее. И вдруг, где-то в конце сентября я получила заадресованный бисерными буквочками перевод на 20 рублей. Именно так Лазик дал знать, что он в курсе наших семейных приключений. И в конце октября пришел перевод. И в конце ноября. И в конце многих-многих других месяцев – сначала из нищенской университетской стипендии, а потом из жалкого библиотечного жалованья изымалась двадцатка и отправлялась на прокорм женщине и младенцу.

И говорить об этом я, в мирной жизни ругачка и драчунья, могу в интонациях только возвышенных, а еще лучше так: мне много дарили цветов и букетов, но больше всех дорогих даров... Действительно, больше: драгоценная эта морковь и сейчас со мной: в ящике стола, среди никому, кроме меня, не понятных предметов, – локон годовалого Егора, бабушкин молочный зуб, несколько записок от разных мужчин к разным женщинам, украденная в далекой юности зубочистка Вяземского Петра Андреевича, чья-то медаль (чья? матери? свекра?) «За победу над Германией», – полуполоном березовых дров лежат корешки денежных переводов. Много. На двадцать рублей каждый.

Впрочем, цветами наш Флейшман тоже не брезговал. Приезжает как-то в Москву, останавливается у меня на Пятницкой. Утренние проблемы: трехлетний Егор, манная каша, Синявский в лагере, молока нет. Прошу Лазика сбежать в молочную. Рядом. У ворот. Проходит десять минут – нет Лазика. Двадцать. Полчаса.

– Мама! А дядя Лазик за молоком в Ригу поехал? – искренне интересуется невинное дитя, и я закипаю. Где-то на сорок пятой минуте появляется Лазарь Флейшман с бутылкой молока и букетом цветов.

На рынке был, гневаюсь я, а мой гость, горе и несчастье мое, требует вазу под цветы.

– Лазик! Я не дама. Я рабочая лошадь. А лошадям цветы не подносят. И если вы осмелились сделать такое, то ставьте их куда хотите!

Минут через двадцать выхожу на кухню и вижу: стоит Лазик и сосредоточенно вкручивает букет в пустую молочную бутылку. Как штопор.

Однажды просит Лазик «что-нибудь почитать на ночь». И, трепеща, даю я ему не что-нибудь, а «В круге первом», красивое запретное заграничное издание, которое только что и весьма конспиративно получила через французское посольство. За утренним кофею, понизив голос (подслушки, подслушки!), спрашиваю: ну как? Нет, ответил мне гордый рижанин, я такое читать не могу. Это очень плохо написано. А я спорю, я не соглашаюсь, да и круговой ажиотаж притупил мою эстетическую бдительность. Но Лазик – кремень, а не Лазик – так и не стал читать.

Но вот однажды приехал Лазик, а единственный гостевой плацкарт моего дома уже кем-то занят. Что делать? И отправляю я нашего дорогого Лазика к любимой подруге Вилле Емельяновне Хаславской – искусствоведнице, архитектору-реставратору и заядлой путешественнице. У Хаславской двухкомнатная квартира, она одна, места много, Лазика уважает. Все вроде бы прекрасно сходится.

Утром возвращается Лазик с ночлега, личико белое, глазки остановились, ручки дрожат. Что случилось, думаю; как ночевали, спрашиваю. Прекрасно, отвечает, но я-то вижу, что что-то произошло. Я к Хаславской. Признавайтесь, кричу в телефон, где нашего ребенка обидели?

Да никто вашего ребенка не трогал, отвечает, просто постелила я ему в маленькой комнате, а одеяла свободного у меня нет, я и дала Лазикку спальный мешок. А вы же мои спальные мешки знаете: ни одного лишнего сантиметра, ни одного лишнего грамма – вот их принцип. Человек туда вникает, веревочку на шее затягивает, а дальше лежит абсолютным фараоном, одна голова торчит. Фасончик так и называется – «фараон». Ну, а утром заглянула я к Лазикку и вижу: лежит он, сердечный, весь напрягшись, одним глазом крутит: на подушке, вокруг его головы, разлеглась Ганя, а прямо на нем стоит Наталья Николаевна и второй глаз вылизывает.

Что я наделала! Как я могла, отправляя Лазика в тот дом, забыть, что командуют там две афганские борзые редкостной красоты и наглости – Аглая и Агафья, в просторечии – Ганя и Глаша, и Глашу эту за тонкость лица и незабвенные ушки-локоны иначе как знаменитейшим в русской словесности именем-отчеством не называют, ну точная ко-

пия с портрета Гау, и когда эти сестрички у Михалкова в «Дворянском гнезде» вместе с Беатой Тышкевич снимались, то сразу было видно, кто дворянин, а кто дворянка.

А наш ингле, брезгливое еврейское дитя, да еще от мамы доктора, это сколько же раз он слышал про микробов и что немедленно, потрогавши, надо вымыть руки. Ведь еще Синявский заметил, что погладивши украшение дома, спаниеля Осичку, Лазик тайным жестом, чтоб нас не обидеть, обтирал руку о заднюю брючину. А тут эта сука Наталья Николавна прямо в лицо как в собственное блюдечко!..

Все эти анекдоты про юность профессора Флейшмана вовсе не для смеха и поношения пишутся, на самом деле они отягчены смыслом: о доблестях, о подвигах, о славе, как сказал бы какой-нибудь поэт, – ибо все это рассказы о научной настырности, о верности, о служении, о самостоятельности мышления и о мужестве.

На сборнике стихов Михалкова, подаренном четырехлетнему Егору, рукой Лазика начертано: «Егорушка! Врага надо знать!», а на книге Л. Флейшмана о Пастернаке: «Маме и папе Синявским»...

* * *

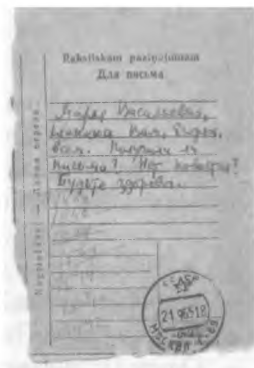
Все это было написано к пятидесятилетию профессора Флейшмана. Прошло 15 лет и... ничего не изменилось – та же научная настырность, и верность, и служение, и самостоятельность мышления, и мужество. Не сделать ли этот текст гимном? Представьте: Флейшману – 75, а мы поем про его филологическое детство, Флейшману уже 100, а мы не унимаемся...

А теперь публикация документов.

1.
Талон к почтовому переводу
На 20 руб. – к.
От кого Флейшмана Лазаря Соломоновича
Адрес Рига-Центр, ул. Ленина, 72, кв. 15а
Отправлено 19.09.1965

На обороте:
Марья Васильевна,
кланяюсь Вам, Егорке,
всем. Получили ли
письмо? Нет новостей?
Будьте здоровы.
Получено 21.09.1965

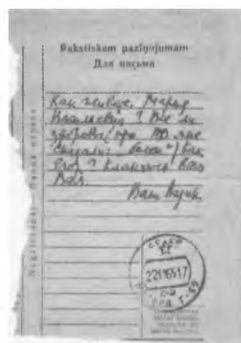

2.
Талон к почтовому переводу
На 20 руб. – к.
От кого Флейшмана Лазаря Соломоновича
Адрес Рига-Центр, ул. Ленина, 72, кв. 15^а

На обороте:
Как живете, Марья
Васильевна? Все ли
здоровы? (Про АД мне
сказали: "болен"). Как
Егор? Кланяюсь всем
Вам.

Ваш Лазик.
Получено 22.11.1965

Как продюсер этого издания я пользуюсь особой привилегией поблагодарить коллег, которые сердечно отозвались на моё предложение. Однако прежде всего я хочу выразить свою искреннюю признательность тем, без кого это издание не имело бы смысла:

- Аллу Устинову за то, что свело нас «всем расстояниям вопреки»;
- Марка и Петра Устиновых за непреклонную веру в их отца;
- Константина Поливанова за дружбу размером в двадцать лет;
- Ольгу Поливанову за бесконечную сердечность;
- Хью Маклейна за непременную помощь во время упаковки «Vademecum»¹а;
- О.П. Раевскую-Хьюз за абсолютную уверенность в осуществлении этого проекта;
- Роберта Хьюза за готовность «to strive, to seek, to find, and not to yield» (Lord Alfred Tennyson)*;
- Е.А. Кольчужкина за предоставленное право гнуть свою линию;
- М.В. Розанову за непреклонность продолжения;
- Бенгта Янгфельда, Е.Л. Ратинера и Ю.Л. Сидякова за замечательные фотографии из личных коллекций;
- Б.А. Равдина за рижскую память;
- Г.Г. Суперфина за правильно избранный вектор;
- А.А. Ильина-Томича за направление удара;
- Михаила Лемхина за портрет;
- Инну Разумову за идеальный рисунок;
- Лазаря Соломоновича за терпение.

В эпиграфе воспроизведён фрагмент текста «Salamandrina» Бликсы Баргельда с исключительного разрешения Blixa Bargeld Entertainment и Die Gestalten Verlag (Berlin). Позволю себе поблагодарить Роберта Клантена (Die Gestalten Verlag), Андрею Шмид (Blixa Bargeld Entertainment) и лично Бликсу Баргельда за симпатию к нашему начинанию, вопреки языковым или культурным барьерам, что в очередной раз доказывает их несущественность.

Спасибо всем!

*Андрей Устинов.
15 мая 2009 года.*

* «Бороться и искать, найти и не сдаваться» – Лорд Альфред Теннисон в переводе Вениамина Каверина.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Robert Hughes, Hugh McLean, Olga Raevsky Hughes.</i> Lazar Fleishman <i>sub specie slavisticae</i>	5
Александр Основат (Los Angeles / Москва). И еще одна маргиналия к переписке Чаадаева	8
Александр Долинин (Madison). Из газет: (К генезису замысла «Моцарта и Сальери»)	14
Екатерина Лямина (Москва). Из дневника петербургского чиновника 1820-х годов	20
Klaus Harer (Berlin). Из литературно-политической полемики конца 1830-х годов: Неопубликованная статья С.П. Шевырева и Н.А. Мельгунова против «Северной пчелы»	27
Александр Ильин-Томич (Москва). К истории эпистолярных отношений Ф.Ф. Вигеля: Часть 2.	40
Лев Соболев (Москва). Из переписки П.А. Вяземского и П.И. Бартенева: 3. Сюжет о Баратынском	59
Олег Лекманов (Москва). <Набросок к юбилейной заметке о Евгении Баратынском> Ивана Коневского	76
Клаус Харер (Берлин). Три уровня коммуникации в стихотворении М. Кузмина «Где слог найду, чтоб описать прогулку...»	80
Евгений Тоддес (Москва). К прочтению «Silentium'a»	89
Андрей Устинов (Сан-Франциско). Венецианский роман Владислава Ходасевича	92
Стефано Гардзонио (Firenze / Pisa). «Проблема Медного Всадника»: Доклад Михаила Лопатто	117
Анна Сергеева-Клятис, Сергей Смолицкий (Москва). Пометки Бориса Пастернака на рукописях Александра Штиха ...	133
Роман Тименчик (Jerusalem). Около акмеизма	168
Гаухар Дюсембаева (Jerusalem). «Уроки английского»	197
Евгений Сошкин (Modi'in). Хасидский след в «Степи»	199
Александр Лавров (Санкт-Петербург). Б.М. Эйхенбаум в литературной газете «Ирида»	201
Леонид Ливак (Toronto). К вопросу о влиянии русской эмиграции на общественное мнение межвоенной Франции: документы из архива Владимира Бурцева	214
Jean-Philippe Jaccard (Genève). Александр Туфанов, поэт-становлянин: традиции Хлебникова в заумной поэзии 1920-х гг.	232
Алексей Дмитренко (Санкт-Петербург). Мнимый Хармс	247

Ольга Раевская-Хьюз (<i>Berkeley</i>). «...я почти единственный рыцарь»: Письма Л.А. Зандера к А.М. Ремизову	251
Андрей Устинов (<i>Сан-Франциско</i>). Борис Божнев до «Борьбы за несуществование»	273
Фёдор Поляков (<i>Wien</i>). Русский Берлин в архиве Рейнгольда фон Вальтера	291
Алексей Дмитренко, Александр Кобринский (<i>Санкт-Петербург</i>). Георгий Матвеев о Данииле Хармсе	307
<i>Manfred Schrub</i> (<i>Bochum / Köln</i>). Из истории журнала «Современные записки»: Вокруг болезни и кончины А.И. Гуковского	314
Михаил Гаспаров (<i>Москва</i>). Александр Ромм: Стихи 1926-1929 гг.	326
Роберт Хьюз (<i>Berkeley</i>). «... из этого ничего, кроме рыбьего хвоста, и не могло получиться»: Разговор З.Н. Гиппиус и П.П. Сувчинского	340
Моника Спивак, Михаил Одесский (<i>Москва</i>). Стихование Андрея Белого между антропософией и советской идеологией ..	354
Александр Кобринский (<i>Санкт-Петербург</i>). «Читал Свистонов – писал Свистонов»: Ещё раз об источниках романа К. Вагинова ...	372
Николай Богомолов (<i>Москва</i>). «Подражания древним» Вл. Ходасевича	376
Татьяна Никольская (<i>Санкт-Петербург</i>). На смерть Андрея Белого: Письмо Григола Робакидзе Владиславу Ходасевичу	382
Мария Котова (<i>Москва</i>). Вычеркнутый балда, винегрет «по-сельвински», или волшебные преобразования Сашки Жарова (О купюрах в письмах А.П. Гайдара)	394
Николай Богомолов (<i>Москва</i>). Два пушкинских замысла В.Ф. Ходасевича	403
Олег Коростелёв (<i>Москва</i>). «Не будьте на меня в претензии...»: Письма Г.В. Адамовича М.В. Вишняку 1938–1968 гг.	418
<i>Piotr Mitzner</i> (<i>Warszawa</i>). Борис Пастернак в подполье	436
<i>Aivars Stranga</i> (<i>Riga</i>). Рига, 17 июня 1940 года	441
Борис Равдин (<i>Рига</i>). Памятка читателю газеты «Парижский Вестник»: 1942-1944	457
Владимир Хазан (<i>Jerusalem</i>). Вокруг Александра Гингера и Довида Кнута. (Три архивные заметки о русской парижской поэзии)	530
Бенгт Янгфельдт (<i>Stockholm</i>). «Остановись, прохожий!» Фрагменты из беллетризованных воспоминаний Л.Ю. Брик о Маяковском	560
<i>Ilya Gruen</i> (<i>Stanford</i>). Josephine Pasternak's «Epilogue to Safe Conduct»	572

<i>Михаил Эдельштейн (Москва)</i> . Письма А.А. Смирнова к А.А. Ахматовой (1954–1957)	580
<i>Евгений Пастернак, Елена Пастернак, Константин Поливанов, Мария Рашковская (Москва)</i> . Письмо Сергея Боброва к Жозефине и Лидии Пастернак: Еще раз к вопросу о Борисе Пастернаке и христианстве	594
<i>Мариэтта Чудакова (Москва)</i> . После утопии: Как мы писали и публиковали в советской печати 1960–80-х годов и как говорили об этом с властью (Материалы к теме «Тоталитаризм в России XX века»).....	609
<i>Майкл Вахтель (Princeton)</i> . История одного архива: (Штрихи к портрету юбиляра в юности)	635
<i>Hugh McLean (Berkeley)</i> . Roman Jakobson, A Memoir	642
<i>Татьяна Цивьян (Москва)</i> . «Какой-то город, явный с первых строк...» (Из «Петербургского архива» В.Н. Топорова).....	660
<i>Яков Клоц, Томас Венцлова (Yale, New Haven)</i> . «Дочь свободного литовского народа»: беседа Якова Клоца с Иной Вапшинскайте (с участием Рамунаса и Эли Катилюсов) 19 июля 2008 г.	666
<i>Eugene Ostashevsky (New York)</i> . Pirate Kuchelbecker	677
<i>Wojciech Zalewski (Stanford)</i> . Between Culture and Civilization.....	679

P. S.

<i>Марья Розанова (Fontenay-aux-Roses)</i> . Ранний Флейшман (Remix).....	686
---	-----

B12 Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. – М.: Водолей, 2010. – 696 с.

ISBN 978–5–91763–003–8

Сборник в честь авторитетнейшего историка русской литературы Лазаря Флейшмана составлен из материалов, посвященных сюжетам литературной жизни последних двух столетий. Значительная часть работ представляет публикации материалов, большая часть которых впервые вводится в научный контекст. Сборник богато иллюстрирован. Представляет интерес для историков, филологов и всех интересующихся историей русской культуры XIX–XX веков.

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)53

Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана

Научное издание

Технический редактор *А. Ильина*

Корректор *Н. Федотова*

Подписано в печать 14.04.10. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Палатино. Печать офсетная. Печ. л. 43,5. Заказ № 157

Издательство «Водолей». 127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
E-mail: agathon@rambler.ru

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Книги издательства «Водолей» можно приобрести в магазинах Москвы:

Галерея книги «НИНА» (ул. Бахрушина, 28)

Книжный магазин «Русское зарубежье» (ул. Радищевская, 2)

Книжная лавка при Лит. институте им А.М.Горького (Тверской б-р, 25)

Книжный магазин «Гилея» (Нахимовский пр-т, 51\21)

Книжный магазин «Фаланстер» (М. Гнездииковский пер., 12\27)

Оптовая торговля: ООО «КнАрт»

E-mail: knarttd@mail.ru тел. 8-916-119-67-20

